Н. Н. ПОЛЕТИКА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ОГИЗ СОЦЭКГИЗ

МОСКВА 1935

N. P. POLETIKA

THE ORIGINS OF THE WORLD WAR

THE STATE SOCIAL AND ECONOMIC PRESS
MOSCOW 1935 LENINGRAD

ВВ262
П717

Н. П. ПОЛЕТИКА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
И. ЕРУХИМОВИЧА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1935 ЛЕНИНГРАД

К.
П 10186
ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2009

Книга Н. П. Полетика «Возникновение мировой войны» на большом материале разоблачает работу империалистической дипломатии в июльские дни 1914 г. Автор анализирует дипломатическую подготовку империалистической войны Антантой и австро-германским блоком, характеризуя роль каждой из империалистических держав накануне войны и ее участие в развязывании империалистической бойни. Книга рассчитана на преподавателей, научных работников и учащихся, работающих по истории империализма.

ВВ262
17717

4В/35 152183

Редактор *Ан. Белкин* Тех. редактор *О. Прохорова*

Сдано в производство 1/II 1935 г. Подписано к печати 14/VII 1935 г.
Формат 62 × 94 1/16 45 1/2 п. л. 45 696 зн. в п. л. Огиз № 1426
Уполн. Главлита Б-1738 Тираж 7000 экз. Заказ № 4954
Цена книги 10 р. 50 к. Переплет 1 р.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ РЕДАКТОРА

Книга Н. П. Полетика — прежде всего книга фактов, тщательно подобранных и проверенных, насколько это позволяют опубликованные дипломатические документы и мемуары. Автор правильно указывает в своем предисловии, что он не намеревался и не пытался дать полную картину «тайны, в которой война рождается». Основная тема книги — так называемый «июльский кризис» 1914 г., иначе говоря, *момент возникновения войны* — разработана автором на основе большого количества дипломатических документов, опубликованных правительствами стран Антанты и Тройственного союза, и мемуаров буржуазных государственных деятелей. Особенно широко использована автором советская публикация документов из архивов царского и временного правительств («Международные отношения в эпоху империализма»). Большая часть указанных документов появляется на русском языке впервые. Документальность — такова главная ценность работы, предлагаемой читателю.

Причин войны автор касается лишь косвенно в той мере, в какой это необходимо, во-первых, для правильного освещения конкретного материала и, во-вторых, чтобы выяснить характер и цели войны, ее корни, предопределившие соответствующую расстановку сил на дипломатической арене, методы и средства развязывания войны обеими враждебными империалистскими коалициями. Особенный интерес и ценность представляют главы IV, VIII и IX. Деятельность австро-венгерской и германской империалистской дипломатии, освещенная автором путем тщательного анализа опубликованных германских и австрийских документов, очень многое объясняет в ходе и исходе июльского кризиса. Глава IX, которая рельефно обрисовывает тактику британского империализма в июльские дни 1914 г., бросает яркий свет на тактику *современной* британской дипломатии и значительно облегчает понимание *нынешней* зигзагообразной политики британского империализма.

В целом работа Н. П. Полетика безжалостно разоблачает очень много легенд, созданных буржуазными историками во время и в

особенности после войны, легенд, которые должны были обелить собственную буржуазию. Автор совершенно прав, когда указывает, что главная задача при этом для буржуазных историков заключается не в том только, чтобы оправдать господствующие классы своей страны за их политику в 1914 г., но и политически подготовить массы к предстоящим войнам. Эти легенды в основном преследуют ту цель, чтобы скрыть грабительский империалистский характер войны 1914—1918 гг. Автор приоткрывает завесу над святая святых империализма — его секретной дипломатией, и перед взором читателя вереницей проходят лица и господствующие классы, правительства и министры, подвизавшиеся на исторической сцене 20 с лишком лет назад, развязавшие войну в своих интересах.

В частности автор достаточно ярко и выпукло показал специфические черты агрессивности германского империализма, его лихорадочную работу по провоцированию войны. Автор наталкивался здесь на ряд практических трудностей. Как известно, германские империалисты скрывают наиболее ценные документы о деятельности военного и дипломатического аппаратов вильгельмовского правительства задолго до июльского кризиса и вплоть до 1 августа 1914 г. И все же главы II, IV и VIII создают достаточно яркую картину стараний германского империализма и его союзников развязать войну по своему варианту. Документы, которые даже были известны пять-шесть лет назад, получают ныне более правильное освещение и бросают новый свет на очень многие детали июльского кризиса именно в связи с *нынешней агрессивной реваншистской политикой германского империализма.* Вместе с тем работа Н. П. Полетика широко и полно освещает подготовку Антанты к войне и разоблачает немало легенд, созданных антантовскими историографами.

Эта часть работы автора встречала меньше трудностей, благодаря тому что в его распоряжении были документы из архивов царского и временного правительств. Публикация этих документов, предпринятая советским правительством имеет совершенно исключительную политическую и историческую ценность. Шаг за шагом советская публикация — единственное пока подлинно-научное и полное издание документов, относящихся к эпохе империализма, — разоблачает политику господствующих стран Антанты, а косвенно и тройственного союза. Именно этим разоблачениям мы обязаны тому, что буржуазные правительства ряда стран, стремясь оправдать и пытаясь защитить свой класс от разящих ударов советской публикации документов, были вынуждены приступить к изданию конечно тенденциозно подобранных документов, относящихся к эпохе, предшествовавшей войне 1914—1918 гг. Тем не менее кое-что эти документы поведали о политике соответствующих империалистических стран. Вполне определенную ценность имеет ряд мемуаров — полковника Хауза, Калвелла, Гетцендорфа, Черчилля, Ллойд Джорджа и др., — дополняющих дипломатические документы. К сожалению почти

весь этот огромный материал остался до сих пор недоступным для широких слоев советских читателей. А между тем именно сейчас первостепенное значение имеет самое широкое изучение всех деталей работы военно-дипломатического механизма империализма 20 лет назад.

Нечего и говорить о том, что именно в связи с усилившейся с приходом к власти германских фашистов военной опасностью изучение работы всего империалистского механизма в июльские дни 1914 г. имеет первостепенное значение — научное и практическое. Работа Н. П. Полетика при всех ее крупных недостатках несомненно поможет осветить ряд вопросов, имеющих сугубую политическую важность. В основном этот ряд вопросов сводится к стремлению германского фашизма наилучшим для себя образом политически подготовить новую бойню за передел мира, войну против Советского союза. В фашистской Германии как раз сейчас происходит подлинная оргия восхваления военных добродетелей вильгельмовского режима. На щит поднимаются наиболее известные и следовательно наиболее ненавистные трудящимся представители буржуазии, юнкерства, кайзеровского режима и генералитета. Вся идеологическая работа национал-социалистов внутри страны подчинена интересам подготовки войны. Все, что так или иначе связано с империалистской политикой Вильгельма II, с эпохой подготовки германского империализма к войне и с самой этой войной, воспевается как высшее проявление «германского разума», «германского мужества», «германской добродетели». *Именно поэтому крайне важно систематическое разоблачение всего того наследства, которое досталось гитлеровской Третьей империи от вильгельмовского периода истории германского империализма.* Это наследство является одним из главных источников, откуда фашистская диктатура черпает образы и силу для самой разнузданной шовинистической агитации, милитаристской пропаганды, пропаганды ненависти к другим народам, особенно народам, населяющим Советский союз, к «низшим расам», к которым фашистские штабные теоретики относят в первую очередь славянские народы. Соответствующие главы предлагаемой книги раскрывают истинное содержание этого империалистского наследства.

Наряду с этим материал, собранный в книге Н. П. Полетика, показывает, насколько велика и непроходима пропасть между внешней политикой империалистских держав и мирной политикой Советского союза. Чрезвычайно выпукло выявляется принципиальная разница между военными союзами империалистских стран и договорами о взаимной помощи, заключенными Советским союзом с Францией и Чехословакией. Союзы империалистских государств заключались и заключаются в целях захватнических, в целях раздела и передела территории и порабощения народов; договоры о взаимной помощи, заключаемые Советским союзом, — это оборонительное соглашение против агрессора. Эти договоры преследуют исключительно мирные цели,

заключаются СССР только в защиту мира и не направлены против какой-либо страны, которая заинтересована в укреплении всеобщей безопасности.

★

Работа Н. П. Полетика не свободна от весьма крупных недостатков. Если автор более или менее удовлетворительно справился с освещением работы империалистской дипломатии в июльские дни 1914 г., то значительно меньше ему удалось осветить обстановку в странах Антанты и Тройственного союза в тот период. Первая глава ни в какой степени не может претендовать на сколько-нибудь полное освещение корней мирового конфликта. Она очень схематична, излагает часто общеизвестный материал по этому вопросу. Чрезвычайно слабо обрисована также конкретная расстановка классовых сил в странах Антанты и Тройственного союза в июльские дни 1914 г. и совершенно недостаточно выявлена роль социал-демократии.

И. Ерухимович

ОТ АВТОРА

Выпуская в свет настоящее исследование о возникновении империалистической войны 1914—1918 гг., автор считает необходимым сделать несколько пояснений.

Первым и самым существенным из них является то, что задача охватить подготовку войны во всем ее многообразии не может быть разрешена в пределах одной монографии. Настоящее исследование ставит поэтому перед собой гораздо более скромную и узкую задачу: с одной стороны, показать июльский кризис 1914 г. как некоторый итог и узел большой многолетней предварительной подготовки к мировой войне, с другой — показать, какими методами и приемами империалисты «развязали» в июле 1914 г. мировую войну, стараясь при этом перебросить вину за ее возникновение на своих противников. Поэтому предшествовавшие июльскому кризису 1914 г. события, именно период 1898—1914 гг. и даже раньше, изложены лишь постольку, поскольку они необходимы для уяснения того, как обстояло конкретно дело с развязыванием войны в июле 1914 г. и «почему оно не могло обстоять иначе» (Ленин). Автор не ставил своей задачей систематический анализ событий 1898—1914 гг. и ограничился изложением материала, освещающего лишь подготовку и организацию военно-дипломатического механизма по развязыванию войны, который был пущен в ход в июле 1914 г. Это конечно значительно сузило содержание первых трех глав книги, в силу этого ни в какой степени не претендующих на полное и всестороннее освещение вопроса о подготовке войны, и соответственно обусловило структуру настоящего исследования, складывающегося из следующих трех основных частей:

1. *Главы I*, где дан анализ корней мирового конфликта в той мере, в какой они сделали неизбежным возникновение империалистической войны 1914—1918 гг. и поскольку они обусловили те методы и приемы, при помощи которых в условиях предвоенных империалистических группировок была развязана империалистическая война.

2. *Глав II* и *III*, где дан анализ вариантов военно-дипломатического механизма по развязыванию войны, разрабатывавшихся

в период 1905—1914 гг. австро-германским блоком и Антантой. При этом анализу варианта, разработанного Антантой, уделено гораздо больше места, чем анализу варианта австро-германского.

Главной причиной этой диспропорции является отсутствие достаточного количества опубликованных документальных и мемуарных данных относительно австро-германского плана развязывания войны. Многословная 39-томная послевоенная публикация германских дипломатических документов не приводит данных о переговорах германского и австрийского генеральных штабов в процессе подготовки войны, равно как и протоколов совещаний германского генерального штаба (сухопутного и морского) по этому вопросу. Германские мемуаристы — и это не случайно — за редкими исключениями начинают свои воспоминания лишь с 1 августа 1914 г. План Шлиффена опубликован лишь в самых общих чертах. Германскому империализму очевидно есть что скрывать, и это обстоятельство делает крайне трудным сколько-нибудь подробный анализ разработанного австро-германским блоком варианта развязывания войны.

3. *Глав IV—IX,* где излагается история борьбы Антанты и австро-германского блока в июле 1914 г. за развязывание войны по своему варианту и дана картина закулисной борьбы империалистов обоих враждебных лагерей.

Другой весьма существенной оговоркой является то, что лежащий в основе нашей работы материал, все равно документальный или мемуарный, сам по себе, в своей целеустремленности, весьма специфичен. Нечего говорить о научном беспристрастии и полноте изданных за границей документальных публикаций. Издатели в лучшем случае давали подборку ad hoc, имеющую задачей доказать тот или иной политический тезис, защитить ту или иную позицию «своей» буржуазии; мемуаристы старались либо оправдать, либо возвеличить самих себя и свой класс. Чаще всего и те и другие просто искажали документы, превращая их в фальшивки. Есть и просто издания фальшивок — многочисленные «цветные книги», изданные правительствами воюющих империалистических держав во время или после июльского конфликта.

Относительно этих книг каждый знающий эпоху и факты может лишь задать себе вопрос: что же в них, собственно говоря, не фальсифицировано?

Такими «документациями» автор старался пользоваться возможно меньше. Как может увидеть всякий прочитавший книгу, мемуарный материал даже преобладает над официальными документами. Главной причиной, заставлявшей автора иногда предпочитать мемуары последним, является то обстоятельство, что о наиболее острых и «скользких» вопросах империалисты предпочитают не говорить в официальных дипломатических документах. Мемуары часто более свободны и развязны в этом отношении, и того, что поведали миру английский фельдмаршал Вильсон, царский генерал Добророльский, сербский государственный деятель Люба Иованович, пока не найти в официальных публикациях.

Критическая проверка использованного в книге материала производилась либо путем сличения и сверки данных, идущих из различных по своему происхождению источников, либо путем анализа развития ситуаций, созданных теми или иными событиями и определявших принятие тех или иных решений и действий, которые в свою очередь создавали новые, уже качественно иные ситуации и т. д.

За недостатком места автор не пытался вскрыть и разоблачить все извращения и подтасовки, совершенные буржуазными историками и публицистами обоих империалистических лагерей. Критический разбор подобных извращений мог бы увеличить настоящее исследование во много раз и был поэтому невозможен. Тем не менее в ряде конкретных случаев наиболее ходкие «легенды» подверглись такому разбору.

В заключение автор считает своим долгом выразить искреннюю благодарность зам. председателя комиссии ЦИК СССР по изданию дипломатических документов царского и Временного правительств («Международные отношения в эпоху империализма») т. Я. А. Берзину, предоставившему автору возможность ознакомиться в корректурах с документами V тома «Международных отношений в эпоху империализма», т. И. Ерухимовичу, давшему автору ряд ценных советов и указаний, и Ю. П. Полетика, взявшему на себя литературную и техническую редакцию рукописи.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос о возникновении империалистической войны 1914—1918 гг., т. е. механизме ее организации и развязывания, является крайне актуальным и важным для широких кругов трудящихся, особенно в наши дни — в обстановке роста военной опасности.

Ленин не раз указывал на всю важность всестороннего разъяснения широким массам трудящихся вопроса о возникновении войны 1914—1918 гг. Он не раз подчеркивал при этом, что «самой большой трудностью является преодоление того предрассудка, что этот вопрос простой, ясный и сравнительно легкий». В 1922 г. в своих «Заметках по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге» Ленин со всей четкостью указал, что «надо объяснить людям реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается»... «Надо объяснить людям со всей конкретностью еще и еще раз, как обстояло дело во время последней войны и почему оно не могло обстоять иначе»[1].

Выяснение во всех деталях картины возникновения империалистической войны 1914—1918 гг. и военно-дипломатического механизма ее подготовки и организации может иметь огромное значение для трудящихся и притом не только СССР, но и всего мира.

Покойный М. Н. Покровский указывает, что «приемы империалистских зажигателей войн остались прежние» и что «механика их подготовительных действий в 1914 г. и ранее может служить для нас весьма полезным «предметным уроком»[2].

Война 1914—1918 гг. могла осуществиться потому, что империалистам, ее подготовившим, удалось при активном прямом содействии лидеров социал-демократии вовлечь в войну трудящихся, обмануть массы, провести соответствующую «мобилизацию сознания». Только благодаря успешной «мобилизации сознания» капиталисты смогли добиться и «мобилизации тел», т. е. погнать широкие массы трудящихся убивать друг друга во имя

---

[1] *Ленин*. Собр. соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 372.
[2] *М. Н. Покровский*. Империалистская война, ИКА, М. 1928 г., стр. 8.

интересов буржуазии и помещиков. Эта «мобилизация сознания» началась задолго до «мобилизации тел» и отразила в себе основные линии будущего империалистического конфликта. Вот почему для нас весьма существенно знать, «как ведется эта моральная подготовка к войне, как работает дипломатический механизм по развязыванию войны». «История — это политика, обращенная в прошлое», — говорил покойный М. Н. Покровский. Изучение этой «политики прошлого» позволит нам яснее судить о будущем.

Особенно важно изучение этого «предметного урока» империалистической войны 1914—1918 гг. в наши дни, когда капиталистический мир, вплотную подошедший к новому туру революций и войн, готовится к новой схватке за передел мира. «Усиление борьбы за внешние рынки, уничтожение последних остатков свободной торговли, запретительные таможенные пошлины, торговая война, война валют, демпинг и многие другие аналогичные мероприятия, демонстрирующие крайний *национализм* в экономической политике, обострили до крайности отношения между странами, создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну, как средство нового передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств»[1].

Передел мира ряд империалистических держав, в частности фашистская Германия и империалистическая Япония, хотел бы осуществить за счет СССР.

Основной задачей «позитивной» японской политики, сформулированной еще в 1927 г. в знаменитом меморандуме генерала Танака, является укрепление Японии на азиатском континенте и создание здесь тыловой базы для решающей схватки на Тихом океане за мировую гегемонию. Для этой цели японская военщина разработала план захвата последовательными этапами восточной половины азиатского материка. Захват Восточной Азии, постепенно осуществляемый японским империализмом под лозунгом азиатской доктрины Монроэ «Азия для азиатов», вернее, для японских империалистов, был начат созданием «Манчжоуго» и расширен нотой 17 апреля 1934 г., декларирующей притязания японского империализма на захват всего Китая.

В дальнейшем японский империализм, согласно меморандуму Танака, рассчитывает при помощи нападения на Советский союз захватить Приморье и Восточную Сибирь до Байкала, чтобы обеспечить себе тыл для войны с США.

«Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, [Зондского] Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы»[2].

Так обстоит дело с японским империализмом и его вожделениями.

---

[1] *И. Сталин*, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), «Вопросы ленинизма», изд. 10-е, стр. 544.

[2] *Н. Тереньтев*, Очаг войны на Дальнем Востоке, Партиздат, 1934 г., стр. 210

Германский фашизм готовится возобновить «вековой поход германцев на Восток», ставя своей задачей «укрепление континентальной мощи (Германии) при помощи захвата новой территории в Европе»[1]. Как открыто заявляет Гитлер: «Если хотят земель и территории в самой Европе, а это в общем и целом может иметь место лишь за счет России, то новая империя должна снова двинуться по пути рыцарского ордена, чтобы дать при помощи германского меча германскому плугу пашню, а народу хлеб насущный»[2].

«Необходимо уяснить, что эта цель может быть достигнута лишь в процессе борьбы, и спокойно и решительно иметь в виду вооруженную схватку»[3].

Понятно, что при подготовке новой мировой войны империалисты учитывают и широко используют уроки организации империалистической войны 1914—1918 гг., те методы и приемы, при помощи которых она была организована и развязана.

Поэтому и нам следует особо пристально и внимательно изучить механизм развязывания войны 1914—1918 гг. Конечно современность принципиально отлична от 1914 г.: после Октябрьской социалистической революции мир раскололся на две принципиально противоположные друг другу системы — социалистическую и капиталистическую. Растущая мощь Советского союза, его мирная политика, усиливающийся общий кризис капиталистической системы существенно изменили ход мировой политики и механизм подготовки всякой новой войны как против СССР, так и внутри капиталистического мира. Но наряду с новыми методами организации войны в подготовке последней применяются и старые методы 1914 г. Изучая развязывание войны 1914—1918 гг., мы в силу указанных выше причин одновременно изучаем и современность — методику организации и развязывания будущей войны.

Возврат к старым методам организации войны далеко не случаен. Он объясняется тем, что сейчас, как и в 1900—1914 гг., войну готовят империалисты. Отсюда понятно, что методика развязывания будущей войны будет во многом повторяться и совпадать с методикой развязывания империалистической войны 1914—1918 гг.

Это обстоятельство мы должны особенно подчеркнуть, так как многие буржуазные историки, в частности американский историк Фэй, пытаются изображать возникновение войны 1914—1918 гг. как какую-то трагическую, возникшую в результате «системы тайных союзов», случайность, которую «миролюбиво настроенные» и «не желающие войны» европейские государства оказались якобы не в состоянии предупредить.

---

[1] *A. Hitler*, Mein Kampf, Verlag Franz Eher Nachfolger, München 1932 (XVI Auflage), S. 689.

[2] Ibid., S. 153—154.

[3] Ibid., S. 153.

Такую точку зрения высказывают преимущественно историки-пацифисты либерального буржуазного лагеря.

Основной мотив всех их писаний — война возникла неожиданно, она была навязана тому или другому государству, которое было вынуждено принять участие в войне в силу того, что «на него напали», либо «повинуясь долгу чести», либо «исполняя священные обязательства союза» и т. д. Так возникла война — трагически случайная, непредвиденная, незакономерная, последовавшая из-за плохой организации международных сношений между государствами. Плохо, недостаточно четко и недостаточно добросовестно работала дипломатия, и это привело мир к войне, — такова философия истории либеральных исследователей причин войны 1914—1918 гг.

Эти утверждения являются нелепым вздором, рассчитанным на то, чтобы замазать вопрос об *истинных причинах* империалистической войны, скрыть ответственность империалистов за ее организацию, скрыть закономерность и неизбежность войн при капиталистической системе. Понятно, что буржуазные историки, выполняя заказ буржуазии, кровно заинтересованы в том, чтобы скрыть правду о планомерной организации войн империалистическими государствами, о грабительских целях войны 1914—1918 гг., о войне как методе обескровливания все более и более революционизирующегося рабочего класса.

Война 1914—1918 гг. не была случайностью и неожиданностью. Она была закономерной и давно подготовлялась империалистами. Она была неизбежностью, о которой в дипломатических канцеляриях и генеральных штабах империалистических держав говорили и которую подготовляли задолго до того, как она фактически разразилась. «Война, — указывает Ленин, — не случайность, не «грех», как думают христианские попы (проповедующие патриотизм, гуманность и мир не хуже оппортунистов), а неизбежная ступень капитализма, столь же законная форма *капиталистической* жизни, как и мир»[1].

Учение Ленина, ленинская теория империализма, сформулированный Лениным и дальше разработанный Сталиным закон неравномерного развития капитализма дают ясный и исчерпывающий ответ на вопрос о причинах империалистических войн.

«Свободная торговля и мирная конкуренция, — указывал Ленин, — были возможны и необходимы, пока капитал мог беспрепятственно увеличивать колонии и захватывать в Африке и т. п. незанятые земли, причем концентрация капитала была еще слаба, монополистических предприятий, т. е. столь громадных, что они господствуют во *всей* данной отрасли промышленности, еще не было. Возникновение и рост таких монополистических предприятий... делает *невозможной* прежнюю свободную конкуренцию, вырывает почву из-под ног у нее, а раздел земного шара *заставляет*

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, стр. 70.

от мирного расширения перейти к вооруженной борьбе за *передел* колоний и сфер влияния»[1]. Смена «мирной» эпохи капитализма империалистической, как указывал Ленин, была основана на том, что «свободная конкуренция уступила место монополистическим союзам капиталистов, и на том, что весь земной мир поделен»[2].

Разрабатывая дальше учение Ленина, Сталин устанавливает, что неравномерность развития капитализма в эпоху домонополистической ступени его развития отличается от неравномерности развития капитализма при империализме. В период домонополистического капитализма «развитие капитализма шло более или менее плавно, более или менее эволюционно, и одни страны опережали другие в продолжение долгого периода времени без скачков и без обязательных военных столкновений мирового масштаба... Закон неравномерности развития в период империализма означает скачкообразное развитие одних стран в отношении других, быстрое оттеснение с мирового рынка одних стран другими, периодические переделы *уже поделенного мира* в порядке военных столкновений и военных катастроф, углубление и обострение конфликтов в лагере империализма, ослабление фронта мирового капитализма, возможность прорыва этого фронта пролетариями отдельных стран, возможность победы социализма в отдельных странах».

В эпоху империализма «ослабление разницы в уровне развития капиталистических стран и развитие нивелировки этих стран» усиливают неравномерность развития капитализма. «Именно потому, что отставшие страны ускоряют свое развитие и нивелируются с передовыми странами, — именно поэтому обостряется борьба за опережение одних стран другими, именно поэтому *создается возможность* для одних стран перегнать другие страны и вытеснить их из рынков, создавая тем самым предпосылки для военных столкновений, для ослабления мирового фронта капитализма, для прорыва этого фронта пролетариями различных капиталистических стран»[3].

В силу этого закона экономическое и политическое развитие капиталистических стран происходит неравномерно: «не так, чтобы один трест, одна отрасль в промышленности или одна страна шли все время впереди, а другие тресты или страны отставали последовательно одна за другой, — а скачкообразно, с перерывами в развитии одних стран и со скачками вперед в развитии других стран. При этом «вполне законное» стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью»[4].

---

[1] Там же, стр. 254.

[2] Там же.

[3] «Пути мировой революции», Стенографический отчет VII расширенного пленума ИККИ, т. II, Гиз, 1927 г., стр. 318.

[4] *Сталин*, Вопросы ленинизма, Партиздат, изд. 10-е, 1932 г., стр. 82.

Война 1914—1918 гг. является наглядным примером того, как «законные стремления» английского империализма, темпы развития которого отставали от темпов развития Германии, вызвали попытку оттеснить назад Германию, остановить ее хозяйственное и политическое развитие путем войны. С другой стороны, то, что Германия успешно обгоняла в начале XX в. хозяйственно и политически Англию, вызывало у германского империализма «законное» стремление обеспечить свое беспрепятственное развитие и еще более ускорить его темпы путем военного разгрома наиболее сильного конкурента — Англии.

Эпоха империализма, эпоха загнивающего монополистического капитализма усилила эти тенденции к перерастанию экономической конкуренции в военную борьбу. Неравномерность развития отдельных стран в эпоху империализма не только колоссально возрастает, но и достигает исключительной остроты.

«Империализм как монополистическая стадия капитализма в такой мере углубляет противоречия капитализма, что «мир» становится только передышкой для новых войн. Земная поверхность и ее экономические богатства... почти совершенно монополизированы немногими великими державами. Но неравномерное экономическое и политическое развитие отдельных стран снова и снова порождает необходимость передела мира. Этот последний в конечном счете может быть осуществлен не иначе, как посредством войны важнейших империалистических держав друг против друга. Вместе с тем эксплоатация сотен миллионов пролетариев и колониальных рабов может продолжаться только ценой кровопролитных угнетательских войн» [1].

Но если война — «неизбежный спутник капиталистической системы», если она вытекает из этой системы, то естественно, что «война есть продолжение политики иными (именно: насильственными) средствами». Это знаменитое изречение принадлежит одному из самых глубоких писателей по военным вопросам, Клаузевитцу. Марксисты справедливо считали всегда это положение теоретической основой взглядов на значение каждой данной войны. Маркс и Энгельс всегда именно с этой точки зрения смотрели на различные войны» [2].

Отсюда возникает вопрос — продолжением какой политики является война? Ленин дает на это следующий четкий ответ: «Той политики, которую вели господствующие классы воюющих держав задолго до войны. Мир есть продолжение *той же* политики, с *записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь *ускоряет* это развитие» [3].

Поэтому для понимания действительной сущности войны, ее

---

[1] «Тезисы VI конгресса Коминтерна», М. 1929, стр. 85.
[2] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 197.
[3] Ленин, т. XIX, стр. 50, также т. XIX, стр. 57. Курсив Ленина.

152183
ИМЭЛ ЦК ВКП(б)

характера, ее подготовки и маскировки перед широкими массами «надо изучить политику перед войной, политику, ведущую и приведшую к войне. Если политика была империалистская, т. е. защищающая интересы финансового капитала, грабящая и угнетающая колонии и чужие страны, то и война, вытекающая из этой политики, есть империалистская война. Если политика была национально-освободительная, т. е. выражавшая массовое движение против национального гнета, то война, вытекающая из такой политики, есть национально-освободительная война. Обыватель не понимает, что война есть «продолжение политики» и потому ограничивается тем, что-де «неприятель нападает», «неприятель вторгся в мою страну», не разбирая, *из-за* чего ведется война, *какими* классами, ради *какой* политической цели»[1].

Война 1914—1918 гг. была именно империалистической войной за передел мира и за подавление революционного движения, охватившего массы. Ее реакционный грабительски-угнетательский характер всплывает тотчас же наружу, как только заходит речь о том, из-за чего собственно шла война. Все разговоры буржуазных историков и публицистов о «нападении» и «обороне», о «долге чести», о «священных обязательствах союза» — это только попытки замазать перед трудящимися массами всего мира истинный характер войны.

«Действительная сущность современной войны, — писал Ленин, — заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д. Национальный элемент в австро-сербской войне имеет совершенно подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны. Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода войну»[2].

«Захват земель и покорение чужих наций, разорение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны»[3].

Значит ли это, что вопрос о непосредственных организаторах войны должен быть снят вовсе, как предлагал в свое время Е. В. Тарле, указывая, что «с чисто научной стороны положительно неинтересно, кто на секунду быстрее и кто медленнее

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 199. Курсив Ленина.
[2] Там же, т. XVIII, стр. 125.
[3] Там же, стр. 61.

успел выхватить кинжал и кто более ловко потом лгал и заметал следы».

С этим утверждением Е. В. Тарле мы конечно не можем согласиться. Мы уже видели, что не кто другой, как именно Ленин указывал на исключительную важность изучения всех подробностей войны 1914—1918 гг. и механизма ее возникновения, и знаем, почему он придавал такую важность этому вопросу.

Изучая причины возникновения войны и механизм ее развязывания, мы не можем пройти и мимо конкретных ее организаторов и виновников. Необходимо выяснить действительную роль в организации войны руководителей империалистической политики в то время. Это вовсе не значит, что мы солидаризируемся с некоторыми буржуазными историками, пытающимися подобно американскому пацифисту Фэю объяснить происхождение войны 1914—1918 гг. «злой волей» того или иного политического деятеля, скажем Сазонова или Берхтольда, стремившихся вызвать войну и успевших в этом намерении, в то время как «светлые личности» вроде Грея и Бетман-Гольвега старались якобы предотвратить ее, но только «не успели» в своем намерении. Для нас *за каждой такой личностью скрывается класс,* который на каждом отрезке времени выдвигает к власти наиболее подходящих людей для выполнения стоящих в данный момент перед ним задач.

Нежелание учитывать роль отдельных личностей — выразителей интересов определенных классовых группировок — привело бы нас к своеобразному историческому кальвинизму, предопределению и фатуму, навязавшим войну, а именно к этому и сводится позиция Е. В. Тарле.

Оба выдвинутые нами положения не противоречат одно другому. То, что война есть неотъемлемое порождение капитализма, ничуть не снимает вопроса, какие капиталистические группировки в данный момент были наиболее заинтересованы в ее организации. В том-то и дело, что хотя война — неотъемлемое порождение капитализма, но в каждый данный момент внутри лагеря капиталистов имеются отдельные группировки, для которых война в этот момент более выгодна, в то время как для других группировок она в данный момент менее выгодна и даже нежелательна.

Поэтому, говоря о подготовке войны 1914—1918 гг., точнее о приемах ее развязывания, мы должны самым тщательным и пристальным образом всматриваться в расстановку сил внутри капиталистического лагеря. Только учет этих сил, учет тех классовых маневров, которые происходили накануне и в момент развязывания войны 1914—1918 гг., позволит нам выяснить роль каждой капиталистической группировки в организации войны, а следовательно и тот механизм, при помощи которого этой группировке удалось организовать и втянуть в войну массы трудящихся.

Выясняя методику организации войны 1914—1918 гг., необходимо прежде всего подчеркнуть, что *важнейшей и труднейшей задачей для империалистических организаторов войны была идеологическая подготовка широких масс.* Отсюда и понятно, какую исключительно важную для буржуазии роль сыграли социал-демократические вожди и как велика их ответственность перед трудящимися массами за прямое пособничество организаторам войны 1914—1918 гг.

Подготовляя войну 1914—1918 гг. в идеологическом отношении, буржуазия учитывала опасность и трудность мобилизации «под ружье» широких масс, хотя в 1914 г. эту задачу империалистам было разрешить несравненно легче, чем сейчас, когда мир расколот на две принципиально противоположные друг другу системы — мир капитализма и мир социализма — и когда политика мира, проводимая СССР, сильно затрудняет и осложняет подготовку и организацию новой империалистической войны. Но даже и в 1914 г., когда задача провести «мобилизацию сознания» была для капиталистов легче, чем сейчас, *и тогда она являлась самой тяжелой и ответственной задачей в процессе подготовки войны по сравнению с вопросами военно-политического, организационного и технического характера.* Понадобилось много лет, чтобы империалистические правительства смогли при помощи социал-демократии представить войну в глазах широких масс как необходимость, навязанную нападением извне, или придать ей вид борьбы за «святость» международных договоров, защиты «маленьких бедных невинных государств» и т. д.

Как можно видеть, методика организации войны 1914—1918 гг. и будущей войны империалистами отражает тот основной факт, о котором было указано выше, — она является методикой организации *империалистической* войны за передел мира, за грабеж и угнетение миллионов трудящихся и колониальных народов.

*

Вопросу о возникновении войны 1914—1918 гг. за границей посвящены сотни тысяч страниц. В некоторых странах (например в Германии) издаются даже специальные «научные» журналы, задачей которых является публикация статей и материалов только о возникновении и подготовке мировой войны. Между европейскими историками происходят настоящие битвы — пока, правда, не кровавого, а чернильно-словесного характера, причем каждое утверждение, каждая формулировка берется с бою и служит предметом ожесточенных споров.

Эта мышиная возня буржуазных историков развертывается больше всего вокруг вопроса об «ответственности» за мировую войну.

Спор этот тяжелый и долгий, и начался он отнюдь не с момента

заключения Версальского договора, который установил одностороннюю ответственность Германии за возникновение войны, но гораздо раньше.

Страстность этой псевдонаучной исторической полемики возрастает прямо пропорционально степени обострения противоречий и соответствует соотношению сил внутри капиталистического лагеря. Менялся только предлог для спора, но сущность его оставалась одной и той же. В моменты нарастания противоречий это был спор на тему о том, кто подготовляет войну, кто хочет напасть; в момент организации войны, когда механизм ее развязывания был пущен в ход, это был спор о том, кто «напал» и кто «обороняется»; в момент окончания войны и все послевоенное время это был спор о том, кто несет ответственность за возникновение войны.

Чем вызван этот спор? Почему он продолжается так долго? Почему вопрос этот вызывает все большую и большую страстность? Наконец почему этот спор, поднятый буржуазными историками, которые согласно их заверениям далеки от политики и служат интересам «чистой» науки, весьма щедро и широко финансируется правительствами стран-участниц войны, затрачивающими значительные средства на его поддержание и разжигание?

Прежде всего не может быть и речи о том, что спорящие имеют целью «объективно» осветить действительность и, хотя бы спустя много лет, воздать должное каждому из участников войны. Этот спор о том, кто начал и следовательно кто несет ответственность, где виновность каждого из участников, высчитывается с точностью чуть ли не грамма, вызван отнюдь не бескорыстной жаждой познать истину и восстановить наконец попранную справедливость. Ради этих целей буржуазные историки отнюдь не стали бы тратить так много времени, а правительства поддерживать их спор — затрачивать значительные средства на издание специальных журналов и публикацию различных документов о происхождении войны и на организацию исторических съездов и конференций по этому же вопросу. Что тут дело вовсе не в науке, говорит тот факт, что правительства капиталистических стран, охотно разжигая споры своих историков и затрачивая на это значительные средства, в то же время весьма неохотно публикуют документы предвоенной эпохи, а если и публикуют, то далеко не полно и с таким подбором, который говорит о чем угодно, но только не о желании раскрыть действительное положение вещей.

Особо стоит вопрос о «справедливости», во имя которой якобы и ведется спор между историками стран Антанты и историками стран Тройственного союза. Формально он касался вопроса об ответственности за мировую войну, точнее о статье 231 Версальского мирного договора, установившей, что Германия и ее союзники являются единственными виновниками войны 1914—1918 гг. и ее зачинщиками.

Согласно статье 231 «союзные и объединившиеся правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и убытков, понесенных союзными и объединившимися правительствами и их гражданами *вследствие войны, которая им была навязана нападением Германии и ее союзников*»[1].

Германия, поставленная в Версале на колени, была вынуждена согласиться на включение этой статьи в договор и принять на себя вину со всеми ее последствиями. 23 июня 1919 г. германское правительство согласилось подписать договор, «уступая подавляющей силе и не отказываясь от своей точки зрения о неслыханной несправедливости мирных условий»[2].

Такова история возникновения этой статьи. Это одна из важнейших статей Версальского договора — на основании этой статьи Антанта вымогала у Германии репарации, на самом деле контрибуции, ссылаясь на то, что если Германия виновна в возникновении войны, то она обязана возместить союзникам понесенный ими от военных действий материальный ущерб.

Германские историки пытались доказать, что не одна Германия была зачинщицей, что в организации войны виноваты одинаково и даже еще больше, чем Германия, страны Антанты. Наоборот, историки Антанты защищают статью 231 Версальского мирного договора, утверждая, что Германия напала и потому является односторонней виновницей войны.

Таковы формально позиции спорящих, и весь спор как будто ведется в той плоскости, что если Германия не является односторонней виновницей войны, то следовательно она не должна платить никаких репараций. Именно так ставился вопрос, вернее, такое впечатление о нем хотели создать. Значит ли это однако, что, опровергнув тезис о своей односторонней ответственности в организации войны, Германия перестала бы платить репарации, а Антанта их получать? И значит ли это, что ожесточенный спор ведется исключительно с этой целью?

Ни в какой мере.

Нечего и говорить о том, что судьба репараций вовсе не зависела от того, на чьей стороне—историков Антанты или Тройственного союза — оказалась бы победа в этом споре. Об этом достаточно убедительно говорят факты. Спор этот продолжается и сейчас так же ожесточенно и резко, как и раньше, хотя уже три года Германия фактически не платит никаких репараций и, мало того, категорически отказалась их вообще платить.

«Чисто научный» спор, каким хотят его изобразить обе стороны, на самом деле вовсе не так безобиден и невинен, как кажется. *Он является особой формой подготовки к новой войне* и инструментом этой подготовки. Своеобразие этой формы обуслов-

---

[1] Курсив мой. — *Н. П.*

[2] «Версальский мирный договор», под ред. проф. Ю. В. Ключникова и А. В. Сабанина, изд. НКИД, М. 1925 г., стр. XII.

лено своеобразием той конкретной исторической обстановки, какая создалась сейчас. Мало того, это не только форма «мобилизации сознания» для будущей войны, но в некоторые моменты — реальная борьба, весьма четко отражающая в себе соотношение империалистических сил и основные линии борьбы империалистов на данном этапе. С другой стороны, в этой борьбе намечается военно-дипломатический механизм, посредством которого будет развязана предстоящая война за новый передел мира.

«Мир есть продолжение *той же*[1] политики, *с записью* тех изменений в отношении между силами противников, которые созданы военными действиями. Война сама по себе не изменяет того направления, в котором развивалась политика до войны, а лишь *ускоряет* это развитие»[2].

История возникновения вопроса об ответственности за войну и статьи 231 Версальского договора, порядок фиксации этой статьи в договоре, борьба, разыгравшаяся вокруг нее и длящаяся до наших дней, как нельзя лучше подтверждают этот тезис Ленина. Они и показывают, что этот спор историков не имеет ничего общего с наукой, а является одной из форм империалистической борьбы и что речь идет не только об ответственности и репарациях, а *о подготовке к новой войне*.

В зависимости от соотношения сил, от расстановки их в лагере империалистов эта борьба, облеченная в «чисто научный», «теоретический» спор историков, принимала на протяжении всего послеверсальского периода различные формы, но сущность ее — подготовка к новой войне как внутри капиталистической системы, так и против СССР — не менялась.

Проследим важнейшие моменты этой борьбы. Мы увидим, что спор историков представлял — на разных исторических этапах — различные направления политики империализма, отражая в связи с меняющейся конкретной международно-политической обстановкой все одну и ту же цель.

Первый этап этого спора наступил непосредственно после перемирия, еще до заключения Версальского договора. Германия была разоружена, и упоенные победой союзники торопились закрепить за собой юридические права на ограбление побежденного противника.

Характерной особенностью этого этапа было то, что все это происходило в момент революционизирования широких масс трудящихся, от которых следовало скрыть, что война была организована с чисто грабительскими целями. Солдатские бунты в армиях Антанты, являвшиеся отражением революционного движения в тылу, прозвучали грозным предостережением в тот момент, когда перед западноевропейским пролетариатом уже имелся пример русских рабочих и крестьян, по-своему покон-

---

[1] Империалистической.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 50, также стр. 57. Курсив Ленина.

чивших с империалистической бойней[1]. Именно поэтому, предпринимая грабеж побежденных, следовало скрыть сущность происходящего от трудящихся и отвлечь их негодование от отечественных виновников войны, переложив виновность с себя на противников.

Какое значение придавала Антанта статье 231, зафиксировавшей одностороннюю виновность Германии, показывает следующий факт. На Парижской мирной конференции, где союзники сговаривались о таких условиях мира, при помощи которых можно будет надолго обессилить и выбить с мировой арены Германию, была создана специальная комиссия, задачей которой было декларировать всему миру одностороннюю виновность Тройственного союза. Эта комиссия торжественно декларировала виновность Германии, и этот тезис не только вошел в договор (ст. 231), но с тех пор полностью и безоговорочно поддерживается победителями. Французское и английское правительства неизменно отказываются от обсуждения тезиса об односторонней виновности Германии, неоднократно подчеркивая, что все попытки официальной Германии поставить этот вопрос на пересмотр являются «вызовом» и «наглостью» и могут только ухудшить положение побежденных. Как выразился в 1921 г. Ллойд-Джордж, «ответственность Германии за войну будет рассматриваться союзниками как решенный вопрос» (chose jugée)[2].

Наоборот, побежденная империалистическая Германия, предвидя, что за «разбитые горшки» придется платить ей, сейчас же после заключения перемирия, еще до Версальского мира, приняла меры к уменьшению этих платежей, избрав орудием этого «вопрос об ответственности». Несмотря на разруху внутри страны, несмотря на гражданскую войну и тяжелое положение тогдашнего германского правительства, одним из первых шагов германской социал-демократии, которой буржуазия передала власть для подавления революции, была публикация документов о причинах войны. Цель при этом преследовалась двойная: с одной стороны, надо было в порядке борьбы за «необидный мир» показать всем «нейтралам», что не одна Германия виновата в организации войны, и тем самым склонить общественное мнение к более легким условиям мира на предстоящей конференции; с другой стороны, надо было доказать трудящимся Германии, что ответственность за войну лежит не на германской буржуазии, а на императорском правительстве и юнкерстве. Какое значение придавали этой публикации, конечно неполной и тенденциозной по подбору, говорит тот факт, что к ней приложил руки не кто иной, как сам Каутский, этот идеолог и вождь социал-патриотов. Именно к этому времени относятся первые западноевропейские военные публикации до-

---

[1] О солдатских бунтах во Франции см. сб. «Революционное движение во французской армии в 1917 г.», Соцэкгиз, 1934 г.

[2] «Sammlung von Aktenstücken über die Verhandlungen auf der Konferenz zu London von 1 bis 7 März 1921», Berlin 1921, Reichsdruckerei, S. 153; также «Times», 5/III 1921.

кументов, предпринятые в Германии с целью мобилизовать общественное мнение.

Но публикации не помогли. *Дело было не в публикациях, а в реальной силе!* Германия же была бессильна. Вот почему эти публикации только вызвали негодование союзников, которые дали понять, что подобная «наглость» может только ухудшить положение Германии. Мало того, предвидя, что вопрос об ответственности будет и в дальнейшем использован германским империализмом как орудие борьбы, союзники постарались в условиях мирного договора затруднить публикацию. Так, в силу мирного договора в продолжение десяти лет после войны была запрещена публикация австро-венгерских документов.

Германские официальные круги учли урок своих первых публикаций. Соотношение сил было не в их пользу, и германские историки временно замолкли.

Через несколько лет положение резко меняется.

Все первые годы после заключения Версальского договора германская буржуазия использует для приведения в порядок «домашних» дел. С помощью социал-демократии и ее руками удается подавить и обессилить революционное движение, подавить в крови революционные восстания пролетариата. С помощью той же социал-демократии удалось переложить все издержки и тяжесть репараций на рабочий класс. Это выразилось не только в том, что под предлогом необходимости уплаты репараций рабочий день был увеличен на час — так немецкая буржуазия использовала репарации, чтобы грабить рабочих и направлять их ненависть против угнетателей, на противников германского империализма. Но помимо увеличения рабочего дня на «репарации» рабочий класс платил, где только можно. Он платил «репарации» и посредством инфляции, к которой правительство прибегло для обесценения марки и уменьшения ценности платежей. Он платил и посредством резкого вздорожания предметов первой необходимости, и путем «рационализации промышленности», и посредством особых налогов. Это было вдвойне выгодно для буржуазии. Дополнительным выигрышем было направление нарастающего протеста рабочих против тяжелых экономических послевоенных условий, созданных платежами репараций, на иностранную буржуазию, что давало предпосылку для нового разжигания шовинизма и обмана масс.

Значительно изменилось и внешнеполитическое положение Германии. Договор в Раппалло с СССР вывел Германию из состояния изоляции, разорвав созданный Антантой круг. С другой стороны, временное ослабление Германии после заключения Версальского договора выдвинуло другие конфликты, значительно расшатавшие фундамент Антанты. Англо-французские и англо-итальянские противоречия, итало-французские противоречия и конфликт на Балканах постепенно расшатывали здание блока, созданного для борьбы с Германией, и, поскольку некоторые участники коалиции, например Англия, достигли намеченных ими

целей, другим, например Франции, приходилось самим стоять на страже Версальского договора. Это ослабление Антанты было частично компенсировано Францией путем системы союзов с государствами на юго-востоке и на востоке Европы (Малая Антанта, Польша).

Словом, международное положение, соотношение сил, их расстановка после подписания Версальского договора начали меняться. Пока германский пролетариат задыхался под бременем репараций, германский империализм набирался сил. Искусно используя противоречия между странами-участницами Антанты, маневрируя, перекладывая тяжесть репараций и экономической разрухи, неизбежной после поражения, на рабочий класс, германский империализм окреп настолько, что через несколько лет победители вынуждены были принять Германию в Лигу наций с целью использовать аппарат Лиги для наилучшего обуздания Германии и использования ее как антисоветской силы (пан-европейский план Бриана).

Это была игра с заведомо фальшивыми картами, но Германия сознательно приняла участие в ней, выгадывая время в торгах и переторжках.

Пересмотр систем репарационных платежей — план Дауэса, план Юнга, Локарно, очищение Рейнской зоны и Рура и т. д. — все это звенья одной и той же цепи, линия использования Германией Лиги наций, борьба за лучшую расстановку сил.

Кончилась «пацифистская эра»; капиталистический мир вплотную подошел к новому туру революций и войн. Резко обострились внешние и внутренние противоречия в лагере империализма; обострились противоречия и германского империализма. В области внутренней политики это привело к росту реакции, выразителем которой стала в конечном счете фашистская партия Гитлера. Социал-демократические лидеры сделали свое дело; они «успокоили» страну, залив ее кровью, и подготовили почву для установления фашистской диктатуры, предав ими же расколотый и ослабленный рабочий класс. Фашисты начали свой путь не случайно с лозунгами «ревизии Версаля» и «отмены репараций». Так как тяжесть репараций несли пролетариат и мелкая буржуазия, то протест против репараций мог обмануть и привлечь к лозунгам фашистов довольно широкие слои населения. Именно так и случилось, и Гитлеру удалось создать крупнейшую политическую партию в Германии, используя нарастание противоречий и рост недовольства масс, задыхающихся под бременем эксплоатации. После своего прихода к власти фашисты начинают бешено вооружаться, открыто подготовляя новую войну формально под лозунгом «ревизии Версаля», фактически во имя передела мира в пользу германского империализма.

Германия выходит из Лиги наций и приступает к подготовке войны. 16 марта 1935 г. она аннулирует военные статьи Версальского договора.

Германский империализм лихорадочно работает в течение

1933—1935 гг. над созданием колоссальных вооруженных сил, *чтобы снова начать борьбу за мировую гегемонию.*

«Германия либо должна стать мировой державой (Weltmacht), либо не существовать вовсе»[1], — заявляет Гитлер. Поэтому «*границы 1914 г. не означают для будущего германского народа решительно ничего... В них нет ни защиты прошлого, ни силы для будущего, они не имеют цены ни с военной, ни с хозяйственной точек зрения. Их возвращение только усыпит нас, и в чаду легкого успеха будут забыты дальнейшие цели*»[2]. К тому же требование о восстановлении границ 1914 г. возрождает блок бывших противников[3]. Гитлер выдвигает более широкие цели — реванш, разгром *нынешних* противников германского империализма *по-одиночке.*

«Германия и Франция во всех областях жизни являются полюсами, между которыми взаимопонимание (Verständigung) — иллюзия... Германия никогда не сможет вести политику дружбы с Францией. Мы вовсе не хотим любви этого мошенника-соседа»[4].

«Неумолимым, смертельным врагом германского народа есть и останется Франция»[5].

«Смертельный враг нашего народа — Франция... Поэтому мы должны пойти на всяческие жертвы, которые бы привели в конце концов к уничтожению французских притязаний на гегемонию в Европе. Всякая держава, считающая подобно нам непереносимыми притязания Франции на господство на континенте, является нашим естественным союзником. Никакой путь к такой державе не должен быть слишком тяжелым для нас, никакой отказ неприемлемым, если только конечный результат сулит возможность повергнуть в прах нашего наиболее злобного противника»[6].

Не менее, чем разгром французского конкурента, нужны германскому империализму и колонии, судя по следующим истерическим выкрикам Гитлера в его лейб-газете: «Долго ли мы еще будем терпеть, пока последняя мандатная территория из ограбленной у нас колониальной империи будет аннексирована вражеским блоком»[7].

Гитлеровское правительство вместе с тем стремится нейтрализовать Англию, опираясь на определенные антисоветские группировки английской буржуазии. Увеличить территорию Германии, по мнению Гитлера, сейчас возможно на востоке Европы и только в том случае, если удастся заручиться согласием Англии на эту операцию. Для этой цели Гитлер, как было указано выше, увещевает своих сторонников не щадить никаких жертв. Союз

---

[1] *A. Hitler,* op. cit., S. 742.
[2] Ibid., S. 738—740.
[3] Ibid., S. 737.
[4] *A. Hitler,* в «Angriff», 1931, № 186.
[5] *A. Hitler,* op. cit., S. 699.
[6] Ibid., S. 757.
[7] «Völkischer Beobachter», 14/X 1930.

с Англией согласно его расчетам сделает Францию бессильной и «даст Германии возможность предпринять совершенно свободно (in aller Ruhe) все приготовления, которые могут быть предприняты в рамках этой коалиции для сведения счетов с Францией тем или другим образом»[1].

И Гитлер тут же разъясняет все выгоды такой тактики.

1) «Смертельный враг нашего народа — Франция — окажется в изоляции»;

2) «Германия одним ударом будет освобождена из своего неблагоприятного стратегического положения. Самая мощная защита с фланга, полное обеспечение продуктами питания и сырьем были бы благодетельным действием новой перегруппировки держав»;

3) «будет обеспечена широкая техническая помощь Англии, одного из наиболее развитых в индустриальном отношении государств»[2].

Германский империализм рассматривает экспансию на восток Европы лишь как временную подготовительную задачу, разрешение которой позволило бы накопить силы для другой, более важной и серьезной задачи — для новой борьбы за мировую гегемонию. Как ни поносит Гитлер и его клика вильгельмовскую дипломатию за то, что она не сумела предупредить англо-германский конфликт, не сумела договориться с Англией по вопросу о рынках и колониях, но все же претензии германского империализма на мировую гегемонию, рынки и передел колоний снова должны будут поставить германский империализм лицом к лицу с английским. Осуждение «ошибок Вильгельма», чем сейчас занялись немецкие историки, — лишь *тактический маневр* с целью успокоить Англию и с ее согласия установить гегемонию германского фашизма на европейском континенте. Эта тактика вызвана желанием избегнуть войны на два фронта.

Как заявляет один из фашистских специалистов по внешней политике К. Мегерле, «*нельзя конечно сразу драться со всеми*, но даже в том случае, если по соображениям тактики нужно пока отказаться от некоторых требований, этот отказ не должен носить окончательного характера». Мегерле буквально предвосхищает все последующие речи Гитлера, когда пишет далее: «*Мы должны будем говорить таким языком, который поняли бы другие народы, и этот язык будет пока попрежнему взят из лексикона прогресса, либерализма, демократии, пацифизма*»[3].

Одновременно остается в полной силе линия на борьбу за мировую гегемонию, на разгром Франции и ослабление Англии.

«*Германия освободится не раньше того момента, когда первый батальон германских гренадеров перейдет через Рейн*»[4].

---

[1] *A. Hitler*, op. cit., S. 75.

[2] Ibid., S. 755—757.

[3] *К. Мегерле* в статье «Чего мы ожидаем от национал-социалистов во внешнеполитическом отношении», см. Сборник под редакцией *А. Э. Гюнтер* «Чего мы ожидаем от национал-социалистов», Гейльброн 1932 г.

[4] Из речи депутата рейхстага Вагнер-Бохума в Гильдбургхаузене.

Спор об ответственности за мировую войну отражает все эти этапы эволюции германского послевоенного империализма.

Мы уже указывали выше, что в первые годы после заключения Версальского договора вопрос об ответственности был временно снят с повестки дня ввиду невыгодного соотношения сил. Эти годы германская историческая наука посвятила собиранию и подготовке различных материалов, частично публикуемых, а *частично приберегаемых* до наступления подходящего времени.

Исторический спор обострился значительно позже. Через несколько лет после заключения Версальского договора германский империализм, использовав противоречия в лагере Антанты и свое более прочное внутриполитическое положение, поднял вопрос о «ревизии Версаля», а на самом деле о новом переделе мира. Именно в эти годы — 1925 — 1926 — заканчиваются печатанием большие и тенденциозные по подбору материалов публикации исторических документов, предпринятые германским правительством.

Предпринимая публикации, ни само германское правительство, ни его историки никоим образом не рассчитывали на то, что если бы даже удалось юридически доказать одинаковую виновность всех стран-участниц войны в ее возникновении, то это приведет к каким-нибудь реальным политическим последствиям вроде согласия Антанты на пересмотр Версальского договора. Подобные вопросы решаются не спором историков, но реальным соотношением сил. Задачи исторического спора, в который германская «школа ревизионистов» постаралась втянуть возможно большее количество ученых — представителей нейтральных стран, были более скромны. *Спор должен был мобилизовать сознание германских рабочих и трудящихся против держав Антанты, добиться их готовности бороться с оружием в руках в тот момент, который германский империализм сочтет благоприятным для осуществления своих притязаний путем новой войны.*

Публикации германских документов сделали свое дело не только внутри самой Германии, но имели и внешнеполитический эффект. Историки Антанты не остались в долгу: они подняли брошенную перчатку, чтобы рассеять впечатление от публикаций и обосновать «право» стран Антанты на будущую войну.

Третий период этого спора историков, охватывающий время от кануна выхода Германии из Лиги наций до наших дней, отражает поворот внешней политики германского империализма, который был отмечен приходом к власти фашизма и ускоренной подготовкой войны. Задача мобилизации широких масс на новую войну под лозунгом «возрождения Германии» требовала иных форм и методов политической подготовки войны. Вот почему Гитлером дана последнему съезду германских историков официальная установка использовать вопрос об ответственности *в качестве одной из форм пропаганды в заграничной печати* и заняться разоблачением «вины» и «ошибок» руководящих деятелей вильгельмовской эпохи, *упустивших в период 1904—1914 гг. удоб-*

ный момент, чтобы развязать войну в наиболее выгодной для германского империализма ситуации. Эта установка Гитлера разоблачает всю крючкотворную работу германской «школы» ревизионистов под руководством А. Вегерера, Монжела[1] по обелению германского империализма за провоцирование войны 1914—1918 гг. и показывает, какую в сущности ценность имеют их «труды».

Так обстоит вопрос со спором историков об «ответственности за мировую войну». Он прикрывает собой требование нового передела мира, который германский империализм намерен осуществить силой. Конечно Версальский мир — грабительский мир, но тот мир, который на месте Версальского установил бы германский фашизм, был бы не менее, если не более, грабительским. «*Лозунг ревизии мирных договоров есть лозунг передела мира в ущерб одного империалистического лагеря в пользу другого... Слово «ревизия» является только другим названием новой мировой войны.* Нет поэтому ничего удивительного, что одно из основных требований ревизионистов есть требование права на те вооружения, которые им запрещает Версальский договор. *Дискуссия о ревизии является дымовой завесой, за которой империализм готовит самую страшную, самую жестокую войну*»[2].

Подлинную ревизию Версальского договора осуществит международный пролетариат. Только он один, свергнув капиталистические правительства и передав всю власть советам, установит настоящий, справедливый, не Версальский мир.

С этой и только с этой точки зрения мы должны подходить к тому историческому спору по вопросу об ответственности, который уже около 15 лет ведется между историками Антанты и Германии. Мы должны помнить, что он является дымовой завесой подготовляемой империалистами борьбы за новый передел мира. В этом споре нет ничего общего с подлинной наукой. Его ведут империалисты для прикрытия своих империалистических целей. Это и предопределяет наше отношение к историческим публикациям буржуазных стран. Хотя отдельные факты, сообщаемые в этих публикациях, несомненно верны, *но подбор их, их комментарий, их целенаправленность таковы, что делают громадные многотомные публикации самой величайшей фальсификацией, которую когда-либо знал мир. Разоблачить эти фальсификации, раскрыть перед трудящимися их тенденциозность, их, ничего не имеющие общего с наукой цели, а именно мобилизацию сознания для предстоящей мобилизации тел,* — одна из задач нашей книги.

★

В настоящей работе изложен детально лишь материал, относящийся к дипломатической «организационной» подготовке войны

---

[1] И других представителей германского империализма, делегированных в историческую науку.

[2] См. «Правда» от 10 мая 1933 г.

1914—1918 гг. Эта сторона проблемы является по вполне понятным причинам наименее освещенной работами буржуазных историков, стремящихся, как мы указывали, извратить, скрыть причины возникновения войны 1914—1918 гг., равно как и наиболее интересной и актуальной в настоящий момент для широких масс нашего Союза. О других сторонах подготовки войны 1914—1918 гг. мы говорим более или менее бегло и вскользь в первой главе и то лишь постольку, поскольку этот материал может помочь читателям уяснить специфику организационной подготовки и развязывания войны 1914—1918 гг.

СПИСОК ВАЖНЕЙШЕЙ ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАИБОЛЕЕ ЧАСТО ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ СОКРАЩЕНИЙ

При составлении настоящей работы мы опирались в первую очередь на следующие документации.

1. «Die grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Sammlung der Akten des Deutshen Auswärtigen Amts». Bände I — XXXIX, Berlin 1922—1927.

Эта официальная публикация германских дипломатических документов предвоенной эпохи далеко не полна. Она представляет подборку переписки германских дипломатических агентов за границей с германским министерством иностранных дел, отдельных инструкций Вильгельма рейхсканцлерам и министерству иностранных дел. Давая довольно полное представление об основных тенденциях внешней политики германского империализма в период 1871—1914 гг., эта публикация почти совершенно обходит молчанием вопросы организационной подготовки к войне, сосредоточенные в руках германского генерального штаба. Отсутствие в этой публикации протоколов совещаний начальников германского и австрийского генеральных штабов, руководителей военного и морского ведомств о планах войны не позволяет изложить картину подготовки австро-германским блоком наиболее выгодного для себя варианта развязывания войны с такой же полнотой, с какой может быть изложен (благодаря советским публикациям) вариант, разработанный Антантой.

В ссылках мы обозначали название издания сокращенно «Grosse Politik», римскими цифрами — том издания, арабскими с указанием № — порядковый для всей документации номер документа (всего в публикации напечатано около 16 000 документов), арабскими с пометкой «стр.» — страницы каждого тома.

Так например ссылка «Grosse Politik», B. XX/2, № 6860 означает: «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», том двадцатый, второй полутом, документ № 6860.

Ссылка «Grosse Politik», B. XXI, 353 означает: «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914», том двадцать первый, страница 353 этого тома.

2. «British Documents on the Origins of the War 1898—1914». Edited by G. P. and Harold Temperlev, vol. I—VII, XI, London. His Majesty's Stationary Office, 1926—1932.

Британская публикация дипломатических документов предвоенной эпохи подобно германской страдает отсутствием документов об организационной подготовке к войне, вопросы которой были сосредоточены в «Комитете имперской защиты». Печатаемые отдельные документы о том, что происходило в недрах Комитета имперской защиты, имеют отрывочный, случайный характер. Переписка Foreign Office Gooch (английского министерства иностранных дел) со своими агентами за границей отражает главным образом технику реализации принятых в Комитете имперской защиты решений, так что многие документы этой дипломатической переписки непонятны и даже могут ввести исследователя в заблуждение, если брать их без учета мемуарной литературы. Весьма интересны опубликованные к важнейшим документам комментарии руководящих чиновников Foreign Office

Эйр Кроу, Артура Никольсона, Чарльза Гардинжа, Тирреля и др., а также бывшего в течение продолжительного времени руководителем внешней политики Англии сэра Эдуарда Грея. Опубликование этих комментариев, как известно, вызвало несколько протестов сэра Эдуарда Грея в английской печати. Крайне недостаточно представлен также документальный материал военного министерства и адмиралтейства (морского министерства).

В ссылках на это издание мы обозначали название публикации буквами BD, римскими цифрами — том издания, арабскими со значком № — порядковый номер документа для каждого тома, арабскими с указанием р. или стр. — страницу данного тома.

Так например ссылка BD, III, № 221, 221/а и примечание на стр. 186 означает: „British Documents on the Origins of the War 1899 — 1914" том третий, документы третьего тома № 221 и 221а, приложение а и примечание на стр. 186 третьего тома.

3. „Oesterreich-Ungarn Aussen Politik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Oesterreichisch-Ungarischen Ministeriums des Aussern", Bände I—VIII—IX, Register Band, Oesterreichischer Bundesverlag, Wien und Leipzig 1930.

Австрийская публикация дипломатических документов предвоенной эпохи включает кроме переписки австро-венгерского министерства иностранных дел со своими агентами за границей также и протоколы некоторых заседаний объединенного совета министров и некоторые, хотя далеко не все, докладные записки начальника генерального штаба, министерства финансов и т. д. Крупными недостатками этой публикации являются отсутствие документов о переговорах начальников австрийского и германского генеральных штабов и подборка документов, освещающих события большой европейской политики, главным образом в связи с развитием ситуации на Балканах, что придает всей публикации сравнительно узкий и целевой характер. Всего в публикации напечатано и притом не всегда полностью, свыше 11 200 документов, из которых последние относятся к 1 августа 1914 г.

В ссылках на это издание мы обозначали название публикации буквами OUAP, римскими цифрами — том издания, арабскими со значком № — порядковый для всей публикации номер документа.

Так например ссылка OUAP, VIII, № 10793 означает: „Oesterreich-Ungarn Aussen Politik 1908—1914", том восьмой, документ № 10793 (порядковый номер по отношению ко всей публикации).

4. „Documents Diplomatiques Français 1871 — 1914", Ministère des Affaires Etrangères, Commission de publication des Documents relatifs aux origines de la guerre de 1914, Imprimerie Nationale.

Французская публикация дипломатических документов предвоенной эпохи кроме общих недостатков, характерных для германской, австрийской и английской публикаций, а именно отсутствия данных о подготовке войны в организационном отношении (протоколы заседаний совета министров и внутриведомственная переписка по вопросам подготовки к войне), отличается крайней сдержанностью. Как правило, печатаются не телеграммы послов, а депеши, приходившие обычно после того, как решение правительства по тому или иному вопросу было уже принято на основе соответствующих телеграфных сообщений. Крайне слабо представлены в публикации донесения французских военных агентов за границей, в особенности из Петербурга.

Публикация томов ведется по трем сериям, охватывающим документы следующих периодов:

1) первая серия—1871—1900 гг.; 2) вторая серия — период 1901—1911 гг.; 3) третья серия — период 1911—1914 гг.

В ссылках на это издание мы обозначали название публикации буквами DDF, римскими цифрами — том издания по каждой из трех серий публикации, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа для каждого тома.

Так например ссылка DDF, III Série, v. III, № 207 означает: „Documents Diplomatiques Français 1871—1914", третья серия (период 1911—1914), том третий, документ № 207 третьего тома.

5 „Международные отношения в эпоху империализма". Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917. гг., серия I I, 1914—1917 гг.,

Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под председательством М. Н. Покровского, Государственное социально-экономическое издательство, Москва/Ленинград 1931—1935 гг.

Научная ценность этой публикации, печатающей документы царских архивов без всяких оговорок или утайки, огромна и не требует особых комментариев. Это единственное пока полное издание документов, охватывающих огромную эпоху, является колоссальным вкладом в дело разоблачения империалистической политики так называемых „великих держав".

В ссылках на это издание мы обозначали название издания буквами: МОЭИ, римскими цифрами — том издания по третьей (пока печатающейся) серии, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа для данного тома.

Так например ссылка МОЭИ, IV (или V), № 146 означает: „Международные отношения в эпоху империализма 1878—1917 гг., третья серия (1914—1917 г.), том четвертый (пятый), документ № 146 четвертого (пятого) тома.

6. „Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch", Nach gemeinsamer Durchsicht mit Karl Kautsky herausgegeben von Graf Max Mongelas und Prof. Walter Schücking, Bände I—IV, Neue durchgesehene und vermehrte Ausgabe, Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1927.

Эта публикация документов, предпринятая в бурные дни германской революции 1919 г., представляет довольно подробную, хотя и не всегда полную, сводку документов, относящихся к июльскому кризису 1914 г. Документы июльского кризиса подобраны к тому же в соответствии с основной политической установкой германской социал-демократической партии в эти годы (1918—1919) — война была навязана Германии императорским режимом, т. е. Вильгельмом, князьями и прусским юнкерством, что смазывает ответственность крупной буржуазии и финансового капитала за войну.

В публикации отсутствуют между прочим протоколы совещаний Вильгельма с высшими руководителями военного и морского ведомств и рейхсканцлером в период 27 июля — 4 августа 1914 г. (о наличии этих совещаний встречаются скудные указания в мемуарной литературе). Кроме того, судя по жалобам германского посла в Лондоне Лихновского, редакторы публикации опустили ряд важных донесений Лихновского в июльские дни 1914 г. из Лондона. Эти донесения не были включены в состав документов публикации.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания буквами DD, арабскими цифрами со значком № — порядковый для всей публикации номер документа независимо от тома.

Так например ссылка DD, № 293 означает: „Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch 1914" документ № 293 (порядковый номер документа в публикации независимо от тома).

7. „Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914", Ergänzungen und Nachträge zum Oesterreichisch-Ungarischen Rotbuch, Bände I—III. Wien 1919, Staatsdruckerei.

Эта публикация дипломатических документов июльского кризиса 1914 г., предпринятая социал-демократическим правительством австрийской республики в 1919 г., преследовала цели, аналогичные германской публикации Каутского. Она более интересна, чем публикация Каутского, так как имеет своей задачей доказать, что форсирование войны с Сербией и провокация мировой войны проводились монархией Габсбургов в июле 1914 г. *с полного ведома и одобрения и даже под прямым нажимом Берлина.* Настоящая публикация ценна, несмотря на издание „Oesterreich-Ungarns Aussen-Politik 1908—1914", тем, что дает, правда далеко не полностью, переписку австро-венгерского министерства иностранных дел со своими агентами за границей вплоть до 27 августа 1914 г.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания буквами ORB, 1919, римскими цифрами — том публикации, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа для каждого тома.

Так например ссылка ORB, 1919, III, № 37 означает: „Oesterreichische Rotbuch 1919", том третий, документ № 37 третьего тома.

8. „Ministère des Affaires Etrangères, Documents diplomatiques, 1914, La Guerre européenne". Paris. Imprimerie Nationale, 1914.

Эта французская „Желтая книга, 1914 г." не является надежным источником, поскольку уже насчитано около 100 крупных и мелких подделок и искажений

в напечатанных в ней документах, не говоря уже о том, что важнейшие документы не вошли в этот сборник.

Ввиду этого обстоятельства мы избегали пользоваться материалом книги, делая ссылки только на те документы, которые совпадали в общих чертах с данными других публикаций или мемуарной литературы.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания сокращением F 1914, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа.

9. „Das Französische Gelbbuch von 1914. Berichtigter und durch die nachträglich bekannt gewordenen Dokumente ergänzter Wortlaut der Ersten Amtlichen Veröffentlichung der Französischen Regierung über den Kriegsausbruch", Berlin, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte, 1926.

Германское издание французской „Желтой книги 1914 г." дополнено опубликованными в других французских официальных изданиях и мемуарах документами и дает выправленный текст ряда фальсифицированных во французском издании 1914 г. документов.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания сокращением F 1926, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа.

10. „Collected Diplomatic Documents relating to the Outbreak ot the European War", Printed under authority of H. M. St. Office, London 1915, Part VI, Serbian Blue Book.

Сербская „Синяя книга 1914 г.", которой мы пользовались в английском переводе, является единственной публикацией сербских дипломатических документов, относящихся к июльскому кризису, предпринятой сербским правительством. Эта публикация столь же неполна и неточна, как и французская „Желтая книга 1914 г.", что заставляет пользоваться напечатанным в ней документальным материалом с чрезвычайной осторожностью.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания сокращением SBB, 1914, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа.

11. „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.", сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского российского министерства иностранных дел, НКИД, Москва, 1922 г.

Опубликованная М. Н. Покровским переписка Сазонова с царским послом в Париже Извольским приобрела мировую известность как один из важнейших и правдивейших источников для изучения вопроса о подготовке войны 1914—1918 гг. Кроме советского издания эта переписка была опубликована со значительными дополнениями во Франции Рене Маршаном, в Германии — Штиве. Французское издание „Un Livre Noir. Diplomatie d'avant-guerre d'après les documents des archives russes. Novembre 1910 — juillet 1914". Préface par René Marchand, Paris, Librairie de Travail, 1922—1925.

Германское издание „Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolski's 1911—1914. Aus dem Geheimakten der Russischen Staatsarchive". Im Auftrage des Deutschen Auswärtigen Amtes in deutscher Übertragung herausgegebn von Friedrich Stieve, Bände I—IV, Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte. Berlin 1924.

В ссылках на переписку Сазонов — Извольский мы пользовались главным образом советским изданием ее, обозначая название издания сокращенно „Материалы", арабскими цифрами с указанием „стр." страницы издания.

12. „*B. W. von Siebert*, Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre Walter de Gruyter Verlag, Berlin und Leipzig 1921. Английское издание „*B. von Siebert*, Entente Diplomacy and the World War, London 1924.

Опубликованные бывшим советником царского посольства в Лондоне Бенно фон Зибертом документы из дипломатической переписки царского посла в Лондоне графа Бенкендорфа с Сазоновым, несмотря на свою неполноту и отрывочность, представляют, по мнению иностранных историков, известную ценность.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания словом Siebert, арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа.

13. „Graf Benckendorff's Diplomatischer Schriftwechsel, herausgegeben von B. von Siebert. Neue stark vermehrte Auflage der Diplomatischen Aktenstücke zur Geschichte der Ententepolitik der Vorkriegsjahre. Bände I—II. Walter de Gruyter

Verlag, Berlin und Leipzig 1928. Расширенное издание дипломатической переписки Бенкендорф—Сазонов.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания сокращением „Graf Benckendorffs'Diplomatischer Schriftwechsel", арабскими цифрами со значком № — порядковый для всей публикации номер документа.

14. „Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch", herausgegeben von Dr. P. Dirr, Dritte erweiterte Auflage, Verlag R. Oldenburg, München und Berlin 1925.

Это издание отчетов баварских дипломатических агентов в Берлине, Вене, Париже дает довольно ценные, хотя далеко не полные материалы о тайных планах германского правительства в период июльского кризиса.

В ссылках на это издание мы обозначали название издания сокращением „Dirr", арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документа.

15. „Papers relating to the Foreign Relations of the United States", 1914, Supplement, The World War, vol. I—III, United States Government Printing Office. Washington 1928—1934.

Издание содержит переписку дипломатических агентов США за границей с государственным департаментом (министерством иностранных дел) США. В первом томе издания напечатан ряд интересных донесений американских дипломатических агентов, относящихся к июльскому кризису 1914 г.

В ссылках на использованный нами первый том этого издания мы обозначали название издания сокращением „Papers relating", арабскими цифрами со значком № — порядковый номер документов первого тома.

Помимо указанных публикаций документов нами использована мемуарная и научно-публицистическая литература.

Важнейшие ссылки на этого рода источники указаны в примечаниях к страницам книги, причем обычно первая ссылка указывает полное название источника, год и место издания.

Необходимо подчеркнуть, что недостаток места не позволил автору в огромном большинстве случаев дать ссылки на *все* имеющиеся источники, мемуарную и научно-публицистическую литературу. Подробное цитирование в ссылках и примечаниях всей имеющейся документально-мемуарной, а тем более научно-публицистической литературы привело бы к тому, что ссылочный библиографический материал занял бы большую часть каждой страницы и вызвал бы увеличение размеров настоящей книги по меньшей мере вдвое. Поэтому большинство библиографического материала пришлось опустить, как и опустить при ссылках на отдельные документы данные о том, кем, кому и по какому случаю этот документ написан.

В целях сбережения места были произведены сокращения и другого характера. Так например под часто встречающимися выражениями „Германия", „Франция", „Англия" и т. д. следует конечно понимать — германский империализм, французский империализм и т. д.; под выражениями „Вена", „Берлин", „Париж", „Лондон" и т. д. — „правящие круги австро-венгерского (германского, французского, английского и т. д.) империализма" или же „австро-венгерское (германское, французское, английское и т. д.) правительство".

Глава первая

КОРНИ МИРОВОГО КОНФЛИКТА

Возникновение империалистической войны 1914—1918 гг. в конечном счете было предопределено неравномерностью развития капитализма. В силу неравномерного развития капитализма «„вполне законное“ стремление отстающих стран сохранить старые позиции и столь же «законное» стремление заскочивших вперед стран захватить новые позиции ведут к тому, что военные столкновения империалистических стран являются неминуемой необходимостью. Так было, например, с Германией, которая полвека назад представляла, в сравнении с Францией и Англией, отсталую страну... Известно, однако, что уже в начале XX столетия Германия... успела обогнать Францию и стала теснить Англию на мировом рынке... Из этих противоречий и возникла, как известно, последняя империалистическая война»[1].

Действительно война 1914—1918 гг. была «порождена империалистскими отношениями между великими державами, т. е. борьбой за раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причем на первом месте стоят в этой войне *два* столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники.

Оба столкновения подготовлялись *всей* политикой этих держав за *несколько десятилетий*, предшествовавших войне. Англия воюет за то, чтобы ограбить колонии Германии и разорить своего главного конкурента, который бил ее беспощадно своей превосходной техникой, организацией, торговой энергией, бил и побил так, что без войны Англия *не могла* отстоять своего мирового господства. Германия воюет потому, что ее капиталисты считают себя... имеющими «священное» буржуазное право на мировое пер-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е Партиздат, 1932, стр. 83

венство в грабеже колоний и зависимых стран, в частности, воюет за подчинение себе Балканских стран и Турции. Россия воюет за Галицию, владеть которой ей надо в особенности для удушения украинского народа... за Армению и за Константинополь, затем тоже за подчинение Балканских стран»[1].

Эта оценка Лениным и Сталиным целей и причин войны 1914—1918 гг. является исчерпывающей. Более подробное рассмотрение корней мирового конфликта, даваемое нами ниже, лишь конкретизирует отдельные моменты, указанные Лениным.

Война 1914—1918 гг. была войной империалистических держав за передел мира, за более «справедливый» с точки зрения соотношения сил отдельных империалистических держав раздел колоний и связанную с ним монополию колониального грабежа и эксплоатации. Но «нельзя делить иначе, как „по силе". А сила изменяется с ходом экономического развития. После 1871 г. Германия усилилась раза в 3—4 быстрее, чем Англия и Франция. Япония — раз в 10 быстрее, чем Россия»[2]. Совершенно понятно поэтому, что неравномерность развития капитализма и обусловила возникновение империалистической войны как попытки передела мир «по силе», изменившейся с ходом экономического развития, равно как и позиции отдельных участников военного конфликта. Поэтому изложение вопросов организационной подготовки к войне необходимо начать именно с выяснения процесса неравномерного развития стран-участниц войны и обусловленного им накопления противоречий между ними.

*

Версальский (иначе Франкфуртский) мир 1871 г., закончивший франко-прусскую войну и объединение Германии, перекроил карту Европы. По образному выражению одного политического остроумца, «Европа потеряла хозяйку и приобрела хозяина». Этот хозяин — Германия, объединившая все „германские земли" на севере Центральной Европы в одну мощную монархию, — однако немало тревожился за свое будущее. «Нам придется вести борьбу в течение 50 лет, чтобы удержать то, что было захвачено в 2 года», — так оценивал международное положение Германии после войны 1870—1871 гг. Мольтке. Отсюда основной задачей политики Бисмарка в ближайшие годы было создание такого политического положения в Европе, «при котором все державы, кроме Франции, будут нуждаться в нас (в Германии. — *Н. П.*) и будут по возможности воздерживаться от коалиции против нас в силу их взаимных отношений»[3].

Этот «кошмар коалиций» владел Бисмарком до конца его жизни. Стремясь держать Европу в состоянии равновесия, он тем самым хотел сохранить положение Германии как хозяина на европейском континенте. Австро-германский союз, союз трех императоров, трой-

---

[1] *Ленин*, О сепаратном мире, Собр. соч., т. XIX, стр. 280—281. Курсив Ленина.
[2] *Ленин*, О лозунге Соединенных штатов Европы, Собр. соч., т. XVIII, стр. 232.
[3] „Grosse Politik", B. II, № 294, S. 153—154.

ственный союз, средиземноморское соглашение 1887 г., договор взаимной перестраховки — все это «жонглирование пятью шарами», по выражению Каприви, имело задачей обеспечить «saturiertes Deutschland» («сытой Германии») возможность экономического развития, перерастания Германии из аграрной страны в индустриальное государство в благоприятной обстановке.

К разрешению этой задачи и стремилась внешняя политика Бисмарка в эпоху 1870—1890 гг., политика страховки и перестраховки Германии от всех возможных неприятных случайностей и комбинаций.

Прежде всего было необходимо примирить с Германией Австрию, заставить ее отказаться от мысли о реванше. Союз с Австрией, с которой сравнительно бережно обошлись после разгрома в 1866 г., от которой не потребовали аннексий, стал основным принципом системы Бисмарка. Эта система, создавая Германии руководящее положение в Центральной Европе, вместе с тем обеспечивала самостоятельность германской политики, так как Австрия была слабейшей в союзе. Союз с царской Россией и только с ней одной, наоборот, поставил бы германскую политику в зависимость от царизма, поскольку ослабленная войной 1870—1871 гг. аграрная Германия была слабее аграрной России. Наиболее приемлемым разрешением вопроса явилась для Бисмарка «австро-германо-русская комбинация», обеспечивавшая Германию с востока от царской России и толкавшая Австрию к экспансии на Балканах в качестве застрельщика германского капитализма. Подталкивание царской России к агрессивной политике на Балканах в 1880 г. было для Бисмарка средством удержать ее в узде угрозой конфликта с Австрией. Участие же царской России в союзе парализовало антигерманские элементы в Австрии[1].

На западе основной задачей Бисмарка в период 1871—1888 гг. было поддержание добрососедских отношений с Англией и даже некоторая предупредительность по отношению к ней.

Благодаря всем этим мерам предосторожности во внешней политике сразу достигались три цели: 1) Германия была застрахована и перестрахована от возможной коалиции, направленной против нее; 2) Франция была изолирована в Европе: ее стремление к реваншу было парализовано; она вступила на путь дорого стоящих колониальных авантюр, где должна была столкнуться с Англией; 3) исключалась противогерманская коалиция с Запада. Эта система продолжала действовать по отношению к Востоку (царская Россия) до отставки Бисмарка и политики «нового курса» в 1890 г., а по отношению к Западу (Англия) — до отказа Германии в 1901 г. согласиться на английское предложение о союзе.

В таких условиях «сытая Германия» получила исключительно благоприятные возможности для своего экономического развития. Процесс индустриализации, начавшийся в тридцатых годах прош-

---

[1] „Grosse Politik", B. III, № 453; *Hohenlohe*, Denkwürdigkeiten, B. II, S. 202

лого столетия и сопровождавшийся постройкой железных дорог, привел к тому, что к 1870 г. Германия обогнала Францию по добыче угля, производству чугуна и стали, выйдя на третье место в мире по этим отраслям промышленности. Тем не менее «в разгаре самых своих блестящих военных успехов Германия 1870 г. считалась в Европе бедной страной и по своему богатству оставалась далеко позади Англии и Франции... Кредит Пруссии был столь мало надежен, что на другой день после войны ей пришлось испытать бо́льшие затруднения при заключении займа, чем разгромленной Франции найти кредиторов для выплаты своей военной задолженности»[1]. Но после выплаты французами контрибуции положение резко изменилось в пользу Германии. Как указывает Энгельс, «как раз тогда (1872 г. — *Н. П.*) на Германию пролился дождь французских миллиардов; государственные долги были уплачены, построены крепости и казармы, возобновлены запасы оружия и аммуниции. Свободный капитал, не менее, чем находящаяся в обращении денежная масса, внезапно возрос в огромной степени; все это как раз в ту эпоху, когда Германия выступила на мировую арену не только в качестве «единого государства», но и в качестве большой промышленной страны. Миллиарды дали мощный толчок молодой крупной индустрии; им-то более всего и обязана Германия как кратким, богатым иллюзиями периодом процветания после войны, так и последовавшим за ним грандиозным крахом в 1873—1874 гг., благодаря чему Германия оказалась способной выступить на мировом рынке как промышленная страна»[2].

Эпоха «грюндерства», отмеченная бешеным железнодорожным и промышленным строительством, созданием всякого рода акционерных компаний и еще более бешеной биржевой спекуляцией, затянулась впрочем, несмотря на финансовый крах 1873—1874 гг., до 1879 г.

АНГЛО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

В период 1880—1890 гг. Германия становится одним из крупнейших промышленных государств мира, выходя на второе место в Европе и на третье в мире по добыче угля, производству железа и стали. Она начинает ожесточенную борьбу с Англией сначала на европейском, а затем и на колониальных рынках.

Это превращение Германии в одно из крупнейших промышленных государств мира совпало с обозначившимся уже к этому времени перерастанием капитализма в последнюю и высшую его стадию — империализм.

Более молодой и технически лучше организованный германский промышленный капитализм развивается в эти годы (1871—1900) гораздо быстрее, чем его соперники в Западной Европе — Англия

---

[1] *Pingaud*, Le développement économique de l'Allemagne contemporaine, P. 1916, p. 19.

[2] *Энгельс*, Жилищный вопрос, Соцэкгиз, 1932, стр. 5.

и Франция. По темпам роста производства важнейших отраслей промышленности — угля, чугуна и стали — Германия решительно обгоняет Англию и Францию, начиная постепенно приближаться в физическом объеме продукции к английскому уровню[1].

Страны	Уголь в млн. *т*		Чугун в тыс. *т*		Сталь в тыс. *т*	
	1871 г.	1900 г.	1870 г.	1900 г.	1866—1870 г.г.	1900 г.
Германия	37,9	149,8	1 391	8 507	691	6 358
Англия	110,4[2]	228,8	5 960	9 000	392	4 893
Франция	13,8	33,4	1 180	2 700	369	1 175
США	42,5	244,6	1 665	13 789	164	14 000

Эти цифры показывают, что Германия по темпам развития важнейших отраслей производства не только развивалась быстрее любой из европейских держав, но что объем ее продукции, как было показано выше, достиг к 1890 г. таких размеров, что стал перерастать внутренний рынок, который становился уже слишком узким для германской промышленности. К 1890 г. германская промышленность выходит на иностранные, в первую очередь европейские рынки, вытесняя оттуда при помощи более низких цен английские товары, подобно тому как это делает сейчас Япония; это завоевание иностранных рынков особенно усиливается в наступившую за последним десятилетием XIX в. эпоху империализма.

Анализ англо-германской торговой борьбы будет дан нами ниже. Теперь же отметим, что бурное развитие германской промышленности и германской внешней торговли, вызывая сильную тревогу в кругах английского капитализма, само по себе не являлось единственной и важнейшей предпосылкой мировой империалистической войны. Здесь мы должны несколько остановиться на точке зрения Гельфериха, который именно из этой торгово-промышленной конкуренции и выводит генеалогию *империалистической* войны 1914—1918 гг., относя зародыш военного конфликта к торговой конкуренции Англии и Германии в 1890—1900 гг. и обосновывая неизбежность этого конфликта стремлением Англии удушить торговую конкуренцию германского капитализма. В обоснование своего взгляда Гельферих цитирует влиятельный и широко распространенный английский консервативный журнал «Saturday Review» за 1897 г., представлявший интересы английской промышленности.

---

[1] Таблица составлена по следующим материалам: уголь — *Wl. Woytinsky*, Die Welt in Zahlen, Bd. IV, S. 120, 169; чугун — „Империализм и всеобщий кризис капитализма", Гиз, 1931 г., стр. 360—361; сталь — данные 1900 г. по работе *Анжерана*, Лотарингские границы и сила Германии, М., 1924 г., стр. 147—148; средние данные за 1866—1870 гг.: *Wl. Woytinsky*, Bd. IV, S. 172.

[2] За 1870 г. — см. „Империализм и всеобщий кризис капитализма", стр. 360.

«Бисмарк уже давно признал, и это наконец теперь начинает видеть также английский народ, что в Европе существуют две великие, непримиримые, направленные друг против друга силы, две великие нации, которым хотелось бы превратить весь мир в свою вотчину и требовать с него торговую дань. Англия... и Германия... немецкий коммивояжер и английский странствующий торговец соперничают в каждом уголке земного шара. Миллион мелких столкновений создает предлог к величайшей войне, которую когда-либо видел мир. Если бы Германия была завтра стерта с лица земли, то послезавтра не нашлось бы на свете ни одного англичанина, который не стал бы от этого богаче. Прежде народы годами сражались за какой-нибудь город или наследство. Неужели же они теперь не должны начать войну из-за ежегодного торгового дохода в 5 миллиардов (марок. — *Н. П.*)»[1].

«Мы, англичане, — писал тот же «Saturday Review» в августе 1895 г., — расправлялись до сих пор с нашими соперниками в торговле. Сейчас наш главный соперник в торговле не Франция, а Германия. В случае войны с Германией мы безусловно могли бы много выиграть, ничего не потеряв (в этот момент Германия почти не имела военного флота. — *Н. П.*), тогда как в войне с Францией, каков бы ни был ее исход, мы безусловно понесли бы тяжелые потери»[2].

Эту же тревогу английского капитала по поводу завоевания германскими товарами рынков, «принадлежавших искони» англичанам, ощущали и английские политические деятели. Если вспомнить знаменитое определение одного из крупнейших английских политических деятелей этого периода, Джозефа Чемберлена: «империя — это торговля, оба термина — синонимы», станет совершенно понятной тревога, которая звучит в словах лорда Розберри, премьер-министра Англии в 1894—1895 гг.

«Нам угрожает страшный противник, который гложет нас, как море гложет рыхлые берега. Торговля Соединенного королевства сокращается непрерывно, и то, что она теряет, приобретает главным образом Германия».

Однако точка зрения Гельфериха поверхностна, а потому и не верна. Конечно и тогда, в 1895—1897 гг., не была исключена возможность военного конфликта между Англией и Германией. Но отсюда еще далеко до предпосылок *мировой империалистической войны.*

Бороться с германской торговой конкуренцией Англия могла и другими путями и притом с *достаточно большим успехом.* Ведь в период 1890—1900 гг. главная борьба за рынки сбыта между английским и германским капиталами развертывается в *Европе,* где доля английского вывоза была значительно меньше по сравнению с таким же вывозом в колонии. В этот период

---

[1] *Гельферих,* Накануне мировой войны, М. 1924, стр. 37.
[2] Ibidem, стр. 36—37

времени *колониальные* рынки сбыта еще остаются в *руках англичан.* Даже с выходом Германии в колониальную торговлю англичане, господствуя на морях и являясь «мировыми извозчиками», могли снимать и снимали при помощи фрахтов значительную долю прибылей, которые германский капитализм получал от развития своей экспортной торговли в колониях. Мы не говорим уже о том, что англичане владели львиной долей колоний и это позволяло им либо вовсе прекратить при помощи запретительных таможенных пошлин ввоз германских товаров в английские колонии или полуколонии, либо отнять в свою пользу значительную долю сверхприбылей, получаемых германским капитализмом от своей экспортной торговли. Агитация Джозефа Чемберлена за ограждение Британской империи стеной протекционных таможенных тарифов, относящаяся как раз к концу XIX в., и явилась ответом Англии на успешное завоевание мировых рынков германскими товарами.

Не могла обусловить неизбежности военного конфликта даже постройка Германией торгового флота, к чему в конце концов пришел германский империализм, чтобы не класть стоимость фрахтов в карман англичан. Но постройка торгового флота, освободив Германию от высоких английских фрахтов, ничуть не уменьшила силы остальных способов воздействия англичан на германских конкурентов. При помощи этих способов англичане могли успешно бороться с германскими купцами и промышленниками за мировые рынки.

Только в *эпоху империализма* англо-германские противоречия достигли той остроты и того масштаба, когда они предопределили неизбежность *мировой* схватки крупнейших империалистических хищников за передел мира.

*

Генеалогию войны 1914—1918 гг. на самом деле следует выводить из борьбы за владение колониями, из борьбы за экспорт капитала в колонии и страны, отсталые в индустриальном отношении.

Развитие германской промышленности и торговли базировалось в значительной степени на иностранном сырье, в частности на сырье колониального происхождения. Поэтому процесс проникновения германских товаров на иностранные рынки, развитие германской промышленности, более или менее прочное в политическом отношении закрепление иностранных рынков за германским империализмом — все это было по существу неотделимо от закрепления за ним ряда территорий в качестве рынков монопольной эксплоатации местного сырья, необходимого для нужд германской промышленности.

Английский капитализм значительно опередил своих соперников в обеспечении себя колониальными рынками сбыта, сырья и экспорта капитала. По данным Морриса, приводимым Лениным[1],

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XIX, стр. 133.

Англия в период 1860—1880 гг. успела захватить самую богатую колониальную добычу. К 1880 г. площадь ее колониальных владений достигла 7,7 млн. кв. миль с населением в 267,9 млн. чел., тогда как колониальные владения Франции в этот момент не превышали 0,7 млн. кв. миль с населением 7,5 млн. чел., а Германия вовсе не имела колоний.

Перерастание капитализма «свободной конкуренции» в монополистический капитализм, начавшееся, как отметил Ленин, в 70-х годах прошлого столетия, могло лишь привести к громадному «подъему» колониальных захватов и обострило в чрезвычайной степени борьбу за передел мира.

В период 1880—1899 гг. Англия (по данным Морриса) увеличила свои колонии до 9,3 млн. кв. миль площади с населением в 309 млн. чел., Франция — до 3,7 млн. кв. миль площади с населением в 56,4 млн. чел. и Германия приобрела 1 млн. кв. миль колоний с населением в 14,7 млн. чел. Таким образом к началу XX в. раздел мира был в основном уже окончен. Как свидетельствуют приводимые цифры, доля Германии, подоспевшей лишь к конечному этапу раздела мира, была слишком ничтожна по сравнению с долями Англии, Франции и даже царской России и ни в какой степени не соответствовала тому удельному весу в мировом хозяйстве и мировой политике, который она приобрела к этому времени (90-м годам прошлого столетия). Тем самым развитие германской промышленности, базировавшееся на ввозе иностранного, в частности колониального, сырья, всегда могло быть поставлено под угрозу прекращением ввоза или поставкой этого сырья по таким ценам, которые делали германские товары неконкурентоспособными на мировом рынке, так как основные мировые рынки сырья находились в руках Англии, Франции и царской России.

Эта сторона была одним из важнейших мотивов захвата колоний, ибо только «владение колонией одно дает полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником...» [1]. «Не только открытые уже источники сырья имеют значение для финансового капитала, но и возможные источники, ибо техника с невероятной быстротой развивается в наши дни, и земли, непригодные сегодня, могут быть сделаны завтра пригодными» [2]. «Такие монополии всего прочнее, когда захватываются в одни руки *все* источники сырых материалов» [3].

Только монополистическое владение сырьем давало прочную гарантию развития отдельных отраслей промышленности, ставя в положение зависимости соответствующие отрасли промышленности иностранного конкурента.

Но к моменту, когда германский империализм поставил перед собой задачу приобретения колоний, «мир уже был поделен», и

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XIX, стр. 137.
[2] Там же, стр. 138.
[3] Там же, стр. 137.

кроме незначительных и маловыгодных кусков земли, эксплоатация ресурсов которых требовала больших денежных затрат, а еще более усилий, делить было нечего. К началу XX в. раздел мира был в основном закончен. В дальнейшем мог быть только *передел* его, и этот передел мог быть осуществлен только силой, т. е. войной.

Понимая, что благоприятный момент захватить приличествующую рангу Германии в мировом хозяйстве и мировой политике долю колоний был уже утерян, германский капитализм все же сделал в 90-х годах XIX в. попытку обеспечить себе приличную долю в колониальном грабеже. Эта попытка вызвала довольно резкий поворот в германской внешней политике, известный под названием «эпохи нового курса» (Neues Kurs), когда в связи с перерастанием Германии из «великой державы» (Grossmacht) в «мировую» (Weltmacht), или, скажем мы, империалистическую, державу интересы германского капитализма выходят за пределы Европы и германские капиталистические круги выступают с требованием колоний.

Политика «нового курса» имела целью добиться соглашения с Англией, для того чтобы обеспечить за Германией соответствующую ее силе долю в дележе колоний. Эта политика началась с разрыва договора о взаимной перестраховке с царской Россией (1887—1890 гг.), союз с которой в известной мере связывал свободу действия вырастающей в мировую империалистическую державу Германии. Развитие этой политики падает на период 1890—1901 гг., в течение которого Германия стремится использовать обострение противоречий между крупнейшими колониальными державами этой эпохи — Англии с Францией в Африке и Англии с царской Россией в Азии — для дальнейшего развертывания индустриализации и захвата рынков и колоний. Период 1890—1901 гг. характеризуется известным сближением Германии с Англией и попытками столковаться с последней о разделе колоний.

Надежды германского капитализма однако не оправдались, так как он претендовал в ту эпоху (1890—1901 гг.) на слишком «жирные куски», без соответствующей компенсации со своей стороны. Крупнейшая обладательница колоний, Англия, соглашалась, как можно судить по опубликованной переписке этого периода, на «жертвы», но требовала зато от Германии «услуг» в смысле помощи против натиска царской России в Азии и Франции в Африке.

Так в переговорах 1898 г. Германии предлагалось быть английским солдатом на континенте Европы против Франции и царской России[1]. Правящие круги Германии отказались, понимая, что после войны, даже удачной, Германия будет истощена и англичане не постесняются путем «дружеской интервенции» в той или иной форме лишить ее плодов победы. Тем не менее, для того чтобы сдержать французские аппетиты в Африке, было

[1] „Grosse Politik", B. XIV, S. 196—202; B. XVIII, S. 20.

заключено англо-германское соглашение о разделе африканских колоний Португалии. Так как вопрос был весьма «деликатный», то соглашение о разделе было облечено в мягкую и вежливую форму о праве преэмпции (предпочтительного приобретения) на определенные германскую и английскую сферы влияния в африканских колониях Португалии. В переводе на язык империалистической практики это значило, что Германия и Англия обязуются не допустить каких-либо претензий третьей державы (читай — Франции) на португальские колонии в том случае, если Португалия когда-либо изъявит желание продать свои колонии или будет принуждена это сделать в случае например войны, революции, финансового краха и т. д., словом отказаться от них. Но, подписав 30/VIII 1898 г. соответствующий договор с германским правительством, английское правительство 4/X 1899 г. подписало тайную англо-португальскую конвенцию, так называемый Windsor Treaty (Виндзорский договор), подтверждавшую старые договоры 1642 и 1661 гг., в которых «король Великобритании... обещает и обязуется защищать и охранять все завоевания и колонии португальской короны против врагов как в настоящем, так и в будущем»[1]. Это значило, что Англия гарантирует целость португальских колоний, а Португалия обязуется не продавать и не отчуждать в какой-либо форме своих колоний кому бы то ни было. Таким образом англо-германский договор стал клочком бумаги.

Вторичная попытка вступить в соглашение в 1901 г. закончилась также безрезультатно. Германское правительство предлагало Англии просто присоединиться к Тройственному союзу в качестве, если так можно выразиться, рядового члена его со всеми вытекающими отсюда обязательствами[2]. Предложение это для английского империализма было неприемлемо.

«Если мы будем иметь формальный союз с Германией, — писал 9/XI 1901 г. английский дипломат лорд Берти, излагая точку зрения Foreign Office[3], — то мы либо должны будем приноровить наше поведение в большей части света к ее (Германии. — *Н. П.*) взглядам и подчинить нашу политику ее политике, как Австрия и Италия, либо если мы будем действовать самостоятельно, то всякий раз, когда мы примем меры для охраны наших интересов в какой-нибудь отдаленной части мира, Германия может сказать нам, что мы создаем положение, которое может привести к нападению на нас Франции или России, обязывая Германию браться за оружие без достаточных причин для нашей защиты, или же Германия может найти какой-либо момент, благоприятный для себя, но неудобный для нас, чтобы вызвать войну по вопросу, в котором мы можем быть не слишком заинтересованы»[4].

---

[1] BD, I, № 117, приложение 3.
[2] BD, III, Кар. X, „Grosse Politik", B. XVI, Кар. CVI и B. XVII, Кар. CIX.
[3] Английское министерство иностранных дел.
[4] BD, II, № 91, также № 86, 96.

В свою очередь германский империализм хотел «или все или ничего» и вряд ли принял бы предложение Англии добиться согласования политики в Европе и поддержания status quo в Средиземном, Адриатическом и Черном (!! — *Н. П.)* морях[1]: такие договоры делали бы Германию в полном смысле наемником английского империализма против царской России (Черное море и проливы) и Франции (Средиземное море, Египет и Марокко). Даже «роскошная цена» (Черчиль), предложенная английским правительством за эти услуги, — именно Марокко[2], — не могла соблазнить германское правительство; в Марокко германские капиталисты занимали прочную позицию, так как именно германские путешественники и исследователи — географы «открыли» Марокко для империалистических держав. Германский империализм надеялся захватить Марокко без согласия английского империализма и во всяком случае без войны с царской Россией и империалистической Францией.

Переговоры вторично окончились неудачей, о чем горько жалеет сейчас Гитлер. Если бы умная германская внешняя политика взяла на себя роль Японии в 1904 г., ханжески заявляет он, то «кровь, пролитая в 1904 г., в десятикратном размере сберегла бы кровь, пролитую в 1914—1918 гг.»[3].

Английский империализм вовсе не намеревался отказываться от своей гегемонии, к чему объективно сводилось предложение Германии о вступлении Англии в Тройственный союз. Мало того, нежелание Германии играть роль английского солдата в Европе говорило, что германский империализм не удовлетворится теми компенсациями, которые предлагал ему Лондон за счет Франции и царской России, и что он надеется получить значительно больше, чем Марокко, в частности получить то, чем владеет или на что притязает сама Англия. Неудача переговоров говорила, что германская правящая клика готова даже пойти на вооруженный конфликт для достижения этих целей и что речь в сущности идет о новом переделе мира.

Английские дипломаты, здраво учитывавшие положение, увидели, что этого конфликта им не избежать, и, сделав соответствующие выводы, переменили фронт: именно с этого момента мы можем говорить о начале подготовки войны 1914—1918 гг.

Первой стадией этой подготовки и, так сказать, генеральной линией английского империализма вплоть до самой войны является сохранение status quo на континенте и политическая изоляция Германии. С этой целью правящие круги Англии ставят своей задачей столковаться с французским империализмом, чьи колониальные аппетиты в то время в ряде точек угрожали им даже больше, чем германские аппетиты, и заручиться французской воен-

---

[1] BD, II, № 9[1].
[2] *Churchill*, The World Crisis 1911 — 1914, L. 1923, p. 21; *Дармштеттер* История раздела Африки 1870—1919, Гиз, 1924, стр. 144—147.
[3] *A. Hitler*, op. cit., S. 155.

ной помощью для предстоящей борьбы с Германией. Этот резкий поворот английской политики, начавшийся ликвидацией Фашодского инцидента в 1899 г., закончился известным англо-французским соглашением «о дружбе» в 1904 г., явившимся ядром будущей Антанты как военной коалиции против Германии.

В договоре об англо-французской Антанте 1904 г. английский империализм признал Марокко французской «сферой влияния», если Франции удастся вырвать от германского империализма согласие на эту сделку, и обещал Франции политическую поддержку Англии для захвата Марокко.

Таким образом к началу эпохи империализма Германия, ставшая одним из крупнейших промышленных государств мира, оказалась в затруднительном положении.

Развивающаяся германская промышленность стремилась все настойчивее к захвату новых рынков, к монопольному обладанию ими. Эти стремления крупной промышленности определяли и внешнюю политику Германии, которая однако встречала на своем пути ряд весьма серьезных трудностей.

Рост противоречий между австро-германским блоком и царской Россией при наличии острейшего антагонизма между царской Россией и Англией привел в 1890 г. к заключению франко-русского союза, несмотря на отвращение Александра III к «паршивому либерализму» и к республиканской Франции. В результате Германия стала готовиться к войне на два фронта: на западе — с Францией, на востоке — с царской Россией. Неудача попыток сговориться с английским империализмом о переделе мира сигнализировала Германии, что передел мира и обеспечение за ней «приличной» доли колоний могут быть достигнуты лишь благодаря силе, т. е. войне, в которой максимум добычи мог быть получен от грабежа Англии.

Эпоха империализма совпадает с резким сдвигом в международных отношениях и началом подготовки к вооруженной борьбе между Германией и Англией за мировую гегемонию.

Борьба за гегемонию стимулируется бурным экономическим развитием Германии. В период 1901—1914 гг. Германия энергично догоняет и даже перегоняет в некоторых отраслях производства Англию.

Следующая таблица характеризует развитие основных отраслей германской и английской промышленности[1] (см. табл. на стр. 49).

Эти цифры показывают, что Германия почти догнала Англию в добыче угля и резко превзошла ее по производству чугуна и стали. По машиностроению Германия в течение шести лет (1906—1912 гг.) успела догнать по вывозу Англию. Ценность английского экспорта машин в 1906 г. составляла 529 млн. марок, в 1912 г. — 631,6 млн. марок, тогда как германский вывоз машин за это время вырос с 317,7 млн. марок до 630 млн. марок (германский темп

[1] *Wl. Woytinsky*, op. cit., B. IV, S. 120, 170, 172; производство стали в 1900 г. см. *Анжерран*, цит., соч. стр. 147—148; производство чугуна в 1900 г. — см. „Империализм и всеобщий кризис капитализма", Л., Гиз, 1931, стр. 361.

Страны	Уголь в млн. *т*		Чугун в тыс. *т*		Добыча стали в тыс. *т*	
	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.	1900 г.	1913 г.
Германия	149,8	277,3	8 507	16 764	6 358	17 147
Англия	228,8	292,0	9 000	10 424	4 893	9 013
Франция	33,4	40,8	2 700	5 207	1 175	8 279
США	244,6	517,0	13 789	31 462	14 000	31 802

роста за 6 лет — 100%, английский приблизительно — 20% [1]). Такие новые отрасли промышленности, как электротехническая и химическая, были монополизированы Германией.

Даже в судостроении, этой исконной английской монополии, обнаружились тревожные признаки германской конкуренции [2]: в 1900 г. на германских верфях было выстроено судов общим водоизмещением 205 тыс. регистровых тонн, в 1913—465 тыс. регистровых тонн (темп роста — 125%), в то время как постройка кораблей в Англии увеличилась за это время с 1 442 тыс. регистровых тонн до 1 932 тыс. регистровых тонн (темп роста — 28%). Германия спешила построить свой торговый флот, чтобы самой не только перевозить свои товары, но отбивать грузы у английских пароходных фирм, и этот флот по своему тоннажу уступал только английскому, занимая второе место в мире. В период 1892—1913 гг. германский торговый флот вырос приблизительно на 300%, английский — на 50% [3].

Что касается торговли, то следующая таблица дает ясное представление о том, как постепенно и методически германские товары вытесняли английские с мировых рынков [4] (см. табл. на стр. 50).

Германская торговля показывает неуклонный рост, английская — неуклонное падение. Из этих цифр видно, что Германия завоевала господствующее положение на европейском рынке за счет вытеснения Англии.

Период 1901—1914 гг. характерен также и тем, что Германия, не довольствуясь завоеванием европейских рынков, пытается добиться командных позиций и на внеевропейских, колониальных или мировых, рынках. На этих рынках Германия, несмотря на ожесточенное сопротивление английского конкурента при помощи фрахтовой политики, кредитных операций и пр., достигает определенных успехов.

---

[1] *Wl. Woytinsky*, op. cit., B. IV, S. 234.

[2] Ibid., S. 246. Данные Lloyd Register.

[3] Lloyd Register of Shipping 1926/27, vol. II, p. 1181—1186 (подсчет в процентах автора).

[4] *Я. Иоффе*, Блокада и народное хозяйство в мировую войну, Гиз, 1929, стр. 19—20.

Участие Германии и Англии в импорте европейских стран в период 1890—1913 гг. (в %)

Страны	Германия		Англия	
	1886—1890 г., среднегодовое	1913 г.	1886—1890 гг., среднегодовое	1913 г.
Царская Россия	29,4	47,4	23,8	12,8
Дания, Швеция, Норвегия	31,1	34,7	26,3	21,3
Франция	8,0	12,7	12,7	13,3
Голландия	24,5	30,2	23,6	8,7
Бельгия	11,2	15,5	12,7	10,5
Испания	6,5	13,1	21,5	17,3
Швейцария	28,5	32,9	5,2	5,9
Италия	10,2	16,8	20,4	16,3
Австро-Венгрия	36,6	40,1	10,3	6,4
Балканы	13,1	29,2	24,5	14,9

Так например в импорте США доля Германии с 7,2% в 1880 г. повысилась до 10,4% в 1913 г., тогда как английская доля соответственно упала с 26,9 до 16,3%.

В южноамериканском импорте угля доля Германии с 16% в 1901—1905 гг. поднялась до 19% в 1913 г.; доля Англии за тот же период упала с 31 до 28%.

В австралийском импорте доля Германии с 3,1% в 1890 г. поднялась до 6,2% в 1913 г.; доля Англии упала с 83,5 до 72,1%.

Те же тенденции германского роста и английского падения показывают азиатский (Япония, Китай, Иран [Персия]) и африканский (Тунис, Алжир, Марокко, Египет) импорт. Даже в английских колониях процент участия Германии в экспорте и импорте неуклонно рос, английский — неуклонно падал. В англо-германской торговле разница торговых балансов составляла ежегодно около 200 млн. марок в пользу Германии.

Ожесточенная борьба в торговле и вытеснение Англии с ее рынков показывают, какого обострения достигли англо-германские противоречия. Война стала неизбежной, так как борьба шла не столько в торговле, *но преимущественно по линии экспорта капитала и захвата колоний, по линии передела мира, этой характерной черты эпохи империализма.*

По подсчетам Ленина[1], крупнейшими экспортерами капитала в период до эпохи «нового курса» были Англия, имевшая в 1893 г. 42 млрд. франков, помещенных за границей (главным образом в колониях, а также и в Америке), и Франция, имевшая к 1890 г. около 20 млрд. франков капиталовложений почти исключительно ростовщического ссудного характера, главным образом в

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 121.

Европе (в частности в царской России). Германский экспорт капитала был незначителен, если судить по тому, что в 1902 г., по подсчетам Ленина, он достиг всего 12,5 млрд. франков, в то время как Англия за эти годы (1893—1902) увеличила свои капиталовложения за границей с 42 до 62 млрд. франков, а Франция с 20 млрд. франков в 1890 г. до 27—37 млрд. франков в 1902 г. Но зато в последующие годы Германия по линии экспорта капитала сделала резкий скачок вверх, обогнав по темпам этого экспорта своих соперников — Англию и Францию. В период 1902—1914 гг. английские капиталовложения за границей выросли с 62 млрд. до 75—100 млрд. франков, французские — с 27—37 млрд. франков до 60 млрд., а германские — с 12,5 млрд. франков до 44 млрд.

Такими именно темпами приближалась война! Здесь даже даты отметить можно! Ленин весьма четко и точно указывает, что «империалистическая война 1914—1917 годов есть продолжение империалистической политики 1898—1914 годов если не еще более раннего периода»[1]. Если сопоставить даты, указанные Лениным, с его же датами развития германского экспорта капиталов и началом развернутой германской колониальной экспансии (концессия на Багдадскую железную дорогу в 1899 г.), то увидим, что война 1914—1918 гг. стала в «порядок дня» именно с момента перехода германского империализма к развертыванию экспорта капитала и колониальной экспансии. Обе эти тенденции имеют в основном одно и то же содержание: возрастание экспорта капитала усиливает тенденцию к политическому подчинению той страны, в которую эти капиталы вложены, а следовательно к монополии и закрытию рынка для конкурентов.

Географическое распределение экспорта капиталов на 1910 г., приводимое Лениным, выявляет главнейшие районы борьбы между крупнейшими империалистическими хищниками этой эпохи[2]:

Части света	Англия	Франция	Германия
	(в миллиардах марок)		
Европа	4	23	18
Америка	37	4	10
Азия, Африка и Австралия . .	29	8	7

Таким образом германский империализм конкурировал с английским в экспорте капитала в Америку, главным образом в Южную Америку, в Азию (Турция, Китай и Иран [Персия]) и в Африку. С французским империализмом германский конкурировал в экспорте капитала, и это явилось одним из мотивов обострения франко-германских противоречий в период 1901—1914 гг. в стра-

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 376.
[2] Там же, стр. 121.

нах Европы, что несомненно было связано и с процессом вербовки союзников для предстоящего военного конфликта. Согласно меморандуму германского морского министерства, относящемуся к 1905 г., большая часть германских заграничных капиталовложений была инвестирована в царской России, Австрии, Турции и на Балканах[1].

Но экспорт капитала неотделим от монополистических притязаний на захват рынков сбыта и сырья и в совокупности с ними обусловливал тенденцию перерастания господствующих позиций в экономике той или иной колониальной и полуколониальной («зависимой», по выражению Ленина) *страны в политическое господство,* равное обладанию такими странами. Эта тенденция стимулировалась тем, что развитие германской промышленности и торговли было основано на возможности экспорта в колониальные и полуколониальные страны и питалось привозом иностранного, в частности колониального, сырья. Введение таможенных пошлин крупнейшими колониальными странами — Англией, Францией и царской Россией — и их «клиентами», т. е. зависимыми и полузависимыми государствами, всегда могло остановить или задержать германский экспорт. Не меньшей угрозой было и повышение цен на сырье, необходимое для германской промышленности, а такое повышение было легко осуществимо, так как к периоду 1898—1914 гг. источники сырья были уже фактически монополизированы в связи с закончившимся разделом мира. Поэтому, несмотря на достигнутые успехи (завоевание европейских рынков), до завоевания мировых рынков, где господствовала Англия[2], было далеко, и сами успехи, как мы указывали, были непрочны.

Прочные позиции в отношении сбыта товаров, получения сырья и экспорта капиталов на рынках Южной Америки, Азии, Африки и Австралии, находившихся либо под господством, либо под влиянием мировой колониальной державы Англии (или ее союзников — Франции и царской России), вызывали озлобление германского империализма. Ему удалось оттеснить назад в мировом хозяйстве и обогнать английский империализм в развитии важнейших в эту эпоху отраслей промышленной продукции. Поэтому, на основе указанного отставания Англии, германские империалисты считали себя «вполне справедливо — имеющими «священное» буржуазное право на мировое первенство в грабеже колоний и зависимых стран» (Ленин).

«Мы не можем переносить больше положение, когда весь мир станет владением англичан и французов, русских и японцев. Мы не можем также верить, что только мы одни должны довольствоваться той скромной долей, которую уделила нам судьба 40 лет назад. Времена изменились, и мы не остались теми же... Только приобретением собственных колоний мы можем обеспечить себя в будущем», — так гласит резолюция пангерманской организации

[1] *Гобсон,* Экспорт капитала, М. 1928, стр. 148.

[2] Продукция США в эту эпоху шла главным образом на американский, в частности на внутренний рынок.

в Галле, и хотя она относится к 1912 г.[1], но она типична для характеристики колониальных притязаний германского империализма.

Освобождение германской торговли и промышленности от иностранной зависимости посредством создания соответствующего силе и мощи империалистической Германии обширного колониального хинтерланда, который она могла бы монополистически использовать в качестве рынка сбыта и сырья и вложения капиталов, становится самой насущной задачей германского империализма, начиная с нашего столетия. Однако реализация этих притязаний на колонии натыкается на сопротивление крупнейших империалистических держав — Англии, Франции и царской России (империалистические интересы США в это время ограничивались американским континентом и отчасти Китаем), — отнюдь не собиравшихся отказаться от своих колоний в пользу Германии. Отсюда понятно стремление последней к переделу мира, но такой передел мог быть совершен лишь при помощи силы, ибо только война могла дать германскому империализму в случае победы обширную колониальную империю за счет побежденных государств и их «клиентов», обладавших колониями, — Бельгии, Голландии, Португалии, Испании. Но совершенно ясно также, что крупнейшие империалистические державы могли согласиться на такой передел только в результате неудачной для себя «пробы сил».

Все начало нашего столетия германский империализм энергично и ожесточенно ведет борьбу за колонии во всех частях земного шара. Всюду — в Азии, Африке, на Тихом океане, словом в любом уголке земного шара — он предъявляет претензии на свою долю колониальной добычи, но неизменно наталкивается на противодействие Англии и организованной ею после 1904 г. Антанты. Наиболее бурно, не раз вызывая европейские кризисы, протекает борьба в Марокко, откуда французский империализм при поддержке английского вытесняет германский...

Особенно характерной является империалистическая борьба Англии, Франции и царской России с Германией, развернувшаяся в Азии вокруг постройки Багдадской железной дороги. Концессия на Багдадскую железную дорогу, полученная Deutsche Bank в 1899 г., предоставляла широкие возможности для германской колониальной экспансии, включая Малую Азию в сферу германского влияния. Согласно признаниям стоявшей близко к финансовым кругам «Deutsche Zeitung», колониально-экономическая программа германского империализма в Турции сводилась к превращению последней в германскую колонию:

«Как только все приморские части Турции перейдут в руки Германии, мы введем такие тарифы, которые положат конец всякой негерманской конкуренции. Мы соединим все железные дороги и все приморские области в одном германском тресте, под контролем Deutsche Bank. Железные дороги должны перевозить толь-

[1] *O. Nippold*, Der deutsche Chauvinismus, Berlin 1913, S. 73—74.

ко германские товары. Таким образом Турция станет германской колонией»[1].

Если добавить, что постройка Багдадской дороги не только создавала Германии обширнейший и богатейший хинтерланд монополистического характера, но освоение этого хинтерланда выводило Германию в Иран, в частности в самую деликатную для английского империализма часть его — Южный Иран и Иранский залив, т. е. в непосредственную близость к главнейшей английской колонии, к Индии, — то понятно, что перспектива создания этого хинтерланда германским империализмом и притом только для себя привела будущих союзников, особенно Англию, в неистовство. Вот когда война стала в порядок дня! И по мере того как продвигалась постройка дороги, возрастало и сопротивление этой постройке со стороны Англии, Франции и царской России. Германскому империализму приходилось расплачиваться уступками за согласие царской России, Франции и Англии не тормозить сооружение дороги (Потсдамское соглашение 1910 г. с царской Россией, Лондонское соглашение 1914 г. с Англией и Францией).

Одним из следствий борьбы за колонии явилась постройка Германией мощного военного флота, так как колонии были географически отделены от Германии морями и океанами, на которых господствовал английский флот. Без наличия такого мощного военного флота все колониальные претензии германского империализма повисали в воздухе. С помощью своего флота английский империализм удерживал свои командные позиции в мировой политике, хотя германскому империализму и удалось оттеснить его назад в хозяйстве. С помощью этого флота Англия в любой момент могла лишить Германию всех плодов ее многолетней работы.

Так колониальная экспансия и борьба за передел колоний неизбежно вызывали как следствие борьбу германского и английского империализма между собой и за господство на мировых морских путях.

Англия не щадила никаких усилий для обеспечения этого господства за собой. Сделавшись после победы над Голландией и Францией в XVII—XVIII вв. крупнейшей колониальной державой, чьи колонии были разбросаны по всему земному шару, она создала громадный военный флот для поддержания связей с ними, их подчинения себе и защиты от колониальных притязаний других государств. Лучше всего выразил значение господства на море для Англии английский мореплаватель XVIII в., известный путешественник Джемс Кук:

«Господствуя на море, он (английский король. — *Н. П.*) может своих соседей и все государства взять под стражу всякий раз, когда ему вздумается».

---

[1] Цит. по *П. Маслову*, Экономические причины мировой войны, М. 1915, стр. 53.

Эту английскую концепцию «свободы морей», вернее, гегемонии на море, Англия поддерживает изо всех сил в течение двух столетий. По мнению руководящих кругов английского империализма, эта концепция искони в течение двух столетий не в малой степени определяла внешнюю политику Англии.

«Общий характер иностранной политики Англии, — писал в 1907 г. один из руководящих чиновников Foreign Office Эйр Кроу, — определен неизменными условиями ее географического положения на океанском фланге Европы как островного государства с обширными заморскими колониями и владениями, чье существование и дальнейшее бытие неотделимо от обладания перевесом сил на море» [1].

«Что в действительности определяет иностранную политику этой страны (Англии. — *Н. П.*), — говорил 26 мая 1911 г. английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грей делегатам доминионов, приглашенным на заседание Комитета имперской защиты, — это вопрос о морском могуществе. Вопрос о флоте (naval question) лежит в основе всей нашей иностранной политики в Европе и даже больше, чем в Европе» [2].

«Под господством на море, — разъяснял первый лорд адмиралтейства Мак Кенна 29 мая 1911 г. делегатам имперской конференции, приглашенным на заседание Комитета имперской защиты, — мы понимаем возможность держать море в любой момент открытым для себя и закрытым для врага. Сохранение моря открытым означает, что мы можем в любое время и всюду перевозить наши военные силы и что мы будем в состоянии продолжать нашу торговлю во время войны так же свободно, как и во время мира. Закрытие моря для врага означает, что не только берега наших островов, но и все доминионы за исключением Канады будут свободны от угрозы вторжения и что имперская торговля будет в безопасности. С другой стороны, враг не будет в состоянии ни перевозить свои войска, ни продолжать своей торговли, и результаты экономического нажима от разрушения заморской торговли почти для каждого из современных государств будут столь серьезны, что явятся чем-то бо́льшим, чем калечащий удар» [3].

Господство или, вернее, превосходство на море приобретает для Англии особое значение. Поддерживая свою концепцию «свободы морей», Англия в течение всего времени придерживалась принципа, что силы ее флота должны превосходить силу соединенного флота двух сильнейших после нее морских держав.

Создание Германией военно-морского флота, который мог бы обеспечить развитие германской торговли и прочные позиции Германии на мировых рынках и способствовал бы проникновению германского империализма в колонии и зависимые и полузависи-

[1] BD, III, App. A, p. 402; *Ллойд-Джордж*, Военные мемуары, т. I — II. Соцэкгиз, 1934, стр. 51.

[2] *Asquith*, The Genesis of War, L. 1923, p. 123; BD, VI, App. V, p. 782.

[3] *Asquith*, op. cit., p. 129.

мые от Англии и других держав страны,—создание такого флота наносило тяжелый удар двухсотлетним устоям английской морской политики, особенно вследствие тех темпов строительства, которые сразу взяла империалистическая Германия. Конечно последняя не ставила сразу своей задачей создать такой флот, который бы смог померяться с английским с достаточными шансами на успех. Слова лорда Холдена, что «в конечном счете для Германии могущество зависело от морской силы (sea-power), которой она не добилась»[1], были рассчитаны на то, чтобы взять на испуг английского обывателя и оправдать перед ним увеличение ассигнований на флот. В сущности в первые годы морского строительства задачи германского империализма были более скромны—держать английский флот все время в напряжении, по возможности в кулаке, и тем освободить морские пути от возможного английского каперства. Германские морские авторитеты считают, что часть этих задач германский флот в свое время выполнил успешно тем, что заставил Англию держать все свои силы в Северном море. Но в том-то и дело, что достигнутая «свобода морей» от английских дредноутов реально ничего не дала Германии. Победа над Англией возможна была для империалистической Германии и до поражения английского флота и состояла в разгроме континентальной коалиции.

Так как сила Англии на море, помимо наличия крупнейшего военного флота, опиралась также на высокоразвитую сеть морских баз на важнейших мировых путях, то в период 1900—1914 гг. в погоне за колониями империалистическая Германия не щадит усилий и средств на создание своей сети угольных станций и баз на мировых путях, то угрозами, то мерами экономического воздействия нажимая на Францию, Испанию, Голландию и Португалию, ведя тайные переговоры с англичанами о разделе колоний этих держав[2]. Однако все усилия германского империализма в этом направлении оказались тщетными вследствие непримиримого противодействия правящих кругов Англии, понимавших, что создание Германией крупнейшего военного флота и сети угольных станций и баз на важнейших морских путях вырвет у английского империализма неограниченное и до сих пор безусловное господство над мировыми путями, как представляли себе это господство правящие круги английского империализма.

«Кой-кто повидимому думает, что мы не можем помешать Германии, — писал 3 января 1907 г. Берти Грею, — приобрести угольные станции и таким образом сделаться морской державой, грозной для нашей территории во время войны в других частях света, кроме Северного моря. Но где она может получить небританские и нефранцузские угольные станции? Мы обязались защищать португальские владения. Остается следовательно в наличии лишь ис-

---

[1] *Haldane*, Before the War, L. 1920, p. 123.
[2] BD, VII, № 6, 7, 8, 9, 388, 395, 437, 464 и др.

панская и голландская собственность, ибо на Соединенные штаты можно положиться в том, что они помешают приобретению Германией чего-либо в Вест-Индии» [1]. Поэтому «испанская и голландская собственность» в виде островов и портов охранялась Англией так же бережно, как своя собственная.

Эти условия борьбы за мировую гегемонию делали крайне невероятной возможность заключения сколько-нибудь прочного и длительного соглашения между германским и английским империализмом. Наоборот, логика развития этой борьбы неумолимо ставила перед каждым из них вопрос о переходе к насильственным методам, к войне, которая должна была если не окончательно, то по крайней мере на более или менее продолжительный исторический срок разрешить спор за гегемонию либо в пользу притязающей на нее сообразно мощи и силе Германии, либо в пользу все еще сильной, но начинающей уже терять свои господствующие позиции Англии. В обеих странах правящие классы отлично понимали неизбежность вооруженного конфликта и готовились к нему, хотя специфика этой подготовки к войне в силу конкретных условий внутриполитического и внешнеполитического характера была в каждой стране совершенно различна.

Чрезвычайно важно установить, что момент начала этой подготовки совпадает в обеих странах с моментом вступления капитализма в стадию империализма. Это является еще одним подтверждением учения Ленина — Сталина о неизбежности в эпоху империализма войн огромного масштаба, иначе говоря, мировых войн.

*

Вопрос о вооруженной борьбе за мировую гегемонию для обеих стран был, если можно так выразиться, принципиально решен с того момента, когда Германия начала экспортировать капитал и претендовать на колониальные захваты. Закон, принятый рейхстагом 14 июля 1900 г., о постройке сильного военного флота являлся одним из выражений выхода Германии на путь колониальной державы, готовой поддержать свои колониальные интересы силой оружия, тем более что германский империализм не скрывал, на чьи колонии он претендует: германский флот в конечном счете «должен был быть в состоянии померить свои силы с обычными морскими силами Британии в домашних водах» [2].

Английская дипломатия отлично учла смысл этого законопроекта и неизбежность вооруженной борьбы.

«До сих пор все британские морские расчеты велись на базисе two powers standard, именно достаточного превосходства над двумя самыми сильными державами этих дней — Францией и Россией. Возможное прибавление третьего европейского флота, более мощ-

[1] BD, VII, № 8.

[2] Заявление адмирала фон Гольца в рейхстаге при внесении закона 14 июля 1900 г.; *Asquith*, op. cit., p. 71—72.

ного, чем любой из них обоих, имело глубокое воздействие на жизнь Британии. Если Германия собиралась создать флот, откровенно направляемый против нашего, мы не могли себе позволить оставаться в «блестящей изоляции» от европейской системы... В 1901 г. были начаты переговоры об англо-японском союзе. В 1902 г. британское правительство (Бальфур и Лэнсдоун) окончательно усвоило политику улаживания разногласий с Францией. Но еще до того как был предпринят какой-либо из этих шагов, рука была протянута Германии. Ее пригласили присоединиться к нашему союзу с Японией. Ее пригласили разрешить объединенными усилиями марокканскую проблему. Оба предложения были отклонены»[1].

Из этих рассуждений ясно одно: в Англии твердо усвоили, что Германия — опасный враг.

Практические диалектики из британского Foreign Office не задумались добиться примирения и союза с Францией — «исконным» в течение двух предшествующих столетий врагом Англии на континенте. Переговоры с Францией, начавшиеся с поездки короля Эдуарда VII в Париж в 1903 г., во время которой король принципиально разрешил с французскими политическими деятелями вопрос о соглашении, были закончены 8 апреля 1904 г., причем ускорению переговоров помогло начало русско-японской войны (февраль — март 1904 г.), парализовавшее военную мощь царской России, в результате чего французский империализм оказывался в положении «блестящей изоляции» на континенте перед Германией.

Таким образом с 1900—1901 гг. правящие классы Германии и Англии принципиально высказались в пользу войны как средства разрешить спор за мировую гегемонию, обусловленный объективным ходом экономического развития обеих стран.

*

В Англии ориентация на войну была усвоена консервативным кабинетом Бальфура. Партия консерваторов к этому моменту (1900—1901 гг.) уже ясно оформилась как представительница интересов английского финансового капитала, являющегося руководителем хозяйственной жизни Англии, и феодальной аристократии (плюс бюрократия английская и колониальная). Действительно те слои буржуазии, которые представляла и представляет консервативная партия, были «заинтересованы» в угольной, металлургической и машиностроительной промышленности, составлявших основу английского народного хозяйства и более всего подвергавшихся угрозе германской конкуренции. В этих слоях английской буржуазии и «аристократии, представлявшей интересы этой буржуазии в политике»[2], идея войны с Германией естественно по-

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 21; BD, VII, № 8; DDF, III série, v. III, № 188.
[2] *Ф. Энгельс*, Сб. „Исторический материализм", 1919, стр. 185—186.

лучила наибольшее развитие, и эта партия, равно как и примыкавшие к ней по своим взглядам чиновники, занимавшие ответственные посты в различных министерствах, в частности в Foreign Office, в период 1901—1914 гг. была самым энергичным застрельщиком и пропагандистом войны с Германией.

Несколько иначе обстояло дело с либеральной партией, складывавшейся в период 1901—1914 гг. из довольно-таки противоречивых элементов. В составе либеральной партии необходимо различать правое крыло, мы условно назовем их «либералами-империалистами»[1], представлявшее интересы тех слоев крупной буржуазии, капитал которой был вложен в легкую, в частности текстильную, промышленность и в судоходство и которые являлись в не меньшей степени сторонниками «бо́льшей Англии» (Greater Britain), т. е. сторонниками колониальной экспансии, чем консерваторы. Это правое крыло либеральной партии фактически блокировалось через Комитет имперской защиты, о котором речь будет итти ниже, с консерваторами и проводило, правда, негласно, политику форсирования войны с Германией, наружно всячески демонстрируя перед широкими массами свое миролюбие и готовность к соглашению с последней. В либеральной партии «либералы-империалисты» были по вполне понятным причинам в меньшинстве. Огромное большинство партии составляло ее левое крыло, представлявшее широкие слои мелкой буржуазии, интеллигенции и даже некоторые отсталые слои английского рабочего класса. Эти слои английского населения были сторонниками «малой Англии» (Little Englanders) и вели довольно энергичную борьбу против колониальной империалистической экспансии, против бурской войны и политики Джозефа Чемберлена, высказываясь за полюбовное соглашение с Германией. В этих слоях либеральной партии война с Германией была крайне непопулярна. Однако объективно роль левого крыла сводилась лишь к маскировке империалистической политики английского капитала и давала последнему возможность маневрирования как внутри, так и вне страны. Мы увидим дальше, что «лево-радикальная» пацифистская фраза либералов (Ллойд-Джорджа, Морлея и др.) сыграла весьма важную роль в подготовке и организации войны 1914—1918 гг., дезориентировав широкие массы и позволив скрыть от них истинные намерения английского империализма.

Рабочий класс не был представлен в политической жизни надлежащим образом. Хотя в 1892 г. в палате общин появились два социалиста и предвидение Энгельса, что с падением английской промышленной монополии в Англии снова появится социализм «рабочего и среднего классов»[2], блестяще подтвердилось, но в палате общин после выборов 1910 г. было всего 42 лейбориста (из 660 членов палаты). Они могли вместе с «ирландцами»

---

[1] *Ллойд-Джордж*, Военные мемуары, Соцэкгиз, 1934, т. I — II, стр. 35.
[2] *Энгельс*, Положение рабочего класса в Англии, стр. 15.

быть поддержкой либеральной партии Асквита против консерваторов в вопросах «внутренних реформ», но не могли воспрепятствовать Асквиту и либеральной партии проводить империалистическую, направленную на форсирование войны с Германией, внешнюю политику, если последняя одобрялась 274 депутатами консерваторами. Конечно официально декларированная политика войны с Германией натолкнулась бы на противодействие со стороны рабочего класса, и потому лейбористы в период 1901—1914 гг. в вопросах войны поддерживали либералов, считая их защитниками мира, против явно выраженной воинственной политики консерваторов.

Эта расстановка классовых сил, типичная в капиталистических государствах в эпоху развернутого парламентаризма, в Англии была выражена наиболее законченно, наиболее классически, позволяя буржуазии маневрировать в борьбе с рабочим классом и выдвигать вперед в зависимости от политической ситуации то консерваторов, то либералов, то, как неоднократно случалось после войны, лейбористов. И консерваторы и либералы были только двумя орудиями подготовки войны с Германией. Обе эти партии, последовательно стоявшие у власти в период 1901—1914 гг., одинаково держали курс на организацию войны, но только консерваторы вели подготовку открыто, непосредственно борясь за реализацию чаяний английского империализма, а либералы прикрывали ту же подготовку войны дешевенькой пацифистской фразой о необходимости политического соглашения с Германией в целях «устранения опасности» войны.

Почин активной подготовки к войне берут на себя консерваторы в 1901 г. и в течение почти пяти лет ведут ее открыто, ставя своей целью создание военного блока. Кульминационным пунктом этой работы являются: заключение англо-французской Антанты 1904 г. и позиция английского кабинета в танжерском инциденте (1905 г.), сводившаяся к провокации Франции и Бельгии на войну с Германией.

Однако метод открытой подготовки войны терпит неудачу. Объясняется это, во-первых, невозможностью для Франции воевать с Германией в 1905 г. из-за ослабления своего союзника — царской России — схваткой на Дальнем Востоке и революцией 1905 г. Во-вторых, неподготовленностью к войне другого союзника Франции — английского империализма. Наконец недостаточный учет противодействия войне со стороны широких масс трудящихся показал английскому империализму, что путь открытой подготовки войны является не всегда безболезненным. При тогдашнем международном положении этот путь был даже опасен: открытая подготовка к войне могла вызвать «законное стремление» империалистической Германии форсировать превентивную войну и разгромить своих противников до того, как они будут готовы.

Трудно сказать, к чему привела бы в конце концов политика консерваторов в тот период. Очень возможно, что сторонники

превентивной войны в Германии добились бы своего, чтобы задушить в зародыше образование антигерманского блока — Антанты. Но до этого не дошло, ибо в развитие событий вмешался новый фактор: парламентские выборы.

В 1906 г. консерваторы терпят поражение. Им на смену приходят либералы, одержавшие победу и образовавшие правительство. Исход выборов был предопределен, разумеется, глубокими внутриполитическими причинами, но английский избиратель в массе своей чутко прислушивается и к тому, что делается на внешнеполитической арене. Либералы широко использовали антивоенные настроения масс избирателей, очень смутно, правда, представлявших себе подлинный, т. е. империалистический, характер внешней политики консервативного правительства и действительные корни обострявшегося конфликта между Англией и Германией.

Либералы ловко жонглировали в своей предвыборной агитации «программой мира» и «соглашением с Германией». И это дало им немало голосов. С другой стороны, уже на опыте парламентских выборов 1906 г. выявилась глубочайшая разница между пусть стихийными, но искренними антивоенными настроениями масс и показным пацифизмом «левых» группировок буржуазии.

Либеральные политические деятели, особенно «либералы-империалисты», пришедшие к власти под пацифистскими лозунгами, сумели надолго сохранить доверие избирателей к этим лозунгам; сам либеральный кабинет стал ширмой, за которой скрывался механизм осуществления на практике самой типичной империалистической политики. Либеральное правительство не могло естественно позволить себе в своей внешней политике то, что воткрытую делал консервативный кабинет. Впрочем в тот период в этом как раз и не было необходимости. Откровенный курс на войну был бы даже вреден. С точки зрения подготовки войны либеральному правительству предстояло выполнить по меньшей мере две крупных задачи.

Во-первых, выиграть время. Было чрезвычайно важно не дать Германии повода и возможности развязать войну раньше, чем к ней будет более или менее подготовлена — в политическом и военном отношениях — сама Англия. Политика и в еще большей степени тактика предшествовавшего (консервативного) кабинета не соответствовали более сложившейся международной ситуации: германский империализм выжидал лишь удобного повода, для того чтобы «обнажить меч». И поэтому нужно было соблюдать крайнюю осторожность и избегать всего того, что могло бы создать такой повод. Английскому империализму приходилось придерживаться в отношениях со своим основным соперником несколько иной линии поведения, во всяком случае более основательно скрывать свои собственные замыслы и выпячивать на первый план стремление к «взаимопониманию». Либеральный кабинет мог лучше справиться с подобной задачей —

оттянуть момент столкновения и тем самым выиграть время для военной и политической, в частности международной, подготовки к предстоящей тяжелой борьбе.

Во-вторых, эту подготовку было необходимо скрыть от внимания трудящихся, встревоженных хотя бы конфликтом из-за Марокко. Либеральный кабинет и с этой точки зрения более соответствовал обстановке и поставленной задаче. Пацифистские фразы о мире шли к нему несравненно лучше, чем к откровенным империалистам-консерваторам. Либералам было легче обманывать трудящиеся массы — им больше верили.

Мы уже указывали, что лейбористские депутаты поддерживали внешнюю политику либерального кабинета, считая, т. е. выдавая его за поборника мира. Это обстоятельство не следует упускать из виду. Лейбористская верхушка сыграла немалую роль в обмане английских рабочих относительно действительной ценности «миролюбия» либерального правительства. Не столь важно, сколько лейбористских депутатов находилось в парламенте. Более важно то, что они оказали либералам — «поборникам мира» — огромную помощь при выполнении самой трудной и деликатной задачи: скрыть от масс подготовку войны. С этой задачей либеральный кабинет кое-как справился благодаря поддержке лейбористских вождей, сыгравших в Англии ту же роль, что и верхушка социал-демократии в Германии.

Таким образом приход либералов к власти не приостановил хода подготовки английского империализма к войне. Замена консервативного кабинета либеральным свидетельствовала лишь о том, что обстановка диктует иные методы подведения страны к военным потрясениям. Либеральный кабинет с его официально декларированным пацифизмом существенно облегчил деятельность дипломатического аппарата английского империализма, всей «школы» Грея, ибо пацифистские декларации правительства более надежно скрывали ее от взоров трудящихся масс, чем раньше.

Из сказанного явствует, что приход либералов к власти в столь ответственный момент приобрел характер широкого стратегического маневра господствующих классов Англии. И тот факт, что этот маневр удался, показывает, насколько разнообразны и сложны средства и методы, при помощи которых буржуазия проводит подготовку войны, раз последняя поставлена империалистическими противоречиями в порядок дня.

Поэтому с особой внимательностью, особо пристально мы должны рассмотреть, как английскому империализму в период 1906—1914 гг. руками либеральной партии удалось в течение почти восьми лет, тайком от левых либералов, вести эту подготовку и наконец в удобный момент развязать войну. Именно это искусное маневрирование имел в виду Ленин, говоря о величайшей тайне, в которой война рождается.

Судя по опубликованным после войны воспоминаниям и документам, освещающим предвоенный период, либеральное правительство, будучи с 1906 г. полным хозяином страны согласно

английской конституции, на самом деле фактически было устранено от решения важнейших дел. В течение всего периода пребывания либералов у власти все дела по обороне страны и подготовке ее к войне с Германией, а также все самые деликатные вопросы внешней политики — работа по сколачиванию антигерманского блока — фактически были изъяты из ведения либерального кабинета, где численно преобладало левое пацифистское крыло либеральной партии.

Вопросы подготовки войны были сосредоточены в особом Комитете имперской защиты, в недрах которого шла самая энергичная подготовка войны с Германией. Объективно это означало, что в Англии в это время существовало два правительства: одно — парламентское, в сущности декоративное, и другое — фактическое, обладающее всей полнотой власти.

Из кого состояло это фактическое негласное правительство? В состав Комитета имперской защиты от кабинета входили только премьер-министр, канцлер казначейства, военный министр, первый лорд адмиралтейства и секретарь по иностранным делам, являвшиеся постоянными членами комитета[1]. Важно отметить, что эти посты как раз были заняты так называемыми «либералами-империалистами».

Кроме этих постоянных членов комитета на его заседания по отдельным вопросам приглашались министры по делам колоний и Индии, губернаторы и наместники крупнейших колоний, крупнейшие работники военного и морского ведомства, а впоследствии руководители генерального и морского штаба, т. е. в сущности крупная гражданская и военная бюрократия. Среди последних особую роль в комитете играли лорд Фишер, первый морской лорд адмиралтейства в период 1906—1910 гг., и директор военных операций (начальник оперативного отдела) генерального штаба, впоследствии фельдмаршал сэр Генри Вильсон. Любопытно также, что под предлогом единства всех партий в вопросах обороны и необходимости обеспечить преемственность в этой работе в комитет входил также представитель оппозиции (тогда в оппозиции находилась консервативная партия), лидер консерваторов Джемс Бальфур[2].

Эта структура комитета показывает нам, в чем дело. За спиной правительства в целом, которому давалась лишь самая общая информация о ходе работы, группка членов правительства блокировалась в комитете с представителями высшей бюрократии и реакционеров, подготовляя тайком от масс войну. Заседания комитета велись негласно, и в протоколы заносились лишь одни решения, без прений и мотивировок, иногда в самом общем виде. Важнейшие вопросы решала вместе с военными и морскими экспертами «пятерка» — премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр, первый лорд адмиралтейства и канцлер

[1] *Haldane*, op. cit., p. 161 etc.; *Asquith*, op. cit., p. 112—113 и др. источники.
[2] Сейчас это повидимому признано ненужным, так как в „национальном кабинете" Макдональда представлены все три буржуазные партии Англии.

казначейства. Пятерка вершила все дела самостоятельно, скрывая от своих коллег по кабинету и своей партии важнейшие решения и события и блокируясь с «враждебной» партией консерваторов в надежде, что последняя, стремившаяся к войне с Германией, в нужный момент окажет им помощь и поддержку против собственной партии, точнее, против ее многочисленного левого крыла. Как мы увидим в свое время (в главе IX), эти надежды вполне оправдались.

Практика подготовки войны 1914—1918 гг. показала, что даже Комитет имперской защиты — слишком широкая организация, на заседания которой могут иногда проскочить нежелательные лица, например «министры-пацифисты»; Грею, Холдену и другим организаторам войны в 1911 г. пришлось даже перенести обсуждение оперативно-стратегических планов войны на заседание особой подкомиссии Комитета имперской защиты, а именно «комиссии по высадке» (Invasion Comittee), официально изучавшей вопрос... о возможности высадки германского десанта в Англии!

В нынешнюю эпоху опыт организационной подготовки войны 1914—1918 гг. был соответствующим образом учтен и методы улучшены: внутри Комитета имперской защиты в 1923 г., т. е. как раз в эпоху ультиматума Керзона и усиления антисоветской политики, направленной к развязыванию войны против СССР, была создана «для согласования оборонной политики» особая постоянная подкомиссия (standing subcomittee) в составе председателя — одного из министров членов кабинета и членов-руководителей военного министерства, адмиралтейства и министерства авиации, представителей министерства иностранных дел и казначейства (министерства финансов). О том, что происходит в недрах этого комитета, известно так же мало, как и в период накануне 1914 г. было мало известно, чем занимается Комитет имперской защиты. Но можно с полным правом сказать, что в нынешней «Standing subcomittee» находится организационный центр по подготовке будущей войны.

В период 1906—1914 гг. Комитет имперской защиты стал фактическим, но закулисным и безответственным перед парламентом правительством Англии. Настоящее правительство — кабинет — существовало больше для представительства.

«Ни один крупный политический вопрос не был решен на основе выводов Комитета имперской защиты. Окончательные решения принадлежали всегда кабинету. Но я могу вспомнить немного примеров (вряд ли даже хоть один), когда заключения, рекомендуемые комитетом, были отвергнуты кабинетом», — признается Асквит[1]. И хотя Холден[2] и Грей[3] уверяют, что «не было желания утаивать информацию от кабинета», «что все постоянные члены Комитета имперской защиты имели всю информацию», однако с изданием третьего тома «British Documents» благодаря

[1] *Asquith*, op. cit., p. 114.
[2] *Haldane*, op. cit., p. 161—164.
[3] *Grey*, Twenty five years 1892—1916, L. 1925, v. I, p. 93.

откровенному признанию секретаря Комитета имперской защиты лорда Сайденгама выяснилось, что не только кабинет, но далеко и не все посетители «святая святых» — Комитета имперской защиты — были осведомлены о его сокровенных тайнах.

«Я думаю, — заявляет Сайденгам, — что лорд Грей ошибается, говоря в «Twenty five years», что *все постоянные* члены Комитета имперской защиты имели *всю* информацию. Этого не было. В мои времена вопросы никогда не доходили до меня в официальном порядке, и я слышал лишь совершенно неофициально, что происходит»[1].

Если даже не все постоянные члены Комитета имперской защиты, т. е. указанные выше 5 министров плюс эксперты, имели согласно признанию лорда Сайденгама всю информацию, то что же тогда сказать о непостоянных членах комитета — министрах, приглашавшихся в качестве руководителей отдельных ведомств лишь на те заседания комитета, где их присутствие по тем или иным причинам считалось необходимым? Что сказать об остальных членах правительства, которые никогда не приглашались на заседания комитета, о либеральной партии, парламенте и пр. и пр.? Мало того, если лорд Сайденгам, бывший постоянным членом комитета, его секретарем, т. е. лицом, которое по своему служебному положению должно было быть в курсе всех дел и решений комитета, заявляет, что в течение его пребывания на посту секретаря комитета «вопросы никогда не доходили до меня в официальном порядке, и я слышал лишь совершенно неофициально, что происходит», — это значит, что далеко не все постоянные члены комитета, как сейчас повидимому Макдональд, имели всю информацию, и что имелись такие тайны, о которых не знали даже некоторые министры из числа 5 постоянных представителей кабинета в Комитете имперской защиты.

Как будет показано ниже (глава III), даже Кемпбелл-Баннерман, премьер-министр Англии (и лидер либеральной партии) в 1906—1907 гг., не имел всей информации относительно переговоров английского и французского генеральных штабов об отправке английской армии на континент. Канцлер казначейства в кабинете Кемпбелла-Баннермана Асквит, заменивший его в 1908 г. на посту премьер-министра, только в 1911 г., т. е. на третьем году своего премьерства, узнал о тайных переговорах между английским и французским генеральными штабами и об «обязательстве чести» Грея и т. д. и т. д.

Секреты политической подготовки к войне были сосредоточены в Foreign Office, бессменно возглавлявшейся в 1906—1914 гг. сэром Эдуардом Греем, политика которого нашла искусных выполнителей и помощников в лице высших чиновников Foreign

---

[4] BD, III, № 221; *Calwell*, Field Marshall Sir Henry Wilson. His Life and Diaries, L. 1927, v. I, p. 107; *Lord Sydenham*, My working Life, L. 1927, p. 196—197 курсив мой. — *Н. П.*

Office — Артура Никольсона, Чарльза Гардинжа, Эйр Кроу, Тирреля и др. Грей, принадлежавший к числу «либералов-империалистов», в течение всех лет пребывания либеральной партии у власти фактически проводил политику подготовки войны с Германией, политику, выражавшую, как мы уже знаем, цели и интересы наиболее влиятельной части английской буржуазии (магнатов угольной, металлургической, машиностроительной и судостроительной промышленности), которая более всего пострадала в результате бурного экономического развития Германии.

Подготовка войны с Германией последовательно велась в период 1901—1914 гг. обеими стоявшими у власти в эти годы буржуазными партиями Англии: консервативной — открыто, либеральной — втихомолку, без шума и огласки. Либералы, сменившие в 1906 г. консерваторов, несмотря на свой пацифизм, тотчас подтвердили обещание поддержки, данное Франции консерваторами на случай военного конфликта последней с германским империализмом из-за Марокко, и оказали Франции на Алжезирасской конференции (1906 г.) полную поддержку. После Алжезирасса руководители британской политики поставили перед собой вопрос о тех выводах, которые следует сделать в случае, если курс сотрудничества с Францией, намеченный в Алжезирассе, будет доведен до своего логического конца. Об этом свидетельствует любопытная дискуссия, разыгравшаяся в начале 1907 г. в недрах Foreign Office между помощниками Грея, посвященными в дипломатические тайны британского империализма.

1 января 1907 г. старший клерк Foreign Office и ближайший помощник Грея сэр Эйр Кроу представил последнему обширный и секретный «Меморандум о нынешнем состоянии отношений Британии с Францией и Германией»[1]. Меморандум доказывал, что Германия заражена воинственным духом, что она зарится на британские колониальные владения, что мирное содружество с Германией невозможно и всякие попытки сближения с Германией бесцельны, ибо их приходится покупать слишком дорогой ценой.

«Германия не подарила нам дружбы, хотя не раз прикарманивала (pocketed) цену, требуемую за нее». Поэтому «пустые надежды» на то, что «Германию можно примирить и сделать более дружественно настроенной при помощи щедрых британских уступок, должны быть окончательно оставлены». Отметив благоприятные последствия фашодского урока на отношениях с Францией, Эйр Кроу указывал, что «события, связанные с Алжезирасской конференцией, повидимому имели для германского правительства эффект неожиданного откровения, ясно указывая на новый дух, в котором Англия предполагает регулировать свое собственное поведение по отношению к Франции, с одной сто-

[1] BD, III, App. A., стр. 397—420; взгляды Эйр Кроу поддерживал Берти — BD, VII, № 8.

роны, и к Германии, с другой. Урок Алжезирасса — «удивленное недовольство» Германии — заставит ее «подумать дважды, прежде чем дать повод к какому-нибудь новому несогласию» (в отношениях с Англией. — *Н. П.*).

Поэтому Эйр Кроу рекомендовал Англии в отношениях с Германией «неизменную вежливость и внимание во всех вопросах общего характера, но вместе с тем немедленный и твердый отказ вступать в какие бы то ни было односторонние соглашения и сделки и самую несгибаемую решимость поддерживать британские права и интересы в каждом уголке земного шара. Нет более верного и быстрого способа приобрести уважение германского правительства».

Меморандум Эйр Кроу был встречен весьма одобрительно. Лорд Фицморис подчеркнул необходимость учесть еще «беспокойный и неверный характер императора Вильгельма. В сумасшествии князя Бисмарка был по крайней мере хоть метод. Но император подобен коту на буфете (like a cat on a cupboard). Он может прыгнуть куда угодно»[1].

Но к всеобщему удивлению в Foreign Office нашелся и такой, кто поднял перчатку в защиту Германии. Этим неудачным адвокатом оказался лорд Сандерсон, что было еще более странным, поскольку его контрмеморандум «принадлежал перу чиновника, чей долг был в течение многих лет вести политику Foreign Office»[2]. Он представил контрмеморандум на ту же тему[3], в котором доказывал, что Германия — полезный, хотя и несколько «нервный друг», что «она упорный и скупой маклак в дипломатическом торге и самый неприятный противник», но что она «не платит неблагодарностью за дружескую поддержку» и что «будет несчастием, если ее заставят поверить, что в каком бы направлении она ни попыталась расшириться, она найдет британского льва на своей тропе». Поэтому Сандерсон рекомендовал политику доброжелательства по отношению к Германии в тех колониальных вопросах, где интересы английского империализма не были непосредственно затронуты.

Меморандум Сандерсона, который приблизительно в то же время добровольно или против воли — неизвестно — ушел со своего поста, был положен под сукно, так как его коллеги стояли на точке зрения «уголовного преследования и осуждения» (Эйр Кроу) Германии. Наоборот, меморандум Эйр Кроу был встречен весьма одобрительно. Грей предписал разослать копии меморандума премьер-министру, лорду Рипону, Асквиту, Морлею и Холдену со своей резолюцией:

«Этот меморандум господина Кроу исключительно ценен. Обзор нынешней ситуации и интересен и поучителен, а связный

---

[1] BD, III, App. A, p. 420.
[2] BD, III, p. 420; письмо Гардинжа Грею от 25/II 1907 г.
[3] BD, III, App. B., p. 420—431.

отчет о дипломатических инцидентах прошлых лет в высшей степени полезен для руководства политикой. Весь меморандум полон информацией и сообщениями, которые следует тщательно изучить. Направление нашей иностранной политики, которое он излагает, влечет за собой *величайшей важности решения* (greatest issues) и требует постоянного внимания»[1].

Политика войны, которую в сущности рекомендовал Эйр Кроу, была прочно усвоена руководством либерального кабинета.

*

Остается еще остановиться на одном моменте, обычно всегда фигурирующем в трудах западноевропейских историков предвоенной эпохи и войны и используемом ими для того, чтобы переложить ответственность со своей страны на противников. Мы говорим в данном случае о тех попытках «соглашения», которые в период 1904—1914 гг. предлагались от имени Германии Англии. В трудах германских буржуазных историков эти предложения о соглашении обычно приводятся как доказательство миролюбия Германии и нежелания ею войны. Точно так же в трудах английских историков всякие предложения английского кабинета, в том числе знаменитая миссия Холдена, трактуются как доказательство миролюбия английского кабинета.

Мы решительно отказываемся рассматривать эти попытки как желание действительно добиться какого-то соглашения и не допустить войну. Война была решена, и обе стороны взяли курс на ее подготовку. Различные предложения с обеих сторон в последующие годы имели своей целью только дезориентировать и обмануть противника. Все дело в том, что каждый империализм — английский и германский — готовил войну по своему варианту.

Английский вариант, как мы знаем, заключался в организации политического блока и изоляции Германии, необходимым условием чего было сохранение status quo на континенте и полной свободы рук английскому империализму, который не должен был связывать себя никакими соглашениями с Германией.

Германский вариант войны заключался в том, чтобы оторвать Англию от Франции (политический смысл англо-французской Антанты немцы со времени Алжезирасса понимали достаточно хорошо) и, имея Англию в качестве молчаливого и бесстрастного свидетеля, сначала разбить Францию и ее союзников, после чего через несколько лет настала бы очередь и самой Англии.

На худой конец предложениями о соглашении германский империализм надеялся внести рознь и недоверие в ряды коалиции. В течение всего десятилетия, следующего за 1904 г., он не раз ставит взаимное доверие участников коалиции под удар, заставляя каждого из них испытывать тяжелые сомнения в лойяльно-

---

[1] BD, III, p. 420. Пометки Грея от 28/II 1907 г. Курсив мой.— *Н. П.*

сти и добрых намерениях своих союзников, но в конечном счете все его попытки кончились неудачей. На всех этапах английскому империализму удалось защитить свой вариант войны и организовать ее так, как было наиболее для него удобно.

Именно такой смысл — оторвать Англию от ее союзников, связать ей руки и обеспечить себе свободу действий на континенте с тем, чтобы по очереди разбить противников, — имело целью известное предложение Кидерлена-Вехтера от имени Бюлова заключить «морскую конвенцию». Это предложение было сделано английскому правительству 16 апреля 1909 г. Англия и Германия, заключив морскую конвенцию, обязывались бы в течение определенного срока:

«1) не объявлять одна другой войны, 2) не присоединяться ни к одной коалиции, направленной против каждой из этих держав, и 3) соблюдать благожелательный нейтралитет, если одно из государств будет вовлечено в военные действия против какого-либо государства или (коалиции. — *Н. П.)* государств»[1].

Сэр Чарльз Гардинж, фактический глава Foreign Office в эти дни, в особом меморандуме от 4 мая 1909 г. рекомендовал правительству ответить отказом на предложение по следующим мотивам:

«Если правительство его величества попадет в подобную ловушку, срок действия соглашения будет ревностно использован (Германией. — *Н. П.)* для консолидации своей супрематии [превосходства] в Европе, пока Англия будет оставаться в качестве зрителя со связанными руками. По истечении соглашения Германия окажется в состоянии посвятить все свои силы для умаления единственного остающегося независимым фактора в Европе, и если, полагаясь на излияния дружеских уверений со стороны Германии, которым общественное мнение всегда чересчур готово верить и принимать за подлинные, Англия в это время пренебрежет сохранением абсолютно доминирующей морской супрематии, то она полностью заслужит судьбу, неизбежно ее ждущую, и будет принуждена впервые в своей истории занять место среди сателлитов германской группировки. Более того, одно заявление, что Англия заключила подобное соглашение с Германией, приведет к немедленной изоляции Англии и повлечет потерю престижа и всякого доверия к ее лойяльности и дружбе в будущем. Хотя немыслимо, чтобы какое-либо правительство было когда-нибудь одурачено столь прозрачным предложением, как предложение барона Кидерлена, которое не могло быть сделано без ведома и одобрения князя Бюлова, все же хорошо, чтобы его опасный характер был разоблачен и чтобы гибельные последствия, к которым может привести его принятие, были полностью уяснены»[2].

---

[1] BD, VI, № 174.
[2] BD, V, App. III, v. VI, p. 311.

Эта точка зрения была одобрена и Греем и Асквитом[1], отлично понимавшими, что результатом такого соглашения было бы нарушение политического равновесия в Европе в пользу Германии.

Такой же смысл имело предложение, сделанное в ноябре 1909 г. Бетман-Гольвегом, преемником Бюлова, заключить политическое соглашение. По этому соглашению Англия должна была гарантировать свой нейтралитет в случае конфликта Германии с другой державой. В обмен на эту английскую «уступку» германское правительство соглашалось заключить особое морское соглашение, по которому оно обязывалось снизить темп постройки судов и кроме того зафиксировать число кораблей, которые могут строить ежегодно Германия и Англия.

Английская дипломатия отлично понимала, что за этим прообразом Вашингтонского соглашения скрывается стремление германского империализма разрушить Антанту, затормозить строительство английского флота и обеспечить войну по своему варианту. Неудивительно поэтому, что предложение Бетман-Гольвега встречено было в Лондоне весьма неодобрительно.

Комментируя предложение Бетман-Гольвега, Эйр Кроу писал:

«Для Англии выгоды предлагаемого соглашения весьма скудны. Англия будет связана в вопросе о размерах морского строительства не только по отношению к Германии, но и по отношению ко всему миру. С другой стороны, согласно условиям соглашения Германия — в одиночку ли или в союзе с другими странами, — временно отказавшись от воинственных планов против Англии, получит свободу действовать как ей угодно против любого другого государства. Она может раздавить, приневолить или проглотить любую маленькую страну, она может напасть, держаться грубо или вызывающе по отношению к другим странам. Она может поручить постройку флота своим союзникам или заключить новые союзы с имеющими флот странами или купить их корабли.

Она может также противодействовать британским коммерческим или иным интересам по всему миру, и все это, не боясь вмешательства британского правительства. Торг выглядит немного односторонним. Трудно понять, как могли с честными намерениями предложить его нам»[2].

«Честь» британских поджигателей войны была оскорблена и глубоко задета!

Гардинж, ссылаясь на свой меморандум от 4 мая 1909 г. и цитируя его вышеприведенную (см. стр. 69) часть, писал:

«Никакое морское соглашение не может быть длительно полезным в смысле восстановления дружеских отношений между Германией и Англией, если оно не будет включать в себя ка-

---

[1] BD, VI, p. 311, прим. 9.
[2] BD, VI, p. 309—310.

кой-нибудь оговорки об уменьшении нынешней морской программы. Никакое политическое соглашение между обоими государствами не может быть приемлемо на основах, предложенных германским канцлером, которые бьют на то, чтобы нарушить политическое равновесие в Европе»[1].

Наоборот, Гардинж предлагал — и это также было принято Греем — по возможности оттянуть ответ и, ссылаясь на подготовку к парламентским выборам, дать вопросу умереть естественной смертью.

«Всякое расхождение в мнениях будет таким образом избегнуто, и для германского канцлера будет невозможно говорить, что мы отвергли руку дружбы, которую он искренно протянул нам»[2].

Действительно, в силу притязаний Германии на мировую гегемонию за счет Англии морское или политическое соглашение германского империализма с английским было крайне невероятно.

Ограничить ежегодную постройку кораблей определенным числом правящие круги Англии не желали, так как это значило бы «привести нашу судостроительную программу в соответствие с программой Германии, забывая о программах других держав, как Австрия, Италия, которые уже выработали программы постройки линейных кораблей в непосредственном будущем... Ограничение постройки линейных кораблей... могло бы создать весьма опасную ситуацию для британских владений и интересов в Средиземном море в момент кризиса в Северном море»[3].

Грей и Асквит одобрили эту точку зрения и приняли ее к руководству[4].

Еще менее возможно было в эти годы (1901—1914 гг.) и политическое соглашение, как показывает цитированный выше меморандум Гардинжа. Англия не хотела давать не только обязательства о нейтралитете в случае войны, но даже простого обещания о своем согласии сохранить status quo, действующий в Европе, потому что она хотела войны и притом по своему варианту.

24 октября 1909 г. тот же Гардинж писал:

«Подобная декларация со стороны Англии подверглась бы резкой критике во Франции как предательский акт со стороны друга»[5].

Грей одобрил и эту точку зрения, на что указывает его пометка под меморандумом Гардинжа: «Я говорил в этом смысле с графом Меттернихом»[6].

---

[1] BD, VI, p. 312.
[2] Там же
[3] BD, VI, p. 310; мнение Гардинжа поддерживал Эйр Кроу — BD, VI, p. 310, 614—615.
[4] BD, VI, p. 311—312, 615.
[5] BD, VI, p. 299.
[6] BD, VI, p. 300. Разговор Грея с Меттернихом повидимому имел место 26/X 1909 г. Отчет Меттерниха — см. „Grosse Politik", B. XXVIII, S. 243—244

Готовя войну по своему варианту, английские дипломаты отлично понимали, что предоставить германскому империализму свободу рук в Европе — это поставить под угрозу английское могущество: через несколько лет Англии придется воевать один на один, не имея союзников. Наоборот, следовало изо всех сил сколачивать антигерманский блок, ибо только такой блок и самое тесное единение между его участниками могли обеспечить английскому империализму возможность расправиться с германским. Именно отсюда — из желания подготовить войну по своему варианту — и вытекал отказ Англии от каких бы то ни было соглашений с Германией.

14 мая 1911 г., т. е. накануне Агадира, когда в Foreign Office знали, что франко-германского конфликта из-за Марокко уже не избежать, было получено новое предложение Бетман-Гольвега о политическом договоре, который бы «исключал всякую возможность нападения одной договаривающейся стороны на другую и гарантировал бы дружеское обсуждение всех вопросов, которые могут возникнуть между обеими державами». Бетман-Гольвег указывал, что такой договор, являясь «лучшим средством для успокоения всякой подозрительности одной державы по поводу вооружений другой», «вряд ли столкнется с соглашениями, которые каждая держава заключила с третьей стороной, и удовлетворит желание британского правительства привлечь к участию в договоре державы, с которыми оно заключило специальное соглашение»[1], т. е. попросту предлагал заключить между Тройственным союзом (или по крайней мере Германией) и Антантой договор о ненападении друг на друга.

Относительно этого предложения Эйр Кроу писал:

«Прибегать к войне не является целью или интересом для любого государства. Целью является достижение известных политических результатов, которые могут быть в данных условиях достигнуты при помощи или без помощи силы. Если они достигаются без применения силы, тем лучше для государства, добивающегося своей особой цели... Если они достигнуты, будет без сомнения удовлетворение, что война была избегнута...

Германия имеет средства, помимо применения силы, для оказания значительного давления на другие государства. Путем применения тарифов, пароходных субсидий, финансовых комбинаций, навигационных пошлин, эмиграционных и пограничных постановлений и т. д. она уже в настоящий момент оказывает подобное давление на государства вроде Голландии, Бельгии, Швейцарии, Дании, Швеции и Норвегии и часто вынуждает их уделять внимание германским требованиям, что они конечно делают не всегда охотно. Даже у стран, находящихся в положении Испании, Португалии или Италии, боязнь германского неудовольствия, как прекрасно известно, имеет могущественное

---

[1] BD, VI, № 464, p. 626—627

влияние на предоставление уступок германским претензиям и притязаниям, которым эти страны хотели бы оказать сопротивление в своих собственных интересах. Опасения тех и других стран были бы без сомнения значительно смягчены, если бы они каким-либо чудом были абсолютно гарантированы относительно применения силы Германией. Но Германия по меньшей мере никогда не колебалась провозглашать громко и открыто, что для нее обращение к силе есть ultima ratio поддержания того, что она считает своими правами, и в получении должного внимания к своим интересам и своему положению как великой державы. При таком положении было бы только естественно и отнюдь не несправедливо предположить, что Германия, в случае если она будет в течение периода времени определенно свободна от всякого страха нападения со стороны ее трех наиболее грозных противников (Англии, Франции и царской России. — *Н. П.*), воспользуется представившейся возможностью для консолидации и укрепления своей позиции в других странах, расширяя свое политическое влияние, создавая новые интересы или права и прежде всего приобретая позиции стратегической ценности и важности на случай всяких будущих войн с тремя прочими договаривающимися государствами. Она конечно напряжет каждый нерв для получения, путем ли покупки, или цессии (уступки территории. — *Н. П.*) или путем обмена колониальными владениями, или же какими-либо другими средствами, тех иностранных портов, островов и баз, которые, как известно, были в течение многих лет целью ее самых смелых национальных претензий: испанских островов, португальских островов, голландских островов, марокканских портов, словом, всякой возможной базы (footing) в районах, фланкирующих торговые пути или коммуникационные линии с колониальными владениями других держав. Для этой и для других целей Германия под покровом такого соглашения, которое повидимому ей желательно, могла бы, не боясь помехи, использовать все средства, находящиеся в ее распоряжении, чтобы установить свое влияние в советах прочих правительств и добиться их согласия или обессилить их враждебность к необходимым сделкам и договорам.

Совершенно ясно, что таким путем и без нарушения какого-либо точного договорного права Великобритании, в защите которого можно было бы положиться на арбитражную процедуру, Германия могла бы одновременно с дальнейшим быстрым развитием ее флота приобрести угольные станции и морские базы за границей, которые не имели бы другой цели, как укрепить ее позиции в морском конфликте, и владея которыми она пожалуй могла бы надеяться с достаточными видами на успех оспаривать в случае необходимости британскую суприматию на море»[1].

Лучше и надежней всего предотвратить эту опасность могла

---

[1] BD, VI, № 464. p. 628; о нежелательности соглашения между Англией и Германией, см. также BD, VII, № 359.

превентивная война, посредством которой можно было пустить ко дну германский флот, захватить у немцев колонии и разрушить германскую экспортную торговлю. И Эйр Кроу рекомендовал английскому правительству эту превентивную войну против Германии, правда, в мягких дипломатических выражениях, не называя вещи их собственными именами:

«Сколь ни законным все это может быть с германской точки зрения, целью британской политики не может быть содействие или помощь в осуществлении этих задач. Ибо если когда-нибудь Германия укрепит таким образом свои позиции, какой шанс останется тогда для Великобритании, Франции и России или даже хотя бы всеобщей комбинации всех держав (world) сопротивляться германской диктовке? Какая польза от того, что друзья мира будут хвастаться тем, что война будет избегнута? Все, что Германия могла когда-либо надеяться получить при помощи войны, она выиграет без войны»[1].

Соображения Эйр Кроу были единодушно одобрены. Ни Ланглей (помощник Никольсона), ни сэр Артур Никольсон, ни сам Эдуард Грей не высказали ни слова протеста против превентивной войны, предлагавшейся Эйр Кроу в качестве рецепта для разгрома Германии[2]. Берти на худой конец в случае нужды предлагал сделать еще один шаг вперед:

«Нападение очень часто — лучшее средство самозащиты! Если Россия будет занята такими событиями, которые помешают ей оказать полезную военную помощь Франции, и германское правительство окажет по какому-нибудь вопросу давление на французское правительство, — по вопросу, который хотя не имеет значения для Англии, но жизненен для Франции,—германское правительство может сделать все военные приготовления для войны и двинуть войска к границе с явным намерением напасть, если германские требования не будут удовлетворены. Если в таких обстоятельствах французское правительство убедится, что Франция накануне нападения, и даст приказ французским войскам перейти границу с целью выиграть военные преимущества, столь существенные для успеха, учитывая французский темперамент, кто будет тогда настоящий нападающий — Франция или Германия? Я думаю, Германия. Но если мы присоединимся к Франции с целью предупредить ее уничтожение, то это должно быть в начале спора, чтобы наше выступление могло принести пользу, ибо оно оказалось бы запоздавшим после одного или двух французских поражений, а в этом случае мы будем считаться напавшими на Германию или же присоединившимися к нападению на нее»[3].

Как можно судить по приведенным выше данным, руководящие

---

[1] BD, VI, № 461, p. 628.
[2] BD, VI, p. 629, ср. также № 468.
[3] BD, VI, № 556, 559, 563.

работники Foreign Office, не говоря уже о военном министерстве, генеральном штабе и адмиралтействе, к 1914 г. решительно высказывались за войну, и притом превентивную войну, с Германией.

Эта политика курса на войну с Германией, отражавшая интересы английского капитала, сопровождалась усиленной подготовкой к войне во всех направлениях. Не касаясь сейчас вопросов организационной и отчасти технической подготовки, которые будут более подробно рассмотрены в следующих главах, отметим вкратце главные меры, принятые руководящими кругами английского капитала в отношении политической и идеологической подготовки к войне.

*

Соглашение с Францией 8 апреля 1904 г., обеспечивая английскому империализму разграничение англо-французских интересов в Африке (в частности относительно Египта и Марокко), в Азии (Сиам), в северной части Атлантики (Ньюфаундленд) и на Тихом океане, давало необходимого для войны с Германией союзника в Европе, обладавшего многочисленной и хорошо вооруженной армией, и создавало предпосылки для соглашения с союзником Франции — царской Россией. В отношении последней английское правительство использовало разгром царских войск в Манчжурии, предпосылки которого были отчасти созданы англо-японским союзным договором 1902 г., чтобы путем сглаживания на некоторый исторический отрезок времени англо-русских противоречий в Азии (соглашение 1907 г. относительно Афганистана, Тибета, Персии) и намеков на возможность получения царизмом Константинополя и проливов после разгрома Германии, угрожавшей притязаниям царизма на Ближнем Востоке, обеспечить выступление царской России в качестве союзника против «общего врага». Этими соглашениями и был сплочен империалистический блок Антанты, выступившей в 1914 г. против Германии.

Одновременно английское правительство, используя австро-итальянские противоречия (притязания итальянцев на Трентино и балканское побережье Адриатики, заселенное итальянцами), немало содействовало сближению Италии с Францией и фактическому отходу Италии от Тройственного союза.

Стремясь создать наиболее выгодную, в смысле обеспечения помощи или нейтралитета других держав, международно-политическую обстановку будущей войны, английский империализм в период 1901—1914 гг. положил немало усилий на то, чтобы сгладить испано-французские противоречия в Марокко (особенно в 1911 г.), обеспечить вооруженное участие Бельгии в будущей войне на стороне Антанты (переговоры 1906—1912 гг.), благожелательный нейтралитет Голландии и Португалии, благоприят-

ное для Антанты соотношение сил на Балканах (содействие организации Балканского союза) и пр.

Учитывалась также и та конъюнктура, которую может дать раскол противной группировки — Тройственного союза, руководимого Германией. С этой целью английское правительство сделало попытку (свидание короля Эдуарда в 1908 г. с Францем-Иосифом), хотя и неудачную, оторвать Австро-Венгрию от Германии. В результате этой работы и при содействии — правда, не всегда искреннем — Франции (по отношению к Испании, Италии и Турции) и царской России (на Балканах и Ближнем Востоке) английскому империализму удалось создать к 1913—1914 гг. более или менее благоприятную для Антанты международно-политическую расстановку сил в подготовляемом военном конфликте.

Гораздо сложнее и труднее шла идеологическая подготовка к войне. Клеймо «Made in Germany» («сделано в Германии»), которое ставилось на всех импортируемых из Германии товарах, годилось для запугивания широких масс угрозой германской торговой конкуренции, но было невозможно использовать только эту угрозу, чтобы поднять массы на войну с Германией. Поэтому идеологическая подготовка к войне развивалась в Англии в двух направлениях.

1. Пропагандой германской «опасности» в смысле подрыва английской промышленности, торговли, морского транспорта, в которых были заняты миллионы английских пролетариев, и в смысле прямых угроз гегемонии Англии на море. Английская пропаганда «германской опасности» (к этой пропаганде одинаково приложили руку как консервативные, так и либеральные газеты) выполнила с успехом заказ английского империализма и умело разожгла шовинизм. Проследить все перипетии и выражения этой пропаганды по английской периодической печати 1901—1914 гг. явилось бы темой для отдельной монографии. Поэтому мы отметим только, что пропаганда этого сорта быстро захватила периодическую печать и политическую публицистику, амвоны и кафедры, литературу и искусство и значительно способствовала обработке сознания широких масс английского населения в направлении готовности умереть за «обижаемое коварным немцем отечество».

2. Дополняющим эту пропаганду моментом явились социальные «реформы» периода 1905—1914 гг., представлявшие ряд подачек пролетариату со стороны буржуазии с целью усыпить его революционизировавшееся[1] классовое самосознание. Эти «реформы» были ловким маневром, при помощи которого английская буржуазия, готовясь к войне, хотела сделать буржуазное

---

[1] Забастовки 1911—1914 гг. были следствием потери промышленной монополии английским капитализмом и соответствующего роста безработицы и ухудшения условий труда. См. *Ленин*, Собр. соч., 3-е изд., т. XVI, стр. 167.

отечество «дорогим» и «родным» для рабочих и пробудить в последних готовность к его защите. В этом отношении победа либеральной партии на выборах 1906 г. (на основе пацифистской программы) была ловким маневром английской буржуазии, хотевшей выиграть время для технической подготовки к войне и восстановления военной мощи царской России после разгрома в Манчжурии.

Эти реформы были рассчитаны на верхушку рабочего класса, или, применяя характеристику Энгельса, «буржуазный пролетариат». Две крупные отличительные черты империализма, имевшие место в Англии с половины XIX в., — громадные колониальные владения и монопольное положение на всемирном рынке — дают возможность проследить истоки оппортунизма в рабочем движении[1]. Английский капитализм стремился выделить среди рабочих привилегированные отряды и отколоть их от широкой массы пролетариата. В результате этой политики буржуазный экономист Гобсон мог отметить еще в 1902 г. существование «фабианских империалистов» в Англии, принадлежащих к оппортунистическому «фабианскому обществу». Английские «социал-империалисты» были достойны своих германских собратьев.

Подготовка английских империалистов к войне облегчалась раздробленностью английского рабочего класса. Лейбористская партия представляла блок тред-юнионов, социалистических партий и кооперативных организаций, созданный для того, чтобы рабочие-избиратели имели особое, независимое от консерваторов и либералов, представительство в парламенте. Лейбористская партия как организация была далека от социализма и не входила во II Интернационал ввиду «революционности» последнего. В лейбористскую партию входили: 1) руководство тред-юнионов и кооперативов, представлявшее правое крыло лейбористской партии и являвшееся уже тогда мелкобуржуазной шовинистической группировкой; 2) фабианские социалисты или «фабианские империалисты» — организация для борьбы с социализмом; 3) независимая лейбористская партия, являвшаяся типичной центристской группировкой, входившей во II Интернационал. За исключением отдельных своих членов она вела борьбу против империалистической войны лишь на словах. «Независимая Рабочая Партия», — писал Ленин в октябре 1912 г., — и есть партия либеральной рабочей политики. Справедливо говорят, что эта партия «независима» только от социализма, а от либерализма очень зависима»[2]; 4) британская социалистическая партия, правое крыло которой во главе с Гайндманом состояло из типичных социал-империалистов; левое крыло партии, влившееся после войны 1914—1918 гг. в британскую коммунистическую партию, вело борьбу против империалистической войны, но было слишком незначительно и мало влиятельно, а главное, вело борьбу крайне

---

[1] См. там же, т. XIX, стр. 157—158.
[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 167.

непоследовательно, чтобы серьезно затруднить подготовку войны английскими империалистами.

Понятно, что в таких условиях английскому империализму при помощи искусной маскировки удалось обмануть рабочие массы и организовать войну.

В течение 1906—1914 гг. под прикрытием пацифизма либералов идет усиленная подготовка к войне с Германией. Эта передышка позволила английской буржуазии подготовиться к войне и при помощи ее фактически обескровить и обезглавить революционизирующийся рабочий класс, забастовки которого в 1911—1914 гг. явились тревожным предостережением для английского империализма.

*

В свою очередь германский империализм, стремясь к мировой гегемонии и натыкаясь во всех концах земного шара на упорное сопротивление английского империализма, готовился к решительной схватке с последним.

Как проходила эта подготовка к войне, какую позицию занимали по отношению к ней различные классы Германии? Ленин не раз указывал, что германское государство конца XIX и начала XX в. представляло собой государство юнкеров и капиталистов.

Представительница интересов юнкерства — консервативная партия (в обеих ее фракциях), постепенно терявшая, как показывали результаты выборов в рейхстаг, свою базу в политической жизни Германии, восставала в период 1890—1900 гг. против «нового курса», отражавшего перерастание Германии в империалистическую державу. Представители интересов финансового капитала (национально-либеральная партия) и мелкой буржуазии (прогрессивная партия), равно как и дополнявшая национал-либералов и прогрессистов католическая партия центра, энергично поддерживали политику «нового курса». Вступление германского капитализма в стадию империализма и превращение Германии в империалистическую державу, «будущее которой лежало на морях», т. е., иными словами, заключалось в лишении Англии мировой гегемонии и ограблении ее колоний, что превращало Германию в мировую империю (Weltreich), внесли известный разнобой в настроения феодального юнкерства. Часть его, срастаясь с буржуазией и проникаясь ее интересами (больше всего это коснулось флотского офицерства), решительно поддержала политику «нового курса», ставшую в период 1901—1914 гг. политикой подготовки вооруженной борьбы с английским империализмом за мировую гегемонию.

Поэтому период 1901—1914 гг. характеризуется некоторым сближением юнкерства и буржуазии и во внешней и во внутренней политике Германии. В вопросах внешней политики юнкерство и буржуазия блокируются друг с другом на основе борьбы

за мировую гегемонию, в области внутренней политики — на объединении своих сил для борьбы с «внутренним врагом» — с приобретающим все больший и больший вес в политической жизни страны германским пролетариатом. Противоречия интересов феодального юнкерства и финансового капитала во внешней политике сводятся в период 1901—1914 гг. главным образом к вопросу о выборе варианта и срока развязывания войны, а именно: начать ли войну тогда, когда положение на море улучшится для Германии, или начать ее возможно скорее, пока Германия сохраняет решительное превосходство (благодаря разгрому царской России в Манчжурии в 1904—1905 гг.) над будущими противниками на суше.

Решительным преобладанием в экономике Германии в период 1901—1914 гг. финансового капитала, удовлетворение интересов которого могло быть достигнуто в первую очередь и притом наиболее широко и полно разгромом Англии и политическим (в первую очередь военным) закреплением за германским империализмом монополий на мировых рынках сбыта, сырья и экспорта капиталов, следует объяснить тот факт, что война с Англией и ее союзниками началась в 1914 г., а не значительно раньше — в 1905, 1909 или 1911 гг.

Оттяжка войны на 1914 г. объяснялась и соображениями военно-политического характера, хотя повышение удельного веса пролетариата в политической жизни Германии и полевение масс заставляли германских империалистов спешить с развязыванием войны.

В период 1870—1893 гг., несмотря на «закон о социалистах», число голосов, поданных за социал-демократическую партию на выборах в рейхстаг, выросло со 124 тыс. до 1 787 тыс., а число социал-демократических депутатов в рейхстаге увеличилось с 2 до 44. Но при решительном господстве в этом периоде в рейхстаге депутатов юнкерства и буржуазии «рабочая опасность» не считалась правящими кругами способной существенно повлиять на внешнюю политику Германии.

Иначе обстояло дело в эпоху империализма. На выборах 1898 г. социалисты собрали 2 107 тыс. голосов и получили 56 мандатов, а в XX в. политический рост пролетариата начал принимать довольно тревожные для правящих классов Германии размеры. Хотя границы избирательных округов не менялись с 1871 г., несмотря на резкий прирост населения в городских промышленных избирательных округах[1], однако число голосов, поданных за социалистическую партию, с каждыми выборами в рейхстаг все увеличивалось. В 1903 г. она собрала 3 011 тыс. голосов и получила 81 мандат, в 1907 г. — 3 259 тыс. голосов и 43 мандата, в 1912 г.,

---

[1] Сохранение границ 1871 г. в избирательных округах было одним из средств укрепления представительства буржуазных и юнкерских партий в рейхстаге. Особенно ярко показывают это выборы 1907 г.

после исправления границ избирательных округов сообразно числу населения, 4 250 тыс. голосов, т. е. больше 1/3 поданных голосов, и 110 мандатов, т. е. почти 30% всех мест в рейхстаге.

Выборы 1912 г. сигнализировали правящим классам Германии, что политика подготовки к войне может быть сорвана германским пролетариатом. Это обстоятельство наравне с соображениями военно-политического порядка, вырисовавшимися после 1912 г. (см. гл. II—III), заставляло правящие классы Германии спешить с развязкой войны, чтобы обескровить рабочий класс и подавить его при помощи террора. Приходилось спешить, пока германский пролетариат не вырос в классовом и политическом отношениях настолько, что оказался бы в состоянии помешать агрессивным планам германского империализма.

В своей подготовке войны правящие классы Германии сумели увлечь за собой и верхушку рабочего класса. Как указывает Ленин, «империализм имеет тенденцию и среди рабочих выделить привилегированные разряды и отколоть их от широкой массы пролетариата»[1]. «Империалистская идеология проникает и в рабочий класс»[2]. Наиболее хорошо оплачиваемые за счет колониальных сверхприбылей верхушки рабочего класса были базой, опираясь на которую вожди германской социал-демократии целиком поддерживали империалистическую политику правящих классов и их подготовку к войне. «Вожди теперешней так называемой «социал-демократической» партии Германии получили по справедливости название «социал-империалистов», т. е. социалистов на словах, империалистов на деле»[3] — так классически точно охарактеризовал Ленин политическую суть руководства германской социал-демократии в последние перед войной годы. Эти «социал-империалисты» по мере укрепления мощи германского империализма все более становились апологетами последнего и поддерживали пропаганду войны, развиваемую правящими классами. Известно, какое недовольство среди социал-демократических и профсоюзных «бонз» вызвали разоблачения Карла Либкнехта в рейхстаге против Круппа в 1913 г. и как руководство германской социал-демократической партии старалось смягчить и затушевать «скандал».

Германская социал-демократическая партия была, как указывает т. Сталин, блоком мелкобуржуазных и пролетарских элементов. «Социал-империалисты», иначе «социал-шовинисты», поддерживавшие германский империализм в организации войны 1914—1918 гг. и голосовавшие 4 августа 1914 г. за военные кредиты, составляли правое крыло партии, руководимое Зюдекумом, Легином, Шейдеманом, Давидом. Центристская группировка партии в лице Каутского и Гаазе состояла из «мнимых марксистов, которые колеблются между оппортунизмом и радикализмом, а в действи-

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 157.
[2] Там же стр. 159.
[3] Там же.

тельности служат лишь фиговым листочком для оппортунизма»[1]. «Центр, — так характеризовал Ленин каутскианцев, — царство добренькой мелкобуржуазной фразы, интернационализма на словах, трусливого оппортунизма и угодничества перед социал-шовинистами на деле»[2].

«Сладенькие Иудушкины речи»[3] Каутского и К°, вся политика вождей германской социал-демократии облегчили германскому империализму задачу идеологической подготовки войны. Руководство германской социал-демократии взяло на себя львиную долю труда по обману германского пролетариата. Левое крыло германской социал-демократической партии, где особенно необходимо выделить Карла Либкнехта, Розу Люксембург, Клару Цеткин, представляло «слабую и немощную группу, организационно неоформленную... боящуюся даже выговорить слово «разрыв», «раскол»[4]. Левые вели борьбу против войны, но не всегда последовательно и до конца. Ленин, и до войны и во время войны 1914—1918 гг. решительно боровшийся с полуменьшевистскими ошибками Люксембург, вскрыл немало ошибок левых в их борьбе против империализма и империалистической войны, как например недостаточность борьбы с каутскианством, ошибки в национальном вопросе, в оценке империалистической войны 1914—1918 гг., в вопросе о превращении империалистической войны в гражданскую и т. д.

Эти ошибки, как говорил Ленин, «результат слабости *всех* немецких левых, опутанных со всех сторон гнусной сетью каутскианского лицемерия, педантства, «дружелюбия» к оппортунистам»[5], — помогли социал-империалистам и центру втянуть в войну рабочие массы Германии под лозунгом «защиты отечества».

Руководство германской социал-демократии сделало все от него зависящее, чтобы обеспечить беспрепятственный ход мобилизации миллионных масс трудящихся на войну; это руководство обеспечивало с самого начала военных действий тыл германского империализма и в этом отношении сыграло не менее крупную роль, чем полицейский аппарат империи, церковь и т. д. Только опираясь на поддержку социал-демократии, правящие круги германского империализма могли так уверенно готовить народные массы к войне.

Эта подготовка к «великому решению» в общих чертах сводилась наряду с идеологической обработкой масс к тому, чтобы обеспечить начало войны в наиболее выгодных условиях, пока германский империализм при содействии своих союзников сохранял решительный перевес над возможными будущими противниками на суше, ибо потеря военного превосходства на суше

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 5, прим.
[2] Там же, т. XX, стр. 125.
[3] Там же, т. XIX, стр. 53.
[4] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 605.
[5] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 190. Курсив Ленина.

была аналогична потере военного превосходства Англией на море.

Деятельность германской дипломатии в отношении политической подготовки к войне в период 1901—1914 гг. была направлена к обеспечению поддержки старых союзников и приобретению новых. После крушения договоров о перестраховке такими союзниками являлись кроме Австро-Венгрии, связавшей свою судьбу с судьбой Германии, Италия и Румыния. Но позиция их в Тройственном (вернее, четверном) союзе в силу разных причин была ненадежна. Антанте, стремившейся расколоть Тройственный союз, удалось постепенно перетянуть Италию и Румынию на свою сторону.

Отход Италии и Румынии от австро-германского союза был обусловлен развитием противоречий между этими государствами и Австрией. В эпоху империализма австро-итальянские противоречия приобрели особую остроту. Наличие в составе монархии Габсбургов итальянских областей и притязания Австрии (при поддержке Германии) на широкую экспансию на Балканах, для того чтобы превратить Адриатическое море в закрытое австрийское море, способствовали переходу (хотя и тайному) Италии в лагерь Антанты.

Аналогичный процесс можно отметить и в отношении Румынии. Ее позиция в австро-германском союзе вследствие обострения противоречий между Румынией и Австро-Венгрией и посулов Антанты, в частности царской России, не скупившейся на признание за Румынией австро-венгерских областей с румынским населением (Трансильвания, Банат), приобретала, в особенности после балканских войн, все более и более явно выраженный антиавстрийский характер.

Задачи германской политики в период 1901—1914 гг. по отношению к Италии и Румынии сводятся к тому, чтобы обеспечить выполнение ими обязательств по союзным договорам, т. е. активное участие итальянской и румынской армий в будущей войне на стороне австро-германского союза или же, на худой конец, сохранение нейтралитета в первый и притом решающий, по мнению германского генерального штаба, период войны, когда намечался решительный удар против Франции. Германский империализм, строивший свои планы войны на разгроме в течение 6 недель Франции и 6 месяцев — царской России, старался обеспечить нейтралитет Италии и Румынии по крайней мере на этот срок, если на активное выступление этих стран на стороне австро-германского блока уже не приходилось надеяться.

Что касается приобретения новых союзников в будущей войне, то усилия германской политики направляются в эпоху империализма в первую очередь на Турцию. Стремясь к мировой гегемонии, которая могла быть достигнута после разгрома Англии, германский империализм придает особое значение Турции, видя в ней такого союзника, с помощью которого при случае можно нанести роковой или даже смертельный удар мировому могу-

ществу Англии. Эксперт по ближневосточным делам в германском министерстве колоний, известный политический публицист Пауль Рорбах описывал роль Турции в будущей схватке за мировую гегемонию с Англией более чем восторженно:

«В сущности говоря, у Германии имеется одна единственная возможность в случае *наступательной* войны против Англии: эта возможность — усиление Турции. На Англию можно напасть с суши, со стороны Европы, а нанести ей удар только из одного места — Египта. Вместе с Египтом Англия потеряет не только свое господство над Суэцким каналом и над средствами сообщения с Индией и Азией, но также по всей вероятности и свои владения в Центральной и Восточной Африке. Завоевание Египта таким магометанским государством, как Турция, может также иметь опасное влияние на 60 млн. ее (Англии. — *Н. П.*) магометанских подданных в Индии, в Афганистане и Персии. Но Турция может мечтать о Египте только при том условии, что она будет иметь в Малой Азии и Сирии обширную железнодорожную систему и если она, продолжив Анатолийскую железную дорогу, сумеет защититься от Англии в Месопотамии, если она увеличит и усовершенствует свои войска и если ее экономическое положение и финансы улучшатся. С другой стороны, сознание того, что Турция усилилась в военном отношении, укрепилась экономически и стала хозяином железнодорожных сообщений, вполне достаточно для Англии, чтобы она отказалась раз навсегда от мысли напасть на Германию. И это положение должно стать целью германской политики. Та политика помощи и содействия, которую преследует Германия в отношении Турции, поставила своей целью создать сильную гарантию на случай угрозы войны со стороны Англии»[1].

Балканская война и разгром Турции нанесли жестокий удар этим замыслам германского империализма. Поражение Турции привело к тому, что последняя после 1912—1913 гг. считалась в кругах германского правительства недееспособным союзником, в отношении которого стоило в союзном договоре дать лишь гарантию защиты, но не союза. Турцию, набивавшуюся в союзники в течение 1913—1914 гг., приняли в союз только после того, когда в период июльского кризиса 1914 г. обозначилась неизбежность войны и старые союзники — Италия и Румыния — не торопились, несмотря на требования из Берлина и Вены, заявлять о своей готовности выступить на стороне австро-германского блока.

Ту же тенденцию германской политики можно отметить в отношении Болгарии и Греции. Германское правительство выразило согласие принять в качестве союзника Болгарию лишь в период июльского кризиса 1914 г., несмотря на то, что Вена поддерживала соответствующие просьбы царя Фердинанда по крайней мере с 1908 г. Несколько иначе сложились отношения Германии

[1] *P. Rohrbach*, Bagdadbahn, Berlin 1911.

с Грецией, где сидевший на троне представитель германского империализма, несмотря на свои симпатии к «германскому делу», мог только побудить правительство к отказу от выполнения договорных союзных обязательств с Сербией, но не мог обеспечить выступления Греции на стороне австро-германского союза.

Задачи организационной и технической подготовки к войне, как можно судить по опубликованным данным[1], изменялись сообразно развитию международно-политической ситуации Германии за 1901—1914 гг. и будут изложены ниже (см. гл. II). Но общее направление ее — борьба за мировую гегемонию — является характерной чертой подготовки Германии к войне в период 1901—1914 гг., в отличие от такой же подготовки в 1871—1900 гг., когда она выражалась лишь в сохранении за Германией военного превосходства на суше для защиты завоеванного в 1864—1871 гг. и почти совершенно исключала из своих расчетов войну на море.

Таковы вкратце, бегло, антагонистические позиции «атаманов» «каждой разбойничьей шайки, т. е. и Англии и Германии»[2], в борьбе за мировую гегемонию.

Какое значение придавал Ленин англо-германскому противоречию в комплексе тех причин, которые привели к империалистической войне 1914—1918 гг., видно из следующего его указания: «Война эта шла из-за того, чтобы переделить весь мир. Война шла из-за того, какой из ничтожных групп крупнейших государств — английской или германской — получить возможность и право грабежа, удушения, эксплуатации всей земли»[3].

В эпоху империализма англо-германские противоречия стали главными и решающими противоречиями капиталистического мира. Германский империализм стремился к мировому господству за счет ограбления и умаления других капиталистических стран и прежде всего — Англии.

Борьба этих двух гигантов за мировую гегемонию наложила свой отпечаток на взаимоотношения между капиталистическими странами в первые десятилетия XX в. и предопределила перегруппировку сил в империалистическом лагере — создание англо-французской Антанты, переросшей затем в «тройственное согласие», с участием царской России.

ФРАНКО-ГЕРМАНСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

После войны 1870—1871 гг. Франция, бывшая в 60-х годах прошлого столетия руководящей промышленной страной на европейском континенте, превращается к началу XX в. из-за отставания в темпах промышленного развития в отсталую в индустриальном отношении страну. Уплата пяти миллиардов франков контрибуции и потеря двух промышленных провинций с бога-

---

[1] До сих пор оперативно-стратегические планы войны, разработанные германским генеральным штабом, в частности план Шлиффена, известны лишь в общих чертах.

[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 365.

[3] Там же, т. XXV, стр. 332.

тейшими залежами железной руды экономически обескровили Францию, а политические потрясения первых лет после войны 1870—1871 гг., в особенности физическое истребление наиболее квалифицированных слоев рабочего класса во время подавления Коммуны и дорогостоящая политика колониальных авантюр, падающая на 1880—1900 гг., были факторами, содействовавшими промышленному отставанию Франции. Промышленное развитие Франции в период 1871—1900 гг. идет ослабленными по сравнению с английским и тем более американским и германским темпами (см. стр. 41), физический объем продукции чугуна и стали резко отстает от германского и тем более английского уровня. Исключительно застойный характер развития французской промышленности в эти годы без сомнения содействовал превращению французского капитализма в «ростовщический, ссудный капитализм» (Ленин). Именно в этот период Франция превращается в мирового банкира и ростовщика, ссужающего в виде займов под проценты и при надежных гарантиях свои капиталонакопления в те страны Европы, которые были наиболее надежны в смысле получения дохода (по данным полуофициального обследования 1902 г., 55% французского экспорта капитала было вложено в государственные и муниципальные займы).

Если рост германской промышленности укреплял позиции Германии, как «великой» империалистической страны абсолютно, то падение промышленной, т. е. экономической мощи Франции усиливало германскую империю относительно. Руководящие круги довоенной Германии не без основания рассчитывали на слабость индустриальной базы Франции как фактор, благоприятствующий их победе над последней в борьбе за окончательное свое утверждение в качестве «Weltmacht».

Перерастание капитализма в стадию империализма существенным образом изменило и характер экономического развития Франции. В период 1890—1913 гг. она начинает увеличивать темпы своей промышленной продукции (в особенности в производстве чугуна и стали), не отставая от германского темпа развития в этих отраслях промышленности и приближаясь по физическому объему продукции к уровню Англии (см. табл. на стр. 49), несмотря на то, что французский ссудно-ростовщический капитал неохотно вкладывал деньги в отечественную промышленность. В период 1889—1908 гг. французскими банками было вложено всего 1 056 млн. франков в отечественную промышленность и 24 млрд. франков в иностранные ценные бумаги. Своеобразный бойкот французской промышленности национальным ростовщическим капиталом достигал таких размеров, что французские банки предпочитали вкладывать свои капиталы не в отечественную, а в германскую промышленность.

Начавшееся в первое десятилетие XX в. ускорение промышленного развития Франции тормозилось однако не только слабым вложением отечественного ссудно-ростовщического капитала в национальную промышленность. В последние годы перед войной

здесь обозначился известный перелом, а именно: в 1911 г. во французскую промышленность было вложено 807 млн. франков, в 1912 г. — 1 648 млн. франков, в 1913 г. — 2 018 млн. франков[1], что свидетельствовало о нарастании темпов индустриализации Франции; все же разрыв между экспортом капитала и внутренними вложениями был достаточно велик. Но не в меньшей степени отразилась на индустриализации Франции резкая диспропорция между железорудной и угольной базами. Несмотря на потерю в 1871 г. почти половины (2,5 млрд. *т*) лотарингской руды, Франция обладала в пограничных с германской Лотарингией районах около 3 млрд. *т* железной руды, что позволило ей поднять добычу железной руды с 5 448 тыс. *т* в 1900 г. до 14 606 тыс. *т* в 1910 г. и до 21 918 тыс. *т* в 1913 г. Однако значительная доля добытой руды не могла быть потреблена на месте — во Франции — из-за недостатка угля и вывозилась за границу, в первую очередь в Германию, откуда Франция получала 18,4% всего своего импорта иностранного угля[2] и 78% недостающего французской металлургии и даваемого иностранным импортом кокса. Чем больше Франция зависела в своем развитии от иностранного, в частности германского, угля, тем больший процент добытой железной руды не мог быть превращен в металл у себя дома и должен был вывозиться за границу — в Германию и Англию. Если прибавить к этому, что основные центры французской металлургии были расположены на востоке (бассейн Брие), непосредственно у германской границы и в силу этого[3] тяготели к Рурско-вестфальскому угольному бассейну, то понятной станет создавшаяся невыгодная для дальнейшего успешного развития индустриализации Франции ситуация. Сводилась она в основных чертах к тому, что «благодаря своему богатству углем Германия держала на положении «заложника» французскую металлургическую промышленность (т. е. базу индустриализации Франции. — *Н. П.*), почти целиком сосредоточенную на востоке»[4].

Перспективы индустриализации Франции ухудшались и «мирным» проникновением германского капитала в хозяйство Франции. К моменту начала войны германские фирмы успели захватить в свои руки в порядке скупки акций, предприятий и пр. около 10 тыс. *га* железорудных полей, т. е. $^1/_7$ всей французской Лотарингии, и 7 300 га, т. е. 50%, железорудных полей Нормандии, а всего около $^1/_5$ всей поверхности французских железорудных полей. Параллельно с этим проникновением германского капитала во французскую железорудную промышленность шло внедрение германских металлургических и машиностроительных

---

[1] *Романский*, Экономика современной Франции, М. 1931, стр. 8 и сл.
[2] Данные 1913 г.
[3] Ср. транспортные издержки по перевозке английского и германского угля.
[4] *Романский*, цит. соч., стр. 64.

фирм посредством открытия ими на французской территории дочерних и филиальных предприятий. Преобладание на французском рынке германского машиностроения[1] и германских химических продуктов (в особенности полуфабрикатов) серьезно угрожало интересам соответствующих отраслей французского капитала и становилось преградой превращению Франции в одно из ведущих промышленных государств мира.

Усиление позиции германской экспортной промышленности на внутреннем французском рынке и постепенное завоевание важнейших отраслей народного хозяйства Франции германским капиталом по-новому и более реально (экономически) мотивировало стремление французской буржуазии расплатиться с восточным соседом за поражения и территориальные потери в войне 1870—1871 гг. В течение почти трех десятилетий вопрос о воссоединении Эльзаса и особенно Лотарингии с «матерью Францией» играл преимущественно роль подсобного идеологического оружия во внутренней политике господствующих классов III республики. Но с наступлением эпохи империализма мечта о возвращении Лотарингии приобрела реальное содержание. Руководящие круги французской буржуазии отлично понимали, что экономический рост Германии как индустриальной страны основан на захвате немцами Лотарингии с ее огромными залежами железной руды. Из 28 607 тыс. *т* германской добычи железной руды 21 136 тыс. *т*, т. е. 75%, добывалось в копях аннексированной Лотарингии. Сравнение германского и французского производства в связи с лотарингской добычей «открыло» далее, что в Лотарингии вырабатывалось 75% французского производства чугуна и 45% французского производства стали.

Учитывая тот факт, что status quo в Европе, созданный Версальским договором 1871 г., никогда не был признан официальной Францией в качестве окончательной карты Европы, не допускающей поправок и возражений, орган биржевых кругов «Information» писал в разгар агадирского конфликта (8 августа 1911 г.):

«Если допустить, что Эльзас и Лотарингия снова сделаются французскими, то Германская империя окажется лишенной 20 млн. *т* железной руды (ежегодной добычи. — *Н. П.*). В Берлине о таком несчастьи не могут думать без содрогания. Германия без Эльзас-Лотарингии вынуждена будет выпрашивать руду у всего света, как она это делает в настоящее время в Швеции и Уэнце»[2].

Таким образом одной из экономических причин франко-германских противоречий являлась борьба за обеспечение французской металлургии углем и обладание Лотарингией с ее железорудными залежами; дальнейшее существование Франции как великой

---

[1] В 1913 г. германские фирмы дали 44% всего французского импорта машин.
[2] *Engerrand*, Les frontières Lorraines et la force allemande, P. 1916, p. 227—228 и прим.

державы было самым тесным образом связано с задачей ее «промышленного возрождения». Поэтому идея возвращения Лотарингии и других территорий, влачившая довольно жалкое существование в эпоху 1871—1890 гг., слегка расцветает после заключения франко-русского союза в 1891 г. и наконец распускается буйным цветом после подписания англо-французского договора 1904 г., положившего начало Антанте[1].

Соглашение Франции с Англией в 1904 г., дополнившее союз Франции с царской Россией, поставило вопрос о возвращении отобранных Германией французских территорий на столь реальную почву, что целью французского империализма становится также стремление «восстановить в пользу Франции союз лотарингского железа и вестфальского угля, осуществленный после войны 1870—1871 гг. в пользу германской металлургии»[2].

Кроме того процесс перерастания Франции в промышленную страну, обозначившийся в первое десятилетие XX в., сопровождался и усилением конкурентной борьбы между Францией и Германией, в частности на европейских рынках сбыта, и борьбой за рынки сырья[3], а это вызвало в свою очередь жестокую таможенную войну и борьбу за обеспечение таможенных льгот и монополий в других странах в свою пользу. В этой борьбе с Германией Франция опиралась на позиции, завоеванные французским ссудно-ростовщическим капиталом в 1860—1900 гг. в различных странах Европы, — позиции, которые обеспечивали «внимание» стран-должников к интересам французской буржуазии. Процесс завоевания рынков базировался в известной степени на тех крупных и значительных успехах, которые были достигнуты французским империализмом при помощи ростовщического, как указывал Ленин, экспорта капитала.

Но в эпоху империализма и Германия выступила одним из крупнейших мировых экспортеров капитала и притом на тех рынках экспорта капиталов, которые Франция искони считала своими, несмотря на то, а, вернее, отчасти благодаря тому, что французский ссудно-ростовщический капитал финансировал германскую промышленность, хотя германские ценные бумаги не были допущены к официальной котировке на французской бирже. По данным Ленина, Германия усиленно конкурировала с Францией в Европе, имея в 1910 г. 18 млрд. марок капиталовложений в европейских странах против 23 млрд. французских и почти догнав по размерам своих капиталовложений в Азии, Африке и Австралии (всего около 7 млрд. марок) французские капиталовложения (8 млрд. марок). Если учесть при этом динамику капиталовложений Франции и Германии в эпоху империализма, то окажется, что эти успехи Германии падают именно на первое десятилетие XX в.: в 1902 г. Германия имела около 12,5 млрд.

[1] *Michon*, L'Alliance franco-russe 1891—1917, P. 1927, passim.

[2] *М. Н. Покровский*, Франция до и после мировой войны, М. 1924, стр. 116.

[3] Франция являлась рынком сырья для Германии в отношении железной руды, а Германия рынком сырья для Франции в отношении каменного угля и кокса.

франков капиталовложений за границей против 27—37 млрд. французских; в течение 8 лет по темпам своего экспорта капиталов Германия резко скакнула вверх, почти догнав Францию по экспорту капиталов в европейские страны и фактически сравнявшись по экспорту капиталов в Азию, Африку и Австралию.

Таким образом районы максимальных вложений французского и германского капиталов в значительной степени совпадали, и динамика темпов экспорта капиталов показывала, что Германия стала обгонять Францию и успешно завоевывать те рынки экспорта капиталов, которые французский капитализм считал своей монополией. Обостренная конкурентная борьба в экспорте капиталов между Францией и Германией шла в России, Австро-Венгрии, Турции и балканских государствах, Китае, Африке (Марокко), Бразилии и Аргентине[1].

Обострение франко-германских противоречий, предопределявшееся стремлением германского империализма к завоеванию «исконных» французских рынков экспорта капитала, осложнялось ожесточенной экономической и политической борьбой между Францией и Германией за колонии. Германские притязания на колонии были направлены не только против Англии, но и против Франции, обладавшей по своим размерам второй в мире после Англии колониальной империей. Французские правящие круги с тревогой относились к попыткам Германии укрепить свои экономические и политические позиции в различных зависимых и полузависимых от Англии и Франции странах. Поскольку передел мира (колоний) мог быть осуществлен не только за счет Англии, но и за счет Франции, последняя перед лицом германской опасности ищет соглашения с Англией и блокируется с этим своим прежним противником.

Соглашению и фактически военному союзу Франции с Англией способствовали таким образом обострение франко-германской борьбы в экспорте капиталов и конкуренция на рынках сырья и сбыта, и особенности французской индустриализации, и боязнь Франции за колонии. Все эти моменты в связи с ослаблением военной мощи царской России в результате манчжурского разгрома, равно как и признание английским империализмом «французских прав» на Марокко обусловили политическое и военное соглашение Франции и Англии против Германии, известное под именем англо-французской Антанты (договор 8 апреля 1904 г.).

Было бы нелепо говорить, что Марокко явилось ценой за согласие Франции вступить в войну с Германией. Такого согласия требовать было не нужно, потому что оно существовало в потенциальном виде еще с 1871 г. и нуждалось лишь в подходящих условиях и обстановке для своей реализации. Марокко было всего лишь платой за дружбу и тем самым оселком, грубо говоря, на котором пробовалась эта дружба.

---

[1] *Гобсон*, цит. соч., стр. 148; *Романский*, цит. соч., стр. 7, прим.; *Федоров*, Реальные основы современной международной политики, СПБ 1909, стр. 39.

Борьба за Марокко между Германией, с одной стороны, и Францией и Англией — с другой, приняла угрожающий характер с самого начала XX в. Германия явилась страной, чьи интересы в Марокко немногим уступали интересам Франции и Англии. В торговле Марокко Германия имела около 30% (против 30% английских), участие Германии в Union des Mines достигало 40%, в Société Maroccaine de travaux publics — 30%. По подсчетам германского экономиста Рошера, германскими фирмами было скуплено на наличные деньги больше земель, чем фирмами всех других государств вместе взятых. Мадридская конвенция 1880 г., предоставившая в Марокко всем государствам право наибольшего благоприятствования, придала марокканскому вопросу международное значение, чем широко воспользовался германский империализм. Неуклонный рост германского экспорта в первое десятилетие нынешнего столетия показывает, что при сохранении status quo германский империализм имел все основания рассчитывать на получение преобладающего в экономическом отношении влияния в Марокко.

Однако этот процесс империалистического «мирного проникновения» (pénétration pacifique) Германии был прегражден договором 1904 г. За спиной германского империализма Франция и Англия путем двусторонней тайной сделки договорились, что $^4/_5$ Марокко должны стать французской зоной влияния, иначе говоря, французской колонией, а $^1/_5$ перейти к Испании. Так было условлено в секретных статьях договора, ставших известными только в 1911 г.; в опубликованном же в 1904 г. тексте договора Франция заявляла, что «не имеет никакого намерения изменять политический status Марокко», а Англия признавала, что Франция «особенно заинтересована в сохранении порядка в этой стране и в оказании помощи, которую могут потребовать административные, экономические, финансовые и военные реформы». В опубликованной франко-испанской декларации от 3 октября 1911 г. обе державы обязывались поддерживать «неприкосновенность Марокканской империи», а в секретных статьях, опубликованных также в 1911 г., наоборот, делили Марокко на французскую и испанскую зоны влияния[1]. Весь секрет конвенции заключался в том, чтобы не допустить превращения Марокко в германскую колонию, что при неуклонном росте германских экономических интересов в данной стране делало такую возможность весьма вероятной. Мало того, имея обещание поддержки Англии в своем кармане, французское правительство постаралось особо подчеркнуть, что Германии нет никакого дела до того, что происходит и произойдет в Марокко.

«Декларация 8 апреля 1904 г. между Соединенным королевством и Францией не была официально сообщена германскому

---

[1] *Морель*, 10 лет секретной дипломатии, М. 1924, стр. 50 и сл.; BD, III, № 59.

правительству. Совсем не была сообщена та часть декларации, которая касалась Марокко»[1].

Марокко было поделено по частям, и обе стороны — Франция и Испания, — имея Англию в качестве гаранта, дали обязательство друг другу не допустить Германию к дележу добычи.

Как можно судить по опубликованным в «Grosse Politik» документам, в Германии в первое время недооценили всех последствий англо-франко-испанского сговора относительно Марокко. 12 апреля 1904 г. князь Бюлов, выступая в рейхстаге и не имея точных сведений не только о секретных статьях англо-французской конвенции 8 апреля 1904 г., но и о самом соглашении вообще, заявил, что у Германии нет возражений против подобной конвенции, потому что ее интересы в Марокко имеют главным образом экономический характер, и с этой точки зрения Германия заинтересована в поддержании спокойствия и порядка в Марокко. По отношению к Марокко генеральная линия германской политики, как можно судить по опубликованным после войны документам германского министерства иностранных дел, сводилась к поддержанию принципа «открытых дверей» (open door policy) при сохранении «независимости» страны и «суверенитета марокканского султана», чтобы при помощи успешной конкурентной борьбы с французами и англичанами укрепиться в Марокко и превратить его в свою колонию.

Но как только из хвастливых статей французской печати, сравнивавшей Марокко с Тунисом, в Берлине поняли, что Германию обошли при дележе, министерство иностранных дел, в частности Бюлов и Фриц Гольштейн, пришли к мысли о необходимости подчеркнуть перед всем миром, что Германия имеет значительные интересы в поделенной стране и что с ее мнением необходимо считаться, поскольку вопрос о Марокко является вопросом международного значения, не допускающим его разрешения путем частной сделки между группой держав. С этой целью Вильгельм II демонстративно посетил Танжер, где 31 марта 1905 г. заявил, что «прибыл в Танжер с твердой решимостью сделать все, что только возможно в его силах, для действительной защиты германских интересов в Марокко. Он (Вильгельм. — *Н. П.*) считает султана абсолютно независимым сувереном и именно с султаном он желает притти к соглашению относительно средств для защиты этих интересов»[2].

Выступив публично в роли защитника независимости и суверенитета Марокко, германское правительство было принуждено нести это бремя до конца и вместо получения соответствующих компенсаций со стороны французского империализма поддерживать, скрепя сердце, идею международной конференции о Ма-

---

[1] Речь лорда Перси в палате общин 6 апреля 1905 г. — см. *Морель*, цит. соч., стр. 51—52, прим.; BD, III, № 75; *H. Nicolson*, Lord Carnoock, L. 1930, p. 159—160; *Saint René Tallandier*, Les origines du Maroc français 1901—1906, Paris 1930, p. 242—243.

[2] *Saint René Tallandier*, op. cit., p. 258—264; BD, III, № 72.

рокко, которую оно само неосмотрительно выдвинуло в горячке дипломатических переговоров с Францией, закончившихся отставкой Делькассе[1]. Эта конференция, вошедшая в историю под именем Алжезирасской, открылась в январе 1906 г. и закончилась блестящим дипломатическим поражением Германии, но формально подтвердила независимость и суверенность Марокканской империи и еще раз подчеркнула международный характер марокканского вопроса. Алжезирасский акт требовал «введения преобразований, основанных на тройственном принципе суверенитета и независимости его величества султана марокканского и целости его государства, а также свободы и полного равенства в экономическом отношении» для всех заинтересованных в Марокко держав. Заключительная статья (123-я) акта гласила:

«Все существующие трактаты, конвенции и соглашения между подписавшими договор державами в Марокко остаются в силе. *Если же окажется, что какие-либо их пункты противоречат отдельным статьям настоящего генерального акта, преимущество имеет последний*».

Таким образом как будто выходило, что Франция, Англия и Испания, подписавшие предшествовавшие тайные договоры о разделе Марокко, сами соглашались на признание этих договоров недействительными, поскольку они противоречили постановлениям Алжезирасского акта. Хотя развертывание исторических событий показало как раз обратное и Алжезирасский акт в течение ближайших 5 лет стал таким же «клочком бумаги», как и большинство международных договоров, заключенных между империалистами, однако открытое нарушение его Францией создавало для Германии возможность предъявления контрпретензий.

Немцы щедро использовали эту возможность. В период 1906—1911 гг., т. е. от Алжезирасской конференции до франко-германского соглашения 4 ноября 1911 г. о Марокко, Германия, как показывают документы изданного в мае 1932 г. VII тома «British Documents of the Origins of the War», не жалела усилий, чтобы помешать Франции и Испании закончить раздел Марокко. На самый худой конец она хотела выторговать себе при окончательной дележке какой-либо из марокканских портов на побережье Атлантического океана — Могадор, Агадир или Ифни[2]. С этой целью Германия пытается, и не без успеха, восстановить Испанию против Франции, искусно используя опасения испанского правительства, что Франция вытеснит Испанию из Марокко[3]. Она ведет тайные переговоры с теми французскими политическими деятелями (Кайо), которые пытались притти к соглашению и даже быть может к союзу с Германией[4]. Она использует различные инциденты, которыми так богата колониальная жизнь

[1] «Grosse Politik», B. XX, S. 256 u. ff.
[2] BD, VII, № 95, 96, 97, 98, 101, 108, 109, 111, 112, 113—115, 118, 119 и сл.
[3] BD, VII, № 224, 225, 245 и др.
[4] BD, VII, App. III. Неполные и отрывочные данные об этих переговорах см. *Mermelx*, La chronique de l'an 1911—1912, P., p. 191—308.

в тех странах, на чьей территории разыгрывается конкурентная борьба нескольких империалистических держав. Все это имеет одну цель — урвать хоть какой-нибудь кусок для германского империализма при разделе Марокко. Чтобы добиться своей цели, германское правительство послало военное судно в закрытый для иностранной торговли порт Агадир на Атлантическом побережье Марокко, рассчитывая этим напомнить Франции, что Германию нельзя считать quantité négligeable при разделе колониальной добычи. Только резкое выступление Англии, а именно речь Ллойд-Джорджа 21 июля 1911 г. (произнесенная по поручению Грея), показавшее решимость английского правительства не допустить приобретения Германией порта на Атлантическом побережье Марокко[1], даже если бы ради этого пришлось прибегнуть к войне, заставило Германию сдать свои позиции и променять свои «интересы» в Марокко на кусок Французского Конго[2].

Французский капитализм с тревогой и ужасом следил за колоссальным экономическим и военным ростом Германии, учитывая возможность того, что более сильная Германия сможет с течением времени парализовать развертывание французской индустрии и захватить французские рынки экспорта капиталов и французские колонии (путем ли «мирного проникновения» либо вооруженной силой) и в конечном результате сделать Францию придатком к своей политической системе. Перспектива развития Франции и сохранение ею своего места среди великих империалистических держав мира сводилась в основном к превращению ее из государства-ростовщика в индустриальную страну, для чего необходимо было создать преграду германской экспансии и обеспечить свободу своей собственной.

К этому можно было итти двумя путями: путем соглашения с Германией, создания франко-германского союза и т. д. Такие попытки делались с французской (Кайо в 1911 г.) и с германской стороны (договор в Бьерке, переговоры с Клемансо в 1909 г., переговоры в 1912 г.), но основным условием соглашения со стороны Франции было требование возврата Эльзаса-Лотарингии, тогда как Германия не шла дальше обещания автономии этим провинциям. Да и кроме этого при любом соглашении с Германией французский империализм оказывался в положении второстепенной силы, в той или иной степени зависимой от Берлина. Франко-германские противоречия не оставляли места для прочного соглашения. Это хорошо понимала как французская, так и германская буржуазия. И поэтому неоднократные переговоры о соглашении так ни к чему и не привели, зато они каждый раз с еще большей ясностью устанавливают глубину и остроту противоречий.

Второй путь был путь европейской войны. Германский импе-

---

[1] Это между прочим обещал германским агентам Кайо в тайных переговорах с ними.

[2] Договор 4 ноября 1911 г.

риализм к ней готовился давно, выжидая лишь удобный момент. Что касается Франции, то и для нее «военное решение» стало благодаря созданию Антанты предпочтительным. Вот почему в период 1904—1914 гг. правящие классы Франции деятельно готовятся к войне с Германией, вербуя для этой цели союзников[1], усиленно вооружая армию как свою, так и армии этих союзников — царской России, Сербии — и подготовляя соответствующей агитацией и пропагандой широкие массы населения к войне.

Так как сращивание банковского капитала с промышленным началось сравнительно поздно, то довоенная Франция, несмотря на сдвиги в экономике, сохранила основные характерные черты своего прошлого — преобладание мелкой[2] по масштабам предприятий промышленности, слабую концентрацию производства и капитала, преобладание сельского населения над городским, в частности промышленным, малое число крупных городских центров, преобладание банковского ростовщического капитала над промышленным. В стране господствовали финансовая буржуазия, опиравшаяся на французского кулака, и городское мещанство, составлявшие главный контингент держателей иностранных займов.

В политической жизни страны помещичье землевладение и отчасти финансовый капитал были представлены в первую очередь партиями роялистов и консерваторов, крупная буржуазия — «республиканским согласием» (entente republicaine), средняя и мелкая буржуазия и основные массы крестьянства — радикалами и радикал-социалистами и республиканскими социалистами, рабочий класс — социалистами и некоторые отсталые слои рабочих — республиканскими социалистами. Раздробленность политической жизни, представленной большим числом буржуазных партий, политическое размежевание между которыми было весьма трудно произвести, дезориентировала массы и открывала простор для всякого рода политических комбинаций. Своеобразие политической жизни страны сказывалось и на подготовке войны в том, что стирало точные границы между различными партиями в этом вопросе. Мы говорим о буржуазных и мелкобуржуазных партиях. Война с Германией поддерживалась прежде всего банковским капиталом[3], промышленным (в частности тяжелой промышленностью) и торговым капиталом[4], при инертном сравнительно отношении французского крестьянства, лишь отдельные зажиточные круги которого были всерьез затронуты

[1] Французские займы царской России и Сербии, вложение капиталов в русскую тяжелую промышленность.

[2] По объему производства и числу рабочих на один завод.

[3] За исключением тех элементов его, капиталы которых были вложены в германскую и австрийскую промышленность и торговлю и которые выступали совместно с германскими и австрийскими финансистами в экспорте капитала. Выразителем настроений этой группы был Кайо, один из лидеров радикальной партии в период 1901—1914 гг.

[4] *Ленин*, Собр. соч., т. XII, стр. 306—307, 362; т. XVI, стр. 252—253 и сл.

«патриотической» пропагандой, и отрицательном отношении (кроме незначительных элементов) французского пролетариата, энергично выступавшего против войны.

Французский пролетариат, не раз бившийся на баррикадах против буржуазии, конечно был против войны. Но его политическое руководство — французская социалистическая партия — сорвало борьбу трудящихся масс против замыслов буржуазии. Крайние правые французские «социалисты» — так называемые «социалисты-республиканцы» во главе с Мильераном, Брианом и другими охотниками за министерскими портфелями — еще в довоенные годы открыто стали деятельными помощниками французской буржуазии в организации империалистической войны[1]. Правое крыло социалистической партии — Ренодель, Жуо и К°, Эрве — и центристская группировка — Семба, Лонгэ, Гэд, Мергейм — в предвоенные годы вели борьбу против войны преимущественно при помощи пышных резолюций, а во время войны 1914—1918 гг. превратились в ярых социал-патриотов и шовинистов, поддерживавших лозунги «война до победного конца» и «защита отечества». Левые социалисты были слишком слабы, а главное, слишком непоследовательны, для того чтобы организовать действительно революционную борьбу против империалистической войны. Особую позицию пытался занять Жорес, искренне веривший, что можно пацифистскими фразами и выступлениями перед правительством предотвратить войну. Этот наивный пацифизм Жореса хотя и осложнял французским империалистам задачу обмана масс, но не мог явиться серьезной преградой для организации войны[2]. Тактика блоков с правым крылом и буржуазными партиями, проводимая Жоресом в предвоенные годы, срывала и тормозила его же выступления против войны. После убийства Жореса 31 июля 1914 г. и после голосования 4 августа германской социал-демократией за военные кредиты французские социал-патриоты и каутскианцы использовали создавшееся положение для широкой пропаганды лозунга «защиты отечества».

Французской буржуазии пришлось потратить немало усилий, чтобы идеологически подготовить к войне и широчайшие мелкобуржуазные массы населения. Она опиралась при этом на многочисленных мелких держателей акций. Все это позволяло французскому империализму после англо-французского соглашения 1904 г. об Антанте весьма последовательно готовиться к борьбе с Германией.

В связи с этим особый смысл имеют кажущиеся сдвиги в позиции Франции в период 1906—1911 гг. Эти сдвиги характери-

---

[1] См. небезынтересный отзыв о Бриане и его политических единомышленниках в письме Неклюдова к Сазонову от 14 декабря 1910 г. и «Материалы по истории франко-русских отношений НКИД», М. 1922, стр. 8.

[2] Именно этот пацифизм Жореса, логически вытекавший из его идеалистического оппортунистического миросозерцания, не раз подвергался критике Ленина. См. например *Ленин*, Собр. соч., т. XII, стр. 318.

зовались известной уступчивостью и примирительным тоном в отношении Германии, рядом социальных реформ в области внутренней политики и формированием правительства радикалов и радикал-социалистов. Передача власти радикальному правительству во главе с Клемансо, а затем с Кайо во многих отношениях аналогична передаче власти в Англии либералам. В основном она была вызвана обнаружившейся неготовностью Антанты к войне, а главное тем, что «левому» правительству было легче — в смысле обмана масс и противника — подготовить страну к военным испытаниям, чем явным реакционерам.

ПРОТИВОРЕЧИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНО-АВСТРИЙСКИМ БЛОКОМ И ЦАРСКОЙ РОССИЕЙ

В учении Ленина — Сталина об империализме роль и место царской России сформулированы с исчерпывающей ясностью.

«Задача империалистской политики России, — писал Ленин, — определяемая вековым соперничеством и объективным международным соотношением великих держав, может быть кратко выражена так: при помощи Англии и Франции разбить Германию в Европе, чтобы ограбить Австрию (отнять Галицию) и Турцию (отнять Армению и особенно Константинополь). А затем при помощи Японии *и той же* Германии разбить Англию в Азии, чтобы отнять *всю* Персию, довести до конца раздел Китая и т. д.»[1].

Вместе с тем, как указывает товарищ Сталин:

«Царская Россия была величайшим резервом западного империализма не только в том смысле, что она давала свободный доступ заграничному капиталу, державшему в руках такие решающие отрасли народного хозяйства России, как топливо и металлургию, но и в том смысле, что она могла поставить в пользу западных империалистов миллионы солдат. Вспомните 12-миллионную русскую армию, проливавшую кровь на империалистических фронтах для обеспечения бешеных прибылей англо-французских капиталистов.

Дальше. Царизм был не только сторожевым псом империализма на востоке Европы, но он был еще агентурой западного империализма для выколачивания с населения сотен миллионов процентов на займы, отпускавшиеся ему в Париже и Лондоне, в Берлине и Брюсселе.

Наконец, царизм был вернейшим союзником западного империализма по дележу Турции, Персии, Китая и т. д. Кому не известно, что империалистская война велась царизмом в союзе с империалистами Антанты, что Россия являлась существенным элементом этой войны?

Вот почему интересы царизма и западного империализма

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XIX, стр. 281. Курсив Ленина.

сплетались между собой и сливались в конце концов в единый клубок интересов империализма»[1].

Нарастание экономических противоречий между царской Россией и Германией падает на конец 80-х годов прошлого столетия, когда с развитием капитализма в царской России царское правительство вводит протекционистские тарифы для защиты «отечественной» промышленности от конкуренции иностранных товаров. Русская буржуазия начинает борьбу за монополизацию русского внутреннего рынка как по линии производства, так и по линии обращения. Германия, приблизительно в тот же период времени вступившая на путь энергичной защиты интересов юнкерства, хозяйство которого подрывалось русским хлебным импортом, пытается ответить царской России контрударом: германское правительство в 1887 г. ввело запретительные ввозные пошлины на хлеб в размере 50 марок с тонны, чтобы добиться особых таможенных льгот для германских товаров от царской России. Однако эта попытка закончилась неудачей. После довольно энергичной таможенной войны царизму удалось добиться в русско-германском торговом договоре 1894 г. снижения германских таможенных пошлин для русского хлеба с 50 до 35 марок на тонну и этим сохранить рентабельность германского рынка для русского помещика.

Таким образом экономические противоречия между Германией и царской Россией в период 90-х годов прошлого столетия в основных чертах сводились к тому, что Германия, получая из царской России по дешевым сравнительно ценам необходимое для развития своей промышленности сырье и наводняя русские рынки продуктами своей промышленности, фактически подрывала развитие русской промышленности. С другой стороны, введение пошлин на ввозимый в Германию русский хлеб лишало русского экспортера — помещика центрально-черноземных губерний — значительной доли его прибылей.

Это было довольно грозным симптомом, так как русская буржуазия не могла не видеть в приведенных выше фактах стремления Германии построить свои экономические отношения с царской Россией по типу связи высоко развитой индустриальной страны с колонией, извлекая выгоду, во-первых, от получения дешевого сырья и, во-вторых, от перепродажи переработанного сырья в виде готовых фабрикатов и полуфабрикатов в царскую Россию, которая в то же время посредством системы таможенных пошлин лишалась известной доли прибылей от поставки хлеба.

Проникновение германских товаров в царскую Россию и притом в таких условиях представляло серьезную опасность для роста русской промышленности (в частности легкой), которая начинает усиленно развиваться в 80-х годах прошлого столетия. С другой стороны, усилившийся в 90-х годах экспорт германского

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 9-е, стр. 8—9.

капитала в царскую Россию, где он в первую очередь захватывал позиции в торговле, был особенно чувствителен для местного капитала, развитие и укрепление которого шло искони в сфере обращения[1]. Понятно, что русская буржуазия постепенно начинала видеть своего главного экономического противника и конкурента в лице Германии и на отечественном и на малоазиатских рынках, где германская торговля, как будет указано ниже, постепенно вытесняла русскую.

Усиление экономических противоречий в последнее десятилетие XIX в. совпало и с обострением противоречий политического порядка. Империалистическая экспансия Германии в Китае, а именно захват Киао-Чао, усилившаяся как раз в эти годы, встречает весьма недружелюбное, чтобы не сказать больше, отношение в правительственных кругах царизма, несмотря на «исконную дружбу» русского и прусского монархов, декларируемую весьма усиленно с обеих сторон. Дело в том, что царская Россия вступила как раз тогда на путь широких захватов на Дальнем Востоке (в Китае) в силу выяснившейся в период 1875—1890 гг. невозможности продолжать политику захватов на Балканах и грабежа Турции из-за сопротивления не только Англии, но и Австрии, поддерживаемой Германией. Хотя славянофилы считались при императорском дворе на худой конец политическими безумцами, а еще чаще — политическими шутами, а их планы славянской федерации — настоящей крамолой, но славянофильский лозунг помощи «братьям-славянам», о реализации которой царизм в действительности никогда не думал[2], мог служить могучим орудием пропаганды и прекрасным предлогом для вмешательства в турецкие и даже в австрийские дела. Для царской России путь к Константинополю шел не по Черному морю, а через Балканы, где главным соперником царской России в течение всего XIX в. была Австрия.

Однако опыт Рейхштадтского соглашения в 1876 г. и Берлинского конгресса в 1878 г., равно как и последовавшего за ним «союза трех императоров» показал русскому царизму невозможность с оружием в руках свести счеты с Австрией из-за Балкан, имея Германию в качестве «арбитра» и Англию в качестве противника и возможного союзника Австрии. Отсюда временный уход царской России с Балкан на Дальний Восток, где, казалось, можно было вести политику широких колониальных захватов, отсюда же заключение австро-русского соглашения в Мюрцштеге в 1897 г., которое закрепляло созданный Берлинским конгрессом и последовавшими за ним событиями status quo, так

---

[1] Национальный русский капитал с трудом шел в промышленность, и развитие тяжелой металлургии юга, угольной промышленности Донбасса, нефтяной в Баку, цветной на Урале, равно как и машиностроение в Петербурге и на юге происходило больше всего за счет французских, бельгийских, германских и английских капиталов.

[2] См. *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, стр. 207.

как русский царизм стремился развязать себе руки для манчжурской авантюры.

С этим багажом противоречий с Германией и ее союзником Австрией царская Россия заканчивает прошлое столетие. Эпоха империализма усиливает и обостряет эти противоречия и создает новые в связи с империалистической экспансией Германии на Ближнем Востоке и разгромом царизма в Манчжурии.

Империалистическая экспансия Германии на Ближнем Востоке, нашедшая наиболее яркое выражение в получении в 1899 г. концессии на строительство Багдадской железной дороги, сразу изменила установившийся status quo и поставила под серьезную угрозу вековые притязания царизма на Константинополь и проливы, от которых он отнюдь не собирался отказываться. Присоединение Германии к числу великих держав, заинтересованных в восточном вопросе, коренным образом изменяло соотношение сил на Ближнем Востоке. Как известно, главным противником царской России в ее борьбе за «ключи от своего дома» в течение всего XIX в. были «морские державы» — Англия и Франция. До появления Германии на Ближнем Востоке восточный вопрос интересовал Австро-Венгрию в неизмеримо меньшей степени, чем вопрос балканский.

Эпоха империализма, ознаменованная проникновением Германии на Ближний Восток, в корне изменяла ситуацию: для германского империализма, приобретавшего благодаря Багдадской железной дороге господствующее положение в Малой Азии, захват Босфора и Дарданелл царизмом был бы ударом, прерывавшим связь метрополии с хинтерландом. Великий путь Гамбург — Багдад прерывался в самом тонком и чувствительном месте. С другой стороны, для царской России, стремившейся к проливам, установление в них германского господства, гораздо более непосредственного и прямого, чем английское и французское, — ибо железная дорога более осязательное средство империалистической экспансии, чем самая регулярная судоходная линия, — было не менее сокрушительным ударом: «ключи к дому» оказывались в руках «немца», и за всякое давление на Турцию царская Россия могла испытать еще более чувствительное давление в Царстве Польском. В эпоху империализма австро-германская позиция в восточном вопросе сводилась к тому, что Германии был нужен Константинополь как центральный пункт линии империалистической экспансии — Берлин — Багдад, которая проходила по балканским странам; Австрия претендовала на западную часть Балканского полуострова, чтобы получить выход к Салоникам. В общей сложности австро-германская позиция одновременно исключала царскую Россию и из Константинополя и с Балкан. Это приводит к тому, что в Петербурге постепенно зреет убеждение, что дорога в Константинополь идет «через Берлин в Вену», т. е. через разгром Австрии и Германии. Если прибавить к этому, что в отношении Турции царская Россия претендовала не только на Константинополь и проливы, но и на всю турецкую Армению, а в

отношении Австрии — на Галицию, то понятны как вся грандиозность империалистических вожделений русского царизма, так и конфликт его с Германией, которая сама готовилась наложить руку на Турцию и на другие объекты экспансии царской России на Ближнем Востоке.

Одновременно продолжали усиливаться экономические противоречия. После начала русско-японской войны и первых поражений царских войск германское правительство добилось в 1904 г. — в оплату за оказанные царизму услуги и «доброжелательство», а более всего потому, что царская Россия не могла вести войну на два фронта (восточном и западном), — исключительно выгодного для Германии торгового договора с царской Россией. В русско-германском договоре 1904 г., который вошел в силу с 1906 г., ставки на ввозимый в Германию русский хлеб были повышены до 60 марок за тонну (Wuchertarif 1902 г.), т. е. фактически стали запретительными, и только начавшееся в конце 1890 г. и продолжавшееся в первое десятилетие XX в. резкое повышение цен на хлеб на мировых рынках дало возможность русскому хлебу проникать на германские рынки, хотя главный экспортер хлеба в Германию — помещик центрально-черноземных губерний — терял при этом значительную долю своих возможных прибылей.

В период 1901—1910 гг. русский ввоз зерновых хлебов в Германию протекал следующим образом [1]:

Вывоз из России в Германию в тыс. пудов по годам	Пшеница	Рожь	Ячмень	Овес	Итого
1901[2]	7 526	29 419	21 342	6 826	66 162
1910	33 128	9 422	141 490	12 714	196 754

Увеличение втрое ввоза зерновых хлебов из царской России в Германию в период 1901—1910 гг. — с 66 млн. пудов до 196,7 млн. пудов — особенно ярко оттеняло потерю части возможных прибылей: в 1910 г. на ввозе хлеба в Германию русский помещик потерял благодаря применению Wuchertarif 1902 г. около 80 млн. марок своей возможной прибыли, что конечно больно било его по карману.

От некоторых отраслей зернового экспорта, в частности от экспорта ржи, русскому помещику пришлось даже почти совсем отказаться. В десятилетие 1901—1910 гг. вывоз русской ржи в

[1] *Денисов*, Экономическое завоевание Германией финляндского рынка, СПБ, 1911. По данным Денисова, в последнее пятилетие перед войной Германия покупала в России 34% всей ввозимой в Германию пшеницы, 80% ржи, 77% ячменя и 75% овса.

[2] 1901 — малоурожайный год

Германию и на другие рынки Северной Европы падает с 82,7 млн. пудов до 40,5 млн. пудов, т. е. до 49%, а к 1912 г. до 37%. Вывоз ржи в Германию с 29,4 млн. пудов в 1901 г. упал в 1910 г. до 9,4 млн. пудов. Вывоз ржи в Норвегию из царской России упал на 68%, из Германии вырос на 330% (ржаная мука на 105%).

Германский экспорт ржи в Швецию быстро растет за счет русского, как показывает следующая таблица шведского импорта ржи (в %):

	1901—1905 гг.	1906—1910 гг.
Царская Россия . . .	41	21
Германия	52	70

Ввоз русской ржи в Данию упал с 4,4 млн. пудов в 1900 г. до 1 млн. пудов в 1911 г.; ввоз германской ржи с 4 млн. пудов в 1905 г. вырос до 9,5 млн. пудов в 1912 г. В ввозе ржаной муки Германия имела на датском рынке монополию в 1902—1905 гг., ввозя 89%, а в 1910—1911 гг.—97% всего ввоза муки.

Наконец германский ввоз ржи в Голландию вырос за этот же период на 407%, поднявшись с 273 тыс. центнеров в 1901—1904 гг. до 1 384 тыс. центнеров в 1909—1912 гг.[1].

Мало того, благодаря тарифу Германия из главной потребительницы русской ржи не только превратилась в опасную конкурентку царской России на заграничных рынках, но и начала сама успешно импортировать свою рожь в Финляндию, Царство Польское и прибалтийские губернии. В 1906 г. ввоз германской ржи в царскую Россию вскочил с 838 тыс. пудов до 3,7 млн. пудов (средняя цифра 1901—1905 гг.) и в последующие годы достиг 6—6,5 млн. пудов. Что касается Финляндии, то ввоз германской ржи в 1908 г. достиг 34 тыс. *т* по сравнению с 966 *т* ржи, импортированными Германией в 1900 г. Еще более значительными были потери русского помещика в финляндском ввозе пшеничной и ржаной муки, ввиду того что финляндский рынок долгое время являлся крупным потребителем русской пшеничной муки[2] и почти монопольным потребителем ржаной муки. Доля царской России в финляндском ввозе пшеничной муки упала с 98,1% в 1885—1889 гг. до 25,8% в 1905—1909 гг., доля Германии поднялась с 1,7 до 46,2%. В 1901 г., по данным

---

[1] Данные из следующих работ: *И. М. Гольдштейн*, Русско-германский договор и следует ли России быть „колонией" Германии. М. 1911; *В. Денисов*, Экономическое завоевание Германией финляндского рынка, СПБ. 1911; *Крестовников*, Несколько цифр и соображений по поводу нашего экспорта ржи; *Fr. Beckmann*, Einfurscheinsysteme, 1911; *П. Лященко*, Мукомольная промышленность России и иностранные потребительные рынки — в „Отчете о деятельности Совета съездов мукомолов по 1 января 1910 г.", „Отчет отдела промышленности" за 1912 г.

[2] В 1900—1905 гг., т. е. до нового русско-германского договора, $^2/_3$ вывоза русской пшеничной муки направлялись в Финляндию.

финляндской статистики, царская Россия давала Финляндии 96% всего финляндского ввоза ржаной муки, Германия — 4%; в 1909 г. царская Россия давала только 67%, а Германия — 32,2%. Пользуясь непосредственной близостью ржаных районов Восточной Пруссии к губерниям Царства Польского и дешевизной морского транспорта в прибалтийские губернии, германский хлебный экспортер успешно захватил в свои руки снабжение этих областей недостающим количеством ржи и ржаной муки, общей суммой свыше 10 млн. пудов. Благодаря высоким внутренним ценам русского рынка для германского экспортера было достаточно продавать по ценам мирового рынка. Система ввозных свидетельств, возвращавших пошлины, взимавшиеся при импорте хлеба из-за границы, давала как раз эту возможность: экспортер хлеба из Восточной Германии получал ввозные свидетельства, которые принимались в зачет пошлин при ввозе хлеба в Германию. Продавая почти по номинальной цене эти свидетельства импортерам хлеба в Западную Германию, экспортер хлеба из Восточной Германии фактически приравнивал высокие цены внутреннего германского рынка к мировым. В результате получалась замечательная ситуация: одна из крупнейших в мире земледельческих стран — царская Россия, главный поставщик сельскохозяйственных продуктов в Европу, должна была прибегнуть в 1914 г. к введению ввозных пошлин на импортируемый иностранный хлеб, чтобы защитить свой внутренний рынок от ввоза ржи и ржаной муки из промышленной страны — Германии!

Вместе с тем пользуясь льготами, предоставленными торговым договором 1904 г., германские капиталисты увеличивают вывоз промышленного сырья из царской России в Германию и ввоз готовых товаров из Германии в царскую Россию. Все это сопровождается увеличением экспорта в Россию германских капиталов, преимущественно вкладываемых в торговлю, где они сталкиваются с русским капиталом.

Параллельно с проникновением германского капитала в царскую Россию развивалось и проникновение его на те рынки, которые русский капитал считал своими, именно в Турцию.

Накопление противоречий обусловило поворот царской политики в первое десятилетие XX в. от столетней «дружбы» с Германией к Антанте и предопределило антигерманскую ориентацию, не говоря уже о борьбе за русский рынок и о конкуренции русского и прусского помещиков. «Жизненные интересы» русского империализма лежали в Константинополе и проливах, без овладения которыми нельзя было надеяться на прочный захват Малой Азии. Поскольку Германия сама успешно внедрялась в Малой Азии, лишая при этом русский империализм надежд на захват считавшихся «своими» Константинополь и проливы, основной задачей правящих кругов русского империализма, с тревогой следивших за ростом могущества и силы германского конкурента, становилось прервать хотя бы насильственным обра-

зом проникновение Германии на Ближний Восток и закрепить за собой соответствующую долю в разделе Турции. В разделе Турции, казавшемся империалистическим странам Европы неизбежным, царская Россия хотела получить свою долю, а для этого надо было обезвредить самого мощного и опасного на данном историческом отрезке времени германского конкурента.

С другой стороны, «исконные» в течение всего XIX в. враги царской России на Ближнем Востоке — Франция и Англия — соглашались или по крайней мере делали вид, что соглашаются, при известных условиях, именно при участии царской России в войне с Германией, на захват царизмом Константинополя и проливов.

Что касается отношений с Францией, то в истории франко-русского союза можно считать достаточно твердо установленным тот факт, что в эпоху 1891—1905 гг., т. е. до Портсмута, царская Россия во всяком случае считалась равноправным партнером Франции в союзе. Наоборот, после русско-японской войны преобладающим влиянием в союзе пользуется Франция. Не менее твердо установлено, что причиной такой перемены позиций явилось временное ослабление военной мощи царизма после войны и «золотая цепочка» займов парижской биржи русскому царизму. Парижская биржа спасла самодержавие в эпоху революции 1905—1906 гг. займом, данным для подавления революции, и поддерживала господство самодержавия в царской России в последующие годы при помощи займов. Это явилось одной из причин, побудивших царизм, склонявшийся в силу монархических симпатий в сторону германского собрата, пойти в фарватере англо-французского блока.

Поворот традиционной царской политики (в течение всего XIX в.) от более или менее открытой враждебности к Англии к временному соглашению с ней был обусловлен и тем фактором, что поражение в Манчжурии выяснило для русского царизма невозможность вести политику захватов на Дальнем Востоке без соглашения с Японией и Англией. Манчжурская авантюра, на которую Германия[1] усиленно подталкивала царскую Россию, чтобы ослабить ее влияние в европейских делах, была использована Англией для своеобразного укрощения царизма. Прямое предложение английского правительства царской России в январе 1898 г. о «сотрудничестве в китайских делах»[2] и разделе Турции[3] было встречено отказом, и царские войска заняли Порт-Артур[4]. Проникновение царизма в

---

[1] *Б. Романов*, Россия в Манчжурии, Л. 1929; „Переписка Николая II с Вильгельмом II", Гиз, 1923.

[2] BD, 1, № 5.

[3] BD, 1, № 9, 16. Эти предложения делались главным образом с целью прощупать, как далеко и насколько решительно царская Россия намерена приступить к осуществлению своих захватнических планов на Дальнем и Ближнем Востоке.

[4] BD, 1, № 22; „Grosse Politik", B. XIV A, S. 250—251.

Манчжурию и северные провинции Китая ставило под угрозу английские интересы, и Англия поспешила заключить соглашение с Германией, так называемый «договор Ян-Цзы» от 16 октября 1900 г., который, признавая германские интересы в северных провинциях Китая, делал из Германии барьер для царских притязаний[1]. Однако неожиданный отказ Германии считать договор распространяющимся на Манчжурию показал Лондону, что Германия отказывается играть роль английского наемника в Китае[2].

В поисках укротителя царской России английское правительство вспомнило о Японии. Еще в марте 1901 г. английские дипломаты получили из Берлина, игравшего двойную игру, весьма ясные указания, что «японцы вероятно пойдут на войну с Россией, если будут уверены, что эта страна (Англия. — *Н. П.*) и Германия не позволят Франции помочь России и что добыча от победы не будет вновь вырвана у них»[3]. 9 марта 1901 г. барон Гаяши по поручению из Токио запросил английское министерство иностранных дел, в какой мере, по мнению Лондона, Япония может рассчитывать на нейтралитет Германии в будущей японо-русской войне и нейтрализацию французского флота и в какой степени Япония может рассчитывать на поддержку Англии[4]. 11 марта «старшой» Foreign Office Берти, разбирая запрос Гаяши по косточкам, пришел к следующим выводам:

«Если Франции будет позволено выступить рядом с Россией и они разгромят Японию, следствием может явиться возобновление тройного соглашения России, Франции и Германии. Эти три державы одержат верх в Китае и припрут нас к стене. Если же Россия одна или в комбинации с Францией нанесет поражение Японии и мы придем на помощь, чтобы предотвратить уничтожение Японии, мы навлечем на себя длительную вражду России и Франции, а потерпевшая поражение и возможно неблагодарная Япония будет нам не слишком полезна против русских захватов.

Указывалось, что в случае победы Японии над Россией возникнет серьезная опасность европейским интересам на Дальнем Востоке. Такая великая военная и морская держава с неограниченными природными ресурсами и огромным населением, как Россия, вряд ли примет поражение как нечто постоянное. Она реорганизуется для дальнейшей пробы сил, но подобная проба может произойти в далеком будущем, и она может быть надолго отсрочена, если Японии разрешат захватить в виде военной добычи Ляодунский полуостров. Захват его Японией будет гарантией, что между Россией и Японией не будет примирения. Это явится преимуществом для Англии и Европы. Желтая опас-

---

[1] BD, II, № 17, прилож.
[2] BD, II, № 32, 34, 35, 36, 37, 38.
[3] BD, II, № 50.
[4] BD, II, № 51, 74.

ность будет сдерживаться Россией, а русская опасность Японией.

Если мы не сделаем ничего, чтобы поощрить Японию видеть в нас друга и возможного союзника против России и Франции, мы можем толкнуть ее на политику отчаяния, в которой она может прийти к некоторому соглашению с Россией. Я не скажу, что это вероятно, но это возможно, и наши интересы в таком случае пострадают»[1].

Англо-японское соглашение, переговоры о котором начались 13 февраля 1900 г., развязало Японии руки для выступления, изолировав царскую Россию на Дальнем Востоке.

Еще 11 января нового стиля 1904 г., т. е. за месяц до того, как японские миноносцы торпедировали царскую эскадру на порт-артурском рейде, Гаяши просил у лорда Лэнсдоуна «добрых услуг» (good offices) — не допустить прохода русской черноморской эскадры через Дарданеллы на помощь дальневосточной эскадре. Лэнсдоун дал требуемое обещание, подтвержденное позже кабинетом[2]. Таким образом после этого даже полный разгром японской армии на суше грозил Японии лишь потерей Кореи, которая все равно была бы потеряна, если бы японское правительство не решилось прибегнуть к войне. Результаты войны полностью оправдали расчеты Foreign Office, сделавшего Японию и царскую Россию барьером друг для друга в Китае, а Англию — арбитром во всяком возможном русско-японском конфликте. Новый англо-японский договор 12 августа 1905 г., заключенный до Портсмута, сохранял status quo, созданный войной на Дальнем Востоке, и гарантировал Англии ее индийскую границу. «Русской опасности» был положен предел. Царская Россия была лишена возможности экспансии на Дальнем Востоке и в Центральной Азии без согласия Англии и Японии.

Эти результаты русско-японской войны сделали царское правительство более сговорчивым. В Петербурге поняли, что возможности самостоятельных захватов на Среднем и Дальнем Востоке положен конец. Оставалось свернуть агрессивную политику в Азии и вернуться в Европу. Смысл нового поворота царской политики был формулирован в классическом лозунге Извольского: «Спиной к обдорам, а не лицом к ним». Одним из выражений этого возвращения в Европу явилось англо-русское соглашение 1907 г., завершившее образование Антанты.

Возвращение царской России из Азии в Европу было крайне облегчено позицией той же Англии, искавшей себе, равно как и Франции, союзников для готовившейся решительной схватки с Германией. Еще 11 февраля 1903 г., учитывая все возможные

---

[1] BD, II, № 54.

[2] BD, II, № 274, 285; IV, № 40, 42. Во время русско-японской войны английское правительство неоднократно оповещало Японию, царскую Россию и Турцию, что проход черноморского флота через Дарданеллы не будет допущен Англией — ср. BD, IV, № 43, 45—53, 55.

международно-политические и стратегические ситуации, Комитет защиты, реорганизованный в 1904 г. в Комитет имперской защиты, пришел к любопытному выводу:

«Русская оккупация Дарданелл или соглашение, предоставляющее России настолько свободное использование водного пути между Черным и Средиземным морями, какое только ее доминирующее влияние может извлечь из Турции, не сделали бы заметной разницы в наших стратегических диспозициях по сравнению с настоящими»[1].

Это неожиданное «открытие» стало исходной точкой в повороте традиционной английской политики по отношению к царской России на новый путь. По мере того как с развертыванием постройки Багдадской железной дороги непримиримость русско-германского противоречия вскрывалась все яснее и яснее, английское отношение к претензиям царизма на Константинополь и проливы становилось все либеральнее!

Очевидно в результате этого открытия 22 апреля 1904 г. Эдуард VII в беседе со своим консультантом из Foreign Office Гардинжем пришел к выводу, что «нет повидимому ни одной причины мешать проходу Дарданелл русскими военными судами, как это мы пытались делать в прошлом» и что «эта уступка беспрепятственного прохода могла бы оказаться весьма полезной доходной статьей в случае возобновления генеральных переговоров о соглашении с Россией. Иметь такой quid pro quo в руках было бы весьма полезно»[2]. К этим же дням (29 апреля) относится циркулярная депеша лорда Лэнсдоуна, разосланная для сведения и исполнения членам кабинета, посольствам в Токио и Пекине и др.[3].

Депеша излагала содержание разговора Эдуарда VII с французским послом. Во время этого разговора Эдуард VII выразил «свое самое искреннее пожелание, чтобы отношения между Россией и Англией улучшились и, если возможно, было бы заключено соглашение об улаживании некоторых вопросов, вызвавших в прошлом трения и недоразумения между обеими странами». Итак, как будто сближение с царской Россией собирались в крайнем случае купить ценой Дарданелл, но в свое время, когда царская Россия будет укрощена, и за определенную цену. Иначе чем же объяснить конец той самой депеши Лэнсдоуна, в которой Лэнсдоун «выразил свое согласие» с мнением Эдуарда VII.

«Я сказал, — пишет Лэнсдоун, — что в настоящее время мы желаем избежать всех возможных причин для разногласия и не будем щадить для этого усилий. Однако, насколько мне кажется, есть один пункт, который мог бы, хотя я не считаю это воз-

---

[1] BD, IV, p. 59—60.
[2] *Sidney Lee*, King Edward VII, L. 1927, v. II, p. 289—290.
[3] BD, II, p. 401; IV, № 43, p. 59.

можным, быть причиной действительно серьезной тревоги. Я сослался на возможность попытки со стороны русского правительства послать свой черноморский флот через Дарданеллы. Для нас было бы совершенно невозможно примириться с подобным шагом, и если бы он был предпринят, мы были бы вынуждены противопоставить ему соответствующие меры, которые сделали бы столкновение неизбежным. Мы всегда поддерживали тот взгляд, что военным судам не следует предоставлять проход через проливы, и мы в нескольких случаях протестовали против меньших нарушений этих обязательств договора. Проход проливов русской эскадрой в целях атаки нашего союзника на Дальнем Востоке не мог бы быть следовательно терпим этой страной» (Англией. — *Н. П.*)[1].

Итак, мы получаем следующее:

1. Англия не несет существенных потерь и убытков не только от прохода русских броненосцев в Средиземное море, но даже от оккупации царской Россией Дарданелл и Константинополя.

2. Во время русско-японской войны разрешить проход черноморской эскадры для соединения с эскадрой адмирала Рожественского немыслимо, ибо тогда русский флот может оказаться сильнее японского и в случае поражения адмирала Того война будет проиграна Японией, так как японская армия в Манчжурии будет отрезана от своей базы — Японских островов[2].

3. Для предотвращения этой опасности Англия готова даже на войну с царской Россией.

4. По окончании войны и разгрома царской России возможность предоставить последней Константинополь и проливы «может оказаться очень полезной доходной статьей, в случае если генеральные переговоры о соглашении с Россией будут возобновлены»[3].

К этому следует прибавить, что за 2 месяца до русско-японской войны английское правительство пробовало еще раз поговорить «по душам» с царской Россией насчет соглашения на Дальнем и Среднем Востоке и развязало руки Японии лишь после того, как натолкнулось на отказ царизма, запросившего непомерную цену[4]; переговоры были прерваны, в связи с начавшейся войной, до выяснения ситуации[5] и возобновились лишь после окончания войны, причем царской России предложили условия (в смысле «прав» на Афганистан, Тибет и в особен-

---

[1] BD, II, p. 401; IV, № 43 и p. 59.

[2] Так оценивал закрытие проливов для прохода русской военной эскадры в Средиземное море на соединение с эскадрой адмирала Рожественского в 1904—1905 гг. вицедиректор канцелярии царского министерства иностранных дел Н. А. Базили в своей памятной записке „О целях наших на проливах", относящейся к ноябрю 1914 г., см. „Константинополь и проливы", М., НКИД, т. 1, стр. 161.

[3] *Sidney Lee*, King Edward VII, v. II, p. 289—290.

[4] BD, IV, № 181 a и b, 182.

[5] BD, IV, № 183.

ности Иран) гораздо худшие, чем до войны; царское правительство приняло эти условия[1].

Условия договора были приняты царским правительством в значительной мере под гипнозом английского обещания, сделанного в начале переговоров — 28 ноября 1906 г. (обещание это заключалось в том, что английское правительство даже в отношении Дарданелл «будет радо рассмотреть любые предложения, которые могла бы выставить» Россия)[2] и официально подтвержденного в самый критический момент их, 19 марта 1907 г., Греем[3]. Грей заявлял, что «если переговоры, которые ведутся сейчас между обоими правительствами относительно азиатских вопросов, будут иметь удовлетворительный результат, их эффект на британское общественное мнение будет таков, что очень сильно облегчит дискуссию по вопросу о проливах, если таковая будет иметь место впоследствии»[4]. И тогда Извольский «засиял от удовольствия»[5].

«Факт, что английское правительство согласно обсуждать вопрос, — писал Никольсон об Извольском, — он считает и называет большой эволюцией в наших отношениях и историческим событием. Заявление, сделанное вами, будет без сомнения иметь благодетельное влияние на наши азиатские переговоры и сделает русских несклонными настаивать на меньших пунктах разногласий. В самом деле, я не вижу серьезных камней преткновения впереди»[6].

Сопротивление царского генерального штаба было сломлено, договор был подписан, и 21 января 1908 г. на «первом совещании» о положении дел в Малоазиатской Турции и на Балканском полуострове Извольский заявил, что соглашение с Англией позволяет поставить во всей широте вопрос об «исторических целях России на Ближнем Востоке»[7]. Но хотя английские политические деятели были крайне скупы и осторожны в обещаниях в официальной

---

[1] Совершенно непонятна оценка Е. В. Тарле англо-русского договора 1907 г. В самом деле, Тарле считает его исключительно выгодным для царской России, указывая, что Англия пошла на большие жертвы. Не менее выгодным, но за счет царской России считает его в своих мемуарах Грей. Сравнение условий относительно Афганистана, Тибета и Ирана, которые требовало царское правительство до войны (BD, IV, № 181 a и b, 182) и которые оно получило после войны, показывает лишь размеры уступок, сделанных царизмом. Если Тарле считает, что эти жертвы оправдывались признанием Англией царской России великой державой, несмотря на поражение, мы можем указать ему на цитированный выше доклад Берти (BD, II, № 54), где это признание предоставлялось царской России еще до разгрома, несмотря на предвидение разгрома. Мы думаем, что даже с империалистической точки зрения ярлычок великодержавности — слабая компенсация за фактические потери. См. *Е. В. Тарле*, Европа в эпоху империализма, М., 1928, стр. 148 и сл. Небезынтересна оценка, которую дает договору 1907 г. Витте, см. „Воспоминания", т. II, стр. 372—375.

[2] BD, IV, № 241; *H. Nicolson*, op. cit., p. 243.

[3] BD, IV, № 258.

[4] BD, IV, № 268, меморандум Грея от 27 апреля 1907 г.

[5] BD, IV, № 261, 259.

[6] BD, IV, № 261, Никольсон — Грею из Петербурга 27 марта 1907 г.

[7] *М. Н. Покровский*, цит. соч., стр. 110—111.

дипломатической переписке, на словах в частном разговоре tête à tête они повидимому не стеснялись на посулы. 9—11 июня 1908 г. на свидании Эдуарда VII с Николаем в Ревеле сэр Артур Гардинж имел памятный разговор с Извольским. Он многозначительно говорил о царской России в качестве арбитра, когда «через 7 или 8 лет в Европе может создаться весьма беспокойная и напряженная ситуация, если Германия будет продолжать свои морские приготовления столь же ускоренным темпом»[1]. Опубликованные царские и английские документы о переговорах в Ревеле не упоминают о проливах[2], однако в Петербург Извольский вернулся из Ревеля с твердым убеждением, что английские гости гарантировали царской России проливы[3]

По мнению Гарольда Никольсона, сына тогдашнего английского посла в России сэра Артура Никольсона, «под проливами и Гардинж и Извольский понимали каждый разное. Гардинж думал, что проливы могли бы быть открыты для всех, Извольский — что они должны быть открыты только для России»[4]. Это убеждение и толкнуло Извольского на поездку в Бухлау и на широкие обещания Эренталю — поездку, которая имела результатом аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией и тяжелый европейский кризис 1908—1909 гг.

После боснийского кризиса позиция царизма в вопросе о Константинополе и по отношению к Германии и Австрии стала непримиримой. Не лучше, правда, дело обстояло и с союзниками. Позиция Англии, а также и Франции по отношению к царским притязаниям на проливы впоследствии, во время войны 1914—1918 гг., когда вопрос о судьбе проливов был поставлен царизмом не «академически», а вполне конкретно, формулировалась посторонними наблюдателями следующим образом:

«Для Англии (а также и Франции. — *Н. П.)* было бы желательно, чтобы Россия не властвовала на проливах, но, принимая во внимание те преимущества, которые Англия надеется извлечь из общих результатов соглашения, она в крайнем случае сможет принудить себя пойти на эту невыгодную уступку, которую как-нибудь она сумеет смягчить»[5].

«Английское правительство намерено обусловить торжество русской точки зрения по вопросу о проливах усилиями этой последней державы в войне. В случае если Константинополь окажется

---

[1] „Graf Benkendorff, Diplomatischer Schriftwechsel", B. 1928, B. I, Письмо Извольского Бенкендорфу от 18 июня 1908 г.

[2] BD, V, № 195; *Sidney Lee*, v. II, p. 586—596; „Graf Benkendorff, Diplomatischer Schriftwechsel", B. I, № 3.

[3] *Taube*, La politique russe d'avant guerre et la fin du tsarisme, P., 1928, p. 169—170; также запись статс-секретаря Половцева в своем дневнике от 30 июня 1908 г. ст. стиля — „Красный архив", т. IV, стр. 128.

[4] H. *Nicolson*, p. 273; ср. BD, IV, № 265, p. 238, примечание Фицмориса.

[5] *Е. Адамов*, Константинополь и проливы, т. I, стр. 225. Дешифрант телеграммы турецкого посла в Берлине Мухтар паши великому визирю Саид-Халиму паше от 17/X 1914 г.

в руках России, англичане не будут возражать против этого»[1].

Что касается отношения французских империалистов к притязаниям царизма на Константинополь и проливы, то оно достаточно красочно характеризуется следующими признаниями Пуанкаре по поводу «ипотеки на Константинополь», якобы данной царизму в марте 1915 г.:

«Это какая-то непроницаемая тайна. Ни Вивиани, ни я никогда не слышали об этом обязательстве. Остается предположить, что Делькассе принял на себя это обязательство, не доложив о нем ни правительству, ни мне».

Аллар, цитируя эти признания, приходит к выводу:

«Итак, ни Франция, ни Англия, ни Пуанкаре, ни лорд Грей не знают, кто из политических деятелей обещал Константинополь русским»[2].

Как свидетельствуют опубликованные Алларом отрывки из протоколов секретных заседаний французского парламента, вопрос о том, кто из французских политических деятелей «обещал Константинополь» в марте 1915 г., вызвал в 1917 г. скандальные дебаты в парламенте.

Таким образом в силу собственных интересов и в силу известного давления и посулов со стороны Франции и Англии, а в первую очередь потому, что интересы царской России в Турции были более ощутимы, чем интересы в Манчжурии и Китае, где недавние поражения, коим немало способствовала Англия, чуть не довели самодержавие до гибели, царская Россия связала свою судьбу с англо-французским блоком.

После Портсмута и заключения соглашения с Англией в 1907 г. царская Россия начинает деятельно готовиться к войне, восстанавливая свою военную мощь, изрядно потрепанную на полях Манчжурии и под Цусимой. Как развертывалась эта техническая и организационная подготовка к войне, будет показано ниже (гл. III). Что же касается политической подготовки царской России, то она выразилась в укреплении союзных связей с Францией и Англией, в соглашении с Японией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке, в организации Балканского союза, в энергичной (особенно после первой балканской войны) поддержке Сербии, в соглашении с Италией о сферах влияния на Балканах, в попытках привлечь Румынию в качестве союзника против Австро-Венгрии.

Программы военного строительства, как известно, пользовались полной поддержкой почти всех буржуазно-дворянских партий и группировок Государственной думы. «В области иностранной политики кадеты уже давно являются правительственной партией», — писал Ленин во время войны 1914—1918 гг.[3].

---

[1] *Е. Адамов*, цит. соч., стр. 243. Дешифрант депеши румынского посла в Петербурге Диаманди министру иностранных дел Порумбаро от 28/II 1915 г.

[2] Сборник „Революционное движение во французской армии в 1917 г.", Соцэкгиз, 1934, стр. 174—205.

[3] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, стр. 207.

«Класс помещиков и верхи торгово-промышленной буржуазии горячо поддержали воинствующую политику царского правительства... Широкие слои городской «средней» буржуазии, буржуазной интеллигенции, лиц свободных профессий и т. д. — по крайней мере в начале войны — тоже заражены были шовинизмом... Буржуазно-демократические партии... не устояли против шовинистской волны... Партия социалистов-революционеров... поплыла по этому же течению», — так характеризовал отношение буржуазных классов и партий царской России в первые месяцы войны Ленин[1]. Рабочий класс был против империалистической войны. Но русские меньшевики — Чхеидзе, Церетелли и др. — шли по стопам французских, германских, английских социал-империалистов и каутскианцев. Русские каутскианцы — Мартов и Троцкий — смыкались с меньшевиками. Только революционная партия рабочего класса — партия большевиков — готовила рабочие массы к борьбе против империалистической войны под лозунгами превращения ее в войну гражданскую. «И она встретила очень сочувственный отклик со стороны рабочих»[2].

Не в меньшевизме поэтому видели империалисты России своего основного непримиримого противника. Единственной партией, которая неизменно стояла на страже интересов пролетариата и на позициях революционного интернационализма, которая вела всегда решительную борьбу с империализмом — российским и мировым, — была партия Ленина. При этом необходимо помнить, что борьбу против империализма партия большевиков развернула еще задолго до мировой войны. Именно партия большевиков вскрывала, разоблачала, клеймила каждый шаг русского империализма, выступая с одинаковой непримиримостью и против царских авантюр в Китае, и против политики русского империализма по отношению к Турции и Ирану, и против политики царизма на Балканах, доказывая, что у пролетариата и трудящегося крестьянства России нет врага более страшного и более беспощадного, чем царизм. Но борьба, как мы сказали, шла не только с русским империализмом: с неменьшей энергией боролась партия Ленина и против империализма мирового, против его откровенной и скрытой «социалистической» агентуры. Об этой борьбе говорят многочисленные произведения Ленина; о ней свидетельствуют выступления партии большевиков на конгрессах и заседаниях генерального бюро II Интернационала, в частности та подлинно интернационалистская работа, какую партия в лице своего гениального вождя провела на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте (1907 г.). Партия Ленина еще задолго до мировой войны стала вождем революционного пролетариата России и всего мира. Неудивительно поэтому, что русские империалисты жестоко ненавидели большевизм, усматривая в нем своего непримиримого врага.

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, стр. 207—208.
[2] Там же, стр. 210.

Неудивительно поэтому, что именно партию большевиков подвергали русские империалисты жесточайшим репрессиям, которые, как известно, наибольшей силы достигли во время мировой войны (например арест и осуждение думской фракции большевиков).

Борьба большевиков против империалистической войны и за превращение ее в войну гражданскую закончилась победой революционного пролетариата, руководимого партией Ленина — Сталина, несмотря на бешеные репрессии царизма против большевиков во время войны.

Любопытно отметить, что войны с Германией панически боялись монархические круги — представители самой оголтелой реакции в лице «Земщины» (редактор Глинка), «Гражданина» (редактор князь Мещерский), монархических зубров вроде Маркова 2-го, для которых политическое направление таких черносотенных органов печати, как «Новое время», казалось... революционным! Монархические зубры, открыто на страницах печати требовавшие в период 1907—1914 гг. восстановления в России крепостного права, исходили из убеждения, что всякая крупная война после японской, в особенности проигранная война, принесет революцию, которая в самом лучшем случае может закончиться падением самодержавия и превращением царской России в парламентарную монархию и в худшем — в республику, где власть перейдет в руки буржуазии и будет потеряна последняя субсидия от казны (через Дворянский банк). Настроения этих реакционнейших кругов русского дворянства разделялись значительной частью верхов придворной бюрократии, и при дворе существовала влиятельная «германофильская партия», которая весной 1914 г. устами Дурново и Таубе пыталась во имя «чистого монархизма» удержать Николая II от выступления на стороне Англии и Франции.

Однако объективный ход событий в эпоху империализма вел к борьбе царской России против австро-германского блока. Царское правительство усиленно готовилось к войне с Германией, несмотря на личные мнения и симпатии отдельных своих членов. Бюджет министерства иностранных дел, где велась организационная и политическая подготовка к войне с Германией, энергично поддерживался в отличие от бюджета других ведомств, кроме военного и морского, представителями буржуазии в Государственной думе. Русская буржуазия принципиально высказывалась за империалистическую войну, а тем более в силу экономических и политических противоречий и известной зависимости от парижской и лондонской бирж — за войну с Германией.

АВСТРО-СЕРБСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Участником и вместе с тем объектом борьбы двух империалистических лагерей в Европе явилась Сербия, присоединившаяся к Антанте в силу своих противоречий с Австрией, известной зависимости от России (обещание военной поддержки) и Франции (золотая цепочка займов).

Как причина возникновения мировой войны австро-сербский конфликт имеет второстепенное значение.

В период 1878—1903 гг. Сербия являлась колонией или полуколонией Австрии, так как австрийскому капиталу удалось благодаря политической подчиненности Сербии Австрии в правление династии Обреновичей захватить господствующие позиции в сербской экономике. Основной отраслью народного хозяйства Сербии в довоенные годы являлось сельское хозяйство, а главной статьей в торговом балансе — вывоз продуктов сельского хозяйства в первую очередь в Австро-Венгрию, затем в Италию, Германию, Швейцарию. Пользуясь политической подчиненностью Сербии, австрийский капитал в эпоху Обреновичей захватил в свои руки командные позиции в сербской внешней торговле в ущерб сербской торговой буржуазии и наиболее зажиточным слоям крестьянства, поставлявшим продукты на вывоз. По подсчетам Морица Штролля[1], в 1888 г. австро-венгерский капитал держал в своих руках 67,5% сербского ввоза и 86% вывоза. Занимая командные позиции в сербской торговле, австрийские капиталисты довольствовались в эпоху 1878—1903 гг. союзным и торговым договором с Сербией, железнодорожной конвенцией и прочими узами полуколониальной связи и подчинения.

Однако рост национальной сербской буржуазии, имевшей свою экономическую базу во внутренней торговле, изменил существенным образом австро-сербские отношения. Молодая сербская буржуазия, для которой господство в эпоху Обреновичей австрийской монополии в хозяйственной жизни страны стало непереносимой помехой, начинает борьбу против австрийского капитала, требуя монополизации внутреннего и внешнего сербского рынков для себя. Выразителем этой борьбы национального сербского капитала в экономике и политике Сербии явилась радикальная партия, подвергавшаяся многочисленным репрессиям со стороны австрийских агентов на сербском троне — Обреновичей. Переворот 29 мая 1903 г, организованный радикальной партией при помощи офицерства, вызвал смену династии и вместе с ней коренную перемену в австро-сербских отношениях.

Новое правительство, находившееся в руках радикалов, взяло курс на сближение с царской Россией, противником Австрии на Балканах, и начало таможенную войну с Австрией с целью подорвать позиции австрийского капитала в экономике страны. Оно добилось успешного выполнения этой задачи при помощи французского (государственные займы) и германского (внешняя торговля) капитала. В 1910 г. австрийская доля в сербском ввозе составляла всего 19%, тогда как германская достигла 41,3% (с 4,5% в 1885 г.) при значительном увеличении участия Франции и Англии в сербской торговле.

---

[1] „Die Handelspolitik der wichtigeren Kulturstaafen in den letzten Jahrzehnten„ Sehriften des Vereins für Sozialpolitik, Leipzig, Verlag von Duncker und Humblot, 1892, B. I, S. 51.

Широкая пропаганда сербской буржуазией «великосербской» идеи падала на благодарную почву. В южнославянских областях Австро-Венгрии имелось около 7 млн. сербов, хорватов и других южных славян, жестоко угнетаемых австрийскими и венгерскими помещиками и капиталистами. Сербская буржуазия сумела широко использовать национально-освободительные стремления южного славянства и его борьбу против угнетателей — австро-венгерских правящих классов, для реализации своих планов «Великой Сербии». Представительница интересов сербской буржуазии — радикальная партия, стоявшая у власти в период 1903—1914 гг., — всячески поддерживала борьбу «братьев-славян по ту сторону Дуная».

Она ставит своей задачей добиться объединения южных славянских земель Австро-Венгрии с Сербией, которой предназначалась роль южнославянского «Пьемонта».

Сербские националисты в период 1903—1914 гг. создают ряд патриотических обществ, в том числе «Народную одбрану» и «Черную руку», и поддерживают деятельность многочисленных организаций «Омладины», ведущих усиленную пропаганду великосербской идеи в южнославянских областях Австро-Венгрии и борьбу с последней, вплоть до покушений на высокопоставленных австрийских чиновников в этих областях[1] с целью дезорганизовать австрийскую администрацию и подготовить распад Австро-Венгрии.

Эта программа сербской буржуазии пользовалась поддержкой правительственных и панславистских кругов царской России, открывших после проникновения Германии в Турцию, что дорога к Константинополю и проливам лежит через Берлин и Вену. Первые годы после переворота 29 мая 1903 г. царизм, занятый японской войной и ослабленный разгромом и революцией, не мог активно помочь сербской буржуазии, ориентировавшейся на царскую Россию, но с 1908 г. после неудачи торга Извольского с Эренталем в Бухлау, имевшего результатом аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, царская Россия энергично поддерживает Сербию. Царские дипломатические агенты на Балканах, в частности Гартвиг, были хорошо осведомлены об антиавстрийской работе «Народной одбраны», «Черной руки» и «Омладины» и поощряли эту работу при помощи субсидий и «моральной поддержки». Что касается русских панславистов типа Хомякова, Гучкова, графа Бобринского, то их поддержка планов сербского национализма мыслилась как нечто само собой разумеющееся.

Достаточно хорошо были осведомлены об антиавстрийской деятельности тайных обществ и французские правящие круги, так как французский капитал захватил в период 1903—1914 гг. прочные позиции в Сербии. По подсчетам М. Н. Покровского, «весь государственный долг Сербии помещен на французском рынке»,

---

[1] В период 1910—1914 гг. шесть покушений, включая сараевское убийство.

и французский капитал получал ежегодно свыше одной четверти государственного бюджета Сербии в виде уплаты процентов по долгу. В совете сербских государственных монополий, державшем в своих руках контроль над экономической жизнью страны, находилось два француза. Французский империализм стоял твердо на сербской почве, и эта прочная позиция давала повидимому немало возможностей для проникновения в закулисные тайны великосербского движения. Французский посланник в Белграде, как правило, был в курсе всего того, что делали и знали царские дипломатические агенты. Наконец Сербии в оперативно-стратегических планах Антанты, как мы увидим из главы III, назначалась весьма видная роль в предстоящей вооруженной схватке с австро-германским блоком.

Сербскому правительству оставалось лишь использовать покровительство франко-русского союза в своих интересах. Логическим выводом из этого покровительства явилось широкое развертывание правящими кругами пропаганды великосербской идеи как внутри страны, так и за границей, в южнославянских землях Австро-Венгрии. Эта пропаганда имела ярко выраженный националистический характер, она быстро охватила широкие слои средней и мелкой буржуазии и наиболее зажиточные слои крестьянства, из представителей которых формировалось сербское чиновничество, духовенство, офицерство, интеллигенция, вкладывавших, понятно в зависимости от своей классовой природы, в «великосербскую идею» совершенно различное классовое содержание — от вожделений чисто империалистического характера до программы национального освобождения. Эта широкая гамма оттенков в содержании великосербской идеи позволила господствующим классам объединить — на платформе воссоединения Сербии с южнославянскими областями Двуединой монархии и создания Великой Сербии — широкие массы сербского населения и поднять их на борьбу против Австро-Венгрии.

Уход Сербии из австрийской орбиты влияния был сильным ударом для австрийской экспансии на Балканах, усилившейся в эпоху империализма. Основной тезис австрийской политики по отношению к Сербии «Сербия должна быть либо турецкой, либо австрийской» был ясно и четко формулирован еще Меттернихом и успешно проводился при согласии, хотя и вынужденном, царской России в течение всего XIX в. Вплоть до 1867 г. хозяевами Сербии были турецкие гарнизоны. После русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и последующих за ней соглашений между царской Россией и Австрией о разделе Балканского полуострова на русскую (восточную) и австрийскую (западную) зоны влияния фактическим хозяином в Сербии стала Австрия, превратившая Сербию в свою полуколонию. Проникновение германского империализма на Ближний Восток усилило тенденции Австро-Венгрии к экспансии на Балканах. Австрийский империализм притязает на захват Салоник, крупнейшего порта Эгейского моря, наиболее удобные пути к которому идут через долину реки Моравы, станового хребта

сербского государства. И так как все проекты создания «Большой Германии» от Гамбурга до Персидского залива самым тесным образом зависели от обладания Моравской магистралью, то отсюда наряду с другими причинами энергичная поддержка Германией австрийской экспансии на Балканах.

Только раздавив Сербию, Австро-Венгрия могла обеспечить себе путь к Салоникам. Вот почему после таможенной войны с Сербией австрийский империализм помимо ожесточенных репрессий против сторонников великосербской идеи в своих землях замышляет захват или по крайней мере раздел Сербии. Первые требования войны с Сербией выдвигаются австрийским генеральным штабом и относятся к 1907 г., т. е. значительно раньше аннексии Боснии и Герцеговины, которая произошла осенью 1908 г. Руссофильская позиция Сербии и образование под руководством царской России Балканского союза явились для правящих классов Австро-Венгрии весьма тревожным предостережением, ибо Балканский союз в качестве инструмента войны мог быть использован для удара в тыл Австро-Венгрии в случае войны с царской Россией. Хотя Балканский союз распался в результате второй балканской войны, однако превращение Сербии после балканских войн в государство, для расправы с которым, по мнению австрийского генерального штаба, было необходимо 6—8 корпусов, т. е. половина всей австро-венгерской армии, делало Сербию серьезным противником, с которым приходилось считаться. Потенциальная война с царской Россией превращалась благодаря росту Сербии в войну на два фронта, в которой Австрия не могла выставить на русский фронт всей своей армии, как было предусмотрено австро-германским планом войны, и в силу этого значительно теряла свою ценность союзника для Германии.

С другой стороны, успешное развитие великосербской пропаганды в южнославянских областях Австро-Венгрии достигало таких размеров, что ставило под вопрос готовность многих австрийских подданных из южнославянских областей сражаться за монархию Габсбургов. Армия становилась ненадежным орудием, которому уже нельзя было доверять, так как контингент солдат сербо-хорвато-словенской национальности был в армии весьма значителен.

Вот почему в правящих кругах Австро-Венгрии в период 1908—1914 гг., и в особенности после балканских войн, зреет убеждение в необходимости раздавить Сербию, чтобы устранить препятствие продвижению Австро-Венгрии на юг Балканского полуострова и захвату Салоник и уничтожить страну, которая может стать южнославянским «Пьемонтом», объединившим вокруг себя все южнославянские земли. Период 1908—1914 гг. характерен обилием проектов и меморандумов австрийского генерального штаба, требующих войны с Сербией.

За войну с Сербией высказываются бюрократия, составляющая административный костяк монархии Габсбургов, католическая клика и военщина, финансовый и торговый капитал, т. е. вся буржуа-

зия, утратившая свои позиции в Сербии и мечтающая об их возврате. Необходимо отметить, что Австро-Венгрия была «монархией Габсбургов», была страной, где интересы буржуазии отдельных национальных групп подавлялись самодержавным режимом при помощи бюрократически-полицейского аппарата, армии и католической церкви в интересах австрийских капиталистов и венгерских помещиков. Искусственно разжигаемая монархическим режимом вражда между отдельными национальностями и ожесточенное национальное угнетение, а с другой стороны, переплетение интересов верхушечных слоев буржуазии отдельных национальных районов с интересами австро-венгерских господствующих классов создали очень сложную обстановку, особенно если учесть усиление процесса расслоения в деревне и в городе. Это обстоятельство сказывается и на отношении отдельных классов населения Австро-Венгрии к войне с Сербией и мировой войне. В немецких землях дворянство и землевладельческий класс, буржуазия и значительная часть крестьянства (кулаков) высказывались за войну с Сербией. Сравнительно малочисленная часть, именно революционно настроенные слои пролетариата, высказывалась против войны. В Венгрии, сельскохозяйственной стране, за войну высказывались помещики и кулачество, наиболее затронутые сербским сельскохозяйственным экспортом. В польских областях (Краковская область и Галиция) сторонниками войны являлись помещики и верхушка национально-буржуазного украинского движения. В чешских, румынских, итальянских и южнославянских землях лишь немногие единицы (из буржуазии и помещичьего класса) сочувствовали военной политике Габсбургов, а огромное большинство населения либо открыто высказывалось против нее, либо относилось к ней как к бедствию.

Фактическими хозяевами Австро-Венгрии были немецкие и венгерские помещики и капиталисты, бюрократия, католическая клика и военщина. При помощи армии, полиции, церкви и посредством разжигания национальной вражды они господствовали над многонациональным населением Австро-Венгрии.

Все эти моменты сказались и на идеологической подготовке к войне со стороны правящих классов Австро-Венгрии, которая характерна, с одной стороны, подчеркиванием великодержавных империалистических задач, с другой — необузданной пропагандой против «сербской опасности», которая служила прикрытием планов разгрома Сербии. Задачи идеологической подготовки населения к войне ввиду его многонациональности были исключительно трудны и сложны, и правительственный режим к тому же действовал довольно неуклюже (подделка документов, касающихся великосербского движения), что приводило к таким международным скандалам, как процесс Фридъюнга [1]. Подготовка населения заключалась в натравливании печати на «сербских бандитов»

[1] См. примечание на стр. 276.

и мерах полицейско-цензурного характера и весьма приближалась в этом отношении к соответствующей практике русского царизма.

Верхушка социал-демократии открыто поддерживала империалистические вожделения господствующих классов. Но, с другой стороны, все эти противоречия содействовали и крушению империи в 1918 г. Вопрос о форсировании войны с Сербией в значительной степени сводился к тому, позволит ли германский империализм произвести вооруженное нападение на Сербию даже в том случае, если такой наскок вызовет вмешательство царской России и ее союзников, т. е. мировую войну, развязать которую на свой страх и риск монархия Габсбургов попросту не смела. Если сараевское убийство в 1914 г. было использовано как удобный предлог, чтобы навязать Сербии войну даже при условии перерастания ее в войну мировую, то это произошло только с ведома и разрешения Германии. Последняя же к этому времени пришла к выводу, что в силу ухудшения для австро-германского блока международной обстановки медлить далее с развязыванием войны нельзя.

*

Таковы вкратце, бегло, в общих чертах корни мировой империалистической войны 1914—1918 гг. По разным причинам Англия, Франция, царская Россия и примыкавшие к ним страны находились в остром противоречии с державами австро-германского блока, причем все усиливавшееся «международное переплетение клик финансового капитала»[1] с каждым годом обостряло и форсировало борьбу Антанты с австро-германским блоком, превратив ее в конце концов в мировую войну. Империалистическая война 1914—1918 гг. была мировой, потому что частные конфликты между отдельными империалистическими державами переросли в силу указанного Лениным «международного переплетения клик финансового капитала» в вооруженную борьбу за мировое господство и передел мира, охватившую все уголки земного шара.

В этой борьбе Антанты с австро-германским блоком за мировую гегемонию США, как указал покойный М. Н. Покровский, сыграли видную роль, так как раскол Европы на два враждующих лагеря был на-руку империалистам США. Однако выяснение роли США в подготовке и развязывании мировой империалистической войны 1914—1918 гг. в силу сложности вопроса и отсутствия документального материала не могло быть затронуто даже бегло в настоящей работе, являясь темой для самостоятельного исследования.

Борьба империалистов за передел мира и грабеж колоний отражается в международных отношениях эпохи империализма в виде частых международных кризисов. Изучая подготовку войны 1914—1918 гг., Ленин составил особую таблицу главнейших кри-

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, стр. 255.

зисов в международной политике великих держав после 1870—1871 гг., показывающую, что в основе этих кризисов лежала именно борьба империалистических держав за передел мира и грабеж колоний[1].

Многие из этих кризисов грозили вылиться в мировую войну, и этого не случилось до 1914 г. только потому, что обе стороны, считая себя недостаточно подготовленными к войне, в последнюю минуту оттягивали военную развязку на более отдаленный момент в надежде выиграть те или иные выгодные для ведения войны позиции и преимущества. Но каждый такой кризис все более и более углублял и обострял противоречия между обеими группировками и все более и более приближал их к войне. Решающим же моментом, наравне с военно-организационной и военно-технической подготовкой сделавшим войну для господствовавших классов не терпящим отлагательства событием, явился политический рост пролетариата и усилившееся революционизирование его в период 1911—1914 гг., предвещавшее приближение пролетарской революции. Это приближение революции говорило буржуазии и ее союзникам, что с войной надо спешить, пока пролетариат не сорвал возможности самой ее организации. Спешить надо было для того, чтобы разрешить при помощи оружия те цели и задачи, которые казались неразрешимыми при помощи обычных средств, и попутно обескровить пролетариат, превращавшийся в прямую угрозу существованию буржуазии и дворянства.

Впервые в эпоху империализма раскол на два враждующих империалистических лагеря, готовящихся к схватке, обнаружился во время первого кризиса между Германией и Францией из-за Марокко в 1905—1906 гг. Несмотря на обещанную Англией вооруженную помощь, Франция, учитывая ослабление армии царской России, пошла под давлением Германии на уступки. Кризис закончился Алжезирасской конференцией, где, несмотря на формальный успех, а именно признание «открытых дверей» и независимости Марокко, Германия вопреки своим расчетам (договор в Бьорке) встретила против себя блок не только Англии и Франции, но и примкнувшей к ним царской России при сомнительно нейтральной позиции своего союзника — Италии. Упорная поддержка французской позиции Англией указывала на решение Англии вести «в новом духе» (Эйр Кроу) свои отношения с Германией.

Следующий крупный кризис из-за Марокко между Германией и Францией в 1908 г. (инцидент в Казабланке) поставил австро-германский блок лицом к лицу с уже окончательно сложившейся тройственной Антантой. Боснийский кризис 1908—1909 гг., начавшийся с соглашения между царской Россией и Австро-Венгрией о разграничении интересов на Балканах, привел к резкому обострению отношений между Австрией, царской Россией и Сербией, едва не закончившемуся войной; поддержка Гер-

---

[1] „Большевик", 1934 г., № 13—14, стр. 90—91.

манией Австрии в этом кризисе[1] показала царскому правительству, что Германия не может быть устранена из Малой Азии без военного разгрома и что путь к Константинополю идет через Берлин и Вену.

В третьем кризисе из-за Марокко между Германией и Францией, вспыхнувшем в 1911 г. (Агадирский инцидент), оба империалистических блока не довели дела до военной развязки в первую очередь из-за организационных неувязок и технической неготовности своих вооруженных сил: Германии — на море, Антанты — на суше.

Завершением этой подготовки в организационном и техническом отношении обе группировки были заняты в последующие годы. Организационная подготовка Антанты была закончена в период первой балканской войны, подорвавшей надежды Германии использовать Турцию как орудие борьбы против Англии и сигнализировавшей австро-германскому блоку возможность использования союза балканских государств Антантой для удара по Австро-Венгрии. Распад Балканского союза (вторая балканская война) лишь отодвигал эту опасность на некоторый срок, но не устранял ее ввиду роста Сербии, обозначавшегося отхода от австро-германского блока Румынии и прямого отказа Италии на предложение Австрии в 1913 г. участвовать в нападении на Сербию. Международно-политическая ситуация, как можно видеть, обострялась и усложнялась, и каждый год, каждый очередной кризис усиливал и обострял отношения между обеими группировками.

Но обострение противоречий между обоими империалистическими блоками отличалось одной характерной особенностью: так как блоки империалистических государств являются своеобразной формой борьбы между ними, то понятно, что внутри каждой из империалистических группировок всегда существует немало горючего материала, вызывающего довольно острые трения между государствами — участниками каждого блока.

Англо-французские трения по поводу Багдадской железной дороги, англо-русская грызня в Иране, франко-русские «неприятности» по поводу французской политики в Марокко — все эти противоречия между «сердечными» друзьями из Антанты в иные моменты принимали столь острый и напряженный характер, что не раз грозили самому существованию Антанты. Во всяком случае ни одно из государств Антанты не питало полного доверия друг к другу, то и дело задавая себе вопрос: предают ли меня мои союзники или нет? Австро-германский союз[2] тоже не был монолитным блоком. Австро-германские противоречия и разногласия уже достаточно выяснены в исторической литературе[3]. Но каковы бы ни были отношения между отдельными членами обеих

---

[1] Германское предупреждение, или ультиматум, царской России в марте 1909 г.

[2] Италия с 1901 г. только формально принадлежала к Тройственному союзу, на самом деле являясь тайным конфидентом государств Антанты.

[3] Такого же характера противоречия можно отметить сейчас: противоречия между Англией и Японией из-за дележа Китая, из-за японской колониальной

группировок и внутри каждой из них, обе группировки как таковые были антагонистичны друг другу, и самый факт группировок создавал новое «качество» в международных отношениях: любой частный конфликт между отдельными участниками обеих группировок мог перерасти в мировую войну.

С другой стороны, багаж союзной «дружбы» был, как мы уже указывали, настолько грузным и обременительным, что парализовал боеспособность обоих блоков. Особенно это относится к Антанте, отдельным участникам которой понадобилось 9 лет для того, чтобы Антанта как инструмент войны стала боеспособной. Этот процесс приспособления нужд и интересов отдельных государств Антанты друг к другу, выраженный в выработке единого оперативно-стратегического плана, был крайне мучительным и потребовал от главной «закройщицы» Антанты — Англии — немало хлопот и усилий.

Не менее остро стоял вопрос и об идеологической подготовке масс к войне. Разоблачение истинных целей и задач войны конечно было немыслимо, ибо поднять кого-либо на войну за повышение прибылей фирмы Круппа или Виккерса было бы совершенно невозможно. Поэтому основной задачей в этом направлении явилась задача представить войну как навязанную нападением противника, от которого приходилось защищаться. Даже воинственные призывы германских империалистов, действовавших более грубо и топорно, чем английские, французские или даже русские империалисты, мотивировались зачастую либо «жизненной необходимостью» расширения Германии, либо необходимостью «предупредить» нападение со стороны противников, пока они не успеют усилиться настолько, что будут потеряны последние шансы на успех расправы с ними. В других странах — в Англии, Франции, царской России и т. д. — правящие круги действовали менее открыто. Но всюду, даже в Германии, правительства, выступая в качестве исполнительного аппарата правящих классов, старались при всяком удобном случае подчеркнуть, так же как это делается сейчас фашистами, свое «миролюбие», чтобы обмануть широкие массы.

По словам известного германского пацифиста Альфреда Фрида, «по всякому поводу правительства подчеркивали свои заботы о сохранении мира, они с радостным удовольствием и торжественно объявляли себя готовыми всячески постараться избегнуть взрывов войны. Даже колоссальный военный аппарат и сам институт войска оправдываются как средства миролюбия и упорного желания избежать войны»[1]. Такие многократные и охотно делаемые империалистами заявления являются и сейчас удобнейшим средством, чтобы успокоить широкие массы и ввести их в заблуждение

экспансии в южные моря к Австралии, Индии, Голландской Индии и т. д., из-за японского демпинга на английские колониальные рынки; таковы же противоречия между Англией и Германией в борьбе за европейские рынки, за фрахты и даже за рынки экспорта капитала.

[1] *Alfred Fried*, Handbuch der Friedensbewegung, Wien und Leipzig 1905, S. 15.

относительно беспрестанного усиления своих вооруженных сил, а также убедить эти массы в том, что эти вооружения делаются только на случай обороны страны, а отнюдь не для нападения, и побудить массы к новым и новым жертвам на развитие вооружений.

То, о чем говорил Ленин в 1913 г., повторяется, но еще в больших размерах, и сейчас:

«На тысячи ладов, в тысячах газет, с тысяч кафедр кричат и вопят о патриотизме, о культуре, о родине, о мире, о прогрессе, — и все это ради оправдания новых затрат десятков и сотен миллионов рублей на всяческие орудия истребления, на пушки, на «дредноуты» (броненосцы новейшего типа) и т. п.»[1].

Так как империалисты каждой страны хотят быть сильнее своих соседей, то возникает усиленная гонка вооружений: каждый новый военный законопроект как в период до войны 1914—1918 гг., так и сейчас вызывает соответствующие меры со стороны соседей: их оправдывают необходимостью ответной меры на вооружения соседних государств. Это позволяет маскировать свои собственные агрессивные цели и перебрасывать вину за вооружения на другие страны. Подкупы печати в странах противников для помещения воинственных статей стали одним из излюбленных приемов, при помощи которых империалистические государства маскируют и объясняют широким массам свои вооружения.

Параллельно развертывается работа по воспитанию в массах шовинизма, национальной вражды и милитаристической идеологии, для чего используются школа, печать, церковь, искусство и т. д.

Классические примеры такой работы империалистов по идеологическому воспитанию масс в милитаристическом духе дает практика германского империализма, открыто декларирующего как в период подготовки войны 1914—1918 гг., так и сейчас, что всякая антивоенная пропаганда отравляет сознание широких масс и является преступлением, так как срывает возможность «мобилизации тел».

В своей изданной накануне войны 1914—1918 гг. нашумевшей книге один из крупнейших работников германского генерального штаба и идеолог военной партии генерал Бернгарди откровенно заявляет: «Заботиться о мире — это значит в отношении германского народа отравлять его душу ядом»[2]. «Совершенно ошибочно, — заявляет орган германских милитаристов «Die Post», — объявляют все время усиление нашей армии лишь средством защиты от войны, равно как и подчеркивают, что сохранение мира считается самой существенной задачей государства, для реализации которой не следует останавливаться перед жертвами. Это неверно, и не следует отравлять мысли народа ложными и малодушными представлениями»[3].

---

[1] *Ленин*, Собр. соч., т. XVI, стр. 358; также ср. стр. 405.
[2] *Bernhardi*, Deutschland und der näheste Krieg, Berlin 1912.
[3] „Die Post", 25/IV 1913, ст. „Die Wehrvorlage und die internationale Lage".

Аналогичные высказывания о вреде даже буржуазного пацифизма можно встретить сейчас на любой странице гитлеровской печати, и мы не приводим высказываний пацифистов только потому, что в фашистской Германии пацифистская пропаганда совершенно запрещена.

Что касается милитаристской пропаганды в кайзеровской и современной фашистской Германии, то о совпадении ее задач и целей, о совпадении ее характера могут дать некоторое представление следующие типичные образцы:

ИМПЕРИАЛИСТЫ ПРЕДВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ

«Мировое владычество или крушение — таков будет наш лозунг» *(ген. Бернгарди)*[1].

«Наши политические задачи не выполнимы и не разрешимы без удара меча» *(ген. Бернгарди)*.

«Только ярко блестящий меч может служить залогом мира» (*Вильгельм II*).

«В германском сердце, молча и глубоко вкоренившись, должно жить чувство радости и жажда войны... С радостным сердцем возьмемся за оружие и весело встретим час войны» («Jungdeutschland Post», 25/I 1913, № 4).

Война — «звено в цепи божественного миропорядка, тогда как мир и тем более вечный мир — сон и при этом некрасивый сон. В войне раскрываются и обнаруживаются наиболее достойные человеческие доблести. Без войны мир погрузился бы в объятия материализма» *(фельдмаршал Мольтке)*[2].

«Война является для больных народов единственным средством исцеления... Живой бог позаботится о том, чтобы война всегда повторялась как страшное лекарство для человеческого рода» (*Treitschke*, Politik, Leipzig 1898, B. II, S. 74, 76).

«Война — отец всего» *(ген. Бернгарди)*.

«Война не только простой фактор, но фактор главный. Без войны не может возникнуть или существовать ни одно основанное на праве общество, ни одно жизнеспособное государство... Война — необходимая частица божественного миропорядка... Война — неизбежная первопричина возникновения и сохранения добра, красоты, величия и благородства и в природе и в подлинной, истинной культуре» («Berliner Neueste Nachrichten», 24/XII 1912).

«Война — величайший благодетель человечества, потому что она является бдительным стражем и контролирующей силой разносторонних доблестей отдельных лиц и целых народов» («Tägliche Rundschau», 12/XI 1912).

Так говорили о войне германские милитаристы эпохи монархии. Послушаем теперь, что говорят по этому же вопросу идеологи германского фашизма.

---

[1] Все „изречения" Бернгарди взяты из его книги „Deutschland und der nächste Krieg", Berlin 1912.

[2] Цит. по книге *K. Liebknecht*, Militarismus und Antimilitarismus, Leipzig 1907, S. 9.

ИДЕОЛОГИ ФАШИЗМА

«Германия либо должна стать мировой державой либо не существовать вовсе» (*A. Hitler*, Mein Kampf, München 1932, XVI Auflage, S. 752).

«В чем отказывают по добру, то должен взять себе кулак» (*A. Hitler*, op. cit., S. 152).

«Нужно же понять, что возвращение потерянных областей может быть достигнуто не торжественными обращениями к богу и не благочестивыми надеждами на Лигу наций, но только при помощи оружия» (*A. Hitler*, op. cit., S. 708).

«Территорию и земли можно добыть лишь силой победоносного меча» (*A. Hitler*, op. cit., S. 741).

«Меч — единственное оружие внешней политики» (*A. Hitler*, «Angliff», 1931, № 113).

«Всемогущий боже, благослови же когда-нибудь наше оружие. Будь справедлив, как был справедлив всегда. Рассуди, заслуживаем ли мы сейчас свободы. Боже, благослови нашу битву!» (*A. Hitler*, op. cit., S. 715).

«Между нашим теперешним бедствием и грядущим счастьем стоит новая война... Создать нерушимую веру в высокую этическую ценность и глубокое значение войны — это цель и задача военной науки. Совершенно неправильно рассматривать войну просто как истребление...

Уничтожение человеческой жизни и труда людей во время войны — это только преходящее явление, стальная баня обновления» (проф. *Эвальд Банзе*, Наука о войне, цит. по «Правде», 11/V 1934 г.).

«Задача университетов — учить не объективной науке, а боевой, военной, героической» (член рейхстага *Эрнест Крик* в книге «Воспитание в Третьей империи», цит. по «Правде», 11/V 1934 г.).

«Союз, цель которого не скрывает замысла войны, — бессмыслен и лишен цены» (*A. Hitler*, op. cit, S. 749).

Читая эти высказывания идеологов милитаризма вильгельмовской и современной гитлеровской Германии, поневоле приходишь к выводу, что Гитлер весьма точно сдержал одно из своих обещаний, которые он дал еще до захвата власти германскими фашистами:

«В тот день, когда национал-социалистическая партия станет воплощением германской судьбы, мир узнает другую Германию, которую он знал раньше, и она будет Германией, носящей не цилиндр, а стальной шлем»[1].

Итак, разница между милитаристами Германии Вильгельма и современной фашистской Германии в этом отношении лишь та, что в Германии Вильгельма самые рьяные апостолы войны могли лишь жаловаться на то, что антивоенная пропаганда «является

---

[1] *A. Hitler*, „Völkischer Beobachter", 1929, № 57.

преступлением против нашего германского народа»[1], в современной же гитлеровской Германии пропаганда мира действительно объявлена политическим государственным преступлением. Таким преступлением пропаганда — «вредные мысли» — стала и в современной фашистской Японии.

В других странах и в идеологической обработке широких масс при подготовке войны 1914—1918 гг. более соблюдали приличия и не позволяли идеологам войны развязывать в такой степени языки. Но это происходило главным образом потому, что в Германии натаскивали широкие массы именно на наступательную войну, так как германский империализм стремился обогатиться наилучшим способом при помощи военных захватов и грабежа. В Англии, стремившейся при помощи войны сохранить награбленное ранее (колонии) и уже в качестве сравнительно второстепенной задачи награбить новое, а именно германские колонии и турецкие владения, выдвигали в первую очередь в идеологической подготовке войны идею сохранения существующего status quo в мировой политике, идею «права». Это «право» освящало принцип английской собственности на награбленное английским империализмом в предыдущие времена, что конечно делало позицию Англии по сравнению с позицией Германии гораздо более выгодной в отношении идеологической подготовки к войне, хотя английские империалисты в не меньшей степени, чем германские, стремились именно к наступательной войне. Только вооруженный отпор, как ясно понимал Эйр Кроу, мог уничтожить попытки Германии отнять у Англии мировую гегемонию. Во Франции и царской России, равно как в Австрии, менее стеснялись, так как в силу интересов этих стран в будущей войне их позиции в сфере идеологической подготовки масс к войне скорее приближались к германской, нежели английской, хотя и здесь можно отметить исключения (Франция в отношении колоний приближалась к английской позиции).

С учетом этих обстоятельств и приходится рассматривать все имевшие место до войны и так пышно разросшиеся в наши дни «старания» империалистических держав «предотвратить войну» при помощи парламентских конференций солидарности, передачи конфликтов на арбитраж и т. д. Вопросу об ограничении вооружений были посвящены две международные конференции в Гааге. Первая из них, созванная в 1899 г. по инициативе царской России, была вызвана, как свидетельствует в своих мемуарах Витте, желанием русского царизма затормозить перевооружение австрийской армии более усовершенствованной артиллерией, что в тот момент было не по силам для царской России. Вторая конференция в 1907 г., равно как и созванная после неудачи ее и также безрезультатная Лондонская конференция 1909 г. «о свободе морей», имели целью парализовать разгром

[1] Генерал *фон Эйхгорн* в статье „Gegen die weiblichen Friedensapostel" в „Magdeburgische Zeitung", 27/XI 1912

во время войны германской морской торговли английским флотом, сохранявшим в эти годы гегемонию на морях. В основном же эти «мирные» конференции были не более как жестами, сделанными империалистами для того, чтобы своим показным миролюбием успокоить массы и перебросить вину за вооружения на агрессивных противников. Что эти конференции имели в первую очередь демонстративно-декларативный характер, рассчитанный на обман масс, свидетельствует тот факт, что все их постановления о необходимости разрешить международные конфликты не при помощи оружия, а при помощи обращения к третейскому суду — арбитражу — остались на бумаге. Поэтому эти конференции, равно как парламентские конференции солидарности[1], являлись лишь одной из форм обвинения противников в агрессивности и средством идеологической подготовки своих масс к войне. Необходимо помнить, что задача идеологического воспитания масс к готовности умереть за «обижаемое коварным врагом отечество» *была для империалистов даже в период 1900—1914 гг. наиболее тяжелой задачей.*

Как можно судить по приведенным выше фактам, они лишь конкретизируют основной вывод Ленина: «Действительная сущность современной войны[2] заключается в борьбе между Англией, Францией и Германией за раздел колоний и за ограбление конкурирующих стран и в стремлении царизма и правящих классов России к захвату Персии, Монголии, Азиатской Турции, Константинополя, Галиции и т. д.»[3].

---

[1] Первая из них — конференция франко-германской солидарности — была созвана в Берне 11 мая 1913 г.

[2] 1914—1918 гг. — *Н. П.*

[3] *Ленин,* Конференция заграничных секций РСДРП, Собр. соч., т. XVIII, стр. 125.

Глава вторая

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ АВСТРО-ГЕРМАНСКИМ БЛОКОМ

Подготовка германского капитализма к очередной схватке началась немедленно после окончания франко-прусской войны 1870—1871 гг., так как только силой оружия молодой германский капитализм мог удержать награбленное в войнах с Данией (1864 г.), Австрией (1866 г.) и Францией (1870—1871 гг.) и добиться сначала господства в Европе, а затем и мировой гегемонии. Подготовка австро-германским блоком развязывания войны предопределялась задачами и целями, которые ставили себе германский и австрийский империализм на последовательных этапах своего развития.

Однако задача проследить *сколько-нибудь полно и детально военно-дипломатическую подготовку войны* 1914—1918 гг. австро-германским блоком не может быть разрешена в настоящее время. Причиной этого является, как мы уже указывали, отсутствие соответствующего документального и мемуарного материала. В германской многотомной публикации «Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette» отсутствуют *самые важные* в этом отношении документы — материалы о переговорах между начальниками германского и австрийского генеральных штабов, встречи между которыми происходили почти ежегодно в «неофициальном порядке». Отсутствуют донесения германских военных агентов из Вены. До сих пор еще не опубликованы протоколы совещаний «большого генерального штаба», и сам план Шлиффена, на основе которого австро-германский блок рассчитывал вести войну в 1914 г., пока еще известен лишь в самых общих чертах.

Германские мемуаристы, в особенности военные, начинают свои мемуары, как правило, с 1 августа 1914 г. В немногих мемуарах, охватывающих и предвоенную эпоху, как например в «Письмах и воспоминаниях» начальника германского генерального штаба в 1906—1914 гг. генерала Мольтке, вопросы организационной подготовки к войне, планы войны и т. д. обойдены молчанием [1].

[1] См. его „Erinnerungen, Briefe, Dokumente 1887—1916, Stuttgart 1922.

Материалы такого рода и притом более или менее отрывочного характера можно встретить лишь в мемуарах начальника австрийского генерального штаба Конрада фон Гетцендорфа[1].

Это умолчание документальных публикаций и мемуаристов далеко не случайно и конечно не объясняется утверждением германских историков и публицистов, что этих документов нет, потому что Германия якобы вовсе не готовилась к войне. Подобное утверждение — совершенный вздор и нелепость. «Большой генеральный штаб», где были собраны «полубоги» военной науки, готовился к войне в течение многих лет и притом тщательно, методически и добросовестно. На самом деле это сокрытие материала об организационной подготовке военно-дипломатического механизма по развязыванию войны объясняется в известной мере тем фактом, что многое из планов ведения кампании, примененных в 1914—1918 гг., не устарело и до сих пор и может быть с учетом уроков прошлого использовано для будущей войны. Именно поэтому мы знаем до сих пор только кое-что о плане Шлиффена, но не знаем самого плана Шлиффена.

Другой причиной несомненно является генеральная установка германского империализма, проводившаяся и до прихода гитлеровцев к власти, а именно, что «на Германию напали» и «Германия оборонялась». Опубликование материалов об организационной подготовке войны разоблачило бы полностью всю несостоятельность подобной установки и всю лженауку тех германских буржуазных историков и публицистов, которые защищают ее в своих произведениях и прилагают все усилия к тому, чтобы обелить империалистическую Германию от обвинений в провоцировании войны.

В силу этих причин мы не можем полностью раскрыть все тайны рождения войны в отношении австро-германского блока с такой же полнотой, с какой можно было это сделать в отношении Антанты благодаря опубликованным советским правительством документам из царских архивов.

Тем не менее анализ внешней политики австро-германского блока в годы, предшествовавшие войне, равно как и целей и задач, которые австрийский и германский империализм хотели осуществить при помощи оружия, позволяет сделать некоторые, правда, самые общие и беглые, выводы о подготовлявшемся им механизме военно-дипломатического развязывания войны.

Исходной точкой в создании подобного механизма была идея борьбы на два фронта — против Франции и против царской России, французского союзника. Эта идея лежит в основе всех германских планов войны, разработанных после ухода Бисмарка, основной установкой политики которого была, как известно, идея политической изоляции Франции и недопущение при помощи всевозможных договоров страховки и перестраховки образования антигерманской коалиции европейских держав.

---

[1] См. его „Aus meiner Dienstzeit 1906—1918", Ricola Verlag, Wien 1925, B. I—V.

Благодаря искусному маневрированию Бисмарка в начале 90-х годов Германия — глава Тройственного союза — фактически являлась гегемоном Европы. «Кошмар коалиций», всю жизнь висевший над железным канцлером, был парализован сетью договоров. Изолированная Франция была бессильна предпринять что-либо в одиночку против Германии. Царская Россия, с которой Германия не возобновила «договора о перестраховке», жила еще инерцией этого договора, да и некоторые германские дипломаты не могли допустить, чтобы монархическая Россия, связанная традиционными узами с прусской монархией, могла пойти на союз с республиканской Францией. Отношения с Англией, сохранявшей свое положение «блестящей изоляции», в общем были удовлетворительны.

Тройственный союз, к которому в 1883 г. примкнула и Румыния, представлял прочный, хорошо организованный военно-дипломатический аппарат, используя который Бисмарк диктовал свою волю капиталистической Европе.

Эпоха «нового курса», начавшаяся отказом преемников Бисмарка возобновить договор взаимной перестраховки с царской Россией в 1889 г., внесла существенные перемены в положение Германии. Франко-русский союз был исходной точкой в образовании новой европейской коалиции. С момента ее возникновения Германия оказалась в положении державы, имеющей двух сильных потенциальных противников на западе и на востоке, в связи с чем становилась реальной перспектива войны на два фронта. Но решительное преобладание Тройственного союза над франко-русским в отношении военной мощи позволяло германскому генеральному штабу относиться к этой угрозе спокойно. Русское бездорожье обусловливало медленность мобилизации царской армии по сравнению с германской и австрийской: общая продолжительность мобилизации и сосредоточения царских войск в период 1881—1901 гг. составляла 32 дня, в то время как Германия могла закончить свою мобилизацию и сосредоточение на 12-й день и Австрия на 16-й день, что давало австро-германским армиям выигрыш времени от 16 до 20 дней. Учитывая это, а также силу нажима австрийской армии из Галиции в направлении Люблин — Ковель, германский генеральный штаб рассчитывал разгромить французскую армию еще до того, как станет ощутительным давление царской армии на востоке[1].

Соотношение сил на суше в период 1883—1900 гг. было решительно не в пользу франко-русского союза. Тройственный союз вместе с Румынией был гораздо сильнее Франции и царской России.

Оперативно-стратегические планы войны, разработанные Тройственным союзом, сводились в этот период к следующему. В случае выбора для нанесения первого удара направления на

---

[1] *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне (планы войны), Гвиз, 1926, т. II (в дальнейшем *Зайончковский*, т. II), стр. 173.

запад Германия сосредоточивает бо́льшую часть своих сил против Франции, используя медленность мобилизации царской армии. Италия на западном фронте помогает Германии, посылая несколько своих дивизий на Рейн в помощь германской армии и вторгаясь основной массой своих сил в южные области Франции по линии Лион — Марсель, чтобы заставить французский генеральный штаб распылить свои силы по двум — северному и южному — военным театрам.

В это время на восточном — русском — фронте Австро-Венгрия бросает все свои силы в Галицию в направлении Люблин — Ковель, стараясь выиграть возможно больше территории, пока царские армии успеют закончить свою мобилизацию, сосредоточение и развертывание. При помощи этого удара австро-венгерский штаб рассчитывал ослабить или вовсе парализовать русский нажим на Германию до тех пор, пока Германия и Италия не справятся на западном фронте с Францией. Румынская армия должна была вторгнуться в Бессарабию и действовать в направлении на Одессу, обходя с фланга царские войска, сосредоточенные против австрийцев.

В случае выбора германским штабом для нанесения первого удара направления на восток против царской России на западе против Франции оставался заслон, а главные силы германской армии действовали вместе с австрийскими войсками, развертываясь на линии Оппельн — Познань — Торн — Данциг.

Необходимо отметить, что возможность для Австро-Венгрии сосредоточить в Галиции все свои силы против царской России обеспечивалась выгодами международно-политической ситуации: добросовестное участие Италии в Тройственном союзе, добросовестная поддержка последнего Румынией и кабальные договоры с Сербией в период царствования Обреновичей позволяли австро-венгерскому генеральному штабу в случае войны с царской Россией совершенно обнажить границы Австро-Венгрии с Италией, Румынией и Сербией.

Тем не менее, осознав вскоре «ошибку Каприви»[1], вернее, свою собственную, Вильгельм II прилагает немало усилий для раскола франко-русского союза и нейтрализации царской России, стараясь играть, как показывает «Переписка Николая II с Вильгельмом II», на противоречиях Англии и России, на классовых симпатиях русского и прусского помещиков, на внутренней слабости самодержавия и известной его зависимости от германского капитала. Эта игра Вильгельма выходит далеко за пределы первого периода «нового курса»; конечной датой этой игры Вильгельма можно считать потсдамское свидание (1910 г.).

Начало эпохи «нового курса», а именно период 1889—1901 гг., характерно для германской внешней политики попытками догово-

---

[1] „Ошибка Каприви", — отказ преемника Бисмарка, рейхсканцлера Каприви, возобновить договор о „взаимной перестраховке" с царской Россией.

риться с Англией о разделе мира. Становясь империалистической державой, из Grossmacht превращаясь в Weltmacht, Германия ищет колоний и рынков и с этой целью пытается сговориться с Англией. Но эти попытки, сопровождавшиеся длительным торгом, окончились неудачей.

Руководители германской внешней политики — Вильгельм II, Бюлов и Гольштейн, требуя от Англии таких уступок, которые фактически подрывали ее мировую гегемонию, исходили из убеждения, что раньше или позже ход событий вынудит Англию согласиться на германские условия. Свои расчеты они основывали на том, что империалистические противоречия Англии с Францией и царской Россией достигли в последние годы XIX в. большой остроты и не раз угрожали англо-французской (фашодский инцидент) или англо-русской (манчжурская авантюра) войной; что в дальнейшем «затруднения для Англии увеличатся еще больше и с ними увеличится цена, которую мы можем потребовать» [1]. Возможность примирения и соглашения Англии с ее двумя вековыми соперницами — Францией и царской Россией — вовсе исключалась в то время германским правительством как невероятная и невозможная комбинация [2].

Такие расчеты были обычной «ошибкой в оценке» (error in judgement), столь характерной для германской внешней политики «эры Вильгельма». Эта ошибка еще осложнилась, когда германское правительство, не добившись соглашения со своей главной соперницей на мировой арене — Англией, приступило к строительству крупнейшего военного флота, который, по германским расчетам, должен был внушить Англии «уважение к германским правам и интересам» и заставить ее считаться с ними, проще говоря, быть орудием борьбы с Англией за мировую гегемонию.

Обострение англо-германских противоречий сыграло *решающую* роль в создании Антанты. Закладка Германией сильного военного флота ускорила отказ английского империализма от политики блестящей изоляции и привела к соглашениям сначала с Францией — в 1904 г., а потом и с царской Россией — в 1907 г. Эти соглашения положили начало образованию Антанты как инструмента войны с Германией. «Кошмар коалиций», над которым, как над чем-то нереальным, когда-то издевались враги Бисмарка, из призрака стал реальным фактом международной политики. К числу потенциальных противников Германии прибавилась мощная и богатая Англия, а это не только неизмеримо усиливало боевую мощь франко-русского союза, но оказывало решающее влияние также и на отношения между Тройственным союзом и мелкими нейтральными государствами и на отношения внутри самого Тройственного союза.

---

[1] „Grosse Politik", B. XVII, S. 20; также S. 1—129 passim.

[2] „Grosse Politik", B. XVII, S. 20 u. ff. Из письма Бюлова Вильгельму 21/I 1901 г.: „... Английская угроза относительно соглашения с двойственным (франко-русским.— *Н. П.*) союзом — мираж, изобретенный для того, чтобы напугать нас, мираж, которым англичане пользуются давно".

В результате этой перестановки сил на международной арене Италия еще в 1901 г. тайком заключила договор о взаимной перестраховке с Францией. Капиталистическая Европа теперь оказалась разделенной на два лагеря. Один из них — Антанта — имел решительный перевес над Тройственным союзом на море, но последний еще долго сохранял свое преимущество на суше вследствие разгрома царской армии в Манчжурии.

Понимая, что борьба за мировую гегемонию неизбежно завершится войной в более или менее близком будущем, германское правительство начало к этому готовиться как в военно-техническом, так и в международно-политическом (поиски союзников) отношениях.

Стараясь уменьшить количество возможных противников, германское правительство в период 1905—1912 гг. предпринимает ряд попыток для того, чтобы расколоть Антанту, и старается добиться нейтрализации в будущем конфликте кого-либо из союзников — царской России, Франции или даже самой Англии. Попытки Вильгельма возобновить союз или хотя добиться какого-нибудь соглашения с царской Россией отмечены неудачным концом договора в Бьорке в 1905 г. и неудачей попытки сговориться в Потсдаме в 1910 г.

Неудачными оказались такого же рода попытки и по отношению к Франции, которые отмечены кризисом 1905 г., вызвавшим отставку Делькассе, и кризисом, сопутствовавшим Алжезирасской конференции в 1906 г.

«Урок Алжезирасса», когда Германии пришлось столкнуться с объединенным фронтом Антанты, Италии и Испании, не пропал однако даром для германского правительства. После инцидента в Казабланке в 1908 г. Германия в целях сближения с Францией пытается применить к последней не только политику *кнута,* но и политику *пряника.* Первым шагом на этом пути можно считать франко-германское соглашение 1909 г., которым Германия признала политические интересы и преобладание Франции в Марокко. Вторая попытка была предпринята в 1911 г., когда велись тайные переговоры с теми из французских политических деятелей, которые, как Кайо и др., считали мыслимым и возможным более или менее прочное соглашение с Германией. Эти переговоры, частично предшествовавшие агадирскому кризису, а частично протекавшие во время этого кризиса, были сорваны отчасти из-за вмешательства Англии, отчасти под влиянием тех кругов французского капитала, которые высказывались против соглашения с Германией. Последняя попытка Германии в этом направлении относится к 1912 г. В чем она заключалась, мы не можем сказать, так как о ней в мемуарно-политической литературе имеются лишь самые глухие намеки и известно только то, что она оказалась безрезультатной, как и прежние.

Не менее характерна и история англо-германских отношений за те же годы. По отношению к Англии Германия тоже применяет то пряник, то кнут. Кнутом было строительство флота, произво-

дившееся с целью давления на Англию в иные периоды особо усиленно. Пряником — попытки в течение 1908—1914 гг. сговориться с Англией[1], но при непременном условии, что Англия даст свое согласие на дальнейшее строительство германского военного флота.

Из этих попыток пока документально наиболее полно освещены предложения Бетман-Гольвега в 1909 г. и переговоры с лордом Холденом в Берлине в 1912 г. Но так как Германия упорно настаивала на сохранении этих переговоров в тайне от Франции (сохранения такой же тайны по отношению к Англии она требовала в переговорах с Францией), то их приходится рассматривать главным образом как попытку Германии расколоть Антанту, а ничуть не как попытку «мирного» урегулирования противоречий, как это старательно изображают германские буржуазные историки. Опыт переговоров, предпринятых во время миссии Холдена, показал Германии, что правящие круги Англии прекрасно отдают себе отчет в действительных целях этих германских попыток и что ее надежды на нейтрализацию Англии в случае войны с Францией являются неосновательными.

Таким образом германскому дипломатическому аппарату не удалось расколоть Антанту. Последняя, наоборот, как мы увидим, с каждым годом укреплялась в военном и в организационно-политическом отношениях, в то время как политическое положение Тройственного союза в силу указанных причин с каждым годом ухудшалось. Мы уже говорили о договоре перестраховки, который Италия тайком заключила с Францией в 1901 г. Влияние Англии сказалось и на Румынии, бывшей с 1883 г. если не участником, то активным сторонником Тройственного союза. Соединенному англо-французскому капиталу путем финансового давления, отчасти путем щедрых компенсаций, обещаемых за счет дележа Австро-Венгрии, отчасти в силу укрепления Антанты удалось ослабить связи Румынии с Тройственным союзом до такой степени, что последний уже не мог рассчитывать на что-либо большее от Румынии, чем дружественный нейтралитет. Тяготение к сильному Тройственному союзу других мелких государств, например Турции, было ослаблено разгромом последней в балканской войне: по мнению немцев, после балканской войны военная помощь Турции была настолько незначительной, что принятие Турции в Тройственный союз скорее ослабляло его, но не усиливало. События во время войны, правда, показали, что эта оценка турецкой военной мощи являлась чересчур пессимистической — Турция дала больше, чем от нее рассчитывали получить. Но до войны, по мнению германского генерального штаба, Турция с 1912 г. как военная сила сошла на-нет. Что касается балканских государств, тяготевших к Тройственному союзу, как Болгария и Греция, то в военном отношении они признавались недееспособными.

---

[1] См. гл. III.

Наоборот, все то, что ухудшало положение Германии и Тройственного союза, улучшало положение Антанты. Особенно большое значение для нее имел отход Италии от Тройственного союза, что освобождало Францию от заботы о своем тыле, и образование в 1912 г. Балканского союза, который мог быть направлен не только против Турции, но и против союзника Германии — Австрии. Правда, участники Балканского союза в конце концов передрались между собой и союз распался, но его результатом все же было значительное усиление Сербии. Кроме того сам факт создания союза, инспирированного Антантой, говорил о возможности либо его повторения, либо о создании аналогичного союза с антигерманским острием на другом конце Европы. *Руководящие круги Германии сделали отсюда вывод о необходимости искать поскорее развязки, пока антигерманская коалиция политически не усилится до такой степени, что Германия потеряет шансы на победу.*

Ухудшение международно-политической ситуации для Тройственного союза и улучшение ее для Антанты имело соответствующее отражение и на военной обстановке. Военное положение Германии и ее союзников постепенно ухудшалось, но все же Тройственный союз был достаточно силен для борьбы с противником, а в период с 1900 по 1911 г. имел решающий перевес на суше. В эти годы Германии неоднократно представлялись благоприятные возможности для разгрома своих противников. Первой такой возможностью были конечно разгром царской армии в Манчжурии и ослабление русского царизма в период революции 1905—1907 гг.

Во время первого марокканского кризиса в 1905 г. германский генеральный штаб и военное министерство усиленно требовали превентивной войны, считая момент исключительно благоприятным.

По мнению Шлиффена, «если бы тогда дело дошло до военного конфликта, то мы бы живо покончили с Францией» [1].

Генерал Эйнем, бывший прусским военным министром в 1903—1909 гг., рассказывает в своих мемуарах, что во время марокканского кризиса в 1905 г. он считал международную ситуацию для войны с Францией «настолько благоприятной в военном отношении, как никогда... Я лично, — заявляет он, — сделал все, чтобы поддерживать рейхсканцлера (Бюлова. — *Н. П.*) в его дипломатической войне против Делькассе, тайно питая надежду, что все дело будет решено при помощи меча».

По мнению Эйнема, Бюлов также придерживался этой точки зрения. Бюлов и Вильгельм запрашивали Эйнема, готова ли армия. Эйнем решительно гарантировал готовность Германии к войне на суше. В беседе с Вильгельмом он подчеркнул еще один мотив в пользу развязывания войны в 1905 г.: «Теперь,

---

[1] *Alfred Rosenberg*, Das Wesengefüge des Nationalsozialismus, Grundlagen der Deutschen Wiedergeburt, Verlag Franz Eher Nachfolger, München 1932, S. 29.

когда в России вспыхнула революция, для нас война пройдет совершенно благополучно»[1].

Не только военщина, но даже и «штатские шпаки» (отзыв Эйнема о Бюлове) считали превентивную войну в 1905 г. беспроигрышной. Даже такой осторожный политический деятель, как Бетман-Гольвег, и тот считал военное положение 1905 г. дающим Германии «крупнейшие шансы в смысле выигрыша войны». По его же словам, в 1914 г. «правильный момент был уже пропущен»[2].

К тому же выводу приходил начальник австрийского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, оплакивавший в июле 1914 г. упущенные возможности в следующих выражениях: «В 1908—1909 гг. это была война с картами на столе, в 1912—1913 гг. — игра случая. Теперь это игра ва-банк»[3].

Так оценивают ситуацию 1905 г. и вожди современной фашистской Германии, например Гитлер, обвиняющий правящую клику вильгельмовской эпохи не в том, что она провоцировала войну 1914—1918 гг., а в том, что она провоцировала эту войну слишком поздно, в 1914 г., а не в 1904—1905 гг., когда Германия, по мнению Гитлера, легко могла разгромить Антанту.

Почему же империалистическая Германия, так страстно стремившаяся завоевать себе «место под солнцем», не использовала этих возможностей? Ответ может дать анализ развития международной военной и морской ситуации в период 1904—1914 гг. Наиболее правильную оценку этой ситуации дал в 1911 г. генерал Вильсон, фактический руководитель английского генерального штаба, в следующих словах:

«Германии приходится разрешать трудную проблему относительно наиболее благоприятного момента для удара. С точки зрения положения на море ей лучше выждать несколько лет. С точки зрения положения на суше ей лучше действовать немедленно»[4].

Действительно, задача выбора наиболее благоприятного момента для развязывания войны обусловливалась противоречиями развития указанных двух ситуаций — соотношения сил Антанты и Тройственного союза на суше и соотношения их же сил на море.

Эти ситуации, как будет показано ниже, развивались в обратном друг другу направлении. Можно было избрать — как более выгодный — «морской» вариант развязывания войны, т. е. развязать войну позже, когда положение на море улучшится для австро-германского блока, лихорадочно строившего крупнейший военный флот. Но зато приходилось терять в перевесе сил на суше, так как Антанта не менее лихорадочно усиливала свои

---

[1] *Einem*, Errinnerungen eines Soldaten 1853—1933, Leipzig, K. F. Kohler, 1933.

[2] *P. Dirr*, Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch, München und Berlin, Verlag R. Oldenburg (в дальнейшем Dirr), 1925. № 1.

[3] *Conrad von Hoetzendorff*, Aus meiner Dienszeit, Wien 1924, B. IV, S. 27.

[4] BD, VII, N 501, Minute.

армии. Можно было остановиться на «сухопутном» варианте развязывания войны, т. е. развязать войну сейчас, когда австро-германский блок имел решительное превосходство над противниками на суше. Но тогда упускалась возможность пожать плоды победы в виде грабежа колоний, так как на море хозяином положения была Англия.

Борьба за выбор наиболее подходящего момента для войны красной нитью проходит в истории германской внешней политики в период 1904—1914 гг. В области подготовки к войне она своеобразно вылилась в борьбу между германским генеральным штабом и морским министерством. Армия возмущалась и негодовала по поводу того, что упускается время и пропадают столь благоприятные возможности, которые быть может никогда более не представятся. С другой стороны, моряки устами крупнейшего своего представителя адмирала Тирпица требовали «подождать» — подождать до тех пор, пока положение на море не улучшится в пользу Германии.

Как известно, германская правящая клика решила выбор в пользу «морского» варианта развязывания войны. Почему? Да потому, что «война есть просто продолжение политики, только другими (именно насильственными) средствами». Основной политической задачей германского империализма была борьба за мировую гегемонию, за «священное право», вернее, монополию грабежа колоний, которыми обладала Англия. Конечно спор за мировую гегемонию — это понимали германские империалисты — должен был прежде всего решиться на французских и русских полях, но самые жирные и богатые плоды победы мог дать лишь непосредственно следующий за разгромом французской и русской армии разгром морского могущества Англии.

Правящая клика вильгельмовской эпохи (за это упрекает ее сейчас Гитлер) погналась за «миражем» — вырвать мировую гегемонию одним ударом, при помощи одной решительной войны. Она отказалась от континентального — «сухопутного» — варианта войны, хотя и более заманчивого и легкого, повидимому потому, что после разгрома царской России и Франции ослабленная войной Германия не могла бы немедленно броситься на Англию за неимением флота. Всякая же передышка для строительства последнего грозила возможностью того, что при поддержке Англии Франция и царская Россия могут восстановить свои силы и снова поставить Германию перед задачей борьбы на суше. Поэтому правящая германская клика решила выждать с развязыванием войны, пока для Германии не улучшится положение на море, веря в превосходство своей армии над армией Антанты, веря в короткую победоносную войну на суше, заканчиваемую победоносной войной на море. Эта вера поддерживалась кстати слепо заимствованной у английских теоретиков морской войны доктриной, что для победы (в данном случае над Англией) необходимо завоевание господства на море при помощи решающего боя главных сил (линейных кораблей).

Вот почему в период 1901—1914 гг. германский империализм бурно развивает строительство громадного линейного флота. Этот флот рассматривается руководящей верхушкой германского империализма не только как крупная боевая сила, способная померяться с английским флотом в отечественных водах и завершить разгром Англии, но и как крупнейший политический фактор, вносящий изменения в международную политическую ситуацию путем привлечения к себе в качестве союзников флотов других держав.

В какой мере удалось германскому империализму разрешить эту задачу и что выиграл он отсрочкой в развязывании войны, наиболее выпукло можно показать на реакции, которую вызвало строительство германского военного флота в военно-политических планах Антанты и в диспозиции английского флота. Анализ тех изменений, которые внесло в военно-морские и политические расчеты Антанты и в частности Англии строительство германского флота, более ясно, чем что-либо другое, вскроет те причины, по которым германский империализм отказался от чисто континентального варианта развязывания войны.

К началу эпохи империализма германский военный флот занимал пятое место, уступая не только флотам Англии, Франции, США, но и царской России. В 1898 г. он состоял из 9 броненосцев, из которых только 2 были недавней постройки, а большинство было построено в 1868—1873 гг. Кроме них флот насчитывал 3 больших и 28 малых крейсеров[1]. По отзывам германских морских специалистов, он представлял полное ничтожество как боевая сила.

В 1898 г. германское правительство проводит через рейхстаг первый закон о постройке флота, дополненный впоследствии законом 14 июня 1900 г. Эти оба закона были началом новой эры в развитии военного могущества Германии и положили начало борьбе с Англией за гегемонию на море.

Закон 14 июня 1900 г. предусматривал планомерную, в течение 20 лет, с 1901 по 1920 г., постройку 2 флагманских броненосцев, 4 эскадр броненосцев по 8 кораблей каждая, 8 больших, 24 малых крейсеров, а также создание колониального флота из 3 больших и 7 малых крейсеров. Закон предусматривал также порядок «замены» 17 броненосцев и 39 крейсеров, которые в период 1901—1917 гг. могли устареть и выйти из строя. В конечном результате Германия к 1920 г. должна была иметь флот из 38 броненосцев, 14 броненосных крейсеров, 38 легких крейсеров, 96 эскадренных миноносцев. Согласно программе, из 4 эскадр германского флота 3 должны были быть всегда в полной боевой готовности.

Особенностью программы было придание ей формы закона, который можно было изменить только в законодательном порядке, — этим обеспечивалась независимость программы от при-

---

[1] *L. Persius*, Die Deutsche Marinepolitik в „Berliner Tageblatt", 1932, № 168.

хотей и капризов министров или канцлера в случае их возможной смены.

Какие глубокие цели преследовала постройка такого большого флота, можно судить по следующим строкам, взятым из объяснительной записки, написанной адмиралом Тирпицем и представленной рейхстагу:

«Для охраны морской торговли империи и колоний Германия должна иметь настолько сильный флот, чтобы противник, даже обладающий наибольшей морской мощью, мог атаковать его лишь с большим риском для себя. Для нашей цели не является абсолютно необходимым, чтобы германский флот был столь же силен, как флот величайшей морской державы: как правило, великая морская держава не в состоянии направить все свои атакующие силы против нас. Но даже если ей удастся встретиться с нами при значительном превосходстве в силе, то поражение сильного германского флота обойдется так дорого и так тяжело ослабит врага, что, несмотря на одержанную им победу, его собственное положение в мире не будет в дальнейшем обеспечено соответствующим флотом»[1].

Защищая от имени морского ведомства закон в рейхстаге, адмирал фон Гольц выразился еще яснее:

«В Германии вообще полагают, что какое-либо сопротивление Англии на море невозможно и что вся наша подготовка — бесплодные усилия. Настало время разрушить этот детский страх... Морское превосходство Великобритании, ныне подавляющее, останется конечно значительным и в будущем, но она будет принуждена разбросать свои силы по всему миру. В случае войны бо́льшая часть заграничных эскадр несомненно будет отозвана в отечественные воды, но это потребует времени и кроме того все заморские базы не могут быть брошены. С другой стороны, германский флот, хотя и меньший (более слабый), может оставаться сконцентрированным в европейских водах. С намеченными к осуществлению дополнениями он будет в состоянии померяться силами с обычными морскими силами Британии в отечественных водах»[2].

Для данного периода этот расчет был вполне правилен: отношения Англии с Францией и царской Россией в эпоху 1898—1901 гг. были напряжены до крайности, и появление в Европе третьего крупного флота в дополнение к французскому и русскому значительно ухудшало положение Англии на море. Если добавить к этому, что, по мнению английских судостроительных экспертов, намеченные к постройке Германией типы судов «по своему водоизмещению и тоннажу действительно давали Германии выход на океаны как первоклассной морской державе, обладающей судами, способными померяться в строю и вести бой с моряками под любым иностранным флагом»[3], то понятно,

[1] *Asquith*, The Genesis of War, London 1923, p. 71—72.
[2] *Ibid.*, p. 71—72.
[3] *Ibid.*, p. 72—73. Отзыв кораблестроительной фирмы „Hurd and Castle".

почему правящим кругам Англии оставалось лишь осознать тот факт, что дни «блестящей изоляции» для Англии окончились. Наставала пора перейти снова к политике союзов и блоков, хотя это влекло за собой необходимость согласовать свои нужды и интересы с нуждами и интересами союзников и «друзей».

«Мы привыкли считать изоляцию блестящей, — писал 3 января 1907 г. британский посол в Париже лорд Берти министру иностранных дел Грею, — но ввиду растущей силы Германии можем ли мы позволить себе ее дольше? Разве не настала необходимость принять все возможные меры предосторожности для поддержания status quo и сохранения равновесия сил (balance of power) в европейской системе?»[1]

Строительство Германией мощного военного флота ускорило также реорганизацию английского флота и предопределило новую его дислокацию.

С 1904 г. начинаются концентрация английского флота в отечественных водах и его реорганизация, выразившаяся в «чистке» от устаревших и малопригодных для боя единиц. Таких первый морской лорд Фишер отправил на слом 155[2]. Что касается новой дислокации, то до 1904 г. центральным районом сосредоточения английского флота являлось Средиземное море, где находились, базируясь на Мальту и Гибралтар, самые современные и сильные боевые единицы. Здесь было сосредоточено 12 броненосцев, 5 больших и 8 малых крейсеров, и количественно и качественно превосходивших французскую эскадру. В английских водах находились:

1) «отечественный флот» (Home Fleet) с базой в Портланде, в составе 8 старых броненосцев, 4 больших крейсеров, и несколько отрядов мелких боевых единиц, а также крейсерская эскадра — 5 больших и 2 малых крейсера;

2) «флот канала» (Channel Fleet) с базой в Берегавене (Ирландия) — 6 броненосцев и 5 больших крейсеров;

3) в дальневосточных водах против русской тихоокеанской эскадры 5 броненосцев, 7 больших и 11 малых крейсеров.

Отдельные крейсерские эскадры были сосредоточены у берегов Северной Америки, в Южной Атлантике, в Тихом океане, у берегов Западной Африки, Индии и Австралии.

Теперь картина изменилась.

В 1903 г. была заложена морская база Firth of Forth (нынешний Розайт) на севере Англии, которая должна была служить стоянкой для отечественного флота и занимала командное положение на Северном море, закрывая выход германскому флоту в океан. После подписания в 1904 г. договора с Францией, положившего начало Антанте, лорд Фишер уменьшил средиземноморскую эскадру, оставив на Средиземном море 8 броненосцев и 4 крей-

---

[1] BD, VII, № 8.
[2] *Fisher*, Memories, London 1919, p. 210.

сера. Остальные суда были отозваны в отечественные воды. После разгрома царского флота под Цусимой и возобновления англо-японского союза в отечественные воды были возвращены и дальневосточные броненосцы.

Флот канала был реорганизован и состоял сначала из 12, затем из 15 броненосцев и крейсерской эскадры в составе 6 броненосных крейсеров с соответствующим количеством вспомогательных единиц. В Гибралтаре был сформирован Atlantic Fleet в составе самых сильных и быстроходных судов, в который вошли только что спущенные на воду броненосцы типа «King Edward», и вторая крейсерская эскадра из 6 броненосных крейсеров, которые по первому требованию могли быть вызваны либо в английские порты, либо направлены в Мальту. И «флот канала» и «атлантический флот» находились в полной боевой готовности, их можно было послать в бой без какой бы то ни было мобилизации [1]. В портах Девонпорта, Портсмуте и Чатам-Ширнессе был создан Reserve Fleet in Commission (резервный флот в строю), который было «можно привести в полную боевую готовность в несколько часов, почти столь же быстро, сколь быстро мы можем развести пары» [2].

Новая дислокация английского флота, выражавшая ориентацию на Северном море, отражала изменения в международной политике Англии. Главным врагом была открыто признана Германия. Изменившаяся внешнеполитическая ситуация (союз с Японией, соглашение с Францией, разгром русского флота) [3] позволила Англии сосредоточить против Германии значительное большинство своих сил. Таким образом одна из предпосылок германского закона о флоте 1900 г., именно разбросанность британского флота, была опрокинута. Англия переломила ситуацию в свою пользу, правда, заплатив за это дорогой ценой — «самые отдаленные океаны были брошены» [4] и был нарушен принцип английской «свободы морей», понимавшийся англичанами как сохранение морской гегемонии Англии в любых морских водах земного шара. В германских правящих кругах, тогда еще не утративших надежды столковаться с Англией, с удовлетворением отметили этот факт.

«Чтобы судить о том, каким козырем был бы в то время наш флот в руках деятельной дипломатии, мы должны себе представить, что вследствие вынужденного скопления английских морских сил в Северном море владычество англичан в Средиземном море и восточноазиатских водах практически было сведено на-нет» [5].

---

[1] *Reventlow*, Deutschlands auswärtige Politik 1888—1913. Berlin 1914, S. 244—245

[2] Из речи гражданского лорда адмиралтейства Артура Ли—см. *Reventlow*, op. cit., p. 250; также *Lemonon*, L'Europe et la politique britannique 1882—1911, Paris 1912, p. 274.

[3] Также предоставление США по договору Гея—Паунсефота в 1899 г. неограниченного права контроля над Панамским каналом.

[4] *Churchill*, The World Crisis 1911—1914, London 1923, p. 111—112.

[5] *Тирпиц*, Из воспоминаний, Гиз, 1925, стр. 27.

Эти слова Тирпица, написанные им после войны в порядке критики военных операций и политики германского правительства до войны, не совсем правильно отражают действительность. Владычество англичан в остальных точках земного шара, кроме Северного моря, не было сведено на-нет «скоплением судов» в Северном море. Ослабление своего морского могущества в отдаленных пунктах Англия компенсировала соглашением, которое она заключила с Францией, царской Россией и Японией.

«Единственный «козырь» Тирпица, который Германия обеспечила себе этой политикой (морским законом), было все большее и большее сближение Англии с Францией»[1], т. е. укрепление Антанты.

Одновременно английское правительство перешло на путь прямых угроз. В начале 1905 г. гражданский лорд адмиралтейства Артур Ли заявил в публичной речи:

«Мы должны с беспокойством следить за Северным морем, оставив заботы о других державах».

Подчеркнув быстроту, с которой может быть послан в бой английский флот, Ли многозначительно воскликнул:

«Трижды благословен тот, кто наносит первый удар, и я надеюсь, что в случае опасности британский флот будет в состоянии нанести первый и притом самый страшный удар, прежде чем другая держава узнает, что война объявлена»[2].

Так была впервые публично сформулирована идея пустить ко дну германский флот без объявления войны, ставшая idée fixe всей жизни адмирала Фишера[3], но неосуществленная в силу особых причин, о которых мы скажем ниже. Около этого же времени Англия стала готовиться к войне и на суше. В 1904 г. был учрежден Комитет имперской защиты, задачей которого была разработка и изучение плана обороны Британской империи и подготовка мер, имеющих целью повысить боевую мощь Англии на суше и на море.

Первое время, с 1901 по 1904 гг., англичане просто не верили, что Германии удастся провести свою, рассчитанную на долгий срок, морскую программу. Однако германское морское ведомство аккуратно закладывало каждый год 2 броненосца, 1 броненосный крейсер, 2 легких крейсера и дивизион миноносцев. Тогда английское адмиралтейство поспешило принять новые меры. Неуклонно проводившийся в течение двух столетий принцип two powers standard был истолкован в том смысле, что на каждый германский корабль англичане должны построить два, причем каждый из них должен быть бо́льшим по своим размерам, сильнее по весу артиллерийского залпа и быстрее по ходу, чем выстроен-

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 112.
[2] *Reventlow*, op. cit., p. 251.
[3] *Fisher*, Memories, London 1919, passim; Records, London 1920; также passim *Churchill*, The World Crisis 1911—1914, London 1923; „Grosse Politik", B. XXIV, XXVIII u. XXXI.

ный германский. Началась гонка морских вооружений, особенно усилившаяся после того, как в 1906 г. был заложен «Dreadnought», сконструированный лордом Фишером на основе опыта русско-японской войны на море и, по его словам, «парализовавший Германию»[1]. Это была глубокая ошибка.

С созданием дредноутов, означавших огромный скачок в качественном росте флота, морское соперничество между Англией и Германией вступило в новую и притом неблагоприятную для Англии фазу. С постройкой дредноутов существовавшие до этого времени броненосцы потеряли прежнее значение как боевые единицы и были обречены на слом. Пример «Гебена», почти свободно хозяйничавшего на Черном море до вступления в строй русских дредноутов типа «Мария», является быть может наиболее яркой иллюстрацией этого следствия закона неравномерного развития капитализма, по которому более молодые капиталистические страны перенимают от более старых новейшие достижения техники и, перевооружившись ими, бьют старые страны с устаревшим техническим вооружением.

Переход Германии к постройке дредноутов явился тяжелым ударом для Англии. Практически все огромное численное превосходство английского флота было сразу поставлено под угрозу. Приходилось начинать постройку нового — дредноутного — флота и притом сначала на почти равных условиях с немцами, имея лишь преимущество в несколько кораблей. Ярость и паника в английских морских кругах, осознавших к 1908 г.[2] «ошибку» Фишера, вернее, эту закономерность развития капитализма, на своей шкуре, были настолько велики, что пресса обвиняла Фишера в государственной измене — в том, что он продался немцам![3] Кампания печати по этому поводу явилась едва ли не самой главной причиной его отставки[4], хотя английские мемуаристы очень скупы в своих признаниях на этот счет.

Германские империалисты использовали «ошибку» Фишера в полном размере. Законом 5 июня 1906 г. была предусмотрена постройка 6 линейных крейсеров. Мало того, германское правительство приготовило англичанам новую неожиданность, еще более резко менявшую соотношение сил на море. 6 апреля 1908 г. рейхстаг утвердил новый морской закон, согласно которому срок службы линейных кораблей сокращался с 25 лет до 20 и предусматривалась замена линкоров додредноутного типа, уходящих в резерв в силу сокращения срока службы судов, дредноутами с таким расчетом, чтобы к 1920 г. — сроку выполнения программы — германский флот состоял почти исключительно из дредноутов. Количество линкоров не изменялось, но боевая мощь гер-

---

[1] *Fisher*, op. cit., p. 14.
[2] „Grosse Politik", B. XXIV, № 8173, 8176, 8177, 8178, 8179, 8181, 8184, 8185, 8186, 8193, 8195, 8199, 8212.
[3] „Grosse Politik", B. XXIV, № 10291; также *Fisher*, p. 1—2, 182.
[4] „Grosse Politik", B. XXIV, № 8225—8226.

манского флота повышалась в неизмеримой степени. По английским подсчетам, Германия к 1920 г. должна была иметь 38 линкоров (в том числе 33 дредноута), 12 линейных крейсеров типа «Гебен» и кроме того 8 крупных крейсеров додредноутного типа. В силу принципа two powers standard англичане к этому сроку должны были противопоставить 90 дредноутов и крейсеров дредноутного типа. Между тем до 1911 г., по подсчету заложенных в 1905—1908 гг. судов этого класса, Англия могла противопоставить 9 германским дредноутам и крейсерам всего 12[1]. Если учесть, что в том же 1908 г. США имели 6 готовых и строящихся дредноутов, что германские верфи, по отзыву английского адмиралтейства, могли строить линейные суда с той же скоростью, а в некоторых случаях даже быстрее, чем английские, что производственные возможности германского судостроения были ограничены лишь размерами ассигновок на постройку судов, то понятно, что о поддержании принципа two powers standard в отношении постройки дредноутов не приходилось даже думать. Весь вопрос теперь заключался в том, как создать такой излишек в перевесе над одним только германским дредноутным флотом, чтобы гарантировать английскому победу. Адмиралтейство молчаливо похоронило принцип two powers standart[2] и исключило из своих расчетов о «стандартах» американский и французский флоты[3].

Но и без этого положение оставалось чересчур напряженным. Сэр Чарльз Гардинж, помощник Грея и представитель Foreign Office при Эдуарде VII, во время встречи последнего с Вильгельмом II, состоявшейся 11 августа 1908 г. в Гомбурге (Кронберге), открыто угрожал Вильгельму и требовал у него «весьма в возбужденном и почти диктаторском тоне» прекращения постройки судов: «Вы должны остановиться или строить медленнее». Вильгельм ответил: «Тогда мы будем сражаться, ибо это вопрос национальной чести и достоинства»[4].

Для того чтобы заставить английского обывателя развязать кошельки и форсировать темпы строительства флота, английская буржуазная печать организовала бешеную шовинистическую кампанию. По словам Черчиля, «паника была столь велика, что парламент вотировал кредиты на постройку в 1909 г. 8 дредноутов и крейсеров, хотя адмиралтейство требовало 6, а казначейство давало средства всего на 4»[5]. Черчиль, бывший в то время министром торговли, произвел обследование экономических возможностей Германии продолжать свои вооружения. Выводы обследования, доложенные им в меморандуме и пояснительной записке к нему 3 ноября 1909 г. кабинету министров, были неутешительны[6]:

---

[1] „Grosse Politik", B. XXIV, № 8220, прим. к стр. 118; B. XXVIII, № 10266.
[2] „Grosse Politik", B. XXIV, № 8179.
[3] „Grosse Politik", B. XXIV, № 8193.
[4] „Grosse Politik", B. XXIV, № 8225—8226; ср. BD, IV, № 124, p. 197—200.
[5] „Grosse Politik", B. XXIV, № 10291; также *Churchill*, op. cit., p. 37.
[6] Черчиль печатает лишь пояснительную записку.

«Хотя экономическое положение тяжелое, налоговой пресс нажат до отказа, пошлины увеличены, государственный долг возрос с 1870 г. по 1909 г. с 105 млн. фунт. стерл. до 220 млн. фунт. стерл., а кредит пал, но заемоспособность (borrowing power) практически безгранична»[1].

Гонке морских вооружений, казалось, не предвиделось конца. Мы не будем останавливаться на всех ее перипетиях. Отметим лишь, что в исторической литературе вопрос об англо-германском морском соперничестве обычно трактуется как чисто англо-германская проблема, точно никаких флотов на свете кроме английского и германского не существовало. И историки, хотя бы Е. В. Тарле, приходят к выводу, что конечно Англия всегда могла перегнать Германию. Эта точка зрения, на наш взгляд, слишком поверхностно характеризует позицию Англии. На самом деле Англия находилась в гораздо более деликатном и затруднительном положении. Выдержать морское соревнование с Германией один на один Англия могла, но кроме германского флота существовали и неуклонно росли флоты других государств. А раз так, то английская концепция «свободы морей» вследствие связанности английского флота германским была похоронена всерьез и надолго — во всяком случае до тех пор, пока существовал германский флот. От господства «в любой точке земного шара» приходилось отказаться.

В китайских водах после Цусимы и ухода английских эскадр первенствующую роль приобрела Япония. В Средиземном море строили флоты Австро-Венгрия, Италия и т. д., а это тоже требовало новых усилий со стороны Англии[2]. Даже постройка судов царской Россией после японской войны была встречена в Англии очень кисло, хотя царский морской министр адмирал Григорович обещал, что русские дредноуты отвлекут часть германского флота в Балтийское море. Во время ревельского свидания Эдуарда VII с Николаем II Фишер, сопровождавший короля, имел любопытную беседу со Столыпиным:

«В чем, по вашему мнению, мы больше всего нуждаемся?» — спросил Столыпин. Он воображал, что я отвечу: «Столько-то дредноутов, столько-то крейсеров и т. д.». Но вместо этого я сказал: «Ваша западная граница лишена (denuded) войск и ваши склады пусты. Сначала наполните их, а затем говорите о флоте»[3].

Тирпиц[4] правильно указывает, что «в сущности каждое судно, которое строилось где-нибудь на земле, вне пределов Англии, являлось для нас (Германии. — *Н. П.*) преимуществом, потому что этим усиливалось равновесие сил на море... рядом с британским строились флоты меньшего размера, которые приобретали значение в связи с идеей союза в той форме, какую ей придал

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 39—40, об отсутствии недостатка в деньгах говорил английскому послу в Берлине Гошену и сам Вильгельм — см. BD, VI, № 437.

[2] BD, VI, № 173, 175, 176, 177, 178, 457 (примечание Гардинжа), 427.

[3] *Fisher*, Memories, London 1919, p. 187.

[4] *Тирпиц*, цит. соч., стр. 25—27.

Бисмарк... Наш флот, делавший борьбу с нами рискованной, заключал в себе притягательную силу для союза с нами».

Англии приходилось искать «друзей» и согласовывать свою политику с их пожеланиями и нуждами.

«Если мы останемся одни, без друзей, — заявил 26 июля 1911 г. Грей канадским министрам, приглашенным на заседание Комитета имперской защиты, — то ситуация будет такова, что, стремясь сохранить господство на море, мы должны будем учитывать возможную комбинацию европейских флотов уже не двух, а пяти держав»[1].

Положение осложнилось еще больше, когда в конце 1911 г. распространились слухи, что в Германии в отместку за агадирское поражение[2] разрабатывается проект нового морского закона. Английское правительство послало в Берлин в конце января 1912 г. для разведки доверенного человека, лондонского банкира и спекулянта, сэра Эрнеста Касселя, по происхождению немца, имевшего деловые знакомства и связи в германских финансовых и правительственных кругах[3]. Кассель, посуливший германской правящей клике кучу всяческих благ, в том числе, кажется, и политическое соглашение с Англией, привез из Берлина меморандум Бетман-Гольвега, излагавший в общих чертах содержание нового законопроекта[4], и приглашение прибыть в Берлин одному из английских министров для дальнейших переговоров.

Так была организована пресловутая поездка в Берлин в начале февраля 1912 г. лорда Холдена, вернувшегося с копией морского закона, данного ему самим Вильгельмом II до опубликования в Германии[5].

Новый закон предусматривал постройку трех дополнительных дредноутов в течение 6 лет, увеличение личного состава флота до 101 500 чел. в 1920 г. и дополнительную постройку 50—60 подводных лодок. Но самой опасной для Англии чертой закона было «исключительное увеличение боеспособности (striking force) кораблей всех классов, непосредственно годных к бою круглый год». Это достигалось путем создания третьей эскадры, которая должна была в любую минуту находиться в полной боевой готовности. Дело в том, что до этого времени первая и вторая эскадры «флота открытого моря» (Hochseeflotte) в течение зимних месяцев укомплектовывались новобранцами, что ослабляло боевую готовность флота и облегчало напряжение для англичан. Создание третьей боевой эскадры сохраняло это напряжение круглый год!

Как велико было напряжение даже до издания этого закона,

---

[1] *Asquith*, op. cit., p. 125; ср. также DDF, III série, v. III, № 188.

[2] *Тирпиц*, цит. соч., стр. 60—61.

[3] „Grosse Politik", B. XXXI, № 11347, 11348—11351, 11353—11355, 11426; BD, VI, Кар. 49.

[4] „Grosse Politik", B. XXXI, № 11347, прим. к стр. 98.

[5] *Haldane*, op. cit., p. 59; *Churchill*, op. cit., p. 102; „Grosse Politik", B. XXXI, № 11380, S. 146, № 11422, Anlage; BD, VI, Кар. 49, в особенности № 506.

можно судить по тому, что со времени агадирского кризиса британское адмиралтейство было переведено на военное положение: морские склады были поставлены под постоянную охрану, создано было постоянное дежурство офицеров, чтобы сигнал тревоги мог быть подан в любое время дня и ночи, один из «морских лордов»[1] должен был постоянно находиться в адмиралтействе; на карте Северного моря отмечалось малейшее движение германского флота[2].

«Главная часть английского флота, достаточно сильная для встречи в генеральном бою, была всегда готова двинуться в море, как только будут разведены пары, без какой бы то ни было мобилизации резервов»[3]. «Работа шла под знаком всегда угрожающей опасности»[4].

Создание третьей германской эскадры еще более усложняло ситуацию. «Практически $^4/_5$ германского боевого флота[5] были приведены в постоянное положение боевой готовности. Германское правительство будет в состоянии иметь круглый год в своем распоряжении 25, даже 29 совершенно готовых к бою линкоров»[6]. «Против этих 25 кораблей мы должны иметь не меньше 40, готовых в течение 24 часов. Это должно было повлечь дополнительные расходы»[7] для английского налогоплательщика. Но в то время британское правительство имело в полной боевой готовности в отечественных водах только 22 линкора, даже считая «атлантический флот», стационировавший в Гибралтаре[8]. Даже закладка кораблей в удвоенном количестве против обычного размера не спасала положения, потому что заложенные корабли могли войти в строй через 2—3 года, а германцы, по расчетам английского адмиралтейства, могли иметь свои 25 линкоров уже в 1913 г.[9].

Приходилось принимать крайние меры, и этими мерами явился увод линейных кораблей из Средиземного моря в Северное, чтобы обеспечить «по меньшей мере хоть какое-нибудь превосходство» (at last some sort of superiority)[10]. Но переведенные из Средиземного моря 8 броненосцев не давали большого перевеса английскому флоту. 26 июня 1912 г. генерал Вильсон записывал в своем дневнике:

---

[1] Морских специалистов, руководивших оперативно-боевой частью морского ведомства.

[2] *Churchill*, op. cit., p. 72, 119; DDF, III série, v. II', № 219; „Война на море 1914—1918 гг.", т. I, стр. 8.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 91.

[4] Ibid., p. 72.

[5] По отзывам самого Тирпица — 75%; см. „Grosse Politik", B. XXXI, № 11392, Anlage.

[6] Доклад Черчиля кабинету от 9/III 1912 г.; см. *Churchill*, op. cit., p. 103, также DDF, III série, v. III, № 219.

[7] *Churchill*, op. cit., p. 96—97.

[8] Ibid., p. 103; DDF, III série, v. III, № 219.

[9] *Calwell*, Field-Marshal Sir Henry Wilson, his Life and Diaries, L. 1927, v. I, p. 113.

[10] *Calwell*, op. cit., v. I, p. 112.

«Оттянув 8 средиземноморских броненосцев на север, мы только-только сможем вступить в бой с Германией. Мы имеем или будем иметь в будущем году 25 дредноутов в Северном море. Германцы — приблизительно 25. С нашими 8 из Средиземного моря (плохой класс) это составит 33 и 8 с неполными кадрами экипажа, совершенно негодные к бою. Германия имеет еще 4 совершенно укомплектованных броненосца. Чистый результат таков, что мы еле-еле можем сохранить свое положение в Северном море (33 против 29 или 25), а Средиземное потеряно... Я видел бумаги Троубриджа[1], они превосходно составлены и убедительны»[2].

Это же подтверждает и Асквит:

«Только таким путем мы могли достать корабли и людей для организации нашей третьей боевой эскадры»[3].

К решению увести из Средиземного моря упомянутые 8 броненосцев Черчиль пришел на свой страх и риск и осуществил его без разрешения министерства иностранных дел или кабинета и до обсуждения вопроса в Комитете имперской защиты[4]. Без средиземноморских броненосцев он отказывался гарантировать Северное море[5]. Комитет имперской защиты на заседании от 4 июля 1912 г. санкционировал post factum это решение Черчиля[6].

Таким образом «нездоровое скопление судов» в Северном море[7] привело к тому, что дорогой в Индию командовали французы. Вот результат постройки германского флота![8] Связанность английского флота в Северном море германским способствовала и «самоотречению» (Черчиль) Англии в эти годы от новых крупных колониальных авантюр. Последние потребовали бы отвлечения военных кораблей из Северного моря, что было немыслимо, так как уравнивало силы английского флота с германским.

Эта крайняя мера спасала на некоторое время положение, но ненадолго. 17 июля 1912 г. Черчиль и первый морской лорд Бриджмен вызвали в адмиралтейство французского морского агента в Лондоне капитана Ле Гу де Сан-Сен и, заявив ему о необходимости начать переговоры, которые «могут привести к заключению чего-либо вроде конвенции», сообщили, что оставленных в базе на острове Мальта английских морских сил (4 линейных крейсера и 3 малых) хватит для защиты британских интересов в Средиземном море только до 1915 г.

«Затем Черчиль, — продолжает свой отчет Сан-Сен, — заявил, что было бы желательно, чтобы Франция поставила своей программой иметь в Средиземном море two powers standard в отношении

---

[1] Начальник английского морского штаба.
[2] *Calwell*, p, 113; DDF, III-série, v. III, № 137, 145, 188, 196, 207, 219.
[3] *Asquith*, op. cit., p. 82—83.
[4] *Calwell*, I, p. 112—113.
[5] *Ibid.*, p. 113.
[6] *Ibid.*, p. 115, 112.
[7] *Churhcill*, op. cit., p. 179—181.
[8] *Calwell*, I, p. 112, 115; DDF, III série, v. III, № 188, 196, 137, 80.

итальянского и австрийского флотов. Он показал мне диаграмму, составленную морским генеральным штабом о сравнительных силах 3 держав [Франции, Австрии и Италии] и учитывавшую только современные броненосцы: «Дантон» — для Франции, «Данте Алигьери» — для Италии и «Радецкий» — для Австрии. Из диаграммы следовало, что превосходство Франции над двумя объединенными флотами (Австрии и Италии. — *Н. П.)* будет обеспечено до марта 1914 г., но не дальше»[1].

С 1912 г. главные силы английского флота были приведены в полную боевую готовность. «Не требовалось никакой мобилизации для того, чтобы пустить эту силу в бой»[2]. Опасность внезапного нападения без объявления войны казалась настолько грозной, что Комитет имперской защиты предписал адмиралтейству вести работу под углом этой угрозы.

«Мы должны были приложить, — сообщает Черчиль, — все наши силы, чтобы жить по этому стандарту. Конечно положение и условия британского флота ежедневно оценивались по отношению к положению и условиям германского. Я привык проверять наши распоряжения, неожиданно спрашивая время от времени штаб: «Что будет, если война с Германией начнется сегодня?» Я всегда получал ответ, из которого следовало, что мы имеем возможность осуществить нашу перегруппировку до того, как какая-нибудь часть нашего флота будет втянута в бой. Наш флот не отправлялся крейсировать к берегам Испании, пока мы не узнавали, что германский «флот открытого моря» (Hochseeflotte) не стал на зимний ремонт. Проводя большие маневры, мы весьма осторожно организовывали снабжение углем и следовавшие за маневрами отпуска так, чтобы обеспечить возможность встретить всякий удар, который мог бы быть нанесен нам в это время. Я не знаю ни одного момента за то время, о котором пишу (1912.— *Н. П.)*, до объявления войны, когда было бы физически возможно нечаянно напасть или захватить главные силы британского флота рассеянными или разделенными какими-либо серьезными силами германского флота»[3].

Именно в таком разделении сил адмиралтейство видело главную опасность:

«Если флот или жизненная часть его будет застигнута неожиданно или неготовой к бою и наше морское превосходство уничтожено, мы проиграли бы войну»[4].

Если прибавить к этому постоянное опасение внезапной высадки («bolt from the blue»), зародившееся еще в 1904 г. и все возраставшее с усилением германского флота[5], то легко представить настроение военных и морских кругов и тех членов кабинета, ко-

---

[1] DDF, III série, v. III, № 207.
[2] *Churchill*, op. cit., p. 116—117.
[3] *Ibid.*, p. 151—152; DDF, III série, v. III, № 137.
[4] *Ibid.*, p. 148; DDF, III série, v. III, № 219.
[5] *Ibid.*, p. 151—152; DDF, III série, v. III, № 137.

торые были ознакомлены с положением. «Мы часто сознавали, — признается Асквит, — что катаемся по тончайшему льду»[1].

В том же 1912 г., еще до издания германского морского закона 1912 г., Черчиль говорил канадским министрам, приглашенным на заседание Комитета имперской защиты:

«В настоящее время мы имеем два признака безопасности. Прежде всего мы видим, что зимой германский флот в значительной степени демобилизован вследствие пополнения новобранцами. Другой признак безопасности мы имели, когда видели несколько из их больших судов новейшего типа — «Ольденбург», «Мольтке» или «фон дер-Танн» — на балтийской стороне Кильского канала, ибо в настоящее время они не могут пройти по каналу, а мы знаем, что, когда подготовляется какая-нибудь крупная авантюра, было бы крайне несообразно, чтобы единицы крупнейшей важности находились на левой стороне канала, откуда они должны сделать большой крюк, огибая кругом (Ютландский полуостров.—*Н.П.*)». «К несчастью оба эти показателя безопасности в ближайшем будущем исчезнут. Углубление Кильского канала, которое закончится в двухлетний срок, позволит проходить по нему и крупнейшим судам точно так же, как проходят теперь остальные суда. К тому же льгота, которой мы до сих пор пользовались зимой, также уничтожится действием морского германского закона»[2].

Дело не могло оставаться в подобном положении. Воевать было нужно, и чем скорее, тем лучше. И призывом к действию звучит доклад Черчиля кабинету министров в декабре 1913 г.

«Наши морские уровни (standards) и программы, осуществляющие их, должны быть также рассмотрены в отношении не только Германии, но и ко всему остальному миру. Мы должны начать с признания того, насколько отлична роль нашего флота от роли флотов других стран. Среди современных великих государств мы одни не можем ни защищать почвы, на которой мы живем, ни существовать ее продуктами. Вся наша регулярная армия может быть затребована за границу для защиты Индии. Питание для нашего народа, сырье для его промышленности, торговля, составляющая наше богатство, должны быть защищены, так как они прибывают, пересекая тысячи миль по морям и океанам, из каждого уголка земного шара.

Весь мир строит корабли величайшей мощности, обучает офицеров и матросов, сооружает арсеналы и закладывает вглубь и вширь основы для будущего непрерывного морского роста и экспансии. В каждой стране растут могучие интересы и огромная индустрия, что делает с течением времени какой-либо перерыв или прекращение роста флота все более и более трудным. Кроме великих держав имеется много мелких государств, покупающих и строящих большие военные суда, и их корабли могут быть путем покупки, какой-либо дипломатической комбинации или путем

---

[1] *Asquith*, op. cit., p. 100; также BD, VII, № 307.
[2] *Ibid.*, p. 80—81; ср. также DDF, III série, v. III, № 219.

силы поставлены в строй против нас. Ни одна из этих держав не нуждается во флоте, чтобы защищать свою действительную безопасность или независимость, подобно нам. Они строят их с целью играть роль в мировой политике. Для них это — спорт. Для нас — смерть... Мы не хотим сказать, что весь мир обратится против нас или что наша подготовка должна предусматривать подобный чудовищный случай. *Трезвым и скромным поведением* при помощи искусной дипломатии мы можем частично обезоружить и частично разделить элементы потенциальной опасности. Но необходимо иметь в виду две вещи: 1) что наша дипломатия зависит в большой степени в смысле своей эффективности от нашего положения на море и что наше могущество на море — единственная великая и уравновешивающая сила, которой мы можем содействовать нашей безопасности и миру всего мира; 2) мы не молодой народ со скудным наследством. Мы захватили в свои руки огромную долю мирового богатства и оборота. Мы получили все, что хотели в смысле территории. Далее, мы не всегда играли пассивную роль самоотречения. Мы постоянно вмешивались в дела Европы и всего мира. Теперь мы глубоко затронуты европейским положением и несем ответственность во многих уголках земли»[1].

Действительно, с точки зрения британского империализма медлить было нельзя: германский флот мог в самом деле оказаться магнитом в смысле вовлечения других государств в орбиту германского влияния.

«Мы не могли, — признает Холден, — сидеть сложа руки и позволить Германии так увеличить свой флот по сравнению с нашим, чтобы она могла убедить другие государства в том, что для них будет наиболее безопасным бросить свой жребий в ее чашу и соединить свои флоты с ее флотом»[2].

Опасения вызвало также и то обстоятельство, что немцы могли перекупить выстроенные в самой же Англии суда для мелких государств, причем в условиях мирного времени английское правительство не могло этому воспрепятствовать. Зимой 1914—1915 гг. английские верфи заканчивали постройку 7 дредноутов: 2 для Турции, 2 для Чили и т. д. На американских верфях также кончалась постройка 7 дредноутов. Адмиралтейство не могло не учитывать того, что часть этих судов могла быть закуплена германским правительством, а это сразу бы уничтожило незначительное превосходство английских сил на Северном море. Если бы турецкие дредноуты даже попали в Турцию, а не в Германию, то наличие их в Средиземном море потребовало бы от английского адмиралтейства подкрепления своей средиземноморской эскадры и уменьшения сил в Северном море. Мало того, в 1915 г. вступала в строй дивизия австрийских дредноутов, для отражения которой также требовалось новое напряжение сил и

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 175—176. Курсив мой. — *Н. П.*
[2] *Haldane*, op. cit., p. 9—10.

следовательно новое ослабление английского флота в Северном море[1].

Морская обстановка складывалась неблагоприятно для Англии. А между тем производственные возможности английских верфей ставили под большое сомнение вопрос, удастся ли Англии выдержать до конца строительную гонку даже если не со всем миром, то хотя бы с одной Германией.

До 1909 г. превосходство английского флота над германским поддерживалось благодаря массе броненосцев додредноутного типа. С постройкой дредноутов Англия не могла добиться того превосходства над Германией, которым она обладала в предшествовавшую эпоху. В период 1905—1913 гг. Англия ежегодно строила в среднем 4—5 дредноутов, Германия — 3 — 4. По отзыву самого Черчиля, судостроительная программа 1913—1914 гг., когда было заложено 6 дредноутов, представляла максимум того напряжения, которое могла выдержать Англия в смысле закладки кораблей в течение года. Казенные верфи были загружены правительственными заказами, на частные же не приходилось рассчитывать ввиду загруженности их заказами иностранных государств.

«Из-за перегруженности кораблестроительной промышленности и недостатка обученных рабочих поставщики не заслуживают большого внимания»[2], — так отзывался Черчиль в бюджетной речи в марте 1914 г. о частных фирмах.

В судостроительной гонке для англичан явно наступал такой момент, после которого будущее было окутано полной неизвестностью. У британских империалистов не было никаких гарантий, что им удастся в дальнейшем справиться с гонкой морских вооружений[3]. Рост числа судов требовал увеличения флотского экипажа; при отсутствии воинской повинности было невозможно держать суда в полной боевой готовности. На некоторых дредноутах нехватало даже кадрового состава.

В войне германскому флоту теоретически всегда принадлежал выбор нападения, и это нападение он мог произвести в любом месте. Охрана побережья и торговых путей заставляла англичан распылять свои силы по разным районам. Дело дошло до того, что английское правительство, не имея в условиях мирного времени законных оснований, чтобы помешать передаче Турции частными фирмами выстроенных по ее заказу двух линкоров, начало переговоры с Чили о покупке двух строящихся чилийских линкоров, перебив переговоры о продаже этих судов, начавшиеся между царским правительством и Чили[4]. Когда война вспыхнула в 1914 г., англичане просто захватили в свои руки все 7 кораблей,

---

[1] DDF, III serie, v. III, p. 219. Согласно подсчетам Черчиля, доложенным им парламенту, Австрия в 1915 г. должна была иметь 4 дредноута, Италия 5—6 дредноутов; ср. также № 207.

[2] „Grosse Politik", B. XXXIX, № 15569.

[3] DDF, III série, v. III, № 207, 219.

[4] *Siebert*, Entente, Diplomacy and the War, L. 1921, № 851, 853, 854; МОЭИ, III, № 71, 74, 77, 88, 175, 230.

строившихся на английских верфях по заказам иностранных государств, и это дало нужный перевес над германским флотом.

Насколько было обострено положение и насколько незначителен был перевес английских боевых сил над германскими в 1914 г., показывает тот факт, что в момент объявления войны англичане могли выставить в Северном море всего 24 дредноута против 16—19 германских. Остальные английские корабли были заняты в Ламанше, Атлантическом океане, Средиземном море и т. д.

«Известный нам излишек превосходства (margin of superiority) в отечественных водах был у́же, чем в любой из последующих моментов войны... — признается Черчиль. — К счастью каждый британский корабль был готов и в полной исправности. Не было ни одного корабля в ремонте. Наши силы для непосредственного боя выражались в 24 против известных 16 и возможных 19 дредноутов. 5—8 дредноутов составляли все численное превосходство, которым мы обладали. Было не густо ни на случай несчастья, ни на случай неисправности механизмов, чего можно было ожидать в таком большом флоте, и не было никакого резерва на случай беды от неожиданной атаки, если бы мы оказались не готовыми» [1].

В январе 1915 г. адмирал Джеллико мог выставить для генерального боя с германским линейным флотом всего 18 дредноутов и 5 крейсеров дредноутного типа, что давало соотношение сил 23 : 21 [2]. Черчиль откровенно признается, что английский флот избегал решительного боя, не будучи уверен в успехе. Правда, избегало такого боя и германское командование, надеявшееся разбить английский флот по частям.

«Но немцы, — резюмирует по этому поводу после войны Черчиль, — должны были знать, что мы не только достроим наши строящиеся суда, но и реквизируем все суда, строящиеся и для других государств. В течение 3 месяцев к нашему флоту будет прибавлено 7, а в течение 6 месяцев 12 линейных кораблей; через 3 месяца пропорция будет 34 : 19, через 6 месяцев 39 : 21» [3].

Момент был утерян немцами и утерян безвозвратно, о чем потом горько плакались и адмирал Тирпиц и авторы официальной германской «Истории войны на море» [4].

Слепое усвоение доктрины о достижении господства на море путем генерального боя линейных кораблей сделало в значительной мере бесцельными усилия германского империализма, направленные на строительство крупного военного флота. Англия, очистив Северное море, блокировала и брала измором Германию своим географическим положением на фланге Европы, сохранив

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 242—243.

[2] *Корбетт*, Операции английского флота в мировую войну, Л. 1929, т. II, стр. 102.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 244. В цифрах, приводимых Черчилем, следует различать количество кораблей в строю от количества кораблей, которые могли принять участие в генеральном бою после начала войны.

[4] Война на море, т. I, стр. 52—59. *Fisher*, op. cit., p. 30—31; *Тирпиц*, Из воспоминаний, Гиз, М.—Л. 1925, стр. 146—147.

тем самым свою морскую торговлю со всем миром, так как германские крейсера-каперы были изловлены в течение первых месяцев войны. Расчеты германской правящей клики оказались ошибочными. Не германский линейный флот явился во время войны 1914—1918 гг. главной угрозой боеспособности и бытию Англии, а *германские подводные лодки*. Государственные деятели вильгельмовской эпохи, как впрочем и деятели Антанты, недооценили новые средства борьбы на море.

Но хотя проектировки и английского и германского империализма относительно методов и средств ведения войны на море оказались ошибочными и были разбиты практикой войны 1914—1918 гг., они тем не менее сохраняют свое значение для нас как господствовавшие тогда точки зрения, в свете которых следует рассматривать организационную подготовку Англии и Германии к войне на море. И в этом отношении — с английской и германской точек зрения — строительство германского флота оказало к 1912—1914 гг. глубокое воздействие на международно-политическую ситуацию.

По мнению английского адмиралтейства, сравнительно незначительное, не дающее решительного перевеса превосходство английского флота над германским и постоянная опасность такой перестановки сил на международной арене, при которой германский флот, подкрепленный каким-либо другим флотом, может свести к нулю и это незначительное превосходство английского флота, было одной из причин, заставлявшей английских империалистов решиться на войну. Твердо веря в возможность достижения господства на море при помощи генерального боя линейных кораблей, английские империалисты стремились положить предел тому неслыханному напряжению и вечно грозящей опасности, которую они видели в планомерном увеличении германского дредноутного флота. С 1911 г. британское адмиралтейство работало под знаком военной тревоги и всячески стремилось предупредить наступление того «периода неуверенности», который, по его мнению, сулило ближайшее будущее даже в мирной обстановке. Обстановка властно требовала переломить соотношение сил в свою пользу еще раз и притом какими угодно средствами. Для английского адмиралтейства война именно в 1914 г. была в полном смысле этого слова «избавлением». *И в критические дни июля 1914 г. английские морские круги сделали со своей стороны все, для того чтобы форсировать развязку.*

Если в июле 1914 г. обеим сторонам удалось развязать войну, то только потому, что *обоим противникам этот момент казался наиболее благоприятным*. Обе стороны понимали, что один флот не в силах решить задачу, что она решится на суше. Поэтому, начиная с 1905 г., британский империализм стремится создать такие условия — политические и военные, — которые позволили бы разгромить основные, т. е. сухопутные, силы Германии и ее союзников и тем самым решить в пользу Англии вопрос и о гегемонии на море.

Но эту же, решающую, роль армии прекрасно понимали и германские империалисты, и вся борьба между морским министерством и генеральным штабом в Германии сводилась к выбору момента удара.

Англо-германская гонка морских вооружений, вкратце рассмотренная нами выше, показывает, что политические расчеты германских империалистов, положенные ими в основу закона о флоте 1900 г. и последующих новелл к нему, лишь отчасти оправдались ходом событий. Германский флот становился такой мощной боевой единицей, что мог осложнить положение главного противника — Англии. Вот это положение прежде всего учитывалось германским морским министерством, и оно объясняет нам постоянные требования Тирпица подождать с войной еще хоть один — два года, когда морское строительство несколько выравняет шансы обоих противников в борьбе на море.

Итак, следовало ждать. Но до каких пор? Германское правительство могло проводить эту политику выжидания до тех пор и постольку, пока и поскольку ситуация на суше оставалась достаточно выгодной для Германии, т. е. пока Германия могла иметь достаточно уверенности в том, что она с помощью Австро-Венгрии и держав сторонников Тройственного союза сможет на суше разгромить объединенные силы двух своих континентальных противников — Франции и царской России, обладавших наиболее сильными армиями.

Разгром русской армии в Манчжурии и вызванный им паралич боевой мощи царизма гарантировали Германии эту уверенность до тех пор, пока царская Россия не восстановит своей боевой мощи. Уверенность германской военщины в период 1905—1912 гг. в военном превосходстве Германии и Австро-Венгрии над Антантой была столь сильна, что на присоединение Англии к франко-русскому союзу германский генеральный штаб смотрел с полным спокойствием. Пока царская Россия оставалась бессильной в военном отношении и пока еще не обозначились явственно все международно-политические следствия присоединения Англии к союзникам, ситуация на суше складывалась решительно в пользу Германии: незначительная по численности английская сухопутная армия, вдобавок построенная на принципе волонтерской системы, не могла быть угрозой для прекрасно выученной, дисциплинированной огромной германской армии и не могла также заменить нажим царской армии на востоке.

На присоединение Англии к союзникам германский генеральный штаб реагировал тем, что утвердил в 1905 г. знаменитый план Шлиффена в качестве основного военного плана для борьбы с Антантой. План Шлиффена предусматривал нарушение бельгийского нейтралитета, гарантированного Германией, Англией и Францией в 1831 г. Это нарушение нейтралитета могло стать поводом для вступления Англии в войну, в силу чего некоторые планы войны германского генерального штаба до 1905 г. предусматривали борьбу с Францией и царской Россией без нару-

шения бельгийского нейтралитета, именно с той целью, чтобы не вызвать выступления Англии. Но поскольку Англию с 1905 г. приходилось считать в числе возможных противников и шансы на сохранение Англией своего нейтралитета были минимальны, то вопрос о бельгийском нейтралитете приобретал совершенно иное освещение. С нарушением бельгийского нейтралитета не захотели просто считаться, а оно давало Германии немалые выгоды в военном отношении, на использовании которых и был построен план Шлиффена[1].

В период 1906—1914 гг. план Шлиффена являлся евангелием германской военщины, хотя преемники Шлиффена в генеральном штабе несколько изменили его план, а именно — часть войск, предназначенных первоначально для действий на крайнем правом фланге, была переброшена на левый фланг, что значительно ослабляло ударную силу правого германского крыла.

Однако та отсрочка в развязывании войны, на которую решилась правящая головка германского империализма, для того чтобы выиграть время для строительства крупного военного флота, послужила и на пользу Антанте. Пока в период 1904—1914 гг. рос и усиливался линейный флот Германии и ее союзников, одновременно росла и усиливалась с 1906 г. военная мощь Антанты на суше. В этом заключался просчет Тирпица и морских кругов Германии. И в 1914 г. германский империализм спешил с развязы-

---

[1] План Шлиффена до сих пор полностью не опубликован, но основные черты его достаточно известны. Исходной установкой его было невыгодное стратегическое положение Германии в центре европейского континента между двух великих держав, с которыми Германия могла выдержать борьбу, как тогда предполагалось, только сражаясь один на один. Исходя из этого, план Шлиффена предполагал осуществить мобилизацию и сосредоточение в кратчайший срок и разбить сначала одного противника, пока армия другого будет еще не готова. Восточный вариант, хотя и более заманчивый в смысле легкости победы, не давал возможности такого быстрого разгрома, так как германские армии, даже одержав ряд побед, могли завязнуть в необозримых русских пространствах. Отступая, царские войска могли дать французам возможность вторжения в главные индустриальные центры Германии, и германские армии были бы вынуждены выдерживать одновременно напор противника и с запада и с востока.

Более выгодным был западный вариант, по которому первый и решающий удар направлялся против Франции, где незначительность расстояний по сравнению с расстояниями царской России давала возможность решить кампанию быстрым и коротким ударом. Но восточная граница Франции была защищена „непроходимой" стеной крепостей, через которую можно было прорваться только с огромными потерями и затратой времени, что позволяло царской России закончить мобилизацию и навалиться на Германию с востока.

План Шлиффена устранял эту невыгоду географической ситуации. Шлиффен предложил обойти барьер французских крепостей с севера через Бельгию, чтобы охватить левое крыло французских армий. Согласно плану, основная масса германских армий сосредоточивалась на правом фланге, который представлял собой мощный ударный кулак в составе $35^1/_2$ пех. корпусов, 8 кав. див. и 16 бригад ландвера. Утверждение германским правительством этого плана ясно показывает, что Англию уже считали возможным противником и что все разговоры, которые велись германской дипломатией о бельгийском нейтралитете в 1914 г., были только попыткой „заговорить зубы" английским империалистам.

ванием войны для того, чтобы предупредить рост боеспособности армий Антанты и найти решение под стенами Парижа.

Твердо веря в свое превосходство на суше и в возможность разгромить армии Антанты, австро-германский блок в период 1904—1914 гг. проводил политику «силы, натиска и угроз», стремясь при помощи этих средств добиться различных выгод и уступок со стороны Антанты и расколоть ее.

Наряду с этим можно отметить разнобой внутри австро-германского блока, объясняемый различием масштабов тех целей и притязаний, которые австрийский и германский империализм хотели достигнуть при помощи войны и разгрома своих противников.

Германский империализм стремился к мировой гегемонии и выжидал с развязыванием войны до тех пор, пока не вырастет германский военный флот, шантажируя и вымогая уступки от противников своей готовностью выступить в «блестящих латах».

Австрийский империализм стремился прежде всего к разгрому национального движения на Балканах, к установлению своего господства над всей территорией юго-восточной Европы.

Империалистические цели Германии и Австро-Венгрии не совсем совпадали. Отсюда разнобой между двумя союзниками по вопросу о сроках развязывания войны, какой имел место в период 1904—1914 гг. Пока германская правящая клика, высказывавшаяся за «морской» вариант развязывания войны, откладывала «великое решение» с целью выиграть время для строительства крупного военного флота, австрийская правящая клика, не заинтересованная в вопросе о мировой гегемонии, энергично выступала в пользу «континентального» варианта развязывания войны, т. е. руководилась формулой — чем скорее, тем лучше. Австрийские империалисты рвали и метали, стремясь форсировать развязывание войны, пока австро-германский блок имел бесспорное превосходство на суше. В период боснийского кризиса и в период балканских войн австро-венгерские империалисты лезли на рожон, стремясь ускорить войну. Германская правящая клика, наоборот, сдерживала по указанным выше причинам воинственный пыл австрийских империалистов, не раз спасая зарвавшегося союзника, для того чтобы сохранить на будущее необходимое пушечное мясо. Австрия была спущена с цепи только тогда, когда германский империализм, трезво взвесив создавшуюся на суше и на море военную ситуацию, решил, что выжидать дольше с развязыванием войны и невыгодно и опасно.

Конфликт внутри австро-германского блока возникает в 1905 г. по вопросу о Марокко, в котором была заинтересована лишь Германия и вовсе не заинтересована Австро-Венгрия. Германский империализм в этом конфликте требует «внимания» к своим интересам в Марокко, недвусмысленно демонстрируя свою готовность к войне, если в этом «внимании» ему будет отказано. Австро-венгерский империализм, формально оказывая германскому свою поддержку, в действительности относится более чем прохладно к

марокканскому конфликту, так как в Марокко австро-венгерские интересы были немногим больше нуля. Германский империализм, выступая в «блестящих латах», бряцая оружием, словом, угрожая войной, добивается созыва Алжезирасской конференции и признания последней принципа «открытых дверей» в Марокко. Формально добившись своей цели, германский империализм, как показали последующие события, проиграл игру. Австро-венгерский империализм оказал формальную поддержку позиции Германии в первом конфликте из-за Марокко, и австрийские делегаты на Алжезирасской конференции при всяком голосовании шли вместе с германскими делегатами, в то время как представители Италии — третьего «союзника» — предпочитали сохранять нейтралитет, воздерживаясь от голосования и молчаливо «предавая» и продавая своих австро-германских «друзей». Но поддержка со стороны Австро-Венгрии носила настолько формальный характер (сдержанность австрийцев между прочим объяснялась незаконченностью перевооружения их армии), что к моменту окончания Алжезирасской конференции Вильгельм II счел нужным послать 28 марта 1906 г. австро-венгерскому министру иностранных дел графу Голуховскому оскорбительно-благодарственную телеграмму. В этой телеграмме Вильгельм II благодарил за «усердие в Алжезирассе» «верного союзника», оказавшегося «блестящим секундантом в дуэльной схватке», т. е. оказавшегося только свидетелем боя, а не его участником[1].

Второй конфликт, также связанный с вопросом Марокко, возник 25 сентября 1908 г. При попытке германских дипломатических агентов помочь бегству дезертиров из французского «иностранного легиона» секретарь германского консульства в Казабланке и сопровождавший его стражник подверглись оскорблению со стороны французской полиции.

Инцидент этот, использованный, как известно, германским правительством для дипломатической диверсии против Франции, был передан на арбитраж гаагского трибунала и 22 мая 1909 г. ликвидирован последним в порядке компромисса. Но в период обострения кризиса, когда германская правящая клика, выступая в «блестящих латах», требовала безусловных и односторонних извинений со стороны Франции, австро-венгерское правительство, поглощенное боснийским кризисом, дезавуировало протест своего вицеконсула в Казабланке против ареста одного из дезертиров, австро-венгерского подданного. Оно объявило протест вицеконсула самовольным с его стороны выступлением, сделанным без полномочия правительства[2], считающего инцидент не заслуживающим внимания. Австро-венгерскому вицеконсулу в Казабланке было предписано взять свои ноты протеста обратно. Австро-венгерский империализм во втором конфликте из-за Марокко «предал»

[1] BD, III, № 400; *Steed*, Through thirty years 1892—1922, L., Heineman, 1924, I, p. 234—235.

[2] BD, VII, № 124,127. О подобной инструкции австро-венгерского правительства вицеконсулу в Казабланке в первом томе OUAP нет ни слова

и продал германского союзника не хуже, чем итальянский во времена Алжезирасса.

Зато германский империализм взял известный реванш в возникшем почти одновременно с инцидентом в Казабланке европейском кризисе по поводу аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией. Аннексия была произведена с ведома и согласия правительства царской России (соглашение Извольский—Эренталь в Бухлау 15 сентября 1908 г.), но без ведома и за спиной германского союзника, узнавшего об аннексии post factum, даже после того как узнала Франция. По документам XXVI тома «Grosse Politik» и «Мемуарам князя Бюлова» можно видеть, какую ярость германской правящей клики, в частности самого Вильгельма II, вызвала эта «самовольная» австрийская аннексия [1].

Но так как союзник был необходим как будущее пушечное мясо, то его приходилось спасать. Поэтому Вильгельм II отклонил предложение германского посла в Константинополе Маршаля дезавуировать аннексию (хотя бы даже ценой разрыва союза с Австрией) [2] и предоставил carte blanche Австрии в сербском вопросе [3]. Эту carte blanche наиболее агрессивно настроенная часть австро-венгерской правящей клики пыталась использовать для того, чтобы напасть на Сербию, пока царская Россия еще не успела восстановить своей военной мощи.

За превентивную войну с Сербией с целью ее уничтожения и включения в состав монархии Габсбургов высказывался не только начальник австро-венгерского генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, но и министр иностранных дел Эренталь, который на совещании министров 19 августа 1908 г. (т. е. перед аннексией Боснии и Герцеговины) говорил:

«Если мы станем на сторону Болгарии и одобрим создание Великой Болгарии за счет Сербии, то необходимо предпринять приготовления, чтобы в момент благоприятной европейской ситуации иметь возможность наложить руки на оставшийся после этого кусок Сербии. Тогда мы будем иметь безопасные границы... Аннексия Санджака не принесет нам никаких реальных выгод, и мы должны быть в состоянии обеспечить достижение конечных целей нашей балканской политики не на путях через Новый Базар, а на путях через Белград» [4].

Развитие боснийского кризиса показывает, что Эренталь терпеливо и систематически добивался создания «благоприятной европейской ситуации». Был согласован с Фердинандом болгарским вопрос о военном выступлении Болгарии против Сербии [5], выяснено, что Франция и Италия сохранят нейтралитет в случае войны с царской Россией.

---

[1] „Grosse Politik", B. XXVI, S. 39, 43, 45, 53, 99—103, 106, 112; „Mémoires de chancelier de prince Bulow", P., Plon. 1931, v. II, chap. XXV, p. 342—343.
[2] „Grosse Politik", B. XXVI, S. 99—103.
[3] „Grosse Politik", B. XXVI, S. 106, 160 u. ff.
[4] *Conrad*, B. I, S. 108, 138—139.
[5] *Ibid.*, S. 139.

В январе 1909 г. от начальника германского генерального штаба Мольтке, которому Конрад сообщил план кампании, был получен ответ, что «Германия в случае войны монархии с Италией будет прикрывать тыл (Австро-Венгрии. — *Н. П.*), что в Германии считают Италию неспособной вести войну в течение ближайших 2—3 лет, что наше намерение развязать превентивную войну является военным идеалом, что наконец в сербском конфликте при помощи заявления о территориальной незаинтересованности можно будет удержать Россию от вмешательства» [1].

Одним словом, германский генеральный штаб, всегда высказывавшийся за «континентальный» вариант войны, энергично поддерживал планы австрийской правящей клики, наметив одновременно такие пути развязывания конфликта (декларация о незаинтересованности Австрии в территориальном умалении Сербии), которые встретятся нам снова при анализе позиции австро-германского блока уже в самом преддверии мировой войны, в июле 1914 г.

Имея одобрение германского генерального штаба, Конрад фон Гетцендорф и Эренталь начали подготовку развязывания войны. 15 марта, по совету Эренталя, Франц-Иосиф одобрил предложение военного министра об увеличении войск в Боснии и Герцеговине и стратегическом их развертывании в качестве предварительной меры к мобилизации. Развязать войну Эренталь проектировал к 1 апреля 1909 г. [2], считая европейскую ситуацию улучшившейся: князь Николай черногорский обещал сохранить нейтралитет, если ему дадут субсидию; обещали сохранить нейтралитет также и Румыния и Турция, в то время как Болгария готовилась к нападению на Сербию. 22 марта Франц-Иосиф согласился на предложение Конрада фон Гетцендорфа о мобилизации 7 корпусов, т. е. около 1 млн. чел. [3]. 29 марта на совещании министров было решено приступить к мобилизации [4]. Призрак войны грозно повис над Европой. Однако на этот раз он остался лишь призраком.

Германская правящая клика, стоявшая за «морской» вариант войны, предупредила 21 марта [5] царское правительство, что в случае отказа принять германское предложение о посредничестве между Австрией и царской Россией Германия «устранится и предоставит события их собственному течению» [6], т. е. предоставит возможность Австрии при своей поддержке форсировать европейскую войну. Царская Россия немедленно признала аннексию и при содействии Франции и Англии побудила Сербию к аналогичному заявлению (31 марта 1909 г.). С признанием аннексии

---

[1] *Conrad*, B. I, S. 142.
[2] *Ibid.*, S. 153, 156—157.
[3] *Ibid.*, S. 160.
[4] *Ibid.*, S. 162.
[5] Т. е. после решения царского совета министров 17 марта 1909 г. что царская Россия сейчас воевать не в состоянии.
[6] „Grosse Politik", B. XXVI, S. 693 u. ff; *Siebert*. op. cit., S. 259.

царской Россией и Сербией повод для войны исчезал, и австрийская правящая клика была принуждена сложить оружие.

В Вене отлично понимали, что германское правительство своим «предупреждением» царской России сознательно оказало союзнику медвежью услугу, сорвав войну в момент благоприятной для Австро-Венгрии ситуации исключительно по своим «узко эгоистическим мотивам» — с целью выиграть время для строительства военного флота. Мало того, германская правящая клика всемерно постаралась подчеркнуть, что плоды боснийского кризиса — аннексия Боснии и Герцеговины — были получены австро-венгерским империализмом лишь благодаря вмешательству, иначе говоря, милости могущественного германского союзника. 21 сентября 1910 г. во время торжественного визита в Вену Вильгельм II в публичной речи заявил, что выступил «в тяжелый момент на стороне Вашего государя, как союзник в блестящих латах» [1].

Боснийский кризис ясно выявил расхождение между позициями австро-венгерской и германской правящих клик в вопросе о сроках развязывания войны. Австрийская правящая клика, наиболее агрессивным представителем которой был Конрад фон Гетцендорф, стремилась форсировать войну возможно скорее, пока австро-германский блок сохранял решительный перевес над Антантой на суше и пока в орбиту влияния Антанты еще не были втянуты Румыния и балканские государства. Германский генеральный штаб в лице Мольтке всецело поддерживал эту точку зрения. Однако руководящие круги германского империализма и политическое руководство высказывались за «морской» вариант войны.

В следующем очередном европейском кризисе, третьем конфликте между Францией и Германией из-за Марокко в 1911 г. (агадирский кризис), разнобой в позициях австрийского и германского империализма можно проследить и по вопросу о *поводе* для развязывания войны. Германская правящая клика, подготовляя посылку военного судна в Агадир и следовательно европейский кризис, который мог закончиться войной, с лихвой отплатила австрийскому союзнику за самовольную, решенную независимо от Германии, аннексию Боснии и Герцеговины.

Австро-венгерский посол в Берлине Сегени телеграфировал Эренталю 1 июля: «Только что помощник министра иностранных дел сообщил мне неожиданное известие (überraschende Nachricht), что германское правительство решилось по настоятельной просьбе заинтересованных в южном Марокко германских фирм... послать на время канонерскую лодку «Пантера» в гавань Агадир» [2].

Таким образом о посылке германского судна в Агадир австрийское правительство узнало только 1 июля 1911 г., т. е. одновременно с французским и испанским [3], хотя Эренталь предвидел

---

[1] *Steed*, op. cit., I, p. 336.
[2] OUAP, III, № 2550.
[3] *Ibid.*, № 2550, 2552; BD, VII, № 348, 353, 371.

новую франко-германскую схватку из-за Марокко еще в мае, когда французские войска двинулись в Фец[1].

Получив неожиданное известие от Сегени, подтвержденное в тот же день сообщением германского посла в Вене Чиршки[2], Эренталь выразил союзнику признательность за «откровенное и доверительное сообщение», добавив при этом: «мы до сих пор занимали выжидательную позицию и не имеем никакого повода, для того чтобы заняться поближе вопросом, оправдано ли нынешнее выступление Франции и противоречит ли оно договорам или нет»[3].

В начавшемся англо-франко-германском конфликте из-за Марокко, в котором германские империалисты своей непримиримостью провоцировали войну, Австро-Венгрия заняла столь равнодушную позицию, точно этот конфликт происходил за тридевять земель и отнюдь не касался ни ее самой, ни ее союзника.

Правящая клика монархии Габсбургов в третий раз показывала своему союзнику, что до германских интересов в Марокко ей нет никакого дела и что вступать в войну с Антантой из-за Марокко она не собирается. Как заявил 5 июля 1911 г. в венгерском парламенте венгерский премьер-министр Куэн-Хедервари: «Марокканский вопрос находится вне тех вопросов, на которые распространяются обязательства союза с Германией»[4]. Заявление Куэн-Хедервари вызвало запрос германского министра иностранных дел, на который Эренталь двусмысленно ответил, что заявление венгерского премьер-министра имело целью «успокоить венгерский парламент и общественное мнение Венгрии относительно того, что выступление Германии не будет иметь никаких непосредственных последствий для монархии»[5].

Свою позицию невмешательства в агадирский кризис Эренталь проводил настолько последовательно, что заслужил похвалу и благодарность от французского правительства за лойяльное отношение к Франции[6]. Куэн-Хедервари от имени венгерских аграриев просил Эренталя приложить все усилия к тому, чтобы агадирский кризис окончился мирной развязкой[7], и эти настроения венгерских аграриев разделялись в кругах австрийского финансового капитала и даже военщины[8]. Военная партия, руководимая Конрадом фон Гетцендорфом и эрцгерцогом Францем-Фердинандом, совершенно не интересовалась агадирским кризисом как поводом для развязывания войны, а занималась разработкой плана нападения на Италию, начавшую войну с Турцией за Триполи[9].

---

[1] *OUAP*, *III*, № 2554.
[2] *Ibid.*, № 2552.
[3] *Ibid.*, № 2553.
[4] *Ibid.*, № 2560 u. 2559, Anmerkung d.
[5] *Ibid.*, № 2565.
[6] *Ibid.*, № 2606, 2622.
[7] *Ibid.*, № 2613.
[8] *Ibid.*, № 2627; BD, VII, № 371; *Steed*, op. cit., I, p. 335—337.
[9] *Conrad*, B. II, S. 216 u. ff.

Эти планы военной партии даже привели к конфликту между Эренталем и Конрадом фон Гетцендорфом и вызвали в декабре 1911 г. временную отставку последнего[1].

Агадирский кризис весьма резко выявил несогласованность между Австрией и Германией в вопросе о политическом механизме для развязывания войны. Германская правящая клика заботилась только о своих интересах, австро-венгерская клика — только о своих. В результате этого союзники, стремившиеся каждый развязать войну по своему варианту, в решающие моменты шли вразброд. Австрия отплатила Германии за боснийский кризис Агадиром не хуже, чем это сделала царская Россия по отношению к Франции в том же агадирском конфликте (см. стр. 238).

Однако этот разнобой внутри австро-германского блока, отражавший разницу империалистических устремлений и целей обоих союзников, с 1912 г. начинает постепенно сглаживаться.

Более чем прохладное отношение австро-венгерской правящей клики к марокканским конфликтам показало Берлину, что активную и добросовестную поддержку от своего союзника Германия может получить только тогда, когда война будет развязана по вопросу, имеющему «жизненное значение» для монархии Габсбургов. Таким «жизненным» вопросом для Австрии, оттеснившим на второй план даже австро-итальянские противоречия, становится с 1912 г. сербский вопрос — уничтожение Сербии как очага национального югославского движения и выход через Салоники к Эгейскому морю. В политических кругах Берлина однако пытались еще выиграть некоторое время, чтобы ускорить строительство флота и выравнять соотношение сил на море. Поэтому германская правящая клика в 1912—1913 гг. продолжает удерживать Австрию, отмахиваясь от «венских глупостей»[2]. Но постепенное разложение союзника и усиление Антанты на суше в конце концов приводит германский империализм в 1914 г. к убеждению форсировать «пробу сил», не дожидаясь выигрыша ситуации на море.

По согласованию с германским генеральным штабом[3], Австрия должна была сосредоточить против царской России возможно большее количество своих войск, фактически всю свою армию. К моменту раскола Европы на два антагонистических лагеря — к первым годам XX в. — австрийский генеральный штаб в силу создавшейся к этому моменту военно-политической обстановки мог рассчитывать на успешное выполнение этой задачи: Румыния в силу тайного союзного договора с Тройственным союзом собиралась выступить против царской России, Италия до заключения в 1902 г. тайного соглашения с Францией о нейтралитете во франко-германской войне обязывалась даже выделить часть своих

---

[1] OUAP, III, № 2809, 2890; *Conrad*, B. II, S. 283—287.
[2] „Grosse Politik", B XXXIV, S. 824.
[3] *Conrad*, B. II, S. 57—62.

сил на рейнскую границу[1], Сербия до падения династии Обреновичей в 1903 г. была фактическим вассалом Австро-Венгрии. С Болгарией и Турцией венский кабинет издавна поддерживал «дружеские отношения».

В такой благоприятной международно-политической и военной обстановке австрийский генеральный штаб действительно мог бросить все австрийские армии против царской России. Однако образование Антанты и раскол Европы на два враждующих империалистических лагеря постепенно изменили ситуацию австро-германского блока на суше и в особенности не в пользу Австро-Венгрии.

Первым реальным изменением международной военной и политической обстановки явился переворот 29 мая 1903 г. в Сербии, который закончился сменой династии Обреновичей и выпадением Сербии из австрийской орбиты влияния.

Как указывал в своем меморандуме от 17 марта 1911 г. Конрад фон Гетцендорф, «до 1904 г. исходили из предпосылки, что при конфликте с одной из великих держав можно рассчитывать на дружеское поведение Сербии и вплоть до 1907 г. еще менее ожидали со стороны Черногории крупного враждебного выступления. Эта ситуация с тех пор радикально изменилась»[2].

В 1907—1908 гг. австрийский генеральный штаб в число возможных противников на восточном и юго-восточном фронтах включал царскую Россию, Сербию и Черногорию, в число союзников — Румынию, которая должна была связать три русских корпуса в Бессарабии, и Турцию при благожелательном для Тройственного союза нейтралитете Болгарии и Греции[3].

Поэтому уже с перирда военных приготовлений 1908 г. австрийскому генеральному штабу приходилось на случай войны с великой державой отказываться от сосредоточения всех своих сил на русском театре войны и учитывать необходимость выделения военного заслона на Балканах против Сербии и Черногории[4] и против Италии. Правда, этот заслон, согласно докладной записке Конрада фон Гетцендорфа от 17 апреля 1908 г., был незначителен: в случае войны на 3 фронта — против царской России, Италии, Сербии и Черногории — против Сербии и Черногории предполагалось выделить всего 1 корпус (XV корпус, расквартированный в Боснии) и 1 ландверную (запасную) дивизию или 2 бригады ландштурма (ополчения) против Сербии для обороны Дуная. Остальные силы распределялись на итальянском и русском фронтах следующим образом: 2 корпуса или 5 дивизий против Италии, 2—3 корпуса против царской России, а остальные 11—12 корпусов составляли стратегический резерв, который должен был быть брошен либо против Италии, либо против царской

[1] От этого обязательства итальянское правительство отказалось лишь 18 декабря 1912 г. — см. *Conrad*, B. II, S. 393—394.
[2] OUAP, III, № 2487.
[3] *Conrad*, B. I, S. 572—573 632—633.
[4] OUAP, III, № 2487.

России в зависимости от выбора направления главного удара[1].

Анализ стратегического развертывания австро-венгерских армий в 1908 г. по сравнению со стратегическим их развертыванием в 1893—1900 гг. и даже в первые годы XX в. показывает, как существенно изменилась международная военная и политическая ситуация. В 1908 г. австро-венгерский империализм уже не мог бросить все свои силы против царской России, чего требовал от него по союзному договору германский генеральный штаб, а должен был выделить не менее трех корпусов и одной ландверной дивизии в качестве заслона на сербско-черногорскую и итальянскую границы.

В марте 1911 г. Конрад фон Гетцендорф оценивал сербскую армию как важный военный фактор, значение которого еще более возрастет, когда закончится формирование 8 сербских дивизий. «Быстро прогрессирующее развитие военных сил Сербии и Черногории» последовало «в результате исключительных жертв», принесенных для вооружения армии и постройки дорог при финансовой поддержке царской России, Франции и Италии. В результате, как признавался Конрад фон Гетцендорф, «мы вследствие возрастающего военного значения Сербии и Черногории приближаемся к кризису, так как не смеем настолько ослабить наши военные силы на главном театре войны, чтобы ставить на нем под вопрос решающий успех»[2]. Для того чтобы парализовать сербско-черногорский фактор, Конрад фон Гетцендорф советовал Эренталю улучшить всяческими средствами отношения с Болгарией и Турцией и в случае войны с Сербией и царской Россией организовать вторжение албанских банд в Сербию, чтобы связать ее военные силы[3].

Так расценивалась австрийским генеральным штабом международная военно-политическая ситуация в 1911 г. Создание Антантой, в частности царской Россией, в 1912 г. Балканского союза в составе Сербии, Черногории, Болгарии и Греции еще более изменяло положение, затрудняя австро-германскому блоку осуществление его варианта развязывания войны.

Балканский военный союз, согласно замыслам его организаторов, должен был действовать в первую очередь против Австро-Венгрии, и поворот его против Турции объясняется на наш взгляд лишь желанием балканских государств пограбить ослабленную в войне с Италией Турцию. В этом отношении правящие клики государств, входивших в первый Балканский союз, были более единодушны, чем в отношении нападения на Австро-Венгрию. Болгария и Греция, как показывает история войны 1914—1918 гг., отнюдь не были заинтересованы в нападении на Австро-Венгрию.

Объединение этих балканских государств с Сербией и Черногорией в военный союз, несмотря на разделявшие их противоре-

---

[1] *Conrad*, B. I, S. 585—586.
[2] OUAP, III, № 2487.
[3] Ibid., № 2487, 2495, 2539, 2567, 2568, 2571.

чия, следует скорее всего приписать тому, что правящие круги этих государств тайком сговорились между собой, что союз будет направлен фактически только против Турции, несмотря на то, что Антанта, в частности царская Россия, проектировала создание Балканского союза в первую очередь как инструмента войны против Тройственного союза с целью связать почти все военные силы Австро-Венгрии на южном балканском фронте. Если бы этот маневр удался, то Германии пришлось бы фактически воевать в одиночку против Антанты и распылить свои вооруженные силы на два фронта — против царской России и Франции с Англией. Основная идея плана Шлиффена — разбить Антанту по частям, используя медленность русской мобилизации, — оказалась под ударом, так как царская Россия могла, выделив сравнительно незначительный заслон против Австро-Венгрии, бросить все свои силы против Германии.

Значение образования Балканского военного союза было недооценено австро-германским блоком. Германская правящая клика, неустанно работавшая в течение нескольких лет над вооружением Турции и приведением ее в боеспособный вид, верила в победу Турции над балканским блоком.

Однако результаты первой балканской войны обманули надежды и ожидания австро-германского империализма. Военная мощь Турции была разгромлена, и на помощь турецкой армии как фактора, связывающего силы балканских государств, уже не приходилось рассчитывать. В правящих кругах Австро-Венгрии после неожиданного разгрома Турции в октябре-ноябре 1912 г. создались настроения, близкие к панике, так как правящая клика монархии Габсбургов отлично поняла тот факт, что после разгрома Турции военная мощь Балканского союза может быть направлена Антантой против Австро-Венгрии.

Если обстоятельства сложились бы именно так, то они грозили отвлечь на южный балканский фронт не менее половины австрийской армии, т. е. 8 корпусов, только лишь в качестве оборонительного заслона, чтобы сдержать натиск военных сил балканского блока [1]. А прямым следствием такой ситуации являлся тот факт, что проектируемый германским и австрийским генеральными штабами удар австрийской армии из Галиции в направлении Люблин — Ковель с целью парализовать нажим царских армий на Восточную Пруссию и германскую Польшу сводился почти к нулю. Царскому командованию потребовалось бы всего лишь 4—5 корпусов для заслона против Австрии.

Положение несколько улучшилось, когда Балканский союз распался, и участники его не без содействия Австро-Венгрии перессорились между собой. Вторая балканская война однако показала, что австро-германскому блоку уже не приходится рассчитывать на Румынию в качестве орудия войны против царской России.

---

[1] *Conrad*, B. II, S. 380 u. ff.

Таким образом международная военная и политическая ситуация на суше качественно изменилась.

В Берлине, где все еще продолжали говорить о «венских глупостях»[1] и удерживали правящую клику монархии Габсбургов от преждевременного выступления, в конце-концов были вынуждены признать огромное влияние «балканского фактора» на стратегическое положение в центре Европы.

В самом деле, в результате балканских войн военная мощь Турции и Болгарии была разгромлена, союзник австро-германского блока — Румыния заняла нейтральную и потенциально-враждебную последнему позицию. Греция была сомнительна, Сербия и Черногория сильно увеличились и окрепли, хотя для приведения их во вполне боеспособный вид требовалось несколько лет. Влияние царской России на Балканах существенно возросло. Хотя Балканский союз и распался, однако возможность его возобновления висела кошмаром над господствующими кликами Германии и Австрии[2].

С весны 1913 г. австро-германский блок по инициативе Австро-Венгрии приступает к активизации своей политики на Балканах.

Первое время эта активизация выражается в создании такой обстановки, при которой было бы невозможно образование нового Балканского союза, направленного против Тройственного союза. С этой целью Тройственный союз стремится «создать ясные отношения» с Румынией и примирить ее с Болгарией. Последнюю старались привлечь на свою сторону, давая ей деньги и усиленно вооружая, чтобы она была в состоянии померяться силами с Сербией. Для реконструкции боевой мощи Турции в Константинополь в 1913 г. была послана германская военная миссия во главе с генералом Лиман фон Сандерсом. Для противовеса сильно выросшей после балканских войн Сербии усилиями австро-германской дипломатии было создано «независимое государство» — Албания, на которую возлагалась задача — путем организации повстанческой войны отвлечь часть сербских, черногорских и даже греческих войск[3].

Но несмотря на все эти попытки или благодаря им, положение на Балканах продолжало оставаться напряженным. Сербия стала сильным противником, военные силы которого, по расчетам австрийского генерального штаба, требовали отвлечения на южный фронт не менее 6—8 австрийских корпусов из общего количества 16 корпусов и соответственного ослабления австрийской армии в Галиции. А между тем по общему военному плану Тройственного союза Австрия должна была выставить в Галиции для удара на царскую Россию не менее 40 дивизий, т. е. больше 13 корпусов,— и то при условии, что Италия и Румыния сохранят нейтралитет.

Относительно той роли, которая отводилась Румынии в военно-политических планах Австрии и Германии, наиболее ясное пред-

[1] „Grosse Politik", B. XXXIV, S. 824.
[2] *Conrad*, II, S. 311—350 u. ff.
[3] Ibid., S. 327—328.

ставление дает меморандум Конрада фон Гетцендорфа, составленный им после сараевского убийства 2 июля 1914 г. в ответ на запрос австрийского министра иностранных дел графа Берхтольда:

«В ответ на записку вашего превосходительства № 3065 от 1 июля 1914 г. имею честь изложить ниже мои соображения о последствиях, какие обнаружатся для Тройственного союза в целом и для Австро-венгерской монархии в частности в результате нейтралитета или возможно враждебной позиции Румынии. Эти четкие и прямые последствия выражаются в том, что в лучшем случае—при строгом нейтралитете Румынии — мы теряем 20 дивизий, т. е. около 400 000 бойцов, тогда как вступление Румынии в ряды врагов Тройственного союза означает потерю 40 дивизий, т. е. около 800 000 бойцов, не в нашу пользу. Такая передвижка в распределении сил, данные о которой изложены в приложении, никоим образом не позволит Тройственному союзу компенсировать эти потери нормальным развитием своих вооруженных сил, так как такое развитие происходит как раз в пользу противника — как во Франции и России, так и в Сербии и Румынии — в масштабе и темпах, следовать за которыми державы Тройственного союза совершенно не в состоянии. Количественное сравнение общих боевых сил, данное в приложении, станет еще более неблагоприятно для Тройственного союза, в силу того, что Италия в течение ряда лет будет иметь связанными в Ливии значительные контингенты войск, и следовательно полное и своевременное использование всех имеющихся в наличии военных сил королевства для первых решительных боев в военных действиях Тройственного союза наталкивается на большие затруднения, хотя все эти силы должны были быть предоставлены в безоговорочное распоряжение для общей цели. Но если отход Румынии весьма неблагоприятно влияет на военное положение Тройственного союза в целом, то еще более он неблагоприятен по отношению к Австро-венгерской монархии, что вполне ясно видно из очертания границ и положения Румынии по отношению к австро-русскому театру военных действий. До сих пор австро-венгерская армия в военных действиях Тройственного союза должна была вынести на себе главную тяжесть борьбы с Россией, чтобы обеспечить союзной германской армии быстрое достижение решительного успеха против Франции. Эта тяжелая задача наших главных сил могла быть выполнена с надеждой на успех постольку, поскольку можно было рассчитывать на помощь румынской армии, которая должна была действовать совместно с нашей и отвлечь на себя значительные русские силы. Точно так же создавшееся с 1908—1909 гг. военно-политическое положение, не дав разгрома Сербии и Черногории силой[1], привело — в чем нет сомнений — оба эти королевства в лагерь противников Тройственного союза. Это отнюдь не сузило главной задачи австро-венгерской армии по отноще-

[1] Аннексия Боснии и Герцеговины не вызвала выступления Сербии, на что рассчитывала австрийская военщина, и разгрома Сербии.

нию к России и никак не уменьшило намечаемых для решения этой главной задачи сил. Общее же положение вследствие отхода Румынии существенно изменилось.

Возможный сначала нейтралитет Румынии не только избавляет Россию от военных мер предосторожности на своей румынской границе и освобождает значительные русские силы, минимум 3 корпуса, для действий против Австро-Венгрии, но может также каждую минуту перерасти в открытую, выросшую на почве национальных стремлений, враждебность Румынии против монархии. Учесть последний случай и вытекающие из него следствия, а также незамедлительно принять соответствующие военные контрмеры — это безусловная и весьма серьезная обязанность австро-венгерского командования. Однако эти возможные следствия, вытекающие из враждебности Румынии, могут выразиться не только в моральном воздействии на проживающих в монархии румын, они не ограничиваются только опасностью военной оккупации — цели национальных стремлений — Зибенбюргена (Семиградья). Эти следствия могут итти гораздо дальше и поставить под угрозу успех на главном русском театре войны, если румынская армия, координированно действуя с сербскими военными силами, проникнет в центр монархии или, не будучи остановленной, достигнет таких районов, что сражающиеся против России австро-венгерские войска могут быть поставлены в крайне тяжелое положение раньше, чем они будут в состоянии добиться решающего успеха против России. Военные приготовления против такого проникновения румынских сил поэтому необходимы. Так как монархия по смыслу союзных обязательств должна — в будущем даже больше, чем теперь, — собрать все силы для решающего главного удара против России, настоятельно необходимо блокировать все ведущие из Румынии в монархию проезжие дороги постоянными укреплениями, преграждающими беспрепятственное вторжение в Зибенбюрген. Кроме того прирост австро-венгерской армии в результате нынешней ее реформы придется использовать для отражения румынского наступления вместо того, чтобы использовать его для главного удара против России. Таким образом при отпадении Румынии Австро-венгерская монархия не в состоянии компенсировать увеличение военных сил, выигрываемое Россией не только благодаря новому военному закону[1], но и в силу того, что у России освобождаются предназначавшиеся до сих пор для действий против Румынии военные силы»[2].

Фактором, внушавшим наибольшую тревогу австро-германским империалистам, являлся рост боевой мощи царской России. Правда, в 1911—1912 гг. маршал Фош и генерал Вильсон оценивали помощь царской России — в смысле отвлечения германской армии с французского фронта — всего в 5—6 корпусов. Но принятая царской Россией в 1913 г. большая военная программа увеличивала чис-

---

1. Закон 1913 г.
2. OUAP, VIII, № 9995.

ленность русской армии на 3 корпуса, сильно повышая ее техническую вооруженность, и так как Австро-Венгрия не могла угнаться в гонке вооружений за царской Россией, а позиция Румынии с каждым годом становилась все более сомнительной, то перспективы австро-германского союза явно ухудшались: парировать увеличение боеспособности царской армии и вытекавший из этого более энергичный напор ее на Восточную Пруссию или германскую Польшу можно было лишь путем переброски на восточный фронт части сил, предназначавшихся раньше для действий против Франции. А это сильно подрывало шансы добиться разгрома Франции коротким и решительным ударом.

Наконец был еще один, притом немаловажный фактор, из которого германский генеральный штаб делал вывод о необходимости ускорить развязывание войны, а именно: с каждым годом все усиливались тенденции разложения и распада Австро-Венгрии. В весьма доверительном меморандуме от 18 мая 1914 г., одобренном начальником германского генерального штаба фон Мольтке и переданном им Бетман-Гольвегу для «сведения» и ознакомления, первый генерал-квартирмейстер германского генерального штаба граф Вальдерзее писал:

«Кто может отрицать, что в монархии Габсбургов уже сейчас во многих отношениях желаемое не совпадает с возможным?

Может ли положение исправиться к лучшему в близком будущем? Повидимому нет. Личность предполагаемого преемника Франца-Иосифа не дает относительно этого гарантии. Армия еще держится, но подрывная работа распадающихся национальностей идет угрожающим темпом. Венгрия глупо упряма, в стране недостаток в деньгах, реконструкция армии по сравнению с противниками не клеится, разница с каждым годом становится все больше и больше... Ныне еще 40 австрийских дивизий должны двинуться против царской России. Сможет ли дальновидный генерал Конрад повести их еще через год в Польшу?» [1]

Таким образом рост военной мощи царской России, появление балканского фактора в оперативно-стратегических планах Антанты и усиливавшиеся с каждым годом тенденции Австро-Венгрии к распадению [2] поставили с 1912—1913 гг. перед германским империализмом задачу форсирования войны в кратчайший срок, даже жертвуя все большим и большим улучшением ситуации на море в пользу Германии.

---

[1] *Waldersee*, „Ueber die Beziehungen des deutschen zum oesterreichisch-ungarischen Generalstabe vor dem Weltkrieg" в KF, 1930, Februar, S. 132—133.

[2] Наиболее дальновидные политические деятели Австро-Венгрии, ощущавшие агонизирование монархии Габсбургов, пытались поставить предел распадению монархии и одновременно ослабить угрозу балканского фактора для австро-германского блока в стратегическом отношении. Об этом свидетельствует выдвинутый венгерским премьер-министром графом Тиссой в марте 1914 г. проект обуздания Сербии, т. е. прекращения ее иррендентской работы, разрушавшей монархию Габсбургов, и сколачивания на Балканах германофильского блока, для того чтобы парализовать удар Сербии, или антантофильского балканского блока с юга по Австрии, удар, который проектировался с 1912 г. планами Антанты.

Вопрос о выборе наиболее выгодного варианта развязывания войны неизменно рассматривался оперативно-стратегическими планами Тройственного союза на основе плана Шлиффена. В связи с планом Шлиффена наиболее выгодным вариантом войны считался в кругах австро-германских империалистов тот, который бы позволил Германии в кратчайший срок разгромить Францию. На этой идее, как мы знаем, был построен весь план Шлиффена. Поэтому для Германии был наиболее выгоден вариант развязывания войны, который с самого начала военного конфликта ставил Германию лицом к лицу с Францией и обеспечивал начало войны с крупных операций на западном фронте.

Начало войны с конфликта на востоке — с царской Россией — было менее выгодно для Германии, поскольку этот вариант развязывания войны давал царской России шансы при помощи дипломатических переговоров выиграть время для своей мобилизации.

Еще менее выгодным был для германского империализма вариант, предусматривавший начало войны на Балканах в форме австро-сербского конфликта. Этот вариант развязывания войны был связан с мобилизацией Сербии и следовательно со связыванием солидной части австрийской армии на ее южном фронте, что имело конечно результатом ослабление австрийского удара в Галиции по направлению Люблин — Ковель.

И тем не менее в июле 1914 г. германский империализм согласился на балканский вариант развязывания войны по следующим соображениям.

1. Надо было воевать возможно скорее. Каждый новый год отсрочки затруднял австро-германскому блоку задачу сохранения инициативы нападения на решающем и главном театре, на суше. К тому же в 1914 г., хотя Тирпиц требовал еще один или два года отсрочки, с точки зрения ситуации на море соотношение флотов противников все же казалось таким, что можно было начинать войну на море с некоторыми шансами на успех.

2. Иного предлога развязать войну без того, чтобы слишком явно выявить себя нападающей стороной, не было. Наоборот, сараевское убийство давало повод надеяться, что игра на чувствах русских монархистов и на впечатлении от сараевского убийства в кругах европейской буржуазии затруднит противникам мобилизацию широких народных масс для войны «в защиту Сербии».

3. Третьей и пожалуй наиболее важной причиной можно считать созревшее в правящих кругах Берлина убеждение, что Австрия ввяжется в войну только тогда, когда в споре будут затронуты самые кровные интересы австро-венгерского империализма. Опыт европейских кризисов эпохи 1904—1914 гг. показал германской правящей клике полное равнодушие австро-венгерского империализма к развязыванию войны из-за Марокко. С другой стороны, правящую клику монархии Габсбургов даже приходилось известным образом сдерживать, чтобы она не вызвала преждевременно с точки зрения германских интересов мирового

пожара своей политикой на Балканах. Германской правящей клике стало ясно, что союзные обязательства Австрия выполнит добросовестно только тогда, когда ей будет позволено свести счеты с Сербией. По мнению Гитлера, если бы мировая война началась не на Балканах с австро-сербского конфликта, то германскому империализму возможно пришлось бы вести ее в одиночку. Позиция Австрии в марокканских кризисах подтверждает это.

Поэтому в июле 1914 г. германский империализм согласился на развязывание мировой войны с австро-сербского конфликта, т. е. на начало войны на Балканах, выдвинув при этом проект «локализации» австро-сербского конфликта, невмешательства в него других держав. Если бы Антанта приняла этот проект или же в силу различных причин запоздала с выступлением и Австрия получила бы возможность расправиться с Сербией в одиночку, то результатом этого были бы потеря царской Россией и Антантой своих империалистических позиций на Балканах, разгром Сербии как орудия удара по Австрии в тыл с юга и включение Балкан в сферу влияния австро-германского империализма. А после устранения балканского, в частности сербского, фактора из оперативно-стратегических планов Антанты австро-германскому блоку значительно облегчался выигрыш войны.

Этими соображениями повидимому следует объяснить все попытки Германии в июльские дни 1914 г. «заговорить зубы» Антанте, в частности Англии, своим проектом «локализации» австро-сербского конфликта. В самом деле, если бы это удалось и австрийцы получили бы возможность расправиться в одиночку с Сербией, то Австрия могла бы направить согласно плану Шлиффена все свои силы против царской России. Мало того, «предательство» Антантой, в частности царской Россией, по отношению к Сербии явилось бы таким событием, в результате которого Румыния, Болгария, Греция, Турция фактически становились союзниками, вернее, вассалами, австро-германского блока и даже могли быть использованы последним для войны с Антантой. Это настолько меняло соотношение сил обеих враждующих группировок, что все усилия австро-германской дипломатии в период июльского кризиса 1914 г. сосредоточивались именно вокруг задачи «локализации» австро-сербского конфликта.

Июльский кризис 1914 г., вызванный после сараевского убийства Германией и Австрией, был одновременно и вызовом Антанте и «пробой сил». Австрийский и германский империализм «щупал» противника: выступит ли Антанта как сплоченный блок, или Тройственному союзу удастся разбить ее по частям и *изолировать Англию*. Но и в том и в другом случае в Берлине и Вене форсировали развязку, считая австро-германский блок пока достаточно сильным для того, чтобы справиться с противниками на суше. *Поэтому в период июльского кризиса 1914 г. германские и австрийские империалисты приложили все усилия к тому, чтобы кризис закончился войной.*

Глава третья

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ АНТАНТОЙ

Основной заботой Антанты и Тройственного союза было вступить в войну в такой обстановке, которая облегчала бы им проведение своих оперативно-стратегических планов с наибольшей выгодой. Эти планы, разработанные задолго до начала войны, являются, с одной стороны, своеобразными военными инструкциями для выполнения тех целей и задач, которые преследуют воюющие государства, вступая в войну, с другой стороны, они стремятся обеспечить воюющему такую обстановку, такой вариант вступления его в войну, который дал бы ему максимум преимуществ.

Оперативно-стратегические планы Антанты и Тройственного союза сложились путем увязки и координации оперативно-стратегических планов отдельных участников каждой из группировок. Но оперативно-стратегический план Тройственного союза, в основе которого лежит известный план Шлиффена, был окончательно принят еще в 1905 г. В то же время оперативно-стратегические планы войны, разработанные порознь в Англии, Франции, России и Сербии, слились в единый оперативный план Антанты только в ноябре 1912 г., т. е. в последние годы перед войной. Это обстоятельство наложило известный отпечаток на механизм развязывания войны обеих коалиций.

При изучении механизма развязывания войны мы встречаемся с большим затруднением, именно с отсутствием документов, касающихся подготовки войны в организационном отношении внутри каждой из враждующих группировок. Эти документы до сих пор еще не опубликованы империалистическими державами, стремящимися скрыть захватнический характер войны, и только советские публикации дипломатических документов царизма позволили проникнуть, и притом лишь в отношении Антанты, в самую суть той тайны, в которой организовывалась и рождалась война 1914—1918 гг. Поэтому нам пришлось восстанавливать картину организации военно-дипломатического механизма по развязыванию

войны по отдельным штрихам и звеньям, разбросанным в море дипломатических документов и мемуарной литературы предвоенной эпохи. Хотя эта картина естественно является неполной, так как не все еще моменты июльского кризиса могут быть обоснованы документально, но и имеющийся документальный и мемуарный материал свидетельствует о том, что в событиях июльских дней 1914 г. не было ничего случайного.

Изучая генезис и отдельные звенья военно-дипломатического механизма противников Германии, мы хотим еще раз подчеркнуть, что настоящий раздел нашей работы ни в какой мере не ставит своей задачей изложить всю подготовку Тройственного согласия к войне или тем более международно-политические события периода 1901—1914 гг. Наша задача гораздо уже: мы хотим показать, как в эти годы был создан и развивался, уточняясь и совершенствуясь, тот военно-дипломатический механизм, который известен под именем Антанты.

Работа по подготовке этого военно-дипломатического механизма по развязыванию войны начинается с 1904 г., момента заключения англо-французского соглашения. Инициатором создания Антанты выступила Англия, видевшая в Германии своего непримиримого противника. *И хотя английские интересы сталкивались с германскими особенно остро в колониях и на море, наиболее выгодным для Англии направлением главного удара, который должна была нанести антигерманская коалиция, являлась германская армия, а не флот.*

Основной источник германского могущества и боеспособности лежал *на суше, а не на море.* Поражение Германии на море, временно возвращая ее в положение чисто континентальной державы, не решало исхода борьбы за мировую гегемонию. Следствием морского поражения Германии было бы ускорение континентальной войны, так как с разгромом германского флота у Германии пропадала цель, ради которой она оттягивала чисто континентальную войну, а в этом случае результатом был бы разгром антигерманской коалиции, которая еще не успела подготовиться для борьбы. Даже при полном разгроме германского флота военное торжество Англии оказалось бы весьма эфемерным, так как победа Германии на континенте, вовлекая Россию и Францию, не говоря уже о мелких государствах, в орбиту германского влияния, имела бы конечной целью создание антианглийской коалиции во главе с Германией и передел мира за счет Англии. «Кошмар континентальных коалиций» висел над Англией не в меньшей степени, чем над Германией [1].

---

[1] Следует учесть еще одно обстоятельство. В конкретных условиях Северного моря, когда морским противником являлась Германия — *континентальная страна* — возможность *полного* уничтожения германского флота была более или менее теоретической. Одна блокада с моря, при отсутствии *главного удара с суши,* не была бы достаточна, чтобы поставить Германию на колени. Крупный десант на германскую территорию был бы авантюрой. Одна Англия была не в состоянии сокрушить такого сильного соперника, как Германия.

Задача разгрома Германии именно на суше и объясняет нам, почему из двух вариантов английского оперативно-стратегического плана войны — сухопутного и морского, боровшихся между собой в течение 1901—1911 гг., — одержал верх сухопутный.

Морской вариант защищало адмиралтейство в лице своего первого морского лорда адмирала Фишера, предлагавшего внезапным нападением без объявления войны пустить ко дну германский военный флот. Выдвигая этот вариант, морские круги полагали, что с разгромом Германии на море Англия снова станет полным хозяином океана и сможет парализовать притязания Германии на мировую гегемонию.

Сухопутный вариант, ставивший своей целью разгром Германии на суше, был выдвинут английским генеральным штабом (Вильсон — Китченер). Этот вариант и стал военно-стратегическим планом войны с Германией, так как поражение германской армии давало возможность победителям связать и обессилить Германию любыми условиями мира, что, как мы знаем, и было сделано Версальским договором.

Итак, направление удара было ясно. Оставалось выбрать только момент его нанесения. Последний конечно определялся готовностью — военной и политической — тех сил, которые могли бы вступить в борьбу с Тройственным союзом. Но вот тут-то, в смысле наличия таких сил, Англия находилась в весьма невыгодном положении. Потребовалась длительная грандиозная работа для создания противогерманской *сухопутной* коалиции, согласования интересов всех ее участников, подготовки военно-политического аппарата и создания наиболее выгодной политической и стратегической обстановки для развязывания войны.

Проследим различные периоды этой подготовки и создания антигерманского блока.

Мы уже говорили, что опорой континентальной гегемонии Германии, с одной стороны, являлось ее военное превосходство, а с другой — система Тройственного союза, оказывавшего огромное влияние на всю Европу, в том числе и на тех, кто формально и не состоял в союзе. Такие страны, как Греция, Болгария, Турция, не состоя членами Тройственного союза, в начале XX в. либо тяготели к нему и находились в орбите его влияния, связывая с ним в той или иной степени свои интересы и стремления, либо были нейтральными. Так мстило за себя положение «блестящей изоляции», поддерживаемое Англией в течение полустолетия и исключительно неблагоприятно сказавшееся в начале XX в., когда выяснилась неизбежность войны *с таким противником, которого для полной победы и сокрушения следовало разбить именно на суше.* Англии приходилось искать «друзей». Естественно, что эти поиски направились в сторону франко-русского союза, созданного в начале 90-х годов прошлого столетия в противовес Тройственному союзу. Этот франко-русский союз явился одним из краеугольных камней будущей Антанты.

Основой франко-русского союза была военная конвенция, заключенная в 1891—1892 гг. Оперативно-стратегический план войны, разработанный на основе этой конвенции, предусматривал возможность быстрого и согласованного выступления против нападения Германии, чтобы последняя не могла разбить союзников в одиночку, использовав свое центральное положение и краткость мобилизационных сроков. В общих чертах этот план сводился к следующему:

«В случае мобилизации сил Тройственного союза или одной из входящих в его состав держав Франция и Россия, при первом известии об этом событии и без предварительного об этом соглашения, немедленно и одновременно мобилизуют все свои силы и сосредоточат их по возможности ближе к границам. Силы, которые должны быть выставлены против Германии, составляют со стороны Франции 1 млн. 300 тыс. чел., а со стороны России— от 700 до 800 тыс. чел. Силы эти будут введены в действие полностью и возможно скорее, чтобы Германия была принуждена одновременно бороться на востоке и на западе...»[1].

Конвенция предусматривала, с одной стороны, выступление царской России на помощь Франции в случае нападения на последнюю Германии или Италии, поддержанной Германией, с другой стороны — выступление Франции на помощь царской России, если последняя будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией. Кроме того конвенция предусматривала совместные совещания французского и царского генеральных штабов, чтобы «подготовить и облегчить выполнение указанных выше мер».

В разговоре с Александром III начальник французского генерального штаба генерал Буадефр, подписавший конвенцию, подчеркнул, что «мобилизация равносильна объявлению войны, что мобилизоваться — это значит заставить своего соседа сделать то же самое, что мобилизация влечет за собой выполнение стратегических перевозок и концентрации. Позволить мобилизовать миллион человек на своей границе, не сделав одновременно того же самого, это означало бы запретить самому себе сдвинуться впоследствии с места и поставить себя в положение человека, который, имея пистолет в своем кармане, позволил бы соседу приставить оружие к своему лбу». — «Так же понимаю это и я», — ответил Александр III[2].

Франко-русский союз в первые годы своего существования имел сугубо секретный характер. На необходимости соблюдения тайны особенно настаивал Александр III, указавший Буадефру, что «если наше соглашение огласится, я не буду считать его действительным».

Буадефр обещал в точности передать эти слова в Париже[3]. И действительно, тайна была сохранена в такой степени, что

[1] *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне в международном отношении, Гвиз, 1926, стр. 344 (в дальнейшем —*Зайончковский*, т. I).
[2] „Livre jaune", L'Alliance franco-russe, P. 1918, № 81; ср. также № 42.
[3] *Зайончковский*, т. I, стр. 76.

Николай II, только вступив на престол, впервые узнал о существовании франко-русской военной конвенции. Во Франции же о ней знали, кроме военного министра и начальника генерального штаба, только президент республики, премьер-министр и министр иностранных дел. Весь совет министров в целом и парламент были оставлены в неизвестности относительно заключения союза. Впервые официально о существовании соглашения стало известно лишь в 1897 г. во время приезда президента Фора в Петербург, когда соглашение было заменено официальным союзом[1]. Но несмотря на строгое соблюдение тайны, содержание этого соглашения, правда, в общих чертах, стало известно германской правящей клике даже в первые годы после его заключения. Об этом можно судить по тому, что стратегические планы Тройственного союза того времени были рассчитаны как раз на то, чтобы разбить противников по одиночке, до того, как они успеют мобилизоваться.

Согласно военной конвенции одновременная мобилизация Франции и царской России осуществлялась лишь в случае соответствующей мобилизации Германии или всего Тройственного союза. Но в 1900 г. на совещании начальников царского и французского генеральных штабов был аннулирован тот пункт первоначального соглашения, который предусматривал одновременную и без всякого предварительного соглашения мобилизацию Франции и царской России в случае мобилизации одной только Австрии и Италии. В случае австрийской или итальянской мобилизации французскому и царскому генеральным штабам только надлежало вступить в предварительные переговоры о необходимости мобилизации. Это ограничение первоначального соглашения было произведено по настоянию французов в ущерб царской России, главным врагом которой в те же годы считалась, кроме Англии, Австрия, а конфликт с Германией рассматривался как дополнительная и обременительная нагрузка к конфликту с Австрией. При этом согласно конвенции непременным условием одновременной франко-русской мобилизации в случае конфликта с Германией было выступление Германии в качестве нападающей стороны.

Следует добавить, что франко-русский союзный договор вначале предусматривал возможность совместного выступления Франции и царской России не только против Германии, но и против Англии. В 1900 г. на совещании начальников русского и французского генеральных штабов, по настоянию последнего[2], в конвенцию были включены взаимные обязательства на случай войны царской России или Франции с Англией. В случае нападения Англии на Францию царская Россия должна была сосредоточить 300—350 тыс. войск на афганской границе и наступать на Индию; в случае объявления Англией войны России

---

[1] *Зайончковский*, т. I, стр. 79.

[2] Очевидно в связи с обострением англо французских отношений на почве фашодского инцидента.

Франция должна была сосредоточить 100—150-тысячную армию у Ламанша и угрожать Англии десантом. Эти обязательства были аннулированы однако после разгрома царской армии в Манчжурии и после заключения англо-французского соглашения 1904 г. В 1906 г. (3 мая нового стиля) царский посол в Париже Нелидов, запрашивавший французского министра иностранных дел Буржуа о позиции Франции в случае столкновения Англии с царской Россией, получил ответ, что французское правительство не видит оснований для обсуждения вопроса о военной подготовке, которая «отнюдь не оправдывалась бы обстоятельствами». Нелидов мог лишь констатировать факт изменения характера франко-русского союза:

«Доселе нас связывала общность интересов по отношению не только к Германии, но и к Англии, с которой Франция, быть может, еще более России опасалась возможности столкновения. Теперь положение стало иное: возможность борьбы с Англией отстранена для Франции, но не для нас, хотя мы ее вовсе не желаем, а напротив того, хотели бы по возможности отдалить причины, могущие ее вызвать»[1].

После создания англо-французской Антанты 1904 г. и разгрома царской России в Манчжурии франко-русский союз по инициативе французского империализма превратился в союз, направленный лишь против австро-германского блока.

При выработке согласованного оперативно-стратегического плана Франции и царской России на случай войны с Тройственным союзом или даже с одной только Германией французский генеральный штаб исходил из предположения о трех вариантах действий Германии.

По первому варианту Германия в самом начале войны направляет главный удар против Франции и для этого сосредоточивает 18 действующих корпусов (из 23) и 15 резервных дивизий на 12-й день мобилизации у французской восточной границы. В то же время Италия сосредоточивает 2—4 корпуса у юго-восточной французской границы. Для сдерживания царской России оставляется 5 германских корпусов и несколько резервных дивизий.

По второму варианту война должна была начаться наступлением австро-германских сил на царскую Россию, для чего, по расчетам русского генерального штаба, немцы сосредоточивают 14 германских корпусов в Восточной Пруссии и 2 — в Силезии, а австрийцы почти все свои силы (14 корпусов) — для удара в направлении Люблин — Ковель. Для отражения французов остается заслон из 7 германских корпусов вдоль западной границы Германии.

По третьему варианту предполагалось сохранение либо первого, либо второго основного варианта, но учитывалась возможность массовых перебросок германских войск по железным дорогам, с запада на восток и обратно, для того чтобы действовать

[1] *Зайончковский*, т I, стр. 348

по внутренним операционным линиям против Франции и царской России.

В случае применения первого и третьего вариантов французский генеральный штаб опасался больше всего, что германцы ограничатся лишь тонким заслоном в 2—4 корпуса на востоке с целью обрушиться всеми силами на Францию и лишь после решительной битвы с французской армией начнут переброску войск на восточный фронт. Французы требовали, чтобы царская Россия удерживала на своем фронте с самого начала кампании не менее 5—6 корпусов, обещая в случае выбора Германией главного удара на восток против царской России начать решительное наступление против Германии, не отвлекая своих сил на итальянский фронт. Таким образом еще до принятия германским генеральным штабом плана Шлиффена[1] французский генеральный штаб предусматривал выбор Германией главного удара против Франции. По расчетам французского генерального штаба, решительное сражение на границе должно было произойти на 15—18-й день после начала мобилизации. В течение этого же времени Австрия, по имевшимся в царском генеральном штабе сведениям, должна была парализовать наступление царских войск на Восточную Пруссию до тех пор, пока германские войска будут добиваться решительной победы на французском фронте. Эту задачу австро-венгерская армия предполагала выполнить коротким и решительным ударом в направлении Люблин — Ковель, для чего австрийцы сосредоточивали 8 корпусов в Западной Галиции и 1 — у Кракова, оставляя заслон из 5 корпусов в Восточной Галиции для защиты от флангового удара царских войск. Общая продолжительность сосредоточения царских войск в этот период составляла по мобилизационному расписанию 32 дня, в то время как Германия заканчивала мобилизацию и сосредоточение своих армий на 12-й день, а Австрия — на 16-й. Это давало Тройственному союзу выигрыш во времени над царской Россией от 20 до 16 дней.

Задержка мобилизации царской армии крайне тревожила французский генеральный штаб. На совещании начальников французского и царского генеральных штабов, состоявшемся в Петербурге в 1901 г., генерал Пендзек потребовал ускорения мобилизации царской армии, с тем чтобы она могла перейти границу на 14-й день и закончить сосредоточение на 10-й день, раньше, чем предполагалось мобилизационным расписанием. В ответ на заявление царского генерального штаба, что осуществление этих мер потребует сильнейшего развития железнодорожной сети царской России и следовательно денежных средств, генерал Пендзек заявил, что ускорение перехода царской армии в наступление настолько важно для Франции, что французский министр иностранных дел готов обсудить вместе с русским коллегой условия финансовой комбинации для постройки со-

---

[1] План Шлиффена был принят германским генеральным штабом к исполнению в 1905 г., хотя предварительные наметки его относятся к концу XIX в.

ответствующих стратегических железных дорог[1]. Как видно, французы хорошо понимали необходимость жертв, для того чтобы привести союзника в максимально боеспособное положение. Эти жертвы не пропали напрасно. Строительство стратегических железных дорог на целевой заем, полученный от французов, развивалось хотя и недостаточными темпами, но в общем довольно успешно.

Отметим еще один любопытный штрих. В кругах царской военщины уже в 1902—1903 гг. зреет мысль о необходимости какими-либо средствами парализовать удар австрийской армии по направлению Люблин — Ковель, во фланг и тыл царским армиям, прорывающимся в Восточную Пруссию, «к Берлину». В связи с этим наиболее влиятельные стратеги начала николаевской эпохи, например генерал Куропаткин, стали выдвигать мысль об использовании Сербии. 25 декабря 1903 г. Куропаткин, бывший тогда военным министром, записывал в свой дневник впечатления, собранные графом Ламздорфом от поездки по Европе:

«Ныне не стоит связываться с Сербией каким-либо военным соглашением: выдадут австрийцам»[2].

Много забот причинял французскому генеральному штабу вопрос о позиции Италии.

В оперативно-стратегическом плане Тройственного союза задача итальянской армии по отношению к Франции была аналогичной задаче австрийской армии по отношению к царской России. Именно, в случае войны между Тройственным и франко-русским союзом, пока германская армия осуществляла фронтовой удар по французской армии, Италия должна была сосредоточить от 3 до 4 корпусов вдоль франко-итальянской границы и, нанося удар с фланга, вторгнуться в южную Францию, чтобы таким образом отвлечь часть французских сил от главного германского театра войны, нарушить тыловые сообщения и снабжение главных сил французской армии, а также помешать подвозу французских колониальных войск из Африки. Возможность флангового удара итальянской армии весьма тревожила французских империалистов, и французская дипломатия уже давно принимала меры к тому, чтобы оторвать Италию от Тройственного союза. С Италией, раздраженной отказом своих союзников, Германии и Австрии, содействовать ее колониальным захватам в Африке (Триполи), французское правительство уже с 1896 г. начинает переговоры весьма секретного и деликатного характера. После признания Францией итальянских притязаний на Триполи[3] эти переговоры закончились 1 ноября 1902 г. соглашением[4], в котором содержались следующие обязательства:

---

[1] *Зайончковский*, Подготовка России к мировой войне. Планы войны. Гвиз, 1926, стр. 173 (в дальнейшем — *Зайончковский*, т. II).

[2] „Красный архив", II, стр. 16.

[3] Обмен нотами между Висконти-Веноста и Баррером в декабре 1900 г.

[4] Обмен нотами между Приннети и Баррером. В действительности обмен декларациями состоялся 10 июня 1902 г., — см. DDF, II série, II, № 329.

«В случае если Франция или Италия станут объектом прямого или косвенного нападения со стороны одной или нескольких держав, Италия (соответственно: Франция) сохранит строгий нейтралитет. То же будет иметь место, если Франция (Италия) в результате прямой угрозы найдет себя вынужденной для защиты своей чести или безопасности взять инициативу объявления войны. В этом случае правительство республики (соответственно: королевское итальянское правительство) должно предварительно сообщить о своем намерении королевскому итальянскому правительству (соответственно: правительству французской республики), которое таким путем получит возможность определить, действительно ли здесь имел случай прямой угрозы»[1].

Даже авторы казенного «Отчета» о непричастности Франции к возникновению мировой войны — Буржуа и Паже — находят, что эти обязательства Италии «трудно примиримы» с ее более ранними обязательствами по отношению к Тройственному союзу[2]. Правда, согласно статье 2-й договора о Тройственном союзе, Италия была обязана выступить на помощь Германии только тогда, когда Германия будет атакована Францией «без прямой угрозы» со своей стороны. Но термин «прямая угроза» может быть истолкован в какую угодно сторону, и пока Италия оставалась в Тройственном союзе, Германия и Австро-Венгрия могли рассчитывать, что вопрос об угрозе будет толковаться Италией в благоприятном для Тройственного союза смысле. Однако теперь итальянский министр иностранных дел Приннети обещал французскому послу Барреру считать «прямой угрозой» со стороны Германии по отношению к Франции и следовательно поводом, оправдывающим объявление войны Францией Германии, фактически любой инцидент, который французское правительство сочтет вызовом.

Заключая подобное секретное соглашение с Францией, Италия порывала с Тройственным союзом. Это обстоятельство значительно изменяло соотношение сил в пользу франко-русского союза, создавая для Франции обеспеченный тыл на случай войны с Германией, и притом в минуты решительного боя в первые дни войны, что ставило под угрозу военно-стратегические планы Тройственного союза. В результате этого договора «перестраховки» Италия фактически стала пассивным участником обеих империалистических группировок, передавая ценную информацию о положении дел в Тройственном союзе французам[3].

Какое значение придавало французское правительство этому соглашению с Италией, видно из следующего заявления Пуан-

---

[1] BDF, II série, II, № 329.

[2] *Bourgeois et Pagès*, Les Origines et les responsabilités de la Grande Guerre, P. 1922, p. 301, remarque 1.

[3] Тайный переход Италии из Тройственного союза на сторону Антанты был обусловлен обострением противоречий между Италией и Австро-Венгрией и ростом экономических связей между Италией и Англией.

каре, которое он сделал 22 ноября (5 декабря) 1912 г. царскому послу во Франции Извольскому:

«Цена этого соглашения для Франции заключается не в тех или иных его выражениях, а в том, что со времени его заключения Италия фактически прекратила всякие оборонительные и наступательные приготовления на французской границе и сосредоточила эти приготовления на границе австрийской. «Нет сомнения,—сказал мне господин Пуанкаре, — что в решительную минуту Италия всегда найдет возможность придать соглашению желательное для нее толкование; это мы и видим в настоящую минуту; но, повторяю, практическим его результатом явилась для Франции возможность ослабить свое военное положение на итальянской границе (где прекращены со стороны Италии возведение укреплений и сооружение стратегических железных дорог) и направить все свои усилия и мероприятия против Германии»[1].

В другом письме Извольский писал царскому министру иностранных дел Сазонову, что во французских правительственных кругах «думают, что на лойяльность Италии не может рассчитывать ни Тройственное согласие, ни Тройственный союз, что итальянское правительство... в случае войны начнет с того, что займет выжидательное положение и затем примкнет к той стороне, на которой окажется победа. Впрочем, по мнению военных, в начале кампании при нынешнем отсутствии военной готовности Италии на французской границе судьба войны решится прежде, нежели Италия успеет сосредоточить серьезные силы против Франции. Поэтому с чисто военной точки зрения французское правительство не придает первостепенного значения положению, которое займет Италия при начале военных событий»[2].

Но как бы то ни было, уже с 1902 г. план кампании, выработанный Францией, был определен ее соглашением с Италией.

«Вы знаете, — сообщал 8/21 ноября 1912 г. Извольский Сазонову, — что с 1902 г. Франция значительно ослабила состав своих военных сил на итальянской границе; если не ошибаюсь, разница исчисляется в целых 2 корпуса. Если окажется, что Франция не может рассчитывать на нейтралитет Италии, — это изменит весь план кампании, основанной именно на этом нейтралитете. Вопрос этот настолько важен, что, как мне известно, Пуанкаре созвал сегодня утром экстренный совет министров для его рассмотрения»[3].

Нам остается добавить, что это соглашение Италии с Францией держалось конечно в строжайшем секрете. Царское правительство узнало о нем от Пуанкаре, который сообщил о нем Извольскому только в 1912 г., и то в обмен на другой секрет, а именно о русско-итальянском соглашении в Ракониджи (в 1909 г.).

---

[1] „Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.," М. 1922 г. (в дальнейшем „Материалы"), стр. 306.
[2] „Материалы", стр. 309.
[3] Там же, стр. 303.

Широкие же слои «общества» были поражены, когда впервые открыто было сообщено об этом соглашении в 1918 г. при довольно помпезной обстановке: именно после заключения перемирия в 1918 г., положившего конец мировой войне, итальянский король Виктор-Эммануил прибыл в Париж и на торжественном обеде в его честь Пуанкаре поднял тост «за нашего дорогого и многолетнего союзника». Тост вызвал исключительную сенсацию в прессе всего мира. Но знали ли об этих соглашениях германские правительственные круги? Как видно из германских дипломатических документов, о существовании этого соглашения в Германии догадывались, но не были твердо убеждены в том, что оно существует [1].

*

Первый период подготовки Англии и Германии к военной борьбе характеризуется подавляющим политическим и военным преобладанием Тройственного союза над франко-русским. Сам франко-русский союз, созданный в противовес Тройственному союзу, еще не обращен исключительно против Германии и не является военным аппаратом английского империализма. Главный противник Германии — Англия находится в положении «блестящей изоляции». Однако военно-политическая и стратегическая обстановка для франко-русского союза значительно улучшается в начале XX в. благодаря тайному отпадению Италии от Тройственного союза. Военный аппарат франко-русского союза и его стратегические планы уточнены и координированы на ряде ежегодных совещаний начальников французского и русского генеральных штабов.

Последнее такое совещание имело место в 1901 г., после чего они на время были прерваны, так как русский царизм ушел с головой в манчжурскую авантюру. Эти совещания возобновились лишь в 1906 г., т. е. через 2 года после того, когда в 1904 г. между Францией и Англией было заключено известное соглашение, называемое Антантой — «сердечное согласие» (Entente cordiale). Эти совещания неминуемо должны были возобновиться в силу изменения военно-политической обстановки, созданного договором об Антанте. Одним из первых следствий этого соглашения было то, что франко-русский союз приобрел, как указывал царский посол во Франции Нелидов, новое качество: он потерял антианглийское острие. В силу объективного развития международно-политических событий франко-русский союз стал с 1906 г. исключительно антигерманским.

Что являлось содержанием англо-французского соглашения 1904 г.? Основной текст соглашения предусматривал обязательство обеих сторон находиться в дружбе, разрешать спорные вопросы путем переговоров и советоваться друг с другом относительно затрагивающих обе страны возможных событий. Это было все. К основному договору был приложен еще ряд допол-

[1] «Grosse Politik», B. XXI, S. 353.

нительных конвенций о разграничении ряда спорных колониальных вопросов, где интересы Англии и Франции сталкивались. Таковы были соглашения о Сиаме, о Ньюфаундленде и рыбной ловле около его берегов, о Марокко и т. д., причем, как мы знаем, Англия охотно уступала Франции Марокко, где все более и более росли германские интересы.

Однако это, на первый взгляд миролюбивое, соглашение на самом деле было задумано и организовано как инструмент подготовки войны с Германией. Именно так и оценивали англо-французскую Антанту в политических верхах английского империализма.

«Соглашение было встречено одобрительно в консервативных кругах Англии, среди которых мысль о германской угрозе пустила прочные корни. Его приветствовали и либеральные государственные деятели как шаг к обеспечению всеобщего мира путем устранения недоразумений и разногласий с таким традиционным врагом»[1].

Эти слова Черчилля нуждаются в некотором уточнении. Консерваторы, стоявшие тогда у власти и заключившие соглашение с Францией, прекрасно знали, чего они хотят от этого соглашения, и, надо сказать, они даже, как мы увидим это ниже, ничуть не скрывали агрессивного содержания, вкладываемого ими в соглашение об Антанте. Что же касается либералов, бывших тогда в оппозиции, то каждое крыло либеральной партии понимало соглашение по-своему. Если большинство партий, радикальное крыло, по словам Черчилля, «близоруко приветствовало» соглашение как некий мирный акт, не понимая основной его цели, то *руководители* либеральной партии прекрасно отдавали себе отчет, в чем заключается смысл соглашения об Антанте. В этих кругах соглашение в первое время вызвало даже возражения.

«Мое горестное и высшее убеждение, — заявил бывший премьер-министр Англии, либерал лорд Розбери, — что это соглашение скорее способно привести к осложнению, чем к миру»[2].

Германская правящая клика, встретившая недоверчиво первые известия об англо-французском соглашении, во всяком случае недостаточно учитывала его военно-политическое значение. Однако меньше чем через год она могла убедиться в своей ошибке[3]. Как мы знаем, первыми результатами англо-французской Антанты было «высаживание» германского империализма из Марокко — у хищника вырывали добычу прямо изо рта! Когда же демонстративная поездка Вильгельма II в Танжер 31 марта 1905 г. подчеркнула, что германский империализм не намерен уступить Марокко без боя, в апреле 1905 г. начались переговоры между английским и французским генштабами о той помощи, которую

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 22.

[2] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6846; *Churchill*, op. cit., p. 22; *Ллойд-Джорж*, Военные мемуары, Соцэкгиз, 1934 г., тт. I—II, стр. 32.

[3] „Grosse Politik", B. XX/2, глава 150, в частности № 6844, 6846, 6847, 6849, 6853—6854.

Англия может оказать Франции, если в результате обострения марокканского кризиса Германия нападает на Францию. Эти переговоры начали французы, требовавшие уплаты по векселю: один из авторов англо-французского соглашения, король Эдуард VII обещал Франции такую помощь на указанный случай, прозорливо предвидя его и возможно даже на него рассчитывая.

Переговоры о сотрудничестве английского флота с французским велись непосредственно морскими генштабами. Переговоры между военными штабами начались через посредника — известного писателя по военным вопросам и военного корреспондента «Таймса», полковника Репингтона, близкого друга французского военного атташе в Лондоне полковника Гюге[1]. Особенно энергичную деятельность проявил лорд Фишер[2], предложивший свой надежный рецепт: пустить ко дну германский флот без объявления войны и высадить 100 тыс. войск в Шлезвиг-Гольштейне или Померании. Эти переговоры привели к тому, что в самый горячий момент первого марокканского кризиса, 6 июня 1905 г., французский министр иностранных дел Делькассе мог заявить в совете министров, что Англия дала формальное обещание оказать помощь Франции всем своим флотом и высадить 100-тысячную армию в Померании, если Германия объявит войну.

Однако французское правительство не поддалось на это щедрое обещание: английский флот не мог спасти Париж, а 100 тыс. английских войск не могли заменить миллионную армию русского царизма, обессиленного японской войной. Французские империалисты рисковали больше, чем их английские «друзья», и не желали итти на явную авантюру, проигрыш по которой пришлось бы оплатить Франции. Франция и вся Антанта не были готовы к войне, и позиция Делькассе, стоявшего за войну, привела его к отставке, встреченной в Англии с явным неудовольствием. Не будучи в состоянии вести войну с Германией, французский кабинет, как известно, пошел на уступки.

Английские политические деятели до сих пор отрицают самым категорическим образом, что со стороны английского правительства было дано обязательство прийти на помощь Франции в случае германского нападения. Однако и сам Делькассе и другие французские министры так же категорически утверждают, что подобное обещание со стороны Англии имело место. Кто же прав? По опубликованным материалам вся история представляется в следующем виде.

Германские дипломаты, узнавшие 7 июня об английском предложении от сотрудника газеты «Matin» де-Кювервиля, сообщившего о нем германскому поверенному в делах в Париже Кюльману от имени владельца «Matin» Бюно-Варилла и вероятно са-

---

[1] *Grey*, Twenty five years 1892—1916, L. 1925, v. I, p. 71—99; *Repington*, The first World War 1914—1918, L. 1921, v. I; ch. I. *Huguet*, L'intervention militaire britannique en 1914. P. 1928, p. 14 etc.

[2] *Grey*, I, p. 74—76, 78, 118; *Fisher*, Memories, L. 1919; Records, L. 1920; „Grosse Politik", B. XX/2, № 6867.

мого Делькассе[1], потребовали объяснений. 10 июня Бюлов «самым конфиденциальным образом» сообщил английскому послу в Берлине сэру Франку Ласселю о том, что германскому правительству известно предложение, сделанное английским правительством Франции[2]. То же подтвердил Ласселю и Гольштейн[3]. Но английский министр иностранных дел лорд Лэнсдоун весьма решительно назвал это известие выдумкой[4]. Категорически отверг это известие и помощник Лэнсдоуна лорд Сандерсон[5]. Опровергли это известие уже после войны также Асквит[6], Гуч[7], Спендер[8] и др.

Менее категорически высказывался по этому вопросу после войны лорд Сандерсон:

«Подобного предложения не было сделано, и мы не пошли дальше предупреждения германского правительства, что если Германия нападет на Францию, то, учитывая соглашение с Францией, мы бы не смогли остаться безразличными. Без сомнения нашими военными властями велись переговоры *для защиты Бельгии* в случае нападения Германии на Францию через бельгийскую территорию, и эти приготовления должны были быть известны французскому военному атташе в Лондоне. Много также болтали попусту (loose talk) в *морских кругах* и некоторых высокопоставленных сферах о возможной экспедиции в Шлезвиг в случае войны. Но я не верю, чтобы когда-либо серьезно предусматривалось такое мероприятие»[9].

Что касается писаной формулы, якобы предложенной лордом Лэнсдоуном, то, по словам Сандерсона, «об этом в наших архивах нет никакого упоминания, и лорд Лэнсдоун не сохранил о ней никаких воспоминаний». Лорд Лэнсдоун, бывший английский министр иностранных дел в 1905 г., не счел нужным и после войны внести ясность в это дело. Он ограничился тем, что 4 апреля 1927 г. сообщил редакторам «British Documents» Гучу и Темперлею:

«Я ознакомился с мнением лорда Сандерсона; как мои, так и его воспоминания совпадают, и мне нечего больше прибавить к спору»[10].

Возможно, что в архивах Foreign Office «не сохранилось» такой писаной формулы, о которой говорит лорд Сандерсон, во всяком случае она отсутствует в «British Documents». Но в этой пуб-

---

[1] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6853. Делькассе выдал тайну, желая повидимому провоцировать Германию на войну с Англией.
[2] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6857; BD, v. III, № 97.
[3] BD, v. III, № 93.
[4] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6858, 6860, 6864; BD, v. III, № 99.
[5] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6873.
[6] *Asquith*, op. cit., p. 90 etc.
[7] *Gooch*, Recent Revelations of European Diplomacy, L. 1925, p. 167.
[8] *Spender*, The Life of the Right Hon. Sir Henry Campbell-Bannerman, L. 1923. v. II, p. 248.
[9] BD, III, № 105a, b. Курсив мой — *Н. П.*
[10] BD, III, № 105b.

ликации все же приведен следующий интересный меморандум тогдашнего английского посла в Париже лорда Берти на имя Делькассе от 24 апреля 1905 г.:

«Правительство его величества находит, что выступления Германии в марокканском вопросе в высшей степени безрассудны, если учесть позицию г. Делькассе, и желает оказать его превосходительству всю поддержку, находящуюся в его распоряжении. Не исключено, что германское правительство потребует порта на побережьи Марокко. Правительство его величества было бы готово присоединиться к правительству республики, чтобы оказать мощное сопротивление подобному требованию, и просит г. Делькассе, в случае предъявления такого требования, дать правительству его величества полную возможность согласовать с французским правительством мероприятия, которые могут быть приняты с целью дать отпор этому притязанию» [1].

Еще более решительно и определенно звучит заявление лорда Лэнсдоуна, который, говоря 17 мая с французским послом в Лондоне Полем Камбоном о позиции Германии, подчеркнул собеседнику, что выступления германского правительства в Марокко и в Китае указывают на необходимость для Англии и Франции «продолжать относиться друг к другу с самым абсолютным доверием». Оба правительства «должны держать друг друга в полной известности о том, что им случится узнать, и должны, насколько возможно, обсудить заранее возможности, с которыми они могут столкнуться в ходе событий». На сообщении об этой беседе, посланном того же числа английскому послу в Париже лорду Берти, имеется собственноручная надпись лорда Лэнсдоуна:

«Я полагаю, что это *начало наступательного и оборонительного союза*» [2].

24 мая Лэнсдоун узнал от Камбона, что в связи с беседой от 17 мая и меморандумом Берти от 24 апреля Камбон сообщил Делькассе, что «с нынешнего времени, если этого потребуют обстоятельства, когда например мы будем иметь серьезные основания верить в неоправданное нападение со стороны одной известной державы, то британское правительство тотчас же изъявит готовность согласовать с французским правительством мероприятия, которые должны быть приняты». По словам Камбона, Делькассе изъявил ему свое удовлетворение за «сообщение, важность которого он учитывает». Однако Лэнсдоун немедленно дезавуировал сообщение Камбона, повторив точную формулировку своей беседы 17 мая [3].

Так выглядит «английская гарантия» по опубликованным до настоящего времени английским документам. Даже по ним видно, что английское правительство шло довольно далеко в своих обе-

---

[1] BD, III, № 91, 213.
[2] BD, III, № 94. Курсив мой. — *Н. П.*
[3] BD, III, № 95.

щаниях. Но мы имеем ряд категорических утверждений самых ответственных французских политических деятелей той эпохи о том, что опровержения английских министров не соответствуют действительности и что английским правительством было дано обещание поддержать Францию, и притом даже в письменной форме.

Прежде всего это подтвердил сам Делькассе в интервью с сотрудником «Gaulois» от 12 июля 1906 г. и в ряде инспирированных им статей Стефана Лозанна в «Matin» от 6—13 октября 1906 г. Французское правительство выпустило официальное опровержение, на которое Лозанн в новой статье ответил, что полностью подтверждает написанное им раньше. 8 октября Жорес на митинге в Лиможе заявил:

«Я могу засвидетельствовать, что сообщение «Matin» о падении Делькассе правильно, ибо в самый острый момент кризиса меня посвятили в тайну три министра»[1].

Подтвердил это и французский министр Дюпюи. После войны это трижды подтвердил также Пуанкаре[2]. 24 марта 1924 г. Делькассе опубликовал в «Matin» письмо, в котором указывал, что он 4 июня 1905 г. получил из Англии предложение о союзе:

«6 июня[3]. Всего 48 часов назад я получил английское предложение о помощи. Только президент республики и председатель совета министров были осведомлены мною о нем»[4].

20 марта 1922 г. французский министр юстиции Шомье опубликовал свои воспоминания о заседании совета министров 6 июня 1906 г. По его словам, Делькассе прочел текст ноты, в котором Англия совершенно ясно и определенно предлагала свою помощь[5].

Что касается германских документов, то по ним ясно видно, что руководящие германские круги ни на минуту не сомневались в истине слов Делькассе.

Так выглядит история английской гарантии. Кто же все-таки прав — французские или английские министры? Мы думаем, что правы французы и что гарантия действительно была дана. То, что об этой гарантии нет ничего в британских документах, объясняется только тем, что английский империализм продолжает скрывать документы предвоенного периода и что английские публикации далеко не полны, что́ мы не раз увидим и дальше при изложении последующих событий. Но из всего, что уже опубликовано, ясно одно: в 1905 г. представители английского правительства советовали Франции проявить «твердость», обещая поддержать Францию в случае осложнений. Предложение французскому правительству ни в коем случае не уступать Германии порта в Марокко на берегу Атлантического океана имело

---

[1] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6874; BD, III, № 105.

[2] *Poincaré*, Au Service de la France, v. I; Le lendeman d'Agadir, P 1925, p. 187, 221; *Пуанкаре*, Происхождение мировой войны, М. 1924, стр. 87.

[3] 1905 г.

[4] „Grosse Politik", B. XX/2, № 6874, примечание.

[5] Там же.

исключительное значение для Англии, ибо *именно она* не хотела выхода Германии на мировые морские пути. Уступка такого порта имела гораздо меньшее значение для Франции. Поэтому только самым недвусмысленным обещанием английской помощи в случае возникновения войны из-за отказа Франции предоставить Германии порт на атлантическом побережьи Марокко можно объяснить твердость, проявленную Францией в этом вопросе в 1905—1911 гг.

Исторически можно считать установленным тот факт, что наиболее активную роль в организации политического и военного блока взяла на себя Англия как основной враг Германии. Антигерманский блок приходилось сколачивать в сугубой тайне и с исключительной осторожностью, чтобы не вызвать военного выступления Германии ранее того, как союзники Англии будут вполне готовы к войне. Какая-нибудь ошибка в этом отношении, способная вызвать «furror teutonicus», могла иметь роковые последствия. В силу этого весь первый период после 1905 г., приблизительно до агадирского кризиса 1911 г., проходит в исключительно энергичной работе английской дипломатии по организации блока и подготовке войны. С целью облегчить эту работу английский империализм соответствующим образом перестраивается: именно, он заменяет правительство открытой войны и нападения, каким были консерваторы, правительством тайной подготовки войны, правительством, чьи миролюбивые декларации были бы хорошей завесой, скрывающей и облегчающей работу по организации войны.

Эту роль взяла на себя вторая крупнейшая политическая партия английской буржуазии — либеральная в лице ее руководства.

Как раз в разгар марокканского кризиса 1905 г. в Англии происходили парламентские выборы, давшие победу либеральной партии. Последняя пришла к власти на основе пацифистской программы и лозунга «соглашения с Германией», выставленных в противовес слишком агрессивной империалистической политике консерваторов. Победу либералам дали голоса мелкой буржуазии, рабочих и фермерства, не желавших войны. Но это голосование масс отнюдь не означало, что английский империализм откажется от своей задачи — военного разгрома Германии. Как мы говорили уже в главе I, либеральная партия была неоднородной. Общественной базой ее были мелкобуржуазные радикальные элементы и увлеченные мелкобуржуазной идеологией значительные слои рабочего класса. Они и дали большинство на выборах, и либеральная фракция в парламенте сконструировалась преимущественно из этих мелкобуржуазных радикальных элементов, составивших большинство в новом кабинете. Но вместе с тем в рядах либеральной партии находилось правое крыло, так называемые «либералы-империалисты», идеологи английского империализма под либеральной маской. По сути дела представители этого крыла были скрытыми консерваторами и охотно блокировались с консервативной партией в вопросах внешней политики. В отличие от радикального большинства, очень смутно созна-

вавшего всю глубину англо-германских противоречий и склонявшегося к соглашению с Германией, либералы-империалисты держали курс на войну. И — такова специфика буржуазного «радикализма» и таков механизм обмана масс, практикуемые и сейчас для подготовки похода против СССР, — в новом кабинете решающее влияние получили либералы-империалисты, хотя парламентская фракция и кабинет в целом в большинстве состояли из «лево-радикальных» элементов.

К фракции либералов-империалистов в кабинете принадлежал и новый министр иностранных дел сэр Эдуард Грей. Этим объясняется, почему смена консервативного кабинета Бальфура либеральным кабинетом Кемпбелля-Баннермана, происшедшая еще до перевыборов парламента, не привела к аннулированию Антанты, созданной консервативным правительством в целях изоляции Германии. Тут дело, разумеется, не в пресловутой традиции английской государственной жизни, требовавшей «непрерывности политического курса в вопросах внешней политики» (continuity of foreign policy), а в том, что либералы-империалисты, представлявшие интересы крупнокапиталистических кругов английской буржуазии, задыхавшейся от немецкой конкуренции и ее колониального соперничества, были не склонны отказаться от политики подготовки войны, в данных исторических условиях направленной против Германии. Эти либералы-империалисты под прикрытием пацифистского большинства в кабинете осторожно и упорно вели свою линию на войну.

Вот почему новый министр иностранных дел сэр Эдуард Грей, узнав 30 декабря 1905 г. от полковника Репингтона, что во французском посольстве царит тревога по поводу того, что он, Грей, пока еще «не подтвердил заверений, данных Лэнсдоуном», не колеблясь заявил, что он «не отказывается ни от чего, что лорд Лэнсдоун сказал французам» и «не колеблется подтвердить это»[1].

Итак, внешнеполитический курс, несмотря на смену кабинета и ярко выраженную пацифистскую окраску либеральной партии, с которой она вышла к предстоящим выборам, оставался прежним, и Антанта должна была сохранить свое лицо как орудие организации войны. Военные переговоры с французским генеральным штабом продолжались и либералами. Правда, в правящих кругах Франции сначала не поняли смысла замены правительства консерваторов правительством либералов: непосредственно после смены кабинета французский военный атташе в Лондоне полковник Гюге выразил опасение, что приход к власти либерального правительства со столь ярко выраженными пацифистскими тенденциями затруднит маневроспособность британского империализма в критический момент.

Однако его опасения оказались напрасными.

---

[1] *Grey*, I, p. 71—79; *Huguet*, op. cit., p. 16—17, 30—31; *Repington*, I, ch. I.

«Лорд Эшер, — пишет Гюге, — дал мне ответ, правдивость которого полностью оправдалась впоследствии. «Я думаю, — сказал он, — что это в интересах Франции, чтобы в тот день, когда разразится война, у власти было именно либеральное правительство, а не консервативное. Консерваторы скорее, понятно, высказались бы в вашу пользу, ибо они иначе понимают внешнюю политику, чем их противники. Но в этом случае вся либеральная партия из принципа и без обсуждения стала бы в оппозицию этому решению; поэтому помощь, которая была бы вам оказана, явилась больше платонической, чем реальной, и во всяком случае была бы сильно ограничена. Если же, наоборот, в этот момент у власти будет либеральная партия и она выскажется в вашу пользу, то вся консервативная партия автоматически одобрит ее решение. С вами тогда будет все общественное мнение и поддержка всей нации без различия партий» [1].

Механика более чем ясная!

Военные переговоры приходилось вести в особой тайне, потому что ее разглашение грозило взорвать кабинет, вызвать кризис правительства и раскол либеральной партии. Либералы-империалисты впоследствии сумели использовать эту внутрипартийную ситуацию в своих целях: угрозой «поднять страну», «обратиться к общественному мнению» им не раз удавалось добиться увеличения средств на военные и морские расходы и поддерживать взятый темп подготовки войны.

Сохранения тайны требовали и соображения внешней политики. По словам Холдена, «болтать перед публикой мы не могли, ибо это помешало бы нам и не помогло... Результатом могла бы явиться превентивная война, которую державы Антанты не могли встретить в такой готовности, в какой они встретили ее позднее» [2].

В силу необходимости соблюдения тайны как по внутриполитическим, так и по внешнеполитическим соображениям вопросы подготовки и организации войны были изъяты из ведения кабинета и сосредоточены в Комитете имперской защиты, в который вошли пять министров, все либералы-империалисты: премьер-министр, министр иностранных дел, военный министр, первый лорд адмиралтейства и лорд казначейства. Эта пятерка вершила все важнейшие дела внешней политики.

Эта двойственность правительства — официального кабинета, имевшего мирную программу, и фактического правительства в лице Комитета имперской защиты, имевшего программу войны, — многое объясняет в дальнейших событиях и прежде всего «смелость» Грея, когда он в январе 1906 г., буквально в первые дни власти либералов, дал французам «обязательство чести», что Англия пошлет на континент в помощь Франции в случае войны последней с Германией экспедиционный корпус. Это «обязательство

---

[1] *Huguet*, op. cit., p. 31.

[2] *Haldane*, op. cit., p. 179. Ср. заявление германского посла в Лондоне Меттерниха Ллойд-Джорджу в июле 1908 г. — см. *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 46.

чести» было дано устно и явилось логическим развитием тех переговоров о военном сотрудничестве, которые велись при консервативном кабинете с французским правительством и генеральным штабом.

По заявлению редакторов «British Documents» Темперлея (Temperley) и Гуча (Gooch), документы, фиксирующие происходившие тогда технические переговоры об англо-франко-бельгийском военном сотрудничестве, большей частью «пропали» (are for the most part missing) в архивах министерства иностранных дел, точно так же «протоколы Комитета имперской защиты не содержат о них упоминания». Сэр Морис Хэнки, преемник лорда Сайденгама на посту секретаря Комитета имперской защиты, сообщил редакторам «British Documents» Гучу и Темперлею, что «не нашел никакой иной информации по этому вопросу во время пребывания на посту секретаря». Ссылки на документы о переговорах в архиве адмиралтейства «скудны»[1]. Тем не менее имеющихся в послевоенных публикациях данных вполне достаточно, чтобы судить о характере переговоров с французским и бельгийским генеральными штабами и об «обязательстве чести», данном Греем.

10 января 1906 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон посетил Грея и сообщил, что в связи с приближающейся конференцией в Алжезирассе 16 января[2] французское правительство считает важным прийти к соглашению о том, что должны предпринять Франция и Великобритания в том случае, если переговоры закончатся разрывом с Германией.

«Германский император ведет весьма опасную политику, — указывал Камбон, — и есть опасность, что положение будет доведено до такой точки, при которой мирный исход будет затруднителен».

Ссылаясь на обещание Лэнсдоуна в 1905 г., Камбон указывал, что настало время, когда должна быть принята во внимание возможность войны.

«Крайне важно, — заявил он, — чтобы французское правительство знало заранее, готова ли Великобритания в случае нападения Германии на Францию оказать Франции вооруженную поддержку»[3].

Грей[4] ответил, что «так как премьер-министра нет в городе и члены кабинета разъехались в связи с выборами, то он не может ответить на вопрос. По его мнению, если из-за соглашения о Марокко вспыхнет франко-германская война, английское общественное мнение будет сильно настроено в пользу Франции». Тог-

---

[1] BD, III, p. 169, прим. Гуча и Темперлея.

[2] По тем марокканским делам, по которым консерваторы летом 1905 г. хотели вызвать франко-германскую войну.

[3] BD, III, № 210a.

[4] 3 января Грей изложил германскому послу в Лондоне Меттерниху „свое личное мнение о том, что в случае нападения Германии на Францию, последовавшего из нашего соглашения о Марокко, общественное мнение будет настроено столь сильно, что ни одно британское правительство не сможет сохранить нейтралитет“, BD, III, № 219, 220; „Grosse Politik“, B. XX/2, № 6860; XXX/1, № 6923.

да Камбон, желавший более конкретных и реальных доказательств «англо-французской дружбы», заявил, что «ничто не окажет более умиротворяющего влияния на германского императора, чем уверенность, что Германия найдет Англию против себя в случае нападения на Францию». На это Грей ответил:

«Ни один министр не сможет в настоящих обстоятельствах сказать больше, чем сказал я... Я не в состоянии обязать страну больше, чем нейтралитетом, благожелательным нейтралитетом, если подобный существует».

Конец этого исторического разговора в меморандуме Грея изложен следующим образом:

«Камбон сказал, что обещание нейтралитета его конечно не удовлетворяет и он повторит мне вопрос опять после выборов. Но в то же время он считает желательным, чтобы имела место неофициальная информация между нашим адмиралтейством и военным министерством и между французскими морским и военным атташе относительно того, что может быть предпринято заранее на тот случай, если обе страны окажутся союзниками в такой войне. Он полагает, что *кое-какие переговоры уже были* и, по его мнению, могут продолжаться. Они не обязывают ни одно правительство»[1].

Грей согласился на ведение переговоров при условии, что они будут вестись без посредников, т. е. в строжайшей тайне[2].

Таким образом в силу внутреннего положения в Англии расширение и уточнение политических обязательств британского правительства по отношению к Франции откладывалось на время, но сама Антанта как военно-политический союз сохранялась, а главное — новый либеральный министр иностранных дел сразу же дал свое согласие на продолжение переговоров по выработке общего стратегического плана между представителями военных и морских ведомств обеих стран.

Присутствовавший при переговорах Грея с Камбоном помощник Грея лорд Сандерсон резюмировал разговор в том смысле, что в случае разрыва между Германией и Францией «позиция британского правительства и настроение общественного мнения в Англии *будут зависеть от причин этого разрыва* и поддержка Англии будет оказана только тогда, *когда конфликт будет связан с англо-французскими договорами*»[3]. Выходит, что все дело было только в поводе для войны.

Нужно помнить, что эти разговоры о поводе имели отнюдь не академический интерес. Они проходили в весьма тревожной обстановке: отставка Делькассе и все связанные с ней обстоятельства вызвали большое раздражение в Германии. В этих условиях данное Греем разрешение продолжать секретные военные переговоры свидетельствует не о миротворческой позиции нового

---

[1] BD, III, № 210/a, № 212; *Grey*, I, p. 72—74. Курсив мой. — *Н. П.*
[2] BD, III, № 212, пометка Грея; *Grey*, I, p. 76.
[3] BD, III, № 212, прил. 2: письмо Камбона Рувье (курсив мой.—*Н. П.*)

министра иностранных дел, а о подготовке к вооруженной борьбе.

Английская военщина получила разрешение продолжать переговоры. 11 января Сандерсон предложил директору военных операций (начальнику оперативного управления) генерального штаба генералу Грирсону написать Грею письмо о переговорах с французами, начатых еще при консервативном кабинете, и попросил Грирсона прекратить переговоры через посредников.

В письме, которое Грирсон написал Грею, осторожно говорилось, что никаких переговоров с французским военным агентом им, Грирсоном, не велось; только один раз «случайно» 16—18 декабря 1905 г. французский атташе спросил его, «предусматривали ли мы когда-нибудь операции в Бельгии, и я (Грирсон. — *Н. П.*) сказал, что разрабатывал этот вопрос в качестве упражнения по стратегии». Далее Грирсон указывал:

«Если есть хотя бы малейший шанс, что мы окажем Франции помощь оружием на суше и выступим рядом с ней в бою в Бельгии, то необходимо возможно скорее установить неофициальную связь с военными властями Франции и (или) Бельгии и генеральным штабом. Есть очень много вопросов, которые мы должны уладить еще до составления нами плана посылки отрядов на помощь французской или бельгийской армиям, а их мы не можем уладить без информации, которую могут нам дать только штабы этих армий. Затем необходимо заключить соглашения об использовании железных дорог, квартирных постоев, доставке снабжения, которое в союзной стране совершенно отлично от того, какое мы организуем «собственными средствами» в стране враждебной. Все это весьма влияет на наши учреждения и следовательно на число людей, которых мы можем выставить в поле. Все это требует очень много времени, а именно этот фактор необходим в начале войны. Для того чтобы наша помощь была действенной, мы должны прийти сразу, вплоть до последнего солдата, имеющегося в нашем распоряжении»[1].

Из письма Грирсона видно, что переговоры имели весьма широкий объем и что английский генеральный штаб уже с середины 1905 г. предвидел вторжение германских войск в Бельгию, высадку там английской армии и помощь французам. Французы впрочем предвидели это вторжение уже с 1875 г., хотя не все стратегические планы французского генерального штаба, начиная с III по XVII, были построены на этом предположении[2].

В сопроводительной записке к письму Грирсона Сандерсон просил у Грея разрешения начать неофициальные переговоры с французским и бельгийским генштабами. Сношения с бельгийским генштабом «должны вестись через нашего военного атташе в Брюсселе. Бельгийцы, мне кажется, осведомят немцев», — так

---

[1] BD, III, № 211, 221/a и прим. на стр. 186 — рапорт начальника морской контрразведки адмирала Отли первому морскому лорду от 13 января 1906 г.

[2] „Les Armées françaises dans la Grande Guerre", P. 1927, v. I, предисловие.

горестно заканчивалась записка. Однако предчувствия Сандерсона не оправдались: бельгийцы не только не «продали», но оказались настоящими молодцами: готовясь к Алжезирасской конференции, они на всякий случай поспешили даже мобилизовать тайком свою армию[1].

Тем временем Грей переговорил 12—13 января с военным министром Холденом, который с своей стороны дал разрешение генеральному штабу на непосредственные переговоры с французским военным атташе полковником Гюге, минуя всяких посредников[2].

Английский посол во Франции Берти, извещенный Греем о «вопросе Камбона», писал из Парижа:

«Считаю своим долгом предостеречь правительство его величества, что в случае если на запросы французского посла будет дан ответ, уверяющий Францию не в большем, чем продолжение дипломатической поддержки или нейтралитета на случай войны, вызванной Германией, то имеется серьезная опасность полной перемены чувств со стороны французского правительства и французского общественного мнения. Правительство будет думать, что его покинули на произвол судьбы, и может, желая избежать риска войны без союзников, сделать большие уступки Германии вне Марокко, чтобы получить свободу действия в этой стране. Подобные уступки могут быть небольшими жертвами для Франции, но могут нанести большой ущерб интересам Британской империи, ибо в том настроении, в каком очутится Франция, нельзя ждать, чтобы она долго задумывалась о них».

В заключение Берти советовал своему правительству, на случай если оно даст заверение, какое желают от него получить, обязать Францию «оказать правительству его величества свое полное доверие и не предпринимать, не посоветовавшись с ним, никакого шага, который мог бы оказаться оскорблением Германии»[3].

Этот совет Берти Грей твердо усвоил, и не только он, — усвоили его и правящие круги Франции. Они не предпринимали ничего серьезного, не запросив предварительно английский кабинет.

Вступив на путь переговоров с Францией о совместной борьбе против общего соперника — Германии, Грей счел нужным позондировать настроения своего шефа — премьер-министра Кемпбелл-Баннермана и некоторых более влиятельных членов кабинета, в том числе заместителя премьера, «хранителя печати» лорда Рипона. 9 января, еще до разговора с Камбоном, он написал Кемпбелл-Баннерману о том, что военному министерству необходимо определить свою позицию на случай войны с Германией и нарушения последней нейтралитета Бельгии и что Камбон обратился к нему по этому поводу с вопросом[4], — так Грей скрывал от премьера объем своих переговоров с французами.

---

[1] BD, III, № 211, 218.
[2] BD, III, № 212, прилож. 2, пометка Грея; № 214, 217; *Grey*, op. cit., I, p. 76.
[3] BD, III, № 213.
[4] *Grey*, I, p. 118.

14 января Кемпбелл-Баннерман ответил советом — с французами погодить, дело не спешное, подождем, что покажут выборы[1].

15 января Грей отослал премьеру и лорду Рипону копии записей о переговорах с Камбоном от 10 и 15 января, а 18 или 19 января — депеши Берти. Сандерсон предложил показать эти документы, кроме короля Эдуарда[2] и премьер-министра, всему кабинету. На это последовала резкая реплика Грея:

«Ничто не должно итти в кабинет, пока я не увижусь с премьер-министром. Эта депеша и моя (№ 210/а) должны быть отправлены лорду Рипону... и премьер-министру. Они должны быть присоединены к документам, о которых имеет инструкции личный секретарь и которые, если представится случай, будут представлены и обсуждены кабинетом как одно целое»[3].

О каких «документах» получил инструкции личный секретарь Грея — о договоре ли о союзе с Францией или о подготовке «Синей книги» на случай войны, — пока неизвестно. Известно только то, что случай обсуждать эту переписку, в целом или частично — тоже неизвестно, представился кабинету только в ноябре 1912 г., а парламенту и вовсе не представился!

Кемпбелл-Баннерман, получив от Грея перечисленные выше документы, повидимому призадумался над тем, к чему могут привести подобные переговоры между генеральными штабами. 21 января он встревоженно запросил Грея:

«Когда вы хотите, чтобы был созван кабинет? 30, 31 или 1-го? Хотите ли вы, чтобы ответ французам был утвержден до того, как он будет дан?»[4].

Но Грей, как мы видели, меньше всего хотел, чтобы переговоры во всем их полном объеме были поставлены на обсуждение кабинета. Он далеко не был уверен в том, что пацифистское большинство кабинета одобрит его политику. Впереди были выборы, на которых либералы, в противовес консерваторам, должны были выступить как сторонники мира. Наконец германская угроза на море еще не обозначилась ясно для всех, и потому даже в среде более воинственных членов кабинета идеи Грея были встречены холодно. Лорд Рипон давал совет щадить французские чувства, но отнюдь не заходить слишком далеко[5].

Однако и совет лорда Рипона и предложение премьера пришли слишком поздно.

Еще 15 января 1906 г., не ожидая ответа премьер-министра, Грей под свою ответственность официально сообщил Камбону,

---

[1] *Spender*, II, p. 251—252.

[2] BD, III, № 213, пометка Сандерсона на депеше Берти (BD, III, № 313): „Эта депеша помечена к отправке только лишь королю и премьер-министру. Быть может вы желали бы отпечатать ее вместе с вашей депешей № 22 (BD, III, № 210/а.—*Н. П.*) и разослать членам кабинета, когда они вернутся в город в конце следующей недели?"

[3] BD, III, № 213, пометка Грея от 18/I 1906 г.

[4] *Spender*, II, p. 252—253.

[5] Ibid., p. 251—252.

что Холден согласен на переговоры между генеральными штабами, но только без посредников и при условии, что эти переговоры «не свяжут» правительства. В частном письме к Берти Грей указывал на невозможность пойти дальше: английское правительство не может заключить формальный союз негласно; сам же он склоняется к тому, что обязательство поддержки должно быть условным.

«Франция не должна предпринимать ничего в Марокко, что может привести к войне с Германией, не информировав нас и не выслушав нашего мнения. Мы должны иметь какое-нибудь quid pro quo[1] вроде обещания, что, если мы вступим в войну с Германией из-за какого-либо вопроса, касающегося только нас, Франция по меньшей мере останется нейтральной, если не сможет поддержать нас, и удержит нейтральными остальные европейские державы»[2].

В постскриптуме разъяснялись причины такой умеренности:

«Я слышал, что 80 тыс. солдат с хорошей артиллерией — все, что мы можем выставить на поле битвы в Европе для встречи с первоклассными войсками; это не может спасти Францию, если она не может спасти себя сама»[3].

Следовательно Англии еще был пока нужен мир для подготовки к войне.

К концу января выборы закончились решительной победой либералов. Это говорило, что трудящиеся массы — против войны[4]. Поэтому на заседании кабинета 31 января Грей не сказал ни слова о просьбе французов и не сказал об этом также в дальнейшем на ежедневных заседаниях кабинета[5]. Камбону, повторившему 31 января свой «вопрос» и настаивавшему на «заверении в какой бы то ни было форме», Грей заявил, что не может дать такое заверение даже устно, ибо кабинет потребует его письменного оформления. Он не сомневается в дружелюбном настроении кабинета по отношению к Франции, но думает, что при письменном оформлении этого договора могут встретиться затруднения. Обязательство не может быть безусловным, а условия трудно будет изложить. Такое обязательство превратит «согласие» (Entente) в оборонительный союз, а это большая и формальная перемена. Правительство может заключить его без согласия парламента, но договор потом должен быть опубликован. Ни одно правительство в Англии не может связать страну столь серьезными обязательствами и в то же время сохранить их в тайне. По мнению Грея, такие формальные обязательства были даже

---

[1] „Одно вместо другого".
[2] BD, III, № 216.
[3] Ibidem.
[4] „Grosse Politik", B. XX, № 6652, 6657, 6726, 6741, 6752, 6844, 6846, 6849, 6858, 6859, 6863—4, 6867, 6870, 6881; B. XXI, № 6923, 6946, 7180, 7206, 7211; B. XXII, прим. на стр. 494; *Loreburn*, How the War came, L. 1919, p. 77—78.
[5] *Loreburn*, op. cit., p. 80—81.

не нужны: «разве сила обстоятельств, сближающая Англию и Францию, не сильнее какого бы то ни было уверения на словах, которое может быть сейчас дано?»

Кроме того Грей намекнул, что с точки зрения вступления Англии в войну и ее помощи Франции лучше всего оставить вопрос о Марокко как о причине войны:

«Французская политика в Марокко в рамках деклараций, которыми обменялись обе державы, абсолютно свободна, мы не задаем по поводу ее вопросов, не намекаем ни на какие уступки или ее изменения. Мы предоставили Франции свободу рук и безоговорочную дипломатическую поддержку, на которую она может рассчитывать; но если наше обещание будет итти дальше дипломатической поддержки и если мы примем обязательство, которое может вовлечь нас в войну, то я уверен, что мои коллеги скажут, что с нами следует время от времени советоваться по поводу французской политики в Марокко и, если понадобится, иметь возможность влиять на французское правительство в смысле уступок и изменений его политики, которые нам могут показаться желательными для избежания войны».

В переводе с дипломатического на человеческий язык Грей намекал, что французскому правительству выгоднее не связывать себя формальным договором, так как такой договор может затруднить «свободу рук» Франции в Марокко.

Грей указывал далее, что заключение формального англо-французского союза, содержащего например обязательство Англии оказать вооруженную поддержку Франции в случае возникновения войны между Францией и Германией из-за Марокко, будет неприемлемо для кабинета, где преобладали радикалы-пацифисты. Наоборот, отсутствие такого союза дает возможность оказать Франции вооруженную поддержку под предлогом, что Германия навязала Франции войну с целью разрушить англо-французскую Антанту.

И Грей совершенно ясно подчеркнул, что, учитывая итоги выборов в парламент, вопрос о предлоге для участия английского империализма в войне с Германией должен быть поставлен иначе, чем ставило его консервативное правительство Лэнсдоуна и Бальфура, собиравшееся втянуть в 1905 г. Англию в войну как раз в связи с франко-германской грызней из-за Марокко.

«Многое бы зависело, — заявил Грей Камбону, — от того, по какой причине вспыхнет война между Францией и Германией... Я не думаю, что английский народ будет сражаться с целью ввести Францию во владение Марокко... Но если окажется, что война навязана Франции с целью разрушить англо-французскую Антанту, общественное мнение будет без сомнения в крайней степени на стороне Франции».

Грей отлично понимал, что либеральный кабинет не даст своего согласия на союз с Францией, но что Франции под удобным предлогом можно будет оказать вооруженную поддержку и без союза. Такова впрочем была испытанная в течение всего XIX в.

практика английского капитализма по сохранению равновесия сил в Европе, делавшая Англию арбитром европейской ситуации. Эта практика имела еще ту выгоду, что позволяла сдерживать Францию и развязать войну только тогда и в таких условиях, когда это было бы выгодно и удобно английскому империализму [1].

Однако кроме уже указанных причин у Грея была еще одна причина, по которой он считал заключение формального союза с Францией в тот период несвоевременным.

«Трудности, с которыми связано заключение союза с Францией, состоят сейчас в том, что Германия может тотчас же напасть на Францию, в то время как Россия беспомощна из боязни, что, когда Россия оправится, она (Германия. — *Н. П.*) может быть раздавлена новым Тройственным союзом, направленным против нее. Она могла бы сделать союз между нами и Францией предлогом для этого в качестве единственного шанса обеспечить свое будущее» [2].

Камбон пробовал указать, что нынешняя война — война не дней, а часов, и «если для британского правительства необходимо советоваться и ждать проявления английского общественного мнения», то выступление Англии слишком запоздает. «Английское адмиралтейство, — заявил Камбон, — намерено в случае войны с Германией закрыть Ламанш для германских эскадр. Если же оно должно выжидать проявления английского общественного мнения и размышлений кабинета, оно опоздает с выступлением, германская эскадра пройдет, это дело суток. Поэтому необходимо согласование до открытия военных действий».

Но в общем Камбон остался доволен ответом Грея [3].

Этот разговор Грея с Камбоном, происшедший 31 января 1906 г. и дополнивший первый разговор от 15 января, трактуется в мемуарно-исторической литературе по вопросам войны как «обязательство чести» Грея, что Англия выступит на защиту Франции в случае нападения Германии. Обычно под этим «обязательством чести» понимается, что Грей помимо кабинета, но от имени английского правительства заверил Камбона в такой помощи при соблюдении ряда условий, в частности при наличии благовидного предлога. Опубликованные документы, как мы видим, не содержат упоминания о таком обязательстве, за исключением разве того, что Камбон остался доволен ответом Грея на свой вопрос и что Грей, говоря о силе обстоятельств, связывающих Англию с Францией, дал понять Камбону, что поддержка оказана будет и без договора.

Но если в английских архивах не обнаружено никаких данных об «обязательстве чести» в период 1906 г., если в английских

---

[1] По мнению Гардинжа, „нынешняя эластическая ситуация более выгодна для нас, хотя тот факт, что мы не связаны по рукам и ногам с французами, делает последних нервными и подозрительными", — см. BD, III, № 439.

[2] BD, III, № 439, p. 389—390. Пометка Грея от 18/IX 1906 г.

[3] BD, III, № 219, 220/a и b; *Grey*, I, p. 78—81.

документациях последующих лет мы находим весьма скромные и и весьма широко толкуемые намеки, которые можно понимать как угодно, то зато правящие круги Франции были уверены, что такое обязательство дано, и строили на этом обязательстве свою политику, рассчитывая, повидимому не без оснований, на полную поддержку Англии при конфликте с Германией. Об этом свидетельствует дипломатическая переписка между Греем и английским послом в Париже лордом Берти, причем из этой переписки обнаруживается весьма примечательный факт, а именно, что премьер-министр Кемпбелл-Баннерман узнал о наличии какого-то обязательства, данного Греем Франции, только впоследствии и притом совершенно случайно — от французов. Это поставило Грея в очень неприятное положение, из которого он выкарабкался с трудом.

В начале апреля 1907 г. Кемпбелл-Баннерман посетил Париж, где 9 апреля имел встречу с тогдашним французским премьер-министром Клемансо. О последствиях этой встречи Берти 11 апреля «приватно и секретно» сообщал Грею:

«После того как я сегодня сделал сообщение Клемансо о предполагаемом обмене нотами с Испанией, он заявил, что должен поговорить со мной очень откровенно, но серьезно по поводу одного вопроса, затронутого им во время разговора с сэром Кемпбелл-Баннерманом в Париже во вторник 9 апреля. Они говорили, по его словам, о Германии, и он (Клемансо. — *Н. П.*) выразил искреннее желание Франции сохранить мир, но указал на возможность притязаний и выступлений (ambition and proceedings) Германии, стремящейся создать такую ситуацию, которая может иметь результатом войну... Он (Клемансо. — *Н. П.*) высказал сожаление относительно сокращения британской армии в нынешних условиях и при нынешнем положении и выразил эти свои чувства сэру Генри Кемпбелл-Баннерману и был совершенно огорошен (had been quite taken aback) тем, что премьер-министр сказал (lui ayant jeté à la figure), что он не думает, чтобы английское общественное мнение позволило использовать британские войска на континенте Европы. Клемансо полагал, *что премьер-министр не мог не знать о переговорах*, которые имели место между французским и английским генеральными штабами во время острого периода марокканского кризиса, когда предполагалось, что в случае некоторых возможностей 115 тыс. британских войск могут быть использованы в Бельгии или где-либо для поддержки Франции. Произошла ли перемена позиции со стороны Англии? Франция пламенно желает сохранить мир, и ничто кроме жестокой необходимости не побудит ее прибегнуть к войне. Она оторвала Италию от Тройственного союза. Для Франции было достаточно чувствовать себя обеспеченной, что никакого нападения с этой стороны не последует. Ее правый фланг будет обеспечен, но как будет с левым, если ей придется померяться силами с Германией? Может ли она рассчитывать лишь на поддержку на море? Все это крайне, крайне серьезно (very, very serious). Он должен осведомить президента республики и министра иностранных дел о том,

что сказал премьер-министр, но он не осведомит своих прочих коллег по кабинету, так как полагает, что премьер-министр говорил, не учитывая всего эффекта сказанного. Результат подобного изложения британской политики перед его коллегами (т. е. коллегами Клемансо — французскими министрами.—*Н. П.*) был бы гибельным. Он сказал, что даст инструкцию Камбону поговорить с вами (т. е. с Греем. — *Н. П.*) относительно этого дела. Он искренно верит, что его тревога будет рассеяна вами. Это не он поднял вопрос об использовании британских войск. Премьер-министр «бросил мне это прямо в лицо («m'a jeté ça en pleine figure»)»[1].

Из этой депеши лорда Берти явствует одно: французские правящие круги были абсолютно убеждены после переговоров Грея с Камбоном и последовавших затем переговоров между генеральными штабами в том, что Грей дал обязательство от имени правительства о поддержке Франции. Слова Кемпбелл-Баннермана, естественно, привели французов в сильное волнение. Но Грей, получивший эту информацию от Берти, весьма осторожно и туманно истолковывает заявление Кемпбелл-Баннермана, стремясь дать ему противоположный смысл:

«Премьер-министр говорит мне, что он имел в виду неохоту, с которой английский народ принимает обязательства, какие могли бы побудить его к участию в континентальной войне. Но он не сделал никакого заявления о том, что мы ни в коем случае не позволим использовать английские войска на европейском континенте»[2].

Далее Грей сообщал, что все его отчеты о его переговорах с Камбоном «были просмотрены премьер-министром»[3].

Нам неизвестно, какой разговор произошел между Греем и Кемпбелл-Баннерманом после возвращения последнего в Лондон. Понсонби, бывший личный секретарь Кемпбелл-Баннермана, сообщил впоследствии Морелю, что Кемпбелл-Баннерман считал, что военные переговоры с французами окончились после Алжезирасса и что ему не были известны ни «обязательство чести» о посылке английской армии на континент для поддержки Франции, ни переговоры с бельгийцами[4]. Грей, давая пояснения Берти о разговоре Кемпбелл-Баннермана с Клемансо, писал, что «премьер-министр знал своевременно, что такая консультация (consulta-

---

[1] BD, VI, № 9. (курсив мой.—*Н. П.*).
[2] BD, VI, № 10.
[3] Что между прочим сомнительно, так как в третьем томе BD, где напечатаны документы об англо-франко-бельгийских переговорах, нет буквально ни одного слова или указания, что эти отчеты просматривались когда-нибудь премьер-министром. Конечно Кемпбелл-Баннерман мог знать о переговорах, но не читать самих отчетов. Но знал ли он наверное? И что именно он знал? Разговор Кемпбелл-Баннермана с Клемансо и двусмысленные разъяснения, данные Греем, свидетельствуют по меньшей мере о том, что премьер-министр получал от Грея одну информацию, а французское правительство—другую, более широкую.
[4] *Lujo Brentano*, Der Weltkrieg und Dr. Morel, München 1921, S. 54.

tion, совещание с французскими военными экспертами. — *Н. П.)* имела место»[1].

Эта крайне осторожная формулировка говорит: 1) об одной «консультации», а не о многих, 2) о том, что премьер знал о самом факте совещания, но ничего не говорит о том, знал ли он об итогах совещания, и 3) что эта «консультация» «о мерах на случай нужды» имела место, «если вспыхнет кризис в связи с Алжезирасской конференцией», т. е. что «консультацию» связывали с Алжезирассом, но не с переговорами Камбон — Грей.

На этом письме Грея к Берти имеется пометка самого Грея: «Послано премьер-министру, который вернул мне его на заседании кабинета, заявив, что все в порядке». Однако эта надпись ничего не говорит нам, так как ту формулировку переговоров между Клемансо и Кемпбелл-Баннерманом, которая изложена в этом письме Грея, каждый из собеседников мог понимать по-своему и остаться при своей позиции. И в самом деле, если Кемпбелл-Баннерман остался удовлетворенным разъяснением Грея, хотя последний отрицал наличие обещания послать экспедиционные войска на континент, то был удовлетворен и Клемансо, который считал, что такое обязательство английским правительством дано. 17 апреля Берти сообщал Грею, что его объяснениями Клемансо удовлетворен и считает инцидент исчерпанным.

Однако этот инцидент по поводу того, было ли дано или не было дано какое-нибудь обязательство Франции, возник снова. По просьбе Грея Берти изложил свои переговоры с Клемансо в форме официального отчета. Этот отчет имел несчастье попасть в руки одного из крупных дипломатических чиновников Foreing Office, который не удовлетворился туманными разъяснениями Грея, в результате чего на отчете имеется такая пометка:

«Спрашивается: получило ли в свое обладание французское правительство через свой генеральный штаб или каким-либо иным путем какой-либо документ, оправдывающий или который мог бы оказаться оправдывающим утверждение г. Клемансо относительно использования по соглашению с ними (с французами. — *Н. П.)* в случае некоторых возможностей 115 тыс. британских войск в Бельгии. Фицморис»[2].

Вопрос был поставлен в лоб, но Грей уклонился от такого же прямого ответа и, главное, от зафиксирования его в документе. За Грея ответил другой крупный чиновник, Эйр Кроу, и не менее двусмысленно:

«Сэр Эдуард Грей устно ответил на вопрос лорда Фицмориса. Эйр Кроу».

19 апреля на запрос Камбона о заявлении Кемпбелл-Баннермана Грей не только повторил свои разъяснения, изложенные в письме к Берти от 13 апреля, но несколько расширил их тем, чего он не писал Берти и что следовательно не показывалось Кемпбелл-Бан-

---

[1] BD, VI, № 10.
[2] BD, VI, № 13.

нерману. В своем сообщении Берти о разговоре с Камбоном Грей писал:

«То, что хотел сказать Кемпбелл-Баннерман, было, что мы с большой неохотой приняли бы участие в войне. Но он отнюдь не собирался создать впечатление, что если мы будем вовлечены в войну, то использование наших войск будет чем-либо ограничено. Наоборот, наши морские военные силы будут использованы без ограничений таким способом, при каком они будут наиболее эффективны. Я сказал, что это уже объяснено г. Клемансо» [1].

В результате этих разъяснений правящие круги Франции остались при полном убеждении, что английская поддержка в случае войны будет оказана. Наоборот, английские либеральные политические деятели были уверены, что Англия свободна от каких-либо обязательств на случай войны между Францией и Германией. Что это так, свидетельствует инцидент, имевший место в 1911 г.

5 апреля 1911 г., в разгар подготовки Францией экспедиции в Фец, французский министр иностранных дел Круппи хотел выступить в сенате с декларацией о французской политике в следующих словах:

«Соглашение с Англией принесло удовлетворительное разрешение важных вопросов, остававшихся слишком долго неразрешенными. Мы склонны разрешить в том же духе и вопросы второстепенного значения, урегулирование которых принесет обеим заинтересованным сторонам взаимную выгоду. Когда в силу этого между обеими сторонами установится общность интересов в отношении конкретных фактов, можно быть уверенным, что они останутся дружественными и объединенными перед лицом всякой случайности и можно передать обоим правительствам заботу облечь их согласие в подходящий момент в точную форму» [2].

Берти, которому Круппи передал проект этой декларации для пересылки на одобрение Грею, высказался против конца декларации после слов «дружественными и объединенными», так как последующий текст «может дать повод для неудобных вопросов в палате общин». Действительно, подтвердить или дать какое-нибудь обязательство в тот момент было невозможно. Неделю назад, 30 марта, Грей категорически опроверг наличие какого бы то ни было соглашения или обязательства по отношению к Франции. На вопрос одного из членов радикального крыла либеральной партии в палате общин о существовании какого-либо обязательства по отношению к Франции Грей ответил, что не существует «какого-либо соглашения или обязательства, писанного или подразумеваемого, в силу которого Великобритания была бы связана обязательством перед Францией послать в случае наступления некоторых возможностей войска для помощи в операциях фран-

---

[1] BD, VI, № 14.
[2] BD, VII, № 200.

цузской армии»[1]. Поэтому Грей всецело одобрил точку зрения Берти[2]. В личном письме к нему от 10 апреля он писал:

«В парламенте была бы суматоха, если бы я употребил слова, которые подразумевали бы возможность тайного обязательства, неизвестного все эти годы парламенту и обязывающего нас к европейской войне. Я нарочно сформулировал ответ так, чтобы не дать понять, что обязательство 1904 г. не может быть при известных обстоятельствах истолковано как имеющее более широкие следствия, чем его буква. Но при наступлении этих обстоятельств парламент должен дать ему свое собственное толкование. Во время Алжезирасской конференции, если бы Германия форсировала конфликт с Францией, я думаю, что соглашение 1904 г. было бы истолковано здесь общественным мнением в духе обязательства помочь Франции. С другой стороны, я думаю, что абсолютное обязательство превышает то, к чему парламент подготовлен»[3].

Из приведенных выше фактов явствует, что французскому правительству Грей говорил одно, а парламенту другое, противоположное, и что эти высказывания намеренно формулировались так двусмысленно, чтобы каждая из сторон могла толковать их по-своему. Франции нужно было обещать безусловную поддержку, иначе были бы сорваны английский вариант войны и организация антигерманской коалиции. Перед парламентом и большинством кабинета нужно было отрицать, что такая поддержка обещана, в противном случае подготовку войны сорвали бы настроенные против нее народные массы.

Мы намеренно так подробно остановились на этом в сущности незначительном эпизоде в подготовке войны Антантой по следующим двум причинам. Первая из них — это то, что до сих пор во всей мировой литературе, посвященной истории войны, включая даже американские исследования, Грей рисуется в образе исключительно миротворца, полагавшего все силы на предотвращение войны и не смогшего предотвратить ее только в силу независящих от него обстоятельств. История того, как было дано «обязательство чести», рисует действительный облик Грея, срывая с него миротворческую маску. Во-вторых — и это конечно главное — история «обязательства чести» показывает нам, как действительно велика тайна, в которой война рождается. Эта история разоблачает нам механизм предвоенной дипломатии и те приемы, которыми пользуются империалисты для подготовки войны и обмана масс.

Теперь возвратимся к тем военным переговорам, которые велись в силу разрешения, данного Греем, между французским и английским штабами, с одной стороны, и между бельгийским и английским штабами, с другой. Как мы уже указывали, переговоры между французским и английским штабами должны были вестись без посредников. Представителем французского штаба являлся

---

[1] BD, VII, № 197.
[2] BD, VII, № 201.
[3] BD, VII, № 206, также № 202; о разочаровании Круппи — см. № 205, 207.

французский военный атташе в Лондоне полковник Гюге, представителем английского — директор военных операций генерального штаба генерал Грирсон. Но для большего сохранения тайны Гюге вел переговоры даже не с Грирсоном, а с его помощниками, посещая английское военное министерство через особую дверь с черного хода. Делалось это для того, чтобы не возбудить никаких подозрений у германских дипломатов. Недаром германский посол жаловался Холдену, что Гюге чересчур часто видят в кулуарах министерства [1].

Перед началом переговоров 12 января 1906 г. в секретариате Комитета имперской защиты состоялось «частное совещание», в котором приняли участие лорд Эшер, генерал сэр Джон Френч, секретарь комитета сэр Джордж Клерк (впоследствии лорд Сайденгам), генерал Грирсон и начальник морской контрразведки адмирал Отли. На этом совещании было решено, что «в случае если нас вынудят (!?) вступить в войну (нарушением германцами бельгийского нейтралитета или иным способом) надлежащим действием с нашей стороны будет высадка наших военных сил в ближайших французских портах—Кале, Булони, Диеппе и Гавре. Около 100 тыс. британских войск и 42 тыс. лошадей должны быть под рукой в течение 14 дней с момента объявления войны, и после третьего дня британские войска должны переправляться по частям с таким расчетом, чтобы на четырнадцатый день вся британская армия была уже на французской территории» [2].

Обо всех этих вопросах Грирсон и повел переговоры с полковником Гюге через своих помощников, причем ради сохранения тайны переговоры велись устно и принятые решения фиксировались письменно лишь в виде особых «справок». Мы приводим заглавие некоторых из этих справок, которые редактора «British Documents» Гуч и Темперлей считают «техническими», т. е. ни к чему не обязывающими обе стороны и являющимися чем-то вроде обычных упражнений по стратегии.

Вот некоторые из этих справок:

1. «Записка о составе английской армии, предназначенной для операций на континенте в случае войны между Францией и Германией, — сведения, затребованные генеральным штабом английской армии» (22 января 1906 г.).

2. «Записка французского генерального штаба в ответ на записку английского генерального штаба, датированную 22/I 1906 г.» (13 февраля 1906 г.).

3. «Записка генерального штаба английской армии — ответы на вопросы, предложенные французским генеральным штабом в записке от 13 февраля 1906 г.» (23 февраля 1906 г.).

4. «Записка об общей организации военной службы железных дорог во Франции во время войны» (3 мая 1906 г.).

---

[1] *Huguet*, op. cit., p. 28.

[2] BD, III, p. 186. Секретный рапорт адмирала Отли первому морскому лорду.

5. «Проект использования транспорта и подготовленных приспособлений во Франции» (3 мая 1906 г.).

6. «Записка от 4 мая 1906 г. французского генерального штаба в ответ на записку английского генерального штаба от 20 февраля 1906 г.»[1].

Все эти документы имеют подпись только одного Гюге — английская военщина боялась разглашения тайны и своей личной компрометации. В результате этих переговоров было решено, что:

«1) при известных условиях во Францию могут быть посланы 4 дивизии;

2) вопрос о провозоспособности железных дорог изучен;

3) позиция, назначенная для наших сил на французской линии фронта, намечена на карте»[2].

Переговоры между английским и французским штабами велись интенсивно до лета 1906 г. Они заглохли только после окончания Алжезирасской конференции и в связи с уходом Грирсона со своего поста. Преемником Грирсона, по словам Гюге, был «генерал боязливого характера, мало склонный взять на себя ответственность» за переговоры с французским генеральным штабом и следовательно за скандал в случае, если тайна переговоров выплывет наружу[3].

Общая установка этих переговоров, как мы видим, имела целью обеспечить своевременную высадку английской армии на континенте.

Параллельно, но еще в большей тайне протекали переговоры с бельгийским генеральным штабом. Эти переговоры скрывались и их отрицали. 16 января генерал Грирсон осведомлял военного аттаще в Брюсселе полковника Барнардистона:

«Я получил письмо от лорда Сандерсона, в котором он от имени Грея уполномачивает меня и просит вас посоветоваться с бельгийскими военными властями «о способе, каким в случае необходимости может быть оказана Бельгии наиболее действенно британская помощь для защиты ее нейтралитета. Подобные сношения должны быть исключительно предварительными и не обязывающими»[4]. Это его точные слова, и вы должны строго ограничиться смыслом инструкции. Вы можете сказать начальнику штаба, что мы готовы в этом случае выставить в поле 4 кавбригады, 2 (армейских) корпуса и одну пехотную дивизию и что из наших разговоров вам известно об общих установках, в соответствии с которыми вы должны руководствоваться. Общее количество будет около 105 тыс. чел., и мы переправим их на *французский* берег[5], в Кале, Булонь, Диепп и Гавр, следуя

---

[1] BD, III, p. 169.
[2] BD, III, № 221/a. Письмо лорда Сайденгама от 19 июля 1927 г.
[3] *Huguet*, op. cit, p. 17.
[4] BD, III, № 217/в.
[5] По первоначальному плану высадка английской армии намечалась прямо в Бельгии, якобы по просьбе бельгийцев о помощи в случае нарушения бельгий-

позже по железной дороге, если понадобится, в Бельгию, и затем, по обеспечении господства на море, меняя нашу базу на Антверпен. Вы должны показать это письмо сэру Фиппсу (английскому посланнику в Брюсселе. — *Н. П.)* и конечно держать его в курсе всего, что делается или что вы слышали, но чем меньше людей будет знать, что вы делаете, тем лучше» [1].

18 января Барнардистон посетил начальника бельгийского генерального штаба генерала Дюкарна и сообщил ему о предложении английской помощи. В своем отчете Грирсону об этих переговорах Барнардистон сообщает ответ Дюкарна:

«Он (Дюкарн. — *Н. П.*) сказал, что должен осведомить военного министра о моем запросе, прежде чем он будет в состоянии говорить со мной абсолютно свободно, и я ответил, что сэр Фиппс также скажет об этом запросе министру иностранных дел. Но я просил его (Дюкарна. — *Н. П.*) иметь в виду, что так как наши переговоры — только переговоры между двумя штабами, совершенно без каких бы то ни было обязательств какого бы то ни было характера, и крайне желательно, чтобы они не стали известны, то о деле должно быть сказано возможно меньшему числу лиц» [2].

О том, что в переговоры были замешаны не только представители штабов, но и официальный дипломатический аппарат, видно не только из отчета полковника Барнардистона, но и из бельгийских источников — из отчета генерала Дюкарна об этих переговорах с Барнардистоном, где имеются следующие строки:

«Барнардистон мне ответил, что британский посланник в Брюсселе поговорит по этому поводу с нашим министром иностранных дел» [3].

Генерал Дюкарн получил разрешение военного министра начать переговоры и на следующий день (19 января) посетил по поводу этого Барнардистона. Переговоры продолжались до конца апреля. Их результатом было то, что английский генштаб подробно ознакомился с мобилизационными и стратегическими планами бельгийской армии. Были вычислены сроки подвоза английского экспедиционного корпуса и необходимое количество железнодорожного состава, намечены районы сосредоточения, организован обмен информацией военной разведки и, насколько можно судить, организовано в Брюсселе английское разведывательное бюро; обе стороны обменялись военно-топографическими картами Бельгии. Кроме того генерал Дюкарн обещал выделить 30 офицеров и 273 жандарма для связи с британской армией, а также при-

---

ского нейтралитета немцами. Однако по настоянию французов из чисто стратегических соображений — не дробить сил в момент решительного боя — было принято развертывание в одну линию с французской армией, для чего следовало перенести высадку на французский берег (*Huguet, op. cit., p.* 19).

[1] BD, III, № 217/b.

[2] BD, III, № 221/c, № 1.

[3] *Schwertfeger*, Der geistige Kampf um die Verletzung der belgischen Neutralität, B. 1919, S. 142; BD, III p. 203.

нять меры «для обуздания печати» во время войны и т. д. и т. д.[1].

Как видим, дело было поставлено на довольно широкую ногу, причем англичане по вполне понятным соображениям старались избежать малейшей огласки. Как сообщал два месяца спустя Барнардистон, «только 5 лиц в Бельгии в настоящее время знают о переговорах: я, он (Дюкарн. — *Н. П.*), посланник его британского величества, военный министр и министр иностранных дел»[2]. Больше всего боялись оставить какие бы то ни было документальные улики.

«Я надеюсь привезти с собой все свои записки, — писал 14 апреля Барнардистон Грирсону, — и передать их вам, чтобы в будущем не было никакой опасности от существования здесь, в Бельгии, каких бы то ни было улик документального характера о наших сношениях с бельгийским генеральным штабом»[3].

Грирсон одобрил осторожность своего агента. Даже благодарность Дюкарну за любезное содействие и помощь было решено, по настоянию Холдена и начальника английского генерального штаба, выразить не письменно, а на словах через Барнардистона[4].

Самый факт переговоров категорически отрицался много лет, равно как отрицалось и предложение высадки экспедиционной армии в Бельгии. Однако тайну не удалось скрыть. После объявления войны и оккупации Бельгии германскими войсками в их руки попали бельгийские архивы, содержавшие отчеты Дюкарна о переговорах. Германские власти напечатали эти документы. Аутентичность их, за исключением фальсификаций, сделанных германской публикацией, не оспаривалась бельгийским правительством. Но даже в 1920 г. Холден напечатал в своих мемуарах письма английских военных атташе в Брюсселе — Бриджа и Барнардистона, через которых велись переговоры с бельгийским генеральным штабом. И Бридж и Барнардистон в своих письмах заявляли, что сообщенные в опубликованных немцами документах сведения о намерении английского генерального штаба высадить в 1905—1912 гг. экспедиционную армию в Бельгии лишены всякого основания. Относительно этого оба они давали «честное слово английского джентльмена» и сам Холден «конечно не знал ничего об этих переговорах»[5]. Споры по этому поводу прекратились только изданием третьего тома «British Documents»,

---

[1] BD, III, № 221/c, № 1—14. Одновременно Барнардистон выяснял по инструкции генерала Грирсона вопрос о позиции Голландии, если ее нейтралитет будет нарушен англичанами, наметившими первоначально базой Антверпен на Шельде, устье которой лежало на голландской территории. 17 марта Барнардистон сообщал Грирсону, что голландцы не смогут оказать сопротивление попытке англичан форсировать устье Шельды: „Они ничего не смогут сделать. Укрепления в устье Шельды не имеют никакой цены. Если даже голландцы займут враждебную нам позицию, я не думаю, чтобы они могли предпринять что-либо большее, чем протест или слабая демонстрация флота для спасения своего лица". (BD, III, p. 194).

[2] BD, III, № 221/c, № 7.

[3] BD, III, № 221/c, № 12.

[4] BD, III, № 221/c, № 13, 14.

[5] *Haldane*, Before the War, L. 1920, p. 180.

где были напечатаны подлинные отчеты Барнардистона, разоблачившие так старательно оберегавшуюся тайну.

Переговоры с бельгийцами кроме англичан вели повидимому и французы, на что указывает тот факт, что генерал Дюкарн с необыкновенной точностью осведомил Барнардистона о районе сосредоточения левого крыла французской армии:

«Продвижение [германских войск] через Арденны к юго-востоку от этой линии (Эйпен — Вервье — Ревен. — *Н. П.*) выведет их на французскую армию из 4 корпусов между Мезьером и Седаном»,—заявил Дюкарн Барнардистону, судя по отчету последнего Гриерсону [1].

Столь абсолютную уверенность, что германские войска натолкнутся на французскую армию именно в составе 4 корпусов и именно в районе Мезьер — Седан, трудно объяснить одним даром проницательности у почтенного генерала. Действительно, как раз в марте 1905 г. оперативно-стратегический план развертывания французских армий (план XV) был изменен в смысле выдвижения французских войск к северу от Вердена в район Седан — Мезьер, чтобы взять в клещи обходящее правое крыло германской армии [2]. В связи с этим сосредоточение бельгийских войск было вынесено к югу от линии Льеж — Намюр, а силы нового союзника — Англии — должны были развернуться между Намюром и Динаном и сомкнуться с левым крылом французов у Живе [3].

Таким образом фактически речь шла об англо-франко-бельгийском союзе для борьбы с Германией и притом в духе того «обязательства чести», которое было дано Греем. Факт такого союза признает сам Дюкарн в секретном докладе, написанном в 1909 г.:

«Англию можно считать до известной степени верным союзником. Она позволила нам не только считать себя им в известном отношении, но все обращение английского генерального штаба и его военные переговоры со мной в связи с одним сравнительно недавним кризисом дали нам официальное подтверждение в этом смысле» [4].

До войны в 1906 г. дело не дошло, хотя либералы, заступившие консерваторов, продолжали в лице Грея их политику организации войны и подталкивали французов и бельгийцев посредством обещания посылки экспедиционного корпуса и переговоров между генеральными штабами. В отличие от консерваторов, ничего не имевших против прямого нападения на Германию, — чего стоят в этом отношении проекты лорда Фишера, которые, как мы знаем, не были приняты только потому, что Германию нужно было прежде

---

[1] BD, III, p. 191.
[2] „Les Armées françaises", I, предисловие.
[3] BD, III, p. 191.
[4] *Schwertfeger*, op. cit., S. 52.

всего раздавить на суше, а не на море, — либеральное правительство в лице Грея придает весьма важное значение поводу, из-за которого должна начаться война. Это выдвижение на первый план повода к войне объясняется трудностью втянуть в войну английские трудящиеся массы.

«Пусть никогда и ни под каким предлогом, — поучал полковника Гюге член Комитета имперской защиты лорд Эшер[1], — французские генералы не позволят завлечь себя первыми на бельгийскую территорию. Если немцы осмелятся на это, то один этот факт будет в состоянии побудить нас объявить им войну».

Полковник Гюге, приводящий это заявление лорда Эшера в своих воспоминаниях, не указывает точно даты, но сам Гюге излагает в своих воспоминаниях как раз переговоры между штабами в 1906—1907 гг. Таким образом постановку вопроса о значении повода для войны можно без сомнения отнести к периоду, следующему непосредственно за приходом к власти либеральной партии. При удобном и хорошем поводе, оправдывающем перед массами вступление Англии в войну, либералы ничего не имели против последней.

Если до войны дело не дошло в 1906 г., то объяснение следует искать не в желании или нежелании либералов, а в том, что участники Антанты были не готовы к войне. Небоеспособной была не только царская Россия, только что пережившая манчжурскую авантюру и революцию 1905 г., но и сама Англия. Английский военный министр Холден, осведомленный Греем между 11 и 15 января о просьбе французов и «вопросе Камбона», немедленно созвал руководителей британского генерального штаба и имел встречу с полковником Гюге. Холден «сразу понял», что просьба французов — это «проблема новой армии. Дело шло о том, как мобилизовать и сосредоточить в районе концентрации против бельгийской границы силы, признанные достаточными (с помощью «русского давления» на востоке)[2], чтобы уравнять недостаточность сил французских армий для их великой задачи...»[3].

Организованное Холденом обследование английской армии с целью изучения ее боеспособности и возможности применения на континенте выявило полную непригодность существующих английских сухопутных сил для этих операций. Армия не была разбита на полевые дивизии, не имела артиллерии, не были налажены транспорт, снабжение, медицинская помощь. Выяснилось, что при существующем положении нельзя выставить более 80 тыс. чел., да и то спустя 2 месяца после объявления мибилизации. Естественно, что такая армия не могла быть пущена в ход, и Холден горестно писал в дневнике:

---

[1] *Huguet*, op. cit., p. 29. Гюге не указывает даты этого разговора.

[2] Таким образом „русское давление" на востоке предусматривалось английским военным министерстзом еще в январе 1906 г., т. е. до заключения договора между царской Россией и Англией в 1907 г., окончательно сконструировавшего политически Антанту.

[3] *Haldane*, op. cit., p. 30—33.

«Французы конечно считали, что столь медленно движущаяся машина принесет им мало пользы. Они могут быть уничтожены раньше, чем она будет в состоянии начать эффективно действовать»[1].

Итак, в 1906 г. Антанта оказывалась небоеспособной и не могла воевать. Тройственный же союз, хотя был вполне боеспособен, в тот момент все еще стремился выиграть время: он считал, что будет в состоянии разбить Антанту даже несколько лет спустя и хотел использовать эти несколько лет для улучшения ситуации на море. Антанта использовала полученную передышку для приведения себя в боеспособное состояние в возможно более короткий срок. И весь период времени после Алжезирасской конференции в 1906 г. до агадирского кризиса в 1911 г. проходит в спешной подготовке как военной, так и дипломатической. Последняя была не менее необходима, чем военная, так как хотя царская Россия и была связана с Францией оборонительным союзом, но для того чтобы она с такой же готовностью согласилась на поддержку Англии, необходимо было как следует договориться с царизмом и — участники Антанты это прекрасно понимали — согласовать интересы царской России со своими собственными.

Военно-стратегическая подготовка Антанты затрагивает как западный, так и восточный театры будущей войны, так как английские правящие круги прекрасно понимали, что без активного участия царской России организация коалиции, способной разгромить Германию на суше, невозможна. В основном задачи этой подготовки имели целью лишить австро-германский блок тех военных преимуществ, которые давал ему план Шлиффена. Хотя этот план держался в особой тайне, но, как можно судить по некоторым документам, французской военщине удалось узнать главные линии этого плана и соответственно изменить свои стратегические расчеты.

Согласно плану Шлиффена, германская армия могла осуществить полное сосредоточение и развертывание на 12-й день после начала мобилизации, а на 17—18-й день — начать генеральное сражение с французской армией. Последняя также могла быть готова в такой же срок, но она должна была вести борьбу один-на-один с германскими войсками, так как в силу длительности своей мобилизации царская Россия могла оказать нажим на востоке только на 30-й день. Конечно высадка английской экспедиционной армии во Франции и участие бельгийской армии в войне, на что Франция могла рассчитывать после англо-франко-бельгийских переговоров 1905—1906 гг., частично компенсировали неравенство сил на западном фронте и повышали его сопротивляемость германскому наступлению. Посылка английской экспедиционной армии и участие бельгийцев были соответственно учтены французским генеральным штабом, и это выразилось в

[1] *Haldane*, op. cit., p. 30—33.

выдвижении левого крыла французских армий к западу в район Мезьер — Седан, где они должны были сомкнуться с английскими и бельгийскими войсками.

Дальнейшее повышение сопротивляемости фронта Антанты упиралось в повышение численности армий союзников и их боевой подготовки.

Что касается французской армии, то здесь в области увеличения личного состава рассчитывать было не на что: Франция уже подходила к пределу, она выставляла в поле, что называется, до «последнего солдата» и именно для первого решительного боя. Бельгийская армия по численности была незначительной. Но главное, хотя на помощь бельгийцев и рассчитывали и на их участии строился план кампании, однако гарантии в том, что бельгийское правительство не струсит и не отступит в решительную минуту, когда Германия предъявит Бельгии требование пропустить свои войска через бельгийскую территорию, — такой гарантии ни Франция, ни Англия конечно не имели. Бельгийцы не внушали особого доверия, и переговоры с ними в 1906 г. английская военщина начинала с тяжелыми сомнениями. «Бельгийцы, мне кажется, осведомят немцев», — писал Сандерсон [1], в сопроводительной записке, посылая Грею письмо Грирсона. Правда, подозрения оказались неосновательными, бельгийцы даже проявили ретивость, заблаговременно мобилизовавшись, но все же твердой уверенности в позиции бельгийцев Антанта тогда еще не имела.

Задача выравнивания сил на западном фронте становится главной заботой организаторов Антанты. Как ни скупы английские мемуаристы в своих воспоминаниях о подготовке войны, но по отдельным их высказываниям можно видеть, что этого выравнивания хотели добиться путем включения в состав Антанты мелких западноевропейских государств. По крайней мере об одном таком проекте рассказывает в своих мемуарах его автор — Черчиль. 30 августа 1911 г. он предложил официально Асквиту и Грею заключить союз между Англией, Францией и царской Россией «для обеспечения между прочим (inter alia) независимости Бельгии, Голландии и Дании под условием выступления армий этих стран на стороне Антанты в случае нарушения их нейтралитета Германией» [2]. Однако этот своеобразный рекрутский проект был провален Греем, даже не предложившим его на рассмотрение кабинета из боязни, что «подобный шаг взорвет кабинет» (Черчиль).

Итак, пути тут были закрыты. Оставалась только английская армия, и вопрос об увеличении числа бойцов на западном фронте приходилось решать путем максимального увеличения английской экспедиционной армии. Согласно утверждению Делькассе первоначальный проект высадки этой армии в 1905 г. предусматривал стотысячный десант в Померании. При переговорах с Гюге в январе 1906 г. место высадки по техническим и политическим

[1] BD, III, № 210.
[2] *Churchill*, op. cit., p. 65; *Calwell*, I, p. 102.

соображениям сначала было перенесено в Бельгию, а потом во Францию. Однако, как бы ни хотела английская военщина увеличить численность экспедиционной армии, она не могла этого сделать в тех размерах, какие требовал западный фронт. Существующая в английской армии добровольческая система не могла дать много людей, а ввести в Англии в мирное время воинскую повинность было не по силам ни одному английскому кабинету, тем более либеральному.

Все же вопрос о введении в Англии обязательной воинской повинности в мирное время был выдвинут. Его выдвинули правящие круги Франции, настаивавшие на увеличении экспедиционной армии для выравнивания сил. Во время свидания с королем Эдуардом VII и Извольским 26 августа 1908 г. Клемансо буквально требовал от англичан введения в Англии воинской повинности, называя территориальную армию «игрушкой» [1]. В 1910 г. он повторил «так грубо, как он умел это делать», свое требование начальнику английского генерального штаба Френчу во время свидания с последним, устроенного по просьбе Френча графиней Варвик: «Очень мне нужна сентиментальная Антанта! То, что мы хотим знать, — это сколько людей вы можете выставить в поле, когда дело дойдет до войны с Германией. Френч нервно ответил — около 400 тыс. Клемансо был полон презрения. Он сказал, что это число должно быть увеличено до миллиона, иначе французское общественное мнение будет считать англо-французскую дружбу сентиментальной выдумкой» [2]. Введения в Англии воинской повинности требовал тогда же и Фош [3].

Эта инициатива французов по введению в Англии воинской повинности была подхвачена и английской военщиной. Дальновидные представители английского империализма прекрасно понимали необходимость этой меры, которая бы сильно улучшила сопротивляемость западного фронта. Английский генеральный штаб неоднократно выдвигал вопрос о введении воинской повинности перед Комитетом имперской защиты, где были сосредоточены вопросы подготовки войны. Довольно популярный в Англии фельдмаршал Робертс после выхода в отставку, т. е. не будучи связан никаким официальным положением, в 1909 г. даже начал кампанию на страницах газет в пользу введения в Англии воинской повинности и организовал особый общественный комитет для проведения этой кампании, но ничего не мог добиться: кабинет упорно отказывался от обсуждения этого вопроса.

По мере роста военной опасности и приближения сроков войны вопрос об обязательной воинской повинности в Англии становится все более острым. Особенно тяжело переживает его английская военщина. Генеральный штаб в лице генерала Вильсона, чтобы побудить либералов «исполнить долг» перед страной, вступил в секретные переговоры по вопросу о введении всеобщей воинской

---

[1] *Steed*, Through thirty years 1892—1922, L. 1924, v. I, p. 287.
[2] „Daily Herald" от 4/IV 1930.
[3] *Calwell*, op. cit., I, p. 93.

повинности в 1911—1912 гг. с лидерами консерваторов Бонар-Лоу и Бальфуром. Заручившись их поддержкой, он предлагал Асквиту созыв Round Table Conference, но последний не согласился на это из боязни расколоть либеральную партию[1].

Воинскую повинность в Англии удалось ввести только во время войны, так как внутриполитическое положение делало немыслимой эту меру в мирное время[2]. Встревоженному введением воинской повинности общественному мнению пришлось бы объяснять причины ее введения, т. е. рассказать парламенту и стране о выданном тайно в 1906 г. «обязательстве чести» поддержать Францию, а это при господствовавшем настроении грозило падением кабинета и серьезными осложнениями. Не менее важны были и соображения внешней политики. Германия знала о военных приготовлениях Антанты и сама готовилась предупредить их путем организации превентивной войны, встретить которую ни Англия, ни вся Антанта не были готовы. А такая превентивная война в то время, как мы знаем, могла сделать Германию хозяином положения на континенте[3].

К этим двум достаточно веским причинам Комитет имперской защиты, отвергая проект введения всеобщей воинской повинности в 1912 г., добавил третью: он считал, что создать в двухтрехлетний срок хорошую армию на основе всеобщей воинской повинности невозможно. Наоборот, можно было подорвать рекрутскую систему, которую собирались ввести после начала войны, и преждевременно *всполошить и противника и народные массы.*

Таким образом вопрос об увеличении численности английской экспедиционной армии путем введения всеобщей воинской повинности в Англии представлял неразрешимую проблему. Увеличивать экспедиционную армию приходилось на основе все той же волонтерской системы, а это не могло дать большого эффекта. С другой стороны, ни одно английское правительство не могло отправить на континент в составе экспедиционного корпуса все наличные силы, какими располагала Англия. Надо было охранять страну от «внутреннего врага» и от врага внешнего: руководящие морские военные круги Англии в то время (после 1906 г.) весьма и весьма опасались того, что Германия неожиданно без объявления войны высадит на английском берегу значительный десант.

Конечно предупредить германский десант должен был английский флот. Это в полном смысле слова была его задача. Но британские империалисты не меньше боялись внезапного нападения германского флота на английский и такого ослабления последнего, которое позволило бы германскому флоту вступить в решительный бой на море с надежными шансами на успех. По словам

---

[1] *Calwell*, I, p. 114—116, 125. Ср. проект „партийного перемирия" (Party Truce), выдвинутый Ллойд-Джорджем в 1910 г. — *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 52—54.

[2] О невозможности введения воинской повинности в Англии по внутриполитическим соображениям см. у Холдена: „говорить стране мы не могли, так как это помешало бы и не помогло в этом смысле" (*Haldane*, op. cit., p. 179).

[3] *Haldane*, op. cit., p. 174.

Черчиля, «абсолютная обеспеченность от наиболее гнусного предательства была физически невозможна»[1], и боязнь неожиданного, без объявления войны, нападения германского флота приблизительно с 1907 г. определяет всю жизнь английского адмиралтейства и военного министерства, усиливаясь с каждым годом. Как свидетельствует Черчиль (не приводя, правда, даты), Комитет имперской защиты предписал адмиралтейству учитывать возможность неожиданного нападения германского флота. В 1911 г. после Агадира с обострением опасности войны адмиралтейство было переведено на военное положение.

Но даже сбережение английского флота в полной сохранности не обеспечивало Англию от высадки германского десанта. Адмиралтейство учитывало три варианта возможной высадки:

1) внезапная высадка экспедиционного корпуса без объявления войны («bolt from the blue», в свободном переводе — «гром с ясного неба»);

2) такая же внезапная высадка, когда вся английская армия или значительная часть ее отправлена в колониальную экспедицию («bolt from the grey» — «гром из-за туч», в свободном переводе — «нападение под прикрытием тумана»);

3) высадка уже во время войны с Германией.

Восточные берега Англии с крупнейшими промышленными центрами были совершенно лишены укреплений, и высадка значительного отряда, по мнению адмиралтейства, хотя была и не легко выполнима, но все же возможна. Во-первых, английская армия, издавна расквартированная в юго-западных округах, предназначалась для отражения внезапной высадки французской армии. Во-вторых, адмиралтейство ручалось только за то, что успеет перехватить высадку армии, насчитывающей свыше 70 тыс. чел., и то при условии, что весь английский флот будет заранее сконцентрирован на своей военной базе[2]. Между тем удачная высадка даже небольшой армии дала бы германцам возможность разрушить заводы, фабрики, верфи и т. п. и этим сильно подорвать экономическую и боевую мощь Англии. В течение 7—10 дней такой отряд был бы хозяином положения в северном промышленном районе, так как ранее этого срока английское военное командование не могло бы сосредоточить достаточно сил для ликвидации десанта.

Это выяснилось на маневрах 1907—1908 гг., устроенных адмиралтейством и генеральным штабом с целью выяснить возможность высадки неприятеля в Англии. Маневры обнаружили, что тесная блокада германских берегов была невозможна, а это не только делало возможными налеты германского флота на восточное побережье Англии, но и позволяло германцам осуществить высадку на английском берегу. Еще более возможна была эта высадка без объявления войны, *до* установления блокады. Проек-

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 150.
[2] Ibid. p. 151—152.

ты предотвращения германского десанта разрабатываются весь период до начала войны, но с таким же неуспехом. В 1912 г. например на маневрах была испытана система кордона крейсеров, поддерживаемых линейным флотом, от Норвегии до берегов Англии и, по свидетельству Черчиля, оказалась неудачной[1], хотя он не указывает, в чем именно заключалась неудача. На маневрах 1913 г., как рассказывает Черчиль, также изучалась возможность высадки десанта.

«Сэр Джон Джеллико составил несколько таких планов для рейда на английское побережье и начал приводить их в исполнение. Он достиг таких значительных успехов, что я счел необходимым на третий день прекратить маневры, чтобы мы не могли научить германцев, обучаясь сами»[2].

И Черчиль пришел к выводу, что «опасность грома с ясного неба («bolt from the blue») никоим образом не была фантастической»[3].

Еще более реальной являлась угроза внезапного германского десанта во время посылки английской армии в колониальную экспедицию. Единственным средством для устранения этой опасности было прекращение колониальных авантюр, или, как писал Черчиль в 1913 г., «трезвое и скромное поведение» в колониальных вопросах. Действительно английское правительство после 1906—1907 гг. не предпринимает никаких крупных колониальных авантюр, требующих посылки из Англии *значительных* военных сил.

Опасность германского десанта и необходимость посылки в помощь французам экспедиционной армии ставили по-новому вопрос об английских сухопутных силах. Компромиссное решение его наметил Холден в результате обследования английской армии, когда «вопрос Камбона» в 1906 г. обусловил возможность посылки английской экспедиционной армии на континент. Холден, как мы знаем, «сразу понял», что это «проблема новой армии». Англия должна была иметь две армии: одну — экспедиционную, которую в случае войны Антанты с Германией посылали во Францию, другую — местную, остававшуюся в Англии для защиты ее от германского десанта.

Приведение английских военных сил в необходимую боеспособность пошло по этим обоим направлениям. Что касается местной армии, предназначенной для отражения германского десанта, то вопрос о ней был разрешен в 1912 г. путем реорганизации прежнего милиционного ополчения, так как Холден признал, что оно в прежнем виде вообще не годится для защиты Англии от германского десанта. Экспедиционная же армия, численность которой была ограничена теми причинами, о каких мы уже говорили, сразу же после обследования Холдена также подверглась реор-

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 147.
[2] Ibid., p. 148.
[3] Ibid., p. 149.

ганизации. Одновременно для изучения военного дела в Германию был послан «друг Германии», как называли его германские газеты, Холден с целью изучить организацию германской армии и использовать опыт германского генштаба при организации своей. Благодаря содействию и помощи самого Вильгельма Холден получил возможность изучить постановку дела и организацию германской армии, а также воспользоваться при этом разъяснениями германского генерального штаба и военного министерства[1]. Таким образом он учился у тех, с кем собирался воевать.

Как свидетельствует Холден, «результатом была полная перестройка, которая после трех лет работы сделала возможным быстро мобилизовать не только 100, но 160 тыс. чел., перевезти их с помощью флота в место сосредоточения, намеченное французским и английским генштабами, и иметь их в указанном месте в 12 дней — срок, обусловленный тем, какой требовался германской армией для ее собственного сосредоточения»[2]. Как указывает Холден, «без этой перестройки вряд ли хоть одна бригада могла быть послана на континент»[3].

О работе Комитета имперской защиты, где были сосредоточены вопросы военной подготовки и организации войны за это время, довольно хорошо рассказывает в своих мемуарах Асквит:

«Были изучены и детально разработаны вопросы о высадке и действиях экспедиционного корпуса, о подготовке территориальной армии, о военных нуждах Британской империи в связи с положением в Египте, о положении Англии в Южной Персии и Персидском заливе в связи с постройкой Багдадской железной дороги, о режиме нейтральных и вражеских торговых судов во время войны (комиссия Гардинжа), о проблеме торговых сношений с врагом во время войны (комиссия лорда Дезарта, заседавшая 2 года), о контроле портов, железных дорог, снабжении, охране английских и захвате вражеских кабелей, военной навигации, защите Суэцкого канала и Гонконга, стратегическом положении на Тихом океане и на Средиземном море, о базах для флота, переведенного из Средиземного в Северное море, газетной и почтовой цензуре во время войны, режиме для иностранцев»[4] и т. д.

Французский и английский генеральные штабы больше всего конечно волновали сроки переброски экспедиционной армии на континент. Она должна была принять участие в первой же решительной схватке, иначе пропадал самый смысл ее посылки: поэтому мобилизация должна была производиться в один день с мобилизацией французской армии, так как замедление могло отразиться на сроках развертывания. Об этом приходилось помнить даже в те годы, когда реорганизация экспедиционной армии еще не была закончена. Поэтому Foreign Office требовал проведения

---

[1] BD, III, № 435.
[2] *Haldane*, op. cit., p 33.
[3] Ibid., p. 157.
[4] *Asquith*, II, op. cit., p. 115—117.

подготовительных мобилизационных мер на суше и на море при всякой мало-мальски заметной напряженности международных отношений. Так было во время Алжезирасса, так было во время инцидента в Казабланке[1], когда Грей настоял на приведении английского флота в боевую готовность, так было во время боснийского кризиса, так было, как мы увидим ниже, в период Агадира и балканских войн. Ни один кризис не прошел без того, чтобы руководители английской политики не требовали принятия на всякий случай подготовительных мер к мобилизации, на что английская военщина шла с большой охотой. Предосторожность организаторов войны доходила до того, что проекты королевских указов (Orders in Council), которые только одни являлись легальным полномочием на мобилизацию армии и флота, «сопровождали короля всюду, куда бы он ни ездил, во время глубокого мира»[2]. Подписать заранее указы было бы неосторожно, так как это давало бы ясное указание на то, что Англия предвидела войну и готовилась к ней, — а перед общественным мнением и парламентом надлежало изобразить дело таким образом, что Англия неожиданно подверглась нападению. Но что сказать о такой ситуации, когда «возлюбленный» английский монарх, отправляясь с очередным визитом к своему «возлюбленному брату» — Вильгельму II или Францу-Иосифу, вез в своем кармане приказ о мобилизации всех своих сухопутных и морских сил против названного «брата»? Признание Асквита разоблачает весьма пикантный штрих из «тайн британского двора».

Одновременно возобновились переговоры между английским военным министерством и французским генеральным штабом, начатые в январе 1906 г. и прекратившиеся после Алжезирасской конференции. Они проходили в сугубой тайне. Французский военный атташе Гюге продолжал посещать английское военное министерство, но, как заявляет он сам, «с черного хода» и довольно редко. Как признается в секретном меморандуме о ходе переговоров с французами, имевших место после Алжезирасской конференции до Агадира, начальник английского генерального штаба Вильям Никольсон, всем генеральным штабом «была проявлена величайшая забота относительно того, чтобы рассматривать планы об оказании военной помощи Франции как тайные, гипотетические и не имеющие характера обязательства. Лично я никогда не говорил по этому вопросу ни с одним французским офицером, даже с полковником Гюге»[3]. Понятно, почему. Пока свою армию английские империалисты сами считали неготовой, приходилось помнить о «скромном и трезвом поведении». Все же французский генеральный штаб держали в курсе всех перемен в плане высадки и концентрации английской экспедиционной армии во Франции,

[1] BD, VIII, № 132.

[2] *Asquith*, op. cit., p. 118; также *Ю. Корбетт*, Операции английского флота в мировую войну, т. I, Л. 1927, стр. 43. „Король никогда не отправлялся в путешествие без тех бумаг, которые требовали его подписи".

[3] BD, VII, № 639.

последовавших в результате проводимой Холденом реорганизации английской армии.

Адмиралтейство было ознакомлено с оперативно-стратегическими планами войны военного министерства и генштаба лишь в той части, которая касалась участия адмиралтейства в перевозке войск. Борьба, которая велась между английским адмиралтейством и военным министерством по вопросу о выборе главного удара, заставляла английский генеральный штаб скрывать свои планы от моряков, которые могли «невзначай проболтаться».

Хотя «работа в силу различных причин подвигалась очень медленно»[1], однако, как мы уже говорили, английская армия к 1910 г. после проведенной реорганизации признавалась Холденом достаточно подготовленной для операций на континенте. Так как французская и бельгийская армии считались готовыми, то таким образом западный фронт казался и английским и французским организаторам войны приведенным в боеспособное состояние.

Одновременно английский и французский генеральные штабы прилагают немало труда на приведение в боевую готовность и восточного фронта, царской России, чья военная мощь сильно пострадала от манчжурской авантюры и революций 1905 г. С точки зрения англо-французского стратегического плана, основные контуры которого были разработаны в январе — апреле 1906 г., участие царской России в войне с Германией признавалось как французскими, так и английскими военными кругами абсолютно необходимым. Царская Россия путем давления на востоке должна была отвлечь на себя значительную часть германских военных сил и этим ослабить наступательный порыв германской армии на западе против Франции. Задача, которую ставила себе Антанта по отношению к царской армии, заключалась в том, чтобы, во-первых, повысить ее боеспособность, и, во-вторых, усилить и ускорить давление царских войск на восточном германском фронте и тем самым привлечь на этот фронт столько германских военных сил, чтобы лишить Германию возможности справиться в одиночку с Францией до окончания общего развертывания царской армии.

Заботу о приведении царской России в должную боеспособность взяли на себя, как люди трезвые, французские банкиры. Крупный заем 1906 г., предоставленный парижской биржей самодержавию в его самые черные дни, помог ему справиться с русской революцией и предупредить финансовую катастрофу, вызванную падением рубля. Этот заем, реализация которого была произведена при содействии французского правительства, показал царизму, что новое англо-французское «сердечное согласие» 1904 г. направлено не против царской России. «Союз с Россией остается по глубокому моему убеждению основанием французской политики», — подводил в 1906 г. итог своим впечатлениям от обра-

[1] *Huguet*, op. cit., p. 31.

зования Антанты царский посол в Париже Нелидов[1]. Он не ошибался: помощь царской России после заключения Антанты приобретала для Франции и Англии еще большую ценность, чем до сих пор.

Это объясняет, почему в 1906 г. после пятилетнего перерыва *по инициативе французов* было созвано совещание начальников французского и царского генеральных штабов. Оно обозначило новую полосу франко-русских отношений, естественно вытекавшую из факта организации англо-французской Антанты.

Результатом этих переговоров было то, что во франко-русский договор были внесены значительные изменения. Французы категорически отказались подтвердить свои обязательства на случай войны царской России с Англией, те обязательства, которые были внесены в этот договор на совещаниях начальников обоих генеральных штабов в 1900 и 1901 гг. по инициативе самих же французов. В то же время обязательства царской России по отношению к Франции оставались прежними. Мало того, царская Россия формально освободила Францию от обязательства выступить на поддержку царизма в случае нападения Австрии. Таким образом отныне франко-русский союз заостряется исключительно против Германии. Позиция Франции в союзе усиливалась, а позиция царской России соответственно ослаблялась. Наконец самым главным политическим следствием совещания 1906 г. было принятое по настоянию начальника французского генерального штаба постановление, что протоколы совещаний начальников штабов должны утверждаться правительствами обеих стран, а это превращало эти протоколы в формальные договоры. По мнению царских военных специалистов, эти изменения во франко-русском договоре лишали царскую Россию самостоятельности в первый период войны, заставляя ее обратить все усилия против Германии, хотя для царской России имел гораздо большее значение разгром Австрии в первые же дни войны[2]. Но именно этого — возможности усилить и ускорить нажим царских армий на Германию на востоке и ослабить германские силы на западном фронте — и добивались союзники, строившие на таком ослаблении германских войск на западном фронте свой план войны.

Русский империализм пошел на это ухудшение для себя условий франко-русского союза, равно как шел на такого же рода ухудшения и дальше. Это объясняется, во-первых, золотой цепочкой французских займов, которая подталкивала царизм навстречу требованиям французского империализма. Второй причиной согласия царизма на изменение франко-русского союза было то, что русский империализм преследовал свои собственные империалистические цели, достигнуть которых он после неудачи манчжурской авантюры мог только путем европейской войны с обязательным разгромом Австрии и Германии. Поворот царской России

---

[1] *Зайончковский*, I, стр. 346—349.
[2] Там же, стр. 118—121.

после манчжурской авантюры «спиной к обдорам» и лицом к Балканам и Константинополю требовал помощи Франции и Англии и их согласия на удовлетворение аппетитов царизма. Вот почему царское правительство не только соглашается на изменение характера франко-русского союза, но и энергично работает над приведением себя в боеспособное состояние, добиваясь при этом содействия и помощи французского правительства и парижской биржи путем получения от последней займов на военные цели. Эти стремления царизма совпадают со стремлениями французского и английского империализма, которые идут навстречу царской России.

В марте 1906 г. перед упомянутым уже совещанием начальников французского и царского генеральных штабов, состоявшимся 8—11 апреля, французский посол в Петербурге вручил царскому министерству иностранных дел программу предстоящего совещания и опросный лист, по отдельным пунктам которого начальник царского генерального штаба генерал Палицын должен был дать ответ на совещании. Вопросы имели целью выяснить, насколько пострадала царская армия во время войны с Японией и как скоро она может восстановить свою боевую силу[1]. На совещании Палицын заявил, что царская армия пострадала в материальном отношении в Манчжурии меньше, чем можно было ожидать, что она и сейчас способна к мобилизации, хотя и в более длительный срок, и что к апрелю 1907 г. армия будет способна выступить на поле битвы как крепкий боевой организм, не совсем впрочем способный к наступательным боевым операциям. Французские военные круги считали, и притом совершенно основательно, эту уверенность Палицына чрезмерной[2].

На совещании 1907 г. начальник французского генерального штаба делает подробный экзамен царским представителям относительно подготовки царской России к войне. То же самое происходит на совещании 24 сентября 1908 г. На совещаниях 1910 и 1911 гг. французский генеральный штаб требует от царизма приложить все усилия, для того чтобы связать максимальное количество германских сил на восточной границе и ускорить военную подготовку. В период 1906—1911 гг. царизм и Антанта проводят большую работу по усилению боеспособности и ускорению подготовки царской России к войне.

Не менее важное значение, чем боевая подготовка и приведение своих сил в боеспособное состояние, имела для Антанты подготовка политическая. Мы говорим в данном случае не столько о попытках Антанты разрушить Тройственный союз или о ее борьбе за наиболее выгодную для себя расстановку сил на международной политической арене, сколько о налаживании, уточнении самого военно-дипломатического плана развязывания войны.

Обязательной частью этого плана было выступление царской

---

[1] *Зайончковский*, I, стр. 118—119.
[2] Там же, стр. 345—346, 348.

России на стороне Антанты, обусловленное чисто стратегической необходимостью, так как без царской России война с Германией и ее разгром были невозможны. Но в таком случае следовало поставить царскую Россию в такие политические условия, при которых ее выступление дало бы наибольший эффект. Конечно английский империализм не без основания рассчитывал, что в случае войны с Германией царизм выполнит свои союзные обязательства по отношению к Франции в силу своих собственных интересов. Но эти обязательства не были безусловными, и следовательно помощь царской России не была безоговорочной.

В частности согласно точному смыслу франко-русского договора царская Россия должна была выполнить свои обязательства перед Францией о поддержке в том случае, если нападающей стороной явится Германия. В противном случае по смыслу конвенции царская Россия не обязана была выступать, и тогда могла произойти «осечка». С другой стороны, та же конвенция обходила молчанием вопрос о выступлении царской России на помощь Франции в том случае, если нападение Германии произойдет не непосредственно на Францию, а, положим, на Бельгию, или если война произойдет из-за Марокко. Оставалось неясным, явится ли вторжение немцев в Бельгию достаточным, для того чтобы франко-русская конвенция вступила в силу, чтобы царская Россия сочла его за casus belli и для себя.

Конечно все это были поводы, так сказать, *формального* порядка. Русский империализм, повторяем, имел достаточно своих собственных противоречий с Германией, для того чтобы вступить в войну на стороне Антанты. Но все-таки эти неясности и недоговоренности во франко-русской конвенции следовало устранить и сделать выступление царской России на стороне союзников безусловным, вернее говоря, следовало добиться того, чтобы планы войны царской России с Германией и Австрией были согласованы не только с такими же планами Франции, к чему царизм был обязан по франко-русской конвенции, но и с планами войны Англии. Иначе говоря, требовалось установить и разработать единый оперативно-стратегический план всей Антанты в целом.

Непременным условием разработки такого плана было согласование интересов русского империализма с интересами империализма французского и особенно английского. Но вот тут-то и было свое «но». Если между царской Россией и Францией не было острых противоречий, если их цели и интересы во многом совпадали, то противоречия между царской Россией и Англией были в определенных областях не менее остры и резки, чем противоречия царской России с Германией. Царская Россия сталкивалась с Англией на Дальнем Востоке, в Средней Азии, в Иране, в Турции, в вопросе о проливах. Не разрешив этих противоречий хотя бы временно, не примирив интересы обоих соперников, нельзя было надеяться на достаточно активную и эффективную помощь царской России.

Английский империализм, добившийся в 1904 г. соглашения с Францией, после 1906 г. вступает на путь улаживания своих отношений с царской Россией. Результатом этой политики Англии явился ряд соглашений, заключенных царизмом как с Англией, так и с другими государствами.

На Дальнем Востоке царская Россия, разгромленная в войне 1904—1905 гг., не могла уже иметь тех широких колониальных притязаний и претендовать на «особые задачи России» в Китае, какие она выдвигала перед войной с Японией и на какие сейчас по примеру царизма претендует японский империализм (нота 17 апреля 1934 г.).

В результате этой войны за царской Россией осталась только Северная Манчжурия. Чтобы обеспечить боеспособность царской России в войне с Германией, следовало обеспечить ее тыл на Дальнем Востоке от Японии. Английский империализм, в 1902—1903 гг. [1], натравлявший Японию на царскую Россию, выступил «честным маклером» между ними, и при его помощи 30 июля 1907 г. было заключено японо-русское соглашение, дополненное в 1910 г. секретным договором о разграничении интересов царской России и Японии в Китае. В результате этих соглашений царская Россия оставляла за собой Северную Манчжурию и получала «свободу рук» в Монголии.

Наиболее остро сталкивались интересы царизма и английского империализма в Иране, из которой царская Россия вытесняла Англию. Здесь в роли посредника выступило французское правительство в лице Клемансо и Пишона, дружески посоветовавших царскому правительству сговориться с Англией [2]. Результатом англо-русских переговоров было заключение англо-русского договора 1907 г., которым разграничивались сферы влияния Англии и царской России в Иране, Афганистане и т. д.

Русский империализм шел на это разграничение влияния, хотя некоторые из соглашений, в частности англо-русско-персидское, были выгодны скорее Англии, чем царской России. Но царская Россия хотела скорее добиться соглашения, так как с уходом своим с Дальнего Востока она ставила перед собой большую «генеральную цель» — Константинополь и проливы, овладеть которыми она могла только при согласии на то Франции и Англии и после разгрома Тройственного союза.

Союзники, в том числе и Англия, вполне ясно отдавали себе отчет в этих стремлениях русского царизма к Константинополю. Но как «честные» империалистические державы они хотели получить возможно больше, а уплатить возможно меньше. Они хотели поторговаться, и уж если отдать царской России такой жирный кусок, как Константинополь и проливы, так только за самую энергичную, самую активную и самую эффективную помощь в войне Антанты с Тройственным союзом. Наиболее же

---

[1] См. гл. I.
[2] BD, IV, № 232, 233.

эффективным выступление царской России было бы конечно в том случае, когда царизм бросил бы максимум своих сил на германский фронт, отвлекая на себя возможно больше германских войск с западного фронта. Вот почему, хотя Комитет имперской защиты еще в 1904 г. признал, что появление царских броненосцев на Средиземном море не явится смертельной угрозой для существования Британской империи, английский империализм не склонен был предоставить царизму Константинополь как добычу в результате чисто балканской войны. Да и вступление Англии в войну (результатом схватки царской России из-за Константинополя с Турцией была бы мировая война) никакими предлогами нельзя было оправдать перед массами. «Славянские» претензии царской России английское общественное мнение считало необоснованными. «Сербский вопрос не таков, чтобы мы должны были из-за него сражаться»[1], — так подытоживал даже в 1914 г. английский посол в Париже лорд Берти свои впечатления по поводу австро-сербского конфликта.

Столь же ничтожными были эти претензии царизма и в глазах французского империализма. Французский империализм был настолько заинтересован в делах Ближнего Востока и Малой Азии, что уступка царизму Константинополя и проливов могла рассматриваться им как не меньшее бедствие, чем потеря куска французской территории. Общественное мнение французской буржуазии во всяком случае скорее потребовало бы противодействия этим планам царской России, нежели содействия им.

Таким образом, несмотря на ряд соглашений о разграничении интересов между царской Россией и ее союзниками, политический механизм нового блока еще не был налажен. Внутри его таились еще глубокие противоречия, обнаружившиеся во время боснийского кризиса в 1908 г.

Мы не будем останавливаться подробно на всех перипетиях боснийского кризиса, уже достаточно освещенных в исторической литературе. Нам он важен лишь для понимания его роли в выработке военно-политического механизма для развязывания мировой войны. Боснийский кризис не закончился войной по двум причинам. Во-первых, из-за недостаточной военной готовности Антанты — как энергично ни работало английское военное министерство над реорганизацией своей армии, а царское — над своей, ни английская, ни царская армия не были еще боеспособны. Второй причиной была недостаточная подготовка Антанты в политическом отношении, что выявил боснийский кризис.

Боснийский кризис возник потому, что царское самодержавие впервые после поворота «спиной к обдорам» официально поставило вопрос о проливах. Поставил этот вопрос царский министр иностранных дел Извольский, считавший, что нужда Антанты в союзниках для войны с Германией обеспечивает внимание Англии и Франции к интересам царской России и захват последней Кон-

---

[1] *Берти*, За кулисами Антанты, Гиз, 1927, стр. 18.

стантинополя не вызовет противодействия Антанты, а, наоборот, будет поддержан ею как союзником. При таком расчете оставалось только договориться с Тройственным союзом, в частности с Австро-Венгрией — наиболее сильным конкурентом царской России на Балканах. В сущности Извольский намечал раздел Турции, раздел наследства «больного человека». Он рассчитывал, что союзники воспользуются случаем для осуществления своих собственных империалистических целей в Турции и в этом разделе Турции царская Россия получит с помощью Англии и Франции проливы при молчаливом согласии Австрии, удовлетворенной Боснией и Герцеговиной.

Постановке вопроса о Константинополе предшествовала некоторая предварительная подготовка, выражавшаяся в исключительной уступчивости царизма всем военным пожеланиям союзников. Эту уступчивость царской России после 1906 г. нельзя объяснить только цепочкой французских займов. Идя навстречу военным пожеланиям Франции, иногда даже в ущерб выполнению своих стратегических задач, царская клика надеялась, что Франция соответственно оценит проявленные царизмом «благоразумие» и «добрую волю» и отблагодарит за это царскую Россию безоговорочной поддержкой «жизненных» интересов последней.

Та же политика «доброй воли» проводилась и по отношению к Англии.

Не случайно на совещании начальников французского и царского генеральных штабов в 1908 г., состоявшемся за 10 дней до начала боснийского кризиса, Извольский добровольно, без всякого намека с французской стороны, предложил включить в протокол совещания согласие царской России немедленно мобилизоваться в случае германской мобилизации против Англии. Так как протоколы совещания утверждались царским правительством, то это обещание имело значение уже не только военного, но и политического векселя. За проливы царская Россия соглашалась на что угодно, и предложение Извольского на совещании было щедрым даром, взамен которого дарившие рассчитывали получить дар, не менее щедрый.

Однако союзники, несмотря на дар, не поддержали претензии Извольского, когда разразился боснийский кризис. Раздел Турции мог вызвать войну между Германией и царской Россией по такому предлогу, который английское общественное мнение не признало бы достаточным для вмешательства Англии на стороне царской России. Второй причиной отказа союзников было то, что они находили притязания царской России чрезмерными. Поэтому планы Извольского, поехавшего в Париж и Лондон реализовывать боснийский проект, не были поддержаны. Хуже всех поступили французы — долголетние друзья и союзники. В Лондоне не говорили ни да, ни нет о содержании сделки Извольского с Эренталем, но по крайней мере вежливо слушали, обещая подумать. Во Франции же о проливах не захотели просто разговаривать, указав на несвоевременность такого вопроса. Извольскому при-

шлось уехать ни с чем, констатировав печальный факт, что «друг и союзник» — Франция — в решительный момент «со всеми пожитками перешел на сторону Австрии»[1].

Поддержать претензии царизма союзники не могли ввиду неготовности их армий к войне и отсутствия подходящего к ней повода. Позиция Франции в боснийском кризисе более чем понятна, так как французский финансовый капитал был крайне заинтересован в сохранении Турции, где его инвестиции были наиболее значительными по сравнению с другими государствами. Весьма заинтересована была в Турции и Англия.

Конечно Антанта учитывала настроения царизма и его цели в будущей войне, но, как ни тяжела казалась ей жертва, требуемая царской Россией за военную помощь, она соглашалась принести эту жертву при определенных условиях. Свой наиболее ценный приз русский империализм должен был получить не перед мировой войной, ибо после этого его целью была бы защита приза и, уже во вторую очередь, забота о западном фронте, а этого допустить было нельзя. Нет, русский империализм, если ему вообще суждено было «утвердить святой крест на Айя Софии», должен был получить проливы только *как конечный результат войны, только в награду за самую энергичную, самую безоговорочную помощь и только после разгрома Германии.* Иной модус получения не гарантировал союзников от самых неприятных случайностей вплоть до «черной измены», если, чего доброго, война затянется и Германия будет иметь успех. Сначала нужен был разгром Германии, тем более, что после него можно было и подумать, в зависимости от обстановки, давать ли царской России проливы или не давать[2].

Урок боснийского кризиса царская Россия учла хорошо. Как мы увидим ниже, его припомнили в подходящее время и сосчитались с союзниками, использовав для этого агадирский инцидент в 1911 г.

Так проходит первый период существования Антанты. Он характеризуется энергичной работой ее участников по приведению себя в боеспособное состояние и работой по согласованию интересов членов Антанты как между собой, так и по отношению к добыче от предстоящей войны. В международной политической жизни Антанта выступает как крупный политический фактор, к которому начинают тяготеть некоторые нейтральные государства, видя в нем силу, равную Тройственному союзу.

Как можно видеть из событий этого периода (1906—1911 гг.), основные элементы будущего механизма по развязыванию войны намечаются именно в эти годы. К таким элементам относятся: необходимость участия царской России, повышение сопротивляемости западного фронта путем привлечения бельгийцев и нарушения бельгийского нейтралитета — последнее как наиболее вы-

---

[1] *Зайончковский*, I, стр. 195.

[2] Ср. „Материалы", стр. 115, 144—145, 529—538 и др.

годный повод для развязывания войны. Все эти элементы будут фигурировать в дни июльского кризиса 1914 г., они явятся обязательными элементами в событиях июльского кризиса как звенья военно-дипломатического механизма по развязыванию войны 1914 г. Но указанных элементов было еще недостаточно для развязывания войны 1914 г. и обеспечения наиболее выгодного для Антанты варианта начала войны. Для создания этих условий необходимы были еще дополнительные элементы.

★

В процессе военно-дипломатической подготовки развязывания войны агадирскому инциденту принадлежит исключительная роль [1]. Он явился тем оселком, на котором была испытана готовность Антанты к войне как в политическом, так и в военном отношениях. Испытание дало отрицательные результаты, обнаружив недостаточную подготовку царской и английской армий для борьбы с австро-германским блоком и несогласованность политического аппарата Антанты — отказ царской России поддержать Францию в ее конфликте с Германией из-за Марокко, попытки Кайо сговориться с Германией. Однако агадирский инцидент имел крупнейшее значение для Антанты, позволив проверкой работы ее военно-политического аппарата соответственно уточнить его, исправить и дополнить. С другой стороны, он является характерным показателем подлинного значения Англии, *резко выявляя ее ведущую роль в Антанте и, наряду с Германией, в организации войны.*

Для понимания позиции Англии в период агадирского инцидента необходимо прежде всего учесть военно-политическую обстановку, в которой находилась Антанта в тот период. В военном отношении французская и бельгийская армии были готовы. Английская армия закончила к концу 1910 г. свою реорганизацию и согласно докладу военного министра Холдена Комитету имперской защиты была вполне боеспособна. Что касается царской армии, то в тот период от нее Антанта требовала не так много — в максимально короткий срок бросить против Германии такие силы, которые не позволили бы германским войскам справиться с французской армией на западе. Естественно, что и французский и английский генеральные штабы могли предполагать, что крупные займы, полученные царизмом, позволили ему привести свою армию в такое состояние, чтобы сделать возможным требуемый натиск на германский фронт. Что будет потом, это британских империалистов тогда еще не интересовало. Царская Россия тогда была важна для них в первый момент, в самом начале войны.

Таким образом правительственные круги Антанты к началу 1911 г. свой военный аппарат считали готовым. Достаточно на-

---

[1] Какое значение придают английские политики агадирскому инциденту, свидетельствует тот факт, что в т. VII „British Documents" ему отведено более трех четвертей тома (свыше 600 страниц).

дежным казался и политический аппарат в силу разграничения империалистических интересов Англии и царской России. Правда, как мы знаем, в этом аппарате еще существовали в скрытом виде весьма крупные противоречия — Константинополь, Персия; но поскольку царская Россия в тот момент не ставила о них вопроса в упор, союзники также предпочитали не торопиться с его постановкой и вести дело так, как будто все недоразумения были устранены.

Итак, казалось, начинать было можно, а для Англии даже должно, ибо к 1911 г. гонка морских вооружений резко обострилась. Начинать следовало, пока еще у Англии оставалось некоторое преимущество над германским флотом.

Созрел и повод для войны — агадирский инцидент. Однако прежде чем изложить события, непосредственно с ним связанные, мы остановимся на его результатах для английской военщины.

Таким результатом был уход Холдена с поста военного министра — уход вынужденный, так как вопреки всем его уверениям, что английская армия вполне готова для высадки на континент и что Англия может вступать в войну, английский империализм оказался недостаточно подготовленным к войне. И Холдену уже после войны 1914 г. приходилось в своих мемуарах оправдываться от упреков печати, что военное министерство упустило время и что страна даже в 1914 г., т. е. спустя 3 года после Агадира, вступила в войну недостаточно подготовленной.

Карьеру Холдена как военного министра погубил один из талантливейших офицеров английского генерального штаба, полковник Генри Вильсон, сыгравший выдающуюся роль в превращении Антанты в боеспособный аппарат и ставший во время войны 1914—1918 гг. фельдмаршалом английской армии. В организации войны ему принадлежит такая выдающаяся роль, что на деятельности этого агента империализма мы хотим несколько задержаться.

Вильсон появился впервые на авансцене международных военно-политических событий в 1908—1909 гг. в качестве начальника английской военной академии. Уже тогда он обратил на себя внимание своими лекциями, в которых учил слушателей академии, что «в случае войны на континенте Англия морально обязана и принуждена будет бороться на стороне Франции» [1]. Учитывая и предвидя выступление Англии на помощь Франции, Вильсон тщательно изучал будущий театр войны — Бельгию и северо-восточные области Франции, — лично сам и вместе со своими слушателями объезжая франко-германскую и германо-бельгийскую границы. В результате этих поездок «вся стена в его маленькой комнате была покрыта гигантской картой Бельгии, где была ясно обозначена всякая проходимая дорога, которой могли пройти германские армии для вторжения во Францию. Все свои отпуска

[1] *Calwell*, op. cit., I, p. 73.

он проводил, изучая эти дороги и примыкающие к ним окрестности. Он не в состоянии был сделать много в Германии. Немцы знали его слишком хорошо»[1].

Вильсон явился инициатором возобновления переговоров об англо-французском военном сотрудничестве, которые велись параллельно с переговорами французского и английского генеральных штабов. Эти переговоры оказались настолько продуктивными в смысле согласования английского и французского оперативно-стратегических планов войны, что вскоре английские и французские генеральные штабы использовали эти переговоры для обмена сведениями, добытыми разведкой, и информацией о переменах в подготовке своих армий к войне.

Контрагентом Вильсона с французской стороны являлся будущий главнокомандующий союзными армиями маршал Фош, занимавший тогда пост начальника французской военной академии. Знакомство их, состоявшееся в конце 1909 г., было ознаменовано тем, что они провели два дня в обсуждении оперативно-стратегического плана войны и будущих операций английской и французской армий. Оба смогли констатировать полное единодушие во взглядах.

«Его точка зрения, — писал в своем дневнике Вильсон, — о германском проходе через Бельгию полностью совпадает с моей. Важна линия Верден—Намюр». Вильсон, спросивший Фоша, какова должна быть минимальная величина британской армии, чтобы она могла оказать практическую помощь французам, получил циничный ответ:

«Один единственный солдат, и мы хорошенько позаботимся о том, чтобы его убили... С этого момента я буду спокоен, ибо я знаю, что тогда Англия выступит, как один человек»[2].

14 января 1910 г. Вильсон снова посетил Париж, где опять вел переговоры с Фошем. Фош, только что вернувшийся из поездки в царскую Россию, «много говорил о том, что Россия не готова, и мы очень подробно обсудили наши совместные операции в Бельгии»[3]. В июне Фош с ответным визитом прибыл в Лондон, где Вильсон познакомил его с фельдмаршалом лордом Робертсом, Холденом, Грирсоном, Никольсоном и другими руководящими деятелями военного министерства и генерального штаба.

Летом 1910 г. Вильсон был назначен начальником оперативного отдела генерального штаба. Это назначение было вызвано желанием ускорить подготовку к войне и добиться координирования действий генерального штаба и адмиралтейства, которые грызлись друг с другом. Репутация Вильсона в смысле «твердости» по отношению к Германии не оставляла желать ничего лучшего.

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 53.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 78.
[3] *Calwell*, op. cit., I, p. 78—79; *Huguet*, op. cit., p. 38.

«В то время как другие несли чепуху о мире, он готовил слушателей военной академии к войне. И не к войне вообще, подобно людям, которые запирают двери от воров, существующих лишь в их воображении, а к войне с Германией»[1].

Ознакомившись с вопросами подготовки армии, Вильсон немедленно забил тревогу. Несмотря на все уверения Холдена, армия была катастрофически неготова. О подвозе экспедиционного корпуса по железным дорогам к портам, о посадке на суда, охране побережья и крепостей, о сроках мобилизации в генеральном штабе до сих пор не имели точного представления. В январе 1911 г. Вильсон отмечал в своем дневнике, что после шестимесячных хлопот и стараний он не мог выяснить, в какой срок и как будет проведена мобилизация. С своей стороны адмиралтейство, выработавшее собственный план войны, хранило его втайне от военных.

Через Холдена и начальника генерального штаба Вильсон добился, чтобы Грей вступил в переговоры с железнодорожными обществами и побудил их принять меры для подготовки воинских перевозок. С ближайшими сотрудниками Грея — сэром Артуром Никольсоном, сэром Эйр Кроу и Уильямом Тиррелем — он работал в самой тесной связи. Он свел Фоша с Артуром Никольсоном, перед которым Фош настаивал на введении в Англии воинской повинности. Эту меру английский генеральный штаб, как мы уже знаем, всецело поддерживал. О переговорах Никольсона с Фошем Вильсон писал:

«Он (Никольсон. — *Н. П.*) понимает так же, как и я, безумие не иметь никакой армии. Он говорит, что наша способность к вмешательству на континенте почти равна нулю, и так как положение Германии чудовищно сильно, то она почти игнорирует нас»[2].

Однако Холдену, видному партийному лидеру, Комитет имперской защиты и в частности Грей, в течение многих лет находившийся с Холденом в самой близкой и тесной дружбе, верили больше, чем сравнительно мало влиятельному и незаметному полковнику из генерального штаба. Эта «вера в Холдена» многое объясняет в поведении Англии перед агадирским инцидентом, приведшим к разочарованию и панике в лондонских правительственных кругах. Агадирский кризис английская дипломатия могла предупредить, но английские империалисты, в частности Грей, искренне верившие благодаря Холдену, что Англия готова к войне и на море и на суше, дали разразиться этому кризису и всячески обостряли его.

Выполняя «обязательство чести» с своей стороны — сообщать заранее о каждом своем шаге в Марокко, который мог бы вызвать Германию на войну, — французское правительство, предпринимая поход в Фец и следовательно нарушение алжезирасского трактата, 10 марта осведомило Лондон о своем намерении

---

[1] *Lord Esher*, The Tragedy of Lord Kitchener, L. 1923.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 89—93.

послать карательную экспедицию в район Казабланки[1], а в апреле — о посылке экспедиции в Фец[2]. Предвидя, что экспедиция в Фец может вызвать вмешательство Германии и привести к войне, французы запросили Лондон о позиции Англии в этом случае. Запрос был сделан через Берти в форме предложения французского министра иностранных дел Круппи от 12 апреля.

«Учитывая напряженный характер политической атмосферы, — говорится в запросе, — как в Европе, так и вне ее, и позицию германских торгово-промышленных кругов и прессы, кризис может настать в любой момент и совершенно неожиданно; французскому и английскому правительствам надлежит пойти дальше в смысле сотрудничества при наступлении указанных возможностей, чем это было до сих пор. Он (Круппи. — *Н. П.*) имеет в виду не формальную конвенцию, а соглашение, не обязывающее действовать оба правительства, но которое определит, каково должно быть объединенное выступление, в случае если им придется сотрудничать. Отсрочить подобное определение до тех пор, пока не настанет кризис, было бы очень плохой политикой, ибо если к несчастью вспыхнет война, она может оказаться слишком быстрой в своем развитии, чтобы выждать заключения соглашений, необходимых для эффективного сотрудничества».

Эйр Кроу одобрил это предложение, считая его «заслуживающим самого внимательного обсуждения»[3]. Очевидно в силу этой депеши Берти, полученной в Foreign Office 15 апреля, Грей 16 апреля счел нужным посвятить Асквита в существование переговоров между английским и французским генеральными штабами, повидимому оставшихся до сих пор неизвестными для Асквита[4].

Конец апреля и начало мая прошли в переговорах, посвященных Марокко и борьбе за его раздел между Францией и Испанией, инспирированной Германией. 15 мая Вильгельм II прибыл в Лондон и повидимому сообщил «дяде Берти» (Эдуарду VII) о том, что Германия намерена защищать свои интересы в Марокко и собирается с этой целью послать военный корабль в Агадир[5]. С этого времени (15—16 мая) Foreign Office не сомневался в будущем выступлении Германии[6] и, так как Берти настаивал из Парижа на необходимости «расширения» Антанты между Англией и Францией[7], Грей убеждал Асквита в необходимости этой меры[8]. Что ответил Асквит, об этом документы VII тома «British Documents» не дают никаких указаний.

---

1 BD, VII, № 194.
2 BD, VII, № 202, 204, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 216, 218, 220, 230, 233—235, 236, 239 и др.; VI, № 509, 513.
3 BD, VII, № 207, пометка Эйр Кроу.
4 *Grey*, op. cit., I, p. 94, 236.
5 BD, VII, № 490, 476, 483.
6 BD, VII, № 276.
7 BD, VII, № 269.
8 BD, VII, № 275 и *Nicolson*, op. cit., p. 351.

21 мая французы заняли Фец, а 1 июля, после того как намеки Германии «о приличной компенсации» не были услышаны[1], германская канонерская лодка «Пантера» бросила якорь в Агадире. Эта «поистине безнравственная» посылка германского военного судна в Агадир[2] не на шутку встревожила Foreign Office, так как угроза создания Германией морской базы на атлантическом побережье Марокко прежде всего нарушала интересы Англии: один из важнейших путей в Англию — из Южной Америки и Южной Африки — был под непосредственным ударом[3]. В Лондоне начался вопль о «безбожном поведении» немцев:

«Вы нарушаете Алжезирасский акт», — заявил 1 июля германскому послу в Лондоне Меттерниху Артур Никольсон, а 3 июля то же подтвердил и Грей[4].

Меттерних ответил, что германское правительство желает окончательно договориться с Францией и Испанией по поводу Марокко и «помощь Англии будет встречена с радостью»[5]. 3 и 4 июля Грей заявил Меттерниху:

«Наша позиция в отношении Марокко не может быть позицией незаинтересованности. Мы должны принять во внимание наши обязательства по договору с Францией и наши собственные интересы в Марокко. Мы считаем, что посылкой германского судна в Агадир создана новая ситуация. Дальнейшее развитие событий может затронуть британские интересы еще более непосредственно, чем они были затронуты до сих пор, и поэтому мы не можем принять ни одного соглашения, которое будет заключено без нас»[6].

6 июля французский посол в Берлине Жюль Камбон, не зная повидимому о тайных переговорах Кайо с Германией (во время которых Кайо, стоявший за соглашение Франции с Германией и раскол Антанты, обещал Германии все Французское Конго и даже Мадагаскар), сообщил, что Германия не собирается требовать своей доли в Морокко и желает компенсации в Конго[7]. Так начался официальный франко-германский дипломатический торг, о всех перипетиях которого Грей был поставлен в известность[8], но ответа из Берлина на намек Грея считаться с интересами Англии

---

[1] Кайо, ставший к этому моменту премьер-министром, не решился посвятить кабинет в тайны своих закулисных переговоров с Германией.

[2] BD, VII, № 529.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 43; BD, VII, № 351, 358, 363, 364, 369, 372—375, 386, 391—392, 476, 567, 581, 582, 598, 614, 620, 687, 716; *Siebert*, op. cit., № 680, 681.

[4] „Grosse Politik", B. XXX, № 10549, S. 153, прим., 10585, 10586, 10624 и 10650; *Siebert*, op. cit., № 684; *Grey*, op. cit., p. 234—239.

[5] „Grosse Politik", B. XXIX, № 10578, 10579, 10581, 10588, 10592; BD, VII, № 339, 359; *Grey*, op. cit., I, p. 234—239; *Siebert*, op. cit., № 684.

[6] BD, VII, № 356, 347 и 344, Minute; „Grosse Politik", B. XXIX, S. 167; *Grey*, op. cit., I, p. 222—223; *Siebert*, op. cit., № 685, 686.

[7] BD, VII, № 363.

[8] BD, VII, № 363, 366, 367, 368, 369, 375, 377, 379, 380, 381, 392, 393, 395, 396, 721; VI, № 509. 513; *Siebert*, op. cit., № 688; *Grey*, op. cit., I, p. 232; „Grosse Politik", B. XXIX, № 10549, 10572, 10578, 10579, 10593, 10598, 10604—10605, 10613, 10618; B. XXXI, № 11449, 11453.

не было[1]. С другой стороны, со всех концов Европы поступали сведения, что Германия собирается вести переговоры à trois с Францией и Испанией[2], причем, помня о посулах Кайо, немцы предъявили в Париже такие требования, которые французское министерство иностранных дел, не посвященное в тайны переговоров Кайо, нашло чрезмерными[3]. Де-Сельв запросил Англию о поддержке[4]. В правительственных кругах международное положение было признано столь серьезным, что было решено начать официальные переговоры между французским и английским генеральными штабами о подготовке военных операций. Переговоры должны были начаться через Вильсона, который 19 июля, дав Холдену и Вильяму Никольсону справку о размещении и концентрации сил Антанты и Тройственного союза, помчался в Париж. Здесь в военном министерстве 20 июля состоялось совещание с целью определить условия возможного участия английской армии в операциях французских армий в случае войны с Германией[5].

На совещании было решено, что в состав английской экспедиционной армии войдут все 6 пехотных дивизий и 1 кавалерийская с соответствующими вспомогательными частями, общим числом 150 тыс. чел. и 67 тыс. лошадей, были определены районы высадки (Руан, Гавр, Булонь), сроки (4-й и 5-й дни мобилизации для пехоты), графики перевозки и районы концентрации (Аррас, Сен-Кентен, Камбрэ) английской армии, условия снабжения, питания и связи. В общем перевозка была намечена с таким расчетом, чтобы вся английская экспедиционная армия могла «начать активные операции самое позднее на 14-й день английской мобилизации и притом в удовлетворительных условиях, чтобы сотрудничать эффективным образом с французскими армиями при условии, что задержка в английской мобилизации не будет слишком значительной»[6].

В Лондоне отлично понимали, что малейшее колебание в дипломатической поддержке Франции будет использовано Германией и может привести даже к распаду Антанты[7]. Желая предотвратить подобные колебания[8], Foreign Office пришел к выводу о необходимости решительного выступления, которое бы разрушило германские планы и утвердило уверенность Франции в английской поддержке[9]. Следствием этого решения явилась знаменитая речь Ллойд-Джорджа, согласованная последним с Асквитом и Греем[10], но произнесенная без ведома кабинета в целом[11].

---

[1] BD, VII, № 388.
[2] BD, VII, № 352, 358, 359, 366, 367, 368, 369, 371, 373; Minute, I, 383, 384, 389, 390, 395.
[3] BD, VII, № 392, 396—403, 405—408.
[4] BD, VII, № 392.
[5] BD, VII, № 640.
[6] BD, VII, № 640; *Calwell*, op. cit., I, p. 96—97.
[7] BD, VII, № 383; Minute, 392; Minute, 386, 391, 359, 376, 369; Minute, 366.
[8] BD, VII, № 382, Minute of Eyre Crowe.
[9] BD, VII, № 392, Minute, 395, 399.
[10] BD, VII, № 721. Ср. *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 58.
[11] Речь Ллойд-Джорджа — BD, VII, № 412.

Речь Ллойд-Джорджа была встречена в Германии в штыки и вызвала желательную для Foreign Office реакцию. 24 и 25 июля последовали крайне резкие переговоры Грея с Меттернихом, требовавшим от имени Берлина дезавуирования и отставки Ллойд-Джорджа. 25 июля Грей ответил Меттерниху, что, принимая во внимание тон его сообщения, он считает «несовместимым с достоинством правительства его величества давать объяснения по поводу речи канцлера казначейства». Ллойд-Джорджа и Черчиля, пришедших тотчас же после ухода Меттерниха, Грей встретил словами:

«Я только что получил столь резкое сообщение от германского посла, что флот в любую минуту может подвергнуться нападению. Я послал за Мак Кенна (первый лорд адмиралтейства. — *Н. П.*), чтобы предупредить его»[1].

Через четверть часа английским эскадрам и отдельным кораблям во все уголки земного шара была разослана «предупредительная телеграмма», предписывавшая быть каждую минуту наготове. Были призваны резервисты флота, склады флота поставлены под стражу, линейные корабли сосредоточены в боевой готовности в Firth of Forth, миноносцы с потушенными огнями крейсировали перед входом в Темзу, резервные суда вводились в строй ускоренным темпом и пр. и пр.[2]

«Военное министерство жужжало от секретов в эти дни. Нельзя было задать открыто ни одного вопроса. Но предусмотрительно были сделаны все приготовления и разработана каждая деталь. Были приготовлены и разработаны железнодорожные расписания, или, как их называли, графики передвижения каждого батальона даже в те места, где они должны были пить свой кофе, отпечатаны тысячи карт Северной Франции и Бельгии, приостановлены кавалерийские маневры из-за «недостатка воды» в Вильтшайре и окрестных графствах»[3].

Эти меры вызвали среди рядовых членов кабинета то, что Черчиль называет «ненужной паникой». Вполне понятно: они сигнализировали войну. Однако более внимательный анализ ситуации вызвал сомнения в готовности. Когда с 22 июля приступили к конкретной проверке готовности и генеральный штаб запросил Вильсона, как скоро будет готов экспедиционный корпус (в штабе по этому вопросу происходили ежедневные совещания), то выяснилось, что можно посадить на суда только 4 пехотных и 1 кавалерийскую дивизию, остальные не были готовы. Кроме того не было артиллерии, снаряжения, офицеров, санитарного имущества

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 47; *Siebert*, № 689.

[2] *Churchill*, op. cit., p. 48; „Grosse Politik", B. XXIX, № 10657, 10665, 10670, 10671, 10673; B. XXXI, № 11313, 11316, 11321, 11405, 11435; „Война на море 1914—1918", Гиз, 1921, т. I, стр. 8; DDF, III série, v. I, № 417; *Calwell*, op. cit., I, p. 96—98.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 64; *Nicolson*, Lord Carnock, L. 1930, p. 347; *Calwell*, op. cit., I, p. 97—98.

и т. д. В довершение бед выяснилось, что адмиралтейство «потеряло [из виду] германский флот и просит меня (Вильсона. — *Н. П.*) разыскать его. Макдоно[1] разослал [шпионов] по германским портам»[2]. 9 августа Холден пригласил к себе Вильсона на завтрак, чтобы познакомить его с Греем. О чем же шла речь на этом завтраке?

«Грей прежде всего спросил меня (Вильсона. — *Н. П.*), решилась ли, по моему мнению, на войну с нами и Францией Германия... Я ответил отрицательно. Затем *он выдвинул теорию, что Россия явится решающим фактором. Это утверждение я быстро и резко обрезал указанием, что Россия еле-еле сможет выставить в течение 28 дней 36 дивизий в Польше, которым Германия может противопоставить 27, а Австрия 36 дивизий.* Я сказал далее, что Россия едва ли будет в состоянии ослабить нажим на Париж, так как немцы могут выставить в поле 96 дивизий против 66 французских. После долгого и, по моему мнению, бесполезного разговора я изложил 3 главных условия: первое — мы должны присоединиться к Франции; второе — мобилизоваться в тот же день, что и Франция, и третье — послать все 6 дивизий сразу. С этим согласились, но без особого пыла. Я остался весьма неудовлетворен тем, как Грей и Холден понимали сложившуюся ситуацию»[3].

По просьбе Холдена Вильсон составил меморандум о франко-прусской войне 1870 г. Но повидимому несколько ранее тайком от Холдена он составил меморандум о проблеме будущей европейской войны и о неподготовленности Англии и через Черчиля вручил его Асквиту. Этот меморандум в сущности погубил карьеру Холдена как военного министра. 10 августа Холден, не знавший ничего о последнем меморандуме, вызвал к себе Вильсона и сообщил ему, что его меморандум (он в простоте душевной думал, что это относится к меморандуму Вильсона о франко-прусской войне) произвел такое впечатление на Асквита, что последний решил созвать специальное совещание Комитета имперской защиты для рассмотрения вопросов о планах будущей войны.

23 августа состоялось заседание комиссии по высадке (Invasion Comitée) Комитета имперской защиты (весь комитет не созвали только потому, что боялись прихода непосвященных министров), на которое собрались Асквит, Ллойд-Джордж, Холден, Вильям Никольсон, Черчиль, Мак Кенна, Грей, сэр Джон Френч, Вильсон и первый морской лорд Артур Вильсон. Заседание, продолжавшееся целый день, вскрыло неподготовленность Англии к войне вопреки уверениям Холдена. Прежде всего оказалось, что английский генеральный штаб и адмиралтейство имеют свои собственные планы кампании, резко противоречащие друг другу. Генеральный штаб настаивал на посылке экспедиционной армии во Францию, адмиралтейство строило план кампании на традицион-

[1] Начальник контрразведывательной службы английского флота.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 97—98.
[3] *Calwell*, op. cit., p. 98—99 (курсив мой. — *Н. П.*); BD, VII, № 501, Minute.

ном принципе «тесной блокады» английским флотом германского побережья с захватом одного из прибрежных германских островов (лучше всего Боркума или Сильта) в качестве базы для блокирующих сил, на отказе от десанта английской армии в Бельгии (!!) и высадке ее на германском побережье в Шлезвиг-Гольштейне или Померании (план Фишера)[1]. Если к этому добавить техническую неготовность английской экспедиционной армии к мобилизации и высадке, о которой сообщает Вильсон в своих дневниках, то картина военной неготовности Англии к войне, выяснившаяся на заседании 23 августа, могла действительно навести панику!

Полное расхождение планов адмиралтейства с планами генерального штаба и неготовность английской армии к войне побудили Холдена после окончания заседания уведомить Асквита, что он не может нести ответственности за военное министерство, пока не будет создан совет адмиралтейства, который бы согласовал свою работу с планами генерального штаба[2].

Доклад Генри Вильсона вызвал бурные разногласия в среде министров. Все—и Асквит, и Грей, и Черчиль, и Ллойд-Джордж—высказывались за план войны, предложенный генеральным штабом. Особое усердие проявил Черчиль, убеждавший Асквита и Ллойд-Джорджа поддержать Генри Вильсона и под влиянием последнего предложивший 30 августа Грею заключить союз с Францией и царской Россией для обеспечения «между прочим» (inter alia) независимости Бельгии, Голландии и Дании под условием выступления армий этих стран на стороне Антанты в случае нарушения их нейтралитета Германией[3].

Необходимость отсрочки с войной вскоре подтвердил и другой факт, а именно выяснившаяся неподготовленность царской России; кроме того царское правительство учло ситуацию и припомнило боснийский урок 1908 г., потребовав более крупной доли в предстоящем дележе.

18/31 августа, т. е. в момент наиболее полного развития агадирского кризиса, в Петербурге состоялось очередное совещание начальников французского и русского генштабов, прошедшее под углом проверки готовности царской России к войне. Согласно протоколам совещания генерал Дюбайль, заверив начальника царского генерального штаба Жилинского о готовности Франции, задал вопрос о том, готова ли к войне царская Россия.

Дюбайль заявил на этом совещании:

«Итак, Франция готова выступить, точно придерживаясь ст. 3-й военной конвенции 1892 г. Однако, чтобы быть уверенным в успехе, необходимо, чтобы она получила одновременную помощь со стороны русской армии в ее полном составе. Одним словом,

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 58—59, 145; *Fisher*, op. cit., p. 212; „Quarterly Review", Jan. 1929, v. 252, p. 185.

[2] *Calvell*, op. cit., I, p. 100—102; *Churchill*, op. cit., p. 59; *Asquith*, op. cit., p. 96; *Haldane*, My Autobiography, L. 1929, p. 225—284.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 65; *Calwell*, op. cit., I, p. 102.

надо, чтобы Германия была одновременно атакована с востока и с запада»[1].

Дюбайль тревожно указывал на следующее обстоятельство:

«Кажется, что новое перемещение русских войск в мирное время[2] повлечет за собой затруднения в смысле быстрого вмешательства с самого начала кампании. Действительно в 1910 г. переход через границу был назначен только на 20-й день»[3].

Указав, что такое положение дел является нарушением со стороны царской России своих обязательств, начальник французского генерального штаба выразил пожелание «возможно ближе подойти к диспозиции, предусматривающей переход к наступательным действиям первым эшелоном на 18-й день; даже этот срок сможет быть сокращен благодаря достигнутым успехам в русской мобилизации и концентрации»[4].

В своем ответе Жилинский прежде всего уверил собеседника, что царское правительство желает добросовестно исполнять обязанности, наложенные на него конвенцией. Дюбайль поспешил несколько преждевременно изъявить свой восторг, указав, что он, Дюбайль, «*оценивает во всей его полноте лойяльность этого заявления в момент, когда возникают затруднения из-за марокканских дел и когда нельзя еще себе дать точного отчета в истинных намерениях Германии*»[5]. Но Жилинский не разделил его восторгов. «Россия, — заявил он, — не будет в состоянии ранее двух лет по крайней мере выдержать войну с Германией с уверенностью в успехе. Конечно она сможет отражать удары, но к тому, чтобы выдержать решительные удары, она менее подготовлена». Даже «действуя с наибольшей поспешностью, русская армия сможет иметь полный комплект тяжелой полевой артиллерии только в 1913 г., митральез [пулеметов] — в 1914 г., ружейные патроны нового типа [остроконечных пуль] для пехоты — в 1916 г. Сверх того в данное время не имеется экипировки для большей части резервных полков»[6].

Жилинский, правда, заявил, что царский генеральный штаб «готов удовлетворить в возможно большем размере всем пожеланиям, высказанным французским генеральным штабом», но подобные заявления не могли затушевать горькой действительности — царская Россия к войне была еще не готова, и этот факт, надо думать, немало содействовал уступчивости французского правительства во время дипломатических переговоров с Германией в эпоху агадирского кризиса.

---

[1] „Материалы по истории франко-русских отношений 1910—1914 гг.", НКИД М. 1922, стр. 701—703.

[2] План стратегического развертывания войск, разработанный Сухомлиновым в 1910 г.

[3] „Материалы", стр. 701—703.

[4] Там же.

[5] Курсив мой. — *Н. П.*

[6] „Материалы", стр. 701—703; ср. также мнение Фоша; *Calwell*, op. cit., I, p. 88, 104; BD, VII, № 501, Minute.

Итак, из стран, составлявших Антанту, готовой к войне оказалась лишь Франция[1]. Остальные две — Англия и в особенности царская Россия, на помощь которой так рассчитывал Грей, — оказались неподготовленными. Приходилось думать уже не о наступлении, а об обороне. Однако германская правящая клика тоже не решилась выступить, — она хотела урвать свою долю, если удастся, без войны[2]. Кроме того обе стороны не были готовы в дипломатическом отношении. В самый разгар кризиса Извольский в Париже[3] и Нератов в Петербурге[4] посоветовали французскому правительству возможно большую умеренность в переговорах, ибо «война из-за Марокко — страны, в которой Россия никоим образом не заинтересована, будет крайне непопулярна в этой стране [царской России] и даже в случае ее успешности предрасположит в будущем русское общественное мнение против союза с Францией».

4 сентября Вильсон сообщил Foreign Office, что «русская армия еще не в состоянии оказать большой помощи Франции: через несколько лет реформы в русской армии настолько продвинутся вперед, что русская армия будет в состоянии оказать Франции решительную помощь в войне с Германией»[5].

В тот же день Грей сообщил Бенкендорфу, что «войны, понятно, не будет, если сама Германия не намерена вызвать ее»[6]. Но вечером того же дня Вильсон получил от одного из своих агентов настолько тревожные сообщения о воинственных настроениях в Германии, что вызвал ночью к себе на квартиру Черчиля и Грея для осведомления их, стараясь убедить Грея в необходимости «наступательного и оборонительного союза Англии, Франции, Бельгии, Дании, России»[7]. Грей обещал «подумать» над предложениями Вильсона.

5 сентября Асквит, понимавший, к чему ведут позиция Грея и взятый им тон, и напуганный не столько планами Вильсона, сколько фактической неготовностью к войне, попробовал сдержать Грея. Он боялся раскола кабинета и считал, что сейчас невыгодно раздражать Германию.

«Переговоры, подобные тем, которые ведут генерал Жоффр и полковник Фергольм (английский военный атташе в Париже. — *Н. П.*), — писал он Грею, — мне кажутся порядком опасными, в особенности та часть их, которая относится к возможной английской помощи. В настоящих обстоятельствах французов

---

[1] BD, VII, № 486, 488, 497.
[2] BD, VII, № 600, p. 795; № 501 Minute; *Пуанкаре*, Происхождение мировой войны, М. 1924; также отчеты царских военных агентов, опубликованные Е. А. Адамовым в „Красном архиве", т. XXXIV, стр. 180—182.
[3] BD, VII, № 495, 497, 498, 499, 503, 507, 508.
[4] BD, VII, № 501, 502, 504, 505, 506.
[5] BD, VII, № 501, Minute.
[6] BD, VII, № 529.
[7] *Calwell*, op. cit., I, p. 102—103.

не следовало бы поощрять к составлению своих планов с какими-либо допусками такого сорта»[1].

Грей 8 сентября сконфуженно оправдывался:

«Если мы запретим нашим военным экспертам совещаться, это породит смущение. Нет сомнения, что эти переговоры и наши речи внушали надежды на поддержку. Я не знаю, как этому помочь»[2].

Но положение оставалось напряженным: немцы могли выступить и неожиданно. И военные приготовления продолжались на случай нападения. В конце сентября Вильсона еще раз вызвали в Париж для обсуждения планов военных операций, но с каждым днем все более и более выяснялось, что Германия сейчас драться не будет, а выжидает улучшения положения на море. В октябре положение улучшилось. Но Вильсон, уезжая в отпуск, предпочел провести его на будущем театре военных действий, объезжая восточную границу Бельгии и Франции и осматривая французские крепости вдоль германской границы.

Итало-турецкая война, вспыхнувшая в октябре 1911 г., окончательно связала Германию в силу того, что один из ее союзников оказался «занятым» и получил удобный предлог отказаться от выступления вместе с Германией и Австрией на случай европейской войны. Излишне говорить, что триполитанская авантюра Италии была организована не без ведома и благословления Англии и Франции[3].

Агадирский кризис был серьезным испытанием для Антанты не только в военном, но и в политическом отношении. Франции и Англии приходилось всерьез подумать об уроке, преподанном царской Россией в отместку за Боснию. Что царизм не пойдет воевать без твердого обещания Константинополя, было совершенно ясно. Конечно разъяренные союзники сделали нажим на царское правительство, но потребовалось личное обращение французского президента к Николаю II, чтобы царская Россия согласилась «исполнить свой долг». По словам Пуанкаре, «во время агадирского кризиса, когда французское правительство увидело, что русский посол ищет предлога, чтобы заставить свою страну забыть обязанности союза, оно немедленно возмутилось, оно протестовало, оно обратилось со своими требованиями к самому императору и напомнило России, что даже в колониальных вопросах *она обязана*[4] перед лицом Германии оказывать нам свою дипломатическую поддержку, и в конце концов император, несмотря на последствия японской войны, несмотря на недостаточность военной

---

[1] *Grey*, op. cit., I, p. 95.

[2] Ibidem.

[3] Поскольку мы рассматриваем развитие агадирского кризиса лишь с точки зрения слаженности и исправности военно-дипломатического механизма Антанты, мы умышленно оставляем в стороне многие интересные моменты в истории агадирского кризиса, в том числе тайные переговоры Кайо с немцами, попытки Франции надуть и „обделить" Испанию при дележе Марокко, прекращенные вмешательством Foreign Office в силу военного значения Испании для Антанты, „предательство" Австрией Германии и т. д. и т. д.

[4] Курсив мой. — *Н. П.*

и морской подготовки, обещал быть верным договору, объединяющему Францию и Россию»[1]. Если для сохранения царской Россией «верности» были необходимы такие чрезвычайные усилия, то союзникам приходилось серьезно призадуматься и поскорей сторговаться с царизмом, поскольку они хотели обеспечить его помощь в будущей войне, что называется, не за страх — по договору, — а за совесть.

13 октября 1911 г. Фош, вернувшийся из России, куда он ездил по личному приглашению Николая II, сообщал Вильсону, что «Россия не выступит активно, если Германии и Франции придется сражаться из-за Бельгии, но сделает все возможное, если война вспыхнет из-за Балкан». Фош понимал, о чем идет речь, и напуганный этой ценой, мрачно считал, что «в предстоящей войне в Бельгии Франция должна положиться на Англию, а не на Россию, и что все наши планы должны быть разработаны до мельчайших подробностей, так чтобы мы могли иметь ясное представление о действиях и курсе, которые следует предпринять»[2]. Но, поскольку была необходима именно «война в Бельгии» и ее собирались вести в значительной части силами царской армии, удельный вес которой с каждым годом все повышался, приходилось считаться с аппетитами царизма, напугавшими Фоша. Нужно было договориться с царским империализмом о Константинополе, но только найти такую формулу, которая скрыла бы от трудящихся империалистический характер будущей войны и удовлетворила бы пока аппетиты петербургских «друзей».

Не менее важным последствием Агадира было выяснение значения Бельгии. Оперативный план экспедиционной английской армии был рассчитан только на бельгийский театр войны. О предполагаемом нарушении бельгийского нейтралитета Германией Антанта хорошо знала задолго, — она рассчитывала на это нарушение, так как имела в виду, что с ним были связаны надежды и германских империалистов. Именно поэтому английская военщина требовала заключения тайного военного союза с Бельгией и создания такого положения, при котором нарушение нейтралитета Бельгии могло быть и в военном и в политическом отношениях максимально использовано Антантой.

Вопрос о бельгийском нейтралитете как выгодном поводе для вступления Англии в войну был поставлен агадирским кризисом и в другой плоскости. Как показал боснийский кризис 1909 г., война могла вспыхнуть из-за конфликта в любой точке земного шара, вызвав французскую и германскую мобилизацию задолго до нарушения нейтралитета Бельгии Германией, что либо оттягивало английскую мобилизацию, либо заставляло отказаться от такого выгодного повода для вступления Англии в войну. Поэтому в Foreign Office после Агадира начинают задумываться о необходимости подыскания каких-нибудь иных под-

---

[1] *Poincaré*, Le Lendemain d'Agadir, Paris, Plon, 1926, p. 302; BD, VII, № 508.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 88.

собных мотивов для определения перед трудящимися массами своей мобилизации на тот случай, если ее придется произвести еще до нарушения Германией бельгийского нейтралитета, чтобы обеспечить сроки прибытия английской армии на континент к моменту первого решительного столкновения.

Такого рода поводом, по мнению руководителей Foreign Office, могла явиться какая-либо «ошибка со стороны Германии» при «безупречном и трезвом» поведении Антанты.

«Мы стоим лицом к лицу, — писал Эйр Кроу еще в 1908 г. по случаю франко-германских осложнений в Марокко, — с ситуацией, напоминающей ту, которая предшествовала падению г. Делькассе, и мы можем ожидать начала новой дозы застращивания (bullying), прописанной французскому правительству. В этих обстоятельствах важнее всего, чтобы Франция и державы, которые поддерживают ее, в высшей степени остерегались сделать ошибку и действовали в строгом соответствии с тем, что считается в международных отношениях правильным. Пока же получается, что Германия снова ставит себя в позицию державы, сделавшей «техническую ошибку»[1].

Лучшим средством для того, чтобы выявить перед всем светом добродетельную позицию Антанты и «технические ошибки» Германии Foreign Office считал международную конференцию. Так 8 сентября 1911 г., когда уже выяснилась неготовность к войне Англии и царской России, Грей писал Берти:

«Важно, чтобы до того, как вспыхнет война (если она вспыхнет), было бы ясно, что Германия хочет войны и навязала ее; если этого не будет, я не могу быть уверен в общественном мнении здесь (в Англии. — *Н. П.*), и если правительству придется высказаться за войну, оно должно выступить с возможно более сильными доказательствами перед парламентом. Имея это в виду, я согласился, что должна быть предложена конференция, если переговоры между Францией и Германией зайдут в тупик. Если Германия примет, то война будет на один шаг дальше; если она откажется, она будет выглядеть лицом, предпочитающим войну. Я имею полномочие кабинета предложить формально конференцию державам в случае нужды в ней, и пока это не плохо. Французы также дали свое согласие на нее»[2].

Не менее хорошим средством Грей считал и посредничество[3].

Оба эти проекта, конференция и посредничество, позволяют с несомненностью установить, что одна из важных деталей военно-дипломатического развязывания войны была предложена Греем в 1911 г., а затем в 1914 г. не в целях «спасения дела мира» (о чем до сих пор плачут от умиления буржуазные историки), а с гораздо более прозаической целью — перебросить ответствен-

---

[1] BD, VII, № 96.
[2] BD, VII, № 540.
[3] BD, VII, № 561.

ность за возникновение войны на Германию. Грей с успехом использовал эти средства еще в 1912 г. (Лондонская конференция, закончившая балканскую войну и чуть не приведшая к европейской), но это ему не пришлось осуществить в 1914 г., так как Германия достаточно рьяно лезла в драку и не нуждалась в подобных конференциях.

Для совершения «технической ошибки» Германии следовало предоставить достаточно широкую свободу действий и в то же время ничем не связать самих себя, чтобы быть свободными в решениях в ту или другую сторону. Выгоду такой позиции показал агадирский инцидент. 2 июля 1911 г., т. е. на другой день после получения известий о посылке «Пантеры» в Агадир, Эйр Кроу писал:

«Ввиду заботы, проявляемой Германией, остаться совершенно несвязанной в отношении дальнейших действий, мне кажется, что правительство его величества будет действовать самым благоразумным образом, если оно со своей стороны воздержится в настоящей стадии событий от дачи Германии какого бы то ни было ясного указания относительно своих истинных взглядов или позиции, которую ему может быть придется занять. Если германский посол задаст какой-либо вопрос, было бы хорошо сказать, что правительство его величества в настоящий момент не изъявляет никакого мнения: оно получило сообщение большой важности и оно должно обсудить его во «всех его связях и опосредствованиях» (in all its bearings), которые, понятно, многосторонни и сложны. Чем дольше мы сможем сохранить эту позицию в отношении Германии, тем больше будет наш шанс преждевременно или поспешно не связать себя какой-либо линией поведения, которую последующие события могут сделать для нас неудобной» [1].

Этот рецепт Эйр Кроу, одобренный Артуром Никольсоном и Греем в 1911 г., был в точности применен последним, как будет показано ниже, в июльские дни 1914 г. по отношению к австрийскому ультиматуму и последующим событиям, которые сложились так, что «свобода выбора» для Грея воевать или не воевать чуть не привела его к открытому предательству «дорогих союзников» — Франции и царской России.

Значение агадирского кризиса заключается еще в том, что он показал империалистам, какую осторожность они должны соблюдать, чтобы народные массы как-нибудь не проникли в тайну, в которой война рождается. В этом отношении Агадир явился своеобразным уроком для английской военщины. Мак Кенна, обиженный конфузом, выпавшим на долю морского министерства в результате Агадира, повидимому разболтал о планах войны, предложенных Вильсоном, и сумел организовать сильное течение в кабинете, которое выступило против утверждения планов Вильсона как политической программы правительства в будущем. Разногласия внутри кабинета по поводу будущего курса поли-

[1] BD, VII, № 343. Пометка Эйр Кроу.

тики обострились настолько, что Вильсон, вернувшийся к концу октября из отпуска, не без удивления узнал, что «партия мира» в кабинете требует его головы, считая его лицом, форсировавшим кризис. Холден сообщил Вильсону о «возникших в кабинете серьезных разногласиях».

«Асквит, Холден, Ллойд-Джордж и Черчиль, — записывает в своем дневнике Вильсон, — на одной стороне, соглашаясь с моим докладом от 23 августа, тогда как Морлей, Крью, Гаркорт, Мак Кенна и кое-кто из мелюзги в ярости, что они не присутствовали (!? — *Н. П.*) 23 августа на докладе, и противодействуют всякой мысли о войне... Особенно настроены они против меня, и Морлей и другие вспомнили о моих лекциях в военной академии и пр. Правительство боится раскола, но Холден сообщил Асквиту, что если политический курс изменится, то он уйдет»[1].

Это была буря в стакане воды.

Вильсон остался. Мак Кенна, одного из наиболее активных противников Вильсона, «ушли» с поста первого лорда адмиралтейства и на его место по рекомендации того же Вильсона был назначен 25 октября зарекомендовавший себя Черчиль, которому Асквит поручил: 1) переработать военные планы адмиралтейства, базировавшиеся на принципе тесной блокады, 2) реорганизовать флот с целью перевода его в состояние немедленной боевой готовности, 3) разработать меры, предупреждающие возможность неожиданного нападения на флот, 4) создать морской штаб, 5) согласовать в тесном сотрудничестве с военным министерством планы войны на суше и на море, 6) произвести чистку в составе высшего командования и в совете адмиралтейства[2].

В результате этой чистки (clean sweep), по выражению Вильсона, Черчиль «ушел» первых трех морских лордов[3].

Как видим, «мелюзга» была отстранена, и подготовка к войне могла продолжаться совершенно безвозбранно. В более или менее серьезном столкновении откровенных империалистов с «мягкотелыми пацифистами» победили первые. Так было в период Агадира, так было, как мы увидим ниже, в июле — августе 1914 г. и так будет и в тот решающий момент, когда английский империализм найдет нужным обнажить свой меч.

Агадирский кризис выявил ряд серьезных недочетов и ошибок в работе военно-политического аппарата Антанты, несмотря на то, что она затратила почти 5 лет, с 1906 по 1911 г., на его

---

[1] *Calwell*, op. cit., I, p. 106.

[2] *Churchill*, op. cit., p. 70—71.

[3] *Calwell*, op. cit., I, p. 107; ср. *Адамов*, К истории возникновения мировой войны, „Красный архив", т. 34, стр. 175, 178. Английский военный атташе в Париже полковник Фергольм сообщил царскому военному атташе графу Ностицу, что в „морском министерстве некоторые лица были против (посылки армии во Францию. — *Н. П.*), но этих лиц недавно сменили, и с целью обеспечения взаимодействия армии и флота именно в этом вопросе сформировали генеральный штаб". Это же подтверждает царский военный агент в Лондоне генерал Ермолов.

создание. Эти недочеты механизма следовало учесть и исправить возможно скорее. И все ближайшее время после агадирского кризиса по 1913 г. проходит в работе Антанты по регулировке своего военно-политического аппарата.

Прежде всего следовало устранить недочеты политического порядка. Это касалось в первую очередь самой Англии, в которой агадирский кризис, как мы видели, вызвал большие разногласия в кабинете, встревожив его мелкобуржуазное радикальное большинство и внушив ему подозрения насчет направления военной политики Англии. С другой стороны, английскому империализму было известно, что агадирский кризис вызвал большое раздражение в Германии и что правящая клика Германии — имелись такие сведения — что-то задумала в отместку за Агадир. Этой отместкой была, как мы знаем, новелла к закону о флоте 1911 г., сильно повышавшая его боеспособность и ускорявшая сроки выравнивания сил на море, т. е. сроки германского варианта войны.

Эти две причины вызвали одно из интереснейших исторических событий того времени, которое в исторической литературе носит название миссии «друга Германии» Холдена.

Поездка Холдена была необходима — в глазах масс она являлась ярким доказательством стремления английского правительства добиться соглашения с Германией и прекратить «безумную» кораблестроительную гонку. Этой поездкой английское правительство как бы протягивало руку Германии, предлагая соглашение, и эта мера ставила английский империализм в очень выгодную позицию: массам она говорила о миролюбии Англии, а если бы германское правительство оказалось несговорчивым, то можно было бы говорить, что протянутая ему рука повисла в воздухе, что соглашение не состоялось ввиду агрессивности Германии и ее стремления к войне.

На самом деле этот пацифистский жест, сделанный, чтобы пустить пыль в глаза радикальному большинству кабинета и прессе, имел другую двойную задачу — диверсию и разведку. Этой поездкой хотели «прощупать» намерения господствующих кругов Германии и, если удастся, выведать от них текст будущего морского закона[1]. Правда, результатом поездки Холдена было что-то в роде соглашения о сокращении вооружений Германии и Англии, в частности Тирпиц в своей судостроительной программе «пожертвовал корабль»[2]. Эта жертва оказалась довольно сомнительной, поскольку речь шла о цифре на бумаге. Что касается английского империализма, то его уполномоченный предусмотрительно оговорил, что в число английских дредноутов не включаются корабли, строящиеся доминионами. Тирпиц согласился, не усматривая в этом подвоха. В самом деле, что может построить Ямайка?

---

[1] *Grey*, op. cit., I, p. 254; *Poincaré*, Le Lendemain d'Agadir, Paris, Plon, 1926, p. 165 etc.

[2] *Тирпиц*, op. cit., стр. 70—71.

Но 12 июля 1912 г. на заседании Комитета имперской защиты Черчиль заявил присутствовавшим 5 канадским министрам, что «Канада должна построить 3 дредноута»[1]. «Добавочные суда доминионов к нашему ratio — от них мы не могли отказаться»[2]. Федерация малайских государств (Federated Malay states) также пожертвовала дредноут «Малайя». Обещали суда под известными условиями правительства Австралии и Новой Зеландии. Английское правительство делало авансы насчет дредноутов индийским принцам и Южноафриканскому союзу[3].

Взамен морского соглашения Холден обещал германской правящей клике обширные колониальные уступки[4].

После долгих переговоров наконец был парафирован 21 октября 1913 г. англо-германский договор о праве предпочтительной покупки от Португалии концессий в ее колониях в Африке, переговоры о котором велись еще в 1899—1901 гг. Подписан же он не был потому, что одновременно Грей довел до сведения немцев содержание англо-португальского Windsor Treaty 1899 г., о существовании которого германское правительство до того времени не знало. При этом Грей выразил согласие подписать и опубликовать договор с Германией только при условии одновременного опубликования Windsor Treaty[5]. Германские империалисты ответили отказом.

Миссия Холдена сыграла свою роль. Она несколько успокоила подозрительность пацифистов в самой Англии, взбудораженных Агадиром. Однако медаль имела обратную сторону. Пацифистов успокоили, но встревожили французские правящие круги, не знавшие истинной цели поездки Холдена, тем более, что происходившие в то время торги между Англией и Германией по поводу пресловутой «формулы нейтралитета» могли только обострить подозрительность французского правительства.

«Формула нейтралитета», рассматриваемая буржуазными историками как другое доказательство миролюбия Англии, уже достаточно освещена в нашей исторической литературе. Останавливались на ней и мы в главе I настоящей работы. Сущность ее заключалась в том, что германское правительство пыталось добиться обязательства английского правительства соблюдать нейтралитет в том случае, если Германии будет «навязана война»[6]. На самом деле предложение Германии имело целью расколоть Антанту или по крайней мере внести недоверие в

---

[1] *Calwell*, op. cit., I, p. 115.

[2] *Churchill*, op. cit., p. 108.

[3] „Grosse Politik", B. XXXIX, № 15557, 15573, 15585; деньги на „Малайю" дало само английское правительство, обязав федерацию малайских государств уплатить их в трехлетний срок.

[4] „Grosse Politik", B. XXXI, № 11357, 11360—11363, 11369, 11373, 11376, 11377, 11379, 11380, 11381 Anlage, 11385 u. ff; *Haldane*, op. cit., p. 102.

[5] „Grosse Politik", B. XXXVII/2, CCLXXXVI, № 14684, 14688, 14689, 14690, 14702.

[6] *Churchill*, op. cit., p. 103—104.

среду союзников. В случае принятия Англией этой формулы Антанта теряла свой смысл, и естественно, что, как только французские дипломаты узнали от английского правительства о германском предложении, они забеспокоились.

«Господин Пуанкаре высказался самым энергическим образом против подобного обязательства, — доносил Извольский Сазонову. — Он указал английскому правительству, что раз между Францией и Англией не существует никакого письменного соглашения общеполитического характера, подписание Англией подобного соглашения с Германией разом положило бы конец нынешним англо-французским отношениям. Возражение это возымело надлежащее действие, и лондонский кабинет отклонил германское предложение, что возбудило сильное неудовольствие в Берлине»[1].

Извольский ошибался в самом существенном. Лондонский кабинет ничуть не колебался принять или не принять германское предложение — он бы все равно его отклонил, ибо он готовился к войне, но он хотел ее по своему варианту, а ничуть не по германскому. Поэтому отклонить следовало так, чтобы снять с себя вину за это, и вот потому о германском предложении сообщили французскому правительству и под предлогом протеста последнего, а на самом деле ради сохранения Антанты, отклонили предложение. Меморандум Эйр Кроу, который мы цитировали в главе I (стр. 72—74) показывает, что в Англии прекрасно отдавали отчет в целях германского предложения о нейтралитете.

Однако одним из следствий этих торгов по поводу «формулы нейтралитета» было весьма крупное политическое событие, имевшее очень большое значение для дальнейшего укрепления Антанты и улучшения ее военно-политического аппарата. Мы говорим об обмене письмами Камбон — Грей, заменившем собою то «обязательство чести», которое Грей в 1906 г. тайком без ведома кабинета дал французской правящей клике.

История этих писем такова.

Французский посол в Лондоне Камбон, отражая повидимому беспокойство французского правительства по поводу миссии Холдена, предложил с согласия Пуанкаре Артуру Никольсону обмен декларациями, подобный тому, который произошел в 1905 г. при Лэнсдоуне. Французские империалисты хотели компенсировать себя или нащупать подлинные настроения Лондона, связав его чем-то более определенным, чем словесное «обязательство чести». Грей возможно и согласился бы его дать, но так как подобный обмен требовал согласия кабинета в целом, то предложение Камбона вначале не получило развития[2].

Обмен декларациями все же состоялся. Положение на море стало угрожающим, и чтобы обеспечить превосходство морских сил над германскими на Северном море, Черчиль в мае 1912 г.

---

[1] „Материалы", стр. 309.

[2] *Poincaré*, Le Lendemain d'Agadir, Paris, Plon, 1926, p. 173—174, 214 и сл.

перевел средиземноморскую эскадру в Северное море. Образовавшуюся пустоту следовало заполнить, и «в августе кабинет решил, что должны иметь место морские переговоры между французским и британским адмиралтействами, подобные тем, которые имелись в 1906 г. между генеральными штабами»[1]. В сентябре французское правительство приняло по соглашению с Англией решение перевести из Ламанша в Тулон свою северную эскадру[2].

За этими чисто «техническими» морскими соглашениями 22—23 ноября последовал по инициативе и настоянию французского правительства знаменитый обмен письмами Грей — Камбон, придавший «техническому» соглашению определенный политический характер. Это была плата, которую Англия заплатила Франции за обеспечение дороги в Суэц. Хотя Грей категорически утверждает, что обмен письмами развязывал ему «свободу рук», Пуанкаре не менее категорически заявляет, что письма связывали руки Англии[3] письменном соглашением на основе предшествовавших переговоров морских штабов об уводе французской эскадры из Бреста в Тулон.

В сентябре Камбон указал Грею, что Франция не может оставить свои берега без защиты, не выяснив, каковы будут намерения Англии в случае нападения германского флота на французское побережье.

«Действительно, мы не могли, — писал Пуанкаре, — изменять распределение наших морских сил и оставлять без охраны пролив и наши берега у Атлантического океана, не будучи уверенными, что в случае опасности будет обсуждено создавшееся положение и в случае нужды будут приняты соответствующие меры»[4].

Асквит и Грей в принципе согласились на обмен «письмами», и 30 октября он был одобрен кабинетом.

Только в этот день некоторые члены английского кабинета впервые узнали о «технических переговорах» с французами, но в полном ли объеме или в значительно сокращенной версии, судить по опубликованным документам не представляется возможным.

По словам Ллойд-Джорджа, «когда в 1912 г. сэр Эдуард Грей сообщил об этих переговорах и соглашениях кабинету, большинство членов правительства пришло в ужас... Это было полное потрясение»[5]. Но Грей и Асквит успокоили кабинет заверениями, что соглашения не связывают Англию, т. е. попросту скрыли правду.

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 32; DDF, III série, v. III, № 207; *Calwell*, op. cit., I, p. 112—113.

[2] „Материалы", стр. 275; *Пуанкаре*, Происхождение мировой войны, М. 1924, стр. 87; *Nicolson*, op. cit., p. 371—373.

[3] *Grey*, op. cit., I, p. 96—97; *Poincaré*, Au Service de la France, I, p. 186, 223; II, p. 350.

[4] *Пуанкаре*, Происхождение мировой войны, М. 1924, стр. 87—88.

[5] *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 62; *Nicolson*, op. cit., p. 373.

Последний абзац декларации Грея — Камбона гласил: «Если одно из правительств имело бы веские основания ожидать ничем не вызванного нападения со стороны третьей державы или какого-либо события, угрожающего общему миру, то этому правительству надлежало бы тотчас же рассмотреть с другим, должны ли оба правительства действовать сообща, чтобы предотвратить нападение и сохранить мир, и какие меры в таком случае они готовы были бы предпринять совместно. Если бы эти меры влекли за собой активные действия, планы генеральных штабов должны были бы быть немедленно подвергнуты рассмотрению и правительства тогда решили бы, какой ход им дать»[1].

Таким образом дипломатическая поддержка Франции в вопросе о Марокко, которую Англия обещала по договору 1904 г., переросла в обязательство оказывать поддержку Франции в случае наступления «какого-либо события, угрожающего общему миру», а договор о Марокко перерос в генеральное политическое соглашение всеобщего характера[2].

Хотя договор предусматривал лишь согласование мер для предотвращений событий, «угрожающих общему миру», и только после этого допускал возможность «совместных действий», он ясно характеризует положение: Антанта была окончательно оформлена уже как союз с обязательствами с каждой стороны. В частности это хорошо понимал и выразил Черчиль.

«В каких бы выражениях оба правительства, — писал он, — ни обусловливали, что технические переговоры не влекли никакого национального или политического обязательства, остается фактом, что они создавали исключительно крепкую связь... Моральные притязания, которые Франция могла предъявить Великобритании в случае нападения Германии, хотя бы условия говорили противное, были неизмеримо расширены... Всякий, кто знает факты, должен чувствовать, что мы имели обязательства союза без его выгод и прежде всего без их точного определения»[3].

В действительности это и был союз. Заключенная в дополнение к этому обмену писем Камбон — Грей англо-французская морская конвенция накладывала на англичан обязательство «охранять берега Северной Франции»[4]. Как свидетельствует Пуанкаре и отчасти Черчиль, без этого обязательства французская северная эскадра не была бы переведена из Бреста в Тулон, чтобы взять на себя охрану Средиземного моря, поскольку английская средиземноморская эскадра была вызвана в отечественные воды для увеличения морских сил Северного моря.

---

[1] „Материалы", стр. 504.

[2] Так понимал соглашение и помощник Грея Артур Никольсон, записавший в своем дневнике: „Значение обязательства, которое мы тогда дали, обнаружилось ясно в дни, непосредственно предшествовавшие возникновению войны в 1914 г."—*H. Nicolson*, op. cit., p. 373.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 92—94, 205.

[4] Ibid., p. 94.

Точку зрения Черчиля о том, что в силу обмена писем Камбон—Грей Англия принимала на себя союзные обязательства, разделяют Лореберн, Морель, Гуч, Дикинсон, Остин Чемберлен, Ренувен, Бернадот Шмитт и др.

Формальное соглашение с Францией оказывалось весьма небесполезным для организаторов войны, развязывая им руки. Необходимость вести подготовку в тайне прежде всего от своих же коллег по кабинету стала менее напряженной: ту или иную военную меру можно было объяснить соглашением с Францией. С другой стороны, широкая формула соглашения была очень на-руку и Foreign Office: она в некоторой степени снимала вопрос о нарушении бельгийского нейтралитета Германией как непременного повода для вступления в войну. Отныне таким поводом становилась не только Бельгия, но и Франция. Нарушение бельгийского нейтралитета германскими войсками не теряло своего значения, оставаясь наиболее выгодным, наиболее удобным поводом для одурачивания масс при организации войны. Но на крайний случай, если бы оно не имело места, без него могли и обойтись. Грей и его помощники действительно получали «свободу рук», о которой писал Грей, но «свободу рук» поддерживать Францию и возможность вмешательства и не по поводу Бельгии. Тем самым возможность развязывания войны значительно расширялась.

Если рассмотренные выше политические акты — миссия Холдена, «формула нейтралитета», обмен писем Камбон — Грей — значительно облегчали организаторам войны ее подготовку и имели большой внутриполитический эффект для Англии, то остальная политическая работа Антанты была обусловлена стратегическими задачами, поставленными перед ней оперативно-стратегическими планами войны.

Эта объединенная работа штабов и дипломатии станет еще более понятной, если мы рассмотрим, как рисовали себе английские военные деятели будущий план кампании.

План Шлиффена, как представляли его себе в период Агадира в английском генеральном штабе (Вильсон), сводился к следующему: «Немцы обратят в первую очередь $^4/_5$ своих сил против Франции, оставив $^1/_5$ сдерживать Россию. Германские армии развернутся по линии Э-де-ля Шапелль — швейцарская граница. Они повернут свое правое крыло через Бельгию, обходя таким образом линию крепостей, которой защищена французская восточная граница. Это огромное обходное движение правого крыла потребует всех дорог, ведущих через Бельгию от Люксембурга до бельгийского Мааса. Таких дорог имеется 15, и по каждой из них может пройти 3 дивизии. Бельгийский Маас течет параллельно маршруту этих дивизий, прикрывая их правый фланг. Вдоль этой реки есть 3 важных укрепленных переправы, или тет-де-пона. Первая вблизи Германии — Льеж; последняя вблизи Франции — Намюр, на полпути между ними — форт Гюи. Теперь один вопрос: ограничатся ли немцы после взятия этих тет-де-по-

нов правым берегом бельгийского Мааса и используют реку для своего прикрытия или будут в состоянии накопить и перевести значительные силы [через Маас] для удлинения своего обходного движения к западу от бельгийского Мааса и движения по тому берегу, а не по этому? *Только эту часть плана невозможно предусмотреть*»[1].

Вильсон предвидел скорый («в несколько часов после объявления войны») захват Льежа, бегство бельгийской армии в Антверпен, возможность нарушения голландского нейтралитета, медленную мобилизацию царской армии и т. д. Убеждение Вильсона, разделяемое французским генеральным штабом, что немцы развернут свои силы на правом берегу Мааса и не переправятся через него, как показала война 1914 г., не подтвердилось. Впрочем из военных деятелей предвоенной эпохи только французский военный министр Этьен, по свидетельству Черчиля, защищал тот взгляд, что немцы не ограничатся обходным движением вдоль правого берега Мааса, но переправят бо́льшую часть сил своего правого обходного крыла на левый берег, чтобы, двигаясь на запад и повернув, охватить левое крыло англо-франко-бельгийской армии не к северу, а к югу от Парижа. Однако генерал Жоффр и будущие «младотурки» из французской главной квартиры считали точку зрения Этьена опасной ересью[2].

На самом деле план Шлиффена предусматривал переправу двух армий на левый берег Мааса, чтобы охватить левый фланг армий Антанты, предполагая завершить обходный марш к югу от Парижа, для обложения которого была выделена особая армия. Однако при Мольтке, преемнике Шлиффена, обходный кулак (крайнее правое крыло) германской армии был ослаблен за счет усиления левого фланга германского фронта, чтобы прикрыть Эльзас и Лотарингию.

Крупные ошибки германского верховного командования, как и несогласованность действий I и II германских армий, привели к тому, что обходящие германские армии вышли не к западу и югу, а восточнее Парижа и попали под фланговый удар войск, собранных Галлиени в Париже, при одновременном прорыве германского фронта в центре.

Развертывание армий Антанты, согласно протоколам совещания начальников французского и царского генерального штабов 18/31 августа 1911 г., сводилось к следующему: по данным, имеющимся о мобилизации, концентрации и развертывании германской армии, «можно заключить, что первые крупные столкновения произойдут вероятно в Лотарингии, Люксембурге и Бельгии на 15—18-й день. Французская армия будет в это время иметь наивысший наличный состав в 1 млн. 300 тыс. чел., предусмотренный § 3 конвенции...[3].

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 56—58 (курсив мой.— *Н. П.*).
[2] *Churchill*, The World Crisis 1916—1917, L. 1925, v. I.
[3] Франко-русская конвенция 1892 г.

Французская армия концентрируется так же быстро, как и германская... и на 12-й день она уже будет готова предпринять наступление против Германии с помощью английской армии на своем левом фланге»[1].

Итак, поддержка английской армии и следовательно участие Англии в войне считались обеспеченными в 1911 г., и французские стратегические планы были построены на этой поддержке.

В английском генеральном штабе предполагали равенство сил французской и германской армий между 9-м и 13-м днем войны (когда германская не закончит еще полностью своей мобилизации); одновременно считались с неспособностью французов выдержать натиск, отступлением их на 20-й день к Парижу и даже дальше на юг, неудачей французских атак и невозможностью для французов вторгнуться в Германию за недостатком сил; вместе с тем считались и с ослаблением германской армии по мере продвижения на юг в силу больших потерь, использования частей для охраны сообщений в Бельгии и Франции, выделения 500-тысячной армии для обложения Парижа и прикрытия с моря вследствие высадки английской армии; предусматривали нажим на 30-й день России с востока и плохое стратегическое положение правого германского крыла, подставленного под удар.

«Все эти причины будут действовать, возрастая пропорционально по мере германского продвижения и [нарастая] с каждым днем... На 40-й день Германия будет доведена до полного напряжения и внутри и на своих военных фронтах, и это напряжение станет с каждым днем все более и более тяжелым и в конце концов подавляющим, если не будет облегчено решающими победами во Франции. Если французская армия не будет растрачена поспешным и безрассудным выступлением, баланс сил после 40-го дня будет благоприятен и будет улучшаться с течением времени... Тогда могут представиться благоприятные случаи для решающей пробы сил»[2].

Основным условием сопротивляемости англо-французских армий германскому наступлению являлась возможность сосредоточить все свои силы для удара. Согласно расчетам Вильсона, помощь бельгийской армии, если бы удалось обеспечить активное выступление Бельгии на стороне Антанты, уравновешивала численно силы противников. Пассивная позиция Бельгии, а тем более выступление Бельгии на стороне Германии явилось бы для Антанты таким ударом, последствия которого трудно учесть. Отсюда понятны все хлопоты и старания Вильсона обеспечить активную поддержку Антанты Бельгией, чью помощь он расценивал в количестве от 8 до 12 дивизий.

Какое значение придавали англо-французские военные круги

---

[1] „Материалы", стр. 697—698.
[2] *Churchill*, op. cit., p. 61—63.

выступлению Бельгии на стороне Антанты и как ставился в кругах Антанты вопрос о нарушении бельгийского нейтралитета, свидетельствуют признания Жоффра о проекте нарушения нейтралитета Бельгии французскими войсками до вступления германских войск в Бельгию. План Жоффра сулил значительные военные выгоды Антанте, но был отвергнут под давлением английского Foreign Office, так как слишком очевидно ставил Францию в положение агрессора[1].

Не менее важной являлась для Антанты позиция Италии, которая согласно оперативно-стратегическим планам Тройственного союза должна была ударить Франции в тыл, отвлечь некоторую часть французских войск на юг, помешать перевозке французских сил из Африки и тем создать для германской армии значительный перевес над армиями Антанты. Мы уже указали, что Франции удалось при помощи соглашения с Италией обеспечить нейтралитет последней в начале войны и тем развязать руки французскому генеральному штабу для отправки всех наличных войск на германский фронт.

Об обеспечении «иммунитета» Испании в решительный момент позаботилась английская дипломатия. Попытки Кайо, получившего в результате официальных переговоров с Германией свободу действий во всем Марокко, навязать Испании неприемлемые для нее условия раздела последнего (проект Реньо) вызвали резкое вмешательство Foreign Office во франко-испанские переговоры в пользу Испании. Берти, вернувшись из Лондона, куда его повидимому вызвали для того, чтобы сообщить об «измене» Кайо, 3 ноября 1911 г. почти в ультимативном тоне заявил де Сельву о неприемлемости для Англии проекта Реньо.

То же самое он повторил 3 ноября и Кайо, добавив, что «было бы крайне серьезным делом для Франции в случае войны с Германией иметь враждебную Испанию у себя с тыла. Я (Берти. — *Н. П.*) напомнил ему (Кайо), что покойный испанский король обещал германскому императору в случае возникновения войны между Германией и Францией выставить 100-тысячную армию на франко-испанскую границу. Нынешний король отказался возобновить это обещание. Разве этого недостаточно, чтобы побудить правительство его величества поддержать его (Альфонса XIII. — *Н. П.*) хорошее расположение к Франции?.. Затем я указал ему, что в случае войны, в которой Италия, Австрия и Турция будут союзниками Германии, для Франции и Англии, если обе эти державы выступят совместно, будет большим шагом назад иметь враждебную Испанию, закрывшую свои порты для их кораблей. Г-н Кайо не вступил в дискуссию по этому вопросу»[2].

---

[1] „Mémoires de Maréchal Joffre". P. 1932, v. I, p. 106, 108, 117, 122, 125 и др. DDF, III série, IV, № 438, 439, 529, 584; V, № 53 и др.; BD, VI, № 475; VII, № 641; VIII, № 314—329.

[2] BD, VII, № 618; также № 614, 627, 631.

Отставка Кайо и заключение франко-испанского соглашения о разделе Марокко (при Пуанкаре) успокоили Foreign Office и английский генеральный штаб относительно дружественного нейтралитета Испании в случае войны между Антантой и Германией.

Оперативно-стратегический план Антанты не ограничивался операциями на западном театре войны, а предусматривал сильное давление царской России на востоке, которое должно было последовать в кратчайший срок (на 13-й день после начала войны), для того чтобы заставить Германию снять часть сил с западного фронта и перебросить их на восток, ослабив германские силы на западе. В этом именно и заключалась первостепенной важности задача царской России.

Эта задача красной нитью проходит по протоколам всех совещаний начальников генеральных штабов Франции и царской России. Для постройки стратегических железных дорог, которые позволили бы в кратчайший срок закончить концентрацию царских армий вдоль германской границы и обеспечить в условленный срок (13-й день начала войны) нажим на Восточную Пруссию — Торн, французская биржа щедро давала займы, и, как известно, ценой гибели армии Самсонова царское правительство выполнило свое обязательство и спасло западный фронт от разгрома.

Все это было очень хорошо и, сидя в Лондоне и Париже, можно было прекрасно планировать и вычислять сроки «русского нажима», тем более, что царское правительство после 1906 г. обеспечивало военные соглашения с союзниками своей подписью. Но, определяя эти сроки, Антанта хотела их твердого выполнения, а это было возможно только при самой горячей, самой непосредственной добросовестности русского империализма в помощи союзникам. За это царизм требовал Константинополь. Но союзники отмалчивались. Кроме того царская Россия требовала от Антанты помощи для выполнения своих задач на Балканах. Она считала, что Антанта должна взять и перед царским правительством определенные обязательства в этом отношении, подобно тому как царизм брал на себя такие же обязательства по отношению к Франции. Русский империализм ничуть не чувствовал себя наемником французской биржи. Он рассматривал себя как полноправного участника разбоя. Но как раз этого-то союзники и хотели избежать.

Тогда царское правительство решило поставить вопрос ребром, воспользовавшись для этого поездкой Пуанкаре в Россию в июле 1912 г.

«Господин Пуанкаре, — доносил Сазонов Николаю II, — счел своим долгом отметить, что французское общественное мнение не позволит правительству республики решиться на военные действия из-за чисто балканских вопросов, если Германия останется безучастной и не вызовет по собственному почину применения casus foederis, в каковом случае мы, разумеется, могли бы

рассчитывать на полное и точное выполнение Францией связывающих ее по отношению к нам обязательств. Я со своей стороны сказал французскому министру, что всегда готовые решительно встать на сторону Франции в случае наступления предвиденных нашим союзом обстоятельств, мы также не могли бы оправдать перед русским общественным мнением нашего активного участия в военных действиях, вызванных какими-нибудь внеевропейскими колониальными вопросами, до тех пор пока жизненные интересы Франции в Европе останутся незатронутыми»[1].

«Ты не хочешь нам помогать завладеть проливами? Хорошо! Мы тебе не поможем захватить Марокко»[2] — это блестящее резюме противоречий между царизмом и его союзниками принадлежит покойному М. Н. Покровскому и совершенно точно освещает ситуацию.

В этой схватке одержала верх царская Россия, во-первых, потому, что ее помощь была безусловно необходима, во-вторых, потому, что за несколько лет до этого на международной арене появился новый фактор, недостаточно сперва учтенный Антантой. «Клочок сербской территории», как оказалось, имеет самое существенное значение для подготовки наиболее удобного и выгодного в стратегическом отношении для Антанты варианта войны.

Для парирования нажима царской армии на востоке германский генеральный штаб предусматривал еще до 1905 г. удар австрийской армии на северо-восток в направлении Люблин — Ковель. Для царского генерального штаба, понятно, существенно важной являлась возможность ослабления этого удара путем отвлечения наибольшего числа австрийских войск на другой театр войны.

С 1909 г., после того как аннексия Боснии и Герцеговины положила меч между Австрией и Сербией, наступление сербской армии с юга, чтобы отвлечь значительные австрийские силы с галицийского фронта, считается в царских военных кругах «вероятным». Его предусматривают и секретная записка генерала Данилова от 30 июня 1910 г. об оперативно-стратегическом плане войны, и директивное письмо начальника генерального штаба генерала Гернгросса командующим войсками в округах от 1 сентября 1910 г., и московское совещание начальников окружных штабов под председательством генерала Постовского в феврале 1912 г., и стратегический план 1 мая 1912 г., и состоявшееся в ноябре 1912 г. совещание начальников штабов киевского, казанского и московского округов под председательством генерала Алексеева. В 1912 г. «помощь» Сербии исчислялась в 3 австрийских корпуса. Благодаря отвлечению сил на юг против Сербии австрийцы могли выставить в Галиции, по подсчетам царского генерального штаба, всего 466 батальонов, 337 эскадронов и 124 маршевых роты вместо предполагавшихся в противном случае

[1] „Материалы", стр. 259.
[2] *М. Н. Покровский*, Империалистская война, М. 1928, стр. 115.

550 батальонов и 343 эскадронов с соответствующим количеством маршевых рот[1].

С 1906 до 1912 г. французская точка зрения по отношению к вожделениям царской России в Сербии формулировалась следующим образом: «Если французы будут атакованы или будут затронуты их прямые интересы, то народ пойдет, как один, но итти за кусок сербской территории — это в глазах французов преступная глупость»[2]. Не менее «преступной глупостью» это было для Англии. Даже в 1914 г. для англичан сербский вопрос в его чистом виде был «не таков, чтобы мы должны были из-за него сражаться»[3].

Балканский фактор отрицался в эти годы союзниками, в особенности Францией, чтобы не поощрять увлечений царизма балканскими делами, результатом чего могла быть занятость царской России в решительный момент и — чего доброго — война, в которой Франции пришлось бы, спасая союзника, драться «за кусок сербской территории». На самом деле уже с 1904 г. интересы Франции на Балканах, особенно в Сербии, довольно значительны, и с каждым годом вложения и торговля растут. Поэтому незаинтересованность французов, о которой они всячески доводили до сведения царского правительства, касалась специфически узкой области, точнее, отношений между царской Россией и Сербией. Боснийский кризис французские империалисты оценили с этой точки зрения. Однако это было потому, что в то время балканский фактор не учитывался Антантой с военно-стратегической точки зрения и предоставляемых им в этом смысле возможностей. Царские генералы, как мы видели, более знакомые с положением, находили, что удар сербов по австрийскому флангу или даже необходимость для Австрии отвлечь некоторую часть сил для сербского фронта существенно облегчат задачи царской России, которой предстояло сражаться против австрийцев и против Германии. Иными словами, сербский удар должен был повысить эффективность нажима царской армии на восточном фронте Антанты.

Несогласие царской России быть простым наемником, обнаружившееся во время Агадира и заставившее Фоша после поездки в Россию впасть в мрачный пессимизм, вынудило французских политиков обратить внимание на Балканы. И здесь при содействии царской военщины они обнаружили, что ситуация на Балканах с точки зрения военно-стратегического плана Антанты резко изменилась и что в последнем Балканы смогут стать весьма полезным фактором.

Мы уже говорили о Балканском союзе, состряпанном царским правительством для нападения на Турцию, в результате чего

---

[1] *Зайончковский*, II, стр. 184, 190, 215, 238, 250, 271—272.

[2] „Кто должник", Авиоиздательство, М. 1926, стр. 36; Депеша царского посла в Париже Нелидова Извольскому от 18/II [3/III] 1909 г.

[3] *Берти*, За кулисами Антанты, Гиз. 1927, стр. 18.

царизм надеялся получить повод для вмешательства и захвата Константинополя. Знало ли об этом предприятии своего союзника французское правительство? После войны Пуанкаре уверяет, что впервые узнал о существовании Балканского союза лишь в июле 1912 г. во время поездки в Россию от Сазонова и что именно эта новость вызвала его заявление Сазонову о невозможности для Франции воевать из-за Балкан, на что последовал известный уже нам ответ Сазонова о невозможности для царизма воевать из-за Марокко. Однако едва ли можно согласиться с этим утверждением Пуанкаре. По свидетельству покойного М. Н. Покровского[1], в царских дипломатических документах 1912 г. (еще не опубликованных) имеются вполне точные и недвусмысленные указания, что о предпринятой царскими дипломатами стряпне на Балканах очень хорошо знал французский министр иностранных дел де Сельв. Пуанкаре мог не иметь «писаной формулы» царского правительства по этому вопросу, но едва ли можно думать, что царское правительство стремилось сохранить это предприятие в особой тайне от французов. Есть и другие свидетельства, частично подтверждающие наше мнение. В октябре 1911 г., т. е. как раз после ликвидации агадирского конфликта, Вильсон записывал в дневнике после беседы с Фошем, вернувшимся из царской России:

«Он кончил разговор предупреждением, что по многим причинам, о которых он сейчас не может говорить, я должен помнить, что 1912 г. будет опасным годом (a dangerous year to live through)»[2].

Откуда эта странная уверенность в том, что 1912 г. будет «особо опасным»? Несомненно, что во французском военном министерстве, как и на Quai d'Orsay[3], кое-что знали, а может быть знали также и в Лондоне. Опубликованные Е. А. Адамовым в «Красном архиве» отчеты царских военных агентов в Париже и Лондоне показывают, что войны ожидали в «близком будущем», весной. В связи с этим во французском военном министерстве и в генеральном штабе шла лихорадочная работа. «Мы работаем, как во время войны», — заявил начальник генерального штаба генерал Дюбайль царскому военному атташе графу Ностицу[4]. Таким образом военные приготовления, вызванные Агадиром, планомерно развивались и после ликвидации кризиса.

Не менее лихорадочно ведется подготовка и в Англии. Хотя дневник Вильсона за этот период (октябрь 1911 г. — август 1912 г.) полон жалоб на неподготовленность Англии к войне и бездействие в этом отношении правительства, но генеральный штаб, как свидетельствуют депеши царского военного агента в Лондоне, генерала Ермолова, работал крайне лихорадочно; ему

---

[1] Большая советская энциклопедия, т. IV, стр. 504.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 88.
[3] Французское министерство иностранных дел. — *Н. П.*
[4] „Красный архив", т. 34, стр. 174—179.

немало помогла повидимому смена 14 марта 1912 г. начальника генерального штаба Вильяма Никольсона, замененного Френчем. Последний немедленно заявил своим помощникам, Вильсону, Мюррею и Киггелю, что «он намерен сделать армию готовой к войне, и быстро показал, что он это понимает всерьез». С Холденом новый начальник имперского генерального штаба поступил не менее круто: он показал ему копию меморандума Вильсона о будущей европейской войне и неготовности Англии. «Старика Холдена чуть не хватил удар, и он от страха едва не лишился жизни. Что за смешной старик! Эти политиканы не хотят смотреть фактам в глаза»[1], — писал в своем дневнике Вильсон. Холден пытался противодействовать, но Вильсон был уже уверен в себе. «Мы его вышибем», — записывал он в конце марта в своем дневнике[2]. И действительно в июне 1912 г. Холдена «ушли» из военного министерства и сделали лорд-канцлером.

Конфликт между французским и русским империализмом в связи с вопросом о проливах и следовательно о выборе наиболее выгодного варианта развязывания войны решился в пользу царского правительства. Его решили нужда в «русском нажиме» и образование Балканского союза. Новое царское предприятие казалось не только жизнеспособным, но было вполне реальной силой. Политики Антанты отлично понимали, что эта сила, если бы в результате балканской войны между царской Россией и Австрией возник конфликт, могла быть направлена против Австрии, а это настолько резко меняло военно-стратегическую ситуацию и отвлекало такие силы австрийцев, что «русский нажим» в Восточной Пруссии мог быть осуществлен еще до конца мобилизации. Война «из-за куска сербской территории» при наличии Балканского союза вполне окупалась.

Эти выводы не замедлили сказаться, вызвав очень быстро уступчивость французов при условии некоторой сдержанности царской России. В начале сентября (по новому стилю) 1912 г. великий князь Николай Николаевич прибыл в Париж для участия в маневрах французской армии. Здесь он познакомился с Вильсоном, пригласил его в Россию и вместе с ним участвовал в совещаниях, происходивших во французском штабе[3]. О том, каков был непосредственный результат этой поездки, дает ясное представление письмо Извольского Сазонову от 12 сентября н. ст. 1912 г. Извольский сообщал[4], что французское правительство «вполне ясно отдает себе отчет в том, что те или другие события, например разгром Болгарии Турцией или нападение Австрии на Сербию, могут заставить Россию выйти из пассивного положения и прибегнуть сперва к дипломатическому выступлению, а затем и к военным действиям против Турции или Австрии.

---

[1] *Calwell*, I, p. 112.
[2] Ibidem.
[3] Ibid., p. 117.
[4] „Материалы", стр. 275 (курсив мой. — *Н. П.*).

Согласно полученным нами от французского правительства заявлениям, в таком случае нам обеспечена со стороны Франции самая искренняя и энергичная дипломатическая поддержка. Но в этом фазисе событий правительство республики не было бы в состоянии получить от парламента или общественного мнения санкции на какие-либо активные военные меры. Но, если столкновение с Австрией повлечет за собой вооруженное вмешательство Германии, французское правительство заранее признает это за casus foederis и ни минуты не поколеблется выполнить лежащие на нем по отношению к России обязательства... Далее г. Пуанкаре сказал мне, что ввиду критического положения на Балканах высшие органы французского военного управления с усиленным вниманием изучают все могущие произойти военные случайности, и ему известно, что сведущие и ответственные лица весьма оптимистически смотрят на шансы России и Франции в случае общего столкновения; оптимистический взгляд этот основан между прочим на оценке той диверсии, которую произведут соединенные силы балканских государств (за исключением Румынии), *оттянув соответствующую часть австро-венгерских военных сил*».

Таким образом Балканский союз выдвинул на первый план возможность начала войны на Балканах, поскольку он гарантировал, по мнению руководителей Антанты, наилучший вариант превращения местного балканского конфликта в общеевропейский. Сербская армия, компенсируя неподготовленность царской России к войне, позволяла не дожидаться окончания военной программы царизма.

Итак, уже в 1912 г. по крайней мере главнейшие «уроки Агадира» были соответствующим образом учтены и исправлены. Некоторой чисто военной неготовностью Антанты, точнее, неготовностью английской армии, вызванной косностью и медлительностью британского военного аппарата, и неготовностью царской армии в крайнем случае можно было пренебречь, так как более важный в этом отношении для союзников русский фронт благодаря созданию Балканского союза мог обеспечить достаточный нажим на Восточную Пруссию в первые же дни, даже несмотря на неподготовленность царской армии.

Что касается политического механизма Антанты, то конец 1911 и начало 1912 г. привели к разрешению наиболее трудных вопросов. Особенное значение в этом отношении имели два фактора — образование Балканского союза и обмен писем Грея — Камбона, утвержденный английским кабинетом. С царской Россией договорились. Наличие Балканского союза, создавая наиболее выгодный в военном отношении вариант начала войны — удар по австрийскому флангу, в то же время шло навстречу стремлению английского империализма расширить фронт против австро-германского блока, что неизбежно должно было усилить разбросанность сил последнего. Словом, основные проблемы организации войны были разрешены и механизм ее развязывания сконструирован, а это не замедлило отразиться на положении.

Победы Балканского союза и австрийские вооружения против Сербии поставили вопрос о войне совершенно конкретно — и политически и технически. Так как «ставка на сербскую лошадь» была выгодна, то 4 ноября Пуанкаре сообщил Извольскому[1], что «было бы благоразумным теперь же установить общую линию поведения на случай, если Австрия попыталась бы осуществить территориальные приобретения». Пуанкаре предлагал царской России «обсудить с Францией, а равно и с Англией средства предотвращения этой опасности». «Предложение это, — разъяснял Извольский, — было сделано по обсуждении вопроса французским советом министров, и в нем *выражается совершенно новый взгляд Франции на вопрос о территориальном расширении Австрии за счет Балканского полуострова*[2]. Тогда как до сих пор Франция заявляла нам, что местные, так сказать, чисто балканские события могут вызвать с ее стороны лишь дипломатические, а отнюдь не активные действия, ныне она как бы признает, что территориальный захват со стороны Австрии затрагивает общеевропейское равновесие и потому и собственные интересы Франции. Я не преминул заметить господину Пуанкаре, что, предлагая обсудить совместно с нами и Англией способы предотвратить подобный захват, он этим самым ставит *вопрос о практических последствиях предположенного им соглашения: из его ответа я мог заключить, что он вполне отдает себе отчет в том, что Франция может быть вовлечена на этой почве в военные действия*... Господин Палеолог вполне признал, что предлагаемое соглашение может привести к тем или иным активным действиям»[3]. 17 ноября, сообщает далее Извольский, Пуанкаре добавил, что «для него было бы невозможно формулировать даже частным образом линию поведения Франции в случае активной интервенции Австрии, прежде чем императорское правительство сообщит ему о своих собственных намерениях. Россия, — сказал он мне [Извольскому], — должна принадлежать инициатива в этом вопросе... Роль Франции — оказать ей наиболее действительную помощь... В сущности, — прибавил г. Пуанкаре, — все это сводится к тому, что, если Россия будет воевать, Франция также вступит в войну потому, что мы знаем, что в этом вопросе за Австрией будет Германия. На мой вопрос, знает ли он точку зрения Англии в настоящем вопросе, г. Пуанкаре мне ответил, что, по его сведениям, лондонский кабинет ограничится в настоящий момент обещанием России полной дипломатической поддержки, но что это не исключает в случае неуспеха более действительной помощи»[4].

---

[1] „Материалы", стр. 297 (перевод мой — *Н. П.*).
[2] См. „Материалы", стр. 300, 307.
[3] Там же, стр. 296 (курсив мой. — *Н. П.*).
[4] Там же, стр. 300.

Пуанкаре однако сказал слишком мало. На самом деле новая точка зрения французского правительства была несомненно согласована с Англией, если не путем официальных переговоров, то через посредничество Вильсона. На это указывают следующие факты. Вильсон, приглашенный Николаем Николаевичем в Россию, тотчас же после окончания маневров в конце сентября 1912 г. отправился через Берлин и Варшаву в Петербург, где совещался с начальником генерального штаба Жилинским, а затем с английским военным атташе Ноксом (будущим «героем» интервенции), проехал через Москву, Киев, Львов, Краков в Вену. Здесь «мы (Нокс и я) имели утром долгий разговор, в котором подвергли обзору все без исключения области, виденные нами[1], и обсудили эту поездку. Вся проблема теперь приняла для меня осязательную форму, и мое суждение приобрело больший вес»[2].

К началу октября международное положение в связи с подготовкой войны на Балканах стало столь критическим, что Вильсон, намеревавшийся проехать в Константинополь, «почувствовал себя обязанным вернуться домой»[3]. В Париже Вильсон сообщил свои впечатления начальнику французского генерального штаба генералу Кастельно. Вернувшись домой, Вильсон снова занялся прежде всего вопросом о том, насколько важна для Англии помощь Бельгии в случае войны. В своем докладе Сили, военному министру, Вильсон оценивал помощь Бельгии в 12—16 дивизий. Доклад Вильсона Сили передал Грею. Таким образом напряженное положение на Балканах было воспринято в английских кругах прежде всего с точки зрения возможности европейской войны. К этому же моменту (20 октября — 12 ноября) относятся усиленная агитация Вильсона среди политических деятелей о необходимости введения в Англии воинской повинности и его переговоры по этому вопросу с лидером оппозиции — Бонар Лоу. 12 ноября по инициативе Вильсона было даже созвано заседание военного совета для обсуждения назначений высших офицеров английской армии на руководящие посты в экспедиционном корпусе в случае возникновения войны и т. д.[4].

Так развертывалась подготовка к непосредственному военному столкновению с Германией и ее союзниками на западе, востоке и юго-востоке. Вильсон, ежедневно посещавший в эти дни Foreign Office и получавший от Артура Никольсона сведения о ходе событий[5], 8 ноября был вызван к военному министру Сили, так как правительству понадобилось мнение Вильсона о военной ситуации. В этот день Сили дважды вызвал к себе Вильсона для обсуждения балканских дел.

---

[1] Русско-австрийский театр войны.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 117—118.
[3] Ibid., p. 118.
[4] Ibid., p. 119.
[5] Ibid., p. 120.

В своем дневнике Вильсон записывает 8 ноября следующие строки:

«В 12 час. дня сегодня Сили послал за мной. Сербия хочет порт на Адриатическом море, Россия поддерживает ее, а Австрия столь же определенно противится этому. В 6 час. 30 мин. пополудни Сили снова послал за мной и спросил, вступит ли Франция в войну из-за Балкан. Я сказал, что французы станут на сторону России больше всего из-за равновесия сил (balance of power) и также потому, что невозможно допустить исчезновение турок из Европы»[1], т. е. допустить захват проливов и Константинополя царской Россией!

Грей, запрошенный Бенкендорфом по поручению Сазонова[2], какова будет позиция Англии, если Австрия предпримет военные меры против Сербии, после нескольких разговоров с Бенкендорфом формулировал ряд «определенных особых условий», при соблюдении которых Англия вступит в войну даже тогда, когда последняя начнется на Балканах после военного выступления Австрии против Сербии: *1) «активное вмешательство Франции должно сделать эту войну всеобщей; 2) абсолютно необходимо, чтобы ответственность за нападение пала на наших противников»*. Последнее условие «прежде всего содержит в себе необходимость соблюдения нами принципа нашей незаинтересованности. При помощи этого принципа, — расшифровывал намеки Грея Бенкендорф, — мы приобретаем влияние, которое возможно может стать решающим. Если мы выдвинем такие вопросы, как например вопрос о проливах или о Малой Азии, где затронуты интересы только одной России, то мы безусловно лишимся этого влияния. Подобно Вашему превосходительству я прекрасно учитываю огромную важность для нас участия Англии в войне, и если это явится жертвой для нас, я полагаю, что мы должны принести эту жертву... нужно будет ясно подчеркнуть агрессивный характер австрийской и германской политики»[3].

Два дня спустя, 9/22 ноября Бенкендорф еще более разъяснил положение.

«Нападение или прямой вызов Франции, — писал он Грею, — могут вовлечь Англию в войну. То же и в отношении России, но мы предупреждены о последствиях начала войны нами. Здесь знают о нашем общественном мнении и приготовились к тому, что нападение Австрии на Сербию вызовет у нас непреодолимое движение, но английским общественным мнением такая война все-таки будет считаться недостаточной причиной и не привлечет к себе сочувствия. Вступить в борьбу для того, чтобы прибавить порт Сербии, невозможно, а наши действия с английской точки зрения именно таковы... Нужны были бы ошибки со стороны Австрии или Германии, но они до сих пор их не сделали»[4].

---

[1] Ibid., p. 119.
[2] *Siebert*, № 464. Депеша Сазонова Бенкендорфу от 11 ноября 1912 г.
[3] *Siebert*, № 476, Graf Benckendorffs diplomatischer Schriftwechsel, B. II, № 724.
[4] *Зайончковский*, I, стр. 277.

Это были не просто условия, а настоящая программа действий — программа, в точности осуществленная в 1914 г.

Одновременно английские организаторы войны поспешили поведать германским о своей новой точке зрения на «кусок сербской территории». 3 декабря 1912 г. Холден сообщил германскому послу в Лондоне Лихновскому, что при «всеобщей европейской сумятице, которая может последовать из вторжения Австрии в Сербию, если Сербия не согласится очистить оккупированное ею побережье Адриатического моря, едва ли правдоподобно, чтобы Англия осталась спокойным зрителем. Если бы Германия была вовлечена Австрией в ссору и вступила в войну с Францией, в Англии возникли бы такие настроения, которым не смогло бы противостоять ни одно правительство и последствия коих были бы неисчислимы»[1]. Это заявление Холдена привело Берлин почти в истерику[2].

Однако войны в 1912 г. не последовало, несмотря на то, что к ней готовились не только в Англии, но и в царской России. В недавно вышедших мемуарах председателя царского совета министров графа Коковцова рассказывается о приготовлениях царской России к войне в ноябре 1912 г.

Как рассказывает Коковцов, поздно вечером 9 ноября военный министр Сухомлинов сообщил ему по телефону, что Николай II просит председателя совета министров прибыть на следующий день для доклада. На следующий день, 10 ноября, Коковцов встретился на вокзале с Сухомлиновым, начальником генерального штаба Жилинским, Сазоновым и министром путей сообщения Рухловым. Никто из них не знал, для какой цели вызывает их к себе Николай II, и даже Сухомлинов изображал полное неведение. Недоумение еще более усилилось, когда Николай II, открыв заседание, заявил, что всем присутствующим известна цель собрания и что он просит их лишь высказать свое мнение. Министры не знали, о чем идет речь и что сказать, пока Сухомлинов не заявил, что он не осведомил своих коллег о существе дела, считая, что лучше всего сделать это Николаю II.

«Тогда государь, — повествует Коковцов, — раскрывши лежавшую перед ним карту, стал очень спокойно и ясно излагать соотношение наших и австрийских военных сил на нашей границе, слабый состав нашей пехоты, имеющей не более 90 чел. в роте, в то время как австрийская пехота доведена до 200 чел. в роте, медленность нашего сосредоточения войск и вытекающую отсюда необходимость значительно усилить состав войсковых частей, стоящих близ границы.

«Для достижения этой цели, — сказал государь, — вчера на совещании с командующими войсками Варшавского и Киевского военных округов решено произвести мобилизацию всего Киев-

---

[1] „Grosse Politik", B. XXXIX, № 15612.
[2] Ibid., № 15613.

ского и части Варшавского округа и подготовить мобилизацию Одесского.

Я особенно подчеркиваю, — прибавил государь, — что вопрос идет только о нашем фронте против Австрии, и не имею решительно в виду предпринимать чего-либо против Германии. Наши отношения с ней не оставляют желать ничего лучшего, и я имею все основания полагаться на поддержку императора Вильгельма».

На предложение государем Сухомлинову сделать дополнительное объяснение тот ответил, что не имеет прибавить ни одного слова к столь ясно сказанному государем и что все телеграммы о мобилизации им уже заготовлены и будут отправлены сегодня же, как только окончится совещание»[1].

Удивление всех присутствующих (за исключением Сухомлинова) от этой речи Николая, согласно сообщениям Коковцова, не поддавалось описанию. Коковцов, выступивший в качестве председателя совета министров первым, в большом возбуждении заявил, что «советники государя — военный министр и два командующих войсками — не поняли, в какую беду ведут они государя и Россию, высказываясь за мобилизацию двух военных округов, что они, очевидно, не разъяснили государю, что они толкают его прямо на войну с Германией и Австрией»[2].

Коковцову стоило большого труда убедить Николая II отказаться от мобилизации, так как последний упорно настаивал на том, что эти мероприятия — лишь мера предосторожности с его стороны и он не собирается начинать войны. Наконец после долгого спора Николай II отказался от мысли о мобилизации и то только тогда, когда Коковцов предложил для усиления пограничных войск задержать в рядах армии на 6 месяцев идущих с 1 января 1913 г. в увольнение солдат.

Сухомлинов, бывший повидимому автором всего проекта, собирался уехать после объявления мобилизации в отпуск (вместе с женой на Ривьеру) на 2—3 недели с расчетом вернуться вовремя домой к началу войны.

Что дело шло о войне, об этом свидетельствует тот же Коковцов. На вопрос Сазонова Сухомлинову, что было бы, если бы Николай II не созывал совещание министров, Сухомлинов ответил: «Если бы я не нашел этого нужным, мобилизация была бы уже начата и в этом не было бы никакой беды; все равно войны нам не миновать, и нам выгоднее начать ее раньше, тем более, что это ваше и председателя совета убеждение в нашей неготовности, а государь и я, мы верим в армию и знаем, что из войны произойдет только одно хорошее для нас»[3].

Так собиралась развязать войну в ноябре 1912 г. наиболее агрессивная часть царской военщины, убеждая Николая II действовать «по-гусарски». Однако более внимательный анализ ситуа-

---

[1] *Граф В. Н. Коковцов*, Из моего прошлого, Париж 1933, т. II, стр. 123.
[2] Там же, стр. 124.
[3] Там же, стр. 127.

ции, нашедший отражение в выступлениях Коковцова и Сазонова перед Николаем II, показал, что войну начинать в 1912 г. чересчур рано.

Царская армия была не готова — не было ни орудий, ни винтовок, ни снарядов, ни патронов. Кроме того противники, в частности Австрия, успели опередить Антанту в приготовлениях к войне. В конце 1912 г. Австрия, обманув бдительность царского генерального штаба, провела мобилизацию в Галиции, что подрывало согласованность стратегических планов Антанты в самом уязвимом месте — отвлечение части австрийских войск на Сербию [1]. В октябре 1912 г. австрийское правительство предусмотрительно потребовало от парламента чрезвычайных кредитов на военные нужды и, получив их, «тайно от русского генерального штаба провело почти полную мобилизацию своей армии на границе Сербии и в Галиции, сосредоточив внушительные силы в Сараево, Гравоза и в долине Дуная в двух шагах от Белграда» [2].

Между тем совещание начальников штабов Киевского, Казанского и Московского округов, состоявшееся 8 ноября 1912 г. под председательством генерала Алексеева, пришло к выводу, что помощь Сербии в смысле отвлечения австрийских сил на юг может оказаться эффективной только в том случае, если царская Россия не упустит времени для одновременного с Сербией начала войны, иначе Австрия, сосредоточив подавляющие силы на юге, может покончить с Сербией быстрыми и решительными ударами, используя время, которое необходимо царской России для мобилизации и сосредоточения своих войск (35—37 дней). Поэтому совещание на будущее время предлагало:

«1) не упустить минуты объявления Россией мобилизации, чтобы этот акт мог быть выполнен более или менее одновременно с противником и 2) объявить войну с таким расчетом, чтобы действия русских армий могли получить полное развитие в то время, когда Австрия еще не закончит борьбы с Сербией» [3].

В силу всех выяснившихся обстоятельств Сазонов, еще в начале ноября усиленно зондировавший Лондон и Париж насчет возможности мировой войны из-за «куска сербской территории», резко переменил тон. Он вызвал Бенкендорфа в Петербург и предложил ему воздерживаться от всего, что могло бы спровоцировать Германию [4], и прервал переговоры о подготовке войны, которые он вел с Францией. Эта неожиданная пассивность царской России и ее внезапное молчание после столь многообещающего начала привели французские верхи, не желавшие упустить исключительно выгодной политической и военной ситуации (ведь Балканский союз еще не перессорился и мог быть использован против Австрии) и не понимавшие причин столь решительной

---

[1] *Зайончковский*, II, стр. 271, 180, прим. 2.
[2] *Зайончковский*, I, стр. 278; II, стр. 180.
[3] *Зайончковский*, II, стр. 271—272.
[4] „Grosse Politik", B. XXXIX, № 15560.

перемены[1], в настоящее неистовство. 5/18 декабря Извольский встревоженно сообщал Сазонову:

«Тогда как весьма еще недавно и французское правительство и здешняя печать были довольно склонны обвинять нас в подстрекательстве сербов и доминирующей нотой была фраза «Франция не хочет войны из-за сербского порта», ныне здесь с недоумением и нескрываемым опасением относятся к кажущемуся нашему равнодушию перед фактом австрийской мобилизации. Опасения эти не только высказываются французскими министрами в разговорах со мной и с нашим военным агентом, но проникают также в широкую публику и в газеты самых разнообразных оттенков; во французском генеральном штабе они настолько сильны, что, как сказано в моей телеграмме № 445 (не опубликована. — *Н. П.*), военный министр счел необходимым обратить на это внимание Пуанкаре, который показал мне письмо г. Мильерана и созвал экстренный совет министров для его обсуждения. Телеграмма г. Жоржа Луи, передававшая ответ, полученный генералом Ла-Гишем от нашего генерального штаба, нисколько не рассеяла недоумения французов. Мне был показан текст этой телеграммы, согласно которой генералу Ла-Гишу было сказано не только, что австрийским вооружениям у нас придают чисто оборонительное значение, но что даже в крайне невероятном случае нападения Австрии на Сербию Россия не будет воевать. Подобный ответ поверг Пуанкаре и всех французских министров в крайнее удивление. По всем получаемым здесь сведениям, Австрия в настоящий момент заканчивает полную мобилизацию 10 корпусов, причем часть мобилизованных войск демонстративно выставлена против России; мобилизация эта ложится тяжелым образом на и без того расстроенные финансы Австрии, и поэтому можно ожидать со дня на день какого-нибудь категорического выступления со стороны австрийского кабинета. Выступление это, как здесь думают, может вызвать отпор со стороны России, а это в свою очередь автоматически и неизбежно вовлечет в войну сперва Германию, а затем и Францию. К подобной возможности французское правительство относится вполне спокойно, сознательно и с твердой решительностью исполнить свои союзнические обязательства. Все необходимые меры с его стороны приняты; мобилизация на восточной границе *проверена;* материальная часть в полной готовности и т. п. И как раз в эту минуту Франция как будто сталкивается с совершенно иным отношением к положению со стороны своей союзницы, наиболее, казалось бы, в нем заинтересованной»[2].

Извольский заканчивал депешу заявлением:

«За последние дни мне приходится бороться уже не с представлениями, что Франция может быть вовлечена в войну из-за чуждых ей интересов, а скорее с опасением, что мы слишком

[1] Царское правительство первое время совестилось откровенно признаться союзникам в том, что оно прозевало австрийскую мобилизацию.

[2] „Материалы", стр. 311—313 (курсив мой. — *Н. П.*).

пассивно относимся к вопросу, затрагивающему положение и престиж всего Тройственного согласия», т. е. Антанты.

В тот же день царскому военному агенту в Париже, полковнику графу Игнатьеву пришлось выдержать еще более жестокий бой с военным министром Мильераном[1]:

«*Мильеран:* Какая же по-вашему, полковник, цель австрийской мобилизации?

Игнатьев: Трудно предрешить этот вопрос, но несомненно, что австрийские приготовления против России носят пока оборонительный характер.

Мильеран: Хорошо, но оккупацию Сербии вы следовательно не считаете прямым для вас вызовом на войну?

Игнатьев: На этот вопрос я не могу ответить, но знаю, что мы не желаем вызывать европейской войны и принимать меры, могущие произвести европейский пожар.

Мильеран: Следовательно вам придется предоставить Сербию своей участи. Это конечно дело Ваше, но надо только знать, что это не по нашей вине; мы готовы, и необходимо учесть это. А не можете по крайней мере мне объяснить, что вообще думают в России о Балканах?

Игнатьев: Славянский вопрос остается близким нашему сердцу, но история выучила конечно нас прежде всего думать о собственных государственных интересах, не жертвуя ими в пользу отвлеченных идей.

Мильеран: Но вы же, полковник, понимаете, что здесь вопрос не Албании, не сербов, не Дураццо, а гегемонии Австрии на всем Балканском полуострове... Но вы все-таки кое-что да делаете по военной части?

Я с уверенностью могу предполагать, — сообщал Игнатьев, — что Мильеран имел между прочим следующую заднюю мысль, а именно, Австрия, расправившись с Сербией, успеет в случае нашего запоздалого вмешательства перекинуть все свои силы на нашу границу. Если в эту минуту мы не будем еще вполне готовыми к активным военным действиям, то австрийских армий будет достаточно, чтобы приковать нас к юго-западной границе, что облегчит для Германии решительное сосредоточение всех ее армий против Франции».

Телеграмма Сазонова, полученная Извольским в тот же день, повидимому объяснила причины пассивности царской России, как свидетельствует следующая приписка Извольского на цитированном выше письме Извольского Сазонову от 5/18 декабря 1912 г.:

«Только что получена и расшифрована Ваша телеграмма № 1187 с разъяснением затронутых в настоящем письме вопросов. Постараюсь сегодня же или завтра сообщить ее содержание Пуанкаре»[2].

---

[1] *Зайончковский*, II, стр. 179—180.

[2] „Материалы", стр. 313. Телеграмма Сазонова не опубликована.

Оказалась недостаточно готовой к войне и Англия: Черчиль не накопил еще в 1912 г. достаточных запасов нефти для флота[1]. С подготовкой операций на суше дело обстояло не лучше. Как сообщает Вильсон, 12 ноября 1912 г. на том заседании Военного совета, где уже назначались на руководящие посты будущие начальники экспедиционной армии, намеченной к отправке на континент в случае европейской войны, генерал-квартирмейстер «сказал нам, что адмиралтейство *теперь* говорит, что оно не может перевезти нас во-время. Это *бесчестно,* и я (Вильсон.— *Н. П.*) прямо вышел из себя. Я сказал, что нужно сделать одно из трех: либо адмиралтейство должно перевезти нас, либо мы сами должны позаботиться об этом, либо я поеду в Париж и скажу, что мы не приедем. Но я отказываюсь позволять моему имени быть гарантией, если мы не можем выполнить мое обещание»[2]. И хотя вскоре «адмиралтейство образумилось», тем не менее 31 декабря 1912 г., подводя итоги истекшему году, Вильсон записывал в дневнике: «Представляется возможным, хотя я никоим образом не уверен, что мы будем иметь в ближайшем же году европейскую войну. И вопреки всему тому, что я писал и делал весь год, мы еще *не* готовы. Это отвратительно и скандально»[3].

Итак, в 1912 г. война не была начата по указанным причинам, хотя в принципе все было решено и обусловлено. Роли между отдельными партнерами Антанты были распределены и «сербский фактор» был принят, конечно на известных условиях и с известными оговорками, и Англией и Францией. С 1912 г. в тесном кругу посвященных уже совершенно точно знали, что, если мировая война начнется на Балканах и притом со схватки Сербии с Австрией, это будет самым выгодным в военном отношении вариантом возникновения войны для союзников. Военная помощь Сербии, окрепшей после балканских войн, исчислялась царским генеральным штабом от 4 до 6 корпусов[4]. Вильсон лично полагал, что Австрии, для того чтобы расправиться с одной Черногорией, потребовалось бы не менее 80—100 тыс. чел.[5]. Оценки эти, как показало ближайшее будущее, даже оказались преуменьшенными: в июле 1914 г. австрийцы мобилизовали против Сербии 8 корпусов. С этой точки зрения тот факт, что война в 1914 г. началась именно из-за Сербии, отнюдь не был случайным. Слишком уже редки в международной политике столь удачные совпадения желательного с необходимым и выгодным. Тем более, что в отношении «сербского фактора» историкам известен еще один факт, который в случае его осуществления вызывал европейскую войну в самых желательных для Антанты военных, политических и моральных условиях.

---

[1] *Churchill*, op. cit., V, VI, passim.
[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 119.
[3] Ibid., p. 121.
[4] *Зайончковский*, II, стр. 415.
[5] *Calwell*, op. cit., I, p. 126.

Мы имеем в виду проектировавшееся под царским покровительством и даже нажимом «объединение» Сербии и Черногории. И в царской России, и в Англии, и во Франции после Лондонской конференции 1913 г. совершенно определенно знали, что Австрия не допустит этого объединения, так как оно даст Сербии выход к морю. И тем не менее в 1913—1914 гг. переговоры форсировались царской Россией путем денежных субсидий и угроз. В самом деле, что произошло бы в результате такого объединения? Австрия только и ждала подходящего момента и предлога для выступления против Сербии. Но последняя обратилась бы за помощью к царской России и другим участникам Антанты, ссылаясь на то, что Австрия противодействует «самоопределению народов». Какой чудесный предлог давало это «самоопределение народов» английскому правительству и Франции для оправдания своего вступления в войну перед общественным мнением. Новая «поруганная Бельгия» на Балканах!

Уже с 1913 г. чувствуется непосредственное дыхание войны; ситуация сложилась вначале для Антанты неблагоприятно: во время второй балканской войны Сербия была занята, а по окончании ее — нуждалась в известной передышке. Нужно было урегулировать положение на Балканах, чтобы освободить Сербии руки для борьбы с Австрией. К этому прибавился крупный инцидент конца этого года — миссия Лимана фон Сандерса, — показавший, как стала накалена атмосфера. Правда, в Лондоне и Париже не хотели, чтобы война начиналась со схватки между царской Россией и Германией из-за Турции — правительствам Англии и Франции было трудно, если не невозможно, мобилизовать общественное мнение своих стран на войну для поддержки притязаний царизма в Турции. Другой причиной того, что в 1913 г. война еще не разразилась, было желание закончить подготовку к войне во всех деталях. События двух последних лет, 1911—1912 гг., когда война дважды грозила разразиться при недостаточной подготовленности Англии и царской России, послужили хорошим предметным уроком, повторения которого хотели избежать. Поэтому весь 1913 г. проходит в усиленной подготовке. Генералу Вильсону наконец удается уладить с адмиралтейством вопрос о перевозке экспедиционной армии во Францию в точно обусловленные сроки.

Поездки Вильсона в Париж для совещаний с французским генеральным штабом приняли регулярный характер. Для того чтобы уяснить себе роль «сербского фактора» в будущей войне, осенью 1913 г. Вильсон объехал Балканы и осмотрел возможный театр войны. Пробыв в Белграде день, Вильсон вернулся в Париж, где 24 и 25 октября изложил генералу Кастельно свои впечатления[1].

Весной 1914 г. «вся схема» была разработана в окончательном

---

[1] *Calwell*, op. cit., I, p. 122—130.

виде. Это показала военно-стратегическая игра, предпринятая в июне 1914 г. английским и французским генеральными штабами и состоявшая в пробной перевозке английской экспедиционной армии на французский берег и далее в район сосредоточения на левом фланге предполагаемой линии французского фронта. Игра, проведенная под личным руководством Вильсона (французы мобилизовали для этой цели железнодорожное движение, состав и персонал железных дорог), прошла блестяще. Весь механизм перевозок оказался настолько налаженным, что полтора месяца спустя, несмотря на трехдневное опоздание в сроках английского мобилизационного расписания и связанное с этим расстройство французского железнодорожного движения, Вильсону удалось доставить экспедиционную армию в район сосредоточения ее в установленный мобилизационным расписанием срок. Последние приказы и дополнения к «военной книге» полковника Хенки, составленные на опыте игры, были отпечатаны 4 августа и прямо из типографии пущены в ход. *Только в июле 1914 г. английская армия была, по мнению Вильсона, наконец готова к операциям на континенте и Вильсон мог считать свою работу завершенной*[1].

Еще более кипучая работа шла в царской России. Царское правительство, дважды уличенное союзником в слабой подготовке к войне (в 1911 и 1912 гг.), приложило чрезвычайные усилия, чтобы оправдать возлагавшиеся на него надежды. Прохлопав в 1912 г. австрийскую мобилизацию, царское правительство направило все свои усилия на то, чтобы не допустить повторения подобного конфуза.

Совещание командующих войсками Киевского, Московского и Казанского округов 8/21 ноября 1912 г. постановило изменить принятое в конце марта 1912 г. положение, что «объявление мобилизации равносильно объявлению войны». Совещание, наоборот, признало выгодным не приступать сразу к объявлению войны одновременно или после объявления мобилизации, а дать возможность войскам закончить сосредоточение и развертывание, не объявляя войны, чтобы у противника «не была невозвратимо отнята надежда», что война может быть избегнута. «Наши мероприятия могли бы таким образом быть замаскированными ловкими дипломатическими переговорами, для того чтобы возможно более усыпить опасения врага. Если подобные меры дадут возможность выиграть несколько дней, их следует безусловно предпринять». В связи с этим совещание постановило, что при возникновении кризиса высшие военные власти еще до объявления мобилизации должны предупредить военные округа о порядке открытия военных действий против предполагаемого врага. Кроме того было признано необходимым «привести в соответствие открытие военных действий с нашей готовностью. При этом

---

[1] *Calwell*, op. cit., I, p. 122—123, 136—147; *Huguet*, op. cit., p. 39.

стремиться к тому, чтобы выиграть необходимое время, почему не открывать военных действий без необходимости»[1].

В развитие этих пожеланий по «высочайшему повелению» было отдано например приказание не считать открытием военных действий со стороны врага его отдельные выстрелы в сторону границы, а лишь переход границы отрядом германских или австрийских войск[2]. Телеграммы об объявлении мобилизации и открытии военных действий должны были посылаться отдельно друг от друга, чтобы не произошло какого-либо недоразумения или ошибки, причем для посылки телеграммы об открытии военных действий нужна была подпись только военного министра, а не Николая, как полагалось до сих пор. Вообще старались избежать лишнего шума и огласки. Все это делалось с целью выиграть время и не запоздать по сравнению с германской и австрийской мобилизациями, протекавшими гораздо скорее, чем в царской России. Для Варшавского округа было особо предписано не проводить никакой разницы между мобилизацией для войны на западном (австрийском) фронте и всеобщей мобилизацией[3].

Для проверки действия мобилизационного механизма царское правительство проводит ряд поверочных и опытных мобилизаций, имеющих целью устранить все перебои и ненормальности в работе мобилизационного аппарата и дать воинским частям соответствующие опыт и навыки. Инструкция о проведении опытных мобилизаций, утвержденная 20 марта/2 апреля 1912 г., предусматривала при их проведении выполнение следующих мер: призыв в войска местных запасных и ратников ополчения 1-го разряда, сбор лошадей и повозок на конечные мобилизационные пункты, назначение комендантов, пополнение существующих, а также формирование новых воинских частей, полевые маневры мобилизованных частей с применением боевых патронов и т. д.

Второй мерой, усвоенной царским правительством для повышения непосредственной боеспособности армии, явилось задержание выслуживших свой срок солдат в строю до окончания обучения принятого в текущем году набора. Так например уходившие в запас в конце зимы 1912 г. были задержаны до весны 1913 г., в 1913/14 г. эта мера была применена по отношению к рядовым следующего срока набора, а с осени 1914 г. должна была быть проведена в законодательном порядке в качестве нормального института. Благодаря этому зимой царская армия содержалась в штатах, превышающих нормы мирного времени.

Наконец еще большее значение для ускорения мобилизации и увеличения непосредственной боеспособности армии имело установление в 1913 г. особого «подготовительного к войне периода»[4].

---

[1] *G. Frantz*, Russlands Eintritt in den Weltkrieg, B. 1924 (в дальнейшем сокращенно — G. Frantz), S. 236—237, 238—240.
[2] Ibid., S. 238—239.
[3] Ibid., S. 233.
[4] МОЭИ, V, № 80.

Этим термином, согласно инструкции от 17 февраля/2 марта 1913 г., назывался «предшествующий открытию военных действий период дипломатических осложнений, в течение которого все ведомства должны принять необходимые меры для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к угрожаемой границе». Начало подготовительного периода определялось в зависимости от хода дипломатических переговоров, и выполнение предусмотренных этим периодом мер велось по указаниям военного и морского министров, которые определяли, какие из этих мер и в какой постепенности должны быть осуществлены. Все эти меры разделялись в общем на две категории. К первой категории принадлежали меры, проведение которых предпринималось на предусмотренные нормальным бюджетом средства; ко второй категории принадлежали меры, выполнение которых проводилось на счет чрезвычайных кредитов.

Конечно все эти меры должны были проводиться в строжайшей тайне.

В первую очередь, непосредственно после утверждения царем постановления совета министров о введении в силу «подготовительного к войне периода», проводились в числе прочих следующие из мероприятий первой категории:

1. Развитие производственной мощности технических учреждений (пороховых, артиллерийских, оружейных заводов) военного ведомства до полной нормы. Охрана заводов и складов воинскими частями.

2. Подготовка железных дорог к воинским перевозкам, отправка на важнейшие ж.-д. станции офицеров, намеченных в качестве их будущих комендантов, усиленное наблюдение за ж.-д. путями и мостами, проверка провозоспособности железных дорог.

3. Пополнение запасов воинских частей и крепостей до нормы военного времени, снаряжение патронов для местных артиллерийских парков.

4. Призыв запасных и ополченцев на учебные сборы с распределением запасных в зависимости от мобилизационных планов по воинским частям пограничных корпусов. Формирование ополченских команд для охраны границ, путей, телеграфных линий и построек военного значения. Перевод контрразведки на военное положение.

5. Возвращение воинских частей в свои гарнизоны и места постоянного квартирования. Продвижение кавалерийских и размещенных в пограничной полосе пехотных частей под видом маневров в намеченные для прикрытия мобилизации и сосредоточения пункты.

6. Приостановка увольнения в запас командного состава, вызов командного состава и солдат из отпусков и служебных командировок, покупка нехватающих по штатам мирного времени ломовых лошадей, обмундирование и вооружение солдат, перековка лошадей, подвоз из интендантских складов продовольствия

и фуража в полевые части согласно нормам, предусмотренным мобилизацией.

7. Размещение в пограничных крепостях воинских частей по своим боевым постам, подвоз артиллерийских и других боевых запасов в места, предусмотренные боевым расписанием, снаряжение боевого комплекта огнестрельных патронов, производство работ в крепостной зоне, необходимых для обороны крепости.

8. Усиление охраны пограничной полосы и принятие мер для вывоза из нее ценного имущества.

По мере дальнейшего обострения дипломатических отношений принимались другие меры, более открытого характера, как например:

1. Выставлялась охрана железных дорог.

2. Производились перевозки запасов военного времени в места назначения, предусмотренные планами мобилизации и сосредоточения войск в крепости.

3. Призывались на учебные сборы запасные и ратники ополчения.

4. Воинские команды, предназначенные для разрушения намеченных заранее участков железной дороги, отправлялись по местам назначения, производились предусмотренные мобилизационными планами технические работы (однако без разрушения зданий, вырубки лесов и садов).

5. В морских крепостях устанавливались согласно планам обороны минные заграждения, в сухопутных — производились важнейшие работы и очистка крепостной зоны; испытывались боевыми выстрелами установки крепостных орудий и производилась пристрелка орудий по разным направлениям.

Так как многие из перечисленных мер либо проводились автоматически в силу самого факта объявления «подготовительного к войне периода», либо требовали для своего проведения в жизнь распоряжения командующих войсками военных округов, а иногда даже только корпусного командира, пограничные корпуса могли быть приведены в боевую готовность без официальной мобилизации. В общем же все эти три меры — поверочные и опытные мобилизации, задержание до весны уходящих в запас воинских чинов и введение «подготовительного к войне периода» — значительно ускоряли сроки готовности царской армии к боевым операциям[1]. На последнем перед войной совещании начальников французского и царского генеральных штабов в августе 1913 г. генерал Жилинский мог обещать Жоффру, что против Германии

[1] „Большая военная программа 1914 г.", предусматривавшая увеличение штатов мирного времени в воинских частях до норм, установленных мобилизационным расписанием, явилась дальнейшим шагом для повышения непосредственной боевой готовности царской армии. После проведения ее в жизнь войска пограничных округов — Виленского, Варшавского и Киевского — фактически могли быть двинуты в бой без мобилизации. Значительная часть „большой программы" должна была быть проведена в 1914 г., но война прервала ее осуществление.

будет сосредоточено около 800 тыс. чел., причем сосредоточение большей части этих сил и наступление он обещал начать тотчас же после 15-го дня мобилизации[1]. Это обещание, не соответствовавшее между прочим срокам мобилизации и развертывания войск, было точно выполнено ценой гибели одной (Самсонова) и полного расстройства другой (Ренненкампфа) армии.

Особо стоял вопрос об артиллерийском снабжении. В 1912 г. армия была обеспечена боевыми припасами всего в размере 50%. С тяжелой полевой артиллерией дело обстояло еще хуже. Главное управление генерального штаба обещало приложить все усилия и пополнить боевое снабжение до установленных норм (1 тыс. патронов на винтовку, 75 тыс. на пулемет, 1 тыс. снарядов на легкое полевое орудие и 1 200 на гаубицу). Генеральный штаб полагал, что война продлится от 2 до 6 месяцев, поэтому вопрос о тяжелой артиллерии был отодвинут на второй план. Раз война не затянется надолго и будет решена в полевых маневренных боях, то тяжелая артиллерия была признана ненужной. К началу войны 1914 г. тяжелая артиллерия осадного типа почти вовсе отсутствовала[2]. Отложив заботы о тяжелой артиллерии, генеральный штаб обратил все свое внимание на обеспечение армии боевыми припасами для винтовок и легкой полевой артиллерии. С зимы 1913 г. в царских арсеналах кипит усиленная работа по изготовлению винтовочных патронов, так что к весне 1914 г. армия имела винтовочные патроны по нормам, предусмотренным мобилизационным расписанием.

Итак, к 1914 г. положение Антанты в смысле готовности к войне значительно улучшилось. Франция была подготовлена лучше всех других союзников. Новый закон о трехлетней службе, принятый в 1912 г., еще более увеличивал боеспособность французской армии, причем необходимо помнить, что 1914 г. в отношении начала войны представлял для Франции специфические, особые выгоды. Благодаря задержанию в строю на лишний год призванных ранее сроков набора французская армия имела более увеличенные по сравнению с нормальными штаты, что позволяло к первому и решительному столкновению выставить в поле большое число первоочередных войск и ускорить мобилизацию по сравнению с Германией. Об этом Жоффр говорил Жилинскому на совещании начальников штабов в августе 1913 г. В 1915 г. эти специфические выгоды должны были исчезнуть. К июню 1914 г. оказалась готовой для войны на континенте и английская армия. Что касается положения на море, то германские вооружения в связи с предстоящим появлением на Средиземном море 4 австрийских и 2 турецких линкоров делали всякую минуту отсрочки игрой «ва-банк». На море ждать дольше было нельзя.

---

[1] „Материалы", стр. 716.

[2] *Барсуков*, Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении. Гвиз, 1926 (в дальнейшем сокращенно — *Барсуков*), стр. 195.

При помощи французских займов была приведена в более или менее боеспособный вид и царская Россия.

Вопрос о готовности царской России к войне 1914—1918 гг. до сих пор служит предметом горячих споров.

Царский военный министр Сухомлинов, в своих знаменитых статьях в «Биржевых ведомостях» писавший: «Россия готова, готова ли Франция?» — в некоторых отношениях был прав. Действительно царская армия была готова к войне, но... к войне не на 4 года, а на 2—6 месяцев. Царский генеральный штаб полагал, что война будет молниеносной[1], продлится от 2 до 6 месяцев и во всяком случае не более года, что еще до этого наступит полное истощение воюющих сторон[2]. Комиссия генерала Поливанова, созданная в 1910 г. для установления норм боевых запасов военного времени, пришла к выводу, что «нормы в 1 000 патронов на винтовку или орудие не только хватит на кратковременную войну, но части их даже не потребуется»[3]. Поэтому «боевой комплект ружейных и орудийных патронов был рассчитан на 1 год войны»[4], поэтому была не нужна и тяжелая полевая артиллерия, которая, как думали в царском генеральном штабе, не сможет угнаться за быстрым наступлением армии[5]. Генеральные штабы как Антанты, так и Тройственного союза не верили в возможность длительной войны и полагали, что она продлится не 4 года, а 6 месяцев. Так думал и французский генеральный штаб в лице Жоффра и английский генеральный штаб в лице Вильсона, так даже думали сами немцы, о чем свидетельствуют основные установки плана Шлиффена. Исследователи военной эпохи упускают из виду обычно один любопытный момент: мобилизация германской промышленности для работы «на оборону», предусмотренная еще до войны, началась лишь после битвы на Марне. Вильсон, фактический руководитель английского генерального штаба, полагал даже после Марны, что война кончится к рождеству 1914 г. Того же взгляда придерживалось и французское командование. Только один Китченер не разделял этой точки зрения, и известно, какую сенсацию вызвали в прессе всего мира объявления английского военного министерства о наборе первых 100 тыс. добровольцев, которых приглашали записаться в армию «на три года или срок продолжения войны», или тот факт, что для штаба английской экспедиционной армии, высадившейся во Франции, были наняты квартиры с контрактом на три года[6]. В 1914 г. почти никто из руководителей враждебных лагерей не верил в долголетнюю войну, а затяжка войны на 4 года спутала расчеты обеих коалиций.

---

[1] Там же, стр. 133, 142.
[2] Там же, стр. 62, 75, 79.
[3] Там же, стр. 140. Дело военно-учебного архива, № 187/896.
[4] Там же, стр. 133, 135.
[5] Там же, стр. 87—88.
[6] *Steed*, op. cit., II, p. 32—33.

Теперь подведем некоторые итоги «работе» Антанты по подготовке войны.

Осознав невозможность сдержать «мирными средствами» развитие более молодого, лучше организованного и перевооруженного новейшей техникой германского империализма, довольно успешно реализовывавшего в «мирной обстановке» свои притязания на мировую гегемонию и передел мира в свою пользу, английский империализм приходит к выводу о необходимости ликвидировать или по крайней мере задержать это развитие германского конкурента при помощи военного разгрома Германии. С этой целью он улаживает свои противоречия с другими своими империалистическими конкурентами — Францией и царской Россией, имеющими собственные интересы в разгроме Германии, и организует международно-политический блок — Антанту — как инструмент войны с Германией и ее союзниками. Недостаточная организационная и техническая подготовленность Антанты для разрешения этой задачи (недостаточная военная подготовка, военное ослабление царской России после манчжурского разгрома, неслаженность военного и политического аппарата) не позволяет английскому империализму в период до 1914 г. форсировать развязку войны. Все годы с момента организации Антанты проходят в работе по приведению нового блока в готовность, политическую и военную, для намеченной войны, и одновременно разрабатывается такой механизм организации и развязывания войны, который бы представлял наиболее выгодные для Антанты условия и, наоборот, ставил в невыгодное положение противника. Основные детали этого военно-дипломатического механизма для развязывания войны, как например нарушение неприятелем бельгийского нейтралитета и участие Бельгии в войне на стороне Антанты, помощь царской России и т. д., учитываются английским империализмом еще в 1905—1906 гг. и в последующие годы фиксируются, постепенно уточняясь и конкретизируясь как организационные моменты и звенья военно-дипломатического механизма. Ухудшение ситуации на море для Англии заставляет английский империализм форсировать развязку войны в 1914 г. Как мы знаем из главы II, к этому стремился и австро-германский блок. Обе коалиции стремились в 1914 г. к развязке, и, как известно, они добились своего!

Глава четвертая

САРАЕВО

Война 1914—1918 гг., как мы видели, не случайно началась на Балканах. Здесь перекрещивались линии напряженной борьбы Антанты и Тройственного союза за гегемонию. Сербии в развязывании войны предназначалась видная роль, ибо она находилась в тылу Австро-Венгрии. Кроме того Сербия стремилась избавиться от соседа, не переставшего подготовлять удар на Белград. Австрия в период 1907—1914 гг. использовала любой предлог, для того чтобы вызвать Сербию на столкновение и навязать ей войну.

Эта постоянная вызывающая политика по отношению к Сербии объяснялась задачами, стоявшими перед австрийским и германским империализмом. Правящая клика Австро-Венгрии стремилась к разгрому Сербии, для того чтобы проложить себе дорогу к Салоникам. С другой стороны, она выступала как агент германского империализма, стремившегося путем разгрома Сербии проложить себе кратчайший и наиболее удобный путь к Константинополю, проходивший через долину реки Вардара. Стремясь на Ближний Восток в Турцию, а оттуда в Азию, германский империализм был самым серьезным образом заинтересован в господстве над железнодорожной линией Берлин — Константинополь — Багдад, шедшей через долину реки Вардара.

Столкновение интересов австро-германского империализма и империалистических интересов Антанты, и в первую очередь царской России, на Балканах привело к тому, что после 1905 г. Балканы все более и более привлекают к себе внимание обеих империалистических группировок и втягиваются в их борьбу. Для обоих империалистических блоков балканские государства становятся «разменной монетой» в крупной империалистической игре; их продают и предают за более важные козыри — за уступки в дипломатической игре и концессии в колониях и т. д.

Ко всему сказанному нужно еще добавить, что на Балканах сложился весьма запутанный узел национальных отношений; узел этот способствовал крайнему обострению противоречий

между балканскими государствами. В эпоху империализма эти противоречия достигают исключительной остроты, так как Балканы становятся в эту пору ареной борьбы обоих империалистических блоков, которые ищут здесь точку приложения своей экспансии и вербуют, в зависимости от международно-политической конъюнктуры и того или иного направления своих интересов, империалистических клиентов или союзников в лице господствующих классов балканских стран.

Все эти причины делают Балканы в полном смысле слова «пороховым погребом Европы» и приводят к тому, что частные балканские конфликты приобретают международно-политическое значение, являясь той искрой, которая может разжечь мировую империалистическую войну и бросить в бой один блок против другого.

Положение на Балканах было чрезвычайно напряженным. Любое событие могло вызвать столкновение между австрийским империализмом и Сербией. За период 1907—1914 гг. австрийский империализм, провоцируя Сербию на войну по соображениям, указанным выше (см. гл. I и II), пользовался любым предлогом, для того чтобы вызвать конфликт. Тут были испытаны все средства, начиная от подделки документов в так называемом процессе Фридъюнга (Friedjung)[1] и кончая тремя ультиматумами, предъявленными Сербии в 1909, 1912, 1913 гг.[2].

Обострению австро-сербских отношений способствовало также широко развернувшееся в период 1907—1914 гг. великосербское движение. Сербский правительственный аппарат широко поощряет деятельность различного рода великосербских обществ и организаций.

Эти общества и организации в общем можно разбить на две категории.

---

[1] Процесс Фридъюнга в 1910—1911 гг. являлся продолжением Аграмского процесса, созданного австрийским империализмом в 1906—1907 гг. Желая задушить национальное сербское движение, развивавшееся в южнославянских землях Австро-Венгрии, австрийское правительство посадило на скамью подсудимых около 300 крупных деятелей сербского национального движения в Боснии, Хорватии, Далмации и. т. д., обвиняя их в получении субсидии из Белграда. Австрийский историк Фридъюнг напечатал на основе документов, сфабрикованных в австрийском министерстве иностранных дел, обличительную статью против некоторых обвиняемых на Аграмском процессе. После скандального провала Аграмского процесса обвиняемые возбудили в суде дело против Фридъюнга, обвиняя его в клевете. При разборе дела выяснилось, что документы, на основе которых Фридъюнг писал статью, являются фальшивыми, что сильно скомпрометировало все „австрийские документы" в глазах Европы.

[2] 27 марта 1909 г. австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, требуя признания аннексии Боснии и Герцеговины. В 1912 г., после ареста сербскими оккупационными властями в Призрене австрийского вицеконсула Прохаски по обвинению в шпионаже, австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, требуя освобождения Прохаски. В 1913 г. австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум, требуя очищения нескольких албанских деревень, занятых сербскими войсками во время балканских войн 1912—1913 гг. Все три ультиматума были удовлетворены Сербией.

К первой из них принадлежали кружки и организации учащейся молодежи, представлявшие по своей программе пеструю гамму самых различных оттенков национально-революционного югославского движения. Это была так называемая «Омладина» в ее двух выражениях — «Юго-словенска националистична омладина» и «Национально-революционарна омладина». Их кружки, возникавшие в одних и тех же городах, не имея часто связи друг с другом, после аннексии Боснии и Герцеговины в 1908 г. стали крайней левой югославского национально-освободительного движения. Революционно настроенная молодежь, создававшая эти кружки и не имевшая в большинстве случаев ничего общего с сербской реакцией, была однако искусно использована последней для пропаганды великосербской идеи под лозунгом борьбы с австрийским империализмом, душившим национально-революционное югославское движение в югославянских землях Австро-Венгрии.

Эти кружки и организации, пользовавшиеся поддержкой из Белграда, росли как грибы: «Зора» в Вене, «Вал» в Загребе и Праге, «Юг», «Уедненье» и «Застава» в Спалато, «Нови живот» в Фиуме, «Напредняк» в Шибенике, «Србска омладина» в Сараево, «Новый србин» в Сомборе, «Вихор», «Нова речь» и «Народно единство» в Загребе, «Препоред», «Глас юга» и «Омладина» в Любляне, «Югославия» в Триесте и т. д. — вот некоторые наиболее известные из кружков «Омладины», раскинувшей свои организации за границей, в большом количестве в Швейцарии и Соединенных штатах Америки, среди югославян, главным образом эмигрировавших из Австрии.

Особенным вниманием пользовалось крайнее левое крыло «Омладины», так называемая «Национально-революционарна омладина». Кружки и организации последней, состоявшие преимущественно из мелкобуржуазной молодежи, усвоили под влиянием идей Прудона, Кропоткина, Бакунина и Бланки и практики революционно-народнических организаций XIX в. тактику «прямого действия» — восстаний и террористических выступлений против австрийского империализма и его агентов — виднейших представителей австрийской администрации.

Наибольшая известность в этом отношении выпала на долю боснийской организации «Омладины» — террористического кружка «Молодой Босны», из среды которой вышли исполнители большинства террористических актов против высших австро-венгерских сановников в югославянских областях Двуединой монархии.

Члены этого кружка участвовали в сараевском покушении.

Вторая категория обществ и организаций, а именно общества «Словенский юг», «Народна одбрана» и «Уедненье или Смрт», иначе «Черная рука», были созданы для объединения и руководства деятельностью кружков «Омладины», а также для идеологической и военной подготовки населения как собственно Сербии, так и югославянских областей Австро-Венгрии на случай австро-сербской войны.

Особенно примечательны в этом отношении «Народна одбрана» и «Черная рука».

Согласно уставу, задачей «Народной одбраны» было «будить, подбодрять и укреплять национальное чувство», формировать добровольческие отряды и подготовлять их для вооруженных выступлений, организовать и вооружать повстанческие отряды комитаджей для партизанской войны в южнославянских областях Австро-Венгрии.

Общество имело филиальные организации военно-спортивного («Сокол», «Побратим») и политико-просветительного характера («Культурна лига», «Просвета») как внутри Сербии, так и за границей — в славянских областях Австро-Венгрии, в США и Швейцарии.

Однако массовый характер «Народной одбраны» исключал возможность конспирации, абсолютно необходимой, чтобы скрыть деятельность общества от австрийских властей. Донос Настича[1] по поводу террористической деятельности организации «Словенский юг» создал ряд осложнений во внешней политике Сербии. Опасность повторения подобных разоблачений властно требовала конспирации.

Результатом этого явилось создание в мае 1911 г. тайного террористического общества «Уедненье или Смрт», или «Черная рука».

Основателями этого общества была группа сербских офицеров, близко стоявших ко двору. Часть из них принимала непосредственное участие в организации переворота 29 мая 1903 г. Общество состояло из наиболее видных представителей офицерства гвардии, генерального штаба, чиновников министерства иностранных дел, юстиции, финансов и т. д.

Так как задачей общества была в первую очередь борьба всеми средствами против Австрии и ее чиновников в южнославянских землях Австро-Венгрии, то обязательным условием существования и работы общества была строгая конспирация. Малейший промах в этом отношении грозил неприятностями со стороны могучего соседа. Общество было разбито на тройки и пятерки, члены которых не могли знать членов других групп, кроме тех, которых они организовали сами. В организации они были известны под номерами, и только руководящая головка общества — Верховна централна управа, — имевшая право жизни и смерти над членами общества, несменяемая и не дающая никому отчета в своих действиях, знала их настоящие имена. Ни один член общества не мог выйти из него; статут общества был неизме-

---

[1] Настич — один из деятелей «Словенского юга» и повидимому австрийский шпион, бежавший в Австрию, где он опубликовал ряд документов о террористической деятельности «Словенского юга». На основе разоблачений Настича австрийское правительство организовало в 1907—1908 гг. в Аграме процесс против деятелей югославского движения в южнославянских землях Двуединой монархии, использовав для этой цели фальшивые документы (см. процесс Фридъюнга — прим. 1 на стр. 276).

няем. Эти особенности статута делали «Черную руку» государством в государстве, неофициальным, но влиятельнейшим правительством, которым принц, а затем король Александр пользовался в борьбе за право престолонаследия и против диктаторского режима радикальной партии, державшей в узде династию Карагеоргиевичей.

Руководителем «Черной руки» был начальник контрразведки сербского генерального штаба полковник Драгутин Димитриевич, чья жизнь, по словам официозного сербского историографа Станое Станоевича, прошла в организации заговоров и покушений.

«В 1903 г. он был одним из главных организаторов заговора против короля Александра (Обреновича. — *Н. П.*). В 1911 г. он посылал своего эмиссара для убийства австрийского императора и престолонаследника; в феврале 1914 г. он вступил в соглашение с тайным болгарским революционным комитетом об убийстве царя Фердинанда болгарского; в 1914 г. он руководил организацией заговора против австрийского престолонаследника; в 1916 г. с острова Корфу он посылал своего эмиссара для убийства греческого короля Константина и т. д.» [1]. Правой рукой Димитриевича был майор Войя Танкосич, передавший через комитаджи Цигановича деньги, револьверы и бомбы участникам сараевского покушения.

В период 1910—1914 гг. руководители «Черной руки» организуют 6 покушений на видных австро-венгерских сановников в югославянских землях Двуединой монархии. Сараевское покушение явилось последним — шестым по счету, более громким и удачным, чем остальные, ему предшествующие.

Оно дало Австро-Венгрии предлог, для того чтобы навязать войну Сербии и в силу «игры союзов» всей Европе. В австро-сербском конфликте был таким образом очень сильный национальный элемент, но он как в силу указанных выше причин, так и в силу того, что Сербия в империалистическом блоке Антанты играла подчиненную роль, имел совершенно «подчиненное значение, не меняя общего империалистического характера войны» [2].

★

Покушение на эрцгерцога Франца-Фердинанда стояло в программе деятельности сербских патриотических обществ «Народной одбраны» и «Черной руки» и террористических организаций «Омладины» как ударная задача политического момента. Для «сербских патриотов», сторонников великосербской идеи, Франц-Фердинанд был особенно ненавистной фигурой своими планами спасения монархии Габсбургов путем превращения ее в *триединое* государство с предоставлением хорватам тех же прав и при-

---

[1] *Stanojevitsch*, Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand in Sarajewo, Frankfurt 1923, S. 50–51.

[2] *Ленин*, Собр. соч., т. XVIII, стр. 125.

вилегий, которыми до сих пор пользовались австрийские немцы и мадьяры. Такая реконструкция Двуединой монархии была бы во многих отношениях смертельным ударом для великосербской идеи, перенося центр тяготения южнославянских народностей из Белграда в Загреб и вновь противопоставляя хорватов сербам.

Планами Франца-Фердинанда были недовольны также влиятельные круги австрийской аристократии и особенно *венгерских* помещиков, усматривавших в «триединой» формуле эрцгерцога опасность ущемления своих интересов.

Австро-венгерские власти через свою агентуру внутри сербских националистских организаций были осведомлены о террористических планах последних. Как ни строго была законспирирована деятельность «Омладины», «Народной одбраны» и «Черной руки», венгерская тайная полиция знала немало «секретов» сербских националистов, и для нее, можно думать, не было новостью то обстоятельство, что против эрцгерцога что-то замышлялось.

Известно, что и сам Франц-Фердинанд понимал опасность предпринятого им провокационного путешествия. Эрцгерцог являлся выразителем стремлений наиболее империалистических кругов Австро-Венгрии, открыто проповедывавших военный разгром Сербии. Темой назначенных им в июне 1914 г. на самой сербской границе маневров была «война против Сербии». И нетрудно было понять, что на подобную провокацию последует ответ.

В Сараево сошлись таким образом 28 июня 1914 г. нити трех перекрещивающихся провокаций:

1. Франц-Фердинанд и его клика провоцировали сербских националистов. Эта провокация подготовлялась с ведома и поощрения германского империализма, преподавшего устами Вильгельма II совет австрийскому наследнику при свидании в Конопиште, за две недели до сараевского убийства: воспользоваться случаем, разгромить Сербию и утвердиться на Балканах. Франц-Фердинанд знал, насколько накалена атмосфера в Боснии и Герцеговине. И отнюдь не исключено, что он как раз на нее и рассчитывал, не предполагая конечно, что он сам станет жертвой этой провокации.

2. Сербские националисты тем временем подготовляли встречную провокацию — покушение против Франца-Фердинанда, отлично понимая, что это ведет прямым путем к общеевропейской и мировой войне.

3. Венгерские и определенные австро-немецкие круги со своей стороны ничего не имели против того, чтобы «проучить» эрцгерцога, «друга южных славян», столкнув их лбами именно в Боснии. Нельзя конечно согласиться с утверждениями антантовских «историков», что сами венгерские власти организовали сараевское покушение. Эти утверждения, имевшие целью сбить с толку общественное мнение и направить его по ложному следу, давно разоблачены. Но несомненно, что венгерские помещики и капитали-

сты ждали случая, чтобы скомпрометировать политику эрцгерцога и его клики.

Создавалась обстановка, как никогда благоприятствовавшая выполнению не установленного еще в подробностях плана политической компрометации такого опасного противника венгерских интересов, каким был Франц-Фердинанд; тем более, что для этого не было надобности в особых мероприятиях: *сам эрцгерцог и сербские националисты работали энергично в этом направлении.*

Мысль об устранении эрцгерцога Франца-Фердинанда занимала умы «лучших сербских патриотов» очень давно. Как свидетельствуют записи в дневнике полковника Велемира Вемича, одного из членов Верховной центральной управы «Черной руки», проект убийства эрцгерцога обсуждался в кругах сербской военщины, тесно связанной с омладинскими организациями, еще в 1908—1909 гг.[1] Официальный сербский историограф сараевского убийства, проф. Белградского университета Станое Станоевич сообщает, что руководитель Верховной центральной управы «Черной руки» полковник Димитриевич посылал в 1911 г. своего эмиссара в Вену для убийства императора Франца-Иосифа или престолонаследника Франца-Фердинанда, но покушение не удалось[2]. Поездка Франца-Фердинанда в Боснию на маневры в июне 1914 г. давала возможность организовать покушение с большими шансами на успех, чем до сих пор.

Фактическая подготовка к организации покушения на Франца-Фердинанда началась, как можно судить по опубликованным до сих пор данным, еще в декабре 1913 г.[3]. Именно в это время руководитель боевой организации боснийской «Омладины» — «Млада Босна» — Владимир Гачинович, учившийся в Лозанне на средства «Черной руки» и сербского правительства, пришел к мысли организовать покушение на Франца-Фердинанда. С этой целью он созвал на совещание других членов «Молодой Босны» — студентов Мустафу Голубича, Павла Бастаича, Иована Живановича и эмигранта Мухамеда Мехмедбашича. Совещание было назначено в середине января 1914 г. в Тулузе, где жили Голубич и Мехмедбашич. Гачиновичу была известна инструкция Войи Танкосича, привезенная вернувшимся незадолго до этого из Белграда Голубичем: «Вы будете действовать независимо от того, что мы сделаем в Белграде».

На совещании в Тулузе, куда прибыл только один Гачинович (у Живановича и Бастаича нехватило на поездку денег), было решено совершить ряд покушений против высших австро-венгерских сановников в южнославянских землях, причем особенно подчеркивалась желательность убийства эрцгерцога Франца-Фер-

---

[1] «Тајна превратна организација», Солунь 1918.
[2] *Stanojevitsch*, op. cit., S. 50—51.
[3] Показания члена «Черной руки» полковника Божина Симича — см. «Clarté», 1925, May.

динанда. В качестве исполнителей этого покушения Гачинович предложил членов руководимой им «Молодой Босны» — Илича, Принципа и Грабеча. После совещания он отправил письмо Принципу, в котором сообщал последнему о принятых постановлениях и приглашал его прибыть с Иличем в Лозанну для переговоров и выработки плана покушения.

По возвращении с тулузского совещания в Боснию Мухамед Мехмедбашич сообщил Иличу более подробные сведения о принятых решениях. Илич и Принцип ответили Гачиновичу согласием и начали готовиться к отъезду в Лозанну, но предварительно Принцип решил съездить в Белград, очевидно с целью достать денег для заграничной поездки. В Белграде однако решили не тратить денег на заграничную поездку и взять руководство в свои руки. Танкосич заявил Принципу, что раз решение убить эрцгерцога уже принято, поездка в Лозанну является излишней и Принцип должен остаться в Белграде. Через несколько недель об этом было сообщено Гачиновичу.

В дальнейшем подготовка к покушению шла параллельно: в Сараево, где ею руководил и притом весьма неактивно Илич, и в Белграде, где за нее, как можно судить по имеющимся данным, взялись всерьез.

Белградская группа исполнителей покушения состояла из трех человек — Принципа, его друга и товарища по сараевской гимназии Грабеча и наборщика государственной типографии в Белграде Неделько Габриновича (Чабриновича). Принцип и Габринович были давно знакомы друг с другом. В связи с этим сближение их на почве подготовки покушения произошло, как можно думать, без особых затруднений. Во всяком случае Габринович, считавшийся в патриотических сербских кругах вполне подходящим человеком для выполнения покушения, был прикомандирован ими к Принципу.

Как происходила подготовка покушения в Белграде в период январь — апрель 1914 г., установить в деталях сейчас трудно и даже почти невозможно, так как опубликованные пока данные еще слишком недостаточны. К тому же подготовка такого покушения по понятным причинам требовала самой строгой конспирации. Несомненно только одно: исполнителей покушения все время идеологически обрабатывали и держали под гипнозом патриотических и националистических иллюзий. В кругах «Черной руки» о подготовке покушения, как можно думать, знали только сам Димитриевич, его друг и помощник Танкосич и некий Радослав Казимирович, близкий знакомый Танкосича.

Танкосич, на которого Димитриевич возложил руководство организацией покушения, вел переговоры с Принципом и его товарищами через известного тогда в Сербии участника партизанских сербских отрядов Милана Цигановича. Такая скрытность, кроме соображений внешней политики, вынуждалась тем обстоятельством, что участники покушения были люди молодые и «зеленые» (старшему из них, Принципу, не исполнилось и 20 лет) и

действовали по идеалистическим мотивам. Поэтому сознание, что они работают по заказу сербской охранки, могло отбить у них всякую охоту к выполнению покушения. Поэтому полковник Димитриевич не показывался на сцене, а действовал из-за кулис.

В конце мая исполнители покушения были переправлены за границу в Боснию. Деньги и оружие (браунинги и бомбы) были выданы им Цигановичем, который, по приказанию Танкосича, обучал заговорщиков стрельбе в тире «Народной одбраны» в Королевском парке в Топчидере под Белградом. Деньги на покупку револьверов дал Цигановичу Димитриевич. Бомбы были производства сербского государственного арсенала в Крагуеваце. Кроме того заговорщики получили ампулы с ядом (цианистый калий), который они должны были принять немедленно после покушения, чтобы вместе с ними умерла и его тайна.

С рекомендательным письмом Цигановича заговорщики явились к начальнику пограничного участка в Шабаце майору Раде Поповичу и получили от него фальшивые пропуска и паспорта на имя сербских таможенных чиновников. Сербская таможенная стража переправила их через границу, а здесь их провели через пограничную полосу агенты («поверенники») «Народной одбраны». К 4 июня Принцип и другие участники были уже в Сараеве.

Тем временем сведения о готовящемся покушении дошли до сербских правительственных кругов; об этом свидетельствуют следующие отрывки из мемуаров Любы Иовановича, крупнейшего югославского государственного деятеля, бывшего министром просвещения в кабинете Пашича в 1914 г. и не раз занимавшего впоследствии видные посты в югославском правительстве, опубликованные к 10-летию мировой войны[1].

«Не помню, — пишет Люба Иованович, — в конце ли мая[2] или в начале июня в один прекрасный день Пашич сказал нам (он совещался по этому делу более подробно со Стояном Протичем, бывшим тогда министром внутренних дел, но изложенное ниже он сказал и всем остальным), что некоторые люди собираются поехать в Сараево, чтобы убить Франца-Фердинанда... Пашич и все мы сказали, а Стоян Протич согласился, что он должен отправить инструкции пограничным властям на реке Дрине, чтобы помешать переходу реки молодежью, которая уже отправилась с этой целью из Белграда. Но пограничные власти сами принадлежали к организации («Черной руки». — *Н.П.*)

---

[1] Цит. по английскому переводу *L. Jovanovic*, The Murder of Sarajevo, L. 1925.

[2] Бывший министр торговли в кабинете Пашича Велизар Янкович в своих воспоминаниях потверждает, что этот разговор состоялося в конце мая 1914 г. — см. «Политика» (Белград), 9/10 июля 1931 г., № 8319 — 8320; бывший военный министр в кабинете Пашича в 1914 г. Душан Стефанович в своих воспоминаниях приводит слова Пашича о том, что Пашич „по некоторым частным указаниям предвидел, что в Сараеве что-то подготовляется, и говорил об этом со Стояном (Протичем. — *Н. П.*)“ и т. д. — см. «Политика» (Белград), 13 августа 1931 г., № 8354.

и не исполнили инструкции Стояна, а донесли ему, как он впоследствии сообщил нам, что инструкции пришли к ним слишком поздно, так как молодежь уже успела совершить переправу. Точно так же не удалась попытка нашего посла в Вене (Иована Иовановича. — *Н.П.*), предпринятая им по собственной инициативе, отвратить эрцгерцога от рокового пути, на который он собирался вступить. Смерть эрцгерцога произошла в обстоятельствах более ужасных, чем те, которые можно было предполагать, и имела такие последствия, о которых никто не смел и помыслить»[1].

Действительно, захваченный австрийскими войсками при вторжении в Сербию дневник одного из членов «Черной руки» капитана Коста Тодоровича, бывшего в 1914 г. начальником пограничного участка у Лозницы, подтверждает сообщение Любы Иовановича о том, что Протич приказал пограничным властям задержать участников покушения и что пограничные власти, принадлежавшие к организации «Черной руки», не выполнили приказа и дали возможность им переправиться через границу. Австрийцы даже нашли в журнале входящих бумаг командира поста копию приказа, предписывавшего арестовать участников покушения при переходе ими границы[2].

Точно так же соответствует действительности и второе сообщение Любы Иовановича, что сербский посланник в Вене Иован Иованович пытался по собственной инициативе предупредить австрийцев.

Как рассказывал после войны сам Иован Иованович, он 5 июня 1914 г., т. е. за 23 дня до покушения, посетил австрийского министра финансов и в то же время министра по делам Боснии и Герцеговины Билинского и предупредил его о том, что «маневры (в Боснии. — *Н. П.*) в таких условиях[3] опасны. Среди сербской молодежи может найтись и такой, кто заменит в своей винтовке или револьвере холостой патрон боевым; он может выстрелить, и эта пуля может поразить командующего»[4]. Министр по делам

---

[1] *L. Jovanović*, op. cit., p. 3.

[2] Это подтверждает и бывший военный министр Душан Стефанович в „Политике" от 13 августа 1931 г., № 8354.

[3] Маневры были назначены в день «Национальной скорби Сербии» — Видовдан,—28 июня 1914 г. у сербской границы. 525 лет до этого, 28 июня 1389 г. на Косовом поле турецкий султан Мурад I разгромил сербские войска, захватив в плен сербского короля Лазаря с сыном. С этого дня сербский народ попал под многовековое владычество турок, и с этого же дня начинается история сербской ирриденты — борьбы за независимость сербского народа. Вечером после битвы воин сербской армии Милош Обилич, прокравшись тайком в турецкий лагерь, убил кинжалом победителя, султана Мурада. Имя Обилича, умершего в ужасных пытках, сохранилось в сербских народных песнях и легендах как имя национального героя, отомстившего за порабощение Сербии, а день святого Витта — Видовдан — 28 июня стал днем национального траура и днем надежды на освобождение Сербии. Поэтому демонстративный въезд эрцгерцога Франца-Фердинанда в Сараево в день 28 июня был расценен в сербских кругах как явная провокация по отношению к Сербии.

[4] Статья Иована Иовановича в «Neues Wiener Tageblatt» от 28/VI 1924 г.

Боснии и Герцеговины Билинский не обратил никакого внимания на это предупреждение.

Сербское правительство, осведомленное о работе тайных националистических организаций, пыталось, как показывают приведенные данные, предпринять кое-какие шаги, чтобы заранее снять с себя подозрение в причастности к организуемому покушению. Могло ли оно ему помешать? Мы знаем уже, как тесно срослись национальные организации с государственным аппаратом тогдашней Сербии, в частности с военной разведкой, руководитель которой Драгутин Димитриевич был одновременно и главой «Черной руки», которая вела жестокую борьбу за «приоритет» с «радикальной партией», возглавлявшейся Пашичем. Сербское правительство повидимому хорошо понимало, что авантюра «Черной руки» может дать Австро-Венгрии давно желанный повод для полного разгрома Сербии; оно поэтому пыталось намекнуть в Вене о грозящей эрцгерцогу опасности, но на эти намеки в Вене не обратили никакого внимания. Дальше этих попыток и намеков сербское правительство пойти не решалось, ибо в противном случае оно само дало бы австрийским властям повод к обвинению кабинета Пашича в том, что он *все знает* об организации покушения. В итоге — туманные намеки, которые не предотвратили покушения, не спасли Сербию от жестокого разгрома и дали империалистам обоих лагерей желанный повод для развязывания мировой войны.

Имеются указания на то, что о подготовке сараевского покушения были осведомлены также царские правительственные круги. Опубликованные после войны признания членов «Черной руки» указывают, что царский посланник в Сербии Гартвиг, являвшийся в период 1910—1914 гг. vis movens сербской политики, и царский военный атташе полковник Артамонов были в курсе намечавшихся Димитриевичем мероприятий. Из протоколов Салоникского процесса известно признание самого Димитриевича, что «двое русских знали о подготовлявшемся заговоре»[1].

О переговорах Димитриевича с Артамоновым и обращении Артамонова за указаниями в Петербург сообщает и личный друг Димитриевича, член «Черной руки», полковник Божин Симич.

28 июня 1914 г. эрцгерцог Франц-Фердинанд и его жена, герцогиня Гогенберг, случайно избежав взрыва бомбы, брошенной Габриновичем, пали от пуль Принципа. Весть об этом событии, полученная в Белграде в тот же день, вызвала самые разнообразные настроения у членов правительства.

«В день святого Витта[2], — свидетельствует тот же Люба Иованович, — я находился на своей даче в Сенжаке. Около шести часов вечера ко мне позвонил по телефону чиновник из Прессбюро и сообщил о том, что произошло в Сараево. И хотя я знал, что

---

[1] „Тајна превратна организација", Солунь 1918.
[2] 28 июня — Видовдан.

там подготовлялось, все же точно кто-то неожиданно ударил меня, когда я держал трубку. Когда новости позже подтвердились из других источников, мной овладело тяжелое беспокойство. Я увидел, что положение нашего правительства по отношению к другим правительствам будет гораздо хуже, чем после 29 мая 1903 г.[1] Я боялся, что все европейские дворы почувствуют себя пораженными пулей Принципа и под давлением монархических и консервативных элементов покинут нас. Я знал, что Франция, а еще меньше Россия, не готова вступить в бой с Германией и ее дунайским союзником, так как их подготовка будет закончена не ранее 1917 г.»[2].

Но вскоре паника Любы Иовановича улеглась. Сербская военщина и министерство иностранных дел смотрели более оптимистически на создавшееся положение.

«Страшные мысли обуревали меня, начиная со дня святого Витта вплоть до вечера во вторник [30 июня], — лирически продолжает Люба Иованович свое повествование, — когда мой молодой друг, майор N, которому я рассказал о своих страхах, сказал прекрасным, мягким, но поистине проникновенным голосом: «Господин министр! Я думаю, не стоит терзаться сомнениями. Пусть Австро-Венгрия нападет на нас! Это должно случиться раньше или позже. Сейчас неудобный момент, чтобы сводить счеты. Но выбор принадлежит не нам. Если его выберет Австро-Венгрия — пускай! Быть может это кончится плохо для нас. Но возможно, будет иначе»[3].

Действительно, через несколько дней после покушения Люба Иованович мог с удовлетворением констатировать, что «русская пресса, которая, как известно, наперед отражает мнение русского правительства, дружественно отнеслась к Сербии. Россия не отняла своей руки, а за Россией придут и ее друзья. К этому шло и так оно и вышло»[4].

Определенные сербские круги, а именно военщина, буржуазия, националистически настроенная интеллигенция и обработанная в патриотическом духе студенческая молодежь, встретили известие о смерти Франца-Фердинанда с плохо скрываемым чувством удовлетворения и даже радости. Это подтверждают и отчеты иностранных дипломатов.

«Сербская пресса ведет себя позорно, — сообщал 3 июня в Foreign Office английский посол в Вене де Бунзен. — Здесь [в венских газетах] печатаются длинные выдержки из сербских газет, повидимому склонных рассматривать убийц как мучеников, пожертвовавших собою за святое дело. Об этой стране [Австрии] выражаются оскорбительно, «съеденная червями» — излюбленный

---

[1] День свержения и убийства короля Александра Обреновича и королевы Драги. После убийства часть европейских государств прервала дипломатические сношения с Сербией.

[2] *L. Jovanović*, op. cit., p. 4—5.

[3] Ibid., p. 5.

[4] Ibidem.

эпитет. Простое приличие по крайней мере могло бы хоть на время заставить воздержаться от подобных выражений и показать хоть некоторую видимость изъявления симпатии [к Австрии] и порицания убийцам»[1].

О ликовании сербских националистических кругов сообщают также и германский[2] и болгарский дипломатические агенты[3]. Отчет царского посланника Гартвига по вполне понятным причинам излагает официальную версию сербского правительства о печали, овладевшей Сербией по поводу убийства Франца-Фердинанда[4]. Деловые круги, не говоря уже о широких слоях населения, относились к убийству в Сараево, как свидетельствуют сами австрийцы, «более сдержанно», несомненно предвидя угрозу выступления Австрии против Сербии.

В связи с этим перед сербским правительством стояла задача первостепенной, даже жизненной важности. Что бы ни вышло, как бы ни повернулись события, правительству было ясно одно — необходимо представить дело так, чтобы Белград явился перед всем миром совершенно непричастным к сараевскому покушению. Поэтому Пашич, Протич и весь кабинет в целом деятельно приступили к работе по заметанию всего, что могло бы обнаружить, что некоторые нити покушения тянутся также из Белграда. Об этом свидетельствует сам Люба Иованович.

«Пашич однако надеялся, что мы выскочим как-нибудь из кризиса, и при нашем содействии приложил все усилия... чтобы Сербия могла возможно дешевле справиться с неблагодарной задачей дать удовлетворение Австро-Венгрии.

Как известно, правительство сделало все, что только было возможно, чтобы показать нашим друзьям и всему остальному миру, как далеки мы были от сараевских преступников. С этой целью Стоян Протич в тот же вечер, когда пришло известие о деянии Принципа, отдал приказ, и белградская полиция запретила всякую музыку и увеселения в публичных местах; все было закрыто, и началось нечто вроде официального траура»[5].

Действительно, как сообщает австрийский поверенный в делах в Белграде фон Шторк, «сербское правительство на основании распространившегося около 5 часов известия[6] (об убийстве Франца-Фердинанда. — *Н. П.*) официально прекратило около 10 часов вечера праздник Обилича; неофициально и под покровом темноты он продолжался еще значительное время[7]. В провинции празднование продолжалось беспрепятственно.

Представители власти выразили соболезнование австрийским

---

[1] BD, XI, № 29; ср. ответы австрийских дипломатических агентов — OUAP, VIII, № 9943, 9973, 10084.
[2] DD, № 10.
[3] OUAP, VIII, № 10019.
[4] МОЭИ, IV, № 35.
[5] *L. Jovanovic*, op. cit., p. 8.
[6] OUAP, VIII, № 9943.
[7] OUAP, VIII, № 9973, 10084.

дипломатическим агентам, и официальная пресса осудила покушение. Но австрийцы меньше всего были склонны принимать эти соболезнования всерьез.

«Все заявления, — доносил из Ниша австрийский консул Гофленер, — сделанные сербскими официальными кругами или отдельными высокопоставленными лицами и имевшие целью выразить негодование по поводу покушения и его осуждение, должны подействовать как самая горькая ирония на тех, кто имел возможность в только что прошедшие дни заглянуть поближе в чувства сербской интеллигенции» [1].

30 июня австрийский поверенный в делах фон Шторк явился к генеральному секретарю сербского министерства иностранных дел Славко Груичу и задал ему вопрос: «Какие меры предприняла или же намерена предпринять королевская (сербская. — *Н. П.*) полиция, чтобы проследить нити покушения, которое явно было задумано в Белграде» [2].

Груич запросил своего собеседника, является ли заявление последнего официальной просьбой австрийского правительства о назначении расследования.

«Я ответил господину Груичу, — продолжает далее фон Шторк, — в сильном возбуждении, что не получал никакого приказания от моего правительства, но не колеблюсь адресовать ему эти вопросы, так как держусь того мнения, что принятие мер, о которых идет речь, является элементарным долгом со стороны сербской полиции. Я повторил ему, что не получал никаких приказаний в связи с этим вопросом, но считаю необходимым просто как господин фон Шторк открыто выразить ему как господину Груичу свое неподдельное и глубокое удивление, как он может даже думать, что для подобного выступления королевской полиции предварительно необходим официальный демарш. Я прервал на этом разговор и оставил ранее столь дерзкого, на этот же раз совершенно ошеломленного господина Груича. При моем выходе он рассыпался в уверениях, что сейчас же переговорит с министром внутренних дел» [3].

В результате выступления фон Шторка Стоян Протич «принял меры». 1 июля «был произведен ряд арестов и обысков в квартирах, в которых раньше жили убийцы. Одновременно производилось тщательное расследование, к каким обществам и националистическим организациям принадлежали убийцы, как они достали бомбы и повидимому найденные у них деньги» [4]. «На белградской почте нашли открытку до востребования, написанную еще до дня святого Витта одним из преступников своему товарищу в Белграде» [5]. Одновременно особая комиссия полицейского управ-

[1] OUAP, № 10084.

[2] По отчету германского посланника в Белграде: „Что намерено предпринять сербское правительство для расследования указываемых даже славянскими газетами связей Сербии и Белграда с покушением“, см. DD, I, № 12.

[3] OUAP, VIII, № 9950; также DD, I, № 12; BD, XI, № 27.

[4] DD, I, № 12; ср. сообщение Гартвига — МОЭИ, IV, № 91.

[5] *L. Jovanovic*, op. cit, p. 8. О содержании ее Люба Иованович умалчивает

ления произвела опрос рабочих государственной типографии, где работал Габринович, и в присутствии директора типографии Живоина Дачича допросила всех рабочих, друживших с Габриновичем и Принципом[1]. Наконец Протич затребовал от префекта Шабоца подробный доклад о переходе исполнителями покушения границы. Доклад этот он получил еще до вручения ультиматума австрийским посланником Гизлем[2].

Что дали эти расследования любознательным сербским властям — до сих пор еще неизвестно. Но кое-что несомненно они могли дать. Во всяком случае можно предположить, учитывая признания Любы Иовановича, что в результате этих расследований сербское правительство получило достаточно данных, чтобы иметь картину возникновения заговора. И так как известие о сараевском убийстве получило «плохую прессу» за границей[3], то Пашич решил действовать более активно, тем более, что того же 1 июля он получил внушительное предупреждение из Берлина: помощник германского статс-секретаря по иностранным делам Циммерман указал сербскому поверенному в делах Богичевичу «на тяжкие последствия отказа Сербии исполнить свой долг в смысле преследования подозреваемых лиц. Последствия такого отказа, — заявил Циммерман, — никто не может учесть»[4].

В своей инструкции, отправленной того же 1 июля сербским дипломатическим представителям за границей, Пашич предписывал «использовать все возможные каналы с целью положить возможно скорее конец антисербской кампании в европейской печати». Сербским дипломатам предписывалось говорить: «В момент, когда Сербия делает все, что только в ее власти, чтобы улучшить отношения с соседней монархией, абсурдно думать, что Сербия могла прямо или косвенно инспирировать подобное деяние. Наоборот, в существеннейших интересах Сербии было предупредить выполнение этого преступления. К несчастью это было не во власти Сербии, так как оба убийцы — австрийские подданные. Все «клеветнические выпады» австро-венгерских газет имеют целью разрушить ту высокую моральную репутацию, которой Сербия сейчас пользуется в Европе, и использовать в политическом отношении против Сербии акт молодого и неуравновешенного фанатика»[5].

Одновременно Пашич решил успокоить фон Шторка, который 3 июля устроил сербским дипломатам новую сцену по поводу заведомо ложных сведений, данных ему сербским министерством

---

[1] Рапорт австрийского военного управления в Сербии 15 августа 1916 г. в KF, 1927, März, S. 246.

[2] *Bogitschevitsch* in KF, 1925, Juli, по данным Еленича, за 4 дня до вручения ультиматума Гизлем — см. «Политика» от 26 мая 1926 г.

[3] Сербский посланник в Лондоне Бошкович 1 июля сообщил по телеграфу: «Почти все английские газеты приписывают сараевское преступление работе сербских революционеров» — см. SBB, 1914, № 7.

[4] DD, Anhang IV, № 1; BD, XI, № 22; МОЭИ, IV, № 62.

[5] SBB, 1914, № 8.

иностранных дел[1]. Однако попытка Пашича уверить фон Шторка, что сербское правительство сделает все, что только в его силах, для недопущения новых покушений, — не удалась. О том, как Пашич пытался своеобразно успокоить своего собеседника, имеется любопытный отчет фон Шторка австро-венгерскому министру иностранных дел Берхтольду:

«Я все же хочу верить в чисто сербское «авось» (Serbische Schlamperei), — писал фон Шторк, — и не допускаю, что господин Пашич... имел в виду ужасающую насмешку, заверяя сегодня меня проникновенным голосом над гробом нашего эрцгерцога[2], что Сербия будет «так же» заботиться о безопасности иностранных государей, как о своем собственном короле. Своего предыдущего монарха сербы убили, когда настала его очередь, а нынешнему королю, так сказать, дали отставку»[3].

«Успокоив» фон Шторка, Пашич решил заняться Циганович и сплавить его подальше. Как показывают разоблачения Любы Иовановича, Циганович даже в тот момент, когда первые известия об его участии в покушении дошли до сербского правительства, продолжал спокойно посещать службу. «Позже мы узнали, — рассказывает Люба Иованович, — что Циганович куда-то исчез из Белграда»[4].

Австрийскому консульству в Белграде удалось выяснить, что Циганович через три дня после покушения выехал из Белграда и с «командировкой городской полицейской префектуры отправился в Рибаре с предоставленным ему, очевидно, для этой цели свидетельством о болезни и месячным отпуском... Белградский начальник полиции, лично способствовавший отъезду Цигановича и знавший, где он будет находиться, заявил в интервью, что в Белграде не существует человека по имени Милан Циганович»[5].

Заведующий Прессбюро сербского министерства иностранных

---

[1] На запрос Берхтольда о слушателях учительской семинарии в Пакраце, которые, по австрийским данным, собирались переправиться через границу для организации террористических актов,—см. OUAP, VIII, № 9977, 9979, 9988, 10001, 10002, 10004, 10019, 10035, 10119, 10190, 10232, 10275, 10349, 10378, 10379, 10527.

[2] Разговор происходил во время заупокойной мессы по убитом Франце-Фердинанде.

[3] OUAP, VIII, № 10004; «отставка» короля Петра, точнее передача им правления престолонаследнику Александру, назначенному регентом, произошла 24 июня н. ст. 1914 г., как можно думать, под давлением сербской военщины. Гартвиг в одной из своих депеш старательно опровергает последнее, указывая, что передача власти королем Петром последовала в силу его старости и болезни: „Из изложенного видно, — писал он Сазонову 17/30 июня, — насколько вздорны слухи, проникшие и в нашу печать, о том, что наследника выдвинула какая-то военная партия, будто бы недовольная безучастным отношением короля к государственным делам и рассчитывающая через посредство молодого энергичного регента склонить правительство к более решительным выступлениям на защиту жизненных интерезов Сербии“,— см. МОЭИ, IV, № 34. В Цетинье открыто указывали русскому посланнику, что короля Петра послала в отставку „Черная рука“,— МОЭИ, IV, № 105.

[4] *L. Jovanović*, op. cit., p. 7.

[5] OUAP, VIII, № 10096.

дел Стефанович-Виловский заявил венгерскому журналисту «от имени сербского правительства», что «мы начали поиски мнимого Циго Цигановича, но были не в состоянии его разыскать»[1].

По сообщению членов «Черной руки», Цигановича выслал в Албанию сам Пашич[2], приказавший одновременно начальнику сербских железных дорог удалить при помощи подчисток имя Цигановича из всех служебных списков и реестров.

В Рибаре, по свидетельству члена «Черной руки» майора Александра Серба, Циганович находился под покровительством местной полиции.

Через месяц после объявления войны Циганович вернулся из «ссылки» и присоединился к своему шефу Танкосичу, командовавшему отрядом комитаджей. В апреле 1915 г., по ходатайству члена скупщины Михаила Ранковича, министр общественных работ Драшкович уплатил Цигановичу жалованье по службе на железных дорогах за все пропущенное время.

Итак, с грехом пополам Цигановича кое-как сплавили. Но кроме Цигановича оставались Принцип и Габринович. По отношению к ним сербское правительство заняло неодинаковую позицию. Габринович был объявлен австрийским шпионом. На следующий же день после появления в австро-венгерской печати сообщения о признаниях Габриновича, т. е. 4 июля, белградская газета «Балкан» сообщала, что она «имела счастливую возможность сделать новое открытие, проливающее новый свет на сараевское покушение и совершенно выясняющее вопрос о том, кто собственно виновник покушения. Один хороший знакомый Габриновича сообщил редакции такие данные, благодаря которым в невиновности Сербии не может быть никаких сомнений. Наоборот, благодаря этому сообщению, которое должно быть подтверждено официальными властями, ответственность за сараевское убийство падает не на Сербию, а на Австрию. Габринович был под покровительством австрийских властей. Когда он прибыл в Белград, он явился в нашу (сербскую. — *Н. П.*) полицию, которой он показался подозрительным, так как у него не было удостоверения личности. Белградская полиция поэтому решила его выслать. Однако Габриновичу удалось избежать высылки и притом с помощью австро-венгерского консульства в Белграде. Австрийский консул послал в белградскую префектуру отношение, в котором он поручился за Габриновича и потребовал от префектуры оставить Габриновича в покое. Белградская префектура должна была подчиниться требованию австрийского консульства и оставить Габриновича в Белграде... Отношение австрийского консульства находится очевидно в архиве префектуры, и мы требуем самым энергичным образом от последней, чтобы она его немедленно опубли-

---

[1] OUAP VIII, № 10467 примеч.

[2] *N. Mermet*, „L'agent-provocateur Milan Tziganovich" в „Fédération Balcanique" 1925, № 20—21.

ковала. Документ необычайно важен, и мы должны самым решительным образом осудить префектуру за то, что она не опубликовала его гораздо раньше и тем самым допустила, чтобы Сербию безосновательно обвинили перед Европой за событие, вина в котором падает на Австрию, на австрийское правительство. Мы требуем еще раз от белградской префектуры, чтобы она немедленно опубликовала документ, самым явным образом выявляющий вину Австрии в выполнении сараевского покушения»[1].

Догадаться, кто был этот «друг редакции» «Балкан», сообщивший ей данные о Габриновиче, не составляет особого труда. 7 июля будапештская газета «Az Est» напечатала интервью с Пашичем, данное 6 июля, в котором он, не смущаясь, заявлял, что «австрийские власти взяли Габриновича под свою защиту и выдали ему поручительство о его хорошем поведении, что только одно спасло его от угрожавшей со стороны сербов высылки»[2].

Граф Берхтольд немедленно 5 июля предписал фон Шторку проверить это сообщение «Балкан»[3]; в результате проверки последний нашел в архиве австрийского консульства в Белграде запрос белградского префекта полиции о Габриновиче от 29 октября 1913 г. № 32263 следующего содержания:

«Неделько Габринович, типограф — рабочий из Сараево, родился в 1894 г. от отца Васы и матери Параскевы, прибыл в Белград и поселился здесь. Управление имеет честь известить об этом и просить сообщить, верны ли сведения о вышеуказанном, какого он поведения и подвергался ли он на родине какому-нибудь наказанию. Заместитель городского префекта Васа Лазаревич»[4].

Австрийское консульство обратилось за справками в сараевскую полицию, которая 25 ноября 1913 г. сообщила: «Габринович Неделько. Данные о личности вышепоименованного соответствуют действительности и против него не имеется ничего предосудительного. Зам. полицейского комиссара Герде».

На основании этих сведений австрийское консульство ответило на запрос белградской префектуры по следующему стандартному образцу, который применялся всегда для ответа на такие справки.

Королевской городской префектуре Белграда.

На отношение от . . . . . 191 . . . . . № . . . сообщается, что данные правильны . . . . . и что последний не обвинялся в поступках, подлежащих наказанию.

Консульство[5].

---

[1] „Балкан" от 4/VII-1914 г., № 168; ср. OUAP, VIII, № 10123.
[2] OUAP, VIII, № 10120, 10124, 10139.
[3] OUAP, VIII, № 10056.
[4] OUAP, VIII, № 10075, и приложения.
[5] OUAP, VIII, № 10075, Anl. 3.

Получив эти сведения, австрийское министерство иностранных дел опубликовало опровержение, что в ответ на запрос белградской городской префектуры в декабре 1913 г. австро-венгерское консульство в Белграде сообщило, что указанные Габриновичем даты рождения и т. д. верны и что Габринович пока ни в чем подозрительном не был замешан[1].

Сербское правительство не было смущено этим опровержением. 18 июля генеральный секретарь сербского министерства иностранных дел Славко Груич сообщил английскому поверенному в делах Деррелю Кракенторпу:

«Что касается Габриновича, первого покушавшегося на жизнь эрцгерцога, всем известно, что сербское правительство просило по его прибытии — как принято обычно делать, когда австрийские подданные прибывают в Белград для жительства, — сведений об его прошлом в австрийском консульстве и получило удовлетворительные справки»[2].

Эта скромная версия — Кракенторп был в Белграде и мог обнаружить неожиданную и неудобную для сербских властей любознательность — в Лондоне была заменена более развернутой. Вероятно по инструкциям из Белграда сербский посланник в Лондоне Бошкович явился к помощнику сэра Эдуарда Грея Артуру Никольсону и заявил, что «сербские власти считали одного из убийц (Габриновича. — *Н.П.)* подозрительным и опасным и хотели его выслать; но когда они обратились к австрийским властям, последние его защитили и заявили, что он — невинный и безвредный человек»[3].

Иная тактика была относительно Принципа, который, как свидетельствует Люба Иованович, был лично ему знаком: «Главного из покушавшихся, Гаврилу Принципа, я знал лично. Я видался с ним дважды или трижды в моем министерстве, когда он приходил ко мне с просьбой, чтобы я разрешил ему сдать экзамены сначала в пятый, а затем в шестой класс (белградской гимназии. — *Н. П.*) privatim»[4] (повидимому экстерном. — *Н. П.*). Относительно Принципа тот же Славко Груич уверенно заявил Кракенторпу: «Сербское правительство ничего не знает о Принципе»[5].

Положение сербского правительства было очень щекотливым; стремясь во что бы то ни стало снять подозрение с правительства, премьер Пашич выступал с заявлениями, диаметрально противоположными друг другу. Об этом ясно свидетельствуют противоречивые заявления о предупреждении, посланном им в Вену, относительно угрожавшей эрцгерцогу Францу-Фердинанду опасности.

---

[1] „Fremdenblatt" от 8/VII 1914.
[2] BD, XI, № 80.
[3] BD, XI, № 87.
[4] *L. Jovanović*, op. cit, p. 4.
[5] BD, XI, № 80. Гартвиг охотно поддержал эту версию в своей телеграмме Сазонову от 5/VII, изобразив австрийскими агентами сразу и Габриновича и Принципа, — см. МОЭИ, IV, № 91.

Впервые сообщение об этом предупреждении появилось на страницах белградской газеты «Стампа» 17/30 июня 1914 г.

«В Вене известно, что сербский посланник в Вене господин Иованович незадолго перед отъездом престолонаследника Франца-Фердинанда в Сараево посетил графа Берхтольда и самым энергичным образом указал ему на настоятельность того, чтобы престолонаследник не ездил в Сараево, так как сербскому правительству стали известны некоторые обстоятельства, в связи с которыми оно полагает, что в Сараево будет организован заговор, который будет приведен в исполнение, когда туда прибудет австрийский престолонаследник. Граф Берхтольд был очень благодарен сербскому правительству за это сообщение и немедленно довел его до сведения императора и престолонаследника. Однако последний заявил, что у него есть веские основания, которые побудили его лично руководить маневрами в Боснии. Кроме того все приготовления к поездке им уже сделаны и он не может уклониться от поездки, не давая повода для комментариев, которым он ни в коем случае не хочет подвергнуться»[1].

7 июля Пашич заявил американскому корреспонденту, что он предупредил Вену об опасности, которой подвергался эрцгерцог, и того же 7 июля будапештская газета «Az Est» напечатала интервью Пашича от 6 июля, где Пашич уверял: «Так же ложно известие, что Сербия заранее знала о подготовке покушения и что она в связи с этим послала предупреждение». 10 июля 1914 г. «Temps» посвятил этому предупреждению целую передовицу, а 20 июля, после того как в Белграде уже стало известно, что Австрия готовит нечто вроде ультиматума, Пашич снова уверил корреспондента «New York Herald»: «Если бы знали о заговоре против эрцгерцога Франца-Фердинанда, то конечно сообщили бы о нем австро-венгерскому правительству».

Эта двойная игра Пашича объясняется отчасти желанием обелить себя в глазах общественного мнения Европы, отчасти выиграть время, пока не выяснится положение. Из опубликованных после войны дипломатических документов видно, что дипломаты Европы отдавали себе уже тогда, в начале июля 1914 г., ясный отчет в том, что ряд нитей покушения на Франца-Фердинанда ведет в Белград. Газеты уже печатали признания Принципа и Габриновича и их товарищей по заговору. Вопреки ожиданиям в Белграде и Цетинье, что «заговорщики ничего не скажут»[2], Принцип и его товарищи заговорили. Имена деятелей «Народной одбраны» майоров Прибичевича и Танкосича и чиновника управле-

---

[1] OUAP, VIII, № 9952, Beilage.

[2] OUAP, VIII, № 10044; ср. также сообщение фон Шторка — OUAP, VIII, № 10097: „Сербские офицеры сообщили драгоману германского посольства: „Он (Габринович? Принцип? — *Н. П.*) правда высказался, но правды все же не выдал"; ср. признание Танкосича итальянскому журналисту Магрини о заговорщиках: „Габринович и Принцип — что за люди! Я знал, что они не выдадут. Люди молчаливые и верные. Они нуждались лишь в подготовке и руководстве",— *Magrini*, Il Dramma di Sarajevo, Milano 1919.

ния сербских железных дорог Цигановича проскользнули на страницы печати[1].

Часть европейской печати, в частности ряд английских и французских газет, не стеснялась в нападках на Сербию. Отсюда естественное стремление сербского правительства свалить всю вину на беспечность австрийской полиции, не принявшей никаких мер для охраны Франца-Фердинанда, и на легкомыслие австрийских властей.

Заявление Пашича американскому журналисту от 7 июля было рассчитано специально на страны Антанты, стремившейся уменьшить ответственность сербского правительства. Заявление Пашича корреспонденту «Az Est» было рассчитано специально на австрийский империализм: основной линией поведения сербского правительства от момента покушения до начала войны по отношению к Австро-Венгрии было «блюсти приличия» и не дать ни малейшего повода к тому, чтобы австрийцы могли под каким-нибудь предлогом придраться к Сербии. Поэтому здесь следовало играть в полное незнание: «ничего не знали, ничего не ведали». Опровергая самого себя двумя противоречащими друг другу интервью, Пашич выигрывал время.

После 15 июля, когда правительство Сербии уже твердо знало, что австрийское правительство готовится к походу на Белград, Пашич даже в отношении Антанты усвоил вторую линию. Сербия должна была фигурировать невинной, подвергшейся «зверскому нападению», иначе французским и английским организаторам войны было бы крайне трудно оправдать свою помощь Сербии в глазах общественного мнения и трудящихся масс. Полное отрицание какой бы то ни было осведомленности о покушении, изложенное Пашичем в интервью от 20 июля, преследовало как раз эту цель. Сербская правящая клика делала, с одной стороны, все возможное, чтобы продемонстрировать перед общественным мнением Антанты полную готовность Сербии удовлетворить возможные требования австрийцев (мотив «невинности») и помочь буржуазии обмануть массы, а с другой — исподволь готовилась встретить нападение Австро-Венгрии, постепенно стягивая войска к северной австрийской границе.

Еще 3 июля, т. е. в тот день, когда в газете «Az Est» появились первые признания Габриновича и Принципа, сербское правительство, уверенное, что Австрия использует покушение в Сараево для нападения на Сербию, приступило — береженого и бог бережет! — к постепенной переброске войск из новой Сербии (с македонско-албанской границы) на север, к австрийской границе. По сообщению австрийского консула в Ускюбе, были переброшены следующие войска:

«3 июля: 1-й батальон 6-го полка, Велес; 4 июля: 2 поезда запасных 6-го полка, Велес; 5 июля: 2 и 3-й эскадроны 3-го кавалерийского полка, Куманово; 4-й эскадрон 3-го кавалерийского

[1] „Az Est" от 3/VII 1914; МОЭИ, IV, № 35.

полка, Велес; 2 ж.-д. состава запасных, Гевгели; 6 июля: 1 800 запасных, Гевгели и Велес; 400 запасных, Ускюб; 2 вагона... (шифр запутан), Ускюбско-белградский саперный батальон (Дринская дивизия), из Ускюба в Лозницу; 7 июля: ж.-д. рота (250 чел.), из Ускюба в Белград; 6-й полк, Велес-Сербия; 480 запасных 6-го полка с оружием, Велес-Сербия; 2-й сверхкомплектный полк, из Криволака в Сербию; 17-й полк — здесь; 3-й Дринский артиллерийский дивизион — здесь; 1-й эскадрон 3-го кавалерийского полка, все в походной готовности»[1].

Одновременно сербское правительство получило успокоительные известия об отношении к убийству в Сараево русского империализма. Уже через несколько дней после покушения Люба Иованович мог, как мы уже указывали, с удовлетворением отметить, что «русская пресса, которая, как известно, наперед выражает мнение русского правительства, дружелюбно отнеслась к Сербии. Россия не отняла своей руки, а за Россией придут и ее друзья. *К этому шло и так оно и вышло*»[2].

Вскоре Пашич получил еще более реальное доказательство русской дружбы. Сербское ходатайство об отпуске царской Россией винтовок, с марта лежавшее под сукном, было пущено в ход. 7 июля Сазонов телеграфировал в Белград: «Государю императору благоугодно было выразить свое принципиальное согласие на внесение в военный совет представления об уступке за плату Сербии из запасов... 120 тыс. трехлинейных винтовок и 120 млн. патронов»[3]. После этого перевозки войск пошли еще более ускоренным темпом.

Очередная сводка австрийского консула в Ускюбе от 14 июля сообщает следующие данные о передвижениях сербских войск:

«После отправки телеграфного сообщения от 8 июля произошли следующие перевозки войск первого призыва из Новой в Старую Сербию: 8 июля: ж.-д. состав запасных 19-го полка, из Прилепа; ж.-д. состав запасных 18-го полка, из Гостивара; ж.-д. состав с 32 фургонами (Train fuhr werken), из Пристины; 8 эскадронов 1-го кавалерийского полка, Пристина-Ниш; 9 июля: 1 ж.-д. состав (40 вагонов) с фургонами и быками, из Прилепа в направлении Монастыря; 26 вагонов запасных, Велес; 10 июля: 3 ж.-д. состава запасных, Гевгели и Велес; 700 запасных, из Тетово и Гостивара; 2 ж.-д. состава запасных с оружием, из Велес и Монастыря; 12 июля: 670 запасных 19-го полка с оружием, Прилеп; 13 июля: 1 ж.-д. состав — 36 вагонов запасных 14-го полка с оружием, Гевгели. Из 8-го и 17-го полков (Ускюб) много запасных переведено в новый 21-й полк (Белград), сейчас повидимому у Митровицы — Сирмия»[4].

---

[1] OUAP, VIII, № 10136.
[2] *L. Jovanović*, op. cit., p. 5.
[3] МОЭИ, IV, № 74 и примеч. 3 на стр. 115, 274, 285; ср. *М. Н. Покровский*, цит. соч., стр. 163.
[4] OUAP, VIII, № 10270.

Австрийский консул в Нише подтверждал эти сообщения:

«Более значительные транспорты воинских чинов все время прибывают из района Новой Сербии, но пока дело идет о запасных войсках, расположенных в Новой Сербии. Эти запасные прежде были уволены в отпуск вместе с винтовками и получили приказание привезти последние сюда по соответствующему предупреждению. Говорят, что в пехотных полках в Новой Сербии остались лишь по 25 запасных на роту»[1].

Всего с юга на север Сербии было переведено 3 дивизии — Дринская, Дунайская, Шумадийская вместе с получившими оружие запасными, кроме 4-й Ибарской, сосредоточенной в Новобазарском санджаке[2]. По подсчетам австрийского генерального штаба, к 18 июля сербы имели под ружьем кроме 51 600 чел. по штатам мирного времени еще около 38 тыс. чел. «лишних», а всего около 90 тыс. чел.[3]. Как сообщал 21 июля австрийский консул в Ускюбе, «сегодня здесь широко распространились слухи о происходящей в Новой Сербии мобилизации»[4].

В связи со всеми этими приготовлениями генеральный секретарь сербского министерства иностранных дел Славко Груич 18 июля мог спокойно заявить английскому поверенному в делах Деррелю Кракенторпу, что он, Груич, «прекрасно знает, что в Австрии имеется влиятельная партия, которая захочет использовать нынешнее положение с целью произвести максимальный нажим на Сербию, но белградское правительство имеет точные сведения, согласно которым Берлин будет воздействовать на Австрию в примирительном духе[5]. Если же случится, что возьмет верх худшее и Австрия объявит войну, Сербия не будет предоставлена собственным силам. В действительности, если бы Австрия решилась на явно умышленное нападение на Сербию, Россия не осталась бы спокойной перед вероломным нападением на Сербию, в то время как Болгария была бы остановлена Румынией. Господин секретарь полагает, что в настоящих обстоятельствах война между великой державой и одним из балканских государств

---

[1] OUAP, VIII, № 10287.

[2] OUAP, VIII, № 10465, 10344, 10316.

[3] OUAP, VIII, № 10375.

[4] OUAP, VIII, № 10465. Так как слухи о сербских военных приготовлениях проникли в австрийскую печать, то Пашич 19 июля н. ст. счел нужным опровергнуть их через русского поверенного в делах Штрандтмана перед Сазоновым — см. МОЭИ, IV, № 286.

[5] Это заявление Груича вызвало 24 июля любопытные комментарии авгуров Foreign Office на полях депеши Кракенторпа:

Клерк: „Г-н Груич высказал интересное утверждение относительно намерения Германии удержать Вену".

Эйр Кроу: *„В этом конечно он явно введен в полное заблуждение. Было бы интересно узнать, кто ввел его в заблуждение."*

Выяснить действительно интересный вопрос, кто именно пытался в период до 16 июля ввести сербское правительство в заблуждение, что Берлин не поддержит Вену, по опубликованным до сих пор документам и мемуарной литературе не представляется возможным, так как соответствующие документы не напечатаны.

имела бы неизбежным следствием распространение пожара на весь европейский континент»[1].

Но, ожидая нападения и понемногу готовясь к нему, сербские правящие круги постарались сделать все, что могло бы продемонстрировать перед общественным мнением Европы «невинность Сербии» и ее готовность дать всяческое удовлетворение австрийцам. Сделали они это, правда, не только по своей инициативе, но под давлением свыше — по указаниям русских, английских и французских империалистов. Последние, как мы увидим ниже, уже в первые дни после покушения учитывали возможность мирового кризиса[2] и были немало озабочены вопросом о возможно более скромном поведении Сербии. По крайней мере уже 2 июля сербский посланник в Париже Веснич доносил по телеграфу Пашичу: «Французское правительство советует нам сохранять позицию максимально возможного спокойствия и сдержанности как со стороны официальных кругов, так и общественного мнения»[3]. Этот совет был дан еще 1 июля Весничу самим премьер-министром и министром иностранных дел Вивиани[4]. Со своей стороны Сазонов заявил сербскому посланнику в царской России Спалайковичу, что «обвинения, выдвигаемые против нас (сербов. — *Н. П.*) в Вене, не внушают к себе доверия. Главная задача для общественного мнения в Сербии — сохранять спокойствие»[5]. Через несколько дней Сазонов даже выразил Спалайковичу свое недоумение по поводу того, почему австрийское правительство не делает ничего, чтобы «прекратить со стороны венской печати пустую агитацию, которая помимо прочего не устрашает никого и причиняет вред лишь самой Австрии»[6].

Английское правительство предпочитало действовать окольным путем, а именно через своего посла в Вене де Бунзена, который в эти дни успешно и усиленно разговаривал с сербским посланником в Вене Иованом Иовановичем[7]. Словом, сербов увещевали; им предлагали держаться «скромно», но спокойно и твердо.

Эти советы были приняты в Белграде к руководству, и 17 июля английский поверенный в делах Деррель Кракенторп мог доложить Грею: «Нынешняя позиция Сербии благоразумна и примирительна»[8]. Одновременно сербские правящие круги предприняли и другие шаги с целью продемонстрировать невинность Сербии перед

---

1 BD, XI, № 80.

2 В Англии — BD, XI, № 22, 29, 31, 32, 38, 39, 41, 44, 46, 50, 53, 55, 56, 58, 59, 61, 67, 68, 72, 74, 76, 78, 80; OUAP, VIII, № 10364; МОЭИ IV, № 146. Во Франции — BD, XI, № 38, 40, 63, 72; „Livre Jaune", 1914, № 19, 76. В России — BD, XI, № 22, 40, 58, 60, 76; „Красный архив", т. IV, стр. 5—6. МОЭИ IV, № 112, 148.

3 SBB, 1914, № 10.

4 Ibid., № 13.

5 Ibid., № 14.

6 Ibid., № 29; ср. МОЭИ, IV, № 112.

7 BD, XI, № 28, 31, 55, 56.

8 BD, XI, № 53.

Австрией и видимость согласия сербского правительства выполнить все, решительно все требования австрийцев, которые могут быть предъявлены. Это было жизненнейшей необходимостью, так как искусный маневр германской дипломатии поставил сербское правительство в очень щекотливое и опасное положение.

30 июня помощник германского статс-секретаря по иностранным делам Циммерман заявил русскому послу в Берлине Свербееву, что «сербскому правительству было бы лучше всего в своих собственных интересах предложить по своей инициативе сделать все для него возможное, чтобы помочь боснийским властям в их расследованиях о происхождении и распространении заговора. Этим путем сербское правительство, которое, как он убежден, нельзя порицать, дало бы убедительные доказательства того, что оно отмежевывается от мотивов, которые привели к совершению этого ужасного преступления»[1]. Такой же совет 2 июля дал Циммерман русскому послу[2] и французскому[3] и сербскому[4] поверенным в делах, намекнув последнему дважды, 14 июля и 16 июля, на необходимость уступчивости со стороны сербского правительства по отношению к Австрии[5].

Конечно это был лишь маневр, имевший задачей перебросить ответственность за развязывание войны на Сербию, ибо правящая клика Германии, как мы увидим в свое время, увидела в сараевском убийстве лишь возможность и удобный предлог для новой «пробы сил» с Антантой. Ни о каком миролюбии Германии не могло быть и речи. Просто сербскому правительству предлагали авансом признаться в том, что покушение было организовано в Белграде.

Совет однако не достиг цели. Правящие круги Сербии меньше всего собирались начинать расследование по собственной инициативе — по тем же соображениям, по каким хотели такой инициативы в Берлине и Вене. Назначение сербским правительством такого расследования по собственной инициативе давало австрийской правящей клике хороший предлог для предъявления ультиматума. Поэтому в Белграде усиленно старались сделать вид, что сербское правительство не имеет никакого отношения к событиям в Сараево.

На запрос английского посла в Вене де Бунзена по поводу такого расследования сербский посланник в Вене Иован Иованович ответил, что «сербским правительством до сих пор не получено никакого официального сообщения от австро-венгерского правительства с просьбой о содействии сербского правительства подвергнуть наказанию всех лиц, виновных в соучастии в убийствах.

---

[1] BD, XI, № 22, 44; „Livre Jaune", 1914, № 9.
[2] МОЭИ, IV, № 62.
[3] „Livre Jaune" 1914, № 9.
[4] DD, IV, Anlage, IV, № 1.
[5] SEB, 1914, № 19, 26.

Он протестовал перед австро-венгерским министерством иностранных дел против тенденции общественного мнения и печати привлечь сербское правительство к ответственности за преступление еще даже до того, как в сараевском суде закончено предварительное следствие»[1].

Кроме указанных выше соображений мешали и другие, не менее веские причины, о которых Иован Иованович не замедлил поведать де Бунзену:

«Необходимо отметить, что бомбы были добыты в Сербии, где их много осталось после войны, когда они использовались регулярными войсками, но конечно сербское правительство, равно как и большинство сербской общественности, в числе первых, кто оплакивает и осуждает преступление, наносящее тяжелый удар сербским надеждам на будущее...»[2].

Все же «совету из Берлина», повторенному и притом трижды самой Сербии, а также и ее друзьям, нельзя было не последовать. Сербские правящие круги судорожно хватались за любые средства, чтобы с наименьшими потерями выйти из создавшейся угрожающей обстановки. Они согласились на расследование, но в такой редакции, которая давала возможность еще раз показать свою уступчивость. 17 июля Кракенторп, сообщая в Лондон, что «нынешняя позиция сербского правительства благоразумна и примирительна», добавлял: «Сербский премьер-министр заявил австрийскому послу в неофициальном разговоре, что сербское правительство готово согласиться немедленно на любую просьбу о полицейском расследовании и принять любые прочие меры, совместимые с достоинством и независимостью государства»[3].

Таким образом сербы соглашались начать расследование только после просьбы австрийцев об этом (мотив — «ничего не знали, не ведали», успешно декларированный Пашичем в разговоре с корреспондентом «Az Est») и притом своими собственными силами, без какого-либо участия австрийцев и нежелательных «третьих лиц» в расследовании.

Телеграмма Кракенторпа кончалась следующими словами: «но всеобщим является чувство, что требования со стороны австро-венгерского правительства о назначении *смешанной*[4] следственной комиссии, о закрытии националистических обществ или о цензуре газет не смогут быть удовлетворены, так как влекут за собой иностранное вмешательство во внутренние дела и законодательство»[5].

В таком же смысле высказался еще раз 18 июля и Славко Груич, когда Деррель Кракенторп, зондируя очевидно вопрос о том, насколько нити заговора ведут в Белград, повторил снова просьбу о расследовании.

---

[1] BD, XI, № 31.
[2] Ibidem.
[3] BD, XI, № 53.
[4] Курсив мой. — *Н. П.*
[5] BD, XI, № 53.

«Во время частного разговора вчера с помощником государственного секретаря по иностранным делам, — сообщал в Лондон Кракенторп, — я намекнул на статью «Times» от 16 с. м., указывающую, что сербское правительство должно по своей собственной инициативе приступить к расследованию на сербской территории мнимого южнославянского заговора. Помощник государственного секретаря указал, что, пока результаты расследования в Сараево не опубликованы, сербское правительство не имеет материала, на котором могло бы базироваться подобное расследование»[1].

Эти же заявления о готовности начать расследование (по просьбе австрийцев и в случае, если вина сербских подданных будет доказана) Пашич поручил сделать всем сербским посланникам, предписывая им одновременно просить правительства, при которых они были аккредитованы, «действовать в примирительном духе, если к этому представится случай или необходимость»[2]. Германскому правительству была вручена 20 июля вербальная нота, в которой между прочим заявлялось:

«Королевское правительство немедленно[3] [после покушения] объявило о своей готовности начать судебное преследование любого сербского подданного, об участии которого в сараевском преступлении будет представлено доказательство. Но до сегодняшнего дня австро-венгерское правительство не представило никаких требований о расследовании или судебном преследовании кого-либо. Были потребованы лишь данные относительно местопребывания нескольких студентов, уволенных из духовной семинарии в Паверацe (Пакраце. — *Н. П.*), что было исполнено незамедлительно.

Особую заботу королевское правительство приложило к тому, чтобы улучшить и сделать более сердечными отношения с соседней монархией, бывшие напряженными в результате недавней (второй балканской. — *Н. П.)* войны... Королевское правительство просит ввиду этого имперское правительство принять к сведению искреннее желание и согласие Сербии поддерживать дружеские отношения с соседней монархией и энергично подавить всякую сделанную на сербской территории попытку, имеющую целью нарушить безопасность и мир в соседней монархии. Королевское правительство точно так же согласно удовлетворить все требования, которые будут представлены австро-венгерским правительством королевскому правительству, о судебном преследовании соучастников преступления, если бы таковые оказались. Королевское правительство было бы не в состоянии согласиться

---

[1] BD, XI, № 61.
[2] SBB, 1914, № 30.
[3] На самом деле это произошло после 4—5 напоминаний фон Шторка и Гизля, австрийского посланника в Белграде, двух запросов из Вены, и после того как фон Шторк поймал сербское министерство иностранных дел на выдаче заведомо неточных справок, — см. OUAP, VIII, № 10002, 10119, 10190 и др.

только с такими требованиями, которые не могло бы выполнить всякое другое государство, заботящееся о своем достоинстве и независимости»[1].

Нота заканчивалась еще раз просьбой «к дружелюбно настроенному императорскому правительству принять благосклонно к сведению эти заявления и, если представится к тому случай, любезно использовать свое влияние для примирения»[2]. Дипломатические приличия, как мы видим, были соблюдены.

Таковы были «дела и дни» сербского правительства в период до 23 июля. Зная с 15 июля из донесений сербского посланника в Вене Иована Иовановича[3] о том, что австрийцы что-то замышляют против Сербии, правящие круги беспокоились больше всего об одном, какую позицию займет царская Россия в развертывающемся конфликте: поддержит ли она Сербию до конца или же, как и в 1908—1909 гг., снова бросит ее на произвол и растерзание Австрии. Дальнейшая позиция Сербии целиком зависела от позиции царской России. Правда, успокоительные признаки на этот раз имелись: винтовки, о которых просили еще в феврале, наконец были царем отпущены 30 июня н. ст. Но они еще лежали на русских складах. Их нужно было во-время доставить в Сербию, чтобы успеть перевооружить сербскую армию.

Этими двумя мотивами — желанием позондировать царское правительство относительно его позиции в предстоящем конфликте и стремлением ускорить получение русских винтовок — объясняется аудиенция, данная 19 июля Штрандтману принцем-регентом Александром.

В своей «весьма доверительной» телеграмме, которую он просил не «литографировать», Штрандтман сообщал Сазонову:

«Сегодня утром престолонаследник, пригласив меня к себе, расспрашивал о политическом положении. Его высочество интересовался главным образом Австрией, газетная кампания коей против Сербии принимает все большие размеры. В своем ответе я сообщил королевичу привезенные мне Зариным с экспедицией из Вены, со слов нашего посла, известия о крайней нервности австрийцев и о необходимости соблюдать в Белграде осторожность, дабы избежать непоправимых последствий. Королевич живо спорил с этим мнением, и слова его были проникнуты тем большим убеждением, что сербская армия, как он весьма доверительно поведал, располагает ныне, после двух войн, лишь ничтожным количеством пригодного вооружения, всего около 100 тыс. исправных винтовок, какое обстоятельство является большим соблазном для врагов королевства. Предположенный, по всей вероятности во Франции, заказ 300 тыс. ружей может быть готов только через 30 месяцев, и потому прибытию в Сербию всех уступленных го-

---

[1] DD, № 86; ср. текст «Памятной записки» Спалайковича Сазонову — см. МОЭИ, IV, № 319.

[2] Ibidem.

[3] SBB, 1914, № 12, 17, 19, 23, 24, 25.

сударем императором винтовок он придает огромное значение»[1].

Эта телеграмма Штрандтмана подтверждает впечатление, что в правительственных кругах Сербии создались настроения, близкие к панике. Сербское правительство, привыкшее к практике австрийских ультиматумов в предшествующие годы, отлично понимало, что Вена использует такой удобный повод, как сараевское убийство, для окончательного сведения счетов с Сербией. Об этом говорила и вся тактика австрийских дипломатов в Белграде и телеграммы Иована Иовановича из Вены. Следовательно приходилось ожидать удара и готовиться к платежу по предъявленному австрийским империализмом счету. В Белграде не сомневались в том, что Австрия не удовлетворится самыми щедрыми платежами, что поставлен на карту вопрос о самом существовании Сербии как самостоятельного государства. Так действительно и ставился вопрос в Вене (см. гл. V), стремившейся использовать Сараево не для «наказания Сербии» за убийство эрцгерцога, а для того чтобы сокрушить Сербию, составлявшую барьер на пути австрийского империализма к Салоникам.

Как показывает эта телеграмма, сербские правящие круги с большей или меньшей уверенностью ждали военной развязки.

★

23 июля Славко Груич, подойдя к зданию министерства иностранных дел, увидел стоявший у подъезда экипаж. Последний факт был делом необычайным, так как не в обычае служащих министерства было приезжать на службу в экипаже, а дипломаты приходили либо по назначению, либо от 11 до 12 час. дня, — в час, отведенный для их приема.

Поднимаясь по лестнице, Груич встретил секретаря австрийского посольства, который сообщил, что австрийский посланник барон Гизль желает видеть премьер-министра Пашича в 4 часа дня. Груич ответил, что Пашич (это было известно и из газет) находится на юге Сербии. На вопрос секретаря, кого же из ответственных лиц посол может видеть, Груич указал на себя или на министра финансов Лазаря Пачу, назначенного исполняющим обязанности министра иностранных дел на время отсутствия Пашича из Белграда, и осведомился о причине, заставившей Гизля искать этого свидания.

Секретарь коротко ответил: «для важного сообщения» — и после заявления Груича, что он даст ответ по телефону, может ли состояться прием, покинул министерство[2].

Груич отправился немедленно в министерство финансов к Пачу. Тон разговора с секретарем австрийского посольства убедил его, что сообщение, которое предполагает сделать барон Гизль, бу-

---

[1] МОЭИ, IV, № 285.

[2] Изложение событий, происшедших 23 июля, ведется по рассказу Славко Груича американскому журналисту H. F. Armstrong «Three days in Belgrad July 1914» в «Foreign Affairs» (амер.) 1927, January, p. 267—275.

дет не только важным, но и неприятным, а забота передать ноту в определенно зафиксированное время свидетельствовала о желании поставить исходный срок для счета времени, что выявляло ультимативный характер ноты.

Пачу, убежденный этими доводами Груича, решил немедленно осведомить Пашича. Так как в деревне, где ночевал Пашич, телефона не было, то к Пашичу с телефонограммой был направлен конный жандарм с ближайшего к этой деревне поста и были отданы распоряжения приготовить специальный поезд на ближайшей железнодорожной станции на случай, если Пашич пожелает вернуться в Белград. Одновременно было созвано совещание присутствовавших в столице министров. Их оказалось только двое — Люба Иованович и Стоян Протич. Остальные вели избирательную кампанию в провинции. После совещания с ними Груич послал Пашичу вторую депешу, настоятельно советуя ему немедленно вернуться в столицу, и вскоре получил ответ, что Пашич выехал со специальным поездом.

К 4 час. дня Пачу, Иованович и Протич (последний несмотря на болезнь) собрались в здании министерства иностранных дел. В 3 час. 55 мин. дня явился тот же секретарь австрийского посольства и заявил, что барон Гизль просит извинения, но не может притти раньше 6 час. Груич выразил удивление по поводу такой отсрочки, указав, что Пачу ожидает посещения, как было условлено. Секретарь, очень бледный и сдержанный, заявил, что барон Гизль еще не готов, и ушел. Пачу, недовольный опозданием Гизля, хотел уйти, оставив для разговора с ним одного Груича, но после размышлений решил обождать. Министры провели 2 часа в обсуждении причины отсрочки, которая, как теперь выяснено, заключалась в том, что Пуанкаре отложил свой отъезд из Кронштадта на 1 час (с 10 час. вечера на 11 час.), и следовательно телеграмма из Белграда о получении ультиматума могла застать его еще в России, чего очень хотели избежать и австрийские и германские организаторы войны [1].

В 6 час. вечера Гизль явился в министерство. Он был принят Пачу и Груичем (Пачу не знал французского языка) в приемной. Люба Иованович и Протич ждали в соседнем кабинете.

«Я вручил ноту, — так рассказывает об этом событии в своей депеше Берхтольду Гизль, — и прибавил, что ответ ожидается к 6 час. вечера в субботу [2], к какому сроку, если не будет ответа или будет дан неудовлетворительный ответ, я покину с персоналом посольства Белград. Пачу заметил, не читая ноты, что сейчас — выборы и часть министров отсутствует, и он опасается физической невозможности созвать своевременно совет министров в полном составе для принятия повидимому важного решения. Я возразил, что возвращение министров в эпоху железных дорог, телеграфа и телефона является, учитывая раз-

[1] OUAP, VIII, № 10475, 10518, 10522, 10523, 10529.
[2] 25/VII.

меры страны, делом нескольких часов и что я уже утром обратил внимание на полезность предупредить заранее господина Пашича. К тому же это чисто внутреннее дело сербского правительства, которым не мне заниматься. Других разговоров не было»[1].

Как только за Гизлем закрылась дверь, министры и Груич бросились к оставленной ноте. Лихорадочно переворачивая страницы, они читали и переводили ее по кускам. Волнение росло по мере того, как выяснялись провокационные, явно рассчитанные на войну, предмет и характер ноты. Когда просмотр был закончен, никто не смел проронить первым слово. Наконец Люба Иованович встал, прошелся раз или два по комнате и сказал: «Не останется ничего другого, как погибнуть с честью»[2].

Немедленно были извещены по телеграфу все сербские посланники за границей. Им было сообщено, что «требования таковы, что ни одно сербское правительство не может принять их полностью»[3]. Затем были извещены дипломаты Антанты, представленные в Белграде. В тот же вечер сербское правительство обратилось с просьбой о помощи к царской России[4]. Принц Александр бросился за указаниями в царскую миссию.

«Престолонаследник только-что ночью пришел в миссию, — телеграфировал в ночь с 23 на 24 июля Штрандтман Сазонову, — чтобы выразить мне свое отчаяние по поводу австрийского ультиматума, подчиниться которому в целом он решительно не видит возможности для государства, имеющего малейшее чувство собственного достоинства. Его высочество сказал мне, что он возглавляет все надежды на государя императора и Россию, только могучее слово коей может спасти Сербию. До возвращения Пашича завтра в пять утра он никаких решений не примет. Особенно оскорбительными он считает пункт четвертый и те, в которых заключаются настояния о допущении австрийских агентов в Сербию. Я позволил себе обратить внимание королевича на необходимость в настоящую критическую минуту направить все усилия к выигрышу времени»[5].

Попытки связаться с Пашичем, находившимся на пути в Белград, продолжались всю ночь, но безуспешно. Пашич прибыл в 5 час. утра 24 июля в столицу. К утру же 24 июля в Белграде собрались и остальные члены правительства, вызванные по телеграфу из избирательных округов.

«Вернувшись в Белград, Пашич зашел в миссию, отправляясь на заседание совета министров, результаты коего он мне немедленно сообщит, — доносил утром 24 июля Штрандтман Сазонову. — Первое его впечатление: австрийскую ноту ни принять, ни отклонить нельзя, нужно во что бы то ни стало выиграть время.

---

[1] OUAP, VIII, № 10526.
[2] «Foreign Affairs» (амер.) 1927 January, p. 267—275.
[3] BB, 1914, № 33; МОЭИ, V, № 10.
[4] МОЭИ, V, № 10, 11.
[5] МОЭИ, V, № 75.

Он убежденно разделяет мнение о целесообразности обращения Сербии к королю итальянскому за посредничеством. Ответ он предполагает дать Австрии в установленный срок, т. е. завтра, в субботу, в 6 час. вечера, с обозначением приемлемых и неприемлемых пунктов. Нынче же будет послана просьба державам о защите независимости Сербии. Затем, сказал Пашич, если война неизбежна, мы будем воевать. Белград не предполагается защищать, и иностранные миссии будут приглашены следовать за правительством в глубь страны. Пашич крайне мрачно смотрит на будущее»[1].

В 10 час. утра началось заседание министров под председательством престолонаследника Александра. Определенного решения относительно ультиматума принято не было, так как Пашич выжидал с решением до ответа царской России. «Считается невозможным, — телеграфировал германский посланник в Белграде Гризингер, — выполнить в течение 48 часов поставленные условия, в особенности пункты 2, 4, 5, 6, второй абзац, в которых усматривается прямое вмешательство в суверенитет Сербии»[2]. Согласно сообщению Штрандтмана, «на состоявшемся совете министров решена посылка престолонаследником телеграммы королю итальянскому с просьбой воздействовать в Вене в целях продления установленного ультиматумом срока и смягчения предъявленных требований, идущих в разрез с законодательством Сербии. Кроме того Пашич сказал мне, что, несмотря на сосредоточение австрийских войск на границе, здесь пока решен призыв только первой очереди запасных. Лидеров партий он ознакомит сегодня с положением и надеется получить их согласие на созыв скупщины в прежнем составе и отсрочку выборов. Правительство в случае надобности выедет в Крагуевац. Политический архив миссии уложен»[3].

Вечером состоялось также безрезультатно второе заседание. В 5 час. дня прибыли будапештские газеты, и только тогда население Белграда узнало содержание австрийского ультиматума.

Положение правительства было крайне затруднительным. «Военные категорически требуют отклонения ноты и войны, — доносил германский посланник Гризингер. — В случае опубликования приказа по армии[4] опасаются военного восстания»[5]. Военщина тре-

---

[1] МОЭИ, V, № 35, BD, XI, № 92.

[2] DD, № 159; BD, XI, № 94.

[3] МОЭИ, V, № 36.

[4] Осуждающего великосербскую пропаганду в сербской армии, чего требовал австрийский ультиматум.

[5] BD, № 158, 159; ср. любопытное заявление французского посла в Берлине Жюля Камбона германскому статс-секретарю по иностранным делам Ягову в ответ на выраженное последним мнение, что сербское правительство примет ультиматум. Согласно сообщению английского посла в Берлине Гошена, „французский посол спросил, неужели статс-секретарь серьезно думает, что сербское правительство может принять некоторые требования ноты, как например требование пункта 5 и издание сербским королем приказа по армии в предписываемых выражениях. Если бы король издал подобный приказ в такой стране, как Сербия, его бы наверно убили“, — см. BD, XI, № 103.

бовала войны, но правительство не решалось итти «ва-банк». Оно выжидало ответа от царской России и старалось выиграть время, не желая на свой страх и риск отвечать на австрийский ультиматум. С другой стороны, приходилось также придерживаться советов, данных правящими кликами Франции, Англии и царской России, согласно которым следовало вести себя прилично и сохранять максимальные сдержанность и спокойствие. Наконец, перед правительством Пашича в связи с австрийским ультиматумом вставали и внутреннеполитические осложнения: оппозиция, поддерживавшая «Черную руку» в «борьбе за приоритет»[1], использовала бы всякую уступку австрийцам для агитации на выборах против радикалов.

Чтобы подготовить себе отступление на тот случай, если царская Россия окажется не в состоянии оказать поддержку и правящей клике придется положиться на милость Австрии, был пущен слух, что «Сербия может только тогда отклонить ноту, если Россия даст на это свое согласие; в противном случае Сербии не останется ничего другого, как перенести этот удар, подобно тому, как она перенесла навязанную ей аннексию Боснии и Герцеговины. В самом худшем случае Сербии также и сейчас необходимо сделать хорошую мину в плохой игре»[2].

Утром 24 июля после первого заседания кабинета принц Александр телеграфировал Николаю II просьбу о помощи, выражая готовность «принять те требования Австро-Венгрии, которые совместимы с положением независимого государства, а также и те, кои ваше величество... посоветуете нам принять»[3]. Одновременно просьба о заступничестве была отправлена Александром также итальянскому королю[4].

Одновременно с посылкой этих телеграмм в Петербург и Рим сербское правительство развило такую бешеную работу по эвакуации Белграда и по переброске войск, что уже 24 июля в 11 час. 50 мин. вечера Гризингер телеграфировал в Берлин: «Мобилизация уже в полном ходу»[5].

25 июля утром началось новое заседание совета министров под председательством принца Александра. Ни из Петербурга, ни из Лондона, ни из Парижа, как можно судить по опубликованным до сих пор документам, не поступало никаких обещаний помощи или поддержки, если верить следующей телеграмме Кракенторпа

---

[1] „Борьба за приоритет" заключалась в борьбе за власть между радикальной партией — представительницей интересов сербской буржуазии и „Черной рукой" — представительницей интересов офицерства, социальной базой которого было помещичье землевладение. Эта борьба приняла открытую форму после мелочного столкновения представителей гражданской и военной администрации на завоеванных Сербией во время балканских войн 1912—1913 гг. территориях и быстро переросла, выражаясь буржуазноюридической терминологией, в «конституционный конфликт", см. МОЭИ, V, прил., № 1, 7, 9.

[2] *Lončarević*, Jugoslawiens Entstehung, Wien 1929, S. 591.

[3] МОЭИ, V, № 37.

[4] МОЭИ, V, № 37; BD, XI, № 96.

[5] DD, № 158, отправлена из Белграда в 11 ч. 50 м. вечера.

Грею, отправленной из Белграда в 12 ч. 30 м. пополудни 25 июля: «Мой русский коллега и новый французский посланник... пока еще без инструкций» [1].

Ни Штрандтману, ни Кракенторпу, ни Боппу (французский посланник в Сербии) нечего было сказать сербскому правительству.

Таким образом получается, что сербское правительство пришло к решению ответить частичным отказом на австрийский ультиматум как будто по своей инициативе, хотя оно заведомо знало, что даже такой отказ даст австрийской правящей клике желанный предлог навязать войну Сербии. Это конечно не так. На самом деле отказ сербского правительства принять полностью австрийский ультиматум объясняется обещанием вооруженной поддержки из Петербурга, так как отвечать отказом по собственному почину австрийцам сербское правительство не могло.

Вопрос о том, когда пришло обещание поддержки из Петербурга, заслуживает особого рассмотрения. Советы из Петербурга, Парижа и Лондона «выиграть время» и «не встречать Австрию полным отказом» [2] не были получены своевременно в Белграде, о чем свидетельствует цитированная выше телеграмма Кракенторпа. К тому же если бы они даже и пришли во-время, то это не меняло положения: это были советы, утешения и ободрения, но не обещание вооруженной помощи, так как и для французского и для английского империализма «сербский вопрос в его чистом виде был не таков, чтобы из-за него можно было сражаться». Только вмешательство царской России для поддержки Сербии давало Англии и Франции предлог ввязаться в драку для «защиты» царской России от Германии в случае выступления последней на поддержку Австро-Венгрии. Таким образом обещание вооруженной поддержки сербам могло итти только от царской России, а отнюдь не от Франции и Англии.

Однако, как свидетельствует та же телеграмма Кракенторпа, Штрандтман не имел никаких инструкций из Петербурга до 12 ч. 30 м. пополудни 25 июля. Инструкции эти могли опоздать или даже содержать отказ на просьбу о помощи, и на заседании совета министров 25 июля под председательством принца Александра сербской правящей верхушке приходилось решать вопрос о войне на свой страх и риск.

Она уклонилась от этого решения. На заседании было решено ожидать ответа царской России, и в ожидании его были составлены два варианта ответа австрийцам: один — положительный, где принимались условия ультиматума, другой — отрицательный — с отказом. В зависимости от ответа из Петербурга можно было пустить в ход либо тот, либо другой.

Одновременно сербские правящие круги приняли меры, чтобы подготовить население к худшему исходу. С этой целью к по-

[1] BD, XI, № 111; ср. также F. 1914, № 26; OUAP, VIII, № 10608, 10645.

[2] Предписание Сазонова Штрандтману мотивировалось чисто военными соображениями — см. МОЭИ, V, № 22, 25, F. 1914, № 26; BD, XI, № 102, 111; ОНАР, VIII, № 10608.

лудню 25 июля был пущен слух, что конфликт будет разрешен мирным путем посредством принятия ультиматума.

Лончаревич (белградский корреспондент «Wiener Telegraphen-Korrespondenz-Bureau») принес это известие около 12 час. дня в австрийское посольство, где барон Гизль и его чиновники уже деятельно упаковывали чемоданы, готовясь к отъезду. «*Что вы говорите*! — испуганно выкрикнул Гизль. — *Ведь это же невозможно. Это исключено. Исключено... Я просто не могу этому верить. Это было бы неслыханно*» [1].

Гизль, усердно работавший над развязыванием войны, *пришел в ужас от одной мысли о том, что война вдруг не состоится и что вся затея закончится принятием невыполнимого австрийского ультиматума и мирным разрешением австро-сербского конфликта*!

Выручило Гизля из затруднения царское правительство. Как свидетельствует Лончаревич, в «первые часы после полудня» пришла «сначала короткая телеграмма из Петербурга, в которой Сербии предлагалось приступить к мобилизации. За этой первой телеграммой, указания которой были немедленно приведены в исполнение, последовала другая, в которой была подробно изложена точка зрения русского правительства» [2]. Принц Александр немедленно подписал приказ о мобилизации. Это произошло около 3 час. дня [3].

Кем были посланы эти телеграммы? Отсутствие в V томе «Международных отношений в эпоху империализма» соответствующих инструкций Сазонова Штрандтману указывает на то, что эти телеграммы были посланы Спалайковичем, резюмировавшим в них соответствующие уверения и обещания Сазонова, что царская Россия окажет Сербии вооруженную поддержку. Для выяснения вопроса о том, в какой тайне рождается война, не безынтересно сопоставить имеющиеся данные о посылке этих телеграмм.

Согласно «Поденной записи министерства иностранных дел», Спалайкович был принят Сазоновым 24 июля после заседания совета министров, т. е. около 7—7$^1/_2$ час. пополудни, до прихода к Сазонову германского посла Пурталеса. Из «Поденной записи» известно, что Сазонов «преподал посланнику советы крайней умеренности в отношении ответа сербского правительства на австрийскую ноту» [4].

Соответствующая депеша Спалайковича в Белград известна лишь в самых общих чертах. По просьбе французского историка Жюль Исаака бывший сербский посланник в Вене Иован Иованович навел справки в белградских архивах о донесениях, отправленных Спалайковичем 23—25 июля из Петербурга. Как сообщает на основе этих розысков Иована Иовановича Жюль Исаак, Спалайкович 24 июля телеграфировал в Белград, что «Сазонов осуж-

[1] *Lončarević*, S. 594—595 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] Ibid., S. 608.
[3] SBB, 1914, № 22; „Foreign Affairs" (амер.) 1927, January, p. 272.
[4] МОЭИ, V, № 25.

дает австро-венгерский ультиматум, что Сербия может рассчитывать на помощь России; но какую форму примет эта помощь, Сазонов не сказал, так как решение об этом принадлежит царю и Франции; что Сербия вследствие недостаточности средств войны должна воздержаться от ответа и позволить австрийцам вторгнуться в Сербию без сопротивления со своей стороны»[1].

Этот совет сербскому правительству, мотивированный чисто военными соображениями — стремлением связать возможно более значительные военные силы Австрии на сербском фронте, — Сазонов преподал сербскому правительству и через Штрандтмана[2].

В другой телеграмме, отправленной в Белград 24 июля и прибывшей туда около 12 часов ночи, Спалайкович, если верить сообщениям Иована Иовановича Жюль Исааку, доносил, что «энергичного решения можно ждать каждую минуту»[3].

Какой характер носили на самом деле «советы умеренности», преподанные Сазоновым Спалайковичу, можно судить по тому, что сейчас же после разговора с Сазоновым Спалайкович, встретившийся в приемной министерства иностранных дел с германским послом графом Пурталесом, имел с последним весьма характерную беседу. На заявление Пурталеса, что конфликт должен быть разрешен только между Австрией и Сербией и «не касается никого другого», Спалайкович ответил Пурталесу, что в последнем «он (Пурталес. — *Н. П.)* заблуждается и что он скоро увидит, что это не только вопрос, касающийся Австрии и Сербии, но европейский вопрос»[4].

После 24 июля, если верить справкам Иована Иовановича, данным Жюль Исааку, от Спалайковича вплоть до 27 июля не поступало решительно никаких сведений[5].

Такого рода справки Иована Иовановича являются довольно бесцеремонной ложью, рассчитанной на то, чтобы ввести в заблуждение всех интересующихся вопросом. В самом деле, если верить этим справкам, то окажется, что сербское правительство отказалось принять полностью все условия австрийского ультиматума, т. е. решилось на войну с Австрией на свой страх и риск, не ожидая ответа от царской России. Подобная ситуация попросту немыслима, как немыслимыми явились бы молчание Спалайковича в этот исключительно ответственный момент и отсутствие от него сообщений в период 25—26 июля 1914 г. Сербское правительство и в частности Иован Иованович скрывают эти телеграммы, потому что в течение указанного времени от Спалайковича были сообщения, и о том, что они были, что сербское правительство было так или иначе информировано

---

[1] *Jules Isaac*, Un débat historique 1914, Le problème des Origines de la Guerre, P. 1933, p. 249.
[2] МОЭИ, V, № 22, 25, ср. также № 19.
[3] *Jules Isaac*, op. cit., p. 249.
[4] SBB, 1914, № 36.
[5] *Jules Isaac*, op. cit., p. 253.

о намерениях царского правительства, имеются прямые указания в телеграммах Штрандтмана, например:

«...Министры под влиянием получаемых от Спалайковича телеграмм, рисующих картину охватившего Россию воодушевления...» [1].

«На поступающие от Спалайковича известия о... (пропуск) к Сербии... (пропуск) и о выраженных чувствах русского народа и т. д. [2].

Кроме того из телеграмм Штрандтмана видно, что донесения Спалайковича имели весьма утешительный для сербских правящих кругов характер. Поэтому мы думаем, что обещание вооруженной поддержки было дано Сазоновым через Спалайковича и что это обещание было настолько определенным, что сербское правительство по вполне понятным причинам стесняется опубликовать его и сейчас.

25 июля, когда обещание поддержки от царской России было получено сербским правительством, ему оставалось лишь окончательно проредактировать ноту, отделав ее так, чтобы она могла привлечь своей уступчивостью на сторону Сербии общественное мнение Европы.

Эта задача была выполнена блестяще. Ответная сербская нота является шедевром дипломатического искусства [3]. Конечно, сербские правящие круги пошли на серьезные уступки, приняв ряд самых унизительных требований австрийского ультиматума, но формулировки сербского ответа позволяли толковать его как угодно. Уступчивость сербов объясняется двумя причинами.

Первой из них несомненно была невыясненность международно-политического положения. У сербских государственных деятелей тряслись поджилки от одной мысли о возможности повторения ситуаций боснийского кризиса, когда Сербия была оставлена в одиночестве и брошена на произвол Австрии. Отсюда серьезные уступки и покорный, даже унизительный тон сербского ответа.

Второй причиной, обусловившей унизительный и покорный тон сербского ответа, было стремление переложить ответственность за нападение на противника. Уступчивость сербской ноты демонстративно противопоставлялась исключительно грубому и вызывающему тону провокационного австрийского ультиматума. Этим покорным тоном хотели прежде всего вызвать сочувствие к «маленькой, бедной, невинной Сербии» со стороны Европы и всего мира, и надо сказать, что авторы сербского ответа блестяще добились своей цели.

Вопрос о подходящей форме ответа на австрийский ультиматум стоял так серьезно, что, по свидетельству Славко Груича, в редактировании ответа участвовал весь совет министров. Текст ноты, переданный Груичу для перевода на французский язык, был в такой степени испещрен помарками, подчистками и по-

[1] МОЭИ, V, № 149.
[2] МОЭИ, V, № 151.
[3] *Musulin*, Das Haus am Ballplatz, München, 1924, S. 239—241.

правками и имел столько мелких вставок и добавлений, что только те, кто участвовал в выработке окончательной редакции, могли разобрать его смысл.

Груич принялся за перевод с двумя помощниками в пустынном здании министерства (правительственные учреждения были уже эвакуированы), диктуя окончательный текст машинистке, без составления черновика. В последнюю минуту его снова вызвали для внесения исправлений уже в отпечатанную часть перевода, и только угрозой, что он не успеет закончить изготовление ноты к сроку, предоставленному ультиматумом, ему удалось умерить редакторский пыл министров[1].

В довершение бед сломалась единственная пишущая машинка, и окончание ноты было написано от руки под диктовку Груича. Кроме оригинала было изготовлено 2—3 копии.

Груич отвез оригинал в 5 ч. 50 м. вечера, т. е. за 10 минут до окончания срока, предоставленного австрийским ультиматумом, в совет министров и вручил в конверте Пашичу. Пашич, сунув конверт подмышку, отправился в экипаже в здание австро-венгерского посольства, где его ждал окруженный грудой чемоданов барон Гизль.

Свидание Пашича с Гизлем продолжалось едва две минуты. После короткого обмена приветствиями Пашич вручил ноту и с характерным для него смешком медленными шагами пошел к выходу. Гизль бегло просмотрел ноту и облегченно вздохнул, узнав, что сербское правительство приняло далеко не все требования австрийского ультиматума. Этого было достаточно и этого хотели австрийцы, боявшиеся больше всего того, что сербское правительство примет полностью весь ультиматум, который, как свидетельствуют сообщения германских дипломатов из Вены[2], составлялся с таким расчетом, чтобы принятие его было невозможно.

Отказ Сербии выполнить некоторые требования ультиматума, в частности пункты 5 и 6, давал австрийскому империализму столь желанный формальный предлог, чтобы объявить себя неудовлетворенным сербским ответом, разорвать дипломатические сношения и форсировать нападение на Сербию. Поэтому Гизль, подписав заготовленную заранее ноту о разрыве дипломатических отношений и об отъезде посольства, отправил ее Пашичу.

В 6 ч. 10 м. пополудни все чины посольства на 4 экипажах двинулись на вокзал, чтобы поспеть к поезду, уходившему в 6 ч. 30 м. в Землин[3].

В 6 ч. 40 м. Гизль уже был в Землине, откуда он, как было условлено заранее с австрийским министерством иностранных дел, телефонировал о разрыве в Будапешт.

Итак, Сараево сделало свое дело — повод для войны был создан и машина войны пущена в ход.

---

[1] „Foreign Affairs" (амер.) 1927, January, p. 272 - 275.
[2] DD, № 19, 29, 34a, 40, 49, 50, 65, 87.
[3] МОЭИ, V, № 76.

Глава пятая

АВСТРО-СЕРБСКИЙ КОНФЛИКТ

В вышедших после войны и крушения монархии Габсбургов мемуарах начальник австрийского генерального штаба и лидер «военной» партии Конрад фон Гетцендорф объясняет нападение Австрии на Сербию после сараевского убийства следующими причинами:

«Два принципа были в резком конфликте друг с другом: либо сохранение Австро-Венгрии как конгломерата национальностей, который должен выступать в виде единого целого перед внешним миром и видеть свое общее благо под властью одного государя, или же рост отдельных независимых национальных государств, притязающих на свои этнические территории Австро-Венгрии и таким путем вызывающих разрушение монархии.

Конфликт между двумя этими принципами, нараставший давно, достиг высшей стадии вследствие поведения Сербии. Его разрешения дольше нельзя было откладывать.

По этой причине, а не ради мести за убийство, Австро-Венгрия должна была обнажить свой меч против Сербии... Новая уступка, в особенности сейчас, после сербского террористического акта, дала бы простор тем тенденциям внутри империи, которые уже давно разъедали старый костяк в оболочке югославской, чешской, руссофильской и румынской пропаганды и итальянского ирридентизма»[1].

Чрезвычайно ценное свидетельство Конрада фон Гетцендорфа показывает, что для австро-венгерского империализма Сараево было не больше, как предлог к разгрому Сербии, а война — средством укрепления монархии Габсбургов в потоках народной крови.

Старая Австро-Венгрия — эта тюрьма народов — разлагалась заживо. Невыносимый национальный и классовый гнет буржуазии немецко-венгерского меньшинства над другими национальностями

---

[1] *Conrad*, Aus meiner Dienstzeit 1906—1918, Wien, 1923, B. IV, S. 31—32.

стимулировал борьбу угнетенных народов. Эта борьба разрушала монархию, подтачивая ее устои. Особенно ненавистно было в Вене сербское национальное движение. Национально-революционное движение в южнославянских областях Австро-Венгрии жестоко и свирепо преследовалось австро-венгерскими империалистами. В Вене, как мы знаем из мемуаров Конрада, считали, что раздавить это движение внутри империи возможно лишь при одном условии, что оно раздавлено будет и за пределами австрийских государственных границ. А это было возможно только после военного разгрома тех государств, к которым угнетаемые «меньшинства», на самом деле *большинство населения* Австро-Венгрии, испытывали национальное тяготение. На данном этапе таким особо опасным притягательным центром являлась Сербия, и именно к ее военному разгрому австро-венгерская монархия стремилась в первую очередь.

Но мемуары Конрада фон Гетцендорфа, разоблачая легенду, созданную австрийскими империалистами, будто война 1914—1918 гг. возникла только из-за покушения Принципа, заставившего «подвергшуюся нападению» Австрию взяться за оружие, обнажают далеко *не все пружины* механизма подготовки войны австрийской буржуазией. *К разгрому Сербии, как бы ни были весомы с империалистической точки зрения все аргументы Конрада, австрийские империалисты стремились не в целях «самообороны», а по причинам чисто империалистического характера.* Австрийский империализм стремился к военному разгрому Сербии, для того чтобы восстановить свое доминирующее положение на Балканах, подорванное созданием в 1912 г. Балканского союза и разгромом Турции, а после распадения Балканского союза — значительным увеличением Сербии и Черногории в результате обеих балканских войн.

С весны 1914 г. австро-венгерское правительство предусматривает активизацию внешней политики австро-германского союза на Балканах. В меморандуме, составленном австрийским министерством иностранных дел и законченном разработкой *24 июня* (*за 4 дня до сараевского убийства*), Берхтольд проектировал организацию другого союза балканских государств в составе Албании, Болгарии и Турции, для того чтобы парализовать уже ясную тенденцию отпадения Румынии от Тройственного союза, обеспечить нейтралитет Греции, наконец, изолировать и подчинить себе Сербию и Черногорию. Созданием Балканского союза с австро-германской ориентацией австрийское министерство иностранных дел и генеральный штаб хотели кроме того уравнять военные силы Тройственного союза с силами Антанты, которые значительно выросли как в результате балканских войн, так и в результате ряда других причин (см. стр. 165—166).

Сараевское убийство могло при благоприятных обстоятельствах явиться для Австрии удобным предлогом, для того чтобы, разгромив Сербию, восстановить превалирующее положение Австрии на Балканах, обезопасить себя в будущей «большой войне» от

удара с юга, со стороны Сербии, и получить возможность перебросить все свои силы против царской России.

Оценивая австрийский ультиматум Сербии как выражение этих тенденций политики австро-венгерского империализма на Балканах, царский посол в Константинополе Гирс писал 27 июля Сазонову:

«Предпринятый ныне Австро-Венгрией крайне серьезный шаг, выразившийся в предъявлении ею Сербии ультиматума, побуждает меня коснуться того значения, которое шаг этот будет иметь на Балканском полуострове вообще и в частности в сфере моей деятельности — в Турции.

Прежде всего я не могу не отметить постепенного за последние два года падения престижа Австро-Венгрии в Оттоманской империи. Присоединение ею Боснии и Герцоговины и последовавшее за тем вынужденное согласие на таковое со стороны Сербии и Черногории, составившие последний крупный успех австрийской политики на Балканском полуострове, за истекшие два года совершенно изгладились из памяти впечатлительных турецких политических и общественных кругов. События балканской войны, поражение Турции славянскими государствами и усиление последних за ее счет привели к усилению и торжеству идеи славянства в ущерб интересам Австро-Венгрии, а следовательно к усилению престижа Тройственного согласия в ущерб Тройственному союзу и к нарушению таким образом существовавшего ранее политического равновесия, что с горечью сознавалось здешними представителями союза.

Не будучи в состоянии примириться с создавшимся за последнее время и столь невыгодным для нее положением, Австрия и за нею, быть может, и *главным образом Германия* естественно старались найти выход из него и неминуемо должны были воспользоваться первым представившимся удобным случаем, чтобы вернуть себе свое прежнее положение и престиж на Ближнем Востоке и восстановить равновесие в пользу Тройственного союза. Таким удобным случаем и явилось убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда.

Из разговоров с моими коллегами и особенно с склонным к откровенности моим германским сотоварищем я вынес убеждение, что и они смотрят на решительный шаг Австрии, предпринятый, несомненно, с ведома и согласия Германии, как на средство восстановления ею своего прежнего положения на Балканском полуострове и возвращения прежнего преобладающего значения в Турции Тройственному союзу — значения, нарушенного, по их понятиям, торжеством панславизма, на который они довольно откровенно указывают, над идеей пангерманизма, о которой они предпочитают пока умалчивать.

Предъявленный Австро-Венгрией Сербии ультиматум, столь необычный в истории международных сношений и проводящий столь опасный принцип допустимости порабощения великими державами более мелких государств, должен был, в случае его

принятия Сербией, поставить последнюю в вассальное положение по отношению к Австро-Венгрии. Ответ Сербии был признан неудовлетворительным, австрийский посланник покинул Белград, дипломатические сношения между двумя государствами прерваны, и повидимому с минуты на минуту следует ожидать начала военных действий.

Не может быть сомнения в том, что, будучи предоставлена самой себе, Сербия в конце концов будет раздавлена своей могущественной соседкой.

Такое блестящее достижение Австро-Венгрией поставленной ею себе цели, торжество ее, а следовательно и торжество поддерживающего ее Тройственного союза будет иметь своим неизбежным конечным результатом полное нарушение политического равновесия на Балканском полуострове в пользу последнего и при отмеченной мной уже впечатлительности турок окончательное привлечение их к Тройственному союзу и создание из них наших врагов.

Я считаю своим долгом обратить внимание вашего превосходительства на то, что успешное завершение предпринятого Австро-Венгрией шага будет иметь также результатом полное разрушение нашего престижа и добытого путем стольких жертв и усилий положения на Ближнем Востоке, самым пагубным образом отразится на всех наших экономических интересах и сведет на-нет все достигнутые за последние годы результаты. Создастся такое невыносимое для нас положение, что недалеко, быть может, то время, когда мы сами, чтобы найти из него выход, будем вынуждены принять на себя инициативу войны»[1].

Хотя Гирс, как можно судить по его депеше, многого не знал (например о турецко-болгарском договоре и фактическом включении Турции в орбиту Тройственного союза), однако его оценка целей и задач австрийского ультиматума как попытки австро-германского блока захватить господствующие позиции на Балканах показывает, что и царская бюрократия отдавала себе отчет в положении. Следует добавить, что в германском министерстве иностранных дел в период июльского кризиса 1914 г. имелась вполне разработанная и согласованная с австрийцами программа различных компенсаций Болгарии, Румынии, Италии, Греции и Черногории, в случае сохранения ими нейтралитета, за счет Сербии и Албании. Эти «компенсации» имели такой откровенно грабительский характер, что даже германское министерство иностранных дел должно было охарактеризовать их как «широко идущую перекройку карты Балкан»[2].

В этой «широко идущей перекройке карты Балкан», иначе говоря, в уничтожении Сербии, в создании нового Балканского союза под гегемонией Австрии и Германии, в ликвидации завоеванных Антантой, и в первую очередь царской Россией, пре-

---

[1] МОЭИ, V, № 154; ср. № 47 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] *Dirr*, Bayerische Dokumente zum Kriegsausbruch, München 1925, S. 13.

обладающих позиций на Балканах, и выражалась одна из целей «программы-минимум» австрийского и германского империализма, ради осуществления которой австро-германский блок и навязал войну Сербии в 1914 г. Поэтому австрийское нападение на Сербию отнюдь не имело тех «оборонительных задач», какие рисует Конрад, наоборот, оно преследовало чисто империалистические цели и задачи, при чем в Вене в первую очередь заботились о собственных интересах, нередко вступая в противоречие с интересами союзника — Германии. В стремлении обеспечить путем военного разгрома Сербии удовлетворение империалистических интересов господствующих классов Австро-Венгрии и заключается причина непримиримости венского кабинета во время июльского кризиса 1914 г.

★

«Ну, теперь мы сведем счеты с Сербией!», — воскликнул граф Берхтольд, получив первое известие о том, что убийцей эрцгерцога оказался серб. Австрийская правящая клика сознавала, что в ее руках имеется удобный и достаточный предлог для расправы и «укрощения» Сербии. Вышедшая в 1930 г. восьмитомная публикация австрийских дипломатических документов показывает, что австрийцы имели в руках достаточный материал, чтобы судить о том, что омладинское движение и террористические акты, совершаемые его деятелями, инспирируются и организуются националистическими сербскими кругами. Такой материал имелся в руках австрийского правительства более чем в достаточных размерах и до сараевского убийства. Но сараевское убийство дало громкое формальное подтверждение существования сербской «ирриденты». При помощи этого формального предлога имелось в виду сокрушить Сербию, являвшуюся препятствием на пути в Салоники. Так началась «игра ва-банк» [1].

29 июня Конрад фон Гетцендорф заявил Берхтольду, что необходимо немедленное выступление и что это выступление должно выразиться в форме *немедленной* мобилизации против Сербии. Берхтольд лично придерживался того же мнения. Он стоял за нападение на Сербию без объявления войны, не прибегая даже к дипломатическим переговорам.

Но начинать войну с Сербией — такую войну, которая могла перерасти в схватку с царской Россией, конкретно не согласовав предварительно своих планов с Германией, не обеспечив заранее себе полной ее поддержки, в Вене не решались. Да и в самой правящей верхушке Австро-Венгрии были некоторые расхождения во взглядах на способ и сроки расправы с Сербией. Конрад выражал точку зрения военной партии и тех монархических кругов, которые считали, что для изменения ситуации на Балканах в пользу Австро-Венгрии и сокрушения национального славян-

[1] *Conrad*, IV, S. 72: „В 1908—1909 гг. это была игра с картами на столе, в 1912—1913 гг. — игра случая, теперь это „игра ва-банк".

ского движения необходимо разгромить Сербию. Наоборот, венгерский премьер-министр граф Тисса считал, что той же цели нужно пока добиваться дипломатическим путем, чтобы политически лучше подготовить войну.

Еще в марте 1914 г. Тисса представил в Вену обширный меморандум[1] относительно «генеральной линии» австрийской политики на Балканах, проведение которой было рассчитано на более или менее продолжительное время. Он предлагал привлечь на сторону Тройственного союза Болгарию, чтобы не дать ей войти в новый Балканский союз, сколачиваемый царским правительством из Сербии, Румынии и Греции и направленный против Австрии, добиться от короля Карла румынского торжественного и публичного подтверждения верности обязательствам, принятым на себя по договору с Тройственным союзом, и сближения Румынии с Болгарией.

Основным условием для выполнения своей программы Тисса считал более тщательную подготовку новой войны на Балканах: «На Балканах нам нужно прежде всего сохранить мир и подготовить благоприятное для нас развитие [событий]», — писал Тисса. Другим условием выполнения этой программы являлась строгая координация намеченных шагов с Германией.

В мае Берхтольд и Франц-Иосиф одобрили эту программу, и на ее основе австрийским министерством иностранных дел был разработан к 24 июня детальный меморандум, который Берхтольд намеревался послать в Берлин, чтобы согласовать с германскими правящими кругами эту линию большей активизации австро-германской политики на Балканах[2]. Таким образом война против Сербии задумана была уже давно. Сараево лишь ускорило ход событий. И это именно объясняет многое в тактике например Тиссы: не все еще было готово!

Имея в виду эти обстоятельства, Берхтольд не последовал совету Гетцендорфа — немедленно мобилизоваться — и заявил, что необходимо выждать результатов следствия, начатого в Сараево. Но одновременно в разговорах с Тиссой, австрийским премьер-министром бароном Штюргком и Францем-Иосифом он начал зондировать почву о возможности внезапного нападения на Сербию. К 1 июля он мог сообщить Конраду фон Гетцендорфу в ответ на новый запрос последнего, что план такого внезапного нападения не встретил поддержки правящих кругов. Против плана Конрада высказались и император, и Тисса, и Штюргк. Причины «пацифизма» этой троицы раскрывает Конрад в своих записках.

«Тисса стоит против войны с Сербией, — записывал Конрад в своем дневнике, — так как боится, что Россия атакует нас, а

---

[1] OUAP, VII, № 9482.

[2] OUAP, VIII, № 9926. Письмо секретаря Берхтольда Гойоса австро-венгерскому послу в Турции Паллавичини от 26 июня 1914 г.: „Кроме того выработан обширный меморандум для Берлина, который собираются отослать в ближайшие дни".

Германия окажется дезертиром. С другой стороны, Штюргк ожидает расследования, чтобы иметь хорошие основания для выступления. Я стоял на том, что только энергичный удар может отвратить опасность, угрожающую из Сербии. Убийство [в Сараево]... дало повод для войны»[1]. Конрад однако был вынужден признать вескость доводов Тиссы, что начать войну против Сербии, не обеспечив заранее поддержки Германии для защиты тыла от нападения царской России, не безопасно.

Берхтольд также решил сначала добиться согласия Тиссы и его сторонников на немедленную войну, обеспечить поддержку Германии и подготовить достаточно веские идеологические основания для войны против Сербии, чтобы оправдать эту войну перед общественным мнением дома и за границей.

Задача эта казалась вполне разрешимой, хотя Тисса и считал «роковой ошибкой» планы Берхтольда навязать войну Сербии сейчас же, используя в качестве предлога сараевское убийство. В своем докладе императору Францу-Иосифу, поданном 1 июля после разговора с Берхтольдом, Тисса заявлял:

«Только после аудиенции я имел возможность беседовать с графом Берхтольдом и узнать о его намерении использовать преступление в Сараево в качестве повода, для того чтобы свести счеты с Сербией. Я не скрыл от графа Берхтольда, что, по моему мнению, это было бы роковой ошибкой и что *у нас нет до сих пор достаточных доказательств, чтобы сделать Сербию ответственной* [за убийство в Сараево] *и провоцировать войну с этим государством* вопреки действительно удовлетворительным заявлениям сербского правительства. *Мы очутились бы в самом плохом положении* (locus standi), какое только можно вообразить, мы считались бы нарушителями мира в глазах всего света и разожгли бы великую войну в самых неблагоприятных условиях»[2].

Причины этого «миролюбия» ясны: Тисса считал «настоящий момент весьма неблагоприятным вообще», ибо «мы почти потеряли Румынию, не найдя для нее замены (Ersatz)», а «единственное государство, на которое мы могли бы рассчитывать — Болгария, — абсолютно истощено. *При нынешнем положении на Балканах мне составляло бы меньше всего забот найти подходящий casus belli. Когда настанет время обнажить меч, можно будет развязать войну по различным поводам.* Но все же *прежде всего должна быть создана такая дипломатическая комбинация* (constellation), которая *представляла бы для нас менее неблагоприятное распределение сил*»[3].

Такую комбинацию Тисса видел в привлечении к Тройственному союзу Болгарии и одновременно в примирении ее с Румынией. Последняя же должна была открыто заявить о своем отно-

---

[1] *Conrad*, IV, S. 34.
[2] OUAP, VIII, № 9978; ORB, 1919, I, № 2 (курсив мой. — *Н. П.*).
[3] Ibidem.

шении к Тройственному союзу. Словом, считая данный момент неблагоприятным для нападения на Сербию, Тисса, угрожая своим уходом в отставку, предлагал углубить подготовку войны, в частности в том направлении, чтобы произвести перегруппировку сил, найти новых союзников для австро-германского блока и укрепить связи со старыми.

Тисса не без основания опасался, что внутренних сил монархии нехватит для победоносного осуществления ее программы установления гегемонии австро-германского блока на Балканах и подавления нараставшей национально-освободительной борьбы славянских народов. Тисса понимал, что недостаточно подготовленная в политическом отношении война чревата военным поражением Австро-Венгрии, а такой исход войны был бы началом конца господства австрийских и венгерских помещиков и капиталистов над миллионами угнетенных чешских, сербских, румынских, хорватских, словацких, словенских рабочих и крестьян. Все эти обстоятельства были учтены в меморандуме Тиссы, по существу высказывавшемся за войну, но хорошо подготовленную войну. Тисса считал, что необходимо создать опору для Австро-Венгрии в виде крепкого блока союзников и обеспечения тыла монархии нейтрализацией тех стран, на активное содействие которых нельзя было надеяться.

Эта позиция группировки Тиссы и колебания в дворцовых кругах, которые понимали, что рискуют головой, побудили Берхтольда искать поддержку своим планам в Германии, чтобы сломить сомнения колеблющихся, создать условия для скорейшего выступления. Первую попытку в этом направлении он сделал 30 июня в беседе с германским послом в Вене Чиршки. С этого момента германское посольство начинает играть в Вене не менее решающую роль в развязывании войны, чем само австро-венгерское министерство иностранных дел.

«Граф Берхтольд сказал мне сегодня, — сообщал Чиршки, — что все указывает на то, что нити заговора, жертвой которого пал эрцгерцог, сходятся в Белграде. Дело было обдумано настолько хорошо, что для совершения преступления были умышленно избраны самые молодые люди, в отношении которых может быть вынесено только мягкое наказание. Министр выразился очень озлобленно против сербских козней.

Я часто слышу здесь выражаемое даже серьезными людьми желание, чтобы наконец свели окончательно счеты с сербами. Сербам нужно предъявить ряд требований, и если они их не примут, принять против них энергичные меры. Я пользуюсь каждой такой возможностью, чтобы спокойно, но выразительно и серьезно дать совет против слишком поспешных шагов. Прежде всего необходимо уяснить себе, чего хотят, ибо до сих пор я слышал лишь совершенно неопределенные выражения чувств. Затем нужно тщательно взвесить шансы каждого такого шага и иметь в виду, что Австро-Венгрия не одна на свете, что ее долг подумать не только о своих союзниках, но принять во внима-

ние всю европейскую ситуацию и в особенности учесть позицию Италии и Румынии во всех касающихся Сербии вопросах»[1].

В чем смысл этих «советов»? Чиршки предлагал подумать, т. е. внести «плановость» в развязывание войны, затем — действовать, но не самостоятельно, а посоветовавшись в первую очередь с Германией. Чиршки стоял за военное выступление и по мере сил и возможности понукал к нему «государственную мумию», надеясь, — как и германская правящая клика в Берлине, — что процесс разложения Австро-Венгрии удастся задержать империалистическим грабежом на Балканах.

Истинный смысл выступления Чиршки обнаружился уже в новом разговоре последнего с Берхтольдом 2 июля.

Указав Чиршки на «исключительно тревожные (bedenklichen) последствия систематических козней (Wühlarbeit)» Сербии, Берхтольд заявил, что «положить конец этим опасным выступлениям можно лишь решительным выступлением против Сербии».

Чиршки полностью согласился с точкой зрения Берхтольда.

«По его мнению, — передает Берхтольд свой разговор с Чиршки, — только энергичное выступление против Сербии одно может привести к цели. Как мне известно, Германия во время кризиса много раз заявляла, что, если это окажется необходимым, она всегда будет стоять за нами в вопросах балканской политики. На мое замечание, что меня, правда, неоднократно уверяли в этом, но что на практике я не всегда находил поддержку берлинского кабинета и не знаю поэтому, в какой степени я мог бы на таковую рассчитывать, посол возразил, что он, говоря совершенно частным образом, объясняет позицию своего правительства тем, что с нашей стороны много говорится об идеях, но ни разу не был точно формулирован определенный план действий, и что Берлин выступит за нами без оговорок (voll und ganz) только в том случае, когда таковой план будет предложен. Недавно принц Гогенлоэ говорил ему о необходимости свести счеты с Сербией. Он [Чиршки] возразил принцу, что это, правда, было бы «очень хорошо», но что нужно знать и представлять себе, как далеко хотят пойти и что думают в данном случае предпринять против Сербии, что, далее, нужно принять меры для создания возможно более благоприятной дипломатической ситуации, в особенности удостоверившись в этом случае относительно позиции Италии и Румынии. Начинать войну с Сербией, не будучи уверенным в том, что не подвергнешься нападению со стороны Италии и Румынии, явилось бы вещью, требующей большого размышления»[2].

Чиршки, не имевший инструкций из Берлина, не мог сказать в официальной беседе больше, чем было сказано. Но неофициально, через своего «доверенного человека», корреспондента «Frankfurter Zeitung» Ганца, он высказался более откровенно.

---

[1] DD, № 7.
[2] OUAP, VIII, № 10006; ORB, 1919, I, № 3.

Ганц явился 4 июля в австрийское министерство иностранных дел и сообщил, что «сегодня он был принят г. фон Чиршки, который ему выразительно и неоднократно — очевидно с намерением, чтобы его заявления были переданы в министерстве иностранных дел, — заявил, что Германия при всех условиях (durch Dick und Dünn) поддержит монархию, если последняя решится выступить против Сербии». По словам Ганца, Чиршки «еще добавил к этому, что чем скорее начнет Австрия, тем лучше. Вчера лучше, чем сегодня, но сегодня лучше, чем завтра. Если бы мирные настроения даже снова охватили германскую печать, сейчас целиком настроенную против сербов, то пусть в Вене не дадут себя ввести этим в заблуждение — император и страна безоговорочно поддержат Австро-Венгрию. Более откровенно одна великая держава не может говорить другой» [1].

Эти разговоры показали Берхтольду, что его первоначальный способ действий — мобилизация и нападение на Сербию даже без объявления войны, без предварительной договоренности относительно позиции Италии и Румынии, а также без согласования конкретного плана действий с Германией и фактического признания ее руководящей роли, — этот способ действий не найдет поддержки в Берлине. Но из слов Чиршки не менее определенно и ясно вытекало, что при известной подготовке и на известных условиях Вена получит полную поддержку Берлина, для того чтобы свести счеты с Сербией.

Оставалось только выяснить, разделяет ли германское правительство точку зрения своего посла в Вене, что свести счеты с Сербией было бы «очень хорошо», или же это всего-навсего личная точка зрения Чиршки.

Для выяснения позиции германской правящей верхушки Берхтольд решил отправить в Берлин своего личного секретаря графа Гойоса. Но еще до отъезда Гойоса, состоявшегося 4 июля, Берхтольд получил возможность узнать, что точка зрения Чиршки не противоречит точке зрения германского министерства иностранных дел и что его, Берхтольда, планы при известных условиях найдут ту полную поддержку, о которой говорил Чиршки.

Первого июля «доверенный человек» германского министерства иностранных дел, известный публицист Виктор Науман, не раз выполнявший секретные поручения германского министерства иностранных дел, имел беседу с графом Гойосом [2]. Выразив Гойосу свое негодование по поводу сараевского убийства, Науман

---

[1] OUAP, VIII, № 10038.

[2] OUAP, VIII, № 9966. В своем показании следственной комиссии германского национального собрания Науман указывает, что имел беседу с Берхтольдом — „Official German Documents relating to the World War", Carnegie Endowment for International Peace. New York 1923, vol. I, p. 49—51. Очевидно Гойос был лишь составителем записи разговора.

высказался в связи с ним и об общем политическом положении.

«В Берлине весьма обеспокоены русскими вооружениями, — говорил Науман, — и намечаемой снова на осень мобилизацией больших русских военных сил. Он сам [Науман] мог заметить, что не только в военных и морских кругах, но и в министерстве иностранных дел идея превентивной войны с Россией не встречает уже более такого отрицательного отношения, как год назад. С Англией удалось достигнуть соглашения об Африке и португальских колониях, и визит английского флота в Киль организован в качестве доказательства улучшения отношений. Поэтому [в Берлине] считают с достаточной уверенностью, что Англия не вмешается в европейскую войну, г. фон Штумм[1] весьма серьезно говорил доктору Науману о русской опасности, рисуя вполне возможной войну, «которую Германия могла бы иметь, когда захочет»[2].

Гойос мог только поблагодарить Наумана «за эти интересные сообщения» и проронить замечание, что «эти настроения (Disposition) во всяком случае не явились бы для нас нежелательными, в случае если мы сочтем необходимым что-либо предпринять против Сербии. Доктор Науман горячо подхватил это замечание и сказал, что именно это он хотел бы мне [Гойосу] предложить. По его мнению, после кровавого злодеяния в Сараево для монархии вопросом существования (Existenzfrage) является не оставить этого преступления не искупленным, а уничтожить Сербию. Подобное выступление явилось бы для Германии пробным камнем [для выяснения того], хочет ли Россия войны или нет.

В Берлине больше не рассчитывают на Румынию как на союзника, но полагают, что вначале румыны сохранят нейтралитет. Ведется работа относительно присоединения к Тройственному союзу Болгарии и Турции, и болгарам также будут даны деньги [заем]. Грецию также надеются принудить к нейтралитету. Франция, вероятно вследствие денежных отношений, будет вынуждена воздействовать в мирном духе на Россию, но если даже дело дойдет до европейской войны, то Тройственный союз сейчас еще достаточно силен. Доктор Науман полагает, что император Вильгельм, если поговорить с ним надлежащим образом (in richtiger Weise), сейчас, когда он приведен в ужас кровавым злодеянием в Сараево, — даст нам всяческие заверения и на этот раз будет поддерживать вплоть до войны, ибо он видит опасность для монархического принципа. В министерстве иностранных дел также не будут противиться этим настроениям, ибо считают настоящий момент благоприятным, чтобы принять великое решение. Что касается общественного мнения в Германии, то Науман думает, что оно никогда бы не пошло на

---

[1] Директор политического отдела германского министерства иностранных дел.

[2] OUAP, VIII, № 9966.

войну из-за Дьяково[1], но теперь он мог бы поручиться за то, что оно единодушно станет на сторону союзника и будет считать войну радостным подвигом. Австро-Венгрия погибла бы как монархия и как великая держава, если бы не использовала настоящего момента»[2].

Гойос заявил Науману, что он сам «считает решение сербского вопроса безусловно необходимым и что во всяком случае для нас [Австрии] было бы весьма ценно получить уверенность в том, что мы могли бы рассчитывать в данном случае на прикрытие тыла Германией».

Науман по своей собственной инициативе предложил доложить этот вопрос «академическим образом» фон Штумму и сообщить его ответ Гойосу, равно как и повлиять на всю германскую прессу в антисербском духе, чтобы это побудило германское министерство иностранных дел поддержать Австрию.

Таким образом первые сведения о настроениях германской правящей верхушки звучали благоприятно. Оставалось лишь проверить их и получить официальное подтверждение взглядов Чиршки и Наумана.

Для этой цели 4 июля в Берлин был командирован Гойос, которому дали поручение отвезти подготовленный *еще до сараевского убийства* меморандум об основных линиях австро-венгерской политики на Балканах и собственноручное письмо Франца-Иосифа к Вильгельму.

К этому меморандуму, детально развивавшему программу Тиссы, было приложено следующее многозначительное дополнение:

«Предшествовавший меморандум только что был закончен, как произошли страшные события в Сараево. Полное значение этого подлого убийства едва ли можно оценить сейчас. Но во всяком случае оно является несомненным доказательством, если таковое еще было необходимо, непримиримости антагонизма между монархией и Сербией, равно как и силы великосербских устремлений, не отступающих ни перед чем. У Австро-Венгрии не было недостатка ни в доброжелательстве ни в снисхождении, для того чтобы создать терпимые отношения с Сербией. Но снова стало ясно, что эти усилия были совершенно напрасны и что монархия и в будущем должна также считаться с упорной, не уменьшающейся и агрессивной враждебностью Сербии. Для монархии тем более повелительной является необходимость решительно разорвать нити, которые ее противники хотели бы сплести в сеть над ее головой»[3].

Это дополнение к меморандуму Берхтольд сделал после отъезда Тиссы; он же составил и текст письма, которое Франц-Иосиф должен был отправить Вильгельму. В этом письме во-

---

[1] Местечко на албанско-сербской границе, которое сербы требовали в 1913 г. Конфликт этот чуть не привел к разрыву и нападению Австро-Венгрии на Сербию.

[2] OUAP, VIII, № 9966

[3] OUAP, VIII, № 9984; ORB, 1919, I, № I.

прос о необходимости немедленно навязать войну Сербии был поставлен совершенно открыто.

В письме к Вильгельму, после обычных выражений признательности за сочувствие по случаю смерти Франца-Фердинанда, Франц-Иосиф писал:

«Покушение на моего бедного племянника — прямой результат агитации русских и сербских панславистов, единственной целью которых является ослабление Тройственного союза и разрушение моей империи. Согласно всем показаниям, сделанным до сих пор, то, что произошло в Сараево, не является кровавым деянием одного человека, но хорошо организованным заговором, нити которого тянутся в Белград, *и хотя вероятно будет невозможно доказать соучастие сербского правительства*[1], нельзя повидимому сомневаться, что политика последнего, стремившаяся к объединению всех южных славян под сербским флагом, только способствует подобным преступлениям и что сохранение такого положения вещей составляет постоянную опасность для моего дома и для моих стран»[2].

Далее совершенно недвусмысленно указывалось:

«Усилия моего правительства должны быть направлены отныне к изолированию и умалению Сербии»[3].

Для достижения этой цели, как мы уже знаем, намечалось: вовлечение Болгарии в лоно Тройственного союза, ее примирение с Румынией и создание нового Балканского союза из Болгарии, Греции и Турции, «чтобы воздвигнуть плотину против продвижения панславистского потока и обеспечить мир для наших стран. *Это станет возможным только тогда, когда Сербия, образующая сейчас стержень панславистской политики, будет устранена с Балкан как политический фактор*»[4].

Письмо заканчивалось обращением к монархическим чувствам Вильгельма:

«Даже и ты, ты сам придешь к убеждению, что после недавнего и ужасного события в Боснии уже нельзя надеяться на примирение противоречий, отделяющих нас от Сербии, и что политика всех европейских монархов, стремящаяся к сохранению мира, будет до тех пор находиться под угрозой, пока будет продолжать безнаказанно свое существование этот очаг преступной агитации в Белграде»[5].

Это письмо, составленное по рецептам, преподанным несколько дней назад доктором Науманом Берхтольду, предлагало «обеспечить мир для наших стран» (Австрии и Германии) при помощи войны.

Вопрос об «энергичном выступлении» против Сербии, выходящем за пределы обычного дипломатического нажима, был

---

[1] Курсив мой. — *Н. П.*
[2] OUAP, VIII, № 9984; ORB 1919, I, № 1.
[3] Ibidem.
[4] Ibidem (курсив мой. — *Н. П.*).
[5] OUAP, VIII, № 9984; ORB, 1919, I, № 1.

поставлен этим письмом совершенно конкретно и ясно. Письмо Франца-Иосифа по своему тону и содержанию ничуть не слабее знаменитого доклада Сазонова в феврале 1914 г. о невозможности открыть проливы без европейской войны: в отношении агрессивности обе стороны стоили друг друга и, обвиняя друг друга в агрессивности, забывали о бревне в своем собственном глазу. Если бы речь шла только об одной дипломатической поддержке, зачем нужно было бы беспокоить Вильгельма личным письмом самого Франца-Иосифа? Ведь дипломатическая поддержка Германии была обеспечена по договору — в Вене это прекрасно понимали. Беседа Берхтольда с Чиршки, как и поездка Гойоса в Берлин, имели лишь тот смысл, который им придавал Конрад фон Гетцендорф, заявивший 1 июля Берхтольду: «Нужно прежде всего запросить у Германии, согласна она или нет гарантировать нас против России» [1].

В Вене отлично понимали весь риск проектируемого предприятия — войны с Сербией. Как и в 1909 г., за спиной сербской военщины стояла царская Россия, но на этот раз уже лучше вооруженная и не склонная еще раз подвергнуться такому же «унижению», какому она подверглась во время кризиса, созданного аннексией Боснии и Герцеговины [2]. А за царской Россией стояли Франция и Англия. Французские интересы в Сербии достигли к этому периоду времени таких размеров, что эта страна в финансовом отношении оказалась совершенно зависимой от Франции. Французский капитал вряд ли мог отнестись равнодушно к разгрому Сербии, угрожавшему его вложениям [3].

Поэтому для австрийской правящей клики начинать сейчас войну с Сербией имело смысл только в том случае, если правящая верхушка Германии даст на нее свое согласие и гарантирует вооруженную поддержку Австро-Венгрии, даже если бы это привело к европейской войне. В противном случае — в случае отказа Германии от поддержки — вся игра не стоила свеч, и как бы ни желали Берхтольд и Гетцендорф «покарать» Сербию, но напасть в одиночку на Сербию и царскую Россию они не рисковали, да и не могли рисковать. Подобная политика являлась столь же отчаянной авантюрой, как и выступление царской России в одиночку против австро-германского блока.

7 июля Гойос привез из Берлина согласие Германии поддержать Австро-Венгрию всеми силами и средствами вплоть до войны и одобрение намечаемого австрийским империализмом выступления против Сербии [4].

---

[1] *Conrad*, IV, S. 34.

[2] OUAP, VIII, № 10007.

[3] *М. Н. Покровский*, цит. соч., стр. 59. По подсчетам М. Н. Покровского, „весь государственный долг Сербии помещен на французском рынке; в виде одних процентов по нему французский капитал получает 32 млн. динаров (франков. — *Н. П.*), что составляет более четверти всего сербского бюджета... Франция сделалась хозяйкой Сербии как союзница России“.

[4] Подробнее о поездке см. главу VIII.

Мало того, Берлин не только соглашался на полную поддержку и выдавал австрийской правящей клике carte blanche[1], но, как мы увидим ниже, даже натравлял и понукал Вену напасть на Сербию именно сейчас, не допуская никаких оттяжек, никаких проволочек. Для такой позиции германские империалисты имели свои веские основания. Они не могли не видеть того, что процесс разложения все более и более охватывает организм австро-венгерской монархии и что в силу этого последняя с каждым годом все более и более теряет свою боеспособность как союзник. «Государственную мумию» можно было оживить, вдохнуть в нее жизнь, и это надо было сделать за счет сербской крови и новых захватов на Балканах. А так как в силу создавшейся международной обстановки оттягивать срок генеральной «пробы сил» с Антантой было уже нельзя, ибо положение с каждым годом изменялось к невыгоде австро-германского блока, то следовало начинать именно теперь, чтобы предупредить державы Антанты. Поэтому германская правящая клика и понукала австрийцев «играть ва-банк». Если бы в результате этой игры «государственная мумия» даже приказала долго жить, не выдержав непосильных для себя потрясений большой войны, то и в этом случае она еще успевала выполнить возлагавшуюся на нее германским империализмом задачу: ценой хотя бы своей государственной смерти облегчить перекройку карты Европы и мира, затеваемую германским империализмом. Именно в этом и заключается весь смысл германских понуканий к немедленному действию, получаемых Веной во все дни июльского кризиса 1914 г., ибо германская правящая клика серьезно задавала себе вопрос, «сможет ли дальновидный генерал Конрад повести свои войска» через несколько лет [2]. Пока это было еще возможно, но оттягивать дальше «пробу сил», по ее мнению, уже было нельзя.

Австрийская правящая верхушка ждала результатов поездки Гойоса с большим нетерпением. Но еще до возвращения Гойоса, 5 июля утром, от австро-венгерского посла в Берлине Сегени была получена телеграмма, в которой он излагал содержание своего разговора с помощником германского министра иностранных дел Циммерманом. По этому разговору можно было судить, что Берлин при соблюдении известных условий стоит за выступление и даже рекомендует его и что поездка Гойоса окончится успешно.

Циммерман «во время разговора спросил меня, — сообщал Сегени, — известно ли мне что-либо о сообщаемом газетами шаге императорского и королевского правительств в Белграде, на что я ответил отрицательно. Г-н Циммерман уверил меня, что он сочтет энергичное, решительное выступление монархии, на стороне которой сейчас всеобщая симпатия всего культурного мира,

---

[1] Полномочие.

[2] *Waldersee*, Ueber die Beziehungen des deutschen zum österreichisch-ungarischen Generalstabe vor dem Weltkriege" in KF, 1930 Februar, S. 132—133.

совершенно понятным, но все же он рекомендовал бы в этом отношении величайшую осторожность и советовал бы не предъявлять Сербии никаких унизительных требований»[1].

Одним словом, австрийцев приглашали напасть на Сербию, но «осторожно», т. е. с соблюдением всех дипломатических процедур, чтобы скрыть грабительский характер нападения.

В этот же день в 10 час. пополудни пришла и первая, отосланная раньше, телеграмма Сегени, в которой сообщалось, что Вильгельм лично дал обещание оказать вооруженную поддержку Австрии в случае, если дело дойдет даже до войны с царской Россией, но ввиду серьезности дела хочет посоветоваться с Бетман-Гольвегом, чтобы дать окончательный ответ от имени германского правительства[2].

В Вене, как свидетельствует беседа, происшедшая 6 июля между Берхтольдом и фон Гетцендорфом, это известие было принято с радостью.

«Завтра мы будем иметь ответ, — сообщил Гетцендорфу Берхтольд. — Германский император сказал «да», но он должен еще переговорить с Бетман-Гольвегом. Какова будет позиция его величества [Франца-Иосифа]?

Конрад: Если Германия согласится, то его величество будет за войну с Сербией.

Берхтольд: Тисса против войны[3]. Он боится румынского вторжения в Трансильванию. А что будет с Галицией, если мы мобилизуемся против Сербии?

Конрад: В Галиции мы в настоящее время не будем мобилизоваться. Но если там обнаружится угроза со стороны России, то мы мобилизуем три галицийских армейских корпуса.

Форгач: Я не сомневаюсь, что Германия пойдет с нами. Это ее долг как союзника, и кроме того ее собственное существование стоит под вопросом.

Конрад: Когда я узнаю германский ответ?

Берхтольд: Завтра. Но немцы запросят нас, что будет после войны?

Конрад: Ответьте им тогда, что мы и сами не знаем»[4].

В 8 час. пополудни 6 июля была получена новая телеграмма от Сегени, в которой сообщалось, что Бетман-Гольвег вполне согласен с Вильгельмом и что «Германия будет стоять за монархию как союзник и как друг»[5].

Германское обещание помощи развязало руки графу Берхтольду и военной партии для форсирования войны с Сербией и давало возможность в конце концов склонить к этому и Тиссу,

---

[1] OUAP, VIII, № 10039; ORB, 1919, I, № 5.
[2] OUAP, VIII, № 10058.
[3] Тисса в тот момент был не против войны вообще, а только против войны в 1914 г.
[4] *Conrad*, IV, S. 39—40.
[5] OUAP, VIII, № 10076.

требовавшего, как мы знаем, оттяжки войны до тех пор, пока австро-германский блок путем создания Балканского союза австро-германской ориентации не улучшит свои позиции для схватки с Антантой.

После германского обещания «стоять как союзник и как друг» за монархию Габсбургов колебания Франца-Иосифа прекратились. Несколько сложнее обстояло дело с Тиссой (и его сторонниками). Обработка Тиссы заняла довольно долгое время и потребовала от Берхтольда некоторых усилий.

Получив 5 июля уже по возвращении в Будапешт от Берхтольда копию меморандума, отправленного с Гойосом 4 июля в Берлин, и прочитав дополнение Берхтольда к меморандуму и письмо Франца-Иосифа, Тисса понял, что события разыгрываются не в том плане, как он этого хотел. Дополнение и письмо говорили в гораздо большей степени о необходимости использовать сараевское покушение, для того чтобы тотчас же свести счеты с Сербией, чем о принятии формулированной им, Тиссой, программы действий. Поэтому того же 5 июля в 11 час. 50 мин. утра он телеграфировал Берхтольду, «настоятельно советуя, дабы не напугать Берлин (kopfscheu zu machen) вычеркнуть из письма следующие выражения: «будет устранена как политический фактор с Балкан», «уже нельзя надеяться на примирение противоречий, отделяющих нас от Сербии» и слово «безнаказанно» [1].

Телеграмма однако запоздала: в момент отправки ее Тиссой из Будапешта 5 июля Сегени уже вручал письма и меморандум Вильгельму в Берлине. Таким образом Берхтольду удалось поставить Тиссу перед совершившимся фактом.

После получения первой телеграммы Сегени из Берлина [2] он приказал Форгачу 6 июля сообщить Тиссе об обещании поддержки, данном Вильгельмом:

«Император Вильгельм соизволил сообщить нашему всемилостивейшему государю, что в предполагаемом выступлении мы можем рассчитывать на полную поддержку Германии. По мнению императора Вильгельма, мы не должны медлить с выступлением против Сербии. Мы не должны оставить неиспользованным нынешний благоприятный момент. Россия сейчас не готова к войне, и Германия как абсолютно верный союзник стоит рядом с нами» [3].

Ночью с 6 на 7 июля из Берлина вернулся Гойос, и на другой день, 7 июля, под председательством Берхтольда состоялось заседание кабинета министров. Но так как Тисса все еще не соглашался изменить свою позицию и считал необходимым отложить войну, то Берхтольд предпринял еще одну попытку воздействовать на венгерского премьера. С этой целью утром 7 июля,

---

[1] OUAP, VII, № 10070.
[2] OUAP, VIII, № 10058.
[3] OUAP, VIII, № 10091.

до заседания совета министров, он устроил маленькое совещание, в котором приняли участие, кроме него и Тиссы, Штюргк, германский посол Чиршки и Гойос[1].

Совещание началось с того, что Гойос прочел депеши Сегени о разговорах с Вильгельмом и Бетман-Гольвегом и запись своего разговора с Циммерманом (см. гл. VIII). В этом разговоре с Циммерманом Гойос заявлял, что австро-венгерское правительство имеет в виду раздел Сербии. Тисса решительно высказался против подобных проектов, и повидимому под влиянием этого Берхтольд также поспешил заявить Чиршки, что все изложенное Гойосом в разговоре с Циммерманом является личной точкой зрения Гойоса, но ничуть не мнением венского кабинета. Желая однако продемонстрировать перед Тиссой готовность Германии оказать поддержку, Берхтольд от имени обоих премьер-министров Австрии и Венгрии — Штюргка и Тиссы — просил Чиршки выразить Вильгельму и Бетман-Гольвегу «самую искреннюю благодарность за принятие ясной, соответствующей союзным отношениям и дружбе позиции»[2].

Проведя такую предварительную «обработку» Тиссы, Берхтольд после совещания открыл заседание совета министров, в котором приняли участие Тисса, Штюргк, министр финансов и по делам Боснии и Герцеговины Билинский, военный министр Кробатин, начальник генерального штаба Конрад фон Гетцендорф, представитель морского ведомства контрадмирал Кайлер и в качестве секретаря Гойос.

Выступивший первым Берхтольд изложил свою точку зрения.

«Прежде всего нужно уяснить себе, — говорил Берхтольд, — не настал ли момент обезвредить навсегда Сербию при помощи силы (Kraftäusserung). Подобный решительный удар не мог быть выполнен без дипломатической подготовки, и поэтому он [Берхтольд] зондировал германское правительство. Переговоры в Берлине привели к весьма удовлетворительным результатам, так как и император Вильгельм и господин фон Бетман-Гольвег уверили нас со всей выразительностью в безусловной поддержке Германии в случае вооруженного конфликта с Сербией. Нам нужно теперь считаться еще с Италией и с Румынией, и здесь он [Берхтольд] в согласии с берлинским кабинетом придерживается взгляда, что было бы лучше действовать и ожидать каких-либо притязаний на компенсацию. Для него [Берхтольда] совершенно ясно, что вооруженный конфликт с Сербией может иметь своим следствием войну с Россией. Но Россия ведет сейчас политику дальнего прицела (auf lange Sicht berechnet), заключающуюся в объединении всех балканских государств, включая сюда и Румынию, чтобы иметь возможность использовать их против монархии в признанный благоприятным

[1] Повидимому на этом же совещании присутствовал и Гизль, прибывший 7 июля в Вену по вызову Берхтольда для доклада, — см. KF, 1934, Mai, S. 460—461.

[2] DD, № 18.

момент. Он [Берхтольд] считает, что мы должны отдать себе отчет в том, что наше положение в связи с такой политикой может только все более и более ухудшаться и в особенности потому, что наше попустительство (Gewährenlassen) будет истолковано южными славянами и румынами как признак слабости и будет содействовать силе притяжения обоих пограничных государств. Логическим выводом, вытекающим из сказанного, было бы предупредить наших противников и посредством своевременного сведения счетов с Сербией задержать развивающийся полным ходом процесс, что позднее осуществить было бы более трудно»[1].

Таким образом точка зрения Берхтольда, высказанная им с циничной откровенностью империалистического политика, сводилась к необходимости разгрома Сербии при помощи превентивной войны, поскольку момент был достаточно благоприятен для австрийского империализма.

Тисса держался вначале несколько иной точки зрения, но после разъяснения Конрада, что в ближайшие годы военно-политическая ситуация для австро-германского блока может лишь ухудшиться, согласился с Берхтольдом и признал необходимым немедленно начать войну с Сербией. Все же он потребовал соблюдения всех необходимых дипломатических приличий, для того чтобы перебросить ответственность за войну на Сербию и оправдать австрийское нападение перед Европой и широкими массами и в особенности у себя дома, в Австро-Венгрии.

«Председатель венгерского совета министров,— повествует протокол совещания, составленный Гойосом, — также соглашается с тем, что в последние дни в результате установленных судебным следствием [в Сараево] фактов и поведения сербской прессы положение изменилось, и подчеркивает, что и он считает возможность военного выступления против Сербии более близкой, чем он думал непосредственно после покушения в Сараево. Но он никогда не даст своего согласия на внезапное нападение на Сербию без предварительного дипломатического выступления, что, кажется, имели в виду и о чем, к его сожалению, говорили через графа Гойоса в Берлине, потому что, по его [Тиссы] мнению, мы очутимся в очень плохом положении перед Европой и, вполне возможно, будем вынуждены считаться с враждебностью всего Балканского полуострова кроме Болгарии.

Нам нужно прежде всего формулировать свои требования по отношению к Сербии и только после того, как Сербия не удовлетворит их, предъявить ультиматум. Эти требования должны быть, правда, жесткими, но не невыполнимыми. Если Сербия их примет, мы добьемся ошеломительной дипломатической победы, и наш престиж на Балканах подымется. Если же наши требования не будут приняты, то он [Тисса] также высказался бы за военное выступление, но уже сейчас должен подчеркнуть,

[1] OUAP, VIII, № 10118.

что посредством такового мы должны стремиться к умалению, но не к полному уничтожению Сербии, так как последнее никогда не будет допущено Россией без борьбы не на жизнь, а на смерть; как венгерский премьер-министр он никогда не согласится на то, чтобы монархия аннексировала часть Сербии[1].

Отнюдь не дело Германии судить о том, должны ли мы сейчас выступить против Сербии или нет. Он [Тисса] лично считает, что война в настоящий момент не является абсолютной необходимостью»[2].

С целью предупредить вторжение румын в Трансильванию Тисса предлагал принять в состав Тройственного союза Болгарию, что частично осуществило бы предложенную им в марте 1914 г. программу действий.

Берхтольд возразил Тиссе, что «дипломатический успех, как показала история последних лет, недостаточен. Временно повышая престиж Австро-Венгрии на Балканах, этот успех не изменяет ситуации — напряженности австро-сербских отношений». По мнению Берхтольда, «радикальное решение вопроса о Великой Сербии, выдвинутое систематически руководимой из Белграда великосербской пропагандой, разрушительное влияние которой можно проследить у нас до Аграма и Зары, осуществимо лишь путем энергичного выступления»[3].

Берхтольд считал программу Тиссы невыполнимой. По мнению Берхтольда, в будущем пришлось бы в гораздо большей степени, чем сейчас, считаться с враждебностью румын ввиду все более и более увеличивающейся общности интересов Румынии и Сербии. Сейчас положение терпимо, так как еще жив румынский король Карл. Последний «если и не выполнит обязательства — выступить на стороне Тройственного союза, то во всяком случае не допустит втянуть Румынию в войну против монархии»[4].

Штюргк заявил, что «наиболее важным является — знать, должны ли мы решить внутренний кризис в Боснии при помощи действия силой против Сербии». Он указал на два обстоятельства, выдвинувших этот вопрос на передний план:

1. Требование военного выступления, выдвинутое военной администрацией Боснии и Герцеговины, которая считает, что «никакие меры внутри Австрии не могут иметь успеха, если мы не решимся нанести мощный удар Сербии извне... Необходимо поставить себе вопрос, может ли быть остановлена идущая из Сербии

---

[1] „Венгерская чаша уже полна", — говорил еще в 1876 г. Андраши, указывая на то, что всякий новый захват территории, населенной не немецкой или венгерской национальностями, может только ухудшить „баланс национальностей" не в пользу австро-венгерского привилегированного меньшинства; здесь собственно следует искать одну из причин „миролюбия" Тиссы.

[2] OUAP, VIII, № 10118.

[3] Ibidem.

[4] Ibidem.

разрушительная деятельность и можем ли мы вообще удержать обе провинции, если не выступим против королевства [Сербии]».

2. Вопрос о германской поддержке. Штюргк соглашался с точкой зрения Тиссы, что «это наше дело, а не дело Германии судить о том, нужна ли война или нет, но все же он [Штюргк] должен заметить, что на наше решение должен оказать очень большое влияние тот факт, что нам, как мы слышали, обещали безоговорочную верность союзника и к тому же *рекомендовали действовать немедленно*[1]. Граф Тисса должен все же учесть важность этого обстоятельства и принять во внимание, что в результате политики колебаний и слабости мы подвергаемся опасности не иметь этой уверенности в столь *безоговорочной поддержке Германской империи* в какой-либо более поздний момент».

Этот второй довод, по мнению Штюргка, «непреодолимо толкал на войну с Сербией».

«Как должен начаться конфликт, — говорил далее Штюргк, — является второстепенным вопросом, и если венгерское правительство считает, что внезапное нападение без предупреждения — «sans crier gare», как выразился граф Тисса, — неприменимо, то нужно найти какой-либо иной путь. Но он [Штюргк] все же настойчиво желал бы, чтобы во всяком случае действовали быстро и уберегли наше народное хозяйство от длительного периода беспокойства. Но все это мелочи по сравнению с принципиальным вопросом, нужно ли итти безусловно на военное выступление или нет, и здесь важнее всего интересы престижа и существования монархии, югославские провинции которой он [Штюргк] может считать потерянными в случае бездействия. Поэтому сегодня необходимо принципиально решить, что нужно и должно действовать. Он также разделяет точку зрения председателя [Берхтольда], что дипломатический успех никоим образом не может улучшить положения. *Если поэтому из-за международных соображений будет предпринято предварительное дипломатическое выступление, то это должно быть сделано с твердым намерением, что выступление должно окончиться только войной*»[2].

К мнению Штюргка присоединился и не менее воинственно настроенный Билинский, который заявил, что военная администрация Боснии и Герцеговины уже два года убеждена, что «нам нужно померяться силами (Kraftprobe) с Сербией, чтобы быть в состоянии сохранить Боснию и Герцеговину. Решительная борьба рано или поздно неизбежна. Он [Билинский] никогда не сомневался в том, что Германия в случае войны (Ernstfalle) встанет рядом с нами, и уже в ноябре 1912 г. он получил относительно этого от господина фон Чиршки самые определенные (bündigste) заверения. Недавние события в Боснии вызвали весьма опасные настроения у сербского населения, в особенности сербские погромы

[1] Курсив мой везде. — *Н. П.*
[2] OUAP, VII, № 10118.

в Сараево привели к тому, что все сербы весьма возбуждены и озлоблены, так что в результате этого более нельзя различить, кто из сербов является еще лойяльным подданным и кто сторонником Великой Сербии. В самой стране это положение никогда нельзя оздоровить. Единственным средством для этого явилось бы принятие окончательного решения относительно того, имеет ли будущее великосербская идея или нет... Если венгерский премьер-министр согласен удовлетвориться сейчас дипломатическим успехом, он [Билинский] не мог бы пойти на это с точки зрения боснийских интересов. Серб понимает только силу, дипломатический успех не произведет в Боснии почти никакого впечатления и был бы скорее вреден, чем полезен»[1].

После язвительной реплики Тиссы о «неописуемом состоянии» гражданской администрации в Боснии, т. е. администрации, подведомственной Билинскому, и в частности полиции, допустившей, чтобы 6 или 7 известных ей личностей расположились на пути следования эрцгерцога с револьверами и бомбами в руках, слово взял военный министр Кробатин, заявивший, что дипломатический успех не имеет цены.

«Подобный успех, — говорил Кробатин, — был бы истолкован как признак слабости. С военной точки зрения он [Кробатин] должен заявить, что было бы благоприятней начать войну немедленно, нежели позже, так как в будущем соотношение сил изменится к нашей невыгоде. Что касается способа начать войну, то он [Кробатин] должен напомнить, что две большие войны последних лет — русско-японская и балканская — были начаты без предварительного объявления войны. Он полагает, что сначала нужно провести только предусмотренную против Сербии мобилизацию и выждать со всеобщей мобилизацией, пока не выяснится, тронется ли Россия или нет. Мы уже пропустили два случая разрешить сербский вопрос, каждый раз откладывая решение. Если мы опять так поступим и не будем реагировать на новую провокацию, это будет истолковано во всех южнославянских провинциях как признак слабости, и мы вызовем только усиление направленной против нас пропаганды.

С военной точки зрения было бы желательно, чтобы мобилизация была проведена немедленно и возможно более тайно и чтобы вызов на суд был направлен Сербии лишь после окончания мобилизации. Это дало бы благоприятное соотношение с русскими силами, так как русские пограничные корпуса сейчас как раз не в полном составе из-за отпусков на жатву»[2].

Таким образом все участники этого заседания совета министров, не исключая даже и Тиссы, высказались за войну с Сербией. Разногласия между Тиссой и остальными министрами шли отнюдь не по принципиальным вопросам — быть или не быть сейчас войне с Сербией, так как Тисса также дал положитель-

---

[1] OUA^{D}, VII, № 10118.
[2] Ibid.

ный ответ, — а по вопросам тактического характера — о методах и сроках развязывания войны. Берхтольд, Кробатин, Билинский, Штюргк высказались за военный разгром и раздел Сербии, не прибегая даже к какой-либо дипломатической процедуре — посылке ультиматума, объявлению войны и т. д. Тисса же находил такой способ действий невыгодным: этот способ слишком очевидно ставил Австрию в положение нападающей стороны и срывал «мобилизацию сознания» широких масс, которых предстояло погнать на убой ради сохранения монархии Габсбургов.

Тисса считал более целесообразным начать войну с соблюдением всех дипломатических приличий, т. е. послать ультиматум, и только в случае отказа Сербии выполнить требования ультиматума, приступить к мобилизации и пр., т. е. он хотел переложить ответственность за войну с Австрии на Сербию; в случае же принятия Сербией австрийских требований он считал необходимым использовать унижение Сербии для восстановления великодержавного престижа, иначе говоря, для укрепления позиций австро-германского блока на Балканах согласно формулированной им в марте 1914 г. программе.

Позиция Тиссы объясняется тем, что ему приходилось считаться с классовыми интересами венгерского помещика, боявшегося, что включение в состав Австро-Венгрии Сербии, сельскохозяйственной страны, подорвет его положение как монопольного поставщика хлеба на внутренний рынок. Поэтому, как мы увидим ниже, Тиссе казалось особенно важным замаскировать эту часть программы нападения на Сербию.

Искусно оперируя тактическими соображениями, — говоря о необходимости заверить страны Антанты, в частности царскую Россию, в отсутствии аннексионистских планов по отношению к Сербии и тем подчеркнуть бескорыстие Австрии, — Тисса убеждал министров торжественно провозгласить в специальной декларации незаинтересованность австрийского империализма в территориальных захватах; он предлагал ограничиться более безобидными на вид формами империалистического грабежа, вроде «исправления» границ, «временной оккупации», которые в зависимости от обстоятельств можно было наполнить любым содержанием.

В последовавшей на совете дискуссии о целях войны получила общее признание точка зрения Тиссы о немыслимости «полного уничтожения» Сербии (чтобы не вызвать ожесточенного сопротивления царской России).

Штюргк предложил даже совсем «минимальную» программу: «Необходимо изгнать династию Карагеоргиевичей, предложить корону какому-либо европейскому принцу и установить известную зависимость уменьшенного королевства от монархии в военном отношении».

Ввиду обнаружившегося между Тиссой и Берхтольдом разногласия о методах и сроках навязывания войны Сербии совет министров в конце концов вынес следующую эластичную резолюцию:

«1. Все собравшиеся желают, чтобы конфликт с Сербией был

урегулирован возможно скорее, все равно в военном или мирном духе.

2. Совет министров готов присоединиться к точке зрения [Тиссы], что мобилизоваться нужно лишь после того, как Сербии будут предъявлены конкретные требования и отправлен ультиматум в случае их отклонения.

3. Все присутствовавшие, за исключением королевского венгерского премьер-министра, считают, что чисто дипломатический успех, даже если он закончится сокрушительным поражением Сербии, не имел бы никакой цены и что поэтому Сербии должны быть поставлены такие далеко идущие требования, которые позволяли бы предвидеть ее отказ, для того чтобы открылся путь для радикального разрешения вопроса при помощи военного вмешательства» [1].

Тисса в ответ заявил, что он «попытается пойти навстречу мнению участников совещания и согласен сделать уступку со своей стороны. Он согласен на то, чтобы требования, которые будут предъявлены Сербии, *были очень жесткими, но отнюдь не такого сорта, чтобы стало явным наше намерение выставить неприемлемые требования.* В противном случае мы имели бы шаткую правовую базу для объявления войны. Текст ноты должен быть тщательно изучен».

Намекая на проделку Берхтольда, отправившего меморандум о положении на Балканах со своим добавлением и письмо Франца-Иосифа Вильгельму без его, Тиссы, предварительного осведомления, Тисса добавил, что «он придает большую важность ознакомлению с нотой до ее отсылки», и закончил свою речь угрозой уйти в отставку, если с его точкой зрения не будут считаться.

«Уступка» Тиссы в сущности сводилась к тому, что он согласился с другими министрами на предъявление Сербии «жестких требований», но при условии, что они будут облечены в мягкую форму, чтобы намерение Австро-Венгрии предъявить неприемлемые требования не било в глаза. Такая «уступка» Тиссы свидетельствует лишь о его лицемерии и тонком мошенничестве как империалистического деятеля, более искушенного и ловкого в одурачивании масс, чем его твердолобые товарищи.

После этого заседание совета министров было прервано и возобновилось только вечером с участием Конрада фон Гетцендорфа и контрадмирала Кайлера. По просьбе Кробатина Гетцендорф изложил оперативно-стратегический план войны Австро-Венгрии. Тисса еще раз обратился с призывом к присутствовавшим хорошенько взвесить свое решение [2].

Таким образом, несмотря на все усилия, Берхтольду формально не удалось добиться единодушного решения правительства о необходимости навязать Сербии войну во что бы то ни стало. В докладе императору от 7 июля Берхтольд с горечью констатировал:

---

[1] OUAP, VIII, № 10118.
[2] Ibid.; ORB, 1919, I, № 8.

«На сегодняшнем объединенном заседании совета министров был детально обсужден вопрос о возможности военного выступления против Сербии. При этом было констатировано, что полного совпадения взглядов достичь не удалось. Граф Тисса защищал точку зрения, что военное выступление против Сербии могло бы иметь место только тогда, если до этого не удастся унизить Сербию дипломатическим путем. Граф Тисса указывал, что в случае войны мы будем принуждены иметь дело с друзьями и союзниками Сербии на Балканах, а Болгария сейчас еще слишком слаба, чтобы иметь возможность действенно поддержать нас. Мы оказались бы в гораздо лучшем положении, в случае если Болгария присоединилась бы к Тройственному союзу, на что сейчас дало согласие германское правительство.

Наоборот, все остальные участники совещания разделяли защищаемую мною точку зрения, что нынешний момент должен быть использован для военного выступления против Сербии, так как от дальнейшего выжидания наше положение может только ухудшиться, и что ориентация на Болгарию, которая еще только проектируется, даже в случае успеха не возместила бы, как можно ясно предвидеть, ухудшения наших отношений с Сербией и Румынией и обусловленного этими отношениями положения внутри страны»[1].

Тисса, боявшийся, что Берхтольд извратит его точку зрения во время аудиенции у императора, потребовал у Берхтольда отложить аудиенцию на один день, чтобы он мог приготовить специальный доклад Францу-Иосифу с изложением своей точки зрения.

«Весьма радостные сообщения из Берлина, — указывал в этом докладе Тисса, — вызвали у участников совета министров намерение провоцировать войну с Сербией, чтобы раз навсегда покончить с этим наследственным врагом монархии. Я не в состоянии дать свое согласие на этот план в его полном объеме. Как может предположить всякий, подобное нападение на Сербию вызовет вмешательство России и тем самым мировую войну, в каковом случае — вопреки оптимизму Берлина — я должен считать нейтралитет Румынии по меньшей мере весьма спорным... В такой наступательной войне следует считать русскую и румынскую армии в стане врагов, что делает весьма неблагоприятными для нас шансы войны»[2].

Поэтому Тисса предлагал Францу-Иосифу на выбор два пути:

1. Либо отсрочить расправу с Сербией на некоторое время и, использовав только-что полученное согласие Берлина на активизацию австро-германской политики на Балканах, привлечь Болгарию к австро-германскому союзу, сделать ее «архимедовой точкой, к которой только нужно приложить рычаг, чтобы выворотить с петель положение России» на Балканах. Через несколько лет это позволит создать такое положение, когда в случае войны «бу-

[1] OUAP, VIII, № 10116; ORB, 1919, I, № 9.
[2] OUAP, VIII, № 10146; ORB, 1919, I, № 12.

дет обеспечен благожелательный нейтралитет Греции. Румыния будет [находиться] под шахом вновь окрепшей Болгарии, и значительная часть сербской армии [будет] парализована болгарским выступлением в Македонии».

«Война, сейчас спровоцированная нами, — заявлял Тисса, — должна будет вестись в весьма неблагоприятных условиях, тогда как если мы отложим сведение счетов на более отдаленное время и хорошо используем это время для дипломатии, будет улучшена расстановка сил».

Указывая на плачевное состояние финансов и народного хозяйства, грозящее затруднить ведение войны и сделать связанные с войной жертвы и страдания почти невыносимыми для населения, т. е., иначе говоря, привести к революции, Тисса заявлял, что не может «взять на себя ответственность за предлагаемое [сейчас] военное нападение на Сербию».

Таков был один путь, на который указывал Тисса. Одновременно предлагался и второй.

2. Воевать сейчас, но более обдуманно. Тисса отнюдь не собирался давать Францу-Иосифу советы в том духе, что ввиду невыгодности шансов следует отказаться от использования сараевского убийства для разгрома Сербии. Наоборот, он считал разгром Сербии сейчас не только возможным, но и «повелительно необходимым», и лишь рекомендовал строгое соблюдение всей приличествующей случаю дипломатической процедуры, чтобы приобрести как можно больше сочувствия в Европе, взвалить ответственность за войну на Сербию и ее союзников и поднять на защиту якобы вынужденной обороняться монархии Габсбургов широкие массы.

«Я далек от мысли, — писал Тисса, — рекомендовать пассивную и бездеятельную политику в отношении Сербии. Мы не можем оставаться беспечными зрителями интриг против нас соседней страны, подстрекающей наших собственных подданных к измене и воспитывающей их для покушений... Я ни в коей степени не высказываюсь за то, чтобы молча терпеть эти провокации, и я готов принять на себя ответственность за все последствия войны, вызванной отказом в наших законных требованиях. Но, по моему мнению, Сербии нужно дать возможность избежать войны путем действительно тяжелого дипломатического поражения, и если дело все же придет к войне, для всех должно быть доказано, что мы находимся в положении необходимой обороны. Поэтому необходимо отправить Сербии ноту, составленную в умеренном, но отнюдь не угрожающем тоне, где должны быть перечислены наши конкретные обвинения с присоединенными к ним определенными требованиями. Если Сербия даст неудовлетворительный ответ или захочет оттянуть дело, тогда нужно ответить ультиматумом и по истечении последнего немедленно открыть военные действия. Но в этом случае мы имели бы, с одной стороны, навязанную нам войну, и всякая держава, желающая продолжать свое существование как государство, должна вести такую

войну до конца и без колебаний, — с другой стороны, мы бы переложили ответственность за войну на Сербию, которая своим отказом после ужасного преступления в Сараево честно выполнить обязательства приличного (anständige) соседа навлекла бы на себя войну»[1].

Этот доклад Тиссы целиком разрушает легенду, созданную буржуазными историками об его миролюбии. Тисса был таким же деятелем империализма, как и Берхтольд, но только гораздо более дальновидным, осторожным и ловким, чем последний; он выступал не против войны, а лишь против бесшабашного образа действий, который намеревались применить Берхтольд, Гетцендорф и др., и высказывался за войну только в том случае, если необходимых результатов нельзя будет достигнуть путем тяжелого дипломатического поражения Сербии, когда Сербия, оставленная без помощи, сдастся без боя. Поэтому сам Франц-Иосиф, получивший carte blanche от германской правящей клики и стоявший за войну, счел все-таки более выгодным усвоить тот метод развязывания войны, который Тисса советовал для 1914 г. в своем втором варианте.

Такой способ расправы с Сербией давал, по мнению Тиссы, следующие выгоды: возможность более энергичного воздействия Германии в Бухаресте, чтобы заставить Румынию выполнить обязательства союза, вероятное давление Англии на другие державы Антанты, в частности на царскую Россию, чтобы удержать их от участия в войне, наконец, возможность апеллировать к монархическим чувствам Николая II.

«И у царя, — заканчивал Тисса мотивировку своего метода развязывания войны, — может вызвать колебания мысль, что вряд ли в его задачу входит брать под свою защиту анархистские козни и антидинастические убийства. Для того чтобы избежать осложнений с Италией, обеспечить симпатию Англии и дать России возможность остаться только зрителем, нам следовало бы в соответствующее время и в соответствующей форме сделать заявление, что мы не хотим ни уничтожить, ни — еще менее — аннексировать Сербию»[2].

Это «бескорыстие» Тиссы, подчеркивавшего нежелательность изменения «баланса национальностей» внутри Австро-Венгрии в ущерб привилегированному мадьярскому помещику, сейчас же разъяснялось и уже в выражениях откровенно империалистических:

«После удачной войны, — писал Тисса, — по моему мнению, следовало бы уменьшить Сербию путем уступки завоеванных у нее областей Болгарии, Греции и Албании, но для нас потребовать самое большее некоторых стратегически важных исправлений границы. Конечно мы имели бы право на покрытие военных

---

[1] OUAP, VIII, № 10146; ORB, 1919, I, № 12.
[2] OUAP, VIII, № 10146; ORB, 1919, I, № 12.

издержек, что дало бы нам средство долгое время держать Сербию в ежовых рукавицах».

В результате такой политики австро-германский блок мог на долгое время, если не навсегда, закрепить за собой преобладающие позиции на Балканах. Это была та же политика дальнего прицела мартовского меморандума, которой сараевское покушение дало только новые точки опоры.

В заключение Тисса, энергично рекомендуя Францу-Иосифу «свою всеподданнейшую точку зрения», заявлял, что «вопреки моей привязанности к службе вашему величеству или скорее вследствие ее я не мог бы разделить ответственность за одно лишь агрессивное и военное разрешение конфликта» [1].

К докладу была приложена справка о соотношении сил на случай войны с царской Россией, Сербией и Румынией.

Как можно видеть, Берхтольду не удалось добиться единодушного согласия на немедленное военное выступление против Сербии. Получив доклад Тиссы, он перед отъездом в Ишль для личного доклада императору сделал еще одну попытку убедить Тиссу отказаться от предлагаемых последним способов использования сараевского убийства. В своем письме, отправленном Тиссе после получения его «особого мнения», Берхтольд писал:

«Только-что от меня ушел Чиршки; он сообщил мне, что получил телеграмму из Берлина, в которой его государь уполномочивает его со всей решительностью заявить здесь, что в Берлине ждут выступления монархии против Сербии и что в Германии не поняли бы, если бы мы упустили представившуюся нам возможность, не нанеся удара...

Из дальнейших высказываний посла я мог увидеть, что всякое попустительство с нашей стороны по отношению к Сербии будет истолковано в Германии как признак слабости, что не останется без влияния на наше положение в Тройственном союзе и на политику Германии в будущем. Изложенные выше заявления Чиршки мне кажутся имеющими такую важность, что они могут оказать влияние на твои выводы, и поэтому я хотел тотчас же осведомить тебя относительно их и просить тебя, если ты сочтешь это возможным, телеграфировать (шифром) в Бад-Ишль, где я буду завтра утром, и уполномочить меня изложить твою точку зрения перед его величеством» [2].

Хотя соответствующая телеграмма Чиршки в Берлин об этом разговоре с Берхтольдом не включена в «Deutsche Dokumente zum Kriegsausbruch», однако заявление Берхтольда, что германское правительство понукает Вену к выступлению против Сербии, целиком подтверждается другими документами. В VIII томе австрийских документов напечатана телеграмма Сегени из Вены, о существовании которой до сих пор имелись лишь смутные указания.

---

[1] OUAP, VIII, № 10146; ORB, 1919, I, № 12.
[2] OUAP, VIII, № 10145.

Телеграмма гласит:

«Строго доверительно. Статс-секретарь [Ягов] вернулся вчера из своего отпуска. До сих пор я не мог с ним поговорить, но вчера и сегодня имел возможность слышать защищаемое помощником статс-секретаря [Циммерманом] и влиятельными лицами министерства иностранных дел мнение, что здесь [в Берлине] с нетерпением ждут нашего решения, так как считают, что для энергичного выступления против Сербии сейчас удачный момент, который представится не так легко. В министерстве иностранных дел мне рассказали, что из одного отчета господина фон Чиршки выяснилось, что последний отнесся с известным «равнодушием» к вашему превосходительству. Ему отсюда за это сделан выговор (Verweis). Одновременно в министерстве иностранных дел мне выразили пожелание, чтобы Вена сейчас уже попыталась создать настроение против Сербии в иностранной, в частности английской прессе»[1].

Словом, германская правящая клика, как будет показано ниже, в главе о Германии, понукала австрийскую к немедленным энергичным действиям против Сербии.

Но Тисса, видимо, не пошел за Берхтольдом и не снял своих возражений. Об его телеграмме в Ишль, посылки которой просил Берхтольд, нет ни звука ни в одном из напечатанных до сих пор дипломатических документов или воспоминаниях австро-венгерских политических деятелей. Берхтольду пришлось изложить перед Францем-Иосифом две точки зрения. Как это он сделал и что именно сказал, ввиду отсутствия документальных данных сейчас судить трудно. Но еще до аудиенции у императора он, не считаясь с мнением Тиссы, решил форсировать события и вести дело к войне. В тот же день (8 июля) он уведомил Гетцендорфа, что Сербии будет послан ультиматум с коротким сроком для выполнения. Гетцендорф так записывает свой разговор с Берхтольдом о посылке ультиматума Сербии:

«*Берхтольд:* Что будет, если Сербия доведет дело до мобилизации, а затем уступит по всем пунктам?

Гетцендорф: Тогда мы вторгнемся в Сербию.

Берхтольд: Так, а если Сербия ничего не сделает?

Гетцендорф: Тогда мы останемся там, пока нам не уплатят все расходы [по мобилизации].

Берхтольд: Мы предъявим наш ультиматум только после уборки хлеба и окончания сараевского следствия.

Гетцендорф: Лучше сегодня, чем завтра, пока сохраняется нынешняя ситуация. Если наши противники пронюхают, они приготовятся.

Берхтольд: Будут приняты меры предосторожности, чтобы сохранить тайну.

Гетцендорф: Когда будет послан ультиматум?

---

[1] OUAP, VIII, № 10127. Отправлена из Берлина 8 июля в 2 час. 14 мин. пополудни, получена в Вене в 6 час. пополудни.

Берхтольд: Через 2 недели, 22 июля. *Было бы хорошо, если бы вы и военный министр ушли в отпуск, чтобы создать впечатление, что ничего не готовится»*[1].

Гетцендорф с радостью поддержал эту точку зрения Берхтольда и вместе с военным министром поспешно ушел в отпуск.

«Необходимо избегнуть всего, что может встревожить наших противников, — писал он 12 июля Берхтольду, — и заставить их принять контрмеры; наоборот, на все должен быть наброшен мирный покров»[2].

Этот разговор показывает, что уже 8 июля война была предрешена. Берхтольд надеялся — и не без оснований — уломать Тиссу, искусно оперируя понуканиями со стороны Германии и согласием Франца-Иосифа на военное выступление против Сербии. Он надеялся добиться согласия Франца-Иосифа.

Чиршки, сообщая в Берлин о разнобое влияний в австрийском правительстве и указывая, что Берхтольд считает Тиссу «тормозящим элементом», приводил заявление Берхтольда:

«Он [Берхтольд] посоветует императору, если последний усвоит точку зрения Тиссы, предъявить по крайней мере требования такого характера, чтобы возможность их принятия была исключена»[3].

Действительно, на аудиенции 9 июля Франц-Иосиф, получивший то, что он хотел, а именно уверение Берлина в безоговорочной поддержке, решительно высказался в пользу военного выступления против Сербии.

Как сообщает Гетцендорф, Берхтольд «нашел императора очень решительным и спокойным. Его величество высказался за выступление против Сербии, опасаясь лишь возможности беспорядков[4] в Венгрии»[5].

Сообщая в Берлин об этой аудиенции, Чиршки указывал, что Берхтольд не заметил у императора никаких колебаний относительно необходимости и важности «принять какое-либо решение, чтобы положить конец нестерпимому положению с Сербией». По словам Чиршки, Берхтольд доложил императору «о двух методах намечаемого в ближайшем будущем выступления против Сербии. Его величество полагает, что противоречие может быть сглажено. В общем, его величество скорее склоняется к точке зрения, что Сербии должны быть предъявлены конкретные требования»[6].

Таким образом, высказавшись в общем за «сглаживание противоречий» посредством войны и разгрома Сербии, Франц-Иосиф усвоил, как предполагал Берхтольд, точку зрения Тиссы о необходимости создания веской юридической базы, которая оправдала бы перед всем миром нападение на Сербию.

---

[1] *Conrad*, IV, S. 61—62 (курсив мой. — *Н. П.*)
[2] ORB, 1919, I, № 14; OUAP, VIII, № 10226; *Conrad*, IV, S. 78.
[3] DD, № 19.
[4] Со стороны немадьярских национальных меньшинств.
[5] *Conrad*, IV, S. 70.
[6] DD, № 29.

Старый император был куда более опытным и умным дипломатом, чем его министр. Он понимал важность всего торжественного дипломатического ритуала в отношении Сербии. Впрочем, как сообщал Чиршки, и сам Берхтольд «не мог отрицать преимуществ подобной процедуры».

«Одиум неожиданного нападения на Сербию, — доносил Чиршки, — который в противном случае падет на монархию, будет таким образом избегнут, и Сербия поставлена в положение виноватой. Эта процедура по меньшей мере существенно облегчит позицию нейтралитета и для Румынии и для Англии. В настоящее время главной заботой здесь [в Вене] является формулировка надлежащих требований, и граф Берхтольд сказал, что он очень бы хотел знать, что думают об этом в Берлине. Он полагает, что в числе прочего можно потребовать создания в Белграде агентства австро-венгерского правительства, чтобы вести там наблюдение за великосербскими махинациями, быть может, настаивать также на роспуске [националистических] организаций и отставке нескольких скомпрометированных офицеров. Срок для ответа будет предоставлен возможно более краткий — например 48 часов. Правда, даже столь краткий срок будет достаточен, чтобы Белград мог получить инструкции из Петербурга. *Если сербы примут все предъявленные им требования, это будет ему* [*Берхтольду*] *весьма неприятно, и он* [*Берхтольд*] *все думает о том, какие требования можно было бы предъявить, чтобы сербы совершенно не могли их принять*»[1].

Циничная откровенность Чиршки относительно забот Берхтольда — предъявить Сербии заведомо неприемлемый и провокационный ультиматум — показывает, что венский кабинет своеобразно усвоил смысл одобренных Францем-Иосифом требований Тиссы о необходимости «юридической базы» для нападения на Сербию: он форсировал войну во что бы то ни стало, не останавливаясь ради этого ни перед чем.

Подготовляя юридическую базу для оправдания войны в глазах широких масс, Берхтольд 11 июля послал Тиссе приглашение прибыть к 14 июля в Вену на совещание относительно окончательной редакции ноты. Отправить без ведома Тиссы ноту Сербии с заведомо неприемлемыми требованиями Берхтольд повидимому не рисковал. Он сообщил об этом вызове Тиссы в Вену и явившемуся к нему в тот же день (11 июля) Чиршки. Последний пришел, «чтобы еще раз выразительно разъяснить, что желательны быстрые действия»[2]. Берхтольд сообщил Чиршки также и главные требования, которые собирались предъявить Сербии.

По мнению Берхтольда, было необходимо, чтобы, во-первых, «король официально и публично в торжественной декларации и в приказе по армии объявил, что Сербия отказывается от антиавстрийской политики; во-вторых, будет потребовано создание

---

[1] DD, № 29 (курсив мой. — *Н. П.*)
[2] DD, № 34а.

органа австро-венгерского правительства, который должен будет следить за строгим выполнением этого заверения. Срок для ответа на эту ноту будет ограничен как только возможно, быть может, 48 часами. Если же ответ будет сочтен неудовлетворительным, немедленно последует мобилизация»[1].

На совещании 14 июля Берхтольду удалось окончательно убедить Тиссу в необходимости форсировать войну во что бы то ни стало. В своем докладе императору от того же числа Берхтольд сообщал:

«На сегодняшнем совещании, в котором приняли участие оба премьер-министра и королевский венгерский министр двора, было достигнуто полное соглашение относительно условий, которые следует предъявить Сербии»[2].

«Полное согласие и решимость господствуют сейчас среди руководящих лиц, — доносил в Берлин об этом совещании Чиршки. — К величайшему его [Берхтольда] удовольствию достигнуто общее соглашение относительно характера (Tenor) ноты, которая должна быть отправлена Сербии. Граф Тисса весьма мало разошелся с его [Берхтольда] точкой зрения и даже обострил [ноту] в некоторых пунктах»[3].

Согласие Тиссы форсировать войну во что бы то ни стало даже в 1914 г. и его усердие были куплены Берхтольдом за недорогую цену — взамен уступки тактического, а не принципиального характера.

«Граф Тисса, — сообщал Берхтольд императору, — выразительно подчеркнул, что он может дать свое согласие на проектируемое выступление только при условии, что еще до предъявления ультиматума на объединенном заседании совета министров будет вынесено решение, что монархия в результате войны с Сербией не претендует ни на какой захват территории, кроме мелких исправлений границы»[4].

И на первом совещании министров 7 июля и в своем докладе Францу-Иосифу Тисса настаивал на такой декларации, считая ее исключительно выгодным в смысле демонстрации австро-венгерского «бескорыстия» — как дома, так и за границей — жестом, который ничуть не обязывал к такому бескорыстию австро-венгерских империалистов, стремившихся, как мы указывали, и невинность соблюсти и капитал приобрести. Поэтому Берхтольд охотно дал просимое обещание, которое, как показывают протокол объединенного заседания совета министров от 19 июля[5] и мемуары Конрада фон Гетцендорфа[6], ни он, ни правительство не собирались выполнять.

Одной из причин, побудивших графа Тиссу отказаться от своей

---

[1] DD, № 34a.
[2] OUAP, VIII, № 10272; ORB, 1919, I, № 19.
[3] DD, № 49—50.
[4] OUAP, VIII, № 10272.
[5] OUAP, VIII, № 10393,
[6] *Conrad*, IV, S. 92.

первоначальной точки зрения и согласиться с мнением Берхтольда о необходимости немедленно навязать войну Сербии, несомненно, следует считать согласие германской правящей верхушки безоговорочно поддержать Австрию. Читая депеши из Берлина, присылавшиеся ему Берхтольдом, Тисса мог видеть, что германская правящая клика энергично понукает Австрию к выступлению против Сербии. Вот почему, полагая, что Берлин считает его, Тиссу, «элементом мира», тормозящим планы Берхтольда, Тисса 14 июля, тотчас же после окончания совещания, счел необходимым явиться к Чиршки, чтобы заверить его в своем согласии на проектируемую войну с Сербией.

Как сообщает Чиршки, при этом «граф Тисса добавил, что безусловное занятие Германией позиции на стороне монархии оказало большое влияние на твердую позицию императора [Франца-Иосифа]» [1].

Эта же причина, мы можем добавить, оказала не меньшее влияние и на согласие самого Тиссы на немедленную войну. При этом Тисса выдвинул для объяснения своей новой позиции такой мотив, как «нераскаянность» Сербии.

Как указывалось выше, Тисса в своем докладе Францу-Иосифу 1 июля считал планы Берхтольда «роковой ошибкой»; одной из его мотивировок было то, что «у нас нет до сих пор достаточных доказательств, для того чтобы сделать Сербию ответственной [за убийство] и провоцировать войну с этим государством вопреки действительно удовлетворительным заявлениям сербского правительства» [2].

На заседании совета министров 7 июля Тисса однако заявил, что в «последние дни, в результате установленных судебным следствием фактов и поведения сербской прессы, положение изменилось, в силу чего и он считает возможность военного выступления против Сербии более близкой, чем он думал непосредственно после покушения» [3].

Во втором докладе императору от 8 июля Тисса также ссылался на «поведение сербов», чтобы мотивировать изменение своего первоначального мнения:

«Я далек от мысли попытаться советовать пассивную и бездеятельную политику по отношению к Сербии. Мы не можем остаться беспечными зрителями того, как в соседней стране строят против нас козни, как возбуждают собственных наших подданных к государственной измене и подготовляют убийства. Не только заявления сербской (в том числе и официозной) прессы, но и представителей государства [сербского], аккредитованных за границей, обнаруживают такую ненависть и такое отсутствие международного такта, и влияние всех этих явлений внутри страны и за границей имеет такой эффект для оценки могущества и силы

[1] DD, № 49.
[2] OUAP, VIII, № 9978.
[3] OUAP, VIII, № 10118.

монархии, что его отражение властно повелевает — и ради нашего престижа и ради нашей безопасности — серьезно и энергично выступить в Белграде»[1].

14 июля после совещания с Берхтольдом, Штюргком и др., объясняя Чиршки свое согласие немедленно навязать Сербии войну, Тисса снова сослался и перед Чиршки на «сербскую нераскаянность».

«Граф Тисса сказал, — доносил об этом разговоре с Тиссой Чиршки, — что он до сих пор считался тем лицом, которое настаивает на осторожности, но каждый день все более и более укреплял его в том мнении, что монархия должна притти к энергичному решению, чтобы доказать свою жизнеспособность и положить конец недопустимому положению на юго-востоке. Язык сербской печати и сербских дипломатов в смысле дерзости попросту непереносим[2]. Мне трудно было решиться, — передает дальше Чиршки заявление самого Тиссы, — на войну, но теперь я твердо убежден в ее необходимости»[3].

Согласившись с точкой зрения Берхтольда о необходимости во что бы то ни стало сейчас навязать войну Сербии, Тисса поспешил одобрить и самую дипломатическую процедуру навязывания войны, предложенную австрийским генеральным штабом и сводившуюся к «быстроте действий».

12 июля перед отъездом в отпуск, вызванный, как мы знаем, желанием замаскировать подготовляемое военное выступление, Гетцендорф в письме к Берхтольду «еще раз подчеркнул, что в дипломатических переговорах следует тщательно избегать всякой медлительности во всех дипломатических выступлениях с последовательными этапами, что могло бы дать нашим противникам время принять военные меры... Если выступление будет решено, то оно по военным соображениям должно вылиться в один акт с краткосрочным ультиматумом, и если этот ультиматум будет отвергнут, то приказ о мобилизации должен последовать немедленно»[4].

На совещании 14 июля Берхтольд использовал в полной мере этот аргумент Гетцендорфа, о чем свидетельствует его доклад Францу-Иосифу:

«Граф Тисса, — указывал в докладе Берхтольд, излагая новую позицию Тиссы, — отказался от возражений, которые он выдвинул против ультиматума с коротким сроком, ибо я указал ему на военные затруднения, которые могут возникнуть из промедления. Я указал также, что если Сербия своевременно уступит, то мирный исход возможен даже после мобилизации»[5].

Теперь, когда «принципиальная» сторона дела была улажена, Берхтольд мог вполне свободно приступить к выполнению такой

---

[1] OUAP, VIII, № 10146.

[2] Для австро-венгерских империалистов конечно. Но и на самом деле сербская печать действительно не скрывала своих чувств — см. донесение де Бунзена из Вены — BD, XI, № 29.

[3] DD, № 49.

[4] OUAP, VIII, № 10226.

[5] OUAP, VIII, № 10272.

важной задачи, как подготовка достаточно веской юридической базы, которая могла бы оправдать в глазах общественного мнения внутри страны и за границей нападение на Сербию. Подходящий для этой цели материал имелся у него более чем в достаточном количестве. Донесения военного губернатора Боснии Потиорека о признаниях, сделанных Принципом и его товарищами сараевской следственной комиссии, комментарии сербских газет и донесения австрийских дипломатических агентов как из различных городов Сербии [1], так и из Софии [2], Константинополя [3], Милана [4], Рима [5], Парижа [6], Лондона [7] не только сообщали, что сербские правящие круги и сам Пашич знали о подготовке покушения, но называли даже в числе осведомленных об его подготовке имена сербского короля Петра и престолонаследника Александра, об аудиенции у которого признался и Габринович. Все это давало весьма благоприятную канву, на которой Берхтольд, стремившийся навязать войну Сербии, мог вышить какие угодно дипломатические узоры.

Учитывая опыт Аграмского процесса и процесса Фридъюнга (см. примечание 1 на стр. 276) и боясь, что пресса Антанты использует малейший промах австрийского правительства для дискредитации его обвинений против Сербии, австрийское министерство иностранных дел решило выбрать для обоснования требований ультиматума из всего имевшегося материала немногие факты, абсолютно не внушавшие сомнений в своей достоверности. На основании их и было решено предъявить Сербии самые провокационные требования.

8 июля вопрос об этих требованиях обсуждался среди юристов-референтов правового отдела министерства иностранных дел, а 9 июля после доклада Берхтольду о собранном материале советник правового отдела фон Визнер получил поручение подготовить меморандум об югославском движении и его зависимости от Белграда. Визнер, неофициально занимавшийся этой подготовкой еще с 4 июля, извлек из архивов министерства иностранных дел и боснийского бюро министерства финансов ряд документов о великосербском движении. Так как в отчетах сараевской комиссии было много пропусков и неясных мест, то Берхтольд командировал Визнера в Сараево, чтобы ознакомиться на месте с подлинными протоколами сараевской следственной комиссии, а также собрать на месте информацию о великосербском движении.

По докладу Визнера было решено затребовать подобную же информацию о великосербской пропаганде из канцелярий австрийского и венгерского премьер-министров, австрийского и венгер-

---

[1] OUAP, VIII, № 9941, 9943, 9972, 9973 и др.
[2] OUAP, VIII, № 10019, 10134.
[3] OUAP, VIII, № 1080, 10282.
[4] OUAP, VIII, № 10103.
[5] OUAP, VIII, № 9988.
[6] OUAP, VIII, № 10360, 10824.
[7] OUAP, VIII, № 10132.

ского министерств внутренних дел, наместников Зары (Далмация) и Триеста (Карниолы), хорватско-славонского управления края в Аграме (Хорватия)[1], контрразведывательного отделения генерального штаба и правительственных учреждений Боснии и Герцеговины[2]. Берхтольд также предписал австрийскому посольству в Белграде представить сведения об антиавстрийской пропаганде в сербской школе, законах о хранении оружия, а также проверить некоторые данные, сообщенные участниками сараевского покушения на допросе[3].

Одновременно Берхтольд приступил к формулировке требований ультиматума. Эта работа началась после получения официального согласия правящих кругов Германии поддержать австрийское выступление и заседания совета министров 7 июля. Ее выполнение осложнялось требованием Тиссы — не предъявлять неприемлемых требований. Надеясь все же уломать Тиссу, Берхтольд не слишком считался с его пожеланиями. Зная политику Берхтольда, мы можем поверить отчету Чиршки от 10 июля, в котором последний сообщал, что Берхтольд «все думает о том, какие требования можно было бы предъявить, чтобы сербы совершенно не могли их принять».

Как мы уже знаем, одним из этих требований Берхтольда было создание в Белграде агентства австро-венгерского правительства для наблюдения за великосербским движением. Кроме того Берхтольд предполагал настаивать на роспуске великосербских организаций и отставке некоторых скомпрометированных офицеров.

13 июля был получен из Сараево отчет Визнера[4]. Визнер писал, что материал, собранный о периоде, предшествовавшем покушению, не позволяет установить, что сербское правительство одобряло и поддерживало великосербскую пропаганду, хотя некоторые документы позволяют думать, что великосербское движение руководится из Сербии и организовано обществами и союзами при терпимости сербского правительства.

Что касается материала, собранного следствием и относящегося непосредственно к покушению, то, по мнению Визнера, этот материал говорил, что соучастие сербского правительства в организации покушения или его подготовке и снабжении оружием ничем не доказано и что этого даже нельзя подозревать. Наоборот, скорее имелись данные, которые позволяют считать это исключенным. С другой стороны, едва ли опровержимо, что преступление было решено в Белграде, что сербские офицеры и чиновники содействовали его подготовке, что бомбы заговорщиков были

---

[1] OUAP, VIII, № 10163, 10227.
[2] OUAP, VIII, № 10112.
[3] OUAP, VIII, № 10039, 10040, 10071, 10075, 10092, 10093, 10094, 10096, 10117, 10120, 10121, 10123, 10124, 10125, 10138, 10140, 10149, 10169, 10194, 10321, 10371, 10376, 10394, 10425, 10433, 10467, 10505—6 и т. д.
[4] OUAP, VIII, № 10252, 10253; ORB, 1919, I, № 97.

получены из сербского государственного арсенала в Крагуеваце, что заговорщики были переправлены через границу при помощи сербской пограничной и таможенной стражи. Поэтому Визнер предлагал расширить ультиматум следующими пунктами:

1. Запрещение сербским правительством сербским государственным органам содействовать контрабандной переправе лиц и грузов через границу.

2. Увольнение начальников сербских пограничных постов у Шабаца и Лозницы, а равно и замешанных органов таможенной стражи.

3. Судебное преследование Танкосича и Цигановича.

Чем объяснить столь скромный характер требований Визнера? Действительно ли следствие по сараевскому убийству дало столь незначительные данные? Что, наконец, знало австрийское правительство о великосербской пропаганде и деятельности тайных сербских обществ? На все эти вопросы необходимо ответить.

Хотя сараевское следствие и дало кое-какие косвенные улики, доказывающие по меньшей мере терпимость сербского правительства по отношению к организации сараевского покушения, тем не менее прямых улик против сербского правительства материалы сараевского следствия не давали. Поэтому, несмотря на ряд очень ценных показаний, содержавшихся в протоколах сараевского следствия, австрийская правящая клика, зная внутриполитическую расстановку сил в Сербии, не решилась ими воспользоваться при составлении ультиматума. Почему однако составители ультиматума совершенно не использовали тех данных сараевского следствия, которые указывали, что организация сараевского покушения велась «Черной рукой»?

Визнер, ездивший за материалами следствия в Сараево, опубликовал в 1927 г. статью[1], в которой он разъяснял, почему этого рода материалы (об организации покушения «Черной рукой»), а также косвенные данные о возможном соучастии отдельных членов сербского правительства не были использованы при составлении ультиматума. Он указывает, что этим материалом пренебрегли, так как в правящих кругах Австро-Венгрии вызвала смущение происходившая как раз в это время борьба «Черной руки» с сербским правительством за «приоритет». Хотя по данным следствия и можно было видеть, что «Черная рука» организовала покушение, вела его подготовку, снабдила его участников оружием, но в то же время ее борьба с официальным сербским правительством, по мнению Визнера, не позволяла обвинить сербское правительство в целом в соучастии с Танкосичем и его учениками — Габриновичем, Принципом и др. Сербское правительство могло бы сослаться на эту борьбу и тем скомпрометировать вескость и всех других улик, данных результатами сараевского следствия.

Но что же знали австрийские организаторы войны о деятель-

[1] KF, 1927, Juni.

ности «Черной руки» и знали ли они вообще о ее существовании? После опубликования восьмитомной сводки австрийских документов в 1930 г. совершенно очевидно, что Берхтольд и его помощники прекрасно знали о существовании «Черной руки» и об ее роли в политической жизни Сербии.

Указанная выше статья Визнера объясняет и допущенную мной ошибку в книге «Сараевское убийство», в которой я высказал мнение, что австрийское правительство до войны, и в частности в период составления ультиматума, не знало о существовании «Черной руки».

Подготовляя к печати свою работу «Сараевское убийство», законченную в апреле 1929 г., я не нашел в опубликованных к тому времени австрийских документах и мемуарах австрийских политических деятелей никаких указаний на то, что им был известен факт существования «Черной руки» как организации, руководившей великосербским движением. Поэтому я сделал вывод, что в Вене либо не знали о существовании последней, либо слышали о ней только как об организации заговорщиков, совершивших дворцовый переворот 29 мая 1903 г. [1].

Опубликование австрийских документов после выхода в свет моей работы доказало ошибочность этого моего утверждения, вызванного отсутствием соответствующих указаний в историческом материале по этому вопросу.

Данные о деятельности общества «Черной руки» как в период, предшествовавший сараевскому покушению, так и после его совершения, содержащиеся в опубликованных в 1930 г. австрийских документах, предоставляли австрийскому правительству возможность потребовать от сербского правительства преследования «Черной руки» наравне с «Народной одбраной».

И тем не менее в тексте ультиматума нет никакого определенного указания на «Черную руку», хотя обвинения, которые можно было бы предъявить этому обществу, прозвучали бы гораздо более «сенсационно», чем те, которые фактически предъявлялись «Народной одбране».

Как выясняется сейчас из признаний Берхтольда и Музулина [2], а также австрийских историков, редакторов восьмитомного собрания австрийских документов, Юберсбергера [3], Л. Биттнера [4] и сотрудников австрийского министерства иностранных дел, авторы ультиматума сознательно не использовали при его составлении документов о деятельности «Черной руки» по указанным Визнером причинам. Уже одно это обстоятельство показывает, что австрийская дипломатия прекрасно понимала, насколько шаткой являлась «юридическая база» ультиматума, предъявленного Сербии.

---

[1] *Н. Полетика*, цит. соч., стр. 144.
[2] KF, 1934, Januar, S. 36—37.
[3] „Der Weg zur Freiheit", 1929, 15 Januar, S .408.
[4] „Historische Zeitschrift", B. 144, H. 1.

Так шла подготовка материала для ультиматума. После того как 14 июля удалось достигнуть соглашения с Тиссой, Берхтольд действовал решительно и без колебаний [1].

В своем докладе императору от того же 14 июля Берхтольд писал:

«Выработанное сегодня содержание ноты, отправляемой в Белград, таково, что следует рассчитывать на вероятный вооруженный конфликт. Но если Сербия уступит и примет наши условия, то это явится *не только глубоким унижением для королевства и одновременно падением русского престижа на Балканах,* но даст еще нам и известные гарантии, чтобы задушить великосербские козни на нашей территории» [2].

«Нота составлена так, — заявил в тот же день Тисса фон Чиршки, — что возможность ее принятия фактически исключена. Особое значение придается тому, чтобы требовать не уверений и обещаний, а дела» [3].

Тисса обращал также особое внимание и на редакцию подготовляемой ноты. Он настаивал, чтобы нота была понятна для широкой публики, особенно в Англии, и ясно и просто излагала вину Сербии. Отчасти и этим стремлением к «простоте» и «ясности» ноты следует объяснить тот отбор фактов, иллюстрирующих великосербскую пропаганду, который был произведен составителями ноты.

Окончательный текст ультиматума был утвержден на заседании совета министров 19 июля. Но, рассчитывая на то, что ему удастся вызвать войну, и стремясь к ней, Берхтольд начал вести подготовку к войне гораздо раньше. Получив 9 июля сообщение от австрийского консула в Ускюбе о перевозках воинских частей с юга Сербии на север [4], он по просьбе Гетцендорфа [5] отправил австрийскому посланнику в Белграде Гизлю инструкцию, в которой предлагал австрийским дипломатическим агентам в Сербии сообщать о всех передвижениях войск [6].

10 июля было послано распоряжение австрийскому посланнику в Афинах оставаться на своем посту [7], австрийскому посланнику в Бухаресте Оттокару Чернину, просившему об отпуске, было сообщено о крайней желательности его пребывания на посту ввиду того, что предполагаемое дипломатическое выступление «может принять серьезный оборот» [8].

---

[1] По поводу формулировки австрийских требований Германия заявила, что это—дело Австрии, и ограничилась общей директивой собрать достаточный материал, доказывающий, что в Сербии существует великосербская агитация, угрожающая монархии, и опубликовать его как целое к моменту предъявления ультиматума — см. DD, № 29, 31.

[2] OUAP, VIII, № 10272; ORB, 1919, I, № 19 (курсив мой. — *Н. П.*)

[3] DD, № 49.

[4] OUAP, VIII, № 10136.

[5] OUAP, VIII, № 10142.

[6] OUAP, VIII, 10167.

[7] OUAP, VIII, № 10165.

[8] OUAP, VIII, № 10199.

Того же 10 июля Берхтольд послал приказ Сечену в Париж сообщить точные сведения о поездке Пуанкаре в Петербург, о сроках его пребывания там и обратном маршруте[1].

14 июля это приказание было повторено в Петербург[2].

«Слежка» австрийской правящей клики за поездкой Пуанкаре была вызвана желанием послать ультиматум Сербии только после отъезда Пуанкаре из Петербурга, ибо, как заявил Берхтольд Тиссе и Штюргку на совещании 14 июля, «предъявление ультиматума во время пребывания Пуанкаре в Петербурге будет рассматриваться как вызов, и личный разговор честолюбивого президента республики с его величеством русским императором о созданном посылкой ультиматума международном положении повысит вероятность военного вмешательства России и Франции»[3].

В Берлине по достоинству оценили это предусмотрительное решение не посылать ультиматума, когда «царь Николай и всегда подозрительный г. Сазонов будут подвержены личному влиянию двух агитаторов — Извольского и Пуанкаре»[4]. Стремясь затруднить сговор союзников и их военные приготовления, германские империалисты приказали своим представителям в Петербурге присылать также сообщения, касающиеся пребывания Пуанкаре в Петербурге, которые затем были переданы в Вену[5].

Были приняты и другие меры.

10 июля австрийским дипломатическим представителям в Париже и Константинополе было официально сообщено о предполагаемом выступлении и поддержке, обещанной Германией.

12 июля о том же было извещено и посольство в Риме. Сообщение о том же было сделано графом Форгач в частном письме еще 8 июля[6].

12 июля австрийским представителям в Белграде, Цетинье и Петербурге было предложено ознакомиться с инструкцией от 28 ноября 1912 г.[7] о свертывании работы дипломатических органов в период напряженных отношений, предшествующий объявлению войны[8].

13 июля в Берлин была послана просьба, чтобы германские дипломатические представители взяли на себя охрану австро-венгерских подданных и защиту австро-венгерских интересов в Сербии и Черногории[9]. Королю Фердинанду болгарскому по-

---

[1] OUAP, VIII, № 10133, 10204, 10219, 10244, 10305, 10492.
[2] OUAP, № 10267, 10291, 10309.
[3] OUAP, VIII, № 10272; ORB, 1919, I, № 21; OUAP, VIII, № 10296, I, № 23; DD, № 49, 50, 65.
[4] OUAP, VIII, № 10276; ORB, 1919, I, № 23; DD, № 49, 50, 65.
[5] DD, № 93, 96, 108, 112, 127; OUAP, VIII, № 10298, 10517, 10518, 10522, 10523, 10529; ORB, 1919, I, № 62, 64, 71, 72.
[6] OUAP, VIII, № 10179, 10182, 10221, 10264.
[7] OUAP, IV, № 4710.
[8] OUAP, VIII, № 10229, 10350.
[9] OUAP, VIII, № 10236, 10259, 10295, 10397, 10436, 10442; DD № 114.

советовали, вернее, попросту предписали, не выезжать в задуманную последним заграничную поездку, а оставаться дома, в Софии, ибо «отсутствие короля Фердинанда в настоящий момент будет считаться неумным и непонятным для друзей Болгарии»[1].

С целью обработки общественного мнения Европы в пользу Австрии австрийским дипломатическим представителям было поручено воздействовать на местную прессу, а где потребуется, то и подкупить ее, не стесняясь в суммах[2].

Специально агитировали короля Николая черногорского, пытаясь переманить его на сторону Австрии или по меньшей мере добиться нейтралитета Черногории в предполагавшемся конфликте, предлагая ей заем[3].

Само собой разумеется, что подготовка к выступлению хранилась в строжайшей тайне, хотя время от времени сведения о данных, добытых результатами сараевского следствия, равно как и о принятых важных решениях, проскальзывали в печать, вызывая взаимную раздраженную перепалку высших австрийских сановников, обвинявших друг друга в недержании речи[4]. Впрочем, несмотря на все старания скрыть тайну, о чем умолял по соображениям военного порядка фон Гетцендорф[5], в Париже, Лондоне, Петербурге и Белграде успели, как показано в последующих главах, пронюхать намерения австрийцев. Достаточно хорошо были осведомлены о планах Берхтольда и в Риме, хотя Берхтольд всячески старался оставить «товарища по союзу» в неведении, справедливо полагая, что итальянцы «предадут» Австрию и Германию Антанте. Он не считался в этом отношении с желанием германской правящей клики, хотя последняя настаивала не только на необходимости предварительного осведомления Италии о предполагаемом демарше, но и на предоставлении итальянцам компенсации за расширение сферы влияния Австрии и даже возможные приобретения последней на Балканах[6].

В самом деле, итальянское правительство получило даже не текст ультиматума, а только официальное сообщение об его отправке и краткое его содержание только 23 июля в 4 ч. 46 м. пополудни, т. е. за 1 ч. 15 м. до вручения в Белграде[7]. Это было сделано потому, что Берхтольд, боясь «предательства» итальянцев, не хотел, чтобы известие в тот же день попало из

---

[1] OUAP, VIII, № 10311, 10341, 10366, 10367, 10368, 10387, 10389, 10421, 10423.

[2] OUAP, VIII, № 10158, 10180, 10200, 10203, 10220, 10222, 10245, 10299, 10304, 10306, 10335, 10336, 10456 и др.

[3] OUAP, VIII, № 10062, 10130, 10300, 10352, 10403, 10485, 10486.

[4] OUAP, VIII, № 9998, 10026, 10209, 10211, 10226, 10251, 10348.

[5] OUAP, VIII, № 10226.

[6] DD, № 42, 46, 51, 54, 59, 60, 64, 73, 75, 78, 87, 94, 136, примеч. 2, 187 и др; OUAP, VIII, № 9988, 10203, 10221, 10222, 10245, 10264, 10289, 10290, 10306, 10308, 10362, 10363, 10364, 10392, 10398, 10418, 10419, 10420, 10439, 10442, 10447, 10448, 10458, 10460, 10494, 10496, 10542, 10544; ORB, 1919, I, № 11, 16, 20, 22, 24, 32, 33, 35, 40, 42, 43, 44, 49, 50, 56 и др.

[7] OUAP, VIII, № 10544.

Рима в Петербург[1]. Однако предосторожности Берхтольда не помогли, так как сами германские организаторы войны выдали планы Берхтольда итальянцам, о чем свидетельствует сводка австрийского министерства иностранных дел от 11 февраля 1915 г. за № 966, составленная в тот период, когда в полной мере дали себя знать австрийские военные неудачи и их хотели как-то «объяснить» потомству и притом хоть немного переложить вину за неудачи на «коварного союзника».

В сводке № 966 говорится:

«Строго секретно. Известия, недавно полученные нами из лучшего источника, с несомненностью устанавливают, что итальянское правительство в середине июля 1914 г. узнало о предполагаемом энергичном шаге в Белграде, к которому монархия была вынуждена после сараевской катастрофы. Повидимому германский посол при итальянском дворе во время своего пребывания на курорте Фиуджи сообщил, очевидно по поручению Вильгельмштрассе, строго доверительным образом находившемуся там в то время маркизу ди Сан-Джулиано[2] о планах австрийского правительства и о решимости берлинского кабинета, верного союзу, вмешаться при всех возможных в дальнейшем последствиях. Факт тот, что маркиз ди Сан-Джулиано тотчас же сделал попытку угрозой соответствующих представлений побудить русское и румынское правительства отговорить императорское и королевское [австрийское] правительство от выполнения его планов. Так как итальянские представители в Петербурге и Бухаресте получили поручение действовать крайне осторожно, не ссылаясь при своих разоблачениях на какое-либо [официальное] поручение, и довести последнее возможно более косвенным путем до сведения господина Сазонова и господина Братиану, то выполнение указаний было крайне затруднено и не дало никакого непосредственного результата. Все же можно полагать, что после вручения ультиматума в Белграде итальянский посол мог авторитетно осведомить петербургский кабинет о непоколебимой объединенной решимости германского и австро-венгерского правительств и этим мог способствовать тому, что в России тотчас же без промедлений была объявлена (angeordnet) всеобщая мобилизация.

Нам известно теперь из повидимому весьма заслуживающего внимания и вполне заслуживающего доверия источника, что сэр Эдуард Грей высказался одному своему политическому другу в том смысле, что наше выступление против Сербии никоим образом не застало его врасплох, так как итальянский посол обратил его внимание на предполагаемое нами выступление. Чтобы побудить английское правительство к более чем энергичным протестам в Берлине и в Вене, маркиз Империали[3] указал тогда на

---

[1] OUAP, VIII, № 10494; ORB, 1919, I, № 49.
[2] В то время итальянский министр иностранных дел.
[3] Тогдашний итальянский посол в Лондоне.

возможность внезапного нападения германского флота. Согласно собственному заявлению английского статс-секретаря [Грея] этим объясняется, почему английский флот, сконцентрированный в середине июля в Спитхеде, был оставлен в том же положении после первоначально намеченного срока. В результате сообщения итальянского посла сэр Эдуард Грей увидел себя вынужденным потребовать на заседании кабинета проведения указанной меры, несмотря на недоумение своих коллег, от которых он сохранил в тайне согласно своему обещанию строго доверительную информацию посла. Об аналогичном сообщении Италии Франции нам ничего не известно. Однако нетрудно догадаться, что Италия предала своих двух союзников «для... отвращения от Италии нежелательной военной опасности», и это дало возможность также и французскому правительству принять срочные военные меры.

Обрисованное выше поведение Италии несомненно бросает яркий свет на то, как понимает ее правительство свои обязанности союзника, но не является для нас какой бы то ни было неожиданностью, так как мы никогда не строили себе иллюзий в отношении итальянской политики или итальянского военного сотрудничества, особенно когда противником будет Великобритания. Последние однако имели место в Берлине, где Италия, несмотря на все свои разногласия с монархией, находила тем не менее полную поддержку и где, как неоднократно доказано, слепо доверяясь прямо в ущерб военным и морским интересам Германии, посвящали Италию в планы Австро-Венгрии противодействовать всеми средствами сербским проискам, направленным к уничтожению монархии»[1].

Эта сводка отчасти объясняет поразительную осведомленность Грея о готовящемся австрийским империализмом выступлении, позволившую Грею предупредить и царскую Россию через Бенкендорфа и Францию через П. Камбона (см. гл. IX). Грей получил сведения об австрийском ультиматуме не только через итальянцев, явившихся передатчиками «и нашим и вашим», но и благодаря «болтливости» бывшего австрийского посла в Риме графа Люцова, проболтавшегося английскому послу в Вене де Бунзену[2].

Наконец ультиматум был составлен, и 19 июля состоялось второе заседание совета министров, посвященное его окончательной формулировке и редакции. На заседании присутствовали все те же лица — Берхтольд, Штюргк, Тисса, Билинский, Кробатин, Гетцендорф, контрадмирал Кайлер и Гойос — последний в качестве секретаря.

Перед открытием официального заседания состоялось обсуждение условий ультиматума в частном порядке, так как Берхтольд хотел предварительно согласовать все вопросы и не «марать» протокол заседания неприятными выступлениями. Он хотел, чтобы

[1] OUAP, VIII, №10364, прим., 10418; см. признания итальянского посла в Петербурге маркиза Карлотти барону Шиллингу 16 (3) июля 1914 г.— „Красный архив", IV, стр. 5—6; МОЭИ, IV, 245.

[2] BD, XI, № 50, 55, 56.

протокол, шедший на утверждение Франца-Иосифа, являлся демонстрацией единодушия министров.

Ультиматум имел исключительно наглый и провокационный по тону и содержанию характер. В вводной части сербское правительство обвинялось в том, что оно проявило «преступную терпимость» к антиавстрийской пропаганде и не исполнило обещаний, данных в 1909 г. (после боснийского кризиса), об ее подавлении, что привело к серии террористических покушений на австро-венгерских сановников в южнославянских землях Австро-Венгрии, в том числе и к сараевскому убийству. Ультиматум требовал от сербского правительства торжественной декларации «на первой странице официальной газеты» об осуждении направленной против Австро-Венгрии пропаганды. Текст этой декларации прилагался к ультиматуму.

Кроме этого унизительного требования ультиматум содержал еще десять других, не менее унизительных и по форме и по содержанию. Мы приводим их полностью:

«1. Запретить все издания, которые возбуждают ненависть и презрение к монархии [т. е. Австро-Венгрии] и общие тенденции которых направлены против ее территориальной целости.

2. Немедленно распустить общество, именуемое «Народна одбрана», конфисковать все его средства пропаганды и поступить одинаковым образом с иными обществами и объединениями в Сербии, которые занимаются пропагандой против австро-венгерской монархии.

Королевское правительство примет нужные меры, чтобы распущенные общества не могли продолжать свою деятельность под другим названием и в другом виде.

3. Немедленно изъять в учебных заведениях Сербии как в отношении преподавательского персонала, так и в отношении учебных пособий все, что служит или могло служить к поддержанию пропаганды против Австро-Венгрии.

4. Удалить с военной службы и вообще из администрации всех офицеров и чиновников, виновных в пропаганде против австро-венгерской монархии, причем императорское и королевское [австро-венгерское] правительство сохраняет за собой право сообщить фамилии и факты королевскому правительству.

5. Согласиться на сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского [австро-венгерского] правительства в деле подавления вредоносных движений, направленных против территориальной целости монархии.

6. Открыть судебное следствие против участников заговора 28 июня, находящихся на сербской территории.

Органы, уполномоченные императорским и королевским [австро-венгерским] правительством, примут участие в подлежащих розысках.

7. Срочно приступить к задержанию майора Войя Танкосича и Милана Цигановича, чиновника сербского государства, скомпрометированных результатами сараевского следствия.

8. Помешать действительными мерами участию сербских властей в незаконной перевозке оружия и взрывчатых веществ через границу.

Уволить и строго наказать чиновников пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в оказании помощи путем облегчения перехода границы тем, кто учинил сараевское преступление.

9. Дать императорскому и королевскому [австро-венгерскому] правительству объяснения по поводу неоправдываемых заявлений высших сербских чиновников как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на официальное положение, не постеснялись после покушения 28 июня выразиться в интервью неприязненным образом против австро-венгерской монархии.

10. Незамедлительно уведомить императорское и королевское [австро-венгерское] правительство об исполнении мер, предусмотренных вышеизложенными пунктами.

Императорское и королевское [австро-венгерское] правительство ожидает ответа королевского правительства не позже, чем в субботу, 25 сего месяца в 6 час. вечера»[1].

На ответ, который по мысли составителей должен был содержать принятие полностью буква в букву всех требований ультиматума, давалось 48 часов.

Принятие этого ультиматума сербским правительством при условии добросовестного проведения его в жизнь являлось колоссальным унижением и фактически было равнозначущим коренному изменению позиции Сербии в отношении Австро-Венгрии. Предусмотренное §§ 5 и 6 ультиматума участие австрийских чиновников в расследовании корней сараевского покушения на сербской территории и создание в Сербии австрийской охранки обеспечивали монархии Габсбургов возможность широкого вмешательства во внутреннюю политику Сербии, т. е. превращали Сербию в зависимую от Австрии страну, уничтожая *без единого выстрела* ее государственную самостоятельность.

После обсуждения в частном порядке условий ультиматума, ознакомившего Берхтольда авансом с точкой зрения участников совещания, было открыто официальное заседание.

Как сообщает протокол графа Гойоса, Берхтольд прежде всего доложил, что ультиматум будет вручен в четверг 23 июля в 5 час. дня с расчетом, что 48-часовой срок для ответа истечет 25 июля в 5 час. пополудни и приказ о мобилизации против Сербии может быть опубликован еще в ночь с субботы на воскресенье, с 25 на 26 июля. Берхтольд заявил, что считает неправдоподобным, чтобы в Петербурге стало известно об австрийском выступлении до отъезда Пуанкаре, но даже если это и случится, то в этом нет большого ущерба.

---

[1] OUAP, VIII, № 10395, 10399. Текст дан по переводу, опубликованному проф. Ю. В. Ключниковым и А. Сабаниным „Международная политика новейшего времени в нотах, договорах и декларациях“, М., НКИД, 1926, II, стр. 4—5.

«Мы [Австрия], — излагает протокол заседания слова Берхтольда, — удовлетворили требованиям вежливости, выждав конца посещения. По дипломатическим соображениям он [Берхтольд] должен решительно высказаться против всякого нового промедления, так как в Берлине уже начинают нервничать и сведения о наших замыслах уже просочились в Рим, вследствие чего он [Берхтольд] не мог бы нести ответственность за нежелательные осложнения, если дело будет снова отложено»[1].

Совещание согласилось с этими доводами и утвердило план действий, выработанный Берхтольдом. Гетцендорф высказался за ускорение выступления в силу соображений чисто военного характера.

«Полученные в последнее время из Сербии известия, — заявлял Гетцендорф, — последовательно создали три ситуации. Сначала произошли значительные сосредоточения войск в сильном составе на болгарской и албанской границах. Во второй ситуации были получены сведения об отсылке войск в Старую Сербию. Эти сведения были признаны неопасными, так как дело шло только об обмене запасными, но три дня назад он получил серьезные известия. Прежде всего ему было сообщено, что два полка — 6-й и 17-й — переведены из Новой Сербии в Старую Сербию; вчера он получил из Болгарии известие из заслуживающего внимание конфиденциального источника о том, что три дивизии направляются на север. Он должен еще проверить эти сведения. В случае если они окажутся правильными, он был бы вынужден высказаться за возможно более скорое проведение контрмер»[2].

Затем Гетцендорф и Кробатин доложили о подготовке к мобилизации и сосредоточении войск после объявления последней.

Тисса, продолжая свою тактику маскировки захватнических планов австрийского империализма, формулированную им (Тиссой) на первом совещании министров 7 июля, потребовал, чтобы совещание приняло следующее решение, которое он ставил непременным условием согласия венгерского правительства на все выступление:

«Совет министров должен единогласно заявить, что с выступлением против Сербии не связаны никакие завоевательные планы для монархии и что последняя не хочет аннексировать ни одного куска Сербии помимо исправлений границы, диктуемых военными соображениями. Он вынужден безоговорочно настаивать на принятии подобного единогласного решения»[3].

Подобная декларация, как мы уже указывали, имела целью успокоить Антанту и в частности царскую Россию отсутствием намерений произвести раздел Сербии, а также позволяла создать в широких массах впечатление бескорыстия Австро-Венгрии. На самом же деле она ничем не связывала австрийский импе-

---

[1] OUAP, VIII, № 10393.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

риализм в отношении аннексионистских планов, так как в термины «исправления границы» и «временной оккупации» и т. п. всегда возможно вложить любое содержание, что сейчас и демонстрирует всему миру империалистическая Япония своей захватнической политикой в Китае.

Но Берхтольд либо недооценивал смысла требования Тиссы, либо пытался уточнить вопрос, заявляя, что может согласиться с точкой зрения Тиссы «лишь с некоторыми оговорками».

«Он также считает, — излагает протокол заседания заявление Берхтольда, — что в нынешнем политическом положении, в случае если война с Сербией закончится победой, мы ничего не должны аннексировать в этой стране, но постараться возможно большими уступками сербской территории Болгарии, Греции, Албании и даже Румынии так уменьшить Сербию, чтобы она более не была опасной. Ситуация на Балканах может измениться, отнюдь не исключено, что России удастся низвергнуть нынешнее правительство в Софии и привести там снова к власти настроенное враждебно к нам правительство. Албания также еще не является надежным фактором, и он [Берхтольд] как руководитель внешней политики должен учитывать возможность, что к концу войны нам в силу созданного ею положения будет невозможно ничего не аннексировать, если мы хотим создать на нашей границе лучшие отношения, чем существующие сейчас» [1].

На это Тисса возразил, что «он не может допустить оговорок графа Берхтольда и, учитывая ту ответственность, которую он несет как венгерский премьер-министр, должен требовать, чтобы его точка зрения была единодушно принята совещанием. Он ставит это требование не только по соображениям внешней политики, но в особенности также потому, что он лично убежден, что Россия окажет сопротивление силе оружия до крайних пределов (à outrance), если мы будем настаивать на полном уничтожении Сербии; он также думает, что один из самых сильных козырей для улучшения нашего международного положения заключается в том, чтобы объявить возможно скорее державам, что мы не хотим аннексировать никаких территорий» [2].

Берхтольд лицемерно ответил, что он намерен сделать это заявление в Риме. Штюргк добавил, что «если завладение сербской территорией даже должно быть исключено для монархии, то Сербия посредством смены династии, военной конвенции и других соответствующих мер должна быть сделана зависимой от монархии. Точно так же решение совета министров не должно сделать невозможными некоторые изменения границы, кажущиеся необходимыми со стратегической точки зрения» [3].

Кробатин был более откровенен и сказал, что «он согласится с этим решением, но с условием, что кроме исправления гра-

---

[1] OUAP, VIII, № 10393; ORB, 1919, I, № 26.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

ницы не будет исключена длительная оккупация какого-нибудь tête de pont через Саву, например в Шабацком округе»[1].

В результате этой дискуссии совет министров принял следующее решение:

«Объединенный совет министров постановляет, что тотчас же с началом войны державам будет объявлено, что монархия не ведет никакой завоевательной войны и не замышляет аннексии королевства [Сербии]. Этим решением понятно не исключаются стратегически необходимые исправления границы, равно как и уменьшение Сербии в пользу других государств и возможно необходимая временная оккупация сербских территорий»[2].

Эта эластичная формула, открывавшая возможность любого, в зависимости от конкретной обстановки, территориального грабежа Сербии, вызвала одобрение Берхтольда, поспешившего заявить, что «к счастью достигнуто полное соглашение по всем вопросам»[3].

На самом деле участники совещания ничуть не собирались отказываться от аннексий. Уходя с заседания, Гетцендорф иронически заметил Кробатину: «Что ж, посмотрим — до балканской войны державы болтали о status quo, но после войны никто не утруждал себя вопросом об этом»[4].

Получив санкцию совета министров, Берхтольд приступил к действиям. 20 июля, не дожидаясь одобрения императора Франца-Иосифа, которого он даже не счел нужным познакомить с текстом ультиматума[5], он отправил ультиматум в Белград с подробной инструкцией Гизлю, как вручить ноту, как держаться при ее вручении, и предлагал подготовиться к отъезду и разрыву дипломатических отношений в случае неудовлетворительного ответа, отправив предварительно телеграмму об отъезде[6].

Копии ультиматума с соответствующими комментариями и инструкциями о том, что говорить и как действовать, были отправлены австро-венгерским дипломатическим представителям в Берлине, Риме, Париже, Лондоне, Петербурге, Константинополе, Бухаресте, Софии, Афинах, Цетинье, Дураццо[7]. Этим дипломатическим представителям при вручении копии ультиматума предлагалось разъяснить недопустимость вмешательства посторонних держав в австро-сербский конфликт, т. е. настаивать на его «локализации».

---

[1] OUAP, VIII, № 10393; ORB, 1919, I, № 26.

[2] Ibidem.

[3] Ibidem.

[4] *Conrad*, IV, S. 92.

[5] 20 июля в 12 ч. 10 м. дня Берхтольд получил сообщение от начальника личной канцелярии Франца-Иосифа Шисля о том, что „его величеству интересно узнать, пришли ли к решению вчера и когда может быть представлен сюда документ [„ультиматум“].“ Берхтольд ответил, что „указанный документ вчера не был готов и будет отправлен с курьером“, и просил об аудиенции утром 21 июля, которая была ему назначена в 9 час. утра. — OUAP, VIII, № 10430, 10431, 10432.

[6] OUAP, VIII, № 10395, 10396; ORB, 1919, I, № 27, 28.

[7] OUAP, VIII, № 10399, 10400, 10402; ORB, 1919, I, № 30, 31.

В эти дни заботой Берхтольда была скорейшая рассылка ультиматума. При этом Берхтольд поставил себе целью по возможности позже познакомить с его текстом Франца-Иосифа и союзницу-Германию. Это объясняется тем, что Берхтольд боялся, что Франц-Иосиф или германское правительство смягчат откровенно наглый и вызывающий тон ультиматума и тем облегчат его принятие Сербией. Хотя требования ультиматума были таковы, что едва ли сербское правительство могло их принять даже при смягчении тона, тем не менее Берхтольд хотел уменьшить эту возможность; в случае же поражения Сербии дипломатическим путем, т. е. в случае принятия Сербией ультиматума, он стремился сделать это поражение еще более тяжелым, продемонстрировав перед «впечатлительными» балканскими государствами блестящую победу Австро-Венгрии.

С этой целью Берхтольд, насколько можно судить по опубликованным до сих пор австрийским и германским документам, не сказал ни слова Чиршки, пришедшему к нему 20 июля со специальным поручением Ягова[1] — узнать текст ультиматума и характер предъявляемых сербам требований, — о том, что ультиматум в окончательной редакции уже утвержден советом министров. Берхтольд только обещал Чиршки по утверждении текста ультиматума немедленно телеграфировать из Ишля распоряжение министерству иностранных дел, чтобы оно предоставило Чиршки копию ультиматума и Чиршки успел бы отправить текст его в Берлин еще 21 июля вечером[2]. Однако, как свидетельствует телеграмма Берхтольда, отправленная им из Ишля после аудиенции у Франца-Иосифа своему помощнику барону Маккио, Берхтольд меньше всего собирался сдержать это второе по счету[3] данное им обещание Чиршки. В самом деле эта телеграмма, представлявшая попытку Берхтольда еще раз надуть Чиршки и полученная в министерстве иностранных дел в 2 часа пополудни 21 июля, гласила: «Его величество император и король одобрил без изменений текст ноты Сербии и державам. Прошу ваше превосходительство сообщить германскому послу, что нота будет доставлена ему только завтра утром, так как необходимо еще сделать некоторые поправки»[4]. Но расчеты Берхтольда не оправдались полностью. Правда, одобрение Франца-Иосифа оправдало ретивость Берхтольда, разославшего ультиматум до утверждения его императором, но все же в Берлине получили текст ультиматума к вечеру 22 июля, т. е. за сутки до его вручения, и таким образом имели время для воздействия на австрийских организаторов войны в смысле снижения провокационного тона ультиматума, если бы хотели это сделать.

План Берхтольда не удался потому, что второй его помощник, граф Форгач, ничего не зная о распоряжении Берхтольда Мак-

[1] DD, № 77.
[2] DD, № 88, 94; OUAP, VIII, № 10398; ORB, 1919, I, № 35.
[3] Первое обещание было дано 14 июля. — DD, № 50, 88.
[4] OUAP, VIII, № 10471; ORB, 1919, I, № 46.

кио — не показывать текста ультиматума Чиршки, — дал ему копию, «выразительно подчеркивая, — как писал Чиршки в Берлин, — что она предназначается для строго личной информации вашего превосходительства [Ягова], так как еще нет одобрения императора, хотя относительно такового нет сомнений»[1].

После того как решение было принято и даже осуществлено, всё усилия Берхтольда в период 21—23 июля обеспечить вручение ультиматума в Белграде в намеченный день и час являются лишь «техникой», и на них мы поэтому не останавливаемся.

Ультиматум был отправлен, но в Вене допустили ошибку. Вопреки первоначальному намерению воздействовать на общественное мнение Европы, а также совету Берлина[2], досье о великосербской пропаганде, составленное для оправдания перед Европой провокационных требований ультиматума, рассчитанных специально на то, чтобы навязать Сербии войну, не было отправлено вместе с ультиматумом или опубликовано в газетах. Быть может самый крупный козырь в смысле воздействия на широкие массы по неосмотрительности австрийских организаторов войны был упущен из рук. Досье было отправлено державам только 25 июля, уже после опубликования ультиматума, и в силу этого имело весьма незначительный эффект.

23 июля в 6 час. пополудни австрийский посланник в Белграде барон Гизль вручил ультиматум сербскому правительству. Телеграмма его об этом была получена австрийским министерством иностранных дел в 10 ч. 30 м. пополудни и через 20 мин. переслана Францу-Иосифу[3].

24 июля Гизлю были посланы подробные инструкции относительно отъезда и способа сообщения в Вену и Будапешт о разрыве дипломатических сношений[4].

Вечером 24 июля и утром 25 июля пришли первые телеграммы австрийских дипломатических представителей о впечатлении, произведенном ультиматумом. Хотя общий итог этих донесений, если не считать Белграда и Петербурга, был более или менее удовлетворителен, Берхтольд, стремясь получить еще более полную информацию о намерениях царской России, 24 июля в 11 ч. 30 м. пополудни телеграфировал по просьбе военного министерства австро-венгерскому послу Сапари в Петербург о том, чтобы австрийские консулы в царской России сообщали в Вену о всяком призыве запасных, наборе лошадей и передвижении воинских частей.

Были приняты и другие меры для проверки военных приготовлений царской России. Так, капитаны австрийского генерального штаба Стипсиц и Голинка, прикомандированные к австрийскому генеральному консульству в Москве, получили

[1] DD, № 106.
[2] DD, № 31.
[3] OUAP, VIII, № 10564.
[4] OUAP, VIII, № 10571, 10572, 10573, 10575, 10576.

предписание подготовиться к отъезду и по получении предупредительной телеграммы от начальника генерального штаба немедленно выехать в Вену по определенным, намеченным штабом, маршрутам. Стипсиц должен был направиться по маршруту Смоленск — Барановичи — Белосток — Варшава — Граница, Голинка через Орел — Брянск — Гомель — Брест-Литовск — Ивангород — Граница, — оба имея целью проверить, производятся ли в царской России призыв запасных и переброски войск в пограничной полосе[1].

Того же 24 июля из Ишля пришло приказание Франца-Иосифа о приезде Берхтольда утром 26 июля (воскресенье) для доклада о сербском ответе. При этом Берхтольда извещали, что военный министр Кробатин будет в Ишле либо 25 июля вечером, либо 26 июля утром. Берхтольд ответил, что прибудет в Ишль 25 июля в 3 ч. 40 м. пополудни, и просил аудиенции в этом часу для доклада Францу-Иосифу[2].

В ночь с 24 на 25 июля в министерстве иностранных дел была получена записка от Гетцендорфа, что в Шабаце 24 июля объявлена мобилизация и что в силу этого австрийскую мобилизацию необходимо объявить не 26, а 25 июля, назначив первым днем мобилизации 28 июля[3]. Почти одновременно пришла и телеграмма Тиссы, содержавшая аналогичную просьбу: «Подчеркнуть в случае необходимости от моего имени, что при неудовлетворительном ответе Сербии безусловно необходим немедленный приказ о мобилизации. Всякое промедление с этим было бы связано с роковыми последствиями»[4].

Эту же просьбу о немедленной мобилизации Тисса повторил и в особом докладе Францу-Иосифу 25 июля[5]. В Берлине давали аналогичный совет[6].

25 июля министерство иностранных дел наконец отправило австро-венгерским представителям за границей законченное и отпечатанное в достаточном количестве экземпляров досье о великосербской пропаганде[7].

Того же 25 июля пришли первые сведения о действиях царской России. Выехавший утром в Ишль Берхтольд в поезде получил телеграмму царского поверенного в делах в Вене князя Кудашева, содержавшую просьбу царского правительства, отправленную 24 августа, предоставить Сербии отсрочку для ответа и имевшую целью выиграть время. Берхтольд приказал барону Маккио ответить отказом.

Кудашев еще до этого обращался к Маккио с такой же просьбой и настаивал на необходимости отсрочки, чтобы державы имели воз-

---

1 OUAP, VIII, № 10613.
2 OUAP, VIII, № 10565, 10634; DD, № 151.
3 OUAP, VIII, № 10633.
4 OUAP, VIII, № 10637.
5 OUAP, VIII, № 10708.
6 OUAP, VIII, № 10656.
7 OUAP, VIII, № 10654.

можность проверить требования ультиматума и изучить досье. Он получил ответ от Маккио, что «рассылка ноты державам отнюдь не имела целью пригласить державы высказать свое мнение о ноте, но имела лишь характер информации, которую мы считали долгом международной вежливости»[1].

Берхтольд одобрил этот ответ Маккио Кудашеву, являвшийся продолжением политики «локализации» конфликта, иначе говоря, беспрепятственной расправы с Сербией.

Эту точку зрения о невмешательстве других держав в австро-сербский конфликт, т. е. об его «локализации», Берхтольд по уговору с германскими организаторами войны непоколебимо поддерживал в течение всего июльского кризиса, отлично понимая, что вмешательство других держав сорвет его план разгрома и уничтожения Сербии.

В Ишле Берхтольд просидел в кабинете Франца-Иосифа весь вечер, дожидаясь сообщения Гизля об объявлении войны и отъезде последнего из Белграда. Не дождавшись, он ушел погулять, и как раз в это время, без четверти восемь, его секретарь граф Кински принял переданное по телефону из Вены в Ишль сообщение Гизля о разрыве дипломатических сношений, об отъезде Гизля из Белграда и сербской мобилизации[2].

Изложив Францу-Иосифу доводы Гетцендорфа, Тиссы и Сегени (вернее, германского министерства иностранных дел), Берхтольд без особого труда добился согласия Франца-Иосифа на частичную мобилизацию против Сербии. Этот приказ был получен Гетцендорфом в 9 ч. 53 м. пополудни. Немедленно были разосланы соответствующие распоряжения. Приказ объявлял 27 июля днем «военной угрозы», а 28 июля — первым днем мобилизации[3]. План частичной мобилизации против Сербии был составлен так, что в возможно меньшей мере затрагивались корпуса, расположенные у русской границы. Это было намеренно сделано для того, чтобы не давать повода царской России для «беспокойства» и вмешательства.

Объявлять войну Сербии не слишком торопились, так как было признано более целесообразным раньше закончить мобилизацию. Объявление войны должно было состояться только после окончания мобилизации, чтобы иметь возможность произвести последнюю в нормальной обстановке. Сосредоточение войск у сербской границы предполагалось закончить к 5 августа[4], а военные операции начать с 12 августа[5].

Вечером 26 июля Гизль привез в Вену текст сербского ответа. Этот текст, как можно судить по отрывочным данным, вызвал у австрийских организаторов войны настоящую панику. Такого искусного, такого мастерского в смысле объяснения

---

[1] OUAP, VIII, № 10686, 10703, 10704, 10705; DD, № 155.
[2] OUAP, VIII, № 10646.
[3] *Conrad*, IV, S. 109 etc., 122.
[4] BD, XI, № 165, 166, 171.
[5] DD, № 213, 245, 323; *Dirr*, № 35, S. 148.

позиций Сербии и умения изобразить Сербию невинным ягненком ответа австрийские дипломаты не ожидали от сербов. И высокопоставленные чиновники министерства иностранных дел протирали себе глаза, читая сербский ответ и удивляясь тому, откуда сербы набрались такого дипломатического мастерства.

Фактический составитель австрийского ультиматума барон Музулин называет сербскую ноту «самым блестящим образцом дипломатического искусства, какой только он знал»[1]. В своем докладе Францу-Иосифу 28 июля Берхтольд также говорил об «очень ловко составленном ответе сербского правительства, совершенно ничтожном по существу, но уступчивом по форме»[2].

Австро-венгерские поджигатели войны были поставлены сербским ответом в исключительно трудное положение: после долгих усилий и стараний им удалось отправить исключительно провокационный ультиматум, рассчитанный на заведомую его неприемлемость, но ответная сербская нота, несмотря на отказ удовлетворить ряд австрийских требований, шла и в отношении содержания и в отношении формы так далеко навстречу австрийским требованиям, что в глазах широких масс создавалось впечатление, что Сербия согласилась почти полностью выполнить требования австрийского ультиматума.

Дипломатическое мастерство сербского ответа выражалось прежде всего в том, что сербы, имея обещание поддержки со стороны царской России и будучи уверены, что Австрия все равно признает неудовлетворительным любой сербский ответ, соглашались принять большинство казавшихся даже Гизлю и Гризингеру невыполнимыми требований и лишь делали ничтожные на первый взгляд изменения в формулировках. Эта видимость уступчивости со стороны сербов ставила австрийских организаторов войны в очень невыгодное положение в глазах народных масс и дома и за границей, так как сербская уступчивость разоблачала разбойничий характер австрийского нападения на Сербию. Положение осложнялось еще и тем, что со стороны Австрии последовал разрыв дипломатических сношений, что еще более подчеркивало перед массами роль австрийского империализма как насильника, терроризирующего «маленькую бедную Сербию».

В результате сербской уступчивости на австрийских дипломатов падала тяжелая и невыполнимая задача. Они должны были, во-первых, доказывать Европе, что все требования австрийского ультиматума справедливы и обоснованы. Однако, учитывая процесс Фридъюнга и аналогичные скандальные промахи австрийской правящей верхушки, это было далеко не легкой и благодарной работой. Во-вторых, нужно было заставить весь мир и не искушенные в дипломатических увертках и ухищрениях широкие массы населения поверить тому, что Сербия, несмотря

---

[1] *Musulin*, Das Haus am Ballplatz, Munchen 1924, S. 241.
[2] OUAP, VIII, № 10855.

на видимость покорности и уступчивости, своим отказом выполнить буква в букву все требования австрийского ультиматума нанесла Австрии такой ущерб, который мог быть возмещен лишь войной. Эта последняя задача была вовсе невыполнима.

Действительно, трудно было объявить Сербии войну за то, что в некоторых формулировках сербского ответа настоящее время в глаголе было заменено прошедшим или будущим, вместо изъявительного наклонения поставлено сослагательное или условное, союз «и» заменен союзом «или» и т. д., несмотря на то, что эти незаметные и незначительные с виду изменения при улучшении международно-политической конъюнктуры в пользу Сербии открывали сербскому правительству широкое поле для всевозможных оттяжек и проволочек.

Общую оценку создавшегося положения кажется лучше всего выразил граф Сечен, 30 июля сообщавший из Парижа:

«Всеобщее впечатление, что Сербия в своей ответной ноте унизилась столь глубоко, как это редко делало государство. Полагают, что разногласия относительно наших требований, разногласия, которые не особенно понятны [широким массам], могли бы быть легко урегулированы при помощи переговоров. Я думаю, что не было бы никаких возражений, если бы Сербия приняла нашу ноту tale quale [буквально, без всяких изменений и возражений]. Но не могут понять, что из-за некоторых редакционных поправок должен возникнуть мировой пожар»[1].

Таково было мнение дипломатов во всех частях света. Когда в Париже, Лондоне, Петербурге и даже в Берлине был опубликован текст сербской ноты, не только дипломаты, но и широкие круги были поражены сербской уступчивостью и недоумевали, из-за чего Австрия решилась на разрыв и чего собственно она требует от Сербии. Дипломатия Антанты, отлично уяснявшая положение, была в восторге и подогревала свою печать рассказами об исключительном смирении и уступчивости сербов. Но все это случилось тогда, когда сербский ответ был опубликован, а опубликован он был лишь 28 июля.

Эта странная на первый взгляд задержка была вызвана тем, что полный текст сербского ответа был получен в Лондоне, в Париже и Берлине только 27 июля[2], в Петербурге — 26 июля[3], хотя о содержании его стало известно еще 25 июля.

Задержка опубликования текста сербского ответа объяснялась тем, что приведенное им в панику австрийское министерство иностранных дел положило ответ под сукно, скрыв его даже от своего союзника в Берлине, напрасно просившего 26 июля[4] и 27 июля[5] немедленно сообщить текст сербского ответа.

---

1 OUAP, VIII, № 11082.
2 BD, № 171; DD, № 271, прим. 1.
3 МОЭИ, V, № 74, прим. 1 на стр. 85.
4 DD, № 226.
5 DD, № 245, 246.

Но австрийское министерство иностранных дел предпочитало отмалчиваться и отделывалось различными отговорками. Чиршки получил текст сербского ответа с австрийскими комментариями к нему лишь в 11½ час. пополудни 27 июля[1] и то после третьего категорического требования (он не знал, что текст ноты был уже получен от сербского посланника в Берлине), когда текст ответа с комментариями был вручен представителям печати для опубликования. Франц-Иосиф узнал текст сербского ответа повидимому только из газет[2].

Эта задержка в напечатании сербского ответа имела и другие, более веские основания. С опубликованием его было связано и формальное объявление войны, которое австрийская военщина хотела оттянуть, предпочитая закончить сначала свою частичную мобилизацию и сосредоточение войск. На этом настаивал генеральный штаб[3]. И хотя в Петербурге, Лондоне и Париже боялись, что Австрия объявит войну Сербии немедленно после разрыва дипломатических сношений, но в силу указанных причин этого не случилось, и Антанта «переиграла» австрийцев, использовав оттяжку формального объявления войны Австрией для дипломатического вмешательства. Грей, получив еще 25 июля короткую сводку сербского ответа, передал его в Берлин, выражая надежду, что в Австрии удовлетворятся уступчивостью сербов[4]. Таким образом Берхтольд, изо всех сил подгонявший события, чтобы поскорее поставить Европу перед войной и не дать другим державам времени вмешаться, снова сделал грубую политическую ошибку: представление Грея в Берлине было использовано Антантой для подчеркивания агрессивности Австрии и «миролюбия» Антанты.

События однако развивались так, что Берхтольду уже 26 июля стало ясно, что «постороннего вмешательства» в австро-сербский конфликт не избежать, и, чтобы по возможности предупредить его, он решил форсировать объявление войны.

«Когда вы хотите, чтобы война была объявлена?» — спросил он 26 июля Гетцендорфа.

«К 12 августа», — ответил последний.

«Дипломатическая ситуация не продержится так долго», — заявил Берхтольд[5].

Действительно, ситуация «не продержалась». 27 июля Сазонов сообщил Сапари о предстоящей частичной мобилизации четырех военных округов, но еще 26 июля были получены сообщения о военных приготовлениях в царской России[6], о враждебных демонстрациях в Париже[7].

---

[1] DD, № 280
[2] OUAP, VIII, № 10855.
[3] *Conrad*, IV, S. 131 etc.
[4] BD, XI, № 114, 115; DD, № 186; OUAP, VIII, № 10733.
[5] *Conrad*, IV, S. 131.
[6] OUAP, VIII, № 10717, 10724, 10729, 10732, 10755, 10756, 10757, 10758.
[7] OUAP, VIII, № 10733, 10740.

Чтобы оттянуть мобилизацию царской армии и выиграть время для своей, Берхтольд предписал Сапари поговорить с Сазоновым о том, что Австрия не замышляет захвата сербской территории в случае «локализации» конфликта, но «не связывать себя обязательствами»[1].

Одновременно было получено сообщение от австрийского посла в Лондоне Менсдорфа о том, что Грей предлагает посредничество и конференцию à quatre в Лондоне[2].

Таким образом о «локализации» конфликта, на что рассчитывали вначале Берхтольд и его помощники и очень заботились и в Берлине, не приходилось думать. Сообщения говорили, что в ближайшем будущем придется встретиться с выступлением царской России и вмешательством Англии, и, боясь постороннего вмешательства, которое могло бы затруднить сведение счетов с Сербией, Берхтольд решил форсировать события. Как сообщал 27 июля Чиршки, «здесь решено завтра, самое позднее послезавтра, выпустить официальное объявление войны, главным образом для того, чтобы отнять почву для всякой попытки вмешательства»[3].

С этой целью 27 июля Берхтольд обратился к Францу-Иосифу с всеподданнейшим докладом, прося разрешения объявить войну Сербии по двум причинам:

«1. Учитывая переданную 27 июля Пашичем барону Гизлю весьма искусно составленную ответную ноту сербского правительства, совершенно ничтожную по содержанию, но уступчивую по форме, я считаю не исключенным, что державы Антанты могут сделать попытку достигнуть мирного разрешения конфликта, если не будет создана ясная ситуация посредством объявления войны.

2. Согласно сообщению командира 4-го корпуса, сербские войска обстреляли вчера с дунайских пароходов наши войска у Темес-Кубина и ответный огонь вызвал сильную перестрелку. Этим фактически начались военные действия, и поэтому особенно желательно обеспечить армии полную свободу действий, которую она получает при наступлении войны»[4].

В заключение Берхтольд указывал, что главнокомандующий эрцгерцог Фридрих и начальник генерального штаба «не возражают против отсылки объявления войны завтра утром»[5].

К докладу был приложен текст телеграммы с объявлением войны Сербии. В тексте были изложены оба мотива.

Как можно думать, второй довод, указанный Берхтольдом, именно перестрелка у Темес-Кубина, представляет если не вымы-

---

[1] OUAP, VIII, № 10834, 10773, 10620 примеч. с.

[2] OUAP, VIII, № 10812. Предложенная Греем конференция à quatre должна быть созвана при участии четырех держав — Англии, Франции, Италии и Германии, „не заинтересованных непосредственно в австро-сербском конфликте".

[3] DD, № 257, отправлена из Вены в 3 ч. 20 м. пополудни, № 311.

[4] OUAP, VIII, № 10855; ORB, 1919, II, № 78.

[5] Ibidem.

сел, то передержку фактов. В посланной сербскому правительству телеграмме об объявлении войны фраза — «тем более потому, что сербские войска напали у Темес-Кубина на отряд императорской и королевской армии» — отсутствует. В черновике телеграммы, вернувшемся от Франца-Иосифа, эта фраза вычеркнута синим карандашом[1].

В докладе Францу-Иосифу 29 июля Берхтольд сообщал, что «в надежде на последующее всемилостивейшее одобрение вашего величества он взял на свою ответственность удалить из текста объявления войны, отосланного Сербии, фразу о нападении сербских войск у Темес-Кубина, так как сведения об этом не подтвердились»[2].

Иными словами, путем прямого мошенничества Берхтольду удалось ускорить развязывание войны.

С согласием Франца-Иосифа на объявление войны Сербии Берхтольд вернулся в Вену. В его отсутствие граф Форгач в 11 ч. 10 м. пополудни 27 июля отправил Сегени от имени Берхтольда следующую телеграмму:

«Объявление войны последует в ближайшие дни. Начало военных операций однако должно быть отсрочено до окончания сосредоточения, чтобы иметь затем возможность нанести решительный удар всеми силами. Для этого потребуется еще некоторое время, так как мы, будучи умудрены опытом последних лет, не хотели бы начинать военные мероприятия большого масштаба, пока не будет установлено, что война действительно началась. Ваше превосходительство соблаговолит высказаться в указанном выше смысле перед господином Яговым с просьбой о строгом сохранении тайны»[3].

В 9 час. пополуночи на 28 июля была получена известная телеграмма Сегени, в которой последний предупреждал, что в ближайшее время германское правительство представит австрийскому некоторые английские предложения, отнюдь однако не солидаризируясь с Греем и не поддерживая его предложений перед венским кабинетом, а только для того, чтобы не порвать «провод», так хорошо до сих пор функционировавший между Берлином и Лондоном[4]. Иными словами, германская правящая клика, решившаяся на войну, хотела создать в Европе впечатление о своей борьбе за мир, чтобы иметь возможность переложить обвинение в агрессивности на противников.

Австрийские организаторы войны увидели в этом сообщении своеобразное предупреждение или намек и поспешили поторопиться, тем более, что и телеграммы Менсдорфа из Лондона, прибывшие 27 и 28 июля, также предупреждали о том, что Грей намерен выступить с таким предложением[5]. Поэтому объявле-

[1] OUAP, VIII, № 10855, 10862
[2] OUAP, VIII, № 11015; ORB, 1919, III, № 26; ср. МОЭИ, V, 138.
[3] OUAP, VIII, № 10783; ORB, 1919, II, № 69.
[4] OUAP, VIII, № 10793; ORB, 1919, II, № 68.
[5] OUAP, VIII, № 10812, 10813; ORB, 1919, II, № 71, 72.

ние войны Сербии было отправлено 28 июля между 11 и 12 час. утра[1] по телеграфу через Черновицы — Бухарест, так как прямой провод между Веной и Белградом сербами был прерван. Объявление войны было адресовано «сербскому министерству иностранных дел в Белграде, в настоящее время в Крагуеваце».

С объявлением войны торопились так, что Чиршки узнал об этом, как можно думать, только в 2—3 часа пополудни, что видно из его телеграммы, поданной в Вене в 4 ч. 10 м. пополудни: «Объявление войны отправлено в 11 час. утра»[2].

Берхтольд торопился поставить Европу перед совершившимся фактом.

Объявление войны Сербии создавало новую международную ситуацию. Оно позволяло отвергать посредничество и переговоры на основе сербского ответа, чего и добивались австрийские организаторы войны, стремившиеся закончить австро-сербский конфликт военной развязкой. Это им удалось: ссылаясь теперь на формальное объявление войны Сербии, они могли отклонять всякое предложение о посредничестве и не бояться отступления и «предательства» Германии, ибо последняя с объявлением войны уже не могла отступить назад без тяжелого дипломатического поражения и потери своих позиций на Балканах.

Именно такую линию — *отказ от всякого посредничества ввиду объявления войны* — и усвоил с этого дня Берхтольд, заботой которого стало обеспечить военную помощь Берлина. Он сжег свои мосты и хотел поскорее сжечь их за своим союзником.

28 июля около 12 час. дня, т. е. спустя максимум час после отсылки телеграммы с объявлением войны Сербии, к Берхтольду явился английский посол де Бунзен с предложением Грея о посредничестве и конференции à quatre на основе сербского ответа. Берхтольд, знавший об этом предложении уже из телеграммы Менсдорфа, поблагодарил посла за выражения симпатии со стороны Грея и ответил, что «Австро-Венгрия не может отложить военные действия против Сербии, и он должен отклонить всякое предложение переговоров на базисе сербского ответа. Престиж Двуединой монархии затронут, и ничто не может предотвратить конфликт»[3].

В заключение Берхтольд заявил, что предложение Грея «пришло слишком поздно, так как вчера сербы стреляли по нашим пограничникам, и сегодня нами объявлена Сербии война»[4]. Таким образом спешка с отсылкой объявления войны помогла Берхтольду: он выиграл час времени, в течение которого ситуация изменилась.

После де Бунзена явился Чиршки, действительно принесший, как предупреждал накануне Сегени, предложение от имени Бет-

[1] BD, XI, № 225, 233; SBB, 1914, № 45—47; OUAP, VIII, № 10862; ORB, 1919, II, № 78, 97.
[2] DD, № 311.
[3] BD, XI, № 226, 227, 230.
[4] OUAP, VIII, № 10892.

ман-Гольвега об английском посредничестве. Берхтольд уже был предупрежден телеграммой Сегени, что все подобные предложения будут передаваться германским правительством лишь pro forma и что последнее отнюдь не солидаризируется с ними и ничуть не рекомендует своему союзнику принять их[1]. Поэтому, совершив приличествующую сему случаю дипломатическую обрядность, он заявил Чиршки, что «после открытия военных действий и последовавшего за этим объявления войны английское выступление запоздало»[2]; это не менее прекрасно понимал и сам Чиршки, сохранивший вероятно при этом ответе не меньшее достоинство авгура.

Сегени также было поручено заявить в Берлине, что английское предложение, «учитывая уже наступившее состояние войны, опережено событиями»[3].

Наконец в тот же день Берхтольд принял Шебеко, пришедшего к нему с предложениями Сазонова «начать непосредственные переговоры», взяв «исходной точкой» сербский ответ. Это предложение Сазонова (см. стр. 421—422) имело своей целью выиграть время для русской мобилизации и сравнять ее сроки с германской. Но Берхтольд меньше всего интересовался целью сазоновских предложений. Он шел напролом и с вежливой дипломатической миной ответил Шебеко, что «не может принять это предложение; у нас никто не мог бы понять и не мог бы одобрить переговоров относительно текста ответной ноты, признанной нами неудовлетворительной. К тому же это было бы тем менее возможно, что нами сегодня объявлена война Сербии»[4].

Все последующие дни вплоть до 31 июля Вена упорно отказывалась рассматривать любые предложения Антанты о посредничестве, понимая, что вмешательство в австро-сербский конфликт какой-либо из держав Антанты не позволит осуществить расправу с Сербией. Проводя эту линию, Берхтольд опирался на успокоительные заявления, сделанные германским министром иностранных дел Яговым Сегени о том, что в Берлине ни в коем случае не солидаризируются с предложениями Антанты о посредничестве, пересылая их лишь для того, чтобы задержать вступление Англии в войну[5].

Эти заверения Ягова несомненно толкали австрийских организаторов войны вести политику непримиримого отказа на все предложения о посредничестве со стороны Антанты. Мало того, эта двуличная позиция вильгельмовского правительства в отношении не менее двуличных предложений Антанты несомненно указывала также на то, что и те предложения о посредничестве, какие могут последовать от самого германского правительства, имеют аналогичный характер, т. е. что они делаются лишь для

[1] OUAP, VIII, № 10793.
[2] DD, № 313, подана в Вене в 5 ч. 55 м. пополудни; OUAP, VIII, № 10941.
[3] OUAP, VIII, 10864.
[4] OUAP, VIII, № 10915.
[5] OUAP, VIII, № 10793.

отвода глаз, чтобы продемонстрировать перед общественным мнением Европы заботы Германии о сохранении мира, и что их следовательно нельзя принимать всерьез. Такая оценка Берхтольдом всех предложений о посредничестве подтверждалась и германскими комментариями к ним. Эти комментарии говорили больше всего о необходимости перебросить ответственность за возникновение войны на противников, чтобы не прослыть поджигателями войны за границей и в особенности дома в глазах широких масс, обреченных на все ужасы начавшейся мировой бойни (см. гл. VIII).

Но эта позиция германского правительства, с точки зрения венского кабинета вполне понятная и необходимая для Германии, не заинтересованной непосредственно в австро-сербском конфликте, не годилась, по мнению австрийских организаторов войны, для Австро-Венгрии. Существование последней требовало военного разгрома Сербии и, если можно так выразиться, «физического» уничтожения Сербии как очага югославского движения. Поэтому Вена считала необходимым форсировать военную развязку конфликта и физически разгромить Сербию, признавая недостаточным восстановление преобладающих позиций австро-германского блока на Балканах дипломатическим путем, чем на худой конец мог удовлетвориться Берлин.

Только такого сорта соображениями можно объяснить грубо прямолинейное отношение венского кабинета ко всем так называемым предложениям о посредничестве в период 25—31 июля. Не касаясь предложений Антанты, к которым австрийское правительство относилось, вообще говоря, более чем пренебрежительно, мы изложим лишь события, связанные с так называемыми попытками самого германского правительства воздействовать «в духе умеренности» на Вену.

Эти попытки воздействия на Вену объясняются, с одной стороны, все тем же стремлением германского империализма сохранить маску «миролюбия» и перебросить ответственность за агрессию на противников.

Другим мотивом этих предложений было то, что германский империализм, отлично понимая, что дело приближается к военной развязке и что в ней примут участие по меньшей мере царская Россия и Франция, не хотел, чтобы австрийские войска зашли слишком глубоко в Сербию. Согласно австро-германским планам войны, главным врагом Австрии являлась царская Россия и именно на нее должны были быть брошены основные австрийские военные силы, чтобы не позволить русским войскам оказать сильное давление против Германии на востоке. Иначе говоря, *германские организаторы мировой бойни боролись за свой вариант вступления в войну и не хотели, чтобы их союзник оказался чересчур связанным на второстепенном, сербском фронте.*

Первое такое предложение германского правительства о посредничестве было получено Чиршки в Вене в 4 ч. 30 м. попо-

лудни 29 июля. Оно известно под именем «Halt in Belgrad» и сводилось к тому, чтобы австрийские войска, оккупировав в качестве гарантии выполнения принятых Сербией условий ультиматума Белград, не продвигались в глубь Сербии.

Чиршки исполнил поручение, но до 11 ч. 50 м. пополудни 29 июля венский кабинет не дал никакого ответа по существу предложения. Зная, что Чиршки согласно инструкции из Берлина поручалось «тщательно избегать создать впечатление, что мы [германское правительство] желали бы сдержать Австрию»[1], вполне естественно предположить, что германский посол в Вене избегал создать подобное впечатление у чиновников австрийского министерства иностранных дел и следовательно не мог проявлять особой инициативы и настойчивости для получения от Берхтольда ответа на предложение. Поэтому задержка последним ответа почти на 19 часов объясняется тем, что повидимому Берхтольд понимал, что может не спешить...

Берхтольд учитывал также и сообщение Сегени, что германское правительство препровождает предложения о посредничестве лишь для отвода глаз и что Бетман-Гольвег мог сделать свое предложение только из опасений, что из-за сдержанности германского правительства к предложениям посредничества и конференций «одиум ответственности за возникновение мировой войны по его [германского правительства] вине в конце концов упадет на него и в глазах германского народа»[2].

Учитывая все это, Берхтольд согласился помочь союзнику в его работе по перебрасыванию ответственности на Антанту и обещал дать распоряжение Сапари, чтобы последний повторил в Петербурге то заявление, которое австрийские дипломатические представители должны были сделать при вручении копии ультиматума Сербии, а именно, что Австрия территориально не заинтересована в сербских землях[3]. На самом деле Берхтольд не выполнил даже этого обещания, дав Сапари приказ не связывать себя никакими определенными заверениями[4].

Как Берхтольд отнесся к германскому предложению «Halt in Belgrad», можно видеть из того, что, давая 29 июля ответ Чиршки и благодаря германское правительство за совет, он одновременно передал Чиршки обширный меморандум на предложение Грея о посредничестве, сделанное еще 25 июля[5] и препровожденное из Берлина в Вену. При этом Берхтольд заявил о своем сожалении, что предложение Грея считать сербский ответ удовлетворительным или принять его в качестве базы для обсуждения запоздало, так как война Сербии уже объявлена[6]. Более того, Берхтольд поручил Сегени вручить Бетман-Гольвегу меморандум,

---

[1] DD, № 323.
[2] Ibidem.
[3] DD, № 388, 425.
[4] OUAP, VIII, № 11092.
[5] DD, № 277.
[6] DD, № 400; OUAP, VIII, № 10941.

в котором, ссылаясь на сообщение царского посла в Вене Шебеко о том, что царская Россия мобилизует Киевский, Одесский, Московский и Казанский военные округа, предлагал «дружески» сообщить в Петербурге и Париже, что если военная подготовка не будет прекращена, то со стороны Германии и Австрии последуют контрмеры. Короче говоря, он хотел напомнить Бетман-Гольвегу об обязанности союзника.

«Само собой разумеется, — говорилось в меморандуме, — что императорское королевское правительство не даст себя отвратить от своего военного выступления против Сербии»[1].

Относительно компенсации Италии, на чем все время настаивали германские организаторы войны, Берхтольд «самым категорическим образом заявлял, что вопрос об уступке какой-либо области монархии не может быть поставлен даже на обсуждение»[2].

Ту же позицию оттяжек, хладнокровия и сдержанности к германским предложениям о посредничестве Берхтольд сохранил и в течение 30 июля. На все предложения Чиршки, получившего в это время несколько телеграмм из Берлина с просьбой дать какой-либо формальный ответ миролюбивого характера, чтобы можно было показать, что Австрия ничуть не агрессивна[3], Берхтольд, помня сообщения Сегени, отвечал более или менее вежливым отказом.

На предложение Сазонова о прямых переговорах между Петербургом и Веной относительно австро-сербского конфликта, сделанное впервые 26 июля и повторенное Сазоновым 28 июля (они имели целью выиграть время для русской мобилизации), Берхтольд заявил 30 июля Чиршки, что он отправил Сапари в Петербург инструкцию *начать* эти переговоры. Тем самым он признавал, что переговоры пока даже не начинались[4]: нельзя же считать за начало этих переговоров приказ Берхтольда Сапари о том, чтобы последний не связывал себя никакими определенными обязательствами. При этом и 30 июля только по настоянию Чиршки Берхтольд согласился с тем, что «было бы полезно начать эти [прямые] переговоры»; он заявил Чиршки, что Сапари до сих пор имел от него инструкцию объяснить Сазонову некоторые пункты австрийского ультиматума, не вступая в обсуждение его существа в смысле содержания, а Шебеко, мол, из этого сделал вывод, что Австрия вообще не хочет вести переговоров с царской Россией. Теперь же после сообщения от Сапари об этом «недоразумении» и пожелания о том же из Берлина он, Берхтольд, отдал распоряжение Сапари вступить в переговоры с Россией[5].

Что касается предложения Грея от 26 июля о конференции à

---

[1] DD, № 427; OUAP, VIII, № 10937.
[2] DD, № 428; OUAP, VIII, № 10909.
[3] DD, № 361, 384, 386, 395, 396.
[4] DD, № 433.
[5] OUAP, VIII, № 11092; DD, № 448.

quatre и германского предложения «Halt in Belgrad» от 29 июля, то Берхтольд, учитывая, что выступления германского правительства делаются для отвода глаз, и надеясь, что русская мобилизация форсирует развязку, оттягивал ответ. Чиршки, передавший Берхтольду эти предложения, был приглашен последним на завтрак 30 июля, во время которого ему принесли из германского посольства переотправленную Бетман-Гольвегом в Вену телеграмму германского посла в Лондоне Лихновского о предупреждении Грея[1], что Англия не останется нейтральной в европейском конфликте. Телеграмма была снабжена комментарием — советом Бетман-Гольвега учесть положение[2]. Бетман-Гольвег указывал выгоды, которые Австрия получит, если ограничится оккупацией Белграда и других областей и восстановит свои позиции на Балканах, по сравнению с риском и тяжестью войны вдвоем, без Италии и Румынии, против четверного блока Антанты.

«Я выполнил поручение к графу Берхтольду, — сообщал Чиршки, — в присутствии графа Форгача. Министр побледнел и, молча выслушав двукратное чтение депеши, пока граф Форгач делал заметки, заявил в конце концов, что он должен сделать доклад об этом императору. Я просил обоих иметь в виду не поддающиеся учету последствия от отказа в посредничестве. Когда граф Берхтольд оставил комнату, чтобы переодеться для аудиенции у императора, я наедине еще раз обратился к рассудку графа Форгача, также выразившего свое мнение, что он считает необходимым согласиться на посредничество. Однако ему кажется, что ограничение военных операций, развивающихся сейчас, вряд ли возможно»[3].

Весь день 30 июля венский кабинет умышленно медлил с ответом на запрос Бетман-Гольвега и не обнаруживал никакого намерения сделать хоть какой-нибудь жест наружного миролюбия, чтобы облегчить позиции австро-германского блока в отношении переброски ответственности на противников.

Все же это предложение Бетман-Гольвега от 30 июля нельзя было оставить без ответа. Поэтому с телеграммой Лихновского о предложении Грея Берхтольд, Гетцендорф и Кробатин отправились на аудиенцию к Францу-Иосифу, где произошло совещание относительно того, как быть и что делать. Как сообщает Конрад фон Гетцендорф, участников совещания больше всего интересовало, что нужно потребовать сейчас от Сербии. Таким образом наружно делали вид, что следуют германскому совету, но на самом деле вырабатывали такие требования к Сербии, которые заведомо были бы для нее неприемлемы. На совещании было решено, что Сербия «должна принять наш ультиматум слово в слово и уплатить все издержки по мобилизации».

«Я, — писал Гетцендорф в своем дневнике, — добавил, что должны быть потребованы такие территориальные уступки, которые

[1] DD, № 368.
[2] DD, № 395.
[3] DD, № 465.

могли бы по меньшей мере обеспечить наше положение в военном отношении: Белград и Шабац с прилегающей территорией для возведения обширных укреплений, за которые должна уплатить также Сербия.

Император: Они никогда не согласятся на это.

Берхтольд: Тем более, что граф Тисса настаивал, что мы не должны требовать никаких территориальных уступок.

Я [Гетцендорф] добавил, что мы не можем остановить развертываемых сейчас операций против Сербии, это было бы невозможно, и армия на это не согласится. Мы должны сказать Германии: если Россия мобилизуется, то мы также должны мобилизоваться»[1].

Выводы, к которым пришло совещание, были таковы:

«Война против Сербии должна продолжаться.

На английское предложение следует дать очень вежливый ответ, но без принятия его сущности.

Всеобщая мобилизация должна быть объявлена 1 августа с 4 августа в качестве первого дня мобилизации. Но это еще подлежит обсуждению на следующий день»[2].

Таким образом австрийский империализм продолжал вести свою линию форсирования войны с Сербией, не обращая внимания на советы союзника сделать какой-либо миролюбивый жест и принять хоть для видимости какое-нибудь предложение посредничества. Вена продолжала форсировать войну, будучи уверена в том, что «союзник в блестящих латах» поддержит ее при всех обстоятельствах.

Действительно, 30 июля в 10 ч. 20 м. пополудни (по записям Конрада фон Гетцендорфа — в 7 час. пополудни) была получена телеграмма Сегени[3] о разговоре 30 июля австрийского военного аттаще с начальником германского генерального штаба Мольтке, который настоятельно советовал Австрии немедленно объявить всеобщую мобилизацию (см. гл. VIII).

Еще более успокоительно звучала другая телеграмма Сегени, полученная в 5 час. пополуночи в ночь на 31 июля. Эта телеграмма «рассеяла наши австрийские страхи относительно позиции Германии. Нам сообщали, что Германия заявила в воскресенье в Петербурге, что за русской мобилизацией последует германская мобилизация»[4].

Эти сообщения Сегени разъясняли, если можно так выразиться, личную телеграмму Вильгельма Францу-Иосифу, полученную в Шенбрунне 30 июля в 8 ч. 10 м. пополудни.

---

[1] *Conrad*, IV, S. 150—151.

[2] Ibidem.

[3] OUAP, VIII, № 11033.

[4] *Conrad*, IV, S. 152 etc.; заявление Конрада фон Гетцендорфа не совсем правильно. Эта телеграмма была отправлена Сегени в 0 час. 38 мин. в ночь на 31 июля из Берлина и получена в Вене в 5 час. пополуночи 31 июля — OUAP, VIII, № 11126. Гетцендорф вероятно спутал дату получения этой телеграммы с датой получения предыдущей телеграммы Сегени — см. OUAP, VIII, № 11033.

«Я считал невозможным, — телеграфировал Вильгельм Францу-Иосифу, — отклонить личную просьбу царя предпринять попытку посредничества для отвращения мирового пожара и сохранения европейского мира и представил твоему правительству через моего посла вчера и сегодня предложения. В числе их имеется предложение, чтобы Австрия после занятия Белграда или других мест объявила свои условия. Я буду тебе искренне обязан, если ты возможно скорее соблаговолишь сообщить мне свое решение» [1].

Эта телеграмма Вильгельма была таким образом отчаянным средством, чтобы заставить Австрию дать хоть какой-либо ответ на германские предложения и тем облегчить положение Германии в смысле переброски ответственности за войну на Антанту. Австрийские организаторы войны могли понять ее всерьез — как предложение остановиться и не рисковать войной. Но телеграмма Вильгельма даже не успела их дезориентировать, потому что в тот же вечер 30 июля пришли телеграммы Сегени, содержавшие советы Мольтке, а в ночь с 30 на 31 июля была получена и телеграмма самого Мольтке, разъяснявшая истинную цель телеграммы Вильгельма.

«Встретьте твердо русскую мобилизацию, — подбадривал Мольтке, — Австро-Венгрию нужно сберечь. Немедленно мобилизуйтесь против России. Германия объявит мобилизацию. Заставьте Италию путем компенсации выполнить долг союзника» [2].

Гетцендорф узнал о телеграммах Мольтке и Сегени утром 31 июля, когда он пришел в управление генерального штаба.

«Я пошел с этими телеграммами, — рассказывает Гетцендорф, — к военному министру и вместе с ним к графу Берхтольду, у которого мы нашли графа Тиссу, графа Штюргка и барона Буриана. После того как я прочел телеграмму, барон Буриан воскликнул: «Это великолепно! Кто же правит — Мольтке или Бетман?» [3].

После этого Берхтольд прочел собравшимся телеграмму Вильгельма Францу-Иосифу.

«После того как граф Берхтольд прочел телеграмму, — продолжает свой рассказ Гетцендорф, — он, обратившись ко мне, сказал: „Я просил вас прийти сюда, так как у меня создалось впечатление, что Германия бьет отбой, но теперь я получил от наиболее авторитетных военных кругов самые успокоительные заявления“. На основе этого было решено просить его величество издать указ о всеобщей мобилизации» [4].

Франц-Иосиф конечно дал свое согласие, и указ о всеобщей мобилизации был доставлен в военное министерство в 12 ч. 23 м. пополудни 31 июля. Немедленно были разосланы соответствующие

---

[1] DD, № 437; OUAP, VIII, № 11026.
[2] DD, № 451a.
[3] *Conrad*, IV, S. 153 etc.
[4] Ibidem.

распоряжения. Австрийская мобилизация опоздала на 18 час. по сравнению с русской, *хотя и в этот момент в Вене еще не знали о всеобщей русской мобилизации.*

Подписав указ о всеобщей мобилизации, Франц-Иосиф отправил в 1 час пополудни следующую телеграмму Вильгельму, ибо на его-то запросы необходимо было дать какой-то ответ.

«Я спешу искренне и сердечно поблагодарить тебя, — писал Франц-Иосиф, — за твою дружескую телеграмму. Тотчас же после того как твой посол передал моему правительству предложение посредничества от сэра Эдуарда Грея, ко мне пришло официальное сообщение моего посла в Петербурге, согласно которому русский император объявил мобилизацию всех военных округов, прилегающих к моей границе. Граф Сегени сообщил мне, что ты уже весьма выразительно заявил императору Николаю, что русские вооружения должны быть прекращены, так как иначе вся ответственность за мировую войну падет на его плечи. В сознании своего тяжкого долга относительно будущего моей империи я повелел произвести мобилизацию всех моих вооруженных сил. Развиваемые моей армией операции против Сербии не могут быть остановлены угрожающей и вызывающей позицией России. Новое спасение Сербии благодаря вмешательству России должно повлечь за собой самые тяжкие последствия для моих земель, и поэтому для меня невозможно допустить такое вмешательство. Я сознаю все значение и весь объем моего решения и принял последнее, полагаясь на божью справедливость, с уверенностью, что твои военные силы (Wehrmacht) с неизменной верностью союзника явятся обеспечением моей империи и Тройственного союза» [1].

Этот ответ Франца-Иосифа, в котором жажда разгрома Сербии оправдывалась «божьей справедливостью», «тяжким долгом» и прочими обычными для империалистической фразеологии высокопарными выражениями, а война — угрозой для Австро-Венгрии от существования Сербии, был дан, *когда в Вене еще не знали о всеобщей русской мобилизации, так как телеграмма Сапари о последней была получена австрийским министерством иностранных дел только 1 августа в 9 час. по полуночи* [2], *а сообщение из Берлина о том, что Германия объявила «состояние угрозы войны», — только 31 июля в 6 час. пополудни* [3].

Эти даты показывают, что решение австрийского империализма форсировать европейскую войну посредством всеобщей мобилизации было принято независимо от русской мобилизации и что, вопреки всем попыткам некоторых немецких историков доказать, что австрийская мобилизация была вызвана русской, Вена решила *форсировать мобилизацию и европейскую войну отнюдь не в ответ на русскую мобилизацию, а независимо от нее,* и

---

[1] OUAP, VIII, № 11118; DD, № 482.
[2] OUAP, VIII, № 11175.
[3] OUAP, VIII, № 11130.

следовательно она является не «подвергшейся нападению со стороны России», *а самостоятельным фактором разжигания мировой войны.*

В самом деле, с точки зрения венского кабинета принять предложение Сазонова о прямых переговорах между Веной и Петербургом по поводу сербского ответа значило признать право царской России быть заступником за великосербское движение[1]. По этим соображениям Берхтольд отказывался согласиться на такое посредничество, и отсюда его проволочки относительно предложения о прямых разговорах между Веной и Петербургом. В отношении же германского предложения «Halt in Belgrad» и последовавшего за ним и почти адэкватного ему предложения Грея Берхтольд, отвечая отказом от имени Австро-Венгрии, несомненно учитывал телеграмму Сегени и комментарии Берлина к этим предложениям, которые требовали от Вены в общем лишь содействия в смысле переброски ответственности за возникновение войны на плечи противников.

В связи с этим небезынтересна попытка австрийских историков доказать, что граф Берхтольд был якобы вынужден к отказу на предложение «Halt in Belgrad» соображениями военного характера. Так, Кицлинг[2] указывает, что оперативно-стратегический план кампании на случай войны с Сербией и Черногорией предусматривал вторжение в Сербию с северо-запада, из Боснии и Герцеговины, так как наступление с севера на Белград было затруднительно как в смысле сосредоточения и развертывания крупных масс войск на сильно пересеченном и лесистом берегу Дуная, так и вследствие трудности переправы через Дунай. Хотя план кампании и предусматривал мобилизацию 8 корпусов, но только 3 из них, предназначенные для наступления из Боснии и Герцеговины, должны были, и то с большой осторожностью, начать военные операции.

До выяснения позиций царской России остальные мобилизованные корпуса составляли «стратегический резерв», развертывавшийся в глубине страны и предназначаемый в случае необходимости (вмешательства царской России) для переброски в Галицию. Для защиты от возможной переправы сербов на берегу Дуная было сосредоточено около 1 бригады пехоты. В военных кругах указывали, что захватить Белград, брошенный сербами на охрану 500 комитаджей под начальством Танкосича, было нетрудно, но прочно удержать его в своих руках было нельзя — в 30 *км* южнее Белграда было сосредоточено 3 сербских дивизии.

Наоборот, германский историк Герман Люц весьма основательно указывает, что соображения военного характера для венского кабинета играли весьма подчиненную роль. Главным мотивом отказа Берхтольда принять предложение «Halt in Belgrad» явля-

---

[1] OUAP, VIII, № 10685.

[2] *R. Kitzling*, Die praktische Undurchführbarkeit eines Handestreiches auf Belgrad in KF, 1927, März.

лись, как сообщил он сам, соображения политического характера[1]. Берхтольд боялся, что занятие Белграда с согласия великих держав даст им, в частности державам Антанты, благоприятный повод для вмешательства в австро-сербский конфликт, т. е. что австрийцы не получат полной возможности для расправы с Сербией в «своем плане». Этой возможности венский кабинет боялся больше всего. Второстепенным и побочным мотивом отказа была опасность оккупации Белграда как военной операции, что доказывает и Кицлинг.

Мы думаем, что только уверенностью австрийских империалистов в помощи германских штыков, в случае если дело дойдет до мировой войны, следует объяснить истинную причину решимости Вены довести австро-сербский конфликт до военной развязки, несмотря ни на что. В Вене решили использовать полученную от Германии carte blanche до конца.

Эту политику «ва-банк» разлагавшейся Двуединой монархии кратко и выразительно резюмировал 1 августа старый император Франц-Иосиф: «Если монархии суждено быть разрушенной, пусть по крайней мере она это сделает респектабельно»[2].

---

[1] *H. Lutz*, Das Entscheidende über den „Halt in Belgrad" in KF, 1927, Juni.
[2] *Conrad*, IV, S. 162.

Глава шестая

ЦАРСКАЯ РОССИЯ НАКАНУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Русский «военно-феодальный» империализм весьма энергично проводил политику колониальных захватов в тех районах земного шара, где он только мог наложить в силу непосредственной близости свою грабительскую руку. Как показывают опубликованные недавно Институтом Маркса — Энгельса — Ленина ленинские материалы о «Кризисах в международной политике великих держав после 70—71-х годов», царская Россия была одним из активнейших участников колониальных грабежей в период 1870—1914 гг., ведя упорную борьбу за рынки, за сферы влияния и за колонии на Дальнем Востоке, в Средней Азии, на Ближнем Востоке и на Балканах. Грабительские планы русских империалистов простирались и на территорию Европы: в первые месяцы мировой войны до серьезных поражений царской армии русский империализм, как показывает беседа Николая с Палеологом, претендовал на захват Галиции и Буковины, на «освобождение» Чехии и Польши, конечно под русской опекой, на захват Восточной Пруссии до Данцига и т. д.[1]. Для русского империализма империалистическая война в случае победы была попыткой выйти на мировую арену в качестве одного из претендентов на мировую гегемонию. Но в этих планах вселенского грабежа, где только мог русский царизм приложить свою руку, захват Константинополя и проливов был несомненно одной из важнейших грабительских задач русского империализма, унаследованной им из захватнических планов царизма в XVIII веке.

Стремясь к захвату Константинополя и проливов, царское правительство считало своей «священной» обязанностью выступать в роли «защитницы угнетенных славян» на Балканском полуострове, если конечно это давало хоть малейший шанс приблизиться к желанной цели. Русский царизм наталкивался при этом постоянно на отпор Франции и Англии.

---

[1] *Палеолог*, Царская Россия во время мировой войны, Гиз, 1925, стр. 166—172.

К 1914 г. положение изменилось. К моменту сараевского убийства и французская и английская поддержка агрессивной политики царизма на Балканах, казалось, были обеспечены; поэтому одно слово союзников могло сделать царскую Россию самой «крайней защитницей» Сербии и толкнуть ее на самые отчаянные действия. Мало того, были даже признаки, указывавшие на то, что пассивность царского правительства в отношении «защиты» сербских интересов не будет более терпима союзниками. Что это было так, говорил пример 1912 г., когда, в отличие от 1909 г., Антанта даже толкала царизм на путь активной военной поддержки Сербии. Как мы знаем, отказ царизма вступить в 1912 г. в войну с Австрией, объяснявшийся главным образом неподготовленностью русской армии к войне, вызвал бурю негодования во французских правительственных кругах. Теперь, в 1914 г., миновала и эта причина. К 1914 г. царизм успел привести свою армию в более или менее боеспособное состояние, и следовательно можно было, казалось, начинать.

Но, с другой стороны, сама природа империалистических связей, соединявшая царизм с его союзниками, требовала при таком выступлении сугубой осторожности. Где была гарантия в том, что в последнюю минуту, когда назад без позорного конфуза, а главное, без потери своих империалистических позиций на Балканах вернуться будет нельзя, русский империализм не останется «в блестящем одиночестве», не будет предан союзниками? Царское правительство отнюдь не собиралось вести войну в одиночку с австро-германским блоком и таскать каштаны из огня в интересах своих союзников. Поэтому «начинать» нужно было с величайшей осторожностью, и хотя все детали военно-дипломатического расписания по развязыванию войны были оговорены и обусловлены еще в 1912 г., однако в последние минуты всегда могли найтись какие-либо привходящие и непредвиденные обстоятельства, которые «помешали бы» союзникам поддержать силой оружия выступление русского империализма.

История июльского кризиса блестяще иллюстрирует положение, что любой союз империалистических государств есть лишь своеобразная форма борьбы между ними, что участники союза всегда готовы обмануть и предать друг друга ради удовлетворения своих империалистических интересов. Так чуть не случилось в июле 1914 г., когда царскую Россию едва не предали ее же союзники, в частности Англия, начавшая закулисные торги с германским правительством в последние дни июльского кризиса (так называемые переговоры Грея с Лихновским[1] 31 июля — 3 августа 1914 г., см. стр. 676—679). Так же точно чуть не случилось и в 1916 г., когда французские правящие круги тайком от союзников вели переговоры о сепаратном мире.

Возможность «предательства» по отношению к царской России облегчалась тем, что в силу точных условий франко-русской

[1] Германским послом в Лондоне.

военной конвенции русская мобилизация против Австрии не влекла за собой обязательства Франции начать свою мобилизацию. Точно так же русская всеобщая мобилизация, направленная сразу и против Австрии и против Германии, делала нападающей стороной царскую Россию, а обязательство французского империализма выступить на защиту царской России возникало опять-таки в силу точных условий франко-русской конвенции (ст. I) только в том случае, если нападающей стороной была Германия, а не царизм. Коротко говоря, только германская мобилизация и при условии, если она предшествует русской, влекла за собой формальное обязательство французов поддержать царскую Россию силой оружия.

Правда, в 1912 г. Пуанкаре дал обещание поддержать царскую Россию даже в том случае, если она в силу осложнений на Балканах будет вынуждена сама начать войну. Но это были обещания, данные в частном разговоре и не принявшие формы какого-либо акта. Что касается английской правящей клики, то ее позиция в случае европейского конфликта, созданного военным выступлением царской России, хотя бы мобилизацией армии, была еще менее ясной.

Все эти обстоятельства требовали от царских дипломатов величайшей осторожности. Мысль — а вдруг предадут, а вдруг выдадут на поток и разграбление? — висела над их головой подобно дамоклову мечу в течение июльского кризиса 1914 г., отравляя, можно сказать, каждую минуту их дня и ночи, тем более, что очень недавнее прошлое, связанное с боснийским кризисом 1909 г., оставило им в этом отношении незабываемый урок.

С другой стороны, правящие круги Франции, Англии и царской России совершенно определенно знали, что Германия при всех условиях постарается так или иначе предупредить мобилизацию любой державы Антанты, особенно царской России. Крупнейшим шансом на выигрыш войны для германского империализма была возможность разбить союзников по частям благодаря быстроте своей мобилизации и медленности мобилизации царской России, и именно на этом и был, как мы знаем, построен план войны австро-германского блока — оперативно-стратегический план Шлиффена. Поэтому всеобщая мобилизация царской России создавала определенную невозвратимую грань, являлась своего рода скачком, менявшим *качество* международно-дипломатической ситуации.

Царская Россия вызвала этот скачок в 1914 г. отчасти по собственной инициативе, а отчасти с поощрения своих «друзей» — французского и английского империализма, — обещавших ей военную поддержку. Именно эта уверенность в поддержке союзников по Антанте и развязала руки царской России в июльские дни 1914 г., хотя для нее было гораздо выгоднее вступить в войну лишь после осуществления своей большой военной программы, т. е. в 1917 г. Но конечно главная инициатива все же принадлежала самому царизму. Проектируемая анти-

сербским выступлением Австрии перекройка карты Балкан грозила, как отлично понимали царские дипломаты (см. письмо царского посланника в Турции Гирса Сазонову от 28 июля 1914 г. — стр. 315—316), «полным нарушением политического равновесия на Балканском полуострове» в пользу австро-германского блока. Отступление царской России после австрийского ультиматума Сербии и отказ от «защиты» последней силой оружия имели бы своим результатом окончательное сближение Турции с австро-германским блоком и последующий из этого факта подрыв империалистических позиций и экономических интересов царской России и на Балканах и в Малой Азии [1].

По свидетельству иностранных дипломатов, аккредитованных при царском дворе, известие об убийстве Франца-Фердинанда было встречено в кругах правящих классов царской России со смешанным чувством.

«Теперь, когда первое чувство ужаса, вызванное убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги, улетучилось, общим впечатлением является повидимому чувство облегчения, что от престолонаследия устранена столь опасная личность», — сообщал 9 июля английский посол в царской России Бьюкенен в Лондон о настроениях правящей клики в Петербурге [2].

Ненависть к эрцгерцогу, являвшемуся опорой австрийской военной партии и фактическим руководителем экспансии Австро-Венгрии на Балканах, легко преодолела у представителей господствующих классов царской России те монархические чувства, которые могло у них пробудить покушение на члена царствующего дома и на монархический принцип вообще.

Конечно для русских монархистов было отнюдь не легкой и приятной задачей «защищать», даже из самых патриотических побуждений, цареубийц [3]. Вдобавок эта задача в отношении сараевского дела весьма и весьма осложнялась. Царские сановники, хорошо знакомые с австро-сербскими отношениями последних лет, не сомневались в том, что покушение было инспирировано сербскими националистическими кругами. Естественно, что в правящих кругах России были опасения, как бы австрийцы, расследовав все обстоятельства покушения, и в самом деле не добрались до Белграда. Поэтому сейчас же после покушения в Сараево «на всякий случай» был послан специальный человек, чтобы выяснить на месте, что и как там произошло.

Этим человеком явился второй атташе русского посольства в Вене князь Гагарин, о пребывании которого в Сараево управление Боснией и Герцеговиной сообщало 8 июля своему начальнику,

---

[1] МОЭИ, V. № 154.

[2] BD, XI, № 49. Отчет германского посла в Петербурге графа Пурталеса — см. DD, № 53; отчет австрийского поверенного в делах Отто Чернина — OUAP, VIII, № 10017.

[3] МОЭИ, IV, № 4, 15, 26, 29, 32, 46, 47, 48, 62, 81, 90, 135.

министру финансов Билинскому: «Сегодня утром сюда[1] прибыл через Брод второй атташе русского посольства в Вене князь Гагарин. Находится под тайным наблюдением»[2].

Были сведения и другого рода. Как можно думать, в кругах высших офицеров генерального штаба и военного министерства, группировавшихся вокруг великого князя Николая Николаевича, знали еще до покушения Принципа (из телеграмм русского военного агента в Сербии полковника Артамонова), что на эрцгерцога готовится «облава». Не исключена возможность, что о вероятности покушения знал и министр иностранных дел Сазонов, говоривший 14 июня (за 14 дней до покушения!) на известном свидании в Констанце румынскому премьер-министру Братиану о возможности войны царской России с Австрией из-за Сербии и задавший при этом «пророческий вопрос»: «Что произойдет, если австрийский эрцгерцог будет убит?»[3] Впрочем всякий, кто внимательно наблюдал ситуацию на Балканах в то время, мог отчетливо представить себе судьбу эрцгерцога, даже и не будучи посвящен специально в тайны «Черной руки».

В сложной и причудливой гамме настроений, вызванных сараевским убийством и переживавшихся различными слоями царской военной и гражданской бюрократии по-разному, основным является одно: Сербию необходимо защищать от наскока австрийцев, потому что отказ в защите, выдавая сербов в полном смысле слова на милость австрийского империализма, делал последний полным хозяином на Балканах. Империалистические позиции царизма на Балканах не выдержали бы вторичного удара, подобного тому, который был нанесен им аннексией Боснии-Герцеговины в 1909 г. Но в то же время царские дипломаты прекрасно понимали, что поддержка Сербии могла привести к войне с австро-германским блоком. И здесь снова выплывал роковой вопрос: а поддержат ли союзники? Итти на риск войны в одиночку против австро-германского блока вряд ли собирался даже самый беспардонный милитарист из свиты Николая Николаевича, не говоря уже о министерстве иностранных дел. Царизм вовсе не хотел играть роль «подставного дурака» Антанты, а потому, ничуть не собираясь отказываться от очередной авантюры крупного масштаба, повод для которой могло дать сараевское убийство, ставил свое выступление в зависимость от поведения союзников в решающий момент и их поддержки.

Именно этим стремлением «выяснить ситуацию», созданную сараевским убийством, и объясняются, как известно, «сдержанность» царизма в первое время после убийства и ряд принятых им мер.

Прежде всего не следовало дразнить Австрию, уже достаточно раздраженную сараевским убийством, и еще больше обострять

---

[1] В Сараево.

[2] OUAP, VIII, № 10138, 10208; ср. МОЭИ, IV, № 66, 89, 120, 248.

[3] *Shelking*, Recollections of Russian Diplomacy, *N.-Y* 1918, а также *Rosen*, Forty Years of Russian Diplomacy, *N.-Y.* 1922.

опасность создавшейся ситуации. Поэтому было решено временно прекратить переговоры об объединении Сербии и Черногории, которые велись под непосредственным давлением царизма[1] и имели целью создать на Балканах сильную Сербию с выходом в Адриатическое море. Эти переговоры велись в строжайшей тайне, так как сам факт такого объединения был не менее взрывоопасным, чем сараевское убийство.

Поэтому уже 7 июля Сазонов предписывал Гартвигу, руководившему этими переговорами из Белграда:

«Сообщается в Цетинье. Доверительно. Последние события в Австрии, вызвавшие столь резкое обострение антисербского настроения, побуждают нас советовать сербскому правительству с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его и создать опасное положение. Ввиду этого полагаем, что было бы желательно повременить с переговорами о сербско-черногорском сближении, которое уже обратило на себя внимание австро-венгерского и даже германского правительств. Прошу вас доверительно сообщить наше мнение Пашичу»[2].

Другой мерой была необходимость хотя немного подбодрить сербов и высказать им в этот трудный момент, если не официально, то фактически, сочувствие царской России. Поэтому Сазонов другой телеграммой одновременно сообщал о разрешении Николая II на выдачу 120 тыс. винтовок с патронами для сербской армии, о чем сербское правительство ходатайствовало еще с февраля. Это ходатайство, как говорится, лежало под сукном, но после сараевского убийства о нем сразу вспомнили и весьма быстро удовлетворили — 30 июня, через два дня после покушения, — чтобы поддержать «на всякий случай» и своеобразно поощрить сербское правительство[3].

Вот и все, что последовало со стороны царского правительства в первое время после сараевского убийства. Царские дипломаты учитывали положение, созданное этим убийством, и необходимость сугубой осторожности, особенно для царской России. Их разговоры со своими французскими и английскими коллегами не оставляют никаких сомнений в том, что убеждение в возможности и даже неизбежности войны в результате сараевского убийства являлось господствующим в кругах деятелей царского режима. Но царское правительство по вполне понятным соображениям отнюдь не собиралось само влезать в войну и рисковать головой без уверенности в поддержке союзников. Поэтому оно заняло выжидательную позицию, надеясь на благоприятный для своих планов оборот событий.

Наоборот, правящие круги Англии и Франции решили предоставить царскому правительству «честь первого выстрела», чтобы с самого начала прочно связать германскую армию на вос-

[1] МОЭИ, I, № 102, 165, 180, 380; II, № 67, 69, 97, 98, 119, 159, 169, 170, 412; III, № 35; IV, № 36, 112, 148, 238.
[2] МОЭИ, IV, № 112 и прим. 1 к стр. 158; OUAP, VIII, № 10086.
[3] МОЭИ, IV, № 74 и прим.

токе. Поэтому они также проявляли сдержанность, ожидая инициативы царского правительства, хотя для «первого выстрела» царизм больше всего нуждался именно в активной поддержке Антанты. Таким образом каждый из союзников выжидал, посматривал на других и молчаливо предоставлял инициативу товарищам по союзу. В Лондоне и Париже прекрасно понимали, что царь проявит эту инициативу и что его нужно только обнадежить. Но это хотели сделать тогда, когда у царского правительства уже будут отрезаны пути к отступлению, и главное, оказать поддержку в такой форме, чтобы не вспугнуть слишком рано германскую правящую клику и, если удастся, связать силы Германии на востоке. Именно к этому и сводились все усилия английской дипломатии в период после сараевского убийства вплоть до объявления войны.

Итак, первое время после сараевского убийства положение правящих кругов царской России характеризуется определенной «сдержанностью» и выжидательной позицией. Чтобы подчеркнуть эту сдержанность официально, Сазонов до выяснения событий даже демонстративно уехал в отпуск!

«Выяснение положения» не заставило себя долго ждать.

Письмо царского посла Бенкендорфа из Лондона о его беседе с Греем 8 июля (см. стр. 626—628), говорившее, что Грей *предвидит в конечном результате* сараевского убийства *мировую войну,* явилось, как можно судить по опубликованным документам царских архивов, первым указанием из-за границы о том, что союзники, в данном случае Англия, оценивают положение как крайне серьезное и что следует ожидать нападения Австрии на Сербию[1]. Это был вместе с тем и первый пробный шар Грея, стремившегося заставить царское правительство высказаться о его сокровенных намерениях в связи с сараевским покушением.

Второй сигнал о серьезности создавшегося положения последовал 16/3 июля; он шел с другой стороны.

«На вечере у графини Клейнмихель итальянский посол спросил барона Шиллинга[2], как отнесется Россия к выступлению Австрии, если бы последняя решилась предпринять что-нибудь против Сербии. Барон Шиллинг, не колеблясь, ответил, что Россия не потерпит посягательства со стороны Австрии на целость и независимость Сербии». Шиллинг отверг совет маркиза Карлотти «об этом недвусмысленно заявить в Вене», добавив, что «может самым решительным образом подтвердить ему только что сказанное «о твердом намерении России не допустить ослабления или унижения Сербии». «Если с таким заявлением в Вене выступит Россия, — добавил царский дипломат, — это может быть сочтено за ультиматум и обострить положение, тогда как настойчивый совет, преподанный Италией и Германией, т. е. союзницами, был бы конечно более приемлем для Австро-Венгрии»[3].

[1] МОЭИ, IV, № 146; ср. также № 232; BD, XI, № 39.
[2] Начальник канцелярии царского министерства иностранных дел.
[3] МОЭИ, IV, № 245.

Несмотря на сдержанный и сухо официальный характер цитированной выше «Поденной записи министерства иностранных дел», откуда мы берем эти строки, вполне ясно видно из тона изложения, что царские дипломаты хорошо учитывали серьезность сигнала, шедшего на этот раз с противной стороны, ибо Италия официально считалась союзницей австро-германского блока. И именно в надежде на то, что Карлотти окажется таким же передатчиком по отношению к Германии, каким он оказался во время этого разговора с бароном Шиллингом по отношению к царской России, и были рассчитаны слова барона Шиллинга о том, что царизм не допустит «ослабления Сербии». Австрийцев на всякий случай просто запугивали, чтобы выиграть время в ожидании известий от союзников.

Третьим и пожалуй самым решительным предупреждением явилась телеграмма царского посла Шебеко из Вены, откуда все время шли сравнительно успокоительные сведения[1]. Телеграмма эта была получена в Петербурге 17 июля.

«[По] дошедшим до меня [сведениям], — доносил Шебеко, — австро-венгерское правительство намерено по окончании следствия выступить в Белграде с известными требованиями, связав вопрос сараевского покушения с пансербской агитацией в пределах империи. Оно рассчитывает при этом на невмешательство России и на сочувственное отношение к такому шагу своих южнославянских элементов. Мне казалось бы желательным, чтобы венский кабинет был осведомлен в настоящую минуту перед принятием окончательного решения по сему вопросу, как отнесется Россия к факту предъявления им Сербии неприемлемых для достоинства этого государства требований. Австро-венгерский посол выехал вчера вечером в Петербург»[2].

В тот же день 17 июля досрочно — и уже одно это было подозрительно — «вернувшийся из отпуска австро-венгерский посол граф Сапари выразил желание возможно скорее увидеть министра»[3]. Ему был назначен прием на 18 июля в 11 час. утра. На следующий день утром начальник канцелярии министерства иностранных дел барон Шиллинг поехал на вокзал, чтобы встретить Сазонова, возвращавшегося из отпуска, и сообщить ему, еще до разговора с Сапари, содержание телеграммы Шебеко из Вены, а также осведомить о предупреждении, сделанном итальянским послом на вечере у графини Клейнмихель.

Каких сообщений ожидали царские дипломаты от графа Сапари — неизвестно: ни документов, ни мемуарных высказываний по этому вопросу не имеется. Но несомненно, что сами они придавали этому разговору довольно серьезное значение, решив использовать его для продолжения той же политики запу-

---

[1] МОЭИ, IV, № 132, 133, 236.

[2] МОЭИ, IV, № 247; эти сведения Шебеко как и де-Бунзен получили от бывшего австро-венгерского посла в Риме графа Люцова, ср. тревожные сведения из Берлина — МОЭИ, IV, № 179, 259.

[3] МОЭИ, IV, № 258.

гивания Австрии. Эта линия вполне понятна даже и 18 июля: до этого времени царская правящая клика еще не имела данных, на основании которых можно было судить, что в случае надлежащей «инициативы» царская Россия получит вооруженную поддержку Антанты. Поэтому приходилось выжидать и показывать австрийцам кулак в кармане, так как воевать в одиночку царизм не мог. Из той же «Поденной записи» видно, что в результате переговоров с Шиллингом, сообщившим содержание донесения из Вены, и разговора с маркизом Карлотти Сазонов «был озабочен этими известиями и согласился с мнением барона Шиллинга о необходимости предупредить Австрию о решимости России ни в каком случае не допустить посягательства на независимость Сербии. Министр собирался в этом смысле высказаться самым решительным образом перед австро-венгерским послом»[1].

Однако «решительно высказаться» Сазонову не удалось. Выполняя инструкцию австро-венгерского министра иностранных дел Берхтольда—всячески скрыть от царского правительства подготовку ультиматума Сербии, — Сапари «в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией. Его заверения были до такой степени положительными, что вполне успокоили министра, который после этого свидания говорил барону Шиллингу, что ему не пришлось прибегнуть к угрозам, так как австро-венгерский посол поручился ему за миролюбие своего правительства. «Он был кроток, как ягненок»[2].

Из отчета графа Сапари однако известно, что Сазонов «сам избегал говорить о наших отношениях с Сербией» и, согласившись с собеседником о необходимости положить конец «революционному терроризму» и сообщив о легком беспокойстве, внушенном ему последними известиями из Вены, «выразил свое убеждение, что никогда не удастся доставить доказательства того, что сербское правительство терпимо относилось к подобным махинациям. Я возразил, — писал граф Сапари, — что результаты начатого по сему поводу расследования, правда, мне еще не известны, но всякое правительство до известной степени ответственно за то, что происходит на его территории. К тому же в Вене убеждены, что сербское правительство проявит уступчивость к тем требованиям, которые мы могли бы формулировать. Что касается беспокойства относительно формы этих требований, которое он проявил *до разговора со мной в беседе с моим германским коллегой,* то г. Сазонов не обнаружил его в моем присутствии»[3].

---

[1] МОЭИ, IV, № 272.

[2] Там же.

[3] OUAP, VIII, № 10365 (курсив мой. — *Н. П.*). О беседе Пурталеса с Сазоновым 18 июля 1914 г. DD не содержат никаких упоминаний (хотя о ней говорит Бьюкенен, см. BD, XI, № 60), если не считать депеши Пурталеса от 21 июля — см. DD, № 120. Как свидетельствуют слова Сапари, Пурталес был принят Сазоновым до 11 час. утра.

Совершенно иной характер зато носили разговоры Сазонова с германским послом графом Пурталесом и английским послом Бьюкененом.

Перед Пурталесом Сазонов разразился «неумеренными» нападками на Австрию. Он обвинял военно-клерикальную клику, группировавшуюся вокруг убитого Франца-Фердинанда, в инспирировании той опасной политики, которую ведет сейчас Австро-Венгрия.

«Настоящими руководителями этой политики, — приводил граф Пурталес в своем донесении слова Сазонова, — являются два лица, чье возрастающее влияние становится в высшей степени заметным, именно граф Форгач — «интриган самого худшего сорта» и граф Тисса — «полудурак» [1].

По словам Пурталеса, Сазонов доказывал, что поддержка великосербской пропаганды сербским правительством «никоим образом не доказана», что «вся страна не может быть сделана ответственной за деяние отдельных лиц, что убийца эрцгерцога даже не сербский подданный».

«Министр продолжал возбужденно, — излагает Пурталес содержание своей дальнейшей беседы с Сазоновым, — что Австро-Венгрии, если она абсолютно решилась возмутить мир, не следует ни в коем случае забывать, что в этом случае ей придется считаться со всей Европой. Россия не могла бы смотреть равнодушно на шаг в Белграде, имеющий целью унижение Сербии... Ни в коем случае не может быть речи об ультиматуме.

Во время разговора министр неоднократно указывал на тот факт, что согласно полученной им информации положение считается очень серьезным также в Париже и Лондоне, и он *явно пытался внушить мне впечатление* [2], что позиция Австро-Венгрии весьма не одобряется даже в Англии...

Господин Сазонов выразил свое беспокойство по поводу австро-сербских напряженных отношений также моему итальянскому коллеге и заметил при этом, что для России было бы невозможно позволить Австро-Венгрии угрожать Сербии или принять какие-нибудь военные меры» [3].

Совсем иначе рисовал английскому послу Бьюкенену свой разговор с Пурталесом сам Сазонов. Он прежде всего сообщил Бьюкенену, повидимому зондировавшему его от имени Грея о позиции царской России в австро-сербском конфликте, «о том большом беспокойстве, которое внушает ему позиция Австрии. Он получил тревожные телеграммы от русских послов в Лондоне [4], Берлине [5] и Риме [6] и предполагает просить французское

---

[1] Против этого „места" на полях депеши Пурталеса красуется пометка Вильгельма II: „Сами вы дурак, г. Сазонов".

[2] Курсив мой. — *Н. П.*

[3] DD, № 120.

[4] МОЭИ, IV, № 146, 232.

[5] МОЭИ, IV, № 259.

[6] МОЭИ, IV, № 245; „Красный архив", IV, стр, 6—7.

правительство выступить со словами предостережения в Вене. Он только что видел германского посла и подчеркнул ему, что единственное желание России — быть оставленной в покое. Россия не питает никаких агрессивных намерений против кого бы то ни было и желает посвятить все свои усилия развитию своих внутренних ресурсов и постройке железных дорог, в которых она так нуждается. Период экспансии, через который она прошла, уже кончен. Увеличение ее вооружений не направлено ни против какой другой державы, но необходимо для мирного развития ее обширной империи. Германия находится, относительно говоря, в гораздо более крепком положении, чем Россия, так как у нее нет такой же длины границ, подлежащих защите, или такого размера территории. Великосербская агитация в Австрии выросла внутри (Австрии. — *Н. П.*), и порицание может быть обращено к Сербии не больше, чем Германия может считаться ответственной за великогерманскую, а Италия за итальянскую пропаганду, ведущуюся в пределах австрийской империи».

«*В ответ на мой вопрос* его превосходительство сказал, что что-либо вроде австрийского ультиматума в Белграде не могло бы оставить Россию равнодушной, и она была бы вынуждена принять некоторые предварительные меры военного характера»[1].

Таким образом Сазонов с 18 июля знал о готовящемся выступлении Австрии и, как показывают отчеты об его разговорах с Сапари, Пурталесом и Бьюкененом, быть может несколько своеобразно к нему готовился. По отношению к австро-германскому блоку нужно было продолжать политику запугивания и изо всех сил показывать, что царская Россия «не допустит» умаления Сербии. По отношению к Антанте нужно было показать, что царская Россия «готова» и может «начать», но при известных условиях, которые и были указаны Бьюкенену. Вместе с тем, запугивая Австрию, старались делать это не непосредственно. «Решительно говорить» с графом Сапари о «решимости» России было нельзя, так как последний обманул надежды собеседника и ничего не говорил о выступлении Австрии против Сербии. Начинать же разговор об этом по собственной инициативе было бы неполитично. В создавшейся в результате сараевского убийства ситуации непосредственное «предупреждение», точнее, запугивание Австрии звучало как некоторый ультиматум и могло быть изображено как необоснованная агрессия со стороны царской России. Поэтому Австрию запугивали через Пурталеса в расчете на то, что последний несомненно передаст Сапари полученную информацию. Реальным успехом такого запугивания на худой конец могли быть выигрыш времени и некоторая нерешительность Австрии, что дало бы сербской правящей клике известное время для мобилизации и подготовки.

Наоборот, Бьюкенену можно и должно было сообщить о тревоге, внушаемой сообщениями из Лондона (!!), Берлина и Рима,

---

[1] BD, XI, № 60 (курсив мой. — *Н. П.*).

и, подчеркнув миролюбие царской России, дать понять, что намеки Грея, переданные Бенкендорфом в его донесении от 8 июля, поняты достаточно ясно и что царская Россия вполне готова на выступление, но при условии, когда выступят союзники. Такая редакция разговора с Бьюкененом была рассчитана на то, чтобы оказать известное давление на решение Антанты — решение, особенно сомнительное со стороны Англии, так как либеральная, т. е. правительственная, печать, что называется, метала громы против Сербии и даже против царской России, обвиняя и последнюю в причастности к сараевскому убийству [1].

Эту позицию официального выжидания, а на самом деле многозначительных намеков союзникам и не менее многозначительных и рассчитанных «на всякий случай» заявлений о «решимости» по отношению к противникам царское правительство неуклонно сохраняет в течение почти трех недель. Но эта же позиция коренным образом меняется после визита Пуанкаре 20—23 июля, когда царское правительство получило от французского президента указание стоять «твердо» до конца и обещание полной поддержки французского империализма в случае, если конфликт между Австрией и Сербией вследствие вмешательства в него царской России превратится в общеевропейский.

Поездка президента Пуанкаре в Россию решена была еще в начале 1914 г., но отнюдь не являлась только обычным актом вежливости по отношению к царю, как ее пытаются изобразить французские и английские историки. Конечно французские президенты после избрания по традиции наносили визит русскому царю, но они наносили его, стараясь выбрать для этого наиболее спокойное и в политическом отношении тихое время. Необычным же в визите Пуанкаре являлось то, что поездка его в царскую Россию была предпринята две недели спустя после сараевского убийства, когда французские правящие круги не могли не знать о том, что австрийцы готовят нападение на Сербию, и когда в силу этого, если французский империализм действительно не хотел войны, следовало сидеть спокойно дома и пережидать тревожный период.

Информатором французского правительства о затеваемом австрийцами выступлении несомненно являлся французский посол в Вене Альфред Дюмен [2], о котором де Бунзен еще 5 июля писал Грею:

«Мой французский коллега г. Дюмен полон серьезных опасений. Его страна, как известно, сочувствует сербским притязаниям, и он имеет возможность знать, что говорится и делается сербами в Вене. Он неоднократно говорил мне в течение прошлой недели об опасностях ситуации, которая, он боится, может быстро развиться в осложнения, из коих может легко вспыхнуть война» [3].

---

[1] МОЭИ, IV, № 47; см. также гл. IX.
[2] Его мемуары „La dernière Ambassade en Autriche", P. 1921.
[3] BD, XI, № 40.

Каковы были опасения Дюмена и в силу чего они возникли — неизвестно и до сего дня. Во французской «Желтой книге» 1914 г., равно как и в мемуарах Дюмена, Пуанкаре и «Отчете» Буржуа и Паже, о них нет и полслова. Но хотя соответствующие телеграммы Дюмена, а возможно и других французских дипломатов, еще не напечатаны, мы вполне в праве предположить, что Дюмен, так охотно делившийся своими опасениями с Бунзеном, не замедлил сообщить о них по долгу службы своему начальству в Париже. Но даже если этого не случилось, если Дюмен о них почему-либо умолчал, то Пуанкаре мог знать и *знал о готовящемся австрийцами ультиматуме* из другого, не менее авторитетного источника. 8 июля Грей совершенно определенно предупредил французского посла в Лондоне Поля Камбона, «что Австрия может быть вынуждена своим общественным мнением на некоторый демарш против Сербии вследствие чувств, возбужденных убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда... и что в случае такого события мы должны сделать все возможное, чтобы укрепить терпение в Санкт-Петербурге»[1].

Это весьма важное заявление Грея, о котором Поль Камбон не мог не сообщить в Париж, дает очень много для понимания как линии английского империализма на развязывание войны, так и его методов. То, о чем Грей в тот же день говорил Бенкендорфу, т. е. царскому правительству, в общей форме, было достаточно определенно сказано формальному союзнику. Грей «предвидел» возможность развязывания войны и укреплял «терпение» царского правительства, во-первых, для того чтобы германский империализм в случае поддержки им выступления австрийцев мог благодаря этому «терпению» Петербурга с самого начала завязнуть поглубже на востоке, а, во-вторых, как это будет видно из дальнейшего, для того чтобы подтолкнуть царскую Россию.

«Серьезные опасения» Дюмена, а еще более заявление Грея Полю Камбону заставляют думать, что Пуанкаре выехал 15 июля в Петербург, будучи уже более или менее осведомленным о том, что австрийская правящая клика что-то готовит против Сербии и что следовательно его поездка при наличии такой серьезной ситуации имела специальную цель — обсудить со своим русским союзником создающуюся обстановку.

Косвенным доказательством первого положения является то, что принятый Пуанкаре в Петербурге сербский посланник Спалайкович, имевший с ним очень короткий разговор, тем не менее нашел Пуанкаре исключительно хорошо осведомленным в событиях последних дней. Косвенным подтверждением специальных целей поездки является тот факт, что парижские газеты усиленно подчеркивали ее важность в «настоящий момент», т. е.

---

[1] BD, XI, № 38.

после сараевского убийства. Бывший французский посол в царской России Жорж Луи, достаточно хорошо осведомленный в русских делах, даже просил Кайо воспрепятствовать поездке, «которая повлечет за собой большие последствия». С протестом против поездки Пуанкаре выступил в палате депутатов и лидер социалистической партии — Жорес[1].

20 июля около 2 час. дня французская эскадра бросила якорь в Кронштадте. Пуанкаре поднялся на борт царской яхты «Александрия» и после первых приветствий и представлений вступил с Николаем II в беседу или, как выражается в своих мемуарах французский посол при царе Морис Палеолог, «скорее в переговоры, так как видно, что они говорят о делах, что они взаимно друг друга спрашивают, что они спорят. Повидимому Пуанкаре направляет разговор. Вскоре говорит он один. Император только соглашается, но все его лицо свидетельствует о том, что он искренне одобряет, что он чувствует себя в атмосфере доверия и симпатии»[2].

Что же говорил Пуанкаре Николаю II? Об этом еще до сих пор нет точных сведений из первоисточников. Пуанкаре повидимому унес в могилу содержание советов, данных им Николаю II. И никакие нападки публицистов и историков не смогли при жизни вырвать у него признания. Но у нас есть два свидетельства, по которым можно судить, что и как было сказано им во время поездки в Петербург.

Жорж Луи цитирует слова Мильерана: «Я спрашивал Пуанкаре: «Но что же ты говорил русским?». Я никогда не мог заставить его сказать»[3].

Мы имеем свидетельство и другой стороны — самого Николая II, сказавшего в 1915 г. бывшему французскому министру иностранных дел Круппи, «что он никогда не забудет столь твердых речей (langage si ferme), которые держал тогда Пуанкаре»[4].

Имеется также признание председателя французской палаты депутатов Дешанеля, которому Пуанкаре 14 июля, накануне отъезда в Россию, сказал: «Мне будет немало труда убедить русских»[5].

Имеется и «признание» самого Пуанкаре, сделанное им в 1921 г., когда еще не были опубликованы ни переписка царского посла в Париже Извольского с Сазоновым, ни «Поденная запись министерства иностранных дел», т. е. тогда, когда высказывания Пуанкаре о подробностях визита не привлекли бы к себе внимание историков.

«Сначала говорили о зрелище моря и берегов, — излагает Пуанкаре содержание своего разговора с Николаем II, — о здо-

---

[1] *G. Demartial*, L'Evangile du Quai d'Orsay. P. 1925, p. 14; также „Les carnets de George Louis" в „Europe" 15/I 1925.

[2] *М. Палеолог*, Царская Россия во время мировой войны. Гиз., 1923, стр. 29.

[3] „Les carnets de George Louis" в „Europe" 15/I 1925, v. I, p. 143.

[4] „Matin" 26/III 1915; цит. по *G. Demartial*, op. cit., p. 18.

[5] „Les carnets de George Louis", op.-cit., p. 143.

ровье императорской семьи, о ближайшем посещении царем Парижа, об Албании, Хиосе и Митилене, о железнодорожных забастовках в Италии, о болгарском короле, о Турции и Швеции. Сомневались ли относительно катастрофы, которая готовилась разразиться над миром? Понятно, царь мне говорил также об Австрии и Сербии, но он был осведомлен в этом отношении не лучше меня. Он задавал себе вопрос, что замышляет Австрия?»[1].

В своем признании Пуанкаре умалчивает истину. И Николай II и Сазонов к этому времени уже имели достаточную информацию о подготовке австрийским правительством ультиматума Сербии. Поэтому понятно, что разговоры Пуанкаре с Николаем II должны были коснуться в первую очередь вопроса об австро-сербских отношениях в связи с сараевским убийством. Именно об этом, а не о «зрелище моря и берегов» в первую очередь велись переговоры.

Это подтверждает и Бьюкенен. В своей телеграмме Грею от 24 июля он указывает, что во время приезда Пуанкаре в Петербург переговоры велись как раз именно о согласовании позиции Франции и царской России[2].

Действительно, еще до торжественного обеда, который должен был состояться в тот же день в Петергофе, французский премьер-министр Вивиани имел долгую беседу с Сазоновым об австро-сербском конфликте. Не приходится сомневаться в том, что Сазонов выложил своему собеседнику всю информацию царских послов, какую он получил по этому вопросу. Вряд ли Вивиани сохранил эту информацию только для себя лично, и когда вечером на обеде Пуанкаре выступил с ответной речью на тост Николая II, «никогда его произношение не было более ясным, более определенным, более внушительным. То, что он говорит, не более чем пошлое дипломатическое пустословие, но слова в его устах приобретают замечательную силу, значение и властность»[3].

На следующий день, утром 21 июля, состоялось совещание, в котором со стороны царской России приняли участие Сазонов, царский посол во Франции Извольский и начальник канцелярии министерства иностранных дел барон Шиллинг. С французской стороны в нем участвовали премьер-министр Вивиани и директор политического департамента французского министерства иностранных дел де Маржери. Повидимому совещание было посвящено австро-сербскому конфликту, так как утром, по словам самого Пуанкаре[4], во французском посольстве в Петербурге

---

[1] Пятая лекция Пуанкаре в „Revue de la Semaine" 11/III 1921; *Demartial*, op. cit., p. 14—15; в IV томе „Au service de la France" Пуанкаре повторяет старые места из своих лекций 1921 г.

[2] BD, XI, № 101.

[3] *Палеолог*, цит. соч., стр. 31; текст речей Николая и Пуанкаре — МОЭИ, IV, № 293, 294.

[4] *Poincaré*, IV, p. 256.

была получена тревожная телеграмма о том, что правящие круги Германии не только не будут противодействовать выступлению австрийского империализма против Сербии, но даже его поддержат.

О какой телеграмме, о каких сообщаемых ею сведениях говорит эта глухая обмолвка Пуанкаре? В последующих французских документациях эта телеграмма не приведена и обмолвка не повторяется.

Тем не менее есть кое-какие косвенные признаки, по которым можно судить об этой телеграмме.

Возможно, во-первых, что это была депеша Жюля Камбона[1] из Берлина, отправленная заместителю французского премьер-министра Бьенвеню-Мартену в Париж и переадресованная последним в Петербург. Согласно этой депеше, у Жюля Камбона были весьма серьезные основания полагать, что «когда Австрия предпримет в Белграде шаг, считаемый необходимым после убийства, Германия во всех отношениях поддержит своего союзника, не пытаясь играть в посредничество»[2].

Но возможно, что это была депеша французского посла в Вене Дюмена, отправленная 19 июля в Петербург Вивиани и имевшая в качестве приложения выдержку из консульского отчета.

«Из сведений, сообщенных одним лицом, исключительно осведомленным об официальных новостях, — сообщалось в этой выдержке, — явствует, что французское правительство допустит ошибку, склонившись к мнению распространителей оптимистических известий: от Сербии потребуют многого, ей навяжут роспуск многочисленных обществ пропаганды, от нее потребуют задушить национализм, наблюдать за границей в сотрудничестве с австрийскими комиссарами, принять полицейские меры по отношению к антиавстрийскому духу в школах, и правительству будет очень трудно дать свое согласие на то, чтобы стать таким образом жандармом иностранного правительства. Во внимание принимаются увертки, при помощи которых Сербия захотела бы уклониться от прямого и ясного ответа; поэтому ей вероятно поставят очень короткий срок для заявления, принимает ли она требования или нет. Тон ноты и ее повелительная форма почти наверняка гарантируют, что Белград откажется. Тогда предпримут военное выступление»[3].

Возможно, что обмолвка Пуанкаре имеет в виду одну из этих телеграмм, но возможно, что речь идет о телеграмме с еще более серьезным содержанием, опубликование которой до сих пор скрывается. Несомненно одно, что телеграммы, которые могли в это время получить в Петербурге французские гости, были достаточно значительными, для того чтобы устраивать конференции для их обсуждения.

---

1. Французского посла в Германии.
2. F., 1926, № 16.
3. F., 1926, № 14.

Какие решения были приняты на этой конференции, тоже неизвестно до сих пор. Во всяком случае сведения, полученные в этот день, повидимому, были настолько важны, что Пуанкаре решил использовать назначенный им на 4 часа дня прием иностранных послов в Зимнем дворце для глубокой разведки и выяснения положения.

После короткой «аполитичной» беседы с германским послом графом Пурталесом и разговора с японским послом Мотоно о присоединении Японии к Антанте[1] Пуанкаре принял Бьюкенена, который в ожидании своей очереди беседовал со Спалайковичем.

«Сербский посланник сказал мне вчера, — доносил 22 июля Бьюкенен Грею, — что он считает нынешний кризис наиболее опасным из всех, пережитых Сербией за последние два года[2]. Повторив мне все, сделанное правительством, для того чтобы показать свою готовность удовлетворить все законные требования, которые Австрия могла адресовать Сербии, он сказал, что граф Тисса и граф Форгач разжигают австрийское общественное мнение, чтобы подтолкнуть (to force hands) престарелого императора. На мое замечание, что если Сербия сохранит свою нынешнюю корректную позицию, то для Австрии будет невозможно найти предлог для нападения на нее, посланник ответил, что она создаст какой-нибудь инцидент, который даст ей предлог.

Вышесказанное я повторил президенту республики, которого я увидел непосредственно после этого, и также упомянул о сказанном вами в вашей телеграмме № 336 от 20 июля»[3].

Телеграмма № 336, о которой мы находим указание в депеше Бьюкенена, заслуживает пристального внимания как имеющая большую важность для выяснения позиции английского империализма в развертывании конфликта.

В ней содержалось совершенно провокационное предложение Грея, чтобы «Австрия и Россия обсудили дело вместе, если оно станет затруднительным»[4]. Это предложение имело целью, не обещая никакой английской поддержки, т. е. имея свои руки свободными, возможно серьезнее втравить царскую Россию в конфликт и тем связать Германию покрепче на востоке. Прямой «разговор с глазу на глаз» между Австрией и царской Россией о поведении Сербии в связи с сараевским убийством весьма основательно считался царскими дипломатами, судя по приведенному выше разговору барона Шиллинга с итальянским послом маркизом Карлотти (см. стр. 387—388), лишь способным обострить положение, так как русское выступление в Вене «может быть сочтено за ультиматум», как сказал Шиллинг 16 июля Карлотти. Грей фактически подбивал царскую Россию вступить на этот путь.

---

[1] Пуанкаре дал на это согласие от имени французского правительства.
[2] Кризисы 1912 и 1913 гг.
[3] BD, XI, № 76; *Poincaré*, IV, p. 252—253.
[4] BD, XI, № 67.

Пуанкаре сразу понял провокационный характер предложения Грея и его стремление разжечь конфликт. Против этого Пуанкаре ничего не имел. Но и царские дипломаты и тем более французская правящая клика больше всего боялись того, что английский империализм втравит их в авантюру без определенных обязательств о поддержке со своей стороны. Прежде чем выступать, они хотели выяснить истинные намерения самого Грея и получить эти обязательства, так как отлично понимали, что война без помощи Англии явилась бы «рискованнейшей авантюрой, какую только можно себе вообразить»[1]. Поэтому Пуанкаре в разговоре с Бьюкененом «выразил мнение, что разговор à deux [вдвоем] между Россией и Австрией в настоящий момент может быть крайне опасен, и высказался в пользу умеряющих советов Франции и Англии в Вене»[2].

Видимо в связи с этой позицией Пуанкаре следует рассматривать и позицию Сазонова по отношению к указанной телеграмме Грея. В тот же день Бьюкенен телеграфировал в Лондон, что Сазонов «считает полезным, если бы три правительства — Англия, Франция и Россия — дали совет умеренности в Вене. Это должно быть сделано в самой дружелюбной форме и не должно иметь вида коллективного выступления. Он просил меня телеграфировать в этом смысле вам и сказал, что поговорит сегодня по этому поводу с президентом республики»[3]. Понимая «механику» английской политики, Сазонов платил лондонскому партнеру той же монетой.

Но и предложение Пуанкаре и предложение Сазонова «о советах умеренности» австрийским поджигателям войны отнюдь не имели целью снять войну с повестки дня. Этим предложением царизм и французские империалисты хотели только прощупать позицию самого Грея и его отношение к возможностям, созданным сараевским убийством.

Что это так, что речь шла не о «советах умеренности», а о сговоре между собой для организации войны, показывает тот тон, который Пуанкаре взял в беседе с австрийским послом графом Сапари. Прием Сапари состоялся после «совсем поверхностного разговора с послами Италии и Испании»; целью разговора, как указывает Палеолог, было желание Пуанкаре выяснить у Сапари, каковы намерения австрийцев в отношении Сербии.

Разговор Пуанкаре с графом Сапари велся в таком тоне, который мог говорить о чем угодно, но только не о «советах умеренности» или о стремлении к миролюбию. Об этом ясно свидетельствует подробная запись разговора, сделанная Палеологом.

«После нескольких слов сочувствия по поводу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда президент спрашивает у Сапари: «Имеете ли вы известия из Сербии?»

---

[1] *М. Н. Покровский*, цит. соч., стр. 99.
[2] BD, XI, № 76.
[3] Ibidem.

«Судебное следствие продолжается», — холодно отвечает Сапари.

Пуанкаре снова говорит:

«Результаты этого следствия не перестают меня занимать, господин посол, так как я вспоминаю два предыдущих следствия, которые не улучшили ваших отношений с Сербией. Вы помните, господин посол, дело Фридъюнга и дело Прохаски?»

Сапари сухо возражает:

«Мы не можем терпеть, господин президент, чтобы иностранное правительство допускало на своей территории подготовку покушения против представителей нашей верховной власти».

Самым примирительным тоном Пуанкаре старается доказать, что при нынешнем состоянии умов в Европе все правительства должны усвоить осторожность.

«При некотором желании это сербское дело легко может быть покончено. Но так же легко оно может разрастись. У Сербии есть очень горячие друзья среди русского народа. И у России союзница — Франция. Скольких осложнений следует бояться!»

Затем он благодарит посла за визит. Сапари кланяется и выходит, не говоря ни слова»[1].

Говорить с австрийцами в связи с производимым ими следствием по сараевскому убийству о фальшивках Фридъюнга и деле Прохаски — это значило говорить в доме повешенного о веревке. Намеки Пуанкаре были отлично поняты австрийским послом. Другие намеки — о «горячих друзьях» Сербии в царской России, об «осложнениях» — звучали как угроза. Их оценили как попытку запугивания и сами австрийцы. О своих впечатлениях от этого разговора Сапари доносил в Вену:

«Он закончил беседу выражением пожелания, что расследование не приведет к каким-либо внушающим повод для беспокойства результатам. Эта бестактная и звучащая как угроза со стороны главы иностранного государства, находящегося в поездке, позиция, столь явно отличающаяся от сдержанности и благоразумия (?! — *Н. П.*) господина Сазонова, подтверждает впечатление, что г. Пуанкаре будет воздействовать здесь менее всего в примирительном духе. Характерна связь юридических выводов Пуанкаре с вылазками г. Пашича в «Leipziger Neueste Nachrichten». Вероятно Спалайкович, которого г. Сазонов недавно еще характеризовал как сумбурного человека (deséquilibré), приложил свою руку»[2].

Тут дело конечно не в «сумбурности» и «руке» Спалайковича и отнюдь не в «благоразумии» и «сдержанности» Сазонова, позиции которого Сапари не понял. Сазонов был «благоразумен» только в силу необходимости выжидать. Дело было в том, что французский империализм устами Пуанкаре несколько приоткрыл маску с целью разведки, что Сапари заставляли высказаться

---

[1] *Палеолог*, цит. соч., стр. 34—35; *Poincaré*, IV, p. 253—254.
[2] OUAP, VIII, № 10461.

посредством откровенных и угрожающих намеков. И хотя от своего начальства в Вене он имел строжайшую инструкцию ни в коем случае не проболтаться и не подать вида о действительных намерениях австрийской правящей клики, тем не менее Сапари все-таки проболтался. Для такого искушенного политика, как Пуанкаре, уже достаточно красноречивым и многозначительным было молчание Сапари и та кротость, с которой он сносил оскорбительные намеки и угрозы.

О том, что разведка, предпринятая Пуанкаре, удалась, свидетельствует запись того же Палеолога:

«Когда мы все трое остаемся одни, Пуанкаре нам говорит:

«Я вынес дурное впечатление из этого разговора. Посол явно получил приказание молчать... Австрия подготовляет неожиданное (?! — *Н. П.*) выступление. Необходимо, чтобы Сазонов был тверд и чтобы мы его поддержали»[1].

Последняя фраза Пуанкаре, на наш взгляд, выражает весь смысл и цель его поездки в Петербург. Некоторые историки-антантофилы, стремящиеся обелить французский и английский империализм и возложить всю ответственность за развязывание войны на покойника — царскую Россию, — сейчас непрочь представить дело таким образом, что царизм стремился начать войну с австро-германским блоком в одиночку, независимо от Антанты. Но доказывать последнее является слишком тяжелой задачей даже для этих искушенных историков.

О том, что целью поездки Пуанкаре в царскую Россию было желание заверить царское правительство в поддержке, подтверждает совершенно определенно и Бьюкенен в своем отчете Грею о результатах поездки Пуанкаре.

24 июля, когда текст австрийского ультиматума был уже получен в Петербурге, Сазонов вызвал Бьюкенена во французское посольство для совещания с ним и Палеологом, так как «шаг, сделанный Австрией, означает войну».

«Министр иностранных дел и французский посол, — доносил Бьюкенен Грею об итогах этого совещания, — сказали мне доверительно, что в результате поездки президента французской республики установлены следующие пункты:

1. Полное единство взглядов на различные проблемы, стоящие перед державами в смысле сохранения всеобщего мира и равновесия сил в Европе и в частности на востоке.

2. Решение выступить в Вене с целью предупредить требование объяснений или какие бы то ни было выступления, равносильные вмешательству во внутренние дела Сербии, которые последняя могла бы справедливо рассматривать как посягательства на ее суверенитет и независимость.

3. Торжественное подтверждение обязательств, налагаемых союзом на обе стороны»[2].

---

[1] *Палеолог*, цит. соч., стр. 35.
[2] BD, XI, № 101.

В переводе с дипломатического на простой язык каждое из этих решений и все три вместе означали решение царской России и Франции не останавливаться в поддержке Сербии перед европейской войной. Недаром Пуанкаре утешил сербского посланника Спалайковича «двумя или тремя сочувственными фразами»[1].

Одним из непосредственных результатов переговоров Пуанкаре в Петербурге явилось решение произвести совместный франко-русский — а если удастся, то и с привлечением Англии — демарш в Вене и преподать Австрии «советы умеренности» по отношению к Сербии[2]. Инициаторы его, Палеолог и в особенности Сазонов, рассчитывали, что демарш будет отклонен, но это их не пугало, ибо позволяло выиграть время и выяснить позицию Англии.

Поэтому в ночь с 22 на 23 июля Сазонов отправил царскому посольству в Вене следующую телеграмму:

«По доходящим сюда слухам Австрия повидимому готовится выступить в Белграде с разными требованиями в связи с сараевскими событиями. Благоволите дружески, но настойчиво указать министру иностранных дел на опасные последствия, к которым может повести подобное выступление, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Из моих объяснений с французским министром иностранных дел явствует, что и Франция, весьма озабоченная оборотом, который могут принять австро-сербские отношения, не склонна допустить неоправдываемого обстоятельствами унижения Сербии. Французскому послу в Вене поручается преподать австро-венгерскому правительству советы умеренности. По нашим сведениям... и великобританское правительство также поручает своему представителю в Вене высказаться в этом смысле...[3]. Во избежание нежелательного обострения вопроса ваши выступления не должны быть ни совместными, ни одновременными»[4].

Вивиани последовал примеру Сазонова и сутки спустя послал аналогичную телеграмму в 1 час пополуночи 24 июля из Ревеля[5].

Эти «советы умеренности» должны были ввести в заблуждение австрийцев о подлинных настроениях в Петербурге и Париже и толкнуть их на энергичные действия, так как одновременно французская дипломатия допустила крупную «ошибку», которая в соединении с официально высказанными «советами умеренности» провоцировала австрийский империализм на военное выступление.

---

[1] *Палеолог*, цит. соч., стр. 35.
[2] BD, XI, № 76.
[3] „Livre Jaune", 1914, № 22; здесь Сазонов, введенный в заблуждение Бьюкененом, сильно ошибался.
[4] „Красный архив", IV, стр. 45; МОЭИ, IV, № 322.
[5] „Livre Jaune", 1914, № 22; *Poincaré*, IV, p. 226.

22 июля французский посол в Вене Дюмен посетил австрийское министерство иностранных дел и заявил помощнику министра иностранных дел Берхтольда барону Маккио, что «из разговора со своим русским коллегой он вынес убеждение, что Россия не думает энергично вступаться за Сербию по поводу предстоящих ей объяснений с Австро-Венгрией и оказать ей большее, чем моральную поддержку. В случае если мы [Австрия] и Сербия возьмемся за оружие, Россия, по мнению французского посла, не вмешается активно, но скорее будет стремиться к тому, чтобы война была локализована»[1].

Кто давал эти инструкции Дюмену провоцировать Австрию на выступление — неизвестно. Но едва ли Дюмен сам по своей инициативе (по глупости или временному затмению в голове) мог давать такую информацию австрийской правящей клике, не отдавая себе отчета, к чему это может привести. Привести это могло только к войне. Дюмен, как свидетельствует приведенная нами телеграмма де Бунзена (стр. 392—393), уже с 5 июля прекрасно сознававший опасность ситуации, которая может «легко привести к войне», не мог взять на себя инициативы в таком деле, как разрешение австрийцам самых крайних мер по отношению к Сербии. Он мог решиться на такое ответственное заявление, только имея прямые указания и инструкции своего начальства.

Депеша Вивиани Дюмену, фактически предписывавшая ему координировать свои выступления с выступлениями царской дипломатии, т. е. в данном случае повторить от имени французского правительства такие же «советы умеренности», какие собирался «преподать» Сазонов, могла только подтвердить австрийцам заявление Дюмена от 22 июля и создать у них впечатление, что «советы умеренности» даются ради сохранения лица и не повлекут за собой ничего серьезного. Фактически и заявление Дюмена и предполагаемое выступление с «советами умеренности» дезориентировали австрийцев и развязывали им руки.

Остальное время пребывания Пуанкаре в Петербурге прошло в торжественных приемах, вечерах, обедах и военном параде в Красном Селе. Воинственный тон, окрасивший последние часы визита французских гостей, достаточно известен из записей Палеолога[2]. Дело было решено: царская Россия приобрела уверенность в том, что французский империализм поддержит ее до конца.

*

Время до отъезда Пуанкаре (6 час. пополудни 23 июля) прошло спокойно, так как австрийцы собирались вручить свой ультиматум Сербии после отъезда Пуанкаре из Петербурга, для того

---

[1] OUAP, VIII, № 10491; „Livre Jaune", 1914, № 18.
[2] *Палеолог*, цит. соч., стр. 35—38.

чтобы союзники не могли сговориться между собой и чтобы затруднить Пуанкаре сношения с правительством в Париже.

23 июля в 9 час. вечера советник итальянского посольства князь Монтереале сказал одному из высших чиновников царского министерства иностранных дел, что «согласно только-что полученным в итальянском посольстве сведениям Австро-Венгрия должна была в этот день предъявить Сербии совершенно неприемлемый ультиматум»[1].

Царские дипломаты немедленно приступили к проверке этого сообщения, но «ни в министерстве иностранных дел, ни во французском и английском посольствах, ни в телеграфном агентстве никаких сведений об этом до поздней ночи не было»[2]. Событием, косвенно подтверждавшим верность сообщения итальянского дипломата, явилась лишь просьба Сапари, высказанная вечером по телефону, о том, чтобы Сазонов назначил ему на другой день час приема. Так как сообщить это известие в Кронштадт, где находились все министры, провожавшие Пуанкаре, было уже поздно, то повидимому о нем сообщили ночью на дачу Сазонова в Царское Село.

Утром из Белграда пришла телеграмма поверенного в делах Штрандтмана, излагавшая содержание ноты[3]. Немедленно были извещены Палеолог и Бьюкенен. Начальник канцелярии министерства иностранных дел барон Шиллинг по телефону предложил послам в Париже и Вене — Извольскому и Шебеко, — находившимся в России, вернуться к местам своей службы. В 10 час. утра из Царского Села прибыл Сазонов, которому Шиллинг доложил о сделанных распоряжениях.

Ознакомившись с текстом телеграммы Штрандтмана, Сазонов воскликнул: «Это европейская война!».

Об ультиматуме был извещен и царь.

В 11 час. утра явился Сапари и вручил Сазонову копию ультиматума[4].

«Министр принял меня, — сообщал Сапари Берхтольду свои впечатления о реакции царских дипломатов на ультиматум, — говоря, что он знает, что привело меня к нему, и должен сразу заявить мне, что не может изложить своей точки зрения по поводу моего демарша»[5].

Это странное на первый взгляд заявление Сазонова объясняется тем, что он принял Сапари, еще не успев посоветоваться ни с остальными министрами, ни с Палеологом, ни с Бьюкененом. Вот почему, по словам Сапари, Сазонов «воздерживался от всякой формулировки, которая могла дать заранее суждение о позиции России, и довольствовался время от времени заявлениями:

---

[1] „Красный архив" IV, стр. 7; МОЭИ, V, № 5.
[2] Ibidem.
[3] МОЭИ, V, № 10, 11.
[4] МОЭИ, V, № 18.
[5] OUAP, VIII, № 10617.

„Я знаю, что это! Вы хотите объявить войну Сербии. Я вижу, что происходит, германские газеты разжигают вас. Вы поджигаете Европу. Вы принимаете на себя большую ответственность, вы увидите, какое это произведет впечатление здесь, в Лондоне и Париже и быть может и в других местах. Это сочтут неоправданным нападением". Но он ни разу не сказал прямо о России»[1].

Сапари стал затем читать текст ультиматума.

«Министр впервые прервал меня, — продолжает Сапари свой отчет, — когда я упомянул о серии покушений... и спросил, вполне ли доказано, что все они происходят из Белграда. Я подчеркнул факт, что они вытекают из сербской агитации. Во время дальнейшего чтения он выразился, что знает, в чем дело: что мы хотим воевать с Сербией и это должно нам служить предлогом... Любопытно отметить, что требование торжественных деклараций не встретило возражения со стороны министра, он удовольствовался лишь тем, что постоянно возвращался к тезису — что Пашич уже высказался в этом смысле, против чего я возражал. „Он скажет это вам 25 раз, если вам угодно", — сказал он. Любопытно, что г. Сазонов самым энергичным образом высказался против роспуска «Народной одбраны». „Сербия никогда не допустит этого!" — воскликнул он»[2].

Сазонов не мог согласиться и с другими требованиями ультиматума.

Он требовал взаимности в вопросе о запрещении публикаций, протестовал против участия австрийских чиновников в подавлении национального сербского движения, оспаривал правильность фактов о соучастии в заговоре сербской военщины и чиновников.

«Относительно места, говорившего, что мы знаем, что все цивилизованные народы разделяют наши чувства, он выразился, что это заблуждение. Со всей имеющейся у меня энергией, — продолжает Сапари, — указал я на то, как было бы печально, если в этом вопросе, в котором затрагивается все самое святое, имеющееся у нас, а также, как всегда говорит министр, и все святое в России, мы не найдем никакого понимания в России. Министр старался умалить монархическую сторону события: „Монархическая идея здесь непричем"[3]. Относительно составленного австрийцами о великосербской пропаганде досье[4] г. Сазонов спросил, к чему мы себе дали этот труд, раз ультиматум нами уже отправлен. Это лучше всего доказывает, что мы не стремимся к беспристрастной проверке дела. Я сказал ему, что в этом деле между Австрией и Сербией результаты, полученные нашим собственным расследованием, достаточны для нашего выступления

---

[1] OUAP, VIII, № 10616.
[2] OUAP, VIII, № 10617.
[3] Ibidem.
[4] Было представлено только 28 июля и содержало собранный австрийцами материал о деятельности великосербских патриотических организаций в связи с организацией сараевского убийства — МОЭИ, V, № 162.

и что мы готовы дать дальнейшие разъяснения державам, если они ими интересуются, ибо нам нечего скрывать. Господин Сазонов заявил, что теперь, после ультиматума, ему это собственно вовсе не интересно: „Вы хотите войны и сожгли свои мосты".

Я ответил, что мы наиболее миролюбивая нация в мире и все, что мы хотим, — это обеспечить нашу территорию от революции и нашу династию от бомб. „Видно, как вы миролюбивы, раз вы поджигаете Европу", — сказал Сазонов»[1].

Чтение ультиматума закончилось бурным спором. Кончая разговор, Сазонов повторил, что «он воздерживается от того, чтобы занять какую-либо позицию, что он не дает никакого ответа»[2]. «Он не говорил ни о России, ни о славянстве, ни о православии, — доносил дополнительно Сапари Берхтольду, — он говорил все время лишь об Англии, Франции, Европе и др. и о впечатлении, которое произведет наше выступление здесь и в других местах»[3].

Тем временем барон Шиллинг предупредил по телефону военного министра, морского министра и министра финансов о ходе событий и по поручению Сазонова просил их непременно прибыть на заседание совета министров. По просьбе адмирала Григоровича был приглашен и начальник морского генерального штаба адмирал Русин. Министру финансов было предложено «на всякий случай безотлагательно изъять сколько можно наших государственных вкладов из Германии»[4]. По телеграфу были вызваны из отпусков товарищ министра иностранных дел Нератов, кн. Трубецкой и другие крупные чиновники министерства иностранных дел.

Сам Сазонов вызвал к себе начальника генерального штаба Янушкевича.

О содержании их разговора можно судить по тому, что Янушкевич, вернувшись к себе на службу (это было между 11—12 час. утра), вызвал по телефону начальника мобилизационного отделения генерального штаба Добророльского и предложил последнему через час «принести ему все документы о подготовке нашей армии к войне, предусматривающие в случае необходимости объявление частичной мобилизации только против Австро-Венгрии. Эта мобилизация не должна дать Германии никакого повода усмотреть по отношению к себе какую-либо враждебность... Я указал, — продолжает Добророльский, — что о частичной мобилизации не может быть и речи. Но генерал Янушкевич снова приказал сделать ему подробный доклад через час соответственно с принятым им уже решением»[5].

---

[1] OUAP, B. VIII, № 10619.
[2] OUAP, VIII, № 10616.
[3] OUAP, VIII, № 10619.
[4] МОЭИ, V, № 25.
[5] *Dobrorolsky*, Die Mobilmachung der russischen Armee 1914, Berlin 1923, S. 17—18.

Таким образом военщина шла прямым путем к развязыванию войны, требуя сразу всеобщей мобилизации.

После разговора с Янушкевичем Сазонов поспешил во французское посольство, где его ждали Палеолог и Бьюкенен, и здесь произошло одно из самых важных для развязывания войны совещаний. Подробный отчет об этом совещании дает телеграмма Бьюкенена Грею, отправленная им 24 июля в 5 ч. 40 м. пополудни.

Согласно этой телеграмме Сазонов и Палеолог прежде всего изложили Бьюкенену результаты совещаний, ради которых Пуанкаре приезжал в Петербург. Как мы уже знаем (стр. 395, 401), эти совещания установили полное единство точек зрения французского и русского империализма на «равновесие сил» в Европе и имели следствием уже упомянутое выступление с «советами умеренности» в Вене. Но самым главным результатом совещаний было конечно подтверждение обязательств, налагаемых франко-русским союзом, что в тревожной обстановке, созданной сараевским убийством и приготовлениями австрийского империализма, имело совершенно недвумысленное значение: подтверждение курса на войну.

Это все и было доложено Бьюкенену, от которого союзники потребовали раскрыть карты и дать определенный ответ о позиции английского империализма.

«Министр иностранных дел, — сообщал Бьюкенен Грею содержание дальнейшей беседы, — выразил надежду, что правительство его величества объявит о своей солидарности с Францией и Россией. Он охарактеризовал поведение Австрии как безнравственное и провокационное. Некоторые из предъявленных ею требований абсолютно неприемлемы, и она никогда бы не действовала в таком духе, не посоветовавшись предварительно с Германией. Французский посол дал мне понять, что Франция не только окажет России сильную дипломатическую поддержку, но, если окажется необходимым, исполнит все обязательства, налагаемые на нее союзом»[1].

Выступление Палеолога являлось прямым и откровенным приглашением принять участие в задуманной операции. Бьюкенен так его и понял, но в отличие от собеседников он не мог выложить своих карт на стол. Он не имел еще инструкций от Грея и, не зная, каков будет очередной ход Англии в развертывающемся конфликте, отказался «говорить от имени правительства его величества». Помимо этих чисто формальных причин, которые не могли обмануть его собеседников, у Бьюкенена были и другие, более веские основания. Открытое выступление царской России и Франции на помощь Сербии еще до ответа последней на ультиматум и притом по такому сомнительному поводу, как сараевское убийство, явилось бы в глазах общественного мнения Европы, и прежде всего народных масс Англии,

---

[1] BD, XI, № 101.

открытым застращиванием, если не дипломатическим нападением на Австрию. Это была бы «халатность»[1] не меньшего калибра, чем «ошибка», допущенная сербами, не сумевшими даже как следует замести следы. Между тем важнейшим условием дипломатического развязывания конфликта была, как мы знаем, такая ситуация, при которой австро-германский блок явно выступал в роли нападающей стороны. Бьюкенен не замедлил напомнить об этом собеседникам.

«Я лично не могу высказать надежду, — говорил он Сазонову, — что правительство его величества сделает какую-либо декларацию солидарности, которая влекла бы за собой обязательство поддержать Россию и Францию силой оружия. Мы не заинтересованы *непосредственно*[2] в Сербии, и общественное мнение Англии никогда не поддержит войну из-за нее»[3].

Сазонов, понимавший это пожалуй не хуже Бьюкенена, однако напомнил последнему о том, что по условию, установленному в 1912 г., войну выгодней всего было бы начать на Балканах. Он указал, что «сербский вопрос является лишь частью общеевропейского вопроса и что мы [англичане] не можем стушеваться (efface ourselves)»[4].

Говоря о невозможности «смыться», Сазонов имел в виду также намеки Грея, сделанные еще 8 июля через Бенкендорфа (стр. 626—628). Подчеркивая, что сербский вопрос является частью европейского, Сазонов тем самым требовал определенных обещаний на тот случай, когда царская Россия превратит австро-сербский конфликт в европейский.

Так понял его и Бьюкенен. Но он хотел выиграть время до получения ответа Грея, а также выяснить серьезность намерений своих собеседников. Поэтому он поставил вопрос совершенно «конкретно», в лоб.

«Я понимаю, — говорил Бьюкенен Сазонову, — что ваше превосходительство хочет, чтобы мы присоединились к заявлению [делаемому] Австрии, что мы не потерпим ее вмешательства во внутренние дела Сербии. Если она не обратит внимания на наше представление и предпримет военные действия против Сербии, предполагает ли Россия объявить ей (Австрии. — *Н. П.*) войну?»[5].

В переводе на простой язык это был вопрос в упор: а вы-то пойдете до конца? Сазонов ответил на него не менее «конкретно».

«Вопрос в целом, — сказал он Бьюкенену, — будет рассмотрен сегодня вечером советом министров, но никакого решения не будет принято до следующего совета министров, который со-

---

[1] Телеграмму Грея — „Возможно, что сербское правительство проявило халатность, и протоколы сараевского следствия покажут, что убийство эрцгерцога было организовано на сербской территории" — Бьюкенен получил еще 21 июля.

[2] Курсив мой. — *Н. П.*

[3] BD, XI, № 101.

[4] Ibidem.

[5] Ibidem.

стоится, вероятно, завтра под председательством императора. Он лично думает, что Россия во всяком случае должна мобилизоваться»[1].

Против этого Бьюкенен ничего не мог возразить: намерения союзников были, что называется, самыми серьезными. Поэтому его дальнейшие два заявления имели целью лишь обеспечить обусловленный вариант развязывания войны.

Предложение Бьюкенена прежде всего воздействовать на австрийский империализм в смысле продления срока ответа на ультиматум Сербии имело целью — в случае отказа австрийцев — подчеркнуть их агрессивность. Другое предложение Бьюкенена — добиться от сербского правительства точного ответа, как далеко оно готово пойти навстречу Австрии, — имело целью подчеркнуть уступчивость и миролюбие сербской правящей клики. Палеолог, стремившийся поскорее связать английский империализм обязательством выступления, совершил «ошибку», которая в случае ее осуществления могла разрушить всю политику, преследовавшуюся Греем в дни июльского кризиса, а именно — дать германскому империализму завязнуть так, чтобы его отступление назад стало уже невозможным. Палеолог советовал действовать решительно.

«Является ли выступление Австрии блефом или она решилась действовать без промедления, — говорил он Бьюкенену, — в обоих случаях все равно крепкий объединенный фронт явится для нас единственным шансом предотвратить войну»[2], иначе говоря, шансом на победу.

Сазонов со своей стороны безоговорочно ручался за максимальную уступчивость сербов: его ответ Бьюкенену еще раз показывает, в какой степени согласие сербского правительства удовлетворить требования ультиматума было уже решено за нее царской Россией и Францией.

«Некоторые из содержащихся в ультиматуме требований, — говорил Сазонов Бьюкенену, — без сомнения могут быть приняты, но он [Сазонов] должен сначала посоветоваться со своими коллегами»[3].

И Сазонов и Палеолог «продолжали нажимать на меня [требуя] объявить о нашей полной солидарности с ними», — продолжает свой отчет Бьюкенен.

«Я сказал, — писал он дальше Грею, — что вы могли бы сделать энергичное указание в Вене и Берлине об опасности для европейского мира от нападения Австрии на Сербию. Вы могли бы пожалуй указать, что оно по всей вероятности принудит Россию вмешаться, что это выведет Германию и (? Францию)[4] на арену и что если война станет всеобщей, то для Англии будет трудно остаться нейтральной»[5].

---

[1] BD, XI, № 101.
[2] Ibidem.
[3] По совету министров. — *Н. П.*
[4] Францию — вопрос в оригинале.
[5] BD, XI, № 101.

Но этих уклончивых уверений Сазонову было мало. Зная, что царская Россия собирается всерьез «поддержать» Сербию, Сазонов хотел заручиться определенной гарантией английского правительства о поддержке — гарантией того, что в решительный момент англичане не пойдут на попятный. Поэтому он выразил надежду, что английское правительство «во всяком случае выразит резкое осуждение выступлению Австрии», и затем перешел к угрозам.

«Если война вспыхнет, — говорил он, — то мы [Англия] рано или поздно будем втянуты в нее, но если мы с самого начала не примкнем к Франции и России, то сделаем войну более вероятной и не сыграем «красивой роли»[1].

Это был намек на «обязательство чести» Грея, на письма Камбона — Грея, англо-французскую морскую конвенцию и пр., — словом, вежливый дипломатический намек на «коварный Альбион», который в течение ряда лет проявлял бешеную энергию по подготовке войны, понукая союзников, а теперь, когда наступила решительная минута, хочет увильнуть от обязательств со своей стороны.

Подводя итоги своим впечатлениям от этого «разговора по душам», Бьюкенен телеграфировал:

«Из слов французского посла почти выходило, что Франция и Россия как будто решили оказать энергичное сопротивление, даже если мы не присоединимся к ним. Язык министра иностранных дел однако не был столь?[2] в этом отношении»[3].

Меньшая «решительность» Сазонова и его напористость в смысле требования обещания английского империализма о поддержке в случае вооруженного конфликта объясняются довольно просто. Царский министр иностранных дел не мог не помнить о риске начинать войну, не имея в кармане гарантии правящей клики Англии. Он не очень доверял своим союзникам, отлично понимая, что в случае неудачного исхода войны платить по счету придется царской России и что, как бы ни тяжелы были в этом случае жертвы Франции, жертвы царской России будут неизмеримо тяжелее, *хотя бы по одному тому, что за неудачной войной неизбежно последует революция*. Поэтому он хотел «начинать» только в том случае, если задуманное предприятие окажется на «сто процентов» верным делом.

От Палеолога Сазонов отправился на заседание совета министров, начавшееся в 3 часа дня. Что и как говорилось там — неизвестно, но по журналу заседания, в котором зафиксированы принятые решения, можно судить, что вопрос о войне был поставлен во всю ширь.

Заседание, на котором присутствовали Сазонов, Григорович, Русин, Сухомлинов и Барк[4], началось докладом Сазонова об ав-

---

[1] BD, XI, № 101.
[2] Повидимому „решителен" — вопрос в оригинале.
[3] BD, XI, № 101.
[4] Министр финансов.

стрийском ультиматуме, после чего военный министр, морской министр и министр финансов выступили каждый с информацией по своему ведомству о степени готовности России к войне в военном, морском и финансовом отношениях.

В результате этих докладов было решено:

«I. Одобрить предположение министра иностранных дел снестись с кабинетами великих держав в целях побуждения австро-венгерского правительства к предоставлению Сербии некоторой отсрочки в деле ответа на предъявленные ей австро-венгерским правительством ультимативные требования, дабы дать тем возможность правительствам великих держав исследовать и изучить документы по поводу совершившегося в Сараево злодеяния, которыми австро-венгерское правительство располагает и которые оно готово, по удостоверению австро-венгерского посла, сообщить российскому правительству[1].

II. Одобрить предположение министра иностранных дел посоветовать сербскому правительству на случай, если положение Сербии таково, что она собственными силами не может защищаться против возможного вооруженного наступления Австро-Венгрии, не противодействовать вооруженному вторжению на сербскую территорию, если таковое вторжение последует, и заявить, что Сербия уступает силе и вручает свою судьбу решению великих держав[2].

III. Предоставить военному и морскому министрам по принадлежности испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на объявление в зависимости от хода дел мобилизации 4 военных округов — Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского[3] и Черноморского флотов.

IV. Предоставить военному министру незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии.

V. Предоставить министру финансов принять меры к неотлагательному уменьшению принадлежащих финансовому ведомству сумм, находящихся в Германии и Австро-Венгрии»[4].

Таким образом в принципе война на заседании совета министров 24 июля была решена. Об этом свидетельствует, что: 1) заседание совета министров 25 июля под председательством Николая II только подтвердило постановления заседания от 24 июля, не внеся в них ничего принципиально нового; 2) на заседании 24 июля из пяти постановлений четыре говорят о войне. Если еще учесть, что обещания Пуанкаре не успели изгладиться из памяти и что Палеолог подстрекал «стоять твердо», то придется признать, что с 24 июля царская Россия твердо взяла курс на

---

[1] На основе этого пункта постановления была отправлена телеграмма Штрандтману; ср. МОЭИ, V, № 22.

[2] Ср. МОЭИ, V, № 22.

[3] Слово „Балтийского" позже вставлено рукой Николая II.

[4] МОЭИ, V, № 19.

войну. После 24 июля *все дипломатические задачи Сазонова сводятся к тому, чтобы,* во-первых, *добиться твердых обязательств о поддержке со стороны Англии* и, во-вторых, *обеспечить наиболее выгодный в военно-стратегическом отношении вариант развязывания войны* — такой вариант, при котором, дурача противников видимостью стремления к мирному разрешению конфликта, до начала войны тайком провести частичную мобилизацию и оттянуть побольше сил Австро-Венгрии на сербский фронт.

Начиналась крупная дипломатическая игра «мирными предложениями».

К числу таких «мирных предложений» принадлежит одно из постановлений совета министров 24 июля, именно первое, представлявшее попытку Сазонова вынести австро-сербский конфликт на более широкую европейскую арену. Сазонов предлагал представить весь конфликт, и в частности австрийские обвинения, на суд ареопага великих держав — Англии, Франции, Италии и Германии. Его предложение было явно неприемлемо для Австрии, так как, во-первых, ставило ее в положение школьника, над которым старшие чинят суд и расправу; во-вторых, на этом судилище за Сербией были обеспечены три голоса из четырех. Вряд ли поэтому Сазонов выдвигал это предложение всерьез. Гораздо больше оснований полагать, что оно было выдвинуто как заведомо неприемлемое для австрийского империализма с целью продемонстрировать всему миру агрессивность австрийских замыслов и прикрыть, как ширмой, свои военные приготовления.

Не меньшим прикрытием, имевшим вдобавок целью улучшить стратегическое положение царской России в первые же моменты войны, являлась директива поверенному в делах в Белграде Штрандтману, отправленная Сазоновым во исполнение пункта второго постановлений совета министров от 24 июля.

«Если беспомощное положение Сербии, — инструктировал Штрандтмана Сазонов, — действительно таково, что не оставляет никакого сомнения насчет исхода вооруженной борьбы ее с Австрией, было бы пожалуй лучше, чтобы сербы в случае вторжения австрийцев вовсе не пытались оказывать последним сопротивления, а, отступив и предоставив врагу занять без боя территорию, обратились к державам с воззванием»[1].

Вероятно, и сейчас имеется немало историков и публицистов Антанты, проливающих слезы умиления по поводу миролюбия Сазонова и его «советов умеренности» сербам. Но смысл этой телеграммы, посланной непосредственно после заседания совета министров 24 июля, на котором вопрос о войне был поставлен во всю ширь, нетрудно вскрыть. Мы знаем, что согласно оперативно-стратегическому плану Антанты ценность Сербии состояла в том, что она могла оттянуть на себя часть австрийской армии.

---

[1] „Красный архив", IV, стр. 45—46; ср. МОЭИ, V, № 22.

Так понимали свою задачу в дни июльского кризиса 1914 г. и сами сербы.

«Сербское правительство, — доносил 28 июля Кракенторп Грею, — ждало немедленной атаки на Белград после отъезда австрийского посла и потому выехало сразу. План кампании — втянуть сейчас возможно бо́льшую часть австрийской армии в глубь [Сербии], чтобы ослабить Австрию повсюду. Помощник министра по иностранным делам [Славко Груич] говорит, что русская поддержка обеспечена. Сербская армия сосредоточивается в долине Моравы» [1].

Гораздо более правильно характеризуют «миролюбие» Сазонова не эти приведенные выше его предложения — суд над австрийским следствием и заманивание австрийской армии в глубь Сербии, — а те «советы умеренности», которые он в тот же день после заседания совета министров преподал сербскому посланнику Спалайковичу. Это было сейчас же после заседания, около 7 час. вечера. Под влиянием этих советов Спалайкович ушел настолько обнадеженным, что позволил себе прочесть нотацию встреченному в вестибюле германскому послу графу Пурталесу [2]. Вот об этих «советах» забывают историки Антанты, восхваляющие миролюбие Сазонова и до сих пор.

Сазонов использовал посещение Пурталеса, пришедшего сейчас же вслед за Спалайковичем, для того чтобы пустить дымовую завесу — выдвинуть предложение о разрешении австро-сербского конфликта путем переноса его на суд Европы. Это предложение имело целью дезориентировать противника и скрыть от него взятый царской Россией курс на войну.

Пурталес еще с утра домогался видеть министра, имея официальное поручение германского правительства заявить о том, что Германия считает необходимым «локализовать» австро-сербский конфликт, [3] и одновременно произвести разведку настроений в Петербурге. Но Сазонов старался избежать встречи с Пурталесом до выяснения у Палеолога и Бьюкенена, в какой степени можно рассчитывать на поддержку Антанты. Заседание совета министров 24 июля, принявшее в сущности его предложения, дало ему необходимую уверенность и еще более усилило зарядку, полученную на совещании с Бьюкененом и Палеологом, хотя первый и не дал формального обязательства от имени Англии о поддержке. Теперь Сазонов уже мог говорить с Пурталесом более или менее определенно и формулировать точку зрения царизма на австро-сербский конфликт, чего он так тщательно избегал утром в разговоре с Сапари.

«Министр, очень возбужденный, — сообщал в Берлин свои впечатления о беседе с Сазоновым Пурталес, — и прохаживавшийся в безудержных нападках насчет Австро-Венгрии, заявил самым решительным образом, что для России немыслимо допустить,

---

[1] BD, XI, № 221; МОЭИ, V, № 260, 321, 356, 473.
[2] SBB, 1914, № 36.
[3] По поводу предложения о локализации см. гл. VIII.

чтобы австро-сербский конфликт был улажен лишь между двумя заинтересованными сторонами. Взятые на себя Сербией после боснийского кризиса обязательства, на которые ссылается также австрийская нота, были приняты по отношению к Европе, и следовательно Европе и надлежит расследовать, выполнила ли Сербия свои обязательства. Поэтому он предлагает, чтобы досье, относящееся к расследованию, было предложено правительствам шести держав [Англии, Франции, Германии, Италии, России и Румынии]. Австрия не может быть судьей и обвинителем в собственном споре. Сазонов заявил, что он никоим образом не может считать доказанными факты, указываемые Австрией в своей ноте, и что, с другой стороны, расследование внушает ему величайшее подозрение. „Сербия, — продолжал он, — в случае если утверждаемые факты будут доказаны, может дать Австрии удовлетворение в вопросах чисто правового характера, но отнюдь не в вопросах политического характера".

Мое указание на монархический принцип произвело на министра слабое впечатление. Россия знает, чем она обязана принципу монархизма, с которым однако у этого дела нет ничего общего. Я очень серьезно, но избегая всего, что могло бы показаться угрозой, просил Сазонова не позволить себе увлечься своей ненавистью к Австрии и не защищать проигранного дела (schleche Sache). Для России немыслимо стать защитницей цареубийц»[1].

Пурталес однако вынес из разговора совершенно ошибочное впечатление:

«Во время разговора Сазонов воскликнул: „Если Австро-Венгрия поглотит Сербию, мы будем с ней воевать". Из этого, быть может, возможно заключить,—сообщал Пурталес далее,—что Россия возьмется за оружие лишь в случае попыток Австрии приобрести территорию за счет Сербии. Выраженное желание сделать вопрос европейским также повидимому указывает на факт, что немедленного вмешательства России не следует ожидать»[2].

Выражения Сазонова были более «крепкими», чем рисует Пурталес, смягчивший в своем отчете их резкость. Палеолог, приехавший к Сазонову к 8 час. вечера специально для того, чтобы узнать об итогах этого разговора, увидел, как Пурталес вышел из кабинета министра с «красным лицом, со сверкающими глазами». Войдя в кабинет, он нашел, что «Сазонов весь еще дрожит от спора, который он только-что выдержал. У него нервные движения, сухой и прерывистый голос». Сазонов признался, что разговор окончился в очень резком тоне, и тогда Палеолог дал ему понять, что он совершил ошибку: воевать было можно и даже должно, но обнаруживать свои воинственные настроения слишком явно, итти напролом, никак не следовало. Наоборот, нужно было представить дело так, что войну навязывают на-

---

[1] DD, № 160; „Красный архив", IV, стр. 9; МОЭИ, V, № 25.
[2] DD, № 160.

сильно, чтобы царская Россия казалась подвергнувшейся нападению, а отнюдь не нападающей стороной.

«Ради бога, будьте сдержанны, — увещевал Сазонова Палеолог. — Исчерпайте все способы примирения. Не забывайте, что мое правительство есть правительство общественного мнения и что оно сможет деятельно вас поддерживать только в том случае, если общество будет за него. Наконец, подумайте о мнении Англии»[1].

Сазонов понял необходимость сдержанности и обещал исправиться. «Берхтольд доказал свою неправоту. Мы должны заставить его взять на себя ответственность за то, что может последовать»[2].

Было бы впрочем напрасным трудом утверждать, что Палеолог искренне призывал Сазонова к сохранению мира. Ожидая в кабинете Шиллинга ухода Пурталеса, он указал, что «никогда положение наше не было лучше, потому что между нами царит полное согласие, и это не просто суждение посла, а мы имеем четыре очень важных документа последнего времени, которые об этом свидетельствуют». На удивленный вопрос Шиллинга[3], «каковы же эти четыре, повидимому ему неизвестных, документа столь крупной важности, что перед ними должна остановиться Германия, если бы даже она и хотела начать войну для поддержания своей союзницы Австрии», Палеолог указал на речи, которыми обменялись Николай II и Пуанкаре в Петергофе и на броненосце «France»[4].

Разговором с Палеологом, которому Сазонов передал содержание своих «советов умеренности», преподанных Спалайковичу, и закончился чреватый важными решениями день 24 июля.

В результате всех переговоров, имевших место в течение этого дня, того же 24 июля, царским дипломатическим представителям в Вене, Берлине, Париже, Лондоне, Риме, Бухаресте и Константинополе были отправлены телеграммы, сообщавшие, что царская Россия считает необходимым продление срока для ответа Сербии и что «державы могли бы преподать Сербии соответствующие советы», если Австрия предоставит державам возможность ознакомиться с данными следствия[5].

Таким образом уже с 24 июля политический курс царского правительства следует рассматривать с двух точек зрения: в отношении непосредственной подготовки к войне и в отношении дипломатических переговоров, которые должны были служить дымовой завесой для этой подготовки и — на худой конец — для от-

---

[1] *Палеолог*, цит. соч., стр. 49—50.

[2] Там же.

[3] Удивление Шиллинга еще раз подтверждает, как сильно опасались царские дипломаты предательства союзников, а также тот факт, что поездка Пуанкаре в Петербург имела целью подтолкнуть царскую Россию на военное выступление.

[4] „Красный архив", IV, стр. 9—10; МОЭИ, V, № 25.

[5] „Красный архив", IV, стр. 10; МОЭИ, V, № 23.

ступательного маневра в случае, если союзники не поддержат. Сам Сазонов, отдававший себе еще до ультиматума Австрии ясный отчет в возможности войны, после 24 июля был убежден в ее неизбежности. Благодаря французской carte blanche, лежавшей у него в кармане, он становится максимально неуступчивым по отношению к Австрии. Но неопределенность позиции английского империализма делает его политику одновременно и агрессивной и неуверенной в себе. Наскоки и угрозы по адресу австрийцев, обильно расточаемые перед иностранными дипломатами, в течение четырех дней чередуются с тремя предложениями о различных формах разрешения кризиса, последовательно отменяющими друг друга и вызывающими своим разнобоем недовольство более испытанных и крепких характером английских дипломатов.

Но Сазонов судорожно выдвигает одно за другим эти различные предложения о мирном разрешении австро-сербского конфликта с целью замаскировать те военные меры, которые царское правительство, готовясь к войне, принимало в эти дни.

Утром 25 июля после приема Бьюкенена Сазонов отправился в Царское Село, где происходил смотр войск Николаем II и где было назначено заседание совета министров под председательством царя.

Заседание было впрочем больше формальностью. Сазонов произнес получасовую речь, которая, по словам Сухомлинова, «сильно подействовала на наши солдатские чувства»[1], и без особых дискуссий за и против совет министров утвердил решения, принятые 24 июля, с оговоркой «пока не объявлять мобилизации, но принять все подготовительные меры для скорейшего ее осуществления в случае надобности»[2]. С этой целью совет министров признал «своевременным привести в действие, начиная с (26) 13 сего июля, на всей территории империи Положение о подготовительном к войне периоде, по обоим перечням, уполномочив вместе с тем военного министра испрашивать высочайшее вашего императорского величества соизволение на принятие по военному ведомству и иных мер, означенными перечнями не предусмотренных, которые он сообразно обстоятельствам найдет необходимыми, с последующим доведением о принятых мерах до сведения совета министров»[3].

К всеобщей мобилизации, чего требовала военная партия, группировавшаяся вокруг Николая Николаевича, однако было решено временно не прибегать. Это было сделано по настоянию Сазонова, несмотря на клятвы военщины, что частичная мобилизация спутает и затруднит всеобщую. В основе этой линии Сазонова лежало однако не миролюбие, а советы Палеолога не слишком форсировать события. Но самое главное — всеобщая русская мобили-

---

[1] *Suchomlinow*, Erinnerungen. B. 1923, S. 358.
[2] „Красный архив", IV, стр. 11; МОЭИ, V, № 42, 51.
[3] МОЭИ, V, № 42.

зация неизбежно влекла за собой немедленное выступление Германии, а этого следовало сейчас избегать, так как германская мобилизация выполнялась значительно скорее, чем русская, и следовательно надо было выиграть время. Имея в кармане императорский указ на мобилизацию 1 100 000 чел., Сазонов мог спокойно вести дипломатические торги, пока военщина, используя введенное в силу «Положение о подготовительном к войне периоде», спешно проводила подготовку всеобщей мобилизации и даже частично осуществляла ее, наверстывая время и выравнивая сроки русской мобилизации с германской[1]. Что именно это лежало в основе сдержанности Сазонова, показывают слова Добророльского, бывшего, кстати сказать, сторонником всеобщей мобилизации:

«Война была уже предрешена, и весь поток телеграмм между правительствами России и Германии представлял лишь мизансцену исторической драмы. Отсрочка момента окончательного решения была безусловно весьма полезной для подготовительных мер»[2].

Журнал заседания комитета генерального штаба, которое было созвано в 8 час. вечера 25 июля, подтверждает точку зрения Добророльского:

«Начальником генерального штаба было сообщено членам комитета генерального штаба, что государю императору было благоугодно признать необходимым поддержать Сербию, хотя бы для этого пришлось объявить мобилизацию и начать военные действия, но не ранее перехода австрийскими войсками сербской границы.

По полученным сведениям, в Австро-Венгрии и Италии уже выполняются некоторые подготовительные к мобилизации действия, почему государю императору благоугодно было утвердить постановление совета министров, что: в ночь с 12 (25) на 13 (26) июля наступает предмобилизационный период. В случае если окажется необходимым объявить мобилизацию, то, имея в виду необходимость ограничиться действиями лишь против одной Австро-Венгрии, высочайше повелено мобилизовать Киевский, Одесский, Казанский и Московский военные округа. Остальные округа приступят к мобилизации только в том случае, если Германия примкнет к Австро-Венгрии, но не ранее этого, для того чтобы избежать еще бо́льших дипломатических осложнений. В этом смысле и должны быть даны соответствующие указания на места.

Вместе с тем высочайше повелено:

1) вернуть все войска на зимние квартиры, причем если, по условиям перевозок, это окажется трудно исполнимым в короткий срок, то в первую голову перевести штабы частей и административно-хозяйственных должностных лиц;

---

[1] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 22.
[2] Ibid., S. 21.

2) потребовать от соответствующих министерств выполнения мероприятий, предусмотренных «Положением о подготовительном к войне периоде»[1].

Кроме того было «высочайше повелено» закончить вооружение батарей Кронштадтской, Ревельской и Свеаборгской крепостей, равно как и постановку минных заграждений, перевести Кронштадтскую крепость на осадное, а остальные крепости Петербургского военного округа и западного фронта на военное положение, возвратить в генеральный штаб всех причисленных к нему офицеров и вызвать из отпуска всех офицеров. «Мобилизацию объявить в случае перехода австрийскими войсками сербской границы, но не ранее, как через 24 часа после начала предмобилизационного периода»[2].

★

Военщина взялась за подготовку к войне крайне энергично и всерьез. Немедленно после окончания заседания совета министров был прерван парад в Красном Селе. Собранные на парад войска получили приказ вернуться по своим казармам. Николай II произвел досрочно в офицеры юнкеров петербургских военных школ, участвовавших в параде в Красном Селе. Ускоренное производство было объявлено также и во всех военных школах в провинции, например в Одессе 27 июля[3], в Киеве 26 июля [запись автора]. В 4 ч. 10 м. дня, еще до заседания комитета генерального штаба, Добророльский разослал по всем округам следующую телеграмму:

«Срочно подготовить планы перевозки и снабжения для возвращения всех войск на постоянные квартиры. Срок окончания работы 24 часа»[4].

В 11 ч. 59 м. ночи за ней последовала вторая:

«Его величеством приказано, чтобы войска с получением сего вернулись из лагерей на свои постоянные квартиры, причем в случаях, когда одновременное возвращение представляет затруднения, штабы и управления корпусов, дивизий и отдельных формирований должны выехать в первую очередь. Воинские части, находящиеся в лагерях при своих постоянных квартирах, могут оставаться там и не возвращаться в зимние казармы»[5].

В результате принятых мер картина подготовки царизма к войне выглядела так, что Палеолог, отправившийся в 7 час. вечера на Варшавский вокзал, чтобы проститься с царским послом в

---

[1] МОЭИ, V, № 79.

[2] Ibidem.

[3] OUAP, VIII, № 10819.

[4] *G. Frantz*, Russlands Eintritt in den Weltkrieg, B. 1924, Anl. № 128; опубликованные в работе директора германского военного архива в Потсдаме Гунтера Франца документы о русской мобилизации были захвачены в архивах Варшавского военного округа, Ивангородской, Ковенской, Оссовецкой крепостей и т. д. при оккупации Польши германскими войсками. Часть этих документов опубликована в работе *Зайончковского*, Подготовка России к мировой войне. Планы войны, Гвиз, 1925 и в V томе МОЭИ.

[5] *G. Frantz*, op. cit., Anl. № 129.

Париже Извольским, спешно возвращавшимся к своему посту, увидел «на платформах большое оживление. Поезда до-нельзя нагружены офицерами и солдатами. Это уж пахнет мобилизацией. Мы быстро обмениваемся нашими впечатлениями, делаем одинаковый вывод: на этот раз — это война»[1].

Тем временем Сазонов, имея в руках утвержденное Николаем II постановление совета министров «о введении с (26) 13 июля на всей территории империи подготовительного к войне периода» и о частичной мобилизации, приуроченной к моменту, когда Австрия вторгнется в Сербию, поспешил во французское посольство, где вечером 25 июля состоялось новое, второе по счету, совещание между Сазоновым, Палеологом и Бьюкененом.

Совещание началось с того, что Бьюкенен показал Сазонову только-что полученную от Грея телеграмму, в которой английскому представителю в Белграде предписывалось «советоваться со своим русским и французским коллегами» о том, что следует говорить в Белграде по поводу того, в какой степени сербское правительство должно согласиться на удовлетворение австрийских требований[2]. Эта телеграмма позволяла понять, что Англия в австро-сербском конфликте собирается тайком поддержать царскую Россию. Сазонов и Палеолог заявили, что всякое выступление по этому поводу в Белграде запоздало.

«Затем министр иностранных дел сказал нам, — доносил Бьюкенен Грею, — что на состоявшемся под председательством императора сегодня утром заседании совета министров император одобрил изготовление императорского указа, который должен быть опубликован только тогда, когда министр иностранных дел сочтет необходимым его вступление в силу, и который предписывает мобилизовать 1 100 000 чел. Необходимые предварительные приготовления к мобилизации будут однако начаты немедленно.

На выраженную мною живейшую просьбу, чтобы Россия не ускоряла войну мобилизацией, пока вы не используете ваше влияние в пользу мира, его превосходительство уверил меня, что Россия не имеет агрессивных намерений и что она не предпримет никакого выступления до тех пор, пока оно не будет навязано ей.

Французский посол затем сказал, что он получил от министра, заведующего министерством иностранных дел [Бьенвеню-Мартена?], кучу (a number) телеграмм, что ни одна из них не обнаруживает ни малейшего признака колебания и что он в состоянии дать его превосходительству формальное уверение, что Франция безоговорочно становится на русскую сторону.

Поблагодарив его, министр иностранных дел обратился ко мне с вопросом: „А ваше правительство?“ Я ответил, что вы еще не отчаялись относительно ситуации и что *великое дело — выиграть время*[3]. Я повторил то, что сказал императору на аудиенции [8 апреля 1914 г.], что Англия может играть роль по-

[1] *Палеолог*, цит. соч., стр. 52—53.
[2] BD, XI, № 102; МОЭИ, V, № 44; „Красный архив“, IV, стр. 61—62.
[3] Курсив мой. — *Н. П.*

средника в Берлине и Вене с лучшими результатами как друг, который, если его советами умеренности будут пренебрегать, мог бы в один прекрасный день превратиться в союзника, чем если бы она сразу же объявила себя союзником России»[1].

Одним словом, Бьюкенен напомнил Сазонову о военно-дипломатическом развязывании войны по рецепту 1912 г. Но Сазонов повидимому хотел получить от собеседника что-нибудь более положительное и определенное, нежели хорошие слова. Поэтому Сазонов «сказал, что к несчастью Германия убеждена, что она может рассчитывать на наш [английский] нейтралитет. За исключением «Таймса» почти вся английская пресса на стороне Австрии. Общество... не понимает, что выступление Австрии в действительности направлено против России. Она [Австро-Венгрия] стремится перевернуть нынешний status quo на Балканах и установить там свою собственную гегемонию[2]. Он [Сазонов] не верит, что Германия действительно желает войны, но ее позиция будет решена нашей[3] [английской]. Если мы станем твердо рядом с Францией и Россией, войны не будет. Если же мы теперь отступимся от них (failed them), прольются потоки крови и мы в конце концов будем втянуты в войну»[4].

Решительно, Сазонов неплохо сознавал ситуацию, ибо, как мы можем судить по опубликованным после войны документам, решительное и категорическое заявление сэра Эдуарда Грея в первые минуты июльского кризиса о поддержке Франции и России могло бы отсрочить военную развязку. Но в Лондоне именно этого-то и не хотели.

Конец совещания был впрочем испорчен неприятным намеком со стороны Палеолога.

«Французский посол заметил, что французское правительство хотело бы знать немедленно, готов ли наш флот играть роль, назначенную ему англо-французской морской конвенцией. Он не может верить, что Англия не станет на сторону своих двух друзей, которые действуют как один в этом деле.

Я сказал все, что мог,—заканчивал Бьюкенен свою телеграмму,—чтобы внушить благоразумие министру иностранных дел и предостеречь его, что, если Россия мобилизуется, Германия не удовлетворится одной только мобилизацией и, не давая России времени провести свою, по всей вероятности немедленно объявит войну. Его превосходительство уверил меня еще раз, что он не желает ускорить конфликт, но, пока Германия не сможет сдержать Австрию, я могу считать положение отчаянным. Россия не может позволить Австрии сокрушить Сербию и стать господствующей державой на Балканах и, будучи обеспечена поддержкой Франции, встретит весь риск войны»[5].

---

[1] BD, XI, № 125.
[2] Ср. МОЭИ, V, № 47.
[3] О недовольстве Николая II позицией Англии — см. BD, XI, № 153.
[4] BD, XI, № 125.
[5] Ibidem.

Осторожный ответ Бьюкенена объясняется отсутствием инструкций Грея, которых последний не мог дать до принятия «твердых решений» кабинетом. Этот ответ не мог не внушить Сазонову мысли о необходимости максимальной осторожности, если он не хочет затруднить английскому правительству вступление в войну. Правда, Бьюкенен, проводя самостоятельно, как мы увидим ниже, прямо-таки «по необыкновенному наитию», общую линию Грея, по существу не отговаривал Сазонова и Палеолога от войны. Он напоминал лишь о необходимости строгого соблюдения всех дипломатических приличий и процедур, предусмотренных военно-дипломатическим расписанием развязывания войны, установленным в 1912 г., имея в виду выиграть время и предоставить инициативу нападения немцам. Он рассчитывал на возникновение такой ситуации, при которой английская правящая клика могла бы выступить в качестве союзника Франции и царской России, «в случае если ее советами умеренности пренебрегут».

Того же соблюдения дипломатических приличий и процедур требовал и Палеолог, тайком подстрекавший Сазонова. Поэтому Сазонов в последующие дни (26—27 июля) твердо усваивает позицию осторожности и выжидания[1], имея в виду, что дипломатические переговоры должно вести даже в том случае, когда «война была уже предрешена».

В основе этого решения Сазонова лежало много мотивов. К ним прежде всего относятся:

1) желание выиграть время и закончить проведение в жизнь всех «подготовительных мер», что позволило бы произвести всеобщую мобилизацию в кратчайший срок;

2) желание предоставить германской правящей клике инициативу мобилизации и следовательно военного выступления, которое бы, так сказать, провоцировало царскую Россию на соответствующие контрмеры; последняя в этом случае оказывалась в положении страны, подвергшейся нападению, и следовательно вступала в силу ст. 1 франко-русской военной конвенции, обязывавшая Францию выступить на помощь царской России. Это обстоятельство имело большое внутриполитическое значение для французской правящей клики;

3) неизвестность позиции английского кабинета, который охаживали изо всех сил и в Петербурге и в Париже: чтобы дать английской правящей клике повод для вступления в войну, нужно было, чтобы участие в войне могло быть оправдано перед народными массами Англии.

Все эти обстоятельства требовали соблюдения со скрупулезной точностью дипломатических приличий и выступления в такой ситуации, при которой царская Россия перед лицом всего мира являлась ангельски невинной. Малейшая ошибка в этом отно-

---

[1] См. сообщение Бьюкенена от 27 июля о „хорошем" и „смирном" поведении Сазонова — BD, XI, № 170.

шении могла затруднить вступление Англии в войну. Недаром 28 июля Бьюкенен сообщал Палеологу:

«Я не сомневаюсь более, что Россия идет до конца. Она взялась за дело всерьез. Я умолял Сазонова не соглашаться ни на какую военную меру, которую Германия могла бы истолковать как вызов. Надо предоставить германскому правительству всю ответственность и всю инициативу нападения. Английское общественное мнение не допустит мысли об участии в войне иначе, как при условии, чтобы нападение исходило несомненно от Германии. Ради бога, говорите в том же смысле с Сазоновым»[1].

Понимал это и военный министр Сухомлинов, о разговоре с которым 26 июля Палеолог сообщал Бьенвеню-Мартену:

«Военный министр повторил мне свое желание предоставить Германии фактическую инициативу нападения»[2].

Таковы были причины внешнего миролюбия Сазонова в дни 25—28 июля, вызывавшие удивление и недоумение со стороны австрийских и германских дипломатов, буквально не знавших, что им думать и делать при виде такого обильного миролюбия. В то время как со всех сторон поступали сведения о подготовке царской России к войне, Сазонов безостановочно говорил о мире и говорил так убедительно, что не верить ему было крайне неловко.

Но все эти переговоры были дымовой завесой для выигрыша времени и подготовки мобилизации. Об этом свидетельствует следующая телеграмма Сазонова Извольскому и Бенкендорфу, отправленная 27 июля:

«Если речь идет о каком-либо умеряющем воздействии [со стороны Франции и Англии] в Петербурге, мы его заранее устраняем, ибо мы заняли с самого начала положение, в коем мы ничего изменить не можем, ибо мы уже идем навстречу всем приемлемым требованиям Австрии»[3].

Впрочем 29 июля, после объявления Австрией войны Сербии, этот гипноз сазоновского миролюбия рассеялся.

Итак, с 25 июля Сазонов приступил к переговорам. Вполне основательно опасаясь опасных зигзагов в политике английской правящей клики и изо всех сил стремясь дезориентировать противника, он предлагал то один, то другой способ мирного разрешения конфликта.

Так, 25 июля он предложил, чтобы Сербия обратилась к державам, которым в 1909 г. дала обязательство вести себя прилично по отношению к Австрии. В этом случае царская Россия соглашалась отойти в сторону и предоставить разрешение конфликта Англии, Франции, Германии и Италии, т. е. такому судилищу, в

---

[1] *Палеолог*, цит. соч., стр. 57.

[2] *Bourgeois et Pagès*, Les origines et responsabilités de la Grande Guerre, P. 1922, p. 39; F. 1926, № 59a; *Poincaré*, IV, p. 322—323.

[3] МОЭИ, XV, № 116.

котором царская Россия имела бы в свою пользу три голоса из четырех[1].

26 июля он начал прямые переговоры с австро-венгерским послом графом Сапари по поводу изменения тех требований, какие предъявлял Сербии австрийский ультиматум. Он предложил Сапари «сотрудничество Англии и Италии с целью положить конец настоящему кризису»[2].

27 июля он заявил о своем решении «предложить непосредственные переговоры между Веной и Петербургом по поводу изменений, которые необходимо внести в австрийские требования»[3].

Правящие круги Германии и Австро-Венгрии могли выбирать любое из этих предложений в зависимости от своего вкуса и настроения. Царский министр иностранных дел «в целях сохранения мира» был готов на все: все эти предложения ни к чему его не обязывали, и в случае их принятия царская Россия благодаря помощи союзников не могла не выиграть. К тому же этот ассортимент доказательств миролюбия имел еще одно неоспоримое преимущество, специально учитывавшее возможность предательства союзников: на худой конец в случае такого предательства всегда можно было использовать одно из этих предложений для отступления и сделки с австро-германским блоком, предоставив последнему право «наказать» Сербию. Исторические прецеденты таких сделок царской России за счет балканских «младших братьев» имелись уже в достаточном количестве.

Пока Сазонов деятельно занимался этой стряпней на дипломатической кухне, генералы потихоньку развязывали войну, подготовляя мобилизацию. Последняя не встречала никаких возражений у английской правящей клики. Это видно из донесения царского посла в Лондоне Бенкендорфа, который 25 июля сообщал Сазонову следующие данные о позиции Грея при втором свидании последнего с германским послом 25 июля утром.

Германскому послу в Лондоне Лихновскому Грей заявил, что «по его мнению, австрийская мобилизация должна повлечь за собой мобилизацию русскую, и что тогда создалось бы положение, вызывающее острую опасность всеобщей войны; что он [Грей] видит только одно средство попытаться сохранить мир: чтобы в случае мобилизации Австрии и России Германия, Франция, Италия и Англия, воздерживаясь от немедленной мобилизации, тотчас предложили Австрии и России свои дружеские услуги. Грей сказал мне, что этот план предполагает прежде всего согласие на него Германии и обязательство ее не мобилизоваться и что ввиду того он в первую очередь зондировал позицию Германии.

Я, — сообщал Бенкендорф, — сделал несколько возражений против этого плана, сказав между прочим, что у берлинского кабинета может создаться неправильное представление о намере-

---

[1] BD, XI, № 125.

[2] BD, XI, № 170; OUAP, VIII, № 10835; МОЭИ, V, № 86, 87; DD, № 238; „Livre Jaune" 1914, № 54; ср. МОЭИ, V, № 84 и BD, XI, № 207, 208, 209.

[3] BD, XI, № 179; МОЭИ, V, № 86, 87.

ниях лондонского кабинета. Грей ответил, что после его слов германскому послу это представляется ему совершенно невозможным, в особенности потому, что этот план был выдвинут в ответ на предложение Германии *преподать России совет умеренности, — предложение, на которое он ответил категорическим отказом.* Грей сказал мне, что, *если бы оказалось возможным задержать германскую мобилизацию, многое было бы достигнуто,* и что совершенно необходимо сделать последнее усилие с целью воспрепятствовать возникновению мировой войны»[1].

Это «последнее усилие» Грея, как можно видеть, отнюдь не запрещало русскую мобилизацию, которую Грей считал совершенно нормальным и естественным шагом со стороны царской России, и запрещало одну германскую[2]. Помимо желания развязать войну, сразу же покрепче втравив в нее царизм и тем связав Германию на восточном фронте[3], это предложение Грея имело целью выравнять силы, предоставив возможность царской России мобилизовываться без соответствующей контрмеры на это со стороны Германии, если бы последняя приняла предложение Грея. Поэтому, хотя Бенкендорф сообщал, что до «отчетливой позиции, которая была бы равносильна союзу», еще далеко и что «Англия не выскажется, пока объявление всеобщей войны не выдвинет определенно вопроса о европейском равновесии»[4], тем не менее снисходительное отношение Грея к русской мобилизации могло только устранить последние сомнения и колебания Сазонова. Фактически Грей торопил Сазонова с мобилизацией, так как последний, хотя «война уже была предрешена», собирался объявить частичную мобилизацию против Австрии только после перехода австрийскими войсками сербской границы и вторжения их в Сербию. О сроке русской частичной мобилизации он говорил с Бьюкененом даже 28 июля[5], при чем выбор им этого срока объяснялся уже указанными выше причинами, именно желанием: 1) оттянуть развязку до выяснения позиции англичан, 2) предоставить «честь нападения» австрийской правящей клике и 3) облегчить царской России первые дни войны, покрепче втянув австрийцев в военные операции на сербском фронте. Грей же, как свидетельствуют телеграмма Бенкендорфа и запись самого Грея[6], советовал начать мобилизацию сейчас, не дожидаясь нападения Австрии на Сербию.

Те же цели преследовало и другое предложение Грея, сделанное 24 июля, — о посредничестве или конференции четырех держав. Это предложение также ни слова не говорило против русской мо-

---

[1] МОЭИ, V, № 54 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] Ibidem.
[3] BD, XI, № 112, 132, 140, ср. Ллойд-Джордж, цит. соч., стр. 75—76.
[4] МОЭИ, V, № 55.
[5] Об этом свидетельствуют и указываемые телеграммы: BD, XI, № 112, 116 170, 173, 174, 235, 239, 247; МОЭИ, V, № 216, 118; DD, № 160, 204, 236, 238, 242, 288; F. 1926, № 57, 63.
[6] BD, XI, № 132.

билизации. Ее не запрещали, ее официально не торопили — о ней лицемерно умалчивали, делая вид, что ее не замечают. Запрещалось лишь открытие военных действий до выяснения результатов посредничества или конференции, но ничуть не русская мобилизация[1].

Правящей клике царизма оставалось лишь использовать это разрешение, конечно в пределах всех полагающихся при этом процедур и с соблюдением дипломатических приличий, т. е. избегая такой «ошибки», которую противники могли бы использовать в качестве доказательства перед народными массами Англии и Европы, что царская Россия является нападающей стороной. Это разрешение следовало использовать возможно более полно, так как отказ Вены и Берлина продлить срок австрийского ультиматума Сербии[2], первые сведения о военных приготовлениях правящих кругов Австро-Венгрии, поступившие уже к тому времени из Вены[3], говорили, что противники готовятся изо всех сил. Царизму, если он не хотел опоздать, подобно тому как это случилось в 1912 г., когда царские генералы прохлопали втихомолку проведенную Австро-Венгрией мобилизацию, приходилось торопиться. Поэтому в дни 25—28 июля военщина с одобрения Сазонова развила поистине лихорадочную деятельность по подготовке царской России к мобилизации и войне.

Проведенные в эти дни военные меры с полным правом можно считать частью всеобщей мобилизации, проведенной тайком. Это доказывают ширина и объем предпринятых военных приготовлений.

Мы приводим краткий перечень этих мер.

После заседания комитета генерального штаба, состоявшегося 25 июля, начальник генерального штаба Янушкевич немедленно разослал в министерства иностранных дел, торговли, финансов, путей сообщения, внутренних дел, морское, юстиции, государственного контроля и командиру отдельного корпуса пограничной стражи копии «Положения о подготовительном к войне периоде» с предложением принять меры, предусмотренные «Положением» по своим ведомствам[4].

В 1 час ночи с 25 на 26 июля Янушкевич отправил командующему войсками Варшавского военного округа следующую телеграмму:

«По высочайшему повелению все крепости округа переводятся на военное положение. Отдайте приказ начать работы, предусмотренные в списках 1 и 2 высочайше утвержденного предписания от 17/II (2/III) о подготовительном к войне периоде»[5].

В 3 ч. 26 м. ночи командующим войсками военных округов была послана телеграмма:

---

[1] BD, № 112, 140.
[2] МОЭИ, V, № 62, 63, 66, 67.
[3] МОЭИ, V, № 34, 65, 69.
[4] МОЭИ, V, № 80, прим. 2.
[5] *Frantz*, op. cit., Anl. № 90.

«Его величество приказал считать 13 (26) июля началом подготовительного к войне периода по всей территории Европейской России. Предписывается предпринять все меры согласно 1 и 2 перечням положения об этом периоде, которые должны быть выполнены под руководством штабов округов, интендантских управлений, командиров корпусов, комендантов крепостей, воинских частей и органов управления»[1].

В результате этих предписаний в течение 26 и 27 июля были переведены на военное положение крепости Варшавского военного округа — Оссовец, Новогеоргиевск, Брест-Литовск, Варшава и Ивангород[2], крепости Виленского военного округа — Динамюнде (Усть-Двинск), Ковно, Гродно[3].

Комендантам Новогеоргиевска и Оссовца 26 июля было предписано занять воинскими частями все защищающие крепость форты, «чтобы предупредить неожиданное нападение», обратив особое внимание на охрану мостов. Мосты через Вислу и Вепрж у Ивангорода было приказано забаррикадировать, усилив воинские части в фортах на левом берегу Вислы. VI армейскому корпусу было предписано поставить охрану у моста через Нарев, а XV армейскому корпусу — такую же охрану у Остроленки и Рожан, XXIII армейскому корпусу — у Пултуска и Сероцка[4]. Были приняты меры к укреплению Ивангорода и снабжению его тяжелой артиллерией, огневыми припасами, специальными (техническими) частями войск, провиантом[5]. Семьи офицеров и чиновников эвакуировались из крепостей пограничной полосы, для чего были открыты специальные кредиты[6]. Гарнизонам пограничной полосы (в Ченстохове, Бендзине, Калише, Млаве, Владимире Волынском, Граеве) было предписано принять меры чрезвычайной бдительности и усилить деятельность контрразведки; воинским частям были розданы военные карты; возвращены из местных лагерей воинские части[7]; спешно утверждено Николаем II «Положение о полевом управлении войск»[8] и т. д.

Эти меры проводились не только на австрийской границе, где план кампании основывался на вторжении в Галицию и следовательно охрана пограничной полосы считалась делом второстепенным, но главным образом и в первую очередь на германском фронте — в Виленском и Варшавском округах. Они коснулись даже и Азиатской России, правда, в более смягченном виде.

Предвидя войну с Германией, «глядевший в корень» генеральный штаб, руководимый Янушкевичем, не удовлетворился частичной мобилизацией против Австрии, а с самого начала готовился ко всеобщей мобилизации.

---

[1] Ibid., Anl. № 91.
[2] *Frantz*, op. cit., Anl. № 92, 98, 99.
[3] Ibid., Anl. № 100 u. S. 56.
[4] Ibid., Anl. № 101, 103, 104.
[5] Ibid., Anl. № 108, 109 u. S. 56—57.
[6] Ibid., Anl., № 111, 112 u. S. 52.
[7] Ibid., Anl. № 116, 117, 118, 119, 113, 114, 115 u. S. 57—58.
[8] Ibid. S. 59.

26 июля по инициативе первого генерал-квартирмейстера Данилова состоялось совещание высших чинов управления генерального штаба — Янушкевича, Добророльского (начальника мобилизационного управления), Ронжина (начальника военных сообщений) и самого Данилова — по вопросам мобилизации.

В результате обсуждения Янушкевич изъявил «согласие на изготовление двух проектов высочайшего указа, из коих один для общей, другой для частичной мобилизации четырех округов» (Киевского, Московского, Одесского и Казанского)[1]. Добророльский, представивший Янушкевичу утром проект указа о частичной мобилизации, к вечеру передал ему проект указа о всеобщей мобилизации[2], который предусматривал мобилизацию 3 500 000 чел.

Утром 27 июля в генеральном штабе обсуждался вопрос о формировании штаба верховного главнокомандующего[3].

В то же время военные власти, под «честным словом» уверявшие германских дипломатов о том, что дело идет лишь о подготовительных мерах и частичной мобилизации против Австрии, спешно подготовляли перевозку из внутренних округов в пограничную с царской Россией полосу тех воинских частей, которые следовало перебросить туда в случае всеобщей мобилизации.

Об этом свидетельствует следующая телеграмма генерал-квартирмейстера царского генерального штаба Данилова командующему штабом Варшавского военного округа, посланная из Петербурга 15 (28) июля в 11 ч. 58 м. утра[4]:

«Существует намерение еще в предмобилизационный период, если это окажется возможным, перевести в район округа 5-ю кавалерийскую дивизию[5] и 2-ю и 3-ю отдельные кавалерийские бригады[6]. Прошу сообщить желательные пункты выгрузки и иметь при этом в виду, что переброска 5-й кавалерийской дивизии к германской границе перед указом о мобилизации по политическим мотивам нежелательна» (чтобы не пронюхали немцы).

Не менее широко шла подготовка к войне на море и притом к войне с Германией. Из напечатанной в V томе «Международных отношений в эпоху империализма» переписки начальника морского генерального штаба Русина с командующим Балтийским флотом адмиралом Эссеном видно[7], что уже с 25 июля были приняты подготовительные меры по постановке минного заграждения в Финском заливе на главной минной позиции Поркаллауд — Ревель, установлена охрана рейдов в Ревеле, Свеаборге

---

[1] *Данилов*, Россия в мировой войне 1914—1915 гг., Б. 1924, стр. 13; МОЭИ, V, № 112, прим. I, № 157.

[2] МОЭИ, V, № 112.

[3] МОЭИ, V, № 113, ср. МОЭИ, V, № 208.

[4] *Frantz*, op. cit., Anl. № 94.

[5] Из Казани, предназначалась для 12-й армии на Нареве.

[6] Из Московского военного округа, предназначались для 5-й армии, развертывавшейся на линии Холм — Ковель — Брест.

[7] МОЭИ, V, № 82, 115, 114, 159, 158.

и Кронштадте, роздан судам германский сигнальный свод, велись переговоры о фрахтовке пароходов, оборудованных радиоустановками для разведки, началась постановка минных заграждений в Кронштадте и т. д. За дело взялись настолько энергично, что к 3 час. дня 26 июля развертывание сил Балтийского флота было закончено.

Эти меры однако не укрылись от внимания иностранных дипломатов и прежде всего германских, австрийских и английских. В период 25—30 июля мы насчитали по германским документам около 30 отчетов о военных приготовлениях царской России[1], по австрийским документам около 55 отчетов[2], по английским документам около 14 отчетов[3] и т. д. Эти отчеты не оставляют никаких сомнений в том, что царская Россия вступила на путь самой энергичной подготовки к войне — такой подготовки, которая большинством посторонних нейтральных наблюдателей, а также и царскими чиновниками (в неофициальных разговорах) характеризовалась как тайная постепенная мобилизация. Мы не излагаем содержания этих отчетов просто за недостатком места, приведем лишь следующее лирическое признание одного «генерала», весьма компетентного в вопросах русского оперативно-стратегического плана, именно бывш. начальника генерального штаба Ф. Палицына. Его слова вскрывают настоящую цель военных приготовлений и всех дипломатических усилий Сазонова:

«Это господь всевышний нас спасает. Он так хочет. Ведь подумайте, что бы было, ежели бы австрийцы сразу же бросили свои войска на нас. Мы бы не успели сосредоточиться, и они могли бы по частям разбить нас. Но они долго не верили, что Россия объявит войну. Они обратили все внимание на Сербию в полной уверенности, что мы не двинемся. Наша мобилизация, как громом, их поразила. Но было уже поздно для них. Они связались с Сербией, и немцы тоже упустили первые дни. В общем *мы выгадали 12 дней*[4]. Наш противник сделал колоссальную ошибку в этом смысле, а нам дал сразу такое преимущество, которое ничем не исчислить»[5].

Столь широкие военные меры, естественно, вызвали ряд дипломатических выступлений со стороны австро-германского блока перед царским правительством.

---

[1] DD, № 194, 216, 230, 242, 255, 264, 267a, 274, 275, 276, 291, 310a, 335a, 339, 344, 349, 365, 365a, 369, 370, 372, 376a, 390, 401, 404, 410, 412, 422, 431a, 435.

[2] OUAP, VIII, № 10687, 10717, 10724, 10732, 10736, 10755, 10756, 10757, 10758, 10769, 10788, 10803, 10804, 10815, 10818, 10819, 10836, 10852, 10853, 10863, 10896, 10898, 10899, 10900, 10901, 10902, 10917, 10928, 10933, 10937, 10946, 10975, 10977, 10978, 10979, 10980, 10981, 10992, 10994, 11000, 11002, 11003, 11010, 11011, 11054 11071, 11074, 11075, 11076, 11110, 11111, 11112.

[3] BD, XI, № 167, 173, 178, 228, 234, 258, 276, 279, 280, 302, 304, 305, 307, 405.

[4] Курсив мой. — *Н. П.*

[5] *В. Семенников*, Дневник бывш. великого князя Андрея Владимировича. Гиз, 1925, стр. 38.

Уже 26 июля Пурталес говорил Сазонову о распространившемся в кругах иностранных атташе известии, согласно которому нескольким русским армейским корпусам на западной границе якобы отправлен приказ о мобилизации.

«Я указал при этом, — доносил в Берлин Пурталес, — на большую опасность подобной меры, легко могущей вызвать контрмеры. Министр возразил, что может мне гарантировать, что никаких приказов о какой бы то ни было мобилизации не издано, что, наоборот, с такими приказами в военном министерстве было решено выждать, пока Австро-Венгрия не займет враждебной позиции по отношению к России. Что «некоторые военные приготовления с целью не быть захваченными врасплох» уже сделаны, в этом г. Сазонов признался»[1].

Для того чтобы успокоить немцев, Сазонов решился на более сильное средство: он поручил военному министру Сухомлинову успокоить германского военного атташе майора Эггелинга. 27 июля Пурталес сообщал в Берлин об этих переговорах Эггелинга с Сухомлиновым:

«Военный атташе сообщает о разговоре с военным министром: Сазонов просил последнего дать мне [военному атташе] полную информацию о военном положении. Военный министр дал мне честное слово, что до сих пор не издано никакого приказа о мобилизации. Пока не принято ничего кроме подготовительных мер, не взята ни одна лошадь, не призван ни один запасной. Когда Австрия перейдет сербскую границу, будут мобилизованы направленные против Австрии военные округа — Киевский, Одесский, Московский и Казанский. Ни в коем случае округа германского фронта — Варшавский, Виленский, Петербургский. Мира с Германией желают настоятельно. На мой вопрос, какова причина для мобилизации против Австрии, — пожатие плечами и ссылка на дипломатов. Сказал министру, что мы ценим мирные намерения, но что мобилизация даже против одной Австрии будет считаться очень угрожающей. Министр решительно и неоднократно подчеркнул настоятельную нужду и желание мира. Получил впечатление большой нервности и озабоченности. Считаю желание мира искренним, информацию о военных мерах верной постольку, что полная мобилизация пока не объявлена, но подготовительные меры весьма широки. Видимо, стремятся выиграть время для новых переговоров и продолжения вооружений. Внутреннее положение, несомненно, является причиной тяжкой озабоченности»[2].

Но так как телеграммы от консулов продолжали поступать безостановочным, все увеличивающимся с каждым днем и часом потоком и при этом не только из округов на австрийской границе, но и из округов на германской, то понятно, какую цену могли придавать в германском генеральном штабе и в мини-

---

[1] DD, № 230.
[2] DD, № 242, ср. OUAP, VII, № 10758.

стерстве иностранных дел заверениям царской России об отсутствии военных приготовлений, миролюбивых намерениях и пр. и пр. Тем не менее генералы, Сазонов и даже сам Николай II не скупились на «честные слова», наивно думая одурачить немцев.

Таким образом в период 26—27 июля, когда Сазонов благодушно упражнялся в миролюбии, разговаривая «по душам» с австрийским и германским послами[1], предлагая все новые и новые дипломатические процедуры для решения конфликта, генералы лихорадочно наверстывали время, чтобы уравнять мобилизацию царской армии по продолжительности сроков с австрийской и германской, тем более что сведения о военных приготовлениях в Австрии продолжали поступать[2].

Управляющий консульством в Праге Казанский прямо сообщал, что «войска отсюда отправляются в Галицию. Сюда идут немецкие полки из Нижней Австрии»[3]. Противник таким образом также готовился всерьез, не только на сербском, но и на русском фронте. Берлин[4] и Вена[5] не проявляли пока уступчивости, хотя Шебеко сообщал о большом смущении в австрийских правящих кругах, вызванном русским официальным сообщением о невозможности для царской России остаться равнодушной в австро-сербском конфликте[6].

Но 28 июля положение резко изменилось. Ночью, как можно предполагать, пришли телеграммы Бенкендорфа, сообщавшие, что Грей наконец «усвоил более твердый тон», что «уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы»[7], а утром Сазонов официально узнал от Бьюкенена, что английское правительство ввиду серьезности положения решило не приступать к деконцентрации английского флота, собранного на маневрах в Портланде[8]. Это известие могло только укрепить Сазонова в его решимости «стоять твердо». Получив эти приятные успокоительные сведения, он мог уже спокойно разговаривать с Пурталесом, не обращая внимания на предостережения последнего, впрочем имевшие целью не столько предостеречь, сколько дезориентировать противника, затруднить проведение военных мер, принятых царским правительством, и тем самым облегчить германскую мобилизацию.

---

[1] МОЭИ, V, № 164; DD, № 238; OUAP, VIII, № 10835.
[2] МОЭИ, V, №, 137, 138.
[3] МОЭИ, V, № 140.
[4] МОЭИ, V, № 132, 135.
[5] МОЭИ, V, № 139.
[6] Там же.
[7] МОЭИ, V, № 124, 125. „Твердый тон" Грея объясняется тем, что отказ леворадикального большинства кабинета поддержать царскую Россию и Францию выяснился лишь к вечеру 27 июля. Эта позиция леворадикального большинства кабинета, продолжавшаяся до 2—3 августа, делала позицию Грея в беседах с Бенкендорфом и Полем Камбоном в период 28 июля — 1 августа 1914 г. весьма неустойчивой и неопределенной.
[8] BD, XI, № 177, 247.

«Мы получили, — так предупреждал Пурталес Сазонова, — достоверную информацию, не оставляющую сомнений, что ведутся военные приготовления, идущие дальше того, о чем говорил военный министр нашему военному атташе»[1].

Но заявления Пурталеса уже не могли смутить Сазонова, державшего курс на войну. С приходом успокоительных известий из Англии уже можно было изменить и тон в переговорах. Сапари, пришедшему к Сазонову после Пурталеса, Сазонов даже угрожал, заявив, что молчание Берхтольда относительно его, Сазонова, предложения начать «непосредственные переговоры» между Петербургом и Веной, сделанные 26 июля, — это молчание не предвещает ничего хорошего и что «во всяком случае положение серьезно»[2].

После ухода Сапари Сазонов принял Палеолога, который официально сообщил ему «о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства»[3]. Таким образом союзники, хотя бы наружно, также «стояли твердо».

Вероятно именно во время разговора Сазонова с Палеологом и пришла телеграмма об объявлении австрийцами войны Сербии. Выходило так, как того хотел Сазонов: австрийская правящая клика брала на себя тяжесть выступления в качестве нападающей стороны. После этого Сазонов начал действовать быстро. Как уверяет Добророльский, его «оптимизм был разрушен одним ударом. Он был переполнен мыслью, что всеобщая война неизбежна, и уведомил Янушкевича, что откладывать далее мобилизацию нашей армии нельзя»[4]. Тут конечно дело не в «оптимизме» и его неожиданном крушении, а в том, что после выступления австрийцев можно было стесняться меньше: нападающей стороной — вот когда пригодилась проявленная Сазоновым 25—28 июля «сдержанность»! — оказывалась Австрия. Поэтому Сазонов сразу же прервал непосредственные переговоры с Веной, вернее, оставил эту идею, разослав царским дипломатическим представителям за границей следующую телеграмму:

«Вследствие объявления Австрией войны Сербии непосредственные объяснения мои с австрийским послом, очевидно, нецелесообразны»[5].

Именно потому, что после выступления Австрии уже можно было не стесняться, можно было и не вступать в переговоры с австрийцами, Сазонов отказался от мысли об этих переговорах фактически за сутки до того, как узнал о «категорическом отказе» Берхтольда вести их[6].

---

[1] DD, № 338.
[2] OUAP, VIII, № 10999.
[3] МОЭИ, V, № 172; „Красный архив", IV, стр. 17; *Poincaré*, IV, p. 17.
[4] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 23; *Sasonoff*, Les années fatales. Payot, P. 1926, p. 188; DD, № 344.
[5] „Красный архив", IV, стр. 17, 52; МОЭИ, V, № 167.
[6] DD, № 343, 365; OUAP, VIII, № 10999, 10915; МОЭИ, V, № 188.

В следующей телеграмме царским послам, посланной вслед за первой, сообщалось, что «нами завтра будет объявлена мобилизация четырех округов»[1]. Это решение Сазонов принял после совещания с начальником генерального штаба Янушкевичем, несмотря на то, что последний настаивал на необходимости всеобщей мобилизации.

«Скромность» и «умеренность» Сазонова, не соглашавшегося на всеобщую мобилизацию, объясняются тем, что как раз утром на ряду с успокоительными известиями из Англии он получил следующую телеграмму из Парижа от Извольского:

«Жюль Камбон [французский посол в Берлине] телеграфирует из Берлина, что на вопрос его, как отнесется Германия к частичной мобилизации России, Ягов ответил, что подобная мобилизация не вызовет мобилизации со стороны Германии, но что если Россия атакует Австрию, Германия тотчас ответит атакой на Россию»[2].

Аналогичное сообщение также поступило и от поверенного в делах в Берлине Броневского[3].

Таким образом можно было не торопиться и продолжать под флагом частичной мобилизации проведение ряда мер, относящихся к общей, и в то же время выжидать еще большего выяснения позиции союзников. Именно этим и объясняются отказ Сазонова на просьбы Янушкевича согласиться на всеобщую мобилизацию и его вопрос совершенно ошеломленному Янушкевичу, нельзя ли провести всеобщую мобилизацию тайно, не объявляя ее[4]. Янушкевичу в конце концов удалось убедить Сазонова, что осуществление такой тайной мобилизации совершенно невозможно, и тогда Сазонов, ответив отказом на уговоры Янушкевича все-таки объявить всеобщую мобилизацию, уехал в Петергоф на доклад к Николаю II.

Но «генералы», шедшие напролом, все же не оставили мысли о всеобщей мобилизации. После отъезда Сазонова в генеральном штабе состоялось совещание Янушкевича с высшими чинами управления генерального штаба — генерал-квартирмейстером Даниловым, начальником мобилизационного отделения Добророльским, начальником отделения военных сообщений Ронжиным. Совещание единодушно пришло к выводу, что необходимо приложить все усилия, для того чтобы Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации, так как частичная в случае необходимости всеобщей мобилизации может затруднить проведение последней. В связи с этим были изготовлены два проекта царского указа: один — о всеобщей и другой — о частичной мобилизации[5].

[1] „Красный архив", IV, стр. 17; МОЭИ, V, № 168.

[2] „Материалы", стр. 516, телеграмма Извольского № 197. Между прочим из этого заявления Ягова явствует с полной очевидностью, что Германия была уже готова к войне.

[3] МОЭИ, V, № 135; „Красный архив", I, стр. 173; „Livre Jaune", 1914, № 67.

[4] „Красный архив", IV, стр. 33; МОЭИ, V, № 349.

[5] *Dobrorolsky*, op, cit., S. 29; *Danilow*, Russland im Weltkriege, Jena 1925, S. 16—22.

С ними Янушкевич утром 29 июля отправился в Петергоф, надеясь добиться от Николая II подписания указа о всеобщей мобилизации.

Насколько Янушкевич не обманывался в своих надеждах, показывает тот факт, что перед отъездом в Петергоф и следовательно еще до подписания указа Николаем II он отправил всем командующим военными округами следующую телеграмму:

«17 (30 июля)[1] будет объявлено первым днем нашей общей мобилизации. Объявление последует установленною телеграммой. Янушкевич»[2].

Одновременно Данилов телеграфировал о необходимости соблюдать крайнюю осторожность, указывая, что при наступающей мобилизации открытие военных действий должно состояться лишь после получения специальной телеграммы. Данилов приказывал предупредить об этом пограничные войска, чтобы «не было совершено непоправимых шагов»[3].

Надежды Янушкевича блестяще оправдались. Николай II подписал указ о всеобщей мобилизации. По возвращении из Петергофа Янушкевич вызвал к себе германского военного атташе майора Эггелинга. Намерением Янушкевича было обмануть последнего уверениями, что никакой мобилизации нет и не предвидится, и в то же время пустить мобилизационную машину в ход, т. е. выиграть еще хоть немного времени. Свой разговор с Янушкевичем, сообщившим Эггелингу, что он «только-что вернулся от его величества», Эггелинг передает в таком виде:

«Военный министр уполномочил его [Янушкевича] заверить меня, что все осталось в том же положении, о котором сообщал мне министр два дня назад. Он дал мне свое честное слово в самой торжественной форме и предложил мне письменное заверение, что до 3 час. сегодняшнего дня нигде не начато ни одной мобилизационной меры, т. е. набора хоть одного человека или лошади. Он не может поручиться за будущее, но хочет дать мне самые серьезные уверения, что его величество, как и раньше, не желает никакой мобилизации на фронтах вдоль нашей границы»[4].

---

[1] Что эта телеграмма была отправлена еще до поездки Янушкевича в Петергоф, видно из следующего запроса Жилинского Сухомлинову, отправленного из Варшавы 17 (30) июля в 2 ч. 25 м. дня: „Петербург. Военному министру. Начальник генерального штаба телеграфировал вчера, что семнадцатое будет объявлено первым днем мобилизации; так как это не последовало, возможно предположить, что произошли перемены в политическом положении. Возможно ли было бы поставить в известность меня о переменах, наступивших в этом отношении. Жилинский" (*Frantz*, op. cit., Anl. № 145, перевод мой.—*Н. П.*; ср. МОЭИ, V, № 329). Спрашивается, какой смысл имело Янушкевичу сообщать, что 17 (30) будет объявлено первым днем мобилизации уже после того, как он получил подпись Николая II на указе?

[2] *Frantz*, op. cit., Anl. № 143; МОЭИ, № 210.

[3] Ibid., Anl. № 87.

[4] DD, № 370.

Эггелинг был искренне удивлен таким заявлением, так как к тому времени в германском посольстве уже имелось «много сообщений о призыве запасных и наборе лошадей в различных округах империи, включая Варшаву и Вильно»[1]. Поэтому он возразил Янушкевичу, что заявление последнего является для него, Эггелинга, «загадкой».

«Он ответил, — передает Эггелинг свой дальнейший разговор с Янушкевичем, — под честным словом офицера, что подобные известия неверны, что это ложная тревога... Генерал признался о передвижении войск для защиты границы. Это меры, исходящие не от него, и они приняты исключительно из предосторожности»[2].

Но «честное слово русского офицера» не внушило особого доверия германскому майору, сообщавшему в конце депеши:

«Учитывая многочисленные и положительные сообщения об имеющих место призывах, я должен считать разговор попыткой ввести меня в заблуждение об объеме принятых до сих пор мер»[3].

Сам Янушкевич считал, что его «честное слово русского офицера» не было им нарушено. На сухомлиновском процессе в 1917 г. он с юмором Кречинского заявил, что считает правдивым свое предложение Эггелингу дать письменное заверение о том, что русская мобилизация еще не проводится, «так как в действительности в эту минуту мобилизация еще не была объявлена. Я еще имел указ о мобилизации в своем кармане»[4].

Успокоив Эггелинга своим «честным словом», Янушкевич около 12 час дня[5] вызвал Добророльского и передал ему царский указ. Он хотел немедленно пустить в ход машину мобилизации, но для этого еще требовались подписи трех министров — военного, морского и внутренних дел.

Добророльский между 2—3 час. дня направился с указом к Сухомлинову[6]. Получив его подпись, он поехал в адмиралтейство к адмиралу Григоровичу. Не застав последнего, так как Григорович был в Кронштаде, откуда его ждали к 7 час. вечера, Добророльский направился к министру внутренних дел Н. А. Маклакову, который сейчас же заговорил... о возможности революции!

«Война, — сказал Добророльскому Маклаков, — не может быть популярна у нас в народных массах, для которых революционные идеи более доступны, чем победа над немцами. Но нельзя избежать своей судьбы»[7].

Тем не менее Маклаков, перекрестившись, поставил свою подпись под телеграммой. Так как возвращения Григоровича приходилось ждать еще около двух часов, Добророльский вер-

---

[1] DD, № 370.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.
[4] „Новое время" от 13 (26) VIII 1917 г.)
[5] Статья Добророльского в KF, 1924, S. 85.
[6] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 23 etc.
[7] Ibidem.

нулся в генеральный штаб и сообщил Янушкевичу, что ему не удалось собрать всех подписей из-за отсутствия Григоровича.

«Ввиду этого Янушкевич приказал мне, — рассказывает Добророльский, — самому отвезти телеграмму на станцию[1], как только я достану подпись Григоровича, и *не возвращаться к нему до тех пор, пока я не сделаю этого*. Начальнику центрального телеграфа через офицера из мобилизационного управления было указано подготовить все для отправки в этот вечер телеграммы особой важности»[2].

Таким образом совещание Янушкевича с Добророльским происходило около 5—5½ час. пополудни. После него Добророльский снова поехал к Григоровичу.

«Когда я явился к морскому министру адмиралу Григоровичу, — рассказывает Добророльский в своих воспоминаниях,—он не хотел верить, что я принес ему на подпись телеграмму о всеобщей мобилизации. «Как? Война с Германией? Наш флот не в состоянии померяться с германским, — сказал министр. — Кронштадт не защитит столицы от бомбардировки». Он позвонил Сухомлинову по телефону в министерство и попросил подтвердить, должен ли он подписать [мобилизационную телеграмму]. Получив утвердительный ответ, он дал свою подпись.

С подписью Григоровича Добророльский согласно приказу Янушкевича — «не заезжать больше никуда» — поспешил прямо «на центральный телеграф, чтобы отправить историческую телеграмму. Было 9 час. вечера 29 июля. Главный начальник управления почт и телеграфов был уже предупрежден. Я вручил ему телеграмму и задержался, чтобы лично посмотреть, как будет отправлена эта телеграмма во все уголки Российской империи. В моем присутствии приступили к переписке депеши на нескольких пишущих машинках, чтобы отправить ее по всем проводам, которые соединяют С.-Петербург с важнейшими центрами империи, откуда телеграмма должна была быть передана во все губернские и уездные города.

Внушительное помещение Петербургского центрального телеграфа с несколькими десятками его телеграфных аппаратов было уже готово принять мобилизационную телеграмму. Но в эту минуту, около 9 ч. 30 м. вечера[3], генерал Янушкевич вызвал меня по телефону и приказал мне задержать телеграмму до прибытия капитана генерального штаба Туган-Барановского. Последний вошел и заявил, что разыскивал меня по всему городу, дабы передать приказ царя не отправлять телеграммы о всеобщей мобилизации. Всеобщая мобилизация должна быть отложена и вместо нее должна быть по приказу царя выполнена частичная мобилизация согласно условленному заранее плану. Я немедленно забрал назад телеграмму о всеобщей мобилизации, которую я

---

[1] Петербургского центрального телеграфа.
[2] Статья Добророльского в KF, 1924, стр. 85 и сл. (курсив мой. — *Н. П.*),
[3] На самом деле это было позднее.

вручил канцелярии телеграфа, и все копии телеграмм и, доведя об этом до сведения начальника телеграфа, уехал»[1]. Телеграмму о частичной мобилизации отправил Туган-Барановский.

Неожиданный отбой был вызван, как сообщают Палеолог[2], Добророльский[3] и Фредерикс[4], личной инициативой Николая II и не имел ничего общего с приписываемыми историками Антанты Сазонову миролюбивыми намерениями.

Наоборот, в этот день Сазонов менее всего желал уладить дело миром. Около 12 час. дня он имел разговор с Пурталесом и сообщил ему, что, ввиду мобилизации 8 австрийских корпусов и отсутствия до сих пор каких бы то ни было признаков согласия австрийского правительства начать непосредственные переговоры, царская Россия «вынуждена приступить к мобилизации военных округов на австрийской границе».

Пурталес — он в свою очередь также хотел выиграть время и задержать мобилизацию царской армии — на это сообщил Сазонову, что в Берлине уговаривают австрийцев начать «откровенные разговоры» с царской Россией с целью успокоить ее относительно своего выступления в Сербии. Узнав от Сазонова о предполагаемой частичной мобилизации, Пурталес мог только «протестовать самым серьезным образом против этих мер» и указать на опасность того, что «генеральные штабы возможных противников могут не согласиться пожертвовать преимуществом большей скорости по сравнению с Россией в мобилизации и будут настаивать на контрмерах».

«Я настоятельно просил его, — продолжает далее Пурталес, — подумать об этой опасности. Г-н Сазонов еще раз торжественно уверил меня, что против нас решительно ничего не готовится. Я ответил, подчеркивая, что я далек от какой бы то ни было угрозы, что ему должны быть известны наши обязательства по отношению к Австрии»[5].

Разговор с Пурталесом происходил, надо думать, около 12 час. дня, ибо депеша Пурталеса была отправлена из Петербурга в 1 ч. 58 м. дня.

После ухода Пурталеса Сазонов повидимому встретился с Янушкевичем, вернувшимся из Петергофа с указом о всеобщей мобилизации. О чем шел разговор между ними, пока неизвестно. Как сообщает Добророльский, Николай II подписал сразу оба указа — и о частичной и о всеобщей мобилизации, поручив Янушкевичу посоветоваться с Сазоновым и опубликовать тот указ, какой сочтет необходимым Сазонов. В какой степени исполнил этот приказ Янушкевич, судить трудно, но имеются

---

[1] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 23 etc.
[2] *М. Палеолог*, цит. соч., стр. 62.
[3] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 27.
[4] „Graf Fredericks und die Russische Mobilmachung 1914", in KF, 1931, Sept.; ср. МОЭИ, V, № 331.
[5] DD, № 343.

некоторые указания на то, что он мог действовать на свой страх и риск.

Зная, что Сазонов все время выступал против всеобщей мобилизации, и используя царившие в те дни суматоху и неразбериху, Янушкевич, как можно думать, хотел обмануть Сазонова и провести всеобщую мобилизацию вместо частичной.

О возможности такого обмана свидетельствуют следующие факты:

1) вернувшись из Петергофа, Янушкевич сразу же передал Добророльскому указ о всеобщей мобилизации;

2) в разговоре с Бьюкененом, имевшем место около 5 час. дня, Сазонов говорил только о частичной мобилизации[1];

3) имеется свидетельство Сухомлинова: «в настоящее время выясняется, что 29 июля вместо решенной частичной мобилизации чуть не объявили общую. За моей спиной пытались очевидно получить разрешение государя объявить общую мобилизацию... Помимо меня начальник генерального штаба собирался пустить в ход общую мобилизацию вместо частичной»[2];

4) совещание Сазонова, Сухомлинова, Янушкевича в генеральном штабе происходило около 8 час. вечера, и только на этом совещании, во время которого было получено сообщение о бомбардировке австрийцами Белграда, Сазонов согласился на замену частичной мобилизации общей.

Еще до разговора с Бьюкененом пришла телеграмма от царского посла Шебеко из Вены, в которой последний сообщал, что Австрия категорически отказывается вести непосредственные переговоры с царской Россией по поводу австро-сербского конфликта[3]. Австрийская правящая клика шла напролом. Телеграмма была получена между 3 ч. 30 м. — 4 ч. 30 м. пополудни. Немедленно после ее получения Сазонов вызвал к себе Пурталеса и, осведомив его об этом известии, предложил вернуться к конференции à quatre, предложенной Греем еще 24 июля.

«Сазонов уже не отрицал того, что мобилизация предстоит в непосредственном будущем, но утверждал, что Россия была вынуждена на этот шаг Австрией и что мобилизация еще далека от войны», — доносил об этом разговоре Пурталес[4].

Вслед за этим Сазонов принял Сапари, который, будучи осведомлен Пурталесом о негодовании Сазонова по поводу отказа Берхтольда, пришел «с целью рассеять некоторые недоразумения, которые мне заранее казались возможными, и при этом попытаться проникнуть поближе в русские планы».

---

[1] BD, XI, № 276. „Указ о частичной мобилизации подписан сегодня... Его превосходительство сказал, что мобилизация будет направлена только против Австрии. Только по этой причине (желание избежать мобилизации Германии. — *Н. П.*) было решено не объявлять о всеобщей мобилизации, что энергично рекомендовали военные власти".

[2] *Suchomlinow*, op. cit., S. 363—364.

[3] МОЭИ, V, № 188.

[4] DD, № 365, отправлена из Петербурга в 6 ч. 10 м. пополудни.

Разговор Сазонова с Сапари, как можно думать, происходил между 5—6 час. дня. Он начался с томительной и безнадежной дипломатической дискуссии (сам Сапари называет ее circulus vitiosus) по поводу австро-сербского кризиса и затем перешел на военные приготовления.

«Я упомянул, — сообщает Сапари, — что я слышал, будто в России обеспокоены тем, что мы мобилизовали для [войны] с Сербией восемь корпусов. Г-н Сазонов мне [Сапари] подтвердил, что не он, ничего об этом не знавший, но император Николай изъявил это беспокойство на основании сообщений начальника генерального штаба. Я пытался убедить министра, что даже военный младенец мог бы легко убедиться в том, что наши южные корпуса не могут явиться угрозой для России».

Затем Сапари намекнул Сазонову, что «было бы хорошо, если бы его монарх [Николай II] был осведомлен об истинном положении дел, и что если хотят мира, то тем более настоятельно необходимо немедленно прекратить военную гонку, которая грозит сейчас взять верх вследствие распространившихся ложных слухов.

Сазонов очень характерно заявил, что он может сообщить об этом начальнику генерального штаба, так как последний видит его величество каждый день. Министр добавил, что в такие времена, как сейчас, он является лишь на обычные аудиенции по вторникам и узнал только впервые от его величества о том, что ему докладывают военные.

Министр сказал мне далее, что сегодня будет подписан указ о мобилизации в довольно широких размерах. Но он может самым официальным образом заявить, что эти войска не предназначаются для нападения на нас; они будут стоять под ружьем на случай, если интересы России на Балканах окажутся под угрозой. Заверения по этому поводу будут даны в «объяснительной ноте», ибо речь идет лишь о мере предосторожности, которую император Николай считает оправданной, так как мы [Австро-Венгрия], и без того обладая преимуществом более быстрой мобилизации, получили уже столь большой задаток. Я в веских выражениях обратил внимание г. Сазонова на впечатление, которое произведет у нас подобная мера. Я могу лишь[1]... что объяснительная нота сможет смягчить это впечатление, на что министр еще раз распространился в заверениях по поводу безвредности (!) этой меры.

В то время как мы столь доверительно обменивались мнениями, — продолжает Сапари, — министр получил по телефону сообщение, что мы бомбардировали Белград. Он точно преобразился... Он сказал, что видит теперь, насколько был прав император Николай. «Вы хотели только выиграть время при помощи переговоров, но продолжаете действовать дальше и дальше и бомбардируете незащищенный город». «Что же вы еще собственно хотите завоевывать, раз вы захватили столицу!» —

[1] Пропуск в оригинале. — *Н. П.*

и прочие ребяческие восклицания. Аргумент, что подобное выступление против Сербии как раз не говорит о движении войск против России, мало смутил министра. «О чем нам еще разговаривать, раз вы так действуете», — заявил он. Я оставил его крайне возбужденным, и мой германский коллега, пришедший для вторичного свидания с министром, должен был по меньшей мере на сегодня отказаться от спокойного разговора»[1].

Это внезапное «преображение» Сазонова понятно: наступал час развязки, и царского министра лихорадило, так как формального обязательства о помощи Англии еще не имелось, а задуманная авантюра, что было ясно для Сазонова, была опасной.

Но Пурталес, пришедший в тот же день — 29 июля — в третий раз для разговора с Сазоновым, менее всего мог содействовать успокоению последнего. В 4 ч. 35 м. дня он получил от Бетман-Гольвега поручение:

«Будьте добры весьма серьезно указать г. Сазонову, что дальнейшее продолжение русских мобилизационных мер вынудит нас к мобилизации и что тогда европейской войны вряд ли удастся избежать»[2].

Пурталес передал это сообщение Сазонову[3], добавив, что «речь идет не об угрозе, но о выражении дружеского мнения. Министр, принявший сообщение в большом возбуждении, ответил, что доложит об этом его величеству императору Николаю»[4].

Из «Поденной записи министерства иностранных дел» известно, что Сазонов «резко ответил: «Теперь у меня нет больше сомнений относительно истинных причин австрийской непримиримости». Граф Пурталес вскочил со своего места и также резко ответил: «Я всеми силами протестую, г. министр, против этого оскорбительного утверждения». Министр сухо возразил, что Германия имеет случай на деле доказать ошибочность высказанного им предположения. Собеседники расстались весьма холодно»[5].

Вскоре после ухода Пурталеса Николай II по телефону из Петергофа сообщил Сазонову о том, что им «только что получена от императора Вильгельма телеграмма[6] с убедительной просьбой не допустить дело до войны». Сазонов передал о сообщении Пурталеса, указав «на то, как мало согласуются слова германского императора с данным им своему послу поручением. Государь сказал, что он тотчас телеграфирует в Берлин, чтобы получить объяснение означенного противоречия[7]. Его ве-

---

[1] OUAP, VIII, № 11003.
[2] DD, № 342.
[3] Его телеграмма об исполнении поручения была отправлена в 8 час. пополудни, и следовательно разговор с Сазоновым имел место между 6—7 час. пополудни — см. DD, № 378.
[4] DD, № 378.
[5] „Красный архив", IV, стр. 20; МОЭИ, V, № 224.
[6] DD, № 335.
[7] DD, № 366; МОЭИ, V, № 214 и примеч. 2 на стр. 205.

личество разрешил С. Д. Сазонову безотлагательно переговорить с военным министром и начальником генерального штаба по вопросу о нашей мобилизации»[1].

Совещание состоялось вскоре после этого разговора в кабинете начальника генерального штаба и пришло к заключению, что «ввиду малого вероятия избежать войны с Германией необходимо своевременно всячески подготовиться к таковой, а потому нельзя рисковать задержать общую мобилизацию впоследствии путем выполнения ныне мобилизации частичной. Заключение совещания было тут же доложено по телефону государю императору, который заявил согласие на отдачу соответствующих распоряжений. Известие об этом было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело. Тотчас были отправлены телеграммы в Париж и в Лондон для предупреждения правительства о состоявшемся решении»[2].

Телеграмма в Париж гласила:

«Срочно. Германский посол заявил мне сегодня о решении своего правительства мобилизовать свои силы, если Россия не прекратит делаемых ею военных приготовлений. Между тем таковые стали приниматься нами только вследствие состоявшейся уже мобилизации восьми корпусов в Австрии и очевидного нежелания последней согласиться на какой бы то ни было способ мирного улажения своего спора с Сербией.

Так как мы не можем исполнить желания Германии, нам остается только ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны. Благоволите предупредить об этом французское правительство и вместе с тем высказать ему нашу искреннюю благодарность за сделанное мне от его имени французским послом заявление, что мы можем в полной мере рассчитывать на союзническую поддержку Франции. При нынешних обстоятельствах это заявление для нас особенно ценно. Было бы крайне желательно, чтобы и Англия, не теряя времени, присоединилась к Франции и России, так как только таким образом ей удастся предотвратить опасное нарушение европейского равновесия»[3].

Соглашаясь на всеобщую мобилизацию, Сазонов снова взывал к союзнику о помощи, так как без поддержки английского империализма австро-германский блок неминуемо разгромил бы союзников.

Эти обстоятельства показывают, что Сазонов только к вечеру 29 июля решительно пришел к мысли о необходимости всеобщей мобилизации. До получения известия о бомбардировке Белграда он ни разу не заикнулся о всеобщей мобилизации даже в разговорах с такими лицами, перед которыми ему нечего было стесняться — хотя бы с Бьюкененом. Подтверждает это и самый факт созыва совещания Янушкевича, Сухомлинова и

[1] „Красный архив" IV, стр. 21; МОЭИ, V, № 224.
[2] „Красный архив" IV, стр. 21; МОЭИ, V, № 224.
[3] „Материалы" стр. 520; МОЭИ, V, № 221.

Сазонова — совещания *ненужного,* если бы Сазонов знал о том, что Николай уже подписал указ о всеобщей мобилизации и Добророльский собирает подписи. Конечно на самом совещании Сазонов мог узнать и по всей вероятности и узнал от Янушкевича об этом факте — и отсюда доклад по телефону Николаю, чтобы получить визу последнего. Наконец — любопытная черта! — Янушкевич приказал Добророльскому еще до совещания, состоявшегося не ранее 7 ч. 30 м. — 8 час. вечера, как только он получит подпись адмирала Григоровича отправить телеграмму о всеобщей мобилизации, не ожидая дальнейших распоряжений по этому поводу.

Однако телеграмма, как мы знаем, была задержана в последнюю минуту. В 9 ч. 40 м. вечера Николай получил от Вильгельма новую телеграмму, в которой тот указывал, что русские военные приготовления могут парализовать его позицию как посредника, принятую им в силу обращения Николая II к его дружбе и помощи[1]. Николай немедленно позвонил Янушкевичу и Сухомлинову и, несмотря на все протесты последних, приказал приостановить всеобщую мобилизацию и объявить частичную под его, Николая II, личную ответственность.

Добророльский был оповещен на телеграфе около 10½—11 час. вечера. Также был предупрежден о повороте и Палеолог, к которому с известием о всеобщей мобилизации был отправлен Базили.

В 2 часа ночи состоялась четвертая и последняя в этот день встреча Сазонова с Пурталесом, которого он пригласил к себе. После бурного разговора Пурталес «настоятельно просил министра формулировать какое-нибудь предложение, которое он мог бы телеграфировать своему правительству. Министр выработал и передал послу следующую формулу: «Если Австрия, признавая, что ее конфликт с Сербией принял характер вопроса, имеющего общеевропейское значение, заявит о своей готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие принцип суверенитета Сербии, Россия обязуется прекратить все свои военные приготовления»[2].

Это предложение Сазонова не вносило ничего нового в положение, тем более что война между Австрией и Сербией уже была на полном ходу. Требование в этих условиях полного отбоя от австрийской правящей клики могло иметь один лишь смысл — задержать германскую мобилизацию и еще раз продемонстрировать «миролюбие» царского правительства. К тому же из Лондона не поступало никакого членораздельного ясного заявления о том, какую позицию займут правящие круги Англии в случае возникновения европейской войны. Некоторые признаки (разрешение на мобилизацию, сохранение флота

---

[1] МОЭИ, № 238; DD, № 359.

[2] „Красный архив", IV, стр. 22; МОЭИ, V, № 224, ср. также № 277, 278; F, 1926, № 103; BD, XI, № 302; DD, № 401, 412, 421.

в боевой готовности) позволяли делать благоприятные выводы, но это еще не было обязательством поддержать царскую Россию, а «пока не был решен вопрос о роли Англии, дело продолжало оставаться рискованнейшей авантюрой, какую только можно себе вообразить»[1].

Поэтому, несмотря на всю воинственность, надлежало обеспечить себе на самый черный конец какой-нибудь выход из невозможного положения, и формула Сазонова показывает, что такой выход царское правительство действительно предусматривало. Но все же к войне продолжали готовиться, на что указывает телеграмма Сазонова № 1555, отправленная 30 июля в Берлин, Париж, Лондон и Вену[2]: «До получения через германское правительство вполне удовлетворительного ответа Австрии мы будем продолжать наши вооружения. Сазонов». Сам Сазонов считал, что роль дипломатии уже исчерпана и 30 июля утром (около 10 час.) советовал министру земледелия Кривошеину «испросить приема у государя, чтобы изложить его величеству опасения», вызываемые отменой общей мобилизации.

Около 11 час. утра 30 июля в кабинете Янушкевича состоялось новое совещание Янушкевича и Сухомлинова с Сазоновым, на котором генералы убеждали последнего настаивать перед царем на необходимости всеобщей мобилизации. Убеждать было впрочем не трудно, ибо Сазонов уже был убежден, и совещание продолжалось не более 5 минут[3]. После этого Сухомлинов и Янушкевич обратились по телефону к Николаю II, пытаясь «убедить по телефону государя вернуться к вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Его величество решительно отверг эту просьбу и наконец коротко объявил, что прекращает разговор. Генерал Янушкевич, державший в эту минуту в руках телефонную трубку, успел лишь доложить, что министр иностранных дел находится тут же в кабинете и просит разрешения сказать государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого государь изъявил согласие выслушать министра. С. Д. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада об общем политическом положении. Помолчав, государь спросил: «Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени»[4].

«Генералы испустили вздох облегчения», — рассказывает Сазонов об этом моменте[5]. Они начали «обработку» министра относительно того, что следует сказать Николаю II. Ссылаясь на техническую невозможность произвести частичную мобилизацию, не расстроив всеобщей, и на боязнь упустить время, Янушке-

[1] *М. Н. Покровский*, цит. соч., стр. 99.
[2] „Красный архив", IV, стр. 31; МОЭИ, V, № 279.
[3] *Renouvin*, Les Origines immédiates de la Grande Guerre. P. 1925., p. 173, прим. 3.
[4] „Красный архив", IV, стр. 29; *Sasonoff*, op. cit., p. 214—217; МОЭИ, V, № 284.
[5] *Sasonoff*, op. cit., p. 217.

вич, как сообщает Добророльский, выдвинул и чисто политический мотив: Франция, союзник России, будет недовольна и будет считать царскую Россию не выполнившей своих союзных обязательств. Вильгельм вырвет у французов обещание нейтралитета, а затем обрушится на царскую Россию, пока она будет занята частичной мобилизацией[1].

Опасность огорчить Францию была отнюдь не мифической, ибо и Сазонов и Сухомлинов, можно думать, достаточно хорошо помнили о конфузных днях в декабре 1912 г., когда военщина прохлопала австрийскую мобилизацию, и о разговоре Мильерана с русским военным агентом графом Игнатьевым. Повторения такого же «зевка» и таких разговоров следовало избежать всеми силами.

Янушкевич закончил обработку Сазонова просьбой: если последнему удастся вырвать указ об общей мобилизации от Николая II, немедленно передать ему, Янушкевичу, об этом по телефону из Петергофа для принятия надлежащих мер, «так как необходимо будет прежде всего как можно скорее уже начатую частичную мобилизацию превратить во всеобщую и заменить разосланные уже приказания новыми. «После этого, — сказал Янушкевич, — я уйду, сломаю мой телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации»[2].

На этом собеседники расстались. Янушкевич по телефону предупредил Добророльского быть наготове и явиться к нему со всеми документами по телефонному звонку, ибо «есть еще надежда, что положение улучшится»[3].

Около 12 час. дня Сазонов принял Пурталеса, пришедшего с сообщением, что германское правительство использует все свое влияние в Вене, чтобы побудить Австро-Венгрию официально заявить об отказе от каких бы то ни было территориальных приобретений в Сербии и что временная оккупация сербской территории является лишь средством заставить Сербию дать гарантии ее корректного поведения на будущее время. Сазонов резко ответил: «Эта декларация не удовлетворяет нас... Сербия не должна стать Бухарой». Он повторил ожидавшему ответа Пурталесу свою формулу, высказанную в 2 часа ночи накануне[4].

Затем после этого разговора с Пурталесом Сазонов принял Бьюкенена и Палеолога и рассказал им о своих переговорах с Пурталесом и о «формуле». Затем он сообщил им, что «вчера вечером [29 июля] было решено опубликовать сегодня утром указ о частичной мобилизации... и одновременно начать подготовку к всеобщей мобилизации», ибо, если Австрия отвергнет

---

[1] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 28.
[2] „Красный архив", IV, стр. 30; МОЭИ, V, № 284.
[3] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 27.
[4] DD, № 401, 412, 421.

предложенную формулу, война неизбежна, и «по стратегическим причинам Россия вряд ли может отложить превращение частичной мобилизации во всеобщую»[1].

Со своей стороны Палеолог, выполняя поручение Вивиани, сообщил Сазонову о том, что «Франция решила выполнить все обязательства союза»[2].

В 2 часа дня Сазонов вместе с генералом Татищевым [адъютант Николая при Вильгельме II] выехал в Петергоф. Здесь он был принят Николаем II одновременно с Татищевым, которого царь отправлял в Берлин, к месту службы с поручением к Вильгельму.

Сазонов доказывал Николаю II необходимость всеобщей мобилизации, указывая, что все попытки уладить конфликт мирным путем сорваны Германией. «Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими к ней приготовлениями, тщательно озаботиться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми ею врасплох»[3].

«Он (Николай. — *Н. П.*) может себе сказать в полной уверенности, что его совесть чиста, что ни перед богом, ни перед будущими поколениями русского народа ему не придется отвечать за пролитие крови, которое эта ужасная война принесет России и всей Европе»[4].

Гнусным издевательством и лицемерием для нашего поколения, вынесшего на своих плечах все ужасы войны, звучит сейчас это заявление царского министра! Николай «долго не соглашался на принятие меры, хотя и необходимой в военном отношении, но которая, как он ясно понимал, могла ускорить развязку в нежелательном смысле»[5]. «Император всероссийский» колебался, понимая, что в случае проигрыша войны он рискует головой. Наконец «император сказал мне (Сазонову. — *Н. П.*), с трудом выговаривая каждое слово: «Вы правы. Нам не остается ничего другого, как приготовиться к нападению. Передайте начальнику генерального штаба мой приказ о мобилизации»[6]. Это произошло в 4 часа дня. Сазонов поспешил в нижний этаж к телефону. «Передав высочайшее повеление ожидавшему его с нетерпением генералу Янушкевичу, министр, ссылаясь на утренний разговор, прибавил: «Теперь вы можете сломать телефон»[7]. «Отдайте ваши приказания, генерал, и исчезните на весь день»[8]. Янушкевич ответил: «Мой аппарат испорчен» и, вызвав к себе

---

[1] BD, XI, № 302.
[2] F. 1926, № 102; *Палеолог*, цит. соч., стр. 65; о военных приготовлениях Франции см. сообщения Игнатьева — МОЭИ, V, № 180, 235, 236, 293, 294, 295.
[3] „Красный архив", IV, стр. 30; МОЭИ, V, № 284.
[4] *Sasonoff*, op. cit., S. 219.
[5] „Красный архив" IV, стр. 30; МОЭИ, V, № 284.
[6] Sasonoff, op. cit., S. 219.
[7] „Красный архив", IV, стр. 31; МОЭИ, V, № 284.
[8] *Dobrorolsky*. op. cit., S. 28.

Добророльского, отправил его собирать новые необходимые подписи министров.

Согласно указу, первым днем мобилизации и перевозок назначалось 31 июля, являвшееся также первым днем частичной мобилизации в округах Киевском, Одесском, Московском и Казанском. Этим удалось избежать путаницы, неизбежной при назначении всеобщей мобилизации хотя бы на один день позже.

Добророльский собрал необходимые подписи, что называется, с одного удара — все министры были собраны на заседание кабинета и присутствовали в городе.

С подписанным указом Добророльский поспешил на центральный телеграф.

«Все телеграфисты сидели у своих аппаратов, — так рассказывает он в своих воспоминаниях, — ожидая копии телеграммы, чтобы разослать во все концы русской империи потрясающую весть о призыве русского народа. Спустя несколько минут после 6 час. в абсолютной тишине, царившей в зале, сразу застучали все аппараты. Это было началом великой эпохи» — грандиозной войны, цинично навязанной царизмом миллионным массам трудящихся России ради Константинополя и проливов и других колониальных захватов.

В 7 час. вечера Добророльский получил из важнейших центров, связанных прямым проводом с Петербургом, сообщение о том, что «телеграмма о мобилизации принята. Дело было сделано. Событие стало известным во всех больших городах нашей обширной родины. Отступление было невозможно. Начался пролог великой драмы»[1].

★

Этим, собственно говоря, должен был бы закончиться наш рассказ о роли царской России в развертывании мирового конфликта. Своей всеобщей мобилизацией царская Россия превращала австро-сербский конфликт в европейский, т. е. создавала необходимую предпосылку для «игры союзов», которая должна была бы вызвать европейскую, точнее, мировую войну. Этим ее задача была окончена. И Николай II, и Сазонов, и «генералы» понимали, что приказ о мобилизации был невозвратимым шагом, что неизбежным его следствием являлась война. Поэтому все последующие переговоры, которые Сазонов обещал вести до последнего момента, все телеграммы Николая II Вильгельму, все попытки посредничества следует считать после объявления мобилизации лишь той дипломатической завесой, при помощи которой деятели царского режима пытались затушевать свою работу по развязыванию войны.

Мобилизация в царской России формально предшествовала общей австрийской или германской и следовательно ставила царскую Россию в невыгодное положение агрессора и разжигателя мировой войны. Однако попытки германских и ав-

---

[1] *Dobrorolsky*, op. cit., S. 28—29.

стрийских публицистов изобразить германскую и австрийскую мобилизации как меру, исключительно навязанную общей мобилизацией царской России, не отражают действительного положения дела. Следует иметь в виду, что германская мобилизация была чисто формальным актом, так как германская армия еще с 1876 г. находилась всегда в состоянии полной боевой готовности — на военном положении. На потсдамском совещании 5—6 июля (стр. 513) представитель германского генерального штаба заявил, что «армия, как всегда, была готова и нам нечего было делать». Австрийская же мобилизация, как мы видели (стр. 378), была объявлена за сутки до получения сведения о русской мобилизации.

После отправки телеграммы о мобилизации дипломатическая мельница продолжала вертеться своим ходом. «Одно не мешает другому, продолжайте переговоры с австрийским послом», — так резюмировал 1 августа положение Николай II на полях телеграммы Сазонова о сообщении австрийского посла, что венский кабинет якобы согласен «вступить в обсуждение по существу предъявленного Сербии ультиматума»[1]. Поэтому Сазонов пытался и после русской мобилизации продолжать дипломатические переговоры о способах разрешения конфликта, словно ничего не произошло.

Но ситуация существенно изменилась. Германские дипломаты, узнавшие о всеобщей мобилизации не ранее 10 час. утра 31 июля из расклеенных на улицах Петербурга афиш, немедленно сообщили об этом в Берлин. В Берлине тотчас было опубликовано положение об «угрожающей военной опасности» и послана инструкция Пурталесу предъявить царскому правительству ультиматум: если в течение 12 час. всеобщая мобилизация не будет прекращена, Германия объявит свою мобилизацию[2].

Эта телеграмма, отправленная из Берлина в 3 час. 30 м. пополудни 31 июля, была получена Пурталесом в 11 ч. 10 м. пополудни. В 12 час. ночи Пурталес отправился к Сазонову, который в этот день получил новое обещание полной поддержки Франции[3].

Сазонов — согласно депеше Пурталеса в Берлин — «снова сослался на техническую невозможность приостановить военные меры и пытался еще раз убедить меня в том, что мы переоцениваем значение русской мобилизации, каковая несравнима с нашей. Он настоятельно просит меня обратить внимание вашего превосходительства [Ягова], что заверение царя его честным словом, данное в сегодняшней телеграмме его величества императора Николая его величеству императору и королю [Вильгельму], должно успокоить нас относительно русских намерений»[4].

[1] МОЭИ, V, № 348.
[2] DD, № 490.
[3] „Материалы" стр. 521, телеграммы № 210, 212; МОЭИ, V, № 291, 292, 293.
[4] DD, № 536; отправлена из Петербурга в ночь с 31 июля на 1 августа в 1 час. пополуночи.

Пурталес поставил Сазонову «прямой вопрос» — может ли Сазонов дать «гарантию того, что Россия намерена сохранить мир даже в том случае, если соглашение с Австрией не будет достигнуто. Министр был не в состоянии ответить утвердительно на этот вопрос. В таком случае, — ответил Сазонову Пурталес, — никто не может порицать нас за нежелание дать России более длинный старт в мобилизации»[1].

Срок для ответа, данный Сазонову, истекал в 12 час. пополуночи 1 августа. В тот же день в 0 ч. 52 м. пополудни по берлинскому времени Пурталесу была отправлена инструкция с двумя вариантами ноты об объявлении войны царской России, а также приказ вручить Сазонову ноту об объявлении войны в 5 час. пополудни по берлинскому времени (6 час. по петербургскому)[2].

Пурталес исполнил поручение около 7 час. вечера. «Я спросил Сазонова, — так доносил он об исполнении Ягову, — последовательно три раза, может ли он дать мне декларацию... о прекращении враждебных приготовлений против Австрии и нас. После того как на мой вопрос было трижды отвечено отрицательно, я согласно инструкции вручил ноту»[3].

В ноте — любопытная шутка истории, проявившаяся в июльские дни трижды, — содержались два варианта объявления войны, соединенные по оплошности германского посольства в Петербурге в один текст[4].

Итак, формально война была объявлена Германией. Грей достиг своей цели — война началась по английскому варианту, согласно которому Германия должна была выступить как нападающая сторона.

Теперь, когда вернуться назад было нельзя, для Сазонова наступили «мучительные» дни — быть может самые черные в его жизни. Царская Россия шла «ва-банк» без официального заверения английской правящей клики о помощи! Правда, 31 июля после полудня Сазонов получил новое благословение Грея продолжать вооружения.

«Что касается военных приготовлений, — телеграфировал Грей в 11 ч. 40 м. утра Бьюкенену, — то я сказал германскому послу, что не знаю, как можно было бы побудить Россию приостановить их, если Австрия не положит какого-нибудь предела своему продвижению в Сербию»[5].

Но это не могло успокоить Сазонова. Оно не заменяло формального обещания поддержки, а после объявления войны Германией оно было более чем необходимо. Поэтому в ночь на 2 августа Сазонов вызвал к себе Палеолога и Бьюкенена и

---

[1] DD, № 536.
[2] DD, № 542.
[3] DD, № 588.
[4] „Красный архив", IV, стр. 39; МОЭИ, V, № 396.
[5] BD, XI, № 335.

сообщил последнему, что «Россия тревожно жаждет узнать, поддержит ли ее Великобритания в войне, ей навязанной, так как продолжительность и ход ее зависят от нашего сотрудничества [английского] с Россией и Францией с самого начала»[1].

Тревога Сазонова была вызвана телеграммами Бенкендорфа из Лондона, которые, по образному выражению М. Н. Покровского, производили «впечатление настоящих медицинских бюллетеней... Для Петербурга и Парижа интереснейшим больным в мире было в этот момент английское «общественное мнение», и этому больному неукоснительно щупали пульс чуть ли не по нескольку раз в день»[2].

18 (31) июля состояние «больного» стало совсем угрожающим. В первый день мобилизации царской армии лондонский военный бюллетень был чернее ночи.

«Сегодня было констатировано, — телеграфировал Сазонову Бенкендорф, — что в данный момент парламент не может одобрить решительную позицию; дело Сербии нисколько не захватывает общественное мнение; все финансовые, торговые и промышленные центры северной Англии против войны»[3].

А несколько часов спустя, очевидно узнав от Камбона о разговоре последнего с Греем и поданной Греем «надежде», Бенкендорф панически умолял Сазонова... не поддаваться панике.

«Прошу срочных инструкций. Лично. События могут развиваться так быстро, что всякое слишком поспешное суждение о сегодняшней позиции Англии может оказаться вредным и в частности парализовать Грея, влияние которого может вновь усилиться в несколько часов»[4].

Но если Бенкендорф был в панике, то в еще большей панике должен был быть Сазонов.

«Мы не могли извлечь ни малейшего указания о позиции вашего правительства, — говорил вечером 1 августа Бенкендорф пришедшему прощупать его настроения английскому журналисту Стиду, — вот хоть настолько, — и он выразительным жестом сложил свои пальцы. — Сазонов продолжает мне телеграфировать каждые несколько часов, поручая мне просить сэра Эдуарда Грея о какомнибудь заверении в помощи, но Грей не хочет сказать ни слова, ни дать какой-либо ключ к своим мыслям. В Петербурге бедный Бьюкенен сидит в своем посольстве, пока 50 тыс. русских поют «Rule Britania» перед посольством, и он знает не больше моего. Хорошенькое положение! Нет, мы не добились ничего, ничего кроме чувства в глубине моего сердца, что Грей не кривит душой. Это немного, но все же кое-что»[5].

---

[1] BD, XI, № 459; отправлена Бьюкененом из Петербурга 2 августа в 7 час. пополуночи (утра).
[2] *М. Н. Покровский*, цит. соч., стр. 99.
[3] Там же, стр. 101; МОЭИ, V, № 351.
[4] Там же; МОЭИ, V, № 352.
[5] *Steed*, II, p. 12—13.

Для воздействия на английскую правящую клику был мобилизован Сазоновым и сам Николай II, который через Бьюкенена передал письмо английскому королю Георгу. Письмо заканчивалось следующим заявлением:

«В этот торжественный час я хочу заверить, что я сделал, что было в моих силах, чтобы предотвратить войну. Теперь, когда мне ее навязали, я верю, что твоя страна не откажет поддержать Францию и Россию в борьбе за сохранение равновесия сил в Европе. Господь да благословит и хранит тебя»[1].

Эта паника, как можно думать, продолжалась до 3 августа, когда в Петербурге были получены первые сообщения, что правительственный кризис в Англии миновал и что политика Грея — политика поддержки Франции и царской России — одержала верх. Но вздохнул Сазонов вполне свободно все же не ранее 5 августа, когда в Петербург пришло известие, что Англия объявила войну Германии.

---

[1] МОЭИ, V, № 451

Глава седьмая

ФРАНЦИЯ В ИЮЛЬСКИЕ ДНИ 1914 г.

Австро-германские поджигатели войны намеренно выбрали для вручения австрийского ультиматума Сербии такой день и час, когда подлинные руководители французской политики, в частности Пуанкаре, уже покинули царскую Россию. Целью австрийского и германского правительств при этом выборе срока вручения ультиматума было, с одной стороны, не дать союзникам возможности сговориться между собой о том, как следует реагировать на ультиматум, а с другой — в решающие дни после вручения ультиматума (именно для этого Сербии был поставлен такой короткий срок его выполнения) максимально затруднить французским правящим кругам определение своей позиции, в случае если в австро-сербский конфликт вмешается царская Россия.

Надо сказать, что выполнить эти задачи австро-германскому блоку удалось только отчасти. Вручение ультиматума в момент, когда Пуанкаре находился в открытом море, ничуть не помешало французскому империализму сговориться с царизмом, потому что, как мы знаем, этот сговор был произведен во время визита Пуанкаре в Петербурге, и следовательно поездка, совершавшаяся Пуанкаре, могла затруднить только технически сношения с царским правительством, т. е. реализацию уже принятых решений, но не самый сговор. Зато другая задача, поставленная выбором указанного срока вручения ультиматума, именно — затруднить французским правящим кругам их работу по подготовке страны к вступлению в войну, — эта задача в некоторой степени была достигнута. Период 13—29 июля, когда Пуанкаре находился в поездке и когда приходилось принимать наиболее важные решения, отмечен весьма любопытным разнобоем во внешней политике французского правительства. Часть правительства, остававшаяся в Париже и не являвшаяся по существу хозяином французской политики, не имея указаний от Пуанкаре, не смела взять на себя ответственность за то или иное серьезное решение. Поэтому она выжидала возвращения

Пуанкаре; если она и действовала иногда сама, то весьма нерешительно, с большими оговорками, а иногда и прямо невпопад. Эта двойственность французской политики и ее разнобой исчезли только после возвращения Пуанкаре в Париж 29 июля, но и до этого времени, между 23 и 29 июля (срок возвращения Пуанкаре во Францию), Пуанкаре приходилось одергивать оставшихся в Париже министров радиотелеграммами, которые до сих пор еще не напечатаны[1].

При известии об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда французская пресса повидимому не отдавала себе отчета, какими следствиями чревато это событие. В первые дни после покушения «Journal» и наиболее влиятельная «Temps» изливались в похвалах покойному эрцгерцогу, осуждая покушение. Только «Revue de deux Mondes» первый обратил внимание на «плачевные увлечения» патриотически и шовинистически настроенных кругов Австро-Венгрии, возбужденных покушением, и рассыпался в комплиментах перед сербскими правящими кругами и газетами, «сохранившими свое хладнокровие среди шквала нападок, которым подвергалась их страна». Католические органы «Les Etudes» и «Correspondant»» проливали слезы по «самому христианнейшему принцу мира».

Так было в первые дни и недели. Но уже с 10—15 июля во французской печати появляется и мало-помалу прочно утверждается версия о том, что сараевское убийство ничуть не связано с австро-сербскими отношениями последних лет, что в основе его лежит «безумие маленькой кучки людей», за действия которых сербское правительство не может нести никакой ответственности. Утверждению этой версии немало помогли умело инспирированные сообщения из Белграда о том, что сербское правительство, как-то предупреждало эрцгерцога об угрожающей ему в Боснии опасности, но австрийские чиновники не обратили на это предупреждение внимания.

Перемена тона французской буржуазной печати объясняется также тем, что к этому времени выяснились некоторые детали подготовки австрийского ультиматума. В Париже отлично понимали, что выступление Австро-Венгрии против Сербии неминуемо повлечет за собой острый конфликт между Веной и Петербургом. Такого конфликта только и ожидали в июльские дни в Берлине, чтобы «обнажить германский меч». Вступление в войну Германии ставило под удар Францию; французские правящие круги знали, что главная масса сил Германии будет в начале войны брошена на западный (французский) фронт, как было предусмотрено планом Шлиффена. С другой стороны, в самой Франции были достаточно влиятельные

---

[1] Французская политика в июльские дни 1914 г. освещена нами по советским публикациям документов — МОЭИ, т. IV и V и "Материалов по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг.". Кроме того широко использованы английские, австрийские и германские документации.

группировки буржуазии, которые стремились к войне и считали, что настало время «рассчитаться с Германией». Видимо по этой причине, а также по прямой указке сверху парижская печать во главе с «Temps» переменила фронт и повела кампанию против Австрии. Лейтмотив этой кампании, как сообщал в Вену австрийский посол в Париже граф Сечен, заключался в том, что «следует бояться еще раз неприятных неожиданностей нашей политики и что мы в конце концов используем происшествие в Сараево как предлог для того, чтобы «изнасиловать» Сербию»[1]. Как известно, сами по себе эти опасения были вполне правильные.

Под знаком этих тревожных настроений и их нарастания состоялась поездка Пуанкаре в царскую Россию. О значении этой поездки, о ее целях, о том, что происходило в Петербурге во время визита Пуанкаре, мы рассказали в главе, посвященной вступлению в войну царской России (см. гл. VI). Точно так же в той же главе мы осветили и те предупреждения, которые после отъезда Пуанкаре поступили из Вены и Берлина, о подготовке ультиматума против Сербии. Поэтому, не останавливаясь на этих вопросах подробно, мы только еще раз подчеркиваем, что вручение ультиматума сербам не явилось неожиданностью для французского правительства.

Однако известие об австрийском ультиматуме было воспринято в Париже, где находилось правительство, и на броненосце «France», на котором возвращались из царской России Пуанкаре и Вивиани, по-разному.

24 июля австрийский посол в Париже граф Сечен прочел министру юстиции Бьенвеню-Мартену, исполнявшему во время поездки Вивиани и Пуанкаре обязанности министра иностранных дел, австрийский ультиматум Сербии.

«Мое сообщение произвело достаточно сильное впечатление,— сообщал в отчете министерству иностранных дел граф Сечен о впечатлениях Бьенвеню-Мартена.— Он не захотел вступить в подробное обсуждение текста, но охотно признался, что события последних лет и позиция сербского правительства делают вполне понятным энергичное выступление с нашей стороны... Министр признал, что для Сербии является долгом принять энергичные меры против фактических соучастников сараевских убийц — долгом, от которого она не может отказаться. Усиленно подчеркивая симпатии Франции к Австро-Венгрии и существующие между обеими нашими странами хорошие отношения, он выразил надежду, что спорный вопрос будет разрешен мирным путем в смысле удовлетворения наших пожеланий. Министр воздержался от всякой попытки защитить или извинить позицию Сербии»[2].

Вслед за Сеченом Бьенвеню-Мартен принял германского по-

[1] OUAP, VIII, № 10359; „Carnets de George Louis", v. II, p. 133—135.
[2] OUAP, VIII, № 10606.

сла барона Шена, который по поручению из Берлина заявил, что германское правительство считает конфликт, возникший между Австрией и Сербией, делом, касающимся исключительно только этих держав. Это было знаменитое предложение германской дипломатии о «локализации» конфликта, имевшее целью обеспечить австрийской военщине свободу расправы с Сербией. Германский империализм требовал от остальных держав невмешательства в австро-сербский конфликт, недвусмысленно указывая, что «вмешательство всякой другой державы в результате различных союзных обязательств вызовет последствия, которые нельзя учесть»[1].

Бьенвеню-Мартен, сообщал в своем отчете барон Шен, «испытал явное облегчение от нашей точки зрения, что австро-сербский конфликт должен быть улажен исключительно между обеими участвующими сторонами. Французское правительство искренне разделяет желание, чтобы конфликт оставался локализованным, и будет вести работу в этом духе в интересах сохранения европейского мира. Правда, оно не скрывает от себя, что такой державе, как Россия, которая должна считаться с панславистскими течениями, будет нелегко объявить о своей незаинтересованности, в особенности если Австро-Венгрия будет настаивать на немедленном выполнении всех требований, в том числе таких, которые с трудом совместимы с сербским суверенитетом или не поддаются немедленному выполнению. Французское правительство считает само собой разумеющимся, что Сербия должна дать в убедительной форме удовлетворение и должна гарантировать наказание преступников и предупреждение заговоров против Австро-Венгрии. Сербии здесь дан совет сделать все уступки, какие только возможны. Здесь придерживаются также взгляда, что если бы Сербия не согласилась немедленно на все требования, а пожелала обсудить отдельные пункты, то Австро-Венгрия поступит хорошо, не отказывая сразу же в такой просьбе, при условии, что доброжелательство Сербии будет бесспорным»[2].

Таким образом, если верить австро-германским источникам, пока Пуанкаре в Петербурге советовал Сазонову и Николаю II «стоять твердо» и застращивал с помощью Палеолога Сапари, Бьенвеню-Мартен в Париже «продавал» Сербию и царскую Россию вместе, склоняясь к германской точке зрения о «локализации» конфликта, отнюдь не считая необходимым поддерживать царизм всеми мерами вплоть до войны.

После ухода Шена в 6 ч. 30 м. пополудни началось заседание совета министров, о результатах которого вечером военный министр Мессими сообщил будущему главнокомандующему Жоффру: правительство учитывает возможность войны и необходимость принятия всех предусмотренных на случай войны мероприятий[3].

---

[1] DD, № 100.
[2] DD, № 154; OUAP, VIII, № 10608.
[3] *Joffre*, Mémoires, P. 1933, v. I, p. 207.

Таким образом решение совета министров, где сторонники войны оказались повидимому в большинстве, обусловило дальнейшую тактику Бьенвеню-Мартена в дипломатических переговорах с представителями Антанты и Тройственного союза. Он мог говорить уже только от своего имени, но не от имени правительства, что он и заявил 26 июля в новой беседе с Шеном.

«Он охотно согласился бы воздействовать в успокоительном духе в Петербурге, — доносил Шен об этой новой встрече с Бьенвеню-Мартеном, — поскольку австрийскими заверениями наперед установлено, что аннексия не имеется в виду. Понятно, он не мог бы еще дать мне формальное заявление от имени французского правительства относительно метода воздействия, так как хотел бы сначала вступить в контакт с отсутствующим премьер-министром»[1].

О «примиренческих» настроениях Бьенвеню-Мартена свидетельствует и английский посол в Париже лорд Берти[2].

Эти «примиренческие» настроения Бьенвеню-Мартена объясняются весьма просто. Министры, остававшиеся в Париже, повидимому не были досконально посвящены в подлинные настроения верхушки французского правительства и действовали невпопад, хотя и оговаривались, что все их заявления идут не от имени правительства, но от отдельных лиц. Именно эту позицию и занял Бьенвеню-Мартен, стараясь выиграть время, пока будут получены директивы с броненосца «France» и выяснится точка зрения союзников. Предпринимать что-либо на свой страх и риск, связать своим ответом французский империализм в каком-либо отношении он не рисковал. Поэтому 24 июля Бьенвеню-Мартен прежде всего подчеркнул Сечену и Шену, что он не может «высказаться определенно»[3]. Такой же в сущности ответ он дал и сербскому посланнику в Париже Весничу, просившему совета от французского правительства.

Сам Бьенвеню-Мартен, замещавший премьер-министра и министра иностранных дел Вивиани, был в сущности пешкой и «не имел никакого влияния на руководство внешней политикой»[4]. Фактическими руководителями министерства иностранных дел до возвращения в Париж Вивиани и Пуанкаре были заместитель директора политического департамента министерства иностранных дел Филипп Бертело, считавшийся в политических кругах «умницей», и вызванный спешно из Лондона французский посол в Англии Поль Камбон, так как Бертело был чересчур молод и не обладал необходимым авторитетом. Без совета Бертело и Поля Камбона Бьенвеню-Мартен не выступал самостоятельно. Заявления, сделанные им «от своего имени» и Сечену, и Шену, и Весничу, не в малой степени объясняются «советами» Бертело,

---

[1] OUAP, VIII, № 10741; DD, № 235.
[2] BD, XI, № 129, 134, 192.
[3] OUAP, VIII, № 10608.
[4] OUAP, VIII, № 10606.

высказавшего Весничу «свое совершенно личное мнение» о необходимости для Сербии «попытаться выиграть время», заявив австрийцам, что «выводы сараевского расследования односторонни», что необходима проверка доказательств, что Сербия готова подчиниться «суду Европы»[1].

Поэтому нельзя говорить о примирительной позиции Бьенвеню-Мартена, основанной на принципиальном несогласии с политикой правящей верхушки Франции, как пытаются изобразить дело австро-германские документы. Если Бьенвеню-Мартен и «склонялся» к «локализации» конфликта, «продавая» тем самым царизм и Сербию, то это объясняется его неопытностью как дипломата. В беседах с Шеном и Сеченом о «наказании» сербского правительства за сараевское убийство он говорил чересчур профессионально — не как министр иностранных дел, но как министр юстиции, увидевший в сараевском убийстве прежде всего обычное «преступление», за которым должна последовать кара.

Отказываясь говорить от имени французского правительства и высказываться «определенно», Бьенвеню-Мартен в тот же день 24 июля «запросил Лондон и Петербург о точке зрения и намерениях английского и царского правительства»[2]. Первые сведения об их позиции, насколько можно судить по опубликованным пока документам, он получил лишь к 7—8 час. пополудни 25 июля. Вестником явился английский посол лорд Берти, который по поручению Foreign Office прочел Бьенвеню-Мартену копию телеграммы Бьюкенена из Петербурга о результатах совещания с Сазоновым и Палеологом во французском посольстве 24 июля, во время которого Палеолог, как мы знаем, «подбадривал» Сазонова (стр. 405—409).

«Я выразил вр. и. обязанности министра иностранных дел, — сообщал в Лондон Берти о своем разговоре с Бьенвеню-Мартеном, — мнение, что в демократических странах, как Англия и Франция, война без поддержки общественного мнения невозможна (could not be made), и я чувствую, что общественное мнение в Англии не одобрит войны в целях поддержки России, если последняя вступит в ссору с Австрией по поводу австро-сербских затруднений как покровительница славян. Он признал, но не как министр, что в таком деле, как нынешнее, было бы трудно побудить французское общественное мнение к войне»[3].

Таким образом Берти в Париже повторял слова Бьюкенена в Петербурге о том, что английский империализм не заинтересован непосредственно в Сербии и что для войны необходимы условия, предусмотренные расписанием 1912 г.; повторял он их в тот день напрасно, так как фактически у Берти в Париже не было подходящего собеседника.

Застой и настроения выжидания, характеризовавшие в эти дни

---

[1] F., 1923, № 26; BD, XI, № 121.
[2] F., 1926, № 26.
[3] BD, XI, № 129.

позицию парижской части правительства, отразились и во французской печати. В телеграмме, посланной 25 июля в 5 час. 20 м. пополудни, Сечен так освещает настроения парижской буржуазной прессы:

«Пресса обсуждает в большом возбуждении, — писал он, — но с известным благоразумием наше выступление в Белграде. Пока позиция газет не столь абсолютно враждебна, как можно было опасаться. Нет охоты связывать себя à fond[1], так как пока еще нет никаких инструкций от тг. Пуанкаре и Вивиани, которые очевидно со своей стороны попытаются сначала вступить в контакт с Петербургом»[2].

Вечером в 9 час. прибыли первые инструкции с броненосца «France», отправленные в 4 ч. 05 м. пополудни из Стокгольма. Вивиани предлагал обсудить вместе с царской Россией и Англией «средства предупредить конфликт, в который скоро могут оказаться вовлеченными и другие державы». Далее Вивиани предлагал расширить намечаемое австрийскими властями расследование в Сербии путем привлечения к участию в следствии представителей других держав, указывал на необходимость Сербии дать удовлетворение Австрии и т. д. Все эти предложения конечно опоздали, ибо Австрия уже объявила о разрыве дипломатических сношений с Сербией. Все же для парижских министров телеграмма Вивиани содержала два важных указания: 1) правящая верхушка отвергала германское предложение о «локализации» конфликта и 2) Вивиани в конце телеграммы заявлял: «С настоящего момента я снова беру на себя руководство делами»[3].

После получения этой телеграммы «Парижское» правительство только выполняло директивы, какие шли с броненосца «France», лишаясь возможности принимать самостоятельные решения. В силу этого рассматривать подробно принятые им меры, а равно и его переговоры с дипломатическими представителями других держав, не представляет никакого интереса. Более интересным было бы рассмотрение событий на броненосце «France», но к сожалению «переписка» Пуанкаре — Вивиани с Парижем и французскими послами до сих пор не опубликована. Конечно Пуанкаре рассказывает в своих мемуарах о событиях, происходивших на броненосце «France» в дни 24—29 июля, но в правдивости и полноте его рассказа приходится сомневаться[4].

Так как в воздухе все больше и больше пахло порохом, а связь с броненосцем «France» была ненадежна из-за германских радиостанций, намеренно мешавших работе Эйфелевой башни, то правительство 25 июля предложило Пуанкаре и Вивиани спешно возвратиться в Париж, не делая визита в Данию и Норвегию. Радиотелеграмма с этим предложением была получена на броне-

[1] Основательно.
[2] OUAP, VIII, № 10679.
[3] *Poincaré*, IV, p. 307—308.
[4] Ibid., p. 221—333.

носце «France» в ночь на 27 июля, и в 7 час. утра он переменил курс, направляясь к берегам Франции.

Той же ночью очевидно на броненосце «France» были получены телеграммы от Палеолога о решениях царского совета министров поддержать Сербию вплоть до войны, о предстоящей мобилизации четырех военных округов и вероятно о запросе Сазонова о позиции Франции[1]. Мы устанавливаем эту дату получения указанных телеграмм на основании того, что Вивиани между 7 час. и 7 ч. 50 м. утра ответил Палеологу следующей телеграммой:

«Господин президент республики, признав, как и я, что положение не позволяет ему больше пребывать вдали от Парижа, отказался от остановок в Копенгагене и Христиании [Осло]. Мы возвращаемся полным ходом и прибудем во Францию послезавтра в среду утром[2]. Соблаговолите сообщить г. Сазонову, что Франция, подобно России, ценя высокую важность, какую имеет для обеих держав подтверждение их абсолютного согласия в отношении других держав, равно как и не щадя никаких усилий ради разрешения конфликта, готова полностью поддержать в интересах всеобщего мира действия императорского правительства. Вивиани»[3].

Эту телеграмму по достоинству оценили в царском министерстве иностранных дел следующими словами в «Поденной записи»:

«15 (28) июля. Французский посол по поручению своего правительства заявил министру иностранных дел о полной готовности Франции исполнить, если понадобится, свои союзнические обязательства»[4].

Решение поддержать царскую Россию было принято Пуанкаре и Вивиани без обсуждения советом министров. Царскому правительству фактически давалась carte blanche, и действия его одобрялись авансом.

В Париже известие о возвращении Пуанкаре и Вивиани было получено 27 июля в 2 ч. 20 м. дня[5]. Граф Сечен, пришедший вечером к Бьенвеню-Мартену, чтобы передать ему досье о великосербской пропаганде, заканчивал свою телеграмму Берхтольду, отправленную из Парижа в 8 ч. 05 м. пополудни, следующими словами:

«Господин Пуанкаре отказался от посещения Копенгагена и Христиании, что несомненно его весьма огорчило. Он прибывает сюда в среду, г. Извольский [прибудет] сегодня или завтра. Нам вероятно придется теперь услышать речи в более крепком тоне»[6].

Действительно, Извольский, который, как выражался Берти, «не является элементом мира»[7], прибыл в Париж 27 июля

---

[1] F., 1926, № 59*a*.
[2] 29 июля.
[3] *Poincaré*, IV, p. 335.
[4] «Красный архив», IV, стр. 17; МОЭИ, V, № 172.
[5] *Poincaré*, IV, p. 335, прим.
[6] OUAP, VIII, № 10822; BD, XI, № 186.
[7] BD, XI, № 192.

вечером. Он «тотчас по прибытии в Париж[1] виделся с министром юстиции (Бьенвеню-Мартеном) в присутствии Бертело и Абеля Ферри (министр без портфеля в кабинете Вивиани)... Вообще я был поражен здесь, — заканчивал Извольский свою депешу Сазонову, — насколько министр юстиции и его сотрудники верно понимают положение и проникнуты твердою и спокойною решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей видимости разногласия с нами»[2].

28 июля, получив от Сазонова телеграмму, что «умеряющее воздействие в Петербурге невозможно, раз мы идем навстречу всем приемлемым требованиям Австрии»[3]. Извольский сообщал:

«Считаю долгом разъяснить, что, как явствует из моего вчерашнего разговора в Quai d'Orsay, министр юстиции ни минуты не допустил возможности умеряющего воздействия в Петербурге, а лишь возразил германскому послу, что миру угрожает не Россия, а Австрия, и что во всяком случае, если бы зашла речь о каком-либо умеряющем воздействии, таковое должно быть предпринято не только в Петербурге, но и главным образом в Вене. В результате разговора с бароном Шеном[4] министр отказался согласиться на германское предложение»[5].

Приезд Извольского, не являвшегося «элементом мира», мог только усилить позиции сторонников войны, имевшихся в Париже. Во главе этой партии стояли Абель Ферри, военный министр Мессими и военщина, руководимая начальником генерального штаба Жоффром. Тем временем тревога проникла в массы трудящихся и на улицах начались демонстрации под лозунгом «долой войну»[6].

«Не считая известных национал-шовинистических кругов и военщины, которые настроены воинственно в силу профессии, — сообщал 28 июля Сечен, — не желает, я думаю, войны никто во Франции. Но в последние годы так много говорилось о предстоящей неизбежной войне, что население привыкло к этой мысли и принимает с покорностью возможность военного конфликта... Со своей стороны, русское посольство искусно сеет панику, указывает понятно на миролюбие России и утверждает,

---

[1] По словам графа Сечен, „прямо с вокзала" — OUAP, VIII, № 10907.

[2] МОЭИ, V, № 129; „Материалы", стр. 516, телеграмма Извольского № 195.

[3] Послана в ответ на предложение Грея о конференции à quatre; МОЭИ, V, № 116.

[4] Шен в эти дни всяческими средствами добивался создать иллюзию солидарности Франции и Германии относительно способов и средств поддержания мира, точнее, согласия Франции на „локализацию" конфликта. С этой целью он предлагал, как можно думать, на свой личный страх и риск, „выступление Франции и Германии в качестве посредников между Россией и Австрией" — „Материалы", стр. 514—517, телеграммы Севастопуло № 184, 186, 190, Извольского № 195, 198, 201; F., 1926, № 56, 57, 61, 62; BD, XI, № 174, 183, 184, 192, 193, 194, 204, 206, 232; МОЭИ, V, № 26, 58, 59, 92, 94, 126, 129, 177, 179.

[5] МОЭИ, V, № 177; „Материалы", стр. 516, телеграмма Извольского № 198.

[6] OUAP, VIII, № 10908.

что сербский вопрос — ничтожный предлог, который мы и Германия используем, чтобы вызвать европейский конфликт. Г-н Извольский прибыл вчера вечером из Петербурга, прямо с вокзала отправился на Quai d'Orsay и повидимому высказался в подобном духе»[1].

Извольский в самом деле выражался крайне энергично.

«Лорд Гренвиль[2] встретился с русским послом вчера вечером на обеде, — телеграфировал Грею 28 июля Берти. — Его превосходительство [Извольский] объявил ему о своей уверенности, что война неизбежна и по вине (fault) Англии; что *если бы Англия немедленно объявила о своей солидарности с Россией и Францией и намерении воевать, если понадобится, Германия и Австрия поколебались бы,* в то время как сейчас правительство его величества подбодрило Австрию. Г-н Извольский не хотел и слушать о чем-либо извиняющем Австрию. Он сказал, что обещание Австрии уважать территориальную целость Сербии будет бесполезно, если Сербия будет сведена на положение вассального государства, что цель Австрии — расширить германское влияние и власть до Константинополя, чего Россия не может позволить. Он добавил, что эта возможность должна быть столь же ненавистна для Англии, как и для России. Его превосходительство объявил, что позволить Австрии развязать руки в отношении Сербии явилось бы столь же глубоким унижением для России, как то, на которое он сам был вынужден согласиться в 1909 г.; у него тогда не было выбора, так как *Россия была не в состоянии воевать, но теперь дело обстоит совершенно иначе.* Его превосходительство далее объяснил, что его сильно порицали в 1909 г. за принятие германского предложения, не посоветовавшись с Англией и Францией, но он сделал это умышленно, чтобы унижение могло пасть только на одну Россию, а не на все три державы Антанты, что означало бы ее крушение»[3].

«Обвинение» Извольским англичан в стремлении вызвать войну, по существу вполне верное, имело однако целью не мир, а подтолкнуть англичан дать обязательство о поддержке. Здесь Извольский шел путем Палеолога (стр. 405—409) в его разговоре с Бьюнкененом 24 июля.

Сторонники войны могли только радоваться присутствию в Париже такого «надежного человека», как Извольский.

Парижская печать в связи с усилением «твердого курса» правительства и вместе с тем под влиянием щедрых субсидий от царского посольства немедленно усвоила непримиримую позицию.

«Занятое французской печатью твердое положение продолжается, — телеграфировал 29 июля сам Извольский. — Она очень строго отзывается об австрийском нападении и о видимом соуча-

---

[1] OUAP, VIII, № 10907.
[2] Советник английского посольства в Париже.
[3] BD, XI, № 216, 244 (курсив мой. — *Н. П.*).

стии Германии и без всяких колебаний сознает, что это нас задевает и что мы не можем остаться безучастными. Что касается до солидарности с нами, то этот вопрос даже не подвергается подробным обсуждениям как совершенно очевидный. В этом смысле выражаются все журналисты, в том числе такие крупные личности самых разнообразных партий, как Пишон, Клемансо и даже Жорес[1] и инициатор антимилитаризма Эрве»[2].

Усиление обработки общественного мнения могло лишь облегчить работу сторонников войны, которые не теряли времени в смысле подготовки Франции к военному конфликту. В правительстве в эти дни повидимому боролись две партии — сторонников войны и противников ее. Кроме того отсутствие Пуанкаре и Вивиани парализовало решимость сторонников войны к энергичным действиям. Об этом можно судить и по тому, что кроме вызова Поля Камбона из Лондона в Париж для фактического руководства внешней политикой в отсутствии Пуанкаре 28 июля на заседание совета министров был приглашен, очевидно в качестве «подмоги», такой германофоб и сторонник войны с Германией, как Делькассе.

Пока среди министров шли споры, военные круги делали свое дело. Еще 24 июля после заседания совета министров Мессими, как мы знаем, предложил Жоффру учитывать возможность и вероятность войны[3]. 25 июля вечером Мессими решился по собственной инициативе на первую меру предосторожности, вызвав из отпуска на места службы отсутствовавших командиров корпусов (chefs de corps) и генералов[4].

26 июля на заседании совета министров в силу настояний Жоффра было решено[5]: прекратить отправку войск в лагери и увольнение в отпуск офицеров из воинских частей; офицеры для связи были вызваны в генеральный штаб; возвращены из отпуска младшие офицеры; послано предварительное предупреждение железнодорожным компаниям; отдан приказ о возвращении на места постоянного расквартирования воинских частей, входивших в состав пяти корпусов, выделенных согласно оперативно-стратегическому плану для прикрытия границы.

Губернатору Парижа и всем командующим отдельными частями было приказано выполнить меры, предусмотренные положением об угрожающей опасности (dispositifs restreints de securité), привлекая для этой цели гражданское население; командиру XIX армейского корпуса приказано срочно принять меры к подготовке возможно большего числа формирований из запасных алжирских и тунисских стрелковых частей; министру внутренних дел предложено воздействовать через префектов на прессу, чтобы по-

---

[1] Здесь Извольский просто врал. О подлинном отношении Жореса к царской России — см. ниже, стр. 470 — 472.

[2] „Материалы", стр. 519, телеграмма Извольского № 204; МОЭИ, V, № 232.

[3] *Joffre*, Mémoires, P. 1933, v. I, p. 207 etc.

[4] *Recouly*, Les heures tragiques d'avant-guerre. Paris, p. 63.

[5] *Joffre* op. cit., I, p. 209.

следняя соблюдала соответствующее обстоятельствам молчание о военных мерах.

27 июля были введены в жизнь меры, предусмотренные положением об угрожающей опасности и связанные с привлечением на помощь воинских частей, а также вызваны из отпусков унтер-офицеры и рядовые[1]. Французскому резиденту в Марокко отправлена следующая телеграмма:

«В случае войны на континенте все ваши усилия должны быть направлены к тому, чтобы в Марокко остался лишь минимум самых необходимых сил. Судьба Марокко будет решена в Лотарингии. Оккупация Марокко должна быть ограничена важнейшими прибрежными гаванями и, если возможно, коммуникационной линией Кенитра — Мекуэс — Фец — Уджда. Все второстепенные гавани и все выдвинутые вперед французские районы [оккупации] должны быть постепенно очищены. Вашей первой задачей должно явиться стягивание иностранцев и французов из внутренних частей страны в прибрежные гавани, чтобы обеспечить им безопасность. Сообщая вам эти сведения, прошу вас поставить меня в известность о численности сил, которые вы можете погрузить на суда в Казабланке или же вывезти через Тазу или Восточное Марокко на Оран и в какие сроки»[2].

В тот же день, 27 июля, в Марселе «два больших парохода компании Паке были реквизированы во время погрузки... военными властями и груз выгружен обратно. Повидимому для перевозки войск из Африки, так как названные суда предназначены для воинских перевозок»[3].

28 июля были вызваны на места постоянного расквартирования воинские части из состава корпусов, не расположенных на границе. Вечером 28 июля военное министерство отдало приказ об охране важнейших зданий, наблюдении за границей, постановке рогаток и заграждений на пограничных дорогах.

В тот же день будущий главнокомандующий Жоффр заявил царскому военному агенту графу Игнатьеву о «полной и живейшей готовности» руководящих кругов Франции выполнить обязательство франко-русского союза[4].

29 июля был отдан приказ об усиленной охране пограничной полосы, оборудовании станций искрового телеграфа, непрерывном перехвате телеграмм и вооружении крепостных фортов согласно боевому расписанию[5].

В какой тайне ни проводились все эти меры, они в силу своего объема не могли укрыться от внимания иностранных, особенно германских и австрийских, дипломатов. К тому же, несмотря на предупреждение о молчании, разболтали тайну французские газеты.

---

[1] „Les armées françaises dans la Grande Guerre", P. 1927, v. I, p. 73.
[2] „Les armées françaises", v. I, Annexe 12, p. 73; F., 1926, № 75 a.
[3] OUAP, VIII, № 10895, 11068.
[4] МОЭИ, V, № 180.
[5] *Recouly*, Les heures tragiques d'avant-guerre, P. 1925; МОЭИ, V, № 236.

«Кажется несомненным, — доносил 29 июля Сечен, — что Франция предприняла некоторые военные приготовления, о чем к тому же сообщают, быть может с некоторым преувеличением, и газеты»[1].

«Через Париж проходит большое количество солдат, направляющихся в свои части, — записывал 29 июля в своем дневнике Берти. — Происходит переброска частей на восток и на юг из окрестностей Парижа и с запада. Железнодорожные станции и мосты охраняются, делаются последние приготовления к мобилизации»[2].

«Поездка на «воды» [курорты] и обратно на восток Франции, — доносил он 30 июля Грею, — становится затруднительной из-за передвижения войск из центра Франции к восточной границе, и «воды», даже находящиеся на западе Франции, остались без приезжих (are deserted)»[3].

Более близко стоящий к военным кругам, чем Берти, английский военный атташе полковник Ярд-Буллер еще 29 июля пришел к следующему выводу:

«Все предварительные меры, предшествующие мобилизации, выполнены, и теперь остается лишь нажать кнопку, чтобы были призваны необходимые запасные... Все офицеры и солдаты, находившиеся в отпуску, вернулись или возвращаются к своим воинским частям так быстро, как только возможно. Войскам, проходившим обучение в лагерях, приказано вернуться в свои гарнизоны. Офицеры генерального штаба завалены работой и не могут отлучиться со своих постов. Я был приглашен двумя офицерами на завтрак в окрестностях Парижа, но оба они телеграфировали мне, что им невозможно оставить свои посты, которые по существу находились на расстоянии лишь нескольких миль. Все железнодорожные станции и пути находятся под строгой охраной, парижские вокзалы заняты войсками, пути и мосты между городами и селениями патрулируются жандармерией и лесной стражей и в особых случаях (там, где, как например в Сен-Дени, имеются колонии социалистов) охрана исключительно сильна. Эта охрана железнодорожных путей началась в воскресенье [26 июля], и, судя по тому, что я лично видел на линиях, по которым делал короткие поездки в течение нескольких последних дней, я могу сказать, что тщательно приняты все меры предосторожности, чтобы обезопасить их от каких бы то ни было посягательств со стороны шпионов, социалистов и прочих бандитов (!!!). Эйфелева башня, где находится большая центральная беспроволочная приемная станция, охраняется и полицией и солдатами, и у пруда, где кабели спускаются под землю, воздвигнута также охраняемая деревянная постройка»[4].

---

[1] OUAP, VIII, № 10983.
[2] *Берти*, цит. соч., стр. 19.
[3] BD, XI, № 320.
[4] Ibid., № 321.

Такую же картину энергичной военной подготовки рисуют и сообщения царского военного агента в Париже полковника Игнатьева[1]. Из этих сообщений правящие круги царской России были достаточно хорошо осведомлены о военных приготовлениях французского империализма.

Французский консул в Иокогаме 30 июля предупредил всех французских подданных призывного возраста об отправке на родину, из чего видно, что соответствующее распоряжение было отправлено ему из Парижа 28—29 июля[2]. Австрийский генеральный консул в Марселе сообщал 30 июля о начавшихся 27 и визиции военными властями всех пригодных для перевозок ва-
визиции военными властями всех пригодных для перевозок вагонов, охране войсками всех важнейших железнодорожных зданий и построек, вызове отпускных и «видимо также и запасных», усилении воинскими отрядами крепостных приморских батарей, реквизициях префектом муки и других съестных припасов[3].

Не менее хорошо были осведомлены, судя по сводкам германского генерального штаба, об этих приготовлениях и немцы.

В сводке от 28 июля согласно сведениям, поступившим до 4 час. пополудни, французские приготовления к войне рисуются в таком виде:

«Париж совершенно спокоен, печать поразительно умеренна. О мобилизации нет и помину. Высшие офицеры вызваны из отпусков, коменданты по своим крепостям. Войска оттянуты с мест обучения.

На границе. Повышенное наблюдение. Приготовлены прожектора для освещения границы. В Люневиле и Нанси задержаны войска. Железнодорожные мосты у Люневиля и канал-туннель между Коммерси и Тулем охраняются войсками. Бельфор находится на положении готовности к тревоге (alarmiert)»[4].

27 июля германский посланник в Берне Ромберг сообщил, что «XIV французский корпус прервал маневры и вернулся в места своего постоянного расположения»[5].

Сводка от 29 июля по сведениям, поступившим до 4 час. пополудни, давала следующие данные:

«1. Пограничная полоса. Работа по обороне границы. Повышенная деятельность. Грузовики наготове в Одюне, Лонгийоне и Лонгви. Установлена военная охрана вокзалов. Работа на платформах. Телефонная связь между Парижем и Германией

---

[1] „О приготовительных военных мерах подробно доносит граф Игнатьев" — телеграмма Извольского от 16 (29) июля № 205 и 206, — „Материалы", стр. 519; МОЭИ, V, № 180, 235, 236, 293, 296.

[2] OUAP, VIII, № 11108.

[3] Ibid., № 11069, 11070.

[4] DD, № 310a.

[5] DD, № 341, прим. 3.

прервана сегодня в различных местах. Железнодорожный материал увезен вглубь [страны]. В Туле и Эпинале прекращено предоставление вагонов для коммерческих надобностей. Продолжается вооружение фортов Бельфора.

2. Внутри страны. На линии Париж — Эрбесталь установлены: охрана дорог и возвращение многих порожних поездов. В дворах у казарм в Париже замечены 28 июля полевые автомобили. Нет всеобщего призыва запасных. Возможен, самое большее, призыв последнего года... Военного воодушевления в стране незаметно. Флот остается в Тулоне. Часть французской печати полна ругательств по адресу Германии»[1].

Французский империализм не в меньшей мере, чем его «друзья» и их общие противники, искал удобного момента для выступления. Но принятые французским правительством подготовительные меры к мобилизации в известной степени были ускорены позицией, занятой Германией, решившей еще 5 июля на совещании в Потсдаме, что наступил момент для «пробы сил» с Антантой. Во Франции несомненно знали о высокой степени мобилизационной готовности германской армии. И это дало сторонникам войны во французском правительстве аргумент в руки в пользу принятия тех решений, на основе которых французские вооруженные силы были с 25 по 30 июля приведены в боевую готовность.

В свете приведенных данных мы можем согласиться с оценкой английского военного атташе, что к 29 июля «все меры, предшествующие мобилизации, выполнены, и теперь остается лишь нажать кнопку, чтобы необходимые запасные были призваны»[2].

Кнопка была нажата 30 июля вечером в виде частичной мобилизации 5 армейских корпусов (т. е. одной четверти всей французской армии), составлявших «войска прикрытия», обеспечивавшие сосредоточение и развертывание французской армии. Но прежде необходимо коснуться политической атмосферы этих дней (29 и 30 июля), связанной с возвращением Пуанкаре и Вивиани, ибо если и до их приезда «события обгоняли друг друга настолько быстро, что письменные отчеты не могли поспеть за ними»[3], то после возвращения Пуанкаре и Вивиани они стали обгонять самих себя.

29 июля утром броненосец «France» бросил якорь в Дюнкерке. На пути в Париж депутат Рене Рену и Абель Ферри сообщили путешественникам, что «запас призван, войска, находившиеся в лагерях, вернулись в свои гарнизоны, должностные лица получили приказание остаться на местах, продовольствие для Па-

---

[1] DD, № 372.

[2] BD, XI, № 321; ср. сообщения Игнатьева от 29 июля: „Во Франции все возможное сделано, и в министерстве (военном. — *Н. П.*) спокойно ждут событий" — МОЭИ, V, № 236.

[3] OUAP, VIII, № 10907.

рижа закуплено. Словом, все меры приняты на случай, если бы мобилизация стала вдруг необходимой, но ничего не сделано, что напоминало бы хотя отдаленно самую мобилизацию»[1].

По прибытии Пуанкаре и Вивиани в Париж немедленно было созвано заседание совета министров, на котором Мессими доложил требование Жоффра о выдвижении «войск прикрытия» к границе. Однако совет министров решил отсрочить выполнение этой меры еще на несколько часов[2].

По окончании заседания совета министров Вивиани принял (это было около 5 час. пополудни)[3] германского посла Шена, который получил после полудня в этот день от Бетман-Гольвега следующую телеграмму:

«Известий о французских военных приготовлениях все больше и больше. Переговорите об этом с французским правительством и обратите его внимание на то, что мы вследствие подобных мер будем вынуждены к мерам защиты. Мы должны будем объявить «состояние угрозы войны», которое, правда, еще не означает мобилизации и призыва запасных, но все же увеличит напряжение. Мы продолжаем надеяться на сохранение мира»[4].

«Господин Вивиани не отрицает военных мер предосторожности, — сообщал по поводу исполненного поручения Шен, — но подчеркивает незначительный объем и совершенно секретное (diskrete) выполнение. До мобилизации еще далеко. Не будет считаться тревожным, если с нашей стороны будет предпринято то же самое. Более широкие меры с нашей стороны вызовут сожаление вследствие возбуждающего действия на общественное мнение. Лучшее средство для предотвращения этого он усматривал бы в возможно скорейшем осуществлении посредничества, безразлично, в какой форме. Вивиани также не хочет отказаться от надежды на сохранение мира, искренно здесь желаемого»[5].

После Шена Вивиани принял Извольского и сообщил ему о «решимости правительства действовать в полном единении с нами» [т. е. царской Россией]. Очевидно в связи с этим «на сегодняшний вечер Вивиани воспретил предполагавшийся митинг революционеров против войны»[6].

Ночью с 29 на 30 июля между 2 и 3 час. пополуночи Извольский получил телеграмму Сазонова № 1551 о том, что царская Россия не может выполнить германские ультимативные предложения—прекратить военные приготовления—и что «нам остается

---

[1] *Маргерит*, Преступники, М. 1926, стр. 251—252.
[2] *Recouly*, Les heures tragiques d'avant-guerre, P. 1925, p. 74.
[3] DD, № 367.
[4] DD, №, 341; OUAP, VIII. № 10983, 11077; „Livre Jaune", 1914, № 101.
[5] DD, № 367; „Материалы", стр. 519—520, телеграмма Извольского № 207.
[6] „Материалы", стр. 519—520, телеграмма Извольского № 207; МОЭИ, V. № 234.

только ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны»[1]. Что означали эти слова «ускорить вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны», в Париже знали прекрасно, ибо еще утром 29 июля Извольский сообщил Бьенвеню-Мартену телеграмму Сазонова о предстоящей мобилизации четырех округов[2]. «Ускорить вооружения» значило объявить всеобщую мобилизацию. Так понимал это Извольский, так поняли Пуанкаре и Вивиани.

«Получив эту телеграмму ночью, — доносил Извольский Сазонову, — я немедленно, т. е. в 3 часа [ночи], сообщил ее содержание министру иностранных дел; граф Игнатьев по моему поручению сделал то же сообщение военному министру. В Елисейском дворце тотчас состоялось между президентом республики, председателем совета министров и Мессими совещание, в исходе коего Палеологу послана телеграмма приблизительно следующего содержания. Телеграмма начинается с напоминания текста телеграмм, посланных ему с броненосца «France». Далее говорится: „французское правительство готово выполнить все союзнические обязательства. Я думаю, что в этот момент, когда ведутся переговоры между державами, непосредственно менее заинтересованными, было бы желательно, чтобы среди мер защиты и предосторожности, к которым Россия сочтет необходимым прибегнуть, она воздержалась бы сейчас от всяких мероприятий, способных послужить для Германии поводом произвести полную или частичную мобилизацию ее сил»“[3].

Телеграмма Палеологу была отправлена Вивиани в 7 ч. 30 м. утра 30 июля, и копия ее переотправлена в Лондон Полю Камбону с поручением «немедленно переговорить с Греем с целью определить общую линию поведения, которую Франция и Англия, в силу существующего между ними общего соглашения[4], призваны обсудить с момента наступления кризиса»[5].

Об этом официальном обещании французского кабинета поддержать царскую Россию Сазонов узнал от Палеолога 30 июля к 12 час. дня перед своей поездкой к Николаю II в Петергоф.

Телеграмма Палеологу является важным моментом в истории вступления империалистической Франции в войну. По существу она означала решение французского империализма ввязаться в войну во что бы то ни стало. Поэтому все события, происходившие в Париже после принятия решения, зафиксированного в телеграмме Палеологу, являются событиями скорее технического, чем принципиального характера.

---

[1] „Материалы“, стр. 520; МОЭИ, V, № 221.
[2] F., 1926, № 95.
[3] „Материалы“, стр. 520, 521, телеграмма Извольского № 208; F., 1926, № 101; МОЭИ, V, № 289.
[4] Обмен письмами Камбона — Грея в ноябре 1912 г.
[5] „Материалы“, стр. 521, телеграмма Извольского № 209; МОЭИ, V, № 290; F., 1926, № 101.

Последний абзац телеграммы Палеологу, на первый взгляд призывавший царскую Россию к «осторожности», был вставлен в качестве дипломатической завесы для одурачения потомства[1]. Об этом свидетельствует телеграмма Извольского, отправленная рано утром из Парижа и расшифровывающая французские планы:

«Маржери, с которым я только [что] виделся, сказал мне, что французское правительство, отнюдь не желая вмешиваться в наши военные приготовления, считало бы крайне желательным, ввиду продолжающихся переговоров с целью сохранить мир, чтобы приготовления эти носили как можно менее открытый и вызывающий характер. Со своей стороны, военный министр, развивая ту же мысль, высказал графу Игнатьеву, что мы могли бы заявить, что в высших интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не помешало бы нам продолжать и даже усилить военные приготовления, воздерживаясь по возможности от массовых перевозок войск. В девять с половиной часов под председательством Пуанкаре состоится совет министров, после коего тотчас увижусь с Вивиани»[2].

Впрочем еще до заседания совета министров Пуанкаре заявил, что «война неизбежна»[3].

На заседании совета министров военный министр Мессими доложил о требовании Жоффра, высказанном последним еще 26 июля[4], придвинуть возможно скорее к границе «войска прикрытия».

«Это значило объявить полную мобилизацию II, VI, VII, XX и XXI округов [корпусных] и всех наших кавалерийских дивизий; распорядиться перевозкой к границе полков, сосредоточенных в Реймсе, Шалоне-на-Марне, Безансоне, Лон-ле-Сонье, Париже и даже на западе в Либурне и Динане. В общем это была мобилизация части Франции. Вот почему совет министров находился в весьма затруднительном положении. Мы все конечно считали необходимым удовлетворить требование Жоффра. Было бы преступным пренебречь, отложить эту предосторожность, но, с другой стороны, мы знали, насколько искусна германская пропаганда в передергивании фактов. Разве она не поспешила бы изобразить Францию перед нейтральными странами и перед англичанами, намерения которых еще были весьма неясны, как страну, взявшую на себя произвольно и без оснований инициативу мобилизации?»[5]

---

[1] В число одураченных и превратно понявших эту телеграмму попал и Николай II, сделавший такую пометку на ней: „Слишком поздно пришла эта телеграмма. Петергоф, 18 (31) июля". — МОЭИ, V, № 289.

[2] „Материалы", стр. 521, телеграмма Извольского № 210; МОЭИ, V, № 291.

[3] BD, XI, № 320.

[4] *Recouly*, op. cit., p. 65.

[5] Ibid., p. 75—76.

После нескольких часов совещаний совет министров разрешил выставить «войска прикрытия», однако со следующими оговорками: 1) не предпринимать никаких войсковых перевозок; к местам сосредоточения будут доставлены только те воинские части, какие могут совершить переход походным порядком; 2) не будет призван ни один резервист; 3) перевозочные средства и лошади будут не реквизированы, а приобретены по рыночной цене; 4) войска прикрытия будут расположены в 10 *км* от границы, чтобы воспрепятствовать соприкосновению французских и германских патрулей[1].

Совет министров также одобрил телеграмму Палеологу, посланную ночью 27 июля Пуанкаре и Вивиани с броненосца «France» и содержавшую обязательство французских правящих кругов о вооруженной поддержке царской России[2].

Однако меры, включаемые в понятие «прикрытие границ», были гораздо шире того, в чем признается Мессими. Согласно отосланной в 4 ч. 55 м. пополудни телеграмме предписывалось объявить «положение тревоги» (alerte) и мобилизацию гарнизонов на границе (без призыва запасных), выставить охранение границы, произвести вооружение крепостей, набор лошадей в пограничных районах, призыв запасных и территориальников в жандармерии, сведенной в воинские части, и т. д.

Вечером 30 июля была послана телеграмма в Марокко о немедленной отправке во Францию 7 батальонов, а после объявления мобилизации — 29 батальонов, 2 кавалерийских полков и 3 батарей[3].

Сведения об этих решениях совета министров просочились в печать, нескромно сообщившую о частичной мобилизации. Правительство выпустило официальное опровержение[4]. На самом деле прикрытие границ в таких размерах, какие были приняты советом министров, мало чем отличалось от частичной мобилизации. Были мобилизованы четверть всей пехоты, вся кавалерия и жандармские войска, переведены на военное положение крепости, всего в боевой готовности находились 11 пехотных и 10 кавалерийских дивизий.

Особо следует отметить отвод войск на 10 *км* от границы, что во время войны, да и теперь (историками Антанты) усиленно прокламируется как проявление величайшего миролюбия. В действительности дело обстояло гораздо проще. Теперь известно, что это решение было принято под давлением фабрикантов-металлургов бассейна Брие, которые боялись разрушения своих заводов во время военных действий.

Жоффр потребовал от правительства разрешения не соблюдать в точности этого приказа и получил его. В результате во многих

---

[1] *Recouly*, op. cit., p. 75—76; МОЭИ, V, № 295, 296; *Joffre*, op. cit., I, p. 221.
[2] „Материалы", стр. 522, телеграмма Извольского № 212; МОЭИ, V, № 292.
[3] „Les armées françaises", v. I, ch. I, p. 74—75.
[4] OUAP, VIII, № 11079; DD, № 435a.

пограничных и важных в стратегическом отношении пунктах войска были удалены от границы всего на 4—5 *км*.

Вечером того же 30 июля Вивиани принял графа Сечен. Разговор был бесплодной дипломатической болтовней и вертелся вокруг того, что французское правительство не знает, чего собственно хотят от Сербии австрийцы. Интересен он только тем, что Вивиани «решительно опроверг известия местных газет о французской мобилизации» и, признавая «весьма опасными возможные последствия русского примера», отказался воздействовать на царскую Россию (как советовал Сечен) до тех пор, пока последняя не будет успокоена заверениями, что Сербию не уничтожат[1].

31 июля в 4 ч. 25 м. пополудни[2] в министерстве иностранных дел была получена телеграмма от Жюля Камбона из Берлина, что Германия объявила состояние «угрозы войны» и что Шену повидимому поручено запросить в Париже, какова будет позиция французского правительства. Но еще до получения этой телеграммы в 3 ч. 30 м. пополудни генерал Жоффр, будущий главнокомандующий, потребовал объявления мобилизации.

«Когда продолжается напряженное состояние и когда немцы под покровом дипломатических переговоров продолжают свою планомерную мобилизацию, что они делают сейчас, избегая этого слова, тогда правительство должно безусловно ясно осознать, что с сегодняшнего вечера при каждой 24-часовой отсрочке призыва запасных и распоряжения о прикрытии последует задержка нашего развертывания, иначе говоря, плата частью нашей территории от 15 до 20 *км* за каждый день промедления. Главнокомандующий не может взять на себя эту ответственность»[3].

В 4 часа пополудни было созвано второе за этот день совещание совета министров (первое состоялось в 9 час. пополуночи, но мы его опускаем, так как до сих пор неизвестно, о чем шла речь на этом совещании). Вивиани одобрил требование Жоффра, и под давлением последнего совет министров решил ввести в силу постановление об «этой частичной мобилизации»[4]. В 5 ч. 40 м. пополудни была отправлена следующая телеграмма: «Отодвинуть войска прикрытия. Начало в 9 час. вечера». Согласно этой телеграмме более четверти французской армии было переведено на военное положение с призывом запасных[5].

В 7 час. пополудни к Вивиани явился Шен[6], получивший около 5 час. пополудни от Бетман-Гольвега следующее «поручение»:

---

[1] OUAP, VIII, № 11079.

[2] *Poincaré*, IV, p. 446—447.

[3] *Recouly*, op. cit., p. 78—80; „Les armées françaises", I, ch. I, p. 79; *Joffre*, op. cit., I, p. 221.

[4] *Recouly*, op. cit., p. 79; МОЭИ, V, № 296, рапорт Игнатьева; *Poincaré*, IV, p. 458.

[5] „Les armées françaises", I, p. 79.

[6] DD, № 528, 571; F., 1926, № 117; „Материалы", стр. 522—523, телеграмма Извольского № 215 указывает время в 6 ч. 30 м. пополудни; МОЭИ, V, № 355; BD, XI, № 357, 407; OUAP, VIII, № 11163.

«Несмотря на продолжающиеся наши усилия и хотя мы не приняли никаких мобилизационных мер, Россия предприняла мобилизацию всей своей армии и флота, следовательно и против нас. Вследствие этого мы объявили положение «угрозы войны», за которым должна последовать мобилизация, в случае если Россия в течение 12 часов не приостановит все военные меры против нас и Австрии. Мобилизация неизбежно будет обозначать войну. Соблаговолите запросить французское правительство, намерено ли оно остаться нейтральным в русско-германской войне. Ответ должен быть дан в течение восемнадцати (18) часов. Телеграфируйте немедленно час, в который сделан запрос. Необходима крайняя срочность.

Секретно. Если, чего не следует предполагать, французское правительство заявит о своем намерении остаться нейтральным, Ваше превосходительство соблаговолит объявить французскому правительству, что мы вынуждены будем потребовать передачи нам крепостей Туль и Эпиналь в качестве залога нейтралитета, которые мы оккупируем и вернем обратно по окончании войны с Россией. Ответ на последнее предложение должен быть здесь завтра в 4 час. дня»[1].

Это был ультиматум! Шен согласно инструкции предъявил только его первую часть, ибо вторая посылалась ради проформы: ни один из германских организаторов войны — авторов этого ультиматума — не верил, что после такого ультиматума Франция останется нейтральной, но надо было сохранить лицо миролюбия перед нейтралами.

Разговор Шена с Вивиани был непродолжителен. В 8 ч. 17 м. Шен телеграфировал в Берлин:

«Председатель совета министров сказал, что у него нет никаких известий о всеобщей русской мобилизации, а имеются лишь сведения о мерах предосторожности. Поэтому он не хотел бы совершенно отказаться от надежды избежать крайностей и обещал ответ относительно нейтралитета самое позднее завтра в 1 час дня»[2]. Шен заявил, что придет завтра за ответом, и просил приготовить ему паспорта, намекая на возможный разрыв дипломатических сношений.

Вивиани по-своему был прав: известий от Палеолога о мобилизации царской армии пока не поступало. Только после ухода Шена в 8 ч. 30 м. пополудни прибыла телеграмма от Палеолога, отправленная утром из Петербурга в 10 ч. 45 м.[3]: «Объявлена всеобщая мобилизация русской армии».

По получении этой телеграммы в 9 час. пополудни состоялось

---

[1] DD, № 491. „Секретная" часть телеграммы не была сообщена Шеном Вивиани, и французы узнали о ней только в конце войны, когда им удалось расшифровать депешу.

[2] DD, № 528; OUAP, VIII, № 11163; F., 1926, № 117; „Материалы", стр. 522—523, телеграмма Извольского № 215; МОЭИ, V, № 355.

[3] F., 1926, № 118; даты отправки и прибытия даны *Renouvin*, Les origines immediates de la guerre, P. 1925, p. 146.

третье за этот день заседание совета министров, продолжавшееся до 12 час. ночи[1].

Одновременно от посла в Риме Барера пришла радостная весть: итальянское правительство, считая войну агрессивной со стороны Австрии, напавшей на Сербию, постановило сохранить нейтралитет[2].

Совет министров дал принципиальное согласие на всеобщую мобилизацию, и в 1 час пополуночи с 31 июля на 1 августа Мессими телеграфировал всем командирам корпусов:

«Вероятно приказ о мобилизации будет издан сегодня 1 августа после полудня. Примите без замедления все внутрислужебные меры, чтобы облегчить мобилизацию»[3].

Царскому военному агенту графу Игнатьеву Мессими высказался еще более определенно:

«Час ночи. Военный министр, объявив мне в приподнятом сердечном тоне о твердом решении правительства на войну, просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии и что Австрия будет признаваться quantité negligeable»[4].

Одновременно совет министров отверг меру, предлагавшуюся Мессими и Ферри, — задержать выезд австрийских и германских подданных из Франции. Против этого предложения восстали большинство министров и сам Пуанкаре, боявшийся раздражать английских лицемеров[5]. Точно так же по настоянию Мальви совет министров отказался применить меру, предусмотренную мобилизационным планом, именно — арест политически подозрительных лиц и «опасных» революционных деятелей рабочего движения и социалистической партии, перечисленных в особом списке «Б» (число их достигало 6 000 чел.), так как руководство социалистической партии обещало свою поддержку военным планам правительства. К тому же в 9 ч. 40 м. вечера выступавший с разоблачением этих планов Жан Жорес был убит в кафе роялистом Вилленом.

Убийца Жореса был торжественно оправдан судом присяжных 30 марта 1919 г., когда война, против которой боролся Жорес, была победоносно окончена.

Присяжные нашли, что убийца действовал «по патриотическим мотивам». Имя убийцы стерлось из памяти, так как еще в 1914 г. для всех было ясно, что Виллен — такая же пешка в руках организаторов преступления, как Габринович и Принцип в руках организаторов сараевского убийства.

Архивы международной охранки умеют хранить тайны.

В июльские дни 1914 г. Жорес стремился предупредить надвигающуюся войну. Он выступил в палате депутатов с предло-

---

[1] *Recouly*, op. cit., p. 80.
[2] *Poincaré*, op. cit., IV, Union sacrée, p. 473; *Joffre*, op. cit., I, p. 223.
[3] „Les armées françaises", I, p. 80.
[4] „Материалы", стр. 522, телеграмма Извольского № 216; МОЭИ, V, № 356.
[5] *Recouly*, op. cit., p. 80—81.

жением отвергнуть кредиты на опасную после сараевского покушения поездку Пуанкаре к царю, выступал в печати и на митингах против провоцирования войны Пуанкаре и кликой из генерального штаба, публично называл Извольского «организатором войны»[1]. Известно, что Пуанкаре и Извольский ненавидели Жореса, платившего им той же монетой.

Но, выступая неустанно против поджигателей войны, Жорес очень часто сам оказывался в плену пацифистских иллюзий и заблуждений. Так например, Жорес искренно верил в то, что французское правительство не хочет войны, что политика французского правительства (точно так же, как и английского) направлена прежде всего к сохранению мира в Европе.

30 июля, вернувшись с социалистического конгресса в Брюсселе, где он вместе с Розой Люксембург выступил с предложением не допустить войну при помощи всеобщей забастовки, он в 8 час. вечера направился к Вивиани с предупреждением — не провоцировать войну. 30 июля вечером, написав последнюю боевую передовицу на эту тему для «Humanité», он со своими друзьями и товарищами по работе направился в кафе Croissant, под окнами которого уже ходил Виллен. Но в этот день у последнего нехватило мужества. 31 июля после заседания в палате Жорес в 7 час. пополудни отправился во главе депутации социалистов (с ним были Брак, Кашен, Компер-Морель, Лонге, Ренодель и др.) в последний раз к Вивиани, но не мог добиться приема. Депутация была принята Абелем Ферри, спросившим, что намерены делать социалисты при настоящем положении дела.

Жорес ответил: «Продолжать нашу кампанию против войны». — «Вы не посмеете, вас убьют на первом же перекрестке», — был ответ Ферри.

Пророчество Ферри сбылось через 2 часа. Из министерства Жорес зашел в редакцию «Humanité», а оттуда в кафе Croissant, чтобы обсудить план кампании. Он собирался написать статью, подобную знаменитой статье Золя во время процесса Дрейфуса «J'accuse» для следующего номера «Humanité» (от 1 августа). В статье, которая должна была начаться словами: «Я обвиняю Россию в том, что она хотела войны. Я обвиняю Францию в том, что она не сумела предупредить этой войны», он собирался выступить против Извольского с обвинением в разжигании войны, в подкупе французской печати царским посольством, чтобы обеспечить ее поддержку кандидатуре Пуанкаре на президентских выборах 1912 г. То же самое он собирался повторить 1 августа в речи в палате депутатов, и его замыслы были известны реакционным кругам. В этот же день (31 июля) Жорес по окон-

---

[1] 27 июля вечером в приемной Бьенвеню-Мартена, когда Извольский прямо с вокзала явился в министерство иностранных дел — см. *Jacques Mesnil*, Les procès de l'assassin de Jaurès в „Revue communiste" 1920, décembre, p. 325. Цит. по статье *A. Bach*, Jaurès Ermordung в KF, 1929, September, S. 884, откуда взяты и дальнейшие данные.

чании заседания в палате депутатов в присутствии депутатов и журналистов задал вопрос:

«Будем ли мы воевать, потому что не сдержали обещания, которое Эренталь дал Извольскому — дать ему на чай 40 млн. за сделку с Австрией относительно Боснии и Герцеговины? Должны ли мы из-за этого увидеть, как потечет, польется кровь народов Европы?» Вечером в приемной у Абеля Ферри он увидел вошедшего Извольского. «Вот идет негодяй Извольский; он хотел войны, теперь он ее добился», — громко в присутствии Извольского заявил Жорес.

Статья осталась ненаписанной. В 9 ч. 40 м. через окно были произведены 2 выстрела, и Жорес упал на диван, пораженный двумя пулями. Смерть последовала через несколько минут.

Кто был фактическим организатором убийства? Французские империалисты, стремившиеся убрать Жореса со своей дороги. Впоследствии была пущена версия об участии в убийстве царской охранки. Так например, известный адвокат Лабори, представлявший интересы семьи Жореса и умерший до процесса, рассказывал незадолго перед смертью одному писателю: «Знаете ли вы, кто убил Жореса? Нет? Русская охранка по затее Извольского. Русская полиция сделала своей игрушкой Виллена — слабовольное существо, готовое подчиниться каждому внушению»[1].

Но эта версия, до сих пор не подтвердившаяся фактами, повидимому была изобретена, для того чтобы смазать ответственность французских реакционеров.

Вечером 31 июля между 10 и 11 час. австрийский посол граф Сечен явился к Бертело, чтобы сообщить ему по поручению Берхтольда, что Австрия объявила в Петербурге о своей полной незаинтересованности в территориальных приобретениях в Сербии и нежелании посягать на сербский суверенитет[2].

Бертело ответил, что «сербский вопрос в результате сегодняшнего германского выступления [ультиматума] совершенно отошел на второй план»[3].

1 августа в 8 час. утра Жоффр обратился к правительству с настоящим ультиматумом: «Уже 5 дней я веду борьбу с целью вырвать у правительства приказ о возвращении отпускных. Мы не можем подобно Германии разрешить себе тайную лицемерную мобилизацию. Мобилизация у нас составляет одно целое, которое не делится на куски. Я повторяю, что сказал вам вчера: если правительство замедлит отдать приказ о мобилизации, я не смогу больше нести тяжкую ответственность по должности, доверенной мне правительством»[4].

Совет министров был созван в 9 час. утра, и на нем Жоффр повторил свое требование. Было решено изготовить и подписать декрет о всеобщей мобилизации, но отложить его отсылку на

[1] *A. Bach*, Jaurès Ermordung, в KF, 1929, September, S. 896.
[2] OUAP, VIII, № 11121, отправлена из Вены в 7 час. пополудни.
[3] OUAP, VIII, № 10164, отправлена из Парижа в 12 ч. 10 м. ночи.
[4] *Recouly*, op. cit., p. 84 etc.

несколько часов, однако не позже 4 час. дня, так как отправка приказа о мобилизации по телеграфу позже этого срока не гарантировала, что известие будет получено в этот же день во всех округах страны. Декрет был передан военному министру Мессими, который не пускал его в ход до 3 час. дня[1].

1 августа в 11 час. утра[2] Вивиани принял германского посла Шена, явившегося за ответом французского правительства на врученный накануне ультиматум Германии. Вивиани сообщил Шену, что «французское правительство не понимает, в силу чего было сделано ему сообщение вчера вечером. Ему кажется странным, что в момент, когда Россия и Австрия готовы вступить в переговоры, германское правительство предъявляет ультиматум в Петербурге, требующий немедленной демобилизации в России, в то время как в этой стране всеобщая мобилизация была объявлена лишь после декрета об австрийской всеобщей мобилизации[3] и русское правительство изъявило свою готовность демобилизоваться, если все державы сделают то же самое. Так как нет никаких разногласий между Германией и Францией, является экстраординарным выступлением для посла делать угрожающее сообщение с требованием ответа на другой день и с уведомлением, что, если ответ не будет удовлетворителен, он будет вынужден «прервать дипломатические отношения и покинуть Париж»[4].

Как сообщал Шен[5], «на повторенный категорический вопрос, останется ли нейтральной Франция в русско-германской войне, председатель совета министров заявил мне уклончиво: „Франция будет делать то, что повелевают ей ее интересы“. Он обосновывал неопределенность этого заявления тем, что он со вчерашнего дня считает положение переменившимся. Здесь получены официальные извещения, что предложение сэра Эдуарда Грея о всеобщем прекращении военных приготовлений принято Россией[6] и что Австро-Венгрия заявила, что она не будет посягать на сербскую территорию и суверенитет»[7]. Шен ушел в недоумении, не потребовав паспортов, так как срок ультиматума еще не истек. Он просил у Вивиани принять его снова в 6 час. пополудни.

В 3 ч. 30 м. к Мессими явился за декретом (о мобилизации) помощник Жоффра генерал Эбенер, и 15 мин. спустя приказ был отправлен по телеграфу. Менее чем в 3 часа он был сообщен всей Франции. Не было ни одной деревни, ни одного затеряв-

---

[1] *Recouly*, op. cit., p. 84 etc.
[2] F., 1926, № 120, 126.
[3] Здесь Вивиани попросту втирал очки своему собеседнику — см. стр. 378 и 443—444.
[4] BD, XI, № 428; F., 1926, № 120, 126; „Материалы“, стр. 523, телеграмма № 218; ORB, 1919, III, № 91, 92; МОЭИ, V, № 405.
[5] DD, № 571, отправлена из Парижа в 1 ч. 5 м. пополудни ORB; 1919, III, № 92, 93.
[6] BD, XI, № 309, 393; МОЭИ, V, № 342, 343.
[7] DD, № 571.

шегося в самых отдаленных концах поселка от Бретани до Пиринеев, который не получил бы ошеломляющей новости.

«В эту самую минуту, когда телеграф начал передавать приказ, — рассказывает Мессими, — г. Вивиани вошел в мой кабинет (немного раньше 4 час.). Он попросил меня задержать еще немного телеграмму. Разговор, который он только-что имел с фон Шеном, позволял питать какой-то проблеск надежды на соглашение. Посоветовавшись по телефону с генералом Эбенером, я ответил ему, что приказ уже передан и что начали приниматься первые меры. Уже было поздно, механизм был пущен в ход (le mécanisme est declenché).

Мы пожали друг другу руки в волнении»[1].

Действительно ли было невозможно задержать приказ о мобилизации? Нет, так как приказ находился до 3 час. у Мессими, а Вивиани пришел в четвертом часу, между $3^1/_2$ и 4 час. Телеграммы, посланные вдогонку, могли задержать выполнение приказа на местах, если он даже был действительно отправлен. Но французская военщина, стремившаяся ускорить военную развязку, не желала проволочек и оттяжек. Подобно Янушкевичу, «ломавшему» в Петербурге свой телефон, чтобы приказ об общей русской мобилизации не был отменен в последнюю минуту, в Париже Эбенер, получив наконец в свои руки приказ о французской общей мобилизации, поспешил повидимому ответить по телефону, что приказ уже передан и начали приниматься первые меры, что уже поздно, так как «механизм» уже пущен в ход.

После разговора с Вивиани Мессими вызвал к себе царского и английского военных агентов. Англичанину он сообщил, что мобилизация была объявлена в 3 ч. 40 м. пополудни, так как немцы, используя «объявленное состояние об угрозе войны», призвали запасных шести возрастов, что это равносильно мобилизации или является мобилизацией под другим именем. Восемь армейских корпусов в военном составе выставлены против французских сил на границе, и он ожидает нападения в любую минуту. Поэтому абсолютно необходимо принять меры предосторожности... Французы не нападут, и военный министр очень заботился объяснить, что этот акт мобилизации является чисто оборонительным. Он закончил заявлением: «Мы надеемся прежде всего на самих себя и на вас»[2].

С графом Игнатьевым Мессими был откровеннее, так как с царскими дипломатами можно было не стесняться. Вот что сообщал Игнатьев:

«Особо секретно. Срочная. От военного агента. Объявлена всеобщая мобилизация в 3 ч. 40 м. дня. Военный министр выразил пожелание: 1) Повлиять на Сербию, попросив перейти поскорее

---

[1] *Recouly*, op. cit., p. 85—86; „Материалы", стр. 523—524, телеграмма Извольского № 219; МОЭИ, V, № 406, 408; по данным „Les armées françaises", I, p. 81, телеграмма о мобилизации была отправлена Главным управлением телеграфа в 3 ч. 55 м. пополудни.

[2] BD, XI, № 425.

в наступление. 2) Получать ежедневные сведения о германских корпусах, направленных против нас. 3) Быть уведомленным о сроке начала нашего выступления против Германии. Наиболее желательным для французов направлением нашего удара продолжает являться Варшава — Позен»[1].

Из этих пожеланий для нас интересно первое. Французский военный министр просил царское правительство приказать сербам не топтаться на месте, а поскорее перейти в наступление, чтобы отвлечь на себя возможно большую часть австрийской армии и не допустить ее использования в Галиции, иными словами, чтобы царская Россия имела возможность сразу бросить возможно больше сил на германский фронт и тем ослабить давление против французов на западе. Так в скрупулезной точности реализовывались предпосылки наиболее выгодного для Антанты варианта войны, предусмотренные в переговорах 1912 г.

В 5 ч. 30 м. пополудни Шен вторично пришел к Вивиани. Последний, желая выиграть время для мобилизации, отказался высказаться более определенно о позиции Франции, чем утром. Он заявил Шену, что «только-что объявленная здесь мобилизация[2] никоим образом не означает агрессивных замыслов... Еще есть возможность для продолжения переговоров на базе предложения сэра Эдуарда Грея[3], с которым Франция согласна и которое она горячо поддерживает. Он не мог бы отказаться от надежды на мир»[4].

Шен, не имевший инструкций из Берлина, не решился заявить об отъезде и по собственной инициативе потребовать паспорта.

Вечером в 11 час. того же 1 августа Извольский получил из Петербурга телеграмму, сообщавшую, что Германия объявила войну царской России. Он немедленно сообщил ее лично президенту республики, который тотчас созвал совет министров.

«Пуанкаре самым категорическим образом заявил мне, — доносил Извольский о разговоре с Пуанкаре до заседания совета, — что как он сам, так и весь совет министров имеют твердую решимость самым точным образом выполнить обязательства, налагаемые на Францию союзным договором. Но при этом возникает ряд весьма сложных вопросов как политического, так и стратегического свойства. Правительству, в силу конституции, для объявления войны требуется постановление парламента, для созвания коего необходимо по крайней мере два дня. Хотя Пуанкаре не сомневается в этом постановлении, он предпочел бы избежать публичных прений о применении союзного договора, поэтому и по соображениям, касающимся главным образом Англии, было

---

[1] „Материалы", стр. 524, телеграмма Извольского № 221; МОЭИ, V, № 408.
[2] Первый день мобилизации — воскресенье 2 августа.
[3] BD, XI, № 309.
[4] DD, № 598, отправлена из Парижа в 7 ч. 05 м. пополудни, „Материалы", стр. 523—524, телеграмма Извольского № 219; ORB, 1919, III, № 91, 92, 93; МОЭИ, V, № 406.

бы лучше, если объявление войны последует со стороны не Франции, а Германии. Далее следует иметь в виду, что сегодня всего лишь первый день французской мобилизации и что выгоднее для обеих союзниц, чтобы Франция начала военные операции, когда мобилизация будет более подвинута. Впрочем Пуанкаре указал, что Германия не будет ожидать объявления ей Францией войны и, не дав ей закончить мобилизацию, неожиданно ее атакует. Тотчас по окончании обсуждения советом министров этих вопросов Пуанкаре вызовет меня, чтобы сообщить мне о его результате»[1].

Ожидания Извольского продолжались недолго, как свидетельствует его вторая телеграмма:

«Особо секретно. 3 часа ночи. Только-что вернулся от президента республики, который сказал мне, что совет министров еще раз подтвердил решение самым полным образом выполнить обязательства, налагаемые на Францию союзным договором. Совет признал, что интересы обеих союзниц требуют, чтобы Франция по возможности закончила свою мобилизацию до открытия военных действий, на что потребуется 10 дней. К этому сроку будут созваны палаты. Пуанкаре продолжает опасаться, что Германия немедленно атакует Францию, дабы затруднить ей окончить мобилизацию. Вышеизложенное требует сохранения строжайшей тайны»[2].

Опасения Пуанкаре, что Германия первая объявит войну Франции, не дожидаясь окончания французской мобилизации, полностью оправдались. Но объявление войны не последовало немедленно[3]. Только вечером 3 августа Шен получил из Берлина подписанную канцлером Бетман-Гольвегом телеграмму[4], которая была настолько исковеркана при передаче, что, «несмотря на самые настойчивые усилия, куски ее невозможно было расшифровать»[5]. Но точный смысл телеграммы был ясен — она содержала объявление войны Франции.

Шен дважды просил Берлин повторить телеграмму[6] и, не получив ответа, состряпал на основании кусков телеграммы Бетман-Гольвега текст декларации об объявлении войны. С ней он отправился к Вивиани и, сообщив устно об объявлении войны, вручил декларацию.

Для подробной обрисовки позиции французского империализма в дни июльского кризиса нам остается еще остановиться на двух важных моментах. Один из них внешнеполитический — это взаимоотношения с английским империализмом в дни июльского кризиса и старания французских правящих кругов, пользуясь со-

---

[1] „Материалы", стр. 524—525, телеграмма Извольского № 222; МОЭИ, V, № 409.

[2] „Материалы", стр. 525, телеграмма Извольского № 225; МОЭИ, V, № 412.

[3] DD, № 542, 632.

[4] DD, № 734.

[5] *Schoen*, Mémoires, Paris, 11-me éd., p. 261.

[6] DD, № 776, 809.

глашением Камбона — Грея, скорей заручиться поддержкой Англии, ибо война с австро-германским блоком без английской помощи была, как мы знаем, предприятием более чем рискованным.

Вопрос о скорейшем выступлении Англии имел громадное значение для французского империализма и с политической и с стратегической стороны. Военная помощь Англии представлялась совершенно необходимой, и ее нужно было получить возможно скорее: для того чтобы выдержать натиск немцев, направляемый по плану Шлиффена в первую голову на западный — французский — фронт, нужно было, чтобы английская экспедиционная армия во-время попала на континент. Именно на этом строились, как мы знаем, военные планы Антанты (см. гл. III), предусматривавшие как обязательное условие своевременную высадку английского экспедиционного корпуса.

Но оказалось, что скорейшего присоединения Англии к союзникам всего труднее добиться, так как английские организаторы войны, раздувшие до европейского пожара искру, брошенную сараевским убийством, в самый решительный момент встретили противодействие своим планам внутри самой Англии. Леворадикальное «пацифистское» большинство английского кабинета, боясь противодействия масс, считало поводы для вступления Англии в войну пока недостаточными. Поэтому хорошо и четко работавший механизм по развязыванию войны в самые решительные дни неожиданно дал осечку, чуть не поставив царскую Россию и Францию в угрожающее положение. Противодействие «пацифистов» чуть не сорвало многолетние усилия по организации войны Грея и его помощников из Foreign Office. Только ряд «технических ошибок», по выражению Эйр Кроу (стр. 240), допущенных германским империализмом, точнее, слишком грубая агрессивность германской правящей клики позволила английским организаторам войны обмануть массы и облегчить вступление Англии в войну.

Вопрос о выступлении Англии стал для французского правительства особенно острым после сообщения Извольским 30 июля телеграммы Сазонова о русской мобилизации. В ночь с 29 на 30 июля французскому послу в Лондоне Полю Камбону было поручено, по предложению совета министров, сделать официальный запрос о позиции Англии в случае европейской войны[1]. Камбон, уже 29 июля по собственной инициативе зондировавший об этом[2] Грея, 30 июля выполнил и официальное поручение французского правительства. Но и 29 и 30 июля он не мог добиться от Грея ничего кроме обещания последнего поставить запрос французского правительства на рассмотрение кабинета[3]. Этого конечно было мало, это было неизмеримо меньше того, на что могли рассчитывать французские правящие круги как в силу

---

[1] F., 1926, № 101.
[2] BD, XI, № 283.
[3] BD, XI, № 319; F., 1926, № 108.

соглашения Камбона — Грея в 1912 г., так и в силу тех авансов, которые Грей делал в начале июльского кризиса, разжигая войну. Но большего Грей тогда ничего не мог сделать: как раз в эти дни в английском кабинете наметились серьезные разногласия именно по вопросу о позиции английского империализма в франко-германском конфликте, и мелкобуржуазное радикальное большинство кабинета, узнавшее истинный смысл обязательств Англии по отношению к французскому империализму (мы говорим о письмах Камбона — Грея), боясь масс, было против поспешного вступления в войну, агрессивный характер которой был несомненен. Грей мог только поставить вопрос о поддержке Франции на новое рассмотрение кабинета, чтобы еще раз напомнить этим о задачах английского империализма и побудить кабинет действовать быстрей (стр. 673).

Одновременно с нажимом на Грея в Лондоне шел нажим и в Париже. Один из организаторов войны, сторонник вступления Англии в войну в те дни, английский посол в Париже лорд Берти явился к Пуанкаре вечером 30 июля под предлогом поздравления его от имени Грея с удачной поездкой в Петербург. На самом деле конечно речь шла о прощупывании настроений Пуанкаре и получении от него инструкций по поводу того, какими сведениями снабдить Грея, чтобы он мог лучше действовать в Лондоне.

Сообщив Берти о «первом предупреждении» по поводу мобилизации царской армии, сделанном накануне Пурталесом в Петербурге (стр. 438), Пуанкаре заявил, что «сохранение мира между великими державами континента зависит от позиции Англии, ибо если бы правительство его величества заявило, что в случае конфликта между Германией и Францией в результате настоящих разногласий между Австрией и Сербией Англия придет на помощь Франции, то война бы не вспыхнула, так как Германия немедленно бы изменила свою позицию»[1].

Но именно этого немедленного выступления Англии на стороне Франции и царской России английские организаторы пока не хотели, так как их целью было не мешать Германии зарваться возможно дальше и отнять у нее возможность отступления.

«Я сказал господину Пуанкаре, — продолжает Берти свой отчет Грею об этом разговоре, — что для правительства его величества было бы трудно сделать подобное заявление, так как большинство Палаты общин возможно не оценит его необходимости. В настоящий момент оно могло бы рассматриваться как вмешательство в австро-сербский вопрос — дело, в котором Англия прямо не заинтересована. Господин Пуанкаре настаивал, что это было бы в интересах мира, являющихся точно так же великими английскими, как и французскими интересами. Если между Россией и Австрией вспыхнет война и Германия придет на помощь Австрии, Франция будет связана своими союзными обязательствами помочь России. Тогда на континенте будет всеобщая война, в какую Англия не-

[1] BD, XI, № 373.

избежно будет втянута ради защиты интересов, жизненных для ее положения. Сейчас посредством заявления о своем намерении поддержать Францию, величайшим желанием которой является мир, почти наверняка можно было бы предотвратить войну, ибо Германия, даже если бы она была согласна воевать с Францией, равно как и с Россией, не пошла бы на риск разрушения своей морской торговли и измора британским флотом. Я, — продолжает далее Берти, — сказал, что приказ британскому флоту об отмене его деконцентрации должен быть достаточно ясным указанием для Германии, без какого бы то ни было формального предупреждения о том, что может произойти в случае войны между Германией и Францией. Господин Пуанкаре ответил, что заявление такого рода предотвратило бы указанную войну, *а если оно даже и не предотвратит ее, британская помощь Франции в начале военных действий будет способствовать сохранению равновесия сил в Европе.* Более поздняя помощь могла бы оказаться слишком запоздалой, и если Англия останется нейтральной и Германия станет всемогущей на континенте, положение Англии как великой державы полностью изменится к ее ущербу.

Господин Пуанкаре выразил мне желание, чтобы я сообщил вам для скорейшего рассмотрения мотивы, которые он изложил мне в пользу подобной декларации правительства его величества»[1].

Понятно, что Пуанкаре хотел связать английский империализм обещанием поддержки — таким обещанием, которое последний уже не мог бы взять назад. Имея это обещание в кармане, он мог и хотел форсировать войну без всякого риска и опасения и в то же время быть уверенным, что английская экспедиционная армия благодаря своевременному вступлению Англии в войну во-время попадет на континент и примет участие в пограничном сражении.

Но Грей через Берти[2] ответил 31 июля отказом как на это обращение Пуанкаре, так и на официальный запрос французского правительства, переданный ему через Камбона накануне[3]. Положение внутри английского кабинета не изменилось. Между тем события шли своим чередом: 31 июля истекал срок ультиматума, данный германской правящей кликой царской России, и именно в этот день Шен, выполняя поручение Бетман-Гольвега, сделал Вивиани официальный запрос о позиции Франции в случае русско-германской войны[4]. События шли к развязке, а формального обещания английского империализма о военной поддержке еще не было. Поэтому Вивиани вызвал к себе Берти и, сообщив ему об ультиматуме Германии, снова спросил, «какова будет позиция

---

[1] BD, XI, № 373, 318 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] BD, XI, № 352.
[3] BD, XI, № 367.
[4] DD, № 491, 528; F., 1926, № 117.

Англии при таких обстоятельствах»[1]. То же повидимому было поручено сделать и Камбону в Лондоне.

Одновременно было обращено внимание и на обработку общественного мнения, точнее, английской буржуазной печати, с целью подготовить массы к войне. В частности усиленно охаживали парижского корреспондента влиятельнейшей английской газеты «Таймс», органа консерваторов, стоявшего за войну. В министерстве иностранных дел корреспонденту «Таймса» вручили список военных мер и приготовлений Германии на французской границе с целью использования в печати. Корреспондент понял эту любезность французского правительства так, как следовало ее понять.

«Корреспондент «Таймса» думает, — сообщал Берти, — что министерство иностранных дел желает, чтобы он подготовил общественное мнение Англии к мобилизации, декрет о которой может быть издан в любую минуту, и побудил общественность думать, что подобная мера была навязана Франции»[2].

Перечни таких германских мер и приготовлений ежедневно посылались в Лондон для предъявления их в Foreign Office[3].

В тот же день (31 июля) из Лондона прибыла депеша от Камбона, в которой он сообщал ответ английского правительства на официальный запрос французского совета министров о позиции Англии. Ответ был неутешителен. Камбон сообщал, что английское правительство в настоящий момент не может дать никакого обязательства.

Политический горизонт покрывался тучами, и это заставило французских империалистов призадуматься и прибегнуть к сильно действующим средствам. 31 июля Пуанкаре обратился с личным письмом к английскому королю, в котором, намекнув на письма Камбона — Грея в 1912 г., выражал свое «глубокое убеждение, что чем более сильное впечатление единства произведут в настоящий час Англия, Франция и Россия в своем дипломатическом выступлении, тем более будет возможно рассчитывать на сохранение мира»[4].

В связи с неопределенностью позиции Англии и неуверенностью в том, сможет ли она выполнить свои обязательства перед теми, кого английские империалисты так втравливали в войну, у французских правящих кругов повидимому начали развиваться настроения, близкие к паническим. Вивиани был настолько возбужден германским ультиматумом, врученным ему в этот день Шеном, что, вызвав после этого сейчас же к себе Берти, даже забыл, что он собирался сказать ему[5]. Поздно вечером (в 10 ч. 30 м. пополудни), когда его возбуждение несколько улеглось, он сообщил Берти о том, что германское посольство в

---

[1] BD. XI, № 357.
[2] BD, XI, № 353.
[3] BD, XI, № 319, 338, 358, 364, 473; F., 1926, № 106, 119 e, 126, 127.
[4] F., 1926, № 119b; *Пуанкаре*, Происхождение мировой войны, Гиз, 1923, стр. 240—241.
[5] BD, XI, № 374.

Лондоне известило 31 июля Грея о намерении германского правительства объявить мобилизацию, если царская Россия не демобилизуется немедленно.

«Он настойчиво беспокоится, — сообщал Берти Грею о своем разговоре с Вивиани, — относительно того, какова будет при этих обстоятельствах позиция Англии, и просит, чтобы ответ мог быть дан правительством его величества в возможно скорейший срок» [1].

На следующий день, 1 августа, положение стало хуже, чем когда бы то ни было. Из Лондона продолжали поступать самые неутешительные сведения, ибо Грей еще не успел преодолеть сопротивления «пацифистов» в кабинете.

День начался с того, что около 10—11 час. утра Берти явился к Пуанкаре и сообщил ему текст личного ответа английского короля царю, в котором король Георг заявлял, что «все возможное должно быть сделано, чтобы обеспечить мир всего мира» [2]. Дело начинало пахнуть совсем скверно, ибо такой ответ граничил почти с «предательством». Пуанкаре, в этот момент желавшему больше всего на свете скорейшего прибытия обусловленного количества английских корпусов в Гавр, Булонь или другие места высадки английского экспедиционного корпуса, пришлось сделать весьма кислую мину: он только что подписал декрет о всеобщей французской мобилизации. Подделываясь под тон королевского письма, он также в свою очередь стал говорить о «мире мира», под покровом которого однако должна была продолжаться мобилизация царской армии.

«Русский император, — ответил он Берти, — выразил, несмотря на мобилизацию, свою готовность продолжать переговоры с германским послом с целью сохранения мира [3], что является и желанием Франции, чьи намерения (wishes) явно миролюбивы, и что французское правительство еще не потеряло всех надежд на предотвращение войны» [4].

Что произошло днем 1 августа — неизвестно, так как из всех телеграмм Поля Камбона за этот день опубликована пока только одна [5], пришедшая к вечеру и содержащая весьма неутешительные вести: английский империализм сохранял за собой свободу действий. Вивиани осталось только снова телеграфировать в Лондон и взывать о помощи, доказывая, что Франция является страной, подвергшейся нападению. Вивиани пытался действовать на Грея «вескими» доводами, намекая последнему на его роль в разжигании войны.

«Я убежден, что, если вспыхнет война, — взывал Вивиани, — общественное мнение Англии ясно осознает, с чьей стороны идет

---

[1] BD, XI, № 380, отправлена из Парижа в 1 ч. 10 м. пополуночи в ночь с 31 июля на 1 августа.

[2] BD, XI, № 384, 403.

[3] Еще бы, ведь этим согласием (см. стр. 445) выигрывалось время для окончания мобилизации!

[4] BD, XI, № 403.

[5] F., 1926, № 126.

нападение, и что оно поймет столь веские, сообщенные нами сэру Эдуарду Грею, причины, которые позволяют нам просить о вооруженном вмешательстве Англии в интересах будущего европейского равновесия»[1].

Мессими вызвал к себе английского военного агента и, сообщив последнему об отсылке приказа о мобилизации, заявил, что «мы полагаемся прежде всего на самих себя и на вас»[2].

Но французские авансы не встретили ответа. Вторичный разговор Мессими в 8 час. пополудни с английским военным агентом, которого он снова запрашивал о позиции Англии, также остался безрезультатным[3], так как Грей и другие сторонники «войны во что бы то ни стало» не смогли еще одолеть сопротивления «пацифистов», считавших, что мотивы для вступления Англии в войну еще недостаточны. Поэтому английские дипломаты могли только отмалчиваться или давать явно неудовлетворительный ответ. Словом, настроения французской правящей верхушки в этот день были таковы, что Берти записывал в своем дневнике: «Сегодня здесь кричат «да здравствует Англия», завтра может притти на сцену «коварный Альбион»[4].

Утром 2 августа атмосфера еще больше сгустилась.

«Сейчас уже недалеко до возгласов «коварный Альбион», — свидетельствует дневник Берти, — большие ворота здания нашего посольства в течение нескольких дней держатся на запоре, так как в любой момент дружественные демонстрации могут смениться оскорблениями»[5].

Но положение прояснялось. Германский империализм не хотел ждать, ибо согласно его оперативно-стратегическому плану войны он собирался напасть на Францию с севера, нарушая при этом нейтралитет Люксембурга и Бельгии[6]. Французские правящие круги это предвидели. Вивиани поэтому поручил Полю Камбону сделать предварительный запрос по поводу того, как отнесется Англия к нарушению нейтралитета Люксембурга. Но ответ, переданный через Камбона, был явно неудовлетворителен: английское правительство принимало на себя обязательство защитить французские берега в Северном море и Ламанше от нападения германской эскадры при условии, что парламент поддержит это обязательство, но ничего не говорило относительно посылки экспедиционного корпуса во Францию, чего именно добивался французский империализм и о чем на самом деле, как мы знаем, и шли все время переговоры в течение 1906—1912 гг. Мало того, английское правительство заявляло, что нарушение нейтралитета Люксембурга не является поводом для выступления Англии, так как Англия обязалась охранять нейтралитет Люксембурга коллективно

---

[1] F., 1926, № 127.
[2] BD, XI, № 425.
BD, XI, № 452.
[4] *Берти*, цит. соч., стр. 21.
[5] Там же.
[6] „Материалы", стр. 526, телеграмма Извольского № 226; МОЭИ, V, № 458.

с другими державами, и нарушение нейтралитета Люксембурга одной из держав-гарантов освобождает Англию от взятого на себя обязательства[1].

Это был самый горький день для французского правительства. Намечалось самое явное предательство, потому что, как мы увидим ниже (стр. 676—679), в этот день Грей, не будучи еще в силах сломить сопротивление «пацифистов», не на шутку подумывал о том, чтобы умыть руки и предоставить пока союзникам самим расплачиваться с германским империализмом по его счетам. Настроения французских правящих кругов стали исключительно тяжелыми. Очевидно после получения от Грея депеши об этом его ответе Полю Камбону Берти записал в своем дневнике:

«В тот же день (2 августа), позже. Мне так тяжело на душе и так стыдно, что слова «коварный Альбион» могут оказаться действительно произнесенными. У нас, думается мне, надеются, что французы выиграют войну без нашей помощи. Но если это случится, а это сомнительно, то с нами будут мало считаться при заключении мира по окончании войны; а если немцы окажутся в роли завоевателей, то какова будет тогда наша судьба?»[2].

Но 3 июля наконец пришло известие о нарушении Германией нейтралитета Бельгии. Оно разрядило атмосферу в Париже. Германское правительство давало английскому империализму повод для вступления в войну, ибо Грей мог, аргументируя нарушением бельгийского нейтралитета, с помощью консерваторов сломить «пацифистов» и использовать «бельгийский козырь» для обмана масс. Теперь уже можно было не сомневаться в том, что английские организаторы войны используют эту «техническую ошибку» Германии во-всю.

Другой весьма важный момент, на котором мы также должны остановиться более подробно, — это позиция, занятая Пуанкаре и французским правительством в вопросе об объявлении войны. После подписания приказа о всеобщей мобилизации Пуанкаре ставил своей задачей добиться, чтобы объявление войны последовало со стороны Германии, а не со стороны Франции.

Причины, обусловившие эту позицию Пуанкаре, имели как внешнеполитическое, так и — еще более — внутриполитическое значение. Прежде всего формальное объявление войны, сделанное по инициативе Франции, подчеркнуло бы агрессивность французского империализма и его работу по развязыванию войны. Это могло стоить помощи английской экспедиционной армии, так как английским правящим кругам становилось еще труднее обмануть массы и втянуть Англию в войну на помощь нападающим. Совсем другое дело получалось в том случае, когда инициативу объявления войны брала на себя Германия; тогда перед массами, перед общественным мнением всего мира можно было бы подчеркнуть то, что германский империализм является на-

[1] F., 1926, № 137; BD, XI, № 487.
[2] *Берти*, цит. соч., стр. 21.

падающей стороной, что Франция подверглась нападению и вынуждена защищаться. В этом случае французские правящие круги получали бы, во-первых, формальный повод для обращения к английскому правительству с просьбой о помощи, опираясь на англо-французскую морскую конвенцию 1912 г.; во-вторых, английскому правительству было бы легче обмануть массы трудящихся Англии и под предлогом помощи французам, подвергшимся нападению, добиться вступления Англии в войну.

Не меньшее значение имел этот вопрос для французского правительства и по внутриполитическим соображениям. В случае, если бы инициатива объявления войны исходила от французского правительства, последнее должно было бы поставить об этом вопрос на рассмотрение палаты депутатов, так как согласно конституции президент и совет министров не имели права объявления войны без санкции палаты депутатов. Последняя конечно могла одобрить предложение президента об объявлении войны или же отвергнуть, но во всяком случае этот вопрос подлежал обсуждению в палате. Но именно этого французский кабинет и стремился изо всех сил избежать.

Дело в том, что единственным предлогом для объявления войны Германии у правящих кругов Франции могла быть только ссылка на франко-русский союз. На союзника, царскую Россию, напали немцы, и согласно договору Франция должна оказать ей помощь. Но такая интерпретация франко-русского договора в применении к событиям июльского кризиса могла вызвать неприятные прения и выступления отдельных депутатов против правительства. А это грозило более чем неприятными разоблачениями: хотя германский империализм являлся нападающей стороной по отношению к царской России и взял инициативу объявления ей войны на себя, тем не менее мобилизация царской армии формально предшествовала германской, а объявление Германией войны царской России формально было вызвано именно русской мобилизацией.

В этих условиях французским поджигателям войны было бы очень трудно ссылаться на союзный договор и франко-русскую военную конвенцию, так как первая статья этой конвенции гласила:

«Если Франция будет атакована Германией или Италией, поддержанной Германией, Россия нападает на Германию всеми находящимися в ее распоряжении силами.

Если Россия будет атакована Германией или Австрией, поддержанной Германией, Франция употребит все находящиеся в ее распоряжении силы для борьбы с Германией».

При этом, как мы знаем, было обусловлено, что характерным признаком нападения на союзников является мобилизация противника. Тем самым Германия оказывалась нападающей стороной только в том случае, если ее мобилизация предшествовала мобилизации царской армии. Но последнее условие в дни июльского кризиса не было соблюдено: царская Россия

первая объявила свою мобилизацию и таким образом выступала в качестве агрессора, т. е. нападающей стороны.

Все это юридическое крючкотворство, все эти рассуждения о том, кто первый напал и кто первый объявил мобилизацию — Германия, Австрия или царская Россия, — не имели конечно никакой цены. Если бы Пуанкаре приходилось думать только о том, чтобы получить большинство в палате депутатов для объявления войны Германии под предлогом соблюдения франко-русской конвенции и обязательств союза, то он смело мог обращаться к палате депутатов с соответствующим воззванием и вносить на ее рассмотрение союзный договор с царской Россией. Громадное большинство в палате депутатов принадлежало таким буржуазным и мелкобуржуазным партиям, которые хотели войны, которые давно рассчитывали на нее и строили на ней свои планы на будущее. Предложение о войне получило бы громадное большинство и в парламенте и в сенате. Этого Пуанкаре и другие организаторы войны могли не бояться. Но наряду с громадным большинством палаты, выполняющим волю капитала, отдельные депутаты могли выступить в прениях с критикой политики правительства и в той или иной степени разоблачить взятый курс на войну и тем затруднить его проведение, пробудив внимание пролетариата. *Боязнь, что широкие массы выступят против войны, явилась основной, важнейшей причиной, побудившей Пуанкаре не торопиться с объявлением войны, несмотря на просьбы из Петербурга «не медлить»*.

Да, выступления масс боялись французские империалисты, и именно потому после объявления всеобщей мобилизации они повели свою линию так, чтобы предоставить инициативу объявления войны германскому империализму. В этом случае, т. е. если бы Германия первая объявила войну Франции, последняя выступала бы в качестве обороняющейся страны, вынужденной защищаться. Тогда можно было бы представить дело так, что война ведется Францией в силу нападения на нее, а не в силу выполнения Францией обязательств по союзному договору с царской Россией. В этом случае вовсе не приходилось ставить вопроса о применении франко-русского договора и можно было избежать опасных прений в палате.

По этим причинам Пуанкаре и другие члены французского правительства, несмотря на тревожное положение, под разными предлогами откладывали созыв парламента и свое выступление в нем. Действительно, палата депутатов была созвана только 4 августа, на другой день после объявления войны Германией. Тогда все поводы для оттяжек созыва неожиданно исчезли: депутатам приходилось рассуждать о наилучших способах обороны и сплочения для этого всех «национальных сил», а не затруднять правительство неприятными запросами.

Таким образом и по внешнеполитическим и по внутриполитическим соображениям французские руководящие круги после объявления всеобщей мобилизации усвоили ту линию поведе-

ния, ту тактику, которая в наши дни получила красочное название «вползания в войну». Срочно и весьма тщательно принимались все необходимые военные меры, шла переброска войск, их сосредоточение и развертывание, но война не объявлялась. Наоборот, ждали ее объявления со стороны противника.

Как известно, эти расчеты оправдались. «Честь» объявления войны выпала на долю германского империализма, и этого не пришлось долго ждать. Как уже было нами указано (см. гл. III), во французском генеральном штабе отлично знали, что Германия не хочет и не будет ждать, что в случае войны на два фронта — против Франции и царской России — ее крупнейшим шансом является возможность использовать быстроту своей мобилизации по сравнению с русской и разбить своих противников поодиночке. Поэтому французам следовало только ждать, мобилизоваться и ждать, ибо последующие события наступали автоматически. И в самом деле, как только в Берлине стало известно о мобилизации царской России и Франции, германское правительство немедленно объявило войну царской России (1 августа), а затем Франции (3 августа), чтобы воспользоваться своим преимуществом, так как германская армия по существу была уже мобилизована.

Расчеты французского правительства объясняют его тактику в последние дни июльского конфликта — тактику, в то время не понятую широкими массами. О том, что такие расчеты были, что именно эта тактика являлась целью всех его забот после объявления мобилизации, свидетельствует сам Пуанкаре, описывая заседание палаты депутатов 4 августа, состоявшееся на другой же день после объявления войны Германией. На это заседание Вивиани принес на всякий случай текст русско-французского договора, но его даже не читали, так как война уже была объявлена Германией; выходило, что она является нападающей стороной, а Франции приходится «обороняться».

«В 1914 г., — заявляет Пуанкаре, — нашему союзу не пришлось сыграть роли. Не нашлось ни одного депутата, чтобы задать вопрос относительно договора»[1]. И без этого «все твердо верили, что исполняют долг чести и перед союзницей и перед родиной»[2].

Так разрушается легенда, созданная французскими историками-пуанкаристами, о том, что французский империализм вступил в войну только в силу обязательств франко-русского союзного договора, выполняя «долг чести» перед царской Россией, якобы использовавшей этот долг, чтобы втянуть за собою в войну и Францию. Этот мотив усиленно и на все лады поется французскими историками, которые хотели бы свалить все на покойника — романовский режим, чтобы прикрыть роль французских империалистов в развязывании войны.

---

[1] *Пуанкаре*, Происхождение мировой войны, Гиз, 1923.
[2] *Маргерит*, цит. соч., стр. 311.

Ведя свою игру, Пуанкаре конечно не рассчитывал на то, что Октябрьская революция опубликует тайные договоры (в том числе франко-русский союзный договор) и что перед трудящимися массами и всем миром откроются агрессивные замыслы французских империалистов. Но и после разоблачения этих замыслов Пуанкаре помогало то, что французский империализм вышел из войны победителем и обеспечил за собой по Версальскому мирному договору изрядные выгоды.

Глава восьмая

«ВЕЛИКОЕ РЕШЕНИЕ» ГЕРМАНИИ

Как мы уже указывали (см. гл. II), 1914 г. явился переломным для германского империализма, решившего форсировать «великое решение» при ближайшем удобном для этого предлоге.

«Немецкая буржуазия, — писал в первые же месяцы после начала войны Ленин, — предприняла грабительский поход против Сербии, желая покорить ее и задушить национальную революцию южного славянства, вместе с тем направляя главную массу своих военных сил против более свободных стран, Бельгии и Франции, чтобы разграбить более богатого конкурента. Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с ее стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с ее точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предрешенные Россией и Францией»[1].

Сараевское убийство поставило ребром вопрос о сроке начала войны, и правящие круги Германии дали carte blanche (уполномочие) Австрии, учитывая при этом, как можно судить по опубликованным документам, следующие обстоятельства:

1. Рост военной мощи Антанты (в частности царской России) и возможность образования Балканского союза, направленного против Австрии, при все увеличивающейся тенденции Румынии к отпадению от австро-германского блока — обстоятельства, грозившие австро-германскому блоку потерей его позиций на Балканском полуострове.

2. Угрозу разложения, если не распада, единственного надежного союзника Германии — Австро-Венгрии — после убийства Франца-Фердинанда, которое могло лишь стимулировать рост югославского национально-освободительного движения, разъедавшего монархию Габсбургов и австро-венгерский империализм, и следовательно в конечном счете угрозу лишить германскую армию по-

---

[1] *Ленин,* Собр. соч., т. XVIII, стр. 61—62.

мощи 40 дивизий, которые Австро-Венгрия могла еще выставить в июле 1914 г. для помощи своему германскому союзнику.

3. Ускорение процесса революционизирования рабочих масс, что побуждало форсировать «великое решение» в качестве средства обескровить рабочее движение и приостановить, если не задушить, рост революционных настроений среди рабочих масс. Согласно признанию не разделявшего, кстати сказать, этих надежд Бетман-Гольвега графу Лерхенфельду (3 июня 1914 г.) — в «стране имеются... круги, которые ждут от войны оздоровления внутриполитического положения в духе консерватизма»[1].

Правящие германские круги понукали монархию Габсбургов навязать войну Сербии. В Берлине предвидели возможность вооруженного вмешательства царской России и Франции; но там были уверены, что их удастся разгромить раньше, чем Англия успеет вмешаться и оказать своим союзникам действительную помощь.

Расчет этот, как известно, не оправдался.

★

Вечером 28 июня Вильгельм, бывший в Киле, наблюдал со своей яхты парусные гонки. Вдруг в самый разгар гонок маленькая шлюпка появилась у борта яхты Вильгельма. Адмирал Мюллер, бывший в шлюпке, дал знак, указывая, что он хочет что-то передать. Это было сообщение об убийстве Франца-Фердинанда в Сараево. Получив это известие, Вильгельм побледнел и пробормотал: «Нужно начинать все сначала»[2].

Гонки были немедленно прекращены, и Вильгельм вернулся в Берлин. Он хотел присутствовать на похоронах эрцгерцога, но Вена высказалась против его поездки[3]. Кроме того Бетман-Гольвег, использовав телеграмму германского консула в Сараево, сумел убедить Вильгельма, что ехать в Вену небезопасно, так как покушение может быть произведено и на него самого[4]. Вильгельм, не отличавшийся храбростью, легко поддался уговорам.

Вскоре пришли и первые сообщения от германского посла в Вене Чиршки о том, что австрийцы замышляют свести счеты с Сербией, использовав сараевское покушение в качестве предлога. Чиршки, не имевший еще к 30 июня инструкций из Берлина и опасавшийся, как бы «слишком поспешное» выступление Австро-Венгрии не спутало карты германского правительства, писал:

«Я пользуюсь каждой возможностью, чтобы спокойно, но выразительно и серьезно дать совет против слишком поспешных шагов»[5].

Вильгельм, раздраженный такой сдержанностью Чиршки, ко-

---

[1] *Dirr*, № 1.
[2] *Recouly*, op. cit., p. 20.
[3] *Hoyos*, Der Deutsch-Englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Oesterreich-Ungarns, B. 1922, S. 77, прим; Dirr, №. 4.
[4] DD, № 6a, 6b.
[5] DD, № 7.

торую в Вене могли истолковать как намерение Германии удержать австрийский империализм от расправы с Сербией, сделал следующую негодующую пометку на отчете Чиршки:

«Кто его [Чиршки] уполномочил на это? Очень глупо! Это его не касается, так как — это дело исключительно Австрии намечать соответствующие шаги. Позже, когда дела пойдут скверно, скажут: Германия не хотела. Пусть Чиршки соблаговолит оставить этот вздор. С сербами необходимо покончить и именно сейчас»[1].

Эта пометка была сделана 4 июля накануне прибытия Гойоса в Берлин с письмом Франца-Иосифа и меморандумом Тиссы — Бертхольда о положении на Балканах (стр. 318—324). Она характерна для уяснения тех настроений, с какими «кайзер» встретил сообщение, что Австрия решилась не упустить такого повода, как сараевское убийство, для нападения на Сербию.

В министерстве иностранных дел повидимому немало интересовались тем, что намерена предпринять Австрия и как она собирается использовать сараевское убийство. Это подтверждает телеграмма Сегени от 4 июля, излагающая разговор с помощником министра иностранных дел Циммерманом. Циммерман, спрашивавший Сегени о намерениях австрийского правительства в связи с сараевским убийством, предостерегал Вену от слишком поспешных и необдуманных мер за спиной Германии[2], давая этим понять, что при известных условиях Берлин стоит за выступление и даже рекомендует его. То же подтверждает и телеграмма Чиршки, опровергавшего газетные сообщения, будто Австро-Венгрия потребовала от сербского правительства расследования сараевского убийства. По словам Чиршки, вопрос о дальнейших взаимоотношениях Австрии и Сербии должен был решиться в зависимости от того, насколько достаточны будут улики против Сербии, добытые в процессе австрийского расследования[3].

Чиршки сообщал также об аудиенции у Франца-Иосифа вечером 2 июля, разговор с которым позволял установить, что Австрия что-то замышляет в связи с сараевским убийством. Германскому послу Франц-Иосиф заявил, что он «очень мрачно смотрит на будущее и что положение в народных массах становится с каждым днем тревожнее. Я не знаю, сможем ли мы еще дальше оставаться спокойными зрителями, и надеюсь, что и ваш император взвесит опасность, проистекающую для монархии из соседства с Сербией; что особенно меня беспокоит, — это русская пробная мобилизация, намеченная на осень, следовательно на то время, когда у нас происходит смена запасных. Господин фон Гартвиг — полный хозяин в Белграде, и Пашич не делает ничего без его спроса»[4].

В письменном, более подробном отчете Чиршки сообщал, что

[1] DD, № 7.
[2] OUAP, VIII, № 10039; ORB, 1919, I, № 5.
[3] DD, № 8; *Dirr*, № 4.
[4] DD, № 9.

Франц-Иосиф обстоятельно изложил ему свои взгляды о положении на Балканах и высказал свои пожелания по поводу необходимых мероприятий; при этом, говоря о Сербии, он заявил:

«Белградские интриги невыносимы. Нужно подумать о будущем и сохранить великодержавное положение союзников [т. е. Германии и Австро-Венгрии] в Тройственном союзе».

«Я воспользовался этим замечанием императора, — продолжает Чиршки, — чтобы еще раз указать, что его величество может считать совершенно определенно, что найдет Германию решительно стоящей за монархией, коль скоро дело идет о защите жизненных интересов последней. Решение о том, когда и где выступают подобные интересы, должно быть предоставлено самой Австрии. На настроениях и пожеланиях, как бы ни были они понятны, нельзя вести ответственной политики. Перед всяким решительным шагом следует крайне тщательно взвесить, как далеко хотят итти и с помощью каких средств должна быть осуществлена намеченная цель. При всяком чреватом тяжкими последствиями шаге в первую очередь необходимо взвесить общее политическое положение и, приняв во внимание предполагаемую позицию других держав и государств, заботливо подготовить почву. Я мог только повторить, что мой император поддержал бы каждое твердое решение Австро-Венгрии. Его величество живейшим образом согласился с моими словами и выразил мнение, что я безусловно прав» [1].

Таким образом уже 2 июля Чиршки достаточно определенно агитировал союзника на военное выступление, но при известных условиях, уверяя при этом в германской поддержке.

Мы приводим эти документы только как доказательство того, что германский империализм *уже в самые первые дни после сараевского убийства, усмотрев в последнем достаточный предлог, чтобы развязать войну и искать «великого решения» в 1914 г., деятельно зондировал Вену по поводу ее намерений и понукал австро-венгерское правительство к выступлению, обещая военную поддержку Германии.*

Сигналы о том, что положение тревожно, шли не только из Вены, но и из Белграда.

В своей депеше от 2 июля (полученной в Берлине 5 июля утром) германский посланник в Белграде Гризингер сообщал о перебранке между Шторком и Славко Груичем и арестах и обысках, произведенных по приказу Стояна Протича (стр. 288).

Эти сведения из Вены и Белграда вызвали в министерстве иностранных дел вполне понятное чувство ожидания: что скажет, что намерена сделать Вена — отсюда запрос Циммермана Сегени. С другой стороны, в Берлине также царило убеждение, что Белград в той или иной мере связан с преступлением в Сараево — отсюда предложение Циммермана от 30 июня сербскому послан-

[1] DD, № 11, ср. гл. V, стр. 320—324 — переговоры Берхтольда с Чиршки, Науманом и Ганцем.

нику в Берлине Богичевичу, повторенное затем царскому, французскому и английскому дипломатическим представителям, чтобы сербское правительство приступило по собственной инициативе к расследованию нитей заговора, ведущих на сербскую территорию. Официально это предложение делалось для того, чтобы сербское правительство продемонстрировало свое осуждение убийства. На самом же деле оно имело целью заставить сербское правительство одним фактом такого расследования признать свою виновность в сараевском деле и облегчить позицию Австрии, если бы последняя захотела «покарать» Сербию, что уже 30 июня предвидели германские организаторы войны.

Этими тайными расчетами германского империализма продиктовано было и заявление Циммермана Сегени, что он «сочтет совершенно понятным энергичное и решительное выступление монархии, на стороне которой сейчас всеобщая симпатия всего цивилизованного мира, но что он все же рекомендовал бы величайшую осторожность и совет не предъявлять Сербии никаких унизительных требований»[1], т. е. стараться скрыть агрессивность и захватнический характер нападения на Сербию.

Таким образом позицию Берлина к 4 июля можно охарактеризовать следующим образом: там ждали, что скажет и на что решится Вена, и заранее находили «совершенно понятным» «энергичное», вплоть до войны, выступление против Сербии, так как сараевское убийство давало хороший предлог для нападения на нее. Но при таком выступлении Австрии советовали «величайшую осторожность», чтобы скрыть свою агрессивность.

Утром 5 июля в Берлин прибыл Гойос с письмом Франца-Иосифа и меморандумом Тиссы — Берхтольда о положении на Балканах, т. е. с конкретными предложениями Австрии о том, как использовать сараевское убийство. Около 12 час. — 1 час. дня Сегени вручил оба документа Вильгельму, и они были поняты именно так, как того хотели в Вене.

«Император с большим вниманием прочел оба документа в моем присутствии, — доносил в своей телеграмме Сегени. — Сначала он меня уверил, что *ждал от нас серьезного выступления против Сербии;* но он должен признаться, что в результате объяснений нашего всемилостивейшего государя [Франца-Иосифа] он обязан иметь в виду серьезные европейские осложнения и поэтому не хотел бы дать окончательный ответ до совещания с рейхсканцлером. Когда после завтрака я еще раз весьма выразительно подчеркнул серьезность ситуации, *его величество уполномочил меня сообщить нашему всемилостивейшему государю, что мы в этом случае могли бы рассчитывать на полную поддержку Германии.* Как уже говорилось, он должен прежде всего выслушать мнение рейхсканцлера, *но ни в малейшей степени не сомневается в том, что господин фон Бетман-Гольвег полностью согласится с его мнением. В особенности это отно-*

[1] OUAP, VIII, № 10039.

сится к выступлению с нашей стороны против Сербии. По его [Вильгельма] мнению, однако *не следовало бы затягивать это выступление. Позиция России будет во всяком случае враждебна, но он уже давно подготовлен к этому, и если бы даже дошло до войны между Австро-Венгрией и Россией, мы могли бы быть убеждены в том, что Германия с обычной верностью союзника будет стоять на нашей стороне.* К тому же Россия в настоящем положении еще совершенно не готова к войне и конечно крепко задумается над тем, прибегать ли ей к оружию. Все же она будет натравливать другие державы Антанты против нас и раздувать огонь на Балканах. Он [Вильгельм] очень хорошо понимает, что его императорскому и королевскому апостолическому величеству при его заведомом миролюбии было бы тяжело решиться на вторжение в Сербию, но если мы действительно признаем необходимым военное выступление против Сербии, то он [*Вильгельм*] *будет сожалеть, если мы не используем нынешний столь благоприятный для нас момент.* Что касается Румынии, то он позаботится о том, чтобы король Карл и его советники вели себя корректно. Вхождение в договорные отношения с Болгарией никоим образом не было бы для него симпатично. Он попрежнему не питает ни малейшего доверия ни к королю Фердинанду, ни к его бывшим и теперешним советникам. Тем не менее он не выдвинет ни малейших возражений против вхождения монархии в договорные отношения с Болгарией, но необходимы меры предосторожности против того, чтобы договор не содержал никакого противорумынского острия и — как это подчеркнуто в меморандуме — был доведен до сведения Румынии.

Император Вильгельм намерен отправиться завтра утром в Киль, а оттуда в свое путешествие на север. Но до этого его величество еще раз обсудит с рейхсканцлером указанные обстоятельства, и с этой целью он вызвал его из Гогенфинова на сегодняшний вечер в новый дворец»[1] — заканчивал Сегени свой отчет о разговоре с Вильгельмом.

6 июля состоялось совещание, на котором присутствовали Бетман-Гольвег и Циммерман — с одной стороны, Сегени и Гойос — с другой. На совещании Бетман-Гольвег заявил, что он уполномочен Вильгельмом уточнить позицию германского правительства по отношению к письму Франца-Иосифа и меморандуму Тиссы — Берхтольда.

«Германское правительство, — передал в Вену Сегени заявление Бетман-Гольвега, — признает опасность, вытекающую для Австро-Венгрии и следовательно также для Тройственного союза из русских планов о Балканском союзе. Оно также понимает, что мы [Австрия] при таком обороте дела хотели бы осуществить формальное присоединение Болгарии к Тройственному союзу, но придает значение тому, чтобы это, как предусмотрено, совершилось в форме, не затрагивающей наших обязательств по отношению

[1] OUAP, VIII, № 10058; ORB, 1919, I, № 6 (курсив мой — *Н. П.*).

к Румынии. Германский посланник в Софии будет немедленно уполномочен, при соответствующем приглашении от своего австро-венгерского коллеги, начать переговоры в этом смысле с болгарским правительством[1]. Одновременно он [рейхсканцлер] намерен предложить посланнику в Бухаресте поговорить совершенно откровенно с королем Румынии, поставить его в известность о переговорах в Софии и одновременно обратить внимание на то, что он должен подавить дальнейшую агитацию против нас [Австрии] в Румынии. Господин фон Бетман-Гольвег точно так же соизволит сказать королю, что он [канцлер] до сих пор всегда советовал нам [Австрии] вступить в соглашение с Сербией, но теперь после недавних событий он понимает, что это стало почти невозможным. Это обстоятельство должна также учесть и Румыния[2].

Что касается наших отношений с Сербией, то германское правительство стоит на той точке зрения, что это наше [Австрии] дело судить, что необходимо для разъяснения этого положения. Каково бы ни было наше решение, мы могли бы в этом случае с уверенностью рассчитывать на то, что Германия будет стоять за монархией как союзник и как друг. Продолжая разговор, — сообщал Сегени, — я констатировал, что *рейхсканцлер, равно как и его император, считает немедленное выступление с нашей стороны против Сербии самым радикальным и лучшим разрешением наших затруднений на Балканах. С международной точки зрения он находит нынешний момент более благоприятным чем позднейший*»[3].

Сообщая 6 июля Чиршки в Вену о передаче Сегени письма Франца-Иосифа с меморандумом и о происходивших при этом переговорах, Бетман-Гольвег почти буквально повторяет только что изложенную часть депеши Сегени.

«Я ответил графу Сегени от имени его величества, — писал Бетман-Гольвег, — что его величество шлет свою благодарность императору Францу-Иосифу и вскоре лично ответит на его письмо. Одновременно его величество хотел бы сказать, что и он не скрывает от себя опасности, которая угрожает Австро-Венгрии и тем самым Тройственному союзу от ведущейся русскими и сербскими панславистами агитации. Хотя его величество, как известно, не питает безусловного доверия к Болгарии и ее монарху и понятно более склоняется к старому союзнику — Румынии и ее монарху Гогенцоллерну, но он понимает, что императору Францу-Иосифу хотелось бы осуществить присоединение Болгарии к Тройственному союзу ввиду позиции Румынии и опасности образования нового Балканского союза, направленного непосредственно против Дунайской монархии. Поэтому его величество укажет своему посланнику в Софии поддерживать направленные для достижения этого шаги австро-венгерского представителя согласно желанию последнего. Далее его величество согласно желанию императора Франца-

[1] OUAP, VIII, № 10058; ORB, I, № 6.
[2] DD, № 16, 28, 41.
[3] OUAP, VIII, № 10076; ORB, 1919, I, № 7 (курсив мой — *Н. П.*).

Иосифа приложит усилия в Бухаресте, чтобы побудить короля Карла к выполнению своего долга союзника и отказу от [сближения] с Сербией и подавлению румынской агитации против Австро-Венгрии.

Что касается наконец Сербии, то его величество понятно не мог бы вмешаться в конфликт между этой страной и Австро-Венгрией, так как это не входит в его компетенцию, но император Франц-Иосиф может полагаться на то, что его величество согласно своим обязательствам союза и своей дружбе будет верно стоять на стороне Австро-Венгрии»[1].

Таковы три документа, излагающие картину австро-германских переговоров, происшедших 5—6 июля в Потсдаме и Берлине[2]. Существует еще четвертый, именно — запись Гойоса о разговоре с Циммерманом, во время которого Гойос вполне откровенно изложил Циммерману австрийские планы — Австрия имеет в виду полный раздел Сербии. Правда, Берхтольд на совещании министров в Вене 7 июля отмежевался от этих заявлений Гойоса (стр. 329—330), так как в совещании участвовал Тисса, настаивавший по тактическим соображениям на необходимости торжественной декларации о территориальной незаинтересованности Австро-Венгрии в конфликте с Сербией. Мы уже знаем, что это отмежевание было лишь маневром. Затем Гойос обсуждал с Циммерманом вопрос, стоит или не стоит предупредить Италию о замышляемом выступлении против Сербии. Гойос указывал, что не стоит, поддерживая точку зрения Берхтольда, настаивавшего на том, что Италия передаст австрийские замыслы Антанте. Повидимому он даже добился от Циммермана согласия оставить Италию в неведении, согласия, дезавуированного впоследствии Яговым[3].

Подлинники записей Гойоса, «существующие в природе», не опубликованы даже в последней восьмитомной сводке австрийских дипломатических документов, но в 1932 г. было напечатано письмо Гойоса графу Мерей, написанное 20 июля 1917 г. в ответ на речь германского рейхсканцлера Михаэлиса, в которой последний пытался возложить всю вину в возникновении мировой войны на Австрию. Это письмо, в котором Гойос использовал свои записи, сделанные в 1914 г. во время поездки в Берлин, дает весьма выразительную картину переговоров, происходивших между Гойосом и германскими организаторами войны.

«Мы сказали тогда германцам, — свидетельствует Гойос, — что положение на Балканах после Бухарестского мира стало невыносимым, что мы должны опасаться создания против нас Балканского союза под руководством России, который парализует нас в военном отношении, что, несмотря на опасность конфликта

---

[1] DD, № 15. Из последней фразы Бетман-Гольвег вычеркнул слова «при всех обстоятельствах».

[2] DD, № 18, 61.

[3] DD, № 57, 68, 87, 89, 94, 104, 119, 150; OUAP, VIII, № 10398

с Россией, мы по внешним и внутриполитическим мотивам считаем момент благоприятным для выступления против Сербии и *вполне сознаем, что подобная политика может вызвать мировую войну,* а поэтому хотели бы узнать точку зрения германского правительства на то, считает ли оно подходящим данный момент по политическим и военным соображениям, и можем ли мы в настоящем случае рассчитывать на его поддержку. И Циммерман и рейхсканцлер ответили: «Австро-Венгрия только одна может судить, насколько требуют ее жизненные интересы выступления против Сербии, и мы можем в этом отношении лишь руководствоваться решениями императорского и королевского [т. е. австро-венгерского] правительства. Она [Австро-Венгрия] всегда (für alle Fälle) может рассчитывать на нашу верносоюзническую поддержку, *и мы считаем, что если войне суждено быть, то лучше, если она вспыхнет сейчас, нежели через 1—2 года,* когда Антанта будет гораздо опасней, чем в настоящее время».

«*Германское правительство,* — продолжает далее Гойос,—*вполне свободно могло сказать тогда нам «нет» и удержать нас от выступления против Сербии. Мы может быть приняли бы это с некоторой досадой, но наше хорошее или плохое настроение конечно не могло повлиять на решения германского правительства*»[1].

Эти документы позволяют сделать некоторые выводы о позиции Германии по отношению к австрийским предложениям.

Во-первых, необходимо отметить, что депеша Сегени Берхтольду и депеша Бетман-Гольвега Чиршки почти тождественны по содержанию. Лучше всего это подтверждает Чиршки, присутствовавший на предварительном совещании Берхтольда, Тиссы и Штюргка, созванном Берхтольдом 7 июля, для того чтобы продемонстрировать перед Тиссой согласие Германии на полную поддержку австрийских планов. На этом совещании Берхтольд огласил приведенные выше депеши Сегени, и Чиршки, имевший возможность сравнить все три документа (депешу Сегени о разговоре с Вильгельмом, депешу Сегени о разговоре с Бетман-Гольвегом и депешу Бетман-Гольвега о разговоре с Сегени), сообщал в Берлин: «Отчеты графа Сегени вполне совпадают с содержанием доставленной мне телеграммы вашего превосходительства от 6 с. м. [июля]»[2].

Во-вторых, письмо Франца-Иосифа и меморандум Тиссы—Берхтольда содержат как общую программу австро-венгерской политики на Балканах, в частности по отношению к Сербии, формулированную до сараевского убийства («программа» Тиссы—стр. 318), так и прибавления, сделанные после убийства и излагающие совершенно новую, «военную» программу против Сербии (добавления Берхтольда — стр. 324). Эта новая программа отменяла часть старой программы, касающуюся Сербии.

---

[1] KF, 1932, Jan., S. 65 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] DD, № 18.

В-третьих, германское правительство в приведенных выше трех документах дало ответ по обоим пунктам: оно полностью одобрило общую программу австро-венгерской политики на Балканах и дало согласие на помощь при ее проведении; в отношении же чисто военной программы против Сербии германское правительство дало carte blanche (уполномочие) Вене, обещая последней полную поддержку и верность союзника даже в том случае, если дело дойдет до войны с царской Россией и ее союзниками (разговор Сегени с Вильгельмом, письмо Гойоса).

Таким образом правящие круги Германии принципиально высказались в пользу развязывания европейской войны в 1914 г., о чем вполне ясно и определенно и говорят указанные выше документы. Запрошенная союзником о возможности для последнего разгромить Сербию и перекроить в свою пользу карту Балкан, германская правящая клика, до сих пор отказывавшая в этом монархии Габсбургов, в 1914 г. охотно дала свое полное согласие на балканскую авантюру и одобрила ее, прекрасно отдавая себе отчет, что она может привести к «большой войне». Приведенные выше документы четко и ясно показывают, что германское правительство искало в 1914 г. «великого решения», к которому оно готовилось десятки лет, и считало необходимым развязать именно в этот год «большую войну».

Чем объяснить этот выбор момента для «великого решения»? Что толкало германские правящие круги на этот выбор? Нижеследующая депеша Сегени от 12 июля вскрывает более детально мотивы, в силу которых германское правительство после сараевского убийства решилось выдать carte blanche Вене.

«Как ваше превосходительство, — доносил Сегени Берхтольду, — уяснило из моих телеграмм за последние дни и из личных впечатлений графа Гойоса в Берлине, его величество император Вильгельм, равно как и все другие руководящие здесь лица, не только твердо стоят как верные союзники за монархию, но и самым *решительным образом подбодряют нас не упустить нынешний момент и в высшей степени решительно выступить против Сербии,* чтобы раз навсегда навести порядок в тамошнем гнезде революционных заговорщиков, *причем нам полностью предоставляют выбор средств, какие мы сочтем для этого нужными.* Я никогда не сомневался в том, что император Вильгельм и вся империя при всех случаях в высшей степени лойяльно выполнят по отношению к нам свои обязательства союзника, и всегда придерживался этого убеждения в течение моей многолетней деятельности императорского и королевского посла в Берлине. Поэтому меня нисколько не удивляет, что Германия и в настоящий момент немедленно уверила нас в своей полнейшей верности как союзника и в своей помощи. Но все же, я думаю, необходимо некоторое объяснение того факта, что руководящие германские круги — и не на последнем месте сам его величество император Вильгельм, — можно сказать, *почти нажимают на нас в том смысле, чтобы мы предприняли решительное, даже*

военное выступление против Сербии. Понятно, что после всех событий, сожаление о которых беспредельно, монархия должна крайне энергично выступить против Сербии; большего выяснения требует то, что германское правительство и со своей точки зрения считает нынешний момент наиболее подходящим в политическом отношении. За выбор нынешнего момента согласно германской точке зрения, полностью разделяемой также мной, говорят общие политические соображения и особые обстоятельства, созданные злодеянием в Сараево.

В последнее время в Германии окрепло убеждение, что Россия учитывает войну не как какую-то возможность в будущем, а непосредственно строит свои расчеты на ней. Но строя свои расчеты на войну в будущем и вооружаясь изо всех сил в надежде на нее, она [Россия] не замышляет ее в настоящий момент, или лучше сказать, сейчас она еще недостаточно подготовилась к ней. Поэтому абсолютно не предрешено, что в случае войны Сербии с нами Россия придет к ней на помощь с оружием в руках; если русская империя даже решится на это, она сейчас еще далеко не готова в военном отношении и еще не так сильна, как предположительно будет через несколько лет. Далее германское правительство полагает, что обладает точными признаками, указывающими на то, что Англия сейчас не примет участия в войне, вспыхнувшей из-за Балканского государства, в особенности если эта война должна будет привести к вооруженному столкновению с Россией, возможно также с Францией. Дело не только в том, что англо-германские отношения настолько улучшились, что, по мнению Германии, ей не нужно больше опасаться прямой враждебности Англии, но что прежде всего Англия в настоящий момент менее всего стремится к войне и совершенно не склонна таскать каштаны из огня для Сербии или в конечном счете для России.

Как вытекает из вышесказанного, политическая ситуация в общем *сейчас для нас в высшей степени благоприятна.* К этому необходимо добавить и вытекающие из самого злодеяния особые политические моменты. В то время как до сих пор значительная часть нашего населения не верила во враждебные монархии сепаратистские тенденции части наших сербов и такие же интриги, поддерживаемые у нас королевством [Сербией], сейчас в этом вопросе у нас наблюдается полное единодушие и громко требуют энергичного выступления против Сербии для окончательного подавления раздуваемого оттуда великосербского движения.

Но в еще большей степени открылись также глаза всего цивилизованного мира, и каждый народ осуждает убийство в Сараево, понимая, что мы можем привлечь за него Сербию к ответственности. Если заграничные друзья Сербии по политическим соображениям даже не выступят против этого королевства, то по всей вероятности они сейчас не вступятся за него (по меньшей мере с оружием в руках).

Таковы политические причины, по которым Германская империя,

вполне правильно понимая представляющийся нам сейчас случай, безоговорочно выступает за полное урегулирование кажущихся и нам и ей нестерпимыми отношений с Сербией, чтобы навсегда поставить непереходимый барьер панславистским сербским интригам»[1].

Депеша Сегени свидетельствует о том, что германское правительство вполне сознательно предпочитало развязать именно в 1914 г. *превентивную* войну, используя для этой цели такой предлог, как сараевское убийство, и прекрасно отдавало себе отчет в том, какие причины заставляют его выбрать именно этот момент для начала войны. Оно руководилось следующими соображениями:

1. Главные противники на суше — Франция и особенно царская Россия — еще недостаточно подготовлены к войне, и в 1914 г. с ними будет легче справиться, чем несколько лет спустя, когда усилится их военная мощь.

2. Англия — на это больше всего рассчитывали германские организаторы войны — возможно не вступит в войну из-за резкого обострения ирландского национального движения, грандиозных рабочих забастовок, широко развернувшихся в 1914 г., «незаинтересованности» в сербских делах и трудности побудить «общественное мнение» к войне из-за Сербии, точнее, трудности обмануть народные массы и скрыть от них агрессивный характер будущей войны. В случае нейтралитета Англии германские организаторы войны надеялись, как указывал еще Науман Гойосу, легко разгромить Францию, царскую Россию и Сербию.

Остается еще один мотив, приводимый германскими организаторами войны, подчеркивавшими его выгодность для провоцирования нападения на Сербию и подталкивания австрийцев к этому нападению. Мы говорим о заявлении германского министерства иностранных дел по поводу того, что у всего «цивилизованного мира», и в частности у Германии, в результате сараевского убийства наконец «открылись глаза» на «сербские козни» против монархии Габсбургов. Этот мотив использовался только для психологического воздействия на австрийскую монархию, так как для «цивилизованного мира» эти рассуждения германских империалистов не имели никакой цены. Германское правительство использовало этот мотив также для того, чтобы поиграть (и действительно поиграло в дни июльского кризиса) на этой струнке в монархических кругах царской России, пытаясь таким образом затруднить выступление царской России «на помощь Сербии».

Но и Сегени и Гойос, излагающие причины столь охотной выдачи Австрии германской carte blanche на военное выступление против Сербии, даже если оно закончится «большой войной», не приводят всех мотивов и всех причин. Они и не могут этого сделать. И Сегени и Гойос хотя и являлись представителями союзного государства, но им не все можно было сказать. Кое-

[1] OUAP, VIII, № 10215 (курсив везде мой. — *Н. П.*).

что надо было скрыть даже от них; об этих скрытых мотивах, объясняющих согласие Германии на развязывание мировой войны с точки зрения самой Германии как участницы союза, внутри которого происходила борьба империалистических интересов, — об этих мотивах мы можем узнать только из других документов.

Некоторые из этих *специфически германских* мотивов выдачи австрийскому империализму carte blanche вскрывает нам любопытная переписка между германским министром иностранных дел Яговым и германским послом в Лондоне князем Лихновским.

16 июля Лихновский, один из германских дипломатов, стоявших за соглашение с Англией, и находившийся в некоторой оппозиции к общему курсу министерства иностранных дел, повидимому пронюхав кое-что о замыслах правящей германской клики, попробовал предостеречь министерство иностранных дел против неограниченной поддержки Германией австро-венгерской «политики пандура». Лихновский прекрасно понимал, что царская Россия не согласится на задуманную австро-германским блоком перекройку карты Балкан и что вся эта история закончится «большой войной», в которую вступит и Англия и в которой поражение Германии поэтому будет неминуемо. Исходя из этих соображений, Лихновский предостерегал от использования сараевского убийства для развязывания войны, считая данный момент неподходящим, и в сущности предлагал предоставить Австрию своей собственной судьбе, не связывая свое будущее с разлагающимся государственным организмом Двуединой монархии.

«Если императорская и королевская полиция и местные боснийские власти, — писал 16 июля Лихновский Ягову, — позволили наследнику трона проехаться по «аллее бомбометателей», то я не вижу в этом достаточного повода для нас, чтобы выпустить на сцену знаменитого померанского гренадера ради австрийской политики пандура, только ради укрепления австрийской самоуверенности, которая в этих случаях, как показала эра Эренталя, ставит своей главнейшей задачей возможно большее освобождение от берлинской опеки. Но если действительно решающей для нашей политической позиции является та точка зрения, что после нанесения «смертельного удара» великосербскому движению освобожденная от этой заботы счастливая Австрия будет благодарна нам за оказанную помощь, то я не могу не спросить — было ли задавлено национальное движение в Венгрии после разгрома венгерского восстания с помощью императора Николая и многочисленных виселиц после покорения Венгрии[1] у Виллагоша под начальством имперского генерала Гайнау и заложило ли спасение Австрии царем основы сердечности и доверия между обеими империями?»[2].

Перчатку, брошенную Лихновским, поднял сам Ягов, считав-

---

[1] Венгерскую революцию 1848—1849 гг. удалось подавить только благодаря тому, что в ее подавлении принял участие русский царизм. Николай I послал в помощь австрийскому правительству крупные военные силы.

[2] DD, № 62.

ший нужным ответить Лихновскому как вождю некоторой оппозиционной группы и оправдать перед ним главные линии германской политики, а также причины, по которым Германия поддерживала в данном случае Австрию и стремилась развязать мировую войну.

«Ваше мнение относительно нашей политики, — писал 18 июля Ягов Лихновскому, — всегда ценно для меня, и я уверен, что рейхсканцлер того же мнения. И я не колеблюсь признать, что многие из ваших замечаний правильны. Но все же у нас союз с Австрией: hic Rodus, hic salta! Можно спорить о том, получим ли мы свое сполна от союза с этим все более и более распадающимся подобием государства (Staatengebilde). Я скажу об этом вместе с поэтом — кажется Бушем — «Если тебе уже больше не нравится твое общество, поищи другого, где найдешь». И к несчастью мы не в состоянии достигнуть таких отношений с Англией, которые были бы вполне удовлетворительны, мы не могли достигнуть их после всего случившегося, если вообще когда-либо сможем их достигнуть.

Австрия, все более и более теряющая престиж из-за отсутствия силы к действию, вряд ли уже сейчас может считаться полноценной великой державой. Еще больше ослабил ее позицию балканский кризис. Этим регрессированием Австрии как великой державы решительно ослаблена и наша союзная группировка. Австрия уже не хочет больше терпеть сербской подрывной работы, равно как и перманентно-провокационной позиции своего маленького соседа в Белграде — см. язык сербской прессы и господина Пашича. Она отлично понимает, что упустила много возможностей, но что *сейчас она еще в состоянии действовать, спустя же несколько лет — быть может уже нет.* Австрия хочет сейчас объясниться с Сербией и сообщила нам об этом. Во время всего балканского кризиса мы успешно посредничали в интересах мира *(!? — Н. П.),* не вынуждая Австрию к пассивности в критические моменты. Меня не трогает, что часто несмотря на это мы несправедливо обвинялись Австрией в колебаниях и вилянии. Мы и теперь также не навязываем Австрии решения. Но мы не могли бы и не хотели бы остановить ее руку. Если бы мы это сделали, Австрия (и мы сами) могла бы справедливо упрекать нас, что мы лишили ее последней возможности восстановить себя политически. В этом случае процесс ее умирания и внутреннего распада только бы ускорился. Ее позиции на Балканах были бы навсегда потеряны. Вы со мной вполне согласитесь, что абсолютное установление русской гегемонии на Балканах недопустимо косвенно и для нас. Сохранение Австрии, и притом возможно более сильной Австрии, и по внутренним и по внешним мотивам — для нас необходимость. Я охотно соглашусь, что ее нельзя будет сохранить вечно, но тем временем быть может нам удастся найти другие комбинации»[1].

---

[1] DD, № 72.

Далее в своем письме Ягов рисовал своему оппоненту те последствия, которые вытекали из этой германской политики поддержки Австрии во что бы то ни стало, и ту международно-политическую обстановку, которая должна сложиться в ближайшее время в силу этой поддержки.

«Мы должны попытаться локализовать конфликт между Австрией и Сербией, — так рисует линию германской политики в предстоящем кризисе Ягов. — От царской России в первую очередь будет зависеть, насколько это удастся, а затем от умеряющего влияния ее собратьев по Антанте. Чем более решительной покажет себя Австрия, чем энергичнее мы ее поддержим, тем скорее останется спокойной Россия. В Петербурге будет известный шум, но по существу Россия теперь еще не готова к войне. Франция и Англия не захотят сейчас войны. Спустя несколько лет, по всем компетентным предположениям, Россия будет готова к войне. Тогда она задавит нас количеством своих солдат, тогда она построит свой балтийский флот и свои стратегические дороги. Тем временем наша группировка будет становиться все слабее и слабее... Как на самом деле относится к нам Россия, показала прошлая осень. Во время балканского кризиса она не могла найти достаточно слов благодарности за наше умиротворяющее влияние. Но едва прошла острота кризиса, начались враждебные выходки — из-за Лимана и т. д. Если не удастся добиться локализации [конфликта] и Россия набросится на Австрию, тогда настанет casus foederis, тогда мы не сможем пожертвовать Австрией. Мы оказались бы после этого в изоляции, которую вряд ли можно назвать гордой. Я не хочу никакой превентивной войны, но если война вспыхнет, то мы не сможем сбежать в кусты (kneifen). Я надеюсь и думаю еще и сейчас, что конфликт можно будет локализировать. Большое значение при этом будет иметь позиция Англии. Я вполне убежден, что тамошнее общественное мнение не будет приведено в восторг выступлением Австрии, и признаю правильным все его доводы по этому вопросу. Но необходимо сделать все возможное, чтобы оно не слишком было приведено в восторг в пользу Сербии, ибо от симпатии и антипатии до раздувания мирового пожара все же еще очень большой путь. Сэр Грей всегда говорит о равновесии сил, созданном благодаря обеим группировкам держав. Поэтому он должен совершенно ясно представлять себе, что это равновесие сил будет разрушено полностью, если брошенная нами Австрия будет разбита вдребезги Россией, и что равновесие сил будет сильно поколеблено мировым пожаром. Он должен поэтому, если он логичен и честен, помочь нам локализовать конфликт»[1].

Это письмо Ягова Лихновскому крайне интересно как для понимания того, как уясняли себе руководители германской внешней политики международно-политическое положение, так и для оценки тех тенденций, которые господствовали в германской вне-

[1] DD, № 72.

шней политике. Но еще больше оно дает для понимания того, почему германский империализм в 1914 г. форсировал войну, подталкивая Австро-Венгрию. Поэтому следует остановиться на этом письме несколько подробнее.

Мы конечно сразу отбрасываем в сторону всю эту империалистическую фразеологию об «умиротворяющем влиянии» Германии на Балканах во время боснийского кризиса, о посредничестве «в интересах мира» во время балканского кризиса; на самом деле германский империализм своим выступлением «в блестящих латах» и тогда провоцировал войну и не развязал ее только потому, что считал положение допускающим некоторую отсрочку «великого решения». Не менее лицемерны и другие заявления Ягова о том, что Германия не подгоняет сейчас Австрию к энергичному выступлению против Сербии и что он, Ягов, не хочет превентивной войны. Здесь Ягов просто лгал — к 18 июля, когда писалось его письмо, имело место достаточное количество таких «подталкиваний», и вообще главная работа министерства в период между 8 и 20 июля сводилась именно к такому подталкиванию. Эта ложь объясняется тем, что Ягов писал Лихновскому — одному из представителей оппозиционной группировки среди германских дипломатов, не раз высказывавшемуся против союза Германии с Австрией и возражавшему против спускания с цепи в 1914 г. знаменитого померанского гренадера на поддержку австрийской политики пандура. Ягов просто не мог признаться Лихновскому, считавшему в данный момент войну невыгодной, что министерство иностранных дел и правящая верхушка Германии решили развязать войну и всячески подталкивают к ней Австрию.

Гораздо ценнее для нас поэтому не декларативная часть программы германской дипломатии, а ее позитивная часть. В письме к Лихновскому Ягов приводит те же самые мотивы выдачи Австрии carte blanche, какие привели и Гойос и Сегени: в 1914 г. превентивную войну легче выиграть, так как царская Россия еще не закончила своей большой программы вооружений, а Англия может быть сохранит нейтралитет, *хотя возможность вступления Англии в войну с самого начала учитывалась как более вероятный случай.*

Но еще более интересны для нас те сокровенные мотивы, которых не приводили ни Гойос, ни Сегени и о которых им не говорили, но могли сказать Лихновскому для вразумления его самого и других «оппозиционеров». Мы имеем в виду необходимость для германского империализма ориентироваться на Австро-Венгрию, чтобы не остаться в состоянии изоляции в Европе. Признавая, что Австрия уже сейчас не является полноценной великой державой, Ягов подчеркивает Лихновскому необходимость ее использования как военного фактора, пока это представлялось еще возможным, ибо дальше положение могло только ухудшиться. Если в результате войны Австрии удастся задержать процесс разложения и восстановить свои силы при помощи кровавой ванны и новых захва-

тов на Балканах, тем лучше, но не поддержать Австрию сейчас нельзя, иначе Тройственному союзу будет грозить распад, а никакие другие политические комбинации, т. е. замена Австрии каким-нибудь подходящим союзником, для Германии сейчас невозможны. Таким образом для германского империализма в 1914 г. военный союз с Австрией был одним из тех инструментов, при помощи которых предполагалось так изменить соотношение сил, чтобы Германия могла надолго сохранить свою гегемонию в Европе.

Распад Тройственного союза и уход из него Австрии сразу меняли соотношение сил в Европе, ибо одна Германия не смогла бы поддерживать — до создания какой-либо новой комбинации, но уже без Австрии — свои собственные притязания. Изоляция, как это понимал хорошо и Ягов, привела бы к тому, что германскому империализму надолго пришлось бы отказаться от своих колониальных притязаний, от притязаний на «организацию европейского континента» тогда еще не «арийской», как сейчас, но «германской» расой. На такое самоограничение германский империализм итти не хотел, и именно этой причиной и следует объяснить выдачу им carte blanche Австрии и подталкивание ее на войну в 1914 г. Только такая поддержка могла сохранить австро-германский блок как политическую комбинацию, посредством которой можно было удовлетворить притязания германского империализма. И только поэтому германская правящая головка так щедро клялась австрийцам в эти дни в верности.

Объяснения указанных фактов мы должны искать и в том, что Тройственный союз был такой же «кооперацией интересов», как Антанта. Его участники шли рука об руку до тех пор и постольку, пока и поскольку цели каждого из них совпадали, пока существовала некая общность их интересов. Интересы Австро-Венгрии в 1914 г. связаны были прежде всего с Балканами, тогда как французские дела Австрию интересовали весьма мало. Наоборот, Германию в эпоху 1914 г. наиболее интересовали французские и английские дела и значительно меньше Сербия как таковая. Но для того чтобы обеспечить себе помощь Австро-Венгрии и ее решительное выступление в задуманной «большой войне», германский империализм должен был согласиться на такой вариант начала войны, который бы позволял попутно с германскими интересами удовлетворить и австрийские. Если для царской России дорога в Константинополь шла через Берлин и Вену, то для Германии дорога в Париж и Лондон в значительной степени — в условиях Тройственного союза — шла через Белград, ибо, только *идя этой дорогой, она могла рассчитывать, что австро-германский блок выполнит предназначенные ему военно-политические функции.* Что дело обстояло именно так, это германский империализм мог увидеть из позиции Австрии во время боснийского кризиса и особенно во время Агадира, в течение которого Австрия высказывала явное нежелание развязать европейскую войну ради предоставления Германии Марокко (стр. 156—162).

Эти противоречия империалистических интересов внутри Трой-

ственного союза прекрасно сознавались его участниками. Мы уже приводили достаточно показательное в этом отношении письмо Янова Лихновскому. Не меньший интерес в этом отношении имеет депеша австрийского посла в Константинополе Паллавичини от 20 июля, в которой он сообщал Берхтольду о своем разговоре с германским послом в Константинополе Вангенгеймом. Эта беседа подтверждает наличие в Тройственном союзе трещин, грозивших ему расколом. При ее анализе надо иметь в виду, что Вангенгейм прибыл в Берлин 4 июля и вернулся в Константинополь 15 июля. Правда, ему не удалось говорить с Вильгельмом, но в министерстве иностранных дел он безусловно околачивался, с Яговым говорил и о настроениях руководящих работников министерства был информирован из первоисточника. По возвращении в Константинополь он имел несколько весьма откровенных разговоров с Паллавичини, видимо отразивших в себе настроения Берлина.

«Барон Вангенгейм, — сообщал об итогах этих разговоров Паллавичини, — уверил меня, что сейчас в Берлине твердо решили с величайшей верностью следовать за нами в нашей политике на Ближнем Востоке и со всей силой поддержать нас в ней. Не хотят, чтобы Германии возможно было снова сделать упрек в том, что она бросила Австро-Венгрию в тяжелом положении на произвол судьбы. Но абсолютно необходимо, чтобы в нынешнем объяснении с Сербией Австро-Венгрия действовала целеустремленно (zielbewusst) и энергично, поставив на карту все, чтобы добиться ошеломляющего успеха. По мнению германского посла, Сербии необходимо поставить такие условия, чтобы она увидела себя стоящей перед альтернативой либо войны, либо такого унижения, которое бы уничтожило на долгое время великосербскую идею. Если этого не будет и мы будем вынуждены удовлетвориться половинчатым успехом, то он, барон Вангенгейм, увидит в этом поражение, так как пришлось бы считаться с тем, что в кратчайшее время мы снова очутимся по меньшей мере в таком же неприятном положении по отношению к Сербии, как и сейчас. Мой германский коллега пошел так далеко, что позволил себе неоднократно заметить, что *Тройственный союз совершенно потеряет свою ценность, если соотношение сил на нашей юго-восточной границе будет попрежнему развиваться к нашей невыгоде.* Почти вся армия монархии будет связана тогда на этом фланге [в Сербии], и в случае всеобщего мирового пожара Германия должна будет обороняться в одиночку от России и Франции. Тем самым главная цель Тройственного союза не была бы выполнена, и *Германская империя была бы вынуждена при таком развитии событий попросту искать обеспечения своих интересов в каком-либо ином месте.* Барон Вангенгейм позволил себе при этом намек, что Германии после этого не осталось бы ничего другого, как сблизиться с Россией. Я возразил германскому послу, — заканчивает Паллавичини свою беседу, — что нельзя отрицать справедливости этих аргументов, *но что и для нас Тройственный союз*

не имел бы ценности, если бы Германия не была в состоянии защитить нас от России. При этом я указал на то, что *возможность какой-либо иной комбинации никоим образом не исключена и для нас, что барон Вангенгейм должен был признать»* [1].

Как свидетельствует депеша Паллавичини, союзники из австро-германского блока шантажировали друг друга угрозами предательства, понукая друг друга действовать решительно и форсировать войну. Характерным для этого обоюдного шантажа было то, что австрийская буржуазия, хотя более слабая, чем германская, иногда «тянула» за собой последнюю, поддерживавшую, как показал опыт боснийского кризиса, Австро-Венгрию и в 1914 г. даже энергично подталкивавшую ее. Германская «опека» над Австро-Венгрией, о которой упоминал Лихновский в приведенном выше письме к Ягову, конечно определила «несговорчивость» австрийской дипломатии в июльские дни 1914 г. и была главнейшим фактором в провоцировании войны Австро-Венгрией.

Все эти приведенные нами документы в своей совокупности крайне важны для понимания тех причин, по которым Германия в июле 1914 г. выдала своему австрийскому союзнику carte blanche и толкала его на военное выступление. Эти документы рисуют сложный комплекс внутри- и внешнеполитических причин и обстоятельств, учет которых должен был привести германские правящие круги к тому, что в июльские дни 1914 г. они стремились развязать войну и развязали ее. Оценка ситуации, данная Яговым в его письме к Лихновскому, принадлежала конечно не лично Ягову, а германскому министерству иностранных дел в целом и всей правящей германской клике. Это была продуманная политическая программа действий в австро-сербском конфликте, и полное изложение ее мы найдем в отчете баварского поверенного в делах в Берлине Шена баварскому премьер-министру Гертлингу, датированном 18 июля, т. е. днем отправки Яговым ответного письма Лихновскому.

«Здесь совершенно согласны с тем, — сообщал Шен о берлинских настроениях, — чтобы Австрия использовала благоприятный момент даже при опасности дальнейших осложнений. Но господину фон Ягову, равно как и господину Циммерману, все еще кажется сомнительным, действительно ли ухватятся за него в Вене. По выражению помощника статс-секретаря [Циммермана], Австро-Венгрия из-за своей нерешительности и склонности к распаду (Zerfahrenheit) стала теперь, подобно Турции, больным человеком в Европе, раздела которого ждут русские, итальянцы, румыны, сербы и черногорцы. Сильное и успешное выступление против Сербии привело бы к тому, что австрийцы и венгры вновь бы ощутили себя как государственную силу; оно вновь бы оживило падающую экономическую жизнь [!] и на годы затормозило бы иностранные притязания. Благодаря негодованию, охватившему

[1] OUAP, VIII, № 10411 (курсив мой. — *Н. П.*).

сейчас всю монархию в связи с злодеянием, можно быть также вполне уверенным в славянских войсках. Через несколько лет при дальнейшем воздействии славянской пропаганды этого, как признался сам генерал Конрад фон Гетцендорф, уже не будет.

Следовательно здесь считают, что для Австрии дело идет о решительнейшем моменте, и по этой причине здесь без колебания ответили на запрос из Вены, что мы согласны на всякое выступление, на которое она решится, даже при опасности войны с Россией. Carte blanche (Blanco Vollmacht), данная начальнику канцелярии графа Берхтольда графу Гойосу, прибывшему сюда для передачи высочайшего письма и подробного меморандума, идет так далеко, что австро-венгерское правительство уполномочено начать переговоры с Болгарией о приеме ее в Тройственный союз.

В Вене повидимому не ожидали такой безусловной поддержки Германией Дунайской монархии, и у господина Циммермана создалось впечатление, что всегда боязливым и нерешительным венским учреждениям было, возможно, почти неприятно, что со стороны Германии не последовало увещеваний об осторожности и сдержанности. Насколько сильно колеблется Вена в своих решениях, показывает тот факт, что граф Берхтольд три дня спустя после своего запроса здесь о союзе с Болгарией телеграфировал, что он еще медлит заключить с ней соглашение.

Поэтому здесь также предпочитают, чтобы выступление против Сербии не затягивалось очень долго и сербское правительство не имело бы времени предложить под русско-французским давлением какое-либо удовлетворение.

Как отнесутся другие державы к военному конфликту между Австрией и Сербией, это согласно здешней точке зрения будет в большой мере зависеть от того, удовлетворится ли Австрия наказанием Сербии или же потребует для себя также и территориальных компенсаций. В первом случае может быть удалось бы локализовать войну, тогда как во втором не замедлили бы возникнуть более серьезные осложнения.

Для локализации войны имперское правительство немедленно предпримет дипломатическое выступление перед великими державами *сразу же после вручения австрийской ноты в Белграде.* Ссылаясь на путешествие императора в скандинавские государства и отпуск начальника большого генерального штаба и прусского военного министра, оно будет утверждать, что захвачено врасплох выступлением Австрии подобно другим державам (отмечу здесь, что итальянское правительство не посвящено в дело). Оно подчеркнет, что в общих интересах всех монархических государств раз навсегда выкорчевать «гнездо анархистов» в Белграде, и приложит все усилия для усвоения державами той точки зрения, что объяснение между Австрией и Сербией касается только этих государств. Мобилизации германских войск не предвидится, и через наши военные органы будут воздействовать в том смысле, чтобы Австрия не мобилизовала всю армию и в особенности расквартированные в Галиции войска, чтобы

не вызвать автоматически русской контрмобилизации, вынуждающей также нас, а за нами и Францию, на такие же меры и влекущей европейскую войну.

Решающим вопросом для локализации войны в первую очередь явится позиция России. Если Россия не хочет непременно войны с Австрией и Германией, то в таком случае — и тут выгода нынешней ситуации — она может остаться совершенно пассивной и указать сербам, что не более других цивилизованных государств одобряет способы борьбы посредством метания бомб и револьверных выстрелов, особенно если Австрия не поставит под вопрос национальную самостоятельность Сербии.

Господин Циммерман думает, что Англия и Франция, которым война в настоящий момент едва ли была бы желательна, также умиротворяюще повлияют на Россию; кроме того он полагается еще на то, что «блефы» являются одним из излюбленнейших реквизитов русской политики и что русские, охотно угрожая мечом, все же неохотно извлекают его ради других в решительный момент. Англия не будет препятствовать Австрии привлечь Сербию к ответственности, но впрочем едва ли допустит уничтожение страны; храня верность своим традициям, она вероятно скорее выступит и здесь за национальный принцип. Война между Двойственным [франко-русским] и Тройственным союзами мало желательна для Англии в настоящий момент, учитывая события в Ирландии. Если все же дело дойдет до этого, то *согласно здешней точке зрения мы нашли бы английских кузенов на стороне наших противников, так как Англия боится, что Франция в случае поражения сойдет на положение второстепенной державы и этим будет нарушено «равновесие сил», сохранение которого Англия считает необходимым в своих собственных интересах»* [1].

Как свидетельствует этот отчет Шена, германское министерство иностранных дел предусматривало три возможных и последовательно вытекающих одна из другой международно-политических ситуаций:

1. Первая и наиболее благоприятная ситуация — «локализация» конфликта. Она заключалась в том, что ввиду готовности Германии выступить на защиту Австрии царская Россия воздерживается от выступления. Франция и Англия воздействуют на царскую Россию «в духе умеренности», не вмешиваясь сами в австро-сербский конфликт. Таким образом Австрия получает возможность свободно расправиться с Сербией и перекроить карту Балкан в пользу австро-германского союза.

«Локализация» конфликта была наиболее выгодным вариантом решения вопроса для австро-германского блока, так как позволяла последнему захватить преобладающие позиции на Балканах за счет царской России и притом с минимальной затратой сил и средств, не прибегая к европейской войне. Правда, война могла

[1] *Dirr*, S. 6—10 (курсив мой. — *Н. П.*).

дать австро-германскому блоку бо́льшие выгоды (в случае поражения Антанты), чем «локализация конфликта», но она требовала бо́льших усилий, бо́льшей затраты сил и средств и была связана с риском поражения.

2. Вторая, менее благоприятная, ситуация — континентальная война. Она требовала большей затраты средств и усилий, чем «локализация конфликта» между Австрией и Сербией, но зато и давала бо́льшие выгоды, позволяя в случае успеха ограбить побежденных.

Континентальная война рисовалась германскому министерству иностранных дел приблизительно в таком духе: царская Россия вмешивается в конфликт, выступая на защиту Сербии, тогда Германия выступает на защиту Австрии и в войну втягивается Франция. Но война является континентальной, поскольку Англия сохраняет нейтралитет. Как известно, военно-стратегическая ситуация на суше не вызывала сомнений у германского генерального штаба в возможности разгромить до 1917 г. французскую и царскую армии, что косвенно подтверждает и беседа Наумана с Гойосом — Берхтольдом (стр. 322—324). Континентальная война позволяла ограбить побежденных — Францию и царскую Россию — и, окрепнув за счет этого грабежа, подготовиться к решительной схватке с Англией.

3. Третья, наиболее рискованная, ситуация — Англия принимает участие в войне, и континентальная война превращается в мировую. В этом варианте австро-германский блок играл «ва-банк», но зато победа решала вопрос о мировой гегемонии в пользу Германии и обеспечивала передел мира, в частности колоний, сообразно мощи и силе германского империализма.

Как указывает депеша Шена, *правящие круги Германии учитывали и третий вариант войны и готовились к нему под покровом строжайшей тайны,* чтобы преждевременно не встревожить своими военными приготовлениями Англию. Ей хотели заговорить зубы и обеспечить ее нейтралитет, а если бы это и не удалось, то по крайней мере *как можно дольше оттянуть ее вступление в войну, чтобы иметь возможность беспрепятственно расправиться с Францией и царской Россией, максимально сократить сроки войны и уберечь заморскую (колониальную) германскую торговлю от разгрома ее английским флотом.*

В отношении остальных держав программа германского империализма, согласно отчету Шена, заключалась прежде всего в том, чтобы ублаготворить компенсациями Италию, так как отношения последней с Австрией «менее всего дружелюбны» и так как Италия не допустит раздела Сербии или захвата австрийцами черногорской горы Ловчен, командовавшей над австрийской гаванью Каттаро. Такими компенсациями Циммерман считал захват итальянцами Валлоны. По его мнению, Австрия не должна была протестовать против этого захвата, так как Валлона «явилась бы для Италии новой ахиллесовой пятой и так как расстояние между Бриндизи и Валлоной слишком велико, чтобы итальянцам удалось

совершенно запереть Адриатическое море». Берлин оказывал на Вену соответствующее давление, но на худой конец предполагались и иные компенсации Италии.

«Советник посольства в Вене принц Штольберг, — доносил в своем отчете Шен, — бывший несколько дней назад здесь, уполномочен обсудить с графом Берхтольдом вопрос о компенсации Италии и при этом в неофициальной форме заметить, что расположение Италии можно было бы завоевать на долгое время, если бы Австрия в случае более крупного территориального расширения согласилась на уступку Италии южного Трентино, т. е. той части архиепископства Триента, которая никогда не принадлежала к старой Германской империи»[1].

Не менее широка была и чисто балканская программа, представлявшая собой перекройку карты Балкан и являвшаяся конкретным осуществлением в действительности тех установок, какие были высказаны в меморандуме Тиссы — Берхтольда. Согласно наметкам австрийского империализма Болгария в случае австро-сербской войны могла напасть на Сербию и возвратить себе Македонию. Но так как нападение Болгарии могло вызвать вооруженное вмешательство Румынии под давлением царской России и помощь Румынии сербам, то из Берлина «дали недвусмысленно понять королю Карлу, поведением которого в последнее время мало довольны, что Германия будет стоять на стороне Болгарии. Учитывая ответ короля, здесь в Берлине думают, что Румыния не тронется при обещании компенсации. В качестве последней выдвигается округ у Видина, населенный главным образом румынами. Этим Румыния тогда была бы автоматически отвоевана для Тройственного союза, который в этом случае показал бы себя более полезным и сильным, чем Двойственный союз [Антанта]»[2].

Греции предполагалось дать компенсацию в Эпире за уступку Болгарии Кавалы, а Черногории — в северной Албании за уступку горы Ловчен, «на которую вполне могла бы предъявить претензии Австрия в связи с так далеко идущим изменением балканской карты»[3].

Отчет Шена вскрывает основные пружины германской политики в июльские дни 1914 г. Он говорит нам о том, что правящие круги германского империализма и в частности руководители министерства иностранных дел отлично представляли себе, какие последствия может иметь задуманная ими авантюра. Он говорит нам также и о том, что германский империализм, решаясь развязать мировую войну, имел широко разработанную политическую программу. Именно наличием обдуманного стремления развязать войну и добиваться «великого решения» и объясняется как разработка этой политической программы, целью которой было улучшить позиции австро-германского блока в случае вой-

---

[1] *Dirr*, S. 11.
[2] Ibid., S. 13—16.
[3] Ibidem.

ны, так и выдача Австрии carte blanche и постоянные понукания союзника к решительности и активности. «Локализация» конфликта между Австрией и Сербией целиком перекраивала карту Балкан в пользу австро-германского союза и надолго устраняла из военно-политической игры «сербский фактор», разрушая работу Франции и царской России по созданию нового Балканского союза, направленного против Австрии — Германии. Превентивная же война при выступлении Антанты на поддержку Сербии позволяла весьма легко разгромить Францию и царскую Россию, а с большим трудом и риском — даже Англию, жестоко ограбив побежденных в свою пользу.

В свете всех этих обстоятельств мы и должны оценивать ту мышиную возню, которую подняли после войны германские историки, пытаясь доказать, что германский империализм был «вовлечен» в войну, что он не выдавал Австрии никакой carte blanche, и если вступил в войну, то только ради защиты своего союзника, призывавшего выполнить обязательства союза. При такой постановке вопроса Германия выступает в роли невинно пострадавшей за свою стойкость и «нибелунгову верность», за свое желание помочь союзнику в беде, так как германское правительство якобы не учитывало всех последствий, давая Австрии разрешение на выступление.

Барон Тухер, баварский посланник в Вене в июле 1914 г., давая 5 января 1920 г. показания следственной комиссии Национального собрания в Веймаре, так оценивает германскую carte blanche (уполномочие):

«Эта обычная доверенность адвокату, сейчас кажущаяся нам таким роковым документом, в то время казалась нам, бывшим в Вене при развитии событий после убийства, не только совершенно понятной, но и совершенно естественной, фактическим минимумом, который Германия могла выполнить. Нашим главным впечатлением было, что Австро-Венгрии, балканскую политику которой я не одобряю, жизненно угрожала великосербская пропаганда и что Германия не могла оставить в тупике союзника, давшего ей такие доказательства верности (Алжезирасс, Гаага, Ишль). Ее решительное воздержание от вмешательства показывало известное нежелание влиять на соображения и выводы австро-венгерского правительства — нежелание, вызванное крайней восприимчивостью австрийских и венгерских деятелей, а равно и общественного мнения Австро-Венгрии. Теперь конечно мы видим вещи в другом свете»[1].

Так же рассуждают сейчас и германские буржуазные историки, доказывающие, что германское правительство в июле 1914 г. не знало и не понимало, что оно делает, давая carte blanche Австрии. Но это конечно вздор! Программа, изложенная в письме Ягова Лихновскому, в отчете Шена и других, приведенных выше документах, показывает, что германский империализм выдал carte

[1] „Official Documents", v. I, p. 56—57.

blanche вполне сознательно и обдуманно, учитывая ее последствия и рассчитывая на них. И все дипломатические мероприятия германского правительства в дни июльского кризиса 1914 г. представляют конкретную реализацию этой программы действий.

После выдачи Германией carte blanche всю работу германского правительства приблизительно с 6 до 23 июля, т. е. до вручения сербам австрийского ультиматума, следует рассматривать с двух точек зрения:

1. С точки зрения той военной подготовки, какая производилась германским империализмом в течение указанного периода,

2. С точки зрения тех отношений, которые сложились между Германией и Австрией после выдачи Австрии carte blanche на военное выступление, т. е. та дипломатическая работа как в пределах Тройственного союза, так и вне его, которая велась германским правительством, для того чтобы облегчить намеченное военное выступление Австрии.

Рассмотрим обе эти области работы германского правительства.

Логическим выводом из carte blanche, данной Австрии, явилась непосредственная подготовка самой Германии к войне, начатая 6 июля, т. е. после переговоров Сегени с Бетман-Гольвегом. Она прежде всего выразилась в том, что вечером 6 и утром 7 июля Вильгельм вызвал в Потсдам представителей военного и морского ведомств, военного министра Фалькенгайна, заместителя Тирпица адмирала Капелле, старшего офицера генерального штаба генерала Бертраба и представителя морского генерального штаба капитана Ценкера — для выяснения вопроса о готовности германской армии и флота к войне.

Отчеты этих лиц в 1919 г., когда «великое решение» окончилось не в пользу Германии и приходилось платить за битые горшки, несмотря на неизбежные в подобных случаях умолчания и стремление представить все в невинном свете, все же достаточно красочно свидетельствуют о том, зачем именно их вызвали в Потсдам и как ставился вопрос о позиции Германии в будущем конфликте. Эти отчеты в основном почти совпадают друг с другом, расходясь лишь в деталях.

Так, на запрос германского министерства иностранных дел в 1919 г. о совещаниях в Потсдаме капитан Ценкер сообщил:

«Мне было приказано явиться 5 июля в Вильдпарк, чтобы выслушать приказания императора... Его величество император сообщил мне для передачи моим высшим начальникам, что в полдень 5 июля австро-венгерский поверенный в делах запросил его, выполнит ли Германия свои обязанности союзника в случае австро-венгерского конфликта с Сербией и тех осложнений, какие могут последовать из-за этого с Россией. Его величество обещал это, но не верил в заступничество России за Сербию, запятнавшую себя убийством. Едва ли также позволит себе дойти до войны и Франция, так как у нее нехватает тяжелой артиллерии для полевой армии. Но если война с Россией — Францией даже невероятна, то военные меры должны предусматривать ее воз-

можность. Тем не менее флот открытого моря должен отправиться в свое плавание в Норвегию, назначенное на середину июля, и он сам согласно плану начнет свою поездку в Норвегию. На мой вопрос, должен ли возвратиться находящийся в отпуску начальник морского штаба, его величество ответил отрицательно»[1].

Почти то же самое рассказывает и адмирал Капелле, принятый Вильгельмом утром 6 июля.

«По его мнению, — так излагает Капелле слова Вильгельма, — царь... не выступит на стороне цареубийц.

Кроме того Россия и Франция не готовы к войне, об Англии император не упоминал. Он предпримет поездку на север. Тем не менее он [Вильгельм] хотел сообщить мне о напряженном положении, чтобы я мог учитывать дальнейшее»[2].

Почти идентично, хотя несколько более глухо и общими местами, излагает свою беседу с Вильгельмом и генерал Бертраб[3].

«Его величество прочел мне, — показывал Фалькенгайн комиссии Национального собрания, — отрывки хорошо известного письма Франца-Иосифа, а равно и отрывки не менее хорошо известного меморандума австро-венгерского правительства, указал, какие крайне серьезные последствия могут возникнуть из явственно твердой решимости Австро-Венгрии положить конец великосербской пропаганде, и в заключение задал мне вопрос, готова ли ко всем возможностям армия. На основе своего убеждения я ответил кратко и безусловно, что она готова, и со своей стороны спросил, необходимы ли какие-либо иные приготовления.

Его величество точно так же кратко ответил «нет» и отпустил меня. Помимо приветствия и прощания в этом разговоре не было произнесено ни одного лишнего слова. *По моему приказу до вручения ультиматума Сербии не происходило никаких военных приготовлений или переброcок*»[4].

5 июля 1914 г. Фалькенгайн изложил содержание своего разговора с Вильгельмом в письме начальнику германского генерального штаба Мольтке. В этом письме он сообщал, что из чтения отрывков письма Франца-Иосифа и меморандума у него, Фалькенгайна, «не создалось убедительного впечатления, что венское правительство пришло к твердому решению[5]. Оба документа рисовали очень мрачную картину общего положения Двуединой монархии в результате панславистских интриг. Оба поэтому считали необходимым что-либо предпринять, для того чтобы положить им конец. Но ни один не говорил о возможности какого-либо военного конфликта, повидимому скорее указывалось на что-то вроде энергичных политических шагов, как например заключение договора с Болгарией, для чего хотели быть уверенными

[1] DD, S. XXI.
[2] DD, S. XIX.
[3] DD, S. XIX—XX.
[4] „Official Documents", v. I, p. 64 (курсив мой. — *Н. П.*).
[5] Это понятно, так как в Вене еще сомневались тогда, что Германия окажет необходимую поддержку.

в поддержке Германии. Эта поддержка им была обещана с заявлением, что это прежде всего и единственно дело самой Австрии принять необходимые меры для защиты своих собственных интересов. Рейхсканцлер, также выезжавший в Потсдам, верит не больше меня тому, что всегда болтливое австрийское правительство приняло серьезное решение, хотя оно настроено и более энергично, чем раньше. По крайней мере он не только не возражал, но даже посоветовал выехать в путешествие на север. До подписания договора с Болгарией пройдет еще много времени. Пребывание вашего превосходительства на водах едва ли будет как-либо сокращено. Тем не менее я счел нужным осведомить вас о напряженности положения, хотя и не получил об этом инструкции, для того чтобы внезапные события, которые в конце концов всегда возможны, не застали вас совершенно врасплох»[1].

О чем говорят эти документы? Они отчетливо показывают, что правящие германские круги учитывали возможность европейской войны в итоге австро-сербского конфликта и готовились к ней. Как бы ни хотели руководители германской военщины, дававшие приведенные выше показания, представить в невинном свете потсдамские совещания и инструкции Вильгельма, все-таки несомненно, что разговор шел о войне. Военщина в Германии не блистала политическими способностями и невольно проболталась, даже давая показания, имевшие целью обелить германский империализм после проигрыша им войны. Исключением являются только показания генерала Фалькенгайна, одного из крупных германских стратегов, счастливо отличавшегося от своих коллег способностью политически мыслить. Вот почему его письмо писано языком Грея, т. е. очень глухо и общими словами, которые допускают совершенно разное истолкование.

Что касается военной подготовки армии к предстоящим событиям, то потсдамскими инструктированиями «генералов» Вильгельмом она и ограничилась. Нужных «генералов» созвали, предупредили, предложили быть начеку и держать ухо востро, ожидая развития событий. Что-либо иное было излишне, так как в смысле подготовки к войне на суше «генералам» было делать нечего. Германская армия еще с 1876 г. была в любой момент готова для войны с Францией, а с 1900 г. — для войны с Францией и царской Россией одновременно. Маленький же экспедиционный корпус английской армии, участие которого в военных операциях предусматривалось после 1906 г., не представлял никаких затруднений для хорошо организованной и блестяще подготовленной германской армии. В любой момент в кратчайший срок германские войска могли быть двинуты в бой и притом значительно раньше своих противников. Вот почему попытки германских историков доказать миролюбие Германии в дни июльского кризиса и ее нежелание войны тем, что в период, предшествовавший германской мобилизации, не было принято никаких военных мер, могут об-

[1] *Mongelas*, Leitfaden zur Kriegsschuldfrage, 1923, S. 196; DD, S. XII.

мануть только тех, кто недостаточно хорошо знал структуру и организацию германской армии. Германская армия была всегда готова.

Это подтверждают и сами «генералы», объясняя, почему в период с 6 по 27 июля не было сделано никаких открытых военных приготовлений к предстоящей войне.

«*Мне как замещавшему генерала Мольтке во всех касающихся войны вопросах*, — свидетельствует помощник начальника генерального штаба генерал Вальдерзее, — в результате аудиенции генерала Бертраба *нечего было делать. План мобилизации был закончен 31 марта 1914 г. Как всегда, армия была готова*»[1].

Но если на суше делать было нечего, то для морской войны потребовались некоторые подготовительные меры, правда, не слишком алармистского характера, чтобы не встревожить преждевременно будущих противников[2].

Прежде всего встал вопрос — отправлять ли в связи с выдачей Австрии carte blanche и значит возможностью близкой войны в северное плавание к берегам Норвегии флот Открытого моря. Морское ведомство протестовало против этой отправки, опасаясь, что она увеличит возможность непосредственного вмешательства Англии «ввиду неблагоприятного по сравнению с английским флотом стратегического положения, в котором оказывался германский флот, находясь у берегов Норвегии». Попросту говоря, боялись, что Англия использует пребывание германского флота в плавании для внезапного нападения на него без объявления войны по известному рецепту адмирала Фишера. Но рейхсканцлер настоял на отправке флота в плавание, отлично понимая, что отмена плавания может быть истолкована противниками в том смысле, что Германия, учитывая серьезность положения, что-то со своей стороны готовит. Поэтому морской штаб успокоили заявлением министерства иностранных дел, что при всех обстоятельствах политические события будут развиваться такими темпами, что флот Открытого моря успеет своевременно возвратиться из плавания — по меньшей мере за 6 дней до возможного начала войны с Англией. Исходя из этих соображений, флот вышел в плавание 15 июля и вошел в норвежские порты 24 июля.

Но все же подготовка к войне у себя дома, где ее можно было скрыть и замаскировать от противника, потихоньку производилась. Так, была организована проверка мобилизационных мероприятий и устранены выявленные ею мелкие недостатки и погрешности в работе мобилизационного аппарата, ускорено окончание работ по ремонту судов, ускорена достройка строящихся крупных кораблей, миноносцев и подводных лодок, снаряжены для военной

---

[1] DD, S. XX (курсив мой. — *Н. П.*).

[2] Приводимые ниже данные о подготовке к войне на море взяты из показаний заместителя начальника морского генерального штаба адмирала Бенке особой комиссии Национального собрания—см. „Official Documents", v. I, p. 66—68.

службы устарелые корабли, вычеркнутые из списков флота за окончанием срока действительной службы. Ускорено окончание работ по углублению Кильского канала, и произведен пробный пропуск линкора по каналу; увеличены до предусмотренных на случай войны размеров запасы горючего; приняты меры к снаряжению и вооружению вспомогательных судов из подходящих для этой цели пароходов коммерческого флота; наконец, приведена в порядок морская авиация.

Особые меры были приняты по отношению к тем военным судам, которые находились в негерманских водах. В связи с возможностью военного конфликта была изменена их дислокация с целью поставить их в наилучшее стратегическое положение к началу войны. Информацию о происходящих событиях и особые инструкции получили командиры тех судов в иностранных водах, чье особое положение или местонахождение делало это необходимым. Так, крейсера «Шарнгорст» и «Гнейзенау», входившие в состав германской дальневосточной крейсерской эскадры под начальством адмирала фон Шпее и находившиеся на пути в Самоа, 6 июля получили приказ остаться в Труке или Понапе, где была обеспечена надежная постоянная связь этих судов с германским морским ведомством. На несколько дней до срока, предусмотренного расписанием плавания, была ускорена отправка крейсера-дредноута «Гебен» в Полу для необходимого ремонта его котлов. Туда же с этой целью в середине июля были посланы из Германии рабочие германских верфей[1]. Соответствующее уведомление получила и канонерская лодка «Эбер», стоявшая на якоре в Кептоуне в ожидании ввода в док и чистки своих котлов. Ей было предписано произвести ремонтные работы, приурочив их к политической ситуации. Крейсер «Дрезден» получил специальные приказания 22 июля, остальные суда за границей — 26 июля. Начальник морского генерального штаба вернулся из отпуска утром 25 июля.

Заместитель начальника морского генерального штаба в 1914 г. адмирал Бенке, давая свои показания особой комиссии Национального собрания, указывал, что «морской штаб в период времени до 23 июля не приказывал и не производил военных передвижений, а осуществленные приказы или приготовления вполне находились в границах обычных мер самозащиты и в рамках нормальных мирных издержек»[2]. С этим трудно согласиться, так как приведенные выше факты передвижений судов доказывают, что германские правящие круги, учитывая возможность европейской войны, производили необходимые приготовления к войне на море. То обстоятельство, что они не имели открытого широкого характера и делались

---

[1] Адмирал Шпее получил 9 июля телеграмму из морского штаба о том, что между Австрией и Сербией „возможна" война и не исключено, что в нее будет вовлечен Тройственный союз — „Der Krieg zur See", Kreizerkrieg, B, I, S. 62. Приказ итти на ремонт в Полу вместо возвращения в Германию был получен „Гебеном" 9 июля.

[2] „Official Documents", v. I, p. 66—68.

под сурдинку, говорит лишь о том, что германские империалисты хотели неожиданным выступлением застать противников врасплох.

Сохранение в строжайшей, абсолютной тайне предпринимаемой авантюры и в связи с этим тщательная маскировка всего того, что могло бы выдать германские планы, являлись в период до 23 июля предметом величайшей заботы германских организаторов войны. Так, с целью маскировки своих планов Вильгельм рано утром 6 июля уехал в Киль, чтобы вечером того же дня уйти оттуда в плавание на север, а Бетман-Гольвег 7 июля уехал в свое имение Гогенфинов. Он вернулся из Гогенфинова только 25 июля, а Вильгельм в Потсдам только 27 июля. Отъезд императора и канцлера в отпуск на летний отдых отнюдь не имел случайного характера, что подтверждает и депеша Шена. Наоборот, он состоялся только потому, что отмена поездки могла вызвать подозрения в странах Антанты, что Германия готовит какое-то выступление, выходящее из рамок обыденной дипломатической борьбы. С другой стороны, отъезд успокаивал Англию, весь флот которой «по счастливой случайности» как раз во второй половине июля был в полной боевой готовности сконцентрирован в Портсмуте. Пытаясь добиться нейтралитета Англии или по крайней мере задержать ее вступление в войну, чтобы успеть разгромить Францию и царскую Россию, германские организаторы войны должны были не щадить сил для успокоения Лондона. Именно по этим причинам Вильгельм и Бетман-Гольвег, несмотря на данную Австрии carte blanche и предстоящую войну, решили выехать в отпуск и умышленно «отойти в сторону» от развертывающихся событий до тех пор, пока их присутствие в Берлине не станет неотложной необходимостью.

В этой ситуации на ряду с указанными плюсами были однако и минусы. «Издержками производства» в частности явился тот факт, что Вильгельму переотправлялись далеко не все (многие в укороченном виде) и получались им со значительным опозданием телеграммы германских дипломатических представителей за границей. Если судить по опубликованным документам, Вильгельм получал информацию о развитии политической ситуации с большим запозданием[1].

Насколько плохо получали информацию Вильгельм и канцлер, видно из того, что Вильгельм узнал текст австрийского ультиматума не через германское министерство иностранных дел, но из телеграфного сообщения агентства Вольфа, перехваченного по радио 24 июля[2]. Рейхсканцлер, судя по количеству отправленных ему министерством иностранных дел телеграмм, был осведомлен немногим больше[3].

Но эта плохая информация руководителей германской политики не играла существенной роли в развертывании событий, так как

---

[1] DD, № 18, 19, 23, 24, 28, 29, 40, 41, 49, 53, 65, 81, 82, 98 и др.
[2] DD, № 231.
[3] DD, № 23, 25, 26, 34, 50, 81 и др.

принципиальные решения были уже приняты и дальнейшие события развивались под углом выполнения этих решений, принятых в Потсдаме 5—6 июля. Поэтому присутствие Вильгельма и Бетман-Гольвега в Берлине не являлось необходимым в первоначальной стадии развязывания войны. Циммерман и вернувшийся поздно вечером 6 июля из отпуска Ягов вполне успешно справлялись с задачей политической подготовки войны, не нуждаясь в поминутном обращении за указаниями к правящей верхушке. Они получили в свое время распоряжения и до 23 июля посильно выполняли их, стараясь реализовать ту программу, которую мы знаем из отчета Шена.

Прежде всего был произведен нажим в Бухаресте, давший, как указывается в отчете Шена, удовлетворительные результаты[1]. Была произведена разведка в Софии, не доведенная впрочем до конца ввиду отказа Берхтольда приступить к заключению договора с Болгарией[2]. Турцию, считавшуюся небоеспособной, держали на учете до выяснения ситуации[3]. Были предприняты попытки воздействовать на прессу в Лондоне[4], Риме[5], Бухаресте[6], при чем не стеснялись в суммах для подкупа газет и журналистов. Особое внимание было обращено на выяснение позиции Англии, и за каждым изменением ее политического пульса следили с тревогой[7]. Важнейшую информацию передавали в Вену для сведения венского кабинета[8]. В этом отношении Вене оказали большую услугу, выяснив, что отъезд Пуанкаре из Кронштадта состоится 23 июля не в 10 час., а в 11 час. пополудни или 9 ч. 30 м. пополудни по центральноевропейскому времени. В результате этого сообщения Берхтольд в последнюю минуту предписал Гизлю перенести вручение ультиматума сербскому правительству с 5 час. на 6 час. пополудни 23 июля[9].

Были предприняты кое-какие меры и внутри страны. Бетман-Гольвег обратился к наместнику Эльзас-Лотарингии графу Редерну с просьбой сдержать тон местных германских газет по отношению к Франции, чтобы в период кризиса не вызвать озлобления и встречной полемики французской печати[10]. По инициативе Вильгельма было сделано предупреждение о предстоящем периоде напряженности и кризиса директорам двух главных пароходных трестов «Гапаг» и «Северогерманский Ллойд»[11]. Больше «дома» пока было делать нечего.

---

[1] DD, № 16, 21, 35, 39, 41, 63, 66 и др.
[2] DD, № 17, 22; OUAP, VIII, № 10171.
[3] DD, № 45, 71, 81, 98, 99, 102, 117.
[4] DD, № 36, 43, 48, 52, 55, 76.
[5] DD, № 44, 47, 54, 59, 97.
[6] DD, № 44.
[7] DD, № 20, 30, 43, 56, 72, 92, 118, 121.
[8] DD, № 35, 37.
[9] DD, № 93, 96, 108, 112, 127.
[10] DD, № 58.
[11] DD, № 80, 90.

Гораздо менее удачно складывались дипломатические отношения с Веной, шедшие в этот период по трем направлениям и отразившие в себе противоречия между целями обоих участников союза в предполагаемом выступлении.

1. Переговоры об осведомлении Веной третьего участника союза, Италии, о предпринимаемом «серьезном решении» и предоставлении компенсации за будущие территориальные приобретения Австрии на Балканах: германские организаторы войны делили шкуру еще не убитого зверя, подобно тому как сейчас германские фашисты готовы наградить за счет СССР любое империалистическое государство, лишь бы только оно согласилось стать их союзником для нападения на Советскую страну.

2. Переговоры об ускорении Веной предполагаемого выступления против Сербии: германское правительство больше всего боялось того, что оттяжка выступления позволит Антанте соответственно подготовиться; при внезапном выступлении, захватившем Антанту врасплох, последняя не успела бы как следует сговориться. Если бы в этом случае конфликт перерос в войну, то военный механизм Антанты должен был работать несогласованно, и развязывание войны могло бы произойти в более выгодных для германского блока условиях.

3. Наконец, переговоры об осведомлении Берлина о содержании и тексте вырабатываемого Веной ультиматума: они развивались все интенсивнее по мере приближения срока его вручения.

Инициатором этих переговоров по всем трем линиям выступал германский империализм. Но, несмотря на инициативу и настойчивость, проявленную им в процессе их ведения, он потерпел неудачу по всем трем пунктам. Ему не удалось заставить Вену ни осведомить об австрийских планах Италию и тем более добиться соглашения Австрии с ней, ни ускорить срок австрийского выступления, ни получать все время достаточно полную и правдивую информацию об официальном тексте ультиматума.

Переговоры об осведомлении и компенсации Италии начались еще во время известного приезда Гойоса в Берлин с письмом Франца-Иосифа и меморандумом Тиссы — Берхтольда. Гойос, излагая мнение Берхтольда о том, что итальянцы «продадут и предадут», сумел убедить даже Циммермана, замещавшего тогда уехавшего в отпуск Ягова, в ненужности осведомления Италии. Однако по возвращении из отпуска Ягов, узнав об этом согласии, данном Циммерманом, дезавуировал его, так как в Германии еще были убеждены, что Тройственный союз сохраняет свою силу и что Италию лучше купить, обеспечив этим ее молчание, нежели игнорировать вовсе.

Так как прямые намеки Ягова о необходимости договориться с Италией встречали в Вене полное молчание, то Ягов поручил советнику германского посольства в Вене Штольбергу деликатную миссию: позондировать Берхтольда насчет соглашения с Италией и намекнуть ему, что территориальные приобретения на Балканах будут настолько велики, что итальянцам можно будет

пообещать даже уступку южного Трентино. Эта настойчивость Берлина усиливалась тревожными сведениями из Рима о том, что итальянское правительство, узнавшее о предполагаемом выступлении, весьма обеспокоено позицией Австрии по отношению к Сербии и не потерпит территориальных приобретений Австрии за счет Сербии или хотя бы разгрома последней, опасаясь слишком большого усиления Австрии на Балканах.

Но в вопросах осведомления и компенсации Италии Вена оказалась твердой, как кремень. Штольберг, говоривший с Берхтольдом 17 июля, не мог добиться от последнего ничего существенного. На все доводы Штольберга Берхтольд ответил, что «до сих пор он не проронил ни одного слова» в Риме относительно ноты, которая будет вручена в Белграде, и намерен поставить итальянское правительство перед совершившимся фактом, так как оно кажется ему недостаточно надежным в отношении сохранения тайны и так как ввиду своей сербофильской позиции оно вполне может осведомить кое о чем Белград. Даже в Берлине согласились, что Гойос, с которым обсуждалось это дело, прав в этом отношении[1].

Гойос, привлеченный в качестве свидетеля, подтвердил, что Циммерман согласился с его доводами, точнее, доводами Берхтольда, о необходимости оставить Италию в неведении о выступлении, но по второму вопросу — о компенсации Италии — признал, что Италии нужно что-нибудь дать. Однако Берхтольд, по словам Штольберга, не хотел брать на себя инициативу переговоров по этому вопросу и даже упомянуть о какой-либо компенсации. Штольберг имел разговор с Гойосом после приема у Берхтольда. Выслушав снова намеки Штольберга о необходимости компенсировать Италию, Гойос предложил «по своей собственной инициативе обещать итальянцам Трентино и спросил, не это ли берлинский кабинет имел в виду?» На утвердительный ответ Штольберга он предложил дать итальянцам в качестве компенсации группу турецких островов в Эгейском море под названием Додеканез, захваченную Италией во время войны с Турцией и не возвращенную после мира в Уши[2]. Этот ответ граничил почти с издевательством, что поняли и в Берлине[3].

Таким образом Берхтольд отказался выполнить указания Берлина как в вопросе об осведомлении Италии, так и в вопросе об ее компенсации. К моменту вручения ультиматума Ягову не удалось воздействовать в этом направлении на Берхтольда.

Столь же неудачными оказались переговоры с Веной и по второму вопросу — об ускорении австрийского выступления. Уже 8 июля Сегени сообщал в Вену:

«В министерстве иностранных дел [Германии] ждут с нетерпе-

---

[1] DD, № 87. То же самое подтвердили 20 июля Берхтольд и Чиршки — OUAP, VIII, № 10398; ORB, 1919, I, № 35.
[2] DD, № 87.
[3] DD, № 89.

нием наших решений, так как считают, что сейчас удачный момент — весьма благоприятный момент, который не так легко может повториться, — для энергичного выступления против Сербии»[1].

В таком же духе высказался и Ягов в разговоре с Сегени (9 июля), когда последний пришел к нему с поручением от Берхтольда выразить «горячую благодарность» за верность союзу.

«Ягов также весьма решительно уверил меня, — сообщал в Вену Сегени, — что, по его мнению, проектируемое против Сербии выступление должно быть предпринято без промедления»[2].

12 июля Сегени сообщал, что «нас даже весьма энергично подбодряют не упустить нынешний момент, а самым энергичным образом выступить против Сербии»[3].

О таких же понуканиях Вены к выступлению свидетельствуют и раздраженные надписи Вильгельма на телеграмме Чиршки от 10 июля. Чиршки сообщал, что в правящих кругах Вены еще нет единогласия по вопросу о необходимости выступления и что в частности Тисса не согласен на войну. В последнем Чиршки, как мы знаем, ошибался: до 14 июля Тисса не соглашался на *немедленное* выступление против Сербии, считая момент неблагоприятным (стр. 343—346).

Пометка Вильгельма на этом сообщении Чиршки более чем ворчлива: «У них было достаточно времени для этого»[4], т. е. для соглашения с Тиссой.

Но по существу Вена не была виновата в оттяжке выступления. Мы знаем, что Берхтольду только к 14 июля удалось окончательно уломать Тиссу, но к этому времени возникло новое препятствие в виде поездки Пуанкаре в Петербург. 15 июля в германском министерстве иностранных дел были получены два отчета Чиршки, в которых сообщалось, что австрийские правящие круги решили отправить ноту Сербии лишь после отъезда Пуанкаре из Петербурга. Хотя причины такой оттяжки были, как мы знаем (стр. 351—352), достаточно вески, но оттяжка вызвала следующие пометки Вильгельма на полях депеш, весьма характерные также и для германского министерства иностранных дел: «Очень плохо», «Какая жалость»[5]. Правда, эти пометки стали известны в министерстве иностранных дел только 20—23 июля (Вильгельм находился в плавании, и на переотправку ему депеш и получение их обратно требовалось несколько дней), но Ягов со своей стороны предварил эти пометки, успев 16 июля выразить Сегени свое «сожаление» по поводу новой оттяжки[6].

Не меньшее разочарование принесли Берлину и попытки узнать официальный текст ультиматума до его вручения. Переговоры по этому вопросу шли весьма долго и напряженно, при чем

---

[1] OUAP, VIII, № 10127.
[2] OUAP, VIII, № 10154.
[3] OUAP, VIII, № 10215, ср. DD, № 34a.
[4] DD, № 29.
[5] DD, № 49, 50.
[6] OUAP, VIII, № 10296.

в различные периоды инициатива их исходила то от Берлина, то от Вены.

До 14 июля, т. е. до того дня, когда наконец удалось уломать Тиссу, инициатором переговоров выступала Вена, и берлинский кабинет имел из Вены достаточно полную и точную информацию обо всем, что там происходит. Так, 8 июля, поручая Сегени выразить германскому правительству самую «горячую благодарность» за верность союзу, Берхтольд писал:

«Как только будут приняты окончательные решения (срок зависит также еще от окончания следствия в Сараево), я немедленно доведу их до сведения императорского [т. е. германского] правительства»[1].

Это обещание держать Берлин в курсе подготовки ультиматума Берхтольд выполнял до 14 июля, т. е. в течение того времени, когда понукания Берлина нужны были ему как серьезнейший аргумент для воздействия на Тиссу и его единомышленников.

7 июля, как мы указывали, перед заседанием совета министров Берхтольд пригласил Чиршки присутствовать на частном предварительном совещании министров, которое устраивалось до официального заседания для обработки Тиссы[2].

8 июля он сообщил Чиршки о результатах заседания совета министров, о неудаче своих попыток убедить Тиссу, а также о том, что Францу-Иосифу будут предложены два метода действий — метод Тиссы и метод Берхтольда (стр. 342). Одновременно он сообщил Чиршки и мнение Конрада фон Гётцендорфа о том, что мобилизация не может быть закончена ранее 16 дней[3].

10 июля Берхтольд сообщил Чиршки о результатах аудиенции у Франца-Иосифа и о том, что последний высказался за совершение всего торжественного дипломатического ритуала по отношению к Сербии. В этом же разговоре впервые был поставлен вопрос и об официальном тексте ультиматума.

«Формулировка соответствующих требований является главным источником забот в Вене, — доносил Чиршки о результатах этого разговора с Берхтольдом, — и граф Берхтольд выразил желание знать, что думают об этом в Берлине. Он полагает, что в числе прочего можно было бы потребовать создания агентства австро-венгерского правительства в Белграде, для того чтобы следить там за великосербскими махинациями, быть может, также настаивать на роспуске организаций и увольнении некоторых скомпрометированных чиновников. Срок, предоставленный для ответа, будет как можно более кратким, хотя бы 48 часов... *Если сербы примут все предъявленные им требования, это оказалось бы для него* [Берхтольда] *очень неприятным решением, и он все думает о том, какие требования можно было бы предъявить, что-*

---

[1] OUAP, VIII, № 10126, 10154; DD, № 23.
[2] DD, № 18.
[3] DD, № 19.

бы для сербов оказалось совершенно невозможным их принять»[1].

В дальнейшем разговоре с Чиршки Берхтольд, пожаловавшись снова, что Тисса затрудняет энергичное выступление против Сербии, требуя действовать «по-джентльменски», благодарил берлинское правительство за совет натравить на Сербию английское общественное мнение и в заключение сообщал об отъезде в отпуск военного министра и начальника генерального штаба, предусмотренном, как мы знаем, для того, чтобы создать впечатление у стран Антанты, что Австрия не подготовляет никакого выступления[2].

11 июля, когда Чиршки снова пришел к Берхтольду с очередным понуканием Берлина к скорейшему выступлению («чтобы еще раз выразительно сообщить, что необходимо скорое выступление»), последний сообщил ему о вызове Тиссы на 14 июля в Вену для переговоров об окончательной редакции ультиматума и о посылке «доверенного человека» — Визнера — в Сараево для ознакомления с результатами следствия.

«Главнейшие требования, — доносил об этом разговоре с Берхтольдом Чиршки, — будут заключаться в том, чтобы сербский король официально и публично в торжественной декларации и приказе по армии оповестил, что Сербия отрекается от политики в великосербском духе; также будет потребовано создание органа австро-венгерского правительства, который должен будет следить за строгим соблюдением этого заверения. Если по истечении 48 часов будет дан неудовлетворительный ответ, немедленно последует мобилизация. По изложенным ранее мотивам нота будет вручена до отъезда Пуанкаре из Парижа или после отъезда Пуанкаре из Петербурга, т. е. либо 18, либо 24 июля. За последний срок говорит пожалуй то обстоятельство, что к этому времени в монархии должна закончиться жатва, что предотвратит большие потери в хозяйственном отношении»[3].

Таким образом до 14 июля Берхтольд держал Берлин через Чиршки (связью через Сегени он избегал пользоваться, боясь, что депеши подвергнутся перлюстрации)[4] в курсе подготовки ультиматума и даже запрашивал мнение Берлина по этому вопросу. Мнение Берлина нужно было Берхтольду по особым соображениям. Если бы Берлин принял участие в формулировке требований или хотя бы дал на это официальное согласие, то в случае какой-либо неудачи у Берхтольда была бы всегда в руках ссылка на соответствующее давление Берлина и он мог бы таким образом перебросить ответственность на Германию.

Однако в Берлине повидимому поняли цель такого любезного приглашения Берхтольда и отказались принять участие в формулировке требований, хотя весьма были заинтересованы в том, чтобы

---

[1] DD, № 29.
[2] Ibidem.
[3] DD, № 34a.
[4] Ibidem.

знать их заранее и иметь время для соответствующей обработки общественного мнения дома и за границей. Германские организаторы войны не хотели, чтобы Вена могла говорить о каком-либо давлении на нее, но вместе с тем высказали кое-какие пожелания, надеясь, что Вена поймет намек. Так, 11 июля, после получения телеграммы от Чиршки, содержавшей приглашение Берхтольда высказать мнение по поводу текста ультиматума[1], Ягов телеграфировал Чиршки следующее:

«Мы не можем принять участия в формулировке требований к Сербии, так как это дело Австрии. Для нас однако желательно, чтобы Вена собрала достаточный материал, доказывающий, что в Сербии существует великосербская пропаганда, являющаяся угрозой для монархии, с целью по возможности больше убедить общественное мнение Европы в правоте Австрии. Этот материал было бы лучше всего опубликовать не по частям, а как целое, незадолго перед предъявлением требований или ультиматума Сербии»[2].

Берхтольд выслушал совет союзника и обещал исполнить его.

«Граф Берхтольд, — сообщал 13 июля Чиршки, — совершенно разделяет точку зрения вашего превосходительства [Ягова], что результаты расследования в Сараево должны быть изложены не по частям (nicht im einzelnen), а охватывая все направления сербской политики и ее следствия. Министр [Берхтольд] сам убежден теперь, что скорейшее выступление необходимо. Он надеется завтра притти к соглашению относительно текста отправляемой Сербии ноты, затем в среду, 15 июля, представит ее императору в Ишль, в силу чего вручение ее в Белграде могло бы последовать незамедлительно еще до отъезда Пуанкаре [в Россию]»[3].

Однако, как мы знаем, Берхтольду не удалось выполнить обещания — составление досье задержалось, и оно было отправлено державам лишь 25 июля, получено же ими не раньше 27—28 июля, когда острота кризиса позволила правительствам Антанты положить это досье под сукно.

Что касается текста самой ноты, то Чиршки 14 июля доносил о том, что на совещании Берхтольда, Штюргка и Тиссы в этот день достигнуто полное единство взглядов и Тисса наконец высказался за немедленную войну, а также, что ноту решено отправить лишь после отъезда Пуанкаре, т. е. к 25 июля, так как по техническим причинам (не успели подобрать материал) оказалось невозможным вручить ноту в Белграде 16 или 18 июля.

«Окончательный текст ноты, — писал Чиршки, — будет утвержден советом министров 19 июля, а затем будет представлен 21 июля на утверждение императору Францу-Иосифу, так как необходимо его одобрение. Поэтому вручение ноты последует лишь 25 июля. Отсрочка вручения ноты в Белграде вызвана

---

[1] DD, № 29.
[2] DD, № 31a.
[3] DD, № 40.

только желанием дождаться отъезда Пуанкаре из Петербурга, и граф Берхтольд и Тисса неоднократно и выразительно подчеркивали, что о колебании или нерешительности в Вене не может быть и речи. *Что касается содержания ноты, то она будет составлена так, что принятие ее будет почти исключено. Потребуют не уверений и обещаний, но дел»*[1].

В заключение Берхтольд заявил Чиршки, что после выработки текста ноты он в воскресенье 19 июля «немедленно отправит императорскому правительству ноту для доверительного ознакомления еще до представления ее своему императору»[2].

Это было второе обещание Берхтольда ознакомить Берлин с текстом ультиматума до его отсылки. Но Бертхольд не собирался его выполнить. Приглашая 11 июля через Чиршки германское правительство принять участие в выработке требований Сербии, Берхтольд хотел только выманить, так сказать, полномочие германских организаторов войны на такое участие, чтобы в случае чего потом ссылаться на этот бланк. Однако ему было совершенно не с руки, чтобы германское правительство действительно приняло участие в выработке текста ноты и даже знало этот текст до его вручения. Германские организаторы войны, как мы знаем, хотели, на худой конец, иметь в своем распоряжении возможность ограничиться дипломатическим разгромом Сербии, а с ней и царской России на Балканах, тогда как Вене нужен был раздел Сербии и новые территориальные захваты, чтобы путем империалистического грабежа влить новые силы в дряхлеющую Двуединую монархию. Вот почему Берхтольд боялся, что Берлин может потребовать смягчения провокационного тона ноты и этим дать возможность Сербии принять ультиматум. В силу этих соображений он хотел дать текст ноты германскому правительству только в самый последний момент, когда она уже будет разослана и может быть даже вручена в Белграде, поставив таким образом Берлин перед совершившимся фактом.

Депеши Чиршки от 14 июля, приведенные нами, были последним вразумительным отчетом о содержании ультиматума, полученным в Берлине (судя конечно по *опубликованным* австрийским и германским документам). После 14 июля «провод в Вену неожиданно оборвался». Берлин неоднократно запрашивал сведения о дальнейшей судьбе ультиматума, но не получал их. Общий итог того, что знали в Берлине о планах правящих кругов Австрии и содержании ультиматума, суммирует депеша баварского поверенного в Берлине Шена, датированная 18 июля.

«Шаг, который венский кабинет, — писал Шен, — решил предпринять в Белграде и который будет заключаться во вручении ноты, состоится 25 июля. Отсрочка выступления до этого дня обосновывается тем, чтобы выждать отъезда Пуанкаре и Вивиани

---

[1] DD, № 49, 50; OUAP, VIII, № 10276; ORB, 1919, I, № 21 (курсив мой.—*Н. П.*).

[2] DD, № 50.

из Петербурга с целью не облегчать сговора державам Двойственного [франко-русского] союза о каком-либо контрвыступлении. До этого момента в Вене при помощи одновременного отъезда в отпуск военного министра и начальника генерального штаба создается видимость мирного настроения и не без успеха оказывается воздействие на печать и биржу. Что венский кабинет выступает решительно в этом отношении [усиленно подчеркивая свое «миролюбие»], это признается и здесь [т. е. в Берлине]. Лишь сожалеют, что граф Тисса, который вначале был против резкого выступления, своим заявлением в венгерском парламенте уже несколько приподнял покрывало.

Нота, поскольку это пока выяснено, будет содержать, по словам господина Циммермана, следующие требования:

1. Издание королем Сербии воззвания, в котором будет заявлено, что сербское правительство полностью отмежевывается от великосербского движения и осуждает его.

2. Открытие следствия против соучастников сараевского злодеяния и участие в расследовании австрийских чиновников.

3. Преследование всех лиц, участвовавших в великосербском движении.

Для принятия этих требований будет поставлен срок в 48 часов. *Понятно, что Сербия не сможет принять подобных несовместимых с ее достоинством как независимого государства требований. Следовательно результатом явилась бы война*»[1].

Этот отчет Шена от 18 июля, как легко можно видеть, подытоживает сведения, полученные в Берлине вплоть до 15 июля, т. е. кончая двумя депешами Чиршки[2], в которых последний сообщал о результатах заседания австрийского совета министров и согласии Тиссы на немедленную войну. После этих депеш никаких сообщений от Чиршки не поступало. Поэтому Ягов, беспокоившийся также и о возможной позиции Италии в австро-сербском конфликте, решил запросить Вену об ее планах. 17 июля он послал Чиршки инструкцию, в которой, ссылаясь на известное заявление Гойоса в Берлине 6 июля, что Австрия имеет в виду полный раздел Сербии, и на то, что Берхтольд и Тисса 7 июля дезавуировали это заявление как излагающее лишь личную точку зрения Гойоса, — настаивал на выяснении планов австрийского правительства.

«Однако они, — писал Ягов, ссылаясь на указанные заявления Берхтольда и Тиссы 7 июля, — повидимому не раскрыли своих территориальных планов. При дипломатическом обсуждении конфликта с Сербией было бы немаловажно с самого его начала знать, каковы идеи австро-венгерских государственных деятелей о будущем облике (Gestaltung) Сербии, так как этот вопрос окажет существенное влияние на позицию Италии и на общественное мнение и позицию Англии. Следует считать разумею-

---

[1] *Dirr*, S. 4—6 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] DD, № 49, 50.

щимся, что планы государственных деятелей Дунайской монархии могут подвергнуться влиянию и измениться в связи с ходом событий; тем не менее должно предположить, что венский кабинет уже составил общую картину искомых целей и в территориальном отношении. Ваше превосходительство соизволит попытаться в разговоре с графом Берхтольдом получить по этому вопросу некоторые разъяснения, *избегая однако при этом впечатления, будто мы хотим явиться как бы тормозом на пути австрийского выступления или предписать ему известные границы и цели*. Для нас ценно быть в некоторой степени ориентированными в том, куда же должен привести нас этот путь»[1].

Эта инструкция Ягова разошлась с депешей Штольберга, отправленной из Вены 17 июля и полученной в Берлине к вечеру 18 июля. Штольберг сообщал, что нота будет вручена в Белграде в четверг 23 июля после полудня с таким расчетом, чтобы сообщение об австрийском демарше было получено в Петербурге лишь после отъезда Пуанкаре.

«Текст ноты, — сообщал Штольберг о своих переговорах с Берхтольдом, — окончательно еще не установлен, и идут переговоры с графом Тиссой. В среду 22 июля она будет представлена для окончательного утверждения императору Францу-Иосифу. *Граф Берхтольд позволил себе высказать надежду, что Сербия не примет требований Австро-Венгрии*»[2].

Получив эту депешу, Ягов частным образом телеграфно просил представителя министерства иностранных дел в свите Вильгельма, графа Веделя, сообщить точные данные о маршруте яхты «Гогенцоллерн» с 23 июля, так как в этот день в Белграде будет вручен австрийский ультиматум с 48-часовым сроком.

«От развития событий, — писал Ягов Веделю, — будет зависеть, может ли понадобиться здесь [в Берлине] и когда присутствие его величества. В случае необходимости поставьте об этом в известность доверительно адмирала Мюллера, но не беспокойте преждевременно его величества. Так как мы хотим локализовать предполагаемый конфликт между Австрией и Сербией, то нежелательно тревожить мир преждевременным возвращением его величества, но, с другой стороны, его величеству следовало бы находиться в пределах досягаемости, в случае если непредвиденные события вынудили бы и нас на важные решения (мобилизацию). Быть может, можно было бы иметь в виду крейсирование в Балтике в последние дни поездки»[3].

Эта телеграмма была отправлена Яговым 18 июля в 5 ч. 5 м. пополудни. В 7 ч. 30 м. пополудни за ней последовала другая, предназначенная «для доклада» Вильгельму и сообщавшая, что «согласно сообщению посольства в Вене австро-венгерский демарш

---

[1] DD, № 61 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] DD, № 65 (курсив мой. — *Н. П.*).
[3] DD, № 67.

в Белграде последует 23 июля»[1]. Ведель ответил 19 июля, что яхта «Гогенцоллерн» согласно плану пробудет в Бальгольме до 30 июля и после однодневной остановки в Бергене возьмет курс на Свинемюнде и что он сообщит о последующих изменениях маршрута[2].

Ответа на запрос в Вену, посланный 17 июля, все еще не было, так как Австрия, как мы знаем (стр. 360—361), не собиралась отвечать. А между тем события развивались своим чередом.

19 июля утром Ягов получил записку от заместителя начальника генерального штаба генерала Вальдерзее, сообщавшую о том, что германский генеральный штаб в предвидении событий запросил в австрийском генеральном штабе справку о том, какие военные меры будут предприняты в случае конфликта. Вопрос был крайне важен: в Германии, как это известно из отчета Шена, боялись, что Австрия предпримет мобилизацию галицийских корпусов и тем преждевременно встревожит царскую Россию. Однако сведения из Вены, полученные германскими генералами, звучали удовлетворительно. Австрийский генеральный штаб предполагал «выставить против Сербии 6 армейских корпусов и временно ничего не предпринимать в Галиции. Если же Россия вмешается, то Сербия будет оставлена и все силы будут брошены против главного противника»[3].

«Это разумные планы, — оценивал намерения австрийцев Вальдерзее, указывая одновременно их недостатки, — 1) частичные мобилизации всегда имеют свои трудности; 2) всякий отрыв от противника требует известного времени; 3) в Вене все еще не имеют никакого представления о том, где, возможно, займут позицию сербы. Если это случится в южной Сербии, что вполне возможно, то решение будет отложено на еще более длительный срок и последующие передвижения [войск] будут длиться еще дольше».

Вальдерзее впрочем не был особенно обеспокоен и даже готовился уехать в отпуск 25 июля, как только вернется из Карлсбада Мольтке. «*Мы в генеральном штабе готовы, и пока нам совершенно нечего делать*»[4], — писал он Ягову, и это была, как мы знаем, совершенная правда. Готовность германской армии к войне была такова, что генеральный штаб мог спокойно сидеть до самого последнего момента.

Прочитав эту записку и зная, что сегодня, 19 июля, австрийский совет министров должен утвердить окончательный текст ультиматума, Ягов немедленно (телеграмма в 1 ч. 25 м. пополудни была доставлена в Главное управление телеграфа) телеграфировал Чиршки:

«Ваше превосходительство соблаговолит запросить у графа

---

[1] DD, № 69.
[2] DD, № 79.
[3] DD, № 74.
[4] Ibidem (курсив мой. — *Н. П.*).

Берхтольда немедленного сообщения текста предполагаемой к отправке в Белград ноты и отдельных деклараций, как только они будут окончательно сформулированы для представления императору Францу-Иосифу, для того чтобы мы могли своевременно подготовить свои выступления перед другими державами. Желательно предварительное ориентирование относительно существенных пунктов предполагаемого выступления»[1].

Возможно, что вечером того же дня, но скорее 20 июля утром Ягов получил частное письмо Штольберга с отчетом о данном ему поручении позондировать Берхтольда насчет уступки итальянцам южной части Трентино. Результаты этих переговоров мы изложили выше (стр. 510, 519—520). Но одновременно Штольберг сообщал кое-что о тексте ноты. Берхтольд заявил Штольбергу, что нота будет вручена в Белграде 23 июля.

«*Граф Берхтольд надеется,* — доносил Штольберг, — *что австрийские требования,* о которых он не вдавался в подробности, *не будут приняты Сербией.* Однако он не вполне уверен в этом, и из его высказываний, равно как и из высказываний Гойоса, у меня создалось впечатление, что Сербия может принять требования. На мой вопрос, что случится, если дело таким образом сведется к нулю, Берхтольд высказал мнение, что тогда можно проявить далеко идущую придирчивость при практическом проведении отдельных требований... Если же выступление заглохнет, подобно выстрелу в пустоту, и останется лишь так называемая дипломатическая победа, то этим будет подтверждено уже господствующее здесь [в Австрии] мнение, что монархия более неспособна ни к какому проявлению силы. Результаты этого внутри и вне страны совершенно явны... Нота должна быть окончательно выработана завтра совместно с Тиссой и вновь изменена в связи с текущими событиями (интервью Пашича, статья сербской газеты «Самоуправа» и т. д.). Гойос сказал мне просто, что *требования таковы, что государство, имеющее хоть сколько-нибудь самоуважения и достоинства, не могло бы принять их*»[2].

20 июля в 4 часа пополудни была получена телеграмма от Чиршки, который, выполняя приказание Ягова от 19 июля, потребовал у Берхтольда информации о тексте ноты.

«Граф Берхтольд, вначале намеревавшийся выехать в Ишль завтра вечером, — доносил Чиршки, — отправится туда еще сегодня вечером и представит императору ноту, которая будет сегодня написана. Чтобы сделать возможным более скорое сообщение в Берлин, он немедленно после аудиенции прикажет по телеграфу министерству в Вене вручить ноту мне, чтобы она еще завтра вечером могла пойти в Берлин»[3].

Эта скрытность союзника, причины которой мы уже знаем (стр. 360—361), приводила в раздражение руководителей германской политики, по вполне понятным причинам заботившихся о подготов-

[1] DD, № 77.
[2] DD, № 87. (курсив мой. — *Н. П.*).
[3] DD, № 88.

ке к войне общественного мнения и широких масс в Германии и обосновании перед ними «необходимости» для Австрии произвести нападение на Сербию. Текст австрийской ноты и приложения к нему (досье о великосербской пропаганде) и должны были дать соответствующие материалы, которые можно было использовать для этой цели, но Вена не спешила предоставить их союзнику, и в Берлине не знали, что и как можно и нужно говорить и как оправдать в глазах широких масс требования заведомо неприемлемого ультиматума. Поэтому, ознакомившись с телеграммой Чиршки, Ягов поспешил отправить ему в тот же день следующую инструкцию.

«Я полагаю, — инструктировал Ягов Чиршки, — что одновременно с предполагаемым в Белграде демаршем Вены последует официальное сообщение относительно содержания ноты, результатов следствия и т. д. *В отношении обработки* (Behandlung) *нашей общественности для нас имело бы величайшую ценность быть заранее точно информированными не только о содержании, но также и о дне и часе публикации*. Прошу ваше превосходительство ответить по телеграфу»[1].

Сведения от Чиршки относительно «дня» и «часа» вместе с сообщением, что копия ультиматума отсылается в Берлин «сегодня вечером», были получены в германском министерстве иностранных дел лишь 21 июля в 9 ч. 25 м. пополудни[2]. В действительности же Берхтольд, предписавший не показывать ноту Чиршки, не собирался выполнить и это третье по счету обещание (стр. 361). Чиршки, получивший текст ультиматума только вследствие ошибки одного из помощников Берхтольда, графа Форгача, не знавшего о приказе Берхтольда — не давать текста, отправил ноту почтой. Она пришла в Берлин уже после того, как Ягову удалось получить текст ультиматума от Сегени, которому Ягов 21 июля «дал ясно понять, что Германия, само собой разумеется, безусловно и со всей мощью будет стоять за нами [Австрией], но что для германского правительства именно по этой причине представляет жизненный интерес быть своевременно информированным о том, «куда ведут наши пути», и в особенности о том, предполагаем ли мы только временную оккупацию сербских областей, или же, что дал также понять граф Гойос во время своей последней беседы с рейхсканцлером[3], замышляем в качестве «последнего довода» (ultima ratio) раздел Сербии»[4].

Согласно признанию Ягова следственной комиссии Национального собрания он получил ноту от Сегени 22 июля около 7 час. пополудни.

«Просмотрев ее, — сообщает Ягов, — я сказал послу, что и форма и содержание ноты кажутся мне излишне резкими. Мне кажется,

---

[1] DD, № 83 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] DD, № 103.
[3] DD, № 103; по германским документам Гойос говорил о разделе Сербии не с Бетман-Гольвегом, а с Циммерманом — DD, № 18.
[4] OUAP, VIII, № 10448; ORB, 1919, I, № 41.

что я особо подчеркнул, что имелось слишком много требований. Граф ответил, что в этом отношении уже слишком поздно что-либо сделать. Нота уже отослана в Белград и будет вручена там на следующий день, как он ошибочно уверил меня [а согласно признаниям Ягова и Бетман-Гольвега — «на следующий день (23 июля) утром»]. Я выразил послу мое большое удивление по поводу того, что сообщение пришло так поздно, что нам не дано никакой возможности в связи с ним что-либо предпринять» [1].

Копия ноты, посланная Чиршки, была получена, по словам Ягова, поздно вечером после ухода Сегени [2] и в сущности была уже не нужна.

«Признание» Ягова следственной комиссии Национального собрания в ту эпоху, когда разгромленный в мировой войне германский империализм старался всячески смазать и затушевать свое участие и свою вину в развязывании войны, имеет весьма двусмысленный характер. Форма и содержание австрийского ультиматума «кажутся» Ягову «слишком резкими», количество требований ультиматума «кажется» Ягову «преувеличенным». Необходимо помнить, что эти признания Ягова давались следственной комиссии и для весьма официального употребления (подыскивались материалы для ревизии Версальского договора), что Ягову приходилось оправдываться за свои действия в 1914 г. и пр. Словечко «кажется», использованное Яговым в 1919—1920 гг. и даже позже, спасало его от персональной ответственности за события 1914 г. и ничем его не связывало в будущем. В самом деле, установить в 1919—1920 гг., что именно «казалось» и что «не казалось» Ягову в 1914 г., было невозможно. С другой стороны, сам Ягов всегда мог отпереться от ответственности за любой дипломатический шаг, предпринятый в 1914 г., заявив, что ему, Ягову, тогда «так казалось».

Независимо, что именно «казалось» или «не казалось» Ягову в 1919—1920 гг. о событиях июля 1914 г., все же можно установить некоторые факты, свидетельствующие, что он ничуть не был поставлен Австрией перед «совершившимся фактом» вручения заведомо провокационной ноты и имел время, если бы хотел, для того чтобы смягчить ее наглый тон.

По словам Ягова, он получил от Сегени текст австрийского ультиматума в 7 час. пополудни 22 июля, но можно думать, что посещение Сегени состоялось не в 7 час. пополудни, а раньше. В самом деле, до получения от Сегени копии ультиматума Ягов не мог точно знать, что вручение ноты в Белграде состоится 23 июля в 5 час. пополудни, так как этот час был указан только в тексте ноты [3]. 22 же июля Сегени сказал Ягову, что нота будет вручена в Белграде 23 июля утром [4]. Таким образом до

[1] „Official Documents", v. I, p. 31.
[2] Ibid., p. 30.
[3] OUAP, VIII, № 10395, 10399; ORB, 1919, I, № 27, 28.
[4] *Jagow*, Ursachen des Weltkrieges, B. 1919, S. 110; *Bethman-Holweg*, Betrachtungen zum Weltkriege, B. 1919, B., S. 39.

7 час. пополудни 22 июля Ягов должен был верить Сегени, что ультиматум будет вручен 23 июля утром.

Если дело обстояло так, как пишет Ягов, то для нас совершенно необъясним следующий факт: получив в 2 ч. 31 м. пополудни 22 июля телеграмму Пурталеса о том, что отъезд Пуанкаре состоится 23 июля в 11 час. пополудни[1], Ягов почему-то встревожился и отправил срочную инструкцию Чиршки, что «если демарш в Белграде будет сделан в 5 час. пополудни, то он следовательно станет известным еще во время пребывания Пуанкаре в Петербурге»[2]. Вот тут и возникает вопрос, каким образом Ягов, еще не получивший от Сегени текста ноты и в силу того вынужденный верить заявлению Сегени накануне, что нота будет вручена 23 *утром*, мог телеграфировать Чиршки *точный срок* вручения ультиматума, обозначенный в самой ноте, которой Ягов тогда еще не имел? И зачем Ягову нужно было интересоваться часом отъезда Пуанкаре, если ему было известно (до получения текста ноты), что ультиматум будет вручен 23 июля утром, о чем свидетельствуют клятвенно и сам Ягов и Бетман-Гольвег[3]. Ведь в этом случае предотвратить обсуждение текста ультиматума и сговор Пуанкаре с Николаем II было бы невозможно!

Объяснить это беспокойство Ягова по поводу часа отъезда Пуанкаре и его телеграмму Чиршки можно только в том случае, если Ягов знал уже в момент получения телеграммы Пурталеса, т. е. в 2 ч. 31 м. пополудни 22 июля, что австрийский ультиматум будет вручен не 23 июля утром, как утверждает Ягов, а в какое-то другое время, которое следовало установить в зависимости от времени отъезда Пуанкаре из Петербурга. Иными словами, сопоставление тех дат, которые мы имеем на официальных германских документах, ясно показывает, что Ягов попросту лгал комиссии Национального собрания, заявляя, что он узнал текст ультиматума только в 7 час. пополудни 22 июля: он знал его значительно раньше.

О том, что Ягов просто лгал, говорит и другой факт. Посещение Сегени, принесшего текст ноты, по словам Ягова, произошло около 7 час. пополудни. Инструкция же Ягова Чиршки с указанием срока вручения ноты в 5 час. пополудни[4] — срока, который мог быть известен только из текста ноты, полученной, по словам Ягова, только около 7 час. пополудни, — эта инструкция попала в Главное управление телеграфа в Берлине в 6 ч. 5 м. пополудни, т. е. *за час до приема* Сегени, принесшего текст ноты, где и был сообщен точный срок вручения.

Мы намеренно остановились так подробно на выяснении вопроса, когда именно Ягов узнал точный текст ультиматума, по тем соображениям, что этот вопрос является одним из козырных для

---

[1] DD, № 108.
[2] DD, № 112,
[3] Ср. DD, № 116, 127.
[4] DD, № 112, прим. 2.

германских буржуазных историков, пытающихся обелить германский империализм. Они изо всех сил доказывают, что «коварные» австрийцы старались скрыть от Германии текст ультиматума (это не противоречит действительности) и что в силу этого Ягов узнал этот текст так поздно, что уже не мог потребовать смягчения ноты (это конечно ложь!). Из сопоставления дат отправки и получения различных документов мы видели, что Ягов *знал и до 7 час. пополудни 22 июля и даже до 2 ч. 31 м.* пополудни (дата получения депеши Пурталеса о сроке отъезда Пуанкаре из Петербурга) *точный срок вручения ультиматума* и что Германия отнюдь не была поставлена Австрией перед совершившимся фактом вручения ультиматума, текст которого она якобы узнала «в самый последний момент».

Наконец если даже поверить Ягову и согласиться с тем, что текст ноты он узнал только в 7 час. пополудни, — хотя, как мы видели, это явная неправда, — то и тогда у него было достаточно времени для того, чтобы заставить Вену пойти вспять или по крайней мере смягчить ультиматум. Ведь могла же попасть в 6 ч. 5 м. пополудни в Главное управление телеграфа в Берлине телеграмма-инструкция Чиршки![1] А раз так, то она могла быть дополнена одной-двумя строчками хотя бы такого содержания: «Возражаем против таких-то и таких-то (номера по порядку) требований ультиматума». Эта телеграмма дошла бы по назначению, как она дошла в своем настоящем виде. Можно было наконец отсрочить демарш в Белграде еще на один день. Все это было возможно, и потому потуги германских буржуазных историков доказать невинность Ягова, а вместе с ним и германского правительства, якобы обманутых «коварной» Австрией, являются бесспорным передергиванием исторических фактов, рассчитанным на то, чтобы обмануть трудящиеся массы и скрыть от них работу германских организаторов войны. На самом деле Ягов, зная достаточно заблаговременно и точный срок вручения ультиматума и его провокационный характер, явно рассчитанный на то, чтобы вызвать войну, не хотел и не собирался одергивать Вену, так как в Берлине считали момент подходящим для «великого решения».

Об этом же желании добиться «великого решения» в июле 1914 г. и безусловной поддержке для этой цели австрийских организаторов войны говорит и тот факт, что Германия оказала авансом мощную поддержку австрийскому выступлению, не зная, если верить Ягову, даже точно, в чем она будет выражаться. «Не зная» еще текста ультиматума, германское министерство иностранных дел составило около 19—20 июля утвержденную затем Бетман-Гольвегом и отправленную 21—22 июля германским послам в Лондоне, Париже и Петербурге инструкцию об их выступлениях в связи с предполагаемым вручением австрийского ультиматума в Белграде. Эта инструкция, содержавшая изложе-

[1] DD, № 112, прим. 2.

ние австрийской точки зрения на «сербские интриги», оправдывала выступление Австрии и в заключение требовала «локализации» конфликта и невмешательства в него других держав, *недвусмысленно угрожая тем, кто попробует вмешаться.*

«В изложенном выше вопросе, — заканчивалась инструкция, — речь идет о деле, подлежащем разрешению лишь между Австрией и Сербией, ограничение которого обеими непосредственными сторонами должно явиться серьезным стремлением держав. Мы настоятельно желали бы локализации конфликта, так как всякое вмешательство третьей державы повлечет за собой в силу различных договорных обязательств неисчислимые последствия»[1].

«Очень сильная поддержка»[2], — резюмировал свои впечатления от чтения этой германской декларации один из крупных чиновников английского министерства иностранных дел, известный уже нам Эйр Кроу. Но это было даже больше чем поддержка. Такая декларация со стороны Германии выводила ее на арену борьбы и притом в первом же этапе конфликта, как это и намечал в письме к Лихновскому Ягов[3], указывая, что речь идет о дипломатической поддержке Австрии, подобной той поддержке, которая была оказана Австрии во время боснийского кризиса. Но Ягов, стараясь ввести в заблуждение Лихновского и придать более или менее невинный вид германскому выступлению, а также скрыть от Лихновского энергичную работу германского министерства иностранных дел по развязыванию войны, намеренно искажал факты. Во время боснийского кризиса Германия выступила с такой поддержкой Австрии лишь в самом последнем этапе конфликта, но не в начале его. А между тем поддержка — и притом такая безусловная — Австрии в самом начале конфликта являлась крупнейшим обязательством, невыполнение которого или, иначе говоря, отступление от которого по каким-либо причинам колоссально уронило бы престиж Германии. Эта безусловная поддержка в самом начале конфликта закрывала возможность для маневрирования и отступления, чего Ягов конечно не мог не понимать. Но в Берлине знали, на что идут, и считали необходимым поддержать Вену во что бы то ни стало, так как, по мнению германских организаторов войны, настал момент «великого решения».

Бетман-Гольвег узнал официальный текст ультиматума только 23 июля, как можно судить по его телеграмме Ягову, отправленной из Гогенфинова в 11 ч. 40 м. пополудни 22 июля.

«Я согласен с оценкой вашим превосходительством ситуации, — писал Бетман-Гольвег Ягову, — которая вероятно учитывает *неизвестный мне до сих пор* текст австрийской ноты»[4].

Эта переписка Бетман-Гольвега с Яговым по поводу ситуации

---

[1] DD, № 100.
[2] BD, XI, № 100, прим.
[3] DD, № 72.
[4] DD, № 116 (курсив мой. — *Н. П.*).

имела свои причины. Дело в том, что Вильгельм, предвидя на основании получаемой о планах австрийцев информации близкую возможность войны, 19 июля приказал флоту Открытого моря, находившемуся в норвежских водах, держаться сосредоточенно для того, чтобы в случае отдачи приказа о прекращении плавания флот мог быстро возвратиться в свои базы[1].

И Бетман-Гольвег и Ягов, хорошо зная нрав Вильгельма, нередко выступавшего весьма бестактно и невпопад, были чрезвычайно обеспокоены его вмешательством в события, тем более что выступление было неожиданным и нарушавшим разработанные планы по маскировке развязывания войны, согласно которым Берлин должен был сидеть до последней минуты смирно и делать вид, что он ничего не знал о выступлении Австрии и последнее застало его врасплох точно так же, как оно застало врасплох весь мир.

Учитывая это, Бетман-Гольвег решил одернуть Вильгельма.

«Приказ его величества о сосредоточении флота к 25 июля, — телеграфировал 21 июля в германское министерство иностранных дел Бетман-Гольвег, — внушает мне опасение, что как только ультиматум будет отвергнут, из Бальгольма[2] могут преждевременно последовать приказания о необычных передвижениях. С другой стороны, ошибочно выбранное местопребывание флота может оказаться роковым в случае кризиса».

Поэтому Бетман-Гольвег предлагал запросить мнение морского генерального штаба относительно своевременности этого приказа Вильгельма[3].

Штаб ответил, что в случае возникновения войны с Англией раньше шестидневного срока флот необходимо отозвать[4].

Получив такой ответ, Ягов в 7 ч. 3 м. пополудни 22 июля телеграфировал Бетман-Гольвегу, что ожидать немедленного нападения Англии или очень быстрого развязывания войны нельзя и что в случае отозвания германского флота в свои базы или неплановых его передвижений будет задержана деконцентрация английского флота, начало которой намечалось на 27 июля, и английский флот останется сосредоточенным[5]. Поэтому Ягов советовал не предпринимать никаких алармистских мер, которые могли бы встревожить Англию.

Бетман-Гольвег, как мы уже знаем, согласился с этой оценкой ситуации и предложил министерству иностранных дел отправить от имени его, Бетман-Гольвега, телеграмму императору о том, что преждевременное возвращение флота из плавания явится ошибочной мерой[6].

---

[1] DD, № 82.

[2] Местопребывание яхты „Гогенцолерн", на которой Вильгельм совершал плавание.

[3] DD, № 101.

[4] DD, № 111.

[5] DD, № 115.

[6] DD, № 116.

Основываясь на этом распоряжении Бетман-Гольвега, германское министерство иностранных дел в 3 ч. 40 м. пополудни 23 июля послало телеграфную инструкцию представителю министерства при Вильгельме графу Веделю, предлагая ему сделать соответствующие указания Вильгельму.

«Австро-венгерская нота, — гласила эта инструкция, — сегодня после полудня или вечером должна быть вручена в Белграде. Срок ультиматума истечет таким образом 25 июля вечером. В ближайшие дни наша позиция будет заключаться в том, что дело идет о взаимном объяснении, касающемся только Австрии и Сербии. Только вмешательство третьей державы втянуло бы нас в конфликт. Нельзя предполагать сейчас, что Англия решится вмешаться немедленно. Тот факт, что президент Пуанкаре лишь 31 июля возвратится в Дюнкерк, должен отсрочить всякое решение. Английский флот, согласно сообщению морского генерального штаба, должен начать деконцентрацию 27 [июля] и вернуться в отечественные порты. Всякое преждевременное отозвание нашего флота могло бы вызвать всеобщее беспокойство и считаться подозрительным, особенно в Англии»[1].

Ведель вечером 23 июля сделал соответствующий доклад Вильгельму, но уже 25 июля Вильгельм, встревоженный полученными сообщениями о ходе событий, решил пренебречь советом рейхсканцлера и вернуться в Берлин.

Таким образом в ближайшие дни после вручения австрийского ультиматума германское правительство, наряду с энергичными выступлениями в Петербурге, Париже и Лондоне о необходимости локализации австро-сербского конфликта, намеревалось занять позицию внешнего спокойствия, для того чтобы усыпить в первую очередь подозрительность Англии. И Бетман-Гольвег и Ягов всячески старались создать видимость того, что выступление Австрии является совершенно самостоятельным шагом, неожиданным для германского правительства, и этим снять с последнего всякие подозрения в том, что оно подстрекает Австро-Венгрию к войне с Сербией. С этой целью Бетман-Гольвег и Ягов, с одной стороны, унимали Вильгельма и избегали каких-либо открытых военных или полувоенных мер, *тем более что все военные приготовления были уже проведены,* а с другой — избегали всяких открытых шагов, которые могли бы подчеркнуть солидарность Германии с Австрией и их сговор. Вот почему, согласившись 22 июля[2] взять на себя защиту австрийских подданных в Белграде в случае разрыва дипломатических отношений между Австрией и Сербией, германские организаторы войны 24 июля решительно отказались исполнить просьбу Вены — передать сербскому правительству объявление войны Сербии через германского посланника в Белграде.

Отказ мотивировался тем, что такое согласие будет считаться

---

[1] DD, № 125.
[2] DD, № 110, 114; OUAP, VIII, № 10397.

за границей вмешательством Германии в австро-сербский конфликт и даже «вызовет подозрение у незнакомой с дипломатическими обычаями публики, будто мы возбуждаем Австро-Венгрию на войну»[1].

Именно такого впечатления германская правящая головка, тайком понукавшая Австро-Венгрию к развязыванию войны, изо всех сил старалась избежать. Она стремилась изобразить перед широкими массами дело так, как будто Австрия действовала самостоятельно и Германия была вынуждена вступить в войну для защиты и спасения союзника от царской России.

Из остальных дел германского министерства иностранных дел за эти дни можно отметить длинную и нудную телеграфную переписку с Веной о необходимости возможно скорее договориться с Италией, чтобы обеспечить ее содействие. Переписка возникла вследствие тревожных сообщений германского посла в Риме Флотова о раздражении итальянского правительства, вызванном тем, что Берхтольд не счел нужным сообщить Италии заранее текст ультиматума. В Берлине поняли, что Берхтольд надул германское правительство и в этом вопросе, что видно из распоряжений, отправленных Чиршки, — выяснить, каким образом австрийское правительство не сдержало данного им Берлину обещания[2].

23 июля в 6 час. пополудни австрийский ультиматум был вручен в Белграде. На другой день германские послы в Петербурге, Лондоне и Париже согласно инструкции потребовали локализации конфликта, «так как всякое вмешательство третьей державы может вызвать неисчислимые последствия».

Машина была пущена в ход, дело близилось к развязке.

В ночь с 24 на 25 июля и утром 25 июля пришли первые телеграммы из Петербурга[3], Парижа[4] и Лондона[5] о настроениях, вызванных там австрийским ультиматумом и германским требованием «локализации» конфликта. В общем сведения звучали удовлетворительно даже из Петербурга: Пурталес полагал, что царская Россия возьмется за оружие лишь при попытках Австрии произвести территориальные захваты в Сербии и что немедленного вмешательства царской России не приходится ожидать.

«В Париже и Лондоне усердно работают над локализацией конфликта», — телеграфировал Вильгельму 25 июля в 10 ч. 45 м. пополудни Бетман-Гольвег[6].

Неприятным обстоятельством было только то, что и в Петербурге, и в Париже, и в Лондоне, опираясь на сообщения

---

[1] DD, № 138, 142.
[2] DD, № 119, 136, 145, 150, 156, 167, 168, 187.
[3] DD, № 160.
[4] DD, № 154.
[5] DD, № 157.
[6] DD, № 191, также № 174, 182.

своих дипломатических представителей в Берлине, одинаково догадывались, что австрийский ультиматум был составлен при прямом соучастии и с ведома германского правительства[1].

Но Антанта молчала. Один Грей обратился к германскому правительству с двумя просьбами: 1) воздействовать на Австрию, чтобы она продлила срок ультиматума; 2) допустить посредничество четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии — между Австрией и царской Россией, в случае если дело дойдет до опасного напряжения между этими последними[2].

Обе эти просьбы Грея не имели ничего общего с миролюбием или со стремлением предотвратить войну. Первая из них имела целью, с одной стороны, прощупать решимость германского правительства и выяснить, насколько далеко оно собирается итти в поддержке Австрии, с другой стороны, хотели дать сербам время для подготовки. Вторая просьба имела целью превратить австро-сербский конфликт в общеевропейский и вывести Австрию на судилище четырех держав, в котором большинство не было в ее пользу, и выиграть время для мобилизации царской армии.

В Берлине отчасти поняли цель этих маневров Грея, и поэтому обе просьбы его были встречены, можно сказать, «дурным глазом». Приятным в них было все-таки то, что Грей на первый взгляд как будто старался не выходить из рамок дипломатического вмешательства. Можно было даже думать, что эти просьбы сделаны Греем для того, чтобы сохранить лицо, в случае если Англия не захочет вмешаться. А так как полученные ночью сообщения германских послов звучали успокоительно, то германское министерство иностранных дел настроилось на радужный лад, полагая, что ему удастся задержать вмешательство Англии. В министерстве создались оптимистические настроения, что конфликт будет «локализован» и что события развернутся по наиболее благоприятному, согласно отчету Шена, первому варианту: царская Россия не тронется, ибо Франция и Англия ее удержат, а Австрия получит полную возможность разгромить Сербию и тем самым усилить позиции центральных держав на Балканах.

Берлин вместе с тем встретил предложения Грея с опасением. Там боялись, что просьба о продлении срока ультиматума облегчит вмешательство других держав Антанты, высказывавших аналогичные пожелания, в австро-сербский конфликт в ущерб Тройственному союзу. Поэтому Ягов телеграфировал Лихновскому (телеграмма поступила в Главное управление телеграфа в Берлине в 1 час пополудни 25 июля) вежливый отказ на предложение Грея, ссылаясь на «технические причины».

«Предложение Грея сообщил в Вену, — так начиналась телеграмма Ягова. — Так как срок ультиматума истекает уже сегодня

---

[1] DD, № 153, 163, 166, 169, 170, 180.
[2] DD, № 157.

и по газетным сведениям граф Берхтольд находится в Ишле, полагаю, что продление срока более уже невозможно»[1].

В 1 ч. 26 м. пополудни в министерстве иностранных дел была получена новая телеграмма Лихновского, в которой последний настоятельно советовал не отклонять просьбы Грея о продлении срока ультиматума, чтобы не подвергнуться упреку, что Германия не использовала всего, что было в ее силах, для сохранения мира. Лихновский добавлял, что германский отказ будет иметь большое влияние на дальнейшую позицию Англии[2].

Но война была уже решенным делом, и Ягов, по указанным выше соображениям, решил не менять своей позиции, о чем свидетельствует его телеграмма Чиршки в Вену, почти полностью повторявшая полученную ночью депешу Лихновского[3] и отказ Ягова на продление срока, изложенный в ответной телеграмме Лихновскому[4]. Депеша в Вену была подана в Главном управлении телеграфа в Берлине в 4 час. пополудни[5]. Трехчасовой срок между отсылкой телеграммы с отказом Лихновскому и посылкой телеграммы Чиршки свидетельствует, что Берлин имел достаточно времени для воздействия на Берхтольда в смысле продления срока ультиматума, но не хотел исполнить просьбу Грея.

На вторую просьбу Грея Ягов не торопился отвечать. Только после получения двух новых телеграмм от Лихновского[6] о важности предложения Грея как единственного средства избежать мировой войны, а также узнав о разрыве дипломатических отношений между Австрией и Сербией[7] и приказе Вильгельма о возвращении флота Открытого моря из плавания[8], Ягов призадумался и поздно вечером (его телеграмма была подана в Главном управлении телеграфа в Берлине в 11 ч. 5 м. пополудни) ответил «согласием».

«Различие, проводимое между австро-сербским и австро-русским конфликтом, вполне правильно, — писал Ягов. — В первый мы подобно Англии не хотим вмешиваться и считаем *сейчас, как и раньше,* что вопрос должен остаться локализованным посредством невмешательства держав. Поэтому мы настоятельно надеемся, что Россия, сознавая серьезность ситуации и свою ответственность, воздержится от всякого активного вмешательства. Если возникнет австро-русский спор, то мы готовы с оговоркой о наших известных обязательствах по союзу начать вместе с дру-

---

[1] DD, № 164; в силу тех же причин Ягов назначил прием царскому поверенному в делах Броневскому, который должен был вручить ему предложение Сазонова о продлении срока, данного Сербии на ответ, на 5 час. пополудни, т. е. за час до истечения срока ультиматума.

[2] DD, № 165.

[3] DD, № 157.

[4] DD, № 164, подана в Главном управлении телеграфа в 1 ч. пополудни 25 июля.

[5] DD, № 171.

[6] DD, № 179, получена в 5 ч. 21 м. пополудни; № 180, получена в 5 ч. 52 м. пополудни.

[7] DD, № 188.

[8] DD, № 174, 175.

гими великими державами посредничество между Австрией и Россией»[1].

Этот ответ Ягова полностью исходил из предположения, что международная ситуация развертывается по наиболее благоприятному, первому по счету Шена, варианту разрешения конфликта, так как до отправки этой телеграммы от Пурталеса не было получено никаких тревожных сведений о позиции царской России (первая тревожная телеграмма из Петербурга была получена в 3 ч. 28 м. пополуночи)[2]. Поэтому согласие на предложение Грея о посредничестве держав между Австрией и царской Россией пока ни к чему не обязывало, так как на австро-русский конфликт пока не имелось ни одного намека. Наоборот, в случае возникновения австро-русского конфликта посредничество четырех держав, в особенности Англии, могло оказаться при известных условиях только полезным козырем в дипломатической игре.

С другой стороны, австро-сербский конфликт продолжал развиваться в намеченном плане расправы Австрии с Сербией, и Ягов в разговорах с послами Антанты «охотно допускал, что австро-венгерское правительство желает дать сербам заслуженный урок и что там [в Вене] готовят военное выступление»[3]. Мало того, боясь, что английское предложение посредничества может помешать австрийской расправе с Сербией, руководители германского министерства иностранных дел настаивали на скорейшем начале военных операций против Сербии.

«*Здесь считается твердо предусмотренным,* — сообщал 25 июля Сегени о берлинских настроениях, — *что на возможный отрицательный ответ Сербии с нашей стороны немедленно последует объявление войны с последующими военными операциями. Здесь видят во всяком промедлении начала военных операций большую опасность в отношении вмешательства других держав. Нам настоятельнейшим образом советуют выступить немедленно и поставить мир перед совершившимся фактом.*

Я совершенно разделяю это мнение [германского] министерства иностранных дел»[4].

Поэтому можно думать, что к обоим предложениям Грея в Берлине отнеслись достаточно кисло и что согласие на посредничество было дано Яговым лишь из «вежливости», чтобы не выдать себя сразу Антанте.

О том, что именно так отнеслись к предложению Грея, можно думать еще и потому, что непосредственно после получения в министерстве иностранных дел телеграммы Чиршки о разрыве австро-сербских отношений из-за «неудовлетворительного ответа» Сербии на австрийский ультиматум[5] пришли и две телеграммы Лих-

---

[1] DD, № 192; BD, XI, № 122, 176 (курсив мой. — *Н. П.*).

[2] DD, № 194.

[3] BD, XI, № 122, отправлена из Берлина 25 июля в 3 ч. 13 м. пополудни.

[4] OUAP, IV, № 10656; ORB, 1919, II, № 32; также DD, № 213 (курсив мой. — *Н. П.*).

[5] DD, № 188, прим. 2.

новского, излагавшие текст телеграммы Кракенторпа о содержании сербского ответа австрийцам[1]. К ней была приложена сопроводительная записка Грея. Последний выражал «надежду», что в случае совпадения сербского ответа, посланного в Вену, с кратким содержанием того же ответа, изложенным в телеграмме Кракенторпа, германское правительство сочтет для себя возможным «повлиять на австрийское правительство отнестись к нему [ответу] благосклонно»[2]. А это обстоятельство указывает еще раз на то, что в Берлине могли опасаться непрошенного вмешательства именно в австро-сербский конфликт, о чем свидетельствует и формулировка Ягова: «Различие, проводимое сэром Греем между австро-сербским и австро-русским конфликтом, вполне правильно»[3]. Эта формулировка свидетельствует, что Ягов хотел вежливо намекнуть, что это не его, Грея, дело вмешиваться в «чужие дела» — в конфликт между Австрией и Сербией.

Но расчеты германского правительства всяческими уловками и дипломатическими вывертами заговорить зубы Англии, чтобы добиться ее нейтралитета в развертывавшемся конфликте, натолкнулись на неожиданную помеху со стороны Вильгельма и его ближайшего окружения, которое стремилось форсировать развязку. Пометки Вильгельма на полях донесений германских дипломатов, пересылавшихся ему по телеграфу, свидетельствуют, что германский император повидимому боялся больше всего того, что «шпаки», сидящие в Берлине, упустят момент для своевременной мобилизации. Он восторженно одобрял непримиримую позицию Австрии по отношению к Сербии, считая необходимым обеспечить за австро-германским блоком командующее положение на Балканах.

Об этой позиции Вильгельма лучше всего говорят его пометки на дипломатических депешах. Так, на телеграмме Чиршки от 24 июля, сообщавшей, что Берхтольд «с целью документировать перед Россией свои добрые намерения (gute Dispositionen)» пригласил русского поверенного в делах, чтобы подробно объяснить ему позицию Австро-Венгрии по отношению к Сербии и уверить князя Кудашева, что «Австрия не потребует никакой сербской территории» и «не хочет вызвать никакой перегруппировки сил на Балканах»[4], Вильгельм 26 июля сделал следующие пометки:

«Совершенно излишне. Произведет впечатление слабости и покажется извинением перед Россией; такое поведение безусловно неправильно и надо его избегать.

Австрия имеет веские доводы, в силу коих она совершила такой шаг, и нельзя же задним числом предлагать Австрии почти дискуссию.

---

[1] BD, XI, № 114; DD, № 191a, получена в Берлине в 11 ч. пополудни.
[2] BD, XI, № 115, DD, № 186, получена в Берлине в 9 ч. 25 м. пополудни.
[3] DD, № 192.
[4] DD, № 155.

Осел! Она должна вернуть себе Санджак, иначе сербы получат доступ к Адрии.

Она [перекройка карты Балкан] произойдет сама собой и произойдет неминуемо. Австрия должна получить перевес на Балканах над другими мелкими державами за счет России, иначе не будет покоя».

Такие же и другие, еще более энергичные выражения (например по адресу итальянского короля в связи с претензиями Италии на компенсации — «воришка должен всегда что-нибудь стибрить», по адресу Сербии и царской России) достаточно ярко характеризуют позицию Вильгельма в дни 24—26 июля. В 9 ч. 30 м. пополуночи 25 июля Вильгельм отдал приказ флоту ускорить погрузку угля и готовиться к возвращению в Германию [1], а министерству иностранных дел предписал подготовить доверительные запросы правительствам Дании и Швеции об их позиции. Эти запросы намеревались отправить «в случае обострения положения и увеличения напряжения между Россией и нами» [2].

Понятно, что столь архивоинственные и неосторожные аллюры Вильгельма (германскому министерству иностранных дел его пометки стали известны лишь 27 июля, после возвращения Вильгельма в Берлин) [3] встревожили Бетман-Гольвега и Ягова. Возвращение флота могло обеспокоить английское правительство, показать ему, что в Берлине стараются лишь заговорить зубы Англии и добиться ее нейтралитета. Это было тем более некстати, что морской генеральный штаб узнал через своих агентов в Портсмуте, что в 12 час. дня 25 июля началось увольнение в запас экипажа 2-й и 3-й английских эскадр. Это же подтвердил германский морской атташе в Лондоне, сообщивший, что «деконцентрация [английского флота] началась согласно плану, никаких необычных передвижений нет» [4].

Узнав, что эти новости в 6 ч. 30 м. пополудни сообщены Вильгельму, Бетман-Гольвег обратился к нему по телеграфу с просьбой отменить приказ о возвращении германского флота в свои базы.

«Начальник морского генерального штаба сообщает мне, что ваше величество на основе телеграммы Вольфа отдали приказ флоту срочно подготовиться к возвращению домой. Адмирал фон Поль мог тем временем представить вашему величеству сообщения морского атташе в Лондоне и доверенного морского агента [5] в Портсмуте, согласно которым английский флот не предпринимает никаких необычных мер; наоборот, проводится предусмотренная ранее планомерная деконцентрация [флота], так как из предшествующих сообщений посла вашего величества в Лондоне явствует, что сэр Грей по меньшей мере сейчас не думает о прямом участии Англии в возможной европейской войне и, как только

[1] DD, № 174.
[2] DD № 173
[3] DD, № 155, прим. 2.
[4] DD, № 174.
[5] Просто шпиона.

возможно, хочет способствовать локализации австро-венгерско-сербского конфликта. Я осмелюсь всеподданнейше высказаться за то, чтобы ваше величество сейчас не отдавали никаких преждевременных приказов о возвращении флота домой»[1].

«Неслыханно! Мне это совершенно не приходило в голову», — комментировал 26 июля эту телеграмму Вильгельм, до глубины души оскорбленный тем, что такой важный приказ, как приказ о возвращении флота, он мог, по мнению Бетман-Гольвега, отдать на основании телеграммы агентства Вольфа, — «на основании сообщения моего посланника о мобилизации в Белграде. Это может повлечь за собой русскую мобилизацию, повлечет за собой австрийскую мобилизацию. В этом случае я должен иметь боевые силы на суше и на море собранными. В Балтийском море нет ни одного судна!! Я имею обыкновение к тому же принимать военные меры не в силу какой-то вольфовской телеграммы, но исходя из общего положения, и этого штатский канцлер еще не понял»[2].

В то время как коронованный авантюрист изливал свои чувства в гневных замечаниях на полях телеграммы «штатского канцлера», в ночь с 25 на 26 июля была получена первая тревожная телеграмма из Петербурга от генерала Хелиуса о прекращении маневров в Красном Селе, возвращении воинских частей из лагерей на постоянные квартиры и т. д. Хелиус сообщал свои впечатления, что предпринимаются все подготовительные меры для мобилизации против Австрии[3]. Телеграмма впрочем не слишком обеспокоила Бетман-Гольвега, ибо, отправив копию депеши Хелиуса Вильгельму (подана в Главном управлении телеграфа в Берлине 26 июля в 12 ч. 5 м. пополудни)[4], он немедленно за ней (в 1 час пополудни) отправил Вильгельму следующую телеграмму:

«Кроме сообщения, сделанного генералом фон Хелиусом, пока не имеется никаких достоверных сведений о русской позиции. Если Россия готовится к конфликту с Австрией, Англия намерена предпринять посредничество и надеется при этом на французскую поддержку. Пока Россия не предпринимает никакого враждебного акта, я полагаю, что и наша стремящаяся к локализации конфликта позиция также должна остаться спокойной. Генерал фон Мольтке вернулся сегодня из Карлсбада и разделяет это мнение»[5].

Даже военщина не была встревожена известиями из царской России и считала еще пока возможным спокойно выжидать развертывания событий, для того чтобы можно было перебросить ответственность за войну на царское правительство. Но Вильгельм торопился. «Спокойствие — первая обязанность гражданина, — язвительно комментировал он на полях этой телеграммы. — Только

---

[1] № 182, подана в Главном управлении телеграфа в Берлине 25 июля в 8 ч. 35 м. пополудни.
[2] DD, № 182, ср. DD, № 158, 159
[3] DD, № 194, получена в 3 ч. 30 м. в ночь с 25 на 26 июля.
[4] DD, № 194, прим. 2.
[5] DD, № 197.

спокойствие, всегда лишь спокойствие! Но спокойная мобилизация есть в самом деле что-то новое»[1].

Выступление царской России хотя и меняло существенно международную ситуацию, но не могло внушить тревоги в Берлине. Следовало соблюдать приличия и стараться изобразить дело так, будто Германия подверглась нападению со стороны царской России, чтобы переложить на последнюю ответственность и облегчить себе работу по мобилизации народных масс на защиту «родины, безвинно подвергшейся нападению со стороны царизма». С этой целью царской России было послано предупреждение:

«После того как граф Берхтольд заявил России, что Австрия не замышляет никакого территориального приобретения в Сербии, но хочет лишь обеспечить порядок, сохранение европейского мира зависит лишь от России. Надеясь на любовь России к миру и наши стародавние добрые отношения, мы верим, что она не предпримет никакого шага, который поставит под серьезную угрозу европейский мир»[2].

Копия этого предупреждения была одновременно переадресована Шену в Париж с выражением надежды, что «Франция, с которой мы единодушны в сохранении европейского мира, использует свое влияние в Петербурге в духе умеренности»[3].

Лихновскому в Лондон, учитывая полученное накануне предложение Грея о посредничестве, был сообщен текст особого обращения к Грею.

«Согласно полученным из заслуживающего доверия источника, но еще не проверенным сведениям, — гласило это обращение, — в России предстоит призыв запасных, что будет равно мобилизации и против нас. Если эти известия подтвердятся, то против нашего желания мы будем вынуждены к контрмерам. Наши стремления и сейчас направлены к локализации конфликта и сохранению европейского мира. Поэтому мы просим сэра Э. Грея воздействовать в этом духе в Петербурге»[4].

Как можно видеть, Англию охаживали изо всех сил. Особая вежливость по отношению к Англии и особо миролюбивый вид были тем более необходимы, что днем пришло сообщение германского морского атташе из Лондона:

«Англия замышляет совместное выступление Германии, Франции и Италии для успокоения России, Австро-Венгрии. Английский король заявил принцу Генриху [брату Вильгельма], что Англия сохранит нейтралитет, если между континентальными державами вспыхнет война. Флот отпустил запасных, и команды увольняются в отпуск согласно плану»[5].

---

[1] DD, № 197.

[2] DD, № 198, подана на Главном управлении телеграфа в Берлине 26 июля в 1 ч. 35 м. пополудни.

[3] DD, № 200.

[4] DD, № 199.

[5] DD, № 207, 374.

Это сообщение, если так можно выразиться, стоило выигранной европейской войны. Все тревожные сообщения из царской России, полученные 26 июля в период до 7 час. пополудни, были мелочью, пустяком по сравнению с этим известием из Лондона. Правда, в Берлине отлично понимали, что необыкновенная кротость Сазонова (26 июля Сазонов был «кроток, как ягненок» по сравнению с 24—25 июля и выражал желание «локализовать» конфликт)[1] при наличии военных мер царской России указывала, что царское правительство также стремится соблюсти дипломатические приличия и заговорить зубы противнику, т. е. Германии и Австрии, для того чтобы тем временем провести мобилизацию. Но раз Англия не высказывала намерения ввязаться в войну и собиралась сохранить нейтралитет, вооруженное выступление царской России и даже Франции не внушало никаких опасений.

Оптимизм Берлина был однако отравлен неприятными и неожиданными известиями из Вены. 26 июля в 6 ч. 20 м. пополудни от Чиршки было получено тревожное известие, что Вена не готова к войне и что военные действия против Сербии можно начать не раньше 12 августа. Согласно сообщению Чиршки, Берхтольд прочел ему телеграмму Сегени[2] о том, что в Берлине, желая по возможности избежать вмешательства третьей стороны, считают необходимым скорее объявить войну Сербии и начать военные операции.

«Я горячо поддерживал перед начальником генерального штаба[3] [Гетцендорфом], — писал Чиршки, — *нашу точку зрения, которую граф Берхтольд разделял полностью*. Барон фон Гетцендорф объяснил, что необходимо больше всего избегать того, чтобы начать кампанию с недостаточными силами. Венгерские корпуса на северной сербской границе будут готовы к походу в короткий срок, но создание австрийского заслона (Aufstellung) на сербской западной границе [в Боснии-Герцеговине] вследствие недостаточных средств сообщения потребует больше времени, поэтому нужно выждать. Он считает, что общее наступление может начаться приблизительно 12 августа. Впрочем формальное объявление войны будет совершенно излишним, так как он вполне уверен, что уже в ближайшие дни последует вторжение неприятеля со стороны Сербии на боснийской границе»[4].

Таким образом к великому разочарованию германского министерства иностранных дел и самого Ягова, рассчитывавших, как мы знаем, на быстрое начало военных операций против Сербии, Вена в последний момент, «как обычно», не была готова. Между тем оттяжка начала войны была невыгодна, потому что

---

[1] DD, № 204, 217. О причинах „кротости" Сазонова — см. стр. 420—422.
[2] OUAP, VIII, № 10656, ср. также № 10792.
[3] Гетцендорф был вызван Берхтольдом в качестве эксперта по этому вопросу.
[4] DD, № 213 (курсив мой. — *Н. П.*).

заставляла продолжать дипломатические переговоры и давала время Антанте для дипломатического вмешательства.

Но раз Вена не была готова и дипломатическая волынка должна была затянуться до 12 августа, то еще в большей степени следовало всячески беречь и охаживать Англию и следовательно не допускать внезапного возвращения германского флота из плавания. Поэтому в 7 ч. 59 м. пополудни Бетман-Гольвег телеграфировал Вильгельму:

«Как уже сообщалось вашему величеству морским генеральным штабом, морской атташе из Лондона доносит, что английский флот увольняет запасных и увольняет в отпуск экипаж[1]. В соответствии с этим осмеливаюсь всеподданнейше предложить вашему величеству приказать флоту Открытого моря оставаться сейчас в Норвегии, так как это существенно облегчило бы Англии намеченное ею посредничество в Петербурге, который повидимому начинает колебаться»[2].

Пометка Вильгельма к этой телеграмме — «Откуда следует это предположить? Из представленного мне материала — нет» (стала известной в министерстве иностранных дел не ранее 27 июля) — была более правильной оценкой ситуации. Грей ничуть не думал о посредничестве, а только старался подобными предложениями дать больше времени царскому правительству для проведения мобилизации в России. Царское правительство ничуть не собиралось колебаться. В самом деле, в 10 ч. 5 м. пополудни пришла телеграмма из Петербурга: Пурталес сообщал, что он указал Сазонову на распространившееся в кругах петербургских дипломатов известие о получении приказа о мобилизации многими русскими корпусами на западной границе и на опасность подобных мер, которые легко могут вызвать контрмеры. «Министр возразил, — излагает далее Пурталес ответ Сазонова, — что может гарантировать, что не было издано никакого приказа о мобилизации, наоборот, в совете министров решено выждать с этим до тех пор, пока Австро-Венгрия не займет враждебной России позиции. Что «некоторые военные приготовления уже приняты сейчас, чтобы не быть захваченными врасплох», в этом г. Сазонов признался»[3].

Итак, в царской России «военные меры были приняты».

Франция выжидала, тайком принимая военные меры (см. стр. 459 и сл.).

Из Парижа Шен сообщил, что Бьенвеню-Мартен «лично вполне готов воздействовать успокоительным образом в Петербурге, как только будет создана предпосылка в виде австро-венгерского заверения, что не предполагается никакой аннексии, но он не может все еще дать формальное заверение от имени французского правительства относительно способов воздействия, так как

---

[1] DD, № 207.
[2] DD, № 221.
[3] DD, № 230.

он должен сначала снестись с отсутствующим премьер-министром»[1].

Из Лондона Лихновский подтверждал тревожные известия о русской мобилизации — Никольсон и Тиррель сообщили ему, что согласно полученным в Foreign Office сведениям «предстоит не всеобщий призыв русских запасных, но лишь частичная мобилизация вдали от нашей [германской] границы». Оба советовали согласиться на предложение Грея о конференции в Лондоне à quatre — к этому времени Грей передернул карты, пользуясь тем, что царская Россия уже по-настоящему «тронулась», что механизм развязывания войны пущен в ход и австро-германский блок завяз более или менее глубоко. Поэтому можно было усложнить условия и усилить требования, и по мысли Грея предложенная им посредническая конференция должна была разбирать конфликт *уже не между Австрией и царской Россией, как предлагал Грей 25 июля, а между Австрией и Сербией, о чем 25 июля Грей даже не заговаривал.* При этом подручные Грея — Никольсон и Тиррель — подчеркивали, что сохранение мира и отказ от военных мер являются важнейшими предпосылками конференции.

«Переход сербской границы будет равносилен потере всего, — передавал Лихновский оценку положения Никольсоном и Греем, — так как никакое русское правительство не сможет этого стерпеть и будет вынуждено напасть на Австрию, если оно не хочет навсегда потерять свое положение среди балканских государств»[2].

По словам Лихновского, Тиррель добавил, что «желаемая в Берлине локализация конфликта совершенно невозможна и должна быть вычеркнута из реальной политики».

«Я хотел бы настоятельно предостеречь, — заканчивал Лихновский свой отчет, — против того, чтобы в дальнейшем надеялись на локализацию, и выразить свою скромную просьбу, чтобы наша позиция диктовалась всегда и в частности необходимостью уберечь германский народ от борьбы, в которой ему нечего выигрывать, но можно все потерять»[3].

В ночь с 26 на 27 июля была получена телеграмма от Пурталеса о «честном слове», данном вечером 26 июля военным министром Сухомлиновым германскому военному атташе. Сухомлинов клялся, что до сих пор не издан ни один приказ о мобилизации, не взята ни одна лошадь, не призван ни один запасной, хотя подготовительные меры уже приняты. Если же австрийская армия перейдет сербскую границу, будут мобилизованы «направленные против Австрии округа — Киевский, Одесский, Московский, Казанский, но ни в коем случае Петербургский, Варшавский, Виленский, направленные против Германии». Военный

---

[1] DD, № 235.
[2] DD, № 236.
[3] Ibidem.

атташе сообщал, что считает «честное слово» Сухомлинова «обоснованным в том смысле, что полной мобилизации еще нет, но подготовительные меры весьма обширны» и что «видимо, стремятся выиграть время для новых переговоров и продолжения вооружений»[1]. Петербург продолжает свою игру — готовиться тайком к войне и заверять противников в своем желании сохранить мир. Он хотел выиграть время для продолжения вооружений.

Маневрирование германской дипломатии в этих обстоятельствах затруднялось тем, что перед ней стояла одна загадка, разрешение которой было необходимо, чтобы знать, что и как говорить Европе для оправдания нападения Австрии на Сербию.

Эта загадка заключалась в том, что текст сербского ответа на австрийский ультиматум был неизвестен в Берлине, и последний еще не знал, с какого козыря он должен ходить в своей дипломатической игре, имевшей в виду обработку общественного мнения Европы в пользу Австрии и переложение ответственности за войну на плечи Антанты.

В сводке о международном положении, составленной утром 27 июля на основании полученных в ночь с 26 на 27 июля телеграмм и переданной Вильгельму по телеграфу в 11 ч. 20 м. пополуночи 27 июля, Бетман-Гольвег, указывая, что «дипломатическое положение выяснено не полностью», сообщал: «Ответ Сербии на ультиматум, текст которого [ответа] получить еще не удалось, принимает почти все пункты, кроме издания приказа по армии, сотрудничество лишь с известными оговорками»[2].

Желанием получить этот козырь в свои руки и была вызвана телеграмма Ягова Чиршки, отправленная в 11 ч. 30 м. пополуночи 27 июля: «Немедленно телеграфируйте текст сербского ответа»[3].

То же самое Ягов повторил и Сегени, явившемуся к нему между 12 и 3 час. пополудни 27 июля[4].

Сербский поверенный в делах в Берлине Иованович, получивший текст сербского ответа в искаженном телеграфной передачей виде еще 26 июля, 27 июля вручил министерству более или менее выправленный им на свой страх и риск экземпляр[5].

Сама политическая ситуация к 27 июля еще была неопределенна. Тревожный признак — отмена Пуанкаре намеченного визита в Копенгаген[6] — компенсировался с избытком вестями из Англии, которые привез Баллин[7], командированный туда 16 ию-

---

[1] DD, № 242.

[2] DD, № 245. Речь идет о § 5, 6 ультиматума, требовавших допустить создание австро-венгерского бюро в Сербии для наблюдения за деятельностью „тайных обществ".

[3] DD, № 246.

[4] OUAP, VIII, № 10790.

[5] DD, № 270, 271; OUAP, VIII, № 10790.

[6] DD, № 250.

[7] Альберт Баллин, глава „Американо-гамбургского пароходства", тесно связанный с правящей кликой в Германии.

ля[1] Яговым для выяснения английских настроений. «Английские политические деятели, согласно рассказам Баллина, абсолютно стояли за сохранение мира»[2]. Шпионская агентура в Гулле и Мидвее указывала на отсутствие какой бы то ни было подготовки к войне[3]. Даже морской генеральный штаб, всегда подозрительно относившийся к Англии, был успокоен этими сообщениями.

«Можно предположить, что Англия сохранит выжидательное положение», — гласила телеграмма морского генерального штаба командующему дальневосточной германской эскадрой адмиралу фон Шпее, отправленная 27 июля[4].

Но Лихновский сообщил накануне — и это было неприятным известием, — что Никольсон и Тиррель настаивают на принятии предложения Грея о конференции à quatre в Лондоне, которая, как выходило из его сообщения, должна была разбирать уже не австро-русский, а австро-сербский конфликт. Следовательно речь шла уже не о простом посредничестве держав в возможном *австро-русском* конфликте, как предполагал Грей 25 июля, а о целой конференции в Лондоне четырех держав и при этом для разбора *австро-сербского* конфликта, что противоречило теории «локализации», официально выдвинутой Германией. Поэтому, не получив еще предложения Грея и не зная, в чем оно собственно будет заключаться, Бетман-Гольвег решительно отклонил его аванс.

«О предложении сэра Эдуарда Грея созвать в Лондоне конференцию à quatre, — писал Бетман-Гольвег Лихновскому, — здесь пока неизвестно. В подобной конференции мы не можем участвовать, так как не могли бы призвать на европейский суд Австрию в ее деле с Сербией. Как ясно сообщили вы, сэр Эдуард Грей проводит резкое различие между австро-сербским и австро-русским конфликтами и заботится о первом так же мало, как и мы. Наша посредническая деятельность должна ограничиться возможным австро-русским конфликтом. В австро-сербском конфликте, мне кажется, применим указанный в телеграмме из Петербурга[5] путь прямого соглашения между Петербургом и Веной. Поэтому настоятельно прошу защищать в Лондоне необходимость и возможность локализации»[6].

То же самое подтвердил почти одновременно Ягов пришедшему к нему с предложением Грея английскому послу Гошену[7].

В 3 часа пополудни Вильгельм прибыл в Потсдам, и высшие сановники — Бетман-Гольвег, Ягов, Мольтке, начальник морского

---

[1] DD, № 56.
[2] *Huldermann*, Albert Ballin; *Payot*, P. 1923, p. 233—234; *Churchill*, op. cit., p. 196; DD, № 254.
[3] DD, № 255.
[4] „Der Krieg zur See", B. I, „Kreuzerkrieg", S. 63.
[5] DD, № 238.
[6] DD, № 248.
[7] BD, XI, № 140, 185.

генерального штаба и др. — собрались в Потсдаме для совещания; Фалькенгайн и Тирпиц не присутствовали[1].

Совещание решило сохранить политику спокойствия и выжидания, отказываясь от принятия открытых военных мер, которые могли бы вызвать тревогу в Англии, т. е. продолжать начатую политическую подготовку к войне.

Вернувшись вечером в Берлин, Бетман-Гольвег и Ягов нашли четыре телеграммы германских консулов из Ковно, Риги, Киева, Варшавы[2] о крупных передвижениях царских войск к западной границе и других военных мерах царской России, направленных против Австрии и Германии. Пришла также и телеграмма от Лихновского из Лондона, которая давала понять, что Грей ловко использовал уступчивость и скромность сербского ответа для перекладывания ответственности на Германию и Австрию. Как сообщал Лихновский, Грей, ознакомившись с сербским ответом, считал, что Сербия, очевидно, под давлением Петербурга «согласилась на австрийские требования в таком объеме, какой он [Грей] никогда не считал возможным».

«Если Австрия, — излагал далее Лихновский точку зрения Грея, — не удовлетворится этим ответом, иначе, если в Вене не будут считать этого ответа основой для мирных переговоров или же Австрия приступит даже к оккупации Белграда, тогда будет совершенно ясно, что Австрия ищет только предлога для разгрома Сербии и следовательно в лице Сербии должна быть поражена Россия и русское влияние на Балканах. Ясно, что Россия не сможет смотреть на это равнодушно и должна будет принять это как прямой вызов. Результатом будет ужаснейшая война, которую когда-либо видела Европа, и никто не знает, куда такая война может привести»[3].

Грей через Лихновского просил германское правительство «использовать наше [германское] влияние в Вене, чтобы ответ из Белграда считали либо достаточным, либо основой для переговоров. Он убежден, что в наших руках лежит возможность исправить дело путем соответствующих представлений»[4]. Лихновский указывал, что Грей впервые был раздражен, говорил серьезно (см. стр. 654—656) и был абсолютно убежден, что германское влияние на Австрию сможет уладить конфликт, т. е. давал понять, что за спиной Австрии стоит Германия.

В двух дополнительных телеграммах Лихновский горячо просил выполнить просьбу Грея, указывая, что отказ Берлина воздействовать на Вену может роковым образом повлиять на англо-германские отношения и теория «локализации конфликта», выдвинутая Берлином, может теперь «вызвать лишь насмешливое пожимание плеч»[5].

---

[1] *Tirpitz*, Politische Documente, H. 1926, Bd. II, S. 2.
[2] DD, № 264, 274, 275, 276.
[3] DD, № 258.
[4] Ibidem.
[5] DD, № 265, 266.

Заявление Грея по существу говорило, что Антанту не удалось обмануть якобы непричастностью Германии к австрийскому выступлению, что Антанта считает инспиратором австрийского выступления Берлин и потому обращается к нему, предлагая последнему приказать Вене отступить, и, наконец, что «локализация» конфликта, на которую рассчитывал Берлин, не пройдет. События развертывались в таком плане и центральные державы завязли так глубоко, что Грей уже мог чуть приподнять маску, и из-под нее на минуту выглянул лик войны. Но, как мы знаем из отчета Шена (стр. 506—511), германские организаторы войны не боялись его. Новая позиция английского империализма, выраженная в этом заявлении Грея, заставила их только призадуматься над тем, как выйти из тяжелого положения в смысле перекладывания ответственности, созданного уступчивостью сербов, а также над тем, нельзя ли все-таки как-нибудь обмануть Англию. В расчете на то, что последнюю удастся обмануть, ее «хорошее расположение» (это также был обман со стороны Грея) берегли изо всех сил, охаживая ее со времени потсдамских решений (6 июля). Все последующее время для Берлина не меньше, чем для Петербурга и Парижа, самым интересным в мире «больным» была Англия, и германские дипломаты щупали этому «больному» пульс неоднократно и при каждой малейшей возможности. Германская правящая верхушка отлично понимала, что нейтралитет Англии или, на худой конец, хотя бы задержка на несколько месяцев ее вступления в войну были бы равносильны выигранной войне: для того чтобы справиться с царской Россией и Францией, Тройственный союз был еще достаточно силен.

После прочтения телеграммы Лихновского Бетман-Гольвег сообразил, что игра в политику «локализации» конфликта, которая велась до сих пор Берлином, уже не годится для оправдания в глазах Европы нападения Австрии на Сербию, потому что сербское правительство своим уступчивым и смиренным ответом на наглый австрийский ультиматум расположило общественное мнение Европы в свою пользу. С другой стороны, Вена, оказавшаяся, несмотря на трехнедельную подготовку, не в состоянии начать наступление ранее 12 августа (что подвергало Берлин натиску со стороны Антанты с просьбой воздействовать на Австрию в духе умеренности), определенно вредила Германии своей грубо топорной тактикой в отношении Сербии.

Эти причины побуждали германских организаторов войны сделать такой шаг, который бы позволил им не прослыть поджигателями войны в глазах широких масс германского народа, так как последние можно было поднять на войну, только уверив их в том, что «на Германию напали» и «Германия обороняется».

Выход нашелся. Бетман-Гольвег решил принять предложение Грея о воздействии на Вену, но, как будет указано ниже, с

такими оговорками, которые превращали это воздействие в пустой звук. Этим сразу достигались две цели:

1) исполняли просьбу Грея и этим показывали, что с Англией и ее просьбами считаются, а следовательно сохраняли или по крайней мере думали, что сохраняют, расположение Англии;

2) создавалось впечатление, что Германия содействует попыткам мирного улажения конфликта, не встречая их полным отказом, так что если бы дело дошло до войны, всегда можно было доказывать, что не Германия была ее зачинщиком.

Повода, для того чтобы воздействовать на Вену в духе английской просьбы, искать не приходилось. Он, можно сказать, лежал под руками в форме телеграммы от Чиршки, полученной в 4 ч. 35 м. пополудни 27 июля.

«Здесь [в Вене] решили завтра, самое позднее — послезавтра, — сообщал Чиршки, — отправить официальное объявление войны, главным образом для того, чтобы предотвратить всякую попытку вмешательства»[1].

Прочтя эту телеграмму, Бетман-Гольвег поспешил сообщить Чиршки содержание телеграммы Лихновского о его беседе с Греем, добавив от себя следующий комментарий[2]:

«После того как мы уже отклонили одно английское предложение о конференции, для нас невозможно отклонять à limine также и это английское предложение (Anregung). *Отказ от всякого посреднического выступления сделал бы нас ответственными перед всем светом за мировой пожар и выставил бы нас как действительных* (eigentliche) *поджигателей войны. Это сделало бы также невозможным наше собственное положение в стране [Германии], где мы должны выступать в качестве принуждаемых к войне.* Наше положение тем труднее, что Сербия повидимому сделала очень большие уступки. Мы не можем поэтому отклонить роли посредника и должны передать английское предложение на рассмотрение венскому кабинету, тем более что Лондон и Париж продолжают воздействовать на Петербург. Запросите мнение графа Берхтольда относительно английского предложения, равно как и относительно желания господина Сазонова вести переговоры непосредственно с Веной».

Лихновскому было кратко сообщено, что «мы немедленно предприняли посредническое выступление в Вене в желаемом сэром Эдуардом Греем духе. Помимо этого английского предложения мы поставили графа Берхтольда в известность о желании Сазонова относительно непосредственных объяснений с Веной»[3].

Но пересылая (по указанным уже причинам) английское предложение на рассмотрение венского кабинета, германское правительство вместе с тем поспешило предупредить своего союзника

---

[1] DD, № 257.

[2] DD, № 277, подана в Главном управлении телеграфа в Берлине в 11 ч. 50 м. пополудни 27 июля (курсив мой. — *Н. П.*).

[3] DD, № 278, подана в Главном управлении телеграфа в Берлине 27 июля 11 ч. 50 м. пополудни.

не слишком брать всерьез предложения такого рода, переадресовываемые Берлином в Вену.

Того же 27 июля в 9 ч. 15 м. пополудни Сегени телеграфировал из Берлина:

«Строго секретно. Статс-секретарь весьма решительно заявил мне строго доверительным образом, что в ближайшее время германское правительство доведет до сведения вашего превосходительства возможные предложения Англии о посредничестве. Германское правительство совершенно категорически (auf das Bündigste) заверяет, что оно никоим образом не солидаризуется с предложениями, даже решительно против их рассмотрения и передает их только для того, чтобы выполнить просьбу Англии. Оно исходит при этом из того, что в высшей степени важно, чтобы Англия в настоящий момент не приняла стороны России и Франции. Поэтому следует избегать всего, что могло бы оборвать хорошо действующий до сих пор провод между Германией и Англией. Если сейчас Германия прямо заявит сэру Эдуарду Грею, что она не хочет передать Австро-Венгрии его пожелания, которые, как полагает Англия, благодаря посредничеству Германии будут скорее нами рассмотрены, то наступит указанное положение [т. е. Англия станет на стороне России и Франции], которого безусловно необходимо избежать. Впрочем при всяком таком отдельном пожелании Англии германское правительство будет весьма определенно заявлять Вене, что оно ни в каком случае не поддерживает подобные пожелания о вмешательстве по отношению к Австро-Венгрии и передает их только ради удовлетворения пожеланий Англии. Так, уже вчера английское правительство через германского посла в Лондоне и непосредственно через своего местного представителя обратилось к нему, статс-секретарю [Ягову], с целью побудить его поддержать пожелание Англии относительно смягчения нашей ноты Сербии. Он, Ягов, ответил на это, что очень хотел бы исполнить желание сэра Эдуарда Грея препроводить просьбу Англии вашему превосходительству, но сам не мог бы поддержать таковую, так как сербский конфликт является вопросом престижа Австро-венгерской монархии, в котором заинтересована и Германия. Поэтому он, статс-секретарь, передал ноту сэра Эдуарда Грея господину фон Чиршки, не давая ему поручения представить ее вашему превосходительству. После этого он мог сделать сообщение английскому кабинету, что он не отклонил прямо английского желания, а даже передал его в Вену[1]. В заключение статс-секретарь повторно изложил мне свою позицию и просил меня во избежание всяких недоразумений уверить ваше превосходительство, что, выступая и в указанном случае как посредник, он абсолютно не высказывается за рассмотрение английского пожелания»[2].

---

[1] DD, № 186, 191a; BD, XI, № 115, 149.
[2] OUAP, VIII, № 10793.

Эта знаменитая телеграмма Сегени вызвала и вызывает еще до сих пор ожесточенную борьбу среди буржуазных историков. Вокруг нее создалась целая литература. Германские историки отрицают историческую ценность этого документа, доказывая, что она является чуть ли не плодом воображения Сегени, пославшего ее в старческом слабоумии. Это конечно вздор. Содержание всех телеграмм Сегени и в частности этой телеграммы, за исключением нескольких ошибок и промахов, которые возможны у любого дипломата, всегда достаточно верно отражало ситуацию. В этом смысле телеграммы Сегени ничуть не хуже телеграмм Гошена, Чиршки, Пурталеса, Лихновского, Извольского. К тому же указанная выше телеграмма Сегени верна еще и потому, что она достаточно точно передает ту оценку ситуации, которая под влиянием событий складывалась в германском министерстве иностранных дел и у Бетман-Гольвега.

Основным для историков вопросом, связанным с этой телеграммой Сегени, является, какие возможные предложения Англии германское правительство, согласно сообщению Ягова, собиралось довести до сведения Берхтольда. Сегени виделся с Яговым около 1—2 час. пополудни, т. е. уже после того, как Иованович вручил Ягову в полдень текст сербского ответа[1]. 27 июля в германском министерстве иностранных дел имелось три предложения Грея:

1. О конференции послов в Лондоне, прибывшее в ночь с 26 на 27 июля[2], или то же предложение Грея, но возможно еще дополненное разъяснительной запиской Гошена, врученной Ягову[3] (если будет установлено, что прием Сегени Яговым состоялся после приема Гошена). Это предложение было авансом отклонено Бетманом в телеграмме Лихновскому, отправленной 27 июля в 1 час пополудни. Поэтому трудно предположить, чтобы Ягов и Бетман, весьма категорически отклонив его, решили передать его в Вену. Кроме того об этом отказе Германии передать указанное предложение Грея Сегени послал особый отчет 28 июля, т. е. на день позже, чем свою знаменитую телеграмму[4].

2. Просьба Грея (повлиять, чтобы Вена отнеслась благосклонно к сербскому ответу), полученная 25 июля и переданная 26 июля в Вену Чиршки[5], а также и Сегени при его приеме 27 июля с указанием Ягова, что он передал Чиршки просьбу Грея о посредничестве, не давая Чиршки поручения довести ее до сведения Берхтольда.

3. Просьба Грея, выраженная в телеграмме Лихновского[6], переадресованной Бетман-Гольвегом в Вену вместе со своим комментарием; эта просьба Грея была получена в Берлине 27 июля

---

[1] OUAP, VIII, № 10790; ср. DD, № 270, 271, оба прим. 2; F., 1926, № 74.
[2] DD, № 236.
[3] DD, № 304; BD, XI, № 185.
[4] OUAP, VIII, № 10869.
[5] DD, № 186, прим. 2.
[6] DD, № 258, 277.

в 4 ч. 37 м. пополудни и отправлена в Вену в тот же день в 11 ч. 50 м. пополудни.

Мы считаем, что сообщение Сегени скорее всего относится именно к третьей просьбе Грея к германскому правительству — «повлиять на Вену, чтобы там считали ответ из Белграда либо достаточным, либо же базисом для обсуждения»[1]. Против этого толкования телеграммы Сегени говорит пока только один факт: располагал ли Сегени, имевший привычку отсылать свои сообщения в Вену с запозданием, временем увидеться с Яговым после возвращения последнего из Потсдама, а затем зашифровать и отправить телеграмму? Мы не могли установить по имевшемуся у нас в распоряжении материалу этого наверняка, но предполагаем, что это возможно по следующим основаниям:

1. Хотя неизвестно, когда точно вернулись из Потсдама Ягов и Бетман-Гольвег, но известно зато, что текст сербского ответа был отправлен Вильгельму с сопроводительным письмом Ягова в 9 ч. 50 м. пополудни. Телеграмма Лихновского с третьей просьбой Грея была получена в 4 ч. 37 м. пополудни. Можно думать, что Сегени должен был притти к Ягову после возвращения последнего из Потсдама специально для получения информации о том, что говорилось на потсдамском совещании и какова оценка ситуации Вильгельмом, досрочно возвратившимся из плавания в связи с развитием событий. Такое посещение Ягова Сегени вполне естественно, и вероятнее всего, что оно произошло около 6—6½ час. пополудни, а следовательно Сегени имел 2½—3 часа — вполне достаточный срок для написания и зашифровки телеграммы[2].

Еще более существенным основанием, на наш взгляд, является то обстоятельство, что третья просьба Грея, изложенная в телеграмме Лихновского от 27 июля[3], повторяет в более определенной и настойчивой форме ту просьбу, которую Грей изложил в записке Лихновскому 25 июля, посылая ему краткое содержание сербского ответа[4]. То, что в Берлине сделали с этой просьбой, характерно рассказал Сегени сам Ягов (стр. 553)[5].

Если первая просьба в глазах Берлина была непрошенным вмешательством в австро-сербский конфликт[6], то таким же непрошенным вмешательством (с точки зрения теории «локализации») явля-

---

[1] DD, № 258.

[2] 27 июля Сегени отправил в Берлин семь телеграмм, шесть из которых напечатаны в VIII томе OUAP. Пять из них — № 301, 302, 303, 304, 305 (OUAP, VIII, № 10788, 10789, 10790, 10791, 10792) — отправлены между 4 ч. 20 м. и 5 ч 50 м. пополудни, шестая не опубликована, седьмая — „знаменитая" телеграмма Сегени (OUAP, VIII, № 10793) отправлена в 9 ч. 15 м. пополудни. Этот перерыв во времени отсылки телеграмм может быть косвенным доказательством того, что первые 5 телеграмм были отправлены Сегени после утреннего разговора с Яговым. Последняя, седьмая — после разговора с Яговым, вечером.

[3] DD, № 258.

[4] DD, № 186, 191a; BD, XI, № 149.

[5] BD, XI, № 149; OUAP, VIII, № 10793.

[6] DD, № 192, 266.

лась и третья. Самый текст комментария Бетман-Гольвега к депеше Лихновского, переадресованной в Вену, свидетельствует больше всего о желании выполнить просьбу pro forma в силу внешнеполитических (не порвать «провода» с Лондоном) и внутриполитических (перебросить ответственность за войну на плечи возможного противника — царскую Россию) соображений. Телеграмма Сегени и комментарий Бетман-Гольвега отражают одну и ту же оценку международной ситуации, созданной телеграммами из Петербурга, телеграммой Лихновского от 27 июля и сообщением Чиршки о неготовности Австрии, ибо известия из Петербурга, полученные уже «после Потсдама», были скорее неприятны, чем действительно тревожны.

Что Бетман-Гольвег в своем комментарии и Ягов в своем заявлении Сегени исходили именно из этой оценки, свидетельствуют три документа — два документа, составленные Бетман-Гольвегом в ночь с 27 на 28 июля, до ухода его домой из министерства, и распоряжение Вильгельма, данное утром 28 июля и изложенное в письме адъютанта Вильгельма, генерала Плессена, к Мольтке.

Первый из этих документов — это обстоятельная телеграмма Бетман-Гольвега Лихновскому, написанная 27 июля и поданная в Главном управлении телеграфа в Берлине в 2 час. пополуночи в ночь с 27 на 28 июля[1]; в телеграмме излагалось отношение германского правительства к просьбе Грея, целиком исходившее из теории «локализации» австро-сербского конфликта и желания не порвать «провод» в Лондон, а сохранить его, использовав для того пересылку просьб Грея в Вену только pro forma.

«Сэр Эдуард Грей выразительно и повторно заявлял, — писал Бетман-Гольвег, — что ему нет дела до австро-сербского конфликта, но что, с другой стороны, он готов посредничать в австро-русском конфликте и при этом рассчитывает на нашу помощь. Мы заявили, что совершенно согласны с этой точкой зрения. Теперь сэр Эдуард оставил ее и просит нашего посреднического выступления в том смысле, чтобы Австрия могла рассматривать сербский ответ удовлетворительным или же по крайней мере как базис для дальнейших переговоров. Первая просьба для нас невыполнима. Для нас невозможно советовать Вене дополнительно (nachträglich) санкционировать сербский ответ, который она отклонила сразу же как неудовлетворительный, не доводя до нашего сведения. Мы очень далеко идем навстречу Англии, когда предпринимаем посредническое выступление в отношении второй просьбы. Я определенно рассчитываю на то, что Англия оценит должным образом этот наш идущий навстречу шаг»[2].

Изложив доводы, побуждавшие Австрию стремиться к решительным действиям против Сербии, канцлер заканчивал телеграмму следующим заявлением:

---

[1] DD, № 279, прим. 2.
[2] DD, № 279.

«Насколько сильно мы в полном согласии с Англией и, будем надеяться, продолжая сотрудничать с ней, стремимся во всех направлениях сохранить европейский мир, настолько мало мы могли бы признать право России или даже всей тройственной Антанты вступиться за сербские интриги против Австрии. Я почтительно прошу ваше превосходительство руководствоваться этими соображениями в ваших переговорах»[1].

Второй документ — это доклад Бетман-Гольвега Вильгельму о телеграмме Лихновского от 27 июля[2], относительно которой Ягов запрашивал у рейхсканцлера:

«Необходимо ли представить его величеству эту телеграмму? Едва ли возможно скрыть ее от ведома (es dürfte S. M. wohl kaum vorzuenthalten sein) его величества».

Бетман-Гольвег согласился с этим мнением Ягова, о чем свидетельствует его доклад Вильгельму, откровенно излагающий его точку зрения на эту просьбу Грея:

«При сем всеподданнейше представляю вашему величеству только-что прибывшую телеграмму князя Лихновского. Согласно приказанию вашего величества[3], я представил внушение сэра Эдуарда Грея графу Берхтольду[4]. Дело Австрии, какую позицию занять по отношению к ней. Если бы мы à limine отклоняли всякую роль посредника, в то время как Лондон и Париж продолжают воздействовать на Петербург, то мы были бы *признаны Англией и всем миром ответственными за мировой пожар и подлинными поджигателями войны. Это, с одной стороны, делало бы для нас невозможным сохранение нынешнего хорошего настроения в стране, с другой стороны, отклонило бы также Англию от ее нейтралитета*».

Пометка Бетман-Гольвега — «Завтра утром в Новый дворец с курьером» — свидетельствует, что он писал этот доклад поздно вечером, вернее, ночью, до ухода домой. Доклад был отправлен Вильгельму с курьером в 5 час. пополуночи 28 июля[5].

Третий документ — письмо адъютанта Вильгельма, генерала Плессена, Мольтке, опубликованное в журнале «Deutsche Politik» 18 июля 1919 г.:

«Его величество император и король приказал сообщить вам следующее: ответ сербов на ультиматум сейчас получен. После ознакомления с ним его величество нашел, что сербы по существу согласились с предъявленными требованиями и что этим у Австро-Венгрии устраняется повод к войне.

Сэр Эдуард Грей в силу такого же понимания [ответа] запросил нас о посредничестве, на что мы можем ответить только

---

[1] DD, № 379.
[2] DD, № 258.
[3] Не обсуждался ли вопрос об отношении к просьбам и предложениям Грея на совещании в Потсдаме?
[4] DD, № 277.
[5] DD, № 283, прим. 2 и 3 (курсив мой. — *Н. П.*).

передачей ноты дальше, так как для нас нежелательно обременять себя упреком, что мы побуждаем к войне»[1].

Следовательно позиция Берлина в ночь с 27 на 28 июля может быть формулирована следующим образом: Англию успокаивали и заверяли в своей готовности спасти дело мира, Австрию подстрекали продолжать свою политику непримиримости по отношению к Сербии при условии принятия венским кабинетом каких-либо мер, которые можно было бы использовать для агитации и доказательства того, что Австрия «была вынуждена» покарать Сербию. Таким образом «знаменитая» телеграмма Сегени вполне точно отражала тактику Германии. Игра по перекладыванию ответственности за возникновение войны с себя на будущих противников велась в Берлине с неменьшим рвением, чем в Лондоне, Париже или Петербурге. Хуже обстояло дело в этом отношении лишь с венским кабинетом, не заботившимся, исключая Тиссу, о каких-либо дипломатических и идеологических приличиях и этим определенно подводившим своего союзника «в блестящих латах».

Отсюда некоторый оттенок раздражения, окрасивший переписку Берлина с Веной в последующие дни.

В ночь с 27 на 28 июля пришли известия из Петербурга о военных приготовлениях и даже мобилизации Киевского, Одесского, Казанского и Московского округов[2]. Они подтверждались сообщениями из Вены, причем Гетцендорф просил германское правительство принять соответствующие контрмеры[3].

В Берлине к этой просьбе Гетцендорфа отнеслись сдержанно, считая, что она не оправдывается ходом событий. Как известно, к войне с царской Россией и Францией Германия готовилась еще с 5—6 июля, с момента первых потсдамских совещаний, и такой войны в Берлине желали, считая себя достаточно сильными, чтобы разгромить обоих противников. Но военных контрмер, рекомендуемых Гетцендорфом, избегали, так как с чисто военной точки зрения сейчас они были не нужны — в сроках мобилизации Германия имела достаточное число дней «фору» по сравнению с царской Россией. Посылка же царской России ультиматума, чего также требовал Гетцендорф, слишком явно обнаружила бы в данный момент перед Европой агрессивные намерения Германии: последняя в этом случае выступала бы перед массами как нападающая, а не обороняющаяся сторона.

С другой стороны, посылка царской России ультиматума была бы плохо принята в Англии, откуда до сих пор шли довольно успокоительные известия, которым в Берлине, полагаясь на «честное слово» английского короля брату Вильгельма, принцу Генриху Прусскому, придавали значение важного козыря.

По этим соображениям следовало продолжать начатую игру,

---

[1] DD, № 293, прим. 6.
[2] DD, № 288, 289, 290, 291, 294, 295, 296.
[3] DD, № 281.

делая хорошую мину в ответ на уверения Сазонова, что царская Россия к войне не готовится, что Россия «не обманет веры в ее любовь к миру». Для Берлина было ясно, что хотя Сазонов всячески подчеркивал свою готовность итти безгранично навстречу Австрии и «построить золотой мост» для Австрии, чтобы кризис получил мирное разрешение[1], но эти заверения Сазонова являются лишь дипломатической игрой, которая имеет целью усыпить противника и выиграть время для мобилизации. В самом деле, сообщения из Петербурга, полученные утром 28 июля, говорили об энергичной подготовке царской России к войне, если не о настоящей мобилизации[2].

Эту игру в «желание сохранить мир» следовало продолжать, хотя международное положение складывалось не в пользу Германии; очередная сводка генерального штаба говорила о военных приготовлениях не только царской России, но и Франции, а также — и это было особенно важно — о прекращении деконцентрации английского флота[3]. Англия принимала военные меры, и это приходилось учитывать в предстоящей дипломатической игре по переброске ответственности за войну на противника. Но вместе с тем, пока позиция Англии еще не была окончательно выяснена в неблагоприятную для Германии сторону, было необходимо особенно тщательно соблюдать внешнее благоприличие и говорить о миролюбии, чтобы не потерять последнего шанса на сохранение Англией нейтралитета.

В свете этих соображений и приходится рассматривать первые инструкции Берлина своим представителям за границей, отправленные после 3 час. пополудни 28 июля. Так, Чиршки в Вену была послана следующая инструкция (подана в Главном управлении телеграфа в 3 ч. 20 м. пополудни):

«Военные известия относительно России до сих пор здесь носят характер слухов и еще не подтверждены. Категорическое заявление в Петербурге даже по мнению генерала фон Мольтке сегодня еще преждевременно. Однако граф Сапари, избегая всякой угрожающей формы, мог бы все же поговорить с местным [царским] правительством и указать на последствия»[4].

Пурталесу же была отправлена рассчитанная на демонстрацию германского «миролюбия» телеграмма (подана в Главном управлении телеграфа в 3 ч. 35 м. пополудни). Телеграмма одобряла его заявление Сазонову 27 июля[5] и предписывала предложить как базис для переговоров лицемерное заявление Австрии об ее территориальной незаинтересованности на Балканах.

«Соблаговолите сказать господину Сазонову, — предписывала эта инструкция Ягова, — что я очень благодарен ему за его сообщение и примирительный дух последнего и надеюсь далее, что

---

[1] DD, № 282.
[2] DD, № 288, 289, 290, 291, 294, 295, 296.
[3] DD, № 310a.
[4] DD, № 299.
[5] DD, № 282.

заявление Австрии о территориальной незаинтересованности[1] удовлетворит Россию и сможет служить базисом для дальнейшего соглашения»[2].

Инструкция рейхсканцлера в Вену, кроме указания о ненужности на данной стадии развития событий «энергичного» выступления Германии (с чем соглашался и Мольтке), предлагала, чтобы Сапари поговорил с Сазоновым о русских военных приготовлениях, т. е. фактически натравливала Австрию на царскую Россию. Инструкция же Пурталесу в Петербург продолжала дипломатическую игру по перекладыванию ответственности на противника, для чего последнего заверяли в германском миролюбии. Больше до выяснения позиции Англии рейхсканцлер боялся что-либо сказать.

Но к вечеру 28 июля ситуация существенно изменилась. В 4 ч. 30 м. пополудни пришла телеграмма из Парижа, в которой Шен сообщал, что Франция принципиально приняла предложение Грея о конференции à quatre, отказавшись впрочем от советов умеренности в Петербурге, пока Германия отказывается от воздействия на Австрию «в умеряющем духе». По мнению Бьенвеню-Мартена, эти оговорки могли быть «легко преодолены»[3].

Читая эту телеграмму, германские организаторы войны могли лишь еще раз зарегистрировать ловкость Антанты в дипломатической игре по перекладыванию ответственности за войну на противника, особенно досадную в связи с неуклюжей прямолинейностью Австрии (в самом деле, Австрия шла напролом по своим соображениям и была намеренно прямолинейной — см. стр. 372), не желавшей считаться с какими-либо требованиями дипломатического приличия.

Действительно, «прямолинейность» Австрии была из рук вон выходящей. Лихновский сообщал из Лондона (телеграмма была получена германским министром иностранных дел в 3 ч. 45 м. пополудни, т. е. за $^3/_4$ часа до прихода телеграммы Шена (см. стр. 560), что сотрудники австрийского посольства в Лондоне «бессовестно хвастаются» направо и налево, что Австрия хочет осуществить раздел Сербии, что сам австрийский посол в Лондоне Менсдорф доверительно признавался ему, Лихновскому, что в Вене хотят только войны, так как Сербия должна быть «прибита к земле», что в результате войны куски Сербии будут отданы Болгарии и Албании[4].

Хотя в этом сообщении Лихновского для германских организаторов войны не было ничего нового и неожиданного (напомним, что Гойос говорил с Циммерманом и Бетман-Гольвегом о разделе Сербии еще 5—6 июля), однако такая беззастенчивая и нескромная похвальба австрийцев, срывавшая всю игру Германии

---

[1] Которого так предусмотрительно требовал Тисса.
[2] DD, № 300, повторена в 4 ч. 10 м. пополудни в Вену — DD, № 309.
[3] DD, № 310.
[4] DD, № 301.

на том, что Австрия якобы территориально не заинтересована на Балканах, — что было необходимо для обмана царской России, Италии и Англии, — эта похвальба была действительно некстати.

«Эта двуличность Австрии непереносима, — писал Бетман-Гольвег на полях телеграммы Лихновского. — Они отказывают нам в информации относительно своей программы, заявляют нам выразительно, что заявления графа Гойоса, говорящие о раздроблении Сербии, являются его чисто личными заявлениями, в Петербурге они прикидываются ягнятами, не замышляющими ничего дурного в своем сердце, а в Лондоне их посольство говорит о разделе сербских областей между Болгарией и Албанией»[1].

Раздражение Бетман-Гольвега было тем более понятно, что в 6 ч. 39 м. пополудни от Чиршки пришла телеграмма, отправленная из Вены в 4 ч. 10 м. пополудни и сообщавшая, что около 11 час. утра Австрия объявила по телеграфу войну Сербии, не сделав ни одного из рекомендуемых Берлином шагов для прикрытия своей агрессивности и переброски ответственности на противников[2]. Хотя Германия понукала Берхтольда возможно скорее объявить войну Сербии, тем не менее она рассчитывала на то, что этот шаг будет выполнен Веной в «добром согласии» с берлинским союзником. Самостоятельность Вены только лишний раз подчеркнула Берлину, что Тройственный союз есть кооперация интересов и что для выполнения своих целей Берлин должен считаться с интересами Вены.

Другая телеграмма Чиршки, полученная в Берлине в 7 ч. 25 м. пополудни, говорила, что Австрия уже использует новую ситуацию, созданную объявлением ею войны Сербии. По словам Чиршки, граф Бертхольд благодарил германское правительство за сообщение английского предложения о посредничестве, но указывал, что «после открытия военных действий со стороны Сербии и последовавшего затем объявления войны он [Берхтольд] считает выступление Англии запоздавшим»[3]. Как мы знаем, австрийская правящая клика торопилась с объявлением войны Сербии только с той целью, чтобы иметь возможность отклонить это предложение Грея о посредничестве и равным образом отклонять все другие аналогичные предложения. Жалобы Бетман-Гольвега на «двуличность Австрии» понятны — они создавали лишние затруднения германским империалистам. Но справедливости ради следует напомнить, что Берхтольд действовал в точном соответствии с настойчивыми и неоднократными советами Берлина форсировать войну против Сербии, чтобы предотвратить дипломатическое вмешательство Антанты, поставив ее перед совершившимся фактом.

Объявление Австрией войны Сербии существенно меняло положение, осложненное вдобавок тем, что в дипломатическую игру входили новые факторы, как например прекращение декон-

[1] DD, № 301.
[2] DD, № 311.
[3] DD, № 313.

центрации английского флота, сообщение о чем было получено в Берлине. В силу этого германским империалистам приходилось искать какие-то новые методы и формы для воздействия на общественное мнение в свою пользу.

О необходимости новых методов и форм воздействия на массы приходилось думать еще и потому, что международно-политическое положение с каждым днем резко ухудшалось не в пользу Германии. Дипломатические донесения германских представителей за границей сообщали, что царская Россия, Франция и даже Англия предпринимают военные меры и следовательно готовятся к войне. От союзников — Италии и Румынии — не было никаких сведений, позволявших думать, что они выполнят свои союзные обязательства. Италия настойчиво требовала территориальных компенсаций, но Берхтольд так же настойчиво и упорно отказывал в них. Что касается румынского правительства, то последнее для оправдания отказа выполнить обязательства союза удачно использовало недоговоренность с Болгарией и заявляло, что «полное выполнение Румынией союзных обязательств может быть задержано агрессивным выступлением Болгарии»[1].

Таким образом к моменту развязывания войны Германия и Австрия рисковали оказаться одинокими в борьбе против объединенного блока Антанты плюс Сербия. Тем самым шансы на выигрыш войны сильно ухудшались. Но если в уравнении со многими неизвестными три — Сербия, царская Россия, Франция — к этому времени стали уже известными и определились, тем более особо бережно следовало обращаться с последним неизвестным — Англией.

Именно этим сознанием, что ситуация ухудшилась, что союзники готовы предать и отказать в помощи, что австро-германский блок предоставлен пока самому себе, в то время как противники дружно и вполне солидарно готовятся к войне, и следует объяснить первое и при этом явно неискреннее предложение самого германского правительства о посредничестве, последовавшее вечером 28 июля.

История этого предложения такова.

Утром 28 июля Вильгельм, ознакомившись с текстом сербского ответа, выразил свои впечатления на полях присланной ему копии текста сербской ноты в следующих словах:

«Блестящее произведение за срок всего в 48 часов. Это больше, чем можно было ожидать. Большой моральный успех для Вены, но с этим отпадает всякий повод для войны, и Гизлю следовало бы спокойно оставаться в Белграде. После этого я никогда не отдал бы приказа о мобилизации»[2].

Развивая эту оценку созданной сербским ответом ситуации, Вильгельм отправил Ягову в 10 час. утра того же 28 июля следующее распоряжение:

---

[1] DD, № 316.
[2] DD, № 271.

«Я убежден, что пожелания Дунайской монархии в целом выполнены. Несколько оговорок, сделанных Сербией к отдельным пунктам, вполне возможно уладить путем переговоров. Но здесь [в сербском ответе] объявляется urbi et orbi[1] самая унизительная капитуляция, и в результате отпадает всякий повод для войны. Однако это только кусок бумаги, ценность которого весьма ограничена, пока ее содержание не претворено в жизнь... для того чтобы эти красивые обещания стали действительностью и фактом, необходимо применить мягкое насилие (douce violence). Это следовало бы осуществить так, чтобы Австрия с целью побудить сербов выполнить обещания оккупировала Белград и удержала его до тех пор, пока требования не будут действительно выполнены... Я хотел бы предложить сказать Австрии: Сербию принудили отступить в самой унизительной форме, — приносим по этому поводу поздравления. Этим естественно устраняется всякая причина для войны. Однако безусловно необходима гарантия выполнения обещаний. Это было бы вполне достижимо временной военной оккупацией части Сербии, подобно тому как мы оставили в 1871 г. войска во Франции, пока [нам не] заплатили миллиарды. На этом базисе я готов сотрудничать вместе с Австрией в пользу мира. Предложения, идущие против, или протесты других государств я буду безоговорочно отклонять, тем более что все они более или менее открыто апеллировали ко мне помочь сохранить мир»[2].

Эта депеша Вильгельма равноценна знаменитому восклицанию Кречинского: Сорвалось! Сербы надули. Как ни старались Берлин и Вена разжечь войну, сербы пошли на капитуляцию, и войны не будет. «Мы» все-таки ее устроим под тем предлогом, что обещания сербов — бумажка, для гарантии выполнения которой «мы» займем Белград. При выявившихся уже к этому времени настроениях царской России предложение занять Белград означало стремление провоцировать войну дальше. Такой способ «сотрудничества в пользу мира» неминуемо вел к войне, так как австрийская оккупация Белграда все равно позволяла Австрии расправиться с Сербией и добиться для австро-германского блока господства на Балканах.

Предложение Вильгельма вносило новую ноту в тот способ развязывания войны, которым до сих пор пользовалась Германия, и ставило на новые рельсы дипломатическую игру по перекладыванию ответственности за войну. Внешне это предложение имело целью документировать стремление Германии к сохранению мира, в действительности же оно форсировало войну, так как в Петербурге и Лондоне одинаково заявляли, что переход австрийцами сербской границы вызовет вооруженное вмешательство царской России и следовательно европейскую войну, чего однако в Берлине, судя по имеющимся данным, не слишком боялись. В Бер-

[1] „На весь мир".
[2] DD, № 293.

лине боялись не войны с Францией и царской Россией, а того, что вдруг Англия сразу примкнет к царской России и Франции и войну придется вести в наиболее невыгодном и тяжелом варианте.

Эта игра Берлина подтверждается телеграммой Бетман-Гольвега в Вену, поданной в Главном управлении телеграфа в 10 ч. 15 м. пополудни 28 июля. В этой телеграмме предложение Вильгельма, известное в исторической литературе под названием «Halt in Belgrad!», сообщалось в крайне скомканном виде и сопровождалось следующим комментарием Бетман-Гольвега.

Указывая на заявление Австрии в Петербурге о незаинтересованности Австрии в сербской территории[1], и подчеркивая, что «австро-венгерское правительство, несмотря на повторные запросы, оставило нас [Германию] в неизвестности о своих намерениях», Бетман-Гольвег далее вскрывал истинный смысл предложения «Halt in Belgrad».

«Полученный от сербского правительства ответ на ультиматум, — писал Бетман-Гольвег, — позволяет притти к выводу, что Сербия настолько широко пошла навстречу австрийским требованиям, что при совершенно непримиримой позиции австро-венгерского правительства придется считаться с постепенным поворотом общественного мнения всей Европы против Австрии.

По данным австрийского генерального штаба активное военное выступление против Сербии возможно не ранее 12 августа. В силу этого имперское [германское] правительство попадает в чрезвычайно трудное положение из-за того, что за этот промежуток времени оно может получить предложения от других правительств о посредничестве и конференциях. И *если оно и далее будет относиться к подобным предложениям так же сдержанно, как и до сих пор, то одиум ответственности за возникновение мировой войны по его вине в конце концов упадет на него и в глазах германского народа. А на такой основе нельзя начинать и вести успешно войну на три фронта.* Поэтому настоятельно необходимо, чтобы *при всех обстоятельствах ответственность за возможное распространение конфликта на участников, в нем непосредственно заинтересованных, упала на Россию.* В последней беседе господина Сазонова с графом Пурталесом министр почти признал, что Сербия должна получить заслуженный урок. Отсюда недалеко до вывода, что русское правительство должно признать, что поскольку уже начата мобилизация австро-венгерской армии, то сама честь оружия [!!!] требует вторжения в Сербию. Но она [Россия] тем более примирится с этой целью, если венский кабинет повторит в Петербурге определенное заявление, что он далек от мысли о территориальных приобретениях в Сербии и что его военные меры имеют целью лишь

[1] В этом Бетман-Гольвег явно ошибался, так как австрийские организаторы войны обманули германских, заверяя последних, что подобное заявление в Петербурге ими уже сделано.

временную оккупацию Белграда и некоторых других пунктов сербской территории, чтобы принудить сербское правительство полностью выполнить его требования и создать гарантии будущего добропорядочного поведения, которого Австро-Венгрия, как показывает прежний опыт Сербии, безусловно в праве требовать. Оккупация предположительно будет такой же, как германская оккупация во Франции после Франкфуртского мира для обеспечения уплаты военных издержек. Сразу же по выполнении австрийских требований последует эвакуация. Если русское правительство не признает эту точку зрения справедливой, то оно будет иметь против себя общественное мнение всей Европы, сейчас настроенное против Австрии. Дальнейшим следствием будет значительное изменение общей дипломатической и вероятно также военной ситуации в пользу Австро-Венгрии и ее союзников.

Ваше превосходительство соблаговолит обстоятельно и выразительно поговорить в этом смысле с графом Берхтольдом и намекнуть на соответствующий демарш в Петербурге. *При этом вы должны тщательно избегать создать впечатление, что мы желали бы сдержать Австрию.* Дело идет лишь о том, чтобы найти способ, позволяющий осуществить преследуемые Австро-Венгрией цели — обрезать жизненный нерв великосербской пропаганды, не развязывая в то же время мировой войны, *а если она в конце концов неизбежна, то максимально улучшить условия, в которых ее придется вести.* Ответ по телеграфу»[1].

Эта депеша Бетман-Гольвега, передавшего Вене предложение Вильгельма, не нуждается пожалуй в комментариях, она сама говорит за себя! Бетман-Гольвег больше всего боялся создать впечатление, будто Германия «желала бы сдержать Австрию». Одно это служит достаточным свидетельством того, что, выступая с предложением «Halt in Belgrad», германское правительство старалось только обмануть своих противников и народные массы, публично демонстрируя свою «любовь к миру», но отнюдь не имело в виду сохранить мир. Смысл германского сообщения в Вену заключался лишь в требовании от последней сделать что-нибудь для соблюдения приличий и помочь перебросить ответственность на противников, а также при помощи всякого рода дипломатической возни оттянуть срок развязки до 12 августа, когда будут закончены мобилизация и сосредоточение австро-венгерской армии. На самом деле предложение «Halt in Belgrad» было заведомо неприемлемым предложением для Сербии и царской России, и именно в силу своей неприемлемости оно и было сделано: отказ противника можно было использовать для обвинения его в агрессивности.

Ряд инструкций, посланных Бетман-Гольвегом до или одновременно с отправкой этой телеграммы Чиршки, подтверждает нашу оценку германского предложения «Halt in Belgrad».

В самом деле, в Берлине старались говорить о мире и клялись

---

[1] DD, № 323 (курсив мой. — *Н. П.*).

всеобщим миром, но в 9 ч. 30 м. пополудни 28 июля Вангенгейму в Константинополь была послана телеграмма о согласии заключить союзный договор с турецким правительством, набивавшимся в эти дни в качестве союзника[1]. В 9 ч. 15 м. пополудни в Стокгольм было послано многозначительное указание, что «шведская декларация о нейтралитете авансом затруднит какую-либо иную позицию Швеции в будущем»[2]. Словом, ввиду саботажа и предательства старых союзников усиленно подыскивали на случай войны новых.

Одновременно пытались заговорить зубы будущим противникам. В 8 ч. 40 м. пополудни Лихновскому в Лондон было отправлено еще одно подробное изложение германской точки зрения на конфликт[3], по существу повторявшее содержание посланной ему в ночь с 27 на 28 июля телеграммы[4]. Поздно вечером Бетман-Гольвег вызвал к себе английского посла Гошена, чтобы еще раз повторить то же самое и попутно заверить в миролюбии Германии[5].

В Петербург Пурталесу в 9 час. пополудни было по телеграфу сообщено о том, что «мы [германское правительство] продолжаем наши усилия побудить Вену к откровенному объяснению с Петербургом для того, чтобы безупречно и, будем надеяться, удовлетворительно объяснить России цель и объем австрийского выступления в Сербии. Последовавшее тем временем объявление войны ничего не меняет»[6].

Эта позиция любопытна тем, что германский империализм изо всех сил с невинной физиономией делал вид, будто объявление войны Сербии ничуть не меняет положения, и пытался убедить в этом царскую правящую клику.

Одновременно шла работа по подготовке документов, которые можно было бы использовать для демонстрации германского миролюбия «перед Европой» и перекладывания ответственности за войну на противников, в частности на царскую Россию. Последняя была избрана для этой цели и по соображениям внутриполитического характера (облегчали социал-демократам задачу мобилизации масс «на борьбу с царизмом») и главное потому, что ее выступление, как хорошо понимали германские империалисты, делало войну неизбежной и облегчало вступление в войну самой Германии.

Стараясь свалить вину на царскую Россию, Бетман-Гольвег использовал для этой цели даже личный обмен писем между Вильгельмом и Николаем II. Вечером 28 июля (это было в 10 ч. 45 м. пополудни) он предложил Вильгельму отправить царю телеграмму, взывавшую к миролюбию и уступчивости царской России.

---

[1] DD, № 320.
[2] DD, № 319.
[3] DD, № 314.
[4] DD, № 279.
[5] BD, XI, № 249, отправлена из Берлина в 12 час. пополудни (ночи) с 28 на 29 июля.
[6] DD, № 315.

«Такая телеграмма, — уверял Бетман-Гольвег Вильгельма, накануне (27 июля) отказавшегося от подобного демарша, — если дело все же дойдет до войны, выставит в ярчайшем свете вину России»[1].

В связи с ухудшавшимся положением Вильгельм дал свое согласие на посылку телеграммы, и последняя была отправлена в 1 ч. 45 м. пополуночи в ночь на 29 июля[2].

Представителям Пруссии при правительствах отдельных германских государств (Бавария, Саксония и т. д.) была разослана для сведения и руководства подробная инструкция, в которой давались указания, как сваливать всю вину за разжигание войны на царскую Россию[3].

К утру 29 июля положение стало еще более напряженным. Из Петербурга сообщали, что военные приготовления идут полным ходом. Кроме того маневр со сваливанием вины на царизм путем отправки царю «миролюбивой» телеграммы определенно не удался. «Лучшие умы» встретились! Под утро 29 июля прибыла телеграмма Николая II[4], разошедшаяся с телеграммой Вильгельма[5], отправленной ночью, и также взывавшая о мире. Конечно эту телеграмму нельзя было принимать всерьез, и германская правящая клика отлично уяснила себе, что телеграмма Николая II, подобно телеграмме Вильгельма, «честному слову» Сухомлинова и заявлениям Сазонова об его стремлении к миру, является ловким трюком, рассчитанным на то, чтобы уверить Европу в своих миролюбивых намерениях и переложить ответственность за разжигание войны на противника.

Однако германские организаторы войны нашлись и вышли из положения. На ловкий шахматный ход царизма они ответили не менее ловким: они решили еще раз предупредить Париж и Петербург о тех серьезных последствиях, которые могут быть вызваны военными приготовлениями царской России и Франции, чтобы посредством такого предупреждения подчеркнуть агрессивность последних и скрыть свою.

Соответствующая телеграмма Пурталесу для царской России (более резкая по тону) гласила:

«Укажите весьма серьезно господину Сазонову, что дальнейшее продолжение русских мобилизационных мероприятий вынудило бы и нас к мобилизации и что тогда вряд ли можно было бы задержать европейскую войну»[6].

Обработку Англии взял на себя сам Бетман-Гольвег. Вызвав к себе между 1 и 3 час. пополудни английского посла Гошена, он сообщил последнему о посылке Австрии предложения «Halt

---

[1] DD, № 308.
[2] DD, № 308, 334, 335.
[3] DD, № 307, отправлена германским миссиям в нейтральных странах 30 июля.
[4] DD, № 332.
[5] DD, № 335.
[6] DD, № 342, телеграмма в Париж — DD, № 341; обе поданы в Главном управлении телеграфа в 12 ч. 50 м. пополудни.

in Belgrad», усиленно подчеркивая, что отправка такой телеграммы является неслыханной жертвой, свидетельствующей о германском стремлении к миролюбию, и что Вене были посланы «далеко идущие советы». При этом Бетман-Гольвег выразил надежду, что Грей оценит его усилия для предотвращения опасности европейских осложнений. Вся эта чушь, рассчитанная на то, что авось удастся одурачить Англию и скрыть свою работу по разжиганию войны, говорилась ужасно «конфиденциально» и «строго секретно», с просьбой сохранить это сообщение в тайне даже от Лихновского[1]. Впрочем для последней просьбы у Бетман-Гольвега были некоторые основания. Германские организаторы войны действительно хотели скрыть от Лихновского, этого «оппозиционера» всей политической линии германского министерства иностранных дел, взятый ими курс на войну.

Но от военных мер Бетман-Гольвег пока решил воздержаться, несмотря на то, что и германский и австрийский генеральные штабы требовали мобилизации, чтобы парализовать франко-русские военные приготовления.

«В высшей степени важно, — говорил меморандум германского генерального штаба, врученный канцлеру, — возможно скорее добиться ясности относительно того, хотят ли Россия и Франция позволить себе дойти до войны с Германией. Чем дальше зайдут приготовления наших соседей, тем скорее они смогут закончить свою мобилизацию. Военная ситуация поэтому будет становиться для нас с каждым днем неблагоприятней и может привести к роковым для нас последствиям, если наши предполагаемые противники будут беспрепятственно производить свою дальнейшую подготовку»[2].

Отправки ультиматума царской России требовал и врученный через Сегени меморандум австро-венгерского правительства. Этот меморандум указывал, что начальник австрийского генерального штаба «считал абсолютно необходимым немедленно добиться ясности относительно того, можем ли мы двигаться с крупными силами против Сербии или же [должны] использовать наши главные силы против России. Решение этого вопроса обусловливает весь план похода против Сербии. Если Россия действительно мобилизовала вышеупомянутые военные округа[3], то необходимо (в особенности учитывая большое значение выигрыша времени для России), чтобы Австро-Венгрия, равно как и Германия, в силу общей ситуации немедленно предприняли далеко идущие контрмеры»[4].

Однако Бетман-Гольвег отказался объявить «состояние угрозы войны», чего настойчиво требовал военный министр. Он считал эту меру преждевременной, так как даже начальник генерального

---

[1] BD, XI, № 264.
[2] DD, № 349.
[3] Киевский, Одесский, Московский, Казанский.
[4] DD, № 352.

штаба Мольтке нашел ее слишком сильной и считал возможным ограничиться пока военной охраной железнодорожных линий.

Свой отказ предпринять какие-либо военные меры Бетман-Гольвег повторил и на совещании у Вильгельма в Потсдаме, состоявшемся приблизительно около 6—8 час. пополудни с участием Ягова, Фалькенгайна и Мольтке. Вильгельм одобрил точку зрения «гражданского» канцлера и разрешил ограничиться постановкой военной охраны на железнодорожных путях [1].

Это совещание в Потсдаме 29 июля является важным рубежом в истории развязывания мировой войны. На этом совещании под давлением Мольтке, требовавшего от канцлера дипломатического обеспечения развертывания будущих военных операций в случае войны на два фронта — с царской Россией и Францией, Бетман-Гольвег согласился на посылку германскому посланнику в Брюсселе Белову знаменитого ультиматума Бельгии. Ультиматум находился в запечатанном конверте, который Белов мог вскрыть только по получении особого телеграфного распоряжения из Берлина [2].

Как мы знаем, этот ультиматум являлся необходимым звеном в военно-оперативных планах австро-германского блока. Эти планы были рассчитаны на проход германских армий через территорию Бельгии и вторжение во Францию с севера. Таким образом нарушение бельгийского нейтралитета являлось «военной необходимостью», и германский ультиматум и требовал от бельгийского правительства пропустить через Бельгию германские войска и допустить устройство на бельгийской территории коммуникационных линий и прифронтовых учреждений, за что Берлин обещал гарантировать целость бельгийской территории после войны, не собираясь впрочем выполнять это обещание.

Факт отправки этого ультиматума еще 29 июля, в то время как вручить его собирались почти одновременно со вступлением германских войск в Бельгию (для ответа на ультиматум предоставлялся срок в 24 часа), свидетельствует о том, что главной задачей германских организаторов войны еще 28—29 июля было стремление облегчить условия ведения войны, в возникновении которой уже не сомневались, а не предотвратить ее, что усиленно стараются доказать сейчас германские историки. С другой стороны, факт посылки этого ультиматума показывает, что к войне с царской Россией и Францией подготовка шла полным ходом. Если широкие военные меры еще и не предпринимались, то это происходило только потому, что германская армия была всегда готова к войне на континенте.

Факт посылки ультиматума Бельгии точно так же показывает, что 29 июля германскому правительству стало ясно, что его мечты о перекройке карты Балкан чисто дипломатическим путем, путем «локализации» конфликта, не оправдались и что на-

---

[1] *Tirpitz*, Politische Dokumente, Bd. II, S. 2.
[2] DD, № 375, 376; ультиматум был составлен Мольтке еще 26 июля!

ступила вторая ситуация, предусмотренная отчетом Шена, — континентальная война, основным условием которой, как мы знаем, для германских организаторов войны являлся нейтралитет Англии. Ее-то за нарушение бельгийского нейтралитета следовало чем-то компенсировать.

Именно расчетом на такую компенсацию Англии за нарушение бельгийского нейтралитета и на то, что Англия согласится допустить его нарушение, и объясняется то, что участники Потсдамского совещания 29 июля с легким сердцем дали свое согласие на отправку Бельгии ультиматума.

На чем же еще основывался их расчет? Что позволяло им думать, что Англия не использует нарушения бельгийского нейтралитета как предлог для вступления в войну, что война будет континентальной? Мы уже говорили выше (стр. 492—513) о том, как руководители германской политики оценивали международную ситуацию сейчас же после сараевского убийства. Они исходили из мысли, что царская Россия и Франция не готовы, а Англия сейчас не сможет воевать из-за внутриполитических затруднений и невозможности для нее вступить в войну из-за Балкан. Кроме того они учитывали резкое обострение накануне самой войны противоречий между Англией и царской Россией в Иране. Эти расчеты не оправдались. К 29 июля выяснилось, что и царская Россия и Франция намерены воевать и будут воевать, и лишь позиция одной Англии оставалась невыясненной, хотя не могло быть сомнений в том, что в конце концов она вмешается. Но 29 июля, в момент спешной подготовки войны и против царской России и против Франции, германское правительство было уверено, что Англия по крайней мере вначале сохранит нейтралитет.

Грею удалось добиться этой уверенности при помощи особого средства — на совещании в Потсдаме, когда обсуждался вопрос о посылке Бельгии ультиматума и возможной позиции Англии в связи с ним, выяснилось, что Вильгельм якобы имеет «слово» английского короля в том, что Англия сохранит нейтралитет в предстоящей схватке. Это «слово» было дано очень осторожно и с такими оговорками, что его нельзя было считать за какое-нибудь обязательство.

Однако не использовать его и не развязать войну возможно скорее было бы «преступно». Отсюда и решение о посылке Бельгии ультиматума.

Ключ к пониманию расчетов германских империалистов дает запись Тирпица о разговоре его с Вильгельмом 29 июля в 6 час. пополудни. В этот день Тирпиц в течение всего кризиса впервые был вызван Вильгельмом в Потсдам, так сказать, для частной консультации — на совещание его не допустили: свою оценку ситуации Тирпиц изложил почти в передней.

«Его величество немедленно заявил, — гласила эта запись Тирпица, — что принц Генрих, сегодня возвратившийся из Англии, получил от его величества английского короля слово, что Ан-

глия остается нейтральной в войне. Но сэр Эдуард Грей указал, что дело будет обстоять иначе, если мы уменьшим в размерах Францию. Его величество спросил: «Как это понять?» На это статс-секретарь Тирпиц ответил, что речь Грея ясно показывает, что Англия дает условие обещания и играет в нечестную игру. Если только Англия ясно и четко объявит о своем нейтралитете, то войны не будет. Его величество возразил: «Я имею слово короля, этого мне достаточно»[1].

В Берлине отлично понимали, что за это «слово», точнее, за туманные намеки на возможность нейтралитета, Англии надо было что-то дать в виде компенсации. Что именно — нетрудно было понять: Грей грозил отказом от позиции нейтралитета в случае территориального уменьшения Франции после войны, если Франция превратится из великой во второстепенную и даже третьестепенную державу; следовательно для того, чтобы ублаготворить Грея, было необходимо заранее отказаться от аннексии французской территории, по меньшей мере в Европе. Это должно было удовлетворить Грея и обеспечить нейтралитет Англии.

Что именно таков был ход мыслей Вильгельма и самого Бетман-Гольвега, свидетельствует дальнейшая запись Тирпица:

«Его величество сказал далее, что в Лондон будет послана телеграмма о том, что мы не замышляем захвата французской территории, что мы ведем только оборонительную войну и будем уважать нейтралитет Бельгии и Голландии, если его будет уважать противная сторона. После войны мы приложим усилия к тому, чтобы притти к прочному соглашению с Англией. Рейхсканцлер предлагал, чтобы мы согласились заключить таковое и в отношении флота. Это он [Вильгельм] отклонил. Морское соглашение бесцельно. Он [Вильгельм] не может нести за него ответственность перед народом, закон о флоте должен быть проведен в жизнь»[2].

Таковы исторические корни знаменитого предложения Бетман-Гольвега о «позорном торге Бельгией», сделанного им 2—3 часа спустя Гошену.

Решение, принятое на совещании 29 июля в Потсдаме, свидетельствуя о ловкости английского империализма и его умении маневрировать и дурачить противника, в то же время свидетельствует о таком понимании политической ситуации германской правящей головкой, которое приличествует скорее уровню мелкого лавочника или фельдфебеля, нежели политическому деятелю. Впрочем Вильгельм и Бетман-Гольвег и даже наиболее умный Ягов, не говоря уже об участниках совещания «генералах», по существу и были такими фельдфебелями и мелкими приказчиками.

Таковы решения Потсдамского совещания. По окончании его Бетман-Гольвег и Ягов немедленно вернулись в Берлин (это было уже вечером), где их ждал целый букет плохих новостей и в

---

[1] *Tirpitz*, Politische Dokumente, Bd. II, S. 2—3.
[2] Ibidem.

первую очередь сообщения о подготовке царской России к войне[1].

Сообщения о подготовке царской России к войне подытоживала телеграмма Пурталеса, содержавшая заявление Сазонова о том, что Берхтольд категорически отверг предложение царской России вступить в непосредственные переговоры с Веной и что поэтому будет выпущен указ о частичной мобилизации против Австрии[2]. Еще более некстати была телеграмма Лихновского о том, что Грей предлагает посредничество либо четырех держав, либо одной Германии между Австрией и царской Россией на базисе сербского ответа, так как, по сообщениям из Рима, сербы согласились якобы проглотить все требования ультиматума и даже те пункты—5 и 6-й, которые они раньше отвергли. Они ставили только условием, что Вена даст «дополнительные разъяснения» о том, как она понимает эти пункты[3].

Уступчивость сербов объяснялась очень просто. Понимая, что дело идет к войне, что войны не избежать, и зная заведомо, что им ничего не придется выполнять из своих обещаний, сербы решили пообещать все, лишь бы только подчеркнуть этим агрессивность Австрии. Кто дал сербам такой умный и ловкий совет — неизвестно. Но эта неожиданная и крайняя уступчивость, демонстративно подчеркивавшая стремление сербов к миру, ставила австро-германский блок в очень невыгодное положение. Германия видела, что ее противники лучше справляются со своей работой по перекладыванию ответственности за войну и что аналогичная работа германских дипломатов тормозится Веной. Последняя в эти дни упорно отмалчивалась на все запросы и не обнаруживала ни малейшего желания, несмотря на все просьбы Берлина, сделать хотя бы подобие жеста, который можно было бы использовать как доказательство стремления Австрии к миру.

Раздраженный этим упорным молчанием Вены, ставившим австро-германский блок в положение поджигателей войны, Бетман-Гольвег решил покрепче нажать на венский кабинет и наконец добиться от него нужного жеста. Для достижения этой цели он использовал все три находившиеся в данный момент в дипломатической игре предложения о посредничестве, а именно: 1) «Halt in Belgrad», бывшее чисто германским предложением, которое Вена поэтому не могла оставить без ответа, 2) предложение Сазонова о прямых переговорах с Веной и 3) новое предложение Грея, переданное только что Лихновским.

Нажим по первой линии выразился в том, что в 8 час. пополудни Чиршки была отправлена копия приведенной уже нами телеграммы Лихновского от 26 июля о похвальбе чиновников австрийского посольства в Лондоне завоевательными планами в отношении Сербии[4].

---

[1] DD, № 344, 348, 365a.
[2] DD, № 343, 365.
[3] DD, № 357, поступила в 5 ч. 7 м. пополудни.
[4] DD, № 301.

«Эти заявления австрийских дипломатов, — гласил приложенный к копии комментарий Бетман-Гольвега, — должны являться отражением новых желаний и притязаний. Я с возрастающим удивлением наблюдаю позицию австрийского правительства и его не имеющие прецедентов выступления перед различными правительствами. В Петербурге говорится о территориальной незаинтересованности, нас оставляют в неизвестности относительно своей программы, в Риме отделываются ничего не говорящими фразами о компенсации, а в Лондоне граф Менсдорф раздаривает Болгарии и Албании части Сербии и ставит себя в противоречие с торжественными заявлениями Вены в Петербурге. Из этих противоречий я должен вывести заключение, что сообщение о дезавуировании графа Гойоса[1] предназначалось для галерки и что австрийское правительство носится с планами, которые оно считает необходимым сохранить в тайне, чтобы обеспечить себя германской поддержкой при всех обстоятельствах и не встретить возможного отказа в результате откровенного осведомления»[2].

В 10 ч. 18 м. пополудни Чиршки была отправлена незашифрованная телеграмма: «Немедленно телеграфируйте, получена ли вчерашняя телеграмма № 174», а в 10 ч. 30 м. пополудни в Главном управлении телеграфа подана вторая: «Ожидаю немедленного выполнения телеграммы № 174»[3]. Эта телеграмма № 174 приведена нами на стр. 564—565, она содержала предложение «Halt in Belgrad».

Нажим по второй линии — по поводу заявления Сазонова, что Берхтольд затягивает ответ на его предложение начать прямые переговоры между Веной и Петербургом[4], — также выразился в двух телеграммах, которые Бетман-Гольвег отправил тому же Чиршки. Эти телеграммы сообщали об обмене телеграммами между Николаем II и Вильгельмом[5]. В заключение, приведя жалобу Сазонова, что переговоры через Шебеко или Сапари прекратились, Бетман-Гольвег писал:

«Чтобы избежать всеобщей катастрофы или во всяком случае представить виноватой Россию, мы должны настоятельно пожелать, чтобы Вена начала и продолжала переговоры согласно телеграмме № 174»[6].

Нажим по третьей линии выразился в том, что Чиршки была отправлена копия телеграммы Лихновского[7] о новом предложении Грея со следующей инструкцией:

---

[1] DD, № 18.
[2] DD, № 361, подана в Главном управлении телеграфа в 8 час. пополудни.
[3] DD, № 377 и прим. 2; телеграмма № 174 — см. DD, № 323.
[4] DD, № 343.
[5] DD, № 383, подана в Главном управлении телеграфа в 0 ч. 10 м. пополуночи в ночь на 30 июля.
[6] DD, № 386, подана в Главном управлении телеграфа в 0 ч. 30 м. пополуночи в ночь на 30 июля.
[7] DD, № 357.

«Благоволите немедленно сообщить вышеизложенное графу Берхтольду и добавить, что мы рассматриваем такую уступчивость Сербии как подходящий базис для переговоров *на основе оккупации сербской территории в качестве залога*»,[1] т. е. сербам опять ставились заведомо неприемлемые условия.

Таким образом Берлин «по-своему» толковал предложения Грея, внося в них явно неприемлемые новеллы. По существу последнее предложение Бетман-Гольвега мало чем отличалось от его предложения «Halt in Belgrad». Разница между ними была только в том, что раньше определенно требовали в качестве залога Белград, теперь залог временно оставался неясным, и германские организаторы войны в любой момент могли «уточнить» его требованием... того же Белграда. Да и сама временная оккупация могла длиться сколько угодно времени и при удобном случае превратиться в постоянную, как показала аннексия Боснии-Герцеговины.

Эта дипломатическая игра, ознаменовавшая собою конец дня 29 июля, была выдержана в том же духе, что и прежде. Многочисленные телеграммы Бетман-Гольвега, отправленные после Потсдамского совещания, имели своей целью заставить Вену сделать подобие миролюбивого жеста, чтобы облегчить работу германского правительства по перекладыванию ответственности за войну на противников. И текст телеграмм и намеки Бетмана-Гольвега в них ничуть не имели в виду сдержать Австрию, как толкуют сейчас их германские историки. Бетман-Гольвег мог досадовать и досадовал, что противники более умело и солидарно ведут эту дипломатическую игру, но на самом деле он еще не имел никаких оснований, для того чтобы бить отбой и действительно сдерживать Австрию. Гипноз «слова» английского короля еще не рассеялся, и следовательно эта переписка рейхсканцлера с Чиршки являлась своеобразным этапом в политике развязывания континентальной войны, которую в силу большой ловкости противников и прямолинейности Вены приходилось развязывать в невыгодных условиях — прослыв поджигателями. И Вильгельм и Бетман-Гольвег в это время (когда рассчитывали на континентальную войну) заботились только о том, чтобы «во всяком случае выставить виноватой Россию», и рекомендовали Вене для этой цели продолжать переговоры с Петербургом по поводу любого из предложений посредничества. Необходимо помнить, что в это время германские организаторы войны еще были убеждены в невмешательстве Англии, несмотря на неоднократные предупреждения Лихновского. «Слово» английского короля, благочестиво-миролюбивая декламация Грея о необходимости сохранить мир и его двусмысленные заявления, наконец статьи либеральной английской прессы, хотя и осуждавшие выступление Австрии, но звучавшие в тон заявлениям Грея и усиленно

---

[1] DD, № 384, подана в Главном управлении телеграфа в 0 час 30 м. пополуночи в ночь на 30 июля (курсив мой. — *Н. П.*).

дебатировавшие его разнообразные мирные предложения, — все это заставляло скорее верить в хотя бы временный нейтралитет Англии, нежели в возможность немедленного ее вмешательства в войну.

Исходя из этого представления о позиции Англии, Бетман-Гольвег и принимал свои решения и давал соответствующие инструкции германским представителям за границей. И все приведенные выше его телеграммы не выходили за рамки условий, сложившихся к вечеру 29 июля и казавшихся ему и Вильгельму вполне объективными и реальными.

Исходя из представления о том, что Англия еще будет выжидать, и реализуя принятые в Потсдаме решения (см. стр. 570—571), Бетман-Гольвег после отправки Чиршки приведенных выше телеграмм вызвал к себе английского посла Гошена. Это было уже около 11 час. пополудни. Затем началось то, что печать Антанты впоследствии квалифицировала как «позорный торг» Бельгией.

«Наши усилия, — заявил Бетман-Гольвег Гошену, — для сохранения мира не прекращаются; если же в результате нападения России на Австрию и вытекающих отсюда для нас союзных обязательств к нашему величайшему сожалению станет неизбежным мировой пожар, то мы надеемся, что Англия останется его зрителем. Насколько мы можем судить по английской политике, она, учитывая европейское равновесие сил, не хотела бы допустить разгрома Франции, но последнего мы никоим образом не имеем в виду. Мы могли бы уверить английский кабинет при условии его нейтралитета, что в случае победоносной войны мы сами не преследуем территориальных приобретений за счет Франции в Европе. Далее, мы могли бы уверить его в том, что будем уважать нейтралитет и целость Голландии до тех пор, пока они будут уважаться нашими противниками. Что касается Бельгии, то мы не знаем, к каким контрмерам могло бы вынудить нас выступление Франции в случае войны. Но при условии, что Бельгия не станет на враждебную сторону, мы и в этом случае были бы готовы дать заверение, что целость Бельгии по окончании войны не будет затронута»[1].

Это знаменитое предложение Бетман-Гольвега, содержавшее отказ германского правительства гарантировать соблюдение им нейтралитета Бельгии, считается германскими буржуазными историками и публицистами, не говоря уже о лицемерном возмущении публицистов Антанты, грубейшей тактической ошибкой германского правительства. По мнению германских историков, указанная ошибка позволила Антанте обмануть широкие массы и, подчеркивая агрессию и наглость Германии, «безбожно» нарушающей «святость международных договоров», поднять эти массы на «священную войну».

На самом деле в этом нарушении бельгийского нейтралитета

---

[1] DD, № 373; BD, XI, № 293.

Германией не было ничего непредвиденного и неожиданного ни для самой Германии, ни для Антанты. С бельгийским нейтралитетом в случае европейской войны одинаково не считались ни в Берлине, где были достаточно известны первоначальные планы высадки английского экспедиционного корпуса на бельгийской территории, ни в Лондоне, ни в Париже, где достаточно хорошо знали сущность плана Шлиффена. Да и сама «невинная маленькая Бельгия» еще с 1905 г. вела переговоры (стр. 205—208) с английским генеральным штабом об участии Бельгии в войне на стороне Антанты. Мало того, обладая большими империалистическими аппетитами, Бельгия отнюдь не стремилась сохранить свою «невинность» и нейтралитет и охотно соглашалась принять участие в европейской драке.

Таким образом бельгийский нейтралитет был юридической фикцией чистейшей воды и для обеих сторон и для самой Бельгии, так как обе стороны одинаково собирались его нарушить и Бельгия это отлично знала. Все значение бельгийского нейтралитета и для Антанты и для австро-германского блока заключалось в том, чтобы заставить своих противников первыми произвести это нарушение и тем самым получить лишний козырь в свои руки в игре по перекладыванию ответственности за войну на противника. Мы уже указывали (гл. III), что и в Лондоне и в Париже в 1905—1906 гг. определенно рассчитывали на то, что Германия первая нарушит бельгийский нейтралитет, и в соответствии с этим строили свои планы войны с Германией. Но, как свидетельствуют французские дипломатические документы и недавно вышедшие мемуары покойного маршала Фоша, военные выгоды от нарушения бельгийского нейтралитета самой Францией до нарушения его Германией прекрасно учитывались и французским министерством иностранных дел.

Поэтому «ошибка» Бетман-Гольвега заключалась скорее в другом, а именно в той ничтожной с английской точки зрения цене, какую германское правительство предлагало Англии за сохранение последней нейтралитета в европейской войне. Вторая ошибка Бетман-Гольвега, которой не могут понять буржуазные историки, — это *отсутствие ясного представления, какой степени остроты достигли англо-германские противоречия, делавшие войну между Англией и Германией неизбежной даже при менее удобном предлоге, чем нарушение бельгийского нейтралитета.*

Так как размер компенсации английскому империализму внушал сомнения даже самому Бетман-Гольвегу, то последний сделал еще ни к чему не обязывающий Германию намек о возможности в будущем генерального соглашения с Англией о нейтралитете. Это был конечно маневр с целью обмануть противника: как мы знаем, за континентальной войной и поражением Франции и царской России должна была последовать война с Англией, как только германский империализм окрепнет и усилится в результате грабежа побежденных.

Кончая разговор с Гошеном, Бетман-Гольвег заявил:

«Эти возможные заверения кажутся [германскому правительству] подходящими основаниями для дальнейшего соглашения с Англией, к которому до сих пор постоянно вела наша политика. Заверение Англии о нейтралитете в настоящем конфликте сделало бы для меня возможным заключение в будущем генерального соглашения о нейтралитете, обсуждать подробности которого в настоящий момент преждевременно»[1].

Таким образом за нейтралитет Англии последней обещали: 1) не брать французских территорий в Европе и 2) заключить после войны общий договор о нейтралитете.

Такими «реальными» уступками правящая головка Германии надеялась купить согласие Англии на разгром Франции и царской России.

Сейчас же после ухода Гошена Бетман-Гольвегу подали телеграмму Лихновского, прибывшую еще в 9 ч. 12 м. пополудни и задержавшуюся расшифровкой. Лихновский сообщал о предупреждении Грея: Германия не должна рассчитывать на английский нейтралитет, если в конфликт между Австрией и царской Россией будут втянуты и Германия и Франция; в этом случае английское правительство «будет вынуждено к быстрым решениям»[2].

Английские организаторы войны впервые по-настоящему раскрывали свои карты (в первый раз они чуть приоткрыли их 27 июля, когда Грей «раздраженно» говорил с Лихновским, стр. 550, 654—656).

После получения этой телеграммы Лихновского Бетман-Гольвегу и другим германским организаторам войны пришлось пережить крах иллюзий о возможности «быстрой, легкой, радостной и веселой войны»: ситуация континентальной войны переросла в ситуацию мировой войны с участием Англии. А такая война при отказе союзников (Италии и Румынии) выполнить свои союзные обязательства значительно ухудшала шансы германского блока на разгром противников. «Веселая и радостная» война превращалась в рискованное и тяжелое предприятие, так как английский флот, еще сохранивший превосходство на море, имел возможность разрушить колониальную торговлю Германии, отрезать ее от необходимых для войны источников сырья и т. д.

Между тем телеграммы о мобилизации царской армии шли беспрерывно[3], хотя Янушкевич давал «честное слово русского офицера», что никакой мобилизации нет и все это фикция, обман глаз или расстройство воображения[4]. Кроме того Пурталес сообщал, что Сазонов принял «крайне возбужденно» предупреждение о необходимости прекращения военных мер и заявил, что доложит об этом Николаю II[5]. Из Вены Чиршки телеграфировал, что Берхтольд обещал повторить в Петербурге заявление

[1] DD, № 373; BD, XI, № 293.
[2] DD, № 368.
[3] DD, № 369, 376a.
[4] DD, № 370.
[5] DD, № 378.

о территориальной незаинтересованности в Сербии, но по существу уклонился от ответа на предложение «Halt in Belgrad», и Чиршки, несмотря на все свои представления о срочности дела, не мог добиться от него до 11 ч. 30 м. пополудни какого-либо более вразумительного сообщения[1].

Такая тактика Берхтольда сейчас (после предупреждения Грея Лихновскому о возможности выступления Англии на стороне царской России и Франции) грозила привести к катастрофе, так как участие Англии в войне резко меняло шансы австро-германского блока, которому пришлось бы вести борьбу против четырех противников. В силу этих соображений Бетман-Гольвег решил напомнить венскому кабинету о том, что выиграть преобладающие позиции на Балканах возможно и не форсируя во что бы то ни стало европейской войны. Он понимал, что воевать против Антанты вдвоем, без союзников, помощь которых несмотря на все старания Берлина до сих пор не удалось обеспечить, было и чересчур рискованно и трудно. Но подобная «жертва», обусловленная ходом событий, считалась Берлином приемлемой лишь при одном условии — что Австрии будет обеспечена возможность в одиночку расправиться с Сербией и восстановить позиции австро-венгерского блока на Балканах.

Исходя из этих соображений, Бетман-Гольвег немедленно телеграфировал Чиршки в Вену текст телеграммы Лихновского о предупреждении Грея, снабдив ее следующими комментариями:

«Мы стоим таким образом, если Австрия отвергнет всякое посредничество, перед мировым пожаром, в котором Англия будет против нас, Италия и Румыния по всем признакам не пойдут с нами, мы — две великих державы — будем стоять против четырех. В силу того что противником будет Англия, на Германию упадет главная тяжесть борьбы. Политический престиж Австрии, честь оружия ее армии, равно как и ее справедливые претензии к Сербии будут достаточно обеспечены оккупацией Белграда и других областей. Посредством унижения Сербии она вновь укрепит свои позиции на Балканах и по отношению к России. При таких обстоятельствах мы должны настоятельно и выразительно представить на рассмотрение венского кабинета принятие посредничества на указанных почетных условиях. В противном случае ответственность за последующие результаты была бы для Австрии и для нас необычно тяжелой»[2].

Одновременно с этим Бетман-Гольвег переслал Чиршки телеграмму Пурталеса с заявлением Сазонова о предстоящей частичной мобилизации против Австрии ввиду категорического отказа Вены от прямых переговоров с Петербургом[3]. Указав Вене на

---

[1] DD, № 388, получена в министерстве иностранных дел 30 июля в 1 ч. 30 м. пополуночи.

[2] DD, № 395, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 2 ч. 55 м. пополуночи.

[3] DD, № 365.

пренебрежение советами германского правительства о сговоре с Италией и невыполнение обещания вести прямые переговоры с Петербургом, Бетман-Гольвег снова напоминал о важности перекладывания ответственности на противников.

«Мы не можем побуждать Австро-Венгрию, — писал Бетман-Гольвег, — вести переговоры с Сербией, с которой она находится в состоянии войны. Но отказ от всякого обмена мнениями в Петербурге был бы тяжелой ошибкой, так как вызвал бы военное вмешательство России, избежать чего Австро-Венгрия заинтересована в первую очередь. Хотя мы готовы выполнить обязательства союзника, но должны отказать Вене в позволении втянуть нас в мировой пожар легкомысленно и вопреки нашим советам. Соблаговолите немедленно переговорить с графом Берхтольдом со всей выразительностью и весьма серьезно»[1].

Внутренние мотивы этого обращения Бетман-Гольвега в Вену следует искать в усложнении и ухудшении международно-политической ситуации для австро-германского блока. Воевать «в одиночку» против четырех было достаточно тяжело, но тяжесть выполнения этой задачи еще более увеличивалась тем фактом, что Вена вела исключительно прямолинейную, неприкрытую никакими дипломатическими приличиями тактическую линию в развязывании войны. В то время как страны Антанты, в особенности Англия и царская Россия, изощрялись в предложении различных мер для «улаживания конфликта» и «предотвращения войны», Австро-Венгрия, понимая всю ценность дипломатической процедуры, по собственным причинам (стр. 372) встречала решительным отказом эти предложения. Берхтольд вопреки требованиям Тиссы и настояниям из Берлина не высказывал намерения сделать определенные заявления о территориальной незаинтересованности Австрии в войне с Сербией. Он вообще избегал высказываться по этому вопросу, не желая связывать себя какими-либо обязательствами в будущем, чтобы иметь возможность при удобном случае произвести раздел Сербии.

Эта позиция Вены на фоне повторных предложений Антанты о посредничестве угрожала опасными последствиями. Не только за границей, но и в самой Германии у широких масс населения могло созреть убеждение, что Австрия является главным фактором разжигания войны, а это затруднило бы задачу изобразить войну как якобы навязанную Германии и тем самым мобилизацию «сознания и тел» на защиту родины от «коварно нападающего» врага. Вдобавок Вена, несмотря на все предшествовавшие настояния Берлина о необходимости решительных действий и быстрой военной развязки (чтобы поставить Антанту перед совершившимся фактом), могла начать военные действия против Сербии, как выяснилось сейчас, лишь 12 августа. Германское правительство, уже и сейчас бомбардируемое бесчисленными «мирными» пред-

[1] DD, № 396, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 3 часа пополуночи.

ложениями Антанты, за этот промежуток времени получило бы аналогичные предложения в еще большем количестве, не будучи в силах противопоставить им сколько-нибудь ценный в идеологическом отношении эквивалент из-за непримиримой австрийской позиции. Конечно в Берлине знали истинную цену этих предложений и сумели бы на них соответствующим образом ответить, если бы не непримиримо молчаливая позиция Австрии. Отсюда понятная досада и раздражение Бетман-Гольвега, сквозящие в каждой строке вышеприведенной телеграммы, хотя еще накануне он считал необходимым избегать при переговорах в Вене всего, что могло бы создать в правящих кругах Австрии впечатление, будто Германия желает хотя бы в малейшей степени сдержать Австрию.

Но все указанное выше имело второстепенное значение. Основная задача Берлина на данном этапе развертывания конфликта заключалась не в том, чтобы предотвратить войну, как пишут сейчас германские историки, *а выиграть время и обеспечить для Австрии возможность беспрепятственно закончить ее мобилизацию*. Поэтому одновременно с телеграммами в Вену Бетман-Гольвег принял меры к тому, чтобы «успокоить» Петербург и Лондон и попытаться замедлить русскую мобилизацию. С этой целью он отправил в Петербург три телеграммы.

В первой из этих телеграмм он сообщал Пурталесу о второй телеграмме[1] Николая II, просил объяснить Сазонову «разницу» между первым предупреждением Германии относительно русских военных мер и «мирной и дружелюбной» телеграммой Вильгельма[2] и указывал, что вопрос о передаче австро-сербского спора на рассмотрение Гаагского трибунала, что предлагал Николай II, должен быть исключен из рассмотрения[3]. Причиной этого отказа, как можно легко понять, являлась ненадежность Гаагского трибунала в смысле защиты «жизненных интересов» австро-германского блока на Балканах. С другой стороны, в Берлине все еще хотели обеспечить Австрии возможность свести счеты с Сербией в форме хотя бы ее политического порабощения и укрепить позиции австро-германского блока на Балканах. Поэтому во второй телеграмме Бетман-Гольвег просил Пурталеса сказать Сазонову, что Германия будет продолжать свое посредничество между Веной и Петербургом, если царская Россия не начнет военных действий против Австрии[4]. В третьей он объяснял, что отказ Вены от прямых переговоров с Петербургом последовал еще до выступления Германии в Вене с предложением «Halt in Belgrad»[5].

---

[1] DD, № 366.
[2] DD, № 359.
[3] DD, № 391, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 2 ч. 40 м. пополуночи.
[4] DD, № 392, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 2 ч. 55 м. пополуночи.
[5] DD, № 397, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 3 ч. 5 м. пополуночи.

Лихновскому Бетман-Гольвег поручил благодарить Грея за «откровенное сообщение» и сказать последнему, что «мы [Германия] продолжаем дальнейшее посредничество в Вене и настойчиво советуем принять предложения» Грея[1].

День 30 июля прошел в ожидании ответа из Вены, в бесплодных попытках успокоить царскую Россию, точнее, оттянуть ее подготовку к войне и уверить Англию, что Берлин нажимает на Вену с целью добиться от нее уступчивости, а также в дальнейшей подготовке к войне. Мольтке, встревоженный известиями из царской России и Франции о принимаемых там широких военных мерах, снова настаивал на объявлении «состояния угрозы войны», но Вильгельм и Бетман-Гольвег отказались пока следовать этому совету, боясь поставить Германию в позицию нападающей стороны. Как заявил на заседании прусского совета министров, состоявшемся между 5 и 7 час. пополудни 30 июля, Бетман-Гольвег, «военные власти выразили пожелание объявить состояние угрозы войны, но он успешно защищал перед его величеством доложенные им свои возражения, и меры были ограничены военной охраной железных дорог. Его величество согласился с тем, что до принятия дальнейших решений следует довести до конца изложенное выше выступление в Вене» [«Halt in Belgrad»][2].

Сдержанность Вильгельма, можно думать, стоила ему немалого труда. В 1 ч. 45 м. пополуночи в ночь на 30 июля он получил (в Новом дворце) от Николая II новую (третью по счету) телеграмму:

«Военные меры, — признавался Николай II об объявленной 29 июля частичной мобилизации, — которые сейчас вступили в силу, были решены 5 дней тому назад с целью защиты от военных приготовлений Австрии. Я от всего сердца надеюсь, что эти меры никоим образом не помешают твоей задаче посредника, которую я высоко ценю»[3].

Таким образом сам царь вопреки опровержениям Сазонова, Сухомлинова и Янушкевича признавал, что военные меры были решены 5 дней назад и что Германию все эти 5 дней надували, стараясь выиграть время. Злобная и негодующая пометка Вильгельма на этой телеграмме говорит именно о такой оценке, которая, как мы знаем, вполне соответствовала действительности:

«Австрия провела лишь частичную мобилизацию против Сербии на юге. В силу этого царь, как это открыто признается им здесь, «принял военные меры, которые сейчас вошли в силу против Австрии» и против нас 5 дней тому назад. Следовательно на неделю опередив нас. И это меры для защиты против Австрии, которая вовсе не нападает на него!!! Я не хочу больше никакого

[1] DD, № 393, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 2 ч. 55 м. пополуночи.
[2] DD, № 456.
[3] DD, № 390; ср. МОЭИ, V, № 275.

посредничества, раз царь, который взывал о нем, в то же время тайно мобилизуется за моей спиной. Это только маневр, чтобы удержать нас и увеличить уже выигранный старт. Моя задача кончена»[1].

Эти гневные комментарии Вильгельма на телеграмме Николая II дают ключ к пониманию того, как в правящих германских кругах относились к вопросу о развязывании европейской войны. Не зная еще о предупреждении Грея, Вильгельм был взбешен признаниями Николая о принятых царским правительством военных мерах, благодаря которым царская Россия под покровом дипломатической стряпни и заверений Сазонова и «генералов» о миролюбии выиграла, согласно оценке самого Вильгельма, 5 дней в проведении мобилизации (согласно оценке генерала Палицына — 12 дней, см. стр. 427), тем самым затрудняя предусмотренный планом Шлиффена разгром противников по частям. После этого признания Николая II уже нельзя было затягивать развязку до 12 августа, чтобы дать австрийцам возможность закончить свою мобилизацию против Сербии, так как царская Россия начала свои мобилизационные приготовления 5 дней назад и каждый день промедления германской мобилизации ухудшал стратегическое положение Германии. Наоборот, приходилось изо всех сил спешить, так как по всем признакам царская Россия взялась за войну всерьез, о чем говорило присланное в 7 час. пополуночи в ночь на 30 июля сообщение о том, что царская Россия официально известила державы о своей частичной мобилизации против Австрии[2].

Гневные комментарии Вильгельма на этом сообщении свидетельствуют именно о такой оценке ситуации.

«Следовательно, — писал Вильгельм, — царь своим обращением ко мне за помощью просто разыграл комедию и провел нас. Ибо о помощи и посредничестве не просят, когда уже мобилизовались. В ответ на это я также мобилизуюсь...» и т. д.

Поэтому дни 30—31 июля в правящих кругах Берлина характеризуются довольно энергичной борьбой между военщиной, требовавшей немедленной мобилизации германской армии, и штатскими — «шпаками» — Бетман-Гольвегом и Яговым. Последние, учитывая важность идеологической подготовки к войне и легкость мобилизации, повидимому настаивали на необходимости выждать с германской мобилизацией до тех пор, пока царская Россия не объявит всеобщей мобилизации, ибо благодаря этому можно было бы представить перед широкими массами все дело так, будто Германия подверглась нападению царской России и вынуждена обороняться.

В этой борьбе военщины и «шпаков» Вильгельм, как можно судить по опубликованным германским документам, склонился все же на сторону канцлера и Ягова, так как он не мог не учитывать

---

[1] DD, № 390.
[2] DD, № 399, также № 343.

всех выгод предлагаемого ими способа действий. Об этом свидетельствуют следующие факты: 30 июля между 12 и 1 час. пополудни Вильгельм получил депешу Лихновского о предупреждении Грея вместе с докладом рейхсканцлера о мерах, принятых после ее получения. Одновременно Бетман-Гольвег благодарил Вильгельма за сообщение третьей телеграммы Николая II и просил телеграфировать Николаю (текст телеграммы прилагался), что роль посредника им, Вильгельмом, еще не окончена, но становится сомнительной из-за царской мобилизации против Австрии[1]. Вильгельм, понимавший и учитывавший смысл заявления Грея, согласился с Бетман-Гольвегом и отправил указанную телеграмму[2].

Гнев Вильгельма после прочтения телеграммы Лихновского не имел границ, о чем свидетельствуют его комментарии к этой телеграмме.

«Англия открывает свои карты, — писал Вильгельм, — в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и с нами, так сказать, покончено. Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами. Наглым обманом являются обращенные ко мне слова короля Генриху [Прусскому]: «Мы останемся нейтральными и постараемся держаться в стороне от этого возможно дольше». Грей уличает короля во лжи, и эти слова Лихновскому лишь проявление нечистой совести из-за имеющегося даже у него чувства, что он обманул нас. К тому же это фактически угроза, соединенная с блефом, чтобы оторвать нас от Австрии, помешать мобилизации и взвалить на нас вину за войну. Он совершенно определенно знает, что если он скажет только одно единственное серьезное и резкое предостерегающее слово в Петербурге и Париже и порекомендует им нейтралитет, оба тотчас же притихнут. Но он остерегается вымолвить такое слово и вместо этого угрожает нам. Гнусный сукин сын! Англия одна несет ответственность за войну и мир, а не мы. Это нужно публично установить»[3].

«Благородное негодование» Вильгельма было однако только гневом мошенника, наконец понявшего, что он одурачен другим, более ловким и умным коллегой. В самом деле, Германия, решив с самого начала кризиса довести дело до войны и дав с этой целью Австрии полную свободу действий, сама заботилась только об обмане противников и о том, чтобы застигнуть их врасплох, подобно тому как это удалось ей в дни боснийского кризиса и Агадира. Предупреждение Грея говорило о том, что эта игра Германии не удалась, что замыслы Германии были поняты Антантой и последняя даже использовала эту игру в своих интересах, поставив Германию в такое положение, в котором она должна была либо итти на войну в самом невыгодном для себя варианте, либо

[1] DD, № 408, 390, 366.
[2] DD, № 420.
[3] DD, № 368.

потерпеть серьезнейшее политическое и дипломатическое поражение.

Предупреждение Грея значительно усложняло положение, увеличивая трудности будущей войны, что отлично понимал Вильгельм, судя по его пометкам на телеграмме Лихновского. Правящей головке Германии после получения этой телеграммы было ясно, что все предложения посредничества со стороны Англии делались и делаются лишь с целью:

1) перебросить ответственность за войну на австро-германский блок;

2) задержать хоть на некоторое время при помощи этих предложений австро-германскую мобилизацию и увеличить мобилизационные сроки для царской России, уравняв шансы Антанты в будущей войне с австро-германским блоком;

3) попытаться оторвать Германию от Австрии (и обратно);

4) дать возможность Германии зарваться так далеко, чтобы отступление последней назад было невозможно без грандиозного политического поражения и потери престижа.

Но, начиная войну в таких тяжелых условиях, тем более следовало (хотя Австрия и портила игру своей твердолобо-прямолинейной тактикой) перебросить ответственность за ее возникновение на противника, чтобы мобилизовать для войны массы и погнать их на убой. Именно этим обстоятельством и следует объяснить, что в период 30—31 июля, вопреки своему темпераменту и любви к «ударам кулаком», Вильгельм нашел наиболее выгодным поддержать дипломатическую игру «шпаков» по переброске ответственности на противника, хотя каждый день промедления ухудшал для Германии шансы на выигрыш войны из-за царской мобилизации. Пометка Вильгельма на телеграмме Лихновского — «Англия одна несет ответственность за войну и мир, а никак не мы. Это нужно публично установить» — свидетельствует именно о таком понимании Вильгельмом текущих задач и сложившейся ситуации.

Логическим выводом из этой оценки положения и явилась отправка Вильгельмом предложенной Бетман-Гольвегом телеграммы Николаю II[1]. Одновременно Вильгельм заставил принца Генриха Прусского отправить следующую телеграмму английскому королю:

«Если ты действительно и серьезно желаешь предотвратить эту ужасную катастрофу [европейскую войну], осмеливаюсь тогда предложить тебе использовать свое влияние на Францию и следовательно на Россию, чтобы они остались нейтральными, что, мне кажется, было бы наиболее полезно. Я считаю это правильным, быть может единственным шансом сохранить европейский мир»[2].

---

[1] DD, № 420, отправлена 30 июля в 3 ч. 30 м. пополудни.

[2] DD, № 417, подана в Главном управлении телеграфа 30 июля в 2 ч. 15 м. пополудни.

В Берлине, как мы знаем, все утро и весь день 30 июля ждали ответа из Вены, от которой требовался миролюбивый жест. Но австрийские империалисты, исходя из своих соображений, продолжали вести ту же твердолобо-неуклюжую политику прямолинейного и ничем не замаскированного форсирования войны, ничуть не заботясь об ответственности и мнении широких масс. Так, в 6 ч. 50 м. пополуночи в ночь на 30 июля от Чиршки поступила телеграмма, сообщавшая о «сожалении» Берхтольда по поводу того, что предложение Грея вести переговоры с Сербией на базисе сербского ответа запоздало, так как война Сербии уже объявлена[1]. Кроме этого заявления до 5 час. пополудни, когда началось заседание прусского совета министров, ответа на другие предложения от Чиршки не было. Зато Сегени «объяснял» причины австрийской мобилизации против Сербии[2], заявлял, что Австрия мобилизуется также и против царской России, если русская мобилизация не будет отменена[3], и по приказу Берхтольда твердил, что вопрос об уступке каких бы то ни было областей монархии итальянцам не может быть поставлен даже на обсуждение[4].

Ответа из Вены не было, и Берхтольд не собирался его давать.

Из Петербурга продолжали поступать тревожные известия. Сазонов был непримирим[5] и в ответ на упрашивания Пурталеса[6] предлагал свою знаменитую «формулу» (стр. 440 и 670—671), заявляя, что советы умеренности германского правительства в Вене для него недостаточны[7]. Шли своим чередом и сообщения о военных мерах[8]. Но ведя дальше дипломатическую игру, Бетман-Гольвег препроводил Пурталесу вышеприведенную телеграмму Николая II с признанием последнего о тайных военных приготовлениях[9] и просил Пурталеса продолжать переговоры[10]. Такое же заявление сделал Гошену и Ягов, просивший английское правительство воздействовать на царскую Россию в смысле прекращения ее мобилизации, так как Германия ждет ответа от Австрии на предложение о посредничестве при условии, что австрийцы удовлетворятся занятием Белграда[11].

Однако за этой дипломатической игрой скрывалось лишь желание замедлить мобилизацию в царской России.

Напряженность положения была еще более усилена продажей на улицах специального выпуска «Local Anzeiger», в котором сооб-

---

[1] DD, № 400; ответ на DD, № 277.
[2] DD, № 425.
[3] DD, № 427.
[4] DD, № 428.
[5] DD, № 401.
[6] DD, № 412.
[7] DD, № 412.
[8] DD, № 404, 410, 422.
[9] DD, № 390.
[10] DD, № 413.
[11] BD, XI, № 305.

щалось, что германское правительство решило объявить к вечеру мобилизацию. Выпуск газеты был конфискован, и Ягов опроверг это сообщение по телефону перед английским, французским и царским послами[1].

В 5 час. пополудни 30 июля началось заседание прусского совета министров, на котором Бетман-Гольвег был вынужден высказаться о международном положении, вернее, дать отчет о своей политике за период кризиса. Этот отчет, как ни старался рейхсканцлер представить Германию жертвой событий, явился суровым обвинительным актом против германского империализма, который, натравливая Австрию на Сербию в надежде на нейтралитет Англии, в конечном итоге создал такую ситуацию, когда Германия и Австрия без союзников должны были вести войну против четырех держав.

Изложив ход событий и охарактеризовав международное положение и расстановку сил противников, а также их меры по подготовке к войне, Бетман-Гольвег был вынужден признать, что баланс сил изменился не в пользу австро-германского блока и что война в этих условиях слишком рискованна и опасна.

«Что касается позиции других государств, — заявил Бетман-Гольвег, — то надежды на Англию равны нулю. Англия будет на стороне Двойственного союза. Позиция Италии еще не совсем ясна. Австро-сербский конфликт не пользуется популярностью в Италии, ибо полагают, что он ставит под угрозу итальянские интересы на Балканах. Италия боится, что не сможет в полном объеме выполнить договорное заверение о помощи. Он [Бетман-Гольвег] воздействовал на Австрию, чтобы последняя столковалась с Италией, но это до сих пор не осуществилось ввиду непримиримости Австрии в проведении своей политики. На помощь Румынии, равно как и на помощь Болгарии, нельзя рассчитывать, так как нынешнее правительство вероятно падет и будет заменено руссофильским»[2].

Канцлер мог только добавить, что «руководство событиями уже потеряно и камень покатился».

Речь Бетман-Гольвега показывает, что 30 июля все иллюзии и надежды отдельных членов германского правительства, и в частности Ягова и самого Бетман-Гольвега, на возможность развязать чисто континентальную войну без участия Англии и следовательно без особой затраты средств и усилий разгромить Францию и царскую Россию исчезли, как дым. Наоборот, участие Англии в будущей войне делало последнюю рискованным и опасным предприятием. Но *так как избежать такой войны Берлин все равно не хотел, то по крайней мере следовало всячески облегчить ее ведение, создавая наиболее выгодные условия для своего вступления в войну.* К числу этих условий принадлежала прежде всего мобилизация сознания и тел широких масс, кото-

---

[1] BD, XI, № 306; МОЭИ, V, № 306; F., 1926, № 105.
[2] DD, № 456.

рым хотели вбить в голову, что на Германию «напали». Только при соблюдении этого условия социал-демократические вожди соглашались гарантировать правящей головке выполнение задачи — идеологически подготовить массы к войне и обеспечить проведение мобилизации. Хотя Вена определенно портила дипломатическую игру Германии, продолжая свою прямолинейную тактику развязывания войны, однако, несмотря на невыгодность и рискованность войны в таких условиях, Берлин не мог «отказаться» от Австрии и дезавуировать политику венского кабинета, т. е. поставить Австрию перед угрозой войны в одиночку против Сербии и царской России.

Такой путь, как мы знаем из письма Ягова к Лихновскому (стр. 501—502), был неприемлем для Берлина, так как после разгрома и раздела Австрии Германия осталась бы в одиночестве перед объединенным блоком Антанты. Германская правящая верхушка отлично понимала, что царская Россия, даже в том случае, если ей позволено будет разгромить Австрию, не порвет с Антантой, так как основное русско-германское противоречие оставалось неразрешенным (борьба за проливы и Малую Азию). Точно так же оставление Австрии на произвол царской России после всех уверений о «нибелунговой верности» в союзе, после данной Вене carte blanche и прямых понуканий Австрии к выступлению против Сербии грозило просто взорвать австро-германский блок и вызвать выход Австрии из союза, т. е. Германия в конечном счете оказывалась в той же позиции блестящего одиночества перед объединенным блоком Антанты.

Что именно такие соображения бродили в умах правящей германской головки, свидетельствует следующая пометка Вильгельма (датирована в 7 час. пополудни 30 июля) на телеграмме Пурталеса о полуторачасовом разговоре последнего с Сазоновым в ночь с 29 на 30 июля, когда Сазонов заявил, что отмена частичной русской мобилизации уже невозможна.

«Если мобилизацию нельзя уже отменить, — а это неверно, — то почему же тогда царь через три дня после этого обратился ко мне и взывал к моему посредничеству, не упоминая об издании приказа о мобилизации. Ведь это ясно доказывает, что мобилизация показалась ему самому чересчур поспешной и он ради успокоения своей пробудившейся совести сделал потом этот шаг перед нами лишь pro forma. Легкомыслие и слабость должны ввергнуть мир в самую ужасную войну, имеющую целью в конечном счете гибель Германии... Англия, Россия и Франция *сговорились,* принимая за основу casus foederis в отношении к Австрии, сделать сербский конфликт предлогом для войны с нами на уничтожение... Мы должны *либо подло предать нашего союзника и предоставить его на произвол России и этим взорвать Тройственный союз, либо подвергнуться нападению и наказанию со стороны Тройственного соглашения за нашу союзническую верность,* и в этом случае их зависти будет дано наконец удовлетворение тем, что они сообща со-

вершенно разорят нас. Глупость и неспособность нашего союзника стали для нас петлей на шее»[1].

Вильгельм мог утешать себя логичностью своих рассуждений — комментарии его свидетельствуют, что он правильно оценивал замыслы Антанты, но его негодование против Антанты было негодованием шулера, обыгранного другим более ловким шулером. На самом деле ни о каком отступлении назад или сдерживании Австрии германская правящая клика и не думала и шла на войну, досадуя только, что последняя из «веселой и радостной» стала тяжелой и опасной. Что дело обстояло именно так и что излияния Вильгельма по поводу необходимости «подло предать» союзника имели чисто декларативный характер, что в Берлине меньше всего в тот момент думали о таком предательстве, ибо нуждались в австрийских корпусах, свидетельствует тот факт, что почти одновременно со своими комментариями на телеграмме Пурталеса (датированы 7 час. пополудни 30 июля) Вильгельм отправил Францу-Иосифу (телеграмма подана в Главном управлении телеграфа в Берлине в 7 ч. 15 м. пополудни 30 июля) следующие «увещевания».

«Я был не в состоянии, — телеграфировал Вильгельм, — отказать личной просьбе царя предпринять попытку посредничества для того, чтобы отвратить мировой пожар и сохранить мир всего мира, и представил вчера и сегодня предложения твоему правительству через моего посла. Они между прочим предусматривают, что Австрия после оккупации Белграда и других областей объявит свои условия. Я был бы искренне тебе обязан, если бы ты возможно скорее соблаговолил дать мне ответ о своем решении»[2].

Таким образом Вильгельм предлагал Францу-Иосифу (и то в весьма сомнительных выражениях) всего-навсего подумать о том, что выгоднее: развязать во что бы то ни стало мировую войну, которая будет сопряжена с величайшей затратой средств и усилий для австро-германского блока, или удовлетвориться возможностью занять Белград и после этого диктовать свои условия сербам, т. е. политически сокрушить Сербию и восстановить политическое положение австро-германского блока на Балканах за счет царской России. Заявление Вильгельма — «я был не в состоянии отказать личной просьбе царя предпринять попытку посредничества» — довольно ясно указывало Вене, учитывая знаменитую телеграмму Сегени от 27 июля, что Берлин препровождает предложения посредничества только pro forma, но отнюдь не идентифицируется с ними.

Почти одновременно (между 5 и 6 час. пополудни) с посылкой этой телеграммы Францу-Иосифу прибыли наконец известия из Вены от Чиршки.

В первой телеграмме, полученной в 5 ч. 25 м. пополудни, Чиршки сообщал, что в результате настояний берлинского кабинета

---

[1] DD, № 401.
[2] DD, № 437.

о продолжении прямых переговоров между Веной и Петербургом[1] граф Берхтольд отправил Сапари инструкции начать переговоры с Сазоновым. Надпись Вильгельма (против подчеркнутого им слова «начать») «только впервые» показывает, что в Берлине поняли, что «дорогой союзник» надул еще раз союзника в «блестящих латах»[2].

В 5 ч. 50 м. пополудни прибыла вторая телеграмма: Чиршки сообщал, что он «со всей выразительностью» выполнил поручение и передал телеграмму Лихновского о предупреждении Грея с соответствующими комментариями Бетман-Гольвега[3]. Но ответ Берхтольда, сообщаемый Чиршки, говорил все о том же желании Австрии уклониться от ответа: «граф Берхтольд даст обстоятельный ответ после получения приказа от императора Франца-Иосифа»[4], — доносил Чиршки.

Берлин, понимая эту тактику Вены и учитывая необходимость какого-либо миролюбивого жеста со стороны Австрии, решил еще раз «нажать» на Вену и добиться такого жеста. Поэтому одновременно с посылкой телеграммы Вильгельма Францу-Иосифу, т. е. между 7 и 8 час. пополудни 30 июля, Штумму поручили переговорить по телефону с Чиршки. Разговор однако не дал желанных результатов — Чиршки сообщил, что Вена не собирается поворачивать вспять[5]; Берхтольд ссылался на то, что перед принятием такого «важного» решения (дело шло о предложении «Halt in Belgrad», а ничуть не об отступлении назад) он должен посоветоваться с Тиссой, который приезжает завтра утром[6], т. е. попросту уклонялся от требуемого Берлином жеста.

Тогда Бетман-Гольвег отправил Чиршки срочную телеграмму (подана в Главном управлении телеграфа в 9 час. пополудни), в которой, сообщая Чиршки текст телеграммы Вильгельма Францу-Иосифу[7], разъяснял, что все берлинские предложения вызваны желанием свалить ответственность на царскую Россию.

«Если Вена, — писал Бетман-Гольвег, — как можно предположить из телефонного разговора вашего превосходительства с г. фон Штуммом, отвергает всякий отбой, особенно предложение Грея[8], *то вряд ли затем будет возможно приписать России вину за вспыхивающий европейский пожар.* Его величество предпринял по просьбе царя вмешательство в Вене, так как *он не мог отклонить ее, не создавая неопровержимого подозрения, что мы хотим войны.* Успех этого вмешательства однако затруднен, ввиду того что Россия мобилизовалась против Австрии. Это мы сообщили сегодня Англии[9] с добавлением, что мы уже дру-

[1] DD, № 323, 377, 396.
[2] DD, № 433.
[3] DD, № 395.
[4] DD, № 434.
[5] DD, № 441.
[6] DD, № 440, 465.
[7] DD, № 437.
[8] DD, № 395.
[9] DD, № 409.

жески намекнули в Петербурге и Париже о прекращении русских и французских военных мероприятий; новый шаг в этом направлении можно было сделать только путем ультиматума, что означало бы войну. Мы дали понять поэтому сэру Эдуарду Грею, чтобы он со своей стороны выразительно повлиял в этом духе в Париже и Петербурге, и получили соответствующие заявления через Лихновского[1]. Если эти попытки Англии закончатся успехом, в то время как Вена отвергает все, то этим Вена документально удостоверит, что она безоговорочно хочет войны, в которую будем втянуты и мы, *тогда как Россия будет свободна от ответственности. Это создает для нас совершенно невозможное положение по отношению к нашему народу.* Мы хотим поэтому настоятельно рекомендовать, чтобы Австрия приняла предложение Грея, которое защищает ее позиции во всех отношениях. Ваше превосходительство соблаговолит самым выразительнейшим образом высказаться в этом смысле перед графом Берхтольдом и возможно также перед графом Гойосом»[2].

Как можно видеть из этого «увещевания» Вены, Бетман-Гольвег советовал Австрии принять хотя бы для вида лицемерное предложение Грея, потому что отказ венского кабинета не позволит «приписать России вину за вспыхивающий европейский пожар» и поставит германское правительство в отношении германского народа «в совершенно невозможное положение». Телеграмма свидетельствует о том, что в Берлине к вечеру 30 июля заботились только о том, чтобы свалить ответственность за возникновение войны на царскую Россию, а отнюдь не старались, как доказывают германские историки, сдержать Австрию. Именно этими соображениями следует объяснить тот факт, что приведенная выше телеграмма Бетман-Гольвега была следующей же инструкцией им самим отменена, как только в дело решил вмешаться германский генеральный штаб в лице Мольтке и форсировать войну.

Все эти дни германский генеральный штаб, как можно думать, жил и действовал под знаком войны. С одной стороны, он опасался, что военные приготовления царской России и Франции зайдут так далеко, что Германия потеряет все выгоды, даваемые ей быстротой мобилизации. С другой—он боялся еще больше, что будет потерян случай «великого решения» (превентивной войны, на развязывании которой германская военщина, как мы знаем, настаивала еще с 1905 г.) и что этот случай, представившийся германскому империализму в 1914 г., может не повториться. Последние опасения были достаточно вескими — мы уже приводили заявления графа Вальдерзее и самого Конрада фон Гетцендорфа о боеспособности австрийской армии. Сейчас, в 1914 г., Австрия могла еще выставить 40 дивизий на русский фронт, но

---

[1] DD, № 435.
[2] DD, № 441 (курсив мой. — *Н. П.*).

дальше — в будущем году? С каждым годом боеспособность австрийской армии падала из-за внутриполитического разложения монархии. Поэтому германский генеральный штаб решил использовать создавшуюся ситуацию и, несмотря ни на что, довести до конца дело войны, тем более что сторонники сухопутной доктрины, преобладавшие в штабе, ничуть не тревожились вступлением Англии в войну и увеличением сил Антанты на несколько дивизий английского экспедиционного корпуса. Необходимо помнить, что генеральный штаб, почти сплошь состоявший из представителей касты полуфеодального юнкерства, защищал, как мы указывали раньше, «континентальный вариант» войны. Считая, что «великое решение» определится исходом борьбы грандиозных армий противников, что разгром Англии будет предопределен разгромом Франции и царской России, генеральный штаб заботился в первую очередь о том, чтобы развязать войну на суше в тот момент, когда австро-германский блок был еще в состоянии разгромить двух главных сухопутных противников—Францию и царскую Россию. И так как план Шлиффена предполагал осуществить разгром Франции в течение 6 недель, а царской России в течение 6 месяцев с момента начала войны, а английская экспедиционная армия, предназначенная для посылки на континент, не превышала 150 тыс. чел. и не могла в течение первых 6 недель войны (срока, в который намечали разгромить Францию) вырасти в миллионную армию, то генеральный штаб в силу этих причин довольно хладнокровно относился к возможности участия Англии в войне. Он считал, что посылка на помощь Франции английского экспедиционного корпуса в размере 150 тыс. чел. не спасет Францию от поражения и лишь позволит уничтожить кадровый состав английской армии. В длительную позиционную войну, рассчитанную на несколько лет и на то, что Англия сможет, введя воинскую повинность, увеличить свою кадровую армию и стать одним из факторов решения войны на суше в пользу противников, — в эту возможность германский генеральный штаб, как показывает план Шлиффена, просто не верил. Он, вообще говоря, не рассчитывал на длительную сухопутную войну, повторяя этим ошибку и царской (Сухомлинов) и французской военщины, которые одинаково исходили из убеждения, что война будет маневренной и кратковременной.

В свете этих соображений и следует оценивать вмешательство вечером 30 июля германского генерального штаба в события. Оно объясняется повидимому тем, что все настояния военщины о форсировании военной развязки отвергались штатским канцлером, несмотря на тайные мобилизационные приготовления царизма и уже выяснившуюся враждебную позицию Англии. По мнению германских генералов, Бетман-Гольвег, будучи штатским «шпаком», недооценивал важности мобилизационных мероприятий царизма. Он все еще продолжал вести игру по переброске ответственности за войну на противников, стараясь не допустить про-

ведения таких мер, которые могли бы подчеркнуть агрессивность Германии.

Поэтому, махнув рукой на «шпаков» (Бетман-Гольвега и Ягова), генеральный штаб приступил к форсированию военной развязки. Начальник генерального штаба Мольтке тайком через австрийского военного агента Бинерта вечером 30 июля уведомил австрийский генеральный штаб, что Австрия должна стоять непоколебимо.

«Мольтке сказал, — телеграфировал Гетцендорфу о своем разговоре с Мольтке Бинерт, — что считает положение критическим, если Австро-венгерская монархия не мобилизуется немедленно против России. Заявление России об объявлении ею мобилизации делает необходимыми контрмеры со стороны Австро-Венгрии и *может быть приведено в качестве объяснения для публики.* В силу этого возникает casus foederis. Заключите какое-либо приличное соглашение с Италией, обещая компенсацию, чтобы Италия активно осталась в Тройственном союзе, — фактически не оставляйте ни одного солдата на итальянской границе. Отклоните повторяемые Англией авансы насчет сохранения мира. Встретить твердо европейскую войну — последний шанс на спасение Австро-Венгрии. Германия пойдет с ней без оговорок» [1].

Не довольствуясь этим, Мольтке послал Конраду фон Гетцендорфу особую телеграмму:

«Встретьте твердо русскую мобилизацию. Австро-Венгрию нужно сберечь. Немедленно мобилизуйтесь против России. Германия объявит мобилизацию. Принудьте Италию путем компенсаций к выполнению долга союзника» [2].

Эти телеграммы, как мы знаем, рассеяли всякие сомнения и Берхтольда и Гетцендорфа в позиции Берлина, какие у них могли бы создаться в результате многочисленных «мирных» телеграмм Бетман-Гольвега.

После посылки этой телеграммы Мольтке отправился к Бетман-Гольвегу и, указывая на решение царской России мобилизоваться, добился того, чтобы последний отменил посланную им в 9 час. пополудни инструкцию Чиршки с последним «предостережением» [3] Берхтольду, имевшим целью, как мы знаем, снять с себя ответственность за войну.

Под давлением Мольтке рейхсканцлер отправил Чиршки 30 июля в 11 ч. 20 м. пополудни срочную телеграмму: «Временно не выполняйте инструкции № 200» [4].

В непосланном Чиршки проекте телеграммы Бетман-Гольвег объяснял мотивы этой отмены: «Я отменил выполнение инструкции № 200, так как генеральный штаб только что сообщил мне, что военные приготовления наших соседей, особенно на востоке, вы-

---

[1] *Conrad*, IV, S. 152 (курсив мой. — *Н.П.*).
[2] DD, № 451a.
[3] DD, № 441.
[4] DD, № 441, 450.

нудят нас к скорому решению, если мы не хотим подвергнуть себя неожиданностям»[1].

Но сейчас после посылки телеграммы рейхсканцлеру принесли прибывший в 11 ч. 8 м. пополудни ответ английского короля на телеграмму принца Генриха Прусского[2]. Король заявил, что английское правительство «делает все для него возможное, чтобы побудить Россию и Францию приостановить дальнейшие военные приготовления, если Австрия даст согласие удовлетвориться оккупацией Белграда и окружающей сербской территории в качестве залога удовлетворительного выполнения своих требований, в то время как другие державы приостановят свои военные приготовления»[3].

Этот лицемерный ответ короля, фактически форсировавший развязывание войны и объясняемый тем, что как раз в это время Грею приходилось выдерживать натиск «леворадикального» большинства кабинета, побудил Бетман-Гольвега не отказаться окончательно от продолжения игры по переброске ответственности за войну на противников. Он учитывал также и то, что формула, предложенная Греем (стр. 671) после получения в Лондоне сообщения о частичной мобилизации царской России против Австрии и имевшая целью провоцировать войну дальше, при надлежащем истолковании позволяла Австрии раздавить Сербию и произвести перекройку карты Балкан в пользу австро-германского блока, в случае если бы Антанта забила отбой и дело не дошло бы до войны. Таким образом в случае отступления Антанты выигрывалась крупная победа без дорого стоящей и рискованной при возможном участии Англии мировой войны. Поэтому в 2 ч. 24 м. пополуночи в ночь на 31 июля Бетман-Гольвег телеграфировал копию ответа английского короля Чиршки со следующим комментарием:

«Я приостановил выполнение инструкции № 200. В связи со следующей телеграммой короля Англии принцу Генриху [следует текст ответа] ваше превосходительство соблаговолит немедленно сообщить телеграмму графу Берхтольду и при его пожелании оставить ему копию для возможного использования перед императором Францем-Иосифом. Настоятельно необходимо определенное решение Вены в течение сегодняшнего [31 июля] дня»[4].

Утром 31 июля Бетман-Гольвег мог прочесть подробные отчеты Чиршки о переговорах с Берхтольдом по поводу «настоятельных» германских советов принять предложение о посредничестве «Halt in Belgrad», отчасти совпадавшее с последним предложением Грея. По словам Чиршки, Берхтольд и в особенности его помощники — Форгач и Гойос — не скрывали намерения приступить к

---

[1] DD, № 451.
[2] DD, № 417.
[3] DD, № 452.
[4] DD, № 464.

мобилизации[1]. Неблагоприятны были и известия из Англии: Гошен принес резкий отказ Грея вести «бесчестный торг» о бельгийском нейтралитете[2]. Но все известия и события покрыла пришедшая в 11 ч. 40 м. утра телеграмма о русской всеобщей мобилизации, слухи о которой достигли Берлина поздно вечером 30 июля[3].

Русская всеобщая мобилизация существенно меняла и политическую и стратегическую ситуацию. С ее объявлением создавалась возможность свалить ответственность за нападение на царскую Россию и следовательно скрыть свою работу по разжиганию войны. Мобилизация царской России с этой точки зрения даже давала германскому правительству своеобразный выход из «невозможного положения» перед широкими массами, позволяя кричать urbi et orbi[4], что Германия подверглась нападению и вынуждена к самообороне, а это в высшей степени облегчало труднейшую задачу империалистического государства — мобилизацию «верноподданных» масс на защиту «родины». С другой стороны, малейшее промедление с германской мобилизацией после военных приготовлений царской России давало последней возможность закончить свою мобилизацию, пока Германия еще не нанесла поражения Франции. В этом случае германский империализм фактически проигрывал крупнейший шанс на победу при войне на два фронта: возможность использовать выигрыш времени, даваемый медленностью русской мобилизации, и разгромить Францию коротким решительным ударом, пока царские армии еще не успели навалиться с тыла, а затем уже только перебросить свои силы на восточный фронт. В этом и состоял план Шлиффена[5].

Итак при активном участии берлинских поджигателей война стала неизбежной — это понимали твердо в Берлине. Правда, царь что-то бубнил о том, что его мобилизация имеет «мирный» характер и что он не желает войны. Он даже давал в этом честное слово.

«Сердечно благодарю тебя, — гласила его телеграмма (четвертая по счету) Вильгельму, полученная в Берлине 31 июля в 2 ч. 52 м. пополудни, — за твое посредничество, которое дает надежду, что все может кончиться мирно. Технически невозможно остановить наши военные приготовления, которые были вынуждены благодаря австрийской мобилизации. Мы далеки от желания войны. Пока имеют место переговоры с Австрией насчет Сербии, мои войска не предпримут никакого вызывающего действия. Я даю тебе мое торжественное слово насчет этого. Я возлагаю всю мою веру на милосердие бога и надеюсь на твое успешное посредни-

---

[1] DD, № 465.
[2] BD, XI, № 336.
[3] DD, № 473.
[4] „На весь мир".
[5] DD, № 529; BD, XI, № 397.

чество в Вене для блага наших стран и для мира Европы. Сердечно преданный тебе Ники»[1].

Это было не единственное «честное слово», данное в те дни. Сначала давал «честное слово» Сазонов, затем Сухомлинов, затем давал «честное слово русского офицера» Янушкевич, имея подписанный Николаем II указ о всеобщей мобилизации в кармане (стр. 438, 432).

Но «честное слово» русского царя, четвертое по счету в этой серии «честных слов» из Петербурга, даже в глазах такого монарха-византийца, как Вильгельм, было не таким товаром, который можно было бы взять в залог. 31 июля 1914 г. этот товар уже не котировался на европейской дипломатической бирже.

Теперь после прихода известия о русской мобилизации только «божье чудо», как ханжески выразился рейхсканцлер[2], могло спасти Европу от войны, *ибо германские правящие круги наконец получили удобный предлог, чтобы форсировать развязку*. В 1 час пополудни было объявлено «состояние угрозы войны»[3]. Вене было предписано бросить возню с Сербией и направить все силы против царской России[4]. Спешно осуществлено присоединение к Тройственному союзу Турции[5]. В Петербург и Париж посланы ультиматумы: первый с 12-часовым сроком для ответа[6], второй — с 18-часовым сроком[7]. Ультиматум царской России требовал отмены русской мобилизации, ультиматум Франции — категорического, определенного ответа на вопрос, сохранит ли Франция нейтралитет в русско-германской войне. В ответах впрочем не сомневались.

Что касается Англии, то Вильгельм отправил английскому королю телеграмму о том, что «Ники» объявил мобилизацию[8]. Бетман-Гольвег послал Лихновскому краткий обзор развития событий для передачи Грею[9] и объяснение мотивов ответной германской мобилизации[10]. Но эта переписка с Англией, что понимали и правящие круги Германии, была не более как заклинанием, произносимым машинально, без всякой веры его в силу: в том, что Англия вмешается в войну, в Берлине уже не сомневались.

О посылке ультиматумов царской России и Франции сообщили и в Рим, причем Бетман-Гольвег — также в порядке заклинания — добавил: «Мы определенно рассчитываем на то, что Италия выполнит свои обязательства, наступившие в силу союза»[11].

---

[1] DD, № 487.
[2] DD, № 553.
[3] DD, № 499 и 479, прим. 3.
[4] DD, № 479.
[5] DD, № 508, 517, 547.
[6] DD, № 490.
[7] DD, № 491.
[8] DD, № 477.
[9] DD, № 513.
[10] DD, № 529.
[11] DD, № 492.

С этой же просьбой в ночь с 31 июля на 1 августа обратился к королю Италии и Вильгельм[1]. Однако «мерзавец», так гласит надпись Вильгельма на ответной депеше итальянского короля, ответил 3 августа заявлением о нейтралитете Италии[2].

Ночью (0 ч. 30 м. пополуночи на 1 августа) пришла телеграмма Шена о вручении им ультиматума в 7 час. пополудни 31 июля. Шен сообщал ответ Вивиани: он, Вивиани, еще не имеет сведений о всеобщей русской мобилизации и обещает дать точный ответ в 1 час пополудни 1 августа[3].

Вероятно утром того же 1 августа прибыл и ответ Пурталеса. Сазонов, ссылаясь на «честное слово» Николая II, уклонился от того, чтобы прямо ответить на вопрос, будет или не будет прекращена мобилизация в царской России.

Пурталес кроме того сообщал, что он смог вручить Сазонову ультиматум, предоставлявший царской России 12-часовый срок для исполнения, лишь в 12 час. пополудни 31 июля[4]. Таким образом срок ответа на ультиматум истекал в 12 час. 1 августа. Так как ультиматум Франции был вручен своевременно и срок для ответа на него истекал в 1 час пополудни 1 августа, то могло получиться, что война Франции могла быть объявлена еще до получения ответа от царской России. В Берлине поняли, что подобный дипломатический казус был бы использован Антантой как лишнее доказательство агрессивности Германии. Этого следовало по возможности избежать. Поэтому Пурталесу в 0 ч. 52 м. пополудни был послан (в двух вариантах) текст объявления войны царской России, который Пурталес должен был вручить Сазонову по истечении срока ультиматума[5], а Шену в 1 час. 5 м. пополудни отправлена инструкция продлить в случае необходимости срок ответа, данный французскому правительству, еще на 2—3 часа[6].

Но Шен, явившийся в 1 час пополудни по парижскому времени (12 час. по берлинскому времени) к Вивиани за ответом, сам был растерян: приказ вручить ультиматум он получил, но приказа объявить войну он не имел. Поэтому, получив уклончивый ответ Вивиани, Шен ушел ни с чем во-свояси[7]. В 3 часа пополудни ему была доставлена телеграмма, разрешавшая предоставить французскому правительству отсрочку на 2—3 часа. Придя снова к Вивиани за ответом в 5 ч. 30 м. пополудни, он также ушел, не объявив войны, хотя и знал уже о французской мобилизации[8]. Велико же было его удивление, когда, вернувшись в посольство,

---

[1] DD, № 530.
[2] DD, № 755.
[3] DD, № 528.
[4] DD, № 536.
[5] DD, № 542.
[6] DD, № 543; подана в Главном управлении телеграфа в 1 ч. 5 м. пополудни 1 августа.
[7] DD, № 571.
[8] DD, № 598.

он нашел телеграмму Бетман-Гольвега, предлагавшую ему воздержаться от объявления Франции войны, так как Лихновский сообщил о новом предложении Грея: Англия гарантирует невмешательство в войну Франции, если Германия не нападет на нее[1].

Действительно, удивление Шена было вполне законно. Согласно имевшимся до сих пор расчетам и планам участие Франции в войне в составе всякой коалиции, направленной против Германии, учитывалось как неизбежность. Теперь этот неизбежный фактор неожиданно выпадал, и все выработанные планы войны рушились. Наступало «божье чудо», о котором взывал к небу на заседании прусского совета министров 30 июля Бетман-Гольвег и о котором в Германии никто не мог даже мечтать. В самом деле еще вчера вечером (31 июля) Гошен вручил в Берлине официальный запрос от имени английского правительства, обязывается ли Германия сохранить нейтралитет Бельгии, если его не нарушат другие державы[2]. И вдруг из того же Лондона, откуда после этого официального запроса можно было ожидать самого худшего, неожиданно поступает самое неслыханное, самое невозможное, самое благоприятное предложение — нейтралитет Англии при гарантии Германией «французской безопасности».

На этих двух взаимно исключающих предложениях английского империализма следует остановиться несколько подробнее.

Посылая 31 июля официальный запрос Германии от имени английского правительства о том, собирается ли Германия нарушить бельгийский нейтралитет, Грей играл наверняка. И во Франции и в Англии прекрасно знали, что в силу плана Шлиффена Германия обязательно нарушит бельгийский нейтралитет. Мало того, об этом намерении германского империализма Грей знал официально от самой Германии — не кто иной, как сам Бетман-Гольвег вел 29 июля с Гошеном «позорный торг» о Бельгии, притом в таких выражениях, которые указывали, что этот нейтралитет Германия собирается нарушить. При таких условиях выступление Грея с официальным запросом о бельгийском нейтралитете являлось, что называется, игрой с картами на столе. Посылка им этого запроса имела целью получить в случае отказа Германии предлог для вступления Англии в войну ради «защиты Бельгии и святости договоров».

Чем же объяснить, что на другой же день Грей уже не заговаривал о нейтралитете Бельгии, а обещал Германии больше того, на что она могла надеяться? Дело в том, что в эти дни, 31 июля и 1 августа, внутри английского кабинета происходили решительные события. Вплотную наступал момент, когда английский империализм должен был официально определить свое отношение к предстоящей войне, и здесь Грея постигла неудача. Сделав так много для развязывания войны, начиная с сараевского убийства, Грей в самые решительные дни встретил от

[1] DD, № 587.
[2] DD, № 522; BD, XI, № 348, 383.

«леворадикального большинства» кабинета такое противодействие своим планам, какого он повидимому не ожидал.

Мелкобуржуазные пацифисты не хотели в данный момент войны, считая его неподходящим и понимая, что война вызовет дальнейший рост классовых противоречий в стране и потерю доверия у широких масс. Это, как мы знаем, и случилось после войны, когда либеральная партия, вторая из крупнейших партий Англии — успешный конкурент консерваторов — стала численно сходить на-нет, теряя голоса мелкой буржуазии и рабочих, перешедших на сторону лейбористов. Война разоблачила «леворадикальную» пацифистскую болтовню и нанесла страшный удар авторитету либеральной партии. Оправиться от этого удара партия не смогла и до настоящего времени.

В дни 31 июля и 1 августа Грей и поддерживавшие его либералы-империалисты оказались в решительном меньшинстве. Видимо этой невозможностью обеспечить вступление Англии в войну именно в данный момент, т. е. так, чтобы английский экспедиционный корпус мог принять участие в решающих боях во Франции, и объясняется новое предложение Грея, сделанное Лихновскому:

«Если мы [Германия] не нападем на Францию, Англия останется нейтральной и гарантирует пассивность Франции»[1].

При оценке этого нового предложения Грея нужно прежде всего иметь в виду, насколько оно было искренним. Действительно ли Грей давал обещание английского нейтралитета при известных условиях и собирался это обещание сдержать? Несомненно, что невозможность обеспечить вступление Англии в войну в данный момент могла вынудить Грея обратиться к Германии с подобным предложением, но мы ничуть не думаем, что это предложение было искренним, что оно делалось всерьез, что английский империализм действительно бы сохранил позицию нейтралитета, если бы Германия приняла его условия и начала войну на одном восточном фронте против царской России. Допустить такую возможность — это значило бы разрешить Германии такое нарушение «равновесия сил» в Европе, которое бы имело самые катастрофические последствия для самой Англии. Английские «трезвые политики», в том числе Грей и его ближайшие помощники, отлично понимали, что, разрешив Германии расправиться в одиночку с царской Россией и усилиться за ее счет, они должны надолго исключить из английских планов содействие, обещанное Николаем II. В ближайшие же годы в этом случае Англии и Франции пришлось бы вести войну с окрепшей и усилившейся Германией и притом в самых невыгодных условиях при нейтралитете царской России, при перекроенной в пользу австро-германского блока карте Балкан. А это означало заведомый проигрыш войны, гегемонию Германии на континенте и передел мира по «мощи и силе» германского империализма.

---

[1] DD, № 562.

В силу этих соображений мы думаем, что предложение Грея Лихновскому являлось своего рода маневром. Делая его, Грей видимо имел в виду, что хотя из-за противодействия «пацифистов» в кабинете английский экспедиционный корпус и не попадет на французский фронт, тем не менее может настать такой момент после начала войны, когда ему, Грею, удастся добиться вступления Англии в войну, сохранив нетронутыми французские военные силы. А что такой момент, и притом очень благоприятный с военной точки зрения, в этом случае мог представиться, в этом можно было не сомневаться. В самом деле, в случае войны с царской Россией Германия для разгрома царских армий и решающей победы на восточном фронте должна была бросить туда значительные силы, если не $^2/_3$ всей армии, и вот тут-то в самый разгар операций, когда крупные германские военные силы были бы заняты на восточном фронте, можно было неожиданно напасть на Германию с запада и заставить ее вести войну на два фронта в самых невыгодных для нее условиях — с утомленной и понесшей потери армией, с разбросанными на большом протяжении войсками. Такой вариант войны с успехом бы компенсировал то, что натиск на Германию был произведен не сразу на обоих фронтах, как предполагалось первоначальным планом войны Антанты, и что английский экспедиционный корпус не принял участия в первых боях[1]. Что же касается предлога для нападения на Германию в удобный момент, то, независимо от его благовидности или неблаговидности, опытные практики из английского министерства иностранных дел нашли бы его достаточно быстро и легко. Конечно германский империализм не считался с «клочками бумаги» (договорами), но нет никаких оснований думать, что в решительные для себя моменты английский империализм посчитался бы с «клочками бумаги» не больше, чем германский. Оба противника стоили друг друга!

О том, что предложение Грея являлось только маневром, что, делая его, Грей ничуть не собирался его выполнять, позволяет думать еще следующее обстоятельство. Грей не мог не понимать, какой значительности и силы предложение он делает, обещая гарантировать нейтралитет Англии и Франции. Поэтому предложение такой важности и от имени английского правительства он должен был бы сделать сам лично, без всяких посредников, вызвав к себе Лихновского. И однако это исключительно важное и значительное предложение было сделано Греем не в личном разговоре с Лихновским. Это предложение было сделано от имени Грея его секретарем, известным Тирреллем, не членом кабинета, а обыкновенным чиновником, не ответственным ни перед парламентом, ни перед кабинетом. В любой момент слова Тирреля могли бы быть дезавуированы на том основании, что

---

[1] Такие взгляды как раз в эти дни (31 июля — 2 августа) развивал на заседаниях английского кабинета тогдашний «левый радикал» Ллойд-Джордж — см. *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 75—76.

Тиррель чего-то не понял, что-то перепутал и что это было его, Тирреля, личное мнение, а не мнение английского правительства или Грея.

Лихновский тем не менее ухватился за это новое предложение Грея. Веря в то, что английский империализм может действительно не использовать случая для вмешательства, Лихновский, даже не запросив Берлин, заявил Тиррелю, что он принимает новое предложение о французском и английском нейтралитете[1], и спешно передал его Бетман-Гольвегу. Телеграмма Лихновского пришла в Берлин сейчас же после того, как был подписан приказ о мобилизации, именно около 5 час. пополудни, так как в этот час Пурталес в Петербурге должен был вручить Сазонову объявление войны царской России. Объявлять мобилизацию раньше германские организаторы войны не хотели, чтобы не обнаружить своей агрессивности.

Телеграмма Лихновского с новым предложением Грея была встречена в Берлине частью правящей клики и в том числе самим Вильгельмом как подарок судьбы. Всерьез приняли английское предложение не только ограниченный Бетман-Гольвег, но и Ягов. После получения телеграммы сразу же было организовано совещание, на которое были вызваны Мольтке и Фалькенгайн.

На совещании Вильгельм, обжегшийся раз на «слове» английского короля, но видимо находясь под гипнозом этого слова и веря предложению Грея, заявил «генералам»: «*Значит, мы попросту двигаемся со всей армией на восток*».

Однако среди германской правящей клики далеко не все разделяли оптимизм Вильгельма. К числу таких «трезвых политиков» принадлежали «генералы». Несмотря на свою ограниченность, они понимали, что английскому империализму верить нельзя и что такого рода предложения делаются неспроста. Мольтке, выслушав предложение Вильгельма «двигаться со всей армией на восток», был в ужасе. Он указал, что это внезапное изменение оперативного плана грозит уничтожить все выгоды, даваемые планом Шлиффена, и может катастрофически отразиться на исходе кампании.

Что будет, доказывал Мольтке, если Англия откажется от своего сомнительного обещания и придется спешно перебрасывать всю армию снова на запад, ломая графики движения всех воинских поездов, теряя преимущество в скорости мобилизации и сосредоточения и следовательно давая время царской России выиграть время для своей мобилизации и сосредоточения? Можно было потерять последний шанс на выигрыш кампании, что называется, смаху. Поэтому Мольтке ответил Вильгельму, что не может взять на себя ответственности за такое решение.

«Сосредоточение миллионной армии, — говорил Мольтке, — нельзя импровизировать, оно — результат огромного, многолетнего тяжелого труда и, поскольку будучи раз установлено, не может

[1] DD, № 562.

быть изменено. Если его величество настаивает на том, чтобы вести всю армию на восток, то он не будет иметь боеспособной армии, а дикое скопище недисциплинированных вооруженных людей...»[1].

После этого заявления последовала ожесточенная перепалка между Вильгельмом, Бетман-Гольвегом, Яговым и даже Тирпицем, стоявшими за принятие английского предложения, и Мольтке и Фалькенгайном, выступавшими против. С разрешения Вильгельма Фалькенгайн увел Мольтке в соседнюю комнату, чтобы переговорить наедине. После этих переговоров Мольтке заявил императору, что он согласен принять предложение Грея, но при условии, что на западной границе сосредоточение будет продолжаться. Вильгельм лишь отчасти согласился с доводами Мольтке, приказав адъютанту телеграфировать в Трир, чтобы 16-я пехотная дивизия, которая согласно плану в первый день мобилизации должна была захватить железные дороги Люксембурга, необходимые для перевозки войск на запад, не вторгалась в Люксембург.

Немудрено, что Мольтке, как он сам признается в своих мемуарах, проливал горючие слезы от такого половинчатого решения. Немедленно (телеграмма подана в 7 ч. 2 м. пополудни) Вильгельм телеграфировал английскому королю согласие на предложение Грея о «французском нейтралитете под гарантией Англии», но указывал, что по техническим причинам объявленная уже мобилизация должна продолжаться на обоих фронтах. Если же Франция предложит нейтралитет и он будет гарантирован английской армией и флотом, то Германия воздержится от нападения на Францию и использует мобилизованные против французов войска в другом месте. Вильгельм сообщал, что войскам отдан приказ не переходить французскую границу[2].

Аналогичную телеграмму отправил в 7 ч. 15 м. пополудни Лихновскому и Бетман-Гольвег, добавляя, что войска не будут переходить французскую границу до 7 час. пополудни 3 августа и что до этого времени должно последовать согласие Англии на принятие указанных условий[3].

Сейчас же по отсылке этих телеграмм пришла новая телеграмма Лихновского: Грей сообщал (снова через Тирреля, а не сам), что он готов сделать новое предложение о нейтралитете Англии даже в том случае, если Германия будет вести войну и с царской Россией и с Францией[4]. Однако полученная в 10 ч. 2 м. пополудни третья телеграмма Лихновского сообщала, что Грей согласен обещать нейтралитет Англии лишь при условии ненарушения Германией бельгийского нейтралитета[5]. Таким образом Германии предлагалось отказаться от плана Шлиффена и ломать

---

[1] *Moltke*, Erinnerungen, Briefe, Dokumente. Stuttgart 1922, S. 19.
[2] DD, № 575.
[3] DD, № 578.
[4] DD, № 570.
[5] DD, № 596.

голову, прорываясь через стену французских крепостей на западном фронте. Однако, требуя от Германии такой непосильной работы, никаких формальных заявлений от имени правительства о нейтралитете Грей не делал, обещая только сделать какие-то предложения, чему Берлин мог верить, а мог и не верить.

В Берлине на этот раз отнеслись к новым предложениям Грея довольно критически, почувствовав в них лишь маневр.

Однако решительный удар последним остаткам оптимизма нанесла телеграмма английского короля, полученная в 11 час. пополудни. Телеграмма сообщала о «недоразумении», происшедшем с Лихновским, который якобы неправильно понял слова Грея в дружеском разговоре[1]. Почти одновременно — в 11 ч. 10 м. пополудни — от Лихновского пришла четвертая за этот день телеграмма, сообщавшая, что Грей не сделал никакого положительного предложения[2].

Ниже мы узнаем, что молчание Грея объяснялось тем, что к этому времени на него оказал воздействие Камбон угрозой раскола Антанты (стр. 682) и уже выяснилось, что оппозиции войне со стороны «леворадикального» большинства кабинета можно было не бояться, так как консерваторы обещали свою помощь в парламенте и для раскола кабинета (стр. 685).

Тогда в Берлине наконец поняли, что целью этих предложений Грея было стремление задержать по возможности мобилизацию и сосредоточение германской армии. Об этом свидетельствует следующая пометка Вильгельма на последней телеграмме Лихновского:

«Господин Грей, лживый пес, боящийся своей собственной подлости и лживой политики, все же не хочет открыто выступить против нас, но хочет, чтобы его вынудили к этому»[3]. После этого Вильгельм, которому Мольтке донес о «большом скоплении французской кавалерии» на люксембургской границе, отдал приказ, чтобы 16-я пехотная дивизия перешла границу Люксембурга. Так началось германское наступление.

Утром 2 августа была получена от Пурталеса телеграмма о вручении Сазонову объявления войны[4].

Таков ход событий, которые, как пытаются доказать германские буржуазные историки, якобы «втянули» Германию в войну из-за «нибелунговой верности» союзника «в блестящих латах». В действительности, как мы показали, дело обстояло совсем иначе: сама Германия в лице ее правящих классов хотела развязать войну и сделала с этой целью все, что было в ее силах. Все дни июльского кризиса германский империализм натравливал монархию Габсбургов на Сербию, рассчитывая, что австро-

---

[1] DD, № 612.
[2] DD, № 603.
[3] DD, № 596.
[4] DD, № 588.

сербский конфликт перерастет в большую континентальную войну, которая закончится перекройкой карты Балкан и карты Европы. Австро-сербская война была абсолютно необходима Германии для того, чтобы иметь предлог для своего выступления, и единственное, что сокрушало в июльские дни германских организаторов войны, единственное, что вызывало их скорбь и раздражение, была вовсе не необходимость «спасти» своего австро-венгерского союзника, который «подвел» Германию своей агрессивностью (что доказывают сейчас германские буржуазные историки), а то, что, развязывая войну, австрийские империалисты делали это крайне неуклюже и слишком очевидно для широких масс[1].

То, что австро-германские организаторы войны не меньше, если не больше, чем русские, английские и французские, сделали для ее развязывания в 1914 г., бросив массы на убой в интересах капитала, следует помнить, особенно сейчас, когда германский фашизм пропагандирует среди широких масс Германии идею реваншистской войны за новый передел мира.

«Надо отдать себе отчет в том, — заявляет Гитлер, — что нельзя вернуть потерянных областей торжественным обращением к господу богу или упованием на Лигу наций. Вернуть их можно только вооруженной силой».

---

[1] Картина событий, изложенная нами в главах об Австрии и Германии, на основе значительного числа новых документов, опубликованных уже после напечатания нашей работы „Сараевское убийство", позволяет в известной степени уточнить и исправить высказанную нами в указанной выше книге точку зрения о позиции Австрии и отчасти Германии в июльские дни 1914 г. и нашедшую себе отражение в образном сравнении их с карасем, «клюнувшим на приманку». Подобное сравнение, родившееся в атмосфере полемической борьбы с Е. В. Тарле в 1929 г., могло дезориентировать читателя и внушить ему неправильное представление о позиции Австрии и даже Германии в июльские дни 1914 г. Изложенная выше картина развязывания мировой войны в Вене и Берлине свидетельствует о том, что австро-германский блок сделал для этого развязывания не меньше, а пожалуй больше, чем Антанта, но он делал это гораздо более неуклюже и неумело и был не в силах замаскировать свое участие в развязывании войны так хорошо, как это сделала Антанта и в частности английская дипломатия, имевшая в этом отношении многовековые традиции и большую школу.

Глава IX

ТАКТИКА АНГЛИИ

Сараевское убийство поставило перед английским империализмом крупнейшей важности проблему: следует ли использовать по существу ничтожный и далекий для Англии инцидент в Сараеве в борьбе против своего основного империалистского противника — Германии, и если следует, то каким образом?

Первая часть проблемы решалась сразу. Ответ на нее давала сложившаяся к 1914 г. международная политическая и военная ситуация. К 1914 г. положение на море сложилось так, что дальнейшее промедление с войной делало отсрочку «игрой ва-банк». Предпринятое в 1912 г. английским адмиралтейством перераспределение своих морских сил в силу роста флотов австро-германского блока могло обеспечить защиту интересов Англии в Средиземном море только до 1915 г., а превосходство французского флота над объединенным австрийским и итальянским — лишь на 1914 г. Мало того, осенью 1914 г. заканчивалось сооружение и предстояла передача Турции двух дредноутов, строившихся в Англии. К весне 1915 г. австрийский флот должен был иметь не менее 4 дредноутов, итальянский — от 5 до 6. Французы уже не могли поддерживать свой two powers standard в Средиземном море, что лежало в основе англо-французской морской конвенции 1912 г., и для поддержания two powers standard Антанты в Средиземном море была необходима отправка части английских военных судов дредноутного типа из Северного моря обратно в Средиземное. Это уменьшало превосходство английского флота над германским (доходившее в 1914 г. до 60%) в Северном море и следовательно делало исход возможной «генеральной битвы» между английским и германским флотами сомнительным. Вера же в «господство на море» благодаря количественному преимуществу в линейных судах в те дни была незыблемой.

Такая ситуация на море угрожала серьезной опасностью морскому могуществу Англии. Конечно победа над Германией на суше, шансы на которую постепенно увеличивались, так как сухопутные силы Антанты с каждым годом все более крепли

и усиливались, такая победа на суше устраняла главного соперника Англии — Германию. Но все дело в том, что для английского империализма сухопутная победа над Германией сохраняла свою ценность полностью только в том случае, если английский флот оставался целым и невредимым, т. е. если сохранялась в целости база морского могущества Англии. Оттяжка же войны еще на несколько лет, увеличивая шансы Антанты на сухопутный разгром Германии, уменьшала в то же время шансы самой Англии на морскую победу и на сохранение своего морского могущества. Антанта являлась временной «кооперацией интересов», участники которой лишь на время объединились, перед лицом наиболее главной «германской опасности». Разгром Германии сразу же возрождал все противоречия внутри Антанты и при потере Англией своего морского превосходства ставил английский империализм даже в случае победы над Германией в тяжелое и опасное положение.

Именно эти черты сложившейся к 1914 г. военно-политической ситуации и учитывали английские империалисты, решая развязать войну возможно скорее, пока английский флот еще обладает превосходством на море. А так как в 1914 г. воевать на суше уже было можно (армии Франции и особенно царской России были приведены в боеспособный вид, интересы участников Антанты были кое-как согласованы и роли в предстоящем конфликте распределены), то совершенно ясно, что английский империализм не мог пропустить даже такого ничтожного и невесомого с точки зрения его интересов повода, как сараевское убийство, для организации мировой войны. Вся предвоенная политика его, начиная с 1905 г., как мы знаем, заключалась в использовании любого малейшего предлога для организации войны, и развязывание последней не удавалось только потому, что участники Антанты были «не готовы». Поскольку эта причина к 1914 г. была устранена, воевать, как казалось в Лондоне, было можно, и следовало использовать даже сараевское убийство, для того чтобы дать ход событиям.

Но если ответ на принципиальный вопрос — воевать или не воевать — в 1914 г. не вызвал у английского империализма сомнений, так как побороть Германию он стремился во что бы то ни стало, то гораздо более трудной и тяжелой задачей были выводы из этой принципиальной предпосылки: каким образом использовать сараевское убийство?

Трудности эти намечались по двум линиям — внешней и внутриполитической. Внешнеполитические трудности заключались в том, что для развязывания войны, помимо стремления к ней со стороны Антанты, как-никак было необходимо наличие такого же стремления и противников. Без того чтобы австро-германский блок хотел вызвать в 1914 г. войну и тоже искал в этом году «великого решения», английским организаторам войны не удалось бы ее развязать. Уроки 1905 г. говорили, что прямое, ничем не прикрытое нападение на противников опасно из-за сопротивления

широких масс. *Если бы австро-германский блок сам не шел к войне в 1914 г., то последняя была бы затруднена.* Поэтому основной задачей английского империализма после сараевского убийства являлось прощупывание намерений противника в связи с этим убийством. Как будут реагировать Австрия и Германия на сараевское убийство? Намерены ли они использовать его для развязывания мировой войны? Как далеко по этому пути они собираются итти, т. е. будут ли они итти до конца, имея целью во что бы то ни стало вызвать войну, или же дело может кончиться шантажом такого типа, каким австро-германский империализм неоднократно пользовался в предыдущие годы: во время Танжера, Алжезираса, боснийского кризиса, Агадира. Выяснение намерений противников в связи с сараевским убийством и с созданными им возможностями для английского империализма было исключительно важно: зная объем этих намерений, можно было строить свою линию поведения в предстоящем конфликте и, поскольку война английским империализмом была уже принципиально решена, вести дело так, чтобы сделать ее неминуемой.

Несравненно более трудными в связи с развязыванием войны были задачи английского империализма во внутренней политике. При всех условиях войну можно было бы развязать только в том случае, если бы английскому империализму удалось обмануть трудящиеся массы. Мы уже указывали, что вся подготовка к войне в Англии в предыдущие годы, в особенности международно-политическая и организационная, производилась в глубокой тайне, чтобы не встревожить народные массы. Английскому империализму в 1906 г. для этого даже пришлось перестроить свои ряды, призвав к власти либеральную партию, которая лозунгами пацифизма и миролюбивыми декларациями должна была скрывать проводимую подготовку. Но непосредственные организаторы войны в либеральной партии должны были скрывать свои замыслы и свою работу по организации войны не только от трудящихся масс, но и от большинства членов либерального правительства, блокируясь с наиболее крепкой политической агентурой английского капитализма — консервативной партией.

Втянуть широкие народные массы в войну в самой Англии можно было, обманув их тем, будто «на Англию напали» и английские трудящиеся должны защищаться, сражаясь «во имя права, свободы и справедливости». «История всех британских войн, — признается один английский «пацифист», — сводится к тому, что они должны быть войнами идей, священными войнами, чем-то вроде крестовых походов во имя справедливости и свободы»[1]. Эта техника обмана широких масс нам хорошо известна уже по послевоенным попыткам организовать «священные кампании» и «крестовые походы» против СССР.

---

[1] *Jelliecoe*, Playing the game, L. 1924, p. 154.

В 1914 г. техника обмана трудящихся масс и способы вовлечения их в войну были хорошо усвоены английскими организаторами войны. Но вот тут-то и начинались трудности. Как-никак, а война в 1914 г., если приходилось использовать для ее организации такой предлог, как сараевское убийство, должна была начаться в связи с «мокрым делом». Английские организаторы войны отлично понимали, что поднять народные массы «на защиту маленькой невинной Сербии» и бросить их в бой под таким предлогом было невозможно. Предстояло найти какой-то другой предлог, точнее — развить сараевское убийство как предлог в такую ситуацию, при которой стало бы возможно вступление самой Англии в войну. Методами достижения такой ситуации было выявление агрессивности противников и тщательное маскирование своей агрессивности пацифистскими декларациями. Только при этих условиях можно было бы обмануть массы.

Таким образом сараевское убийство как предлог для организации войны поставило перед английскими империалистами ряд труднейших задач. Тактика Грея в июльские дни 1914 г. ставила своей задачей выяснить позиции противников и «друзей» в отношении решимости развязать войну в 1914 г., оттягивая до последней минуты выявление позиции самой Англии. Объективная международно-политическая ситуация складывалась так, — и это было учтено в переговорах между участниками Антанты, происходивших в 1912 г., — что Англия вступает в войну последней — после того уже как царская Россия, Франция и Германия ввяжутся в драку. Поэтому английские организаторы войны даже после выяснения решимости царской России и Франции, равно как Австрии и Германии, воевать в 1914 г. продолжают сохранять двусмысленную позицию, стравливая оба лагеря. Такая тактика Грея максимально способствовала развязыванию конфликта, одновременно подчеркивая наружное миролюбие Англии, и приводила в конечном счете к тому, что в глазах широких масс Англия вступала в войну как «защитница Бельгии, попранной международной совести, верная своим обязательствам чести». Взяв курс на войну, английские империалисты стремились прикрыть его именно своей политикой наружного невмешательства в конфликт, политикой показного миролюбия, которая должна была содействовать реализации их основной задачи — обману трудящихся масс.

Но хотя политический курс был ясен и не вызывал в среде английских империалистов сомнений, однако проведение этого курса в организационном отношении натыкалось на исключительные трудности, которых не знал ни царизм, ни германский империализм. Конкретная внутриполитическая обстановка в самой Англии в июльские дни 1914 г. создавала немало затруднений для английских организаторов войны. Ирландский кризис, крупнейшие стачки весной 1914 г., явившиеся очередным этапом в бурном подъеме рабочего движения Англии, разнобой в вопросе о сроках развязывания войны среди различных группировок англий-

ской буржуазии, противодействие со стороны трудящихся масс — все эти обстоятельства требовали от организаторов войны особой осторожности и сохранения строжайшей тайны, в которой война рождается.

Английский империализм умело справился со своей труднейшей задачей — обмануть массы и втянуть Англию в войну. Его агенты — Грей, Никольсон, Черчиль, Асквит и др. — сумели преодолеть все трудности и препятствия. В особенности следует отметить выдающееся мастерство в этом отношении Грея и его помощников Эйр Кроу и Никольсона.

Как мы знаем, Грей, Асквит и Черчиль принадлежали к правому крылу либеральной партии, к тем «либералам-империалистам», которые отличались от консерваторов лишь отрицательным отношением к протекционизму в таможенной политике. Классовой базой «либералов-империалистов» являлись круги крупного английского капитала, имевшие свои интересы главным образом в текстильной промышленности и судоходстве. Во внешней и колониальной политике «либералы-империалисты» отличались от консерваторов не целями, а методами. В сущности это были заложники консерваторов в либеральной партии. Традиционные принципы «непрерывности внешней политики» как «национального», а не «партийного» дела осуществлялись господствующими классами Англии с помощью двухпартийной системы. Передача власти либералам в 1906 г. только позволила английскому империализму еще лучше обманывать массы.

Техника обмана масс в предвоенные годы осуществлялась тем, что усиленно поддерживалась иллюзия, будто все вопросы внешней политики действительно зависят от либерального правительства и парламента. На самом деле последние были более или менее удобной ширмой, а решающую роль в подготовке войны играл Комитет имперской защиты, в котором «либералы-империалисты», тайно блокируясь с консерваторами, решали важнейшие вопросы внешней политики и военной подготовки, обходя либеральный кабинет и парламент. Либералы-империалисты — Грей, Асквит, Черчиль и др., — занимая важнейшие посты министров иностранных дел, морского, военного, колоний, являлись постоянными членами Комитета имперской защиты. Они использовали последний в качестве организационного центра для подготовки войны, опираясь, с одной стороны, на поддержку консерваторов, а с другой — на кастово замкнутый, прекрасно вышколенный и опытный административно-бюрократический и военный аппарат британского империализма.

Этот аппарат (в особенности военного министерства и министерства иностранных дел) состоял из постоянных, несменяемых при смене правительства в результате парламентских выборов чиновников. Он вербовался из представителей правящих классов — земледельческой аристократии и крупной и средней буржуазии. Этот слой английской бюрократии по своим классовым

интересам, политическому кругозору, идеологии, традициям и практическому опыту примыкал либо к «либералам-империалистам», либо к консерваторам, получая от последних наиболее мощную поддержку в своей внешней и военно-колониальной политике. Этот аппарат выполнял волю английского империализма, когда государственная власть в эпоху 1906—1914 гг. перешла из рук консервативной партии в руки либералов, где большинство принадлежало «ненадежным» мелкобуржуазным и радикальным элементам. Прежде всего этот аппарат стоял на защите кровных интересов английского империализма. Фактически этот слой английской бюрократии был хозяином положения, и либералы-империалисты в своей работе по подготовке войны с Германией могли опереться на его помощь и рассчитывать на его поддержку, не боясь противодействия или «измены»: по существу Грей, Асквит, Черчиль — головка либерального правительства 1906—1914 гг. — представляли верхушку в пирамиде, серединой которой был указанный слой английской бюрократии, а основанием — влиятельнейшие круги английского капитала и его политическая агентура в лице консервативной партии.

Это обстоятельство объясняет нам тот факт, что Грей, Черчиль, Асквит и др. в 1914 г. могли спокойно игнорировать мнения большинства министров и проводить политику подготовки войны. Леволиберальное большинство кабинета Асквита только царствовало, но не управляло; когда же в июле 1914 г. оно попыталось занять «решительную позицию», то сначала с ним попросту не посчитались, а потом в решительный момент, когда маска либерального пацифизма была уже не нужна, «болтунов» с помощью бюрократического аппарата, военщины и консервативной партии вовсе убрали, чтобы беспрепятственно довести политику развязывания войны до конца. Это еще раз подчеркивает, какую действительную роль играет так называемая буржуазная демократия — «народное представительство», выборы в парламент и прочие побрякушки буржуазного парламентаризма, когда дело касается жизненных интересов капитала.

Тактику либерального правительства по подготовке и организации войны неплохо вскрыл царский посол в Лондоне граф Бенкендорф, отлично изучивший в течение многих лет методы действий Грея. Вопреки общераспространенному в предвоенные годы в кругах английской буржуазной общественности мнению о Грее, как о каком-то апостоле права, справедливости и мира, Бенкендорф указывал, что Грей пойдет с царским правительством в борьбе против Германии. По мнению Бенкендорфа, вопрос заключался не в существе дела — стоит или не стоит развязывать войну, а всего лишь в методах действий.

«Не следует расхолаживать Грея, — утешал Бенкендорф Сазонова по поводу пассивности Англии во время инцидента Лимана фон Сандерса. — Сейчас он живо ощущает трудности, которые создаются Тройственным союзом. У нас и у него цель, насколько это возможно, одна, методы же иногда различны, и не следует

ли лучше договориться и сомкнуть ряды именно на почве вопроса о методах»[1].

Методы развязывания войны в «демократической Англии» должны были быть иными, чем методы царизма. Это обстоятельство и определяло специфику методов Грея, которую хорошо понимал Бенкендорф, расшифровавший в одном из своих писем Сазонову сущность приемов Грея, посредством которых последний хотел обмануть массы и развязать войну.

«Что касается вашего мнения относительно слепоты Грея, — писал Бенкердорф Сазонову 25 (12) февраля 1914 г., — то позвольте мне не согласиться с вашим мнением. Его постоянно беспокоит, вопреки всем видимостям, именно угроза германской гегемонии, он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп, это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле. Его ум иного характера... Если он иногда быстро принимает решения, то это после очень долгих размышлений. Только послушайтесь меня: высказавшись раз откровенно, не «подталкивайте» его. У него очень сильно чувство, что он является здесь столпом Антанты и прирожденным борцом за нее, так как с ней связана вся его политика и все его будущее... Он не любит повторно выступать со своими предложениями и особенно угрожать, если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий, *и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевиднейшим образом не поставит себя в положение явно виноватого, что необходимо для английского общественного мнения.* Как мы видели, *он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку Тройственному союзу.* Что его партия со своими утопиями стесняет его — это очевидно, но существует помимо того и общественное мнение вообще. Что может он сделать без поддержки последнего? Это карта, выпавшая ему в игре, и если мы желаем делать серьезное дело, мы не можем с ней не считаться»[2].

Эта характеристика Грея, данная Бенкендорфом в весьма доверительном личном письме Сазонову, написанном собственноручно, так как «не все можно диктовать»[3], дает ключ к пониманию позиции Грея в дни июльского кризиса. Подтверждая одновременно готовность Грея развязать войну, Бенкендорф указывает необходимые для английского империализма условия: «твердое решение кабинета», иначе говоря, одобрение кабинета (в 1914 г. это «твердое решение» было принято лишь 3 августа) и необходимость того, чтобы Тройственный союз «очевиднейшим образом» поставил себя в положение «явно виноватого». Как мы знаем, оба эти условия в июльском кризисе были соблюдены:

---

[1] МОЭИ, I, № 232.

[2] МОЭИ, I, № 328. Курсив мой. — *Н. П.* Мнение Сазонова о „странном ослеплении" Грея, которое делает Антанту столь же реальной „как и существование морского змея" — см. МОЭИ, V, № 290.

[3] Ibid.

Австрия поставила себя в положение явно виновной неслыханно резким провокационным ультиматумом Сербии, отказом согласиться на продление его срока или смягчить его требования, форсированием объявления войны и бомбардировкой Белграда. Германия поставила себя в такое же положение отказом принять предложение о посредничестве, участвовать в «конференции четырех» и воздействовать на Австрию в смысле смягчения условий ультиматума.

Бенкендорф также прекрасно понимал, в чем заключаются трудности при проведении Греем этой политики. По мнению Бенкендорфа, эта была боязнь его собственной партии, вернее левого радикального крыла, от которого Грей тщательно скрывал свою работу по подготовке войны. Грей, как указывает Бенкендорф, опирался на «общественное мнение вообще», т. е. правого крыла либеральной партии (либералов-империалистов), консерваторов и обывательской массы, отравленной многолетней шовинистической пропагандой.

«Не говоря о крикливых, но второстепенных элементах, — писал Бенкендорф Сазонову 28 (15) июня 1914 г., — кабинет и Грей остаются во главе несомненного большинства либералов и несомненного большинства юнионистов [консерваторов]... В глазах рядового обывателя единственная война, которая была бы и осталась бы популярной, это война с Германией. Вот анализ той базы, на которой Грей располагает свои батареи. Он в ней уверен, и именно потому мы безусловно заинтересованы помочь ему, когда нам это возможно»[1].

Английские империалисты ничем не отличались от русских, германских, французских, но методы действий их были различны. Грею и его коллегам приходилось действовать крайне осторожно и учитывать конкретную обстановку — международно-политическую и внутриполитическую, остерегаться запросов в парламенте и выжидать, пока Тройственный союз «очевиднейшим образом не поставит себя в положение явно виноватого». В таком положении австро-германский блок в предыдущие годы находился не раз, но английские организаторы войны не могли использовать ни «явной виновности» (Бенкендорф), ни «технической ошибки» (Эйр Кроу) Германии из-за неготовности Антанты к войне. В 1914 г., как мы знаем, последняя причина в значительной степени была устранена. Так по крайней мере казалось Антанте.

Поэтому в июльские дни 1914 г. английские организаторы войны и в частности Грей сделали все, что только было в их силах, для ее ускорения.

---

[1] МОЭИ, IV, № 2, ср. любопытное замечание Бенкендорфа, высказанное им в конце июня 1914 г. относительно переговоров об англо-русской морской конвенции, сведения о которых проникли в германскую печать: „Ему [Грею] нелегко отрицать и вести переговоры в одно и то же время, роль, которую он должен был бы принять на себя как по отношению к Германии, так и по отношению к значительной части своей собственной партии и английской печати", МОЭИ, IV, № 16, также DDF, III série III, № 448.

В июле 1914 г. Грею удалось осуществить наиболее выгодный для английского империализма вариант вступления в войну. Но мы не найдем освещения этой работы Грея в английских официальных документах — XI томе British Documents on the Origins of the World War, этой казенной апологии английского империализма, поддерживающей «золотую легенду» о миротворческих усилиях Грея. Конечно отдельные документы из приведенных в XI томе весьма интересны и показательны, но общий подбор их в свете разоблачений английских мемуаристов не оставляет никаких сомнений в целеустремленности всего сборника — оправдать вступление Англии в «навязанную» ей мировую войну.

Гораздо более интересны и правдоподобны высказывания английских мемуаристов. *Но наиболее решающими для уяснения подлинной позиции Грея в июльские дни 1914 г. являются письма и телеграммы царского посла в Лондоне, графа Бенкендорфа, опубликование которых в* IV—V *томах МОЭИ явилось поистине мировым событием*, так как они позволили достаточно четко уяснить тайные пружины политики английского империализма в июльские дни 1914 г. и его методику развязывания войны.

Эти документы Бенкендорфа в сопоставлении с некоторыми документами Foreign Office и отрывочными выбалтываниями английских мемуаристов говорят нам, что изложенная в XI томе английских документов дипломатическая игра Грея в период июльского кризиса преследовала одну цель: показать общественному мнению Англии, которое не знало ничего ни об обмене письмами Камбона — Грея, ни об «обязательстве чести» Грея, ни об англо-французской морской конвенции, что английские правители старались до последней минуты спасти дело мира.

Лучшим доказательством является тот факт, что ряд важнейших документов, излагающих переговоры Грея (в самые критические для Англии моменты июльского кризиса) с дипломатами других держав, не был послан по назначению — дипломатическим представителям Англии за границей, для которых они должны были служить официальной директивой и информацией в сношениях с правительствами, при коих эти дипломаты были аккредитованы. И тот факт, что эти документы все же были напечатаны в английской «Синей книге» 1914 г. о «европейском кризисе», ясно показывает, что они писались для современников и даже для потомства, перед которым нужно было оправдать участие Англии в войне. Поэтому все попытки Грея «мирно уладить конфликт», все его предложения мирного посредничества (посредничество между Австрией и царской Россией, конференция à quatre, формула Сазонова — Грея) приходится считать своего рода дымовой завесой, подготовкой alibi и сваливанием вины с себя. Это была беспроигрышная игра. И в случае удачи, т. е. войны, и в случае неудачи, т. е. мирного разрешения конфликта, они одинаково подчеркивали миролюбие Англии. В первом случае Англия вступала в войну «помимо своей воли», «вынужденная» к этому Германией и притом как апостол святости и нерушимости

основных принципов международного права, демонстрируя до последней минуты перед широкими массами своей страны и всего мира свое миролюбие; во втором случае сэру Эдуарду Грею, вопреки его собственному желанию, доставались ризы миротворца за счет Германии. В обоих случаях был чистый выигрыш.

Увидев в «сараевском действе» возможность войны и решившись на нее с самого начала, «пятерка» министров из Комитета имперской защиты в июле 1914 г. разыграла дипломатическую игру по непревзойденным доселе в смысле мастерства образцам британской дипломатической школы, причем искусно и мастерски сфабрикованная на указанном выше принципе «святости всех британских войн» легенда рассчитывалась не только на настоящее, но и на будущее.

Историю вступления Англии в войну 1914—1918 гг. можно в грубых чертах разбить на 2 периода:

1. Период 28 июня — 28 июля, когда «пятерка» сделала все возможное для того, чтобы развязать войну — и в отношении поощрения царской мобилизации, и в отношении поощрения провокационных требований Австрии к Сербии, которые Грей счел нужным одобрить, и в отношении Германии, которой Грей обещал приложить все свои усилия, чтобы не допустить европейской войны. К 28 июля призрак этой войны встал во весь рост перед Европой.

2. Период 29 июля — 3 августа, когда Грей и его партнеры, сделавшие со своей стороны все, что только было в их силах, для того чтобы австро-сербский конфликт разросся в европейскую свалку, встретили сопротивление левого крыла либеральной партии, заключили блок с консерваторами и при их содействии взорвали кабинет, для того чтобы обеспечить вступление Англии в войну.

★

28 июня в 12 час. дня австрийский престолонаследник эрцгерцог Франц-Фердинанд был убит в Сараево. Грей узнал об этом событии спустя 4 часа после его совершения[1]. Две телеграммы английского посла в Вене де-Бунзена подтвердили известие, полученное непосредственно из Сараево[2]. 29 июля утром Грей уже знал, что убийство «видимо является деянием сербских ирредентистов, задуманным давно»[3]. В тот же день вечером он получил вторую телеграмму из Сараево от английского консула, сообщавшего об антисербских демонстрациях местного хорватского и мусульманского населения и антисербских погромах[4].

В Foreign Office отнюдь не сомневались в возможных последствиях сараевского убийства: 30 июня помощник Грея сэр Артур

---

[1] BD, XI, № 9.
[2] BD, XI, № 10, 11.
[3] BD, XI, № 13.
[4] BD, XI, № 17, 34.

Никольсон писал де Бунзену в Вену: «Уже совершенно очевидно, что австрийцы приписывают страшное событие сербским интригам и махинациям»[1].

Эта ссылка на австрийцев была нужна Никольсону и другим английским организаторам войны для того, чтобы скрыть свои собственные намерения и замыслы, рожденные у них богатыми возможностями, какие при «хороших обстоятельствах» могло дать сараевское убийство.

Высказывание Никольсона 30 июня показывает, что в Лондоне достаточно хорошо учитывали значение сараевского убийства как предлога для драки. Оставалось только выяснить намерения противников.

Все первые дни после убийства Грей и его помощники, притаившись, выжидают развертывания событий. Но с первых же дней события складываются не очень благоприятно для организаторов войны. Английская буржуазная пресса, весьма могущественная в Англии, встретила известие об убийстве эрцгерцога, что называется, в штыки.

Среди либерально-благочестивого негодования по поводу «сербских нравов» и фарисейского возмущения убийством только «Times», руководимый тогда одним из наиболее прозорливых английских политических журналистов, Уикхемом Стидом, едва ли не наиболее осведомленным во всей Англии знатоком австро-венгерских дел, — только «Times» проявил большую сдержанность в вопросе о связи сараевских убийц с Белградом. Газета считала, что из-за своеобразия национально-государственной структуры Двуединой монархии убийство эрцгерцога является «самым важным политическим событием, которое произошло в Австро-Венгрии после 1848 г. На карте стоят самые жизненные интересы монархии на Балканах и вместе с ними само будущее дома Габсбургов как элемента стабильности в центральной Европе»[2].

Остальная пресса негодовала; наиболее энергично выражались либеральные, т. е. правительственные, органы.

«Standard» писал:

«Неправдоподобно, чтобы идея заговора зародилась в славянских кругах австро-венгерской монархии, так как благожелательное отношение эрцгерцога к славянским национальностям было известно. В действительности великосербская пропаганда с целью возрождения королевства Душана Сильного сделала большие успехи в югославянских землях империи Габсбургов. Сербия и ее высокие покровители естественно содействовали этой пропаганде, служившей их интересам».

«Daily News» и орган Грея «Westminster Gazette» усиленно поддерживали ту же точку зрения. Еще «глубже в корень» смотрел

---

[1] BD, XI, № 19.
[2] Ср. МОЭИ, IV, № 47.

орган Ллойд-Джорджа «Daily Cronicle», который провиденциально и лицемерно заявлял:

«Эрцгерцог бесспорно являлся самой серьезной проблемой для России в смысле притязаний этой страны в юго-восточной Европе. Это конечно отвратительное явление, самое отвратительное во внешней политике России, которое можно объяснить лишь нечистой практикой, ставшей традицией у ее представителей за границей, и безответственностью этих агентов, иначе говоря, привычкой России прибегать в этих мало цивилизованных странах к орудию, которое по существу выражается много лет в насильственном устранении почти всех тех, кто стеснителен для русской политики на Балканах. Убийство последнего короля Сербии[1], убийство Стамбулова, свержение Александра Болгарского, который также был бы предан смерти, если бы не отрекся, — все эти факты принадлежат к одной страшной цепи событий, и мы очень боимся, что сараевскую трагедию невозможно совершенно изолировать от них»[2].

Нельзя выразиться более определенно, чем выразилась английская газета. Даже австрийские и венгерские газеты не заходили в те дни так далеко: они обвиняли лишь Сербию, не смея даже и заикнуться об участии царской России[3].

Консервативная печать была более сдержана в выражениях, но и она не верила в то, что покушение было совершено исключительно по инициативе югославской молодежи без участия «высоких покровителей». Словом, либеральная английская пресса выразила такое неодобрение, что 1 июля взволнованный сербский посланник в Лондоне Бошкович телеграммой сообщал:

«Основывая свою информацию на отчетах из австрийских источников, все английские газеты приписывают сараевское преступление работе сербских революционеров [!]»[4].

Все это показывает, насколько точно английское правительство, претендующее на звание «правительства общественного мнения», могло быть осведомлено как о характере события, так и о настроениях широкой общественности.

Дальнейшие сообщения дипломатических агентов подтверждали сообщения газет.

2 июля английский поверенный в делах в Берлине сэр Горас Рембольд сообщил Грею, что Циммерман, хотя и считает сербское правительство не заслуживающим порицания, но «имеет мало сомнений в том, что преступление — результат заговора, состряпанного партизанами Великой Сербии (Greater Serbia)»[5].

4 июля Грей узнал об аресте двух новых участников покушения,

---

[1] Александра Обреновича в 1903 г.

[2] Номера газет от 29 и 30 июня 1914 г.; впечатление, произведенное ими на русских дипломатов за границей и на самого Сазонова — см. МОЭИ, т. IV, № 47°, V, № 55.

[3] МОЭИ, IV, № 48, 47, 104.

[4] SBB, 1914, № 7.

[5] BD, XI, № 22; также МОЭИ, IV, № 62.

признавшихся в своем соучастии. В тот же день буржуазная пресса растрезвонила сенсационное сообщение будапештской газеты «Az Est» от 3 июля[1]: Принцип и Габринович признались, что в организации покушения принимали участие сербский майор Прибичевич и комитаджи Циганович, что бомбы были получены в Белграде и покушение организовано «Народной одбраной».

Сообщения, полученные 6 июля из Берлина и Вены, указывали, что в местных кругах «мало сомневаются в том, что сараевское убийство было организовано в Белграде» и что «на Сербию возлагается ответственность за содействие созданию атмосферы, в которой было состряпано отвратительное сараевское преступление»[2]. Де Бунзен, описывая Никольсону антисербские демонстрации в Вене, резко осуждал поведение Сербии:

«Я должен сказать, — писал де Бунзен, — что, по моему мнению, сербская пресса ведет себя позорно. Здесь [в Вене] печатают длинные выдержки из сербских газет, которые видимо склонны видеть в убийцах мучеников, принесших себя в жертву за святое дело. Об этой стране [Австро-Венгрия] выражаются оскорбительно: «изъеденная червями» — излюбленный эпитет. Обыкновенное приличие могло бы отсрочить хоть на время подобные выражения и создать хоть некоторую видимость изъявления симпатии [Австрии] и порицания убийц»[3].

Английский поверенный в делах в Белграде Кракенторп в свою очередь сообщал, что «известия об убийстве в Сараево эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Гогенберг вызвали в Белграде сенсацию скорее в смысле оглушительности, чем сожаления» и что в официальных кругах боятся только усилений репрессий против сербов и в Босния и других югославянских областях Двуединой монархии. Кракенторп сообщал также о «резком разговоре» (interview of considerable violence) между генеральным секретарем сербского министерства иностранных дел Славко Груичем и австрийским поверенным в делах бароном Шторком. Последний «неофициально спросил генерального секретаря, считает ли сербское правительство удобным начать расследование обстоятельств преступления в связи с тем фактом, что оба арестованные были недавно в Белграде. Это вызвало большое озлобление господина Груича, который понял заявление Шторка как намек на ответственность сербского правительства за преступление. Последовали колкости (high words ensued), и теперь отношения между австрийской миссией и сербским министерством иностранных дел крайне натянуты»[4].

Одновременно следовали и предупреждения, шедшие, как и следовало ожидать, сначала из лагеря противников. Еще 30 июня в Берлине Циммерман заявил английскому поверенному в делах Рембольду, что «по его сведениям настроения в Австро-Венгрии

---

[1] SBB, 1914, № 16; МОЭИ, IV, № 120, прим. 2, № 91.
[2] BD, XI, № 26, 28; МОЭИ, IV, № 120, прим. 2, № 62.
[3] BD, XI, № 29.
[4] BD, XI, № 27.

против Сербии и сербов весьма обострены, и он [Циммерман] должен считаться с этим в данных условиях. Он сказал русскому послу, что для *сербского правительства было бы весьма разумно в своих собственных интересах предложить по собственной инициативе сделать все возможное в смысле помощи боснийским* [т. е. местным австро-венгерским] *властям в расследовании происхождения и развития заговора.* Этим сербское правительство, которое, он уверен, не заслуживает порицания, дало бы убедительное доказательство того, что оно отделяет себя от причин, вызвавших совершение этого ужасного преступления»[1].

Как мы знаем, этот «совет» Циммермана сербскому правительству и дружеский намек — «предупредить всякое возможное выступление австро-венгерского правительства» имел по существу провокационные цели: такое заявление сербского правительства о своем согласии еще до просьбы Австрии помочь в расследовании сразу создало бы впечатление, что сербское правительство как-то связано с сараевским убийством. Циммерман «дружески» советовал правительству Сербии признаться в собственной виновности. Конечно этот маневр германских организаторов войны был разгадан, и сербские правящие круги не последовали «дружескому совету», но уже самый факт такого совета мог говорить дальновидным чиновникам английского министерства иностранных дел, что в связи с сараевским убийством противники к чему-то готовятся.

То же подтверждал де Бунзен из Вены. Конечно «предстоят трудные времена», — писал он 3 июля о венских настроениях[2].

6 июля тот же де Бунзен сообщил телеграммой сведения, полученным им от сербского посла в Вене Иовановича. Последний рассказал де Бунзену, что «бомбы были получены из Сербии, где их много осталось после войны, во время которой ими пользовались регулярные войска, но конечно сербское правительство, ровно как и большинство сербской общественности, первыми оплакивают и осуждают преступление, наносящее тяжелый удар сербским стремлениям в будущем»[3]. Из этого заявления искушенные английские дипломаты могли сделать правильный вывод о том, что сараевское убийство в значительной степени являлось сербским предприятием и что если этот факт станет известным австрийцам, то следует ожидать конфликта.

Наконец того же 6 июля Грей получил, что называется, из первоисточников необходимые ему сведения о намерениях австро-германского блока в связи с сараевским убийством. Мы имеем в виду первый разговор Грея с германским послом Лихновским, имевший такое огромное значение для определения тактики и английских и германских организаторов войны.

---

[1] BD, XI, № 22; МОЭИ, IV, № 62. Курсив мой. — *Н. П.*
[2] BD, XI, № 29.
[3] BD, XI, № 31.

Если верить записи Грея, Лихновский, только что вернувшийся из Берлина, «приватно» сообщил ему «о беспокойстве и пессимизме, которые он [Лихновский] встретил в Берлине: убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда вызвало очень сильные антисербские чувства в Австрии, и он знает как факт, хотя не осведомлен в деталях, что австрийцы что-то готовят, и *не исключено, что они решатся на военное выступление против Сербии*. Я сказал, — продолжает далее Грей, — что конечно они не думают о захвате территорий. Посол ответил, что они не желают захвата территорий, так как не знали бы, что сделать с ними. Он думает, что их идея сводится к стремлению добиться некоторой компенсации путем какого-либо унижения Сербии. Ситуация для Германии исключительно трудна: если она скажет «нет», ее обвинят в том, что она всегда удерживает австрийцев и не оказывает им своей поддержки; с другой стороны, *если предоставить события своему ходу*, возможны очень сильные осложнения. Посол искренно надеется, что если они возникнут, мы [Англия] используем наше влияние для смягчения настроений в Петербурге»[1].

Эта болтливость Лихновского, в то время когда Берлин своей главнейшей задачей в эти дни считал сохранить в абсолютной тайне принятое им уже решение использовать сараевское убийство для организации войны, имела свое объяснение. В кругах германской дипломатии Лихновский был до некоторой степени «белой вороной», он был «англофилом», стоящим за соглашение с Англией, и поэтому находился в оппозиции к германской правящей клике, взявшей курс на подготовку войны с Англией еще с 1900 г. Не имея никаких инструкций запрашивать Грея о возможных последствиях готовящегося австро-германским блоком выступления, но подозревая, что Берлин собирается использовать сараевское убийство для организации конфликта, Лихновский мог по собственной инициативе произвести разведку настроений Лондона. Отсюда «приватный» характер его сообщения, делая которое он выступал как частное лицо. Но даже и в этом случае английские организаторы войны получали необходимый и крайне ценный для них материал о намерениях противников, а именно: Германия и Австрия что-то готовят, это «что-то будет военным выступлением против Сербии, и Германия окажет Австрии далеко идущую поддержку, может быть даже «до конца». Вполне естественно, что Грей и его помощники отлично понимали, что при таком использовании сараевского убийства противниками возможны серьезные европейские осложнения вплоть до войны австро-германского блока с царской Россией и Францией, если последние решат оказать Сербии поддержку.

Итак, уже 6 июля английский империализм получил весьма ясное представление о ситуации. Оставалось сделать из этой

---

[1] BD, XI, № 32; DD, № 20. Курсив мой. — *Н. П.*

ситуации выводы. К числу этих выводов принадлежали следующие:

1) прежде всего выяснить, считают ли данный момент удобным для вооруженной борьбы остальные участники Антанты;

2) если момент удобен для всей Антанты, то постараться, чтобы события приняли такой ход, при котором действительно могли бы возникнуть сильные осложнения для Германии и ее союзников.

Английские дипломаты отлично понимали, что наиболее подходящими методами направления событий в должном духе явится всемерное подтравливание союзников к войне, так как только перерастание австро-сербского конфликта в европейский может создать такую ситуацию, при которой станет возможным вступление в войну и самой Англии. Континентальная война с участием царской России и Франции против Германии и Австро-Венгрии была, как мы знаем, необходимой предпосылкой того, чтобы Англия могла принять участие в войне, возникшей из-за балканского повода. Непосредственное вступление Англии в войну из-за Сербии было невозможно (стр. 223, 259—261).

С другой стороны, английским империалистам было не менее ясно, что развязывание мировой войны будет обеспечено только в том случае, если австро-германский блок и в особенности Германия будут убеждены, что 1914 год Англия считает для себя неудобным моментом для вмешательства. Каким путем можно было создать у противников подобные иллюзии? Прежде всего оттяжкой в выявлении позиции самой Англии. Чем дольше Англия оставалась неизвестной величиной в смысле определения своей позиции и своего отношения к конфликту, тем больше было шансов, что война в 1914 г. будет развязана, поскольку царская Россия и Франция получали из Лондона дружеские намеки действовать решительно. С другой стороны, подчеркивая при малейшем удобном случае австро-германским дипломатам свое неверие в то, что предстоящее военное выступление Австрии против Сербии может закончиться чем-либо более значительным, что Англия не верит в возможность серьезных осложнений, что наконец, если бы даже они и случились, то дело не может дойти до войны, ибо Англия будет действовать в примирительном духе, Грей всячески старался выиграть время и спутать игру противников. Конечно такого рода заявления было необходимо делать крайне осторожно, не связывая себя никакими определенными высказываниями, заверениями и, тем более, обязательствами. Надо было делать эти заявления так, чтобы противники истолковывали их в нужном духе и чтобы в то же время этим заявлениям в необходимый момент можно было придать совершенно иное, противоположное толкование. Такого рода позиция по отношению к предстоящему конфликту (неверие в его возможность, недооценка его) могла побудить противников смело итти по пути его разжигания.

Видимость английского нежелания борьбы в 1914 г. и оттяжка в определении позиции Англии к развертывающемуся конфликту были особенно выгодны и по внутриполитическим соображениям. От трудящихся надо было скрыть истинную позицию господствующих классов, чтобы тем легче было создать легенду о «вынужденной войне».

Именно эти задачи — всяческое подталкивание союзников к войне, с одной стороны, и с другой — демонстрация своего миролюбия перед противниками, а главное перед широкими трудящимися массами одновременно с оттяжкой определения позиции Англии к конфликту — и характеризуют позицию английских организаторов войны с 6 июля, когда произошла памятная беседа Грея с проболтавшимся Лихновским, вплоть до 28 июля. После 6 июля у английского империализма оказалось два лица: одно для «друзей» по Антанте, другое — для австро-германского блока. Первое — было лицо войны, к которой понукали и Францию и царскую Россию. Второе — было лицо мира, упрямого неверия в возможность серьезных осложнений и стремления действовать «умиротворяющим образом» во что бы то ни стало, — это лицо изо всех сил показывали Австрии и Германии. Мастерство и талантливость английской дипломатии, ее большая практическая школа на службе буржуазии в том и выразились, что в исключительно трудных условиях ей удалось в течение всего июльского кризиса ни разу не смешать этих двух лиц и обнаружить истинное лицо английского империализма только в выгодный момент, после того как были выполнены те задачи, которые были поставлены сараевским убийством как возможным поводом к войне.

Эту работу английских организаторов войны по натравливанию Франции и царской России, с одной стороны, и по обману противников, с другой — мы сейчас и проследим.

Как умело Грей вел свою работу, можно видеть из следующих документов.

«Я посетил сегодня сэра Эдуарда Грея, — писал Лихновский 6 июля Бетман-Гольвегу о своей беседе с Греем, часть которой мы привели выше в английской (греевской) интерпретации, — и воспользовался случаем для того, чтобы поговорить с ним в дружеском тоне о положении в Европе... Сэр Эдуард вновь заявил мне, что ему неизвестно о каких-либо признаках антигерманских настроений в Петербурге. Еще меньше он верит в какие-либо замыслы России, тем не менее он намерен вновь обратить свое внимание на этот вопрос, при случае поговорить со мной об этом, так как и он испытывает желание поддерживать с нами связь по всем вопросам внешней политики»[1].

Заверения Грея Лихновскому об отсутствии воинственных намерений в Петербурге были первым звеном в дальнейшей цепи выступлений Грея в дни июльского кризиса — сначала подчерки-

[1] DD, № 20.

вания миролюбивых настроений Антанты, а потом, после вручения ультиматума 23 июля, разнообразнейших миротворческих предложений. Эта тактика имела целью создать у противников впечатление, что Антанта и в особенности Англия не хотят войны в данный момент, что для них она сейчас невыгодна. Желание Грея всемерно «поддерживать связь» с германским послом, пользуясь «приватными» сообщениями последнего, помимо получения информации имело целью использовать «англофильство» Лихновского, точнее его оппозицию официальному курсу германской политики для того, чтобы непрестанно путать карты Берлина. Ниже мы увидим, что Грей достиг своей цели благодаря этой постоянной и тесной связи с Лихновским. Телеграммы последнего путали в известной мере расчеты Берлина в самый важный момент, — когда Германия подготовляла «великое решение».

Поддержание «тесной связи» осуществилось в самом ближайшем времени, именно 9 июля, когда Грей *по собственной инициативе* пригласил Лихновского для новой «дружеской беседы», воспользовавшись для этого таким предлогом, как желание познакомить Лихновского с записью их какой-то прежней беседы. В этой второй беседе с Лихновским Грей многозначительно дал понять собеседнику, что Англия имеет «свободу рук» и не связана никакими обязательствами на континенте, а также, что царская Россия полна самых миролюбивых настроений. Последнее сообщение Грея могло только создать иллюзию у Лихновского, а через него и в Берлине, что выступление Австрии против Сербии пройдет без сучка и задоринки, так как царская Россия в данный момент не склонна к войне, а Англия вдобавок будет влиять на Россию в примиряющем духе.

«Между Великобританией, с одной стороны, и Францией и Россией, с другой,— приводил Лиховский слова Грея,— не заключено никаких секретных соглашений, которые бы связывали Великобританию в случае европейской войны.

Англия хочет, по его [Грея] словам, сохранить полную свободу действий, для того чтобы иметь возможность действовать по собственному усмотрению в случае осложнений на континенте. Правительство обязалось до известной степени перед парламентом не принимать на себя какие-либо тайные обязательства. В случае осложнений на континенте британское правительство ни в каком случае не окажется на стороне нападающей страны.

Со времени нашего последнего разговора... он тщательно ознакомился с настроениями, царящими в России против нас, и не нашел никаких оснований для беспокойства. Он также готов, если мы пожелаем, в той или иной форме повлиять на позицию России... Многое будет зависеть от характера проектируемых мероприятий и от того, не затронут ли они славянские чувства в такой мере, что господин Сазонов не сможет остаться пассивным» [1].

Этим заявлением Грей, что называется, подманивал австро-гер-

[1] DD, № 30.

манский блок на выступление, не связывая себя однако ничем. Наоборот, подлинное намерение английского империализма скрывалось под такими двусмысленными выражениями, как стремление Англии «сохранить полную свободу действий», как ссылки на «характер проектируемых мероприятий», которые и определят позицию Англии, и т. д.

Но по мере того как ход событий развивался в предусмотренном английскими организаторами войны направлении, т. е. по мере того как австро-германский блок все глубже и глубже залезал в проектируемое им предприятие на Балканах, о чем Грей и его помощники отлично знали, тон Грея начинает меняться, и горячие дружеские чувства, которыми он пылал 6 июля по отношению к Лихновскому, начинают охладевать, хотя Грей все еще декламирует об английском миролюбии. В этом отношении очень любопытна новая беседа Грея с Лихновским 15 июля, во время которой Грей уже старался скомкать вопрос о «мирных стремлениях» царской России, так как понимал, что и в Берлине и в Вене к этому моменту уже знали, что царская Россия готовится к войне. Говорить сейчас о миролюбии царской России было бы даже неполитично, так как слишком наивно демонстрируемое непонимание европейской ситуации могло вызвать подозрение у противников. Поэтому задачей Грея в данной беседе с Лихновским помимо очередной демонстрации «миротворческих» усилий Англии было стремление осторожно дезавуировать свои прежние заявления о нежелании войны царской Россией и о возможной позиции Англии в случае европейского конфликта. Делает это он в двусмысленном заявлении о том, что английский империализм «должен считаться с русскими чувствами».

«Сэр Эдуард Грей заявил, — сообщал об этой беседе Лихновский, — что все зависит от того, какого характера будет вмешательство, и что ни в коем случае не должна итти речь об уменьшении сербской территории. Он старался поддержать в Петербурге австрийские требования. Если однако в России в результате военных мероприятий Австрии начнется мощное движение недовольства, то он, по его словам, *не сможет сохранить контроль над русской политикой* и должен будет, учитывая недовольство, которое, как сообщает граф Пурталес, царит в России против Англии, *считаться с русскими чувствами*»[1].

Ту же декламацию английского миролюбия и нежелания войны и в то же время еще более двусмысленное заявление о возможной позиции Англии, которое можно было понимать как угодно, находим мы и в следующей очередной беседе Лихновского с Греем, происшедшей 20 июля, почти накануне австрийского выступления.

«Посетив сегодня сэра Эдуарда Грея, — писал Лихновский, —

---

[1] DD, № 52 „Во всяком случае министр, в этом я уверен, сделает все возможное со своей стороны при возникновении австро-сербского конфликта, чтобы сдержать Россию".

я понял из его слов, что он *пока еще* оптимистически расценивает австро-сербский спор и верит в возможность миролюбивого разрешения вопроса.

Я вторично выразил свое убеждение в том, что граф Берхтольд будет вынужден на основании точного расследования всех событий, а также на основании убедительных материалов потребовать от Сербии удовлетворения и ручательства на будущее. Кроме того я выразил надежду, что России и Англии удастся повлиять на Сербию для того, чтобы она выполнила эти справедливые требования. Он ответил, *что все зависит от того, какого рода удовлетворения будут требовать»* [1].

Таким образом в течение двух недель, с 6 по 20 июля, австро-германскому блоку периодически предлагались самые различные мероприятия и намекалось на возможность его выступления в выражениях, каждый раз обусловленных «ходом событий» на данный момент. Во всех этих многочисленных беседах с Лихновским самой главной задачей Грея было создать у собеседника иллюзию того, что Австрия имеет полную возможность быть максимально требовательной по отношению к Сербии, что конфликт будет локализован и в особенности, что Англия не склонна в данный моменг к войне. 6 июля Грей предлагал Лихновскому «использовать свое влияние любым способом на позицию России». 9 июля Грей «был в весьма уверенном настроении и заявил веселым тоном, что у него нет никаких причин оценивать положение пессимистически» [2]. 15 июля Лихновский ушел от Грея в полном убеждении, что Грей «сделает все для него возможное, чтобы сдержать Россию при возникновении конфликта» [3]. 20 июля Лихновский информировал Берлин, что Грей «все еще оптимистически смотрит на австро-венгерскую ссору и верит в мирное разрешение спора». По словам Лихновского, Грей «не получил никаких известий, указывающих на противное», и «мысль о войне между великими европейскими державами должна быть отвергнута при всех обстоятельствах» [4]. Наконец 22 июля, накануне вручения австрийского ультиматума, Грей успокаивал Лихновского обещанием воздействовать на Петербург.

«Сэр Эдуард Грей, — писал Ягову Лихновский, — сегодня снова сказал мне, что он старается использовать свое влияние в Петербурге в пользу австрийской точки зрения» [5].

Естественно, что эти декларации Грея перед Лихновским могли создать у последнего, а через него и в Берлине, иллюзию того, что неожиданное миролюбие Грея и его обещания «оказать давление» на Петербург вызваны невыгодностью для Англии войны в данный момент. Тем самым австро-германский блок приглашался

---

[1] DD, № 92.
[2] DD, № 30.
[3] DD, № 52.
[4] DD, № 92; BD, XI, № 68.
[5] DD, № 121; ср. BD, XI, № 99.

быть максимально неуступчивым и требовательным по отношению к Сербии и ее возможным защитникам — царской России и Франции.

Ту же политику молчаливого подстрекательства Грей проводил и по отношению к Австрии.

Грей первый из дипломатов Антанты ознакомился с текстом австрийского ультиматума. 23 июля граф Менсдорф по специальному разрешению Берхтольда[1] прочитал Грею текст австрийского ультиматума, который должен был быть вручен официально Грею на следующий день, 24 июля.

«Он сказал мне, — сообщал Менсдорф Берхтольду ответ Грея[2], что до сих пор он не говорил со мной об этом вопросе [австро-сербском конфликте], потому что мы понятно считаем его делом, касающимся только нас [Австрии] и Сербии, и он не знает также, какие мы имеем доказательства о соучастии (Mitschuld) Сербии... Его ответ будет зависеть от того, насколько серьезно будут обоснованы наши обвинения против Сербии и какое удовлетворение мы потребуем. Если наши жалобы будут хорошо обоснованы и то, что мы потребуем от Сербии, выполнимо для этого государства, можно надеяться, что Россия будет воздействовать на белградское правительство в духе умеренности... Он признал трудности нашего положения, говорил с беспокойством относительно серьезности ситуации. Если четыре великих державы — Австро-Венгрия, Германия, Россия и Франция — будут вовлечены в войну, то создастся положение, равносильное хозяйственному банкротству Европы... Нужно доказать России, что наши [Австрии] жалобы обоснованы и наши требования выполнимы для такого государства, как Сербия».

С этими моментами, указанными в телеграмме Менсдорфа, совпадает в общих чертах и отчет Грея об этой беседе, сообщенный им де Бунзену[3]. Самое важное в этой беседе то, что Грей исключил из числа «воюющих держав» Англию, тем самым создавая у австрийского посла впечатление, что Англия останется «вне схватки», нейтральной. Не менее важным является и заявление Грея Менсдорфу, что размер английского воздействия на Петербург (сохранять спокойствие и терпение) «будет зависеть от того, насколько обоснованы австрийские требования и насколько вески оправдания, которые Австрия могла бы изобрести для предъявления своих требований»[4]. Грей, с одной стороны, намекал на возможность нейтралитета Англии, с другой — оставлял для себя лазейку: австрийские требования по отношению к Сербии могут быть и «не обоснованы», и следовательно будущее выступление царской России может оказаться вполне «законным».

---

[1] OUAP, VIII, № 10490, 10535.
[2] OUAP, VIII, № 10537.
[3] BD, XI, № 86.
[4] Ibidem.

Одновременно и параллельно с этой работой английской дипломатии по одурачиванию противников и подстреканию их к агрессивности и максимальной неуступчивости Грей и его помощники ведут не менее напряженную работу по проверке военно-дипломатического механизма Антанты и его способности и готовности к борьбе. Английский империализм хотел выяснить намерения Франции и царской России, с одной стороны, а с другой, — зная эти намерения, подтолкнуть и понудить Антанту принять вызов австро-германского блока, чтобы создать возможность для вступления в игру самой Англии.

С этой целью 8 июля Грей осведомил Камбона о возможности австрийского демарша и необходимости воздействовать на Петербург, чтобы «укрепить его терпение»[1].

О той же возможности австрийского демарша Грей говорил 8 июля и с Бенкендорфом, имея целью прощупать намерения царского правительства в связи с сараевским убийством и подстрекнуть его к решительным действиям.

Мы имеем две записи этой беседы Грея с Бенкендорфом. Одна из них принадлежит самому Грею, другая — Бенкендорфу. Обе записи расходятся в изложении сущности переговоров, и поэтому мы приводим их обе.

Запись Грея по вполне понятным причинам скрывает истинные намерения, преследуемые им в этой беседе. По словам Грея, предупрежденный о «возможности» австрийского демарша Бенкендорф ответил, что, зная об антисербских настроениях в Австрии, он все же не видит, на чем может быть основан демарш против Сербии. «На это я, — продолжает Грей, — сказал, что не знаю, что замышляется. Я могу только предположить, что *какое-нибудь открытие, сделанное во время допроса замешанных в убийстве эрцгерцога, ну, например, что бомбы были получены в Белграде, могло бы явиться для австрийского правительства основанием для обвинения сербского правительства в халатности* (negligence). Но это лишь воображение и догадки с моей стороны».

Если верить Грею, Бенкендорф выразил надежду, что «Германия удержит Австрию. Он [Бенкендорф] не может думать, что Германия захочет ускорить ссору». Тогда Грей, имевший уже «приватные» указания Лихновского о подготовке Берлина и Вены, вежливо намекнул, что в связи с вооружениями царизма и англо-русскими переговорами о сотрудничестве на море «власти в Берлине очень неспокойны и подозрительны», и посоветовал царскому правительству «сделать все возможное, чтобы успокоить Германию и убедить ее, что против нее не подготовляется никакого удара». Бенкендорф, по словам Грея, «обещал написать Сазонову. Он [Бенкендорф] показал, что совершенно сознает опасения, царящие в Берлине, опасность, в них заключающуюся, особенно в этот момент, когда Австрия воз-

[1] BD, XI, № 38.

буждена против Сербии, и желательность предупреждения грозной ситуации в результате того, что сербский вопрос будет насильственно поднят»[1].

Но скромная редакция записи Грея об его разговоре с Бенкендорфом имела лишь целью создать документ, который бы говорил о миролюбии Англии или по крайней мере не разоблачал агрессивных замыслов английского империализма и его работы по разжиганию войны. Даже из этой намеренно скромной версии беседы видно, о чем шла речь. Намекая собеседнику, что австрийское расследование может выявить прямое участие в сараевском деле правящих кругов Сербии, Грей в сущности спрашивал собеседника, как намерена отнестись царская Россия к тем выводам, какие Австрия захочет сделать из этого открытия. Что последняя захочет их сделать, Грей узнал еще 6 июля от Лихновского, и именно это, а отнюдь не «русские вооружения» или «англо-русские морские переговоры» он имел в виду, говоря о «подозрительности берлинских властей». Таким образом совет его царскому правительству «успокоить Берлин» давался для отвода глаз.

Запись Бенкендорфа об этом же разговоре (письмо Бенкендорфа Сазонову) указывает, что Грей ожидал в результате сараевского убийства мировой войны и что разговор шел вовсе не об успокоении Берлина, а о готовности к войне царской России.

«Я имел вчера, — писал 9 июля нового стиля Бенкендорф Сазонову, — с Греем беседу, которой он очевидно придает значение, так как он специально пригласил меня накануне, и разговор не касался никаких других вопросов, кроме того, который он затронул, не считая конца беседы и то только в ответ на вопрос, который я ему задал. Грей то говорил, то обдумывал, беседа продолжалась около часа. Вот ее краткое содержание.

Для начала Грей сказал мне, что известия, получаемые им из Вены, ему не нравятся, что общественное настроение сильно накаляется: «возбуждение очень велико, значительно больше, чем когда-либо раньше»; что идет речь о демарше в Белграде, о содержании которого он еще ничего не знает, но что желают побудить Берхтольда действовать, что Берхтольд находится в очень трудном положении и легко может оказаться слишком слабым для данного момента, так как вначале сербская печать помещала неосторожные статьи, — обстоятельство, которое осложняет его положение. Я спросил его, не рассчитывает ли он на миролюбивое настроение императора Франца-Иосифа, который, как я твердо уверен, не решится на войну, когда он одной ногой находится в могиле. Грей мне ответил, что следует делать различие между престижем — никогда последний у австрийского монарха не был более высок — и властью. Он всегда замечал, что не только монархи, но даже государственные люди на склоне лет восполняли престижем то, что они теряли в объеме власти, потому что, — сказал он, — окружающие заглядывают вперед.

[1] BD, XI, № 39. Курсив мой — *Н. П.*

В итоге, — добавил он, — остается слабый Берхтольд. Я ответил, что услышанное мною весьма серьезно, потому что, *если Австрия попытается извлекать пользу из содеянного убийства, общественное мнение в России не останется равнодушным.* «Вот почему, — сказал Грей, — положение мне представляется очень серьезным». Я сказал ему, что тем не менее Германии еще предстоит сказать свое слово и что я не могу поверить, чтобы император Вильгельм желал войны. Он ответил мне, что он думал так же, как и я, но что его впечатления относительно намерений Берлина — впечатления, почерпнутые из многих источников, — являются в общем не особенно благоприятными. За последние годы там продолжают говорить в парламентских видах, с целью увеличения вооружений, о русской или английской политике «окружения», не веря в нее в действительности. Чем дольше об этом говорили, тем больше упрочивалось и развивалось соответствующее убеждение. Там вбили себе в голову, что Россия имеет агрессивные намерения, вооружается, ведет переговоры то с Румынией, то с Англией для заключения военной конвенции и по меньшей мере думает о войне, а потому рассчитывать на Германию в такой же степени, как в прошлом году, было бы неблагоразумно. Грей спросил меня, не можете ли вы сделать что-нибудь? Я спросил его, какой был бы результат разговора, в котором вы [Сазонов] заверили бы германского посла в ваших миролюбивых намерениях. Грей мне ответил: «Это дало бы в самом деле немного». Он добавил, что *было бы важно соблюдать в отношении Германии величайшую осторожность в повседневных сношениях и избегать малейшего инцидента.* Грей сказал мне, что он беседовал с Лихновским. Он сказал, что посол, сам убежденный в преувеличенности распространенных в Берлине слухов, подтвердил однако факт тревожного настроения общества и недоверия по отношению к России... Я ответил, — продолжает далее Бенкендорф, — что все германские опасения насчет окружения кажутся мне попрежнему весьма мало искренними. Но что на самом деле, независимо от этой удобной и легко поддающейся использованию теории, изменившееся военное положение само по себе заставляет Германию задумываться. Оно может внушить ей благоразумие, точно так же как может побудить ее ускорить события. Я кратко резюмировал военное положение: Россия значительно более сильна людским составом и железными дорогами, Франция — в том же точно положении, что прежде, Румыния стала подозрительной, Англия — тем более. Грей мне ответил: «Да. Таковы мои впечатления по этому поводу, о которых я хотел бы, чтобы г. Сазонов знал. Наш разговор конечно является строго конфиденциальным, но я считаю, что мы должны об этом подумать». Грей полагает, что чем более Германия будет успокоена, тем менее она будет поддерживать Австрию. Если она беспокоится — это опасно... Грей сказал мне еще, что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций переме-

щается довольно быстро с запада на восток. Несколько лет тому назад Франция являлась первым и главным германским противником, тогда как Россия, ослабленная войной, требовала от нее меньших оборонительных усилий. Теперь положение будто бы совершенно изменилось; мало-помалу главным противником становится Россия. «В итоге, — спросил я Грея, — *вы находите положение серьезным?*» Грей мне ответил, что волосы становятся дыбом при мысли о том, что из этого ужасного преступления может внезапно возникнуть всеобщая война со всеми ее потрясениями, тогда как мы избежали ее в прошлом году с таким трудом, и казалось, что все вообще медленно улаживается. Но положение заставляет меня задуматься, о чем я хотел вас предупредить. Поступать таким образом, чтобы Германия успокоилась, представляется Грею теперь наиболее существенным. Я его предупредил, что я не буду вам телеграфировать, а напишу в частной форме и изложу возможно лучше столь продолжительный разговор. Грей коснулся того же вопроса в разговоре с Камбоном. Думаю, что более кратко... Может быть Грей немного пессимист, тем не менее его аргументация слишком сильна, чтобы отказывать ей в значении; он говорил не только с большой серьезностью, но и с волнением, которое он проявляет в момент, чреватый последствиями. Я поспешил осведомить вас об этом...»[1]

Это конфиденциальное письмо Бенкендорфа показывает, что Грей уже 8 июля совершенно ясно представлял себе, что конечным результатом сараевского убийства может быть мировая война. Фактически его разговор был попыткой задать вопрос Сазонову — что думает делать в случае конфликта царская Россия? Вступится ли она за Сербию? Готова ли она сейчас к войне? Бенкендорф мог ответить, что «общественное мнение в России не останется равнодушным» к нападению Австрии на Сербию, но это было личное мнение царского посла. Нужен был ответ Сазонова для выяснения позиции царизма в предстоящем конфликте, и Грей, не удовлетворяясь ответом Бенкендорфа на свой запрос, через несколько дней повторил его, правда, в несколько иной форме.

После запросов царской России и Франции (беседа с Камбоном фактически была таким же запросом) об их позиции события развивались следующим образом. 9 июля пришла депеша де Бунзена, писавшего о тревожных настроениях дипломатического корпуса в Вене. Французский посол в Вене Дюмен, который «может знать, что говорится и делается сербами [сербскими дипломатами] в Вене... полон серьезных опасений. Он не раз говорил мне на прошлой неделе об опасностях ситуации, которые, он боится, могут быстро перерасти в осложнения, результатом коих может явиться война». Германский посол в Вене Чиршки, бывший, как мы знаем теперь, в курсе приготовлений австрийцев, сказал выразительно, «что *отношения между Ав-*

[1] МОЭИ, IV, № 146. Курсив мой — *Н. П.*

стрией и Сербией должны быть плохи и ничто не может исправить их». Русский посол Шебеко прямо говорил о войне, если Австрия набросится на Сербию:

«Он [Шебеко] не может верить, что страна [Австрия] позволит себе броситься в войну, так как борьба *один на один с Сербией невозможна и Россия будет принуждена взяться за оружие в защиту Сербии*. Об этом не может быть никаких вопросов. Сербская война означает всеобщую европейскую войну»[1].

В какой степени в Белграде были в эти дни уверены в поддержке царской России, можно понять из депеши Кракенторпа о разговоре со Славко Груичем. Последний, заявив, что Габринович был австрийским агентом и что «сербское правительство не знает ничего о Принципе», добавил, что «если бы Австрия решилась на явное умышленное нападение против Сербии, *Россия не осталась бы спокойной перед вероломным нападением на Сербию, в то время как Болгария была бы остановлена Румынией*. Господин секретарь полагает, что в настоящей обстановке война между великой державой и одним из балканских государств имела бы неизбежным следствием распространение пожара на весь европейский континент»[2].

Дальнейшие сообщения дипломатических агентов из Берлина[3], Вены[4], Будапешта[5], Петербурга[6], Рима[7], Парижа[8], Софии[9], Белграда[10] могли лишь подкрепить впечатление Грея, что положение крайне напряжено[11] и что участники «кооперации интересов» понимают это, а некоторые, как Петербург, предвидят и возможность перерастания сербского конфликта в общеевропейский.

Делали «логические выводы» из сараевского убийства и противники. Из отчетов консула Джонса в Сараево Грею было известно, что австрийцы знают о том, что в покушении замешана «Народна одбрана», агент которой Циганович распределил между заговорщиками револьверы и бомбы. А 16 июля Грей совершенно точно знал не только о том, что Австрия готовится к какому-то шагу против Сербии, но даже и те требования, которые будут предъявлены сербам. Граф Люцов, бывший австрийский посол в Риме, рассказал де Бунзену, что против Сербии за соучастие в покушении подготовляется «нечто вроде обвинительного акта, основанного на данных сараевского следствия, категорически требующего от Сербии принять действительные меры для предупреждения выделки и экспорта бомб и прекратить коварную и смертоносную пропаганду против Двуединой

[1] BD, XI, № 40. Курсив мой — *Н. П.*
[2] BD, XI, № 61, 80. Курсив мой — *Н. П.*
[3] BD, XI, № 44, 63, 73.
[4] BD, XI, № 46, 50, 51, 55, 56, 59, 64, 65, 71.
[5] BD, XI, № 70, 81, 82, 85.
[6] BD, XI, № 60.
[7] BD, XI, № 74.
[8] BD, XI, № 42, 52, 66, 69.
[9] BD, XI, № 43.
[10] BD, XI, № 45, 53, 62.
[11] Ср. МОЭИ, IV, № 232.

монархии. Не будет допущено никаких пустых разговоров. *Если Сербия не сдастся немедленно, будет использована сила для ее принуждения... Граф Берхтольд уверен в германской поддержке. Австрия пойдет вперед независимо от результатов, несмотря даже на угрозу войны с Россией»* [1].

С другой стороны, Грею было известно, что сербы настроены весьма непримиримо.

«Сербия возомнила о себе (Servia having a very swelling head) и, чувствуя поддержку России, ответит [на австрийскую ноту] в тоне, который Австрия может счесть лишь за провокацию», — писал английский посол в Риме сэр Реннель Родд Грею 20 июля [2].

18 июля наконец пришли и столь желанные вести о настроениях царской России. В этот день Сазонов «почувствовал большое беспокойство, причиненное позицией Австрии по отношению к Сербии», и, «отвечая на мой [Бьюкенена или, вернее, самого Грея] вопрос, его превосходительство сказал, что *что-либо вроде австрийского ультиматума в Белграде не может оставить Россию равнодушной, и она может быть вынуждена предпринять некоторые предварительные меры военного характера»* [3].

Точно так же к этому времени было совершенно точно известно, что Германия выступит на поддержку Австрии, если царская Россия поддержит Сербию [4].

Как мы видим, складывалась именно та ситуация, которая была предусмотрена «военно-дипломатическим расписанием 1912 г.», и 16—18 июля Foreign Office, прекрасно осведомленный о развитии конфликта, совершенно ясно учитывал, к чему идет дело. Имея 18 июля ответ Сазонова на свой запрос Бенкендорфу от 8 июля, Грей с 20 июля выступает в роли «миротворца», пробуя натравить царскую Россию на Австрию.

«Возможно, что сербское правительство проявило халатность (negligent), — телеграфировал он в этот день Бьюкенену, — и результаты следствия в Сараево докажут, что убийство эрцгерцога было умышлено на сербской территории. Если австрийские требования к Сербии будут выдержаны в границах разумного и если Австрия сможет представить оправдание предъявления их, я надеюсь, что будут сделаны все попытки предотвратить какое бы то ни было нарушение мира. *Было бы крайне желательно, чтобы Австрия и Россия обсудили вопрос совместно, если он осложнится.* Вы можете говорить в этом смысле, если представится случай» [5].

---

[1] BD, XI, № 55, 56. Курсив мой — *Н. П.*
[2] BD, XI, № 74; также № 61, 80.
[3] BD, XI, № 60.
[4] BD, XI, № 74, 77.
[5] BD, XI, № 67 (курсив мой — *Н. П.*); МОЭИ, т. IV, № 325, также № 323, который значительно отличается от греевской версии беседы с Бенкендорфом от 22 июня—9 июля; см. BD, XI, № 79 и прим. к МОЭИ, т. IV, № 323, на стр. 382 и 383.

Смысл этой коротенькой и на первый взгляд весьма миротворческой телеграммы обнаружится, если мы вспомним, что Грей из донесений де Бунзена, Гошена, Рембольда и из бесед с Лихновским знал совершенно точно, что Австрия решилась итти вперед, не обращая внимания на царскую Россию, и что всякая самостоятельная попытка царского правительства застращать в одиночку Австрию будет рассматриваться последней как провокация и следовательно лишь ускорит взрыв. Что это так, явствует из телеграммы Бьюкенена от 22 июля, которому «случай поговорить» в указанном Греем смысле действительно представился. 21 июля он сообщил Пуанкаре о предложении Грея. Но Пуанкаре, как мы уже знаем, проявил «некоторую сдержанность». Французские и русские «друзья», прежде чем точно формулировать свою точку зрения и в особенности провоцировать Австрию, предпочитали выяснить намерения самого Грея, так как война без помощи Англии являлась рискованнейшей авантюрой. Поэтому Пуанкаре (находясь в Петербурге, он как раз был занят координированием франко-русской точки зрения на балканские дела и в частности на австро-сербские отношения в связи с сараевским убийством), которого трудно упрекнуть в отсутствии воинственности в те дни, «выразил мнение, что переговоры à deux между Россией и Австрией в настоящее время весьма опасны и что он скорее настроен в пользу примирительных советов Англии и Франции в Вене». Сазонов сказал, что «считает полезным, если бы три правительства — Англия, Франция и Россия — дали совет умеренности в Вене. Это должно быть сделано в самой дружелюбной форме и не должно иметь вида коллективного выступления»[1].

Это франко-русское «миролюбие», за которым в сущности скрывалось только желание выяснить позицию Англии, было встречено в Foreign Office весьма кисло, если судить по надписям на телеграмме Бьюкенена:

«Всякий совет в Вене будет весьма деликатным делом, и во всяком случае, мне кажется, что мы должны выждать, пока не узнаем, что намерено сказать в Белграде австрийское правительство. Клэрк»[2].

«Я сильно сомневаюсь в разумности каких бы то ни было наших представлений в Вене. Это дело германского правительства. Эйр Кроу»[3].

Когда же Бьюкенен на следующий день (23 июля) известил Грея об отправке Сазоновым и Вивиани инструкций царскому и французскому послам в Вене совместно со своим британским коллегой «преподать дружеские советы умеренности» австрийскому правительству, — помощники Грея пришли в негодование, которое сквозит в их пометках на полях указанной телеграммы.

---

[1] BD, XI, № 76.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

«Всякое подобное сообщение в Вену скорее вызвало бы глубокое раздражение без какого бы то ни было благодетельного эффекта. Эйр Кроу».

«Боюсь, что этот шаг нерассудителен, и сомневаюсь, чтобы немцы присоединились. А. Никольсон»[1].

Первая «миротворческая» попытка сэра Эдуарда Грея натравить царскую Россию на Австрию закончилась, таким образом, неудачей. В Петербурге Сазонов и Пуанкаре решили сохранить выжидательную позицию до выяснения позиции самой Англии или по крайней мере до развертывания событий. Не смущаясь неудачей, Грей приступил к выполнению своей главной задачи — осуществить свой вариант войны. Метод, избранный им для достижения цели, был сравнительно прост — нужно было подбодрить Австрию к максимальной неуступчивости по отношению к Сербии и дать надежду на локализацию войны и нейтралитет Англии в ней. Грей имел в виду именно эту тактику для развязывания войны и после предъявления Австрией своего ультиматума сербскому правительству.

Вручение Австрией ультуматума в Белграде 23 июля закончило первый этап работы английской дипломатии в июльские дни 1914 г. Она выполнила задачи, стоявшие перед ней в этом периоде: усыпляла внимание и ввела в заблуждение австро-германский блок, поддержав иллюзии, питавшиеся в некоторых берлинских кругах, будто Англия не желает сейчас вмешиваться и в силу этого конфликт возможно ограничится одной континентальной войной с участием царской России и Франции[2]. Так как австро-германский блок также хотел войны именно в 1914 г., то ясно, что «миролюбивые» советы могли только подстрекнуть и подстрекнули его *на самые решительные шаги, на которые он впрочем и без того решился сам.*

Австрийский ультиматум начал новую эпоху в истории отношений между Антантой и Тройственным союзом накануне войны. Он создавал новое качество в этих отношениях и в процессе осуществления австро-германским блоком своего плана развязывания войны. Вручив ультиматум, Австрия сделала первую «техническую ошибку», которая должна была поставить ее в положение страны «явно виновной», так как провокационный тон и требования австрийского ультиматума с головой выдавали агрессивность его составителей. Мало того, этот провокационный шаг нельзя было «обратить вспять» без крупнейшего дипломатического поражения Австрии и потери ею престижа как империалистической державы. Эту ситуацию, созданную для австро-германского блока характером и тоном австрийского ультиматума, отлично уясняли себе Грей и другие агенты английского империализма, которым осталось только

---

[1] BD, XI, № 184.
[2] DD, № 30. Курсив мой — *Н. П.*

развивать первый успех и добиваться того, чтобы противники зарвались еще дальше.

Каким путем могло итти развитие достигнутого успеха? Грей и его помощники отлично понимали, что после вручения ультиматума Сербии до развязки остается несколько дней, тем более что Австрия сама намеренно дала крайне краткий срок для ответа на ультиматум. В эти немногие остающиеся до развязки дни надо было изо всех сил поддерживать в Берлине иллюзию насчет того, что вступление Англии в войну задерживается и что следовательно австро-германский блок может действовать. Такую иллюзию можно было создать многочисленными предложениями посредничества и других различных способов улаживания конфликта, и именно эту тактику усвоил Грей после австрийского ультиматума. Все эти дни, с 24 по 28 июля, представляют какой-то каталог мирных предложений Грея, сыпавшего ими направо и налево.

С другой стороны, необходимо было скорей развязать войну, а этого можно было достичь тайными подстреканиями царской России и Франции к мобилизации. Как хорошо понимали Грей и другие агенты английского империализма, мобилизация должна была неминуемо привести к войне (к перерастанию австро-сербского конфликта в европейский), в какую могла бы вмешаться и Англия. Поэтому наряду с мирными предложениями Грея в эти дни, делаемыми возможно более вслух (это было необходимо, для того чтобы обмануть массы и подчеркнуть агрессивность противников), Грей тайком советует каждой из сторон поскорее мобилизоваться, делая это, правда, в очень осторожных и двусмысленных выражениях.

Грей в официальном порядке получил текст австрийского ультиматума через Менсдорфа утром 24 июля (до 1 ч. 30 м. пополудни), неофициально — он познакомился с ним накануне благодаря особой любезности Берхтольда. Прочтя ультиматум, Грей прежде всего выразил сожаление, что австрийская нота имеет ультимативный характер, обусловливая сроком выполнение Сербией австрийских требований (об этом он предупреждал Менсдорфа и накануне, 23 июля)[1].

«Нота кажется самым страшным ультиматумом, адресованным когда-либо одним государством другому независимому государству... Я однако делаю эти комментарии, — заявил Грей Менсдорфу, — не с целью дискутировать о том, кто прав — Австро-Венгрия или Сербия. Это не наше дело. Я должен заниматься этим вопросом только с точки зрения европейского мира, и я испытываю тревогу»[2].

Граф Менсдорф сообщил Берхтольду об этом разговоре в телеграмме, отправленной в 2 ч. 50 м. пополудни 24 июля.

«Он охарактеризовал нашу ноту, — писал Менсдорф Берх-

---

[1] BD, XI, № 86.
[2] BD, XI, № 91.

тольду о позиции Грея, — как самый страшный документ, который когда-либо был отправлен одной державой другой, но признал, что сказанное о соучастии [Сербии] в сараевском убийстве, равно как и некоторые наши требования, оправданы...

Что беспокоит его серьезно, — это реакция на европейский мир. Если последний не будет скомпрометирован, он вполне готов рассматривать события, касающиеся Австро-Венгрии и Сербии. Однако он очень «опасается», что в войну может быть вовлечено большее число великих держав. Говоря о России, Германии, Франции, он заметил, что условия франко-русского союзного договора приблизительно аналогичны условиям договора Тройственного союза»[1].

Мотив Грея: только четыре державы — Франция, царская Россия, Германия и Австрия — могут быть вовлечены в войну в результате сараевского убийства, был повторен им и в официальном разговоре с Менсдорфом в момент официального вручения последним копии австрийского ультиматума. Менсдорф мог делать какие угодно выводы из этих заявлений, повторенных ему дважды (23 и 24 июля), тем более что Грей в официальном разговоре признал ряд требований провокационного австрийского ультиматума оправданными. Трудно предположить, чтобы Менсдорф, знавший Грея в течение многих лет и передававший в своей телеграмме содержание одной из важнейших в своей жизни бесед, в самый критический момент австро-венгерской политики «приукрасил» заявление Грея своими собственными измышлениями. С другой стороны, беседа Грея с Лихновским, происшедшая вечером того же дня, повторяет, согласно изложению Лихновского, заявления, сделанные Менсдорфу.

После Менсдорфа Грей принял Поля Камбона. Сообщая британскому послу в Париже Берти о своем разговоре с Камбоном, Грей писал[2]: «Известив сегодня г. Камбона об австрийском сообщении Сербии, которое я получил сегодня утром, и замечаниях, сделанных мною вчера по поводу его [ультиматума] графу Менсдорфу, я сказал г. Камбону, что сегодня к вечеру мне придется встретиться с германским послом, который несколько дней назад просил меня частным образом оказать умеряющее воздействие на Петербург. Я скажу послу, что конечно, если вручение этого ультиматума Сербии не вызовет осложнений (trouble) между Австрией и Россией, нам нет до него дела; *но если Россия усвоит ту точку зрения, которую, как мне кажется, должна занять всякая держава, заинтересованная в Сербии,* я буду совершенно бессилен из-за условий ультиматума

---

[1] OUAP, VIII, № 10600.

[2] BD, XI, № 98. Этот документ является, как свидетельствуют порядковые номера депеш и телеграмм в Париж, депешей, т. е. сообщением, посланным почтой. Соответствующая телеграмма, которая является обычно кратким резюме следующей за ней депеши, в XI томе BD не опубликована. На документ № 32 в „Livre Jaune" 1914 г. невозможно ссылаться ввиду его явной фальсификации.

употребить какое-либо умеряющее влияние. Я скажу, что считаю единственным шансом на какое-либо посредничество или умеряющее влияние, которое можно было бы использовать, это — чтобы Германия, Франция, Италия и мы, не заинтересованные непосредственно в Сербии, действовали совместно в целях мира одновременно и в Вене и в Петербурге.

Господин Камбон сказал, что если есть какой-либо шанс на посредничество четырех держав, то он не сомневается, что его правительство с радостью поддержит его; но он указал, что мы не можем ничего говорить в Петербурге, до тех пор пока Россия не выразит какого-либо мнения или не предпримет какого-либо выступления. По прошествии же двух дней австрийцы вторгнутся в Сербию, так как сербы возможно не смогут принять австрийского ультиматума. Россия будет вынуждена своим общественным мнением выступить, как только Австрия нападет на Сербию, и тогда, раз Австрия нападет на Сербию, какое-либо посредничество слишком запоздает.

Я сказал, что не намереваюсь ничего говорить в Петербурге до тех пор, пока не выяснится, что между Австрией и Россией дело дойдет до осложнений. Я думаю, что, если Австрия вторгнется в Сербию и Россия тогда [после этого] мобилизуется, для четырех держав станет возможным воздействовать на Австрию с целью приостановить ее вторжение, равно как и на Россию — приостановить свое, до выяснения результатов посредничества. Но существенно важно участие в нем [посредничестве] Германии, для того чтобы подобный шаг имел какой-либо шанс на успех.

Господин Камбон сказал, что после немедленного вторжения Австрии в Сербию это будет слишком поздно. Существенно важно выиграть время путем посредничества в Вене. Для того чтобы это последнее имело больше шансов на принятие, надо, чтобы Германия предложила его другим державам. Я сказал, что он подразумевает под этим посредничество между Австрией и Сербией. Он ответил утвердительно. Я обещал переговорить с германским послом на эту тему после полудня».

Таким образом Грей 24 июля сразу же после получения текста австрийского ультиматума считал необходимым подстрекнуть царизм, заявляя, что делом царской России является выступление «на защиту Сербии» («если Россия усвоит ту точку зрения, которую, как мне кажется, должна усвоить всякая держава, заинтересованная в Сербии»), и отказываясь в то же время воздействовать умеряющим образом на царскую Россию, до тех пор пока между ней и Австрией не возникнут осложнения, т. е. пока царская Россия не выступит «на защиту» Сербии. Помимо этого он предложил Камбону посредничество четырех держав, «не заинтересованных непосредственно в Сербии» — Франции, Германии, Италии и Англии, но только в том случае и после того, как Австрия вторгнется в Сербию и царская Россия в ответ на это выступит против Австрии, т. е. фактически, когда

дело дойдет до столкновения царской России с Австрией или по крайней мере до мобилизации царской армии.

Эту программу действий, развязывавшую руки царизма в отношении военного выступления против Австрии «в защиту Сербии», Грей предложил через Камбона французскому правительству еще до получения им первых сведений от Бьюкенена из Петербурга о позиции царского правительства в развертывающемся конфликте.

В 3 часа пополудни 24 июля началось заседание кабинета, посвященное ульстерскому кризису[1], закончившееся к 5 час. пополудни. В конце заседания Грей, заявив, что должен сделать важное сообщение, прочел австрийский ультиматум, воздерживаясь от каких-либо комментариев. По свидетельству Черчиля, все сидели, «затаив дыхание». Однако какого-либо обсуждения на этом заседании позиции английского правительства в конфликте, если верить свидетельству Черчиля, не было.

После заседания кабинета[2] Грей принял Лихновского, вручившего ему сообщение германского правительства о необходимости локализовать конфликт.

«Императорскому [германскому] правительству, — говорило это сообщение, — желательно подчеркнуть свою точку зрения, что в настоящем случае дело должно быть улажено исключительно между Австро-Венгрией и Сербией и что следует проявить самое серьезное старание ограничить его [решение] двумя непосредственно заинтересованными державами. Имперское правительство настоятельно желает локализации конфликта, ибо всякое вмешательство любой другой державы в силу различных договорных обязательств повлечет за собой неисчислимые последствия»[3].

Противники шли напролом. Германия, по мнению Foreign Office, «очень крепко» поддерживала Австрию, стремясь обеспечить последней возможность расправиться один-на-один с Сербией. Германская нота, угрожая войной, требовала, по меткому выражению Никольсона, чтобы «все державы стали в кружок и смотрели, как Австрия будет преспокойно расправляться с Сербией»[4].

Столь категорическое требование германского правительства ставило однако Германию наряду с Австрией в положение державы, сделавшей «техническую ошибку»: Германия, если так можно выразиться, авансом солидаризировалась с Австрией, даже не дождавшись сербского ответа. Грей использовал эту «ошибку»,

---

[1] Кризис, возникший в результате борьбы английских черносотенцев против проведения закона о самоуправлении в Ирландии.

[2] Отчет Грея о беседе с Лихновским отправлен Рембольду в Берлин в 7 ч. 25 м. пополудни (BD, XI, № 99), отчет Лихновского о беседе с Греем в 9 ч. 12 м. пополудни (DD, № 157, прим. 2).

[3] BD, XI, № 100; DD, № 100.

[4] BD, XI, № 249.

ограничившись повторением Лихновскому своих слов Менсдорфу утром.

«Если австрийский ультиматум Сербии,— говорил Грей,— не приведет к осложнениям между Австрией и Россией, мне нет до этого дела. Пока еще я не имею никаких сведений из Петербурга, но весьма тревожусь по поводу той точки зрения, какую Россия выскажет о ситуации. Я напомнил германскому послу выраженную им лично несколько дней назад надежду, что в случае необходимости я приложу усилия для умеряющего воздействия в Петербурге, но теперь я сказал, что, *ввиду необычайно резкого характера австрийской ноты, краткости данного времени, обширного объема требований к Сербии, я совершенно беспомощен по отношению к России* и не верю, что какая-либо держава может в одиночку использовать свое влияние. Единственным шансом эффективного посредничества или умеряющего влияния, поскольку мне кажется, было бы, чтобы четыре державы — Германия, Италия, Франция и мы — воздействовали вместе одновременно и в Вене и в Петербурге в пользу умеренности, в случае если отношения между Австрией и Россией станут угрожающими. Непосредственная опасность состоит в том, что через несколько часов Австрия может вторгнуться в Сербию и русское славянофильское мнение потребует, чтобы Россия выступила на помощь Сербии; было бы крайне желательно побудить Австрию не форсировать военного выступления. Но никто из нас не может повлиять на Австрию в этом направлении, пока Германия не предложит и не будет участвовать в подобном выступлении в Вене»[1].

Из отчета Лихновского в Берлине об этом разговоре с Греем, в значительной мере совпадающего с изложенной выше версией Грея, мы приведем лишь те пункты, которые в том или ином отношении дополняют отчет Грея, опуская совпадающие места. Согласно отчету Лихновского, Грей заявил: «Пока дело идет о локализированной борьбе между Австрией и Сербией, ему [Грею] нет никакого дела до этого, но вопрос будет стоять иначе, если общественное мнение в России принудит правительство выступить против Австрии... Опасность европейской войны, в случае если Австрия вступит на сербскую почву, надвинется самым непосредственным образом. Последствия подобной войны вчетвером — он нарочито подчеркнул число четыре *и подразумевал под этим Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию* — невозможно будет учесть»[2].

---

[1] BD, XI, № 99. Курсив мой — *Н. П.*

[2] DD, № 157. Отчет Лихновского подтверждает следующие моменты отчета Грея (BD, XI, № 99): сильное впечатление, произведенное австрийским ультиматумом на Грея; отсутствие известий из Петербурга и „опасение" Грея относительно выступления России; отказ Грея подать какой-либо совет умеренности в Петербурге; заявление Грея, что, пока конфликт ограничивается Австрией и Сербией, ему — Грею — нет до него никакого дела; сожаление Грея относительно тона австрийского ультиматума и краткости данного Сербии срока; предложение посредничества четырех держав между царской Россией и Австрией.

Беседой с Лихновским закончились переговоры Грея 24 июля с иностранными дипломатами, — с Бенкендорфом он встретился только на другой день, 25 июля[1]. Эти переговоры выявляют любопытный сдвиг в развитии политики Грея. Поэтому необходимо рассмотреть важнейшие моменты этих переговоров каждый в отдельности.

Первым из них, хотя быть может и наименее важным, является сожаление Грея по поводу резкого тона австрийского ультиматума и краткости предоставленного Сербии для ответа срока. Признавая правильность многих требований ультиматума, Грей осуждал его тон, подчеркивая «техническую» ошибку Австрии, широко использованную печатью Антанты в эти дни. Подобное заявление Грея было с его стороны исходной точкой подготовки в идеологическом отношении Англии к войне на защиту «бедной, маленькой и невинной Сербии».

Но осуждая тон и краткосрочность ультиматума при одновременном признании правильности многих австрийских требований, Грей в то же время заявил (Менсдорфу, Лихновскому и 25 июля Бенкендорфу)[2], что он не собирается рассматривать вопрос о том, кто прав — Австрия или Сербия — по существу, что, пока конфликт остается локализованным между Австрией и Сербией, Англии до этого нет никакого дела. Отказ рассматривать существо спора и кто прав, Австрия или Сербия, был в устах Грея вполне понятен: Англия не могла вступить в войну из-за Балкан. Все это было заявлено в разговоре, отчет о котором не скоро мог попасть в печать, и могло лишь укрепить австрийцев в незыблемом сохранении их требований по отношению к Сербии, поощрить их непримиримость и тем самым провоцировать их на дальнейшее обострение конфликта.

Логическим выводом из этой позиции для Грея явилось его заявление Менсдорфу и Лихновскому, что Англия остается в стороне, пока конфликт ограничивается Австрией и Сербией, в особенности если царская Россия не вступится за Сербию. Грей делал вид, что он считает такое заступничество весьма невероятным. Такое разрешение Австрии расправиться с Сербией было со стороны Грея чистейшей провокацией, ибо уже 18 июля он имел ответ Сазонова, что «что-либо вроде австрийского ультиматума в Белграде не может оставить Россию равнодушной и что она может быть вынуждена предпринять некоторые предварительные меры военного характера»[3].

Поэтому сомнение, высказанное Греем (в разговорах с Лихновским и Менсдорфом), в том, что царская Россия вряд ли вступится за Сербию, можно считать условием, поставленным Лихновскому и Менсдорфу нарочито, для того чтобы после выступления царской России на защиту Сербии можно было от-

---

[1] DD, № 152; МОЭИ, V, № 52, 53, 54.
[2] „Daily Telegraph" 30/IV 1928.
[3] BD, XI, № 60.

казаться от своей позиции невмешательства в австро-сербский конфликт. Эта позиция невмешательства позволяла Грею сохранять на данной стадии июльского кризиса выжидательное положение и одновременно вводить в заблуждение Австрию и Германию, подавая им надежду, что Англия, быть может, сохранит нейтралитет. Подтверждением этого является тот факт, что Грей, ссылаясь на тон и краткосрочность австрийского ультиматума, отказался что-либо советовать в Петербурге, хотя ранее трижды (9, 15 и 22 июля) обещал оказать свое влияние в Петербурге «в смысле австрийской точки зрения». Другим подтверждением является подчеркивание Грея (в разговорах с Менсдорфом 23 и 24 июля и с Лихновским 24 июля), что возможная европейская война будет войной вчетвером — царской России, Франции, Германии, Австрии,— т. е. новый и довольно-таки ясный намек на нейтралитет Англии.

В тесной связи с этой позицией выжидания Грея и подманивания им Австрии и Германии на активные действия стоит его предложение о посредничестве незаинтересованных держав — Англии, Германии, Франции и Италии. Грей, как свидетельствует его отчет о разговоре с Камбоном, «не намеревался говорить что-либо в Петербурге, до тех пор пока не выяснится, что между Австрией и Россией будут осложнения. Только при наличии осложнений (Грей даже конкретизировал их — «когда Австрия вторгнется в Сербию, и Россия тогда мобилизуется»), по мнению Грея, наступал момент для посредничества. Фактически Грей предоставлял возможности свободно развертываться конфликту между Веной и Петербургом до тех пор, пока вмешательство царской России не превратит австро-сербский конфликт в европейский, в котором царская Россия будет выступать как «защитница свободы и независимости мелких обиженных народов». Камбон, тогда еще не имея инструкции из Парижа и не зная позиции Франции, в ответ резонно указывал, что именно тогда уже будет поздно предотвратить европейскую войну и что нужно действовать именно сейчас, пока конфликт ограничен только Австрией и Сербией, если хотят сохранить мир. Грей, пойманный в желании провоцировать войну, солгал Камбону, обещая поговорить «в этом духе» с Лихновским. Но на самом деле он предложил Лихновскому посредничество четырех держав *не в конфликте между Австрией и Сербией, а в будущем конфликте между Австрией и царской Россией.*

В этом и состояла игра Грея. Если бы она удалась, если бы Германия отказалась от участия в подобном посредничестве, можно было заявить (и это было сделано, когда Германия отказалась), что Берлин срывает всякие попытки мирно уладить австро-сербский конфликт и стремится довести дело до европейской войны; если же Германия примет участие в этом трибунале и, оказавшись в меньшинстве, откажется подчиниться решению, то следовательно опять-таки явится нарушительницей мира и зачинщицей европейской войны. Вторая возможность

давала бы особую выгоду — такое пренебрежительное отношение Германии к решениям европейского ареопага сразу превращало австро-сербский конфликт из местного, балканского, в общеевропейский, причем Германия являлась бы нападающей стороной. Наконец в случае подчинения Германии решению трибунала австро-германскому блоку наносилось неслыханно унизительное, если учесть характер и тон австрийского ультиматума, дипломатическое поражение, а выступление Италии против своих союзников, на что в Париже и Лондоне не без основания рассчитывали, могло привести к взрыву Тройственного союза и присоединению Италии в той или иной форме к Антанте. Во всех трех случаях предложение Грея было с точки зрения интересов Антанты беспроигрышным ходом.

Этот анализ позиции Грея, формулированной им в беседах с иностранными послами (и заключавшейся в подманивании Австрии и Германии на обострение конфликта, пока разразится общеевропейский конфликт и события разовьются так, что можно будет активно действовать, не опасаясь парламента), будет однако не полон, если не указать еще одного обстоятельства. Грей говорил с Лихновским так, что последний ушел успокоенным и убежденным, что Грей поддерживает германскую точку зрения о локализации конфликта. На это-то как раз и рассчитывали в Берлине и Вене.

«Германский посол резюмировал мне свою беседу, — доносил вечером 24 июля Менсдорф Берхтольду, — говоря, что сэр Эдуард Грей разделяет желание германского правительства локализовать конфликт между нами и Сербией. В случае возникновения конфликта между нами и Россией он думает о посредничестве à quatre (Англия, Германия, Франция, Италия) между Веной и Петербургом»[1].

После ухода Лихновского, в 8 час. пополудни, Грей получил наконец телеграмму из Петербурга, пожалуй едва ли не самую важную из всех документов, помещенных в XI томе, для определения позиции царизма. Бьюкенен срочно телеграфировал, что Сазонов вызвал его во французское посольство и здесь совместно с Палеологом сообщил ему конфиденциально о результатах свидания Пуанкаре с Николаем, касающихся австрийского ультиматума Сербии, о подготовке которого и Николай и Пуанкаре были достаточно полно осведомлены. В результате этого свидания, как мы уже знаем, французское и царское правительства пришли к следующим решениям:

«1. Полное единство взглядов на различные проблемы, стоящие перед державами в смысле сохранения всеобщего мира и равновесия сил Европы и в частности на Востоке.

2. Решение выступить в Вене с целью предупредить требование объяснений или какие бы то ни было выступления, равно-

---

[1] OUAP, VIII, № 10601.

сильные вмешательству во внутренние дела Сербии, которые последняя могла бы справедливо рассматривать как покушение на ее суверенитет и независимость.

3. Торжественное подтверждение обязательств, налагаемых союзом на обе стороны».

В переводе с дипломатического на человеческий язык эти решения означали, что царская Россия и Франция решились «в защите Сербии» не останавливаться перед европейской войной. Так понял это и Бьюкенен, перед которым Сазонов «выразил надежду», что «правительство его величества объявит о своей солидарности с Россией и Францией... Французский посол [Палеолог] дал мне понять,— писал Бьюкенен,— что Франция не только окажет энергичную дипломатическую поддержку, но и выполнит в случае необходимости все обязательства, налагаемые на нее союзом» [1].

Прочитав эту телеграмму, полученную в Foreign Office в 8 час. пополудни, и видя, что дело идет к желанной развязке и союзники тронулись всерьез, Грей решил подбодрить Сербию, побудить ее к максимальной неуступчивости австрийским требованиям. Это был самый надежный способ ускорить выступление Австрии против Сербии и следовательно выход царской России с оружием в руках на европейскую арену, т. е. европейскую войну.

Отлично зная, что бомбы были получены заговорщиками в Белграде, что сербское правительство непримиримо отрицает всякий намек на то, что следы заговора нужно искать в Белграде, Грей 24 июля в 9 ч. 30 м. пополудни, т. е. сейчас же после ознакомления с телеграммой Бьюкенена, отправил Кракенторпу в Белград не менее «историческую», чем сообщение Бьюкенена, телеграмму.

«Мне кажется, — писал Грей, — что Сербии конечно следовало бы выразить скорбь и сожаление о том, что какие-либо чиновники, хотя бы и мелкие, могли быть соучастниками убийства эрцгерцога и, если это подтвердится, обещать дать самое полное удовлетворение. Что касается остального, я могу лишь сказать, что сербское правительство должно ответить так, как, по его мнению, требуют интересы Сербии. Я не могу сказать, отвратит ли что-либо вроде безусловного принятия [условий ультиматума] военное выступление Австрии по истечении срока, но единственным шансом явилось бы дать к назначенному сроку благоприятный ответ на сколь можно больше пунктов [ультиматума] и не встречать австрийские требования голым отказом. Вы должны посоветоваться с вашим русским и французским коллегами о передаче этого [сообщения] сербскому правительству... Я не могу взять на себя ответственности советовать больше, чем то, что указано выше, и мне неприятно давать

[1] BD, XI, № 101.

этот совет, не зная, что́ русское и французское правительства говорят в Белграде»[1].

Фактически этой телеграммой Грей давал понять сербскому правительству, что он, Грей, не очень рассчитывает (и значит не настаивает) на то, что Сербия примет все требования ультиматума, указывая, что «сербское правительство должно ответить так, как, по его мнению, требуют интересы Сербии». Грей советовал только принять «возможно больше» требований для количественного эффекта и не встречать «голым отказом» ультиматум.

Копию этой телеграммы Кракенторпу Грей поспешил препроводить (через Бьюкенена) в Петербург и в Париж и вполне понятно почему: Грей предписывал Кракенторпу согласовать свои выступления с выступлениями царского и французского представителей в Белграде, т. е. фактически одобрял наперед тот курс действий, который Пуанкаре и Сазонов могли взять по отношению к Белграду, выполняя решения, принятые во времена пребывания Пуанкаре в Петербурге. Более явного намека Сазонову о своей позиции Грей в настоящую минуту, до принятия «твердых решений» кабинетом, не мог дать.

Утром 25 июля в Foreign Office помощники Грея оценили телеграмму Бьюкенена так, как и следовало ее оценить.

«Уже прошло время, — писал Эйр Кроу на полях телеграммы, — когда можно было добиться поддержки французами попыток сдержать Россию.

Ясно, что Франция и Россия решились принять вызов, брошенный им. Что бы мы ни думали о правоте австрийских обвинений против Сербии, Франция и Россия считают, что они [т. е. австрийские обвинения] — предлог и что *окончательно завязан более крупный спор Тройственного союза против Тройственного согласия.*

Я думаю, для Англии было бы неполитично, если не сказать опасно, попытаться оспаривать это мнение или стараться затемнить ясность спора путем представлений в Петербурге или Париже.

Самое важное, — абсолютно ли или нет решилась Германия добиться этой войны сейчас. *Есть еще шанс и возможность заставить ее поколебаться, если ее можно будет заставить поверить, что в войне Англия выступит с Францией и Россией.*

Я могу указать лишь один действительный путь, для того чтобы привести германское правительство к этому решению, абсолютно *не связывая нас окончательно в настоящей стадии* [конфликта]. Если с началом мобилизации Австрии или России правительство его величества отдаст приказ перевести весь наш флот на явно военное положение, то это может заставить Германию ясно понять серьезность опасности, которой она подвергается в случае участия Англии в войне.

Было бы правильно, предполагая, что такое решение будет

[1] BD, XI, № 102.

сейчас принято, осведомить о нем французское и русское правительства, и это опять-таки будет лучшим, что мы можем сделать для предотвращения крайне серьезной ситуации, которая может создаться между Англией и Россией.

Трудно не согласиться с г. Сазоновым, что раньше или позже Англия будет втянута в войну, если последняя вспыхнет. Мы не выиграем ничего, не решив, что нам делать в тех обстоятельствах, которые могут позже создаться.

Если вспыхнет война и Англия останется в стороне, может случиться одно из двух:

а) Либо победят Германия и Австрия, они раздавят Францию и унизят Россию. С уничтожением французского флота, с оккупацией Германией канала [Ламанша] при добровольном или вынужденном сотрудничестве Голландии и Бельгии, каково будет положение Англии, оставшейся без друзей?

б) Либо победят Франция и Россия. Каково будет тогда их отношение к Англии? Что будет с Индией и Средиземным морем? Наши интересы связаны с интересами Франции и России в этой борьбе, являющейся борьбой не за *обладание* Сербией, но борьбой между Германией, стремящейся к политической диктатуре в Европе, и державами, желающими сохранить индивидуальную свободу. Если мы можем содействовать предотвращению конфликта, показав нашу морскую мощь в полной готовности действовать немедленно, будет ошибкой не сделать такой попытки.

Каким бы ни было следовательно наше окончательное решение, я полагаю, что мы должны теперь же принять решение о мобилизации своего флота, как только мобилизуется какая-либо держава, и что мы должны без всяких промедлений объявить об этом решении французскому и русскому правительствам»[1].

Телеграмма Бьюкенена и комментарии к ней Эйр Кроу, которые являются ключом к пониманию позиции Англии, в те дни были последней каплей, решившей все сомнения и колебания Грея, если они у него вообще были. После получения этой телеграммы Бьюкенена Грей твердо знал, что Франция и царская Россия считают настоящий момент исключительно серьезным, а европейскую войну — неизбежной. Оставаться спокойным созерцателем «по ту сторону схватки» было невозможно: Эйр Кроу с абсолютной ясностью показал возможные последствия такой позиции.

Приходилось действовать, и первым шагом на этом пути явилось совещание Грея с Черчилем в Foreign Office. В результате было решено задержать английский флот в состоянии концентрации.

Еще 24 июля после заседания кабинета, на котором Грей огласил австрийский ультиматум, Черчиль, вернувшись к 6 часам пополудни в адмиралтейство, сразу же предупредил своих дру-

[1] BD, № 101, Minute (курсив мой. — *Н. П.*).

зей, что «может возникнуть война», и почувствовал необходимость «оценить положение (I took stock of the position)»[1]. Оценка положения выразилась в принятии им мер, усиливавших немедленную готовность уже мобилизованного флота вступить в бой. «По счастливой случайности», в особенности счастливой, если мы вспомним, что как раз в июне Вильсон проводил свою мобилизационно-стратегическую игру по перевозке английской экспедиционной армии на континент, флот уже был мобилизован, так как в конце 1913 г. Черчиль предложил заменить большие маневры флота в 1914 г. пробной мобилизацией и концентрацией в середине июля. Поэтому в дни ультиматума флот находился в таком состоянии, которое адмиралтейство, вечно боявшееся быть захваченным к моменту кризиса врасплох, находило идеальным — он в полной боевой готовности был сосредоточен в одной гавани (Портланде), и только в среду 29 июля должно было начаться его рассредоточение по базам. Поэтому 25 июля утром в результате обсуждения ситуации с первым морским лордом Луи Баттенбергом Черчиль пришел к выводу, что ему, Черчилю, пока нечего делать. «Ни в одну минуту за последние три года мы не были так полностью готовы... До 29 июля флот был под рукой»[2].

Но Черчиль претендовал на большее. Одной мобилизации ему было мало. В разыгравшемся кризисе он считал своей главной задачей «добиться уверенности, что дипломатическая ситуация не обгонит морскую и что «Большой флот» (Grand Fleet) окажется в своей военной базе *еще до того,* как Германия будет в состоянии узнать, вступим мы или не вступим в войну, и следовательно по мере возможности *еще до того, как мы решимся сами*»[3]. Фактически это значило, что пока сэр Эдуард Грей будет внушать Германии надежду, что Англия сохранит нейтралитет, Черчиль постарается поставить уже мобилизованный английский флот в исходное стратегическое положение для нанесения удара. Все меры, принятые Черчилем в эти дни, — концентрация боевых эскадр Средиземного моря и китайских вод, патрульных и тралльных флотилий, усиление охраны побережья, нефтехранилищ, военных складов и т. п., сосредоточение гидроавиации и перевод «Большого флота» из Портланда в военную базу на Оркнейских островах, — преследовали именно эту цель. В переводе на сухопутные масштабы они были бы равносильны например тайной всеобщей мобилизации и сосредоточению армий у границы.

Поэтому, ознакомившись в Foreign Office утром 25 июля с телеграммой Бьюкенена и комментариями к ней Эйр Кроу[4], Черчиль нашел политическое положение угрожающим и заявил

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 194.
[2] Ibid., p. 194—195.
[3] Ibid., p. 200; *Корбетт*, I, стр. 46—47 (курсив мой. — *Н. П*).
[4] BD, XI, № 101.

Грею, что он не будет демобилизовывать флот. Грей вполне одобрил это решение Черчиля[1].

Одновременно Грей одобрил и позицию Бьюкенена в Петербурге, отказавшегося накануне обещать Сазонову и Палеологу военную поддержку Англии на данной стадии конфликта, пока спор остается ограниченным между Австрией и Сербией, благословив в то же время царскую Россию на мобилизацию.

Еще утром 24 июля Грей, как мы знаем, заявил Камбону, предлагая свое посредничество à quatre:

«Я не намереваюсь ничего говорить в Петербурге, до тех пор пока не выяснится, что между Россией и Австрией дело дойдет до осложнений... Если Австрия вторгнется в Сербию и Россия тогда [после этого] мобилизуется, для четырех держав станет возможным воздействовать на Австрию с целью приостановить ее вторжение, равно как и на Россию с целью приостановить ее приготовления, пока идет посредничество»[2].

Именно в такой последовательности предполагал осуществить русскую мобилизацию и Сазонов[3]. Это давало значительный промежуток времени для переговоров, т. е. для подготовки широких масс Англии к участию в войне, что Foreign Office прекрасно понимал[4].

Но стремясь развязать войну скорее, Грей, одобрив 25 июля официально «благоразумные речи» Бьюкенена[5], неофициально трижды посоветовал царскому правительству приступить к мобилизации возможно скорее[6]: в случае австрийской мобилизации против Сербии царская Россия должна немедленно мобилизоваться против Австрии, не ожидая вторжения австрийских войск на сербскую территорию. Как известно, между мобилизацией и фактическим открытием военных действий существует пауза, во время которой мобилизованные войска перебрасывают в районы сосредоточения и развертывают на исходных позициях для наступления и боя. Мобилизация 8 австрийских корпусов против Сербии началась 25 июля, но только с 12 августа австрийские войска могли начать операции против Белграда[7]. Такой оборот дела сулил Антанте крупный стратегический выигрыш, так как втянутые в операции против Сербии 8 корпусов были бы надолго потеряны для галицийского фронта и напор царской России на этом участке имел бы более решающие последствия, чем произведенный ею во время Галицийской битвы в августе 1914 г. Однако Грей повидимому так торопился привести дело к войне (а вдруг царская Россия и Франция

---

[1] *Grey*, II, p. 62 - 63.
[2] BD, XI, № 98.
[3] МОЭИ, V, № 79, 118; BD, XI, № 170, 173, 174, 235, 239, 247; DD, № 160, 204, 236, 237, 242, 288; F., 1926, № 57, 61; *Conrad*, IV, p. 136, 145.
[4] BD, XI, № 105, 116, 117, 118; DD, № 236; F., 1926, № 40.
[5] BD, XI, № 112.
[6] BD, XI, № 112, 116, 132, 146; МОЭИ, V, № 54, 55, 56.
[7] DD, № 213.

пойдут на попятный!), что решил пренебречь даже этим серьезным выигрышем.

Первый намек на желательность русской мобилизации Грей сделал 25 июля Бенкендорфу[1], которого он информировал о своем разговоре с Лихновским в такой версии.

«*Я не дал никаких указаний,* — говорил Грей в своем заявлении Лихновскому, — *на то, что мы* [Англия] *остаемся в стороне;* напротив, я сказал германскому послу, что, поскольку спор идет между Австрией и Сербией, я не чувствую себя вправе вмешиваться, но что, если он станет спором непосредственно между Австрией и Россией, он превратиться в вопрос о сохранении мира в Европе, вопрос, который касается всех нас. Далее я сказал *о предположении, что Россия мобилизуется,* между тем как до сих пор германское правительство официально полагало, что Сербия не получит поддержки, и то, что я сказал, должно побудить германское правительство серьезно рассмотреть вопрос. В действительности я просил, чтобы германское правительство, поддерживавшее австрийские требования к Сербии, попросило Австрию, если Россия мобилизуется против Австрии, подумать о некотором изменении своих требований ввиду угрозы русской мобилизации. Сделать это для Германии будет не легко, даже если мы совместно обратимся в то же самое время с просьбой к России отсрочить выступление. Я опасался также, что Германия ответит, что ее мобилизация — вопрос часов, тогда как мобилизация России — вопрос дней, и что в действительности я прошу Германию в случае мобилизации России против Австрии, вместо того чтобы мобилизоваться против России, отсрочить свою мобилизацию и присоединиться к нашему выступлению в Австрии, отказавшись тем самым от преимущества во времени, так как в случае неуспеха дипломатического вмешательства Россия успеет выиграть время для своей мобилизации. Правда, *я не сказал ничего прямо о том, примем ли мы или нет какое-либо участие в европейском конфликте,* если дело дойдет до него, и я не могу сказать этого; *но для России нет абсолютно никаких оснований жаловаться на указание,* которое я сделал германскому правительству, и я опасаюсь лишь того, что германскому правительству будет трудно принять его. Я сделал это под свою собственную ответственность и не сомневался, что это будет лучшим предложением, которое можно сделать в интересах мира».

Справедливость требует отметить, что в вопросе о мобилизации Грей не был «пристрастен». Если он 25 июля намекнул на необходимость мобилизации Сазонову, он с равным «беспристрастием» дал понять Менсдорфу и Лихновскому, что австрийское правительство также может приступить к мобилизации; это ведь двигало события к развязке — общеевропейскому конфликту. Именно так и следует понять его слова Лихновскому 24 июля — «было бы крайне желательно побудить Австрию не форсировать воен-

[1] BD, XI, № 132; ср. МОЭИ, V, № 55, 56.

ного выступления и таким путем выиграть лишнее время»[1]. Не одобрялось начало военных действий, но мобилизация — почему нет? Вечером того же 24 июля, узнав, что австрийцы собираются в случае отказа Сербии «начать военные приготовления (не действия)»[2], Грей в разговоре с Лихновским по этому поводу отнесся к намерениям австрийцев «без возбуждения или неудовольствия»[3]. В своем отчете Рембольду о разговоре с Лихновским Грей писал[4]: «Я сказал, что это предполагает стадию мобилизации перед фактическим переходом границы, каковой, как я настаивал вчера, должен быть отсрочен». Следовательно Грей возражал лишь против перехода австрийцами границы, но не против австрийской мобилизации.

В беседе с Лихновским Грей еще раз подчеркнул, что посредничество четырех держав может иметь место лишь после мобилизации Австрии и царской России, признал полностью справедливость требований Австрии об удовлетворении и т. д.

«Министр [Грей], — доносил в Берлин Лихновский, — проводит резкое различие, как он мне повторил, между австро-сербским и австро-русским конфликтами. В первый он не желает вмешиваться, так как ему нет до него никакого дела. Австро-русский конфликт означает мировую войну, которую мы в прошлом хотели совместно предотвратить конференцией послов. Европейские осложнения для Великобритании не безразличны, хотя она не обязалась никакими связывающими себя обстоятельствами»[5].

Соответствующее место отчета Грея гласит:

«Я не чувствую себя вправе вмешиваться в отношения между Австрией и Сербией, но коль скоро этот вопрос станет вопросом отношений между Австрией и Россией, он станет вопросом о европейском мире, касающимся всех нас»[6].

Что же сказал действительно Грей, и какая версия более правильна? Судя по позиции, занятой Греем 24 июля, более верна версия Лихновского. Грей передавал в тот же день Бенкендорфу содержание беседы с Лихновским в таких выражениях: «Он [Грей] должен предвидеть, что австрийская мобилизация вызовет мобилизацию России и что с этого момента возникнет положение, в коем заинтересованы будут державы. Грей мне сказал также, что он с полной ясностью установил, что Англия в этом случае сохранит за собой полную свободу действий»[7]. Однако 25 июля Бенкендорф считал, что «у берлинского кабинета может создаться неправильное представление о намерениях лондонского кабинета»[8].

---

1 BD, XI, № 99.
2 BD, XI, № 104; МОЭИ, V, № 45, 52.
3 DD, № 180.
4 BD, XI, № 116, также № 132, 140, 146 и DD, № 180.
5 DD, № 180.
6 BD, XI, № 116.
7 МОЭИ, V, № 53.
8 МОЭИ, V, № 54.

«Он [Грей] продолжает мне говорить, — писал 26 июля Бенкендорф Сазонову, — что характер его разговоров с Берлином никоим образом не позволяет им [в Берлине] сделать заключение об английском нейтралитете в случае войны. Лихновский был действительно очень подавлен, но это потому, что он в отчаянии от войны. Я отнюдь не уверен, чтобы он понял слова Грея, как Грей хотел бы, чтобы они были поняты. Я повторяю это Грею ежедневно и на все лады»[1].

Только 27 июля Бенкендорф выразил наконец надежду, что заявление Грея, сделанное Лихновскому в этот день, «откроет глаза германскому правительству, находившемуся, как я имею основание думать, до последних дней, как я ему уже говорил, под впечатлением, что Англия при всяких обстоятельствах сможет остаться нейтральной»[2].

Об этом впечатлении Бенкендорфа от разговоров Грея с Лихновским имеется свидетельство самого Грея[3].

Оценивая позицию Грея в день 25 июля, Бенкендорф в частном письме Сазонову сообщал: «Что Австрия действовала в полном согласии с Германией — не возбуждает более сомнения ни у Грея, ни у кого-либо другого, — по крайней мере, я так думаю. Менсдорф, явившись сегодня утром пояснить Грею, что военные операции не начнутся немедленно по истечении срока ультиматума, мог этим вызвать в уме Грея представление, что в конечном счете позиция Австрии и Германии может содержать в себе известную долю блефа. Затем пришло ваше предложение продолжить перемирие, тотчас поддержанное им в Вене. Именно отсюда могло возникнуть в его уме предложение задержать другие мобилизации — кроме русской и австрийской, — что, по его мнению, *могло бы явиться средством нащупать пульс Германии* и, может быть, — если бы желание воевать в Берлине не было настолько реально, как казалось по некоторым симптомам, — достигнуть мирного решения без унижения для Сербии. *Я думаю, что он [Грей] мало рассчитывает на действительность придуманного им средства.* Он сомневается, — он признался мне в этом совершенно конфиденциально, — чтобы Германия отказалась от выгод чрезвычайной быстроты своей мобилизации. Но он утверждает, что шансы на мир возросли бы, если бы удалось добиться, чтобы Германия ослабила, хотя бы временно, свои узы с Австрией, и он считает себя обязанным действовать дальше в этом направлении.

Никольсон познакомил меня сегодня утром с телеграммой Бьюкенена, содержащей отчет о его беседе с вами в присутствии французского посла. Я вновь изложил Грею все аргументы, которые были выдвинуты вами. Я не смог добиться от него более формального и немедленного обязательства. Причина, я ду-

---

[1] МОЭИ, V, № 91.
[2] МОЭИ, V, № 122.
[3] BD, XI, № 132, 177.

маю, заключается в том, что, сохраняя на случай войны полнейшую свободу действий в отношении Германии, он в то же время хочет оставить за собой бо́льшую возможность продолжать до последней минуты свои старания сохранить мир, что именно и дает ему эта свобода действий.

Хотя я не могу представить вам никакого формального заверения в военном сотрудничестве Англии, я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны Грея, ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка. Больше я вам, по чистой совести, ничего не могу сказать.

Судя по телеграмме Бьюкенена, он [Бьюкенен] был чрезвычайно сдержан в своих заявлениях. Если я не ошибаюсь, он вам сказал, что Англия не считает в данном случае свои непосредственные интересы существенно затронутыми.

Это верно, поскольку кризис остается австро-сербским. *Но Грей прекрасно знает, что Россия не может остаться нейтральной.* Он этому нисколько не удивляется. Он знает, что русское выступление повлечет за собой выступление германское и французское — случай, к которому слова Бьюкенена уже более не приложимы. Здесь вступают в силу слова Грея, что *с этого момента создалось бы положение, когда все державы оказались бы заинтересованными.*

Когда я после полудня [от 3 до 4 час. дня] был сегодня у Грея, ему принесли телеграмму из Белграда, которая содержала резюме ответа Сербии, предназначенного к вручению сегодня австрийскому посланнику. По первому впечатлению Грей нашел этот ответ чрезвычайно — я сказал бы: поразительно, — примирительным. Он сказал мне только, что, для того чтобы судить и высказаться перед кабинетами, он предпочтет дождаться самого текста [ответа], так как резюме может дать ложную интерпретацию. После этого я удалился, сказав ему, что я полностью разделяю его впечатление по поводу резюме ответа»[1].

Таким образом 25 июля дело было сделано. Механизм войны был пущен в ход, и оставалось только выждать «игры союзов». Все телеграммы XI тома British Documents после № 132, собственно говоря, второстепенны и имеют техническое значение, излагая «легенду Грея», сфабрикованную последним для парламента и общественного мнения Англии и всего мира о своих «отчаянных» и «упорных» попытках спасти дело мира. Поэтому детально рассматривать их мы не будем.

25 июля была суббота. Заседания кабинета не было, так как вместо него во дворце короля состоялась Round Table Conference, посвященная ульстерскому кризису. Насколько известно из опубликованных дипломатических документов и мемуаров англий-

[1] МОЭИ, V, № 56. Курсив мой — *Н. П.*

ских деятелей этой эпохи, события европейского кризиса на ней не обсуждались.

Так как суббота согласно обычаю и долголетним традициям была днем week-end, то после окончания Round Table Conference министры разъехались по своим поместьям. Уехал в Кромер Черчиль, у которого все было «готово», уговорившись с первым морским лордом принцем Луи Баттенбергом, что его вызовут в Лондон в случае экстренных событий. Уехал в свое именье Итчен-Аббас и Грей. Все телеграммы, полученные в Foreign Office после 5 час. пополудни, в том числе и вторая телеграмма Бьюкенена о решении царского правительства объявить частичную мобилизацию в случае нападения Австрии на Сербию [1], сообщение о разрыве сношений между Австрией и Сербией и отъезде Гизля из Белграда [2], мобилизации сербской армии [3], начале военных приготовлений в Австрии [4] — были прочитаны Греем, как можно думать, лишь вечером 26 июля по возвращении в Лондон.

26 июля Foreign Office был тих и безлюден; утром там можно было встретить только Никольсона и одного дежурного клерка. Вильсон, зашедший утром в Foreign Office для просмотра полученных телеграмм, записывал в своем дневнике:

«Ходил к сэру Никольсону и нашел еще больший ворох телеграмм, все воинственного характера. Австрия, Россия, Сербия повидимому собираются мобилизоваться, но до сих пор нет никаких известий, что Германия тронулась. Пока она не тронется, нет никакой уверенности, что война будет» [5].

Конечно Вильсон здесь не договаривает. Читая дипломатическую переписку, он должен был знать, что Грей уже преподал России совет мобилизоваться, оставалось теперь ждать, когда Германия «тронется». И этого пришлось ждать недолго.

Лихновский, прибежавший между 2 и 3 час. пополудни в возбужденном состоянии, указывал (согласно инструкции Бетман-Гольвега) Никольсону, что царская Россия призывает запасных, что это означает мобилизацию.

«Если эта мобилизация произойдет на германской границе, — говорил Лихновский, — Германия будет вынуждена мобилизоваться, и Франция, естественно, последует за ней» [6]. Повидимому под влиянием этой беседы, а равно поступавших все в большем и большем количестве сведений «воинственного характера» Никольсон решил вызвать Грея в Лондон. Ознакомившись с телеграммой Бьюкенена [7], он еще утром по телеграфу предложил Грею выдвинуть идею конференции послов Германии, Франции,

---

[1] BD, XI, № 125.
[2] BD, XI, № 126, 131, 135.
[3] BD, XI, № 130.
[4] BD, IX, № 142.
[5] *Calwell*, I, p. 152.
[6] BD, XI, № 145, 146; DD, № 199, 218.
[7] BD, XI, № 125.

Италии в Лондоне под председательством Грея, с тем что Австрии, Сербии и царской России будет одновременно предложено «отсрочить до выяснения результатов конференции все активные военные операции»[1]. Таким образом не разрешалось опять-таки лишь начало военных действий, против мобилизации же в Foreign Office никто не возражал, так как разрешение мобилизоваться давало возможность царской России уравнять свои сроки мобилизации с более быстрыми австрийскими и отчасти даже с германскими и в случае отказа Германии перебросить вину на нее. Грей, исходя именно из этих побуждений, одобрил предложение Никольсона о конференции. Об этом он сам свидетельствует в своих мемуарах.

«Я полагал, — записывал Грей в своем дневнике, — что германские приготовления к войне зашли гораздо дальше вперед, чем приготовления Франции и России; конференция дала бы время последним двум приготовиться и изменить ситуацию к невыгоде Германии, которая теперь [т. е. до конференции] имела явное преимущество [в быстроте мобилизации]»[2].

Почти одновременно с Греем вернулся в Лондон и Черчиль. В 9 час. утра он созвонился из Кромера с Баттенбергом, но не узнал ничего нового. Во время второго разговора в 12 час. ему сообщили, что начался роспуск резервистов флота, и повидимому осведомили о новостях, полученных в Foreign Office. Получив эти известия, Черчиль решил вернуться в Лондон, куда прибыл в 9 час. пополудни[3].

«Принц Луи ожидал меня в адмиралтействе, — повествует Черчиль в своих мемуарах, — и сказал мне, что на основе наших переговоров [в 12 час. дня по телефону] он предписал флоту не рассредоточиваться. Его лойяльная [Баттенберг по происхождению был немец] рука послала первый приказ, которым началась наша обширная морская мобилизация»[4].

После разговора с Баттенбергом Черчиль отправился к Грею, который работал со своим секретарем Тиррелем[5], и сообщил ему о задержке флота в состоянии концентрации. «Оба настояли на опубликовании известия в газетах с целью отрезвить центральные державы и успокоить Европу»[6].

На суше дело обстояло еще проще. Английская постоянная армия, составлявшая экспедиционный корпус, была построена не на призыве запасных, а на добровольческой (платной) системе. Ничего похожего на мобилизацию, какая проводилась в царской России, Австрии, Германии, Франции и других странах,

---

[1] BD, XI, № 139, 140, 141.
[2] *Grey*, I, p. 315. Ср. такое же понимание Греем задач международной конференции в период агадирского кризиса — BD, VII, № 540.
[3] *Churchill*, op. cit., p. 198.
[4] Ibidem.
[5] Был до недавнего времени английским послом в Париже.
[6] Ibidem.

где существовала воинская повинность, в Англии быть не могло. Период «предосторожности», т. е. период подготовительных мер к мобилизации, объявленный 28 июля, в английских условиях означал прекращение отпусков, прекращение маневров и сбор воинских частей в местах их постоянного расквартирования, а сама мобилизация — перевозку войск в порты и посадку их на суда.

Но если в дипломатическом и военном отношениях подготовка Англии к участию в войне протекала пока совсем хорошо, то в идеологическом — обстановка складывалась совершенно иначе. Широкие массы пока и не мыслили себе возможности вступления Англии в войну. В этом отношении Бенкендорф правильно объяснял причины медлительности Грея и его отказ сразу же, на данной стадии конфликта, обещать царской России и Франции вооруженную поддержку Англии, на чем настаивали 24 и 25 июля[1] в Петербурге Сазонов и Палеолог.

«Я боюсь, — писал он 26 июля Сазонову, — что суть дела в том, что Грей не уверен в английском общественном мнении и опасается, что не будет поддержан, если он слишком ввяжется в дело»[2].

Опасения Грея были весьма основательны. Почти вся либеральная пресса учитывала, что трудящиеся массы не хотят войны и, боясь выступлений этих масс, резко высказывалась против «сербского дела». Вопли газет настолько характерны и единодушны, что трудно отказаться от искушения привести хоть некоторые высказывания английских газет в те дни.

«Требования Австрии не содержат ничего, что было бы в действительности неприемлемо. Ее негодование естественно, и Сербия хорошо сделает, если подчинится в кратчайший срок»[3].

«Ни одно государство не выступит на защиту государства-подстрекателя, не только помогавшего непростительному преступлению, но и являющегося постоянной угрозой status quo на востоке. Австро-венгерская нота по своему тону и решительна и умеренна. Неопровержимо, что Белград — очаг конспирации против спокойствия государства-соседа»[4].

«Мы признаем, что Россия не может допустить уничтожения Сербии, но никто не должен пошевельнуть пальцем, чтобы подбодрить Сербию в ее упрямстве и помочь ей избежать полной меры немедленного наказания. Белград — горячая почва, на которой беспрерывно рождаются мечты и заговоры, непосредственно угрожающие существованию монархии Габсбургов. Двойное убийство в Сараево — прямой результат этой моральной атмосферы... Мы должны помочь России найти гарантии

---

[1] BD, XI, № 101, 125.
[2] МОЭИ, V, № 91.
[3] „Daily News", 25/VII 1914.
[4] „Pall-Mall Gazette", 24/VII 1914.

против уничтожения сербской независимости, не пытаясь спасти это государство от достойного и памятного наказания»[1].

«Не наше дело спасать Сербию от последствий ее интриг и ее тщеславия. Она свыше всякой меры провоцировала Австрию агрессивной агитацией, которую поддерживала среди подданных своей соседки»[2].

Консервативные газеты, в особенности «Morning Post» и «Times», были настроены, по оценке Бенкендорфа, более или менее «удовлетворительно»[3]. И только личный орган Грея «Westminster gazette» последовательно менял свою позицию по отношению к Сербии — от резко осуждающей в первые дни до все более снисходительной[4].

Эта антисербская кампания английской либеральной прессы вызвала даже протест Сазонова перед Бьюкененом. Сазонов указывал, что из-за подобных настроений прессы «Германия к несчастью убеждена, что может рассчитывать на наш [английский] нейтралитет»[5].

Действительно эта кампания в одном отношении принесла Грею крупный политический барыш. Она затруднила противникам ориентировку в основном вопросе: вступит ли Англия в войну.

Но, с другой стороны, кампания газет несомненно повлияла и на настроение тогдашних английских правительственных кругов и широких масс.

«Радикалы, находящиеся в состоянии полного бунта против кабинета, — писал Бенкендорф Сазонову 26 июля, — стараются по другим причинам лишить сербское дело популярности. Но нужно сказать, что даже в этом лагере никто не критикует ни нашу позицию, ни Тройственное согласие как таковое. Однако отсюда до того, чтобы воевать, далеко. Отсюда все колебания [Грея], — по крайней мере, я так думаю.

Англия, целиком поглощенная, всецело поглощенная ульстерским вопросом, едва пробуждается. Со вчерашнего дня она знает, что предвидится война, со вчерашнего дня она обеспокоена этим. Но то, что Англия может быть в нее втянута, не проникает еще в медлительное сознание англичан. Это прискорбно, но это так. Ясно, что у Foreign Office глаза открываются быстрее, чем у других. Я еще не теряю надежды заставить Грея приподнять маску в ближайшие дни. Но я не могу Вам это обещать... повторяю: Англия еще недостаточно пробудилась. Возможно, что Грей страдает от этого не меньше нас, что впрочем нисколько не подвигает дела»[6].

Учитывая эти настроения либеральной печати и широких масс, Грей не мог «приподнять маску» — последовать предложе-

---

1 „Observer", 26/VII 1914.
2 „Standard", 28/VII 1914.
3 МОЭИ, V, № 89.
4 МОЭИ, V, № 91.
5 BD, XI, № 125; МОЭИ, V, № 55, 56.
6 МОЭИ, V, № 91.

нию Сазонова и Палеолога и объявить на этой стадии кризиса о солидарности Англии с царской Россией и Францией. Подобное заявление извлекло бы наружу его «обязательство чести», вызвало бы кризис кабинета и вотум недоверия в парламенте, т. е. могло осложнить уже налаженный путь вступления Англии в войну. С другой стороны, у австро-германского блока и особенно у Германии еще не были отрезаны пути для отступления, а это очень беспокоило Грея. Поэтому подлинные намерения Англии нужно было еще скрывать, и Грей предпочитал сохранять маску до тех пор, пока кризис не станет общеевропейским и пока Тройственный союз не поставит себя в положение настолько «явно виновного», что вступление Англии в войну можно будет объяснить широким массам как некий «крестовый поход» «во имя права и справедливости».

Впрочем вопли негодования английских либеральных газет по адресу Сербии скоро прекратились.

По мере того как развертывались события и все яснее вырисовывался призрак большой европейской войны, симпатии либеральной печати к Австрии постепенно падали и наконец вовсе испарились.

Негодование газет против Сербии было деланным. Либеральные газеты понимали, что Англия не может вступить в войну из-за австро-сербского конфликта на Балканах, и своим негодованием как бы объясняли массам, что дело Сербии — «неправое дело», за которое Англия не может бороться. Но как только австро-сербский конфликт перерос в европейский, как только царская Россия и Франция тронулись всерьез, «негодование» прекратилось, потому что в войну на континенте могла вступить и Англия, и следовательно было необходимо объяснить массам, что она это делает «во имя права и справедливости». Симпатии к Сербии по мере развития событий все возрастают, а с началом войны Сербия была объявлена «маленькой бедной невинной Сербией».

Только 27 июля Грей впервые приподнял маску и обнаружил подлинный лик «английского миролюбия» — лик войны, так как к этому дню события зашли так далеко, а противники настолько зарвались, что отступление казалось уже невозможным.

День 27 июля начался с того, что утром сербский посланник прочел Никольсону сербский ответ на австрийский ультиматум, — ответ исключительно уступчивый по форме и по содержанию. Грей поспешил утром в разговоре с Лихновским использовать этот факт.

«Эту уступчивость Сербии, — подчеркнул он Лихновскому, — можно приписать лишь воздействию России. Если Австрия не удовлетворится этим ответом, т. е. если этот ответ не будет рассматриваться в Вене как основа для мирных переговоров, или Австрия приступит к оккупации Белграда, который совершенно беззащитен, то будет совершенно ясно, что Австрия ищет лишь предлога, чтобы раздавить Сербию».

Затем Грей «открыл Америку» в международных отношениях: «В Сербии должен быть таким образом нанесен удар России и русскому влиянию на Балканах. Ясно, что Россия не может отнестись к этому равнодушно и должна счесть это прямым вызовом. В результате возникнет самая ужасная война, которую когда-либо видела Европа, и никто не знает, к чему может привести такая война». Грей отказался воздействовать на царскую Россию, о чем согласно инструкциям из Берлина просил Лихновский, и предложил, чтобы Германия преподала совет умеренности Австрии[1].

Это «предупреждение» Лихновскому, сделанное, по признанию последнего, впервые в раздраженном тоне, носило довольно странный характер, позволяя Германии итти еще дальше по выбранному ею пути.

«Министр все же проводит, — резюмировал свои впечатления от беседы с Греем Лихновский, — резкое различие между австро-сербским и австро-русским конфликтом, т. е. он не хотел вмешиваться в австро-сербский конфликт, до тех пор пока из последнего не разовьется австро-русский. Пока он [конфликт] оставался австро-сербским, он [Грей] держался в отдалении. Но теперь он видит себя вынужденным вмешаться, ибо из него [конфликта] угрожает возникнуть австро-русский и тем самым европейский. Австро-русский конфликт поэтому полностью нельзя отделить от австро-сербского, так как первый базируется на втором, — и в этом духе также говорил со мной министр [Грей]. Соглашение между Россией и Австрией базируется на урегулировании австро-сербской ссоры. Без этого урегулирования согласно здешней точке зрения всякая попытка посредничества кажется обреченной на неудачу... Если между Веной и Петербургом будет достигнуто соглашение (Einigung)... на основе сербской [ответной] ноты при избежании военных мер против Сербии, то будет достигнуто все, к чему стремится сэр Э. Грей. Чего он хотел бы избежать, это военных действий Австрии против Сербии, так как он опасается нарушения ими европейского мира»[2].

Австро-сербский конфликт превратился, как предвидел еще 25 июля Бьюкенен[3], в конфликт между Австро-Венгрией и царской Россией и следовательно в европейский. Царская Россия выступала с оружием в руках «на защиту Сербии». Именно поэтому Грей, уже ознакомившись с телеграммами Бьюкенена, поспешил «открыть Америку» в международных отношениях и занять более «твердую» позицию, все еще оговаривая, что он остается в отдалении, если царская Россия не прибегнет к оружию[4].

«Было бы абсурдно для нас, — заявил он Бенкендорфу, кото-

---

[1] DD, № 258, 265; BD, XI, № 176; OUAP, VIII, № 10812; МОЭИ, V, № 122, „Livre Jaune" 1914, № 63, 66.
[2] DD, № 266.
[3] BD, XI, № 125.
[4] BD, XI, № 177.

рого он принял после разговора с Лихновским, — казаться в Берлине и Вене более сербами, чем являются русские»[1].

Бенкендорф, больше всего старавшийся в эти дни выяснить позицию Англии, указал Грею, что в «германских и австрийских кругах преобладает впечатление, что мы [Англия] будем стоять в стороне», и сожалел об этом впечатлении. Грей поспешил успокоить Бенкендорфа, сославшись на приказ об отсрочке демобилизации английского флота, опубликованный утром 27 июля в газетах, но так и не дал желанного обязательства английской поддержки. «Русский посол не должен понимать, — предупредил он Бенкендорфа, — мою ссылку на это как означающую, что мы обещаем что-то бо́льшее, чем дипломатическое выступление»[2].

Одним словом, Грей сохранял позицию выжидания, «предупредив» обе стороны — Германию и царскую Россию — о том, что, по его мнению, конфликт принимает общеевропейский характер и что обе стороны — Австрия и, если случится, Германия и царская Россия — могут продолжать свои мобилизационные и предмобилизационные меры, лишь бы дело не дошло до военных действий между Австрией и Сербией. Таким образом Грей продолжал развивать и осуществлять свою тактическую линию, которая ускоряла взрыв.

Бенкендорф остался доволен сообщением Грея о его беседе с Лихновским и удовлетворенно трижды телеграфировал в Петербург, что «Грей говорил с германским послом твердо и по-новому», что «позиция Англии очень изменилась и тон стал другой»[3], что «во всяком случае уверенность Берлина и Вены в нейтралитете Англии не имеет более почвы»[4], что в вопросе о посредничестве Грей уже не проводит разницы между австро-сербским и австро-русским конфликтами, так как «после мобилизации оба вопроса перепутались», что «оба будут предметом суждений, но что надлежит найти решение австро-сербского конфликта, в котором Россия отождествила свои интересы с сербскими»[5], что Бьюкенен, отказавшийся 24 и 25 июля обещать Сазонову вооруженную поддержку Англии, «не может отражать в своих ответах ход здешних перемен»[6].

Разговоры Грея с Лихновским и Бенкендорфом 27 июля — едва ли не последние значительные события в процессе той работы, какую провел Грей по развязыванию войны. Ими заканчивается вся та искуснейшая дипломатическая игра, которую Грей с большим мастерством и напряжением вел все эти дни, начиная с 6 июля. В сущности дело было сделано уже 25 июля.

---

[1] BD, XI, № 177.
[2] Ibid.
[3] МОЭИ, V, № 122, 124, 125.
[4] МОЭИ, V, № 124. Того же мнения был и Лихновский — см. DD, № 265, 266; OUAP, VIII, № 10812.
[5] МОЭИ, V, № 123.
[6] МОЭИ, V, № 125.

Мы приводим эти разговоры Грея с Лихновским и Бенкендорфом 27 июля только для того, чтобы яснее показать тактику Грея и его умелую игру.

После того как механизм войны был пущен в ход в области внешней политики, перед Греем стояли две задачи:

1. Сохранить свободу маневрирования, до последней минуты не связывая себя ничем, — это отражено в беседе с Бенкендорфом, которому Грей так и не дал никакого определенного обещания, хотя Бенкендорф ушел от него удовлетворенный и успокоенный, в полном убеждении, что он такие обязательства Грея «почти» имеет.

2. Так как противники зарвались достаточно далеко и возможность выхода для них с каждым днем становилась меньше, следовало подготовить почву для вступления Англии в войну путем подыскания соответствующих мотивировок.

С этой целью прежде всего необходимо было дезавуировать все те обещания, точнее, намеки, которые до тех пор делались Греем, для того чтобы создать у противников иллюзию возможности английского нейтралитета. Грей это делает в разговоре с Лихновским, давая новое толкование своим намекам и подчеркивая перед Лихновским условный характер своих предыдущих заявлений. Так, обещая сначала Лихновскому в первые дни конфликта примирительное воздействие в Петербурге, он постепенно давал при каждой новой беседе другое толкование этому обещанию; в конце концов 25—27 июля он вовсе отказывается от него, так как, по его мнению, противники уже достаточно зарвались. То же самое происходит и с намеком Грея о том, что Англии нет никакого дела до австро-сербского конфликта и что она озабочена только опасностью европейского конфликта, но как только австро-сербский конфликт действительно перерос в европейский, как только тронулись всерьез царская Россия и Франция, Грей в разговоре с Лихновским 27 июля сразу дезавуирует свое собственное заявление, «неожиданно догадываясь», что австро-сербский конфликт входит как часть в общеевропейский и потому тоже должен являться предметом забот и беспокоить Англию. Поэтому в разговоре с Лихновским Грей резко меняет фронт, предлагая посредничество четырех держав уже не между Австрией и царской Россией, а между Австрией и Сербией, т. е., иными словами, отказывается от своего прежнего согласия на локализацию конфликта, данного неоднократно Лихновскому, правда, в весьма двусмысленных и условных формулировках.

С этого момента все переговоры Грея и его предложения об улаживании конфликта неинтересны. Грей попрежнему сыплет мирными предложениями направо и налево, непрестанно говорит о мире, имея при этом целью: 1) до поры до времени еще скрывать от противников подлинную позицию Англии, 2) создать впечатление того, что он прилагает неслыханные усилия для мирного урегулирования конфликта, чтобы скрыть от масс на-

двигавшуюся опасность, поставить Англию в положение страны, подвергавшейся нападению, и наконец 3) по возможности оттянуть выяснение позиции Англии до получения «твердых решений» кабинета.

Начиная с 27 июля, задача — добиться «твердых решений» кабинета, иными словами, добиться его согласия на войну — становится для Грея самой главной и самой щекотливой, и он отдает ей все свои силы. Мы сейчас проследим ту работу, которую он вел в этом направлении.

27 июля после разговоров с Лихновским и Бенкендорфом Грей отправился на заседание кабинета. Это было первое заседание, посвященное европейскому кризису, так как 24 июля Грей прочел только текст австрийского ультиматума, заслушанный без обсуждения, а 25—26 июля кабинет не заседал. На заседании кабинета 27 июля перед Греем стояла сложная и деликатная задача убедить кабинет, не знавший в целом об «обязательстве чести» Грея и в большинстве состоявший из представителей левого крыла и центра либеральной партии, в необходимости войны с Германией и вооруженной поддержки Франции и царской России в развертывающемся конфликте. Это леворадикальное большинство кабинета, как мы знаем, не хотело, точнее, считало невыгодным войну с Германией в данный момент, боясь той реакции, которую вызовет в массах обнаружение агрессивности империалистических замыслов правящих английских кругов. Несомненно также, что среди этого радикального большинства были также и «мечтатели-пацифисты», приходившие в благочестивый ужас при всяком упоминании слова «война». Их протесты и опасность раскола, а также боязнь потерять голоса мелкой буржуазии и рабочих, давшие победу либеральной партии на выборах 1906 г., могли побудить центр либеральной партии дезавуировать политику Грея, а это грозило расстроить налаженную игру и создать дополнительные трудности в развязывании войны.

Все это должен был учитывать Грей.

Что произошло на этом заседании кабинета 27 июля, мы знаем только по записям Морлея, являющимся единственным опубликованным документом о событиях внутренней жизни английского правительства в июльские дни 1914 г.

«Грей усвоил весьма важную линию [политики] в кабинете, — находим в записях Морлея. — Он осведомил нас [кабинет] о содержании телеграммы Бьюкенена[1] от 24 июля из Петербурга, излагающей надежды, что Англия не откажется объявить о своей солидарности с Францией и Россией, его [Сазонова] предупреждение нам, что затронут общеевропейский вопрос в целом и что Англия не может себе позволить отделаться от возникших ныне проблем; что она раньше или позже будет втянута в войну, если

---

[1] BD, XI, № 101.

последняя на самом деле вспыхнет, и, как полагал Бьюкенен, если даже Англия откажется присоединиться, Франция и Россия решились[1] занять твердую позицию, т. е., говоря простым языком, воевать против Австрии и Германии»[2]. Затем Грей, по словам Морлея, сделал «достопамятное заявление».

«Настал момент, — сказал своим товарищам по кабинету Грей, — когда кабинет должен определенно решить, примем ли мы активное участие в общеевропейском вопросе рядом с двумя другими державами Антанты или останемся в стороне и сохраним абсолютный нейтралитет. Мы не можем далее откладывать решение. События бегут очень быстро. Мы не можем больше надеяться на счастливый исход[3]. В случае, если кабинет выскажется за позицию нейтралитета, он [Грей] не считает себя лицом, которое взялось бы проводить подобную политику. На этом он кончил. Весь кабинет, казалось, точно испустил вздох и на мгновение — два установилась мертвая тишина»[4].

Это любопытное признание Морлея о том, что Грей, угрожая своей отставкой, требовал войны, полностью подтверждает нашу оценку позиции Грея, занятой им 24—25 июля. Ибо трудно допустить, чтобы «миротворческие усилия» Грея во внешней политике при одновременном требовании войны внутри кабинета имели какой-либо иной смысл, чем создание легенды о вынужденном вступлении Англии в войну.

Но Грей «недоучел» настроений кабинета, его боязнь масс. И выступление Грея с требованием войны на стороне Франции и царской России имело неожиданный результат. Огромное большинство членов кабинета, руководимое Морлеем и принадлежавшее к левому крылу и центру либералов, высказалось против участия Англии в войне. Предложение Грея поддержал открыто лишь Черчиль и тайно Холден. Асквит как глава кабинета официально занял выжидательную позицию, тайком подбодряя Грея. Крью, Мак-Кенна, Биррель сохраняли строгий нейтралитет, собираясь примкнуть к той группе, которая одержит верх. Ллойд-Джордж тайком уверял обе группы — и сторонников войны и сторонников мира — в том, что он всей душой с ними. Но одиннадцать членов кабинета — Морлей, Джон Бернс, Гаркорт, Бьючамп, Тревельян, Мак-Киннон Вуд, Гобгауз, Пиз, Саймон, Ренсимен, Герберт Семюэль — решительно высказались против предложения Грея. Если отбросить группу «нейтралов», подсчет давал следующее соотношение сил: четыре (с натяжкой) за войну, одиннадцать против войны, или, если прибавить Ллойд-

---

[1] Здесь Грей несомненно передернул, желая повлиять на кабинет: из сообщения Бьюкенена мы знаем, что язык Сазонова был не так решителен в этом отношении.

[2] *Morley*, Memorandum of Resignation, L. 1928, p. 1; *Churchill*, p. 199.

[3] Кому же, как не Грею, было знать, что на „счастливый исход" уже нельзя было надеяться.

[4] *Morley*, op. cit., p. 1—2.

Джорджа, которого каждая группа имела основание считать своим, пять против двенадцати[1].

Политика Грея была дезавуирована большинством кабинета.

Дискуссия о вступлении в войну продолжалась в английском кабинете с 27 июля по 3 августа. Заседания кабинета происходили ежедневно и даже дважды в день, но обе стороны не могли притти к соглашению. Кабинет разбился на фракции, совещавшиеся отдельно друг от друга перед общими заседаниями, и Ллойд-Джордж, примкнувший к обоим лагерям, явился ценным информатором для каждого из них. Следует отметить, что эта дискуссия все время вращалась вокруг европейского конфликта и необходимости выступить на одной стороне с царской Россией и Францией. Вопрос о нарушении бельгийского нейтралитета, поднятый Асквитом и Греем, был оттеснен как малозначительный на задний план и был впервые серьезно рассмотрен кабинетом только 3 августа. О посылке экспедиционной армии на континент Грей не смел даже и заикнуться. Спор шел лишь о том, требуют или не требуют собственные интересы Англии вступления в войну, и здесь пацифистские настроения левого крыла либеральной партии, считавшего себя связанным предвыборной «программой мира», дали себя чувствовать. Оказала свое влияние и антисербская кампания печати[2].

Споры в кабинете относительно того, стоит или не стоит, должна или не должна Англия поддержать Францию и царскую Россию и принять участие в европейской войне, привели даже к попытке выяснить, в какой степени участие в войне отразится на народном хозяйстве Англии. По поручению Асквита Ллойд-Джордж организовал ряд конференций с участием представителей тяжелой и легкой промышленности, директора английского банка и руководящих финасистов Сити. Результаты этих конференций оказались неутешительными для военной партии кабинета[3]. Личные выгоды отдельных капитали-

---

[1] *Morley*, op. cit., 4; *Huguet*, op. cit, p, 28; *Churchill*, op. cit. I, 204; „Прямой ультиматум Грея в понедельник (27/VII. — *Н. П.*) привел бы к расколу кабинета и был бы отвергнут парламентом"; также *Grey*, II, p. 40—41. Ср. *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 72—„почти половина, во всяком случае не менее одной трети министров противилась нашему вступлению в войну"; там же, стр. 74—75.

[2] Ср. доклады Асквита английскому королю о заседаниях кабинета — цит. по KF, 1933, Januar, S. 66—72.

[3] Нечто аналогичное этому (приоритет личной выгоды над общеклассовой) можно отметить и в действиях представителей французской стальной промышленности. Боясь разрушения своих заводов и фабрик в бассейне Брие (в пограничном районе с Германией) и исходя из соображений личной выгоды, они настояли перед французским правительством на очищении во время мобилизации 25-километровой пограничной полосы, несмотря на то, что их заводы и фабрики, будучи захвачены противником (что и произошло в 1914—1918 гг.), увеличили способность Германии к обороне (см. гл. VII). Известно также, что из личных выгод (в погоне за прибылью) английские, французские и русские капиталисты во время войны 1914—1918 гг. продавали Германии через нейтральные страны различное сырье, необходимое для военной промышленности, и пищевые продукты, что повышало и увеличивало способность Германии к сопротивлению Антанте (то же самое делали, кстати говоря, и германские капиталисты).

стов, связанных с легкой индустрией, судоходством и торговлей, боязнь потери рынков и падения экспортной торговли, уменьшения экспорта капитала в условиях войны и прочее и прочее привели к тому, что эти конференции высказались против войны, имевшей своей целью удержать в интересах английского империализма в целом его мировую гегемонию. «Купчишки» оказывались близорукими и «трусливыми».

Другой позиции, как мы знаем, держались представители земельной аристократии и тяжелой индустрии и в особенности круги, связанные с военной индустрией, интересы которых представляла партия консерваторов.

В докладе кабинету Ллойд-Джордж, если верить Морлею, констатировал, что английские хозяйственники «были в ужасе от одной мысли» об участии Англии в войне. Они «указывали, как это [участие] разрушит всю систему кредита с Лондоном в качестве центра, как это парализует промышленность и торговлю, ударит по рабочим, по зарплате и ценам и, когда настанет зима [1915 г.], *неизбежно вызовет беспорядки и акты насилия* (violence)»[1].

Морлей, высказывавшийся против участия Англии в войне, особо подчеркнул именно этот момент — *опасность социальной революции*.

«При нынешнем настроении рабочих, — доказывал он, — эти ужасные сдвиги (dislocation) хозяйственной жизни связаны с опасностью для общества. Атмосфера войны при демократическом режиме, склоняющемся к настроениям «48 года»[2], не может дружить с порядком».

Но сторонники войны, наоборот, полагали, что кровопускание рабочего класса путем организации войны явится лучшим средством для создания гражданского «мира», и довод Морлея «исчез» в дипломатической суматохе.

Эта министерская «дискуссия» любопытна еще в одном отношении. Она показала, что миролюбие и пацифизм большинства английского кабинета ничего общего не имеют с действительным стремлением к миру, а вызваны лишь вопросами тактики. И Морлей и другие «протестанты» из кабинета в сущности ничего не имели против войны и не соглашались на нее только потому, что, по их мнению, выгоды от войны при существующей расстановке сил не так велики, чтобы из-за них следовало итти на риск войны с Германией. Только в этом, а не в вопросе быть или не быть войне, и расходился Морлей с Греем. В самом деле, когда Грей во время дискуссии выдвинул аргументы Эйр Кроу и Никольсона о необходимости сохранить хорошие отношения с царской Россией, подчеркивая «русскую опасность» в том случае, если царская Россия и Франция выиграют войну без помощи

---

[1] *Morley*, op. cit., p. 5—6 (курсив мой. — *Н. П.*).
[2] Намек на грандиозные забастовки в Англии в мае—июле 1914 г.

Англии, то этот довод Грея имел неожиданный «успех», заставив Морлея обнаружить истинные причины своего «миролюбия».

«Думали ли вы когда-нибудь, — основательно отвечал Грею Морлей, — о том, что случится, если победит Россия? Если Германия и Австрия потерпят поражение, то не Англия и не Франция займут первое место в Европе. На первом месте окажется Россия. Будет ли это к благу западной цивилизации?[1]. По меньшей мере я не думаю этого. Если она [Россия] объявит, что хочет занять Константинополь, или дерзко аннексирует северную и нейтральную зоны Персии, или же будет настаивать на постройке железных дорог до индийской или афганской границы, так кто ей сможет в этом помешать? Германия непопулярна в Англии, но Россия непопулярна еще больше. И люди будут протирать себе глаза, когда поймут, что казаки являются их победоносными соратниками в борьбе за свободу, справедливость и равенство человечества (в особенности евреев) и за уважение к договорам (в Персии например)»[2].

Аргумент Морлея, что в случае победоносного исхода войны русский империализм, ограбив Галицию, Армению, Константинополь и проливы и пр., выступит против Англии, потряс многих членов кабинета, в том числе даже Ллойд-Джорджа, откровенно признавшегося, что он «никогда не думал обо всем этом». В обстановке этих споров большинство кабинета все же ежедневно и повторно отвергало все доводы Грея, Черчиля и Асквита в пользу участия в войне. Морлей, считая дело выигранным, покровительственно хлопал Черчиля по плечу, поддразнивая: «Итак, Уинстон, мы, несмотря на все, расколотим вас». Черчиль однако «удовлетворенно» улыбался[3].

Он мог удовлетворенно улыбаться, потому что вопреки всем решениям «пацифистского» большинства кабинета, устраивавшего, собственно говоря, «бурю в стакане воды» (ибо не «пацифисты» были реальными носителями власти), подготовка к войне шла полным ходом.

Подготовку к войне Черчиль, Грей, Асквит вели вне зависимости от пацифистских разглагольствований большинства кабинета, которое, как они прекрасно понимали, могло лишь затруднить и осложнить процесс втягивания Англии в войну, но не могло реально противодействовать этому. Ведь ни один из «пацифистов» в кабинете, даже самый влиятельный из них, «достопочтенный» лорд Морлей, заместитель премьер-министра, не думал да и не посмел и не захотел обратиться к широким массам Англии с разоблачением провокационной, разжигающей войну тактики Грея и его партнеров. «Достопочтенный» представитель английского либерализма старой школы лорд Морлей пр. д-

---

[1] „Какой будет парадокс, если цивилизация будет спасена русским самодержцем!"—писал уже во время войны Берти (см. *Берти*, стр. 29).

[2] *Morley*, op. cit, p. 6—7.

[3] Ibid., p. 5.

почел уйти в отставку и сохранить молчание обо всем, что делалось английскими организаторами войны в июльские дни 1914 г., потому что, как говорит его племянник, Гай Морлей, опубликовавший меморандум Морлея о разногласиях среди членов кабинета во время июльского кризиса 1914 г., «узы личной дружбы и привязанности, связывавшие его с некоторыми из них, не могли быть сломаны разногласиями общественного характера»[1]. Иначе говоря, он покрыл молчанием провокационную политику Грея и его партнеров.

Это учитывали и английские организаторы войны, которые, не боясь разоблачения их перед широкими массами, действовали под надежным прикрытием пацифистов весьма смело и энергично. Тайный твердолобый в либеральной партии в период 1906—1921 гг., Черчилль в своих мемуарах несомненно преувеличивает грозившую организаторам войны опасность разоблачения, когда заявляет:

«Ежедневно, когда прибывали телеграммы, показывающие потемнение европейской арены, и заседания кабинета кончались с возрастающим напряжением, я нажимал на различные рычаги, которые последовательно привели нашу морскую организацию в полную готовность. Нужно все время помнить, что если бы мир был сохранен, то каждую из этих мер, алармистскую по своему характеру и влекущую большие расходы, пришлось бы оправдывать перед либеральной Палатой общин. Это учреждение, едва выскочив из опасности, конечно бы действовало дальше, исходя из допущения, что участие Британии в войне на континенте было преступным безумием. Кроме того было бы бесцельно отвлекать главные споры в кабинете в чисто технические [!!] каналы. Потому мне пришлось взять на себя собственную и единоличную ответственность за многое, что было сделано в момент необходимости»[2].

Признание Черчиля, подтверждающее принятие им военных мер без ведома пацифистского большинства кабинета, написано в тоне бесконечного презрения к кабинету и парламенту, а это показывает, что Черчиль, Грей и их партнеры боялись не столько личной ответственности перед парламентом, сколько того, что им не удастся переправить английскую экспедиционную армию на континент в мобилизационные сроки, согласованные с французским генеральным штабом, и закончить до начала войны стратегическое развертывание английского флота в его военных базах.

Для достижения последней цели Черчилем были приняты широкие энергичные меры.

27 июля в полночь Черчиль послал всем командующим эскадрами (Commanders in Chief) неофициальную предупредительную телеграмму:

---

[1] *Morley*, op. cit., p. XV.
[2] *Churchill*, op. cit., p. 215.

«Будьте готовы следить за вражескими [!] военными кораблями и учитывайте диспозицию судов его величества с этой точки зрения. Мера чистой предосторожности. Ни один лишний человек не должен быть осведомлен. Соблюдать строжайший секрет»[1].

28 июля Черчиль начал концентрацию минных тралеров и сконцентрировал всю английскую гидроавиацию, произвел учет запасов угля, мобилизовал тихоокеанскую эскадру, усилил охрану военных складов и нефтяных резервуаров и арестовал организацию германских шпионов, выслеженных еще в 1911 г. и сообщавших о военной подготовке на море. Одновременно он приказал начальнику морской контрразведки включить в список судов английского флота строящиеся в Англии турецкие линкоры[2].

В тот же день, 28 июля, Черчиль решился на еще более ответственный шаг, что видно по следующим его «прорицательским» словам:

«Во вторник 28 [июля] я почувствовал, что флот должен отправиться на свою военную базу. Он должен двинуться туда немедленно и тайно, он должен итти на всех парах к северу, пока каждый германский морской или военный авторитет был в высшей степени, как только возможно, заинтересован избегать столкновения с нами»[3].

Черчиль решился на эту меру по следующим здравым соображениям:

«Если он [флот] двинется так рано, ему не нужно будет итти Ирландским каналом и вокруг северного побережья Англии, он сможет пройти через Дуврский пролив и Северное море, и наш остров следовательно не остался бы без прикрытия даже и один день. Кроме того он прибывал скорее и с меньшим расходом топлива. Поэтому во вторник [28 июля] в 10 час. утра я предложил этот шаг первому морскому лорду и начальнику шта-

---

[1] *Churchill*, op. cit., p. 206.

[2] Ibid. p. 209. „Турецкие корабли имели жизненное значение для нас. Так как наше превосходство над немцами измерялось всего 7 дредноутами, то мы не могли обойтись без этих двух прекрасных судов. Еще менее мы могли позволить им попасть в дурные руки и, возможно, быть использованными против нас. Если бы мы отдали их Турции, то, как показали события, они образовали бы вместе с „Гебеном" враждебную эскадру, которая потребовала бы силу, не меньшую, чем 4 британских дредноута или броненосца, для наблюдения за ними. Таким образом британское число было бы уменьшено на 2 (? 4), вместо того чтобы увеличиться на 2. Один из турецких линкоров [„Решадие"], который Армстронги строили на Тайне, был фактически готов, когда начался кризис. Турецкий экипаж, свыше 500 человек, уже прибыл для его приемки и находился на своем пароходе на реке. Угрожала большая опасность, если бы они взошли на судно, оттеснив в сторону рабочих Армстронга, и подняли турецкий флаг, что создало бы крайне затруднительную дипломатическую ситуацию. Я решил ни в коем случае не подвергаться риску и 31 июля послал письменные инструкции поместить соответствующую военную охрану на этом судне, чтобы турки ни в коем случае не взошли на его палубу".

[3] Ibid., p. 211—213. В это время германский флот совершал плавание в норвежских водах.

ба и нашел, что они всецело настроены в его пользу. Мы решили, что флот должен покинуть Портланд 29 [июля] утром в такой час, чтобы пройти Дуврским проливом в часы темноты, что он должен пересечь эти воды с максимальной скоростью и без огней, с крайними мерами предосторожности двигаться дальше к Скапа Флоу. Я боялся представить этот вопрос на решение кабинета, чтобы он ошибочно не был рассматриваем как провокационное деяние [?!], способное повредить шансы на мир», — с благочестивым лицемерием поясняет Черчиль.

«Было бы ненормально представлять на решение кабинета вопрос о передвижении британского флота в отечественных водах из одного британского порта в другой. Поэтому я осведомил только премьер-министра, который тотчас же изъявил свое одобрение».

В 5 час. пополудни был послан соответствующий приказ командующему флотом, и 29 июля ночью «корабли его величества» были в море, проходя Дуврский пролив. Но хотя бюро немецкого морского шпионажа в Англии было разгромлено весьма искусно, «германский посол не упустил случая для жалоб Foreign Office на передвижение флота». Грею пришлось заверять Лихновского, что «передвижения флота лишены всякого наступательного характера» и флот не приближается к германским водам. Однако стратегическая концентрация флота была фактически закончена с переводом его в Скапа, и Черчиль торжествовал:

«Теперь, что бы ни случилось, мы находились в положении, которое позволяло контролировать события, и было не легко заметить, как это преимущество может быть отнято от нас».

Не отстал от Черчиля и Асквит. 28 июля Вильсон записывал в своем дневнике:

«Русские отдали приказ о мобилизации 16 армейских корпусов. Австрийцы мобилизуют 12. Немцы и французы держатся спокойно. Около 3 час. дня Дуглас[1] получил от Асквита записку с приказом объявить «период предосторожности» (precautionary period)[2].

Это было выполнено... Во всяком случае наше правительство взялось за дело энергичнее, чем я ожидал»[3].

С объявлением «периода предосторожности» вступали в силу подготовительные меры к мобилизации. В самой Англии под бдительным оком парламента они имели более «невинный» характер — реквизиция угля, передача портов морскому командованию, подготовка армии к военному положению и т. д. После объявления этого периода оставалось лишь собрать воинские части в казармах, выдать снаряжение и припасы и посадить на транспорты — в остальном армия была готова. В колониях, куда око пар-

---

[1] Начальник английского генерального штаба.
[2] Равноценный германскому drohende Kriegsgefahr.
[3] *Calwell*, I, p. 152.

ламента не могло заглянуть, «период предосторожности» был равносилен мобилизации. Об этом ясно свидетельствуют отчеты американских консулов в английских колониях, давшие любопытную картину военной подготовки в тех углах английских владений, куда парламенту было не добраться.

30 июля в американском государственном департаменте была получена телеграмма из Гибралтара: «Гарнизон мобилизован»[1].

В тот же день американский поверенный в делах в Китае Мак-Мюррей сообщал[2]:

«Узнал из достоверного источника, что британские канонерки в Ханькоу и вероятно другие мелкие суда в других районах Китая разоружены и их команды отправлены в Вей-Хай-Вей, где концентрируются более крупные корабли в связи с возможным нападением со стороны Германии».

Аналогичные меры подготовки к войне, как свидетельствуют отчеты американских консулов, были приняты и на острове Ямайка[3] и в Британской Гвиане[4].

Австрийский консул на острове Мальте 30 июля сообщал Берхтольду о приведении английского гарнизона в боевую готовность, занятии войсками внешних фортов, забаррикадировании гавани, реквизиции частных судов военными властями.

«*Всюду оживленная работа,* — сообщал консул, — *указывающая на известные приготовления Англии... Англия предприняла совершенно необычные военные меры, указывающие на скорое военное выступление*»[5].

Такая подготовка позволила одному предприимчивому капитану — губернатору захудалой английской колонии в Африке — вторгнуться в соседние германские владения через несколько часов после объявления войны.

Но пока еще длилась борьба в кабинете по вопросу об участии Англии в войне, принимавшая затяжной характер, пока тайно от леворадикальной части кабинета и тем более от парламента принимались различные военные подготовительные меры — и сухопутные и морские, — события шли своим чередом. Не желая заявить открыто о позиции Англии, пока европейский конфликт не превратится в европейскую войну, Грей продолжал тянуть дипломатическую волынку. Потерпев 27 июля поражение, так как кабинет, как можно видеть из записей Мордея, отказался одобрить «политику Антанты вплоть до войны», Грей погрузился в «дипломатическое уединение» — позиция на первый взгляд совершенно неестественная и непонятная для английского министра иностранных дел, не щадящего своих усилий

---

[1] Papers relating to the Foreign Relations. 1914. Supplement of the World War Washington 1928, № 16.

[2] Papers..., № 18.

[3] Papers..., № 19.

[4] Papers..., № 68.

[5] OUAP, VII, № 11067; о военных мерах в Англии ср. МОЭИ, V, № 285, 283, 353.

для сохранения европейского мира и притом в самый острый момент кризиса, ставшего уже общеевропейским. Ни в телеграммах Лихновского за 28 июля, ни в телеграммах Менсдорфа, Бенкендорфа и вернувшегося в Лондон Камбона[1] нет ни малейших указаний на то, что Грей видел Лихновского, добивавшегося, кстати сказать, свидания, или Менсдорфа и сделал им какие-либо новые предложения, вызванные отказом кабинета одобрить его политику. Из всех иностранных дипломатов Грей принял только Камбона, которому он, судя по имеющимся данным, изложил только содержание разговоров с Лихновским и Менсдорфом накануне 27 июля[2].

Эта неестественная позиция объяснялась тем, что Грей в этот день читал телеграммы и ждал дальнейшего развертывания событий, которые, он надеялся, должны были повлиять на кабинет и изменить его решение.

Желанные для Грея события не заставили себя впрочем ждать. Из разных концов царской России английские консулы сообщали о подготовительных мерах к войне, если не о мобилизации, пока Сазонов продолжал — что было очень важно для английского общественного мнения и самого Грея — проявлять «мирные настроения» и вести переговоры с австрийским и германским послами[3]. В тон Сазонову вторил и царский посол в Вене Шебеко[4]. Австрия проводила частичную мобилизацию, отказываясь от переговоров на базе сербского ответа[5]. Германия отказывалась от конференции á quatre и заявляла (утешительное с точки зрения выигрыша царской Россией времени для подготовки к мобилизации известие), что мобилизуется лишь в случае мобилизации царской России на северной — германской — границе, но останется спокойной в случае русской мобилизации на южной — австрийской — границе. Грей поспешил под строжайшим секретом передать это сообщение Сазонову[6].

Словом, события развивались, механизм развязывания войны действовал пока прекрасно, и австро-германский блок делал одну «техническую ошибку» за другой. Надо было лишь выжидать их дальнейшего развертывания и надеяться, что они наконец заставят кабинет принять «твердые решения». И в ожидании их Грей одергивал тех из своих подчиненных и союзников, кто мог своими ошибками испортить ловко создаваемую им легенду о том, что Антанта является обороняющейся стороной.

Так, в этот день Грей одернул английского посла в Париже Берти, который явно становился «германофилом», советуя Бьенвеню-Мартену опубликовать сообщение о переговорах с герман-

---

[1] DD, № 301; OUAP, VIII, № 10893, 10894; МОЭИ, V, № 174, 175, 176.
[2] DD, № 258; «Livre Jaune», 1914, № 80.
[3] BD, XI, № 198, 206, 207, 208, 210.
[4] BD, XI, № 199.
[5] BD, XI, № 200, 227.
[6] BD, XI, № 185, 215, 219.

ским послом в Париже Шеном (см. стр. 457, прим. 3). Такое сообщение могло создать впечатление о «солидарности» Франции и Германии в настоящем конфликте[1].

Еще хуже Foreign Office обошелся с Бенкендорфом, принесшим сообщение, что Сазонов, «обсуждая сербский ответ» с австрийским послом в Петербурге Сапари, фактически потребовал пересмотра Австрией своих требований к Сербии, так как «некоторые из австрийских требований неосуществимы»[2].

Это требование Сазонова срывало тонкий план создания легенды и превращало Антанту из обороняющейся в нападающую сторону. Оказывалось, что, в то время когда сербы соглашались принять все требования ультиматума, царская Россия неожиданно заявляла об его неосуществимости. Немудрено, что ярость «богов» из Foreign Office, узнавших о столь неполитичном разговоре, не имела границ.

«Я не думаю, — писал 28 июля А. Никольсон, — что метод, при помощи которого г. Сазонов открыл эти «дружеские переговоры», мог бы привести к какому-либо результату. В действительности *он говорит австрийскому послу, что часть того, что Сербия обязалась исполнить, она не в состоянии сделать,* и он просит Австрию переговорить с ним относительно пересмотра некоторых пунктов австрийской ноты, уже опубликованной и сообщенной [официально державам]».

«В тот самый день, когда я нажимаю на германское правительство в том смысле, что сербская нота удовлетворяет почти все требования Австрии и что австрийское правительство должно благоприятно встретить ее, г. Сазонов говорит австрийскому послу, что сербская нота стоит даже меньше, чем это кажется (was worth much less than sit fage value)!! — Грей»[3].

Бенкендорф, получивший 28 июля в Foreign Office строгую нахлобучку за неполитичный поступок Сазонова, слишком ясно разоблачавший истинную стоимость сербского ответа, поспешил кое-как замазать вину своего шефа. Он сообщил, что разговор Сазонова с Сапари имел место до ознакомления Сазонова с сербской нотой и относится лишь к австрийскому ультиматуму и что некоторые выражения в комюнике Сазонова «переведены неправильно»[4]. В Foreign Office после троекратных исправлений текста Бенкендорфом сделали вид, что поверили этому объяснению. Foreign Office заботился о благоприличии.

28 июля в 6 ч. 30 м. пополудни наконец пришла долгожданная Греем весть о том, что Австрия объявила войну Сербии[5]. «Ре-

---

[1] BD, XI, № 184, 204.

[2] BD, XI, № 207.

[3] BD, XI, № 207; Minute, Вольный перевод — „стоит даже меньше бумаги, на которой она написана" (курсив мой. — *Н. П.*).

[4] BD, XI, № 207, 208, 209, 210. В Париже Берти одергивал 28 июля Извольского, болтавшего направо и налево о войне. BD, XI, № 216, 244.

[5] BD, XI, № 225, 226, 233; МОЭИ, V, № 227.

сурсы дипломатии теперь исчерпаны», — благочестиво заметил А. Никольсон[1].

В развитии июльского кризиса наступал перелом: сказались первые результаты «миротворчества» Грея и создавалась первая необходимая предпосылка для выступления Англии: конфликт стал европейским, на «бедную невинную Сербию» напали, чего царская Россия как «защитница славянства» не могла потерпеть.

Утром 29-го Бенкендорф официально сообщил о частичной мобилизации четырех округов — Киевского, Одесского, Казанского, Московского, «позабыв» упомянуть о мобилизации Балтийского и Черноморского флотов[2]. Однако в Foreign Office уже прекрасно знали, что мобилизация проводится тайком и на русско-германской границе и что «Россия тронулась всерьез». Надо было делать дальнейшие выводы, и 29 июля Черчиль отправил командующим эскадрами официальную предупредительную телеграмму[3] и конфисковал строившиеся для Турции линкоры. Со своей стороны Грей 29 июля приказал Кракенторпу сжечь все бумаги, шифры и архив, оставшиеся в Белграде[4], и сообщил Лихновскому, что если Германия и Франция будут вовлечены в конфликт, то Англия не останется равнодушной, хотя 24—25 июля он давал понять Лихновскому именно о такой возможности[5].

«Британское правительство, — передавал Лихновский заявление Грея,— желало, как и раньше, поддержать нашу прежнюю дружбу и могло стоять в стороне, пока конфликт оставался ограниченным между Австрией и Россией. Но если мы [Германия] и Франция будем втянуты в войну, тогда положение немедленно изменится, и британское правительство в силу обстоятельств может счесть себя вынужденным принять быстрое решение. Он далек от желания в какой бы то ни было степени угрожать; он только хотел уберечь меня от разочарования, а себя от упреков в двоедушии»[6].

Это заявление Грей сделал опять-таки без ведома кабинета.

30 июля утром Грей узнал о «позорном торге» Бельгией. Бетман-Гольвег заявил Гошену, что немецкая армия намерена пройти через Бельгию, и если Англия гарантирует свой нейтралитет, то Германия откажется от захвата французских территорий в Европе.

Гордый ответ Грея на это «бесчестное предложение» еще до сих пор цитируется историками Антанты как доказательство бескорыстия и верности Англии своим обязательствам перед Бельгией. Но при этом историки Антанты охотно забывают о том,

---

[1] BD, XI, № 250, 252; Minute.
[2] BD, XI, № 258; МОЭИ, V, № 226.
[3] *Churchill*, op. cit., p. 207; *Корбетт*, I, стр. 48—49.
[4] BD, XI, № 278.
[5] BD, XI, № 99; DD, № 157; ORB, 1919, II, № 15; OUAP, VIII, № 10601.
[6] DD, № 368; BD, XI, № 283, 286; МОЭИ, V, № 227; OUAP, VIII, № 11029.

что ровно через два дня, именно 1 августа, Грей сделал Лихновскому еще более «бесчестное» предложение и начал еще более «позорный» торг, который предавал царскую Россию и даже Францию.

«Вы должны осведомить германского канцлера,— предписывал 30 июля Грей Гошену, — что его предложение связать себя обязательством нейтралитета на таких условиях не может быть принято ни на одну минуту. Он просит нас в действительности обязаться стоять в стороне, в то время как французские колонии будут захвачены и Франция разбита, раз Германия не забирает французской территории, отличной от колоний. С материальной точки зрения подобное предложение неприемлемо, так как Франция может подвергнуться такому разгрому, что потеряет свое положение как великая держава и подчинится германской политике без дальнейшей потери территории в Европе. Но помимо этого вести подобный торг за счет Франции для нас было бы бесчестием, от которого доброе имя нашей страны никогда не могло бы оправиться. Канцлер также просит нас заключить сделку и в отношении тех обязательств и интересов, которыми мы связаны относительно нейтралитета Бельгии. Мы не могли бы обсуждать и такой сделки. После всего сказанного излишне рассматривать, предполагает ли проект будущего генерального соглашения между Германией и Англией о нейтралитете достаточно положительные выгоды, которые могли бы явиться компенсацией для нас за то, что мы сейчас свяжем себе руки. Моим ответом должно быть, что мы сохраняем нашу полную свободу действовать так, как могут потребовать от нас обстоятельства при всяком неблагоприятном и печальном последствии настоящего кризиса, которое предусматривает канцлер»[1].

Почти одновременно с этим гордым ответом Бетман-Гольвегу Камбон передал заявление Вивиани, что Франция «решила исполнить все обязательства союза» и что германский посол угрожал мобилизацией, если царская Россия не приостановит своих мобилизационных мер[2]. В воздухе явственно запахло порохом.

Однако четкость работы английской дипломатии, начинавшей уже пожинать плоды своих маневров, портила трусость царского правительства, на которого между прочим (параллельно с желанием задержать мобилизацию в Германии) напали весьма основательные, как мы покажем ниже, страхи: а вдруг «коварный Альбион» по своей привычке предаст и сохранит нейтралитет? К своему удивлению Грей получил в 3 ч. 15 м. пополудни 30 августа сообщение от Бьюкенена[3], что Сазонов вступил в переговоры с Пурталесом о прекращении мобилизации и даже выработал соответствующую формулу: «Если Австрия, признав, что австро-сербский вопрос приобрел европейский ха-

---

[1] BD, XI, № 303.
[2] BD, XI, № 294, 300; МОЭИ, V, № 286.
[3] BD, XI, № 302 а/в.

рактер, заявит о готовности исключить из своего ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления»[1].

Такая формула, приемлемая для Австрии, грозила сорвать все планы Грея, и поэтому он отверг ее как недостаточно якобы защищающую интересы царской России (!!) и заменил ее другой. Формула Грея, сохраняя ту же прежнюю видимость миролюбия и избегая положения, которое могло бы дать повод к разговорам, что нападающей стороной является Антанта, представляла образец дипломатической казуистики.

«Если Австрия, — гласила эта формула, — заняв Белград и прилегающую сербскую территорию, объявит о своей готовности в интересах европейского мира прекратить свое продвижение и обсудить, как достигнуть полного соглашения, я надеюсь, что Россия также согласится на обсуждение и приостановку дальнейших военных приготовлений при условии, что другие державы сделают то же самое»[2].

Таким образом Австрии разрешалось оккупировать Белград, а царской России продолжать свои военные приготовления, до тех пор пока Белград и прилегающая территория не будут заняты австрийскими войсками. До этого момента царская Россия могла продолжать свои военные приготовления, т. е. мобилизацию против Австрии, которая была решена накануне и которую собирались согласно телеграмме Сазонова Бенкендорфу объявить «сегодня», т. е. 30 июля. Посылая в 7 ч. 35 м. пополудни свою формулу Бьюкенену, Грей решительно ничем не рисковал — содержание ее Бьюкенен мог довести и довел до Сазонова, когда мобилизация царской армии была уже объявлена, что и заставило Сазонова изменить соответствующим образом формулу Грея[3].

Итак, в этот день 30 июля призрак мировой войны встал во весь рост не только перед дипломатами, но и перед широкими массами Европы. Однако Грей, едва ли не больше, чем кто бы то ни было, потрудившийся над вызовом его, неожиданно оказался в крайне неприятном положении.

«Кабинет,— свидетельствует Черчиль,— единодушно одобрял политику и телеграммы Грея[4], но со стороны большинства имелся непобедимый отказ предусматривать британское вмешательство вооруженными силами, если усилия секретаря по иностранным делам окончатся неудачно и начнется европейская война»[5].

Странное противоречие слов Черчиля ясно показывает, что далеко не все телеграммы и вся политика Грея доводились до

---

[1] МОЭИ, V, № 278; BD, № 301/b.

[2] BD, XI, № 309. Необходимо помнить, что формула была предложена Греем тогда, когда в Лондоне официально знали о частичной мобилизации царской России.

[3] BD, XI, № 393.

[4] Конечно только те телеграммы более невинного свойства, которые Грей считал нужным довести до сведения своих коллег.

[5] *Churchill*, op. cit., p. 214.

сведения большинства кабинета, которое не соглашалось на войну. А между тем Париж и Петербург, полагавшиеся на подстрекающие советы и намеки Грея и потому оказавшиеся первыми «в числе драки», усиленно запрашивали Лондон, какова будет позиция Англии. Под влиянием этих намеков и советов они были вполне уверены в поддержке английского правительства. Но желанной поддержки все еще не было, и на все запросы о ней Грей мог ответить только молчанием, так как в самом правительстве еще продолжалась борьба.

Слухи о разногласиях в кабинете тем временем приобрели некоторую огласку в политических кругах и вызвали беспокойство в Париже. Не получая обещанной поддержки, союзники могли сдать, и это наносило непоправимый удар Антанте. Сторонникам войны из кабинета приходилось искать выхода какой угодно ценой, и они обратились за помощью против своих коллег по кабинету к консерваторам. 30 июля вечером Черчиль сообщил Фредерику Смиту (впоследствии лорду Биркенхеду) о разногласиях в кабинете, и Смит после совещания с Бонар-Лоу, Карсоном и другими лидерами консерваторов 31 июля обещал либералам-империалистам поддержку консервативной партии.

«При условии нарушения немцами нейтралитета Бельгии,— заявил он Черчилю,— правительство может рассчитывать на поддержку консервативной партии в самой действенной форме, в какой только она может быть оказана»[1].

Вильсон со своей стороны, 30 июля навестивший Никольсона и узнавший от него о заседании «с совершенно неопределенными результатами», решил взяться за дело и форсировать развитие событий.

Следующий день, 31 июля, принес ему однако еще более неутешительные известия.

«Когда я в 9 час. утра посетил, как обычно, Артура Никольсона,— записывал Вильсон в своем дневнике,— не было никаких известий. Позже (около 11 час.) собрался кабинет. Затем у нас возникло подозрение, что правительство собирается сбежать»[2].

В 5 час. пополудни Эйр Кроу сообщил Вильсону о германском ультиматуме царской России.

«Германия объявит сегодня вечером мобилизацию,— читаем мы дальше в записях Вильсона,— и Франция последует за ней. А мы не делаем ничего. Позже пришел Джонни Бэрд [член парламента]. Я сообщил ему, как обстоит дело, и попросил его написать Бонар-Лоу, который уехал в Уоргрэв [свое имение], не мог ли бы он приехать в Лондон и сегодня же вечером переговорить с Асквитом.

Позже я встретил Пануза [французский военный атташе] и посоветовал ему воздействовать на Камбона, чтобы он сегодня

---

[1] *Churchill*, p. 215—216; „Chaimberlains Memorandum über Englands Eintritt in den Krieg" в KF, 1930, February., S. 147.

[2] *Calwell*, op. cit., I, p. 152.

же вечером пошел к Грею и сказал ему, что прервет дипломатические сношения и уедет в Париж, если мы не присоединимся к ним [французам]. Ужасный день!»[1].

Последняя фраза нуждается в некоторой расшифровке. Грей все эти дни испытывал «высокое давление» со стороны Камбона. 30 июля Камбон по поручению Вивиани запросил Грея о позиции Англии в случае конфликта, напомнив Грею о тех письмах, которыми они обменялись в 1912 г.

Сообщая английскому послу в Париже содержание своего разговора с Камбоном, Грей писал:

«Он [Камбон] заявил, что европейский мир никогда не подвергался большей угрозе, чем сейчас... Он [Камбон] хотел бы, чтобы я [Грей] сказал, что мы [Англия] сделаем.... если возникнут известные обстоятельства. В частности он [Камбон] имел в виду нападение Германии на Францию».

Грей мог только ответить, что доложит о французском запросе кабинету и сообщит решение Камбону 31 июля после полудня[2]. Согласно отчету Камбона Грей не ограничился только этим ничего не говорящим заявлением и сказал, что, по его, Грея, мнению, действительно настало время обсудить будущую линию поведения[3].

На заседании 31 июля утром вопрос о вступлении в войну был снова кабинетом решен отрицательно. Грей мог передать Камбону только неутешительные вести.

«Сегодня на заседании кабинета,— излагает Грей свою версию переговоров с Камбоном,— мы пришли к решению, что мы не можем дать сейчас никакого обязательства. Коммерческое и финансовое положение исключительно серьезно; есть опасность полного развала, который повергнет нас и всякого другого в крах, и возможно, что наш нейтралитет (our standing aside) мог бы явиться единственным средством предотвратить полный развал европейского кредита. Это могло бы быть решающим соображением в определении нашей позиции.

Я сказал далее г. Камбону, что, хотя мы должны представить нашу политику на одобрение парламента, мы не можем авансом связать обязательством парламент. До настоящего момента и мы и общественное мнение не чувствовали, что затронуты какие-либо договоры или обязательства этой страны [Англии]»[4].

Но Грей не считал дела потерянным окончательно (завязывались переговоры с консерваторами) и просил выждать развертывания событий.

«Дальнейший ход событий,— говорил он Камбону,— может

---

[1] *Calwell*, op. cit., I, p. 152.
BD, XI, № 319; МОЭИ, V, № 288.

[3] F., 1926, № 108; МОЭИ, V, № 287. Камбон полагал, что „в глазах парламента положение не настолько ясно, чтобы Грей мог уже сегодня высказаться без опаски", МОЭИ, V. № 288, *Charles-Roux*, Trois Ambassades françaises à la veille de la guerre. P. 1928, p. 42.

[4] BD, XI, № 367, 352; F., 1926, № 110; МОЭИ, V, № 351.

изменить эту ситуацию и побудить правительство и парламент стать на точку зрения, оправдывающую интервенцию. Соблюдение нейтралитета Бельгии могло бы быть, я не скажу решающим, но влиятельным фактором в определении нашей позиции. Возможно, что я запрошу Францию и Германию, готова ли каждая из них дать обязательство, что не она *первая* нарушит нейтралитет Бельгии. [Господин] Камбон выказал большое разочарование моим ответом. Он повторил свой вопрос, поможем ли мы Франции, если Германия нападет на нее. Я сказал, что могу лишь подтвердить ответ, что, пока дела находятся в настоящем положении, мы не можем взять на себя никакого обязательства. Самые последние известия — Россия объявила мобилизацию своего флота и армии. Это, как мне кажется, *ускорит кризис и создаст впечатление,* что мобилизация Германии вынуждена Россией».

Камбон, неудовлетворенный этим ответом, подчеркнул Грею, что теперь не в английских интересах допустить разгром Франции, подобный разгрому в 1870 г., и просил представить вопрос еще раз на рассмотрение кабинета. Грей обещал исполнить эту просьбу.

«В настоящий момент, — повторил он однако в заключение, — единственный ответ, который я могу дать, — это то, что мы не можем дать никакого определенного обязательства»[1].

Такой же ответ он дал и Бенкендорфу, пришедшему после Камбона.

«Сегодня было констатировано, — говорил он Бенкендорфу, — что в данный момент парламент не может одобрить решительную позицию; дело Сербии нисколько не захватывает общественное мнение; все финансовые, коммерческие и промышленные центры северной Англии против войны, но новые события могут легко изменить настроения умов; нужно их выждать; кабинет может предложить политическую линию, но решение будет зависеть от парламента»[2].

Грей, ссылаясь на настроения части английских капиталистов, указанные выше, выставлял их как причину, извиняющую его медлительность с выполнением «обязательства чести», т. е. союзнического долга Англии по отношению к Франции и царской России. На самом деле он несправедливо клеветал на «доброе имя» английских финансовых магнатов, только часть которых по соображениям личной выгоды высказывалась против войны в данный момент. Но для Бенкендорфа и это годилось в качестве аргумента. Сообщая этот ответ Сазонову, он умолял последнего не поддаваться панике и не принимать непоправимых решений:

«Лично. События могут развиться столь быстро, что всякое слишком поспешное суждение о сегодняшней позиции Англии

---

[1] BD, XI, № 367; F., курсив мой *Н. П.*, ср.1926, № 110; МОЭИ, V, № 351.
[2] МОЭИ, V, № 351.

может оказаться вредным и в частности парализовать Грея, влияние которого может вновь усилиться в несколько часов»[1].

Беседа с Камбоном произвела на Грея «крайне тягостное впечатление»[2], тем более что Эйр Кроу после беседы представил Грею весьма неприятный меморандум с намеками на выданное обязательство чести.

«Аргумент, что нет письменных уз, связывающих нас с Францией, строго говоря правилен, — писал в своем меморандуме Эйр Кроу. — У нас нет договорного обязательства. Но Антанта была создана, укреплена, подвергнута испытанию и возвеличена в тоне, оправдывающем уверенность, что выкованы моральные узы.

Вся политика Антанты не имела бы никакого смысла, если бы она не означала, что в справедливой ссоре Англия станет на сторону друзей. Этого от нас добросовестно ждали. Мы не можем теперь отказаться, не подвергнув наше доброе имя суровой критике».

Кроу в заключение указывал, что собственные интересы Англии требуют ее вступления в войну:

«Я уверен, что наш долг и наши интересы заключаются в нашей поддержке Франции в час ее нужды»[3].

Грей однако мог лишь молчаливо соглашаться со своим помощником. Кабинет вырвался из его рук. Но уже шла помощь с другой стороны — от консерваторов.

Вечером 31 июля редактор шовинистического и реакционного журнала «National Review» Лео Максе по телефону узнал от Вильсона о подготовляемой правительством «измене»[4], т. е. о нежелании развязать войну. В результате разговора рано утром 1 августа в доме Вильсона собрались: лэди Эйлин Робертс (дочь фельдмаршала Робертса) и другие «политические» дамы, генерал Раулинсон, Лео Максе, которые во главе с Вильсоном сорганизовались в своего рода комитет по вовлечению Англии в войну. С этого дня дом Вильсона стал очагом движения, имевшего целью внушить руководителям консервативной партии необходимость осознать свою ответственность перед лицом «национального кризиса» и созвать их в Лондон, чтобы они произвели нажим на правительство для выступления на стороне Франции.

«Они, — как рассказывает биограф Вильсона Кальвель, — связались с Эмери, Джорджем Ллойдом, Уикхемом Стидом, лордом Ловат и др. с целью убедить консервативных лидеров воздействовать на правительство. Большинство из лидеров проводило свой week-end вне города, что создавало затруднения, но к счастью остался лорд Эдмунд Тальбот, и были приняты меры, для того чтобы связаться с остальными. Пустив шар катиться,

---

[1] МОЭИ, V, № 352.
[2] Дневник Асквита в „Daily Telegraph" 30/IV, 1928.
[3] BD, XI, № 369. Курсив мой *Н. П.*
[4] *Calwell*, I, p. 153 etc; точные слова Вильсона — „Мы попали в кашу".

Вильсон прошествовал в Foreign Office и оттуда в военное министерство»[1].

В Foreign Office Никольсон показал Вильсону телеграмму, сообщавшую, что немцы собираются вести наступление на два фронта. Вильсон потащил Никольсона на квартиру к Грею, но Грей еще спал, и Никольсон не посмел его разбудить.

В военном министерстве Вильсона ждал новый удар.

«В 11 ч. 30 м. утра,— рассказывает он в своем дневнике,— Асквит написал начальнику имперского генерального штаба, что ученье войск не должно быть приостановлено, и поставил на вид тот факт, что правительство *никогда не обещало* французам экспедиционного корпуса...[2]

Перси [герцог Нортумберленд] послал Джорджа Ллойда и Чарли Бересфорда за Бонар-Лоу в Уоргрэв. В 3 часа дня я отправился снова во французское посольство, чтобы переговорить с Пануза, каковы будут следствия, если немцы ограничатся операциями на франко-германской границе, т. е. не нарушат бельгийского нейтралитета. Камбон вышел, чтобы повидать меня. Он был в горестном настроении, хотя лично обворожителен»[3].

Эта запись в дневнике Вильсона относительно предписания Асквита нуждается в объяснении. Дело в том, что в этот день, 1 августа, Грей, поставленный в затруднение отказами кабинета дать согласие на вступление в войну, начал с Лихновским переговоры, являвшиеся самым настоящим даже с точки зрения империалистических нравов предательством по отношению к царской России. В этот день до заседания кабинета, состоявшегося в 11 час. утра, Грей осведомил Лихновского через своего личного секретаря Тирреля, что «он надеется в результате заседания кабинета, происходящего сейчас, получить возможность сделать заявления, которые имели бы целью предотвратить великую катастрофу. Судя по намекам сэра Уильяма [Тирреля], под этим повидимому имелось в виду, что, в случае если мы не нападем на Францию, Англия также останется нейтральной и гарантирует пассивность [нейтралитет] Франции. Более подробно я узнаю об этом после полудня»[4]. Пока Лихновский зашифровывал в Берлин телеграмму об этом разговоре с Тиррелем, его вызвали к телефону, как свидетельствует следующий абзац телеграммы:

«Только-что сэр Эдуард Грей вызвал меня к телефону и спро-

---

[1] *Calwell*, I, p. 153, etc. Джордж Ллойд, впоследствии лорд Ллойд, губернатор Египта; Стид — редактор иностранного отдела „Таймс". В числе агентов Вильсона был известный лорд Нортклифф, владелец газетного треста.

[2] Здесь в дневнике Вильсона имеется перерыв — очевидно, соображения Вильсона по поводу этой предательской записки, сигнализировавшей об опасности того, что Англия собирается спрятаться в кусты, еще не созрели для напечатания, так как следующая фраза записи механически вклинивается в текст и не связана с предыдущем изложением.

[3] *Calwell*, I, p. 153—154. Курсив мой *Н. П.*

[4] DD, № 562, отправлена из Лондона 1 августа в 11 ч. 14 м. пополуночи (утра).

сил меня, считаю ли я возможным дать ему заверение, что, в случае если Франция останется нейтральной в русско-германской войне, мы не нападем на Францию»[1].

Такая ситуация более чем удовлетворяла Германию, получавшую полную возможность быстро и энергично расправиться при помощи Австрии с Сербией и царской Россией, но одновременно выдавала царскую Россию на «поток и разграбление», если бы Грей серьезно имел в виду предательство, а не затягивание времени. Лихновский, даже не запрашивая Берлин, заявил Грею, что «может принять на себя ответственность за такую гарантию». Грей заявил, что «использует это заверение на сегодняшнем заседании кабинета».

Зашифровав свой разговор с Греем, Лихновский вспомнил о другом предложении Тирреля и сообщил его в виде постскриптума.

«Сэр У. Тиррель, — говорилось в постскриптуме, — настоятельно просил меня использовать свое влияние с той целью, чтобы наши войска не переходили французскую границу. Все зависело бы от этого. Французские войска оттянуты назад после одного происшедшего перехода границы»[2].

Лихновский отправил эту телеграмму из Лондона в 11 ч. 14 м. пополуночи (утра), а вскоре после этого между 1—2 час. пополудни Тиррель вторично явился в германское посольство с новым заявлением Грея.

«Сэр Эдуард Грей желает сделать мне сегодня к вечеру (nachmittag) предложение о нейтралитете Англии даже в том случае, если мы будем иметь войну и с Францией и с Россией. Я увижусь с Греем в 3 час. 30 м. дня и сообщу немедленно»[3], — телеграфировал в Берлин после этого разговора с Тиррелем Лихновский.

Вечером Грей прочел Лихновскому декларацию кабинета, в которой выражалось сожаление относительно недоговоренности германского ответа на предложение Англии дать обещание соблюдать нейтралитет Бельгии.

«На мой вопрос, — доносил об этих переговорах Лихновский, — мог ли бы он [Грей] сделать мне определенное заявление о нейтралитете Англии под условием, что мы соблюдаем нейтралитет Бельгии, министр заявил, что это для него невозможно, но что этот вопрос будет играть большую роль в общественном мнении здесь... В настоящее время нет ни малейшего намерения выступить против нас как врагов. При малейшей возможности этого желали бы избежать... Он [Грей] подумывает также о том, нет ли возможности для нас и Франции, в случае войны с Россией, остаться под ружьем, не нападая друг на друга. Я спросил его, — сообщал далее Лихновский, — может ли он за-

[1] DD, № 562.
[2] Ibidem.
[3] DD, № 570, отправлена из Лондона в 2 ч. 10 м. пополудни.

явить мне, что Франция даст согласие на подобный договор. Так как мы не хотим ни разгрома Франции, ни территориальных завоеваний, то мне думается, что мы могли бы пойти на подобное соглашение, обеспечивающее нам нейтралитет Великобритании. Министр обещал «осведомиться» относительно этого»[1].

Таким образом к 5 час. пополудни 1 августа предложение Грея в конечном счете вылилось в следующие формы. Германия и Франция стоят с оружием в руках друг против друга. Англия сохраняет нейтралитет. Это предложение имело силу также и в случае возникновения войны между Германией и царской Россией. Так свидетельствует и телеграмма самого Грея Берти, отправленная в 5 час. 25 м. пополудни, т. е. немедленно после разговора с Лихновским:

«Я окончательно отверг все предложения дать Германии какое-либо обещание нейтралитета и не буду принимать ни одного подобного предложения, если оно не будет сопряжено с условиями, представляющими реальные выгоды для Франции.

Германский посол это повидимому счел отнюдь не невозможным, когда *я указал ему,* что после мобилизации на западной границе французская и германская армии должны остановиться и ни одна из них не должна переходить границ, пока этого не сделала другая. Я не в состоянии сказать, совместимо ли это с французскими обязательствами по их [франко-русскому] союзу. Если же это совместимо, я предполагаю, французское правительство не будет возражать против нашего обязательства оставаться нейтральными до тех пор, пока германская армия останется на границе в оборонительном положении»[2].

Действительно ли Грей задумывал предательство по отношению к «дорогим союзникам»? Несомненно, что под влиянием противодействия большинства кабинета, не соглашавшегося на войну, а также под влиянием того, что его политика может быть официально дезавуирована большинством и его уход еще больше ослабит сторонников войны в кабинете, наконец, не имея еще более или менее определенного обязательства консерваторов (об этом ходили пока только слухи) о поддержке ими меньшинства кабинета, Грей мог задумываться, если можно так выразиться, и о «предательстве». Необходимо было оттянуть решительный ответ и обеспечить себе отход на более твердые позиции.

Отход на такие твердые позиции и мог казаться «предательством», поскольку Англия не вступала в войну немедленно, что имелось в виду при выдаче «обязательства чести» и при заключении морской конвенции. Таким образом экспедиционный корпус не участвовал бы в боях. Но, с другой стороны, предоставление Германии возможности разгромить царскую Россию компенсировалось сохранением в полной боевой готовности французской

---

[1] DD, № 596, отправлена из Лондона в 5 ч. 47 м. пополудни.
[2] DD, XI, № 419. Курсив мой. — *Н. П.*

армии при такой ситуации, когда значительная часть германских сил бросалась на русский фронт, для того чтобы добиться там победы. Приняв предложение Грея, Германия сразу же глубоко и надолго оказывалась завязнувшей на русском фронте, а тем временем, пока все это происходило, у Франции и Англии оставались свободными руки, и положение в силу тех или иных причин, хотя бы благодаря поддержке консерваторов, могло бы каждую минуту измениться. Так как эти предложения Грея Лихновскому делались полуофициально, преимущественно секретарем Грея, т. е. в сущности мелким чиновником, а не политическим деятелем, то Англия могла их все под благовидным предлогом дезавуировать и в нужный момент ввязаться в войну при крайне невыгодной для Германии ситуации ведения войны сразу на двух фронтах, когда сроки мобилизации ее противников уравнялись бы уже с германскими. Такая ситуация имела свои выгоды, и если невозможна была лучшая, если приходилось отсрочивать «великое решение», следовало соглашаться на менее выгодную ситуацию, лишь бы сохранить остающиеся шансы на вступление Англии в войну.

Эту точку зрения на заседаниях кабинета высказывал Ллойд-Джордж, считавший, что предложение Грея поможет изменить стратегический план немцев... «Для Франции военная проблема была бы иной... Вместо того чтобы защищать [бельгийскую] границу, простиравшуюся на 500 миль и лишенную каких-либо крепостей или искусственных преград, Франция могла бы сосредоточить все свои силы на защите границы в 250 миль, где она обладала грозными крепостями. Армия в 3 миллиона человек, включая резервы, окопавшись на этом узком участке фронта, была бы непобедимой, и Германии пришлось бы удовольствоваться защитой своих границ на западе и переброской германской армии в Польшу. Там транспортные затруднения, плохие дороги, недостаточные железнодорожные пути, огромные расстояния отсрочили бы исход войны на многие недели, если не месяцы. Двенадцать месяцев ожесточенной борьбы понадобились Германии, чтобы завоевать Польшу, и даже тогда русская армия все еще существовала и была готова возобновить борьбу в 1916 г. Вмешательство Англии в интересах мира могло бы тогда привести к более благоразумному решению. Англия была единственной державой в Европе, которая еще никогда не была разбита в европейской войне. С ее неуязвимостью для нападения, с ее могучим флотом, руководимым самыми опытными моряками мира, с ее огромными ресурсами Англия могла взять измором любую державу, если бы Англия в состоянии была бросить на чашу весов хорошо снаряженную армию в 1 миллион человек в качестве поддержки своего флота»[1].

Держа французскую армию наготове, под ружьем, не связывая себя обязательствами по отношению к французам (ожесточен-

[1] *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 75—76.

ные споры Грея с Камбоном, изложенные ниже, объясняются вовсе не тем, что Грей не хотел дать никакого определенного заверения и предпочитал по нужде сохранить себе свободу рук), Грей в сущности являлся хозяином положения в Европе; кроме того он выигрывал время, для того чтобы либо добиться поддержки консерваторов, о настроениях которых он уже знал, либо, используя «технические ошибки» австро-германского блока, в конце концов перетянуть большинство кабинета на свою сторону. Но конечно при такой ситуации лицо Грея и Англии по отношению к союзникам оставалось не вполне ясным. Связываться с Англией оказывалось неверным и опасным предприятием, и кто знает — возможно, что условный и временный нейтралитет Англии мог привести к распаду Антанты или к разгрому Франции и царской России, в результате чего Германия получала возможность «организовать континент» по-своему, а это грозило роковыми последствиями для английского империализма.

Положение в те дни было таковым, что единственный выход, какой мог найти Грей, заключался в затягивании переговоров с целью добиться отсрочки.

Оставалось осведомить Камбона о сделанном Лихновскому предложении. Утром, приблизительно около 12—1 час. пополудни, Камбон посетил Никольсона, которому напомнил об англо-французской морской конвенции 1912 г.

«Господин Камбон указал мне сегодня днем, — сообщает об этой беседе Никольсон, — что это *по нашей просьбе* [Англии] Франция перевела свой флот в Средиземное море в связи с *соглашением, по которому мы обязались защищать ее северные и западные берега*. Насколько я уясняю, вы говорили ему, что представите на усмотрение кабинета вопрос о возможной германской морской атаке на французские северные и западные берега; было бы хорошо *напомнить* кабинету об этом факте»[1].

В этом-то и была вся загвоздка: кабинету ничего нельзя было напомнить ни об этом, ни о каком другом аналогичном факте, потому что кабинет вряд ли что вообще знал о нем. Конвенция была ведь «техническая», ее подписывали начальники морских штабов, и существование ее тщательно скрывалось и от парламента и от кабинета. Поэтому Грей на заседании кабинета 1 августа не сказал ни слова о конвенции, мотивируя просьбу французов обменом писем Камбона — Грея. Однако и этот довод Грея встретил решительный отказ.

Положение Грея становилось невозможным: союзники требовали выполнения английских обязательств, но правительство отказывалось от них. Приходилось дезавуировать самого себя. Вечером Грей попробовал убедить Камбона в выгодах того предложения, которое он сделал Лихновскому.

---

[1] BD, XI, 424 (курсив мой. — *Н. П*); согласно Морлею („Memorandum of Resignation") вопрос о морской конвенции на заседаниях кабинета не обсуждался.

«После сегодняшнего заседания кабинета, — сообщал он об этом разговоре Берти, — я сказал Камбону, что настоящее положение совершенно отлично от того, которое было создано марокканскими инцидентами [!!]. Во время последних Германия предъявляла Франции требования, которые Франция не могла выполнить и в связи с которыми мы приняли особые обязательства по отношению к Франции. В них общественное мнение оправдало бы поддержку британским правительством Франции всеми силами. Ныне положение таково, что Германия соглашается не нападать на Францию, если Франция останется нейтральной в войне между Россией и Германией. Если Франция не может извлечь выгод из этого положения, то потому, что она связана союзом, участниками коего мы не являемся и условий коего не знаем. Это не значит, что мы ни в коем случае не захотим помочь Франции, это значит, что Франция должна принять в настоящий момент свое собственное решение, не рассчитывая на нашу помощь, которую ныне мы не в состоянии обещать»[1].

Коротко говоря, Грей указывал Камбону выход: по счету должна платить царская Россия. Но именно этот путь для Франции был неприемлем, ибо он положил бы конец «русско-французской дружбе» и облегчил бы выполнение Германией плана разгрома своих противников по частям; к тому же и пропадали безвозвратно деньги, затраченные на подготовку русского театра войны. Вполне естественно, что Камбон отказался говорить на эту тему.

«Господин Камбон сказал, — излагает далее свою беседу с Камбоном Грей, — что он не может передать этот ответ своему правительству и просил меня позволить ему сообщить, что британский кабинет еще не принял никакого решения. Я сказал, что мы пришли к решению: что мы не можем предложить парламенту в настоящий момент послать экспедиционный корпус на континент. Подобный шаг всегда считался здесь весьма опасным и сомнительным. Такой шаг мы не можем предложить, и парламент не разрешит его, пока наши интересы и обязательства не будут глубоко и безвыходно затронуты».

Этот интересный и поучительный разговор был вызван заявлением Камбона о том, что «французские берега не защищены. Германский флот может пройти через пролив в любой день и напасть на них». Камбон «сильно упирал на наше обязательство помочь Франции... Она сосредоточила свой флот в Средиземном море и оставила северные и западные берега неприкрытыми». На это Грей ответил, что немцы не решатся послать свой флот в подобную экспедицию из боязни, что английский флот отрежет германскому дорогу обратно.

---

[1] BD, XI, № 426, отправлена в 8 час. 20 м. пополудни. Напомним, что в январе 1906 г. Грей говорил Камбону совершенно обратное, советуя не связывать вопрос о поддержке Франции на континенте с англо-французской декларацией 1904 г. о Марокко.

«Что касается вопроса об обязательстве помочь Франции, — говорил далее Камбону Грей, — я указывал, что *у нас нет никаких обязательств* [!!]... Я не раз заверял парламент, что наши руки свободны... было бы совершенно неразумно говорить, что раз Франция имеет обязательства в силу союза, даже условий которого мы не знаем, мы поэтому обязаны наравне с ней, в силу обязательства по этому союзу, быть втянутыми в войну. Господин Камбон согласился, что нет обязательств такого сорта, но весьма энергично настаивал на обязательстве британских интересов. *Если мы не поможем Франции, Антанта исчезнет, и выпадет ли победа Германии или Франции и России — наше положение к концу войны будет весьма неприятным* (uncomfortable)»[1].

Грей согласился с вескостью этого довода, но сказал, что «это наше [Англии] дело обсуждать вопрос о том, чего требуют британские интересы, и говорить об этом в парламенте»[2].

Как мы видим, союзники говорили начистоту. В конце концов Грей обещал еще раз поставить вопрос о защите французских берегов на рассмотрение кабинета. Не стоит и говорить, насколько Камбон был взбешен бесстыдством Грея.

«Подумайте, что это значит, — говорил он уже после войны Стиду, — ваш кабинет повторно обсуждал европейский кризис. Мы рассчитывали на поддержку 3 или 4 министров [!]. Некоторые министры, но не все, были настроены под влиянием веских доводов из Сити в пользу британского нейтралитета[3]. Утром в субботу 1 августа было новое заседание кабинета, позже я видел Грея, который сказал мне, что правительство не в состоянии решиться на вмешательство в войну. Он говорил очень серьезно. Я ответил, что не могу и не хочу сообщить это своему правительству. «После всего того, что произошло между нашими странами, — воскликнул я, — после отвода наших войск на 10 километров от границы, так что германские патрули фактически беспрепятственно двигались по нашей территории, ибо нашей заботой было избежать всяких признаков провокации, после соглашения между нашими и вашими морскими властями, в силу которого все наши морские силы были сосредоточены на Средиземном море, чтобы освободить ваш флот для сосредоточения в Северном, в результате чего мы не сможем оказать никакого противодействия, если германский флот теперь продвинется по каналу и разрушит Калэ, Булонь и Шербург, после всего этого вы говорите, что ваше правительство не может решиться на вмешательство? Как я могу послать подобное сообщение? Оно наполнит Францию яростью и негодованием. Мой народ скажет, что *вы предали нас*. Это невозможно. Я не могу послать подоб-

---

[1] PD, XI, № 426, 447; приблизительно то же самое Грей повторил 1 августа и Бенкендорфу; МОЭИ, V, № 404 (курсив мой. — *Н. П.*).

[2] Ibidem.

[3] Если верить Морлею — подавляющее большинство.

ного сообщения. Правда, что соглашения между вашими и нашими морскими и военными властями не были ратифицированы нашими правительствами, но вы находитесь под моральным обязательством не оставлять нас без защиты»[1].

В разговоре с Джорджем Ллойдом, перед которым не приходилось стесняться, так как разговор был неофициальный, Камбон 1 августа выразился еще определеннее. Как сообщил в тот же день Джордж Ллойд Остину Чемберлену, Камбон «был очень возмущен бездеятельностью английского правительства. Он сказал: «Верно, что вы не обязались письменно ни одним словом и что вообще ничего не изложено письменно. Но разве общая разработка наших планов не связывает еще крепче? Наши генеральные штабы совещались вместе. Вы видели все наши планы и приготовления. Подумайте только! Весь наш флот находится в силу нашего обоюдного соглашения в Средиземном море, вследствие этого наши берега не защищены. Вы нас предали» (Vous nous avez livré). Камбон заявил далее, что, в случае, если бы Россия и Франция вышли победителями из конфликта, в то время как мы бы оставались в стороне, они нам никогда не простят этого. Он, правда, не говорил, что Франция когда-нибудь будет на враждебной нам стороне, но конечно хладнокровно будет смотреть, как Англия превратится в развалины. Если же, наоборот, Франция и Россия будут разбиты, то он полагает, что тогда для нас дела будут обстоять еще хуже. Затем он с озлоблением воскликнул: «Честь! Да знает ли Англия вообще, что такое честь?»[2].

В общем создавалась безвыходная ситуация, которую однако надо было разрешить во что бы то ни стало и возможно скорее, так как борьба за и против участия Англии в войне грозила переброситься из кабинета на страницы печати и охватить более широкие слои общества.

«Пацифистская партия с помощью германофилов, — сообщал 1 августа Бенкендорф Сазонову, — пытается свалить ответственность на Россию, указ которой о мобилизации предшествовал провозглашению «военной опасности» в Германии»[3].

Положение создалось такое, что Грей и Черчиль и стоявшие за ними бюрократы и военщина решили «взорвать кабинет» при помощи консерваторов, которые еще 30 июля неофициально обещали Черчилю поддержку политики Грея при условии нарушения Германией бельгийского нейтралитета.

«Хотя консервативная партия, — сообщал 1 августа Бенкендорф Сазонову, — во имя солидарности партий перед лицом внешнего кризиса не желает создавать оппозиции кабинету, намечается резко выраженное движение в пользу немедленного вмешательства Англии. Я узнал сегодня, что все лидеры

---

[1] *Steed*, II, p. 14 — 15; *Charles-Roux*, op. Cit., p. 49 — 55.
[2] „Chamberlains Memorandum" в KF, 19.0, February, S. 145.
[3] МОЭИ, V, № 393, 454.

партии держатся этого мнения, с тех пор как ясно обнаружилось, что кризис имеет европейский характер; даже те, кто считал до сего времени вопрос преимущественно сербским, со вчерашнего дня присоединились к этой точке зрения»[1].

Как мы знаем, Вильсон и Черчиль в борьбе против кабинета обратились за помощью к консерваторам. К несчастью 1 августа было субботой, и все лидеры консервативной партии разъехались проводить week-end в свои поместья. Но Вильсон и Черчиль при помощи некоторых депутатов-консерваторов организовали форменную облаву, для того чтобы доставить вождей консервативной партии в Лондон[2]: «Лорду Лэнсдоуну телеграфировали, прося прибыть в город [Лондон] из Боуда. Эмери уехал в Бродстарс за Остином Чемберленом, и около 10 час. вечера Джордж Ллойд прибыл в дом Вильсона изголодавшийся, но торжествующий — ему удалось привезти Бонар-Лоу из Уоргрэва. В 11 час. ночи Вильсон и Ллойд поспешили во дворец Лэнсдоуна, где нашли в сборе лорда Лэнсдоуна, герцога Девонширского, Бонар-Лоу и лорда Эдмунда Тальбота, и в результате часового разговора было условлено по телефону, что на следующий день должно произойти совещание с Асквитом».

В этом решении и выразился, собственно говоря, весь результат совещания ночью 1 августа. «Вильсон и Ллойд были подавлены исходом беседы с лидерами в Лэнсдоун-Хоузе, — сообщает об этом совещании Остин Чемберлен. — Все разошлись, не предприняв никакого шага»[3].

Но Грей, извещенный о подготовляющемся вмешательстве консерваторов, прервал переговоры с Лихновским[4].

На другой день, 2 августа, в 9 ч. 15 м. утра Остин Чемберлен явился в Лэнсдоун-Хоуз и в ожидании хозяина, не поднявшегося еще с кровати, набросал первый проект письма с обещанием поддержки консерваторов Асквиту. После разговора с Лэнсдоуном, сказавшим, что Асквит не решится прибегнуть к помощи консерваторов и предпочтет нейтралитет Англии в войне, Чемберлен предложил Лэнсдоуну не ожидать обращения Асквита за помощью, а самому направиться к нему на Доунинг-Стрит и сделать соответствующее заявление. В случае если бы правительство бесповоротно решилось уклониться от вмешательства, Чемберлен предложил вручить Асквиту от имени консерваторов ультиматум, содержание которого Вильсон накануне вечером продиктовал Джорджу Ллойду:

«Если выяснится, что правительство окончательно высказалось против немедленного объявления войны, необходимо требовать: 1) немедленного издания приказа о мобилизации; 2) что-

---

1 МОЭИ, V, № 401.
2 *Calwell*, I, p. 154.
3 „Chamberlains Memorandum" в KF, 1934, February, S. 146.
4 DD, № 603, 612, 630, 6 1; BD, vol. XI, № 453, 460.

бы правительство в течение 24 час. потребовало от Германии ясного заявления уважать при всяких обстоятельствах бельгийский (равно как и голландский) нейтралитет»[1].

К 10 час. утра Чемберлен и Лэнсдоун явились к Бонар-Лоу, и здесь после горячего спора, продолжавшегося около получаса, Бонар-Лоу одобрил предложение Чемберлена о посылке письма Асквиту с обещанием помощи консерваторов.

Отправленное немедленно и полученное Асквитом либо до заседания, либо в начале заседания кабинета письмо гласило:

«2 августа 1914 г. Многоуважаемый г. Асквит. Лорд Лэнсдоун и я считаем своим долгом уведомить вас, что по нашему мнению, равно как и мнению всех товарищей, с которыми мы имели возможность посоветоваться, было бы роковым, гибельным для чести и безопасности в настоящих условиях колебаться относительно поддержки Франции и России, и мы предлагаем безоговорочную поддержку оппозиции правительству во всех мероприятиях, которые будут сочтены необходимыми вследствие вмешательства Англии в войну»[2].

Тем временем в 8 час. утра во французском посольстве была получена телеграмма Вивиани о нарушении германскими войсками нейтралитета Люксембурга. Камбон сейчас же просил Грея по телефону принять его. Грей, избегавший разговора, назначил прием в 3 часа пополудни. Но Камбон не согласился на такую отсрочку и после настояний добился приема немедленно перед заседанием кабинета, которое должно было начаться в 11 час. утра (пополуночи). Он явился к Грею в Foreign Office с копией международного трактата, в котором Англия коллективно с другими державами гарантировала нейтралитет Люксембурга. Грей, позаботившийся просмотреть этот договор до прихода Камбона, ответил, что Англия обязалась защищать нейтралитет Люксембурга коллективно с другими державами-гарантами, и если одна из последних, хотя бы Германия, нарушила свое обязательство, то этот факт освобождает Англию от выполнения ее обязательства. «Разочарование для французов было жестоким».

Изложив свою точку зрения Камбону, Грей отправился на заседание кабинета, а Камбон остался в кабинете Артура Никольсона ожидать решения[3].

В 11 час. утра началось заседание кабинета. Грей снова доложил о вопросе Камбона и запросил кабинет, что он должен ответить.

«Грей признался, — находим мы в записях Морлея об этом заседании, — что мы не связаны такими же обязательствами чести с Францией, какими Франция связана с Россией. Он предлагал поддержать то, что сказал Камбон в своем письме в

---

[1] „Chamberlains Memorandum" в KF, 1930, February, S. 145—146.
[2] Ibid. S. 146—147.
[3] *Charles-Roux*, op. cit., p. 57—60.

1912 г., именно, что мы оставили за собой полную свободу решить, поможем ли мы Франции силой оружия. «Мы не обязались вмешательством, — все время указывал он, — в том возможном случае, который еще не имел места и возможно никогда не наступит. Над нами не висит обязательство какого-либо немедленного выступления, если на Францию не нападут в Канале или в Северном море. Вот и все обязательство чести, вытекающее из Антанты с Францией»[1].

Хотя Гаркорт еще до открытия заседания уверял Морлея, что, по его мнению, можно рассчитывать на 10—11 членов кабинета, высказывающихся против точки зрения Грея о том, что «мы [Англия] имеем как моральное обязательство чести, так и веские политические обязательства выступить на стороне Франции», тем не менее после весьма ожесточенной дискуссии Грея уполномочили дать Камбону, хотя и условно, заверение английского правительства о защите Франции с моря.

«Британский флот будет готов, — говорилось в этом заверении, — оказать всяческую возможную защиту, в случае если германский флот появится в Канале или Северном море с целью начать враждебные действия против французских берегов или судоходства. Это заверение конечно давалось под условием, что правительство его величества получит поддержку парламента, и не должно означать для правительства его величества никакого обязательства к действию, пока фактически не произойдет вышеупомянутый случай выступления германского флота»[2].

Как сообщает Морлей, «аргументы в пользу этого предостережения Германии шли по двум линиям: 1) оно являлось нашим, долгом Франции в результате Антанты, а также значения для нас Франции в Средиземном море; 2) мы не могли оставаться спокойными зрителями франко-германского конфликта в проливе, так сказать, у нашего крыльца»[3].

Этим весьма условным обещанием кабинет и ограничился, и по словам Вильсона, «совещание окончилось с совершенно неопределенными результатами». Мало того, «Бернс с удивительной энергией, силой и убедительностью» выступил даже против такого скромного уверения, заявляя, что оно «ни более ни менее как вызов Германии, равносильный объявлению ей войны. Он закончил отказом принять в нем участие», но Асквит уговорил его подождать с отставкой до вечернего заседания кабинета[4].

На этом же заседании Грей и Асквит подняли также вопрос о бельгийском нейтралитете. Грей просил разрешения сделать соответствующее предостережение Лихновскому в том случае, если Германия не согласится дать обязательство ненарушения

---

[1] *Morley*, op. cit., p. 10—12.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.
[4] *Calwell*, I, p. 155.

его, аналогичное уже данному Францией. Кабинет согласился, но в весьма неопределенных выражениях: «С нашими обязательствами на основе договора 1839 г. в общем, хотя и неопределенно, согласились, но на использование сухопутной армии не дали согласия, и, я думаю, о нем и не упоминалось»[1].

Как мы видим, Морлей и большинство кабинета собирались ограничиться лишь нотой протеста, о чем шла речь и на заседании 30 июля, но не делать из нарушения бельгийского нейтралитета предлога для войны.

«Против германской точки зрения на бельгийский нейтралитет, — продолжает далее Морлей, — можно было выступать двояко: один путь — сделать его тотчас же casus belli, другой — заявить весьма энергичный протест, как протестовало британское правительство в 1870 г., когда Россия отвергла статьи Парижского договора о Черном море, и далее вело дело при помощи дипломатических переговоров. В чем заключалась трудность второго пути? В нашей мнимой связанности с Францией и больше ни в чем. Опрометчивую и упрямую вспышку по поводу Бельгии следует приписать в меньшей степени возмущению нарушением договора, чем весьма естественному чувству, что создается хороший довод для вмешательства в пользу Франции, посылки экспедиционного корпуса и пр. *Бельгия должна была занять место, которое в качестве повода для войны ранее занимали Марокко и Агадир*»[2].

После заседания кабинета, окончившегося в 2 часа пополудни, фракция «пацифистов» собралась на завтрак у Бьючампа — всего 8—9 человек, считая в том числе Ллойд-Джорджа, но без Джона Бернса; по словам Морлея, «все были согласны с тем, что мы не должны были одобрять предложенного Греем заявления Камбону»... Морлей считает, что если бы ему или кому-либо другому удалось разъяснить кабинету, что «сложный и запутанный аргумент обязательства перед Францией и перед Бельгией закончится посылкой экспедиционного корпуса и активным участием в большой и затяжной европейской войне, то кабинет без сомнения погиб бы в тот же вечер с Ллойд-Джорджем и Саймоном во главе сторонников раскола кабинета. Распадение кабинета в тот вечер обозначилось совершенно явственно». Морлей сообщил, что если кабинет решится втянуть Англию в войну, то он уйдет в отставку, что вызвало громкие протесты. «Ллойд-Джордж и Саймон твердо решились, как и с самого начала, бороться всеми средствами против того, чтобы из Антанты были сделаны воинственные выводы»[3].

«Из достоверного источника мне известно, — сообщал 2 августа Бенкендорф Сазонову, — что в кабинете за вмешательство, хотя бы и прямое, стоят министры: Асквит, Грей, Холден, Чер-

---

[1] *Morley*, op. cit. p. 13.
[2] Ibid., p. 14 Курсив мой — *Н. П.*
[3] Ibid., p. 15—17.

чиль, Крью и Мак-Кенна и в смысле пока менее определенном — Ллойд-Джордж. Это настроение не разделяется Гаркортом и Бернсом... Вся партия унионистов [т. е. консерваторов] будет, как один человек, голосовать за активную политику; разделение голосов в либеральной партии точно не известно... Все зависит от вотума парламента»[1].

После заседания кабинета около 3—4 час. пополудни Грей имел новую беседу с Камбоном. «Я думаю, — сообщает об этом разговоре Вильсон, — что французам послана нота о том, что, хотя мы и не намереваемся принять участия в войне, мы не позволим немцам пройти к французским берегам. *Да слыханное ли это дело? Есть ли разница между французским берегом и* границей?»[2].

Морлей и Асквит[3] подтверждают, что в результате утреннего заседания было дано обязательство весьма узкого и условного характера. Не о таком заверении мечтал Камбон, требовавший посылки экспедиционной армии на континент. Он снова напомнил Грею о нарушении нейтралитета Люксембурга, но Грей повторил ответ, данный им утром: гарантия люксембургского нейтралитета дана коллективно, и Англия не обязана выступить единолично. Тогда Камбон «спросил меня [Грея], что мы скажем о нарушении бельгийского нейтралитета».

«Я сказал, — продолжает Грей, — что это более важный вопрос; мы рассматриваем, какое заявление мы сделаем в парламенте завтра с целью [выяснить], должны ли мы объявить нарушение бельгийского нейтралитета casus belli. Я также объяснил, в какой степени немыслимо отправить без опасений нашу армию из страны в начале такой великой катастрофы, как эта европейская война, последствий которой никто не может предвидеть, когда даже не подверглись испытанию условия войны на море и возможность защиты наших берегов при этих условиях и когда мы имеем такую огромную ответственность перед империей за Индию или за другие страны, нами оккупированные, как Египет».

Камбон мог только язвительно спросить: «Не означает ли это, что мы никогда не отправим нашей армии [на континент]?»[4].

Насколько был взбешен вероломством «коварного Альбиона» сам Камбон, можно судить по его беседе со Стидом, явившимся с визитом во французское посольство в середине дня 2 августа.

«Подобно графу Бенкендорфу, — передает слова Камбона Стид, — он ничего не знал о намерениях Англии. Когда я заговорил с ним о нарушении люксембургского нейтралитета,

---

[1] МОЭИ, V, № 456.
[2] *Calwell*, I, p. 155 (курсив мой. — *Н. П.*).
[3] Дневник Асквита в „Daily Telegraph" 30 апреля 1928 г.
[4] BD, XI, № 487, 566.

о чем было опубликовано утром, он указал на копию люксембургского трактата... и горестно воскликнул: «Здесь стоит подпись Англии. Я спросил Грея, намерена ли Англия уважать ее?

— Что ж он ответил?

— Ничего! Ничего! Я не знаю даже, не будет ли сегодня вечером слово честь вычеркнуто из английского словаря!»[1].

С этой версией совпадают и записи Берти[2].

Но после утреннего заседания кабинета произошли события, которые были подготовлены накануне. Между 2—3 час. пополудни Бонар-Лоу и Бальфур посетили Асквита и, подтвердив ему обещание поддержки, изложенное в письме, по всей вероятности поговорили с ним в духе требований Вильсона. Выступление консерваторов спасло положение. Отныне Асквит мог диктовать свои условия пацифистам и чувствовать себя хозяином положения, так как *в случае раскола кабинета он мог обойтись без пацифистов и создать коалиционное либерально-консервативное правительство «национальной обороны»*. Насколько Асквит с этого момента чувствовал себя хозяином, показывает следующий любопытный штрих: Черчиль, ушедший обедать в адмиралтейство, получил телеграмму об объявлении Германией войны царской России. Еще 1 августа он требовал у кабинета согласия на призыв резервистов флота, но кабинет решительно отказался. Получив известие об объявлении войны, он поспешил к Асквиту, у которого застал Грея и Крью.

«Я сказал, — записывает он в своем дневнике, — что, несмотря на решение кабинета, намерен немедленно мобилизовать флот и завтра утром приму на себя полную ответственность перед кабинетом. Премьер-министр, чувствовавший себя связанным кабинетом, не сказал ни одного слова, но по его взгляду я видел, что он абсолютно доволен... Я вернулся в адмиралтейство и отдал приказ о мобилизации. Мы не имели законных полномочий на призыв резервистов, так как ввиду решения кабинета его величеству не было представлено никакого указа, но мы были уверены, что моряки без расспросов выполнят приказ»[3].

Действительно, утром 3 августа кабинет утвердил приказ Черчиля, а королевский приказ был выпущен несколько часов спустя.

Вечером 2 августа Асквит имел неофициальную беседу с Камбоном и дал ему заверения более положительного характера. Хотя об этой беседе нет никакого упоминания в XI томе «Британских документов», но о ней рассказывает сам Камбон: «Я видел Грея вечером [1 августа], еще раз утром [2 августа], но не раньше вечера в воскресенье 2 августа Асквит уведомил меня о предстоящей британской мобилизации, и мне было дано

---

[1] *Steed*, II, op. cit., p. 14—15; *Charles-Roux*, op. cit., p. 46: „J'attends de savoir si le mot l'honneur doit être rayé du vocabulaire anglais".

[2] *Берти*, цит. соч., стр. 21.

[3] *Churchill*, op. cit., p. 217.

заверение, что британский флот защитит наши незащищенные берега»[1].

В 6 ч. 30 м. пополудни 2 августа началось новое заседание кабинета. Грей доложил о своих переговорах с Камбоном. Бернс заявил о своей отставке, и заседание окончилось под знаком раскола.

Ночь со 2 на 3 августа прошла, насколько можно судить, в частных переговорах Асквита с пацифистами. Им дали понять, что если либеральный кабинет распадется, то будет сформировано коалиционное правительство и что без них могут обойтись, так как благодаря поддержке консерваторов большинство в парламенте в пользу войны обеспечено. Над этим стоило призадуматься, тем более что «либеральная партия была уже расколота и на приближавшихся выборах не могла добиться победы»[2]. «Раскол правительства и партии вполне могли заставить любого поразмыслить совершенно независимо от демагогических расчетов»[3].

Рано утром 3 августа пришло известие о германском ультиматуме Бельгии. В связи с этим Бонар-Лоу и лорд Лэнсдоун еще раз посетили Асквита и обещали ему полную поддержку консерваторов. Почти одновременно Асквит получил от Морлея, Саймона и Бючампа письма об их уходе из кабинета вслед за Бернсом. Утром в королевском дворце состоялось заседание государственного совета, после которого тотчас же началось заседание кабинета. И тут неожиданно выяснилось, что Ллойд-Джордж и Ренсимен под влиянием известий о германском ультиматуме Бельгии «убедились» в необходимости войны.

Открывая заседание кабинета, Асквит выступил с многозначительным предупреждением.

«Я должен сообщить кабинету,— говорил он,— что сегодня утром получил заявления об отставке от четырех членов кабинета. Заявление Бернса вы слышали вчера вечером. Сегодня я получил заявление от нашего «старшего»[4]. Кроме них обоих нам грозит потеря Саймона и Бючампа. Как я слышал, *еще многие члены кабинета, быть может, большинство, разделяют их взгляды,* хотя в настоящую минуту они не пошли по их пути. Затем мне сообщено, что *большинство нашей партии в Палате общин довольно сильно склоняется к этой точке зрения.* Если бы положение, в котором находится страна, было нормально, мой курс был бы совершенно ясен. Я должен был бы отправиться тотчас же к королю и попросить его поискать других министров. Но положение страны весьма далеко от нормального, и я не могу убедить себя в том, что другая партия[5] руководится или обладает людьми, которые были бы способны спра-

---

1 *Steed*, v. II, p. 15—16.
2 *Morley*, op. cit., p. 20—21.
3 Ibidem.
4 Лорд Морлей — старший министр и заместитель Асквита.
5 Речь идет о министрах-пацифистах.

виться с настоящим положением. Отсюда недалеко до мысли о коалиции. Но коалиции в нашей истории вряд ли хоть раз вышли удачными. Я не могу питать надежд в этом направлении. Вы или мы могли бы образовать частичную коалицию. Во всяком случае мой долг ясно показать кабинету мое (или общее) положение»[1].

Коротко говоря, Асквит, заявивший в начале своей речи, что с Греем он ни за что не расстанется[2], угрожал пацифистам удалением из кабинета и заменой их консерваторами под его же председательством. Асквит как бы говорил: «Вы не хотите войны и уходите в отставку, чтобы не допустить ее. Вы уйдете в отставку, но война будет». Бернс и Морлей не пошли на попятный, остальные предпочли покориться. Окончательно решило колебания одобрение, выраженное в тот же день Палатой общин Грею.

После заседания кабинета, между 2—3 час. пополудни, Грей имел беседу с Лихновским, просившим его не требовать от Германии соблюдения бельгийского нейтралитета. Грей отказался. Асквит еще во время заседания кабинета послал приказ о мобилизации, попавший в 1 ч. 9 м. пополудни Вильсону[3].

Парламенту Грей сказал немного, даже чересчур немного. Весь смысл его речи сводился к тому: у нас нет и не было до 2 августа никаких обязательств перед Францией. Мы свободны и парламент свободен в выборе своего решения. Переговоры военных и морских экспертов не связывают оба правительства. Затем Грей прочел свое письмо Камбону от 22 ноября 1912 г., *но опустил последний абзац о «военной кооперации» обеих держав в случае войны* и, указав на концентрацию французского флота в Средиземном море, изложил весьма условную гарантию о защите северного побережья Франции, данную накануне Камбону. Затем он напомнил о гарантии Англией бельгийского нейтралитета, прочел обращение короля Альберта к английскому королю с просьбой о дипломатическом вмешательстве ради «сохранения целости Бельгии». При этом он подчеркнул, что соблюдение Англией обязательств чести по бельгийскому договору не только сохранит доброе имя Англии, но и принесет немалые выгоды, и закончил речь оглашением тут же на трибуне полученного им текста германского ультиматума Бельгии. Это было все, что он сообщил парламенту, получившему «Синюю книгу» 1914 г. только 6 августа, т. е. после вступления Англии в войну.

Палата общин, преимущественно скамьи консерваторов, отве-

---

[1] *Morley*, op. cit., p.24—25. Курсив мой. — *Н. П.*

[2] *Morley*, op. cit., p. 26—27; об ожидании утром 3 августа министерского кризиса и возможности образования коалиционного правительства, в котором Грей сохранит портфель министра иностранных дел, говорит и Бенкендорф; МОЭИ, V, № 486.

[3] *Callwell*, I, p. 155—156; МОЭИ, V, № 540.

тила на речь Грея бурными аплодисментами. Но никакого голосования в этот день не было, и Грей не сказал ни слова о дальнейших намерениях правительства. Будущее было оставлено открытым[1].

Аплодисменты консерваторов, сдержавших обещание, спасли правительство Асквита от раскола, и партия пафицистов забила отбой. Вечером Саймон и Бючамп взяли назад свои заявления об отставке. Морлей и Бернс оказались непримиримыми. В Foreign Office позиция парламента была воспринята с чувством неслыханного облегчения[2].

Вечером Грей отправил ультиматум Германии, хотя о намерении предпринять этот шаг он не проронил ни слова в парламенте. Но на посылку экспедиционного корпуса правительство еще не смело решиться, и 4 августа Вильсон нажимал на «лорда Мильнера, Берда, Лео Максе, Эмери, лорда Ловата и прочих видных (prominent) консерваторов с целью побудить воздействовать всей силой консервативного мнения на правительство, чтобы обеспечить немедленное использование экспедиционной армии»[3].

Насколько трудны были эти хлопоты, показывает любопытное признание, сообщенное биографом Вильсона генералом Кальвеллем:

«Видимо, в этот день один из его [Вильсона] друзей застал директора военных операций в здании адмиралтейства в слезах от задержки решения использовать эту армию»[4].

4 августа было получено долгожданное известие о том, что германские войска вторглись на территорию Бельгии у Геммениха. В 2 часа пополудни Грей отправил Гошену в Берлин телеграмму с требованием к германскому правительству к 12 час. пополудни 4 августа по германскому времени (11 час. по лондонскому) дать ясный ответ: намерена ли Германия уважать бельгийский нейтралитет. В случае неудовлетворительного ответа Гошен должен был потребовать паспорта и «сказать, что правительство его величества считает себя вынужденным предпринять все, что в его силах, для сохранения нейтралитета Бельгии и соблюдения договора, в котором Германия является такой же участницей, как и мы»[5].

В Foreign Office впрочем не ждали удовлетворительного ответа[6] и позаботились заранее изготовить текст декларации

---

1 МОЭИ, V, № 487, 534.

2 *Steed*, v. II, p. 27.

3 *Calwell*, I, p. 155.

4 *Calwell*, I, p.155-156. „Задержка и колебания Грея в отдаче приказов грешны",— записывал набожный Вильсон в своем дневнике; там же, *Charles-Roux*, p. 69—71. Против посылки экспедиционного корпуса высказался на военном совете 5 августа, т. е. уже после объявления войны, главнокомандующий сэр Джон Френч— см. *Ллойд-Джордж*, цит. соч., стр. 81—82.

5 BD, XI, № 594.

6 *H. Nicolson*, Lord Carnock, 1930, p. 423—426; изложение событий вечером 4 августа дано по этому источнику.

с объявлением войны для вручения Лихновскому. В этот день в Foreign Office царила такая напряженная атмосфера, что даже ближайшие помощники Грея не могли продолжать обычной работы и занялись штамповкой «предупредительных телеграмм», которые после объявления войны надлежало разослать английским консулам по всем уголкам земного шара.

Вечером в 9 ч. 40 м. в комнату, где происходила эта работа, ворвался один из «частных секретарей» и сообщил, что Германия объявила войну Англии. Пришлось спешно исправить и перепечатать на машинке ноту, приготовленную для вручения Лихновскому. Исправленный текст начинался следующими словами: «Так как Германская империя объявила войну Великобритании, я имею честь... и т. д.». К ноте были приложены паспорта чинов германского посольства, и один из чиновников Foreign Office отправился с ними к Лихновскому.

Он вернулся в 10 ч. 15 м. пополудни, выполнив поручение, а несколько минут спустя от Гошена была получена незашифрованная телеграмма, сообщавшая, что Бетман-Гольвег сказал ему по телефону, что ответа на английский ультиматум не будет. В Foreign Office это сообщение произвело полный переполох. После расследования выяснилось, что известие об объявлении Германией войны Англии основано на недоразумении. Тогда Foreign Office «с острым ужасом» осознал, что он вручил князю Лихновскому неправильное объявление войны. «Было решено, что этот документ должен быть возвращен обратно любой ценой и заменен правильным. Было решено, что самый младший сотрудник [министерства] должен быть избран для этого гнусного поручения».

Выбор пал на младшего сына сэра Артура Никольсона, Гарольда.

Гарольд Никольсон с большим трудом добрался до Лихновского, который улегся спать, распорядившись, чтобы его ни в коем случае не будили. Он заявил Лихновскому, что в присланный ранее документ вкралась маленькая ошибка и что он пришел заменить его другим, более правильным. Лихновский молча указал на стол, где лежал полуоткрытый пакет с выглядывавшими оттуда паспортами. Он не читал ноты: увидев паспорта, он догадался о содержании ноты и в отчаянии бросил пакет на стол. Никольсон заменил документ и, получив расписку, удалился.

Германский ультиматум Бельгии спас лицо Грея в последнюю минуту. Мы можем задаться несколько академическим и, казалось бы, странным вопросом: что было бы, если бы немцы предъявили свой ультиматум на сутки позже? Или декларация Грея в парламенте состоялась бы на день раньше? Нам кажется, что «совесть Англии» — так характеризовал в свое время Грея Черчиль — пережила бы немало неприятных минут. 3 августа вечером Грей плакал перед одним иностранным дипломатом, возмущаясь мыслью, что все его миротворческие усилия

были грубо попраны Германией и он не в состоянии предупредить войны. Мы думаем, что «совесть Англии» скорее плакала от облегчения, от сознания мысли, что вся ее «миротворческая» деятельность не пропала даром.

Бельгийский вопрос формально явился тем предлогом, который был использован перед общественным мнением Англии в качестве casus belli. Англия выступила в защиту «святости и нерушимости международных договоров» и основных принципов международного права и т. д. Предлог был использован весьма умело, хотя даже как юридический титул на право интервенции он не имел никакой цены.

Точка зрения Морлея, что нарушение нейтралитета Бельгии не повлечет со стороны Англии обязательство вступить в войну, была далеко не нова и не неожиданна для английских государственных деятелей и юристов-международников. В 1855 г. ее высказывал лорд Пальмерстон, перед войной ее выразил Фредерик Смит (лорд Биркенхед). Юридическое обоснование ей дал лорд Лореберн, лорд-канцлер в кабинете Асквита в 1906—1912 гг.[1]. Коротко говоря, она сводится к следующему.

Вечный нейтралитет Бельгии был установлен ст. 7 и 25 договора об учреждении Бельгийского королевства, заключенного в Лондоне 3/15 ноября 1831 г. и подписанного Россией, Австрией, Великобританией, Пруссией и Францией.

Эти статьи гласят:

Ст. 7: «Бельгия будет составлять... независимое и вечно нейтральное государство. Она обязывается соблюдать такой же нейтралитет в отношении всех других государств».

Ст. 25: «Дворы российский, австрийский, французский, великобританский и прусский обеспечивают его величеству королю бельгийскому исполнение всех предшествующих статей» (гарантия).

Договор 1831 г. не был принят Голландией, от которой отколоились в 1830 г. бельгийские провинции. После 8 лет переговоров под давлением держав-гарантов Голландия и Бельгия подписали 19 апреля 1839 г. договор о признании друг друга и мире, включавший в себя первые 24 статьи договора 3/15 ноября 1831 г. Статья 7 договора от 19 апреля 1839 г. в точности воспроизводила ст. 7 договора 3/15 ноября 1831 г.; ст. 25 о гарантии вечного нейтралитета в договор не вошла. Державы-гаранты подписали 7/19 апреля в Лондоне особый протокол по бельгийскому вопросу, состоявший из 2 статей:

«ст. 1. Е. в. император всероссийский, е. в. император австрийский, король французов, е. в. королева Великобритании и е. в. король прусский объявляют, что приложенные к сему статьи, составляющие содержание заключенного сего числа трактата между е. в. королем бельгийцев и е. в. королем нидерландским, почитаются имеющими такую же силу и действие, как если бы они были

[1] *Loreburn*, How the war came. L. 1919.

буквально включены в настоящий акт, и что они тем самым признаются обеспеченным поручительством их величеств».

«ст. 2. Трактат 15 ноября 1831 г..... объявляется не имеющим никакой обязательной силы для высоких договаривающихся сторон».

Отсюда Лореберн выводит следующую юридическую конструкцию: 1) ст. 7 договора 1831 г. дает вечный нейтралитет, 2) ст. 25 договора 1831 г. — гарантии этой статьи, 3) договор 1831 г. протоколом 19 апреля 1839 г. аннулирован, и действует лишь бельгийско-голландский двусторонний договор 19 апреля 1839 г., содержащий лишь обязательства Бельгии перед Голландией и Голландии перед Бельгией, 4) в частности вторая фраза ст. 7 этого договора — «она [Бельгия] обязывается соблюдать такой же [вечный] нейтралитет в отношении других государств» — является обязательством Бельгии, данным лишь Голландии, но не остальным государствам, 5) поэтому протокол пяти держав-гарантов от 19 апреля 1839 г., инкорпорировавший бельгийско-голландский договор от того же числа, содержит только гарантию пяти держав, данную Голландии, что договор, заключенный Голландией с Бельгией, будет уважаться, и в частности та статья этого договора, которая постановляет, что Бельгия образует независимое и вечно нейтральное государство и что она обязуется соблюдать такой же нейтралитет по отношению к другим государствам. Поэтому, по мнению Лореберна, не существует никакой гарантии, которой обязалась бы Англия по отношению к самой Бельгии.

Юридическая ситуация такова: 1) Англия не обязалась никакой особой гарантией, кроме той, которой обязались Австрия, Франция, Россия и Пруссия; 2) эта гарантия не касается определенно бельгийского нейтралитета; 3) эта гарантия дана не Бельгии, а Голландии.

Эта юридическая конструкция бельгийского нейтралитета, дававшая английскому правительству выход из затруднительного положения, если бы оно нуждалось в предлоге, для того чтобы не воевать, не является досужим измышлением юриста. В самой Англии правительство отлично учитывало шаткость и неопределенность гарантии по договору 1839 г. Только этим можно объяснить тот факт, что в 1870 г., с началом франко-прусской войны, Англия обратилась к обеим сторонам с предложением заключить дополнительную конвенцию с каждой из них об ограждении неприкосновенности и независимости Бельгии. Важнейшая часть этих конвенций сформулирована следующим образом:

«...Ее величество королева Великобритании объявляет, что, если во время настоящей войны французские (или прусские) армии нарушат нейтралитет бельгийской территории, она [королева Англии] готова сотрудничать с королем Пруссии (или императором Франции) для защиты этого нейтралитета путем, который будет обсужден совместно, употребив для этой цели

свои военные и морские силы, дабы обеспечить и поддержать по соглашению с его величеством... теперь или позже независимость и нейтралитет Бельгии».

Здесь обязательство выражено очень четко и не дает места для двусмысленных толкований, но этот договор был заключен лишь во время франко-прусской войны и терял свою силу спустя 12 месяцев после ратификации будущего мирного договора между Францией и Пруссией. После этого срока вступал в силу договор 19 апреля 1839 г.

Выход для Грея следовательно с юридической точки зрения был, и он мог его использовать к своей вящшей выгоде.

Мало того. Он мог использовать его даже без всякой «потери чести» перед Бельгией, так как договор 19 апреля 1839 г. (и на это обстоятельство, кажется, историки и юристы-международники не обратили до сих пор никакого внимания) именно для Англии был совершенно не обязателен. Согласно английскому конституционному праву, все международные договоры, заключенные «правительством его величества», имеют силу лишь после ратификации их парламентом. Сам Грей неоднократно подчеркивал Камбону важность этой стороны вопроса. Между тем договор 19 апреля 1839 г. никогда не был представлен на обсуждение английского парламента и следовательно не подвергся ратификации. В смысле обязательства он был для Англии настоящим «клочком бумаги», технической конвенцией, менее обязательной, чем та же англо-французская морская конвенция 1912 г., от обязательств по которой для Англии Грей 2 августа самым недвусмысленным образом отрекся.

*

6 апреля 1915 г. Бенкендорф доносил Сазонову:

«Грея почти никогда не покидает до известной степени обоснованное сознание того, что в момент колебания английского общественного мнения и всех министров главным образом Грей вовлек Англию в войну»[1].

Вильсон записывал в своем дневнике: «4 декабря 1914 г. Обедал у короля. Были также принц Уэльский и Стамфордгам [лорд Стамфордгам — секретарь короля]. Немного говорил с королем, дольше с Стамфордгамом, который между прочим сказал, что я больше, чем кто бы то ни было другой, несу ответственность за то, что Англия приняла участие в войне. Я думаю, что это верно»[2].

Так оценивали свои заслуги в развязывании войны некоторые английские организаторы ее. Это не совсем точно. Было бы ошибочно думать, что Грей, Вильсон и их партнеры были какими-то злобными гениями, втянувшими Англию в войну в порядке «дьявольского заговора». Нет, они были всего-навсего опыт-

---

[1] МОЭИ, VII, ч. 2, № 492.
[2] *Calwell*, I, p. 189.

ными и искусными агентами своего класса и выполнили доверенную последним политическую задачу, опираясь на помощь этого класса в целом и в особенности на помощь и содействие руководящих прослоек английского империализма. Финансовый капитал, тяжелая промышленность и сросшаяся с ними земельная аристократия — реальные хозяева Англии, они организовали империалистическую войну и втянули в нее обманутые при помощи пацифистов и реформистов широкие массы трудящихся.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александр Баттенберг, германский принц, после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. князь независимого болгарского княжества в течение 1879—1886 гг.—615.

Александр Карагеоргиевич, с 1909 г. сербский престолонаследник, с 1921 г. король Сербии и Югославии. Убит в Марселе в 1934 г. хорватскими террористами-фашистами.—279, 290—291, 302, 305, 307—309, 347.

Александр Обренович — см. Обреновичи.

Алексеев Михаил Васильевич, царский генерал, накануне войны 1914 г. начальник штаба Киевского военного округа, начальник штаба верховного главнокомандующего царскими армиями в 1915—1917 гг., после Октября один из организаторов белогвардейской Добровольческой армии, умер в 1918 г.—253, 263.

Альберт бельгийский, король Бельгии в 1909—1934 гг.—691.

Альфонс XIII, король Испании в 1886—1931 гг.—251.

Аллар Поль (Allard), французский историк—110.

Андраши-фон, Юлий (Andrássy), государственный деятель Австро-Венгрии, министр иностранных дел в 1871—1879 гг.,—331.

Анжеран Фернанд (Engerand), французский публицист, депутат парламента, один из идеологов политики французского империализма.—41, 48.

Артамонов Василий Алексеевич, полковник царской армии, царский военный агент в Сербии в 1909—1917 гг.—285, 385.

Асквит Герберт (Asquith), впоследствии лорд Оксфорд и Асквит, английский политический деятель, лидер либеральной партии, английский премьер-министр в 1908—1916 гг.—60, 64—65, 67, 70—71, 147—148, 185, 212, 216—217, 230, 232, 234—235, 237, 241—242, 246, 608—609, 659—660, 665, 672, 675—676, 684—692, 694.

Армстронг, крупнейший английский судостроительный и оружейный трест—664.

Базили Николай Александрович, царский дипломат, вице-директор канцелярии царского министерства иностранных дел в 1912—1916 гг.—107, 440.

Баллин Альберт (Ballin), директор германской пароходной компании «Гамбург-Америка», был близок германским придворным кругам, один из идеологов политики германского империализма.—548—549.

Бальфур Артур Джемс (Balfour), английский политический деятель, один из лидеров консервативной партии, премьер-министр в 1902—1905 гг.—58, 63, 189, 197, 212, 689.

Банзе Эвальд (Banse), германский профессор, идеолог реваншистской войны за новый передел мира.—124.

Барк Петр Львович, деятель царизма, товарищ министра торговли и промышленности в 1911—1914 гг., царский министр финансов в 1914—1917 гг.—409.

Барнардистон Натаниель-Вальтер (Barnardiston), английский полковник, военный атташе при английском посольстве в Бельгии и Голландии в 1902—1906 гг.—205—208.

Баррер Камилл (Barrère), французский дипломат, французский посол в Италии в 1897—1924 гг.—179—180, 470.

Барсуков, автор книги «Подготовка России к мировой войне в артиллерийском отношении».—271—273.

Бастаич Павло (Bastaič), деятель сербского омладинского движения, участник сараевского покушения 28 июня 1914 г.—281.

Баттенберг Луи (Battenberg), принц, английский адмирал, «первый морской лорд» в 1912—1914 гг.—615, 644, 650—651.
Белов-фон, Клаус (Below), германский дипломат, германский посланник в Бельгии в 1914 г.—659.
Бенке Пауль (Behnke), капитан германского флота, один из крупных работников германского морского генерального штаба в 1914 г.—515—516.
Бенкендорф Александр Константинович, граф, царский дипломат, посол в Англии в 1902—1917 гг.—35—36, 109, 237, 259—260, 263, 355, 387, 392—393, 401, 421—423, 429, 447, 609—612, 625—628, 630, 638, 646—648, 652—653, 656—658, 667, 668—669, 671, 674, 682—683, 687—688, 691, 696.
Берд Джон (Baird), английский политический деятель, член консервативной партии, член парламента в 1914 г.—672, 692.
Бересфорд Чарльз (Beresford), английский адмирал, политический деятель консервативного толка, писатель по военным вопросам.—676.
Бернгарди Фридрих (Bernhardi), германский генерал, идеолог воинствующего германского милитаризма, писатель по военным и политическим вопросам. Накануне мировой войны выпустил книгу «Германия и ближайшая война», излагавшую программу экспансии германского империализма.—29, 122.
Бернс Джон (Burns), английский политический деятель, член либеральной партии, министр по делам местного самоуправления в либеральных кабинетах Кемпбелла-Баннермана *(см.)* и Асквита *(см.)* в 1905—1914 гг.,—министр торговли в 1914 г.—659, 686—688, 690—692.
Бертело Филипп (Berthelot), французский дипломат, директор канцелярии французского министерства иностранных дел перед мировой войной 1914—1918 гг.—453, 456, 472.
Берти Френсис (Bertie), лорд, английский дипломат в 1900—1903 гг., помощник статс-секретаря по иностранным делам, в 1905—1918 гг. английский посол во Франции—46, 56, 66, 74, 104, 108, 139, 186, 194—196, 199—202, 223, 229—230, 240, 251, 254, 453—454, 456, 458, 461, 478—482, 634, 662, 667—668, 678, 681, 689.
Бертраб (Bertrab), германский генерал, оберквартирмейстер германского Большого генерального штаба накануне мировой войны 1914 г.—512—513, 515.
Берхтольд Леопольд (Berchtold), граф, дипломат и государственный деятель Австро-Венгрии, в 1906—1911 гг. австро-венгерский посол в царской России, в 1912—1915 гг. министр двора и иностранных дел.— 19, 166, 289—290, 292—294, 304, 314, 317—322, 324—326, 328—337, 339—353, 355, 357—365, 367—371, 373—375, 377—379, 389, 403, 405, 414, 430, 436, 456, 472, 490—493, 495—497, 505, 507, 509—510, 518—527, 529—530, 537, 539, 541, 544—545, 552, 554, 557, 560—562, 565, 572—574, 577—579, 585, 589—590, 592—593, 623—624, 626—627, 630, 633, 640, 666.
Бетман-Гольвег Теобальд (Bethman-Hollweg), германский государственный деятель, имперский канцлер в 1909—1917 гг.—19, 70, 72, 133, 135, 145, 169, 328—330, 370, 373—375, 377, 438, 464, 468, 476, 479, 489, 492—494, 496, 512, 517—518, 521, 530, 532—537, 542—543, 546, 548—552, 554—557, 560, 562, 564—569, 571—583, 585—586, 589—593, 595, 597, 600—601, 620, 650, 669—670, 693.
Билинский Леон (Bilinski), государственный деятель Австро-Венгрии, министр финансов и министр по делам Боснии-Герцеговины в 1911—1915 гг.—284, 330—331, 334, 355, 384.
Бинерт Карл (Bienerth), барон, австро-венгерский военный атташе в Германии накануне мировой войны 1914—1918 гг.—592.
Биррель Августин (Birrel), английский государственный деятель, министр по делам Ирландии в кабинете Асквита *(см.)* в 1908—1915 гг.—659.
Бисмарк Отто (Bismark 1815—1898), князь, германский государственный деятель, создатель Германской империи и ее первый канцлер в 1871—1890 гг.—38—39, 42, 67, 128—130, 144.
Биттнер Людвиг (Bittner), австрийский историк, редактировал собрание дипломатических документов австро-венгерского министерства иностранных дел.—350.
Бобринский Владимир Алексеевич, граф, монархист и деятель царского режима

член Государственной думы от крайних правых, один из лидеров «панславистского» движения, видный черносотенец и руссификатор.—114.
Бонар-Лоу Эндрью (Bonar-Law) английский политический деятель, с 1911 г. лидер консервативной партии.—212, 259, 672, 676, 684—685, 689—690.
Богичевич Милош (Bogicevič), сербский дипломат, сербский поверенный в делах в Германии в 1906—1914 гг.—289, 491.
Бопп Жюль (Bopre), французский дипломат, поверенный в делах в Турции, накануне войны — французский посланник в Сербии.— 307.
Бошкович М. (Boschkovitch), сербский дипломат, в 1908—1913 гг. посланник в Греции, накануне войны — сербский посланник в Англии. — 289, 293, 615.
Бланки Луи-Огюст (1805—1881), знаменитый французский революционер и коммунист.—277.
Бракк Александр (Bracke), псевдоним французского политического деятеля Александра Деруссо (Desrousseaux), видный член французской социалистической партии правого крыла.—471.
Братиану Ионель (Bratianu), румынский государственный деятель, лидер национально-либеральной партии, в 1909—1911 гг. председатель совета министров, в 1914—1918 гг. председатель совета министров и военный министр.—354, 385.
Бриан Аристид (Briand), французский государственный деятель, занимал ряд министерских постов в 1906—1913 гг., премьер-министр в 1909 и 1913 гг.—26, 95.
Бридж Джордж (Bridge), майор английской армии, английский военный агент в Бельгии в 1912—1913 гг.—207.
Бриджмен Френсис (Bridgeman), сэр, английский адмирал, «первый лорд адмиралтейства» в 1911—1912 гг.—147.
Броневский Аркадий Николаевич, царский дипломат, советник царского посольства в Германии в 1912—1914 гг., исполнявший обязанности поверенного в делах.—431, 539.
Буадеффр Рауль (Boisdeffre), французский генерал, в 1890—1894 гг. помощник начальника генерального штаба, затем начальник генерального штаба.—173.
Бунзен-де, Морис (De-Bunsen), английский дипломат, в 1906—1913 гг. посланник в Испании, в 1913—1914 гг. посол в Австро-Венгрии.—286, 298—299, 346, 355, 370, 388, 392—393, 402, 613, 616—617, 624, 628—629, 631.
Буржуа Эмиль (Bourgeois), французский историк.—180, 393.
Буржуа Леон (Bourgeois), французский государственный деятель, министр иностранных дел в 1906 г.—177.
Бурian Стефан (Burian), барон, австро-венгерский дипломат и государственный деятель, в 1887—1895 гг. посланник в Болгарии, в 1903—1912 гг. министр финансов, в 1913—1915 гг. венгерский министр королевского двора—377.
Буш Мориц (Busch), германский поэт XIX в.—501.
Бьенвеню-Мартен (Bienvenu-Martin), французский государственный деятель, министр юстиции в кабинете Вивиани (*см.*) в 1914 г., во время поездки Пуанкаре (*см.*) и Вивиани (*см.*) в Петербург в июле 1914 г. исполнял обязанности министра иностранных дел.—396, 418, 421, 451—454, 456, 465, 471, 546, 560, 567.
Бьюкенен Джордж (Buchanan), сэр, английский дипломат, посол в России в 1910—1918 гг.—384, 389—392, 395, 397—398, 400, 403, 405—409, 412, 415, 418—420, 423, 429, 436, 439, 442, 446—448, 454, 458, 630—631, 636, 640—645, 648—650, 653, 655—656, 658—659, 670—671.
Бьючамп Вильям (Beauchamp), граф, английский государственный деятель, в 1910—1914 г. министр общественных работ в либеральном кабинете Асквита (*см.*)—659, 687, 690, 692.
Бюлов-фон, Бернгард (Bülow), принц, германский государственный деятель, имперский канцлер в 1900—1909 гг.—69—70, 90—91, 131, 134—135, 158, 185.
Бюно-Варилла Морис (Buneau-Varilla), французский журналист, редактор и владелец французской газеты «Matin» в 1905—1906 гг.—184.
Вагнер-Бохум (Wagner-Bochum), германский фашист, депутат рейхстага.—28.
Вальдерзее Георг (Waldersee), граф, германский генерал, первый обер-квартирмейстер Большого генерального штаба.—169, 515, 528, 590.
Вангенгейм Ганс (Wangenheim), германский дипломат, в 1909—1912 гг. посланник в Греции, в 1912—1915 гг. посол в Турции.—505—506, 565.

Варвик Евелина (Warwick), графиня, английский политический деятель, член лейбористской партии.—212.
Вегерер-фон, Альфред (Wegerer), руководитель германского института по изучению причин мировой войны и редактор печатного органа этого института «Berliner Monatshefte» (s. «Kriegsschuldfrage»).—30.
Ведель Георг (Wedel), граф, германский дипломат, представитель германского министерства иностранных дел в свите Вильгельма II (*см.*) в июле 1914 г. - 527—528, 536.
Веснич Миленко (Vesnic), сербский дипломат, сербский посланник во Франции в 1904—1914 гг.—298, 453.
Вемич Велемир (Vemič), сербский майор, один из членов-основателей террористического патриотического общества «Черная рука» («Црна рука»), организовавшей сараевское покушение 28 июня 1914 г.—281.
Вивиани Рене (Viviani), французский государственный деятель, председатель совета министров и министр иностранных дел в 1914—1915 гг.—110, 298, 395—396, 401—402, 443, 451, 453, 455—456, 459, 463—469, 471, 474—476, 479—482, 486, 525, 596, 631, 670, 673, 685.
Визнер-фон, Фридрих (Wiesner), австро-венгерский дипломат, начальник юридического отдела австро-венгерского министерства иностранных дел.—347—349, 523.
Виккерс (Vickers), семья английских капиталистов-промышленников, владельцев большой судостроительной и оружейной фирмы «Виккерс».—121.
Виктор-Эммануил III, король Италии с 1900 г.—182.
Вильгельм II Гогенцоллерн, германский император и прусский король, годы правления 1888—1918.— 28, 32, 34, 47, 67, 91, 103, 124, 130—132, 134, 143—145, 157—158, 160, 183, 215, 217, 230, 261, 280, 323—325, 328—330, 336, 376—377, 390,438, 440, 442—445, 489, 492—493, 496—497, 505, 512—514, 517—518, 521, 527, 535—537, 539, 541—544, 546, 548, 555—558, 562—567, 569—571, 573, 575, 581—584, 587—589, 594—596, 600—602, 627.
Виллен Рауль (Villain), убийца Жореса (*см.*).—470—471.
Вильсон Артур (Wilson), английский адмирал, «первый морской лорд» в 1908—1911 гг.—234.
Вильсон Генри (Wilson), английский фельдмаршал, начальник оперативного отдела английского генерального штаба в 1910—1914 гг.—10, 63, 135, 146, 168, 174, 212, 227—229, 232—235, 237—238, 241—242, 248—250, 255—256, 258—259, 265—268, 273, 644, 650, 665, 672, 675—676, 684, 686, 688—689, 691—692, 697.
Висконти-Веноста Эмилио (Visconti-Venosta), итальянский государственный деятель, министр иностранных дел в 1899—1901 гг.—179.
Витте Сергей Юльевич, граф, государственный деятель царской России, председатель совета министров в 1905—1906 гг.—108, 125.
Вольф (Wolf), семья владельцев германского телеграфного агентства «Вольфа»—517, 542—543.
Гаазе Гуго (Haase), германский социалист-оборонец, депутат рейхстага, член германской социал-демократической партии.—81.
Габринович (Чабринович) Неделько (Gabrinovič), деятель омладинского движения в Сербии, участник покушения в Сараево 28 июня 1914 г.—282, 285, 288, 291—295, 347, 349, 470, 616.
Габсбурги (Habsburg), династия, правившая Австро-Венгрией до 1918 г.—34, 82, 116—118, 158, 161—162, 165, 169—170, 279, 313, 328, 335, 338, 357, 488—489, 492, 499, 612, 614, 652.
Гагарин Михаил Анатольевич, князь, царский дипломат, второй секретарь царского посольства в Австро-Венгрии накануне мировой войны 1914—1918 гг.—384—385.
Гайнау Юлиус-Якоб (Haynau), австрийский генерал, усмиритель венгерского восстания в 1848 г.—500.
Гайдман Генри-Мейер (Hyndman), английский социалист-оборонец.—77.
Галлиени Жозеф (Galliéni), французский генерал, накануне мировой войны военный губернатор Парижа.—249.
Ганц Гуго (Ganz), германский журналист, венский корреспондент германской газеты «Frankfurter Zeitung».—321—322, 491.

Гардинж Артур (Hardinge), английский дипломат, в 1900–1906 гг. английский посланник в Персии, в 1906–1911 гг. посланник в Бельгии. — 33,109.
Гардинж Чарльз (Hardinge), лорд, английский дипломат, помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1903–1904 гг., английский посол в царской России в 1904—1906 гг., помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1906—1910 гг., вице-король Индии в 1910–1916 гг. — 65, 67, 69—72, 106, 143—144, 198, 216.
Гаркорт Льюис (Harcourt), английский политический деятель, статс-секретарь по делам колоний в либеральном министерстве Асквита (*см.*) в 1910—1915 гг. — 241, 659, 686, 688.
Гартвиг Николай Генрихович, царский дипломат, до 1906 г. директор первого (азиатского) департамента министерства иностранных дел, в 1906–1909 гг. царский посланник в Персии, в 1909–1914 гг. посланник в Сербии. —114, 285, 287—288, 290, 293, 386, 490.
Гачинович Владимир (Gačinović), деятель омладинского движения в Сербии, один из инициаторов сараевского покушения. — 281—282.
Гаяши Тадасу (Hayachi), граф, японский дипломат, в 1900–1906 гг. японский посол в Англии, в 1906—1908 гг. японский министр иностранных дел. — 104—105.
Гельферих Карл (Helfferich), крупный капиталист, германский государственный деятель, экономист, в 1906—1908 гг. директор анатолийской железной дороги в Турции, в 1908–1915 гг. директор «Deutsche Bank» — 41–42.
Генрих прусский (Гогенцоллерн), принц, брат германского императора Вильгельма II, германский адмирал. — 544, 558, 570, 583–584, 593.
Георг V, король Англии с 1910 г. — 448–481.
Герде Эдмунд (Gerde), чиновник австро-венгерской администрации, заместитель правительственного комиссара города Сараево. — 292.
Гертлинг Георг (Hertling), граф, германский государственный деятель, в 1914 г. председатель баварского совета министров, в 1917 г. германский канцлер – 506.
Гернгросс Александр Алексеевич, царский генерал, в 1910 г. начальник генерального штаба — 253.
Герцог Девонширский — см. Девонширский.
Гетцендорф — см. Конрад фон Гетцендорф.
Гизль Владимир (Giesl), барон, австро-венгерский генерал и дипломат, в 1909—1913 гг. австрийский посланник в Черногории, в 1913—1914 гг. посланник в Сербии. —289, 301, 303–304, 308, 312, 329, 351, 360–362, 364—365, 368, 518, 562, 650.
Гирс Михаил Николаевич, барон, царский дипломат, в 1902—1912 гг. посланник в Румынии, в 1912–1914 гг. царский посол в Турции — 315—316, 383.
Гитлер Адольф (Hitler), вождь германского фашизма и глава нынешнего германского фашистского правительства («вождь» и рейхсканцлер) – 14, 26—30, 47, 135—136, 171.
Глинка Святослав Казимирович, черносотенец, журналист, редактор русской монархической газеты «Земщина». — 112.
Гобсон Джон (Hobson), английский экономист и историк-исследователь по вопросам империализма. —52, 77, 88.
Гобгауз Чарльз (Hobhouse), английский государственный деятель, канцлер герцогства Ланкастер в либеральном кабинете Асквита (*см.*) в 1911—1914 гг. — 659.
Гогенберг София (Hohenberg), герцогиня, морганатическая жена австро-венгерского престолонаследника эрцгерцога Франца-Фердинанда, убитая вместе с последним 28 июня 1914 г. в г. Сараево. — 285, 616.
Гогенлоэ Николай (Hohenlohe-Waldenburg-Schillingfürst), принц, австро-венгерский дипломат, чиновник австро-венгерского министерства иностранных дел в 1914 г.—321.
Гойос Александр (Hoyos), граф, австро-венгерский дипломат, личный секретарь австро-венгерского министра иностранных дел графа Берхтольда (*см.*) в 1911—1914 гг. —318, 322–324, 326—327, 329—331, 355, 357, 490, 492—493, 495–497, 499, 503, 507, 509, 519–520, 529–530, 562, 573, 590, 593.
Голинка (Holinka), капитан австро-венгерского генерального штаба, прикомандированный в 1914 г. к австро-венгерскому консульству в Москве. —369.

Гольц-фон, Кольмар (Goltz), барон, германский генерал, вицепредседатель высшего военного совета в Турции в 1909—1913 гг. — 57, 138.
Гольдштейн Иосиф Маркович, буржуазный экономист, общественный деятель царской России — 101.
Гольштейн Фриц (Holstein), барон, германский дипломат, видный чиновник германского министерства иностранных дел в 1880—1906 гг. —91, 131, 185.
Голубич Мустафа (Golubič), австрийский подданный, деятель омладинского движения в Сербии. — 281.
Голуховский Агенор (Goluchowski), граф, австро-венгерский дипломат, министр иностранных дел в 1895—1906 гг. —157.
Гофленер Генри (Hoflehner), австро-венгерский дипломат, исполнявший обязанности управляющего делами австро-венгерского консульства в городе Нише (Сербия) в 1914 г. —287.
Гошен Эдуард (Goshen), сэр, английский дипломат, в 1905—1908 гг. посол в Австро-Венгрии, в 1908—1914 гг. посол в Германии — 114, 306, 549, 554, 566—567, 570, 575—577, 585, 597, 631, 669—670, 692—693.
Грабеч Трифко (Grabeč), деятель югославского омладинского движения, участник сараевского покушения 28 июня 1914 г. —282.
Грей Эдуард (Grey), сэр, английский государственный деятель, статс-секретарь (министр) по иностранным делам в кабинетах Кемпбелла-Баннермана (*см.*) и Асквита (*см.*) в 1905—1916 гг. —19, 33, 55—56, 63—68, 70—71, 74, 92, 108, 110, 139, 143, 145, 189—203, 205, 208—209, 211, 216, 229—232, 234—237, 240—241, 244—248, 257, 259—260, 293, 298, 307, 354—355, 367—370, 373—375, 378—379, 382, 387, 390, 392—393, 395, 397—398, 400, 406—409, 411, 418—419, 422—423, 429, 346, 446—448, 457—458, 461, 465, 473, 475, 477—482, 502, 514, 538—542, 544, 546—547, 549—557, 560, 568, 570, 571—574, 577—578, 581—585, 589—590, 593—595, 597—602, 607—615, 617—662, 665—693, 696—697.
Гренвилль Джордж (Granville), лорд, английский дипломат, советник английского посольства во Франции в 1914 г. —458.
Григорович Иван Константинович, царский адмирал, морской министр, в 1911—1917 гг. — 144, 405, 409, 433—434, 440.
Гризингер Юлий (Griesinger), барон, германский дипломат, посланник в Сербии в 1911—1914 гг. — 305—307, 365, 491.
Гирсон Джемс (Grierson), английский генерал, начальник оперативного отдела английского военного министерства в 1904—1906 гг. — 193, 203—208, 211, 228.
Груич Славко (Gruič), сербский дипломат, 1908—1913 гг. поверенный в делах в Англии, в 1914 г. генеральный секретарь сербского министерства иностранных дел. — 288, 293, 297, 300, 303—304, 311—312, 411, 491, 616, 629.
Гуч Джордж (Gooch), английский профессор, один из редакторов собрания английских дипломатических документов «British Documents on Origins of the War» —185, 191, 204, 247.
Гучков Александр Иванович, политический деятель царской России, крупный промышленник, член Государственной думы и вождь партии октябристов, один из лидеров русской крупной буржуазии. — 114.
Гюге Адольф (Huguet), французский полковник, французский военный атташе в Англии в 1906 — 1911 гг.— 184, 189 — 190, 194, 203—205, 208—209, 211, 217.
Гэд Жюль (Guesde), французский политический деятель, социал-оппортунист, один из лидеров французской социалистической партии и II Интернационала, не раз заклейменный Лениным за предательство рабочего класса. — 95.
Гэй Джон (Hay), американский государственный деятель, государственный секретарь (министр иностранных дел) США в 1898—1905 гг. — 140.
Давид Эдуард (David), германский социал-патриот. — 80.
Данилов Юрий Николаевич, царский генерал-квартирмейстер генерального штаба накануне войны 1914—1918 гг. — 253, 425—426, 431—432.
Дармштеттер П. (Darmstetter), германский историк, специалист по колониальным вопросам — 47.
Дауэс Чарльз (Dawes), американский государственный деятель, председатель комиссии, разработавшей в 1924 г. схему репарационных платежей Германии, известную под именем «плана Дауэса». — 26.
Дачич Живоин (Dačič), деятель великосербского движения, один из основателей

патриотического общества «Народна одбрана» и директор государственной типографии в Белграде — 288.
Дезарт Гамильтон-Джон (Desart), лорд, английский политический деятель — 216.
Делькассе Теофиль (Delcassé), французский государственный деятель, в 1898—1905 гг. министр иностранных дел, в 1911—1913 гг. морской министр, в 1913—1914 гг. посол в царской России, в 1914 г. военный министр — 91, 96, 110, 132, 134, 184—187, 192, 211, 239, 459.
Денисов Василий Ильич, царский бюрократ, член государственного совета — 100.
Девонширский Виктор-Христиан (Devonshire), герцог, видный член английской консервативной партии в 1914 г.— 684.
Дешанель Поль (Deshanel), французский государственный деятель, президент сената — 394.
Джеллико Джон (Jellicoe), лорд, английский адмирал, в 1912—1914 гг. второй морской лорд, главнокомандующий английским флотом в первые годы мировой войны 1914—1918 гг. —152, 214.
Джонс Дж. Ф. (Jones), английский дипломат, в 1914 г. английский вице-консул в Сараево. — 629.
Диаманди Константин (Diamandy), румынский дипломат, в 1909—1911 гг. посланник в Болгарии, в 1911—1913 гг. — в Италии, в 1913—1918 гг. — в царской России — 110.
Дикинсон Чарльз (Dickinson), английский историк —247.
Димитриевич Драгутин (Dimitrievič), сербский полковник, деятель великосербского движения, основатель и руководитель тайного террористического общества «Черная рука» и начальник контрразведки сербского генерального штаба — 279, 281—282, 285.
Добророльский Сергей Константинович, царский генерал, в 1914 г. начальник мобилизационного управления царского генерального штаба. —10, 405, 416—417, 425—426, 430—431, 433—436, 439—444.
Драга Обренович — см. Обреновичи.
Драшкович (Draschkovič), депутат сербской скупщины —281.
Дрейфус Альфред (Dreyfus), французский капитан, еврей, в 90-х годах прошлого столетия был обвинен антисемитами в продаже военных тайн иностранной державе. Дело Дрейфуса было использовано реакционными французскими кругами для борьбы с революционным движением — 471.
Дуглас Чарльз Вильям (Douglas), английский генерал, начальник английского генерального штаба в 1911 г. — 665.
Дурново Петр Николаевич, государственный деятель царской России, монархист и черносотенец, в 1905—1906 гг. министр внутренних дел, душитель революционного движения, в 1913 г. член государственного совета, сторонник соглашения царской России с Германией —112.
Душан Сильный, царь Сербии в 1331—1355 гг. —614.
Дюбайль Огюстен (Dubail), французский генерал, начальник французского генерального штаба в 1911 г. — 235—236, 255.
Дюкарн (Ducarne), бельгийский генерал, начальник бельгийского генерального штаба в 1906 г. —206—208.
Дюмен Альфред (Dumaine), французский дипломат, французский посол в Австро-Венгрии в 1912—1914 гг. — 392—393, 396, 401—402, 628.
Дюпюи Жан (Dupuy), французский государственный деятель, сенатор, министр общественных работ в 1912—1913 гг. — 187.
Еленич (Elenič), югославский журналист. — 289.
Ермолов Виктор Сергеевич, царский генерал, военный агент в Англии в 1911—1914 гг. — 242, 255.
Живанович Иован (Zivanovic), деятель омладинского движения в Сербии — 281.
Жилинский Яков Григорьевич, царский генерал, в 1911—1914 гг. начальник генерального штаба — 235—236, 258, 261, 271—272, 432.
Жорес Жан (Jaurès), французский политический деятель, лидер французской социалистической партии —187, 394, 459, 470—472.
Жоффр Жак (Joffre), французский маршал, с 1911 г. начальник генерального штаба, главнокомандующий французскими армиями в первые годы мировой войны. — 237, 249—250, 271—273, 452, 457, 459—460, 464, 466—468, 472—473.

Жуо Леон (Jouhaux), французский социалист, социал-предатель и оборонец, неоднократно заклейменный Лениным. — 95.
Зайочковский Андрей Медардович, автор ряда трудов по истории мировой войны 1914—1918 гг. —125, 175—177, 218, 220, 253, 262—263, 266, 417.
Зарин Леонид Сергеевич, царский дипломат, секретарь царского посольства в Сербии в 1914 г. — 302.
Зиберт-фон, Бенно (Siebert), царский дипломат, секретарь царского посольства в Англии в 1913—1914 гг. — 35.
Золя Эмиль (Zola), знаменитый французский писатель второй половины XIX в., в антисемитском деле Дрейфуса (*см.*) выступил против реакционной клики, создавшей это дело. — 471.
Зюдекум Альберт (Südekum), германский социалист-оборонец — 80.
Игнатьев Алексей Алексеевич, граф, царский полковник, в 1912—1914 гг. военный агент при царском посольстве во Франции.— 264—265, 442, 460, 462, 465—466, 474.
Извольский Александр Петрович, царский дипломат, в 1906—1910 гг. министр иностранных дел, в 1910—1917 гг. царский посол во Франции — 35, 105, 108—109, 114, 158, 181, 202, 223—224, 237, 244, 253, 256—258, 263—265, 394—395, 403, 417, 421, 431, 456—459, 464—466, 468—472, 475—477, 668,
Илич Данило (Ilić), деятель омладинского движения в Сербии, один из участников сараевского покушения 28 июня 1914 г.— 281—282.
Империали Вильгельм (Imperiali), маркиз, итальянский дипломат, в 1904—1910 гг. посланник в Турции, в 1910—1920 гг. посол в Англии — 354.
Иованович Иован (Iovanović), сербский дипломат, в 1912 г. министр иностранных дел, в 1912—1914 гг. сербский посланник в Австро-Венгрии — 284, 293, 298—299, 301—302, 309—310.
Иованович Милютин (Iovanović), сербский дипломат, поверенный в делах в Германии в 1914 г., зять Пашича (*см.*)—617.
Иованович Люба (Iovanović), сербский государственный деятель, в 1909—1911 гг. министр внутренних дел, в 1911—1914 гг. министр народного просвещения.— 10, 283—290, 293, 296, 303—304.
Иоффе Я., автор ряда работ по мировому хозяйству.— 49.
Исаак Жюль (Isaac), французский историк.— 309.
Казанский Михаил Васильевич, царский дипломат, в 1914 г. управляющий царским консульством в Праге в Австро-Венгрии.— 429.
Казимирович Радослав (Kasimirović), деятель великосербского движения.— 282.
Кайлер Карл (Kailer), австро-венгерский адмирал, в 1914 г. заместитель начальника морского отдела военного министерства.— 330, 336, 355.
Кайо Жозеф (Caillaux), французский государственный деятель, в 1906—1909 гг. и в 1911 г. министр финансов, в 1911—1912 гг. председатель совета министров и министр внутренних дел, в 1913—1914 гг. министр финансов.— 92—95, 132, 226, 230—231, 238, 251, 393.
Камбон Поль (Cambon), французский дипломат, в 1898—1920 гг. французский посол в Англии.— 186, 191—192, 194—198, 200—201, 209, 215, 245—248, 257, 393, 409, 429, 447, 453, 459, 465, 477—482, 602, 612, 625, 628, 634—636, 639, 645, 667, 670, 672—676, 680—683, 685—691, 696.
Камбон Жюль (Cambon), французский дипломат, в 1907—1914 гг. французский посол в Германии.— 231, 306, 355, 396, 468.
Кальвель Чарльз-Эдвард (Calwell), английский генерал, составитель биографии Генри Вильсона (*см.*)—6, 675, 692.
Капелле Эдуард (Capelle), германский адмирал, в июле 1914 г. временно исполнял обязанности ушедшего в отпуск германского морского министра. — 512—513.
Каприви Георг Лео (Caprivi), граф, германский генерал и государственный деятель, в 1890—1894 гг. канцлер Германской империи.—39, 130.
Карагеоргиевичи (Karageorgejević), династия, правящая в Сербии с 1903 г., а после мировой войны 1914—1918 гг. в Югославии.— 279, 335.
Карл I (Гогенцоллерн), король Румынии в 1886—1914 гг., до вступления на престол в Румынии был германским принцем.— 318, 332, 493, 495, 510.
Карлотти Андреа (Carlotti), маркиз, итальянский дипломат, в 1908—1913 гг. по-

сланник в Греции, в 1913—1917 гг. посол в царской России.— 355, 387—389, 397.

Карсон Эдуард (Carson), лорд, государственный деятель, один из лидеров твердолобого крыла консервативной партии и руководитель ульстерского движения.— 672.

Кассель Эрнест (Cassel), сэр, английский финансист.— 145.

Кастельно Эдуард (Castelnau), французский генерал, генерал-квартирмейстер французского генерального штаба в 1913—1914 гг.— 259, 267.

Каутский Карл (Kautsky), германский политический деятель, идеолог и один из руководителей II Интернационала, ярый враг Советского союза.— 24, 81.

Кашен Марсель (Cachin), старейший деятель французского рабочего движения, один из вождей французской коммунистической партии.— 471.

Киггель Эдуард (Kiggel), английский генерал, начальник отдела английского генерального штаба в 1911—1912 гг.— 255.

Кидерлен-Вехтер Альфред (Kiderlen-Wächter), германский дипломат, в 1899—1910 гг. посланник в Румынии, в 1908—1909 гг. временно исполняющий обязанности министра иностранных дел, в 1910—1912 гг. министр иностранных дел.— 69.

Кинский Франц (Kinsky), граф, австро-венгерский дипломат, в 1914 г. секретарь австро-венгерского министра иностранных дел графа Берхтольда (*см.*).—364.

Китченер Горацио (Kitchener), английский фельдмаршал, в 1911—1914 гг. генеральный консул и дипломатический агент в Египте, в 1914—1916 гг. военный министр.— 174, 273.

Кицлинг Рудольф (Kitzling), австрийский историк войны 1914—1918 гг.— 379.

Кемпбелл-Баннерман Генри (Campbell-Bannerman), сэр, английский государственный деятель, либерал, премьер-министр в 1905—1908 гг.— 65, 189, 194—195, 199—201.

Керзон Джон-Натаниель (Curzon), маркиз, английский государственный деятель, «твердокаменный» консерватор, в 1899—1905 гг. вице-король Индии, в 1923 г. статс-секретарь по иностранным делам и автор известного ультиматума Советской России.— 64.

Клаузевиц Карл (Klauzewitz), прусский генерал, теоретик военного искусства, участник войн против Наполеона I.— 17.

Клейнмихель Мария Эдуардовна, графиня, придворная дама при царском дворе, автор мемуаров, описывающих быт царского двора.— 387—389.

Клемансо Жорж (Clemenceau), французский государственный деятель, председатель совета министров и министр внутренних дел в 1906—1909 гг.— 93, 95—96, 199—202, 212, 222, 459.

Клерк Джордж — см. Сайденгам.

Коковцев Владимир Николаевич, государственный деятель царской России, в 1903—1911 гг. министр финансов, в 1911—1914 гг. председатель совета министров, после Октябрьской революции белоэмигрант.— 261—262.

Компер-Морель Констан-Адольф (Compère-Morel), французский социалист-оборонец.— 471.

Конрад фон Гетцендорф Франц (Konrad von Hoetzendorff), австрийский фельдмаршал, в 1906—1911 гг. начальник генерального штаба, в 1911—1912 гг. инспектор австро-венгерской армии, в 1912—1917 гг. начальник генерального штаба.— 6,128, 135, 158—161, 163—164, 166, 169, 313—314, 317—319, 326, 328, 330—331, 336, 339, 341—342, 344, 346, 351, 353, 355, 358, 360, 363—364, 367, 375—377, 507, 522, 545, 558, 590, 592.

Константин Греческий, король Греции в 1913—1917 гг.— 279.

Корбет Юлиан (Corbett), английский военно-морской историк, автор ряда трудов по истории военных операций английского флота.— 152, 217, 644, 669.

Кракенторп Деррель (Crackanthorpe), английский дипломат, в 1912—1915 гг. секретарь английского посольства и иногда английский поверенный в делах в Сербии.— 293, 297—298, 300, 307—308, 411, 541, 616, 629, 641—642, 669.

Крестовников Григорий Александрович, крупный биржевой делец и промышленник царской России.— 101.

Кречинский, один из героев известной комедии Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского», образ авантюриста и мошенника.— 433, 563.

Кривошеин Александр Васильевич, деятель царского режима, министр земледелия в 1906—1915 гг.—441.
Крик Эрнест (Krieck), деятель германского фашизма.— 124.
Кробатин Александр (Krobatin), австро-венгерский генерал, военный министр в 1912—1917 гг.— 330, 334, 336, 355, 358—360, 363, 375.
Кропоткин Петр Александрович, деятель революционного движения в царской России в XIX в., теоретик анархизма.— 277.
Кроу Эйр (Crow), сэр, английский дипломат, в 1906—1912 гг. старший клерк министерства иностранных дел, в 1912—1925 гг. помощник статс-секретаря по иностранным делам.— 33, 55, 65—72, 74, 119, 201, 229—230, 239—241, 245, 297, 477, 534, 608, 611, 631—632, 642—644, 661, 672, 675.
Крупп (Krupp), семья владельцев крупнейшей германской металлургической, оружейной и судостроительной фирмы.— 80, 121.
Круппи Жан (Cruppi), французский государственный деятель, в 1908—1909 гг. министр торговли, в 1911 г. министр иностранных дел, в 1911—1912 гг. министр юстиции.— 202, 229—230, 394.
Крью Роберт (Crewe), лорд, английский государственный деятель, в 1908—1910 г. статс-секретарь по делам колоний, в 1910—1915 гг. статс-секретарь по делам Индии.— 241, 659, 688—689.
Кудашев Николай Александрович, князь, царский дипломат, советник царского посольства в Австро-Венгрии в 1912—1914 гг.— 363—364, 541.
Кук Джемс (Coock), английский мореплаватель и путешественник XVIII столетия.— 54.
Куропаткин Алексей Николаевич, царский генерал, в 1898—1904 гг. военный министр, в 1904—1905 гг. главнокомандующий царской армией во время русско-японской войны 1904—1906 гг.— 179.
Куэн-Хедервари Карл (Khuen-Héderváry), граф, австро-венгерский государственный деятель, венгерский премьер-министр в 1903 и 1909—1912 гг.— 161.
Кювервиль-де (Cuve ville), французский журналист.— 184.
Кюльман Рихард (Kühlman), германский дипломат, в 1908—1914 гг. советник германского посольства и иногда поверенный в делах в Англии.— 184.
Лабори Гастон (Labori), известный по делу Дрейфуса (*см.*) французский адвокат.— 472.
Ланглей Вильям (Langley), английский дипломат, в 1902—1907 гг. старший клерк министерства иностранных дел, в 1907—1918 гг. помощник статс-секретаря по иностранным делам.— 74.
Лагиш Пьер (La-Guiche), маркиз, французский генерал, военный агент в царской России в 1912—1913 гг.— 264.
Лазаревич Васса (Lazarevic), чиновник белградского полицейского правления.—292.
Лазарь I, царь сербский, убит в 1389 г. в бою с войсками турецкого султана Мурада I.— 284.
Ламсдорф Владимир Николаевич, граф, царский дипломат, министр иностранных дел в 1901—1906 гг.— 179.
Лассель Франк (Lascelles), сэр, английский дипломат, посол в Германии в 1895—1905 гг.— 185.
Легин Карл (Legien), германский социал-реформист и оборонец.— 80.
Ле-Гу де Сан-Сен (Le-Gouz de Saint-Seine), капитан французского флота, в 1911—1912 гг. французский морской агент в Англии.— 147.
Лерхенфельд Гуго (Lerchenfeld), граф, германский дипломат, в 1880—1919 гг. баварский посланник в Пруссии.— 489.
Ловат Симон-Джордж (Lovat), лорд, английский политический деятель, видный член консервативной партии в 1914 г.— 675, 692.
Лозанн Стефан (Lauzanne), французский журналист, в 1911—1914 гг. редактор газеты «Matin» — 187.
Лонге Жан (Longuet), французский социал-оборонец, один из лидеров французской социалистической партии.— 95, 471.
Лончаревич Душан (Lončarević), корреспондент австро-венгерского «Корреспонденц бюро» в Белграде.— 308.
Лоребери Роберт (Loreburn), лорд, английский государственный деятель видный

член либеральной партии, в 1905—1912 гг. лорд-канцлер в либеральных кабинетах Кемпбелла-Баннермана (*см.*) и Асквита (*см.*).— 242, 694—695.
Ли Артур, лорд Ферхэм (Lee of Farchame), английский государственный деятель, видный член консервативной партии, «гражданский лорд адмиралтейства» (помощник морского министра) в 1903—1905 гг.— 140—141.
Либкнехт Карл, германский революционер, вождь спартаковского движения, убит 15 января 1919 г. бандами Носке.— 80—81.
Лиман фон Сандерс Отто (Liman von Sanders), германский генерал, глава германской военной миссии, отправленной в 1913 г. в Турцию для реорганизации турецкой армии.— 166, 267, 502, 609.
Лихновский Карл-Макс (Lichnowsky), князь, германский дипломат, посол в Англии в 1912—1914 гг.— 34, 260, 375, 382, 422, 500—503, 505—506, 511, 534, 538—539, 541, 544, 547, 549—552, 554—558, 561—562, 566, 568, 572—574, 577—578, 581, 583—584, 587, 589—590, 595, 597—602, 617—623, 625—627, 631, 634, 636—640, 646—648, 650, 654—658, 665, 667, 669—670, 677, 679—681, 684, 686, 691, 693.
Ллойд Джордж (Lloyd), лорд, английский государственный деятель, видный член консервативной партии, депутат парламента в 1914 г.— 6, 24, 675—676, 683—684.
Ллойд-Джордж Давид (Lloyd-George), английский государственный деятель, один из лидеров либеральной партии, министр финансов (канцлер казначейства) в 1908—1915 гг., затем премьер.— 20, 55, 59, 92, 190, 212, 232, 234—235, 241, 246, 423, 599, 615, 659—662, 679, 687—688, 690, 692.
Луи Жорж (Louis), французский дипломат, в 1905—1909 гг. начальник политического отдела министерства иностранных дел, в 1909—1913 гг. французский посол в царской России — 264, 393—394.
Лэнсдоун Генри (Lansdowne), маркиз, английский государственный деятель, один из лидеров консервативной партии, в 1888—1894 гг. вице-король Индии, в 1895—1900 гг. военный министр, в 1900—1905 гг. статс-секретарь по иностранным делам.— 58, 105—106, 185—186, 189, 191, 197, 245, 684—685, 690.
Люксембург Роза, германская революционерка, один из вождей спартаковского движения, убита 15 января 1919 г. белыми офицерами из отрядов Носке.— 81, 471.
Люц Герман (Lutz), германский историк.— 379.
Люцов Генрих (Lützow), граф, австро-венгерский дипломат, посол в Италии в 1904—1910 гг.— 355, 388, 629.
Лященко П., экономист, автор ряда трудов по экономике царской России.— 101.
Магрини Лючиано (Magrini), итальянский журналист.— 294.
Макдоно (Macdonogh), английский генерал, начальник контрразведки английского генерального штаба в 1911 г.— 233.
Мак-Кенна Реджинальд (Mac-Kenna), английский государственный деятель, в 1908—1911 гг. первый лорд адмиралтейства, в 1911—1915 гг. статс-секретарь по внутренним делам в кабинете Асквита (*см.*) — 55, 233—234, 241—242, 659, 688.
Маккио Карл (Macchio), барон, австро-венгерский дипломат, один из руководящих работников министерства иностранных дел в 1914 г.— 361, 363—364, 401.
Мак-Киннон Вуд-Томас (Mac-Kinnon Wood), английский государственный деятель, в 1908—1911 гг. помощник статс-секретаря по иностранным делам, в 1912—1915 гг. секретарь по делам Шотландии.— 659.
Маклаков Николай Александрович, деятель царского режима, черносотенец, в эпоху 1914 г. царский министр внутренних дел.— 433.
Мак-Мюррей А. (Mac-Murray), американский дипломат, поверенный в делах США в Китае в 1914 г.— 666.
Максе Лео (Maxse), английский журналист, редактор журнала «National Review».— 675, 692.
Мальви Луи-Жан (Malvy), французский государственный деятель, видный член радикальной партии, занимал ряд министерских постов в 1911—1914 гг. и во время войны.— 470.
Маргерит Виктор (Margnèrite), левый французский писатель.— 464, 486.
Маржери-де, Брюно (Margerie), французский дипломат, в 1909—1912 гг. французский посланник в Китае, в 1912—1919 гг. директор политического департамента министерства иностранных дел.— 395, 466.

Марков II Николай Евгеньевич, лидер русских черносотенцев, депутат III и IV Государственной думы. —112.
Мартов Л. (Юлий Осипович Цедербаум), один из лидеров русского меньшевизма, после Октябрьской революции эмигрант и враг Советской России. —111.
Маршаль фон Биберштейн Адольф (Marschall von Bieberstein), барон, германский дипломат, в 1890—1897 гг. статс-секретарь по иностранным делам, в 1897—1912 гг. посол в Турции, в 1912 г. посол в Англии. —158.
Маршан Рене (Marchand), французский журналист. —35.
Менсдорф Альберт (Mensdorff), граф, австро-венгерский дипломат, посол в Англии в 1904—1914 гг. — 368—370, 561, 573, 624, 633—634, 637—640, 646, 648, 667
Мергейм Альфонс (Merrheim), французский синдикалист и социал-патриот. —95
Мерей Каэтан (Merey), австро-венгерский дипломат, посол в Италии в 1910—1915 гг. —495.
Мессими Адольф (Messimy), французский государственный деятель, в 1911—1912 и 1914—1915 гг. военный министр. —452, 457, 459, 464—467, 470, 473—474, 482.
Меттерних Клеменс (Metternich), князь, австрийский государственный деятель, канцлер Австрийской империи в 1809—1848 гг. —72, 115.
Меттерних Пауль Вольф-Меттерних (Wolf-Metternich), граф, германский дипломат, посол в Англии в 1901—1912 гг. —190, 231—232.
Мехмедбашич Мухамед (Mehmedbašić,) деятель югославского омладинского движения, участник сараевского покушения 28 июня 1914 г. —281—282.
Мещерский Владимир Петрович, князь, черносотенный журналист, редактор и издатель крайне монархической газеты «Гражданин» —112.
Мильеран Александр (Millerand), французский государственный деятель, в 1909—1910 гг. министр общественных работ, в 1912—1913 и 1914—1915 гг. военный министр. —95, 264—265, 394, 442.
Мильнер Альфред (Milner), лорд, английский государственный деятель, видный член консервативной партии в 1914 г. —692.
Мольтке Гельмут (Moltke), граф, германский фельдмаршал, в 1870—1871 гг. и далее начальник германского генерального штаба, один из крупнейших германских стратегов. —38, 122.
Мольтке Гельмут (Moltke), граф, племянник фельдмаршала Мольтке *(см.)*, германский генерал, начальник германского генерального штаба в 1906—1914 гг. — 127, 158, 160, 169, 249, 376—377, 513, 515, 528, 543, 549, 556—557, 559—560, 568—569, 581, 590, 592, 600 - 602.
Михаэлис Георг (Michaelis), германский государственный деятель, в 1909—1917 гг. помощник министра финансов, в 1917 г. канцлер Германской империи. —495.
Монжела Макс (Montgelas), граф, германский генерал, историк войны 1914—1918 гг., один из соредакторов германских дипломатических документов об июльском кризисе 1914 г. —30.
Монтереале Джиованни (Montereale), итальянский дипломат, советник итальянского посольства в царской России в 1914 г. —402.
Монроэ Джемс (Monroe), американский государственный деятель, президент США в 1817—1825 гг., выдвинувший доктрину о невмешательстве европейских государств в дела американского континента. —13.
Морель Эдмунд (Morel), английский политический деятель, либеральный депутат парламента в 1914 г. —90, 200, 247.
Моррис Генри (Morris), американский историк и экономист. —43—44.
Морлей Джон (Morley), лорд, английский государственный деятель, в 1905—1911 гг. статс-секретарь по делам Индии, в 1911—1914 гг. лорд председатель тайного совета (заместитель премьер-министра). —57—59, 241, 658—659, 661—663, 666, 680, 682, 685—688, 690—692, 694.
Морлей Гай (Morley), племянник лорда Морлея *(см.)*, английский журналист. —663.
Мотоно Ичиро (Motono), барон, японский дипломат, посол в царской России в 1906—1916 гг. —397.
Музулин Александр (Musulin), австро-венгерский дипломат, начальник канцелярии министерства иностранных дел. —350, 365.
Мурад I, султан Турции, убитый в 1389 г. сербским патриотом Обиличем *(см.)* — 284.
Мухтар паша Махмуд (Moukhtar Pascha Mahmud), турецкий генерал, морской министр в 1910—1911 и в 1912 гг., в 1913—1915 гг. посол в Германии. —109.

Мюллер Георг (Müller), германский адмирал и генерал в свите Вильгельма II *(см.)*, начальник морского кабинета Вильгельма II. —489, 527.
Мюррей Арчибальд-Джемс (Murray), английский генерал, один из крупных работников английского генерального штаба в 1911—1912 гг. —255.
Настич Георгий (Nastić), деятель омладинского движения в Сербии, повидимому один из агентов австрийской контрразведки. —278.
Науман Виктор (Nauman), германский публицист, неофициальный агент германского министерства иностранных дел. —322—325, 491, 499, 509.
Нелидов Александр Иванович, царский дипломат, в 1883—1897 гг. посол в Турции, в 1897—1903 гг. посол в Италии, в 1903—1910 гг. посол во Франции. —95, 177, 182, 218, 253.
Нератов Анатолий Анатольевич, царский дипломат, товарищ министра иностранных дел в 1911—1917 гг. —237, 405.
Николай Черногорский, в 1860—1910 гг. князь Черногории, в 1910—1919 гг. король Черногории. —159, 353.
Николай Николаевич Романов, великий князь, главнокомандующий царской армией в 1914—1915 гг. —256, 258, 385, 415.
Никольсон Артур, впоследствии лорд Карнок (Nicholson), английский дипломат; в 1905—1906 гг. посланник в Испании, в 1906—1910 гг. посол в царской России, в 1906—1910 гг. помощник статс-секретаря по иностранным делам. —33, 65, 74, 108, 229, 231, 241, 245, 247, 259, 293, 547, 549, 608, 614, 616, 632, 636, 648, 650—651, 654, 661, 668—669, 672, 676, 680, 685, 693.
Никольсон Вильям (Nicholson), английский генерал, начальник генерального штаба в 1905—1911 гг. —217, 228, 232, 234, 255.
Никольсон Гарольд (Nicholson), сын Артура Никольсона *(см.)*, чиновник английского министерства иностранных дел в 1914 г. —109, 693.
Нокс Альфред (Knox), сэр, английский генерал, в 1912—1917 гг. военный агент в царской России, один из руководителей антисоветской интервенции в Сибири в 1918—1919 гг. —258.
Ностиц Григорий Иванович, граф, царский генерал, военный агент во Франции в 1910—1912 гг. —242, 255.
Нортклифф Альфред-Уильям (Nortkcliff), лорд, английский капиталист, владелец ряда крупных английских газет. Твердолобый консерватор и организатор антисоветских кампаний в английской печати. —676.
Обилич Милош (Obilić), сербский воин, заколовший турецкого султана Мурада I 28 июня 1389 г. —284, 287.
Обреновичи, династия, свергнутая с сербского престола в 1903 г. Король Александр Обренович и его жена королева Драга были убиты группой офицеров, совершивших переворот. —113, 130, 162—163, 279, 286, 615.
Отли Чарльз (Ottley) сэр, английский адмирал, в 1905—1907 гг. начальник контрразведывательного отдела английского адмиралтейства, в 1907—1908 гг. секретарь Комитета имперской защиты. —193, 204.
Паже Жорж (Pagès), французский историк. —180, 393.
Паке (Paquet), французская пароходная фирма. — 460.
Палеолог Морис (Paléologue), французский дипломат, в 1907—1912 гг. посланник в Болгарии, в 1912—1914 гг. директор департамента политических и торговых дел во французском министерстве иностранных дел, в 1914—1917 гг. посол в царской России. —258, 381, 394—395, 398, 400—403, 405—406, 408—410, 412—415, 418—421, 430, 434, 440, 442—443, 446, 452, 454—456, 458, 465—467, 469, 640—641, 645, 652, 654.
Палицын Федор Федорович, царский генерал, начальник генерального штаба в 1904—1907 гг. —220, 427, 582.
Паллавичини Иоганн (Pallavicini), маркграф, австро-венгерский дипломат, в 1899—1906 гг. посланник в Румынии, в 1906—1914 гг. посол в Турции. —318, 505—506.
Пальмерстон Генри-Джон (Palmerston), лорд, английский государственный деятель, в 1830—1841 гг. статс-секретарь по иностранным делам, то же в 1846—1851 и 1852—1855 гг., премьер-министр в 1859—1865 гг. —694.
Пануз (Panouze), французский генерал, военный агент в Англии в 1914 г. —672, 676.
Паунсефот Юлиан (Pauncefote), английский дипломат, посол в США в 1901 г.—140.
Пачу Лазарь (Paču), сербский государственный деятель, член радикальной пар-

тии, министр финансов в 1904—1905, в 1906—1909, и в 1912—1914 гг.—303—304.
Пашич Никола (Pašić), сербский государственный деятель, лидер радикальной партии, в 1906—1908 гг. премьер-министр и министр иностранных дел, в 1908—1911 гг. премьер-министр, в 1912—1918 гг. премьер-министр и министр иностранных дел.—283, 285, 287, 289—298, 300, 303, 305—306, 312, 347, 368, 386, 399, 404, 490, 501, 529.
Пендзек Жан (Pendezec), французский генерал, начальник генерального штаба в 1901 г.—178.
Перси Аллан (Percy), герцог Нортумберлэндский, английский политический деятель, видный член консервативной партии, парламентский помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1903—1905 гг.—90, 676.
Петр I Карагеоргиевич, сербский король в 1903—1921 гг.—290, 347.
Пиз Джозеф (Pease), лорд Генфорд, английский политический деятель и крупный шахтовладелец, министр просвещения в кабинете Асквита (*см.*) в 1911—1915 гг.—659.
Пишон Стефан (Pichon), французский государственный деятель, в 1906—1911 и в 1913 гг. министр иностранных дел.—222, 459.
Плессен Ганц-Георг (Plessen), германский генерал, в 1893—1918 гг. адъютант Вильгельма II (*см.*).—556—557.
Покровский Михаил Николаевич, советский историк, член Академии наук СССР.—12—13, 34—35, 93, 108, 114, 118, 253—254, 326, 398, 441, 447.
Поливанов Александр Андреевич, царский генерал, помощник военного министра в 1905—1908 гг.—272.
Половцев Александр Александрович, деятель царского режима, монархист, член государственного совета.—109.
Поль-фон, Гуго (Pohl), германский адмирал, начальник морского генерального штаба в 1914 г.—542.
Понсонби Артур (Ponsonby), английский политический деятель, секретарь Кемпбелла-Баннермана (*см.*) в 1905—1906 гг.—200.
Попович Раде (Popović), сербский офицер, начальник пограничной охраны в Шабаце в 1914 г.—283.
Порумбаро Эмиль (Porumbaru), румынский государственный деятель, министр иностранных дел в 1914—1918 гг.—110.
Постовский, царский генерал, в 1912 г. генерал-квартирмейстер царского генерального штаба.—253.
Потиорек Оскар (Potiorec), австро-венгерский генерал, военный губернатор Боснии-Герцоговины в 1911—1914 гг.—346.
Принц Уэльский, Эдуард-Альберт, сын Георга V (*см.*), наследник английского престола.—697.
Прибичевич Милан (Pribičević), австрийский офицер, бежавший в Сербию, сербский майор, деятель омладинского движения и член-основатель патриотического общества «Народна одбрана».—294, 616.
Принетти Джулио (Prinetti), итальянский государственный деятель, министр иностранных дел в 1901—1903 гг.—179—180.
Принцип Гаврило (Princip), участник сараевского покушения 28 июня 1914 г.—282—283, 285—287, 289, 291, 293—295, 314, 346, 349, 385, 470, 616, 629.
Протич Стоян (Protić), сербский государственный деятель, член радикальной партии, в 1909—1911 гг. министр финансов, в 1913—1914 гг. министр внутренних дел.—283—284, 287—289, 303—304, 491.
Прохаска Оскар (Prochaska), австро-венгерский дипломат, в 1906—1912 гг. управляющий австро-венгерским консульством в Призрене в Сербии.—276, 399.
Прудон Пьер-Жозеф (Proudhon), французский мелкобуржуазный социалист-утопист, теоретик анархо-синдикалистского движения во Франции в XIX в.—277.
Пуанкаре Раймонд (Poincaré), французский государственный деятель, в 1912—1913 гг. председатель совета министров и министр иностранных дел, в 1913—1920 гг. президент Французской республики.—110, 180—182, 187, 236, 238, 244—247, 251—252, 254—258, 264, 304, 351—352, 357, 383, 392—403, 410, 414, 449—453, 455, 459, 463—467, 470—471, 475—476, 478—482, 485—487, 518, 521, 523—525, 527, 532—533, 536, 548, 631—632, 640, 642.
Пурталес Фридрих (Pourtalès), граф, германский дипломат, посол в царской Рос-

сии в 1907—1914 гг.—309—310, 384, 389—391, 397, 412—414, 427—430, 435—436, 438, 440, 442, 445—446, 478, 532—533, 537, 540, 546—547, 554, 560, 564, 566—567, 572, 577—578, 580, 585, 587—588, 596, 600, 602, 622, 670.

Ранкович Михаил (Rancovic), деятель омладинского движения в Сербии.—291.

Раулинсон Генри (Rawlinson), английский генерал, один из крупных работников английского генерального штаба в 1911—1912 гг.—675.

Редерн Зигфрид (Rödern), граф, германский государственный деятель, в 1914 г. статс-секретарь по делам Эльзас-Лотарингии.—518.

Римбольд Горас (Rumbold), сэр, английский дипломат, советник посольства и поверенный в делах Германии в 1914 г.—615, 617, 631, 636, 647.

Ренненкампф Павел, царский генерал, командующий царской армией в Восточной Пруссии в начале мировой войны.—271.

Ренодель Пьер (Renaudel), французский социал-патриот.—95, 471.

Ренсимен Уольтер (Runciman), английский политический деятель, министр земледелия и рыболовства в кабинете Асквита (*см.*) в 1911—1914 гг.—659, 690.

Рену Рене (Renoult), французский государственный деятель, видный член радикал-социалистической партии.—463.

Ренувен Пьер (Renouvin), французский историк.—247.

Реньо Эжен-Луи (Regnault), французский дипломат, посланник в Марокко в 1906—1912 гг.—251.

Репингтон Чарльз (a' Court-Repington), английский полковник, сотрудник газеты «Times» по военным вопросам в 1906—1914 гг.—184, 189.

Рипон Джорж-Фредерик (Ripon), лорд, английский политический деятель, министр без портфеля в кабинетах Кемпбелла-Баннермана (*см.*) и Асквита (*см.*) в 1905—1908 гг.—67, 194—195.

Робертс Фредерик (Roberts), лорд, английский фельдмаршал.—212, 228, 675.

Робертс Эйлин (Roberts), дочь фельдмаршала Робертса (*см.*).—675.

Род Реннель (Rodd), сэр, английский дипломат, английский посол в Италии в 1908—1921 гг.—630.

Рожественский Зиновий Петрович, царский адмирал, командующий II и III тихоокеанскими эскадрами, посланными в 1905 г. царским правительством на Дальний Восток и потопленными японским флотом в бою у пролива Цусима.—107.

Розбери Арчибальд (Rosebery), лорд, английский государственный деятель, премьер-министр в 1892—1895 гг.—183.

Ромберг Конрад (Romberg), барон, германский дипломат, в 1910—1912 гг. референт министерства иностранных дел, в 1912—1919 гг. посланник в Швейцарии.—462.

Ронжин Сергей Александрович, царский генерал, начальник управления военных сообщений в 1914 г.—425, 431.

Рорбах Пауль (Rohrbach), германский профессор и публицист, идеолог германской империалистической экспансии.—82.

Рошер Вильгельм (Roscher), германский экономист.—89.

Рувье Морис (Rouvier), французский государственный деятель, в 1902—1905 гг. министр финансов, в 1905—1906 гг. премьер-министр, министр финансов и министр иностранных дел.—192.

Русин Александр Иванович, царский адмирал, начальник морского генерального штаба в 1914 г.—405, 409, 426.

Рухлов Сергей Васильевич, государственный деятель царской России, министр путей сообщения в 1909—1914 гг.—261.

Сабанин Андрей Владимирович, работник Наркоминдела, соредактор ряда публикаций дипломатических документов.—18, 357.

Сазонов Сергей Дмитриевич, царский дипломат, министр иностранных дел в 1910—1916 гг.—19, 35—36, 95, 181, 244, 252, 254, 256, 259, 261—263, 265, 290, 293, 296—298, 301—302, 305, 308—310, 325, 352, 354, 367, 371, 374, 378, 384—386, 388—391, 394—395, 398, 400—416, 418—424, 427—430, 435—448, 452, 454, 456—457, 464—465, 477, 545—546, 552, 558—560, 564, 567, 572—573, 577—578, 580—582, 585, 587, 589, 595—596, 600, 602, 609—612, 621, 625—628, 630—632, 638, 640—643, 645—646, 648, 652—654, 656, 658—659, 667—668, 670—671, 674, 683, 687, 696.

Саид Халим паша (Said Halim Pascha), турецкий государственный деятель, в 1911—1912 гг. великий визирь (председатель совета министров), в 1913 г. министр иностранных дел, в 1913—1917 гг. великий визирь.—109.

Сайденгам, прежде Джорж Клерк (*см.*) (Sydenham), лорд, английский государственный деятель, секретарь Комитета имперской защиты в 1904—1907 гг. — 64—65, 191, 204—205, 297, 631.

Саймон Джон (Simon), сэр, английский государственный деятель, видный член либеральной партии, в 1913—1915 гг. генеральный прокурор, в 1933—1935 гг. статс-секретарь по иностранным делам в «национальном» кабинете Макдональда (*см.*). - 659, 687, 690, 692.

Самсонов Александр Васильевич, царский генерал, командующий русской армией, вторгшейся в начале войны в Восточную Пруссию и разбитой в боях при Мазурских озерах.—252, 271.

Семюэль Герберт (Samuel), английский государственный деятель, министр почт и телеграфа в либеральном кабинете Асквита (*см.*) в 1910—1914 гг.—659.

Сандерсон Томас (Sanderson), английский дипломат, помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1894—1906 гг.—67, 185, 192—195, 205—211.

Сан-Джулиано-ди, Антонино (San-Giuliano), маркиз, итальянский дипломат, в 1905—1906 гг. министр иностранных дел, в 1906—1910 гг. посол в Англии, в 1910 г. посол во Франции, в 1910—1914 гг. министр иностранных дел.—354.

Сапари Фридрих (Szápáry), граф, австро-венгерский дипломат, посол в царской России в 1913—1914 гг.—362, 367, 373—374, 378, 388—389, 391, 398—400, 403—405, 412, 421, 430, 436—438, 452, 559 560, 573, 589, 668.

Свербеев Сергей Николаевич, царский дипломат, в 1908—1910 гг. советник царского посольства в Австро-Венгрии, в 1910—1912 гг. посланник в Греции, в 1912—1914 гг. посол в Германии.—298.

Сегени Ладислаус (Szögyény), граф, австро-венгерский дипломат, посол в Германии в 1892—1914 гг.—160, 327—329, 340, 364, 369—371, 373, 376—379, 490—494, 496—497, 499, 503, 512, 520—523, 530—532, 540, 545, 548, 553—556, 568, 585, 588.

Севастопуло Матвей Маркович, царский дипломат, советник посольства и поверенный в делах во Франции в 1912—1914 гг.—457.

Сельв-де, Жюстин Жермен (Selves), французский государственный деятель, министр иностранных дел в кабинете Кайо (*см.*) в 1911—1912 гг.—231, 251, 255.

Семба Марсель (Sembat), один из лидеров французской социалистической партии, социал-патриот и оборонец.—95.

Серб Александр (Srb), деятель омладинского движения в Сербии.—290.

Сечен Николаус (Szécsen), австро-венгерский дипломат, посол во Франции в 1911—1914 гг.—351, 366, 451, 453—454, 456—457, 461, 468, 472.

Сили Джон (Seely), английский полковник, военный министр в либеральном кабинете Асквита (*см.*) в 1912—1914 гг.—259.

Симич Божин (Simić), деятель омладинского движения в Сербии.—281, 285.

Смит Фредерик, впоследствии лорд Биркенхед (Smith), английский государственный деятель, видный член консервативной партии, член парламента в 1914 г.—672, 694.

Спендер Джон (Spender), английский журналист, редактор либеральной газеты «Westminster Gazette», являвшейся органом Грея (*см.*).—185.

Спалайкович Мирослав (Spalaicović), сербский дипломат, до 1911 г. один из крупных работников министерства иностранных дел, в 1911—1913 гг. посланник в Болгарии, в 1914 г. управляющий министерством иностранных дел и посланник в царской России.—301, 309—310, 393, 397, 399, 401, 412, 414.

Стамбулов Стефан (Stambulow), болгарский государственный деятель, премьер-министр и министр внутренних дел в 1887—1894 гг.—615.

Стамфордгам Артур (Stamfordham), лорд, личный секретарь английского короля Георга V в 1910—1931 гг.—697.

Станоевич Станое (Stanojević), деятель омладинского движения в Сербии, профессор белградского университета.—279, 281.

Стефанович-Виловский Теодор (Stefanović Vilovsky), сербский дипломат, начальник прессбюро сербского министерства иностранных дел в 1912—1914 гг.—290

Стефанович Душан (Stefanović), сербский полковник, военный министр в 1914 г.—283—284.
Стид Уикхэм (Steed), английский журналист, редактор иностранного отдела английской газеты «Times» в 1914 г.—447, 614, 675, 682, 688.
Стипсиц Карл (Stipsicz), барон, капитан австрийского генерального штаба.—362.
Столыпин Петр Аркадьевич, царский премьер-министр и министр внутренних дел в 1906—1911 гг.—144.
Сухомлинов Владимир Александрович, царский генерал, военный министр в 1909—1915 гг.—235, 261—262, 272, 409, 415, 421, 428, 434, 436, 439—442, 547—548, 567, 581, 591, 595.
Тальбот Эдмунд (Talbot), английский политический деятель, видный член консервативной партии в 1914 г.—675, 684.
Танака Гинти (Tanaka), барон, японский генерал, начальник генерального штаба, премьер-министр и министр иностранных дел в 1927—1929 гг.—13.
Танкоссич Войя (Tancosić), сербский майор, деятель омладинского движения, один из руководителей патриотических обществ «Народна одбрана» и «Черная рука» и организаторов сараевского покушения.—279, 281—283, 291, 294, 349, 354, 379.
Татищев Илья Леонидович, царский генерал, личный адъютант Николая II в свите германского императора Вильгельма II.—441, 443.
Таубе Михаил Александрович, барон, царский дипломат, юрисконсульт министерства иностранных дел в 1904—1910 гг.—112.
Темперлей Гарольд (Temperley), английский историк, один из редакторов английской публикации английских дипломатических документов предвоенной эпохи.—185, 191, 204.
Теодорович Коста (Teodorović), сербский офицер, член патриотического общества «Черная рука», один из начальников пограничной охраны и контрразведки на австро-сербской границе.—284.
Тирпиц Альфред (Tirpitz), германский адмирал, создатель германского флота, морской министр в 1897—1916 гг.—136, 140—141, 144—146, 152, 154, 170, 243, 512, 550, 570—571, 601.
Тиррель Уильям, сэр, впоследствии лорд Тиррель (Tyrrel), английский дипломат, личный секретарь статс-секретаря по иностранным делам сэра Эдуарда Грея (*см.*) в 1907—1915 гг.—33, 65, 229, 547, 549, 599—601, 651, 676—677.
Тисса Стефан (Tisza), граф, австро-венгерский государственный деятель венгерский, премьер-министр в 1903—1905 и 1913—1917 гг.—169, 317—320, 324, 328—346, 348, 350—352, 355, 358—359, 363—364, 375, 377, 390, 397, 490, 492—493, 495—496, 510, 519, 521—527, 529, 558, 560, 579, 589.
Того Хейхатиро (Togo), японский адмирал, в 1905 г. командующий японским флотом, разгромившим царскую эскадру при Цусиме.—107.
Тревельян Чарльз (Trevelyan), английский политический деятель, помощник министра просвещения в кабинете Асквита (*см.*) в 1910—1914 гг.—659.
Троубридж Эрнест-Чарльз (Troubridge), сэр, английский адмирал, начальник морского генерального штаба в 1912 г.—147.
Трубецкой Григорий Николаевич, князь, царский дипломат, в 1912—1914 гг. начальник дальневосточного отдела в азиатском департаменте министерства иностранных дел, в 1914—1917 гг. посланник в Сербии.—405.
Туган-Барановский Лев Степанович, капитан царского генерального штаба.—434.
Тухер Генрих (Tucher), германский дипломат, баварский посланник в Австро-Венгрии в 1914 г.—511.
Фалькенгайн Эрих (Falkenhayn), германский генерал, прусский военный министр в 1914 г.—512—514, 550, 569, 600—601.
Федоров Михаил Павлович, буржуазный публицист в царской России.—88.
Фергольм Вильям (Fairholme), английский полковник, военный атташе при английском посольстве во Франции в 1909—1912 гг.—237, 242.
Фердинанд, князь, а с 1909 г. король Болгарии, годы правления 1887—1918.—83, 158, 279, 352, 493.
Ферри-Абель (Ferry), французский государственный деятель, помощник министра иностранных дел в 1914 г.—456—457, 463, 470—472.
Фиппс Эдмунд-Генри (Phipps), английский дипломат, посланник в Бельгии в 1900—1906 гг.—205—206.

Фицморис Эдмунд-Джордж (Fitzmaurice), английский дипломат, парламентский помощник статс-секретаря по иностранным делам в 1883—1885 и 1905—1908 гг.—67, 109, 201.
Фишер Джон, сэр, а с 1909 г. лорд Фишер (Fisher), английский адмирал, первый морской лорд в 1904—1910 и 1914—1915 гг.—63, 139, 141—142, 144, 174, 184, 208, 234, 515.
Флотов Ганс (Flotov), германский дипломат, посол в Италии в 1910—1915 гг.—537.
Фор Феликс (Faure), президент французской республики.—176.
Форгач Иоганн (Forgách), граф, австро-венгерский дипломат, в 1907—1911 гг. посланник в Сербии, в 1913—1914 гг. один из крупных работников министерства иностранных дел.—328—329, 352, 361, 369, 375, 390, 397, 530, 593.
Фош Фердинанд (Foch), французский фельдмаршал, в 1910—1911 гг. начальник французской военной академии, в 1918 г. главнокомандующий армиями Антанты.—168, 212, 228—229, 236, 238—239, 254—255, 276.
Франтц Гунтер (Frantz), германский майор, директор «Военного архива» в Потсдаме.—417.
Франц-Иосиф II, австрийский император в 1848—1916 гг. и венгерский король в 1867—1916 гг.—76, 159, 169, 217, 318—319, 324—326, 328—329, 336—338, 340—346, 355, 360—365, 367—369, 375—378, 380, 490, 492—496, 513, 519, 522, 524, 527, 529, 588—589, 593, 626.
Франц-Фердинанд, эрцгерцог, наследник австрийского престола, убитый 28 июня 1914 г. в Сараево.—161, 279—281, 283—287, 290, 293—294, 315, 324, 384, 390, 393, 398, 450, 488—489, 613, 616, 618.
Фредерикс Владимир Борисович, барон, деятель царского режима, министр императорского двора в 1897—1917 гг.—435.
Френч Джон, сэр, впоследствии лорд Френч (French), английский фельдмаршал, начальник английского генерального штаба в 1911—1914 гг.—204, 212, 234, 255, 692.
Фрид Альфред (Fried), германский профессор-пацифист.—121.
Фридрих австрийский, эрцгерцог, главнокомандующий австро-венгерскими военными силами в 1914 г.—368.
Фридъюнг Генрих (Friedjung), австрийский буржуазный историк и публицист.—117, 276, 278, 347, 365, 399.
Фэй Сидней (Fay), американский буржуазный историк.—14, 19.
Хейльшам, лорд—*см.* Хогг Дуглас.
Хелиус Филипп-Оскар (Chelius), германский генерал, представитель Вильгельма II в свите Николая II.—543.
Хенки Морис (Hankey), сэр, английский полковник, секретарь Комитета имперской защиты с 1912 г.—191, 267.
Холден Ричард (Holdane), лорд, английский государственный деятель, в 1905—1912 гг. военный министр, в 1912—1915 гг. лорд-канцлер.—56, 63—64, 67—68, 133, 145, 150, 190, 194—195, 204, 207, 209, 212, 215—218, 226—229, 232—235, 241—245, 248, 255, 260—261, 659, 687.
Хомяков Николай Алексеевич, политический деятель царского режима, один из лидеров «панславистского» движения, председатель Государственной думы в 1908—1910 гг.—114.
Ценкер Ганс (Zenker), капитан германского флота, один из крупных работников морского генерального штаба в 1914 г.—512.
Церетелли Ираклий Георгиевич, один из вождей русского меньшевизма.—111.
Циганович Милан (Ciganović), деятель омладинского движения в Сербии, один из организаторов сараевского покушения 28 июня 1914 г.—279, 282—283, 290—291, 294, 349, 356, 616, 629.
Циганович Циго — см. Циганович Милан.
Циммерман Альфред (Zimmermann), германский дипломат, в 1910—1911 гг. начальник политического отдела министерства иностранных дел, в 1911—1916 гг. помощник статс-секретаря по иностранным делам.—289, 298, 327, 329—330, 340, 490—493, 495—496, 506—509, 518—520, 526, 530, 562, 615, 617.
Чемберлен Джозеф (Chamberlain), английский государственный деятель, консерватор, министр колоний в 1885—1903 гг. — 42—43, 59, 61.
Чемберлен Остин (Chamberlain), сын Джозефа Чемберлена, английский государ-

ственный деятель, видный консерватор, занимал ряд министерских постов после мировой войны. — 683—685, 687, 689.

Чернин Оттокар (Czernin), граф, австро-венгерский дипломат, посланник в Румынии в 1913—1917 гг. —351.

Чернин Отто (Czernin), австро-венгерский дипломат, в 1910—1812 гг. советник посольства в Румынии, в 1912—1914 гг. советник посольства в царской России. — 384.

Черчиль Уинстон (Churchill), английский государственный деятель, в 1908—1910 гг. министр торговли, в 1910—1911 гг. министр внутренних дел, в 1911—1915 гг. первый лорд адмиралтейства (морской министр). —6, 47, 61, 143, 164—172, 183, 211, 213—215, 232—235, 237, 241—243, 245, 247, 249, 265, 608—609, 636, 643—645, 650—651, 659, 662—665, 669, 671—672, 683—684, 687, 689, 693.

Чиршки-фон, Генрих (Tschirschky), германский дипломат, в 1906—1907 гг. статс-секретарь по иностранным делам, в 1907—1916 гг. посол в Австро-Венгрии.—160, 320—322, 324, 326, 329—330, 333, 340—346, 348, 351, 361, 366, 368—375, 489—491, 494, 496, 520—526, 528—533, 537, 539—541, 545, 548, 552—554, 556, 559—560, 562, 565, 572—575, 577—578, 585, 588—589, 592—593, 628.

Чхеидзе Николай Семенович, русский социал-демократ, меньшевик-оборонец, после Октября один из лидеров меньшевистской контрреволюции. —111.

Шебеко Николай Николаевич, царский дипломат, в 1912—1913 гг. посланник в Румынии, в 1913—1914 гг. посол в Австро-Венгрии. —371, 373—374, 388, 403, 429, 436, 573, 629, 667.

Шейдеман Филипп (Scheidemann), один из лидеров правого крыла германской социал-демократической партии, вице-президент рейхстага в 1914 г. — 80.

Шен Вильгельм (Schoen), барон, германский дипломат, в 1907—1910 гг. статс-секретарь министерства иностранных дел, в 1910—1914 гг. посол во Франции. — 451—454, 457, 464, 468—469, 473, 475—476, 479—480, 546, 560—561, 575—576, 566—571, 668.

Шен Ганс (Schoen), племянник Вильгельма Шена *(см.)*, в 1915 г. советник баварского посольства в Берлине.—506, 508—511, 517—518, 525—526, 528, 530, 540, 551, 569.

Шиллинг Маврикий Фабианович, барон, царский дипломат, директор канцелярии министерства иностранных дел в 1911—1917 гг. — 355, 387—389, 395, 397, 403, 405, 414.

Шисль Франц (Schiessl), начальник личной канцелярии австро-венгерского императора Франца-Иосифа в 1899—1917 гг.—360.

Шлиффен Альфред (Schlieffen), граф, германский генерал, начальник генерального штаба в 1891—1905 гг., автор германского плана войны на два фронта, крупнейший стратег.—10, 83, 127—128, 134, 154—155, 165, 170—172, 178, 210, 248—249, 273, 383, 477, 576, 582, 591, 594, 597, 600, 601.

Шмит Бернадот (Schmitt), американский буржуазный историк.—274.

Шомье Эмануил (Chaumier), французский государственный деятель, видный член радикальной партии.—187.

Шпее-фон, Максимилиан (Spee), германский адмирал, командующий дальневосточной германской эскадрой в 1914 г.—516, 549.

Штроль Мориц (Stroll), германский экономист.—113.

Штиве Фридрих (Stieve), германский дипломат, издатель «Переписки Извольского»—35.

Штольберг Фридрих-Вильгельм (Stolberg), принц, германский дипломат, советник посольства в Австро-Венгрии в 1911—1918 гг.—510, 519—520, 527, 529.

Шторк-фон, Вильгельм (Storck), австро-венгерский дипломат, советник посольства в Сербии в 1913—1914 гг. — 287—290, 292, 294, 301, 359, 616.

Штюргк Карл (Stürgh), граф, австро-венгерский государственный деятель, австрийский премьер-министр в 1911—1916 гг. —318, 329—330, 332—335, 345, 352, 355, 377, 491, 496, 524.

Штрандтман Василий Николаевич, царский дипломат, секретарь посольства и временный поверенный в делах в Сербии в 1911—1914 гг. — 297, 302, 305—306, 308, 403, 410—411.

Штумм-фон, Вильгельм (Stumm), германский дипломат, начальник политического отдела германского министерства иностранных дел в 1914 г. —322—324, 589.

Эбенер Шарль (Ebener), французский генерал, помощник начальника генерального штаба в 1914 г.—473—474.
Эггелинг Бернгард (Eggeling), майор германского генерального штаба, военный атташе при германском посольстве в царской России в 1912—1914 гг.—428, 432—433.
Эдуард VII, король Англии в 1901—1910 гг.—58, 76, 106, 109, 143—144, 184, 195, 212, 230.
Эйнем-фон, Карл (Einem), германский генерал, прусский военный министр в 1905—1906 гг.—134—135.
Эйхгорн-фон, Герман (Eichhorn), германский генерал.—124—125.
Эмери Леопольд-Чарльз (Amery), английский государственный деятель, видный член консервативной партии, в 1914 г. член парламента.—675, 684, 692.
Эрве Густав (Hervé), французский социал-патриот и фашист, журналист.—95, 459.
Эренталь Алоиз (Aehrenthal), граф, австро-венгерский дипломат и государственный деятель, в 1899—1906 гг. посол в царской России, в 1906—1912 гг. министр иностранных дел.—109, 114, 158 161, 164, 224, 472, 500.
Эссен Николай Оттонович, царский адмирал, перед мировой войной и в начале ее командующий балтийским флотом.—425.
Этьен Эжен (Etienne), французский государственный деятель, в 1905 г. министр внутренних дел, в 1905—1906 гг. военный министр.—249.
Эшер Реджинальд (Esher), лорд, английский государственный деятель, член консервативной партии, с 1905 г. член Комитета имперской защиты.—190, 204, 208—209.
Юберсбергер Ганс (Uebersberger), австрийский историк, профессор венского университета.—350.
Юнг Оуэн (Young), американский финансист, председатель комиссии, выработавшей план выплаты Германией репарационных платежей, так называемый «план Юнга».—26.
Ягов-фон, Готлиб (Jagov), германский дипломат, в 1909—1912 гг. посол в Италии, в 1913—1916 гг. статс-секретарь (министр) по иностранным делам —306, 340, 361, 371, 431, 445—446, 495, 500—506, 511, 518—521, 524, 526 536, 538, 540—542, 545, 548—551, 553—557, 559, 562, 569, 571, 582, 585—587, 592, 601, 623.
Янкович Велизар (Jankovič), сербский государственный деятель, министр торговли, сельского хозяйства и промышленности в 1913—1914 гг.—283.
Янушкевич Николай Николаевич, царский генерал, начальник генерального штаба в 1914 г.—405, 424—426, 430—436, 439—443, 474, 577, 581, 595.
Ярд-Буллер Генри (Yarde-Buller), английский полковник, военный атташе при английском посольстве во Франции в 1914 г.—461.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Агадир, порт в Марокко, Северо-западная Африка.—72, 92, 160, 162, 213, 216—217 227, 230—231, 239—244, 254—255, 504, 581, 604, 687.
Аграм — см. Загреб.
Адриатическое море.—47, 75, 82, 259—260, 386, 510, 542.
Адриатика — см. Адриатическое море.
Адрия — см. Адриатическое море.
Австралия. — 51—52, 88, 120, 139, 243.
Азиатская Турция.—18, 126.
Азия.—43, 51—53, 75, 83, 88, 96, 105.
Айя-София, главная мечеть в Константинополе *(см.)*. — 225.
Албания — 166, 265, 291, 314, 316, 339, 359, 394, 510, 561—562, 573.
Алжезирас, порт в Испании вблизи Гибралтара.—66, 68, 132, 157, 191, 200—201, 216, 511, 604.
Алжир, французская колония на средиземноморском побережье Африки.—50.
Америка.— см. США.
Антверпен, крупный город и порт в Бельгии.—206, 249.
Аргентина, республика в Южной Америке.—88.
Арденны, возвышенность в северной Франции и южной Бельгии. —208.
Аррас, город в Северной Франции.—232.
Архипелаг — см. Зондский архипелаг.
Атлантика — см. Атлантический океан.
Атлантический океан —75, 92, 152, 187, 246.
Афганистан.—75, 83, 107—108, 122.
Африка.—10, 43, 51—53, 75, 88, 179, 244, 251, 323, 460, 666.
Афины, столица Греции.—351, 360.
Бавария, одно из немецких государств, входящих в состав Германской империи.— 249, 567.
Багдад, один из крупнейших городов Месопотамии, входил вместе с последней в состав Турецкой империи до войны 1914—1918 гг.; во время войны 1914—1918 гг. был захвачен английскими войсками; в настоящее время — столица королевства Ирак.—99, 115, 275.
Бад-Ишль — см. Ишль.
Балканы. — 25, 39, 52, 75—76, 82, 98—100, 103, 110—111, 113—116, 119, 156, 163, 166, 169—170, 219, 223, 239, 252, 254—260, 265—267, 275—276, 280, 314—318, 321, 324, 327, 329, 331—332, 335—337, 339, 351, 353, 359, 370, 372, 375, 381—386, 408, 419, 437, 488, 490—497, 500—505, 508, 510—511, 519—520, 525, 528, 535, 538, 541—542, 550, 559, 562—563, 569—570, 578, 580, 586, 588, 593, 598, 602, 614—615, 622, 638, 654—655.
Балтийское море.—144, 543.
Бальгольм, шхеры у западного побережья Норвегии.—528, 535.
Банат, до 1918 г. венгерская провинция, после войны 1914—1918 гг. разделена между Югославией и Румынией.—82.
Барановичи, город в Минской губернии в царской России, в настоящее время принадлежит Польше—362.
Безансон, крупный город в Восточной Франции.—466.
Белосток, б. уездный город в Гродненской губернии до 1917 г., сейчас принадлежит Польше.—362.
Бельгия.—16, 25, 50, 53, 60, 72, 76, 155, 185, 193—194, 199, 201, 206—207, 211, 221,

227—228, 233—235, 237—239, 248—250, 257, 259, 274, 482, 483, 488, 569—571, 575—576, 607, 642, 669—670, 672, 674, 677, 687, 690—696.
Бельфор, крепость в Восточной Франции, до присоединения Эльзаса находилась у самой границы с Германией.—462—463.
Бендин, б. уездный город в Царстве Польском (*см.*), после войны 1914—1918 гг. принадлежит Польше.—425.
Бергавен, английская военно-морская база на юго-западном побережье Ирландии.—139.
Берген, порт на западном побережье Норвегии.—528.
Берн, столица Швейцарии.—126, 462.
Бессарабия, часть территории СССР, захваченная в 1918 г. Румынией.—130, 163.
Ближний Восток—см. Балканы.
Болгария.—83, 133, 158—159, 162—164, 166, 170, 174, 256, 297, 314, 316, 318—319, 323, 325, 331—332, 337, 339, 352, 358—359, 493—494, 507, 510, 513—514, 518, 561—562, 573, 586, 629.
Боркум, один из Фрисландских островов у северо-западного побережья Германии.—234.
Босния, до окончания войны 1914—1918 гг. провинция Австро-Венгрии на западной границе с Сербией, после окончания войны 1914—1918 гг. вошла в состав Югославии.—109, 114, 116, 158—160, 163, 167, 224, 238, 253, 276—277, 280—284, 294, 307, 315, 325—326, 330, 332—334, 346—347, 379, 384—385, 450, 472, 545, 574, 616.
Босфор, пролив, соединяющий Черное море с Мраморным морем (Турция).—99.
Боуд, имение английского политического деятеля лорда Лэндоуна (*см.*) в Англии.—684.
Бразилия, республика в Южной Америке.—88.
Бремен, крупный порт на северо-западном побережье Германии на Северном море.—27.
Брест, военный порт и база на северо-западном побережье Франции на Атлантическом океане.—246 247, 426.
Брест-Литовск, б. уездный город Гродненской губернии и крепость в царской России; сейчас принадлежит Польше.—363, 425.
Бретань, историческая провинция в Северо-западной Франции.—474.
Брие, бассейн железнорудный в Восточной Франции.—86, 467, 660.
Бриндизи, порт в Южной Италии на побережье Адриатического моря.—509.
Британская Гвиана, английская колония на северо-восточном побережье Южной Америки.—666.
Брод, город в Австро-Венгрии, после 1918 г. в Югославии.—385.
Бродстарс, дачная местность близ Лондона.—684.
Брюссель, столица Бельгии.—193, 205—206, 470, 569.
Бьорке, небольшой городок на юго-восточном побережье Финляндии в Финском заливе Балтийского моря.—93, 119, 132.
Будапешт, столица Венгрии.—312, 328, 629.
Булонь, порт во Франции на побережье Ламаншского канала.—204—205, 232, 481, 682.
Бухарест, столица Румынии.—339, 351, 354, 360, 369, 414, 494, 518.
Бухлау, замок в Богемии, где в 1908 г. произошла встреча между австро-венгерским министром иностранных дел Эренталем и царским министром иностранных дел Извольским; с 1918 г. находится на территории Чехословакии.—109, 114, 158.
Валлона, порт в Албании на побережье Адриатического моря.—509.
Вардар, река на Балканском полуострове, впадающая в Салоникский залив, верхнее и среднее ее течение в Югославии, нижнее — в Греции.—275.
Варшава, столица Царства Польского в царской России, ныне столица Польши.—258, 362, 425, 432, 475, 550.
Веймар, город в Тюрингии в Германии.—511.
Вей-Хай-Вей, порт на северо-восточной конечности Шаньдунского полуострова в Китае, английская «концессия» с 1904 г.—666.

Велес, город в Сербии (Югославии) у албанской границы.—195—296.
Вепрж, река в Польше, правый приток Вислы.—425.
Верден, крепость в Восточной Франции.—208, 228.
Вервье, город в Бельгии.—208.
Версаль, б. резиденция французских королей, недалеко от Парижа.—21, 26, 29.
Вест-Индия, архипелаг в Атлантическом океане у восточного побережья Центральной Америки.—57.
Восточная Азия.—13.
Восточная Африка.—83.
Восточная Галиция (Западная Украина), провинция в Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. отошла к Польше.—178.
Восточная Пруссия, провинция Пруссии.—162, 165, 169, 177—179, 252, 256—257, 381.
Виддин, город в северо-западной Болгарии на Дунае.—510.
Виллагос, деревня в Венгрии.—500.
Вильно, б. губернский город царской России; в 1919—1920 гг. был захвачен поляками.—432.
Вильтшайр (Вильтшир), графство в юго-западной Англии.—233.
Висла, одна из крупных рек Восточной Европы; протекает по территории Польши, устье принадлежит Данцигу.—425.
Владимир-Волынский, б. уездный город Волынской губернии в царской России, сейчас принадлежит Польше.—425.
Гаага, столица Голландии.—6, 25, 511, 528.
Гавр, порт на северо-западном побережье Франции в Атлантическом океане.—204—205, 232, 481.
Галиция, провинция в Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. захвачена Польшей.—18, 38, 96, 117, 126, 129—130, 165—166, 170, 253, 262—263, 328, 379, 425, 475, 507, 662.
Галле, город в прусской Саксонии.—53.
Гамбург, крупный порт на северо-западном побережье Германии.—99, 115, 143.
Гевгели, город в Сербии, после войны 1914—1918 гг. в Югославии.—295—296.
Геммених, деревушка в Бельгии на границе с Голландией.—692.
Герцеговина, провинция, аннексированная Австро-Венгрией, в 1918 г. после войны 1914—1918 гг. отошла к Югославии.—109, 114, 116, 158—160, 167, 224, 253, 277, 280, 284, 307, 315, 326, 330, 332—333, 347, 379, 384—385, 472, 545, 574, 575.
Гибралтар, английская крепость и одна из важнейших баз английского флота на южном побережье Испании, блокирующая одноименный пролив, соединяющий Атлантический океан со Средиземным морем.—139—140, 146, 666.
Гильдергхаузен, город в Германии.—27.
Гогенфинов, имение германского канцлера Бетман-Гольвега (*см.*) в прусской провинции Бранденбург—493, 517, 534.
Голландия—50, 53—54, 56, 72, 76, 101, 206, 211, 235, 571, 642, 694—695.
Голландская Индия, принадлежащие Голландии острова между Юго-восточной Азией и Австралией.—120.
Гомбург, курорт в прусской провинции Гессен-Нассау.—143.
Гонконг, одна из важнейших баз английского флота, крепость, находится в Южном Китае, на побережье Южнокитайского моря.—216.
Гостивар, деревня в Сербии (Югославии).—296.
Гравоза, город в Далмации (*см*).—263.
Граево, местечко в Царстве Польском близ крепости Оссовца, сейчас принадлежит Польше.—425.
Греция.—83, 163—164, 166, 170, 174, 314, 316, 318, 337, 339, 359.
Гродно, б. губернский город в царской России, сейчас принадлежит Польше.—425.
Гулль, порт на восточном побережье Англии.—549.
Гюи, форт, крепость в Бельгии.—248.
Далмация, провинция в Австро-Венгрии на побережье Адриатического моря, после войны 1914—1918 гг. провинция Югославии.—276, 347,
Дальний Восток.—8, 60, 98, 103—105, 107, 110, 221—222, 235, 381.

Дания.—50, 73, 101, 127, 211, 455, 542.
Данциг, город в Германии, после войны 1914—1918 гг. «вольный город».—130, 381.
Дарданеллы, пролив, соединяющий Мраморное море с Эгейским (Турция).—99, 105—108.
Девонпорт, порт на Южном побережье Англии.—140.
Диепп, курорт на северо-западном побережье Франции.—204—205.
Динамюнде (Усть-Двинск), крепость в царской России у г. Риги в Рижском заливе Балтийского моря, после войны 1914—1918 гг. в Латвии.—425.
Динан, город в Бельгии.—208.
Динан, город на северо-западе Франции.—466.
Додеканез, группа островов в Эгейском море, у побережья Турции, захваченных Италией во время итало-турецкой войны 1911—1912 гг.—520.
Дрина, река Югославии (приток Савы), до мировой войны значительная часть составляла границу с Австро-Венгрией.—283.
Дуврский пролив, или Па-де-Кале, самая узкая часть пролива Ламанш между Францией и Англией.—664—665.
Дунай, длиннейшая река в Европе. Истоки находятся в Западной Германии, впадает в Черное море.—114, 163, 263, 379.
Дураццо, город в Албании.—265, 360.
Дьяково, деревня в Албании.—323.
Дюнкерк, порт на северо-западном побережье Франции у границы с Бельгией.—463, 536.
Египет.—47, 50, 75, 82—83, 216, 676, 688.
Живе, город в Северо-восточной Франции на р. Маасе.—208.
Загреб, или Аграм, главный город Хорватии *(см.)*—277—278, 280, 332, 347.
Западная Африка.—139.
Западная Галиция, провинция в Австрии, сейчас принадлежит Польше.—178.
Зара, город в Далмации *(см.)*, сейчас принадлежит Италии.—332, 347.
Землин, город в Австро-Венгрии на побережье Дуная против столицы Сербии — Белграда, после войны 1914—1918 гг. в Югославии.—312.
Зибенбюрген, или Семиградье, или Трансильвания, область в Венгрии, после войны 1914—1918 гг. в Румынии.—168.
Зондский архипелаг, группа островов (четыре больших и ряд мелких) между Азией и Австралией, в основном составляющих Голландскую Индию *(см.)*.—13.
Ивангород, крепость у впадения р. Вепрж в Вислу в Царстве Польском в царской России, сейчас принадлежит Польше.—363, 425.
Индия.—13, 54, 63, 83, 120, 139, 147, 149, 176, 642, 688.
Иокогама, крупный порт в Японии.—462.
Иранский [Персидский] залив Индийского океана между побережьем Ирана и полуостровом Аравией.—54, 115, 216.
Иран [Персия], государство в Средней Азии.—18, 50—51, 54, 75, 83, 107—108, 111, 120, 126, 221—222, 662.
Ирландия.—139, 636.
Ирландский канал, или Ирландское море, море между Ирландией и Англией.—508, 664.
Испания.—50, 53, 56, 73, 76, 89—92, 132, 148, 199, 230—231, 238, 251, 398.
Италия.—44, 50, 71, 73, 75—76, 81—82, 84, 110, 113, 119—120, 130—134, 144, 148, 150, 157—159, 161—164, 166—167, 175—177, 179—181, 199, 238, 251, 316, 320—322, 330, 339, 353, 355, 374—375, 377, 378—388, 395, 398, 411—412, 416, 421—422, 484, 495, 509—510, 519, 526, 537—538, 542, 544, 561—562, 577—579, 586, 592, 595—596, 635, 637, 639, 640, 651.
Итчен-Абасс, имение б. английского министра иностранных дел сэра Эдуарда Грея в Англии.—650.
Ифни, пост в Марокко на Атлантическом побережье Африки.—92.
Ишль, курорт в Австрии, провинция Верхняя Австрия.—340—341, 361, 363—364, 511, 524, 529, 539.
Кавала, порт в Греции на побережье Эгейского моря.—510.
Казабланка, порт на Атлантическом побережье французского Марокко.—119, 132, 157, 216, 460.
Кале, порт во Франции у пролива Па-де-Кале.—204—205, 682.

Калиш, б. губернский город в Царстве Польском в царской России, на границе с Германией, сейчас принадлежит Польше. — 425.
Камбре, город на севере Франции, на границе с Бельгией. — 232.
Канада, доминион Британской империи в Северной Америке. — 55, 243.
Канал — см. Ламанш.
Карлсбад, курорт в Австрии, после войны 1914—1918 г. в Чехословакии. — 528.
Карниола (Крайна), б. провинция в Австрии, после войны 1914—1918 гг. поделена между Италией и Югославией. — 347.
Катарро порт в Далмации *(см.)*, принадлежит теперь Югославии. — 509.
Кенитра, город во французском Марокко. — 460.
Кептоун, английский порт на южной оконечности Африки. — 516.
Киао-Чао (правильно Цзяо-Чжоу), германское колониальное владение на южном побережье Шаньдунского полуострова в Китае, после войны 1914—1918 гг. был захвачен Японией, но позднее возвращен ею Китаю. — 98.
Киль, крупный германский порт на побережье Балтийского моря. — 323, 409, 493, 517.
Кильский канал, канал в Северной Германии, соединяющий Балтийское море с Северным через Ютланский полуостров. — 149.
Китай. — 13, 16, 50—51, 53, 88, 96, 98, 104—105, 110—111, 186, 221—222, 358, 666.
Ковно, б. крепость и губернский город в царской России, сейчас столица Литвы. — 425, 550.
Ковель, б. уездный город Волынской губернии в царской России, сейчас принадлежит Польше. — 129—130, 165, 170, 177—179, 253, 426, 510.
Коммерси, город во Франции, до войны находившийся близко от границы с Германией. — 462.
Конго, территория в центральной части Африки, прилегающая к реке Конго и поделенная до войны между Бельгией, Францией, Германией и Португалией. Германское Конго после войны поделено между Францией и Бельгией. — 92, 231.
Конопишт, замок эрцгерцога Франца-Фердинанда *(см.)* в австро-венгерской провинции Богемии, после войны 1914—1918 гг. в Чехословакии. — 280.
Константинополь, крупнейший город Турции, до 1923 г. ее столица. — 18, 38, 75, 96, 98—100, 102, 106—107, 109—110, 114, 119, 126, 158, 166, 219, 222—223, 226, 238-239, 252, 254, 259, 275, 315, 347, 352, 360, 381, 414, 444, 458, 504—505, 566, 662.
Констанца, порт на побережье Черного моря в Румынии. — 385.
Копенгаген, столица Дании. — 455, 546.
Корея, полуостров, колония Японии. — 105.
Корфу, остров в Ионическом море у побережья Греции. — 279.
Коссово поле, местность в Сербии (Югославии) — 284.
Крагуевац, город в Сербии. — 283, 306, 348, 369.
Краков, город в Галиции в Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. в Польше. — 178, 258.
Краковская область, район города Кракова — см. Краков. — 117.
Криволак, местечко в Сербии. — 295.
Кромер, город в восточной Англии (графство Норфольк). — 650—651.
Кронберг, курорт в Рейнской области, Германия. — 143.
Куманово, город в Сербии. — 295.
Ламанш, пролив между Англией и Францией. — 152, 177, 198, 246, 482, 643, 686.
Либурн, город в юго-западной Франции. — 466.
Ливия, итальянская колония на северном побережье Африки. — 107.
Лимож, город в центральной Франции. — 187.
Лион, крупный город на юго-востоке Франции. — 130.
Ловчен, гора в Черногории, командующая над входом в б. австрийский порт Катарро на Адриатическом море, после войны 1914—1918 гг. в Югославии. — 509, 510.
Лозанна, город в Швейцарии, у Женевского озера. — 281.
Лозница, город в Сербии (Югославии). — 282, 284, 295, 348, 356.
Лонгийон, город во Франции на границе с Бельгией. — 462.
Лонгви, город в Северо-восточной Франции. — 462.
Лон-Ле-Санье, город во Франции близ границы с Швейцарией. — 416.

Лотарингия, французская провинция, частично захваченная Германией после войны 1870—1871 гг., после войны 1914—1918 гг. возвращена Франции. — 85—87, 93, 249, 460, 518.
Львов, город в Галиции, в Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. в Польше.—258.
Льеж (Люттих), город и крепость в восточной Бельгии. —208, 248—249.
Люблин, б. губернский город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —129—130, 165, 170, 177—179, 253
Любляны, город в Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. в Югославии. —277.
Люксембург, небольшое европейское государство между Бельгией, Германией и Францией. — 248—249, 482—483, 601—602, 685, 688.
Люневиль, город в северо-западной Франции. —462.
Ляодунский полуостров, в Манчжурии между Ляодунским и Корейским заливами. —104.
Маас (франц. Meuse), река на территории Франции и Бельгии, впадающая в Северное море. —248—249.
Мадагаскар, остров к юго-востоку от Африки, французская колония. —231.
Македония, б. провинция Турции, разделенная после балканских войн 1912—1913 гг. между Сербией (Югославией), Грецией и Болгарией. —337, 510.
Малая Азия. —13, 53, 83, 97, 99, 102, 119, 223, 260, 384, 586.
Мальта, остров в Средиземном море, одна из крупнейших военно-морских баз Англии. —139—140, 147, 666.
Манчжурия. —75, 77, 79, 97, 103—104, 110, 132, 134, 154, 177, 220.
Марна, река на северо-востоке Франции, приток Сены —273.
Марокко, государство на северо-западном побережье Африки, находящееся под протекторатом Франции и Испании. —47—48, 50, 53, 66, 72, 75—76, 88—92, 119—120, 132, 156—157, 160—161, 170, 183, 186—188, 194, 196—197, 221, 226, 229—231, 237, 239, 247, 251, 253, 254, 460, 467, 504, 604, 681, 687.
Марсель, крупный порт во Франции на Средиземном море. —130, 460, 462.
Мезьер, город на северо-востоке Франции на границе с Бельгией. —208, 210.
Мекуэс, город во французской колонии Марокко. —460.
Месопотамия, турецкая провинция в Азии, после войны 1914—1918 гг. вошла в состав королевства Ирак. —83.
Мидвей, рейд в устье реки Темзы в Англии. —549.
Милан, город в Северной Италии. —347.
Митилена (в древности Лесбос), остров в Эгейском море, принадлежащий Греции. —394.
Митровицы, город в Сербии (Югославии). —296.
Млава, уездный город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —425.
Могадор, порт на побережье Атлантического океана в французской колонии Марокко. —92.
Монастырь, город в Сербии (Югославии). —296.
Морава, река в Югославии (Сербии), правый приток Дуная. —115, 412.
Мюрцштег, курорт в юговосточной Австрии (Штирия). —99.
Намюр, город в Бельгии. —208, 228, 248.
Нанси, город во Франции (в Лотарингии). —462.
Нарев, река в Польше, правый приток Вислы. —425—426.
Ниш, город в Сербии (Югославии). —287, 296.
Новый Базар, столица Новобазарского санджака, области, оккупированной вместе с Боснией-Герцеговиной в 1878 г. австро-венгерскими войсками; в 1909 г. Новобазарский санджак был возвращен Австро-Венгрией Турции, а после балканских войн 1912—1913 гг. вошел в состав Сербии. —158, 297, 542.
Новая Зеландия, группа островов к востоку от Австралии на Тихом океане, английский доминион. —243.
Новая Сербия, южная провинция Сербии, после войны 1914—1918 гг. в Югославии. — 296, 358.
Новогеоргиевск, крепость в Царстве Польском в царской России, после войны 1914—1918 гг. в Польше, переименована в Модлин. —425.
Нормандия, провинция на северо-западе Франции. —86.

Норвегия. —50, 73, 101, 214, 455, 513, 515, 546.
Ньюфаундленд, остров у побережья Северной Америки, английский доминион.—75, 183.
Одюн, город в Восточной Франции. —462.
Оппельн, город в Германии (Верхняя Силезия). —130.
Оран, город во французской колонии Алжир на северном побережье Африки.—460.
Оркнейские острова, группа великобританских островов у северного побережья Шотландии. —644.
Осло, столица Норвегии, —455.
Оссовец, б. крепость в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше.—425.
Остроленка, уездный город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше —425.
Пакрац, город в Боснии. —289, 301.
Панамский канал, канал через центральноамериканский перешеек (на территории республики Панама), соединяет Тихий океан с Атлантическим. —140.
Пекин, сейчас Бейпин, б. столица Китая. —106.
Пиринеи, горный хребет вдоль границы между Францией и Испанией. —474.
Позе́н — см. Познань.
Познань, главный город прусской провинции Познань, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —130, 475.
Пола, порт и военно-морская база Австро-Венгрии в северной части Адриатического моря, после войны 1914—1918 гг. в Италии. — 516.
Польша —26, 165, 169, 234, 381, 679.
Померания, провинция в Пруссии —185, 211, 234.
Понапе, остров в группе Маршалльских островов на Тихом океане, принадлежавших Германии, после войны 1914—1918 гг. — Японии. —516.
Поркаллауд, район в Финском заливе Балтийского моря, намеченный командованием царского флота для постановки главного минного заграждения в случае войны с Германией. —426.
Портланд (Портленд), порт на южном побережье Англии. —139, 426, 429, 644, 665.
Портсмут, порт на южном побережье Англии. —103, 110, 140, 517, 542.
Португалия. —44, 53, 56, 73, 76, 244.
Потсдам, городок близ Берлина в Германии, резиденция германских императоров в 1871—1918 гг. —132, 417, 463, 495, 512, 514, 517—518, 549—550, 555—557, 569—571, 575.
Пултуск, уездный город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —425.
Пьемонт, область в Северной Италии, раньше итальянское государство, ставшее организатором объединения итальянских государств в королевство Италия.—114, 116.
Прага, главный город провинции Богемия в Австрии, после войны 1914—1918 гг. столица Чехословакии. —277, 429.
Призрен, город в Югославии. —276.
Прилеп, город в Сербии. —296.
Пристина, город в Сербии. —296.
Пруссия, крупнейшее государство Германской империи —40, 567, 694—696.
Ракониджи, город в Италии. —181.
Рапалло, город в Италии близ Генуи. —25.
Ревель, губернский город Эстляндской губернии в царской России, сейчас под названием Таллин — столица Эстонии. —109, 401, 426.
Ревен, город в северо-восточной Франции на границе с Бельгией. —280.
Реймс, город на северо-востоке Франции. —466.
Рейн, одна из крупных рек Западной Европы, протекает по территории Германии, Франции и Голландии. —28, 130.
Рейнская зона, часть германской территории, лежащей по юго-западному берегу Рейна, демилитаризованная по Версальскому мирному договору. —26.
Рибаре, город в Албании. —290.
Ривьера, часть Средиземноморского побережья Франции и Италии. —262.

Рига, губернский город Лифляндской губернии в царской России у Рижского залива Балтийского моря, после войны 1914—1918 гг. столица Латвии. —550.
Рим, столица Италии. —307, 347, 352—353, 356, 360, 388, 390—391, 414, 470, 518, 520, 537, 572—573, 629—630.
Розайт, военно-морская база на северо-востоке Англии. —139.
Рожаны, город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —425.
Руан, город на северо-западе Франции. —232.
Румыния. —81, 82, 84, 110, 120, 129, 133, 159—160, 162—163, 165—168, 170, 257, 297, 314, 316, 318—323, 325, 330, 332, 337, 339—340, 343, 359, 375, 413, 488, 493—494, 510, 561, 577—578, 586, 627, 629.
Рур — см. Рурско-вестфальский район.
Рурско-вестфальский район, часть прусской провинции Вестфалии по восточному берегу Рейна, богатая угольными копями, центр германскоой металлургии. — 26, 87.
Сава, река на Балканском полуострове, приток Дуная. —359.
Саксония, одно из государств, входящих в состав Германии. —567.
Салоники, порт на побережье Эгейского моря в Турции, после балканских войн 1912—1913 гг. отошел к Греции. —99, 115—116, 162, 275, 303.
Самбор, город в Боснии. — 277.
Самоа, группа островов в южной части Тихого океана, часть которых принадлежала Германии до войны 1914—1918 гг. —516.
Санджак — см. Новобазарский санджак.
Сараево, главный город Боснии. —263, 277, 280, 283—285, 292—293, 295—296, 299—300, 303, 312—313, 318—319, 323—325, 331, 333, 338, 347—349, 384, 410, 451, 489, 491, 522—524, 604, 613, 616, 629—630, 652.
Свеаборг, крепость на южном побережье княжества Финляндского в царской России, сейчас принадлежит Финляндии. —426.
Свинемюнде, порт на побережье Балтийского моря в Северной Германии. —528.
Северная Америка. —139.
Северная Манчжурия. —222.
Северное море. —56, 71, 139—141, 145—146, 150, 152, 216, 245, 482, 602, 664, 682, 686.
Северная Франция — см. Франция.
Седан, город во Франции у границы с Бельгией. —208, 210.
Семиградье — см. Зибенбюрген.
Сен-Дени, пригород Парижа. —461.
Сен-Кентен, город в Северной Франции. —232.
Сенжак, дачная местность близ Белграда, столицы Сербии (Югославии). —285.
Сероцк, город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —425.
Сиам, государство в Азии в западной части Индокитайского полуострова. — 75, 183.
Силезия, область в Центральной Европе, принадлежавшая до войны 1914—1918 гг. Германии и частично Австрии, после войны делится на Силезию германскую, польскую и чехословацкую. —177.
Сильт, остров в группе Фрисландских островов в Северном море (Германия). — 234.
Сирия, провинция в азиатской Турции на побережье Средиземного моря, после войны 1914—1918 гг. большая часть ее стала мандатным владением Франции. —296.
Сирмия, округ в Сербии у границы с Альбанией. —296.
Скапа Флоу, английская военно-морская база в округе Оркнейских островов *(см.)*. —665.
Соединенные штаты Америки (США). — 36, 41, 49, 53, 57, 118, 137, 140, 143, 277, 278.
София, столица Болгарии. — 347, 359—360, 493—494, 518, 629.
Спитхед, бухта у г. Портсмута на южном побережье в Англии. — 354.
Спалато, порт на побережье Адриатического моря в Далмации. —277.
Средиземное море. —47, 71, 106—107, 139—140, 144, 146—147, 150, 152, 216, 222, 247, 272, 604, 642, 644, 680—683, 686, 691.
Средний Восток — см. Средняя Азия.

Средняя Азия. —13, 105, 107, 221, 381.
Старая Сербия, в границах до 1912 г. —296, 358.
Стокгольм, столица Швеции. —455, 566.
Суэц — см. Суэцкий канал.
Суэцкий канал, канал, соединяющий Средиземное море с Красным морем и отделяющий Африку от Азии. —83, 216, 245.
Таза, город во французской колонии Марокко в Африке. —460.
Тайна, река в Северной Англии. —664.
Танжер, «интернациональный» порт в испанской части Марокко на берегу Атлантического океана. —91, 183, 606.
Темес-Кубин, деревушка на австрийском берегу Дуная у Белграда, после войны 1914—1918 гг. в Югославии. —368, 369.
Темза, река в Англии, на берегу которой находится столица Англии Лондон. —233.
Тетово, город в Сербии на границе с Албанией. —296.
Тибет, государство, раньше часть Китая, в 1912 г. фактически отделилась от последнего, граничит с Индией. —75, 107—108.
Тихий океан. —13, 53, 75, 139, 216.
Токио, столица Японии. —106.
Топчидер, дачная местность близ Белграда. —283.
Торн, крепость в провинции Западная Пруссия, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —150, 152.
Трансильвания — см. Зибенбюрген. —82, 328, 332.
Трентино, южная часть провинции Тироль в Австрии, после войны 1914—1918 гг. в Италии. —75, 510, 520, 529.
Триент, город в Тироле в Австрии, после войны 1914—1918 гг. в Италии. —510.
Триест, крупный порт на северном побережье Адриатического моря в провинции Истрия в Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. в Италии. —277, 347, 510.
Триполи, провинция Турции в северной Африке на берегу Средиземного моря, после итало-турецкой войны 1911—1912 гг. колония Италии. —161, 179.
Трир, город в Германии. —601.
Трук, остров в группе Маршалльских островов (*см*). —516.
Тулон, военно-морская база во Франции на побережье Средиземного моря. —245, 247, 463.
Тулуза, город на юге Франции. —281.
Туль, крепость во Франции, до войны находилась на границе с Германией. —462—463, 469.
Тунис, колония Франции в Африке на побережье Средиземного моря. —50, 91.
Турция. —38, 51—54, 76, 82—83, 88, 96, 98, 100, 103, 105, 108, 110—111, 114, 120, 133, 150—151, 159, 161—166, 170, 174, 221, 223—225, 251, 256, 267, 275, 314—316, 318, 323, 325, 383—384, 395, 518, 520, 595, 602, 664, 669.
Уджда, город во французском Марокко. —460.
Уоргрев, дачная местность в Юго-восточной Англии на Темзе. —672, 676, 684.
Ускюб, иначе Скоплие, город в Сербии (Югославии). —295—297, 351.
Усть-Двинск — см. Динамюнде.
Уши, город в Швейцарии, гавань Лозанны. —520.
Уэнц, район залежей руды во французском Марокко. —87.
Фец, город во французском Марокко —160, 202, 229, 460.
Федерация Малайских государств, английская колония на Малаккском полуострове в Азии. —243.
Финляндия. —101—102.
Финский залив, часть Балтийского моря. —426.
Фиуджи, курорт в западной части Центральной Италии. —354.
Фиуме, порт на побережье Адриатического моря в Австро-Венгрии, с 1914 г. принадлежит Италии. —277.
Ханькоу, город на реке Янцзы в Китае. —666.
Хиос, остров в Эгейском море, принадлежащий Греции. —394.
Холм, сначала уездный (Люблинской губ.), потом губернский город в Царстве Польском, сейчас принадлежит Польше. —426.
Хорватия, провинция Австро-Венгрии, после войны 1914—1918 гг. вошла в состав Югославии. —276, 347.

Христиания — см. Осло.
Царство Польское, часть царской России (десять польских губерний), после войны 1914—1918 гг. часть Польши. —99, 102.
Центральная Азия — см. Средняя Азия.
Центральная Африка. —83.
Цетинье, столица Черногории, после войны 1914—1918 гг. и объединения с Сербией город в Югославии. —290, 294, 352, 360, 386.
Цусима, остров между Японией и Кореей в Корейском проливе, соединяющем Желтое море с Японским морем. —110, 139, 144.
Чатам-Ширнес, военно-морская база на восточном побережье Англии. —140.
Черногория, государство в Европе на Балканском полуострове, после войны 1914—1918 гг. присоединено к Югославии. —163—164, 166—167, 266, 314—316, 352—353, 379, 385.
Черновицы, город в провинции Буковина в Австро-Венгрии, сейчас принадлежит Румынии. —369.
Черное море. —47, 98, 106, 142, 687.
Ченстохов, город в Царстве Польском, после войны 1914—1918 гг. в Польше. —425.
Чехия, провинция Австрии, сейчас область в Чехословакии. —381.
Чили, государство в Южной Америке. —150—151.
Шабац, город в северной части Сербии на Дунае. —283, 298, 348, 356, 363, 375.
Шабацкий округ, район, прилегающий к городу Шабац (*см.*). —359.
Шалон на Марне, город в северо-восточной части Франции. —466.
Швейцария. —49—50, 73, 113, 277, 278.
Швеция. —50, 73, 87, 101, 395, 542, 566.
Шельда, река, протекающая через территорию Франции, Бельгии и Голландии, впадает в Северное море. —206.
Шенбрунн, императорский замок в Австро-Венгрии около Вены, после войны 1914—1918 гг. дачная местность. —375.
Шербург, порт во Франции на северо-западном побережье Атлантического океана. —682.
Шибеник, порт в Далмации (*см.*). —277.
Шлезвиг-Гольштейн, прусская провинция в Германии, после войны 1914—1918 гг. северная часть Шлезвига, захваченная в 1864 г. Пруссией, отошла к Дании. —184—185, 234.
Штутгарт, главный город Виртемберга (Германия). —111.
Э-ля-Шапель (Аахен, Ахен), город в Пруссии (Рейнская провинция) на границе с Бельгией. —248.
Эйпен, город в Бельгии. —208.
Эльзас, провинция Франции, захваченная в 1870 г. Пруссией, после войны 1914—1918 гг. возвращена Франции. —87, 93, 518.
Эпиналь, крепость в восточной Франции, до войны 1914—1918 гг. находилась у границы с Германией. —463, 469.
Эпир, горный хребет в Греции и Албании. —410.
Эрбесталь, город в восточной Бельгии. —463.
Южная Америка. —51—52, 230.
Южная Атлантика, южная часть Атлантического океана. —139.
Южная Африка — см. Африка.
Южный Иран. —54, 216.
Южноафриканский союз, английский доминион в южной части Африки. —244.
Ютландский полуостров, в северной части Западной Европы, в основном территория Дании. —149.
Ямайка, остров в группе Вест-Индских островов в Карибском море, колония Англии. —243, 666.
Ян-цзы, крупнейшая река в Азии, протекает главным образом по территории Китая. —104.
Япония. —13, 38, 41, 47, 50, 58, 96, 103—105, 107, 110, 120, 125, 140—141, 144, 220—222, 358, 397.
Японские острова. — см. Япония.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Несколько замечаний редактора 5
От автора 9
Введение 12

Глава первая

Корни мирового конфликта 36

Глава вторая

Дипломатическая подготовка войны Австро-германским блоком 127

Глава третья

Дипломатическая подготовка войны Антантой 172

Глава четвертая

Сараево 275

Глава пятая

Австро-сербский конфликт 313

Глава шестая

Царская Россия накануне войны 381

Глава седьмая

Франция в июльские дни 1914 г. 449

Глава восьмая

„Великое решение" Германии 488

Глава девятая

Тактика Англии 604
Указатель имен 698
Указатель географических названий 718

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
Герм.-австр. блок и примыкающ. к нему страны
Антанта и примыкающие к ней страны
МАСШТАБ
0 120 240 360 км
СЕВЕРНЫЙ ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАН
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
ИСЛАНДИЯ
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
БОТНИЧЕСКИЙ ЗАЛ.
БЕЛОЕ МОРЕ
Архангельск
ОЗ. ОНЕЖСКОЕ
ОЗ. ЛАДОЖСКОЕ
ФИНСКИЙ ЗАЛ.
Гельсингфорс
С. ПЕТЕРБУРГ
Ревель
Перное
Новгород
Псков
Тверь
Москва
Рига
Зап. Двина
Витебск
Смоленск
Ковно
Вильно
Гродно
Минск
Сувалки
Орел
Десна
ХРИСТИАНИЯ
СТОКГОЛЬМ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
Эдинбург
ДУБЛИН
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ДАНИЯ
КОПЕНГАГЕН
Тильзит
Данциг
Кенигсберг
Киль
Гамбург
Бремен
Штеттин
БЕРЛИН
ГЕРМАНИЯ
АМСТЕРДАМ
ЛОНДОН
ПА-ДЕ-КАЛЕ
БРЮССЕЛЬ
БЕЛЬГИЯ
Дрезден
Бреславль
Варшава
Радом
Припять
Зап. Буг
Киев
Днепр
Франкфурт
Гавр
ПАРИЖ
Сена
Нант
Луара
Прага
Краков
Львов
Каменец-Подольск
Днестр
БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ
ФРАНЦИЯ
Дунай
Мюнхен
ВЕНА
Черновицы
Кишинев
Одесса
БЕРН
ШВЕЙЦАРИЯ
АВСТРО-ВЕНГРИЯ
Будапешт
Яссы
Бордо
Женева
Милан
Триест
Симферополь
Опорто
Дуэро
Эбро
МАДРИД
Тахо
ЛИССАБОН
ПОРТУГАЛИЯ
ИСПАНИЯ
Марсель
Генуя
ЛИГУРИЙСКОЕ МОРЕ
Барселона
О. КОРСИКА
Ливорно
РИМ
ИТАЛИЯ
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
Сараево
БЕЛГРАД
СЕРБИЯ
РУМЫНИЯ
БУХАРЕСТ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
СОФИЯ
БОЛГАРИЯ
ЧЕРНОГ.
АЛБАНИЯ
Валенсия
БАЛЕАРСКИЕ
О. САРДИНИЯ
Севилья
ТИРРЕНСКОЕ МОРЕ
Неаполь
Салоники
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Брусса
Смирна
ТУРЦИЯ
ГРЕЦИЯ
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
Мессина
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
О. СИЦИЛИЯ
АФИНЫ
О. КРИТ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
АФРИКА

M 1082.7

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
32	13 снизу	and Harold	Goock and Harold
„	6 „	office Goock	office 5
33	1 „	Сер я II	Серия III
39	21 „	в 1880 г.	в 1880 гг.
41	таблица, предпоследняя графа, 2 строка.	392	1932
72	20 снизу	Антантой	Англией
95	сноска 1	и „Материалы	, „Материалы
125	4 сверху	пропаганда	антивоенная пропаганда
277	5 „	националистична	националистичка
287	сноска 1	ответы	отчеты
305	27 сверху	возглавляет	возлагает
316	18 снизу	турецко-болгарском	турецко-германском
462	11 сверху	визиции военными властями всех пригодных для перевозок вечером 6 и утром 7 июля	к 28 июля перевозках войск на север к германской границе, рек- вечером 5 и утром 6 июля
512	21 „	(см. стр. 560)	(см. выше)
560	12 снизу	условие обещания	условные обещания
571	5 сверху	не больше	больше
599	16 снизу	У, № 290	I, № 289
610	сноска 2 стр. 3	„что-то	„что-то“
618	10 снизу	австро-венгерскую	австро-сербскую
623	15 „	„Daily Telegraph“	Сравн. аналогичные признания в дневнике Асквита — см. „Daily Telegraph“
638	сноска	осложнения.	осложнения“.
639	22 сверху	sit fage	its face
668	13 снизу	Пануза	Панузом
676	16 сверху	результатами“.	результатами“ 1.
686	11 снизу	кабинета 1.	кабинета.
„	5 „	Гайдман	Гайнман
701	„ „	1906—1910 гг.	1910—1916 г.
710	20 сверху	Римбольд	Рембольд
712	9 „	1812	1912
716	5 „	(stûrgh)	(S ürgkh)
„	8 снизу	пост	порт
721	7 „		

M 1082 Z

8.

M 10827

AS